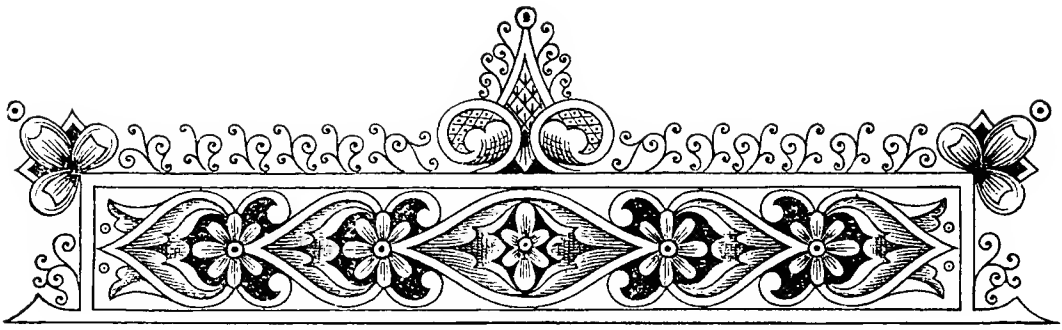
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

МѢСЯЦЪ НОЯБРЬ

ЖЮЛЬ ВЕРНЪ

ЖИЛЛЬ СВЯЗРИЗЪ



День первый

ЖИТІЕ и ЧУДЕСА

СВЯТЫХЪ БЕЗСРЕБРЕННИКОВЪ и ЧУДОТВОРЦЕВЪ

КОСМЫ и ДАМІАНА

Святые Косма и Даміанъ, братья по плоти, были родомъ изъ Азіи[1]). Отецъ ихъ былъ язычникъ, мать же, по имени Ѳеодотія,—христіанка. Пребывая по смерти своего мужа во вдовствѣ и проводя время въ усерднѣйшемъ служеніи Христу, она всю свою жизнь посвятила на то, чтобы благоугодить Богу. И была она, какъ та вдовица, которую восхваляетъ Апостолъ: **истинная вдовица и уединена уповаетъ на Бга, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь**[2]). Живя Богоугодно сама, она научила тому же и возлюбленныхъ дѣтей своихъ — Косму и Даміана, ибо воспитала ихъ въ добромъ наставленіи вѣрѣ христіанской и въ

---

1) *Азія*, иначе *Асія*,—это наименованіе употреблялось въ древности не въ одинаковомъ смыслѣ. Первоначально оно означало небольшую, обильную водами, болотистую равнину въ Лидіи, т. е. средину западной части нынѣшняго малоазійскаго полуострова, на восточномъ берегу Эгейскаго моря. Римляне дѣлили упомянутый полуостровъ на двѣ, приблизительно равныя, части: одну, сѣверо-восточную, лежащую при Черномъ морѣ (Понтѣ Евксинскомъ), называли Понтомъ, другую, юго-западную, называли собственно Асіею; каждая часть дѣлилась на нѣсколько (не всегда одинаковое число) провинцій; по утвержденіи христіанства каждая изъ послѣднихъ дѣлилась, въ свою очередь, въ церковномъ отношеніи на нѣсколько епископій (еще въ Апокалипсисѣ упоминается о 7 Асійскихъ церквахъ—гл. 1, ст. 4, 11). Съ теченіемъ времени наименованіе Азіи стали прилагать ко всему нынѣшнему малоазійскому полуострову, наконецъ—ко всей вообще части свѣта, лежащей на востокъ отъ нашей Европы, на одномъ съ нею материкѣ.

2) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 5, ст. 5. Слово *уединена* значитъ здѣсь: *одинокая*.

изученіи Божественныхъ Писаній и наставила ихъ на всякую добродѣтель. Придя въ совершенный возрастъ и утвердившись въ непорочной жизни, по закону Господню, Косма и Даміанъ были какъ бы два свѣтильника на землѣ, сіяющіе добрыми дѣлами. Они получили отъ Бога даръ исцѣленій и подавали здравіе душамъ и тѣламъ, врачуя всякія болѣзни, исцѣляя всякій недугъ и всякую язву среди людей и изгоняя злыхъ духовъ. Они подавали помощь не только людямъ, но и скоту, и ни отъ кого ничего не брали за сіе: ибо они дѣлали все сіе не ради прибытка, не для обогащенія золотомъ и серебромъ, но ради Бога, желая чрезъ любовь къ ближнимъ выразить свою любовь къ Нему. И не своей славы искали они этимъ врачевствомъ среди людей, но славы Божіей, и исцѣляли недуги для прославленія Имени Господа, даровавшаго имъ такую силу врачеванія. Они избавляли отъ болѣзней не столько травами, сколько Именемъ Господнимъ, безъ платы и награды, тꙋне, во исполненіе заповѣди Христовой: тꙋне пріѧсте, тꙋне дадѝте[1]). Посему они и получили отъ вѣрующихъ наименованіе безмездныхъ врачей и безсребренниковъ. Пройдя такъ добродѣтельно поприще своей жизни, они мирно и благочестиво скончались. Они прославились многими чудесами не только въ теченіе своей жизни, но и по смерти, и суть теплые предстатели и добрые цѣлители нашихъ болѣзней, душевныхъ и тѣлесныхъ.

О нестяжательности ихъ и безмездномъ врачеваніи есть такое сказаніе.

Нѣкоторая женщина, по имени Палладія, въ теченіе многихъ лѣтъ лежала на одрѣ болѣзни и не получала никакой помощи отъ различныхъ врачей. Услыхавъ о святыхъ Космѣ и Даміанѣ, что они исцѣляютъ всякія болѣзни, она послала къ нимъ съ просьбою, чтобы они посѣтили ее предъ смертію. Святые, внявъ сей просьбѣ, пошли въ домъ ея, и тотчасъ эта женщина, по вѣрѣ своей, получила исцѣленіе чрезъ пришествіе къ ней святыхъ врачей и встала здоровою, славя Бога за дарованіе Своимъ рабамъ таковой благодати исцѣленій. Изъ благодарности къ своимъ врачамъ за сіе благодѣяніе она хотѣла сдѣлать имъ подарокъ. Но они не брали ничего, никогда и ни отъ кого, ибо не продавали благодати, которую имѣли отъ Бога. Женщина вознамѣрилась умолить, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ, чтобы принялъ отъ нея

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 8. Слово *туне* и означаетъ *даромъ, безъ платы.*

самый малый даръ: взявъ три яйца, она пришла тайно къ святому Даміану и заклинала его Богомъ, чтобы онъ взялъ отъ нея эти три яйца во Имя Святой Троицы; Даміанъ, слыша Имя Тріединаго Бога, взялъ отъ женщины этотъ малый даръ, ради той великой клятвы, которою она закляла его. Святый Косма, узнавъ потомъ объ этомъ, очень опечалился и предъ своею кончиною сдѣлалъ завѣщаніе, чтобы не погребали Даміана возлѣ него, ибо онъ нарушилъ заповѣдь Господню и принялъ отъ женщины награду за исцѣленіе.

Ст҃іи безсре́бреницы
Косма̀ и Дамі̏а́нъ

Святый Косма почилъ о Господѣ, а съ теченіемъ времени пришелъ часъ кончины и Даміана, и онъ преставился отъ временной жизни къ вѣчной.

Люди были въ затрудненіи— гдѣ погребать Даміана, ибо знали о завѣщаніи святаго Космы и не смѣли положить возлѣ него брата его.

Въ то время какъ они недоумѣвали, внезапно пришелъ верблюдъ, который былъ прежде бѣсноватымъ и получилъ исцѣленіе отъ святыхъ. Онъ проговорилъ человѣческимъ голосомъ, чтобы не сомнѣвались положить Даміана близъ Космы, такъ какъ онъ взялъ отъ женщины три яйца не ради награды, но ради имени Божія.

Такимъ образомъ, честны́я мощи ихъ были положены вмѣстѣ, въ такъ называемомъ Фереманѣ[1]).

---

[1]) *Фереманъ* находился въ Месопотаміи на два дня пути отъ *Амида* (по-турецки называемый Діаръ-Бекира, въ верховьяхъ р. Тигра) и былъ разрушенъ Турками при первыхъ завоеваніяхъ ихъ; при этомъ мощи свв. Космы и Даміана перенесены были въ Амидъ, гдѣ почиваютъ и донынѣ.

Однажды, во время жатвы, одинъ изъ жителей тѣхъ мѣстъ вышелъ жать на ниву свою. Изнемогши отъ солнечнаго зноя и намѣреваясь отдохнуть, онъ пошелъ подъ дубъ, легъ и крѣпко уснулъ. Во время сна ему чрезъ открытый ротъ вползла змѣя. Пробудившись, земледѣлецъ сразу не почувствовалъ никакой боли, такъ что снова принялся за работу на своей нивѣ. Съ наступленіемъ же вечера, когда земледѣлецъ пришелъ домой и послѣ ужина легъ на постель, то почувствовалъ страшную боль оттого, что змѣя начала терзать его внутренности. Больной, не вынося страданій, сталъ кричать, чѣмъ пробудилъ отъ сна всѣхъ домашнихъ. Послѣдніе, подойдя къ больному и видя его страшныя мученія, ничѣмъ, однако, не могли помочь; они даже не могли понять, что это была за болѣзнь. Тогда больной, не получивъ никакой помощи отъ окружавшихъ, прибѣгъ къ скорымъ помощникамъ Космѣ и Даміану и воскликнулъ: «Святые врачи, Косма и Даміанъ, помогите мнѣ!» Святые тотчасъ поспѣшили съ своею помощію: больной крѣпко заснулъ, и во время сна изо рта выползла змѣя. Видѣвшіе сіе чудо ужаснулись и прославили святыхъ угодниковъ. Когда змѣя выползла, мужъ тотъ тотчасъ пробудился и, съ помощію святыхъ безсребренниковъ, выздоровѣлъ совершенно.

Былъ въ томъ мѣстѣ другой мужъ, по имени Малхъ. Онъ жилъ близъ храма святыхъ врачей, Космы и Даміана, въ Фереманѣ. Намѣреваясь отправиться въ далекій путь, онъ повелъ свою жену къ храму и сказалъ ей:

— Вотъ, я ухожу въ далекій путь, тебя же вручаю подъ защиту Космѣ и Даміану; оставайся дома, пока не пришлю тебѣ условленный знакъ о себѣ, который ты признаешь за мой. И если Богъ восхощетъ, то пришлю тебѣ этотъ знакъ и возьму тебя къ себѣ.

Поручивъ такимъ образомъ жену свою святымъ, Малхъ отправился въ путь. По прошествіи нѣсколькихъ дней діаволъ принялъ образъ нѣкотораго знакомаго человѣка и, придя къ женѣ Малха, показалъ ей тотъ знакъ, на который указывалъ ей мужъ, говоря: «Пришлю тебѣ знакъ и возьму тебя къ себѣ».

Показывая ей сей знакъ, діаволъ велѣлъ идти за нимъ къ мужу.

— Меня,—сказалъ онъ,—прислалъ твой мужъ за тобою, чтобы привести тебя къ нему.

Женщина сказала:

— Знакъ этотъ я знаю, но идти не хочу, ибо я поручена святымъ безсребренникамъ Космѣ и Даміану; и если хочешь,

чтобы я пошла съ тобой къ мужу, то пойдемъ со мною ко храму святыхъ, возьмись за край алтаря и поклянись мнѣ, что не причинишь мнѣ на пути никакого зла.

Діаволъ далъ такое обѣщаніе и, подойдя съ нею къ храму, взялся за край алтаря и клялся, говоря:

— Клянусь силами Космы и Даміана,—не причиню дорогою тебѣ зла, но приведу тебя къ мужу твоему.

Женщина, услышавъ клятву, повѣрила лживому бѣсу, бывшему въ образѣ знакомаго человѣка, и пошла за нимъ въ путь. Обольститель же, взявъ ее, завелъ въ мѣсто пустое и непроходимое и хотѣлъ оскорбить ее тамъ и убить. Она, видя себя въ крайнемъ бѣдствіи, возвела очи къ Небу и возопила изъ глубины сердца къ Богу:

— Боже, по молитвамъ святыхъ твоихъ, Космы и Даміана, помоги мнѣ и поспѣши избавить меня изъ рукъ сего убійцы!

И тотчасъ явились скорые помощники — святые безсребренники Косма и Даміанъ. Діаволъ, увидѣвъ ихъ, оставилъ женщину и бѣжалъ; поднявшись на высокій берегъ, онъ низринулся въ пропасть и исчезъ, а святые, взявъ женщину, привели въ домъ ея.

Женщина, кланяясь имъ, говорила:

— Благодарю васъ, господа мои, что избавили меня отъ горькой погибели. Умоляю васъ,—скажите мнѣ, кто вы, чтобы мнѣ знать, кому воздавать благодарность до конца жизни моей.

Они сказали:

— Мы—рабы Христовы, Косма и Даміанъ, которымъ поручилъ тебя твой мужъ предъ отправленіемъ въ путь, потому мы и поспѣшили къ тебѣ на помощь и избавили тебя, по благости Божіей, отъ діавола.

Слыша это, женщина упала на землю отъ страха и радости, святые же стали невидимы. И восклицала женщина, восхваляя и благодаря Бога и святыхъ рабовъ Его, Косму и Даміана. Придя въ храмъ, она припала со слезами къ иконѣ святыхъ и разсказала всѣмъ о томъ, что было,—какъ Господь явилъ къ ней милость по молитвамъ Своихъ угодниковъ. Молилась же она такими словами:

«Боже отцовъ нашихъ—Авраама, Исаака, Іакова—и сѣмени ихъ праведнаго! Ты угасилъ огненную печь для трехъ отроковъ[1]),

[1]) Здѣсь разумѣются три еврейскихъ отрока—Ананія, Азарія и Мисаилъ. Находясь въ Вавилонскомъ плѣну, они отказались воздавать поклоненіе сооруженному Навуходоно-

Ты помогъ рабѣ твоей Ѳеклѣ на позорищѣ[1]); благодарю Тебя, что избавилъ и меня грѣшную отъ діавольской сѣти чрезъ угодившихъ Тебѣ Косму и Даміана. Поклоняюсь Тебѣ, творящему дивныя и преславныя чудеса, и славлю Тебя, Отца, Сына и Святаго Духа, во вѣки. Аминь».

Тропа́рь безсре́бреникѡмъ, гла́съ и҃:

Ст҃і́и безсре́бреницы и҆ чꙋдотво́рцы, космо̀ и҆ дамїа́не, посѣти́те не́мѡщи на́шѧ: тꙋ́не прїѧ́сте, тꙋ́не дади́те на́мъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Бл҃года́ть прїи́мше и҆сцѣле́нїй, простира́ете здра́вїе сꙋ́щымъ въ нꙋ́ждахъ вра́чеве, чꙋдотво́рцы пресла́внїи: но ва́шимъ посѣще́нїемъ ра́тникѡвъ де́рзѡсти низложи́те, мі́ръ и҆сцѣлѧ́юще чꙋдесы̀.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

КЕСАРІЯ и ДАСІЯ

Святые Кесарій и Дасій были захвачены въ городѣ Дамаскѣ[2]) и, преданные различнымъ мукамъ, не отреклись отъ христіанской вѣры, за что и были усѣчены мечомъ и получили мученическіе вѣнцы[3]).

соромъ золотому истукану, были ввергнуты за это, по приказанію царя, въ сильно разжженную печь, но чудесно, по милости Божіей, остались въ ней невредимыми, даже—со всѣми своими одеждами (Кн. Прор. Дан., гл. 3).

[1]) Здѣсь разумѣется святая равноапостольная Ѳекла. Память ея празднуется 24 сентября.

[2]) *Дамаскъ* —главный, богатѣйшій торговый городъ Сиріи; лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Палестины, при р. Барадѣ, протекающей чрезъ него, въ прекрасной и плодоносной равнинѣ, при восточной подошвѣ Анти-Ливана. Въ настоящее время Дамаскъ, входящій въ составъ Турецкой имперіи, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Азіи и имѣетъ до 150 000 жителей.

[3]) Святые пострадали при взятіи г. Дамаска магометанами (VII в.). Имена пострадавшихъ со святыми Кесаріемъ и Дасіемъ слѣдующія: Савва, Савиніанъ, Агриппа, Адріанъ и Ѳома.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЕРМИНИНГЕЛЬДА,

царевича Готскаго

Ерминингельдъ, сынъ царя Готскаго [1]) Леовигильда [2]), былъ обращенъ изъ аріанской ереси [3]) къ православной вѣрѣ испанскимъ епископомъ Леандромъ. Леовигильдъ, будучи самъ аріаниномъ, былъ огорченъ тѣмъ, что сынъ его оставилъ аріанское зловѣріе, и старался отвратить его отъ Православія и снова возвратить къ своей ереси. Онъ убѣждалъ его ласковыми словами какъ отецъ, умоляя и увѣщавая оставить каѳолическую вѣру и мыслить заодно съ нимъ, какъ и прежде; когда же увидѣлъ его непреклонность, то началъ устрашать его угрозами мученій и ранъ. Но сынъ оставался непоколебимъ въ вѣрѣ, какъ столпъ, не придавая никакого значенія ни ласкамъ, ни угрозамъ отца. Леовигильдъ, воспылавъ на него сильною яростію, прежде всего лишилъ своего сына царскаго престола и соправленія, наслѣдства и всего имущества;

---

1) Готы жили на востокъ отъ Дуная и раздѣлялись рѣкою Днѣстромъ на остъ-готовъ и вестъ-готовъ. Съ III в. по Р. Хр. они стали входить въ сношенія съ римлянами, на которыхъ дѣлали безпрестанныя нападенія, и постепенно стали принимать отъ нихъ христіанство. Во 2-й половинѣ IV в., тѣсниые выходцами изъ Азіи гуннами, вестъ-готы получили позволеніе поселиться во Ѳракіи, въ предѣлахъ Римской имперіи, подъ условіемъ обязательнаго принятія всѣми ими христіанства. Послѣднее распространилось у нихъ въ формѣ аріанства. По удаленіи изъ предѣловъ Римской имперіи вестъ-готы перенесли аріанство въ Испанію, гдѣ основали въ 415 г. свое государство. Здѣсь происходили впослѣдствіи излагаемыя въ настоящемъ житіи событія.

2) Царствовалъ во 2-й половинѣ VI в. Онъ сдѣлалъ своего сына, св. Ерминингельда, своимъ соправителемъ, причемъ мѣстопребываніемъ ему назначилъ Севилью, а самъ жилъ въ Толедо (испанскіе города).

3) Названіе ереси происходитъ отъ имени Арія, александрійскаго пресвитера, жившаго въ IV в. Желая устранить изъ христіанскаго ученія о троичности Лицъ въ Богѣ все непостижимое для разума, Арій училъ, что Сынъ Божій не рождается предвѣчно изъ существа Бога Отца, а сотворенъ Имъ изъ небытія во времени, не единосущенъ Ему и не равночестенъ. Въ этой ереси скрытно заключалось рѣшительное отрицаніе Божества Іисуса Христа и нашего искупленія Имъ, короче—ниспроверженіе всего христіанства. Аріанство имѣло большое распространеніе и на христіанскомъ Востокѣ, и на Западѣ. Оно долго волновало умы и производило смуты въ Церкви,—даже и послѣ того, какъ было осуждено на 1-мъ Вселенскомъ Соборѣ въ Никеѣ въ 325 г. Эта ересь встрѣтила наиболѣе сильнаго и ревностнаго противника себѣ, на Соборѣ и послѣ него, въ лицѣ св. Аѳанасія Александрійскаго.

потомъ, не видя перемѣны въ его мысляхъ, оковалъ ему шею, руки и ноги желѣзными оковами и ввергнулъ въ тѣсную и мрачную темницу. Но блаженный Ерминингельдъ, хотя и былъ юнъ лѣтами, но—старъ разумомъ: пренебрегая земнымъ царствованіемъ, онъ искалъ всею душою Небеснаго и, лежа связаннымъ въ темницѣ, молился всесильному Богу, чтобы Онъ укрѣпилъ его въ этомъ страданіи. При наступленіи великаго праздника св. Пасхи царь Леовигильдъ, призвавъ одного аріанскаго епископа, послалъ его ночью къ своему сыну, въ темницу, чтобы Ерминингельдъ принялъ изъ рукъ сего епископа ихъ аріанское причастіе: и если онъ причастится отъ него, обѣщалъ снова возвратить прежнюю родительскую любовь и честь. Но святый страстотерпецъ, съ негодованіемъ отвращаясь аріанскаго епископа и доблестно обличивъ его зловѣріе, прогналъ его отъ себя, не принявъ еретическаго причащенія. Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ онъ былъ причащенъ нѣкоторымъ православнымъ пресвитеромъ, тайно присланнымъ къ нему св. епископомъ Леандромъ; аріанскій же епископъ возвратился къ отцу посрамленнымъ и пересказалъ ему все, слышанное отъ сына. Тогда царь, исполнившись невыразимой ярости и заскрежетавъ зубами, тотчасъ послалъ изъ среды своихъ бояръ нарочитыхъ мужей, давъ имъ приказаніе убить сына своего Ерминингельда въ темницѣ; тѣ пошли и отрубили сѣкирою честную его главу. И слышны были сладостнѣйшіе голоса святыхъ Ангеловъ, поющихъ надъ святымъ тѣломъ его, и были видны ночью горящія свѣчи. Вѣрующіе, видя сіе, радовались и благодарили Бога, прославляющаго такими чудесами Своего вѣрнаго раба послѣ страдальческой кончины его; зловѣрные же стыдились и ужасались. Дѣтоубійца-отецъ, раскаявшись въ безвинно совершенномъ убійствѣ, заболѣлъ отъ скорби; онъ хотѣлъ отказаться отъ аріанства и принять Православіе, но боялся аріанъ и, такимъ образомъ, не сподобился быть сопричисленнымъ къ православнымъ. Когда же приблизилась его кончина, то онъ почтительно призвалъ къ себѣ бывшаго въ то время епископомъ Леандра,—котораго ранѣе не любилъ и преслѣдовалъ,—и умолялъ его, чтобы тотъ младшаго его сына Рехадера, котораго сдѣлалъ наслѣдникомъ своего царства, такъ же наставилъ своимъ Боговдохновеннымъ ученіемъ въ Православіи, какъ и Ерминингельда. Леовигильдъ умеръ, а Рехадеръ, воцарившись, тотчасъ принялъ православную вѣру, по наставленію св. епископа Леандра,

и привелъ къ благовѣрію всю землю Готскую[1]), которая ранѣе была заражена аріанскою ересью. Тѣло св. Ерминингельда, своего старшаго брата, онъ почтилъ подобающей честью какъ мученика Христова, на которомъ сбылось евангельское слово: **а҆́ще зе́рно пшени́чно па́дъ на зе́млю не ᲂу҆́мретъ, то є҆ди́но пребыва́етъ, а҆́ще же ᲂу҆́мретъ, мно́гъ пло́дъ сотвори́тъ**[2]), Ибо страстотерпецъ Христовъ, подобно пшеничному зерну, лишь одинъ изъ готовъ умеръ за Христа, но плодомъ его смерти стала православная жизнь всего народа той земли: всѣ начали православно вѣровать во Христа Бога, Единосущнаго и Равночестнаго Отцу и Святому Духу, Емуже слава во вѣки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИЦЪ

КИРІЕНЫ и ІУЛІАНІИ

Святыя жены Киріена и Іуліанія пострадали въ царствованіе императора Максиміана[3]). Киріена происходила изъ города Тарса, Киликійской области, Іуліанія же—изъ города Россона[4]). За исповѣданіе христіанской вѣры они были схвачены правителемъ Маркіаномъ, который принуждалъ ихъ отречься отъ Христа. За твердость въ истинной вѣрѣ Маркіанъ приказалъ нечестивымъ воинамъ остричь Киріенѣ голову, обрѣзать вѣки и, обнаживши, водить вокругъ города Тарса[5]). Затѣмъ ее вмѣстѣ со святою Іуліаніею, отведши въ городъ Россонъ, предали сожженію.

---

1) Св. Ерминингельдъ умеръ мученическою смертію въ 586 году, а въ 589 году, на соборѣ Толедскомъ, готы отказались отъ аріанства и приняли Православіе.

2) Еванг. отъ Іоанн., гл. 12, ст. 24.

3) Здѣсь разумѣется *Максиміанъ Галерій,* бывшій сначала соправителемъ Діоклетіана, а затѣмъ—императоромъ восточной части Римской имперіи съ 305 по 311 г.

4) *Тарсъ,* древняя столица Киликіи, юго-восточной области Малой Азіи, теперь *Тарсо,* или *Терсусъ.* Этотъ городъ былъ родиной Апостола Павла. *Россонъ,* или *Росъ*—немного сѣвернѣе Антіохіи Сирійской.

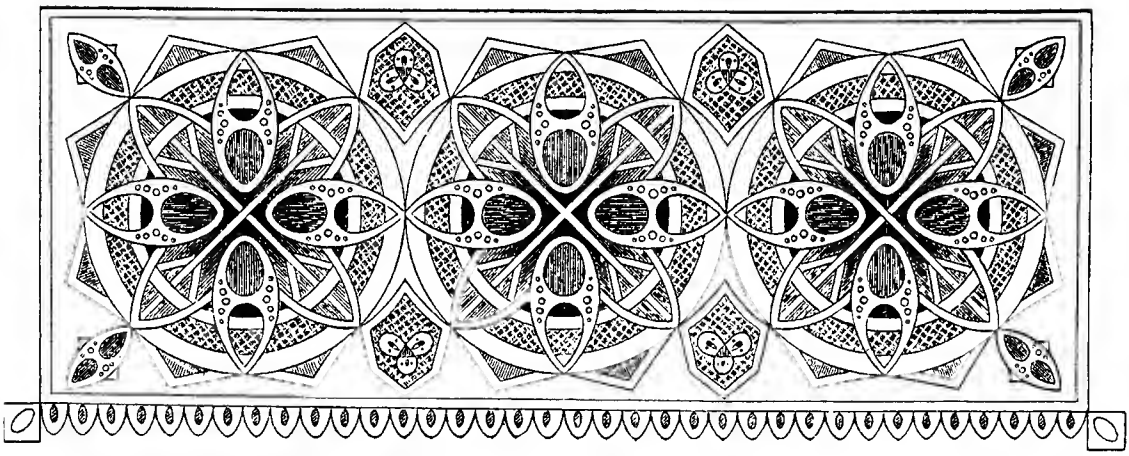
5) По мѣсяцеслову Василія, св. Киріену возили нагою на ослѣ и били ее палками. Но святая, по ея молитвамъ, не представлялась людямъ нагою.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВЪ

ІОАННА и ІАКОВА

Святые Іоаннъ и Іаковъ были: первый—епископомъ, а второй—пресвитеромъ, при Сапорѣ Персидскомъ[1]). Они многихъ привели ко благочестію, за что были схвачены царемъ и преданы различнымъ скорбямъ и мукамъ. Послѣ мученія они были усѣчены мечомъ.

[1]) *Сапоръ II,* —извѣстный подъ именемъ Великаго,—персидскій царь, царствовалъ съ 310 по 381 г. по Р. Хр.; извѣстенъ счастливыми войнами съ римлянами; былъ жестокимъ гонителемъ христіанства.



День второй

СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АКИНДИНА, ПИГАСІЯ, АНЕМПОДИСТА, ЕЛПИДИФОРА и АФВОНІЯ

Когда Персидскій царь Сапоръ [1]), омраченный идолослуженіемъ [2]) и исполненный всякаго беззаконія, воздвигъ въ своей странѣ великое гоненіе на христіанъ, то въ это время между его придворными было три тайныхъ христіанина: Акиндинъ, Пигасій и Анемподистъ. Служа скрытно Христу, они тайно приводили многихъ своимъ ученіемъ къ тому же благочестію. Нѣкоторые

---

[1]) Персы въ Свящ. Писаніи называются еламитами, какъ происшедшіе отъ Елама, сына Симова. Они жили въ Азіи, близъ Персидскаго залива (заключеннаго между Аравійскимъ полуостровомъ и материкомъ). Упоминаемый здѣсь царь *Сапоръ*,—вѣроятно—Сапоресъ II, жилъ въ IV в., см. о немъ выше на стр. 14, прим. 1. Въ подданныхъ христіанахъ онъ склоненъ былъ видѣть тайныхъ союзниковъ своихъ враговъ—римлянъ. Смерть мучениковъ Акиндина, Пигасія, Анемподиста и друг. послѣдовала, по однимъ свидетельствамъ, въ 330 г., по другимъ—въ 345-мъ г.

[2]) Персы почитали верховнымъ богомъ Миеру, или солнце. Они поклонялись также огню и признавали два божества: творца всего добраго—Ормузда и виновника всякаго зла—Аримана. Основателемъ этой религіи считается Зороастръ, главная священная книга Персовъ—Зеидъ-Авеста.

оклеветали этихъ трехъ святыхъ предъ царемъ, что они не только сами вѣруютъ въ Распятаго, но и другихъ заражаютъ, какъ ядомъ, такою же вѣрою.

Царь сказалъ съ гнѣвомъ клеветникамъ:

— Почему вы, давно зная о такихъ людяхъ, не донесли мнѣ и не представили ихъ ко мнѣ?

Они сказали:

— Державный царь! Если прикажешь, мы сейчасъ же представимъ ихъ тебѣ.

Царь тотчасъ далъ такое приказаніе, и они пошли, чтобы взять ихъ. Когда они подошли къ дому, въ которомъ пребывали святые, то нашли двери запертыми; ибо вѣрные рабы Господни стояли на молитвѣ и не хотѣли отпереть людямъ, пребывая въ бесѣдѣ съ Богомъ. Тѣ выломали двери, схватили святыхъ и, связавъ, повели предъ лице царя.

Царь, увидѣвъ святыхъ, началъ кротко спрашивать ихъ:

— Откуда вы, дѣти мои?

Святые отвѣчали:

— Объ отечествѣ ли нашемъ спрашиваешь насъ, царь? Отечество наше и жизнь наша есть Пресвятая, Единосущная и Нераздѣльная Троица—Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, Единый Богъ.

Царь сказалъ:

— Вы весьма дерзки и смѣете исповѣдывать предо мною иного Бога, потому что еще не испытали, что такое раны и разнаго рода мученія.

Святые отвѣчали:

— Мы смѣлы надеждою на Бога нашего и готовы принять за Него всякія раны и мученія; если не вѣришь словамъ нашимъ, испытай самымъ дѣломъ: наноси раны, причини, какія хочешь, мученія — и увидишь, отвергнемся ли мы отъ нашего Бога.

Когда святые говорили это, прославляя Единаго Бога и обличая царя за его многобожіе, то царь разгнѣвался и повелѣлъ каждаго изъ нихъ, распростерши по землѣ, четыремъ человѣкамъ бить суковатыми палками. Святые же благословляли, среди побоевъ, Бога, единогласо говоря:

— Призри, Господи,—не умолчи и не отступи отъ насъ, чтобы всѣ уразумѣли могущество десницы Твоей, и Самъ, Господи, помоги намъ.

Ст҃і́и мч҃нцы
а҆кі̏ндѵ́нъ, пига́сі̏й и҆ а҆немподі́стъ

[illegible] что они не только [illegible] [illegible], какъ вдовъ, [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] мученіи — и увидишь, [illegible]

Когда [illegible] за его [illegible], то царь разгнѣвался и [illegible] [illegible] по землѣ, четыремъ [illegible] [illegible]. Святые же благословляли, среди [illegible], [illegible]

[illegible]

Между тѣмъ какъ святые среди мученій пѣли такъ, палачи выбились изъ силъ, и царь приставилъ другихъ, чтобы тѣ продолжали бить ихъ. И били мучениковъ долгое время, такъ что они могли бы и умереть отъ столь продолжительныхъ побоевъ, если бы Самъ Богъ не поддерживалъ жизни ихъ. Царь, видя такую твердость ихъ терпѣнія,—что они не кричатъ и не теряютъ силъ,—удивлялся; какой-то ужасъ напалъ на него, и онъ упалъ съ царскаго престола. Святые же воззвали къ нему, говоря:

— Господь нашъ, Который далъ тебѣ жизнь,—снова укрѣпляетъ тебя, чтобы ты увидѣлъ чрезъ насъ силу Его.

Окружавшіе думали, что царь убился до смерти, и, подбѣжавъ, подняли его. Онъ поднялся еле живой и едва пришелъ въ себя. Послѣ того Сапоръ пришелъ въ еще бо́льшую ярость, подумавъ, что мученики причинили ему это какимъ-либо колдовствомъ; ибо нечестивые, сами будучи всецѣло подъ дѣйствіемъ бѣсовъ, всегда имѣли обыкновеніе приписывать волхвованію и колдовству совершаемыя святыми дивныя чудеса Божіи. Беззаконный царь повелѣлъ повѣсить святыхъ мучениковъ и развести подъ ними пылающій огонь,—чтобы они погибли, испустивъ свои души среди мученій отъ оковъ и огня.

Святые, вися въ продолженіе долгаго времени, воспѣвали:

— Свѣтильникъ душъ нашихъ и Творецъ нашъ, преданный за насъ, оплеванный, подвергшійся поношенію, какъ злодѣй—повѣшенный на деревѣ, все въ Своей десницѣ содержащій Владыко! Пріиди нынѣ, призри на наше страданіе и яви намъ спасеніе Твое; воззри на болѣзни наши и помилуй насъ, сдѣлай явнымъ для всѣхъ, что мы имѣемъ Тебя—Единаго Бога на Небѣ.

И тотчасъ явился имъ Господь въ человѣческомъ образѣ, съ лицемъ свѣтлымъ, какъ солнце: съ явленіемъ Его распались оковы, погасъ огонь,—и святые сдѣлались здоровыми. Увидѣвъ Господа, они исполнились неизреченной радости, Господь же снова сталъ невидимымъ. А святые стали предъ царемъ—какъ будто бы не претерпѣли ни одного мученія. Царь, увидавъ ихъ здоровыми, изумлялся и говорилъ имъ:

— Что такое было съ вами?

Они отвѣчали:

— Видишь самъ что̀: Христосъ Богъ нашъ спасъ насъ отъ твоихъ мученій; познай силу Его и устыдись.

Беззаконникъ началъ хулить Христа. Святые же воскликнули:

— Да онѣмѣютъ уста льстивыя, хулящія Истиннаго Бога!

И тотчасъ царь онѣмѣлъ и сдѣлался безгласнымъ.

Святые говорили:

— Что съ тобою произошло, царь, что ты не говоришь съ нами? Неужели мы такъ и отойдемъ отъ твоего судилища, не получивъ окончательнаго приговора?

Царь началъ дѣлать окружающимъ знаки глазами и руками, чтобы они взяли святыхъ и заключили въ темницу; но никто изъ окружающихъ не понялъ, что онъ приказываетъ своими знаками. Тогда царь, сорвавъ съ себя багряницу[1]), ударилъ ею о землю и, какъ безумный, началъ предъ всѣми топтать ее ногами. Народъ, видя то, дивился и сожалѣлъ о своемъ царѣ, что онъ впалъ въ такое безуміе.

Святые же сказали народу:

— О слѣпые умомъ! Видя вы не видите, слыша не слышите, ибо ожесточились сердца ваши!

Когда святые говорили сіе, явился съ Неба полкъ пресвѣтлыхъ Ангеловъ, коихъ видѣли многіе изъ народа; не будучи въ состояніи смотрѣть на нихъ, они упали отъ страха и увѣровали во Христа. Святые же начали пѣть: **Бг҃ъ на́мъ прибѣ́жище и҆ си́ла, помо́щникъ въ ско́рбехъ ѡ҆брѣ́тшихъ ны̀ ѕѣлѡ̀: сегѡ̀ ра́ди не ᲂу҆боѝмсѧ, внегда̀ смѹща́етсѧ землѧ̀**[2]). И еще: **воскр҃нѝ гдⷭ҇и, помозѝ на́мъ, и҆ и҆зба́ви на́съ и҆́мене твоегѡ̀ ра́ди**[3]).

Царь, не будучи въ силахъ предпринять что-либо по причинѣ нѣмоты, въ ярости началъ бить себя по лицу. Акиндинъ, видя его въ такомъ смятеніи, прослезился и сказалъ:

— Во Имя Іисуса Христа, Господа нашего, говори.

И тотчасъ у него разрѣшился языкъ, и онъ началъ говорить, но не благословлялъ Бога, напротивъ, имѣя ожесточенное сердце, еще болѣе хулилъ: хотя онъ и видѣлъ на себѣ крѣпкую руку Божію, однако не хотѣлъ познать Истины. Считая все сіе за колдовство святыхъ мучениковъ, онъ воспылалъ еще бо́льшимъ гнѣвомъ на

---

[1]) Плащъ пурпуроваго цвѣта, иначе *порфира*. Краскою для этой ткани служила кровь нѣкоторыхъ раковинъ или улитокъ, которыхъ находили въ Средиземномъ морѣ. Это была одежда царей, символъ власти и величія ихъ. Иногда, впрочемъ, одѣвались въ такой плащъ и частныя лица—роскошествующіе богачи.

[2]) Псал. **45**, ст. 2—3.

[3]) Псал. **43**, ст. 27.

нихъ и, вмѣсто благодарности, тотчасъ по разрѣшеніи своей нѣмоты изрекъ такое слово:

— Акиндина, Пигасія и Анемподиста погублю лютою смертію, вамъ же, присутствующимъ, отомщу за то, что не послушались меня, когда я приказывалъ вамъ знаками,—взявъ этихъ нечестивыхъ христіанъ, мучить за меня; ибо они связали мой языкъ своимъ колдовствомъ.

И повелѣлъ царь разжечь желѣзное ложе и положить на немъ мучениковъ. Когда ихъ жгли на этомъ ложѣ въ теченіе многихъ часовъ, они усердно молились Богу и воспѣли приличествующій ихъ подвигу Псаломъ Давида:

Сті́и мч҃нцы
А҆фѳо́нїй и҆ Є҆пїдїфо́ръ

—«И҆скꙋси́лъ ны̀ є҆сѝ, бже́, разже́глъ ны̀ є҆сѝ, ꙗ҆́коже разжизáетсѧ сребро̀[1]). Положи́лъ є҆сѝ скѹ́рби на хребтѣ̀ на́шемъ[2]). Возве́лъ є҆сѝ человѣ́ки на главы̀ на́шѧ[3]): проидо́хомъ сквозѣ̀ ѻ҆́гнь[4]). Дай намъ силу понести удручающія насъ мученія съ твердою душею и мужественнымъ сердцемъ, дай познать Имя Твое святое стоящимъ вокругъ, предъ которыми Ты сдѣлалъ явными силу Твою и чудеса Твои.

Когда святые говорили сіе, послышался Голосъ съ Неба, который изрекъ:

---

1) Серебро, чрезъ расплавленіе на огнѣ, освобождается отъ примѣсей и получаетъ чистѣйшій видъ. Подобно сему, и добродѣтель мучениковъ, чрезъ испытаніе огнемъ, возвысилась и получила совершеннѣйшій видъ.

2) Съ еврейскаго: «положилъ оковы на чресла наши» (иначе: «на бедре нашѣмъ»). Въ настоящемъ случаѣ это означаетъ мученія отъ ожоговъ.

3) Т. е. «посадилъ верхомъ на насъ»—образъ поносиѣйшаго рабства. Этимъ выраженіемъ указывается здѣсь на крайнюю степень униженія, которому были подвергаемы св. мученики.

4) Псал. 65, ст. 10—12.

— Такъ какъ вы засвидѣтельствовали вѣру вашу дѣлами, то прошенія ваши будутъ исполнены.

Многіе изъ стоявшихъ вокругъ, сподобившись слышать сей Божественный голосъ, воскликнули:

— Единъ есть Истинный Богъ, Коего чтутъ сіи страдальцы, одинъ Онъ силенъ, одинъ непобѣдимъ, и нѣтъ, кромѣ Него, инаго Бога. Блаженны вы, страстотерпцы, содѣлавшіеся свидѣтелями пришествія Его на землю и изъ любви къ Нему предавшіе души свои на смерть, послѣ которой удостоитесь жизни вѣчной! Молите Его благость и за насъ, чтобы Онъ простеръ намъ свыше руку Своей помощи и извлекъ насъ изъ глубины погибели.

Святые мученики, возведя очи свои на Небо, молились о новообращенныхъ, говоря:

— Боже, въ вышнихъ живущій! Призри на рабовъ Твоихъ, истинно призывающихъ Имя Твое, и ниспошли орошеніе новому Твоему достоянію,—тѣмъ людямъ, которые нынѣ увѣровали въ Тебя; пусть роса, исходящая отъ Тебя и омывающая грѣховныя немощи, будетъ имъ врачевствомъ и исцѣленіемъ[1]), и пусть познаютъ всѣ, что Ты—Единый Богъ, и пусть все повинуется Твоей власти.

Когда святые такъ говорили и оканчивали молитву, внезапно засверкала молнія, послышались раскаты страшнаго грома и пошелъ сильный дождь; невѣрующіе, полные страха и ужаса, бѣжали; съ мучениками остались только одни тѣ, которые вѣровали во Христа.

Святые сказали имъ:

— Не бойтесь, ибо сіе было ради васъ, чтобы чрезъ этотъ дождь надъ вами было совершено Таинство Крещенія.

Когда всѣ единогласно возсылали славу Богу, то было видно множество нисходящихъ съ Неба Ангеловъ, которые одѣвали бѣлыми одеждами новокрещенныхъ людей, показывая тѣмъ, что души ихъ очищены святою вѣрою и водою, сшедшею на нихъ свыше. Отъ этого дождя погасъ огонь, остыло раскаленное ложе, и святые встали живыми и здоровыми; только тѣла ихъ были черны, подобно деревьямъ, обгорѣвшимъ въ огнѣ.

Царь, призвавъ снова святыхъ, сказалъ имъ:

— Хотя вы и угасили огонь своимъ волхвованіемъ, однако не избѣжите моихъ рукъ, пока не заставлю васъ поклониться богамъ или не предамъ васъ лютой смерти.

[1]) Выраженіе заимствовано изъ Кн. Прор. Исаіи, гл. 26, ст. 19.

Они отвѣчали какъ бы одними устами:

— Предай насъ, какой хочешь, смерти, но мы не отторгнемся отъ живущаго на Небесахъ Единаго Бога, уготовавшаго намъ вѣчную жизнь.

Царь, засмѣявшись, сказалъ:

— Дѣти мои и друзья! Если вы почитаете Единаго Бога, то и я вѣдь принуждаю васъ почитать не многихъ боговъ, а только одного, именно—того, котораго почитаю и которому поклоняюсь я. Ибо и я имѣю одного бога, котораго люблю и почитаю болѣе другихъ, это—великій Зевсъ, старшій между всѣми богами[1]); воздайте, вмѣстѣ со мною, поклоненіе ему одному; относительно же прочихъ боговъ—какъ хотите; достаточно воздать почтеніе одному.

Блаженный Анемподистъ сказалъ царю:

— Какимъ образомъ воздать честь Единому Богу велишь ты?

Царь, услышавъ это, обрадовался, ибо подумалъ, что хотятъ поклониться его скверному Зевсу, и сказалъ имъ:

— Пойдемте, дѣти мои, со мною въ храмъ великаго Зевса, и что я буду дѣлать, то и вы дѣлайте, и поклонимся вмѣстѣ моему богу.

Святые сказали:

— Ты, царь, молись по своему уставу, а мы будемъ молиться—какъ научились издавна.

Царь, не понявъ сказаннаго ими, радовался, ибо онъ думалъ, что они уже склонились къ его идолопоклонству, и говорилъ имъ:

— Почему вы ранѣе не захотѣли обнаружить единомыслія съ нами? Тогда вы не потерпѣли бы такихъ мученій. Теперь же простите меня, что причинилъ вамъ скорбь; обѣщаюсь загладить предъ вами это моею усердною любовію.

Онъ велѣлъ приготовить свою царскую колесницу и, поднявшись на нее, звалъ къ себѣ святыхъ мучениковъ, чтобы они садились вмѣстѣ съ нимъ.

Святые отвѣчали:

— Нѣтъ, царь, мы не поѣдемъ на колесницѣ, но пойдемъ сами.

Такъ они дошли до этого мерзкаго храма. Взявъ ихъ за руки, царь вошелъ съ ними въ храмъ и началъ кричать:

---

[1]) Со временемъ, подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ, Персы стали соединять съ культомъ солнца и огня и служеніе иноземнымъ богамъ.—*Зевсъ* почитался Греками величайшимъ изъ боговъ (у Римлянъ—*Юпитеръ*), управлявшимъ молніями, отцомъ боговъ и людей.

— Великъ богъ Зевсъ, и велика сила его! Пріидите, возлюбленные мои, и помолитесь прежде меня великому богу Зевсу.

Святые отвѣчали:

— Какъ ты велишь, такъ и сдѣлаемъ.

Сотворивъ крестное знаменіе на челахъ своихъ, они упали на колѣна и, поднявъ къ Небу свои руки, начали молиться Богу, Единому въ Троицѣ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу; и тотчасъ потряслось то мѣсто, и храмъ началъ разрушаться. Царь, убоявшись, выбѣжалъ вонъ со всѣми, кто былъ съ нимъ, и палъ храмъ вмѣстѣ съ идолами, и все, находившееся въ храмѣ, разбилось въ прахъ. Святые же остались при паденіи того храма невредимыми; они радовались при видѣ силы Христовой и смѣялись надъ безпомощностію языческихъ боговъ.

Царь воспылалъ сильною яростію на святыхъ и сказалъ имъ:

— Таково-то ваше обращеніе къ Зевсу и поклоненіе ему? Такова-то ваша молитва, что вы своимъ волхвованіемъ разрушили храмъ и сокрушили боговъ?

Святые отвѣчали:

— Какъ мы научились издавна, такъ и молились Единому Богу, Создателю всего міра, волхвованія же не знаемъ; и не отъ какого-либо волхвованія, но отъ всесильнаго Имени Божія, призваннаго нами въ молитвѣ, разрушился скверный храмъ съ нечистыми вашими богами.

Царь повелѣлъ приготовить три котла и наполнить ихъ оловомъ, сѣрою и смолою, разрубить старыя лодки на дрова[1]) и развести ими большой огонь подъ котлами. Когда это было сдѣлано и сильно раскаленные котлы кипѣли и клокотали, святыхъ связали цѣпями и свѣсили ихъ сверху въ котлы, сначала—до пояса, потомъ—до груди и наконецъ—до шеи. Они же взирали, среди этихъ мученій, на Небо, и каждый изъ нихъ пѣлъ свою пѣснь изъ Псалмовъ Давидовыхъ. Блаженный Пигасій взывалъ: **Ꙗкѡ ѹ҆ тебѐ и҆сто́чникъ живота̀, во свѣ́тѣ твое́мъ ѹ҆зри́мъ свѣ́тъ**[2]). Блаженный Анемподистъ говорилъ: **нога̀ моѧ̀ ста̀ на правотѣ̀**[3]): и **свѣти́льникъ нога́ма моѝма зако́нъ тво́й, и҆ свѣ́тъ стезѧ́мъ моѝмъ**[4]). Бла-

[1]) Это—съ тою цѣлью, чтобы развести болѣе сильный огонь, ибо днища и стѣнки лодокъ, во избѣжаніе пропуска ими воды, обыкновенно густо покрываются смолою, особенно—съ наружной стороны.

[2]) Псал. **35**, ст. 10.

[3]) Псал. **25**, ст. 12.

[4]) Псал. **118**, ст. 105.

женный Акиндинъ восклицалъ: ѡ҆держа́ша насъ болѣ́зни смє́ртныѧ, болѣ́зни а҆́дѡвы ѡ҆быдо́ша насъ[1]); но поелику проидо́хомъ сквозѣ̀ ѻ҆́гнь и҆ во́дꙋ, Самъ, Господи, и҆зведѝ на́съ въ поко́й[2]).

Святые, молясь такимъ образомъ въ котлахъ, не потерпѣли никакого вреда отъ кипящихъ олова, сѣры и смолы,—и цѣпи, сами развязавшись, упали съ нихъ. Святые вышли здоровыми на виду у всѣхъ, такъ что многіе, удивляясь сему поразительному чуду, познали Истину и, прославивъ Христа, увѣровали въ Него. Также и одинъ изъ мучителей, по имени Афѳоній, видя это чудо, увѣровалъ во Христа и воскликнулъ:

— Великъ Богъ христіанскій!

Царю же онъ сказалъ:

— Безбожный и человѣконенавистный царь! Доколѣ ты не оставишь сихъ неповинныхъ людей? Вотъ, мы, мучая ихъ, устали болѣе, чѣмъ они, претерпѣвая мученія, а ты остаешься какъ бы желѣзнымъ и каменнымъ, и не трогается сердце твое.

Царь тотчасъ повелѣлъ отрубить ему голову.

Афѳоній, услышавъ отвѣтъ царя, присуждавшій его къ усѣченію мечомъ, возвелъ очи на Небо и сказалъ:

— Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе Боже, въ Котораго вѣруютъ христіане! Вотъ, и я вѣрую въ Тебя, поклоняюсь Тебѣ и умираю за Тебя: спаси меня недостойнаго по великой Твоей милости.

Палачъ, приступивъ къ нему, надѣлъ на шею его веревку, чтобы вести его за городъ для исполненія казни. Онъ же, обратившись къ святымъ мученикамъ, сказалъ:

— Господа мои и отцы, забудьте зло, которое я причинилъ вамъ, мучая васъ, по повелѣнію нечестиваго царя. Молите о мнѣ Бога, чтобы простилъ Онъ мнѣ многіе мои грѣхи, пріобщилъ меня къ сонму вѣрующихъ въ Него и далъ мнѣ увидѣться съ вами въ Царствіи Его.

Святые мученики сказали ему:

— Радуйся, братъ, потому что прежде насъ идешь ко Христу, и будь увѣренъ, что найдешь у Него милость, и Онъ воздастъ тебѣ по вѣрѣ твоей.

Афѳонія, послѣ того какъ онъ поцѣловалъ святыхъ, отвели за городъ; призывая пресвятое Имя Іисуса Христа, онъ склонилъ

---

1) Псал. 17, ст. 5, 6.

2) Псал. 65, ст. 12.

подъ мечъ свою шею и, усѣченный, радуясь, предалъ душу свою Господу. Христіане, взявъ его тѣло и обвивъ чистымъ полотномъ, предали его честно́му погребенію—какъ мученика Христова.

Послѣ сего Акиндина, Пигасія и Анемподиста царь повелѣлъ зашить въ кожаные мѣшки и бросить въ море. Когда это было сдѣлано, явились святый Афѳоній и съ нимъ три Ангела, ходящіе по морю; вынувъ изъ моря святыхъ мучениковъ, они освободили ихъ изъ мѣшковъ и поставили на сушѣ живыми и здоровыми, какъ будто они никогда и не страдали. Услышавъ о томъ, что святые мученики живы, царь разгнѣвался на воиновъ, которымъ поручилъ ввергнуть святыхъ въ морскую пучину. Предположивъ, что они не послушались его и отпустили ихъ на свободу, онъ, прежде всего, отсѣкъ руки этимъ воинамъ,—которыхъ числомъ было четверо, а потомъ приказалъ потопить ихъ въ морѣ. Передъ смертію они призывали Господа нашего Іисуса Христа, исповѣдуя Его святое Имя, вѣруя и молясь Ему, и такимъ образомъ были потоплены въ водахъ морскихъ. Святые мученики, Акиндинъ, Пигасій и Анемподистъ, снова были взяты, заключены въ темницу и забиты въ колодки. Въ смущеніи царь пошелъ въ свою спальню, возлегъ на ложе, призвалъ своихъ вельможъ и началъ съ гнѣвомъ говорить имъ, что они оставили его одного трудиться на судѣ надъ христіанами и не помогаютъ ему ни въ чемъ: ни словомъ, ни дѣломъ. Они отвѣчали, что нехорошее это дѣло—упражняться въ такихъ судахъ и предавать казни неповинныхъ христіанъ. Царь же при семъ замѣтилъ имъ:

— О чемъ вы думали, когда стояли вчера и третьяго дня, закрывъ уста свои руками?

Одинъ изъ вельможъ, по имени Елпидифоръ, засмѣявшись, сказалъ:

— Мы смѣялись въ своей душѣ надъ твоимъ безуміемъ, и глупы мы были до сихъ поръ, что слушались тебя.

Царь приказалъ одному изъ присутствовавшихъ здѣсь слугъ ударить Елпидифора по лицу. Всѣ вельможи, видя это, пришли въ негодованіе и сказали царю:

— Знай, царь, что мы не на твоей сторонѣ.

Царь, видя, что всѣ вельможи заодно съ Елпидифоромъ, убоялся и, не желая раздражать ихъ еще болѣе, сказалъ:

— Простите мнѣ, потому что отъ великой печали пришелъ въ смятеніе умъ мой.

Вельможи, оставивъ царя, ушли, тѣмъ болѣе что уже наступала ночь. Царь же еще болѣе мучился сердцемъ отъ ярости, думая о томъ, какъ бы и святыхъ погубить, и вельможамъ отомстить. Поутру онъ повелѣлъ бросить святыхъ мучениковъ въ яму, наполненную ядовитыми гадами; но и тамъ они остались невредимыми, утѣшены были явленіемъ Ангеловъ и выведены оттуда цѣлыми. Потомъ ихъ повѣсили и терзали тѣла ихъ даже до костей, но мученики снова оказались безъ ранъ. Наконецъ, царь, не зная, что сдѣлать еще, осудилъ ихъ на усѣченіе мечомъ. Когда святые шли за городъ для совершенія надъ ними казни, за ними слѣдовало много увѣровавшаго народа, который съ плачемъ говорилъ имъ:

— Рабы Истиннаго Бога, зачѣмъ оставляете насъ безъ поученія?

Святые отвѣчали:

— Милосердный Богъ устроитъ потребное для васъ, какъ знаетъ и хочетъ: только твердо вѣруйте въ Него, и Онъ даруетъ вамъ—что̀ будетъ служить вамъ на пользу.

Нѣкоторые изъ царскихъ слугъ пошли къ царю и донесли, что весь народъ присталъ къ этимъ тремъ христіанамъ и можетъ воспрепятствовать ихъ усѣченію.

Царь сказалъ:

— Выведите за городъ триста вооруженныхъ воиновъ, чтобы они перебили и народъ, который будетъ слѣдовать за этими обольстителями.

Слуги донесли ему, что среди этого народа есть и нѣкоторые изъ вельможъ, что и Елпидифоръ тамъ же, и спрашивали, можно ли и ихъ перебить съ прочими. Царь приказалъ позвать къ нему Елпидифора. Елпидифоръ, взявъ съ собой трехъ другихъ сановниковъ, пришелъ къ царю. Царь, поникнувъ головою, долго сидѣлъ въ молчаніи; потомъ, поднявъ голову, сказалъ:

— Елпидифоръ! Зачѣмъ, оставивъ отеческихъ боговъ, вы захотѣли перейти къ ложнымъ, христіанскимъ[1])? Знай же, что я не пощажу никого, кто вѣруетъ въ Распятаго.

Елпидифоръ отвѣчалъ:

— Дѣлай—что хочешь, мы готовы тотчасъ умереть за распятаго Христа, потому что Онъ одинъ есть Истинный и Праведный

[1]) Вѣроятно, царь, слыша о трехъ Лицахъ Божества, полагалъ, что и христіане почитаютъ нѣсколько боговъ и между ними одного—главнаго.

Богъ, и нѣтъ другаго, кромѣ Него. Всѣ же твои боги суть бѣсы, отъ которыхъ мы отрекаемся и отвергаемся, а тобою — служителемъ бѣсовскимъ — и скверными идольскими жертвами мы пренебрегаемъ.

Тогда царь осудилъ ихъ на смерть и произнесъ надъ ними такой приговоръ:

— Елпидифора и всѣхъ его единомышленниковъ,—которые оставили пресвѣтлыхъ боговъ и предпочли смерть этой жизни,— повелѣваю усѣчь мечомъ, чтобы они получили то, чего сами пожелали; и кто хочетъ взять и укрыть ихъ тѣла, тотъ можетъ сдѣлать это безбоязненно.

Воины, тотчасъ взявъ ихъ, повели за городъ къ святымъ мученикамъ и ко всему народу, увѣровавшему во Христа. Когда тамъ было прочитано предъ всѣми повелѣніе царя, то всѣ воскликнули:

— Слава Тебѣ, Боже, что указалъ намъ благой путь, дабы мы, освободившись изъ сего мрачнаго и коварнаго міра, пришли къ Тебѣ, Богу нашему, поклонились Престолу Твоему и узрѣли Тебя, Свѣтъ Неприступный.

Они начали цѣловать другъ друга. Воины же, окруживъ, избивали ихъ, и пало тогда отъ меча около семи тысячъ увѣровавшихъ во Христа, вмѣстѣ со святымъ Елпидифоромъ.

Акиндинъ, Пигасій и Анемподистъ не были усѣчены, но, по повелѣнію царя, снова были заключены въ темницу.

Поутру царь повелѣлъ приготовить огненную печь, чтобы сжечь въ ней святыхъ мучениковъ. Когда святые были выведены изъ темницы, царь сказалъ имъ:

— Видите ли эту печь? Вотъ, она приготовлена для васъ.

Блаженный Акиндинъ сказалъ:

— Для тебя еще бо́льшая печь приготовлена въ гееннѣ огненной, въ которой ты будешь вѣчно горѣть вмѣстѣ съ соименными тебѣ бѣсами.

Царь гнѣвно сказалъ:

— Развѣ я бѣсъ?

Святый отвѣчалъ:

— И дѣла твои и имя твое показываютъ въ тебѣ бѣса, ибо ты дѣлаешь свойственное бѣсамъ, и имя твое означаетъ: «царь бѣсовъ»; и хорошо назвала тебя твоя мать Сапоромъ, потому что ты — единомышленникъ бѣсовъ.

Царь сказалъ окружающимъ:

— Попросите мать мою придти сюда ко мнѣ.

Когда пришла его мать, онъ всталъ съ своего престола; воздавъ ей честь, онъ посадилъ ее возлѣ себя и сказалъ:

— Скажи мнѣ, мать моя, какое у меня имя?

Мать отвѣчала:

— Ты носишь имя твоего дѣда: дѣдъ твой назывался Сапоромъ, и тебѣ имя — Сапоръ.

Царь, показавъ перстомъ на святыхъ, сказалъ:

— А эти беззаконники говорятъ, что у меня бѣсовское имя.

Мать его на это засмѣялась,—ибо она уже вѣровала во Христа, но скрывалась предъ своимъ злымъ сыномъ. Царь, увидѣвъ, что мать его засмѣялась, воскипѣлъ яростію и, устремившись на нее, началъ бить ее по лицу. Она же припала къ ногамъ святыхъ мучениковъ и съ плачемъ говорила:

— Спасите мою старость, рабы Христовы, ибо я вижу, что родила не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ бѣса и окаяннаго сатану.

Царь, увидѣвъ, что и мать его увѣровала во Христа, осудилъ и ее бросить въ огненную печь, вмѣстѣ со святыми мучениками. Кромѣ того, увѣровали еще и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ воиновъ, числомъ двадцать восемь, и всѣ были брошены въ печь, вмѣстѣ съ Акиндиномъ, Пигасіемъ и Анемподистомъ и съ блаженною матерью царя; молясь въ огнѣ, они предали Богу свои святыя души. Люди достойные видѣли сонмъ святыхъ Ангеловъ, поющихъ вокругъ печи и принимающихъ души святыхъ, и несказанное благоуханіе исходило отъ мученическихъ тѣлъ. Когда печь погасла, царь ушелъ въ палату, и всѣ разошлись. Тогда нѣкоторые изъ вѣрующихъ пришли къ печи и нашли тѣла святыхъ цѣлыми и неповрежденными огнемъ; они взяли ихъ и предали честно́му погребенію, славя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единаго Бога, Емуже слава во вѣки, аминь.

Тропа́рь мч҃нкѡвъ, гла́съ в҃:

Стр҃тотéрпцы гд҃ни, бл҃жéнна землѧ̀ напи́вшаѧсѧ кровьми̇̀ ва́шими, и҆ ст҃а селе́нїѧ, прїи҆́мшаѧ тѣлеса̀ ва̑ша: въ три́знищи бо врага̀ побѣди́сте, и҆ хр҃та̀ со дерзнове́нїемъ проповѣ́дасте. того̀ ꙗ҆́кѡ бл҃га моли́те сп҃сти́сѧ, мо́лимсѧ, дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃.

Бл҃гочести̑выѧ и̑ бг҃онѡ́сныѧ мч҃нки, ꙗ҆́кѡ на земли̑ ѡ҆ста́вльшыѧ всѧ̑, прїѧ́лъ є҆сѝ въ наслажде́нїе бл҃ги́хъ твои́хъ и̑ ᲂу҆покое́нїе, а҆кїнду́на, пїга́сїа, а҆немподі́ста, съ ни́ми же а҆фѳо́нїа и̑ є҆лпїдїфо́ра же, є҆ди́не сы́й пребл҃гі́й.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

МАРКІАНА

Преподобный отецъ нашъ Маркіанъ былъ родомъ изъ Кира. Оставивши свою родину и имущество, онъ удалился въ глухую пустыню. Здѣсь онъ построилъ себѣ такую малую келлію, что она могла вмѣщать только одного человѣка, и, облекшись въ грубую власяную одежду, затворился въ ней. Пищею ему служили три онгіи[1]) хлѣба и немного воды, но и то—по захожденіи солнца. По прошествіи нѣкотораго времени Маркіанъ принялъ двухъ пришельцевъ, которые построили палатку. Онъ же постоянно, какъ и прежде, оставался въ заключеніи, никогда не зажигая свѣчи, имѣя свѣтъ божественный, который свѣтилъ ему ночью и при помощи котораго онъ занимался чтеніемъ книжнымъ, имѣя при себѣ «малъ псалтирецъ». Однажды большой змій, снаружи наклонившись надъ ихъ хижиной, такъ устрашилъ постниковъ, что они сильно испугались. Святый же, сотворивъ перстомъ крестное знаменіе, дунулъ, и какъ высохшая трость отъ огня, такъ и змій тотчасъ былъ истребленъ.

Въ другое время Флавіанъ, Патріархъ Антіохійскій[2]), и епископъ Кирскій, и нѣкоторые изъ другихъ епископовъ, знатные и краснорѣчивые, пришли къ нему и убѣждали его, приводя нѣкоторыя мѣста изъ Божественныхъ Писаній, чтобы онъ, ради пользы многихъ, оставилъ свое уединеніе; онъ же и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Дивный сей мужъ многихъ отъ разныхъ ересей возвратилъ въ истинную, православную вѣру.

---

[1]) *Онгія*—двѣнадцатая доля фунта, или 8 золотниковъ.

[2]) *Св. Флавіанъ* патріаршествовалъ съ 381 по 404 г. Память его—18 февраля.

Сестра преподобнаго съ своимъ сыномъ однажды, взявши разныя снѣди, отправилась къ нему. Онъ не пожелалъ видѣть свою сестру, ничего не принялъ изъ принесеннаго ею и только допустилъ къ себѣ своего племянника. На просьбы же своей сестры взять принесенное, святый Маркіанъ спросилъ:

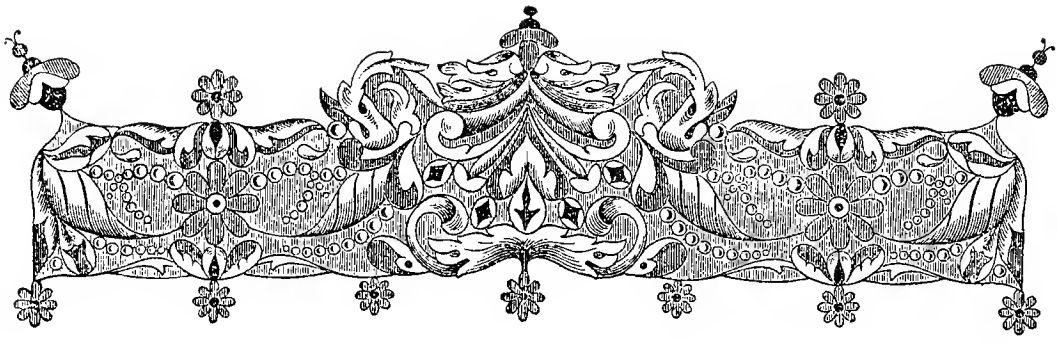
— Предлагали ли вы это въ какомъ-либо другомъ монастырѣ изъ тѣхъ, которые встрѣчались вамъ, когда вы шли сюда?

— Нѣтъ, мы ни въ одномъ изъ нихъ не предлагали, — отвѣчала сестра.

— Уходите,—отвѣчалъ святый,—съ тѣмъ, съ чѣмъ пришли, такъ какъ вы это сдѣлали ради естественнаго родства.

Сей великій и дивный святый былъ любимъ и ближними, и дальними. Узнавъ о томъ, что многіе препираются между собой изъ-за того, кому, по преставленіи, владѣть его тѣломъ,—для чего они устрояли раки и созидали церкви,—святый заставилъ своего ученика Евсевія дать ему клятву въ томъ, что онъ похоронитъ его тѣло тайно вдали отъ келліи. Завѣщавъ сіе, онъ отошелъ ко Господу[1]).

[1]) Кончина преп. Маркіана относится къ 388 году. Память его еще совершается 18 января.



День третій

СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АКЕПСИМА ЕПИСКОПА, ІОСИФА ПРЕСВИТЕРА и АИѲАЛА ДІАКОНА

Въ персидской странѣ, въ городѣ, называемомъ Наессонъ[1]), жилъ благочестивый епископъ по имени Акепсимъ. Упражняясь отъ дней своей юности во всякихъ добродѣтеляхъ, онъ сохранилъ непорочность жизни до самой старости. Будучи уже восьмидесяти лѣтъ отъ роду, онъ сохранилъ еще, среди трудовъ, силы совершать усиленные подвиги поста и молитвы и ревностно заботился о врученной ему паствѣ. Но еще большій подвигъ онъ обнаружилъ при своей кончинѣ, когда мужественно постоялъ даже до крови за своего Господа, за Котораго ревностно положилъ и свою душу послѣ долгихъ и тяжкихъ мученій. Еще за нѣсколько лѣтъ до своего мученическаго подвига онъ получилъ такое пророчество о своемъ страданіи:

---

[1]) Одинъ изъ малоизвѣстныхъ городовъ; въ церковномъ отношеніи былъ, вѣроятно, подчиненъ митрополіи Мосульской (Мосуль—на рѣкѣ Тигрѣ) или Ниневійской.

Когда однажды онъ возлежалъ въ своемъ дому, отрокъ его, исполнившись пророческаго духа, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ:

— Блаженна сія глава, потому что она пріиметъ мученіе за Христа.

Онъ возрадовался этому пророчеству и сказалъ:

— Да будетъ мнѣ, чадо, по слову твоему.

Вмѣстѣ съ Акепсимомъ сидѣлъ бывшій у него въ то время одинъ возлюбленный другъ его, епископъ сосѣдняго города. Услышавъ сказанныя отрокомъ слова, онъ улыбнулся и сказалъ отроку:

— Скажи мнѣ, чадо,—не знаешь ли чего и о насъ?

Боговдохновенный отрокъ отвѣчалъ:

— Ты не увидишь болѣе своего города, но преставишься на пути къ нему, въ селеніи Етраданъ[1]).

Пророчество этого отрока исполнилось на обоихъ епископахъ. Одинъ—умеръ на пути, въ упомянутомъ селеніи, глава же епископа Акепсима дѣйствительно сподобилась мученическаго вѣнца. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Нечестивый Персидскій царь Сапоръ[2]) воздвигъ великое гоненіе въ своей землѣ на христіанъ. Въ самый день спасительныхъ страданій Христовыхъ онъ послалъ во всѣ подвластныя ему страны повелѣніе, чтобы были перебиты по всей Персіи всѣ, исповѣдующіе Христа. И безчисленное множество христіанъ было въ то время безъ пощады перебито нечестивыми по городамъ и селеніямъ.

Больше всѣхъ пылали яростію на христіанъ жрецы и волхвы[3]); они старательно разыскивали укрывающихся и, вытаски-

---

1) Селеніе недалеко отъ Наессона.

2) О *Сапорѣ* смотр. прим. 1 на стр. 14.

3) Подъ именемъ *волхвовъ*, иначе маговъ, въ древности разумѣлись мудрые люди, обладавшіе высокими и обширными знаніями, особенно знаніями тайныхъ силъ природы, свѣтилъ небесныхъ, священныхъ письменъ, іероглифовъ и т. п. Они наблюдали естественныя явленія, толковали сны, предсказывали будущее; большею частію они, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и жрецами и пользовались большимъ значеніемъ и уваженіемъ какъ при царскихъ дворахъ, такъ и въ народѣ. О персидскихъ волхвахъ упоминается въ Книгѣ Прор. Даніила, гл. 2 и дал.; изъ Персіи же, вѣроятно, приходили волхвы для поклоненія родившемуся Спасителю (Еванг. отъ Матѳ., гл. 2). Волхвы были и въ другихъ странахъ, напр. въ Вавилонѣ, Ассиріи, Мидіи (см. Кн. Прор. Даніила, ср. Кн. Числ., гл. 22 и 23) и въ Египтѣ (Кн. Быт., гл. 41, ст. 8; Исх., гл. 7, ст. 11). Слово *волхвъ*, первоначально однозначущее съ словомъ *мудрый*, впослѣдствіи стало прилагаться къ волшебникамъ, чародѣямъ, чревовѣщателямъ, вызывателямъ умершихъ и т. п.

вая ихъ изъ домовъ и потаенныхъ мѣстъ, предавали лютой смерти. Иные изъ вѣрующихъ сами предавали себя въ руки ихъ и доблестно проливали свою кровь. Многія изъ придворныхъ лицъ были умерщвлены за Христа. Евнухъ[1]) Азадисъ, котораго царь весьма любилъ, былъ вмѣстѣ съ ними преданъ смерти какъ истинный рабъ Іисуса Христа и исповѣдникъ Его пресвятаго Имени.

Царь, узнавъ о смерти своего возлюбленнаго евнуха Азадиса, весьма сожалѣлъ о немъ и прекратилъ поголовное истребленіе христіанъ, отдавъ лишь повелѣніе разыскивать вождей и учителей христіанской вѣры для преданія ихъ на смерть.

Когда это повелѣніе царя было повсюду оглашено, начальники волхвовъ и жрецовъ старательно обходили всю Персію, ища христіанскихъ епископовъ и священниковъ и предавая ихъ разными способами смерти.

Въ это время былъ взятъ и святый епископъ Акепсимъ. Когда взявшіе выводили его изъ дома, нѣкто изъ домашнихъ, подойдя къ святому, сказалъ ему на ухо:

— Сдѣлай какое-либо завѣщаніе о своемъ домѣ.

Онъ же, показывая рукою на домъ, сказалъ:

— Этотъ домъ уже не мой, ибо я безъ промедленія пойду къ го́рнему дому[2]).

По прибытіи въ городъ Арбелу[3]), когда его привели къ князю волхвовъ, которому имя было Адрахъ, князь спросилъ святаго Акепсима:

— Кто ты?

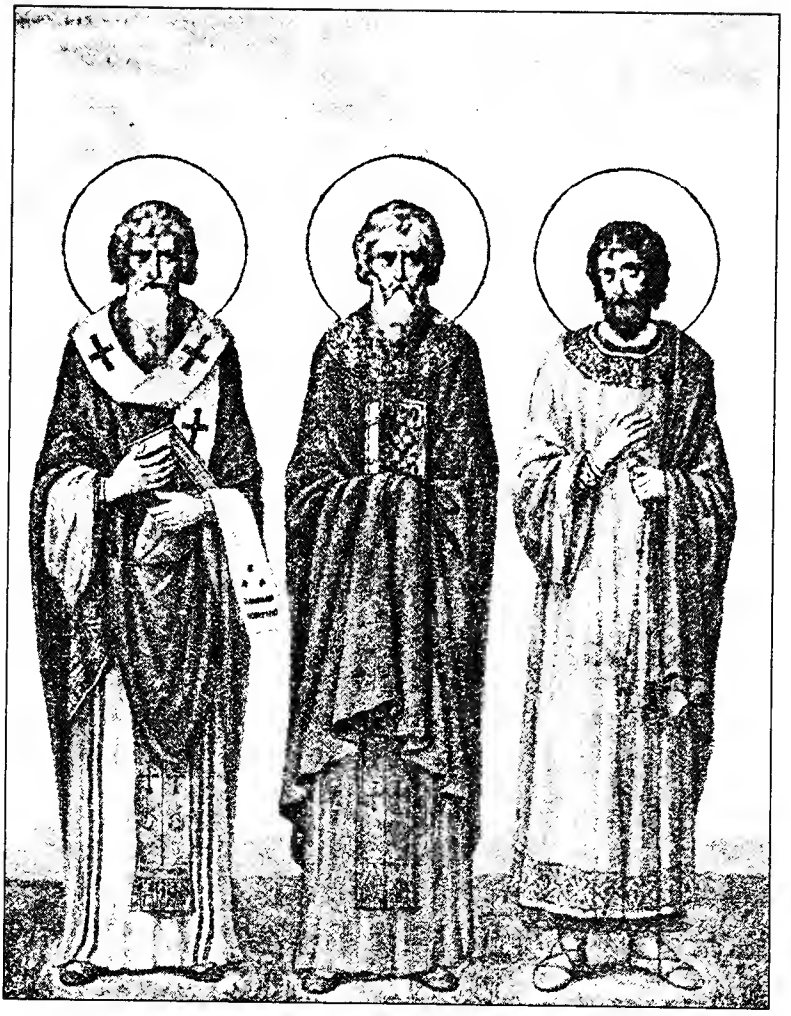
Акепсимъ громко исповѣдывалъ себя христіаниномъ.

---

[1]) Слово *евнухъ* означаетъ собственно скопца. Таковыми были на Востокѣ смотрители надъ царскими гаремами; съ этой должности они нерѣдко, въ древности, переходили на высшія государственныя должности. Впослѣдствіи слово *евнухъ* употреблялось иногда вообще въ значеніи лица, занимающаго высокую государственную должность—царедворца, вельможи, хотя бы это лицо и не было скопцомъ.

[2]) Разумѣется небесная обитель, куда вступаютъ истинные послѣдователи Христа, по заповѣди Его Самого (Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 2—3). Слово *го́рній* означаетъ вышній, верхній, небесный (ср. Кн. Прор. Іезек., гл. 41, ст. 7. Посл. къ Колос., гл. 3, ст. 2).

[3]) *Арбела*—городъ на одномъ изъ притоковъ рѣки Запата (иначе Забата), представляющаго собою, въ свою очередь, лѣвый притокъ рѣки Тигра. Городъ этотъ находится недалеко отъ Ниневіи, замѣчателенъ тѣмъ, что въ 12 миляхъ къ западу отъ него, близъ Гавгамелы, произошло сраженіе, въ которомъ Александръ Великій во 2-й разъ побѣдилъ Дарія Кодамана, сдѣлавшись послѣ того обладателемъ всей Персидской монархіи.



Ст҃іи мч҃нцы
а҆кеѱі́мъ, і҆ѡ́сифъ и҆ а҆ї҆ѧ́нъ

Князь сказалъ ему:

— Правду ли говорятъ о тебѣ,—что ты не слушаешь царскаго повелѣнія и проповѣдуешь Единаго Бога?

Святый безбоязненно отвѣчалъ:

— Все, слышанное тобою о насъ, вѣрно: я проповѣдую Единаго Бога и убѣждаю приходящихъ ко мнѣ, чтобы познали Его и вмѣстѣ со мною вѣровали въ Него.

Князь сказалъ:

— Мы слышали о тебѣ, что ты мудрѣе другихъ, теперь же видимъ, что ты ничѣмъ не лучше несмысленныхъ дѣтей,—ибо что мудраго въ томъ, чтобы противиться повелѣнію царя и не поклоняться свѣтлому солнцу и огню, которымъ поклоняется самъ царь?

Святый отвѣчалъ:

— И вашъ царь, и вы съ нимъ совершенно обезумѣли, потому что, оставивъ Создателя, поклоняетесь созданію.

Князь сказалъ съ гнѣвомъ:

— Ты называешь безумными насъ, почитающихъ такую стихію и поклоняющихся оживляющему и просвѣщающему все солнцу?—Лживый старикъ! Поистинѣ ты самъ безуменъ, и если не подчинишься царскому повелѣнію, то твоя старость не избавитъ тебя отъ тяжкихъ мученій, и твой распятый Богъ[1]) не освободитъ тебя изъ нашихъ рукъ.

Святый сказалъ:

— Да заградятся, нечестивецъ, твои мерзкія уста, хулящія моего Бога! Ты хочешь устрашить меня своими угрозами, чтобы я отступилъ отъ отеческихъ преданій, которымъ научился въ юности и въ которыхъ дожилъ до этой сѣдины. Хотя ты и превозносишься въ своей гордости предо мной,—что ни старость, ни Богъ мой не избавитъ меня изъ рукъ вашихъ,—однако и я не перемѣню лучшаго на худшее: ибо какая для меня польза освободиться изъ вашихъ рукъ на эти немногіе дни? Ибо скоро, и помимо васъ, взыщется съ меня общій долгъ смертнаго естества[2]). Не воздамъ поклоненія солнцу, ни почтенія огню, чтобы никто не могъ посмѣяться надъ моею старостію, чтобы никто не подумалъ, что жизнь для меня дороже моего Бога; не продамъ за кратковременную жизнь столь великихъ небесныхъ благъ.

---

[1]) Въ этихъ словахъ заключается богохульная насмѣшка, ибо казнь чрезъ распятіе считалась позорной, и ей подвергались наиболѣе преступные и презрѣнные люди.

[2]) Разумѣется смерть, иначе—то, что всѣ люди по природѣ смертны.

Волхвъ тотчасъ приказалъ, распростерши святаго нагимъ на землѣ, крѣпко бить его суковатыми палками; и его били по всему тѣлу такъ, что земля обагрилась кровію его.

Мучитель, поставивъ его снова предъ собою, послѣ продолжительныхъ побоевъ сказалъ:

— Акепсимъ! Гдѣ твой Богъ? Пусть Онъ придетъ теперь и избавитъ тебя изъ моихъ рукъ.

Святый отвѣчалъ:

— О пребеззаконный! Богъ мой вездѣсущъ. Онъ наполняетъ Небо и землю и имѣетъ силу избавить меня изъ твоихъ рукъ. Но я умоляю Его благость не о томъ, чтобы Онъ избавилъ меня отъ причиняемыхъ тобою мученій, но—о томъ, чтобы ниспослалъ мнѣ терпѣніе среди мученій, дабы, претерпѣвъ до конца, я могъ бы наслѣдовать вѣнецъ жизни. Какой же муки и смерти достоинъ ты, возстающій на Бога Живаго, ты — земля и пепелъ? Поистинѣ ты достоинъ того, чтобы сгорѣть въ огнѣ, которому поклоняешься теперь, какъ богу,—чтобы богъ твой вѣчно жегъ тебя.

Князь волхвовъ, слыша это, пылалъ гнѣвомъ и повелѣлъ обложить святаго тяжелыми желѣзными оковами и заключить въ темницу.

Поутру па другой день былъ взятъ пресвитеръ Іосифъ[1]), семидесяти лѣтъ отъ роду, также и діаконъ Аиѳалъ[2]), оба—мужи праведные и святые, ревность которыхъ о Богѣ была подобно обоюдуострому мечу, посѣкающему безбожіе. Они были приведены къ нечестивому волхву, и онъ, гордо посмотрѣвъ на нихъ, сказалъ:

— О погибшіе люди! Зачѣмъ, обходя простыхъ людей, вы обольщаете ихъ вашимъ неправеднымъ ученіемъ?

Пресвитеръ отвѣчалъ:

— Мы не обольщаемъ людей, но обращаемъ ихъ отъ обольщенія къ Истинному Богу, Который есть Господь и Создатель солнца, и огня, и всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей; а право наше ученіе потому, что оно учитъ объ Единомъ Истинномъ Богѣ.

Волхвъ сказалъ:

---

1) *Іосифъ* былъ пресвитеромъ изъ Бет-Кетубы въ Адіабенѣ.

2) *Аиѳалъ*—діаконъ изъ при-Евфратской мѣстности въ Вавилоніи.

— Какое ученіе болѣе справедливо: то ли, котораго держатся царь и всѣ его воеводы, или то, которому слѣдуютъ люди худые, отверженные, нищіе и ничтожные—какъ ты?

Пресвитеръ отвѣчалъ:

— Точно, мы худые и отверженные люди въ семъ мірѣ, ибо Господь нашъ оказываетъ благоволеніе пребывающимъ не въ гибельныхъ для души богатствѣ и гордости житейской, но въ нищетѣ и смиреніи нашемъ; по этой причинѣ многіе изъ насъ добровольно дѣлаются нищими и смиренными, раздавъ свое имѣніе въ руки убогихъ, за что мы надѣемся получить награду сторицею отъ нашего Господа. И если бы мы упражнялись въ собираніи богатствъ, то, трудясь своими руками, обогатились бы болѣе, чѣмъ ты, не дѣлающій ничего, а только поглощающій плоды чужихъ трудовъ и съ притѣсненіемъ отнимающій имѣнія другихъ людей, убогихъ; для насъ же достаточно нашего труда, чтобы и самимъ питаться, въ мѣру надобности, и питать болѣе слабыхъ братьевъ. Мы знаемъ, что для богатыхъ труденъ путь въ Небесное Царство и что стремящіеся къ обогащенію впадаютъ въ искушенія.

Прп҃бнаѧ
Снандꙋ́лїа

— Оставь свои длинныя лживыя рѣчи и поклонись огню и солнцу, — сказалъ волхвъ, прерывая его бесѣду.

Пресвитеръ отвѣчалъ:

— Не надѣйся, что когда-нибудь увидишь меня исполняющимъ вашу беззаконную волю, ибо я не оставлю Создавшаго огонь и солнце и не поклонюсь созданію.

Волхвъ, слыша это, повелѣлъ, обнаживъ святаго пресвитера Іосифа, растянуть и бить прутьями розоваго дерева,—вѣтви котораго колючи подобно терновнику,—до тѣхъ поръ, пока не была содрана вся кожа его и плоть не стала отпадать отъ костей.

Святый, будучи весь окровавленъ, воскликнулъ:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты благоволилъ омыться мнѣ отъ грѣховъ въ крови моей.

Послѣ долгихъ побоевъ святый былъ скованъ двумя желѣзными оковами и отправленъ въ темницу къ святому Акепсиму, гдѣ они находили одинъ въ другомъ отраду среди своихъ страданій, взаимно утѣшая другъ друга надеждою на милость Божію.

Когда пресвитеръ былъ отведенъ въ темницу, діаконъ Аиѳалъ остался предъ княземъ волхвовъ, стоя связаннымъ.

Волхвъ, посмотрѣвъ на него, сказалъ:

— А ты что скажешь? Исполнишь ли царское повелѣніе? Поклонишься ли великому солнцу? Вкусишь ли жертвенной крови, чтобы избавиться отъ предстоящихъ тебѣ бѣдствій? Или останешься упорнымъ и непокорнымъ, какъ и прочіе?

Святый діаконъ отвѣчалъ:

— Пить идоложертвенную кровь—это твое дѣло, нечестивый старикъ; за Бога ты считаешь то, что создано Богомъ. Я не буду въ такой степени слѣпъ душевными очами, какъ ты, и не почту тварь болѣе, чѣмъ Творца.

Тогда мучитель повелѣлъ связать руки его подъ колѣнами и вложить сквозь связанныя руки большой колъ, а шести палачамъ, по три съ каждой стороны, наступить на концы дерева и такимъ образомъ давить святаго и при семъ бить его безъ пощады колючими прутьями. Воины, прыгая на дерево, избили суставы мученика; стегая же его розгами, истерзали тѣло его.

Святый, мужественно претерпѣвая страданія, сказалъ волхву:

— Ты веселишься, мучитель, видя растерзанное человѣческое тѣло, какъ веселится песъ или воронъ, видя трупъ и желая насытиться имъ. Однако знай, нечестивецъ, что я считаю эти мученія за ничто.

Волхвъ, еще болѣе воспылавъ яростію, повелѣлъ еще сильнѣе бить святаго, пока не сломились кости его и плоть не начала отпадать отъ костей. Потомъ, переставъ бить, понесли его въ темницу, ибо онъ совсѣмъ не могъ ступить ногами по причинѣ жестокихъ ранъ, и, принеся, бросили его, какъ какое-либо бремя, къ первымъ двумъ страдальцамъ.

По прошествіи пяти дней святые были приведены изъ темницы на мѣсто, называемое Рай, гдѣ былъ храмъ бога огня, котораго почитали нечестивые Персы.

Князь волхвовъ, возсѣдая тамъ на судилищѣ, сказалъ святымъ:

— Скажите мнѣ безъ замедленія, будете ли еще оставаться въ своемъ безуміи или, измѣнившись къ лучшему, будете съ нами заодно?

Святые отвѣчали:

— Да будетъ тебѣ извѣстно, судія, что въ томъ убѣжденіи, которое имѣли отъ начала, мы остаемся понынѣ и пребудемъ въ немъ до конца. Ни угрозами, ни мученіями, ни подарками, ни инымъ какимъ-либо образомъ ты не измѣнишь нашего добраго исповѣданія. Единаго Бога, Господа всего, мы знаемъ и исповѣдуемъ, въ Него Единаго вѣруемъ и Ему Единому поклоняемся.

Волхвъ, услышавъ это, тотчасъ изобрѣлъ новое мученіе. Онъ повелѣлъ обвязать мучениковъ веревками подъ руки, также—и бедра и голени ихъ и, вложивъ въ веревки палки, вертѣть, и такимъ образомъ этими веревками стягивать ихъ. Когда дѣлали это, святые терпѣли жестокія мученія и страданія, ибо въ нихъ ломались кости, такъ что трескъ сокрушаемыхъ костей былъ слышенъ даже стоящимъ вдали.

Мучители говорили имъ:

— Не сопротивляйтесь царской волѣ.

Они отвѣчали:

— Всякій, кто исполняетъ волю вашего беззаконнаго царя, противится Богу.

Такъ мучили святыхъ отъ третьяго часа до шестаго[1]). Потомъ мучитель повелѣлъ снова отвести ихъ въ темницу, но святые не могли идти сами, посему ихъ несли—какъ ноши, и бросили туда же, гдѣ они были ранѣе. Мучитель отдалъ распоряженіе сторожамъ, чтобы они не позволяли никому приходить къ нимъ и чтобы тѣхъ, кто пожелалъ бы дать имъ пищу, или питье, или одежду, немедленно схватывали и убивали. И Христовы страдальцы пребывали въ этой темницѣ три года въ великой нуждѣ, изнемогая отъ голода и жажды и претерпѣвая чрезвычайныя страданія отъ загноившихся ранъ, такъ что и сами сторожа, при видѣ такого бѣдственнаго положенія ихъ, умилялись и много

---

[1]) На Востокѣ за начало дня считалось, по нашему часосчисленію, время отъ 6 часовъ утра. Отсюда 3-й часъ дня—по-нашему 9-й часъ утра, 6-й—12-й дня.

разъ плакали. Но, имѣя строгое запрещеніе отъ князя, они боялись дѣлать имъ какое-либо послабленіе; только тайно кто-нибудь изъ нихъ или изъ другихъ бывшихъ тамъ же узниковъ подавалъ имъ иногда кусокъ хлѣба или немного воды,— такъ терпѣли они изъ любви ко Христу.

По прошествіи трехъ лѣтъ, когда прибылъ туда Сапоръ, царь Персидскій, то пришелъ съ нимъ главный князь надъ всѣми персидскими волхвами, по имени Ардасаборъ. Узнавъ о святыхъ мученикахъ Акепсимѣ, Іосифѣ и Аиѳалѣ, находящихся въ темницѣ, онъ повелѣлъ привести ихъ къ нему.

Когда святые вышли изъ темницы, то были подобны трости, колеблемой вѣтромъ,—такъ они ослабѣли. Изнуренные голодомъ и жаждою, они высохли, подобно сѣну, падали отъ вѣтра и не могли сами идти. Когда ихъ привели къ князю Ардасабору, они представляли изъ себя ужасающее зрѣлище, ибо видъ ихъ былъ—какъ видъ мертвецовъ, лежащихъ во гробѣ: глаза глубоко ввалились, кости были покрыты только кожею.

Князь, увидѣвъ ихъ, сказалъ:

— Христіане ли вы?

Они отвѣчали:

— Такъ, мы—христіане, вѣруемъ въ Единаго Живаго Бога и поклоняемся Ему.

Князь сказалъ:

— Видите, какое бѣдствіе принесла вамъ ваша вѣра, какія несчастія и скорби? Ибо вы утратили отъ многихъ мученій и долгаго заключенія образъ живаго человѣка и сдѣлались похожими на мертвецовъ, лежащихъ въ гробѣ. Совѣтую вамъ поклониться пресвѣтлому солнцу. Если же не послушаетесь меня, то умрете лютою смертію.

Святые единогласно отказались отъ такого нечестія и исповѣдали Истиннаго Бога, создавшаго не только солнце, но и всякую тварь, и обнаружили полную готовность умереть за Создателя всего.

Послѣ долгаго спора, когда князь оказался не въ силахъ подчинить ихъ своей волѣ, то повелѣлъ сначала бить святаго Акепсима по спинѣ и по животу грубымъ ремнемъ; и били его тридцать воиновъ, глашатай же восклицалъ:

— Подчинись царскому повелѣнію и будешь живъ.

Святый, пока былъ въ силахъ, отвѣчалъ:

— Я стараюсь исполнять волю Господа моего всѣми силами, полученными отъ Него.

Потомъ, ослабѣвъ, замолчалъ. Послѣ этого отсѣкли его святую главу,—и исполнилось пророчество того боговдохновеннаго отрока, который прежде, цѣлуя его въ голову, сказалъ:

— Блаженна сія глава, ибо она пріиметъ мученіе за Христа.

Тѣло святаго мученика вытащили на улицу и бросили на съѣденіе псамъ, а стражи, стоя вдали, наблюдали, чтобы христіане не украли его. По прошествіи трехъ дней, когда стражи отошли куда-то, христіане взяли это многоцѣнное сокровище и предали его честно́му погребенію.

Послѣ умерщвленія святаго Акепсима стали бить, по приказанію мучителя, святаго пресвитера Іосифа, и глашатай восклицалъ:

— Будешь живъ, если подчинишься царской волѣ.

Святый же восклицалъ:

— Богъ—Единъ, и нѣтъ иного, кромѣ Него, Которымъ мы живемъ, и движемся, и существуемъ[1]), въ Него мы вѣруемъ, Его почитаемъ,—царскимъ же повелѣніемъ пренебрегаемъ.

Послѣ продолжительныхъ побоевъ святый изнемогъ и сдѣлался какъ бы мертвъ. Мучители, думая, что онъ умеръ, вытащили его вонъ и бросили на торговой площади; потомъ, узнавъ, что онъ еще дышитъ, взяли его и заключили въ темницу.

Послѣ того, какъ удалили святаго Іосифа, князь началъ говорить святому Аиѳалу:

— Вотъ, предъ твоими глазами жизнь и смерть, честь и безчестіе; не избирай себѣ худшаго, оставивъ лучшее,—не иди тѣмъ путемъ, которымъ пошли безумные и получили достойную, по своимъ дѣламъ, казнь. Ты же послушайся моего совѣта, чтобы сподобиться великихъ почестей и получить подарки изъ царскихъ рукъ; если же не послушаешься меня, то самъ будешь виноватъ въ своей погибели.

Святый діаконъ отвѣчалъ:

— Великій былъ бы для меня, предъ лицомъ Неба и земли, стыдъ, если бы я не пошелъ тѣмъ же путемъ, какимъ пошли предо мною отцы мои. Если они, будучи стары годами и немощны

---

[1]) Выраженіе заимствовано изъ Кн. Дѣян. Ап., гл. 17, ст. 28.

плотію, такъ мужественно пострадали, то мнѣ ли, болѣе молодому годами и болѣе сильному тѣломъ, бояться этихъ временныхъ мученій?—Не боюсь смерти за Христа, умершаго за меня, не хочу терять вѣчной жизни за временную жизнь, не продамъ своего благочестія за ваши подарки и почести.

Тогда князь сказалъ съ яростію окружающимъ:

— Возьмите и бейте его сильнѣе, чѣмъ первыхъ.

Святый же сказалъ:

— Песъ смердящій и нечистый! Эти мученія устрашаютъ только малодушныхъ, а не крѣпкихъ мужей, души которыхъ пылаютъ желаніемъ соединиться со Христомъ.

И начали сильно бить святаго Аиѳала. Князь съ удивленіемъ говорилъ своимъ:

— Почему это христіане пренебрегаютъ сею жизнію, а смерти желаютъ, какъ—благополучія житейскаго?

Окружающіе сказали ему:

— Они имѣютъ преданное отъ отцовъ ихъ ученіе, которое говоритъ, что есть иной міръ—лучшій, чѣмъ этотъ; вѣруя этому ученію, они пренебрегаютъ этимъ міромъ, въ надеждѣ на лучшій, потому и избираютъ себѣ добровольно смерть.

Между тѣмъ какъ князь въ продолженіе многихъ часовъ бесѣдовалъ такъ съ своими приближенными, святый принималъ въ это время безчисленныя раны.

Потомъ князь, притворяясь милосердымъ, приказалъ перестать бить мученика и сказалъ святому:

— Покорись царской волѣ и будешь здоровъ, ибо у насъ есть врачи, которые могутъ исцѣлить всѣ твои раны.

Святый отвѣчалъ:

— Если бы ты могъ однимъ словомъ исцѣлить меня отъ ранъ, то и тогда я не подчинился бы вашему беззаконію.

Князь сказалъ:

— Я сказалъ это, испытывая тебя; ибо, если бы ты и подчинился, тебѣ уже невозможно было бы исцѣлиться отъ такихъ и столь многихъ ранъ, которыя исцѣлить можетъ только одна смерть. Будь же примѣромъ[1]) для всѣхъ христіанъ,—чтобы не смѣли противиться царю и безчестить его князей.

---

[1]) Т. е.—устрашающимъ примѣромъ того, какъ наказываются ослушники царской воли.

Святый отвѣчалъ:

— Беззаконный судья! Хотя ты и говоришь всегда ложь, теперь же, самъ того не желая, сказалъ правду,—что я буду для всѣхъ христіанъ примѣромъ мужества и великодушія; ибо многіе изъ вѣрующихъ, взирая на меня какъ на живой примѣръ и видя мое твердое страданіе за Христа, исполнятся ревности о Господѣ Богѣ своемъ и пойдутъ на такія же мученія за Него.

Князь, удивляясь такому его мужеству и терпѣнію, взглянулъ на стоящаго поблизости своего любимаго друга, по имени Адесха, который былъ изъ города Арбелы[1]), и сказалъ ему:

— Возьми этихъ обоихъ христіанъ, Іосифа и Аиѳала, въ свой городъ и устрой такъ, чтобы они были побиты камнями своими же христіанами.

Онъ потому не захотѣлъ казнить ихъ самъ чрезъ усѣченіе мечомъ, чтобы христіанскіе учители приняли кончину отъ христіанскихъ же рукъ.

Адесхъ положилъ ихъ на животныхъ[2])—какъ снопы или бездушное дерево, ибо они не могли ни ходить, ни сидѣть, такъ какъ всѣ члены ихъ были разслаблены отъ безчисленныхъ мученій—почему и привязалъ ихъ къ животнымъ, и пошелъ съ ними въ свой городъ. На пути, когда нужно было остановиться для отдыха или ночлега, ихъ клали на землю, снимая съ животныхъ, какъ бы мертвыя тѣла, ибо они не могли шевельнуть ни руками, ни ногами, потому что, обезсиленные побоями, находились въ омертвѣніи; и если кто, по состраданію, хотѣлъ дать имъ пищи или немного воды, то своими руками влагалъ имъ въ уста; и снова, поднявъ ихъ съ земли, клали на животныхъ и, привязавъ какъ мертвыхъ, везли. По прибытіи же въ городъ Арбелу ихъ заключили въ смрадную темницу и не позволяли никому изъ христіанъ приходить къ нимъ и въ чемъ-либо помочь имъ. Раны ихъ очень загноились, изъ язвъ ихъ текли гной и кровь, и не было никого, кто бы обвязалъ ихъ раны, или перевернулъ бы на другой бокъ, или напоилъ бы чашею холодной воды. Такъ святые страдали за Бога.

Была въ томъ городѣ одна вѣрующая и святая женщина, по имени Снандулія, которая тайно питала страдающихъ въ тем-

---

[1]) См. примѣч. 3 на стр. 34.

[2]) Здѣсь разумѣются мулы и ослы, на которыхъ ѣздили и перевозили тяжести. Для перевозки болѣе значительныхъ тяжестей и на большія разстоянія употреблялись верблюды.

ницѣ за Христа. Узнавъ объ Іосифѣ и Аиѳалѣ, что они—въ темницѣ, она пришла туда ночью съ своими рабами; давъ сторожамъ много золота, она вошла въ темницу и нашла мучениковъ еле живыми: они не могли уже ничего говорить и едва лишь дышали. Снандулія упросила сторожей, чтобы позволили ей взять святыхъ на короткое время въ свой домъ, обѣщаясь до разсвѣта снова привести ихъ въ темницу,—и сторожа позволили ей. Взявъ мучениковъ, она перенесла ихъ въ свой домъ, который находился недалеко отъ темницы; положивъ на ложѣ, она омывала ихъ язвы, обтирала ихъ кровь чистыми полотенцами, мазала ею по тѣлу своему, помазывала ихъ драгоцѣннымъ муромъ, обвязывала струпья ихъ, цѣловала ихъ разбитыя руки и ноги и горько плакала надъ ними. Когда страданія ихъ нѣсколько облегчились, Іосифъ пришелъ въ себя и, взглянувъ, увидѣлъ эту благочестивую женщину, горько рыдавшую надъ нимъ; онъ началъ понемногу говорить ей:

— Такое твое благодѣяніе, о святая жена, благоугодно Богу и намъ, страждущимъ за Него; но неприлично такъ горько рыдать о насъ, и рыданіе это чуждо нашей христіанской надеждѣ и вѣрѣ.

Женщина отвѣчала:

— Я радуюсь тому, что Христосъ далъ вамъ столько мужества, что вы твердо претерпѣваете лютыя мученія; еще болѣе я возрадовалась бы, если бы увидѣла васъ претерпѣвшими мученіе до конца; плакать же свойственно человѣческой природѣ.

Святый Іосифъ сказалъ ей:

— Однако не слѣдуетъ тебѣ плакать о насъ, ибо ты знаешь, что всѣ, претерпѣваемыя за Христа, скорби ведутъ за собою вѣчное блаженство.

Когда стало разсвѣтать, святые тотчасъ были отнесены въ темницу. По прошествіи шести мѣсяцевъ,—когда святые нѣсколько уже исцѣлились отъ ранъ, могли встать на ноги и понемногу ходить, только лишь у Аиѳала руки висѣли неподвижно,—Адесхъ, получившій ихъ для казни отъ Ардасабора, былъ отрѣшенъ отъ своей власти, а вмѣсто него пришелъ другой судья, болѣе жестокій, чѣмъ первый, по имени Зеровъ. Когда онъ пришелъ въ городъ и сталъ приносить жертвы въ храмѣ бога ихъ—огня, жрецы извѣстили его о святыхъ мученикахъ, Іосифѣ и Аиѳалѣ, говоря:

— Есть въ темницѣ два христіанскихъ учителя, которые ранѣе были мучены Ардасаборомъ, а потомъ приведены сюда, чтобы сами христіане побили ихъ камнями. Такъ какъ они не могли ходить отъ ранъ, то посему мы не выводили ихъ на казнь, но ждали, пока они выздоровѣютъ, чтобы можно было заставить ихъ склониться къ единомыслію съ нами.

Услышавъ это, судія тотчасъ повелѣлъ привести ихъ къ нему и долго спорилъ съ ними, ласками и угрозами принуждалъ ихъ поклониться огню и вкусить ихъ жертвъ. Когда же онъ нисколько не успѣлъ въ этомъ, то сначала повелѣлъ повѣсить святаго Іосифа обнаженнымъ внизъ головой и бить воловьими жилами,—и когда сильно били его, то немного подживших раны снова открылись, и кровь текла, какъ бы изъ источниковъ, потоками. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тамъ волхвовъ приблизились къ святому и потихоньку сказали:

— Человѣкъ! Если стыдишься народа войти предъ всѣми въ храмъ нашего бога и принести вмѣстѣ съ нами жертву, то обѣщай сдѣлать это тайно, и будешь свободенъ отъ мученія.

Святый же громогласно воскликнулъ:

— **Ѿступи́те ѿ мене̑ вси̑ дѣ́лающіи беззако́ніе, ꙗ҆́кѡ ᲂу҆слы́ша гдⷭ҇ь моле́ніе моѐ** [1])!

Три часа били его, потомъ мучитель повелѣлъ, снявъ его, нести въ темницу, ибо онъ опять не могъ идти по причинѣ открывшихся ранъ.

Когда сняли и отнесли въ темницу святаго Іосифа, на мѣсто его былъ повѣшенъ святый Аиѳалъ и также безъ пощады былъ битъ въ теченіе долгаго времени. Онъ же безпрестанно восклицалъ:

— Я—христіанинъ.

Когда сняли и святаго Аиѳала, то на мѣсто его повѣсили одного человѣка манихейскаго злочестія [2]), который также, испо-

---

[1]) Псаломъ 6, ст. 9.

[2]) *Манихейство* — ересь, которая образовалась въ Персіи подъ вліяніемъ попытки объединенія христіанства съ началами персидской религіи Зороастра, проповѣдывавшей дуализмъ, т. е. существованіе отъ вѣка двухъ самостоятельныхъ началъ, или царствъ—добраго и злого. Основатель манихейства, Манесъ (ж. въ III в.), сначала былъ магомъ, потомъ принялъ христіанство, сдѣлался даже пресвитеромъ, но вскорѣ былъ отлученъ отъ Церкви за свою склонность къ языческой персидской религіи и впослѣдствіи, при персидскомъ царѣ Варанѣ I, былъ казненъ. По его ученію, Христосъ есть лишь свѣтлый эонъ (духъ), происшедшій отъ Отца свѣта чрезъ истеченіе. Одна половина Его была поглощена матеріей и составила душу видимаго міра, т. н. страждущаго Іисуса, вторая, съ помощію другого эона, Животворящаго Духа, освободилась отъ матеріи и

вѣдавъ предъ всѣми свою злочестивую вѣру, порицалъ Персовъ за ихъ нечестіе. Повѣсивъ его, начали бить. Первоначально онъ терпѣлъ причиняемыя ему раны; когда же его стали бить съ большею жестокостію, онъ началъ кричать громкимъ голосомъ, проклиная своего учителя, отказываясь отъ вѣры его и обѣщая поклониться персидскимъ богамъ. Присутствовавшій тамъ святый Аиѳалъ, услышавъ это, исполнился радости и смѣялся надъ нимъ, говоря:

— Ты только отвѣдалъ мученія и уже отрекся отъ своего Манеса (основателя манихейской ереси). Благословенъ Христосъ Богъ нашъ, укрѣпляющій насъ во всѣхъ жесточайшихъ мученіяхъ и подающій намъ силу быть непобѣдимыми и непоколебимыми въ нашей благочестивой вѣрѣ!

Услышавъ это, судія разгнѣвался на святаго и повелѣлъ снова бить его колючими розовыми прутьями. И били его до тѣхъ поръ, пока не подумали, что онъ уже умеръ, и, вытащивъ его вонъ, бросили какъ мертваго. Нѣкто изъ волхвовъ, видя лежащее нагое тѣло, сжалился, повинуясь природному чувству, и покрылъ его простынею. Нѣкоторые изъ товарищей его, увидя это, сказали судьѣ о томъ, что онъ сдѣлалъ, и, схвативъ, били его безпощадно. Такъ безжалостные заплатили ему за добро; замѣтивъ же, что святый Аиѳалъ еще дышитъ, они взяли его за ноги и оттащили въ темницу.

По прошествіи нѣкотораго времени святые мученики снова были вынесены къ судьѣ изъ темницы, и онъ сказалъ имъ:

— Пожалѣйте сами себя, люди,—вкусите жертвенной крови и освободитесь отъ мученій.

Они же единогласно отвѣчали:

— Пить кровь прилично не людямъ, а только плотояднымъ псамъ. Но такъ какъ ты хотя и человѣкъ по природѣ, но песъ по нраву, лающій на создавшаго тебя Бога, то самъ пей кровь и насыться ею.

Судья, разгнѣвавшись, снова повелѣлъ бить ихъ. Присутствовавшіе, сожалѣя ихъ, стали говорить:

помѣстилась въ солнцѣ; это—т. н. безстрастный Іисусъ. Воплощеніе Христа—это есть сошествіе съ солнца безстрастнаго Іисуса для освобожденія страждущаго Іисуса, свѣтлыя частицы котораго сатана, будто бы, собралъ и, для большаго удобства обладанія ими, заключилъ въ лицѣ человѣка. По этому ученію, воплощеніе Христа было только призрачнымъ (докетизмъ). Въ нравственномъ отношеніи оно проповѣдовало борьбу съ матеріей для освобожденія отъ нея свѣта, чрезъ постепенное умерщвленіе въ себѣ плоти. Ересь манихеевъ была особенно распространена въ IV и V вв.

— Вмѣсто крови, вкусите хотя вареннаго жертвеннаго мяса, чтобы освободиться отъ мученій.

Святые отвѣчали:

— Мы ничѣмъ не осквернимъ нашей непорочной вѣры.

Послѣ сего судья съ своими совѣтниками утвердилъ такой приговоръ надъ святыми мучениками—чтобы христіане побили ихъ камнями.

Святый же Іосифъ сказалъ:

— Я хочу сообщить судьѣ нѣкоторую тайну.

Судья тотчасъ подошелъ къ нему, думая, что онъ хочетъ принести жертву идоламъ. Святый же, плюнувъ судьѣ въ лицо, сказалъ:

— Не стыдно ли тебѣ, безчеловѣчный судья, столь жестоко бороться противъ человѣческой природы и обращать свою ярость противъ умирающихъ?

И возвратился судья со стыдомъ на свое мѣсто. Тотчасъ же было послано по христіанскимъ домамъ множество слугъ, и они насильно привели христіанъ изъ домовъ на судилище, чтобы тѣ побили камнями святаго Іосифа. Оттащивъ его на просторное мѣсто, немного въ сторону отъ судилища, они выкопали яму до бедръ и поставили въ нее святаго, потому что иначе онъ не могъ стоять. Связавъ ему руки назадъ и поставивъ вокругъ христіанъ, слуги вкладывали въ руки христіанъ камни и принуждали послѣднихъ бросать ихъ въ святаго, что тѣ и дѣлали, хотя и противъ своей воли. Привели и блаженную Снандулію и заставляли ее бросить камнемъ въ святаго.

Она же воскликнула:

— Отъ вѣка не слышано, чтобы кто-либо принуждалъ женщину поднять руку на святыхъ мужей, какъ дѣлаете вы, воюя не противъ враговъ, но противъ насъ, и наполняя кровью и убійствомъ отечество, находящееся въ мирѣ.

Нечестивцы прикрѣпили къ длинной палкѣ желѣзный рогъ и дали Снандуліи въ руки, чтобы она издали пронзила имъ святаго.

Она же сказала:

— Для меня было бы лучше, если бы вонзили это въ мое сердце, чѣмъ коснуться тѣла святаго и неповиннаго мужа.

Вокругъ святаго было набросано множество камней, такъ что только голова его была видна. Нѣкто изъ нечестивыхъ, поднявъ большой камень, замахнулся имъ надъ головою святаго, и ударилъ

его этимъ камнемъ въ голову, и раздробилъ ее. Такъ добрый страдалецъ предалъ свой духъ въ руки Господу. Была поставлена стража охранять мученическое тѣло, какъ какое-либо сокровище, чтобы оно не было украдено вѣрующими. По прошествіи трехъ дней произошло великое землетрясеніе. Огонь, упавъ съ неба, сжегъ сторожей и разметалъ камни, какъ прахъ. Когда же землетрясеніе, громъ и молніи прекратились, пришли люди на мѣсто, гдѣ тѣло святаго было забросано камнями, и увидѣли, что камни раскиданы, тѣла же святаго не нашли, ибо Господь, вѣдомыми только Ему судьбами, перенесъ его въ невѣдомыя мѣста.

Святый діаконъ Аиѳалъ былъ отвезенъ въ селеніе, называемое Патріасъ[1]), и тамъ также христіане побили его, по принужденію, камнями; святое же тѣло его жившіе поблизости иноки, придя ночью, тайно взяли и предали честному погребенію. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ святый Аиѳалъ, выросло дерево *мурсина*[2]), отъ котораго по молитвамъ святаго мученика исцѣлялись всякія болѣзни. И стояло то дерево въ теченіе пяти лѣтъ, исцѣляя недуги всѣхъ приходящихъ. При видѣ этого нечестивые по зависти срубили его подъ корень. Многіе изъ достойныхъ видѣли на томъ мѣстѣ блистаніе небеснаго свѣта и Ангеловъ, воспѣвающихъ и славящихъ Бога, прославляющаго Своихъ святыхъ, молитвами которыхъ да сподобимся и мы воспѣвать, вмѣстѣ съ Ангелами, славу въ Вышнихъ Богу вовѣки. Аминь.

Кондакъ мучнковъ, гласъ є:

Нѣ́ственнаѧ мꙋ́дре, непоро́чнѡ тайноводи́лъ є҆сѝ, же́ртва пріѧ́тна бы́лъ є҆сѝ бг҃облаже́нне: хрⷭ҇то́вꙋ бо пи́лъ є҆сѝ ча́шꙋ сла́внѡ ст҃е а҆кѵ́ѱімо, со страда́льцы твои́ми, молѧ́сѧ непреста́нно ѿ всѣ́хъ на́съ.

---

[1]) Это селеніе находилось въ Бетъ-Нугардской области. Нугарды—городъ съ епископіей, подчиненный митрополіи Мосульской.

[2]) *Мурсина* —миртъ, миртовое дерево. Оно растетъ въ Азіи, въ тропическихъ странахъ Америки, въ Африкѣ—въ Египтѣ и въ южной Европѣ, по берегамъ Средиземнаго моря. Дерево это достигаетъ 3-хъ сажень высоты, имѣетъ красноватую кору и длинныя крѣпкія вѣтви съ постоянно зелеными мелкими листьями и съ распускающимися въ маѣ бѣлыми душистыми цвѣтами. Миртовое дерево было самымъ любимымъ у древнихъ, его разводили въ садахъ, имъ въ праздники украшались жилища, миртовые вѣнки надѣвали на голову во время пиршествъ, особенно—свадебныхъ. Миртъ почитался у древнихъ вообще символомъ любви, тихаго счастія, изображеніемъ радостныхъ обстоятельствъ въ настоящемъ и свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ.

ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА

ГЕОРГІЯ

въ Лиддѣ

Третьяго ноября Русская церковь воспоминаетъ обновленіе храма святаго великомученика Георгія въ Лиддѣ[1]).

Святый великомученикъ Георгій пострадалъ въ жестокое гоненіе на Церковь Римскаго императора Діоклетіана. Во время своихъ страданій, будучи заключенъ въ темницу, святый Георгій просилъ темничнаго стража допустить къ нему въ темницу его слугу, и когда слуга былъ допущенъ къ нему, то онъ упросилъ его перенести тѣло его по смерти въ Палестину. Слуга въ точности исполнилъ просьбу своего господина. Взявъ изъ темницы обезглавленное тѣло великомученика, онъ съ честію похоронилъ его въ городѣ Рамлѣ[2]).

Въ царствованіе благочестиваго императора Константина чтители святаго великомученика выстроили во имя его прекрасный храмъ въ Лиддѣ. Въ этотъ храмъ ко времени его освященія были перенесены изъ Рамлы нетлѣнныя мощи святаго великомученика. Событіе это произошло 3-го ноября. Неизвѣстно, было ли уже и тогда установлено каждогодное празднованіе этого дня,—во всякомъ случаѣ въ мѣсяцесловѣ Сирской церкви отъ 1030-го года 3-е ноября отмѣчается какъ праздничный день.

Впослѣдствіи великолѣпный храмъ великомученика, составлявшій одно изъ главныхъ украшеній города Лидды, пришелъ въ большое запустѣніе. Неповрежденными въ немъ остались только алтарь и самый гробъ великомученика, гдѣ христіане продолжали отправлять свое Богослуженіе. Вниманіе къ этому храму со стороны Православной Руси пробудилось во второй половинѣ XIX вѣка. Жертвы благотворителей и обильныя средства, отпущенныя Русскимъ правительствомъ, дали возможность Лиддѣ вновь увидѣть этотъ храмъ благоустроеннымъ и приукрашеннымъ. Освя-

---

[1]) *Лидда,* или *Діосполисъ,*—городъ въ Палестинѣ, въ равнинѣ Саронской, въ предѣлахъ колѣна Веніаминова.

[2]) *Рамла* —городъ въ Палестинѣ, недалеко отъ Іоппіи.

щеніе обновленнаго храма состоялось въ 1872-мъ году 3 ноября, въ годовщину того дня, въ который онъ былъ освященъ впервые. Воспоминаніе о семъ знаменательномъ событіи Русская церковь совершаетъ въ этотъ день и до настоящаго времени; въ честь сего торжества на Руси построено много монастырей и церквей.

Кондакъ, гласъ ѝ:

Къ возбранному ѝ скорому заступленію твоему прибѣгше вѣрніи, молимъ ѝзбавитися страстотерпче Христовъ, ѿ соблазнъ вражіихъ, воспѣвающымъ тѧ, ѝ всѧкихъ бѣдъ, ѝ ѡѕлобленій, да зовемъ: радуйсѧ, мчнче Георгіе.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

АКЕПСИМА

Святый Акепсимъ жилъ въ царствованіе Ѳеодосія Великаго[1]). Затворившись въ малой келліи, онъ прожилъ въ ней 60 лѣтъ, перенося сильный жаръ и холодъ, никого не видя, ни съ кѣмъ не бесѣдуя и только молясь Богу. Келлія его была выкопана въ землѣ и была очень неудобна для обитанія; пищею же ему служила чечевица, смѣшанная съ водою, да и то однажды въ недѣлю. Необходимую для питья воду онъ черпалъ изъ ближайшаго источника ночью, чтобы никто его не видалъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ онъ принялъ санъ епископа и, сотворивъ многочисленныя чудеса, въ мирѣ предалъ духъ Господу.

---

[1]) *Ѳеодосій Великій* —Римскій императоръ съ 379 по 395 г. Въ его царствованіе вѣра христіанская была окончательно утверждена въ Римской имперіи.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АТТИКА, АГАПІЯ, ЕВДОКСІЯ, КАТЕРІЯ, ИСТУКАРІЯ, ПАКТОВІЯ и НИКТОПОЛІОНА

Святые мученики Аттикъ и Евдоксій въ царствованіе Декія[1]) состояли воинами въ городѣ Севастіи[2]) вмѣстѣ съ Катеріемъ и Истукаріемъ. Святые за распространеніе вѣры во Христа были схвачены полководцемъ Маркелломъ, который предалъ ихъ многочисленнымъ мученіямъ. Послѣ того они были ввержены въ темницу, гдѣ были биты по плечамъ и по чреву воловьими жилами, и затѣмъ имъ были сокрушены зубы. Во время мученія полководецъ, обратившись къ святому Катерію, спросилъ:

— Ты научилъ народъ не слушаться царскихъ повелѣній?

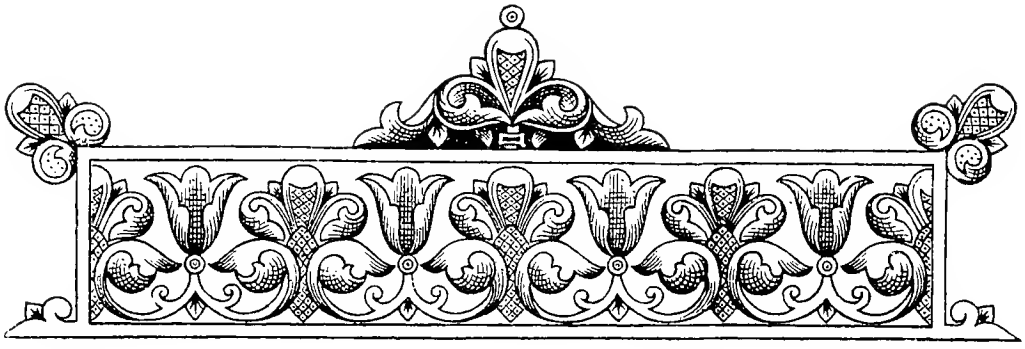
— Я не училъ народъ,—отвѣтилъ онъ,—противиться царю, но научилъ вѣровать безсмертному Царю-Христу.

Послѣ сего были приведены святые: Истукарій, Пактовій и Никтополіонъ, которые исповѣдывали Христа Бога, за что были осуждены и биты кольями, а также претерпѣли и другія многочисленныя мученія и наконецъ вмѣстѣ съ другими были осуждены на сожженіе и такъ о Господѣ скончались.

---

1) *Декій*—Римскій императоръ, жестокій гонитель христіанъ; царствовалъ съ 249 по 251 г.

2) Подъ этимъ именемъ извѣстно нѣсколько городовъ. Здѣсь говорится о Севастіи Армянской.



День четвертый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННИКІЯ ВЕЛИКАГО

Преподобный Іоанникій родился въ Виѳинской области, въ селеніи, носившемъ названіе Марикати[1]). Отца его звали Миритрикіемъ, а мать—Анастасіею. Когда Іоанникій сталъ подрастать, родители поручили ему пасти домашній ихъ скотъ. Наукамъ онъ хотя и не обучался, однако превосходилъ разумомъ многихъ ученыхъ, потому что изучилъ Заповѣди Господни. Слѣдуя внушеніямъ вразумлявшаго его Духа Святаго, онъ былъ весьма добродѣтеленъ, кротокъ, смиренъ, терпѣливъ и послушливъ, а къ молитвѣ имѣлъ такое усердіе, что часто, оставивъ свое стадо, по цѣлымъ днямъ стоялъ въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ и усердно молился Богу. Когда же онъ удалялся на молитву, то осѣнялъ свое стадо крестнымъ знаменіемъ, и стадо его никуда не расходилось, его не расхищали ни звѣри, ни воры, и блаженный отрокъ, возвращаясь къ вечеру изъ своего уединенія, пригонялъ стадо домой.

---

1) *Виѳинія* была сѣверо-западной провинціей Малой Азіи. Нынѣ она занимаетъ сѣверную часть Анатоліи. Христіанство въ Виѳиніи появилось еще при Апостолахъ. Нынѣ въ Виѳинской епархіи находится 12 епископскихъ каѳедръ, подвѣдомыхъ архіепископу Никомидійскому.—Селеніе *Марикати* находилось къ сѣверу отъ Аполлоніи—извѣстной колоніи на берегу Понта, во Ѳракіи.

Такъ проводилъ жизнь святый до тѣхъ поръ, пока не вступилъ въ юношескій возрастъ. Въ то время въ Греціи царствовалъ нечестивый Левъ, сынъ Константина Копронима, зараженный иконоборческою ересью[1]). Этотъ царь сталъ собирать со всей имперіи въ свое войско молодыхъ людей, отличавшихся красотою и храбростью. Посланные имъ для производства этого набора пришли и въ Виѳинскую область. Посѣтивъ то селеніе, гдѣ жилъ Іоанникій, они увидѣли, что сей юноша былъ красивъ, имѣлъ высокій ростъ, крѣпкое тѣло и былъ способенъ къ военной службѣ; посему они взяли его съ собою и зачислили его въ экскувиторы[2]). Съ того времени Іоанникій началъ военную службу и былъ страшенъ своимъ мужествомъ врагамъ, а по кротости и смиренію своему—любезенъ своимъ сотоварищамъ; всего же угоднѣе былъ онъ Богу, такъ какъ тщательно соблюдалъ Его святыя Заповѣди. Но діаволъ, изъ зависти къ такой добродѣтельной жизни Іоанникія, увлекъ его въ иконоборческую ересь. Эта ересь въ то время производила большое смущеніе въ Церкви Божіей: изъ храмовъ Господнихъ выбрасывались святыя иконы, а тѣ, кто поклонялся имъ, подвергались преслѣдованіямъ. И такъ обольщенъ былъ Іоанникій тою ересью, что даже и слышать не хотѣлъ ничего о святыхъ иконахъ. Но Богъ, хотящій всѣмъ спасенія, спасъ и его отъ такого обольщенія слѣдующимъ образомъ.

Прп҃бный
ІѡАННІКІЙ

По устроенію Божію, Іоанникій былъ посланъ съ своимъ отрядомъ на Востокъ и на возвратномъ пути оттуда проходилъ чрезъ

---

1) *Левъ IV* царствовалъ съ 775 до 780 г по Р. Хр. *Иконоборцы*—еретики, возстававшіе противъ почитанія святыхъ иконъ. Гоненіе на иконы началось при императорѣ Львѣ Исаврѣ въ 626 г.

2) Гвардейскіе солдаты, охранявшіе царскій дворецъ.

гору Олимпъ[1]), на которой въ то время жилъ одинъ инокъ, отличавшійся особою прозорливостью. Сей инокъ, узнавши отъ Духа Божія, что мимо него идетъ съ отрядомъ Іоанникій, вышелъ изъ своей пустынной келліи и сказалъ ему:

— Чадо Іоанникій! Если ты называешься христіаниномъ, то почему презираешь икону Христа? Всѣ твои подвиги въ добродѣтельной жизни напрасны, если ты не имѣешь правой вѣры.

Услышавъ сіе, Іоанникій удивился, что его назвалъ по имени тотъ, кто его не зналъ, и что о его дѣлахъ знаетъ человѣкъ, никогда его не видавшій. Понявъ, однако, что говорившій съ нимъ исполненъ Духа Божія и что онъ узналъ всѣ его дѣла въ силу своей прозорливости, Іоанникій упалъ предъ нимъ на землю, кланяясь ему и прося у него прощенія. Онъ говорилъ, что согрѣшилъ по невѣдѣнію, и обѣщался воздавать подобающую честь и поклоненіе иконѣ Христа и изображеніямъ всѣхъ святыхъ. Съ этого времени блаженный Іоанникій началъ усердно почитать святыя иконы и глубоко раскаявался въ томъ, что, по невѣжеству своему, презиралъ ихъ. Желая загладить свой грѣхъ, онъ сталъ изнурять себя постомъ и различными способами умерщвлять свою плоть. Пребывая въ сѣняхъ царскаго дворца, онъ ложился на голую землю, молился по цѣлымъ ночамъ, вкушая очень немного пищи; однако, когда ему приходилось бывать на общей трапезѣ съ воинами, онъ старался скрыть отъ нихъ свое постничество.

Когда онъ провелъ цѣлыхъ шесть лѣтъ въ такихъ подвигахъ, на грековъ ополчились съ большими силами болгары и стали опустошать Ѳракію[2]). Царь греческій вышелъ противъ нихъ со всѣмъ своимъ войскомъ, въ которомъ находился въ то время и блаженный Іоанникій. Когда оба войска, сойдясь, начали сраженіе и болгары стали одолѣвать грековъ, то Іоанникій показалъ чрезвычайную храбрость, поражая иноплеменниковъ какъ новый Давидъ; онъ, предъ лицомъ самого царя, спасъ свой отрядъ отъ вражескихъ мечей, мужественно отражая нападеніе враговъ и по-

---

[1]) *Олимпъ* —гора въ Виѳиніи, привлекавшая своею уединенностью и дикостью многихъ пустынниковъ.

[2]) *Ѳракія*—(въ обширномъ смыслѣ) въ древности обнимала собою нынѣшнюю восточную часть Венгріи, Трансильванію, Бессарабію, Молдавію, Валахію, Болгарію, Сербію и восточную часть Румеліи. Но въ собственномъ смыслѣ Ѳракіей называлась только восточная часть нынѣшней Румеліи.—Болгары, жившіе къ сѣверу отъ Греціи, въ тѣ времена дѣлали частыя нападенія на Греческую имперію.

сѣкая ихъ, какъ тростникъ. Онъ избавилъ также одного знатнаго греческаго вельможу, вступившаго въ бой съ болгарами, котораго тѣ уже захватили было въ плѣнъ: бросившись на нихъ, Іоанникій однихъ зарубилъ мечомъ своимъ, другихъ разогналъ и, такимъ образомъ, освободилъ плѣненнаго вельможу. Царь, обративъ вниманіе на его храбрость, спросилъ о его отечествѣ, происхожденіи и имени и повелѣлъ все это записать въ памятную книгу[1]), чтобы, по окончаніи сраженія, можно было почтить такого храбраго воина высокимъ саномъ и другими подарками. Между тѣмъ Іоанникій, увидавъ одного болгарина, страшнаго видомъ, подобно Голіаѳу,—который загородилъ путь грекамъ и убивалъ ихъ,—устремился на него и тотчасъ обезглавилъ его. Таково было мужество блаженнаго Іоанникія въ борьбѣ противъ враговъ видимыхъ; оно предуказывало собою его будущую борьбу съ врагами невидимыми и побѣду его надъ ними.

Возвращаясь послѣ войны мимо горы Олимпійской, Іоанникій вспомнилъ о томъ инокѣ, который, выйдя къ нему изъ пустыни, обличилъ его въ иконоборческой ереси. Вспомнивъ объ этомъ, онъ рѣшилъ въ умѣ своемъ оставить все и, поселившись на той горѣ, жить въ безмолвіи, какъ инокъ, пребывая въ общеніи съ однимъ только Богомъ. Свое рѣшеніе онъ вскорѣ исполнилъ. Ибо когда онъ пришелъ въ царскую столицу и за оказанное имъ въ бояхъ мужество долженъ былъ получить здѣсь почетное званіе и подарки отъ царя, то все сіе онъ презрѣлъ, почитая за уметы[2]). Удалившись отъ своихъ товарищей по оружію, онъ, на двадцать пятомъ году своей военной службы, пошелъ къ инокамъ, чтобы начать новую брань—противъ «духовъ злобы поднебесныхъ»[3]). Прибывъ въ монастырь Авгарскій и будучи хорошо принятъ жившими тамъ иноками, Іоанникій открылъ игумену Григорію свое намѣреніе идти въ пустыню и жить тамъ въ одиночествѣ и безмолвіи. Игуменъ сначала одобрилъ его рѣшеніе, но потомъ сказалъ:

— Хотя и доброе ты замыслилъ, возлюбленный, но я не совѣтую тебѣ избирать прямо пустынный образъ жизни и удаляться отъ людей, прежде чѣмъ ты не привыкнешь къ иноческимъ уста-

[1]) Царскіе чиновники имѣли особые дневники, въ которые заносились всѣ важнѣйшія событія, совершавшіяся въ имперіи.

[2]) Т. е. считая простымъ соромъ, который выметается изъ дома. Посл. къ Филип., гл. 3, ст. 8.

[3]) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 12.

вамъ и обычаямъ. Итакъ, поживи сначала съ добродѣтельными и опытными иноками, узнай отъ нихъ, въ какіе часы и какъ должно совершать молитву, научись смиренномудрію, послушанію и кротости, а затѣмъ уже ты можешь идти въ пустыню. Опасайся, чадо, чтобы, начавъ вести такую жизнь безъ наученія, не быть тебѣ самому уязвленнымъ и побѣжденнымъ отъ врага, вмѣсто того чтобы уязвить и побѣдить его.

Іоанникій, внявъ сему полезному совѣту, на время оставилъ свое намѣреніе и сталъ жить съ благочестивыми мужами, чтобы пріучить себя къ ихъ добродѣтельному житію. Онъ присматривался къ иноческимъ уставамъ и жизни въ трехъ монастыряхъ и сначала учился въ монастырѣ Авгарскомъ, а потомъ пошелъ въ другой монастырь, называвшійся Утотеласъ, и, будучи человѣкомъ некнижнымъ, началъ тамъ учиться грамотѣ. Увидѣвъ же, что монастырь тотъ часто посѣщается мірянами и что изъ-за нихъ нарушается иноческое безмолвіе, онъ ушелъ отсюда и пришелъ въ третью обитель, Антидіеву, гдѣ и прожилъ два года. Онъ изучилъ тамъ тридцать Псалмовъ Давидовыхъ и получилъ много пользы для иноческой жизни отъ тамошнихъ иноковъ.

По истеченіи двухъ лѣтъ Іоанникій снова возгорѣлся желаніемъ жить въ пустынномъ безмолвіи и вознамѣрился взойти на близълежавшую гору и, поселившись тамъ въ уединеніи, начать пустынное житіе. Но передъ этимъ онъ семь дней пробылъ въ постѣ и усердно молился Богу, чтобы Онъ былъ ему руководителемъ на пути, который онъ избралъ. Въ седьмой день сей новый Моисей[1]) услышалъ свыше Голосъ, повелѣвавшій ему идти на ту гору. Іоанникій вышелъ изъ Антидіева монастыря и поспѣшилъ къ недалеко отстоявшей оттуда горѣ. Взошедши на нее, онъ сталъ искать тамъ мѣсто для обитанія. И вотъ, онъ увидѣлъ двухъ иноковъ пустынножителей, на которыхъ были одежды изъ волоса и которые питались растущими въ пустынѣ травами. Подойдя къ нимъ, блаженный поклонился имъ; они же, вставши, сотворили молитву и потомъ стали бесѣдовать съ нимъ. Іоанникій разсказалъ имъ о себѣ все и открылъ свои намѣренія, а иноки съ своей стороны не оставили его безъ вразумленія. Они предсказывали ему, что чрезъ пятьдесятъ лѣтъ его подвижничества, при самомъ концѣ

---

[1]) *Моисей,* какъ извѣстно, получилъ отъ Бога повелѣніе одному взойти на гору Синай для полученія Закона. Кн. Исх., гл. 24, ст. 1—2.

его жизни, ему будетъ причинено искушеніе завистливыми людьми, «но,—говорили святые,—горькія послѣдствія этого искушенія падутъ на ихъ же головы, ты же не потерпишь никакого зла», что и сбылось, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго.—Предсказывая сіе Іоанникію, блаженные пустынники дали ему власяную одежду, которая на туземномъ языкѣ зовется *левитонаръ*. Сія одежда была для Іоанникія какъ бы непроницаемымъ щитомъ противъ всѣхъ вражескихъ стрѣлъ, какъ о семъ онъ повѣдалъ впослѣдствіи самъ. По окончаніи душеполезной бесѣды пустынники разошлись и удалились въ отдаленную пустыню, а Іоанникій пошелъ на гору, которая называлась Трихаликсъ, и пребывалъ тамъ, не имѣя келліи, прямо подъ покровомъ неба. Узнавъ о немъ, вышеупомянутый игуменъ Авгарскаго монастыря Григорій построилъ ему на той горѣ небольшую хижину, въ которой блаженный могъ бы укрываться отъ бури, дождя и снѣга,—и Іоанникій, затворившись, пребывалъ въ той хижинѣ. Потомъ къ нему начали ходить монастырскіе братія, желая насладиться его душеполезною бесѣдою. Это было ему непріятно, потому что симъ нарушалось его безмолвіе, и посему, оставивъ ту гору, онъ пошелъ искать другого мѣста для безмолвной жизни. Проходя мимо селенія, находившагося въ Геллеспонтѣ [1]), онъ увидѣлъ вблизи него другую высокую гору, съ непроходимыми дебрями и скалами, поселился въ ней и, выкопавъ себѣ тѣсную и глубокую въ землѣ пещеру, началъ жить въ ней, никуда изъ нея не выходя. Пищу получалъ онъ отъ одного пастуха, который пасъ на той горѣ козъ. Онъ приносилъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ, по немногу хлѣба и воды святому, получая за сіе отъ него высшій даръ—благословеніе и молитву. Святый подвизался тамъ три года, день и ночь молясь и прославляя Бога. Воспѣвая Псалмы Давидовы, онъ къ каждому стиху присоединялъ такія слова:

— Упованіе мое—Отецъ, прибѣжище мое—Христосъ, покровъ мой—Духъ Святый.

Такъ утѣшался святый, повторяя сіи слова; по его примѣру многіе и теперь имѣютъ обычай часто произносить ихъ [2]).

---

[1]) *Геллеспонтъ* — нынѣшній Дарданелльскій проливъ. Геллеспонтомъ назывался также и округъ на восточномъ берегу этого пролива.

[2]) Эта молитва преп. Іоанникія употребляется и нынѣ въ Богослуженіи церковномъ, именно въ концѣ Повечерія, въ такомъ видѣ: оу҆пова́нїе моѐ ѻ҆ц҃ъ, прибѣ́жище моѐ сн҃ъ, покро́въ мо́й дх҃ъ ст҃ый, тр҃це ст҃а́м, сла́ва тебѣ́.

Черезъ три года своего пребыванія въ тѣсной пещерѣ святый однажды отправился къ одной, недалеко отъ него находившейся, церкви. Случайно въ ту же церковь пришли нѣсколько воиновъ, которые нѣкогда служили вмѣстѣ съ Іоанникіемъ и были дружны съ нимъ. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ Іоанникія, узналъ его и, обнявъ его, плакалъ отъ радости и вспоминалъ ему объ ихъ прежнемъ житіи и о храбрости, какую они обнаруживали въ бояхъ, а также и о тѣхъ почестяхъ, какихъ Іоанникій удостоился получить отъ царя. Воинъ удивлялся, почему Іоанникій, все сіе оставивъ, предпочелъ жить въ нищетѣ. Когда же сей воинъ обратился къ другимъ, желая разсказать имъ объ Іоанникіи, въ это время Іоанникій ушелъ отъ нихъ и, желая дальше скрыться отъ всѣхъ, удалился въ горы Контурійскія[1]), гдѣ было много звѣрей и змѣй. Тамъ поселился святый, избѣгая славы человѣческой; онъ жилъ со звѣрями и змѣями и говорилъ съ Давидомъ: сѐ, оу҆дали́хсѧ бѣ́гаѧ, и҆ водвори́хсѧ въ пꙋсты́ни, ча́ѧхъ бг҃а, сп҃са́ющаго мѧ̀ ѿ малодꙋ́шїѧ и҆ ѿ бꙋ́ри[2]).

Спустя довольно времени, Іоанникій рѣшилъ пойти въ Ефесъ къ церкви святаго Іоанна Богослова[3])—для того, чтобы помолиться тамъ. На дорогѣ въ Ефесъ, проходя мимо одного молитвеннаго дома[4]), онъ встрѣтилъ, при закатѣ солнца, чету супруговъ, шедшихъ къ тому дому помолиться о своихъ почившихъ родителяхъ. Увидѣвъ его, супруги испугались, ибо онъ былъ страшенъ: высокій ростомъ, одѣтый въ рубище, босой и весь обросшій волосами. Святый же, видя, что они трепещутъ отъ страха, кротко сказалъ имъ:

— Не бойтесь, дѣти, но скажите мнѣ, куда ведетъ эта дорога?

Они сказали, что дорога идетъ къ рѣкѣ, которая въ то время была въ полномъ разливѣ, такъ что ту рѣку нельзя было переплыть безъ ладьи. Іоанникій же пошелъ къ рѣкѣ и, подойдя къ ней, немного отдохнулъ, а въ полночь всталъ и перешелъ на другой берегъ по водѣ, какъ по сушѣ, не замочивъ ногъ. Когда

---

1) На западѣ Малой Азіи.

2) Псал. 54, ст. 8—9.

3) Въ Ефесѣ св. Апостолъ Іоаннъ долго жилъ и тамъ же скончался. Ефесъ считался столицей Малой Азіи.

4) Вѣроятно, это была часовня. Часовни, или молитвенные дома, строились пустынниками, которымъ далеко было ходить въ церковь, или же частными лицами, особенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скончались и были погребены ихъ родители.

же онъ пришелъ въ Ефесъ и подошелъ къ храму святаго Іоанна Богослова, передъ нимъ сами собой отверзлись церковныя двери. Войдя внутрь, онъ усердно помолился, кланяясь и лобызая святую икону возлюбленнаго ученика Христова. Когда же онъ вышелъ изъ церкви, двери тотчасъ же затворились сами собою, и онъ снова пошелъ въ путь, возвращаясь съ своему жилищу въ Контурійскихъ горахъ. Случилось ему въ это время проходить мимо нѣкоего женскаго монастыря, гдѣ была одна монахиня, имѣвшая при себѣ юную дочь, которая, будучи объята плотскою страстію, хотѣла оставить иноческую жизнь и мать свою и, возвратившись въ миръ, выйти замужъ. Мать со слезами умоляла ее, чтобы она претерпѣла плотскую брань ради любви ко Христу, чтобы не оставляла иночества и не отдавала бы себя на поруганіе и погибель бѣсу. Но она не въ силахъ была убѣдить той, которая горѣла пламенемъ страстей и уже рѣшилась бѣжать изъ монастыря. Узнавъ все это, блаженный Іоанникій почувствовалъ жалость къ той дѣвицѣ и, призвавъ ее, сказалъ:

— Положи, чадо, руку твою на мою шею.

Когда дѣвица это сдѣлала, святый со слезами помолился Богу, чтобы дѣвица избавилась отъ своей страсти и отъ діавольскаго искушенія и чтобы вся тяжесть ея страданій и плотскихъ страстей перешла на него. Такъ и случилось. Дѣвица та освободилась отъ всѣхъ нечистыхъ мыслей и плотскихъ похотей и осталась въ своемъ монастырѣ, проводя жизнь въ безстрастіи и угожденіи Богу; Іоанникій же ушелъ своимъ путемъ, въ Контурію. На дорогѣ онъ ощутилъ въ себѣ пламень плотской похоти, и напали на него, какъ страшная буря, скверные помыслы; нечистыя страсти волновались въ немъ, кровь кипѣла, какъ въ котлѣ, и всѣ мученія, которыя претерпѣвала та дѣвица, достались въ удѣлъ блаженному Іоанникію. Онъ же мужественно претерпѣвалъ ихъ, утруждая свою плоть великими подвигами. Встрѣтивъ однажды въ большой разсѣлинѣ горы гнѣздившагося тамъ огромнаго змія, Іоанникій вознамѣрился отдать себя ему на съѣденіе, рѣшившись лучше умереть, чѣмъ дать просторъ нечистымъ мыслямъ и осквернить свое чистое тѣло. Онъ бросился къ змію, думая, что тотъ пожретъ его, но змій не хотѣлъ къ нему прикоснуться. Когда Іоанникій сталъ дразнить его, желая быть пожраннымъ, змій неожиданно оказался мертвымъ. Съ того часа у Іоанникія перестали появляться скверные помыслы, страсть

угасла, похоть утихла и спокойствіе возвратилось въ тѣло его. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему дана была власть наступать на видимыхъ и невидимыхъ зміевъ и сокрушать имъ головы. Однажды святый стоялъ и воспѣвалъ Псалмы Давидовы, какъ вдругъ куча камней, находившаяся вблизи святаго, начала колебаться. Взглянувъ туда, святый увидѣлъ выходившаго изъ средины камней страшнаго змія съ огненными глазами. Онъ дотронулся до змія своимъ жезломъ, и тотъ тотчасъ издохъ. Другой разъ, въ зимнюю пору, святый вошелъ въ одну глубокую пещеру и нашелъ гнѣздившагося въ ней змія, глаза котораго горѣли, какъ огни. Не догадываясь, что предъ нимъ былъ змій, и думая, что это въ самомъ дѣлѣ огонь, святый собралъ дровъ и сталъ класть на змія, желая согрѣться у костра въ такую стужу. Змій, встряхнувшись, сбросилъ съ себя дрова, и тогда святый увидѣлъ, что тутъ былъ змій. Однако онъ не испугался, но помѣстился на правой сторонѣ пещеры и оставался здѣсь вмѣстѣ со зміемъ до тѣхъ поръ, пока не окончилась зима.

Когда оканчивался уже двѣнадцатый годъ пребыванія Іоанникія въ пустынѣ, голосъ свыше повелѣлъ ему идти въ монастырь, называемый Эристе, и облечься тамъ въ иноческій санъ. Онъ тотчасъ же пошелъ въ названный монастырь и, придя туда во время жатвы, объявилъ о себѣ игумену того монастыря Стефану. Сей послѣдній, сотворивъ утромъ обычныя молитвы, облекъ во иноческій образъ преподобнаго Іоанникія, который впрочемъ былъ уже совершеннымъ инокомъ, превосходя многихъ своими подвигами. Будучи же облеченъ въ иноческія одежды, преподобный еще болѣе сталъ подвизаться, восходя отъ однихъ трудовъ къ другимъ. Онъ поселился въ мѣстности, называемой Критама, и сковалъ себя желѣзными веригами[1]), въ шесть локтей долготы[2]), и пробылъ въ затворѣ и въ узахъ три года—какъ добровольный узникъ и мученикъ Христовъ.

Спустя три года Іоанникій пожелалъ пойти въ Хелидонъ, чтобы увидѣть тамъ великаго между постниками Георгія[3]). Снявъ съ себя узы, онъ отправился въ путь и, когда пришелъ къ рѣкѣ, называемой Горамъ, то встрѣтилъ змія, который возмущалъ въ

---

1) Тяжелыя оковы, кои подвижники надѣвали на себя для умерщвленія плоти.

2) *Локоть* — $10^1/_2$ вершковъ.

3) *Георгій,* впослѣдствіи епископъ Амастрійскій, въ Пафлагоніи. Память его—21-го февраля.

рѣкѣ воду и останавливалъ ея теченіе: молитвою и крестнымъ знаменіемъ онъ умертвилъ того змія. Пришедши же къ великому Георгію, онъ пробылъ съ нимъ три года, выучилъ у него всю Псалтирь и снова потомъ удалился въ Антіохійскую обитель съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ.

Весьма поучительны нѣкоторыя событія изъ жизни преподобнаго Іоанникія. Въ бытность свою въ обители Авгарской Іоанникій пошелъ однажды съ другими иноками посмотрѣть созидавшуюся на недалеко находящейся оттуда горѣ новую обитель. Когда онъ приближался къ этой горѣ, изъ пустыни показался необычайно большой козелъ. Шедшіе съ Іоанникіемъ иноки стали помышлять о томъ, какъ бы имъ поймать этого козла, изъ кожи котораго можно было получить хорошій мѣхъ. Преподобный, уразумѣвъ помышленіе ихъ, повелѣлъ одному иноку, по имени Саввѣ, пойти и привести къ нему того козла. Савва же сказалъ:

— А если козелъ убѣжитъ, какъ мнѣ догнать его?

Святый сказалъ ему:

— Ты сдѣлай только то, что тебѣ приказано, а козелъ уже самъ подойдетъ къ тебѣ и послѣдуетъ за тобою.

Потомъ, обратившись къ другимъ инокамъ, онъ спросилъ ихъ:

— Удобна ли козлиная кожа для приготовленія изъ нея мѣха?

Они же сказали:

— Очень удобна; о семъ мы и раньше, чѣмъ ты сказалъ, думали.

Когда козелъ былъ приведенъ, преподобный сталъ гладить его своею рукою, а братію училъ въ это время щадить жизнь животныхъ и умѣрять свои вожделѣнія; а вслѣдъ за этимъ онъ снова отпустилъ козла на пастбище въ пустыню.

Имѣлъ преподобный и даръ прозорливости; онъ предсказалъ скорую смерть царя Никифора, и предсказаніе его исполнилось, ибо онъ умеръ, будучи раненъ въ сраженіи съ болгарами. Предсказалъ также онъ скорую смерть начавшаго царствовать послѣ Никифора сына его, Ставрикія [1]). Когда онъ жилъ на горѣ Прусентійской, стоявшей рядомъ съ высокой горой Олимпомъ, тамъ былъ одинъ инокъ, по имени Гурій, человѣкъ лицемѣрный, искавшій славы отъ людей, и на самомъ дѣлѣ всѣми прославляемый какъ великій подвижникъ. Сей инокъ, видя, что ему

[1]) *Никифоръ I* царствовалъ съ 802 по 811 г. Сынъ его, Ставрикій, царствовалъ только два мѣсяца, а черезъ три мѣсяца, по своемъ низложеніи, умеръ.

далеко еще до истинно-добродѣтельнаго подвижника, святаго Іоанникія, уязвленъ былъ завистью. Желая погубить Іоанникія, онъ пришелъ къ нему, какъ Іуда, со льстивыми словами, и вложилъ ядъ въ питье его. Преподобный, какъ человѣкъ незлобивый, думая, что Гурій питаетъ къ нему искреннюю дружескую любовь и ничего не подозрѣвая, выпилъ смертоносный ядъ; тотчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ почувствовалъ страшныя мученія и даже сталъ опасаться за свою жизнь. Богъ, однако, не далъ угоднику Своему скончаться безвременно такою смертію, но послалъ ему на помощь Своего святаго мученика Евстаѳія[1]), который, явившись ему въ видѣніи, исцѣлилъ его отъ болѣзни и возвратилъ ему здравіе. Въ благодарность за то преподобный построилъ тамъ храмъ во имя святаго великомученика Евстаѳія и устроилъ при немъ монастырь.

Однажды ночью Іоанникій, стоя на молитвѣ, увидѣлъ такое видѣніе: съ восточной стороны горы открылся источникъ, источавшій обильную воду, а около того источника стояло множество овецъ, пившихъ истекавшую изъ источника воду. Святый удивлялся этому видѣнію, ибо зналъ, что никакого источника и овецъ въ той пустынѣ никогда не было. Наутро онъ пошелъ къ тому мѣсту, но не нашелъ ничего—ни овецъ, ни источника; но мѣсто то оказалось очень хорошимъ и удобнымъ для жительства. Преподобный узналъ отъ старцевъ, что на томъ мѣстѣ нѣкогда стояла церковь Пресвятой Богородицы, и поэтому онъ изъяснилъ себѣ свое видѣніе такъ: источникъ, въ изобиліи источающій воду, есть благодать Пресвятой Богородицы, которая должна изливаться на томъ мѣстѣ, овцы же—люди, получающіе благодать отъ Пресвятой Богородицы. И сталъ преподобный прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы возстановить на томъ мѣстѣ церковь во имя Пресвятой Богородицы, что ему и удалось въ скоромъ времени. Онъ создалъ прекрасную церковь, устроилъ тамъ монастырь и собралъ тамъ множество братіи съ помощію и при содѣйствіи Преблагословенной Богородицы.

При постройкѣ церкви преподобный Іоанникій трудился самъ, нося камни и помогая строившимъ. Однажды, когда онъ

[1]) Съ именемъ Евстаѳія соединяется воспоминаніе о нѣсколькихъ мученикахъ (именно 7 іюля, 20 августа, 27 сентября, 24 октября и др.). Какой мученикъ имѣется въ виду здѣсь,—неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего здѣсь разумѣть Евстаѳія, епископа Кійскаго, или Пруссіадскаго, пострадавшаго за святыя иконы. Іоанникій въ то время жилъ на горахъ, стоящихъ недалеко отъ Пруссіады.

протянулъ руку, чтобы взять съ земли камень, изъ-подъ камня выползла ехидна и, ужаливъ его въ руку, повисла на ней. Онъ же, какъ новый Павелъ[1]), стряхнувъ ее, не получилъ никакого вреда.

Творя свою молитву, преподобный Іоанникій возвышался горѣ не только духомъ, но и плотію надъ землею. Однажды ученикъ и подражатель его святаго житія, блаженный Евстратій, въ то время, когда преподобный шелъ одинъ помолиться въ церковь, тайно послѣдовалъ за нимъ и, укрывшись въ одномъ углу церкви, внимательно присматривался къ тому, какъ онъ совершалъ молитву. Онъ увидѣлъ, что преподобный воздвигъ горѣ свои руки и, высоко поднявшись надъ землею, стоялъ въ воздухѣ и молился, и это привело въ ужасъ Евстратія. По совершеніи молитвы преподобный опять сталъ на землю и, замѣтивъ Евстратія, опечалился и сказалъ:

— Писано: «не приселитсѧ къ тебѣ лукавнуѧй»[2]), ты же осмѣлился подсмотрѣть грѣшную мою молитву.

Преподобный запретилъ Евстратію кому-нибудь разсказывать объ этомъ.

Много чудесъ творилъ дивный Іоанникій. Однимъ только словомъ онъ изгонялъ изъ людей бѣсовъ, исцѣлялъ всякія болѣзни крестнымъ знаменіемъ и молитвою и многихъ избавилъ отъ укушенія змѣй. Посему къ нему стекалось множество народа: одинъ просилъ исцѣленія отъ болѣзни, другой—избавленія отъ нечистыхъ духовъ, иной—только благословенія и молитвы. Этимъ нарушалось безмолвіе, которому посвятилъ себя Іоанникій; тяготясь этимъ, онъ снова ушелъ на Трихаликову гору и пребывалъ на ней, не имѣя никакого убѣжища.

Евстратій же, инокъ Авгарскаго монастыря, питая горячую любовь къ блаженному отцу и желая видѣться съ нимъ, ревностно разыскивалъ его и нашелъ его на горѣ Трихаликовой. Послѣ обычной молитвы Евстратій спросилъ блаженнаго Іоанникія о Львѣ Армянинѣ[3]), который въ то время царствовалъ въ Греціи,—долго ли онъ будетъ смущать Церковь Божію иконоборческою ересью. Святый тотчасъ же сказалъ, что Левъ скоро умретъ, что и не замедлило исполниться. Михаилъ, прозванный

---

1) Кн. Дѣян. Ап., гл. **28**, ст. 5.

2) Псал. **5**, ст. 5. Т. е. лукавый человѣкъ не пойдетъ къ хранимому Богомъ.

3) *Левъ V Армянинъ* царствовалъ съ 813 по 820 г.

Валвосъ, или Травлій, убилъ Льва Армянина и вступилъ послѣ него на престолъ [1]).

Въ старости Іоанникій привыкъ ходить съ жезломъ. Однажды, когда онъ шелъ въ горахъ узкимъ проходомъ, жезлъ случайно выпалъ изъ его рукъ и пропалъ, потому что свалился съ горы въ пропасть, такъ что нельзя было и найти его. Святый, скорбя о потерѣ жезла, преклонилъ колѣна, совершая обычную молитву Господу, а жезлъ въ это время, невидимою силою принесенный по воздуху, очутился въ рукѣ святаго.

Проходя другой разъ по пустынѣ, блаженный нашелъ одну пустую пещеру, въ которой обитали бѣсы. Пещера эта полюбилась преподобному, и онъ остался жить въ ней. Бѣсы же, не вынося его присутствія, возстали противъ него явно и причиняли ему различныя безпокойства, надѣясь испугать его и прогнать оттуда. Они кричали на него, скрежетали зубами, насмѣхались надъ нимъ, пугали его, бѣгали взадъ и впередъ, нападали на него и, казалось, колебали всю пещеру. Но святый, по слову св. Апостола Павла [2]), стоялъ, какъ бы въ день брани, одѣтый въ броню правды и со щитомъ вѣры и нисколько не страшился вражескихъ нападеній. Бѣсы же кричали: пришелъ єси прежде времене мучити насъ [3]) и, не въ силахъ будучи побѣдить непобѣдимаго, бѣжали отъ него, побѣжденные имъ сами.

Въ то время дочь одного боярина, истинно вѣрующая, лежала безъ силъ на одрѣ и очень страдала. Когда ее понесли къ святому, онъ тотчасъ вышелъ къ ней навстрѣчу и, умилосердившись надъ ней ради ея благочестія, такъ какъ она почитала святыя иконы, хотя и жила среди множества иконоборцевъ, исцѣлилъ ее молитвою и крестнымъ знаменіемъ отъ болѣзни. Случилось быть тамъ зятю святаго, женившемуся на сестрѣ его; онъ былъ помраченъ иконоборческою ересью, и святый долгое время убѣждалъ его познать правый путь истинной вѣры и воздавать подобающую честь святымъ иконамъ. Когда же онъ не могъ оказать на него никакого дѣйствія своими наставленіями (ибо тотъ, какъ фараонъ, пребывалъ въ упорствѣ), тогда блаженный, позабывъ о своемъ близкомъ плотскомъ родствѣ съ нимъ, помолился Богу о томъ, чтобы у того иконоборца ослѣпли и плотскія его

---

[1]) *Михаилъ II Косноязычный* царствовалъ съ 820 по 829 г.

[2]) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 13—15.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 29.

очи, если онъ не имѣетъ очей душевныхъ. Такъ и случилось: зять его ослѣпъ и понесъ наказаніе, соотвѣтственное своему нечестію.

У сего великаго отца былъ обычай сходить съ горы навстрѣчу всякому, кто, по слухамъ, собирался посѣтить его. Такъ поступалъ онъ, чтобы не затруднять посѣтителей, ибо входъ на гору былъ труденъ и неудобенъ. Однажды шли къ нему два епископа, Халкидонскій и Никейскій[1]), а съ ними—Петръ и Ѳеодоръ Студиты[2]), съ Іосифомъ и Климентомъ. Блаженный, сойдя съ горы, встрѣтилъ ихъ и съ любовію привѣтствовалъ. Послѣ обычной молитвы, когда они вступили въ душеполезную бесѣду, блаженный сказалъ одному изъ пришедшихъ, именно Іосифу:

— Не смущайся, братъ Іосифъ, но тебѣ нужно приготовляться ко исходу.

Этихъ словъ преподобнаго не поняли тогда. Когда же прошло послѣ сего восемнадцать дней и Іосифъ переселился въ иную жизнь, тогда вспомнили слова блаженнаго Іоанникія и поняли, что онъ своими прозорливыми очами провидѣлъ смерть Іосифа и о ней именно предсказалъ ему, повелѣвая приготовляться къ исходу.

Въ пятый годъ правленія Михаила, въ концѣ четырнадцатаго года со дня смерти царя Никифора, когда многіе славные бояре и воины были заключены болгарами, побѣдившими грековъ, въ узы и темницы, преподобный вспомнилъ о тѣхъ плѣнникахъ и почувствовалъ къ нимъ въ своемъ сердцѣ особенное состраданіе, ибо услыхалъ, что они находятся въ крайне бѣдственномъ состояніи, сидятъ въ смрадной и мрачной темницѣ, будучи скованы цѣпями, и что они даже лучше бы согласились принять смерть, чѣмъ оставаться живыми въ такихъ страданіяхъ. Изъ состраданія къ нимъ Іоанникій оставилъ пустынное и безмолвное житіе свое и пошелъ въ болгарскую землю, чтобы разрѣшить узы связанныхъ и освободить плѣнныхъ. Придя въ городъ, въ которомъ греки были заключены въ узахъ, онъ

---

[1]) *Халкидонъ*—городъ въ Виѳиніи. Въ немъ былъ 4-й Вселенскій Соборъ. *Никея*—городъ въ той же области. Въ немъ былъ 1-й Вселенскій Соборъ.

[2]) *Студиты*—монахи Студійскаго монастыря въ Константинополѣ, построеннаго въ половинѣ V-го ст. консуломъ Студіемъ въ честь Іоанна Крестителя. Эти монахи назывались *неусыпающими*, потому что, будучи раздѣлены на три отдѣленія, поддерживали постоянное Богослуженіе въ церкви.

незамѣтно подошелъ къ темницѣ, такъ что воины, сторожившіе двери темницы, не могли видѣть его. Онъ сотворилъ крестное знаменіе на дверяхъ, и темница тотчасъ отворилась. Войдя въ нее, преподобный крестнымъ знаменіемъ разрѣшилъ всѣхъ отъ узъ и повелѣлъ идти за собою. Всѣ узники вышли изъ темницы, а присутствовавшіе тамъ стражи и не замѣтили этого. Святый же, освободивъ грековъ отъ узъ и темницы, подобно тому какъ Христосъ освободилъ изъ ада души праведныхъ, въ теченіе всей ночи, какъ новый Моисей, велъ ихъ при сіяніи чудеснаго свѣта[1]) и довелъ ихъ до предѣловъ Греческой имперіи. На пути онъ училъ ихъ не быть, подобно отцамъ своимъ, родомъ строптивымъ и огорчающимъ Бога[2]), но уповать на Него и не забывать благодѣяній и чудесъ Его. Когда же онъ сталъ прощаться съ ними, всѣ они припали къ его ногамъ, умоляя его сказать имя свое, и говорили:

— Скажи намъ, человѣкъ Божій, кто ты?

Имени своего преподобный не скрылъ, но при этомъ повелѣлъ воздавать благодареніе одному Богу; затѣмъ онъ снова вернулся въ свое тихое уединеніе.

Однажды преподобный сѣлъ на корабль и отплылъ къ обители святаго Ѳеофана, находившейся въ Сигріанѣ[3]), чтобы тамъ помолиться. Когда на возвратномъ пути оттуда онъ присталъ къ острову Фасу[4]), то жители того острова, какъ иноки, такъ и міряне, услышавъ о прибытіи къ нимъ Іоанникія, пришли къ нему и умоляли блаженнаго, чтобы онъ изгналъ съ ихъ острова змѣй, которыя въ то время до чрезвычайности расплодились на томъ островѣ. Святый, внявъ ихъ просьбамъ, вознесъ свои усердныя молитвы къ Богу,—и тотчасъ всѣ змѣи того острова, собравшись вмѣстѣ, бросились въ глубину моря и съ тѣхъ поръ на томъ островѣ никогда не появлялись. Преподобный же удалился оттуда въ другое уединенное мѣсто. Съ нимъ былъ въ это время игуменъ монастыря, находившагося на островѣ Фасѣ,

---

[1]) Когда Моисей велъ Евреевъ изъ Египта, путь имъ указывалъ облачно-огненный столпъ, шедшій впереди Израильскаго ополченія.

[2]) Кн. Прор. Іезек., гл. 3, ст. 9. Кн. Прор. Іерем., гл. 7, ст. 18—19.

[3]) *Ѳеофанъ Исповѣдникъ*, заключенный въ темницу Львомъ Армяниномъ за исповѣданіе истинной вѣры. Онъ былъ игуменомъ въ Сигріанской области, около Кизика, въ Малой Азіи. Память его празднуется 11-го октября.

[4]) *Фасъ*, или *Фазосъ*,—островъ на Эгейскомъ морѣ. Плодородіе этого острова вошло у древнихъ въ пословицу.

Даніилъ. Брату Даніила, иноку Евѳимію, святый предсказалъ скорую кончину, сказавъ:

— Готовься, братъ Евѳимій, ибо вскорѣ ты совершишь шествіе въ «го́рняя»[1]).

Послѣ сего преподобный вошелъ въ одну небольшую пещеру, намѣреваясь въ ней отдохнуть, и нашелъ пребывавшаго тамъ демона, который былъ лютѣе, чѣмъ прежніе, его мучившіе. Несмотря на это, Іоанникій съ Даніиломъ остались въ этой пещерѣ на жительство. Демонъ же, будучи недоволенъ ихъ пребываніемъ, являлся имъ чернымъ, страшнымъ и съ яростію нападалъ на нихъ, желая выгнать ихъ изъ пещеры, но они, уповая на Господа, безбоязненно оставались тамъ. Наконецъ, этотъ древній человѣкоубійца[2]), бросившись на нихъ, связалъ Даніилу ноги, а Іоанникію причинилъ такую боль въ боку, что тотъ въ теченіе семи дней не могъ произнести ни слова, самъ же бѣжалъ изъ пещеры, такъ какъ не могъ пребывать въ одномъ мѣстѣ съ угодниками Божіими. Послѣ сего преподобный Іоанникій снова возвратился на Трихаликову гору и предсказалъ скорую смерть одному монаху, по имени Исакію, который нерадѣлъ о своемъ спасеніи; кромѣ того, Іоанникій изгналъ молитвою и знаменіемъ св. Креста изъ виноградниковъ червей, приносившихъ большія опустошенія.

Однажды пришла къ нему для молитвы одна старица, игуменія Клувійской обители[3]), съ своею дочерью. Онъ же, взявъ жезлъ, который былъ въ рукѣ матери, вложилъ его въ руку дочери ея[4]). Мать, смутившись, сказала:

— Отче, жезлъ нуженъ мнѣ, чтобы поддерживать мое слабое тѣло, по причинѣ моей глубокой старости.

Преподобный же, не говоря ни слова въ отвѣтъ, своимъ поступкомъ предсказалъ будущее; ибо, немного времени спустя, та старица умерла, а дочь ея избрана была вмѣсто нея начальницей. Послѣ сего блаженный пошелъ оттуда съ ученикомъ своимъ

---

1) Т. е. переселишься въ Небесныя обители.

2) Такъ назвалъ діавола Господь Іисусъ Христосъ (Еван. отъ Іоан., гл. 8, ст. 44), потому что онъ былъ первымъ виновникомъ духовной и тѣлесной смерти людей, искусивши ихъ въ раю.

3) *Клувійскій* отъ греч. слова *клувосъ*—клѣтка. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ общежительныхъ были и отдѣльныя помѣщенія, или клѣти, для желавшихъ вести уединенную жизнь.

4) Начальники и начальницы монашескихъ обителей имѣли знакомъ своего достоинства жезлъ.

Евстратіемъ къ другой горѣ, очень дикой и непроходимой, которая носитъ названіе Вороновой. Проживъ здѣсь нѣсколько времени, онъ вошелъ на горы обители Антидійской и, выстроивъ тамъ небольшую келлію, жилъ въ общеніи съ Богомъ. Онъ сотворилъ здѣсь много чудесъ, исцѣлялъ больныхъ, исправилъ рѣчь косноязычнаго, сдѣлалъ яростнаго и гнѣвливаго кроткимъ, обратилъ еретиковъ отъ заблужденія къ Православію, предвозвѣстилъ многимъ кончину ихъ, ибо былъ исполненъ благодатію жившаго въ немъ Святаго Духа.

Сей преподобный достигъ такой высоты духовной жизни, что его не всѣ даже удостаивались видѣть, и многіе, желавшіе видѣть его, приходя къ нему въ келлію, все-таки не видѣли его. Когда же они уходили, смиренный отецъ говорилъ ученику своему:

— Братъ Евстратій! Это по твоимъ молитвамъ я остался невидимъ для приходившихъ.

Однажды, когда на той горѣ созидаемъ былъ храмъ святаго Іоанна Крестителя, видъ коего былъ начертанъ преподобнымъ Іоанникіемъ, издалека пришли нѣкоторые братья—иноки, желая видѣть свѣтлое лицо угодника Божія. Прибывъ къ созидавшемуся храму, они присѣли тамъ, дожидаясь прихода преподобнаго отца, котораго они желали увидѣть. Туда пришелъ и преподобный Іоанникій, чтобы посмотрѣть, по данному ли чертежу строится храмъ; онъ стоялъ предъ очами пришедшихъ ради него братій, смотря на зданіе, но они не могли его видѣть. Пробывши среди нихъ довольно долгое время, онъ возвратился въ свою келлію, не показавшись пришедшимъ, съ нетерпѣніемъ дожидавшимся его прихода. Одинъ же изъ иноковъ, жившихъ близъ него, по имени Іоаннъ, узнавъ о происшедшемъ, сказалъ ему:

— Отче! Не слѣдовало бы братію, предпринявшую ради тебя такое продолжительное путешествіе, отпустить въ скорби, не давъ имъ увидѣть лица твоего; сіе прискорбно и смущаетъ мое сердце.

Святый же, похваливъ трудъ и усердіе тѣхъ братьевъ, началъ молиться за нихъ, а послѣ молитвы, обратившись къ Іоанну, сказалъ:

— Братъ! Мы не имѣемъ своей воли, но Богъ дѣлаетъ съ нами то, что Ему угодно. Если бы Богу было угодно, чтобы пришедшіе братія увидѣли меня, то они узрѣли бы меня даже и въ томъ случаѣ, когда бы я скрылся отъ нихъ, между тѣмъ

какъ я, и не скрываясь, долгое время стоялъ предъ ихъ очами, и если они не увидѣли меня, то, значитъ, такъ было угодно Богу.

Другой разъ, когда нѣкоторые братія пришли къ преподобному и сидѣли предъ его келліей, разговаривая между собою, неожиданно показалась большая и страшная медвѣдица, шедшая на нихъ съ близлежавшаго поля. Увидѣвъ ее, они чрезвычайно испугались.

Святый же сказалъ имъ:

— Господь далъ намъ, Своимъ рабамъ, власть попирать льва и змія, которые страшнѣе всѣхъ звѣрей, а вы боитесь медвѣдицы?

Онъ повелѣлъ бросить ей кусокъ хлѣба, взявъ который, она ушла въ пустыню.

Преподобный Іоанникій былъ настолько духовенъ и имѣлъ такія ясныя духовныя очи, что могъ видѣть и небесныхъ духовъ, и души праведныхъ. Такъ однажды, стоя на молитвѣ, онъ увидѣлъ душу одного архимандрита Петра, которую Ангелы несли со славою на Небеса, окруженную сіяніемъ необыкновеннаго свѣта, и разсказалъ о томъ ученикамъ своимъ для ихъ назиданія.

Въ то время, когда надъ греками царствовалъ Ѳеофилъ иконоборецъ[1]), были отправлены этимъ царемъ два знатныхъ мужа къ преподобному Іоанникію, чтобы спросить его, слѣдуетъ ли почитать образъ Христовъ? Когда посланные пришли къ святому, онъ отверзъ свои богодухновенныя уста, и, когда началъ говорить въ силѣ подаваемой ему свыше мудрости, мужи тѣ устыдились, будучи не въ силахъ что-либо возразить ему. Чрезъ него говорилъ Самъ Богъ, Который въ Евангеліи говоритъ ученикамъ Своимъ: «не прѐжде пецы́тесѧ, что̀ возглаго́лете, а҆́зъ бо да́мъ ва́мъ ᲂу҆ста̀ и҆ премꙋ́дрость»[2]). Ясно показывая, что святымъ иконамъ слѣдуетъ воздавать подобающую честь, онъ обратилъ ихъ на истинный путь, и они, отрекшись отъ иконоборческой ереси, поклонились образу Христову.

Однажды игуменъ Авгарскаго монастыря, Евстратій, вопросилъ преподобнаго Іоанникія:

— Отче, доколѣ будутъ попираемы святыя иконы, доколѣ онѣ не будутъ возвращены Церкви, и будутъ усиливаться гонители ихъ, а стадо Христово—расхищать дикіе звѣри?

---

[1]) Съ 829 по 842 г.

[2]) Т. е. особенно не бойтесь, когда вамъ придется говорить предъ сильными и знатными людьми, ибо Я дамъ вамъ способность говорить мудро. Еванг. отъ Марк., гл. 13, ст. 11 и Еванг. отъ Лук., гл. 21, ст. 15.

Преподобный Іоанникій отвѣчалъ:

— Подожди немного, братъ, и ты увидишь дѣйствіе силы Божіей, ибо управленіе Церковію возьметъ въ свои руки нѣкто Меѳодій. Онъ, при воздѣйствіи Божественнаго Духа, устроитъ ее, истребитъ ереси, утвердитъ православными вѣроопредѣленіями Церковь, возстановитъ спокойствіе и единомысліе, а противниковъ его смиритъ десница Вышняго.

Это пророчество Іоанникія вскорѣ исполнилось, ибо нѣсколько времени спустя царь Ѳеофилъ, иконоборецъ, умеръ, а на престолъ вступилъ сынъ его, Михаилъ[1]), за малолѣтствомъ котораго управленіе имперіей взяла въ свои руки мать его, Ѳеодора[2]); Меѳодій же былъ поставленъ патріархомъ[3]). Сей послѣдній возстановилъ иконопочитаніе, утвердилъ Православіе, утишилъ всѣ церковные споры и волненія и прекратилъ смятеніе. Когда же чрезъ нѣкоторое время діаволъ снова воздвигъ людей, смущавшихъ и раздиравшихъ Христову Церковь, то преподобный Іоанникій выступилъ на помощь блаженному Меѳодію, поборовшему еретиковъ силою Слова Божія. То самъ лично, то своими посланіями Іоанникій защищалъ Православіе и снова возвращалъ къ Церкви тѣхъ, которые отпадали отъ нея; епископа же Меѳодія, много разъ совсѣмъ изнемогавшаго въ борьбѣ съ еретиками, преподобный подкрѣплялъ и утверждалъ своими посланіями. Однажды, когда, во время чтенія посланія Іоанникія на Соборѣ, еретики стали всячески насмѣхаться надъ блаженнымъ и хулить его, преподобный, узнавъ о томъ Духомъ Божіимъ, внезапно явился на Соборъ и началъ такъ говорить о Богѣ и о Божественномъ, что всѣ удивлялись его премудрости и разуму. И слова его богодухновенныхъ устъ не остались безъ дѣйствія; ибо, какъ нѣкогда на Іерусалимскомъ собраніи во время рѣчи Апостола Петра[4]), такъ и здѣсь, слушавшіе преподобнаго Іоанникія умилялись сердцемъ, съ любовію принимали слова его и обращались къ правой вѣрѣ. Такъ заботился преподобный о мирѣ Церкви и спасеніи душъ человѣческихъ, и вскорѣ, его заботами и молитвами, ересь была подавлена и миръ возвращенъ былъ Церкви; діаволъ же, смущав-

---

1) *Императоръ Византійскій Михаилъ III,* съ 842 по 867 г.

2) Скончалась въ 867 г. Память ея празднуется 11 февраля.

3) Съ 843 по 847 г. Память его празднуется 14 іюня.

4) Кн. Дѣян. Ап., гл. 2, ст. 14. Здѣсь разумѣется рѣчь Апостола Петра въ день Пятидесятницы.

шій Церковь, бѣжалъ со стыдомъ, ибо боялся Іоанникія и отъ молитвъ его исчезалъ, какъ воскъ отъ огня.

Однажды въ обители преподобнаго совершалось освященіе молитвеннаго храма, который былъ построенъ преподобнымъ. Когда всѣ братія собрались, а святаго еще не было, внезапно явился цѣлый полкъ бѣсовъ, сходившихъ съ холма, какъ бы настоящіе люди. Всѣ чрезвычайно испугались, не зная, что дѣлать, а святый, хотя его и не было съ ними, духомъ видѣлъ происходившее и, тотчасъ обратившись къ молитвѣ и воздѣвъ руки горѣ́, сталъ возносить свои прошенія къ Богу, которыя, какъ стрѣлы, поразили полкъ бѣсовскій и обратили ихъ въ бѣгство. Братія же, видя, какъ бѣсы убѣгали, какъ бы гонимые ударами и израненные, перестали бояться и съ радостію продолжали совершать свой праздникъ.

Въ то время измаильтяне[1]) воевали съ греками и, поразивъ греческія войска, многихъ взяли въ плѣнъ и держали въ узахъ. Одинъ изъ знатныхъ грековъ, родственникъ котораго, юноша, былъ также взятъ въ плѣнъ, умолялъ преподобнаго Іоанникія спасти отъ плѣна этого его родственника, какъ онъ избавилъ нѣкогда грековъ, находившихся въ плѣну у болгаръ. Преподобный же, будучи милосердъ, пошелъ въ землю измаильтянъ и, дойдя до темницы, вывелъ на свободу не только того юношу, но и остальныхъ грековъ, находившихся съ нимъ въ узахъ, тогда какъ стража ничего не видала, ибо предъ преподобнымъ двери отворялись сами собою и оковы снимались сами. Когда же они были на пути въ греческую землю, на нихъ во множествѣ напали лютые псы[2]), которыхъ святый поразилъ слѣпотою, такъ что плѣнники прошли среди нихъ безъ вреда для себя.

На той горѣ, гдѣ постился преподобный, невдалекѣ жилъ одинъ инокъ, по имени Епифаній, извѣстный своимъ подвижничествомъ. Діаволъ возбудилъ въ немъ чувство зависти къ Іоанникію, и онъ сталъ враждовать противъ блаженнаго, завидуя той славѣ, какою прославлялъ Іоанникія Богъ, сказавшій: **прославля́ющыѧ мѧ̀ просла́влю**[3]). Изъ зависти Епифаній замыслилъ погубить не-

---

[1]) *Измаильтяне,* иначе *арабы,* — потомки Измаила, сына Авраамова. Арабы въ то время составляли могущественное государство.

[2]) На Востокѣ чрезвычайно много дикихъ собакъ, которыя отличаются чрезвычайною лютостью.

[3]) 1 Кн. Цар., гл. 2, ст. 30.

повиннаго и чистаго сердцемъ Іоанникія, для чего поджегъ хворостъ, бывшій въ изобиліи на той горѣ, гдѣ спасался преподобный, чтобы Іоанникій въ томъ пожарѣ сгорѣлъ вмѣстѣ съ своею келліей. Но Богъ, спасшій отъ огня отроковъ въ Вавилонѣ[1]), сохранилъ невредимымъ и угодника Своего, блаженнаго Іоанникія. Блаженный же, видя злобу врага своего, не разгнѣвался на него и даже не огорчился, но, желая добромъ побѣдить зло и незлобіемъ разрушить вражду, пришелъ со смиреніемъ къ Епифанію, спросилъ его о причинѣ гнѣва и умолялъ о прощеніи. Когда же тотъ, въ ярости, ударилъ палкою съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ святаго въ животъ, чтобы проколоть его, то Господь, не даѧ́й жезла̀ грѣ́шныхъ на жре́бїй прв҃ныхъ[2]), сохранилъ святаго невредимымъ отъ удара. Это и было тѣмъ искушеніемъ блаженному, о которомъ предсказали ему два преждеупомянутые пустынника, давшіе ему левитонаръ и сказавшіе при томъ:

— Къ концу твоей жизни тебѣ будетъ причинено искушеніе отъ завистливыхъ людей, но горькія послѣдствія этого искушенія падутъ на главу врага, ты же не потерпишь никакого зла.

Достигнувъ глубокой старости, преподобный отецъ нашъ Іоанникій, уже изнемогшій тѣломъ отъ многихъ трудовъ и подвиговъ, пришелъ въ Антидіеву обитель и, построивъ тамъ небольшую келлію, затворился въ ней; если же и случалось ему когда выходить изъ келліи, то, проходя обыкновенною дорогою, онъ оставался невидимымъ для тѣхъ, кого не желалъ встрѣтить.

Въ пятый годъ царствованія Михаила причтенный впослѣдствіи къ лику святыхъ Патріархъ Меѳодій, провидя приближеніе отшествія Іоанникія ко Господу, пришелъ къ нему съ своимъ клиромъ, испрашивая у него послѣдняго благословенія и молитвы. Преподобный же Іоанникій, довольно долго побесѣдовавъ съ святымъ Меѳодіемъ и давъ пришедшимъ съ нимъ наставленіе о православной вѣрѣ, предсказалъ Меѳодію, что и тотъ, по его кончинѣ, вскорѣ перейдетъ отъ временной жизни къ вѣчной. Потомъ, сотворивъ молитву и поцѣловавъ другъ друга послѣднимъ цѣлованіемъ, они разстались, и патріархъ воротился домой, а преподобный отецъ остался въ своей келліи, молитвою приготовляясь къ кончинѣ. На третій день по уходѣ патріарха пре-

[1]) Кн. Прор. Дан., гл. 3-я.

[2]) Псал. 124, ст. 3. Т. е. Богъ не попуститъ грѣшникамъ одолѣть праведниковъ.

подобный и богоносный отецъ нашъ Іоанникій отошелъ ко Господу, въ четвертый день ноября, проживъ отъ рожденія девяносто четыре года. На осьмомъ же мѣсяцѣ, по преставленіи его, почилъ о Господѣ и святѣйшій Патріархъ Меѳодій, въ четырнадцатый день іюня. И такъ сбылось пророчество преподобнаго Іоанникія, которое онъ изрекъ патріарху, что и тотъ вскорѣ вслѣдъ за нимъ перейдетъ изъ временной жизни въ вѣчную. Когда же преподобный отецъ нашъ Іоанникій умиралъ, иноки, жившіе въ то время на горѣ Олимпѣ, видѣли огненный столпъ, восходившій отъ земли къ небу, предъ которымъ шли Ангелы, отверзая предъ нимъ райскія двери и возводя къ го́рнему блаженству. Изъ этого иноки и узнали, что преподобный Іоанникій, скончавъ подвигъ жизни своей, переходитъ къ небесному покою.

Преподобный сотворилъ многія чудеса не только во время своей жизни, но и по своемъ преставленіи, ибо многіе больные, прикасаясь къ его святымъ мощамъ, получали здравіе, другіе избавились отъ бѣсовъ, разслабленные вставали съ одра и всякій, какимъ бы ни былъ одержимъ недугомъ, если только касался его ковчега, тотчасъ выздоравливалъ. Такъ Богъ чудесами прославлялъ Своего угодника и при жизни, и по смерти. Его молитвами да явитъ и намъ Господь милость Свою и да исцѣлитъ насъ отъ болѣзней нашихъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, для прославленія Своего святаго Имени. Аминь.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Звѣзда̀ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ всесвѣ́тлаѧ, въ мі́рѣ просвѣща́ѧй, и҆ сꙋ́щыѧ во мра́цѣ страсте́й ѡ҆блистава́ѧй: вра́чь же крѣпча́йшїй ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ. но ꙗ҆́кѡ прїѧ́лъ є҆сѝ бл҃года́ть и҆сцѣле́нїй, просѧ́щымъ тѧ̀ пода́ждь и҆сцѣле́нїе, да зове́мъ: ра́дꙋйсѧ, ѻ҆́тче і҆ѡанні́кїе.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

НИКАНДРА ЕПИСКОПА и ЕРМЕЯ ПРЕСВИТЕРА

Святые Никандръ и Ермей просвѣщены были свѣтомъ ученія Христова и поставлены на священнослуженіе святымъ апостоломъ Титомъ [1]). Многихъ эллиновъ [2]) они обратили отъ языческаго заблужденія и привели ко Христу. За это они были схвачены и приведены на допросъ къ комиту [3]) Ливанію. Когда Ливаній, послѣ долгихъ стараній отвратить ихъ отъ Христа, ничего не могъ достигнуть, онъ повелѣлъ привязать ихъ къ рѣзвымъ конямъ и, гоня послѣднихъ, влачить рабовъ Христовыхъ. Влачимые такимъ образомъ долгое время, они обагрили землю своею кровію. Тѣла ихъ, ударяясь по землѣ о камни и пни, покрывались ранами, и, по закону естества человѣческаго, имъ надлежало бы умереть, если бы Самъ Господь не укрѣплялъ ихъ во время мученій. Потомъ едва живыхъ ихъ ввергли въ темницу и морили голодомъ и жаждою; но Господь питалъ ихъ хлѣбомъ небеснымъ [4]) и исцѣлялъ ихъ раны. По нѣкоторомъ времени они опять были приведены на допросъ и, когда отказались повиноваться мучителю, были повѣшены на деревѣ, строгаемы желѣзомъ и палимы свѣчами. Затѣмъ они были брошены въ разжженную пещь, но остались невредимы, ибо Ангелъ Господень, сошедши къ нимъ, остудилъ пещь и сохранилъ ихъ невредимыми отъ огня. Наконецъ, мучитель приказалъ вбить имъ желѣзные гвозди въ голову, сердце и чрево, и послѣ того для нихъ выкопали яму и еще дышащихъ бросили въ нее и засыпали землею. Скончавшись такою жестокою и тяжкою смертію, святые Никандръ и Ермей достигли вѣчной радостной жизни съ Господомъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

---

1) *Святый Титъ*—ученикъ и ставленникъ святаго Апостола Павла. Онъ былъ епископомъ на островѣ Критѣ. Память его совершается 25 августа.

2) *Эллинами* назывались собственно Греки; но въ житіяхъ святыхъ этимъ именемъ иногда обозначаются вообще язычники.

3) *Комитъ*—градоначальникъ.

4) Подъ *хлѣбомъ небеснымъ* можно разумѣть или дѣйствительную пищу, которая чудесно посылаема была святымъ мученикамъ въ темницѣ, или вообще подкрѣпленіе ихъ свыше, при которомъ они не нуждались и въ пищѣ.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ БЛАЖЕННАГО

СИМОНА ЮРЬЕВЕЦКАГО

Сей блаженный отецъ нашъ родился въ Плесской волости[1]) въ селѣ Оделевѣ отъ благочестивыхъ родителей Иродіона и Маріи. Съ юныхъ лѣтъ онъ принялъ на себя подвигъ юродства и тайно ушелъ изъ родительскаго дома въ густые и непроходимые лѣса. Однажды поселяне изъ веси Ялнатской въ уѣздѣ города Юрьевца Поволжскаго, занимаясь рубкой деревьевъ и собираніемъ меда, нашли въ дебряхъ сего блаженнаго Симона. Они стали спрашивать его, кто онъ и откуда родомъ. Но святый ничего не сказалъ имъ, кромѣ своего имени. Видя, что на святомъ Симонѣ была очень ветхая одежда, поселяне сжалились надъ нимъ и привели его въ свое селеніе къ священнику, по имени Іосифу. Въ домѣ сего священника святый Симонъ сталъ заниматься работой, особенно онъ любилъ исполнять тяжелыя работы и черезъ то умерщвлялъ плоть свою: онъ часто мололъ муку на ручныхъ жерновахъ, рубилъ дрова для всѣхъ жителей селенія и ни отъ кого не бралъ никакой платы. Также часто и ревностно посѣщалъ онъ храмъ Божій, гдѣ возносилъ Господу свои молитвы и прославлялъ Его святое Имя. Не разъ святый подвергался насмѣшкамъ и поношеніямъ, но все сіе переносилъ кротко, не питая злобы на своихъ досадителей. Постоянно, зимой и лѣтомъ, онъ ходилъ въ одной рубашкѣ, никогда не носилъ обуви; ложемъ ему служила земля, кровомъ—небо. Проживъ немало лѣтъ въ Ялнатскомъ селеніи, Симонъ переселился въ городъ Юрьевецъ и здѣсь также продолжалъ подвизаться подвигомъ юродства Христа ради. Часто добрые люди давали ему одежду или сапоги, но онъ оставлялъ все сіе, а облекался въ худое вретище. У святаго былъ обычай приходить часто на постоялый дворъ. Въ зимнюю пору онъ часто проводилъ здѣсь ночи. Тогда онъ молился, бодрствовалъ; часто хозяева и ночевавшіе тамъ выгоняли его на стужу. Нерѣдко онъ ходилъ по берегу рѣки Волги, и часто въ зимнее время можно было видѣть слѣдъ его обнаженныхъ ногъ. Отъ

[1]) *Плесъ*—нынѣ заштатный городъ Костромской губерніи Нерехтского уѣзда, на берегу рѣки Волги.

суровой жизни кожа его совсѣмъ почернѣла и прилипла къ костямъ. Часто онъ при многихъ обличалъ и поносилъ самъ себя; такъ смирялъ онъ свою плоть и духъ. За свою благочестивую жизнь онъ еще при жизни сподобился получить даръ прозрѣнія, такъ что могъ видѣть то, что было скрыто отъ другихъ.

Однажды, юродствуя, онъ вошелъ въ домъ воеводы Третьяка Трегуба. Воевода разгнѣвался на блаженнаго и велѣлъ его силой вывести изъ дома. Выходя изъ дома, святый сказалъ, что на слѣдующій день случится несчастье. Такъ и вышло. На другой день жена воеводы упала, выходя изъ сѣней, и сильно расшиблась. Съ сего времени воевода сталъ уважать блаженнаго Симона.

Чрезъ нѣкоторое время блаженный Симонъ снова пришелъ къ тому же воеводѣ и предсказалъ, что въ городѣ произойдетъ сильный пожаръ. Вскорѣ такъ и случилось. Уже болѣе семидесяти дворовъ было охвачено пламенемъ. Тогда воевода приказалъ привести къ себѣ блаженнаго Симона. Его нашли стоящимъ на колѣняхъ предъ одной изъ городскихъ церквей. Онъ со слезами молился предъ образомъ Пресвятой Богородицы. Блаженнаго привели къ воеводѣ. Воевода вмѣстѣ съ другими гражданами сталъ молить святаго, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ страшнаго бѣдствія. Симонъ, протянувъ руку, указалъ на пламя и, юродствуя, ударилъ воеводу по щекѣ—и пожаръ тотчасъ же прекратился.

Святый еще при жизни воспріялъ такую благодать отъ Господа, что, по молитвамъ его, совершались различныя чудеса и подавались исцѣленія недугующимъ. Одинъ юрьевецкій житель—Іосифъ Зубаревъ переплывалъ рѣку Волгу. Внезапно поднялся сильный вѣтеръ, волны стали заливать маленькую лодку. Испуганный Іосифъ вдругъ увидѣлъ на берегу блаженнаго Симона; онъ сталъ мысленно просить святаго, чтобы блаженный своей молитвой спасъ его отъ неизбѣжной гибели. Тогда же Іосифъ обѣщалъ дать святому новую одежду и обувь. Буря тотчасъ же прекратилась, и Іосифъ благополучно переѣхалъ рѣку. Но потомъ, какъ часто случается, онъ забылъ о своемъ обѣщаніи. Спустя уже много дней онъ встрѣтился съ блаженнымъ.

— Іосифъ,—сказалъ ему святый,—ты не исполнилъ своего обѣщанія. Помнишь ли, что обѣщалъ ты, когда тонулъ на Волгѣ?

Тогда Іосифъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи и почувствовалъ стыдъ. Упавъ къ ногамъ святаго, онъ просилъ прощенія.

— Ступай—сказалъ блаженный—и отдай нищимъ то, что ты мнѣ обѣщалъ, и никогда не забывай ихъ, ибо милостыня избавляетъ насъ отъ напастей и бѣдъ.

Священникъ соборнаго храма юрьевецкаго во имя святаго и славнаго великомученика Георгія, по имени Алимпій, однажды, вкушая рыбу, проглотилъ кость. Она остановилась у него въ гортани. Долго онъ страдалъ, ему становилось все хуже, и онъ уже сталъ отчаяваться въ своемъ выздоровленіи. Однажды онъ встрѣтился съ блаженнымъ Симономъ и сталъ просить у него помощи. Святый коснулся нѣсколькими перстами горла сего іерея, и онъ тотчасъ же вмѣстѣ съ кровью выплюнулъ и кость и совершенно выздоровѣлъ.

Однажды въ осеннюю пору на Волгѣ поднялось сильное волненіе. Одинъ изъ юрьевецкихъ жителей—Петръ, жившій недалеко отъ берега рѣки, вдругъ замѣтилъ, что кто-то идетъ по волнамъ. Онъ ужаснулся. Но думая, что ошибся, онъ подошелъ къ самому краю берега и сталъ пристально всматриваться. Вдругъ онъ ясно увидѣлъ, что это блаженный Симонъ идетъ по водѣ съ посохомъ въ рукѣ. Отъ изумленія Петръ не могъ тронуться съ мѣста. Подойдя къ нему, блаженный сказалъ:

— Никому не говори того, что ты видѣлъ, доколѣ я живъ.

По кончинѣ святаго, Петръ разсказалъ всѣмъ о столь великомъ чудѣ. Всѣ удивлялись и прославляли Господа, посылающаго въ міръ Своихъ славныхъ угодниковъ.

Предчувствуя свое скорое отшествіе изъ временной жизни, святый пришелъ въ домъ новаго воеводы Ѳеодора Петелина. Чѣмъ-то разгнѣванный воевода, не зная блаженнаго, приказалъ его бить. Симонъ сильно заболѣлъ. Оставленный на дворѣ у воеводы, святый призвалъ къ себѣ одного іерея. Исповѣдавшись, святый съ великимъ благоговѣніемъ сподобился причаститься Божественныхъ Таинъ Христовыхъ и предалъ Господу свою святую душу. Ѳеодоръ, узнавъ о смерти блаженнаго, сталъ горько плакать и раскаяваться въ своемъ согрѣшеніи. Между тѣмъ весь городъ собрался на погребеніе святаго. Съ псалмопѣніями и пѣснями духовными погребли тѣло святаго угодника въ Богоявленскомъ юрьевецкомъ монастырѣ[1]). Сіе произошло 4 Ноября 1584 года. При погребеніи святаго воевода Ѳеодоръ Петелинъ раздавалъ

[1]) Нынѣ упраздненномъ.

много милостыни. Когда онъ возвратился домой, то увидѣлъ, что денегъ у него нисколько не стало меньше. Онъ понялъ, что сіе произошло по дивному Промыслу Божію, и возблагодарилъ Господа и славнаго отца нашего Симона. Въ 1619 году надъ могилой блаженнаго построили храмъ въ честь Пресвятой Богородицы Одигитріи съ придѣлами во имя пророка Иліи и святаго Макарія Желтоводскаго. Мѣсто надъ могилой блаженнаго Симона было отмѣчено деревянной гробницей для того, чтобы кто-либо, по незнанію, не ступилъ на то мѣсто. Въ сіе время къ гробницѣ пришла одна женщина по имени Саломія и просила священника совершить надъ гробомъ святаго паннихиду.

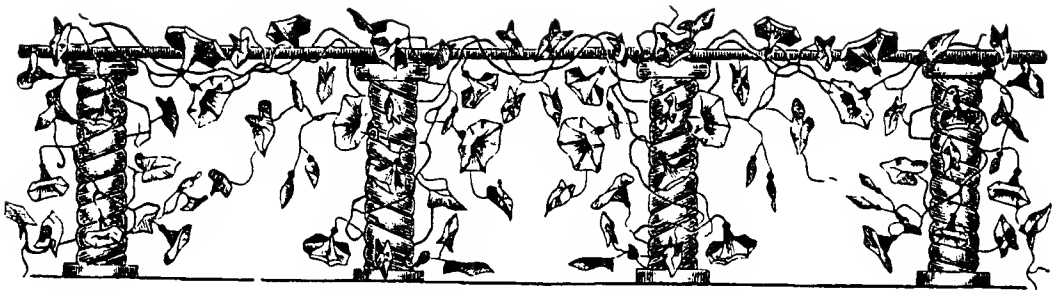
«Болѣе 18 мѣсяцевъ лежала я въ тяжкой болѣзни. Однажды ко мнѣ явился нѣкій мужъ, въ одной рубашкѣ, съ обнаженными ногами, съ длинными черными волосами, средняго роста. Представшій предо мною сказалъ:

— Иди въ Богоявленскій монастырь и попроси отслужить паннихиду надъ гробомъ Симона юродиваго.

Я почувствовала себя совершенно здоровой и пришла помолиться надъ гробомъ сего праведника.»

Всѣ бывшіе тутъ были весьма удивлены ея разсказомъ, ибо она никогда не видѣла блаженнаго Симона. Нѣкоторые пожилые люди сказали, что ей явился самъ Симонъ: видъ его былъ именно таковъ, какъ она его описала.

Много и другихъ чудесъ совершилось у гроба блаженнаго. Въ 1635 году патріархъ Іосифъ повелѣлъ построить раку и написать икону святаго угодника Божія, не престающаго и понынѣ молить Господа о спасеніи душъ нашихъ. Аминь.



День пятый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКОВЪ

ГАЛАКТІОНА и ЕПИСТИМЫ

Въ Финикіи[1]), въ городѣ Эмесѣ, жилъ нѣкто Клитофонъ, человѣкъ благородный, знаменитый и богатый. Жена его, по имени Левкиппія, дочь епарха[2]) Мемнона, была безплодна и сильно скорбѣла объ этомъ, такъ какъ за безплодіе ей часто приходилось выслушивать упреки отъ мужа, а иногда переносить брань и даже побои. Оба они были язычники, держались эллинскаго[3]) нечестія и особенно чтили богиню Артемиду[4]).

---

1) *Финикія* —узкая полоса земли, тянущаяся вдоль восточнаго (азіатскаго) берега Средиземнаго моря къ сѣверу отъ Палестины. Страна эта была извѣстна съ древнѣйшихъ временъ и первоначально населена была народомъ, родственнымъ народу еврейскому, и вмѣстѣ первымъ морскимъ и торговымъ народомъ древняго міра, основавшимъ свои колоніи и склады въ различныхъ мѣстахъ земного шара. Въ глубокой древности главные города Финикіи представляли изъ себя отдѣльную самостоятельную общину, а затѣмъ они образовали союзъ, во главѣ котораго сталъ городъ Тиръ. Въ VIII вѣкѣ до Рождества Христова Финикія была покорена Ассиріянами и потомъ послѣдовательно переходила подъ власть различныхъ народовъ: Вавилонянъ, Персовъ, Грековъ, Римлянъ, Арабовъ, Турокъ-Сельджуковъ и Турокъ-Османлисовъ, каковымъ принадлежитъ до настоящаго времени. Начало христіанства въ Финикіи относится ко временамъ апостольскимъ.

2) *Епархъ* —начальникъ области.

3) Т. е. языческаго.

4) *Артемида* —греческая языческая богиня луны и охоты. О великолѣпномъ храмѣ ея въ Ефесѣ, въ Малой Азіи, упоминается въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (Кн. Дѣян. Ап., гл. 19, ст. 24—29).

Въ то время городомъ управлялъ нѣкто Секундъ сиріецъ, который чрезвычайно немилосердно и жестоко относился къ вѣрующимъ во Христа. Онъ придумалъ множество различныхъ орудій для мученія и выставилъ ихъ посреди города на страхъ христіанамъ. Вслѣдствіе сего многіе изъ вѣрующихъ, изъ боязни тяжкихъ мученій, скрывались, а другіе, смѣло исповѣдуя Христа, сами отдавались въ руки мучителей и умирали за Имя Господа своего. Тамъ былъ, между прочимъ, одинъ инокъ, именемъ Онуфрій, который, чтобы не узнали, что онъ—христіанинъ, скрылъ свое иночество подъ нищенскимъ рубищемъ и, переходя съ мѣста на мѣсто и отъ дома къ дому, просилъ, какъ убогій, куска хлѣба, а между тѣмъ, гдѣ можно было, училъ истинной вѣрѣ и обращалъ къ Богу души человѣческія. Такимъ образомъ пришелъ онъ и къ дому Клитофона и, стоя у воротъ, началъ просить хлѣба. Левкиппія, видя человѣка, одѣтаго въ рубище и просящаго хлѣба, приказала одной изъ рабынь затворить передъ нимъ двери: въ тотъ день она была разсержена, такъ какъ мужъ нанесъ ей побои изъ-за ея безплодія. Инокъ же продолжалъ, какъ это въ обычаѣ у нищихъ, стоять у воротъ, прося милостыни. Вскорѣ Левкиппія смилостивилась, велѣла пустить старца во дворъ и снабдила его всѣмъ нужнымъ. Старецъ, принимая милостыню, услыхалъ тяжкій сердечный вздохъ Левкиппіи и спросилъ ее:

— Что за печаль у тебя, госпожа моя, что ты вздыхаешь такъ тяжко?

Она отвѣчала ему:

— Нѣтъ у меня, старецъ, дѣтей, такъ какъ я безплодна, и за это притѣсняетъ и гонитъ меня мужъ мой; много раздала я золота врачамъ и чародѣямъ, чтобы они помогли мнѣ и разрѣшили мое безплодіе, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ никакой помощи, а только впадаю я все въ большее уныніе.

Старецъ спросилъ:

— Какому Богу служишь ты?

— Я служу великой богинѣ Артемидѣ,— отвѣчала она.

— Потому-то ты и безплодна, что не имѣешь упованія на Бога, могущаго дать плодъ чреву твоему,— отвѣчалъ старецъ.

— Но на какого же бога мнѣ нужно надѣяться, который могъ бы дать мнѣ такую благодать, чтобы я могла называться матерію? —спросила Левкиппія.

— Уповай на истиннаго Бога Іисуса Христа,—отвѣчалъ старецъ,—и вѣруй въ Него и въ Безначальнаго Отца Его и въ Святаго Единосущнаго и Животворящаго Духа.

Левкиппія спросила:

— Не о томъ ли Богѣ ты говоришь мнѣ, Которому служатъ галилеяне?[1])

— Именно о Немъ,—отвѣчалъ старецъ,—ибо Онъ сотворилъ небо, основалъ землю, создалъ человѣка и всякое живое существо.

— Я боюсь,—замѣтила на это Левкиппія,—какъ бы не узналъ о такой моей вѣрѣ начальникъ области Секундъ и не предалъ меня смерти, какъ сдѣлалъ онъ со многими другими: всѣхъ вѣрующихъ въ Того Бога, о Которомъ ты говоришь, онъ убиваетъ безъ милосердія.

Прп҃бномч҃нцы
галактїѡ́нъ и є҆пісти́ма

— Если ты боишься начальника области,—сказалъ старецъ,—то можешь тайно служить Святой Троицѣ: вотъ и я, боясь угрозъ мучителя, тайно служу Богу моему и, по благодати Его, надѣюсь получить спасеніе, ибо я, какъ видишь,—христіанинъ, инокъ и пресвитеръ,—измѣнилъ свой видъ, чтобы не быть узнаннымъ; по внѣшности для всѣхъ я—одинъ изъ нищихъ, а на самомъ дѣлѣ—рабъ Христовъ. Такъ и ты, служа Христу тайно, не лишишься чрезъ то спасенія.

— Если я приму вѣру эту, отче,—спросила Левкиппія,—а мужъ мой останется въ язычествѣ, то не будетъ ли тщетна вѣра моя ради невѣрнаго мужа?

---

[1]) *Галилеянами* именовались послѣдователи Христа, Коего называли «Іисусомъ Галилеяниномъ» (Мѳ. 26, 69), потому что дѣтство и отрочество Свое Онъ провелъ въ Назаретѣ, незначительномъ городѣ Галилеи.

— Пріими только знаменіе Христово, т. е. Святое Крещеніе, и вѣруй, не сомнѣваясь, въ Истиннаго Бога, и если останешься твердою въ истинной вѣрѣ, то и сама спасешься и мужа своего спасешь, ибо наши Писанія говорятъ: **свѧти́тсѧ мꙋ́жъ невѣ́ренъ ѡ҆ женѣ̀ вѣ́рнѣ** [1]).

Когда Онуфрій утвердилъ Левкиппію своими словами, она сказала:

— Отче! Можешь ли ты совершить надо мною Святое Крещеніе?

Онъ же отвѣчалъ:

— Есть ли только вода; а то уже и время приспѣло для того.

Приказавъ служанкамъ никому не говорить о томъ, что было, Левкиппія велѣла налить кадку воды, и тогда блаженный Онуфрій крестилъ ее во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и научилъ ее тайнамъ ученія христіанскаго и всѣмъ заповѣдямъ. Когда онъ уходилъ, новокрещенная просила его не забывать ея, посѣщать по возможности часто и учить благочестію и молитвѣ.

Когда инокъ ушелъ, Левкиппія приняла видъ больной — для того, чтобы мужъ не прикасался къ ней до восьми дней. Такимъ образомъ, она сохранила въ чистотѣ благодать Святаго Духа, полученную въ Крещеніи. По прошествіи восьми дней она увидѣла въ видѣніи Господа нашего Іисуса Христа, распятаго на крестѣ; и видѣлось ей, что она припала къ ногамъ Его и слышала изъ пречистыхъ устъ Его утѣшительное обѣщаніе разрѣшить ея неплодіе и даровать ей такого сына, который будетъ подражателемъ крестнымъ страданіямъ Спасителя и причастникомъ Царствія Его. Вслѣдствіе сего видѣнія Левкиппія исполнилась великой духовной радости и возымѣла пламенную любовь къ Богу. Съ того времени память о страданіяхъ Господа никогда не покидала ея, она всегда взирала умомъ на распятаго Христа и какъ бы видѣла Его стоящимъ предъ собою.

Вскорѣ послѣ того она стала непраздною (беременною.—*Ред.*) Мужъ ея чрезвычайно обрадовался этому и сказалъ ей:

— Теперь я знаю, что ты угодна богамъ: они даровали плодъ утробѣ твоей; итакъ, пойдемъ и принесемъ имъ жертву.

Тогда Левкиппія вздохнула и сказала:

— Не тѣ боги, къ которымъ зовешь ты меня, дали мнѣ этотъ даръ, но—иной Богъ, Который ко мнѣ ранѣе зачатія явился во снѣ

1) См.: 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 14. Русскій переводъ: *невѣрующій мужъ* (язычникъ) *освящается женою вѣрующею.*

и Котораго я видѣла пригвожденнымъ ко кресту. И если хочешь, господинъ мой, Ему именно принесемъ мы благодарственную жертву.

— Тотъ Богъ, Котораго видѣла ты,—замѣтилъ ея мужъ,—есть Богъ галилеянъ, о Которомъ я слышалъ отъ многихъ, что Онъ дѣйствительно распятъ былъ на крестѣ и творитъ дивныя чудеса.

— Такъ почему же,—сказала она,—мы не вѣруемъ въ Него, когда Онъ всемогущъ и милостивъ къ намъ съ тобою настолько, что исполнилъ наше сердечное желаніе,—разрѣшилъ мое безплодіе?

— Развѣ ты не слыхала,—отвѣчалъ мужъ,—что начальникъ области безъ всякаго милосердія мучаетъ и убиваетъ вѣрующихъ въ Распятаго?

— Но, если нельзя вѣровать въ Него открыто,—сказала Левкиппія,—мы будемъ вѣровать тайно и сообразно съ сею вѣрою направлять ко благу жизнь свою.

— Нѣтъ человѣка,—сказалъ Клитофонъ,—который бы научилъ насъ новой вѣрѣ и далъ бы намъ наставленіе, какъ должны мы служить тому благому Богу, Котораго ты видѣла во снѣ и Который даровалъ Тебѣ способность зачатія.

Левкиппія, видя, что мужъ склоняется на ея сторону, разсказала ему о всемъ, случившемся съ нею, и открыла, что она уже—христіанка и научена тайнамъ вѣры Христовой однимъ инокомъ. Клитофонъ съ радостію выслушалъ это и пожелалъ креститься. Какъ только блаженный Онуфрій пришелъ въ ихъ домъ посѣтить новокрещенную, она показала его мужу, и Клитофонъ былъ крещенъ святымъ старцемъ. И жили супруги во всякомъ благочестіи и чистотѣ, тайно служа Господу Истинному.

Когда у нихъ родился младенецъ мужескаго пола, они призвали своего духовнаго отца и учителя Онуфрія, который и крестилъ младенца, при чемъ ему наречено было имя—Галактіонъ. При семъ святый старецъ изрекъ о немъ слѣдующее пророчество:

— Сей младенецъ жизнь небесную возлюбитъ болѣе земной.

Когда Галактіонъ возросъ, родители позаботились объ его обученіи, и, при помощи Божіей, онъ быстро преуспѣвалъ во всѣхъ наукахъ, какія изучалъ, а когда ему исполнилось 24 года—и уже по смерти его матери—отецъ пожелалъ, чтобы онъ вступилъ въ бракъ, и, пріискавъ дѣвицу, прекрасную лицомъ, по имени Епистиму, обручилъ съ нею своего сына. Такъ какъ бракъ былъ отложенъ

на нѣкоторое время, то Галактіонъ, чтобы видѣться съ невѣстой, часто приходилъ къ ней въ гости; но онъ никогда не привѣтствовалъ ее, какъ то было въ обычаѣ — цѣлованіемъ, такъ какъ она не была крещена. Епистима была очень опечалена этимъ. Отецъ, видя ея печаль и узнавъ о причинѣ ея, сказалъ Галактіону:

— Почему, юноша, ты не привѣтствуешь обычнымъ цѣлованіемъ мою дочь, а свою обрученницу? Если ты ея не любишь, то зачѣмъ и обручался съ нею?

Галактіонъ, ничего ему не отвѣтивъ, пошелъ къ дѣвицѣ и сказалъ ей наединѣ:

— Епистима! Знаешь ли, почему я не привѣтствую тебя цѣлованіемъ?

Она отвѣчала:

— Не знаю, господинъ мой, и весьма скорблю объ этомъ.

Галактіонъ сказалъ:

— Такъ какъ ты не христіанка и осквернена нечистою языческою вѣрою, то я не хочу прикасаться къ твоей нечистотѣ, чтобы не оскорбить Духа Божія; но если хочешь пріобрѣсти мою любовь, отрекись отъ идоловъ, увѣруй въ Бога, въ Котораго вѣрую я, и пріими Святое Крещеніе: тогда я дамъ тебѣ цѣлованіе, буду любить тебя, какъ самого себя, назову тебя своею супругою, и мы до конца проживемъ въ любви и неразлучно.

Епистима отвѣчала:

— Я сдѣлаю все, что ты велишь, господинъ мой: я вѣрую въ твоего Бога и желаю креститься.

Онъ сказалъ:

— Хорошо, мудрая дѣвица, теперь я воистину начинаю любить тебя. Но такъ какъ нѣтъ никого, кто бы могъ крестить тебя, ибо благочестіе христіанское подверглось лютому гоненію, а пресвитеры и клирики—одни перебиты, другіе бѣжали въ пустыню, то необходимо мнѣ самому крестить тебя. Итакъ, захвати съ собою бѣлые одежды и выйди на рѣку Кифосъ—какъ бы купаться, а между тѣмъ и я выйду изъ своего дома въ поле подъ видомъ прогулки и, отыскавъ тебя на рѣкѣ, окрещу.

Епистима вышла къ рѣкѣ, вышелъ и Галактіонъ и крестилъ въ Кифосѣ свою обрученницу во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и научилъ ее молитвѣ. Затѣмъ они разошлись, и никто не зналъ объ ихъ тайнѣ. Около того же времени Галактіонъ обратилъ въ истинную вѣру одного изъ рабовъ своего тестя и крестилъ его,

какъ и свою обрученницу. Этотъ рабъ, по имени Евтолмій, впослѣдствіи сдѣлался инокомъ и написалъ настоящее житіе.

Епистима, послѣ крещенія, оставалась въ родительскомъ домѣ, упражняясь въ богомысліи и молитвахъ, которыя она совершала тайно, ибо она скрывала отъ отца принятіе ею христіанской вѣры.

Когда, на восьмой день послѣ Крещенія, къ ней пришелъ Галактіонъ, она сказала ему:

— Дивную вещь хочу я повѣдать тебѣ, господинъ мой. Съ тѣхъ поръ какъ я приняла Святое Крещеніе часто вижу я прекрасные чертоги и въ нихъ—три лика[1]) поющихъ: одинъ ликъ—черноризцевъ, другой—прекрасныхъ дѣвъ и третій—какихъ-то крылатыхъ и огненныхъ благовидныхъ людей; и отъ сего чуднаго видѣнія, и отъ сладкозвучнаго пѣнія ликовъ сердце мое ощущаетъ чрезвычайную радость.

Галактіонъ, размысливъ о видѣнномъ Епистимою, сказалъ ей слѣдующее:

— Черноризцы суть тѣ, которые оставили свои богатства, женъ и друзей и послѣдовали за Христомъ, въ нищетѣ, чистотѣ и терпѣніи проходя тѣсный и скорбный жизненный путь. Прекрасныя дѣвы—это оставившія своихъ жениховъ и родителей, и всякую мірскую прелесть—пышныя одежды, имѣнія и прочую суету и послѣдовавшія за Христомъ. А крылатые мужи суть Ангелы Божіи, вмѣстѣ съ коими тѣ дѣвы радуются и ликуютъ на Небесахъ и славятъ Бога хвалебными пѣснями.

— О, если бы и намъ Богъ далъ ликовать вмѣстѣ съ ними,—сказала Епистима.

— Если сохранимъ дѣвство наше,—сказалъ Галактіонъ,—и, подобно имъ, отречемся отъ міра, то и насъ всеблагій Богъ удостоитъ такой же награды.

— Если ты согласенъ,—отвѣчала Епистима,—я готова хранить дѣвство свое; но я не желаю разлучиться съ тобою, такъ какъ если разлучимся, то какъ будемъ мы въ состояніи дѣлить другъ съ другомъ нашу радость?

— Дай мнѣ сейчасъ же слово,—сказалъ Галактіонъ,—что ты сохранишь дѣвство свое и вмѣстѣ со мною примешь иноческій образъ, и я не разлучусь съ тобою ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ.

---

[1]) *Ликъ*—сонмъ, собраніе.

Епистима дала требуемое имъ обѣщаніе, говоря:

— Какъ непреложно вѣрую я въ Господа нашего Іисуса Христа, такъ и обѣщаюсь тебѣ исполнить желаніе твое и послѣдую за тобою, куда бы ты ни пошелъ.

Галактіонъ сказалъ:

— Возблагодаримъ Бога нашего за то, что Онъ милостивъ къ намъ и услышалъ молитвы наши! Да утвердитъ и сохранитъ Онъ ненарушимымъ договоръ нашъ до конца! Вотъ, я ухожу въ домъ свой и приготовлюсь въ путь; сдѣлай и ты то же: раздай все, что имѣешь, нищимъ, какъ раздамъ и я, и на третій день выйдемъ вмѣстѣ изъ домовъ нашихъ и пойдемъ, куда поведетъ насъ Богъ. Ты же захвати съ собою и раба Евтолмія,— онъ человѣкъ благочестивый и будетъ вмѣстѣ съ нами иночествовать.

Послѣ сего совѣщанія святые Галактіонъ и Епистима разошлись и, раздавъ тайно все, что у нихъ было, нищимъ и приготовившись къ пути, вышли, какъ сговорились, изъ домовъ своихъ ночью и пошли вмѣстѣ, а съ ними и рабъ Евтолмій.

Чрезъ десять дней они пришли къ горѣ, называемой Пупліонъ[1]), въ которой былъ монастырь, гдѣ спасались десять иноковъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него находился небольшой женскій монастырь, въ которомъ жили четыре престарѣлыхъ постницы; старшею надъ ними была одна діаконисса, чистой и святой жизни. Галактіонъ и Епистима съ Евтолміемъ, вошедши въ мужской монастырь и поклонившись игумену, повѣдали ему о своемъ намѣреніи иночествовать въ этомъ мѣстѣ. Игуменъ, прозрѣвая въ нихъ призваніе Божіе, принялъ ихъ и постригъ въ монашество: Епистиму онъ отослалъ въ женскій монастырь къ четыремъ святымъ постницамъ, а Галактіона съ Евтолміемъ оставилъ въ своемъ монастырѣ и велѣлъ имъ проходить всѣ обычныя монастырскія послушанія. Преподобный Галактіонъ находился въ полномъ повиновеніи игумену и братіи и ревностно служилъ Богу. И кто можетъ описать его подвиги и труды?! Его никогда не видали празднымъ, но всегда онъ—или дѣлалъ что-нибудь, потребное для монастыря, или молился; постъ его былъ необыкновенный: иногда онъ не вкушалъ пищи цѣлую седмицу; онъ такъ хранилъ свое

---

[1]) *Гора Пупліонъ*, или *Публіонъ* —по свидѣтельству Симеона Метафраста, находилась близъ горы Синая.

цѣломудріе и чистоту, что всячески избѣгалъ даже видѣть женское лицо, и дѣйствительно не видѣлъ долгое время; много разъ нѣкоторые изъ братіи приглашали его пойти вмѣстѣ съ ними посмотрѣть вышеупомянутую святую діакониссу, которая иночествовала девяносто лѣтъ и приносила великую пользу всѣмъ, слушавшимъ ея поученія о спасеніи души, такъ какъ отличалась мудростію, назидательнымъ словомъ и добродѣтельною жизнію,—а кстати и провѣдать сестру Епистиму. Но Галактіонъ не соглашался, говоря:

— Довольно съ меня, святые отцы, пользоваться и вашимъ поученіемъ, а сестру свою я не хочу видѣть до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда Самъ Господь повелитъ мнѣ видѣться съ нею.

Святая Епистима, сестра его о Христѣ, жила въ своемъ монастырѣ при святой діакониссѣ, подобно Ангелу Божію, проводя время, подобно Галактіону, въ подвигахъ и трудахъ и ни въ чемъ не отставая по жизни отъ своего брата. Оба они были, какъ два свѣтильника[1]), горящіе любовію къ Богу, а подвизавшіеся вмѣстѣ съ ними иноки поучались примѣромъ ихъ добродѣтельной жизни и прославляли Отца Небеснаго.

Между тѣмъ гоненіе на христіанъ не прекращалось: всѣ они были принуждаемы принести жертву идоламъ, и отказывавшіеся сдѣлать это подвергались мученіямъ. Нѣкоторые изъ язычниковъ, знавшіе объ инокахъ, спасавшихся въ горѣ, донесли о нихъ начальнику области Урсу. Послѣдній тотчасъ послалъ своихъ воиновъ съ приказаніемъ схватить всѣхъ иноковъ и привести къ нему на судъ. Еще до прибытія этихъ воиновъ святая Епистима видѣла въ одну ночь слѣдующій сонъ: ей снилось, что она стоитъ въ царскомъ дворцѣ вмѣстѣ съ своимъ женихомъ и духовнымъ братомъ Галактіономъ и какой-то сіяющій Царь вѣнчаетъ ихъ прекрасными вѣнцами. Проснувшись, она удивлялась видѣнному и, съ наступленіемъ дня, послала игумену письмо съ просьбою придти къ ней выслушать нѣчто важное (такъ какъ обычно инокини не ходили въ мужской монастырь, а, вмѣсто того, игуменъ, бывшій въ обоихъ монастыряхъ отцомъ духовнымъ, самъ приходилъ къ постницамъ и удовлетворялъ ихъ духовныя нужды: выслушивалъ ихъ исповѣдь, совершалъ у нихъ Божественную Литургію, прича-

---

[1]) Ср.: Апокал., гл. 11, ст. 4.

щалъ ихъ Святыхъ Таинъ, а затѣмъ возвращался въ свой монастырь). Игуменъ, получивъ письмо Епистимы, отправился въ монастырь святыхъ постницъ, гдѣ святая Епистима разсказала ему свое видѣніе во снѣ, бывшее въ мимошедшую ночь.

Игуменъ сказалъ:

— Дворецъ есть Царство Небесное, Царь—Іисусъ Христосъ, Господь и Богъ нашъ, а вѣнцы означаютъ воздаянія, которыя ты, чадо мое, и духовный братъ твой, Галактіонъ, имѣете получить въ скоромъ времени за свои страданія и подвиги; но сначала вамъ предлежитъ много пострадать и умереть мученическою смертію. Умоляю тебя, чадо мое, не бойся жестокихъ мученій и не падай духомъ среди истязаній: знай, что за страданія тебя ожидаютъ вѣчныя и неизреченныя блага, которыя ты получишь вмѣстѣ съ братомъ твоимъ изъ рукъ Подвигоположника[1]).

Епистима прослезившись отвѣчала:

— Буди воля Господня: Онъ да устроитъ все относительно насъ, какъ Ему угодно, по Своей благости!

Лишь только игуменъ возвратился въ свою келлію, какъ на мужской монастырь напали посланные Урсомъ воины; всѣ иноки разбѣжались и скрылись въ пустыняхъ и горахъ, остался въ монастырѣ только одинъ преподобный Галактіонъ, котораго воины и схватили, заставъ его въ келліи читающимъ Слово Божіе. Точно такъ же бѣжали изъ своихъ келлій и скрылись и святыя постницы вмѣстѣ съ Епистимой. Только одного святаго Галактіона, ꙗ҆́кѡ ѻ҆вча̀ на заколе́нїе[2]), повлекли къ Урсу на судъ и мученіе. Но преподобная Епистима, скрывавшаяся съ другими дѣвственницами въ пещерѣ, узнавъ, что ея женихъ и братъ схваченъ язычниками и отведенъ на мученія, съ плачемъ упала къ ногамъ святой діакониссы, говоря:

— Умоляю тебя, госпожа моя, отпусти меня, чтобы я могла пойти вслѣдъ за господиномъ моимъ Галактіономъ: ибо я слышала, что его взяли воины и повели къ начальнику области на му-

---

[1]) Здѣсь разумѣется Господь Іисусъ Христосъ, какъ положившій Своею крестною смертію основаніе и начало подвигамъ умерщвленія плоти и духовнаго совершенствованія, въ которомъ христіане *распинаются* Христу, т. е. какъ бы пріемлютъ участіе въ Его страданіяхъ, и въ то же время какъ Судія этихъ подвиговъ и раздаятель наградъ за нихъ.

[2]) *Какъ овца на закланіе.* Эти слова заимствованы изъ Книги Прор. Исаіи (гл. 53, ст. 7) и заключаютъ въ себѣ собственно пророчество о крестныхъ страданіяхъ Спасителя (именно о безропотномъ перенесеніи Имъ этихъ страданій).

ченіе, и не могу быть вдали отъ него; сердце мое болитъ по немъ, и хочу вмѣстѣ съ нимъ умереть за Христа Господа нашего.

Діаконисса отвѣчала:

— Нѣтъ, дитя мое Епистима, не ходи за нимъ и не предавайся въ руки язычниковъ, чтобы не попасть тебѣ во вражьи сѣти: ты молода, и я боюсь за тебя, какъ бы изъ страха мученій ты не отреклась отъ Христа и не погубила чрезъ то своего дѣвственническаго подвига; тогда ни къ чему не послужатъ и всѣ твои иноческіе подвиги, и ты лишишься надежды на спасеніе.

— Я не могу жить безъ Галактіона,—сказала на это Епистима,—чрезъ него я узнала Христа, моего истиннаго и человѣколюбиваго Бога, его руками я омыта въ водѣ крещенія отъ языческой нечистоты, онъ направилъ меня на путь спасенія и привелъ въ сей иноческій образъ и въ вашу святую обитель, его молитвы помогали мнѣ во всѣхъ моихъ нуждахъ, онъ—мой обрученникъ, и братъ, и учитель, и отецъ по Богѣ, и хранитель моего дѣвства, и я не могу разлучиться съ нимъ ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, но пойду и умру вмѣстѣ съ нимъ. Если онъ положитъ душу свою за Истиннаго Бога, положу свою и я; пусть кровь его прольется вмѣстѣ съ моею за Создателя всѣхъ,—вмѣстѣ съ нимъ пойду я и предстану предъ Престоломъ Царя славы, Котораго я видѣла во снѣ и Который насъ вмѣстѣ и увѣнчалъ... Пусти меня, госпожа, пусти и молись за меня!

Діаконисса, видя ея слезы и пламенную любовь къ Богу и своему обрученнику, сказала:

— Будь благословенна Господомъ, дочь моя, и да будетъ благословенъ весь путь твой! Да совершишь ты свой страдальческій подвигъ подобно блаженной Ѳеклѣ[1]). Итакъ, иди въ этотъ блаженный путь, и рука Господня укрѣпляющая да будетъ съ тобою!

Послѣ сего блаженная Епистима, облобызавши святую діакониссу, свою духовную мать, и всѣхъ сестеръ, поспѣшно отправилась вслѣдъ за своимъ любимымъ братомъ.

Догнавъ воиновъ и увидѣвъ святаго Галактіона, котораго вели связаннымъ, она воскликнула:

---

[1]) Здѣсь, очевидно, разумѣется *святая равноапостольная Ѳекла,* память которой издревле глубоко чтилась на Востокѣ и Западѣ и которой посвящены были весьма многіе храмы. Память ея—24 сентября.

— Возлюбленный мой господинъ и братъ! Учитель мой, наставившій меня ко спасенію, чрезъ котораго я познала Христа, Истиннаго Бога, подожди меня, не оставляй одинокою убогую сестру и рабу твою! Возьми меня съ собою на мученіе, меня, которую ты извелъ изъ идольскаго заблужденія и всей мірской суеты, веди меня, введенную тобою въ подвигъ иноческій, къ вѣнцу мученическому! Вспомни, какъ ты обѣщался мнѣ не оставлять меня ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ!

Сопровождавшіе Галактіона воины бросились къ Епистимѣ и схватили ее. Галактіонъ, увидѣвъ Епистиму, до такой степени обрадовался ея твердому рѣшенію пострадать за Христа, что отъ радости прослезился. Онъ отъ всего сердца возблагодарилъ Бога, давшаго сестрѣ его такую твердость и такую пламенную любовь къ Богу, и тайно молился за нее, чтобы Господь до конца укрѣпилъ ее въ подвигѣ страданія и чтобы она не устрашилась жестокихъ мукъ.

Воины, связавъ ее вмѣстѣ съ Галактіономъ, съ которымъ она давно уже была связана союзомъ духовной любви, повели ихъ къ начальнику области. На пути Галактіонъ поучалъ Епистиму, говоря:

— Смотри, сестра, не прельщайся какими бы то ни было соблазнами лукаваго міра сего, не бойся и мученій: недолго здѣсь потерпимъ мы, но получимъ за это вѣчные вѣнцы отъ Господа нашего въ чертогѣ небесномъ.

Святая Епистима отвѣчала ему:

— Я пойду слѣдомъ за тобою, господинъ мой, и буду поступать такъ же, какъ и ты, и я вѣрю, что Господь нашъ не оставитъ насъ, но и тебя укрѣпитъ, и мнѣ, слабой, поможетъ понести за Него равныя съ тобою муки, равно пострадать и умереть, да насы́щꙋсѧ съ тобою, внегда̀ ꙗ҆ви́ти ми сѧ сла́вѣ є҆гѡ̀[1]).

Бесѣдуя такимъ образомъ, они достигли до двора Урса. Навстрѣчу воинамъ вышелъ слуга и сказалъ, что начальникъ велѣлъ сторожить христіанъ до утра. Поэтому воины всю ночь держали святыхъ связанными.

Наутро Урсъ явился на судъ и, когда ввели къ нему Галактіона и Епистиму, взглянувъ на нихъ, сказалъ:

— Кто вы, черные?

---

[1]) Псал. 16, ст. 15.

Святый Галактіонъ отвѣчалъ:

— Мы—христіане и черноризцы.

Урсъ спросилъ:

— А кто такой—Христосъ?

— Христосъ есть Истинный Богъ, сотворившій небо и землю и все, что въ нихъ,—отвѣчалъ святый.

— Если вашъ Христосъ сотворилъ все,—продолжалъ Урсъ,—то что же такое—наши боги и что они сотворили?

— Ваши боги,—отвѣчалъ Галактіонъ,—камень и дерево, они—тлѣнныя вещи и ничего не создали, но ихъ самихъ создаетъ рука человѣческая, а вы поклоняетесь дѣлу рукъ человѣческихъ и почитаете за боговъ тѣхъ, которыхъ вы сами сдѣлали изъ различныхъ веществъ.

Разгнѣванный Урсъ приказалъ присутствовавшимъ при допросѣ раздѣть Галактіона и жестоко бить его жилами за хулу на боговъ.

Когда Галактіона били, святая Епистима плакала и упрекала начальника.

— Немилосердный мучитель!—говорила она.—Не стыдно ли тебѣ мучить ни въ чемъ неповиннаго раба Божія и покрывать ранами и безъ того изсушенное постомъ тѣло его?

Урсъ же сказалъ:

— Раздѣньте и ее и бейте сильнѣе.

Когда безстыдные слуги срывали съ нея иноческія одежды и обнажили ее до власяницы, святая сказала мучителю:

— Будь проклятъ, безстыдный мучитель! Съ дѣтства моего никто не видалъ наготы моей, и ты приказываешь обнажить меня при всѣхъ. Пусть же ослѣпнутъ ваши грѣховныя очи, чтобы не видѣли вы моей дѣвической наготы!

Лишь только сказала это святая, какъ князь и всѣ окружавшіе его ослѣпли, и каждый руками отыскивалъ стѣны и проводника, и не было никого, кто бы видѣлъ свѣтъ. Всѣ пришли въ ужасъ и воскликнули:

— Спаси насъ, раба Христова, отъ сей тьмы, и мы увѣруемъ въ твоего Бога!

Тогда святая помолилась Богу, и всѣ опять стали видѣть, при чемъ пятьдесятъ три человѣка изъ присутствовавшихъ дѣйствительно увѣровали во Христа. Но Урсъ, хотя и прозрѣлъ тѣлесными очами,—духовными ослѣпъ еще болѣе, ибо, наущаемый

діаволомъ, онъ приписалъ это чудо не Господу Іисусу Христу, а своимъ ложнымъ богамъ.

«Мы похулили,—думалъ онъ,—въ умѣ нашихъ великихъ боговъ, и, разгнѣвавшись за это, они наказали насъ, чтобы мы были осторожнѣе и не осмѣливались думать о нихъ что-либо дурное. Такъ не пощадимъ же этихъ явныхъ хулителей и отмстимъ безчестящимъ боговъ нашихъ.»

И Урсъ велѣлъ вбить мученикамъ подъ ногти на рукахъ и на ногахъ заостренныя спицы. Святые мужественно терпѣли эту муку и восклицали:

— Христу, Единому Истинному Богу, служимъ, а ложныхъ боговъ отвергаемъ!

Послѣ сего Урсъ приказалъ отрубить имъ руки.

Они воскликнули:

— **Бл҃гослове́нъ гдⷭ҇ь бг҃ъ** нашъ, **наꙋча́ѧй рꙋ́цѣ** наши **на ѡ҆полче́нїе, пе́рсты** наши **на бра́нь. Млⷭ҇ть** наша **и҆ прибѣ́жище** наше, **застꙋ́пникъ** нашъ **и҆ и҆зба́витель** нашъ[1]), избавляющій насъ изъ рукъ враговъ нашихъ!

Тогда Урсъ велѣлъ отрубить имъ и ноги, послѣ чего они воскликнули:

— **Воскрⷭ҇нѝ, гдⷭ҇и, помозѝ на́мъ и҆ и҆зба́ви на́съ и҆́мене ра́ди твоегѡ̀**[2]). Ты знаешь, Владыка, что, горя любовію къ Тебѣ, мы послѣдовали за Тобою и шествовали путемъ страданій; теперь же изведи насъ въ вѣчный покой, и да станутъ ноги наши въ небесныхъ обителяхъ Твоихъ, гдѣ предстоятъ предъ Тобою всѣ, благоугодившіе Тебѣ!

И они опять возвысили голосъ, говоря:

— Да будутъ прокляты языческіе боги и всѣ, служащіе имъ!

Тогда Урсъ сказалъ:

— Нечестивцы сіи все еще не перестаютъ хулить нашихъ боговъ! Вырѣжьте имъ языки, чтобы болѣе они не произносили хулы!

Тогда святымъ отрѣзали языки. Но хотя умолкли уста исповѣдниковъ Христовыхъ, сердца ихъ не переставали взыватъ къ Богу. Наконецъ, мучитель велѣлъ отсѣчь имъ головы. Ихъ вынесли за ограду двора, усѣкли мечомъ и бросили тѣла ихъ непо-

---

1) Псал. 143, ст. 1—2.

2) Псал. 43, ст. 27. *Воскресни*—возстань.

гребенными. Но Евтолмій, рабъ тестя Галактіона и сподвижникъ обоихъ святыхъ, слѣдовалъ за ними издалека, когда они были схвачены и ведены на судъ, перемѣнивъ свое иноческое одѣяніе на мірское, чтобы не быть узнаннымъ. Онъ видѣлъ ихъ страданія и кончину и, взявъ тайно ихъ святыя мощи, оплакалъ ихъ и съ честію предалъ погребенію. Онъ же описалъ и житіе и доблестное страданіе ихъ на пользу читающимъ и слушающимъ и во славу Богу, въ Троицѣ Святой славимому, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, во вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ к҃.

Мч҃нкъ хр҃то́выхъ полкѡ́мъ причто́стесѧ, до́брѣ хра́брствовавшымъ, свѣ́тлѡ подвиза́вшесѧ галактїѡ́не сла́вне съ ч҃тно́ю сꙋпрꙋ́жницею, и҆ сострада́вшею тебѣ̀ є҆пїсти́мою: є҆ди́номꙋ бг҃ꙋ непреста́ннѡ моли́тесѧ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ІОНЫ,

архіепископа Новгородскаго

Святый Іона, въ мірѣ Іоаннъ, родился въ концѣ XIV столѣтія. Когда ему было три года, его мать по волѣ Божіей предала Господу свою душу, а черезъ четыре года послѣ сего семилѣтній отрокъ остался полнымъ сиротою. Но Господь не оставилъ его безъ Своего попеченія. Онъ вложилъ мысль одной добродѣтельной вдовицѣ—Наталіи Медоварцевой взять къ себѣ бѣднаго сироту на воспитаніе. Съ материнскимъ попеченіемъ она заботилась объ отрокѣ Іоаннѣ, который отъ рожденія былъ слабъ здоровьемъ и требовалъ хорошаго и бдительнаго ухода. Наталія Медоварцева кормила, одѣвала отрока. Не оставила она его и безъ пищи духовной: она отдала его на обученіе одному дьяку, у котораго училось много другихъ дѣтей. Слабый отъ рожденія, робкій вслѣдствіе бѣдности, святый отрокъ съ самаго поступленія въ училище сильно отличался отъ своихъ товарищей. Онъ не

принималъ участія въ шумныхъ дѣтскихъ играхъ, любилъ тишину и уединеніе, со всѣмъ усердіемъ и стараніемъ сталъ учиться и своими быстрыми успѣхами и добрымъ нравомъ все сильнѣе снискивалъ себѣ любовь у своей пріемной матери.

Однажды товарищи святаго Іоанна, послѣ вечерни, стали играть на улицѣ. Благочестивый отрокъ былъ тутъ же. Онъ не принималъ участія въ игрѣ своихъ сверстниковъ, а только наблюдалъ за ними. Въ сіе время на улицѣ показался какой-то неизвѣстный до сихъ поръ въ Новгородѣ человѣкъ, который походилъ на юродиваго. Это былъ святый Михаилъ Клопскій[1]). Пришедшій изъ далекой области, никому еще до сихъ поръ не извѣстный въ Новгородѣ, никого изъ жителей не знавшій, онъ въ первый разъ былъ въ Новгородѣ еще до поступленія своего въ Клопскій монастырь. Завидѣвъ человѣка, идущаго въ странномъ одѣяніи, дѣти толпой кинулись къ нему и стали разсматривать его. Наиболѣе рѣзвые стали смѣяться надъ святымъ мужемъ, а иные даже бросали ему подъ ноги камни и соръ. Святый Іоаннъ стоялъ вдали на улицѣ. День клонился къ вечеру. Уже сумерки спустились на землю, и все окружающее стало скрываться во мракѣ. Но свѣтло и ясно провидѣлъ святый Михаилъ будущее блаженнаго отрока. Не обращая вниманія на шумъ и шалости дѣтей, онъ направляется къ Іоанну, беретъ его за волосы и, приподнявъ его выше себя, говоритъ:

— Иванъ, прилежно изучай книги: быть тебѣ архіепископомъ въ Великомъ Новгородѣ!

Послѣ сего онъ обнялъ ребенка, поцѣловалъ его и удалился. Такъ святый Михаилъ, не зная прежде имени ребенка, предрекъ то, что дѣйствительно исполнилось черезъ 50 лѣтъ, спустя 4 года послѣ блаженной кончины самого святаго Михаила.

Между тѣмъ отрокъ Іоаннъ, достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, рѣшился посвятить себя служенію Господу. Еще съ самаго дѣтства онъ строго соблюдалъ всѣ Заповѣди Христовы и любилъ уединеніе. Теперь онъ вознамѣрился принять на себя иноческое постриженіе. Въ 50 верстахъ отъ Новгорода среди большихъ лѣсовъ, вдали отъ человѣческаго жилища, находилась Отняя пустынь. Сюда-то и поступилъ святый Іоаннъ. Архимандритъ сей обители Харитонъ съ любовью принялъ прибывшаго и постригъ его въ иноки, давъ ему имя Іоны. Строгую и суровую жизнь,

---

[1]) Его память — 11 января.

исполненную великихъ иноческихъ подвиговъ, сталъ вести святый Іона. Его подвиги изумляли братію, такъ что иноки послѣ смерти Харитона избрали единодушно святаго Іону игуменомъ своей обители. На новой должности блаженный показалъ себя мудрымъ правителемъ, настоящимъ пастыремъ, кроткимъ руководителемъ и опытнымъ наставникомъ. Слава о его трудахъ и подвигахъ быстро распространялась; вскорѣ о немъ стало извѣстно и въ Великомъ Новгородѣ. Многіе жители Новгорода и другихъ мѣстъ стали приходить къ святому, назидались его мудрыми наставленіями, просили его молитвъ и благословенія. Многіе стали дѣлать пожертвованія въ обитель, такъ что подъ мудрымъ управленіемъ святаго Іоны скудная и бѣдная доселѣ средствами Отняя обитель стала процвѣтать, число иноковъ ея умножалось, и всѣ они подражали по мѣрѣ силъ своихъ святому Іонѣ.

Ст҃ый
Іѡна новгородскій

Въ 1458 году скончался святитель Новгородскій Евѳимій. Оплакиваемый всѣмъ народомъ, сей пастырь, пользовавшійся любовью и уваженіемъ, былъ съ честью похороненъ [1]).

Новгородскіе граждане единодушно желали видѣть на архипастырскомъ престолѣ святаго Іону. Тягостно было ему оставлять тихую Отнюю пустынь, но онъ не рѣшался противиться желанію народному. Въ 1458 году онъ прибылъ въ Новгородъ, а въ 1459 году былъ возведенъ въ санъ архіепископа Новгородскаго всероссійскимъ митрополитомъ святымъ Іоною [2]). Новый архіепископъ былъ украшенъ всѣми добродѣтелями, такъ что новгородцы увидѣли въ немъ вполнѣ достойнаго преемника почившаго святи-

[1]) Память его—11 марта.

[2]) Память его—31 марта. Онъ занималъ архипастырскій престолъ въ Москвѣ отъ 1448 до 1461 г.

теля Евѳимія. Святый мужъ отличался своею любовью къ паствѣ, особенно же онъ защищалъ бѣдныхъ и сирыхъ, памятуя о своемъ сиротствѣ. На немъ вполнѣ исполнились слова Іова: **оу҆ста̀ вдѡви́ча бл҃гослови́ша мѧ̀, ѻ҆́ко бѣ́хъ слѣпы̑мъ, нога́ же хрѡмы́мъ: а҆́зъ бы́хъ ѻ҆те́цъ немѡщны́мъ**[1]). Не было человѣка, который бы могъ дурно отозваться о святителѣ; всѣ любили и желали его видѣть, всѣ, кто слышалъ его, получали наслажденіе. Занимая такой высокій престолъ, онъ былъ со всѣми кротокъ и простъ. Всѣмъ онъ старался оказать какое-либо добро, дать мудрый совѣтъ. Не только одни новгородцы уважали своего Владыку, но даже и московскіе князья любили святаго Іону, почитали его и нерѣдко посылали ему посланія и получали отъ него совѣтъ. Ибо часто святитель пророчески предсказывалъ будущее, и слово его всегда въ точности исполнялось. А въ то время Московскіе князья Василій Темный и сынъ его Іоаннъ III[2]) особенно недовѣрчиво относились къ новгородцамъ, которые не могли забыть о прежней своей независимости отъ Москвы и посему не разъ навлекали на себя гнѣвъ царскій. Святитель Іона, пользовавшійся такимъ уваженіемъ у Великихъ князей Московскихъ, защищалъ своихъ согражданъ и смягчалъ царскій гнѣвъ. Сами новгородцы просили у него ходатайства предъ князьями московскими; часто также онъ своимъ властнымъ словомъ прекращалъ ихъ постоянныя неурядицы и взаимные раздоры.

Святителю приходилось нерѣдко вступать въ дѣла гражданскія. Вскорѣ послѣ его вступленія на престолъ начались нестроенія и въ Церкви. Изъ Рима прибылъ въ Литву ученикъ лже-митрополита Исидора и вступилъ въ управленіе Западно-Русской Церковію. Въ Москвѣ былъ созванъ Соборъ, гдѣ было постановлено—не признавать его митрополитомъ. Самъ Новгородскій пастырь не былъ въ Москвѣ на семъ Соборѣ. Но митрополитъ Московскій прислалъ ему соборное опредѣленіе и увѣщавалъ его крѣпко стоять за Православіе, укрѣплять въ истинной вѣрѣ свою паству, а заблуждшихъ убѣждать и обращать къ Истинѣ.

Часто святителю приходилось усовѣщавать своихъ согражданъ. Въ 1460 году въ Новгородъ прибылъ Великій князь Московскій Василій съ двумя своими сыновьями, Юріемъ и Андреемъ. На

---

[1]) Кн. Іова, гл. **29**, ст. 13—15.

[2]) *Василій Темный* былъ Великимъ княземъ отъ 1425 до 1462 г., а его сынъ *Іоаннъ III*—отъ 1462 до 1505 года.

сей разъ онъ прибылъ въ Новгородъ съ миромъ, ибо желалъ поклониться новгородскимъ чудотворцамъ и собрать подать съ жителей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ же приходилъ подъ Новгородъ съ сильнымъ войскомъ и наказалъ новгородцевъ за ихъ пріязнь къ его врагамъ. Нѣкоторые жители, помня это, составили дерзкій замыселъ умертвить князя. Когда святитель узналъ о такомъ безумномъ намѣреніи, онъ немедленно явился въ собраніе заговорщиковъ.

— Безумцы,—сказалъ имъ святитель,—что вы замыслили? Если вы и убьете Великаго князя, то чего вы добьетесь? Только одно несчастіе и бѣдствіе навлечете на Новгородъ. Его старшій сынъ Іоаннъ, свѣдавъ о вашемъ злодѣйствѣ, немедленно явится съ сильнымъ войскомъ и опустошитъ страну.

Сіе увѣщаніе сильно подѣйствовало на заговорщиковъ; они сами ясно поняли свое положеніе.

Новгородцы съ честью приняли Великаго князя. Святитель также оказывалъ ему свое уваженіе. Великій князь часто бесѣдовалъ съ блаженнымъ архипастыремъ и исполнялъ всѣ его совѣты. Онъ полюбилъ его какъ своего отца и слушалъ его во всемъ. Особенно онъ уважалъ святителя за его добродѣтельную жизнь. Во время пребыванія въ Новгородѣ Великаго князя произошло дивное исцѣленіе княжескаго постельничаго у раки мощей святаго Варлаама Хутынскаго[1]). Этотъ молодой человѣкъ изъ рода бояръ рязанскихъ внезапно сильно занемогъ. Силы его быстро истощались. Наконецъ онъ, казалось, совсѣмъ умеръ. Когда его поднесли къ ракѣ мощей святаго Варлаама, онъ вдругъ ожилъ и сталъ совершенно здоровымъ. Сіе удивительное чудо произошло на глазахъ самого Великаго князя, его бояръ и другихъ лицъ. Прибывшіе въ Новгородъ признали, что сей городъ пользуется особеннымъ покровительствомъ свыше. Святитель Іона тутъ же повелѣлъ записать сіе чудо на память потомкамъ и возложилъ сіе дѣло на прибывшаго со Святой Горы (Афона.— *Ред.*) Пахомія Логоѳета. Спустя нѣкоторое время, князь отправился обратно въ Москву. Прощаясь со святымъ пастыремъ, Великій князь приглашалъ его на совѣщаніе въ Москву.

Вскорѣ святителю пришлось отправиться туда. Князь разгнѣвался снова на жителей Новгорода. Нѣкоторые вельможи стара-

---

[1]) Память его—6 ноября.

лись усилить нерасположеніе князя къ новгородцамъ. Святый Іона, желая утолить гнѣвъ его, несмотря на свои годы отправился въ Москву, пренебрегая всѣми трудностями далекаго пути. Приближаясь къ сему городу, онъ вспомнилъ великаго защитника Русской земли—преподобнаго Сергія Радонежскаго[1]) и далъ обѣтъ по возвращеніи построить храмъ во имя сего славнаго подвижника и дивнаго угодника Божія. За 5 верстъ отъ Москвы святителя встрѣтили бояре и нѣсколько игуменовъ. Когда же святитель прибылъ въ городъ, митрополитъ Московскій принялъ его съ любовью. На княжескомъ дворѣ уже давно ждали святаго архіепископа. Здѣсь его встрѣтили бояре. На лѣстницѣ въ великокняжій теремъ его взяли подъ руки дѣти Василія Васильевича. Самъ князь былъ весьма радъ видѣть предъ собою мудраго Владыку. Онъ принялъ дань и подарки, которые святитель привезъ съ собою изъ своего города. Во все время пребыванія святителя въ Москвѣ Великій князь оказывалъ ему полное уваженіе. Онъ часто призывалъ его къ себѣ, бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ. Однажды онъ призвалъ къ себѣ святителя новгородскаго и митрополита Московскаго и высказалъ свое недовольство на новгородцевъ. Онъ жаловался на нихъ святому Іонѣ за то, что они готовы стать на сторону враговъ Русской земли—литовцевъ, оказываютъ мало уваженія ему—Великому князю, и даже сказалъ, что намѣревается идти съ войскомъ на мятежныхъ новгородцевъ, чтобы разъ навсегда положить предѣлъ ихъ смутамъ и своевольствамъ. Святитель Іона, какъ истинный пастырь, сталъ горячо заступаться за своихъ духовныхъ чадъ; говорилъ князю, что ему многое передаютъ неверно, стараясь возбудить его гнѣвъ. Онъ просилъ Василія не обращать вниманія на рѣчи завистливыхъ клеветниковъ, не увлекаться гнѣвомъ, но помиловать новгородцевъ.

— Великий государь, не позволяй гнѣву овладѣвать твоимъ сердцемъ, не внимай клеветникамъ и завистникамъ, не карай многихъ невинныхъ изъ-за горсти виновныхъ, но отечески вразуми жителей нашего города и окажи имъ свою любовь и милость. Если же ты, не внимая мольбамъ нашимъ, строго станешь взыскивать съ жителей Новгорода, то опасайся, чтобы и между тво-

[1]) Память его—25 сентября.

ими чадами не возникло раздѣленія. Нѣтъ, князь, не подвигнись по клеветѣ на твою отчину, но милостиво воззри на народъ твой. Не возлагай на него новыхъ даней и повинностей. Знай, что уже дни твои приближаются къ концу. Сынъ твой Іоаннъ возсядетъ на престолѣ великокняжескомъ послѣ тебя. Вмѣстѣ съ своей паствой я буду возносить о немъ молитвы Господу, да избавитъ его всесильная десница Божія отъ насилія безбожныхъ татаръ, да возвыситъ его надъ всѣми врагами и укрѣпитъ его державу, если онъ будетъ соблюдать Заповѣди Господни и съ кротостью будетъ управлять своей землей.

Слова сіи сильно обрадовали Великаго князя, завѣтной мечтой котораго было освобожденіе отъ ига татарскаго. Зная, что предсказанія святаго архіепископа въ точности сбываются, Василій обѣщалъ святителю Іонѣ отложить всякій гнѣвъ на новгородцевъ и даровать имъ миръ. Онъ далъ въ семъ слово архіепископу предъ митрополитомъ. По окончаніи сей бесѣды новгородскій архипастырь прослезился. Недоумѣвая о семъ, Великій князь и митрополитъ спросили святителя о причинѣ его слезъ.

— Кто можетъ,—отвѣтствовалъ имъ святый,—унизить и смирить такой сильный и многолюдный городъ, какъ нашъ? Только сами граждане своими усобицами. Лишь о томъ молю Господа, чтобы не было сего во дни мои.

Такъ святый Іона ясно предвидѣлъ будущее паденіе Новгорода. Зная сіе, онъ испросилъ у Василія и его сына Іоанна право суда для любимой Огней обители. Князья охотно исполнили просьбу святителя. Они дали ему грамоту съ великокняжеской своей печатью.

Великій князь такъ твердо вѣрилъ словамъ новгородскаго Владыки, что тогда же написалъ духовную. Назначивъ въ ней удѣлы своимъ сыновьямъ и супругѣ, Великій князь опредѣлилъ въ ней собирать дань для татаръ только до тѣхъ поръ, пока они еще имѣютъ власть надъ Русской землей. «Но наступитъ время,—говоритъ здѣсь Василій,—когда власть ихъ рухнетъ, и Господь избавитъ русскихъ князей отъ ихъ ига—тогда князья уже не должны болѣе вносить Великому князю дани для уплаты ордынскому хану.

Послѣ сего святитель новгородскій отправился къ своей паствѣ. Князь и бояре съ честью провожали уважаемаго архипастыря. Съ неменьшей любовью встрѣтили граждане новгородскіе

своего Владыку, который такъ горячо ходатайствовалъ за нихъ передъ Великимъ княземъ. Прибывъ въ свою епархію, святитель немедленно исполнилъ данное имъ обѣщаніе—построилъ первый въ Новгородѣ храмъ въ честь преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго. Онъ со всякимъ благолѣпіемъ украсилъ новый храмъ, снабдилъ его Богослужебными книгами и иконами и часто посѣщалъ его. Святый Іона много заботился о духовномъ просвѣщеніи своей паствы; самъ отличаясь большой начитанностью и глубокимъ знаніемъ Божественнаго Писанія, онъ желалъ, чтобы и духовныя его чада могли поучаться и имѣть для назидательнаго чтенія жизнеописанія знаменитыхъ подвижниковъ новгородской области. Для сего, по согласію съ митрополитомъ всероссійскимъ святымъ Іоною, новгородскій архипастырь поручилъ прибывшему со Святой Горы ученому иноку Пахомію Логоѳету пересмотрѣть и написать нѣкоторыя житія святыхъ. Кромѣ того, до насъ дошло нѣсколько Богослужебныхъ книгъ, писанныхъ по благословенію архіепископа Іоны.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Москвы Митрополитъ всероссійскій Іона прислалъ посланіе блаженному святителю новгородскому. Чувствуя приближеніе своей кончины, митрополитъ Іона еще разъ желалъ увидеться съ новгородскимъ Владыкой и насладиться его духовной бесѣдой. Вмѣстѣ съ тѣмъ митрополитъ просилъ святаго Іону, чтобы онъ принялъ лично участіе въ избраніи достойнаго ему преемника и предалъ его самого погребенію. Прочитавъ сіе посланіе, святый Іона прослезился и воскликнулъ:

— Великой благодати лишается нынѣ Москва, а вмѣстѣ съ нею—и вся Русская земля.

Однако, удрученный годами и болѣзнью ногъ, самъ святый Іона не могъ отправиться въ Москву. Онъ послалъ святителю московскому грамоту, въ коей, утѣшая его, писалъ:

«Не скорби, что намъ нельзя повидаться теперь, ибо мы свидимся уже въ той жизни, по отшествіи изъ бреннаго тѣла. Радостно будетъ тогда наше свиданіе, ибо мы воспріимемъ тогда мзду отъ Самого Пастыреначальника».

Избраніе преемника святый Іона предоставлялъ Господу и освященному Собору:

— Кого Духъ Святый изберетъ и благословитъ, того и я буду готовъ принять!

Святый митрополитъ московскій Іона преставился 31 марта 1461 года. Зная святость его жизни, святитель новгородскій поручилъ вышеназванному Пахомію Логоѳету составить канонъ. Вскорѣ послѣ сего святитель Московскій былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Въ 1462 году, по смерти Василія, на престолъ великокняжескій вступилъ сынъ его Іоаннъ III. Святый Іона отправился по дѣламъ въ Москву къ новому князю. Онъ напомнилъ ему о томъ, что предрекъ еще его отцу, прибавивъ:

— Не презритъ Господь молитвы столькихъ угнетенныхъ, онъ разсѣетъ орду, но пусть государь пребываетъ въ благочестіи и твердо хранитъ Заповѣди Божіи.

Въ то же время святитель просилъ Великаго князя подтвердить прежнюю грамоту для Отней пустыни, чтобы сія обитель имѣла право суда. Іоаннъ, глубоко уважавшій святителя, охотно исполнилъ его просьбу. Онъ подтвердилъ грамоту, данную его отцомъ, и приложилъ къ ней печать съ своимъ собственнымъ изображеніемъ.

Въ то время произошло печальное раздѣленіе Русской Церкви. Григорій, посвященный въ епископы въ Римѣ, объявилъ себя Митрополитомъ Русскимъ и, принятый благосклонно королемъ польскимъ, сталъ управлять церковными дѣлами въ юго-западной Россіи (Украине.—*Ред.*), подвластной тогда польскому королю. О семъ дѣлѣ многіе православные и самъ Великій князь писали святителю, прося его содѣйствія и поддержки. Святый Іона, самъ твердый въ Православіи, всячески противодѣйствовалъ такому раздѣленію и много поучалъ свою паству, убѣждая ее не оставлять старой вѣры православной и оставаться вѣрной престолу Московскаго митрополита; какъ истинный пастырь, онъ смѣло и безбоязненно разрушилъ всѣ происки враговъ Православія и охранялъ свое словесное стадо.

Немало трудовъ понесъ святый Іона. Своимъ мудрымъ словомъ, своею любовью, онъ не разъ погашалъ раздоръ между новгородцами и псковичами. Жители Пскова, тяготясь зависимостью отъ новгородскаго Владыки, стали просить, чтобы Великій князь назначилъ имъ въ Псковъ особаго епископа. Они даже захватили часть земель и угодій, которыя принадлежали архіепископу новгородскому. Но Великій князь не исполнилъ ихъ просьбы, повелѣвъ имъ во всемъ повиноваться блаженному святителю новгородскому

и возвратить несправедливо ими захваченное. Псковичи такъ и сдѣлали. Много содѣйствовалъ сему своимъ примѣромъ и самъ святый Іона. Онъ даже не потребовалъ отъ псковичей никакого вознагражденія за убытки, причиненныя ими архіерейской каѳедрѣ. Видя его любовь и безкорыстіе, большая часть псковичей стала еще больше уважать его и оказывать ему должную честь.

Святый Іона много заботился о построеніи и украшеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ построенія храма въ честь преподобнаго Сергія Радонежскаго, святитель заботился о своей любимой Отней обители, гдѣ начались его иноческіе труды и подвиги. Онъ построилъ здѣсь каменный храмъ во имя Трехъ Святителей и великолѣпно его украсилъ. Для сего онъ вызвалъ самыхъ лучшихъ иконописцевъ и щедро расточалъ свое имѣніе, чтобы обильно снабдить новый храмъ священными предметами и книгами. Къ сей церкви онъ пристроилъ еще другую — въ честь Крестителя Господня Іоанна Предтечи, имя котораго онъ носилъ еще въ міру. Въ семъ храмѣ онъ собственными руками ископалъ себѣ могилу и завѣщалъ предать здѣсь погребенію свое тѣло. Въ Отней обители святый архипастырь построилъ еще храмъ во имя святителя Николая. Въ самомъ Новгородѣ онъ возобновилъ и украсилъ Димитріевскую церковь на Торговой сторонѣ, по преданію, первоначально построенную въ память побѣды Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ.

За благочестивую жизнь мудраго святителя уважали не только Великіе князья Московскіе, но даже Тверскіе, Смоленскіе, Полоцкіе и Литовскіе. Новгородская область, управляемая святымъ Іоною, пользовалась во все время святительства сего блаженнаго миромъ и особымъ покровительствомъ свыше. Граждане, внимая его поученіямъ, имѣли любовь другъ къ другу; даже самая земля отличалась тогда особеннымъ плодородіемъ. Все сіе было по молитвамъ святаго. Только однажды новгородская и псковская земля подверглась страшному бѣдствію. Съ конца 1466 года открылось моровое повѣтріе, которое извѣстно подъ именемъ «Симоновскаго мора». У больныхъ опухали желёзы, и на третій или четвертый день они умирали. Въ слѣдующемъ 1467 г. болѣзнь вспыхнула съ новой силой. Во всей новгородской землѣ умерло 220 652 человѣка. Великая скорбь и смятеніе охватили жителей. Но еще болѣе болѣлъ душой за своихъ духовныхъ чадъ самъ архипастырь. Онъ утѣшалъ ихъ и непрестанно молился Господу

о прекращеніи сего страшнаго бѣдствія. И молитва его была услышана. Въ Неревскомъ концѣ при Звѣринскомъ монастырѣ было устроено большое кладбище для погребенія умершихъ. Однажды во время молитвы святитель услышалъ гласъ:

— Ступай съ крестами въ сопровожденіи всего освященнаго собора въ Неревскій конецъ въ Звѣринъ монастырь въ храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы на кладбище. Ступай туда, гдѣ явился образъ святаго праведнаго Симеона Богопріимца. Поставь тамъ въ честь его храмъ, и моръ прекратится.

Святитель возвѣстилъ о семъ гражданамъ, и утромъ, 1 октября, въ день памяти Покрова Пресвятыя Богородицы, новгородцы были свидѣтелями новаго дивнаго чуда. Въ сей день святитель со всѣмъ своимъ клиромъ и гражданами направился въ указанное мѣсто и, преклонивъ колѣна предъ иконою Симеона Богопріимца, со слезами молился Господу объ утоленіи гнѣва небеснаго. Въ сіе время народъ сталъ сносить бревна, и въ одинъ день была построена церковь. Святый Іона въ тотъ же день освятилъ ее и совершилъ въ ней Божественную Литургію. Съ того дня моровое повѣтріе прекратилось. Въ слѣдующемъ, 1468 г. святитель Іона на мѣстѣ сей деревянной церкви воздвигъ каменный храмъ въ честь праведнаго Симеона, который сохраняется и до сего дня, свидѣтельствуя о неизреченной милости Божіей.

Въ то время началъ основываться Соловецкій монастырь. Святитель Іона оказывалъ великую помощь и содѣйствіе новой обители. Вмѣстѣ съ мірскими властями Новгорода онъ далъ святому Зосимѣ грамоту, по которой отдавалъ во владѣніе новой обители весь Соловецкій островъ со всѣми угодьями.

Много добра оказывалъ всѣмъ Новгородскій святитель; немало трудовъ ему пришлось перенести. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ написалъ духовную, гдѣ завѣщалъ похоронить тѣло его въ Отней обители. Причастившись Святыхъ Таинъ, онъ мирно отошелъ ко Господу 5 ноября 1470 года. Съ подобающею честью новгородская паства предала погребенію тѣло своего любимаго пастыря, наставника и заступника. Честно́е тѣло его было положено въ Отней обители въ могилѣ, приготовленной имъ самимъ при церкви святаго Іоанна Предтечи. До сорока дней братія не закрывали землей могилу. Господу было угодно прославить нетлѣніемъ останки Своего славнаго угодника. Братія Отненской обители и другія лица сильно дивились, когда видѣли,

что тѣло святителя не издавало ни малѣйшаго запаха тлѣнія. Уже прошло сорокъ дней со дня кончины праведника, но никто не ощущалъ запаха гніенія. Тогда братія, твердо вѣруя, что Господу будетъ угодно открыть мощи Своего угодника, не покрыли гробницы землею, а только сдѣлали изъ дерева поверхъ могилы возвышеніе. Сіе чудо было тѣмъ болѣе удивительно, что мѣсто, гдѣ стояла церковь, было низко и земля тамъ была влажна и сыра.

Дѣйствительно, надежды вѣрующихъ не были напрасны. Прошло уже около ста лѣтъ, когда Господь благоизволилъ чудесно прославить Своего вѣрнаго служителя и подвижника. Это было самое тяжелое время для жителей Новгорода. При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ и при архіепископѣ новгородскомъ Леонидѣ 13 сентября утромъ въ Отненской обители вдругъ загорѣлась хлѣбопекарня. Сильный вѣтеръ много способствовалъ пожару. Пламя, охвативъ всѣ монастырскіе храмы, съ неудержимой силой распространялось все далѣе и далѣе. Огонь даже охватилъ Предтеченскую церковь, гдѣ была гробница съ мощами святаго Іоны. Видя такую опасность, двое простыхъ людей, чтившихъ память святаго архіепископа, бросились въ Предтеченскую церковь, разобрали деревянное покрытіе надъ гробницей и вынесли ее на монастырскую площадь. Тяжелый дубовый гробъ показался имъ необыкновенно легкимъ. Между тѣмъ огонь охватилъ всѣ зданія, бывшія около монастырской площадки, такъ что грозилъ самымъ мощамъ. Но удивительное зрѣлище представилось тогда всѣмъ: огонь почти совсѣмъ окружилъ гробницу, но нимало ее не повредилъ. Нѣкоторые пытались было унести гробницу, но не могли ее поднять. Тогда всѣ поняли, что самъ Господь невидимой Своей силой хранитъ мощи святаго отъ огненнаго запаленія.

Милосердый Господь благоволилъ и по смерти святителя прославлять его: отъ гроба его истекаетъ рѣка чудотвореній. Всякій, кто припадалъ къ ракѣ мощей его или съ вѣрою призывалъ въ молитвахъ его святое имя, получалъ исцѣленіе, какимъ бы ни былъ одержимъ недугомъ. Упомянемъ здѣсь о важнѣйшихъ чудотвореніяхъ святаго Іоны.

Инокъ Отненской обители Сильвестръ съ послушникомъ Климомъ былъ однажды посланъ въ Москву для подтвержденія прежнихъ царскихъ грамотъ, кои онъ везъ съ собою. Отъ Вышняго Волочка посланные отправились далѣе на лодкѣ. Вмѣстѣ съ ними ѣхалъ

одинъ богатый купецъ. Кормчій, побуждаемый діаволомъ, рѣшилъ воспользоваться деньгами, которыя имѣлъ при себѣ купецъ. Въ бурномъ мѣстѣ рѣки онъ направилъ лодку на камень. Лодка опрокинулась, и всѣ бывшіе въ ней упали въ воду. Кормчій за свой злой умыселъ былъ наказанъ праведнымъ судомъ Божіимъ: онъ потонулъ, всѣ же прочіе стали одинъ за другимъ выплывать къ берегу. Спасся и послушникъ Климъ. Наконецъ всѣ собрались на берегу, не видно было только одного инока Сильвестра. Онъ не умѣлъ плавать. Всѣ уже были увѣрены, что онъ погибъ, какъ вдругъ увидѣли свою лодку, прибитую волнами къ берегу, и въ ней—старца Сильвестра. Сіе чудо поразило всѣхъ. Радовались иноки о своемъ спасеніи; одно печалило ихъ: царскія грамоты вмѣстѣ съ другими вещами пропали при крушеніи. Немало горевали они о томъ и взывали къ святителю Іонѣ, прося его помочь имъ, и молитвы ихъ были услышаны: при вечернемъ сумракѣ они замѣтили на поверхности рѣки какой-то плывшій къ берегу предметъ. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, Климъ бросился въ волны и, подплывъ, къ великой своей радости увидѣлъ кожаную сумку, въ которой они везли царскія грамоты. Вода чуднымъ образомъ не испортила грамотъ; даже подписи царскія были въ полной сохранности. Возблагодаривъ Господа и Его угодника святаго Іону, они отправились въ дальнѣйшій путь и, прибывъ въ Москву, скоро съ успѣхомъ исполнили возложенное на нихъ дѣло.

Однажды, въ смутное время, по рѣкѣ Волхову плыли казаки, которые опустошали деревни и грабили жителей, не щадя никого. Они приблизились къ монастырскому селенію и уже намѣревались напасть на него. Атаманъ спросилъ: кому принадлежитъ это селеніе? Одинъ крестьянинъ, по имени Георгій, отвѣтствовалъ:

— Это селеніе принадлежитъ Отненской обители, святому отцу и великому чудотворцу Іонѣ, архіепископу новгородскому.

Услышавъ имя святителя, атаманъ строго наказалъ своимъ товарищамъ—никого и ничего не трогать въ семъ селеніи. Когда его спросили, почему онъ запрещаетъ имъ это, онъ сказалъ:

— Однажды на меня прогнѣвался государь и велѣлъ казнить меня смертію, а я, окаянный, вспомнивъ о великомъ и милостивомъ чудотворцѣ Іонѣ, со всеусердіемъ, какъ только могъ, вознесъ къ нему свою недостойную молитву, чтобы онъ защитилъ меня отъ царскаго гнѣва. Въ сіе самое время и было получено отъ царя

повелѣніе объ отмѣнѣ моей казни. Съ той поры я постоянно благодарю своего скораго заступника святаго Іону.

Много и другихъ чудесъ произошло отъ мощей святаго Іоны. Будемъ и мы всегда призывать въ молитвахъ сего славнаго святителя, славя Тріединаго Бога. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Исправле́ніе вѣ́ры, и҆ ѡ҆́бразъ кро́тости, и҆ ꙗ҆́коже са́дъ посредѣ̀ раѧ̀, прпⷣбными дѣ́лы твои́ми мі́ръ просвѣща́еши, и҆ сегѡ̀ ра́ди къ чⷭ҇тнѣ́й ра́цѣ твое́й любо́вію прикаса́емсѧ, и҆ вѣ́рнѡ вопіе́мъ: предста́ни въ по́мощь воспѣва́ющымъ па́мѧть твою̀ свѣтоно́сную̀, ѻ҆́тче і҆ѡ́но, и҆ молѝ сп҃сти́сѧ ду́ша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Вы́ше пріѧ́лъ є҆сѝ бж҃е́ственную̀ бл҃года́ть, хода́тайствовати бг҃ꙋ и҆ человѣ́кѡмъ, ꙗ҆́кѡ а҆рхіере́й возноше́ніе возносѧ̀, и҆ ми́ръ лю́демъ твои́мъ сносѧ̀, и҆ ѻ҆би́ліе плодѡ́въ, і҆ѡ́но бл҃же́нне: ты́ бо є҆сѝ вели́кагѡ нова́града похвала̀, и҆ сꙋ́щихъ ѡ҆ не́мъ ра́дость.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ

ПАТРОВА, ЕРМА, ЛИНА, ГАІЯ и ФИЛОЛОГА

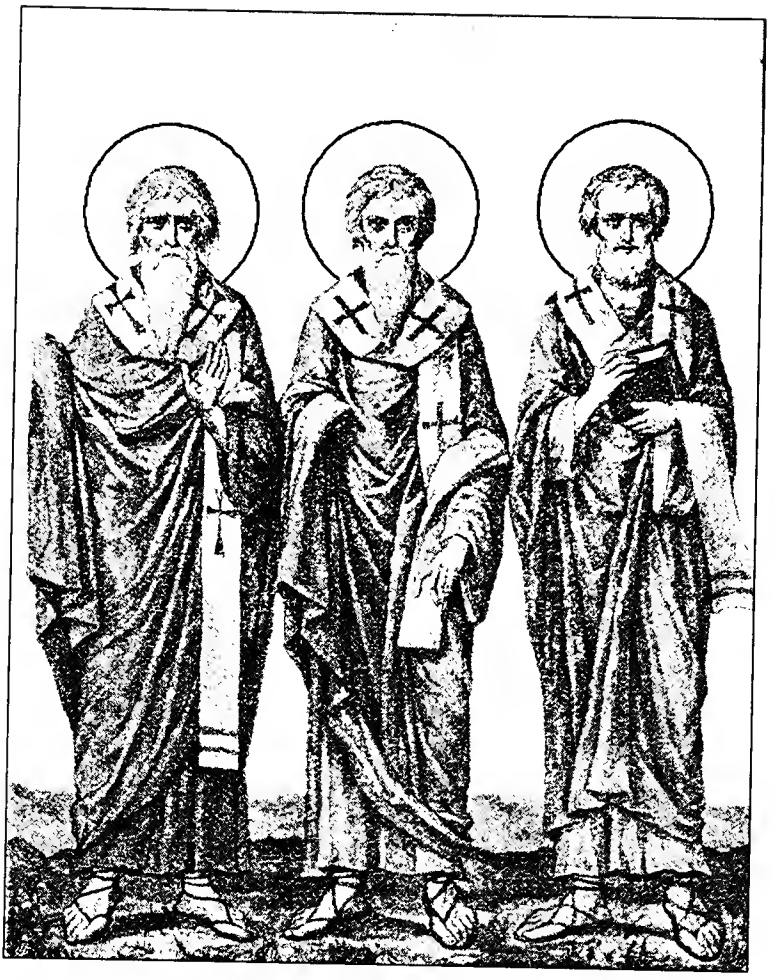
Святый апостолъ Патровъ былъ епископомъ въ Неаполѣ и Путеолахъ[1]), гдѣ многихъ крестилъ и привелъ ко Христу. Святый апостолъ Ермъ былъ епископомъ въ Филиппополѣ[2]). О святомъ Патровѣ и Ермѣ Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ Посланіи къ Римлянамъ[3]).

---

[1]) *Неаполь* — главный городъ провинціи Италіанскаго королевства съ тѣмъ же названіемъ; расположенъ по сѣверному берегу Неаполитанскаго залива. *Путеолы* — приморскій городъ въ средней Италіи.

[2]) *Филиппополь* — древній укрѣпленный городъ во Ѳракіи, нынѣ въ Восточной Румеліи, на рѣкѣ Марицѣ.

[3]) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 14.



Ст҃іи а҆п҃ли
Патро́въ, Е҆рмъ и҆ Аі́нъ

[illegible] отъ [illegible] моей [illegible]. Съ той поры я [illegible] [illegible] святаго Іону. [illegible]

[illegible] отъ мощей святаго Іоны [illegible] святыхъ сего славнаго [illegible]

[illegible] ОГА

Святый апостолъ [illegible] въ Неаполѣ и Путеолахъ [illegible] ко Христу. Святый апостолъ Ермъ былъ епископомъ въ Филиппополѣ [illegible] О святыхъ Патровѣ и Ермѣ Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ Посланіи къ Римлянамъ [illegible]).

[illegible]

Святый апостолъ Линъ, о которомъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Тимоѳею[1]), былъ епископомъ въ Римѣ, послѣ святаго Апостола Петра.

Святый апостолъ Гаій, о которомъ воспоминаетъ Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ, говоря: «привѣтствуетъ васъ Гаій, страннопріимецъ мой и всей Церкви»[2]), былъ епископомъ въ Ефесѣ[3]), послѣ святаго Тимоѳея.

Святый апостолъ Филологъ, о которомъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи, говоря: «привѣтствуйте Филолога»[4]), былъ поставленъ святымъ Апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ епископомъ въ Синоны[5]).

Ст҃іи а҆п҃ли
Га́їй и҆ фі҆ноно́гъ

Святые апостолы, проходя свое епископское служеніе въ указанныхъ городахъ, претерпѣвали многія напасти и скорби ради благовѣстія и, многихъ научивши и приведши ко Христу, съ миромъ отошли ко Господу.

---

1) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. **4**, ст. 21.

2) Посл. къ Римл., гл. **16**, ст. 23.

3) *Ефесъ*, при Эгейскомъ морѣ,—важный торговый городъ въ Малой Азіи. Первыя начала вѣры христіанской положены были въ немъ учениками Іоанна Крестителя; уже Апостолъ Петръ нашелъ здѣсь христіанъ, но главнымъ образомъ Евангеліе проповѣдано здѣсь Апостоломъ Павломъ; потомъ ученикъ его, Тимоѳей, былъ здѣсь епископомъ; наконецъ, Ефесъ былъ мѣстомъ пребыванія Апостола и Евангелиста Іоанна, который тутъ и скончался. Въ настоящее время на мѣстѣ древняго г. Ефеса находится бѣдная турецская деревушка, называемая Айся Солюкъ.

4) Посл. къ Римл., гл. **16**, ст. 15.

5) *Синоны* — городъ на южномъ берегу Чернаго моря.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ГРИГОРІЯ,

епископа Александрійскаго

Святый отецъ нашъ Григорій съ юнаго возраста возлюбилъ Христа и украсилъ себя всякими добродѣтелями. По смерти папы Александрійскаго онъ былъ поставленъ отъ собравшихся по этому случаю епископовъ и народа во архіепископа Александрійскаго. Онъ былъ примѣрнымъ учителемъ Православія: кроткій, смиренный, милостивый, сиротамъ отецъ, вдовицамъ заступникъ, заблуждающимъ наставникъ, болящимъ врачъ, скорбящимъ утѣшеніе. Но соблазнитель діаволъ внушилъ царствовавшему въ то время Льву иконоборцу[1]) отправить Григорія связаннымъ въ Константинополь. Когда святый Григорій узналъ объ этомъ, онъ явился къ царю и обличилъ его предъ всѣмъ синклитомъ[2]), назвавъ еретикомъ и нечестивцемъ. Царь, не вытерпѣвъ обличенія, приказалъ бить его воловьими жилами и морить голодомъ въ темницѣ. Святый терпѣлъ все это съ благодареніемъ, говоря:

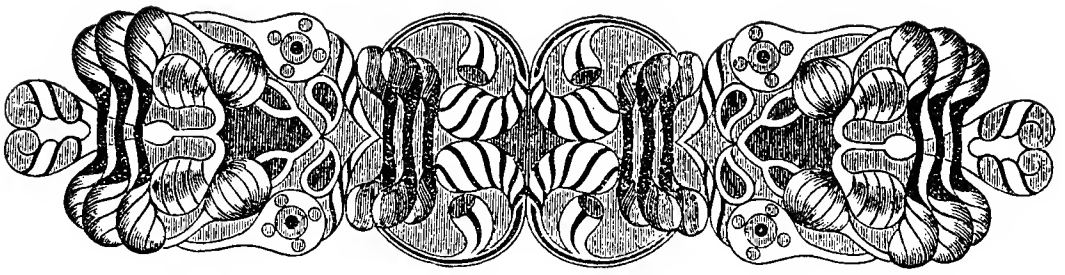
— За Христа Бога моего и за святую икону я готовъ даже быть разсѣченнымъ на части.

Узнавъ объ этомъ, мучитель и нечестивый царь повелѣлъ отправить его въ заточеніе. Блаженный, проживъ въ заточеніи три года, предалъ духъ свой въ руки Господа.

---

[1]) Здѣсь разумѣется Византійскій императоръ Левъ Армянинъ, царствовавшій съ 813 по 820 г. Ѳеодоръ Студитъ такъ описываетъ тѣ несчастія, которыя Церковь испытывала въ это царствованіе: «О страшно слышать! Досточтимая икона Спасителя, которой и бѣсы страшатся, подвергается поношенію и униженію не только въ царствующемъ градѣ, но и во всѣхъ мѣстахъ и городахъ; жертвенники истреблены, святыни осквернены. Умолкли всѣ уста благочестивыя отъ страха смерти, открылся противный и богохульный языкъ».

[2]) *Синклитъ* — правительство воинское и гражданское изъ самыхъ важныхъ царскихъ совѣтниковъ и сановниковъ.



День шестой

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ПАВЛА ИСПОВѢДНИКА,

архіепископа Цареградскаго

Въ царствованіе императора Констанція[1]), сына Константина Великаго, православные христіане подверглись гоненію со стороны еретиковъ—аріанъ[2]), сторону которыхъ держалъ самъ императоръ, тоже увлеченный аріанскою ересью. Въ Церкви происходили тогда великія смуты и нестроенія, такъ какъ мало уже оставалось составлявшихъ опору ея великихъ поборниковъ Православія: святый Аѳанасій, архіепископъ Александрійскій[3]), этотъ величайшій защитникъ Православія, былъ удаленъ съ своего престола, а святый Александръ, Патріархъ Цареградскій[4]), къ этому времени уже скончался.

Когда святый Александръ умиралъ, окружавшіе его смертный одръ спрашивали его:

— Кому оставляешь насъ, духовныхъ чадъ твоихъ, отче? Кого оставляешь намъ пастыремъ вмѣсто себя? Кто столь же доблестно управлялъ бы Церковію Христовою?

---

1) *Императоръ Констанцій* царствовалъ съ 337 по 361 годъ.

2) Объ *аріанахъ* см. на стр. 11, прим. 3.

3) *Святый Аѳанасій Великій* былъ Патріархомъ Александрійскимъ съ 326 по 378 г. Память его совершается января 18 и мая 2.

4) *Святый Александръ* былъ Патріархомъ Константинопольскимъ съ 325 по 340 г. Память его совершается 30 августа.

Онъ указалъ имъ двухъ достойныхъ мужей—именно: пресвитера Павла, родомъ изъ Солуня [1]), и діакона Македонія,—но, при этомъ, прибавилъ, что если желаютъ имѣть пастыря учительнаго и сіяющаго добродѣтельною жизнію, то избирали бы себѣ Павла; если же хотятъ имѣть пастыремъ человѣка представительнаго, отличающагося внѣшнимъ благообразіемъ, то пусть избираютъ Македонія. Послѣ сего приснопамятный Патріархъ скончался. На бывшемъ послѣ его кончины Соборѣ при совѣщаніи о томъ, кого изъ двоихъ возвести на патріаршій престолъ, Павла или Македонія, произошелъ споръ между православными и аріанами, которыхъ на Соборѣ было очень много. Православные желали Павла, аріане склонялись болѣе на сторону Македонія; однако православные одержали верхъ, и на патріаршество избранъ былъ въ храмѣ святой Ирины святый Павелъ и, вошедши на патріаршій престолъ, началъ съ честію пасти врученное ему стадо.

Во время избранія и хиротоніи святаго Павла императора Констанція не было въ Царьградѣ,—онъ находился въ Антіохіи [2]). Вслѣдствіе сего, онъ не былъ расположенъ къ новому Патріарху. Возвратившись изъ Антіохіи въ Царьградъ, императоръ выказалъ явное неудовольствіе противъ Патріарха за то, что онъ взошелъ на патріаршій престолъ помимо воли царской. Настроенный аріанами, императоръ созвалъ Соборъ, который совершенно неправильно низложилъ съ престола святаго Павла, ни въ чемъ не повиннаго, чистаго сердцемъ, весьма полезнаго для Церкви Христовой, ибо своею мудростію и жизнію онъ былъ, согласно слову Писанія, истиннымъ свѣтомъ міру [3]) и сіялъ въ Церкви, какъ утренняя звѣзда среди облаковъ. На мѣсто низложеннаго Павла императоръ возвелъ епископа Никомидійскаго Евсевія и опять удалился въ Антіохію. Евсевій, зараженный ересью аріанства, началъ смущать Церковь своимъ еретическимъ ученіемъ и всѣми силами старался изъять изъ Символа вѣры слова: рожде́нна, несотворе́нна, є҆диносꙋ́щна ѻ҆ц҃ꙋ,

---

1) *Солунь* —русская передѣлка греческаго названія города Ѳессалоники, по современному произношенію *Салоники*. Городъ этотъ, первоначально называвшійся Ѳерма, находится въ европейской Турціи на Архипелагѣ, на сѣверной оконечности Салоникскаго залива. Христіанская вѣра проповѣдана была здѣсь впервые святымъ Апостоломъ Павломъ и спутниками его Тимоѳеемъ и Силою (около 52 г. по Р. Хр.—См.: 1-е Посл. къ Солун., гл. 1, ст. 1). Святымъ Апостоломъ Павломъ написаны два Посланія къ жителямъ Солуня, которыя толкователями признаются за первыя по времени писанія сего Апостола.

2) Здѣсь разумѣется Антіохія Сирійская, нѣкогда великолѣпная столица Сирійскаго государства, а нынѣ бѣдный городокъ Азіатской Турціи.

3) Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

такъ какъ онъ не признавалъ, что Сынъ Божій есть Богъ и во всемъ равенъ Богу Отцу. Между тѣмъ, низложенный Павелъ отправился въ Римъ, гдѣ нашелъ святаго Аѳанасія и многихъ другихъ епископовъ, изгнанныхъ Евсевіемъ, и жилъ вмѣстѣ съ ними. Но Евсевій, не желая, чтобы Аѳанасій и Павелъ могли успокоиться отъ преслѣдованій въ Римѣ, отправилъ полное клеветами на нихъ посланіе къ Юлію, папѣ Римскому [1]). Папа не далъ посланію никакой вѣры и совѣтовалъ Аѳанасію и Павлу и другимъ епископамъ возвратиться къ своему служенію и, желая оказать имъ помощь, написалъ восточнымъ епископамъ, чтобы они приняли возвращающихся съ любовію и не препятствовали имъ занять свои прежнія мѣста.

Ст҃ый
па́ѵенъ

Такимъ образомъ свергнутые съ каѳедръ епископы возвратились каждый къ своей Церкви и разослали къ тѣмъ, которые ихъ свергли, принесенныя съ собою изъ Рима посланія папы Юлія.

Но враги Православія, получивъ посланія, снова всячески старались прикрыть правду ложью и задумали созвать Соборъ въ Антіохіи, а папѣ Юлію пытались отвѣчать особымъ посланіемъ. Впрочемъ, самъ Евсевій умеръ, не дождавшись Собора. Тогда православные жители Царьграда съ радостію приняли Павла и водворили его на архіепископскомъ престолѣ, аріане же собрались въ другомъ храмѣ и избрали себѣ епископомъ перешедшаго на ихъ сторону Македонія. Отсюда произошло великое смятеніе въ Константинополѣ, и многіе, при столкновеніяхъ двухъ сторонъ, пострадали и были убиты. Слухъ объ этомъ достигъ до императора Констанція, находившагося въ Антіохіи, и онъ отправилъ въ Константинополь полководца Гермогена съ войскомъ, приказавъ ему изгнать Павла изъ Константинопольской церкви. Прибывъ

[1]) Святый папа Юлій управлялъ Римскою Церковію съ 337 по 352 годъ.

въ Константинополь, Гермогенъ сталъ принуждать народъ изгнать неповиннаго ни въ чемъ святаго Павла и тѣмъ вызвалъ въ городѣ сильнѣйшій мятежъ, такъ какъ народъ рѣшительно отказался исполнить желаніе императора. Гермогенъ хотѣлъ употребить въ дѣло военную силу, но толпа яростно бросилась на его домъ и сожгла его, а самъ Гермогенъ былъ вытащенъ вонъ и убитъ.

Императоръ Констанцій, узнавъ объ умерщвленіи Гермогена, поспѣшно прибылъ изъ Антіохіи въ Константинополь, низвергъ и изгналъ Павла и сильно гнѣвался на жителей за принятіе Павла помимо его воли и за мятежъ и убійство Гермогена. За все это императоръ лишилъ городъ половины милостей, дарованныхъ ему Константиномъ Великимъ, а именно: убавилъ вдвое количество хлѣба, ежедневно выдававшагося бѣднымъ жителямъ изъ императорскихъ житницъ. Утвердивъ затѣмъ Македонія Патріархомъ Константинопольскимъ, Констанцій возвратился въ Антіохію. Святый Павелъ опять удалился на Западъ и, явившись къ папѣ Юлію, разсказалъ ему, равно какъ и императору Римскому Константу[1]), обо всемъ случившемся. Константъ, братъ Констанція, и папа написали посланіе къ Констанцію, убѣждая его принять Павла какъ православнаго и вручили это посланіе самому Павлу, который вторично отправился изъ Рима въ Константинополь, гдѣ православные опять встрѣтили и приняли его съ великою радостію; посланія же Константа и папы Юлія онъ отправилъ чрезъ одного знатнаго вельможу въ Антіохію къ императору Констанцію. Но Констанцій понялъ эти посланія какъ порицаніе себѣ и не принялъ Павла. Напротивъ, императоръ еще болѣе разгнѣвался на него за вторичное возвращеніе безъ согласія императора на епископство и вскорѣ послалъ въ Константинополь начальнику области Филиппу приказаніе опять низложить и изгнать Павла и возвести Македонія. Филиппъ, боясь народнаго мятежа и того, что его постигнетъ участь Гермогена, задумалъ тайно низвести Павла съ епископскаго престола. Съ этою цѣлію онъ, не объявляя никому объ императорскомъ приказѣ, прибылъ однажды въ находившійся на морскомъ берегу особый дворъ,—гдѣ собирались подати,—называвшійся «Зевксиппъ». Здѣсь Филиппъ сказалъ, что онъ явился для полученія податей, а между тѣмъ послалъ Павлу почетное приглашеніе явиться для тайнаго совѣщанія будто бы объ одномъ общественномъ дѣлѣ. Павелъ, по своей довѣрчивости, отправился безъ

[1]) Константъ царствовалъ съ 337 по 350 годъ.

всякихъ колебаній. Филиппъ, опасаясь многочисленной толпы народа, явившейся вмѣстѣ со святымъ, на виду у всѣхъ не сдѣлалъ съ нимъ ничего, но, взявъ его за руку и бесѣдуя съ нимъ, провелъ его во внутренній дворъ. Тамъ онъ приказалъ отворить заднія ворота, обращенныя къ морю, и, выведши въ нихъ святаго, объявилъ ему волю императора, посадилъ его на заранѣе приготовленный корабль, и такимъ образомъ святый, со всѣми мѣрами предосторожности, отправленъ былъ въ изгнаніе. Жить ему было указано на его родинѣ, въ городѣ Солуни, съ позволеніемъ бывать и во всѣхъ окрестныхъ городахъ, но съ запрещеніемъ посѣщать восточныя провинціи[1]).

Послѣ изгнанія святаго Павла начальникъ области торжественно отправился вмѣстѣ съ Македоніемъ на колесницѣ, въ сопровожденіи многочисленнаго войска, въ храмъ. Узнавъ объ этомъ, жители Константинополя пришли въ великое волненіе и — какъ православные, такъ и аріане—поспѣшно бросились къ храму, стараясь обогнать другъ друга и занять скорѣе тамъ мѣсто. Филиппъ, прибывъ къ храму, вслѣдствіе необычайнаго стеченія народа не могъ войти внутрь. Тогда онъ свелъ Македонія съ колесницы, а воины силою отгоняли народъ, но отъ тѣсноты передніе ряды толпы не имѣли возможности податься назадъ; воины же пришли въ ярость и стали дѣйствовать оружіемъ, пролагая къ церкви путь начальнику области и Македонію, при чемъ погибло 3 150 человѣкъ: частію — отъ оружія воиновъ, частію — отъ чрезмѣрной тѣсноты, и все это изъ-за Македонія, который и возсѣлъ на патріаршемъ престолѣ согласно желанію царя и благодаря военной силѣ, но вопреки церковнымъ уставамъ. Въ память наступившаго будто бы мира церковнаго императоръ Констанцій построилъ церковь во имя святой Софіи (Премудрости Божіей, второй Ѵпостаси Св. Троицы, Сына Божія) и обнесъ ее одною общею оградою съ созданною Константиномъ Великимъ церковью Ирины,— не мученицы, а мира Христова[2]).

Проживъ въ Солуни нѣкоторое время, святый Павелъ отправился оттуда въ Коринѳъ[3]), а оттуда—въ Римъ. Тамъ онъ

---

[1]) Т. е. азіатскія и африканскія.

[2]) Слово εἰρήνη съ греческаго означаетъ: *миръ, тишина.*

[3]) *Коринѳъ* — одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ городовъ древней Греціи; находится на Пелопонесскомъ полуостровѣ (южная оконечность Балканскаго полуострова) при заливѣ Коринѳскомъ; въ древности славился своею просвѣщенностію и обширною торговлею, но вмѣстѣ и легкостью нравовъ жителей. Христіанство насаждено было здѣсь

опять нашелъ святаго Аѳанасія, разсказалъ ему о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ, и оба они вмѣстѣ доложили о своей судьбѣ императору Константу. Императоръ сильно разгнѣвался на брата и написалъ ему, чтобы онъ прислалъ съ Востока трехъ епископовъ, которые должны были дать отчетъ относительно низверженія Аѳанасія и Павла и вмѣстѣ съ тѣмъ привезти письменное изложеніе исповѣданія вѣры. Получивъ это посланіе, Констанцій, еще находившійся въ Антіохіи, испугался братнина гнѣва и отправилъ къ нему четырехъ епископовъ: Наркисса Киликійскаго, Ѳеодора Ѳракійскаго, Мариса Халкидонскаго и Марка Сирскаго [1]). Епископы эти, явившись въ Римъ, къ императору, не отважились вступить въ собесѣдованіе и состязаніе съ Аѳанасіемъ и Павломъ, скрыли свою дѣйствительную еретическую вѣру, какую они изложили въ Антіохіи, и, составивъ другое изложеніе, вручили его императору. Изложеніе это было таково:

«Вѣруемъ въ Бога Отца Вседержителя, Творца и Создателя всего, отъ Котораго все получило бытіе на Небесахъ и на землѣ, и во Единороднаго Его Сына Господа нашего Іисуса Христа, прежде всѣхъ вѣковъ отъ Отца рожденнаго, Бога отъ Бога, Свѣта отъ Свѣта, чрезъ Котораго все произошло на небѣ и на землѣ, видимое и невидимое, истинное Слово и Премудрость, и Силу, и Жизнь и Свѣтъ истинный, въ послѣдніе дни ради насъ вочеловѣчившагося и родившагося отъ Святой Дѣвы, распятаго и умершаго, и погребеннаго, и воскресшаго изъ мертвыхъ въ третій день, и возшедшаго на Небеса, и сидящаго одесную Отца и грядущаго при концѣ вѣка судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ, и Царство Его не прекратится и пребываетъ въ безконечные вѣки. Вѣруемъ въ Святаго Духа, Который есть Утѣшитель и Котораго обѣщалъ Апостоламъ Господь и послалъ имъ по вознесеніи Своемъ на Небеса, Которымъ освящаются истинно и благочестиво вѣрующія въ Него души. Говорящихъ же, что Сынъ—

впервые святымъ Апостоломъ Павломъ и Аполлосомъ. Апостолъ Павелъ написалъ два обширныя посланія къ коринѳскимъ христіанамъ. Въ настоящее время этотъ древній городъ принадлежитъ греческому королевству, называется Куронто и имѣетъ около 5 тысячъ жителей.

[1]) *Киликія* —юго-восточная область Малой Азіи. *Ѳракія*—Византійская провинція въ юго-восточномъ углу Балканскаго полуострова; нынѣ Турецкая провинція — *Румелія* *Халкидонъ* — городъ на малоазіатскомъ берегу Босфорскаго залива противъ Константинополя, извѣстный въ исторіи Церкви по бывшему въ немъ 4-му Вселенскому Собору; *Сирія* —провинція на сѣверо-востокѣ отъ Палестины.

инаго существа, а не отъ Бога Отца и что было время, когда Его не было,—такихъ не принимаетъ Святая Соборная Апостольская Церковь».

Вручивъ это изложеніе вѣры императору и многимъ другимъ лицамъ, епископы отбыли изъ Рима. По прошествіи трехъ лѣтъ восточные епископы опять собрались на Соборъ, составили иное изложеніе вѣры и отправили его къ епископамъ Италіи. Но послѣдніе, по причинѣ многословія и растянутости новаго изложенія, не приняли его, вполнѣ удовлетворяясь тѣмъ исповѣданіемъ вѣры, которое изложили святые отцы Никейскаго собора. Отсюда между Восточными и Западными Церквами возникли несогласія и значительныя недоразумѣнія, вслѣдствіе чего оба императора созвали епископовъ на Соборъ въ Сардику для разсмотрѣнія исповѣданія вѣры и окончательнаго рѣшенія дѣла Аѳанасія и Павла. На Соборъ съѣхалось въ Сардику[1]) болѣе трехсотъ западныхъ епископовъ и только семьдесятъ шесть—восточныхъ. Зараженные аріанствомъ и въ то же время боявшіеся вступить въ состязаніе съ такими поборниками Православія, какъ Аѳанасій и Павелъ, и потому желавшіе удалить ихъ съ Собора, восточные епископы отказались вступить въ соборное собесѣдованіе съ западными, пока они не изгонятъ Аѳанасія и Павла изъ своей среды. Тогда епископъ Средецкій[2]) Протогенъ, преподобный Кудровій и другіе сказали восточнымъ:

— Мы и собрались сюда именно для разсужденія—не только о единосущіи Сына Отцу, но и о дѣлѣ Аѳанасія и Павла.

Услышавъ это, восточные епископы отдѣлились отъ западныхъ, оставили Сардику и, на возвратномъ пути достигнувъ города Филиппополя въ Македоніи[3]), составили тамъ свой отдѣльный нечестивый соборъ, на которомъ постановили, чтобы Сынъ не былъ исповѣдуемъ Единосущнымъ Отцу и открыто предали ученіе объ единосущіи анаѳемѣ. Это еретическое постановленіе они особыми посланіями объявили по своимъ епархіямъ.

---

1) *Сардика* — городъ Мизіи, сѣверо-западной области Малой Азіи.

2) *Средецъ* — теперешняя Софія, главный городъ въ Болгаріи.

3) *Филиппополь* Македонскій, или *Филиппы*,—городъ, названный по имени Филиппа, царя Македонскаго, отца Александра Великаго (въ половинѣ IV в. до Р. Хр.). *Македонія* — нѣкогда могущественное государство, а въ послѣдствіи—провинція Византійской имперіи. Святый Апостолъ Павелъ (въ сопровожденіи Луки, Тимоѳея и Силы) проповѣдывалъ здѣсь христіанство, положилъ начало знаменитой въ древности церкви Филиппійской и неоднократно посѣщалъ этотъ городъ (Кн. Дѣян. Ап., гл. 16, ст. 12—40).

Когда вѣсть объ этомъ дошла до Отцовъ Сардикійскаго Собора, то они прежде всего осудили впавшихъ въ ересь чрезъ неправое ученіе о Сынѣ Божіемъ, а затѣмъ извергли изъ сана обвинителей Аѳанасія и Павла; затѣмъ они признали полную правильность Символа вѣры, составленнаго въ Никеѣ, и предали анаѳемѣ вообще всѣхъ неисповѣдующихъ, что Сынъ Единосущенъ Отцу. Императоръ Константъ съ своей стороны написалъ брату Констанцію, убѣждая его возвратить Аѳанасію и Павлу ихъ епископскіе престолы, и немедленно же отправилъ Павла въ Царьградъ, давъ ему въ спутники двухъ епископовъ и отправивъ съ нимъ къ Констанцію письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

«Аѳанасій еще находится у меня, а Павла я посылаю къ тебѣ, для того чтобы держава твоя повелѣла ему вновь принять престолъ; о томъ же прошу и для Аѳанасія, ибо я узналъ, что оба они изгнаны были за свое благочестіе и были оклеветаны».

Константъ къ этому прибавилъ и нѣчто болѣе рѣзкое, а именно, что, въ случаѣ несогласія брата, онъ, Константъ, самъ лично пойдетъ противъ него съ военною силою и, хотя бы противъ желанія Констанція, возвратитъ Аѳанасію и Павлу ихъ церкви.

Прибывъ къ императору Констанцію, святый Павелъ вручилъ ему письмо Константа. Испуганный угрозою брата, Констанцій изгналъ Македонія и возвелъ Павла на патріаршій престолъ; точно такъ же онъ вызвалъ къ себѣ письмомъ Аѳанасія и отправилъ его въ Александрію на патріаршество. Велика была радость православныхъ за ихъ пастырей, и довольно долгое время они жили въ глубокомъ мирѣ, утѣшаясь ученіемъ великихъ богодухновенныхъ вселенскихъ учителей. Аѳанасій въ Александріи и Павелъ въ Царьградѣ были свѣтильниками благочестія для всего міра, далеко разгонявшими тьму аріанства. Но вотъ военачальникъ Констанція Магненцій и его соумышленники убили императора въ то время, когда онъ находился на охотѣ. Какъ только не стало защитника Православія, благочестиваго царя Римскаго Константа, аріане тотчасъ подняли голову и воздвигли гоненіе на православныхъ. Прежде всего, они возстали противъ вселенскихъ поборниковъ Православія: Аѳанасій самъ удалился съ престола, спасаясь отъ аріанъ, искавшихъ его смерти, а блаженный Павелъ былъ сосланъ въ заточеніе въ г. Кукузы, въ Арменіи[1]),

---

[1]) *Арменія*—провинція Римско-Византійской имперіи, находившаяся въ сѣверо-восточной части Малой Азіи. До 70 г. до Р. Хр. Арменія входила въ составъ Понтійскаго царства, а затѣмъ была завоевана Римлянами.

и тамъ заключенъ въ отдѣльной хижинѣ. Здѣсь, когда онъ однажды служилъ Божественную Литургію, аріане напали на него и удавили его омофоромъ.

Такимъ образомъ Македоній опять сдѣлался Патріархомъ Константинопольскимъ и много еще зла причинилъ Церкви Божіей, преслѣдуя и истребляя православныхъ. Имѣя себѣ сильную опору въ лицѣ епарха Филиппа, онъ низвергъ многихъ православныхъ епископовъ и замѣнилъ ихъ аріанами, и, подвергая различнымъ мученіямъ, погубилъ множество лицъ, нежелавшихъ имѣть съ нимъ церковное общеніе, причемъ не щадилъ и женщинъ. По его приказанію, однимъ отрывали отъ грудей сосцы, другимъ, разжавши ротъ желѣзомъ, насильно вливали аріанское причастіе, третьимъ отрѣзали носы и уши, иныхъ клеймили огнемъ,—словомъ, кровь православныхъ лилась безпощадно. Въ это именно время аріане усѣкли мечомъ двухъ клириковъ, Маркіана и Мартирія, бывшихъ нотаріями блаженнаго Павла и поборниками Православія[1]). Мучительства Македонія простерлись даже на Пафлагонію[2]). Узнавъ, что тамъ находится множество православныхъ, онъ послалъ туда три вооруженныхъ отряда солдатъ, для того чтобы они мечомъ принудили православныхъ къ единенію съ аріанами. Жители города Мантины[3]), услыхавъ о приближеніи войска, захватили съ собою кто—топоръ, кто—косу, а кто—и просто колья, собрались вмѣстѣ и вышли противъ приближающихся; произошла междуусобная схватка, въ которой пало множество людей съ обѣихъ сторонъ. Въ этомъ кровопролитіи виновенъ былъ опять не кто иной, какъ Македоній.

Наконецъ, Македоній безъ всякаго приказанія со стороны императора отважился вырыть изъ земли и перенести въ другое мѣсто мощи святаго Константина Великаго. Тогда вся Церковь, можно сказать, облилась кровію вслѣдствіе происшедшихъ отсюда междуусобицъ между православными и аріанами. Императоръ сильно былъ недоволенъ за это на Македонія и епарха Филиппа, и оба они, по настоянію Констанція, были лишены: первый—патріар-

---

1) См. память святыхъ мучениковъ Маркіана и Мартирія 25-го октября.—*Нотарій* — патріаршій чиновникъ по гражданскимъ дѣламъ.

2) *Пафлагонія* — древняя область Малой Азіи, въ средней части южнаго берега Чернаго моря. До 64 г. до Р. Хр. принадлежала къ царству Каппадокійскому, а съ указаннаго времени перешла къ Римской провинціи Виѳиніи и затѣмъ вошла въ составъ Византійской имперіи.

3) *Мантина* — небольшой городъ въ Пафлагоніи.

шаго престола, а второй—епаршества. Несмотря на это ереси Арія и Македонія продолжали существовать и раздирали Церковь еще сорокъ лѣтъ,—до царствованія императора Ѳеодосія[1]), который созвалъ, наконецъ, въ Константинополѣ Соборъ, окончательно осудившій эти ереси[2]). Вслѣдъ за симъ благочестивый императоръ съ великими почестями перенесъ изъ Кукузъ въ Константинополь мощи святаго исповѣдника Христова Павла[3]), воздавая славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ г҃:

Бж҃е́ственныѧ вѣ́ры и҆сповѣ́данїемъ, дрꙋга́го па́ѵла тѧ̀ цр҃ковь ревни́телѧ во сщ҃е́нницѣхъ показа̀: свозопїе́тъ ти̑ и҆ а҆́вель ко гдⷭ҇ꙋ, и҆ захарі́инна кро́вь пра́веднаѧ. О҆́тче прп҃бне, хрⷭ҇та̀ бг҃а моли̑, дарова́тисѧ на́мъ ве́лїей мл҃ти.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Ѡ҆блиста́вый на земли̑, ꙗ҆́кѡ ѕвѣ́зда̀ нб҃освѣ́тлаѧ, кадолі́ческꙋю просвѣща́еши цр҃ковь ны́нѣ, ѡ҆ не́йже и҆ страда́льчествовалъ є҆сѝ, дꙋшꙋ твою̀ па́ѵле предложи́въ: и҆ ꙗ҆́коже захарі́инна и҆ а҆́велева, ꙗ҆́снѡ вопїе́тъ твоѧ̀ кро́вь ко гдⷭ҇ꙋ.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ВАРЛААМА ХУТЫНСКАГО,

Новгородскаго чудотворца

Преподобный отецъ нашъ Варлаамъ родился въ Новгородѣ отъ благочестивыхъ и благовѣрныхъ родителей. Онъ былъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ и обученъ грамотѣ. Святый отрокъ часто и охотно читалъ божественныя книги и особенно

---

1) Здѣсь разумѣется императоръ Ѳеодосій Великій, царствовавшій съ 379 по 395 годъ по Р. Хр.

2) Здѣсь разумѣется бывшій при императорѣ Ѳеодосіи Великомъ 2-й Вселенскій Соборъ (381 г.) въ Константинополѣ, осудившій аріанство и всѣ возникшія изъ него ереси—главнымъ образомъ ересь Македонія, нечестиво учившаго о Св. Духѣ.

3) Въ 381 году.—Въ 1236 г. мощи святаго Павла перенесены въ Венецію, гдѣ пребываютъ и донынѣ.

Боговдохновенные Псалмы царя и пророка Давида. Съ ранняго возраста онъ избѣгалъ дѣтскихъ игръ, отказывался отъ всякихъ мірскихъ удовольствій и былъ избраннымъ сосудомъ Святаго Духа. Часто онъ размышлялъ такъ:

«Воистину, жизнь наша кратка и непостоянна. Въ ней все измѣняется, все вертится колесомъ. Она подобна сонному видѣнію».

Прпбный
варлаамъ

Святый отрекся отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, и удалился въ пустынное мѣсто. За нимъ послѣдовали Прокопій Малышевичъ, постригшійся потомъ подъ именемъ Порфирія, его братъ Ѳеодоръ и другіе жители Новгорода, желавшіе подвизаться въ тишинѣ и безмолвіи. Святый Варлаамъ принялъ иноческое постриженіе отъ нѣкотораго священноинока. Онъ устроилъ себѣ небольшую клѣть, гдѣ непрестанно день и ночь возносилъ молитву Господу. Святый ревностно подвизался въ постѣ и трудахъ, самъ рубилъ дрова, пилилъ лѣсъ, пахалъ землю, исполняя слова Священнаго Писанія: **а҆́ще кто̀ не хо́щетъ дѣ́лати, нижѐ да ꙗ҆́стъ**[1]). Каждую ночь онъ бодрствовалъ и молитвой отгонялъ бѣсовъ. Нечистые духи то сами пытались смутить святаго мужа, то побуждали кого-либо изъ людей досаждать блаженному. Святый терпѣливо переносилъ всѣ напасти, хранимый и подкрѣпляемый десницей Божіей. Слава о его подвигахъ стала распространяться повсюду. Многіе начали стекаться къ нему: князья, бояре, богатые и бѣдные. Преподобный Варлаамъ неустанно поучалъ всѣхъ, приходившихъ къ нему:

— Чада, блюдитесь отъ всякой неправды, не завидуйте, не клевещите. Воздерживайтесь отъ гнѣва, не отдавайте денегъ въ ростъ. Берегитесь судить неправо. Не клянитесь лживо, а давши клятву, исполняйте ее. Не предавайтесь тѣлеснымъ страстямъ.

[1]) 2 Посл. къ Солун., гл. 3, ст. 10.

Будьте всегда кротки и ко всѣмъ относитесь съ любовію. Сія добродѣтель—начало и корень всякаго добра.

Такъ каждый день поучалъ блаженный всѣхъ, приходившихъ къ нему, самъ же усугублялъ свои молитвы и все сильнѣе умерщвлялъ свою плоть. Чрезъ нѣкоторое время онъ построилъ небольшую церковь во имя Преображенія Господа нашего Іисуса Христа. Съ сего времени возникъ монастырь. Число братіи все возрастало. Самъ святый какъ и прежде велъ строгую жизнь. Пищей ему было сочиво или земные плоды, и то въ самомъ небольшомъ количествѣ. Такую же строгую жизнь вели и прочіе иноки.

Въ келлію святаго пришелъ однажды князь и просилъ благословить его. Святый, привѣтствуя его, поздравилъ съ рожденіемъ сына. Князь удивился сему. И дѣйствительно, въ отсутствіе князя у него родился сынъ, воспріемникомъ которому въ Святомъ Крещеніи былъ самъ святый Варлаамъ.

Одинъ человѣкъ, имѣвшій великую вѣру въ святаго мужа, отправился къ преподобному съ единственнымъ своимъ больнымъ сыномъ. Онъ хотѣлъ, чтобы святый помолился объ исцѣленіи его сына. Но дорогой больной умеръ. Святый Варлаамъ помолился—и отрокъ возсталъ совершенно здоровымъ.

Однажды наступалъ великій праздникъ Воскресенія Господа Іисуса Христа. Святый послалъ рыбарей наловить къ празднику рыбы. Ловъ былъ необыкновенно удаченъ. Рыбаки поймали большихъ размѣровъ осетра, но, наущаемые діаволомъ, скрыли его, а въ монастырь привезли только остальную рыбу. Святый Варлаамъ съ посохомъ въ рукахъ сталъ разсматривать привезенную рыбу и сказалъ:

— Дѣти, малыя рыбы вы привезли. Гдѣ же большая?

Рыбаки, удивленные такой прозорливостію святаго, упали предъ нимъ на колѣни, каялись въ своемъ прегрѣшеніи и возвратили утаенную было ими рыбу.

По Божіему изволенію, прибылъ къ преподобному Варлааму изъ Константинополя его сверстникъ Антоній. Блаженный былъ весьма обрадованъ возвращеніемъ своего друга. Онъ передалъ Антонію управленіе монастыремъ, сказавъ:

— Возлюбленный братъ мой! Божіе благоволеніе почиваетъ надъ сею обителью. Нынѣ я передаю въ твои руки сей монастырь. Блюди его и заботься о немъ. Я уже отхожу къ Царю Небесному. Но не смущайся симъ: тѣломъ я покидаю васъ, духомъ же всегда буду съ вами.

Преподавъ наставленія своей братіи, заповѣдавъ ей соблюдать православную вѣру и постоянно пребывать въ смиреніи, святый Варлаамъ предалъ свою душу Господу. Владыка Новгородскій съ подобающимъ благолѣпіемъ, со свѣчами и духовными пѣснопѣніями предалъ погребенію его честно́е тѣло. Блаженная кончина преподобнаго Варлаама послѣдовала 6 ноября 1192 года. Нынѣ же онъ вмѣстѣ съ ликами праведныхъ прославляетъ Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ г҃:

И҆же на земли̑ лега́нїемъ, поще́нїемъ же и҆ бдѣ́нїемъ тѣ́ло твоѐ и҆знꙋрѧ́ѧ прп҃бне, всѧ̑ плѡтска́ѧ мꙋдрова̑нїѧ ᲂу҆мертви́лъ є҆сѝ: и҆ и҆сцѣле́нїй стрꙋѧ̀ незави́стнаѧ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, вѣ́рою притека́ющымъ къ ра́цѣ моще́й твои́хъ, варлаа́ме ѻ҆́тче на́шъ, молѝ хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

А҆коже дрꙋгі́й и҆лїа̀ ѻ҆́тче, до́ждь съ нб҃сѐ све́лъ є҆сѝ, ѻ҆́нъ ᲂу҆́бѡ ѻ҆́гнь сведѐ, и҆ царѧ̀ ᲂу҆дивѝ: ты́ же лю́ди твоѧ̑ возвесели́лъ є҆сѝ, и҆ торжествова́ти ᲂу҆стро́илъ є҆сѝ: вели́кїй бо но́вградъ вельмѝ тобо́ю хва́литсѧ, и҆мѣ́ѧ мѡ́щи твоѧ̑ въ себѣ̀. є҆го́же сохранѧ́й ѿ вра̑гъ непоколеби́ма, да зове́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ прп҃бне варлаа́ме, ѻ҆́тче на́шъ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ГЕРМАНА,

архіепископа Казанскаго

Среди боярскихъ родовъ въ Московскомъ государствѣ въ XV и XVI в. особеннымъ благочестіемъ и ревностью по службѣ отличался родъ Полевыхъ, потомковъ Смоленскихъ князей. Нѣсколько лицъ изъ сего рода восприняли иночество и отличались своей благочестивой жизнію и христіанскими добродѣтелями. Въ самомъ началѣ XVI вѣка въ городѣ Старицѣ[1]) у Ѳеодора Аѳанасьевича Полева родился сынъ, нареченный во Святомъ Крещеніи Григоріемъ, въ честь святаго Григорія Декаполита[2]). Это и былъ

---

[1]) *Старица* — уѣздный городъ Тверской губерніи, на рѣкѣ Волгѣ.

[2]) Память его совершается Церковію 26 ноября.

будущій великій свѣтильникъ и ревностный пастырь стада Христова—святый Германъ. Благочестіе родителей, ихъ строгая жизнь по Заповѣдямъ Христовымъ сильно вліяли на юнаго отрока. Еще съ молодости онъ привыкъ соблюдать строгій постъ и часто предавался молитвѣ. Родители святаго старались насадить въ сердцѣ своего сына страхъ Божій. Съ юныхъ лѣтъ благодать Божія почивала на отрокѣ. Среди своихъ сверстниковъ онъ отличался скромностью, кротостью и даровитостью. Не любилъ онъ дѣтскихъ игръ и шумливой рѣзвости, но предпочиталъ услаждать свою душу полезными размышленіями и бесѣдами. Благочестивые родители Григорія обучили сына чтенію божественнаго Писанія, что было тогда главнымъ образованіемъ. Святый отрокъ съ великою ревностью сталъ заниматься чтеніемъ Боговдохновенныхъ книгъ. Особенно часто онъ читалъ Псалмы Давидовы, которые укрѣпляли и воодушевляли благочестиваго юношу. Съ юныхъ лѣтъ онъ неуклонно присутствовалъ въ храмѣ во время Богослуженій. Часто удалялся онъ въ уединеніе и здѣсь среди тишины горячо молился и размышлялъ о назначеніи человѣка и о Промыслѣ Божіемъ. Святый отрокъ много думалъ о тщетѣ человѣческой жизни. Она мимолетна, какъ сонъ, думалъ онъ, человѣкъ умираетъ, и память о немъ изглаживается. Столь же скоропреходящи и всѣ блага сей жизни: они тлѣнны, быстро приходятъ и быстро исчезаютъ. Є҆ди́но є҆́сть на потрє́бꙋ—угодить Богу, служить Ему всей душой и любить Его всѣмъ сердцемъ. Благочестивый отрокъ сталъ вести жизнь еще болѣе строгую, чѣмъ прежде; особенно онъ соблюдалъ постъ, такъ что отъ великаго воздержанія едва оставался живымъ. Но, умерщвляя такъ свою плоть, онъ просвѣщалъ и украшалъ свою душу. Видя такое воздержаніе своего сына, родители просили его, опасаясь за его здоровье, умѣрить свои подвиги. Но онъ еще болѣе и болѣе усугублялъ свои труды. Душа его уже давно стремилась къ уединенію. Онъ рѣшилъ всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и вступить въ число иноковъ. Испросивъ благословеніе у своихъ родителей, онъ вступилъ въ Волоколамскій монастырь, славившійся строгостью своей жизни. Въ той же обители уже были пострижены двоюродные братья отца Григоріева. Въ сіе время тамъ подвизались будущій первосвятитель Казанскій Гурій[1]) и блаженный Максимъ Грекъ[2]), отличавшійся своимъ про-

[1]) Память его—4 октября и 5 декабря.

[2]) *Блаженный Максимъ Грекъ,* вызванный изъ Святой Горы для исправленія Бого-

свѣщеніемъ и невинно заточенный, по проискамъ враговъ, въ семъ монастырѣ. Около 25 лѣтъ отъ роду Григорій вступилъ въ сію обитель, куда потомъ поступилъ и его отецъ подъ именемъ Филоѳея. Вскорѣ Григорій былъ постриженъ въ иночество, причемъ ему наречено было имя Германъ. Воспринявъ иночество, онъ сталъ съ еще большей ревностью подвизаться въ дѣлахъ благочестія; особенно трудился онъ надъ изученіемъ Священнаго Писанія, часто бесѣдовалъ съ просвѣщеннымъ Максимомъ и извлекалъ пользу изъ сихъ бесѣдъ. По-прежнему онъ строго соблюдалъ постъ, по-прежнему неуклонно посѣщалъ храмъ Божій. Подавая всѣмъ примѣръ своею подвижническою жизнью, онъ отличался необыкновеннымъ смиреніемъ и охотно служилъ братіи, исполняя всѣ послушанія, возлагаемыя на него. Особенно онъ любилъ заниматься переписываніемъ Богослужебныхъ книгъ. Рукой Германа, послѣдняго въ иноцѣхъ, какъ онъ самъ называлъ себя, переписаны Богородичникъ и Евангеліе, сохранившіеся до нашего времени.

Ст҃ый
ГЕ́РМАНЪ

Подвижническая жизнь Германа доставила ему уваженіе среди иноковъ Волоколамской обители. Они дивились трудамъ подвижника, назидались его смиреніемъ и благодарили Господа. Вскорѣ молва о благочестивой жизни Германа достигла и до родины святаго — города Старицъ. Иноки Старицкаго Успенскаго монастыря, слыша о подвигахъ Германа, настоятельно просили его принять начальство въ ихъ обители. Смиренный Германъ долго отказывался, но, наконецъ, уступая великимъ просьбамъ братіи, отправился къ Тверскому архіепископу Акакію, который съ любовію принялъ

служебныхъ книгъ, оставилъ много сочиненій. Послѣ продолжительнаго заключенія скончался въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ въ 1556 г.

святаго, возвелъ его въ санъ архимандрита и благословилъ на новое служеніе. Братія Старицкаго монастыря съ любовію встрѣтила своего новаго настоятеля, котораго уже давно желала видѣть въ своей обители. Вступивъ въ управленіе монастыремъ, святый Германъ съ пастырской ревностью сталъ заботиться о его благоустройствѣ: онъ воздвигалъ постройки, благолѣпно украшалъ храмы. Но еще болѣе заботился онъ о благолѣпіи внутреннемъ: онъ всѣмъ подавалъ примѣръ благочестивой жизни, служилъ для иноковъ образцомъ смиренія и кротости, всѣхъ назидалъ, увѣщавалъ строго соблюдать иноческія обязанности, ввелъ въ своей обители уставъ Волоколамскаго монастыря—словомъ, былъ истиннымъ пастыремъ, добрымъ отцомъ и примѣромъ, достойнымъ подражанія. Иноки старались слѣдовать стопамъ своего святаго архимандрита и преуспѣвать въ подвигахъ подъ руководствомъ столь опытнаго въ духовной жизни пастыря. Но вскорѣ имъ пришлось разстаться съ своимъ архимандритомъ. Стремясь постоянно къ уединенію, святый Германъ черезъ $2^1/_2$ года оставилъ Старицкій монастырь, чтобы снова въ уединенной келліи Волоколамскаго монастыря подвизаться въ молитвѣ и постѣ. Онъ передалъ начальство въ Старицкомъ монастырѣ постриженному имъ иноку Іову, впослѣдствіи знаменитому подвижнику и страдальцу за Русскую землю—Патріарху Московскому. Прибывъ въ Волоколамскій монастырь, святый Германъ сталъ подвизаться какъ простой инокъ. Но недолго ему было суждено проводить жизнь въ уединеніи и тишинѣ. Въ Москвѣ тогда появился новый еретикъ — Матвѣй Башкинъ, отрицавшій вѣру во Святую Троицу, не признававшій Св. Таинствъ. Въ 1553 г. на него былъ созванъ Соборъ въ Москвѣ. На соборныя засѣданія былъ вызванъ и святый Германъ вмѣстѣ съ своимъ родителемъ. Соборъ осудилъ ересь Башкина и постановилъ послать его для вразумленія въ Волоколамскій монастырь къ святому Герману. Такъ была извѣстна всѣмъ подвижническая и святая жизнь сего ревнителя Христовой вѣры.

Но святаго ожидало другое, болѣе трудное поприще. Около того времени царемъ и великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ была покорена Казань—главный оплотъ и твердыня татарскаго Казанскаго царства. Царь Московскій озаботился распространить свѣтъ истинной вѣры Христовой въ покоренной странѣ между магометанами и язычниками-инородцами. Въ Казани была учреждена архіепископская каѳедра, на которую впервые былъ

возведенъ святитель Гурій, бывшій прежде игуменомъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Святителю Гурію было поручено устроить обитель въ городѣ Свіяжскѣ[1]). Настоятелемъ для сей обители, по указанію Гурія, былъ назначенъ святый Германъ, прибывшій вмѣстѣ съ Гуріемъ въ 1555 г. въ городъ Свіяжскъ. Получивъ богатыя пособія отъ царя и святителей, Германъ ревностно началъ строить обитель. Много трудовъ и усилій пришлось ему положить при строеніи обители. Недостатокъ необходимыхъ матеріаловъ, дороговизна работъ, враждебное отношеніе инородцевъ—все это затрудняло и замедляло строеніе монастыря. Но, при помощи Божіей, черезъ $1^1/_2$ года работы были закончены. Святый Германъ построилъ Никольскую церковь, существующую донынѣ, и при ней высокую колокольню, потомъ воздвигъ великолѣпный, сохраняющійся до сего времени храмъ въ честь честнáго и славнаго Успенія Божіей Матери. Германъ благолѣпно украсилъ сіи храмы иконами и другими священными предметами.

Особенно ревностно заботился Германъ о распространеніи истинной вѣры Христовой между магометанами и язычниками. Строгая и подвижническая жизнь святаго пастыря многихъ привлекла къ нему. Одни приходили за совѣтомъ, другіе — за благословеніемъ. Блаженный всѣхъ принималъ съ любовію, не дѣлая различія между православными и невѣрующими, всѣмъ равно помогая, ко всѣмъ одинаково попечительно относясь. Такое обхожденіе святаго мужа сильно дѣйствовало на язычниковъ, такъ что тѣ стали принимать истинную вѣру Христову. Святый Германъ щедро помогалъ всѣмъ, кто обращался къ нему съ просьбой о помощи. Но щедрый и милостивый къ другимъ, святый былъ строгъ и требователенъ къ себѣ. Еще до сихъ поръ сохраняется тѣсная и узкая келлія святаго, длиной въ $1^1/_2$ сажени, шириной около сажени. Помогая всѣмъ, онъ самъ старался обходиться безъ посторонней помощи, самъ себѣ чинилъ одежду. До сихъ поръ сохраняются наперстокъ, иглы и нитки, которыми пользовался святый Германъ. Заботясь о спасеніи своей души, сей добрый пастырь не менѣе заботился и объ инокахъ Свіяжской обители. Подобно настоятелю, всѣ иноки обязаны были проводить самую строгую жизнь. Изъ среды ихъ святый Германъ избиралъ достойныхъ проповѣдывать Слово Божіе среди невѣрующихъ, самъ подавая имъ въ семъ примѣръ. Трудами святаго было собрано боль-

[1]) *Свіяжскъ* —уѣздный городъ Казанской губерніи на рѣкѣ Свіягѣ.

шое количество рукописныхъ книгъ Богослужебныхъ и другихъ, необходимыхъ для великаго дѣла проповѣди. Свіяжскій Богородицкій монастырь былъ средоточіемъ, откуда сталъ разливаться свѣтъ Христовой вѣры. Благодаря неусыпнымъ попеченіямъ святителя, сія обитель исполнила свое высокое назначеніе и долго еще оставалась просвѣтительнымъ центромъ на сѣверо-востокѣ Россіи.

Узы братской любви связывали святаго Германа съ блаженнымъ Гуріемъ. Сей архипастырь цѣнилъ заслуги и труды такого ревностнаго сподвижника, какимъ былъ Германъ. Они часто переписывались о различныхъ предметахъ, касающихся церковнаго просвѣщенія. Съ своей стороны святитель Гурій оказывалъ ревностному проповѣднику Христовой вѣры довѣріе во всемъ. Онъ поручилъ суду и управленію самого Германа не только Свіяжскій монастырь, но и всѣ церкви Свіяжской области. Всѣ его труды были извѣстны и царю. Такъ болѣе восьми лѣтъ подвизался святый Германъ.

5 декабря 1563 г. послѣ многихъ трудовъ и подвиговъ мирно предалъ Господу свою чистую душу первосвятитель Казанскій Гурій. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный и митрополитъ Московскій Аѳанасій вызвали въ Москву святаго Германа, желая возвести его на архипастырскій престолъ въ Казани. Они уже прежде слышали много о ревности сего святаго мужа и видѣли въ немъ единственнаго достойнаго преемника святителю Гурію. Святый Германъ, вызванный соборной грамотою въ Москву, сначала отказывался, но потомъ долженъ былъ уступить требованіямъ царя и Священнаго Собора. 12 марта 1564 г. онъ былъ рукоположенъ въ архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго. Правя своей паствою, онъ неуклонно шествовалъ по слѣдамъ своего великаго учителя и наставника святителя Гурія. Особенно ревностно онъ заботился о распространеніи Христовой вѣры. Для сего онъ ввелъ общежитіе въ Зилантовскомъ монастырѣ[1]), чтобы увеличить число иноковъ въ сей обители и расширить школу для дѣтей инородцевъ. Одинъ изъ его современниковъ, знаменитый въ русской исторіи князь Курбскій, такъ отзывается о святителѣ Германѣ: «Германъ былъ человѣкъ знатнаго рода, не столько высокъ тѣломъ, сколько разумомъ, мужъ честнаго и святаго жительства, изслѣдователь Священныхъ Писаній и ревнитель по Бозѣ въ дѣлахъ духовныхъ;

[1]) *Зилантовскій мужской монастырь* близъ Казани былъ основанъ по повелѣнію Іоанна Грознаго на мѣстѣ погребенія воиновъ, павшихъ при взятіи Казани.

не былъ онъ причастенъ никакому обычаю лукавому и лицемѣрію, но былъ человѣкъ простой, истинный, непоколебимый, великій помощникъ объятымъ бѣдами и напастями и весьма милостивый къ убогимъ».

При содѣйствіи святителя въ Казани былъ построенъ тогда Иоанновскій Казанскій монастырь, существующій до сего времени. Это—видимый знакъ ревностнаго старанія святителя о благолѣпіи храмовъ Божіихъ. Въ такихъ трудахъ святитель управлялъ казанской паствою около двухъ лѣтъ. Въ 1566 г. митрополитъ Московскій Аѳанасій по разстроенному здоровью отказался отъ управленія Церковью. Строгая подвижническая жизнь святаго Германа хорошо была извѣстна Грозному, и онъ пожелалъ, чтобы Германъ занялъ архипастырскій престолъ. По распоряженію царя, святитель казанскій былъ вызванъ въ Москву. Въ то время въ характерѣ Іоанна произошла печальная перемѣна: подозрительность, которою онъ отличался и прежде, стала увеличиваться. Онъ окружилъ себя толпою недостойныхъ опричниковъ, которые злоупотребляли довѣріемъ царя и чинили несправедливости и притѣсненія. Вызванный по волѣ царя въ Москву, Германъ сначала отказывался отъ возлагаемаго на него бремени. Царь не терпѣлъ возраженій, и Германъ долженъ былъ поселиться въ покояхъ митрополичьихъ еще до посвященія въ санъ митрополита. Недолго, однако, ему пришлось пробыть здѣсь. Онъ видѣлъ, какія несправедливости причиняютъ людямъ злые приспѣшники царя, со скорбью замѣчалъ, какъ сильно измѣнился характеръ Грознаго—и не могъ стерпѣть: вѣрный своему пастырскому долгу, онъ попытался вразумить царя, говорилъ ему о необходимости чистосердечно раскаяться, о будущихъ мукахъ и о вѣчномъ блаженствѣ. Грозный царь не могъ вынести обличеній блаженнаго святителя. Онъ съ сумрачнымъ видомъ вышелъ отъ Германа. Опричники, узнавъ о семъ, стали уговаривать царя. Они хорошо знали святителя, понимали, что сей пастырь—грозный для нихъ обличитель, который будетъ немолчно и смѣло говорить правду царю.

— Великій государь,—говорили коварные опричники,—не пристало тебѣ внимать безсмысленнымъ рѣчамъ твоего раба. Неужели ты хочешь быть въ неволѣ, болѣе тяжкой, чѣмъ въ какой ты столько лѣтъ былъ у Сильвестра и Адашева?

Болѣе всѣхъ противъ святителя говорили царскій любимецъ Алексѣй Басмановъ съ своимъ сыномъ. Всѣ опричники неотступно

просили царя, чтобы онъ не возводилъ Германа на Московскую каѳедру. Грозный послушался своихъ любимцевъ. Онъ повелѣлъ передать Герману:

— Ты еще не возведенъ на митрополію, а уже отнимаешь у меня свободу.

Около двухъ лѣтъ святитель пробылъ въ Москвѣ подъ опалой. Его не отпускали въ Казань, хотя онъ и считался архіепископомъ Казанскимъ. Въ сіе время его держали подъ надзоромъ приставовъ, въ заключеніи. Но нелицемѣрный обличитель неправды и въ неволѣ былъ страшенъ опричникамъ. 6 ноября 1567 года послѣдовала кончина святаго Германа. Какъ думаютъ, опричники были убійцами сего святаго мужа. Бывшій въ Москвѣ при святителѣ архимандритъ Свіяжскаго монастыря Иродіонъ предалъ погребенію тѣло святаго Германа при церкви св. Николая, именуемаго Мокрымъ[1]).

Но Господу было угодно прославить Своего угодника чудесами и различными знаменіями. При перестройкѣ Николаевской церкви были обрѣтены мощи сего святителя. Въ 1592 году жители Свіяжска, услышавъ о чудесахъ отъ мощей святаго Германа, обратились къ царю Ѳеодору Іоанновичу и къ Всероссійскому Патріарху Іову съ просьбой о томъ, чтобы имъ было позволено перенести мощи святителя изъ Москвы въ Свіяжскій монастырь, основанный самимъ святителемъ. Просьба сія была исполнена: 25 сентября 1592 года мощи святителя были торжественно встрѣчены жителями Свіяжска. Много чудесныхъ исцѣленій и знаменій произошло при семъ. Лишь только мощи святаго Германа были внесены въ Успенскій храмъ Свіяжской обители, великое благоуханіе распространилось по всему монастырю. При семъ прозрѣли два слѣпца, и совершилось много другихъ чудесъ. Спустя болѣе ста лѣтъ, въ 1696 году, мощи святаго были вновь свидѣтельствованы, и съ сего времени началось всеобщее празднованіе памяти святителя по всей Россіи. Въ 1704 году мощи святителя были перенесены изъ алтаря Успенскаго храма въ самую церковь. Это перенесеніе произошло 23 іюля 1704 года при митрополитѣ Тихонѣ. Память о семъ событіи торжественно совершается и до сего дня.

Таково было житіе святаго Германа, таковы его труды, его твердость въ Христовой вѣрѣ. Послѣдуемъ и мы сему подвиж-

---

1) Церковь св. Николая Мокраго находится въ Москвѣ, въ Китай-Городѣ, въ Зарядьѣ.

нику, поревнуемъ его добродѣтельной жизни, будемъ постоянно имѣть предъ своими душевными очами сего великаго святителя Церкви Россійской и призывать его святое имя, дабы онъ молилъ за насъ Господа, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ д҃:

Ꙗ́кѡ вели́кимъ па́стырємъ є҆динонра́вна, и҆ ᲂу҆чи́телємъ вселе́нныѧ є҆диномы́сленна, цр҃кве бж҃їѧ слꙋжи́телѧ ᲂу҆се́рдна, и҆ строи́телѧ та҃инъ хр҃то́выхъ бл҃гоговѣ́йна, сте́кшесѧ бл҃говѣ́рнїи лю́дїе, свїѧ́жскїѧ ᲂ҆би́тели бг҃омꙋ́драго ѡ҆снова́телѧ, и҆ каза́нскїѧ новопросвѣще́нныѧ па́ствы ст҃и́телѧ ге́рмана пѣ́сньми и҆ пѣ́нїи восхва́лимъ, глаго́люще: не преста́й присѣща́ти мл҃твами твои́ми на ᲂ҆би́тель и҆ на всю̀ па́ствꙋ твою̀, и҆ ᲂ҆би́тель во ст҃ы́ни, па́ствꙋ же въ вѣ́рѣ и҆ бл҃гоче́стїи блюсти̇̀ невреди́мѡ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Мꙋ́дрствꙋѧ въ мл҃твахъ, послꙋша́нїѧ до́брый рачи́тель бы́въ, въ терпѣ́нїи стѧжа́лъ є҆сѝ дꙋшꙋ твою̀, дѣ́лы смиренномꙋ́дрїѧ и҆ кро́тости и҆зра́дствꙋѧ, престо́лъ ст҃и́тельства бл҃говѣ́рїемъ и҆ бл҃гоче́стїемъ ᲂу҆краси́лъ є҆сѝ, ᲂ҆́тче ст҃ѡ҃еннонача́льниче ге́рмане: молѝ хр҃та̀ бг҃а ѡ҆ ᲂ҆би́тели и҆ ѡ҆ все́мъ ста́дѣ твое́мъ, ꙗ҆́кѡ па́ствы твоеѧ̀ ᲂу҆твержде́нїе, и҆ сꙋ́щымъ по тебѣ̀ ст҃и́телємъ свѣ́тлое ᲂу҆краше́нїе.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

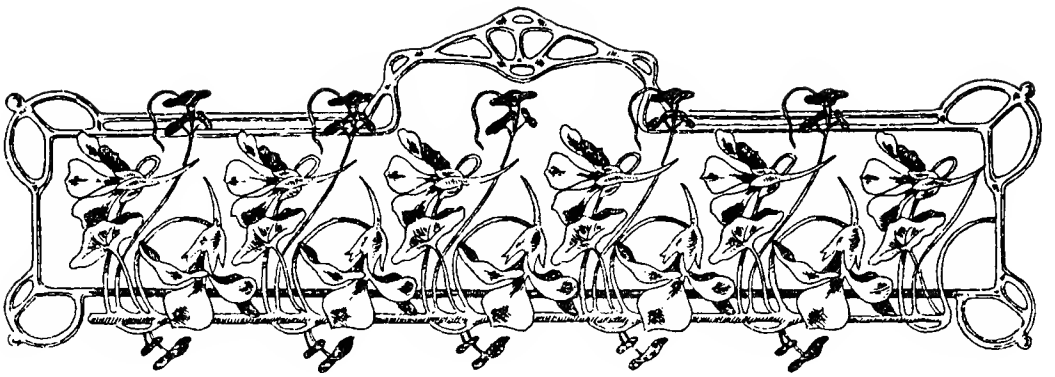
ЛУКИ

Блаженный отецъ нашъ Лука происходилъ изъ сицилійскаго города Тавроменіи[1]). Еще въ юношескомъ возрастѣ онъ съ усердіемъ посѣщалъ церкви Божіи и былъ не только слушателемъ, но и исполнителемъ Божественныхъ Писаній. И когда родители задумали найти для него жену, онъ ночью ушелъ изъ родительскаго дома въ непроходимую пустыню, гдѣ и жилъ вмѣстѣ со звѣрями. Проведя 14 дней въ постѣ, онъ удостоился

---

[1]) *Тавроменія* — значительный городъ на восточномъ берегу Сициліи.

божественнаго и ангельскаго посѣщенія. Наконецъ, онъ прибылъ въ одну обитель, гдѣ и принялъ иночество и предался суровой постнической жизни: черезъ три или четыре дня онъ вкушалъ немного хлѣба и воды и почти не предавался сну. Такъ онъ прожилъ полтора года. Потомъ онъ вмѣстѣ съ однимъ инокомъ удалился оттуда на гору Этну, гдѣ и подвизался, питаясь только зеліями, растущими на этой горѣ; мало отдыхалъ, мало спалъ, пребывая все время въ одной одеждѣ и босымъ. У него было уставомъ и обычнымъ правиломъ не выходить изъ своей келліи до тѣхъ поръ, пока не окончитъ чтеніе всей Псалтири. Обыкновенно онъ оканчивалъ правило къ третьему часу. Отъ третьяго часа и до шестого преподобный трудился. И уже послѣ шестого часа онъ вкушалъ немного пищи, не оставляя при семъ своихъ трудовъ. Поступая такъ, онъ удостоился великой благодати и уразумѣлъ всякую мудрость, такъ что нѣкоторые, недоумѣвая, говорили: «откуда онъ знаетъ книги?» По бывшему ему откровенію онъ отправился въ одно мѣсто, гдѣ собралъ 12 иноковъ, и приложилъ большое стараніе о благоустроеніи ихъ. Ради сего преподобный отправился даже въ Византію, гдѣ осматривалъ устройство монашескихъ общежитій и бесѣдовалъ объ этомъ съ тамошними Отцами. Оттуда онъ отправился въ Коринѳъ, гдѣ, проживъ въ одной обители не болѣе семи мѣсяцевъ, съ миромъ отошелъ ко Господу.



День седьмой

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІЕРОНА

и дружины его

Отечествомъ св. Іерона была вторая (великая) Каппадокія[1]); родился онъ въ городѣ Тіанѣ[2]) отъ благочестивой и богобоязненной матери, по имени Стратоники, въ царствованіе императоровъ Діоклетіана и Максиміана, которые оба были усердными поклонниками идоловъ и гонителями христіанъ.

Когда до слуха императоровъ дошло, что жители областей Арменіи и Каппадокіи, вопреки императорскимъ указамъ, отказываются поклониться идоламъ, то они, послѣ многихъ совѣщаній, избрали двухъ лукавыхъ, преданныхъ язычеству, жестокихъ мужей, Агриколая и Лизія, и отправили перваго въ Арменію, а

---

1) *Вторая,* или *Великая, Каппадокія*—весьма обширная область въ срединѣ восточной части Малой Азіи, къ западу отъ верховьевъ рѣки Евфрата. Нѣкогда Каппадокія была одиимъ изъ значительныхъ государствъ Азіи, ио затѣмъ потеряла самостоятельность и въ концѣ концовъ вошла въ составъ Римской имперіи какъ ея провииція (въ 17 или 18 году по Р. Хр.).

2) *Тіана*—городъ въ юго-западной части Каппадокіи. Нынѣ—*Нигры,* или *Нигдели.*

второго въ Каппадокію, приказавъ имъ, во-первыхъ, казнить всѣхъ тамошнихъ христіанъ, не соглашающихся поклониться идоламъ, и, во-вторыхъ, записать въ войско всѣхъ мужей и юношей, сильныхъ тѣломъ и способныхъ къ военной службѣ.

Прибывъ въ Каппадокію, Лизій сталъ всячески разыскивать годныхъ для набора людей. Между прочимъ, ему донесли и объ Іеронѣ — какъ о человѣкѣ здоровомъ, сильномъ и отличающемся особеннымъ мужествомъ. Лизій тотчасъ же послалъ воиновъ взять его и привести. Посланные не застали Іерона дома: онъ былъ на работѣ въ полѣ. Воины отправились туда и хотѣли схватить его; но Іеронъ, узнавъ, что его берутъ для воинской службы, отказался идти съ ними, считая для христіанина вреднымъ имѣть общеніе и служить вмѣстѣ съ идолопоклонниками. Воины хотѣли взять его силою, но разгнѣванный Іеронъ схватилъ попавшееся подъ руку дерево и началъ ихъ бить; онъ оказался настолько сильнѣе воиновъ, что они обратились въ бѣгство, а онъ гналъ ихъ, какъ левъ гонитъ козлятъ. Разсѣянные имъ воины вновь собрались, однако, въ одно мѣсто. Имъ стало стыдно другъ друга, что не только не могли одолѣть одного человѣка, но и были имъ прогнаны. Они боялись возвратиться къ тому, кто ихъ послалъ, съ пустыми руками и говорили между собою, что если они воротятся безъ Іерона, то не только будутъ всѣми осмѣяны за то, что одинъ человѣкъ побѣдилъ ихъ всѣхъ, но и жестоко наказаны за трусость. Поэтому они позвали себѣ на помощь своихъ товарищей и во второй разъ въ еще большемъ числѣ устремились на Іерона. Услыхавъ объ этомъ, онъ набралъ себѣ дружину изъ осьмнадцати мужей—христіанъ, скрылся вмѣстѣ съ ними въ находившуюся вблизи пещеру и оттуда отражалъ нападенія осадившихъ его язычниковъ. Послѣдніе извѣстили между тѣмъ своего начальника, что Іеронъ съ другими христіанами заперся въ пещерѣ и они не могутъ взять его. Начальникъ отправилъ къ нимъ на подмогу еще болѣе воиновъ, и все-таки они ничего не могли сдѣлать, такъ какъ, боясь Іерона, никто не осмѣливался даже приблизиться ко входу въ пещеру. Тогда начальникъ послалъ къ нимъ одного изъ друзей Іерона, по имени Киріака. Киріакъ, пришедши на мѣсто, посовѣтовалъ воинамъ удалиться отъ пещеры, такъ какъ Іерона,— говорилъ онъ,—можно взять только кротостію и добрымъ совѣтомъ, а никакъ не силою. Когда воины удалились, Киріакъ вошелъ къ Іерону и убѣждалъ его не сопротивляться власти и

Ст҃ы́й мч҃нкъ
І҆ЕРѠ́НЪ

идти записаться въ воинскую службу. Мирною бесѣдою своею онъ успокоилъ Іерона, вывелъ его изъ пещеры и отвелъ въ его домъ къ матери—старой и слѣпой вдовѣ. Она начала громко оплакивать сына, называла его опорой своей старости и свѣтомъ своихъ слѣпыхъ очей и жаловалась, что лишается единственнаго утѣшенія въ своемъ печальномъ вдовствѣ. Между тѣмъ воины, окружавшіе Іерона, принуждали его идти съ ними. Простившись съ плачущей матерью, сосѣдями и знакомыми, которые собрались тамъ, Іеронъ захватилъ съ собою одного своего родственника, по имени Виктора, и пошелъ въ городъ Мелитину[1]) вмѣстѣ съ воинами, сопровождаемый двумя своими близкими родственниками Матроніаномъ и Антоніемъ и нѣкоторыми другими единовѣрцами. Путники не поспѣли въ Мелитину до захода солнца[2]) и ночевали на мѣстѣ, гдѣ застала ихъ ночь. Ночью блаженному Іерону явился нѣкто одѣтый въ бѣлыя одежды и возвѣстилъ ему кроткимъ и полнымъ любви голосомъ:

— Спасеніе, Іеронъ, благовѣствую я тебѣ! Правымъ путемъ идешь ты, такъ какъ идешь подвизаться за Царя Небеснаго и не за скоро гибнущую славу земную будешь ратовать... Скоро ты отойдешь къ Царю Небесному и пріимешь отъ Него честь и славу за свои подвиги.

Этими словами явившійся наполнилъ сердце Іерона несказанною радостію.

Когда онъ исчезъ, Іеронъ пробудился и съ радостію возвѣстилъ бывшимъ съ нимъ друзьямъ и сродникамъ:

---

[1]) *Мелитина* — городъ въ Арменіи, теперь Малатія.

[2]) Въ то время городскія ворота, т. е. входы, сдѣланные въ стѣнѣ, окружавшей весь городъ, запирались съ заходомъ солнца, и послѣ того нельзя уже было проникнуть въ городъ.

— Я узналъ тайну благоволенія Божія ко мнѣ и теперь уже съ веселіемъ иду въ предстоящій мнѣ путь. Одно только истинное сокровище, одно истинное наслѣдіе, одни только истинныя богатства, это—тѣ, которыя сокрыты на Небесахъ; всѣ же земныя блага не приносятъ получающимъ ихъ никакой пользы: **ка́ѧ бо по́льза человѣ́кꙋ, а҆́ще мі́ръ ве́сь прїѡбрѧ́щетъ, дꙋ́шꙋ же свою̀ ѿтщети́тъ**[1])? Для меня нѣтъ ничего дороже и лучше души... Достаточно времени своей жизни потратилъ я на служеніе суетѣ, теперь иду къ Богу. Одно только смущаетъ меня—печаль моей матери, престарѣлой и немощной вдовы, лишенной свѣта очей и не имѣющей себѣ помощника и заступника. Но я иду умереть за Христа и Ему, Отцу сиротъ и вдовицъ, поручаю я свою мать.

Сказавъ сіе, Іеронъ пролилъ нѣсколько слезъ о своей матери и отправился въ путь. Въ Мелитинѣ святый Іеронъ вмѣстѣ съ другими тридцатью тремя христіанами былъ заключенъ въ темницу. Здѣсь онъ говорилъ своимъ товарищамъ по заключенію:

— Послушайте, друзья и братья, моего совѣта, который будетъ вамъ полезенъ не въ сей жизни, а въ будущей. Всѣ боящіеся Бога ищутъ не земныхъ временныхъ, а будущихъ вѣчныхъ благъ. Вы слышали, что наутро насъ хотятъ заставить принести жертвы ложнымъ языческимъ богамъ: не будемъ повиноваться, не поклонимся идоламъ и не принесемъ имъ жертву; принесемъ лучше жертву хвалы Истинному Богу нашему и вознесемъ къ Нему наши молитвы, услышавъ которыя, Онъ подастъ намъ силу стойко и мужественно перенести мученія и удостоитъ насъ блаженной кончины.

Слушатели Іерона единодушно отвѣчали:

— Сладостны намъ, какъ медъ, слова твои[2])! Ты совѣтуешь намъ то, что дѣйствительно полезно и спасительно для насъ, и всѣ мы желаемъ лучше умереть за Христа, чѣмъ, поклонившись идоламъ, жить въ суетѣ.

Темничные стражи извѣстили о такомъ рѣшеніи узниковъ самого Лизія. Наутро онъ велѣлъ привести святыхъ мучениковъ изъ темницы къ себѣ на судъ, поставилъ ихъ предъ собою и съ гнѣвомъ спросилъ:

---

1) Слова Спасителя. См. Еванг. отъ Мате., гл. 16, ст. 26. *Оттщетить душу* — значитъ сдѣлать ее пристрастною къ мірской суетѣ и неспособною къ вѣчноблаженной жизни, а, слѣдовательно, подвергнуть ее вѣчному мученію въ аду.

2) Ср.: Псал. 118, ст. 103.

— Какой бѣсъ привелъ васъ къ безумному рѣшенію возстать противъ власти и не послушаться царскаго повелѣнія—поклониться великимъ богамъ?

— Мы, конечно, были бы безумцами и игрушкою бѣсамъ,—отвѣчали святые,—если бы честь, подобающую одному только Богу, воздавали деревяннымъ и каменнымъ произведеніямъ рукъ человѣческихъ. Но теперь мы поступаемъ мудро, ибо поклоняемся Творцу всего, создавшему небо и землю Словомъ Своимъ и изведшему ихъ изъ небытія въ бытіе духомъ устъ Своихъ[1]).

Въ это время одинъ изъ присутствовавшихъ на судѣ указалъ Лизію на Іерона и сказалъ:

— Вотъ кто сопротивлялся твоимъ посланцамъ, и все, о чемъ ты слышалъ, сдѣлалъ именно онъ.

Лизій, посмотрѣвъ на Іерона, спросилъ, откуда онъ родомъ, и, когда Іеронъ назвалъ свое отечество и мѣсто рожденія, опять спросилъ его:

— Это ты противился царскому приказанію, надѣясь на тѣлесную свою силу, и избилъ посланныхъ за тобою воиновъ?

— Да, я,—смѣло отвѣчалъ мужественный Іеронъ,—не ненавидѧщыѧ ли Господа моего возненавидѣхъ и ѡ врагѣхъ Его истаѧхъ! Совершенною ненавистію возненавидѣхъ ѧ: во врагѝ быша мѝ[2]). Потому-то и нанесъ я имъ побои и гналъ, какъ трусливыхъ зайцевъ.

Слыша эти слова, Лизій разгнѣвался и, не отдавая должнаго храбрости и силѣ Іерона, порицалъ его за непокорность и сказалъ:

— Безуміе твое довело тебя до такой дерзости, что ты ослушался царскаго повелѣнія, не покорился и моему приказу и избилъ посланныхъ нами. За это повелѣваю отсѣчь по самый локоть твою дерзкую руку, повиновавшуюся безумной головѣ.

И тотчасъ святому Іерону отсѣкли руку, а прочихъ святыхъ, по повелѣнію того же мучителя, немилосердно били долгое время.

Затѣмъ всѣ они опять были брошены въ темницу и возблагодарили Бога, сподобившаго ихъ понести такія муки за Его святое Имя. Но одинъ изъ нихъ, вышеупомянутый Викторъ, родственникъ святаго Іерона, обезсилѣвъ отъ полученныхъ имъ побоевъ и убоявшись еще большихъ въ будущемъ, тайно призвалъ къ себѣ того чиновника, который велъ запись схваченныхъ и преданныхъ мученіямъ христіанъ, и униженно умолялъ вычеркнуть имя его, Вик-

---

1) Отвѣтъ мученика Лизію основанъ на словахъ Псал. 32, ст. 6.

2) Псал. 138, ст. 21.

тора, изъ записи именъ узниковъ, страждущихъ за Христа, при чемъ обѣщалъ ему подарить за это одно помѣстье. Подкупленный обѣщаннымъ ему подаркомъ, чиновникъ исполнилъ просьбу Виктора—уничтожилъ его имя въ записи и ночью выпустилъ его изъ темницы. Но Викторъ, вышедши изъ темницы, вскорѣ умеръ и, такимъ образомъ, лишился и имущества, и жизни, и мученическаго вѣнца.

Когда настало утро, святый Іеронъ узналъ о случившемся и, полный безконечной печали, громко рыдалъ о своемъ сродникѣ, восклицая:

— Увы, Викторъ! Что ты сдѣлалъ? О, какой дорогою цѣною откупился ты! Зачѣмъ ты самъ отдалъ себя въ руки врага? Зачѣмъ позоръ бѣгства предпочелъ вѣнцу славы? Зачѣмъ отдалъ жизнь вѣчную за временную? Зачѣмъ временное облегченіе поставилъ выше радости нескончаемой? О, какъ смутили тебя недолговременныя страданія отъ незначительныхъ ранъ, которыя—ничто предъ муками вѣчными, ожидающими тебя по суду Божіему!

Оплакавши отпадшаго отъ лика мученическаго, святый Іеронъ подозвалъ къ себѣ двухъ своихъ сродниковъ, Антонія и Матроніана, послѣдовавшихъ за нимъ, и сказалъ имъ:

— Выслушайте мою послѣднюю волю и, возвратившись отсюда, приведите ее въ исполненіе. Мое имущество, находящееся въ Писидіи[1]), я отдаю сестрѣ своей Ѳеотиміи, съ тѣмъ чтобы она, получая съ него нужное для пропитанія, совершала поминовеніе по мнѣ въ день моей смерти. Все же прочее мое имущество я оставляю своей матери, по причинѣ ея вдовства и сиротства; отдайте ей также и мою отсѣченную руку и скажите ей, чтобы она письмомъ попросила начальника города Анкиры[2]), вельможнаго Рустика, дать ей домъ въ Вадисанѣ[3]), гдѣ пусть и будетъ положена рука моя.

Оставивъ такое завѣщаніе своимъ сродникамъ, блаженный Іеронъ спокойно ожидалъ своей мученической кончины. И вотъ, на

---

1) *Писидія* — внутренняя малоазійская провинція Рима къ юго-западу отъ Каппадокіи. Здѣсь проповѣдывалъ христіанство святый Апостолъ Павелъ (Кн. Дѣян. Ап., гл. 13, ст. 14 и гл. 14, ст. 24).

2) *Анкира* — главный городъ малоазійской провинціи Рима Галатіи, нынѣ Ангора. Галатія занимала самую средину малоазійскаго полуострова, Анкира же находилась на сѣверо-западной окраинѣ провинціи.

3) Что называлось *Вадисаномъ* — неизвѣстно. Предполагаютъ, что это — то же, что *Васадонъ*, или *Валвадонъ* — городъ въ Каппадокіи.

пятый день Лизій опять сѣлъ на судейское мѣсто и, призвавъ святыхъ, сталъ принуждать ихъ поклониться идоламъ. Долго старался онъ и ласками и угрозами отклонить ихъ отъ Христа, но не имѣлъ никакого успѣха и тогда приказалъ сначала бить ихъ безъ пощады палками, а затѣмъ осудилъ на усѣченіе мечомъ. Послѣ многихъ мученій святые мученики были осуждены на смерть. Предводимые блаженнымъ Іерономъ, они, на пути къ мѣсту казни, радостно воспѣвали слова Псалма: **бл҃же́ни непоро́чніи въ пꙋ́ть, ходѧ́щіи въ зако́нѣ гдⷭ҇ни**[1]). Пришедши на мѣсто казни, они преклонили колѣна и молились Господу:

— Господи Іисусе Христе, пріими души наши!

Затѣмъ ихъ святыя главы были усѣчены мечомъ.

Антоній и Матроніанъ обратились къ Лизію съ просьбою позволить имъ взять тѣло ихъ сродника Іерона и, когда Лизій не соглашался, умоляли его отдать имъ, по крайней мѣрѣ, отсѣченную главу Іерона. Онъ отвѣчалъ имъ, что отдастъ главу только за равное съ нею по вѣсу количество золота. Сильно скорбѣли Антоній и Матроніанъ, что не было у нихъ столько золота, сколько требовалъ за главу Лизій, хотя, безъ сомнѣнія, честна́я глава мученика и стоила несравненно дороже. Тогда Богъ вложилъ въ сердце одному богатому и знаменитому мужу, именемъ Хризаѳію, дать выкупъ за главу святаго мученика Іерона: онъ отдалъ Лизію столько золота, сколько вѣсила глава, и, взявъ ее, съ честью хранилъ у себя. Корыстолюбивый Лизій сталъ тогда отыскивать и отсѣченную руку святаго, разсчитывая и за нее получить золото; но Антоній и Матроніанъ, узнавъ объ этомъ, ночью бѣжали на родину, унося съ собою святую руку, а тѣла́—его и прочихъ святыхъ мучениковъ, обезглавленныхъ вмѣстѣ съ нимъ, — другіе христіане, взявши тайно, погребли въ скрытомъ мѣстѣ. Упомянутые братья, принесши руку святаго Іерона къ его матери Стратоникѣ, вручили ей святые останки. Мать, взявъ усѣченную ради Христа руку своего возлюбленнаго сына, омыла ее слезами, лобызала материнскимъ лобзаніемъ и прикладывала къ своимъ очамъ. Радуясь за сына и въ то же время отдаваясь естественной скорби, она говорила со слезами:

— Любезный сынъ мой, котораго я родила живымъ и здоровымъ! Теперь у меня только малая часть твоего мертваго тѣла,

---

[1]) Псал. 118, ст. 1.

но тѣмъ большую скорбь она возбуждаетъ во мнѣ. Увы, сынъ мой! Родила я тебя въ болѣзни, воспитала въ трудахъ, надѣясь имѣть въ тебѣ опору въ старости, поддержку въ болѣзни, утѣшеніе въ скорбяхъ, и, вмѣсто того, лишилась я тебя, свѣтъ слѣпыхъ очей моихъ. Но что я плачу, когда мнѣ до́лжно веселиться и радоваться тому, что я—мать мученика, что я отдала плодъ чрева своего Богу, что ты, возлюбленный сынъ, умеръ не такъ, какъ обычно умираютъ люди? Вѣдь мученическая смерть, какою скончался ты, ведетъ ко многимъ и великимъ благамъ! Но, отшедши отъ меня, не покидай меня совсѣмъ, сынъ мой, и въ молитвахъ твоихъ ходатайствуй за меня предъ Господомъ, за Котораго ты пролилъ свою кровь, дабы онъ и меня скорѣе освободилъ отъ этой многотрудной и обильной всякими бѣдами жизни.

Послѣ этого плача Стратоника положила руку святаго на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ благоволилъ указать, и привела въ исполненіе все, имъ завѣщанное. А Хризаѳій, давшій золотой выкупъ за главу святаго Іерона, чрезъ нѣсколько времени построилъ церковь на мѣстѣ, гдѣ были усѣчены святые мученики, и съ честію положилъ въ ней главу мученика, прославляя Святую Троицу.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Аи́къ мч҃нческїй ꙗ҆́сенъ, по́лкъ свѣтоно́сенъ, соше́дъ къ на́мъ разꙋ́мнѡ, цр҃ковь дне́сь просвѣти́лъ є҆́сть чꙋ́дными зарѧ́ми. тѣ́мже пра́зднꙋюще чⷭ҇тнꙋ́ю па́мѧть и҆́хъ, про́симъ ѿ тебѐ сп҃се на́шъ: тѣ́хъ мл҃твами ѿ бѣ́дъ и҆зба́ви на́съ да пое́мъ тѝ: а҆ллилꙋ́їа.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

МЕЛАСИППА, КАСИНІИ и АНТОНИНА

Святые мученики Меласиппъ, супруга его Касинія и сынъ Антонинъ пострадали при Юліанѣ богоотступникѣ въ городѣ Анкирѣ[1]). Антонинъ былъ вверженъ въ темницу, Меласиппъ же

[1]) *Юліанъ* царствовалъ съ 361 по 363 г. *Анкира*—главный городъ Фригіи (западная область Малой Азіи).

и Касинія были повѣшены, послѣ чего тѣла ихъ мучители стали строгать и опалять огнемъ. При этомъ у святой Касиніи отрѣзали сосцы, а у святаго Меласиппа отсѣкли ноги до колѣнъ. Во время таковыхъ мученій былъ приведенъ изъ темницы сынъ ихъ Антонинъ. При видѣ мученій своихъ родителей онъ сталъ ублажать ихъ и, взявъ отсѣченныя части ихъ тѣлъ, лобызалъ ихъ. Въ таковыхъ жестокихъ мученіяхъ Меласиппъ и Касинія предали праведныя души свои Господу. Тогда Антонинъ плюнулъ въ лицо Юліану. Жестокій мучитель повелѣлъ повѣсить Антонина и строгать тѣло его; голени его перебили и привѣсили тяжелый камень къ его ногамъ, затѣмъ, снявъ его съ дерева, положили на желѣзную, разжженную рѣшетку. Послѣ всѣхъ этихъ мученій мученику остригли голову, привязали на шею камень и стали водить по городу. Недовольствуясь этимъ, его отослали къ военачальнику Агриппину, который приказалъ ввергнуть его въ разжженную пещь и затѣмъ бросить на съѣденіе звѣрямъ; но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ мученіи святый остался невредимъ. Сорокъ юношей, смотрѣвшіе на таковыя мученія, увѣровали во Христа, за что и были обезглавлены. Святаго Антонина разложили на желѣзномъ разжженномъ ложѣ и били желѣзными палками. Но когда и здѣсь святый остался невредимымъ, мучитель приказалъ отсѣчь ему голову.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АВКТА, ТАВРІОНА и ѲЕССАЛОНИКІИ

Святая мученица Ѳессалоникія была дочерью одного идольскаго жреца. Получивъ наставленіе въ христіанской вѣрѣ, она крестилась и сдѣлалась истинною христіанкою, такъ что, несмотря на принужденія своего отца—отречься отъ Христа и поклониться идоламъ, не послушала его, за что нечестивый отецъ, обнаживъ, билъ ее кольями такъ сильно, что сокрушилъ ея ребра. Затѣмъ онъ выгналъ ее изъ дома и лишилъ своего наслѣдства, такъ что она принуждена была жить внѣ города на скудныя средства, данныя матерью. Узнавъ о такомъ поступкѣ жреца, два мужа, Авктъ и Тавріонъ, стали укорять его. Онъ же пошелъ къ начальнику той страны и донесъ ему, что они вступаются за

святую Өессалоникію. Начальникъ предалъ ихъ за исповѣданіе Христа мученіямъ: ихъ били каменьями, ввергали въ огонь и, наконецъ, связанныхъ вмѣстѣ, бросили въ озеро, но святые мужи остались невредимыми. Тогда они были усѣчены мечомъ. Өессалоникія за Христово исповѣданіе также была предана мученіямъ, отъ которыхъ и скончалась. Тѣло ея было съ честію положено въ Амфиполѣ[1]) вмѣстѣ съ святыми мучениками Авктомъ и Тавріономъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЛАЗАРЯ

Преподобный Лазарь родился въ Малой Азіи, въ городѣ Магнезіи[2]). Предъ рожденіемъ его Богъ особымъ чудомъ предвозвѣстилъ явленіе міру сего свѣтильника: родительскій домъ его облисталъ столь великій свѣтъ, что бывшія въ немъ женщины разбѣжались и осталась только одна мать, носившая во чревѣ благодатное дитя. По рожденіи онъ сталъ прямо и обратился въ молитвенномъ положеніи къ востоку со сложенными на груди руками. Съ дѣтства онъ отличался незлобіемъ, кротостію, состраданіемъ и любовію къ бѣднымъ. Въ молодыхъ годахъ, обладая образованіемъ, но чуждаясь всякихъ мірскихъ удовольствій и слѣдуя благочестивому настроенію своей души, онъ отправился на поклоненіе Іерусалимской святынѣ, гдѣ и поступилъ въ обитель святаго Саввы[3]). Здѣсь онъ провелъ 10 лѣтъ, послушаніемъ и всѣми добродѣтелями превзошелъ всѣхъ братій и былъ возведенъ въ санъ священства Іерусалимскимъ Патріархомъ. Во Святую Четыредесятницу онъ вышелъ изъ монастыря на одну гору, ничего не взявъ съ собою, и питался пустынными растеніями[4]). Здѣсь онъ услышалъ

1) *Амфиполь* — городъ въ восточной Македоніи.

2) *Магнезія* — лидійскій городъ на сѣверо-западѣ Малой Азіи, при рѣкѣ Гермѣ.

3) Обитель эта основана на дикихъ холмахъ у Мертваго моря св. Саввою въ 484 году. Обитель является одною изъ самыхъ важныхъ на Востокѣ. Уставъ службы этого монастыря, извѣстный подъ именемъ Іерусалимскаго, въ настоящее время распространенъ по всему Православному Востоку, а также и въ Россіи. Кромѣ того, монастырь Саввы доставляетъ матеріальную помощь и возможное образованіе окрестному бѣдному населенію изъ православныхъ.

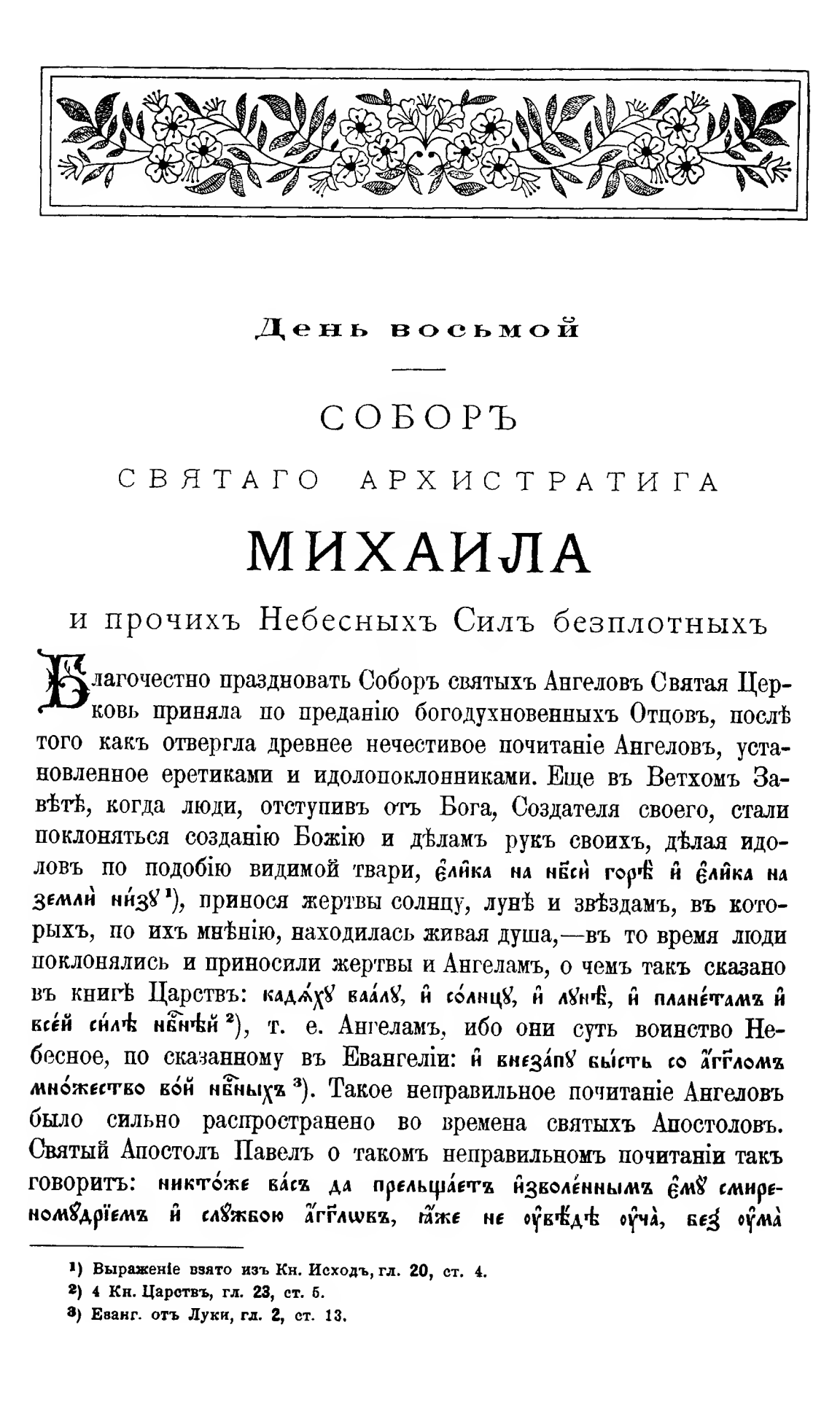
4) Обыкновенно иноки уходили изъ монастыря на Святую Четыредесятницу въ недѣлю Сыропустную, предъ чемъ совершали обрядъ прощанія, отчего это воскресеніе и получило названіе *прощеное*. Собирались иноки обратно въ монастырь въ Лазареву субботу.

голосъ, повелѣвавшій ему возвратиться въ отечество, на пути въ которое онъ встрѣтилъ препятствіе въ привидѣніяхъ вражескихъ, но превозмогъ ихъ. На родинѣ онъ встрѣтился съ матерью, но не остался съ нею. Стремясь къ пустынной жизни, Лазарь поселился на необитаемой горѣ Галисіи, недалеко отъ Ефеса. Здѣсь, во время молитвы, онъ пораженъ былъ однажды слѣдующимъ видѣніемъ: онъ увидалъ огненный столпъ, восходящій на небо и окруженный множествомъ Ангеловъ, воспѣвавшихъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его»! Онъ принялъ это за указаніе свыше и построилъ на этомъ мѣстѣ храмъ во имя Воскресенія Христова, при содѣйствіи Византійскаго императора Константина Мономаха[1]).

Святый Лазарь при храмѣ устроилъ столпъ, на которомъ сталъ подвизаться въ подвигахъ поста и молитвы, перенося зной и холодъ и другія тяготы столпнической жизни. Богъ даровалъ ему даръ чудесъ и пророчества, такъ что къ нему стали собираться благочестивые люди, жаждавшіе его руководства. Ему предсказана была Богомъ кончина, но братія молила его, чтобы онъ испросилъ себѣ у Бога, для ихъ пользы, продолженіе жизни, и Богъ обѣщалъ ему продолжить ее еще на 15 лѣтъ. По прошествіи 15 лѣтъ, какъ и предъ рожденіемъ его, небесный свѣтъ облисталъ его столпъ. Когда онъ скончался и братія плакали надъ нимъ, что онъ не оставилъ имъ завѣщаніе, онъ всталъ и, какъ живой, далъ имъ завѣщаніе, потомъ легъ и, по просьбѣ братіи, всталъ вторично, чтобы сдѣлать подпись на данномъ завѣщаніи. Онъ скончался 72 лѣтъ[2]), былъ погребенъ въ столпѣ и прославленъ по смерти многими чудесными исцѣленіями, истекшими отъ святыхъ мощей его.

[1]) *Константинъ Мономахъ* царствовалъ съ 1042 по 1054 г.

[2]) Блаженная кончина его относится къ 1053 г.



День восьмой

СОБОРЪ
СВЯТАГО АРХИСТРАТИГА
МИХАИЛА
и прочихъ Небесныхъ Силъ безплотныхъ

Благочестно праздновать Соборъ святыхъ Ангеловъ Святая Церковь приняла по преданію богодухновенныхъ Отцовъ, послѣ того какъ отвергла древнее нечестивое почитаніе Ангеловъ, установленное еретиками и идолопоклонниками. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда люди, отступивъ отъ Бога, Создателя своего, стали поклоняться созданію Божію и дѣламъ рукъ своихъ, дѣлая идоловъ по подобію видимой твари, є҆ли́ка на нб҃сѝ горѣ̀ и҆ є҆ли́ка на землѝ ни́зꙋ [1]), принося жертвы солнцу, лунѣ и звѣздамъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, находилась живая душа,—въ то время люди поклонялись и приносили жертвы и Ангеламъ, о чемъ такъ сказано въ книгѣ Царствъ: кадѧ́хꙋ ваа́лꙋ, и҆ со́лнцꙋ, и҆ лꙋнѣ̀, и҆ плане́тамъ и҆ все́й си́лѣ нб҃нѣй [2]), т. е. Ангеламъ, ибо они суть воинство Небесное, по сказанному въ Евангеліи: и҆ внеза́пꙋ бы́сть со а҆́гг҃ломъ мно́жество во́й нб҃ныхъ [3]). Такое неправильное почитаніе Ангеловъ было сильно распространено во времена святыхъ Апостоловъ. Святый Апостолъ Павелъ о такомъ неправильномъ почитаніи такъ говоритъ: никто́же ва́съ да прельща́етъ и҆зволе́ннымъ є҆мꙋ̀ смиреномꙋдрїемъ и҆ слꙋ́жбою а҆́гг҃лѡвъ, ꙗ҆́же не оу҆вѣ́дѣ оу҆ча̀, безъ оу҆ма̀

---

[1]) Выраженіе взято изъ Кн. Исходъ, гл. 20, ст. 4.

[2]) 4 Кн. Царствъ, гл. 23, ст. 5.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 13.

дмѧ́сѧ ѿ оу҆ма̀ пло́ти своеѧ̀, а҆ не держа̀ главы̀ [1]), т. е. Христа. Ибо были въ то время нѣкоторые еретики, казавшіеся по виду смиренными и съ гордостью помышляющіе своимъ воздержаніемъ и чистымъ житіемъ подражать Ангеламъ. Они учили творить поклоненіе Ангеламъ такое же, какъ и Самому Богу. Потомъ появились другіе еретики, проповѣдывавшіе, что Ангелы—суть творцы видимой твари и, какъ безплотные, выше и достойнѣе почитанія, нежели Христосъ, Сынъ Божій, Архангела же Михаила называли богомъ евреевъ [2]). Наконецъ, иные, предававшіеся волхвованію и обольщавшіе людей, подъ именемъ Ангеловъ призывали бѣсовъ и служили имъ, называя ихъ Ангелами. Въ особенности же такія ереси умножились въ Колоссахъ [3]), принадлежавшихъ къ Лаодикійской митрополіи, гдѣ многими тайно совершалось такое нечестивое, подобное идолопоклонству, почитаніе Ангеловъ [4]). Когда же таковое неправильное почитаніе Ангеловъ было осуждено и отвергнуто, то было установлено благочестивое и правильное почитаніе и празднованіе имъ какъ служителямъ Божіимъ и хранителямъ рода человѣческаго [5]). И въ той же Колосской странѣ, гдѣ прежде

[1]) Посл. къ Колос., гл. 2, ст. 18—19.—«Никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиреиномудріемъ и служеніемъ Аигеловъ, вторгаясь въ то, чего не видѣлъ, безразсудно иадмеваясь плотскимъ своимъ умомъ и не держась главы».

[2]) Относительно указанныхъ еретиковъ святый Епифаній Кипрскій въ книгѣ «О ересяхъ» сообщаетъ слѣдующее: «Они назывались саторниліанами—отъ Саторнила, родоначальника этой ереси. Саториилъ жилъ въ Сиріи, близъ Данфиса, гдѣ впервые распространилъ свое ученіе. Дѣятельнымъ помощникомъ у него былъ Василидъ, который распространялъ это ученіе въ Египтѣ. Ученіе ихъ объ Ангелахъ сводилось къ слѣдующему: семь Ангеловъ создали міръ и все, что въ мірѣ. Твореніе человѣка произошло такъ: Ангелы, собравшись вмѣстѣ, замыслили и сообща создали человѣка, по подобію приникшаго свыше свѣтлаго образа... Но, когда былъ сотворенъ человѣкъ, Ангелы по безсилію своему не могли довершить его творенія. Человѣкъ лежалъ на землѣ и былъ приниженъ на подобіе пресмыкающаго червя до тѣхъ поръ, пока Всевышняя Сила, приникнувъ и умилосердившись, ради собствеинаго Своего образа и вида, изъ милости не послала искру Своей силы и такимъ образомъ сю возстановила н оживотворила человѣка. Эта искра—душа человѣка, которой непремѣнно дòлжно спастнсь».

[3]) *Колоссы*—многолюдиый городъ въ древней Фригіи (въ Малой Азіи) при рѣкѣ Ликусѣ (притокъ Меандра). Въ 65 г. по Р. Хр. этотъ городъ вмѣстѣ съ сосѣднимн городами Лаодикіей и Іераполисомъ былъ почти совершенно уничтоженъ страшнымъ землетрясеніемъ, но впослѣдствін былъ возобновленъ и процвѣталъ до XII столѣтія. Впослѣдствіи назывался Хоны.

[4]) Какъ видно изъ 35 правила Лаодикійскаго Собора, этимъ правиломъ осуждаются еретикн, молящіеся не Богу, а только Ангеламъ—какъ бы творцамъ и правителямъ міра.

[5]) Помѣстный Лаодикійскій Соборъ, на которомъ 35-мъ правиломъ было отвергнуто нечестивое почитаніе Ангеловъ и установлено правильное ихъ почитаніе и празднованіе Собору ихъ, былъ во времена святаго Сильвестра, папы Римскаго, за нѣсколько лѣтъ до Перваго Вселенскаго Никейскаго Собора. Этотъ Лаодикійскій Соборъ былъ въ 319 г., а по мнѣнію другихъ,—въ 320 и 321 г.; епископовъ на томъ Соборѣ было 32; предсѣдательствовалъ на немъ митрополитъ Лаодикійскій Нунехій.

тайно и нечестиво совершалось почитаніе Ангеловъ, началось открыто совершаться православное празднованіе Собора Ангеловъ и стали устроять благолѣпные храмы во имя святаго Архистратига Михаила—начальника Ангеловъ. Такъ, въ Хонахъ[1]), надъ чудотворнымъ источникомъ, былъ построенъ благолѣпный и пречудный храмъ, въ которомъ было явленіе святому Архиппу самого́ святаго Архистратига Михаила[2]). Празднованіе Собора святыхъ Ангеловъ установлено совершать въ мѣсяцѣ ноябрѣ (девятомъ отъ марта, перваго мѣсяца отъ сотворенія міра) для обозначенія числа чиновъ ангельскихъ, каковыхъ насчитываетъ девять святый Діонисій Ареопагитъ[3]), ученикъ святаго Апостола Павла, бывшаго восхищеннымъ до третьяго Неба[4]), тамъ видѣвшаго различіе чиновъ святыхъ Ангеловъ и объяснившаго сіе Діонисію какъ своему ученику.

Девять чиновъ ангельскихъ раздѣляются на три іерархіи,—въ каждой по три чина—высшую, среднюю и низшую.

Первую—высшую и къ Пресвятой Троицѣ ближайшую іерархію составляютъ: *Серафимы, Херувимы* и *Престолы.*

Ближе всѣхъ къ Творцу и Создателю своему предстоятъ боголюбивые шестокрылатые *Серафимы,* какъ видѣлъ пророкъ Исаія, говорящій: **серафі́ми стоѧ́хꙋ ѻ́крестъ є҆гѡ̀, ше́сть крі́лъ є҆ди́номꙋ и҆ ше́сть крі́лъ дрꙋго́мꙋ**[5]). Они огнеобразны, какъ непосредственно предстоящіе Тому, о Которомъ пишется: **бг҃ъ на́шъ ѻ́гнь поѧда́ѧй є҆́сть**[6]): **престо́лъ є҆гѡ̀ пла́мень ѻ́гненный**[7]); **ѻ҆бли́чїе же сла́вы гдⷭ҇ни ꙗ҆́кѡ ѻ́гнь пламенꙋ́ѧ**[8]). Предстоя таковой славѣ, Серафимы огнеобразны, по сказанному: **творѧ́й а҆́гг҃ы своѧ̑ дꙋ́хи, и҆ слꙋгі̑ своѧ̑ пла́мень ѻ́гненный**[9]). Они пламенѣютъ любовію къ Богу и другихъ возбуждаютъ къ таковой же любви, какъ показываетъ и самое имя ихъ, ибо «серафимъ» съ еврейскаго языка значитъ: пламенѣющій.

---

1) О *Хонахъ* см. прим. 3, на стр. 147.

2) Воспоминаніе о семъ чудѣ совершается 6-го сентября.

3) Память святаго Діонисія Ареопагита совершается 3-го октября. Ученіе объ Ангелахъ изложено имъ въ сочиненіи «О небесной іерархіи».

4) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 12, ст. 2.

5) Кн. Прор. Исаіи, гл. 6, ст. 2.

6) Посл. къ Евр., гл. 12, ст. 29.

7) Кн. Прор. Даніила, гл. 7, ст. 9.

8) Кн. Исход., гл. 24, ст. 17.

9) Псал. 103, ст. 4.

Соборъ архїстратига Михаила
и прочихъ Силъ Безплотныхъ

[illegible] Ангеловъ, началось от- [illegible] празднованіе Собора Ангеловъ и [illegible]

[illegible]

1) [illegible]

2) [illegible]

3) [illegible] 3-го октября. Ученіе объ Ангелахъ [illegible] въ сочиненіи «О небесной іерархіи».

4) [illegible] Корана, гл. VI, ст. 5.

5) [illegible]

6) [illegible]

7) [illegible]

Послѣ Серафимовъ предъ всевѣдущимъ Богомъ, живущимъ во свѣтѣ неприступномъ, предстоятъ въ несказанной свѣтлости многоочитые *Херувимы,* болѣе иныхъ низшихъ чиновъ сіяющіе всегда свѣтомъ Богопознанія, вѣдѣніемъ Таинствъ Божіихъ и глубины Его премудрости, сами просвѣщаемые и другихъ просвѣщающіе. Имя ихъ—«херувимъ»—по переводу съ еврейскаго языка значитъ: многое разумѣніе или изліяніе премудрости, такъ какъ чрезъ Херувимовъ другимъ ниспосылается премудрость и подается просвѣщеніе умныхъ очесъ для Боговидѣнія и Богопознанія.

Затѣмъ—предъ Сидящимъ на Престолѣ высокомъ и превозпесенномъ предстоятъ богоносные (какъ называетъ ихъ святый Діонисій Ареопагитъ) *Престолы,* ибо на нихъ, какъ на разумныхъ престолахъ (какъ пишетъ святый Максимъ Исповѣдникъ) разумно почиваетъ Богъ. Богоносными же они называются не по существу, но по благодати и по своему служенію, тогда какъ плоть Іисуса Христа (какъ пишетъ святый Василій Великій) называется Богоносною по существу, такъ какъ она соединена нераздѣльно съ Самимъ Богомъ Словомъ. *Престолы* же называются Богоносными не по существу, но по благодати, данной для ихъ служенія,—какъ таинственно и непостижимо носящіе въ себѣ Бога. Почивая на нихъ непостижимымъ образомъ, Богъ совершаетъ Свой праведный судъ, по сказанному Давидомъ: сѣ́лъ є҆сѝ на пр҃то́лѣ, сꙋдѧ́й пра́вдꙋ[1]). Посему чрезъ нихъ преимущественно проявляется правосудіе Божіе: они служатъ Его правосудію, прославляютъ оное и изливаютъ силу правосудія на престолы[2]) земныхъ судей, помогая царямъ и владыкамъ производить праведный судъ.

Въ средней іерархіи также заключается три чина святыхъ Ангеловъ: *Господства, Силы* и *Власти.*

Господства—называются такъ потому, что они господствуютъ надъ прочими, которые слѣдуютъ за сими чинами Ангеловъ, будучи сами свободными. Оставивъ же, какъ говоритъ святый Діонисій Ареопагитъ, рабскій страхъ, они добровольно и съ радостію служатъ непрестанно Богу. Также ниспосылаютъ они силу къ благоразумному владенію и мудрому управленію поставленнымъ отъ Бога на землѣ властямъ, дабы тѣ хорошо управляли порученными имъ областями. Затѣмъ—они учатъ владѣть чувствами, смирять въ себѣ

---

1) Псаломъ 9, ст. 5.

2) «Престолы земныхъ судей»—образное выраженіе относительно предѣловъ власти земныхъ судей.

непотребныя вожделѣнія и страсти, порабощать плоть духу, господствовать надъ своею волею и быть выше всякаго искушенія.

Силы, исполненныя божественной крѣпости, исполняютъ немедленно волю Всевышняго и Всемогущаго своего Господа, крѣпкаго и сильнаго. Онѣ творятъ и превеликія чудеса и ниспосылаютъ ту же благодать чудотворенія угодникамъ Божіимъ, достойнымъ таковой благодати, чтобы тѣ могли творить чудеса, исцѣлять всякія болѣзни и предвозвѣщать будущее. Святыя Силы помогаютъ и людямъ труждающимся и обремененнымъ въ несеніи возложеннаго на нихъ какого-нибудь послушанія,—чѣмъ объясняютъ свое имя—Силы—и носятъ немощи немощныхъ. Они также укрѣпляютъ каждаго человѣка въ терпѣніи,—чтобы онъ не изнемогалъ въ скорби, но съ крѣпкимъ духомъ и мужественно переносилъ всѣ напасти, со смиреніемъ, благодаря за все Бога, все устрояющаго къ пользѣ нашей.

Власти—называются такъ потому, что имѣютъ власть надъ діаволомъ, чтобы укрощать власть бѣсовскую, отражать наводимыя ими на людей искушенія и не допускать бѣсовъ причинять кому-либо вредъ въ такой степени, въ какой бы они желали. Власти утверждаютъ добрыхъ подвижниковъ въ духовныхъ подвигахъ и трудахъ, оберегая ихъ, чтобы они не лишились духовнаго царствія; борющимся же со страстями и похотями помогаютъ отгонять злые помыслы, навѣты вражіи и побѣждать діавола.

Въ низшей іерархіи также три чина: *Начала, Архангелы* и *Ангелы.*

Начала—называются такъ потому, что имѣютъ начальствованіе надъ низшими Ангелами, направляя оныхъ къ исполненію Божественныхъ повелѣній. Имъ поручено также управленіе вселенной и охраненіе всѣхъ царствъ и княжествъ, земель и всѣхъ народовъ, племенъ и языковъ, ибо каждое царство, племя и народъ изъ небеснаго чина, называемаго Началами, имѣютъ особаго для себя хранителя и управителя всей своей стороны[1]). Затѣмъ—служеніе этого ангельскаго чина (по объясненію святаго Григорія Двоеслова) состоитъ въ томъ, чтобы наставлять людей воздавать каждому начальствующему честь, подобающую его званію. Наконецъ, Ангелы этого чина возводятъ достойныхъ людей на различ-

[1]) Ученіе о томъ, что каждый народъ и каждое царство имѣютъ своего Ангела, основывается на словахъ Пророка Даніила въ его кн.—гл. 10, ст. 13, гдѣ говорится объ Ангелахъ царства Персидскаго и Іудейскаго.

ныя почетныя должности и наставляютъ ихъ, чтобы они принимали власть не ради своего прибытка и пользы, не ради любочестія и суетной славы, но ради чести Божіей, ради распространенія и умноженія святой Его славы и ради пользы ближнихъ,— служа общимъ нуждамъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Архангелами называются великіе благовѣстники, благовѣствующіе о великомъ и преславномъ. Служеніе ихъ (какъ говоритъ великій Діонисій Ареопагитъ) состоитъ въ томъ, чтобы открывать пророчества, познаніе и разумѣніе воли Божіей, что получаютъ они отъ высшихъ чиновъ и возвѣщаютъ низшимъ чинамъ—Ангеламъ,—а чрезъ нихъ—людямъ. Святый же Григорій Двоесловъ говоритъ, что Архангелы укрѣпляютъ въ людяхъ святую вѣру, просвѣщая умъ ихъ свѣтомъ познанія святаго Евангелія и открывая таинства благочестивой вѣры.

Ангелы—въ небесной іерархіи ниже всѣхъ чиновъ и всѣхъ ближе къ людямъ. Они возвѣщаютъ меньшія тайны и намѣренія Божіи и наставляютъ людей добродѣтельно и праведно жить для Бога. Они приставлены для храненія каждаго изъ насъ—вѣрующихъ: людей добродѣтельныхъ поддерживаютъ отъ паденія, падшихъ—поднимаютъ и никогда не оставляютъ насъ, хотя бы мы и согрѣшили, ибо всегда готовы помогать намъ, если только мы сами пожелаемъ.

Но и всѣ высшіе небесные чины называются общимъ именемъ—Ангеловъ. Хотя они по своему положенію и по данной отъ Бога благодати и имѣютъ разныя наименованія (какъ то: Серафимы, Херувимы, Престолы и прочіе чины), однако всѣ вообще называются Ангелами, ибо слово «ангелъ» есть названіе не существа, но служенія, по писанному: **не вси́ ли сꙋ́ть слꙋже́бнїи дꙋ́си, въ слꙋже́нїе посыла́еми**[1]). Служеніе же ихъ различно и неодинаково, и каждый чинъ имѣетъ собственное свое служеніе, ибо премудрый Создатель не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ открываетъ тайны Своего намѣренія, но отъ однихъ къ другимъ, чрезъ высшихъ просвѣщаетъ низшихъ, открывая имъ Свою волю и повелѣвая оную исполнять, какъ это ясно видно изъ Книги Пророка Захаріи. Тамъ говорится о томъ, какъ одинъ Ангелъ послѣ бесѣды съ Пророкомъ встрѣтилъ другого, который повелѣлъ ему опять идти къ Пророку и открыть будущую судьбу Іерусалима: **сѐ а҆́гг҃лъ глаго́лѧй ко мнѣ̀ стоѧ́ше, и҆ и҆́нъ а҆́гг҃лъ и҆схожда́ше во срѣ́тенїе є҆мꙋ̀. И҆ речѐ къ немꙋ̀, глаго́лѧ:**

[1]) Посл. къ Евр., гл. 1, ст. 14.

тецы̀ и҆ рцы̀ къ ю҆́ноши о҆́номꙋ (т. е. къ Пророку Захаріи), **глаго́лѧ: плодови́тѡ насели́тсѧ і҆ерⷭ҇ли́мъ ѿ мно́жества человѣ́кѡвъ, и҆ а҆́зъ бꙋ́дꙋ є҆мꙋ̀, глаго́летъ гдⷭ҇ь, стѣна̀ о҆́гненна о҆́крестъ**[1]). Разсуждая объ этомъ, святый Григорій говоритъ:

— Когда одинъ Ангелъ говоритъ другому: **тецы̀ и҆ глаго́ли къ ю҆́ноши о҆́номꙋ**,—нѣтъ сомнѣнія, что одни Ангелы посылаютъ другихъ: низшіе—посылаются, высшіе—посылаютъ[2]).

Точно такъ же и въ пророчествѣ Даніила находимъ, что одинъ Ангелъ повелѣваетъ другому Ангелу истолковать видѣніе Пророку[3]). Отсюда ясно, что Ангелы высшихъ чиновъ открываютъ божественную волю и намѣренія Творца своего Ангеламъ чиновъ низшихъ, просвѣщаютъ ихъ и посылаютъ къ людямъ.

Православная воинствующая Церковь, нуждаясь въ помощи Ангеловъ, празднуетъ Соборъ всѣхъ девяти чиновъ ангельскихъ нарочитымъ моленіемъ, какъ и слѣдуетъ, въ восьмой день сего мѣсяца ноября, т. е. девятаго мѣсяца, ибо всѣ эти девять чиновъ ангельскихъ соберутся въ день Страшнаго Суда Господня, каковый день божественными учителями Церкви называется днемъ восьмымъ, ибо, говорятъ они, по окончаніи семи тысячъ лѣтъ, наступитъ какъ бы день восьмой, **є҆гда̀ прїи́детъ сы́нъ чл҃вѣ́ческїй** (и Божій, Судія праведный) **въ сла́вѣ свое́й и҆ всѝ ст҃і́и а҆́гг҃ли съ ни́мъ** (какъ Самъ Господь предсказалъ въ Евангеліи[4]). **И҆ по́слетъ а҆́гг҃лы своѧ̀ съ трꙋ́бнымъ гла́сомъ ве́лїимъ, и҆ соберꙋ́тъ и҆збра̑нныѧ є҆гѡ̀ ѿ четыре́хъ вѣ́тръ**[5]), т. е. отъ востока, запада, сѣвера и юга.

О, если бы они тогда собрали къ лику избранниковъ Божіихъ и насъ, Соборъ ихъ съ честію празднующихъ!

Надъ всѣми вышепоименованными девятью Небесными Чинами Ангеловъ чиноначальникомъ и вождемъ поставленъ Богомъ святый Архистратигъ Михаилъ какъ вѣрный служитель Божій[6]). Онъ во

---

1) Кн. Прор. Захар., гл. 2, ст. 3—5.

2) Святый Григорій Двоесловъ. Толкованіе 4 на Евангеліе.

3) Кн. Прор. Даніила, гл. 8, ст. 16.

4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 31.

5) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 31.

6) По значенію слова, Михаилъ есть Ангелъ, обладающій необыкновенною, безпримѣрною духовною силою. У Прор. Даніила онъ представляется особеннымъ защитникомъ и покровителемъ народа Іудейскаго (Кн. Прор. Дан., гл. 10, ст. 13, 21, 12, ст. 1). Въ откровеніи св. Іоанна Богослова Архангелъ Михаилъ изображается защитникомъ христіанъ и низложителемъ дракона съ его ангелами: «Была война на Небѣ; Михаилъ и Ангелы его воевали противъ дракона, и низверженъ былъ великій драконъ, змій древній, называемый діаволомъ и сатаною, съ его ангелами на землю»; тогда въ злобѣ своей онъ началъ вредить Церкви Христовой и продолжаетъ вести брань со святыми (Апок., гл. 12,

время пагубнаго впаденія въ гордость сатаны, его отступленія отъ Бога и ниспаденія въ бездну, собравъ всѣ Чины и Воинства Ангельскія, велегласно воскликнулъ:

— Вонмемъ, станемъ добрѣ предъ Творцомъ нашимъ и не будемъ думать о томъ, что противно Богу! Вонмемъ, что потерпѣли тѣ, которые были созданы вмѣстѣ съ нами и доселѣ вмѣстѣ съ нами были причастниками божественнаго свѣта! Вонмемъ, какъ они ради гордости внезапно отъ свѣта впали во тьму и съ высоты низверглись въ бездну! Вонмемъ, какъ спала съ Неба восходящая заутра Денница[1]) и сокрушилась на землѣ[2])!

Говоря такъ ко всему Собору Ангеловъ, онъ, стоя впереди, началъ съ Серафимами и Херувимами и со всѣми Небесными Чинами славить Пресвятую, Единосущную и Нераздѣльную Троицу, Единаго Бога, согласно воспѣвая торжественную пѣснь:

— «Ст҃ъ, ст҃ъ, ст҃ъ гдⷭ҇ь саваѡ́ѳъ, и҆спо́лнь нб҃о и҆ землѧ̀, сла́вы твоеѧ̀!»

Таковое соединеніе святыхъ Ангеловъ получило имя Собора ангельскаго, ибо они совокупно и единогласно славятъ Отца, и Сына, и Святаго Духа,—Святую Троицу, Ему же и отъ насъ земныхъ да будетъ слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Небе́сныхъ во́инствъ а҆рхїстрати́зи, мо́лимъ ва́съ при́снѡ мы̀ недосто́йнїи: да ва́шими мл҃твами ѡ҆гради́тѐ на́съ кро́вомъ кри́лъ невеще́ственныѧ ва́шеѧ сла́вы, сохраня́юще ны̀ припа́дающыѧ прилѣ́жнѡ, и҆ вопїю́щыѧ: ѿ бѣ́дъ и҆збави́те ны̀, ꙗ҆́кѡ чинонача́льницы вы́шнихъ си́лъ.

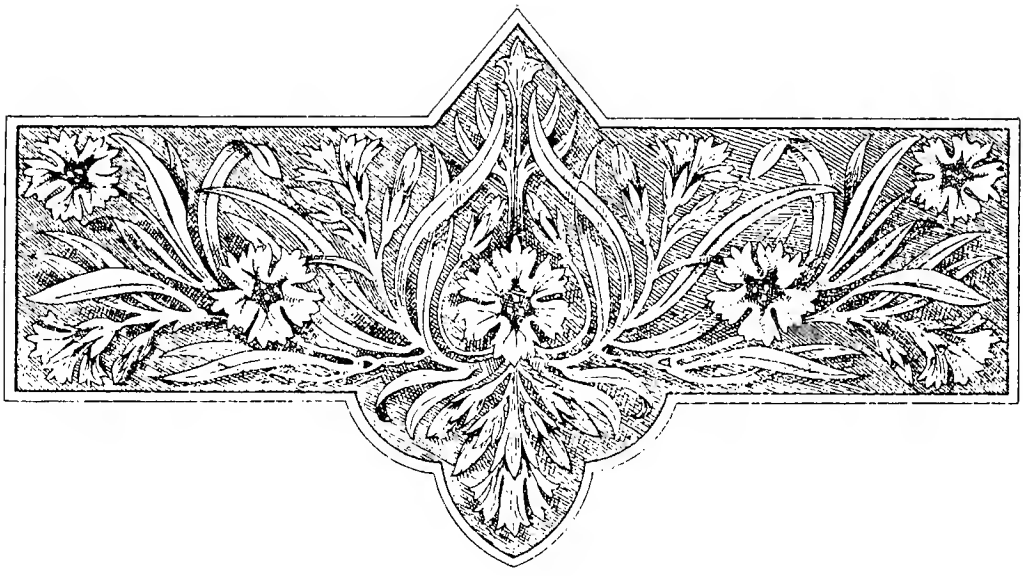
Конда́къ, гла́съ в҃:

А҆рхїстрати́зи бж҃їи, слꙋжи́телїе бж҃е́ственныѧ сла́вы, а҆́гг҃лѡвъ нача́льницы и҆ человѣ́кѡвъ наста́вницы, поле́зное на́мъ проси́те, и҆ ве́лїю мл҃ть, ꙗ҆́кѡ безпло́тныхъ а҆рхїстрати́зи.

ст. 1—17); но въ утѣшеніе вѣрующимъ дается видѣть въ Откровеніи, что эта искоиная борьба съ врагомъ нашего спасенія окончится совершениою побѣдою Агнца (гл. 19 и 20) и что въ борьбѣ съ зміемъ мы имѣемъ высшихъ защитниковъ и покровителей во главѣ со святымъ Архангеломъ Михаиломъ. Почитаніе святаго Архангела Михаила въ Православиой Церкви восходитъ къ самымъ древиимъ временамъ.

[1]) *Денница* —заря утренняя. Здѣсь подъ денницею разумѣется отпадшій ангелъ, сатана, который былъ сотворенъ Богомъ прежде міра видимаго свѣтлымъ духомъ, какъ бы восходящей, ясной утренней зарей, но, возгордившись и возставъ противъ Бога, низпалъ въ бездну и подвергся вѣчному осужденію.

[2]) Святый Григорій Двоесловъ. Толкованіе 4 на Евангеліе.



День девятый

ЖИТІЕ и ПОДВИГИ

ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ

МАТРОНЫ

Святая Матрона родилась въ Пергѣ Памфилійской[1]) отъ благочестивыхъ родителей. Придя въ возрастъ, она была выдана замужъ за почтеннаго и знатнаго человѣка, по имени Домитіана, и стала матерью единственной дочери, которую назвала Ѳеодотіею.

Однажды мужъ Матроны пошелъ вмѣстѣ съ нею въ Византію. Здѣсь Матрона, обходя храмы Божіи и молясь въ нихъ усердно Богу, познакомилась съ одною дѣвицею, по имени Евгеніею, которая въ постѣ и подвигахъ соблюдала свое дѣвство, день и ночь упражняясь въ молитвахъ.

---

1) *Перга*—городъ въ Памфиліи въ южной части Малой Азіи, на правомъ берегу Кестра, съ знаменитымъ въ древности храмомъ языческой греко-римской богини Артемиды; въ позднѣйшую римскую эпоху Перга была административнымъ центромъ провинціи. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится турецкій городъ Бергамо.

Подражая житію Евгеніи, Матрона не отходила отъ церкви, съ утра до вечера пребывала въ ней на молитвѣ, а вечеромъ возвращалась домой; раннимъ же утромъ она снова уходила въ церковь на молитву, и воздержаніемъ и постомъ умерщвляла тѣло свое, цвѣтущее молодостію. Въ то время она имѣла отъ роду двадцать пять лѣтъ и прилежно молила Бога, чтобы Онъ, какъ Самъ вѣдаетъ, сдѣлалъ бы ее свободною отъ супружества, дабы она могла безпрепятственно работать Господу. Мужъ ея Домитіанъ, видя, что жена его ежедневно рано поутру уходитъ изъ дома и возвращается едва только къ вечеру, сталъ подозрѣвать, что она уходитъ не на молитву, а на какое-нибудь дурное дѣло. Посему онъ сталъ гнѣваться на нее и не пускалъ ее изъ дома. Матрона со слезами просила его, чтобы онъ не препятствовалъ ей ходить въ церковь; однако она просимаго не получала и посему очень скорбѣла, ибо имѣла изволеніе **примета́тисѧ въ домꙋ̀ бг҃а своегѡ̀ па́че, не́же жи́ти въ селе́нїихъ грѣ́шничихъ**[1]).

Прп҃бнаѧ
МАТРѠ́НА

Однажды Матрона упросила мужа отпустить ее въ церковь на молитву. Придя поспѣшно въ храмъ Святыхъ Апостоловъ, она излила предъ Богомъ сердце свое, съ умиленіемъ молясь Ему. Она просила Господа, чтобы Онъ освободилъ ее отъ того тяжелаго ига, которое ей было великимъ препятствіемъ къ Богомыслію, и, изведши ее отъ суетнаго и многомятежнаго міра, привелъ къ безмолвному житію, дабы она безпрепятственно могла благоугождать Ему Единому. Въ такой прилежной молитвѣ она пребыла весь день.

Когда наступилъ поздній вечеръ, церковный придверникъ велѣлъ всѣмъ уходить, чтобы запереть двери церкви. Тогда изъ церкви вышла и блаженная Матрона; однако она не пожелала воз-

---

[1]) Псал. 83, ст. 11.

вратиться домой, но осталась на паперти. Здѣсь она встрѣтила одну дѣвицу, по имени Сусанну, которая, съ юныхъ лѣтъ посвятивъ себя Христу, въ постѣ и молитвахъ проводила жизнь свою подлѣ церкви. Познакомившись съ Сусанной, Матрона посѣтила ея келлію и бесѣдовала съ нею всю ночь, разсказавъ все о себѣ и своей жизни. Сусанна утѣшала ее и убѣждала возложить надежду на Господа, по Своей волѣ устрояющаго спасеніе людей.

— Ѿ гдⷭ҇а,—сказала она,—стопы̀ человѣ́кꙋ и҆справля́ютсѧ[1]).

Отъ этой бесѣды съ Сусанною Матрона воспламенѣла еще большею любовію къ Богу и задумала убѣжать отъ мужа, чтобы, скрывшись отъ него, втайнѣ работать Богу.

Когда наступило утро, Матрона пошла къ упомянутой выше Евгеніи и открыла ей свое намѣреніе.

Евгенія сказала ей:

— Нужно тебѣ, сестра, прежде всего устроить дочь твою Ѳеодотію, которая еще очень мала; подумай, какъ она можетъ быть безъ матери?

Матрона отвѣчала:

— Дочь мою Ѳеодотію я поручаю Богу и матери Сусаннѣ; сама же пойду въ пустыню, гдѣ наставитъ меня Богъ.

Тайно взявъ изъ дому дочь, она отдала ее блаженной Сусаннѣ, умоляя ее, чтобы та приняла Ѳеодотію, какъ свое чадо, и воспитала бы въ страхѣ Господнемъ. Сусанна, видя, какъ Матрона горячо пламенѣетъ любовію къ Богу и преисполнена непреложнымъ стремленіемъ къ безмолвному житію, приняла отъ нея дитя вмѣсто дочери, а Матрона взывала къ Богу, да наставитъ Онъ ее на путь правый, и словами Псалма говорила Ему:

—«Скажѝ мнѣ̀, гдⷭ҇и, пꙋ́ть, ко́ньже пойдꙋ̀» [2])

Вздремнувъ немного отъ усталости, Матрона увидала во снѣ такое видѣніе: ей представилось, что она бѣжитъ отъ какого-то преслѣдующаго ее человѣка; когда тотъ сталъ догонять ее, она вбѣжала къ какимъ-то инокамъ, которые скрыли ее отъ преслѣдователя. Это видѣніе Матрона объяснила себѣ такъ, что ей нужно принять мужской образъ и пойти на время въ мужской монастырь, чтобы укрыться тамъ отъ своего мужа и отъ всѣхъ знакомыхъ. Матрона остригла свои волосы и, одѣвшись въ одежду

[1]) Псал. 36, ст. 23.
[2]) Псал. 142, ст. 8.

евнуховъ, пошла съ блаженною Евгеніею въ церковь Святыхъ Апостоловъ; здѣсь, помолившись, она открыла св. Евангеліе, желая узнать, угодно ли Богу намѣреніе ея, и узрѣла тамъ слѣдующія слова: Аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крстъ свой и по мнѣ грядетъ[1]). Нашедши въ этихъ словахъ благую надежду, что Богъ будетъ ей помощникомъ, Матрона поцѣловала Евгенію и, разлучившись съ нею, пошла въ монастырь преподобнаго Вассіана[2]), гдѣ выдала себя за евнуха, а когда спросили ее объ имени, назвалась Вавилою. Принятая въ число братіи, она добродѣтельно подвизалась, со смиреніемъ исполняя послушанія, постомъ и бдѣніемъ изнуряя плоть свою и пребывая всегда въ молитвѣ. Матрона старательно охраняла себя, чтобы не узнали, что она—женщина, посему хранила глубокое молчаніе и отъ всѣхъ устранялась. И всѣ братія удивлялись великой ея добродѣтельной жизни, похваляли подвиги ея и считали ее совершеннымъ инокомъ.

Такъ святая Матрона пребывала въ монастырѣ довольно долгое время посреди иноковъ, сіяя, какъ луна посреди звѣздъ, своими добродѣтелями. Случилось ей однажды съ другими иноками работать въ саду. Одинъ инокъ, по имени Варнава, воздѣлывая вмѣстѣ съ нею землю, изъ любопытства взглянулъ на ея лицо и, увидавъ, что у нея проколоты оба уха, спросилъ:

— Зачѣмъ проколоты у тебя уши?

Блаженная сказала ему:

— Нужно тебѣ, братъ, землю воздѣлывать, а не на чужія лица смотрѣть, ибо это—противно иночеству. Но такъ какъ ты увидалъ проколотыя мои уши, то узнай и причину того: когда я былъ малымъ отрокомъ, меня очень любилъ мой воспитатель и украшалъ меня золотыми вещами; онъ прокололъ уши мои для драгоцѣнныхъ серегъ.

Такъ блаженная Матрона отвѣчала Варнавѣ и исполнилась въ сердцѣ своемъ страха; долго она думала, опасаясь, чтобы не открылась тайна ея, и такъ молилась Господу:

«Твоимъ повелѣніемъ, Господи, я пришла въ эту иноческую обитель; Ты призвалъ меня, и я не намѣреваюсь возвратиться обратно. Итакъ, покрой благодатію Твоею немощь мою и къ доб-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 24.

[2]) Память его совершается 10-го октября.

рому концу приведи предпринятое мною житіе, да не буду я посрамлена въ моемъ упованіи на Тебя!»

Человѣколюбивый же Богъ, по неизреченнымъ и неисповѣдимымъ судьбамъ Своимъ, благоволилъ открыть о ней настоятелямъ двухъ монастырей, что она женщина, дабы явилось въ ней еще бо́льшее усердіе къ иноческому житію.

Однажды преподобному Вассіану во время сна явился благообразный и свѣтлый мужъ и трижды повторилъ:

— Иночествующій въ твоемъ монастырѣ евнухъ Вавила— есть женщина!

Такое же видѣніе было и блаженному Акакію, игумену монастыря Авраамiева. Когда наступило утро, Вассіанъ призвалъ одного изъ иноковъ, по имени Іоанна, который былъ по немъ первый, и повѣдалъ ему то, что видѣлъ. Во время ихъ бесѣды къ преподобному Вассіану пришелъ посланный отъ игумена Акакія съ извѣстіемъ, что въ ту ночь было ему открыто въ видѣніи объ евнухѣ Вавилѣ, что это—женщина. Преподобный, удивившись и желая еще болѣе удостовѣриться въ этой тайнѣ (ибо онъ опасался, какъ бы это не оказалось какимъ-нибудь обманомъ вражескимъ, и не сразу повѣрилъ бывшему во снѣ видѣнію), раскрылъ Евангеліе, и взоръ его упалъ на слѣдующія слова: Комꙋ оу҆подо́блю цр҃твїе бж҃їе; подо́бно є҆́сть ква́сꙋ, є҆го́же прїе́мши жена̀, скры̀ въ са́тѣхъ трїе́хъ мꙋки̑, до́ндеже вскисе всѐ[1]). Послѣ сего, повѣривъ видѣнію, Вассіанъ призвалъ къ себѣ блаженную Матрону и, взглянувъ на нее сердитымъ взоромъ, грозно сказалъ ей:

— Зачѣмъ пришла ты къ намъ, женщина? Какъ дерзнула ты столько времени пребывать среди иноковъ? Не безчестіе ли хочешь ты нанести монастырю нашему, или пришла для нашего искушенія?

Блаженная Матрона, пораженная неожиданнымъ обличеніемъ и сильно испугавшись грознаго взора и голоса настоятеля, припала къ честнымъ ногамъ его, прося прощенія, и смиренно отвѣчала:

— Не искушая кого-нибудь, но сама спасаясь отъ вражескаго искушенія и избѣгая сѣтей лукаваго, пришла я, отче святый, къ овцамъ стада твоего.

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 13, ст. 20—21.

Настоятель снова сказалъ ей:

— Какъ осмѣливалась ты, будучи женщиною, съ непокрытою головою приступать къ Божественнымъ Таинамъ и давать въ уста лобзаніе братіи?

Матрона отвѣчала:

— Приступая къ Божественнымъ Таинамъ[1]), я не совсѣмъ открывала голову, а лишь немного; давая же лобзаніе братіи, я представляла себѣ, что прикасаюсь къ устамъ не человѣковъ, но безстрастныхъ Ангеловъ.

Преподобный, удивившись такому мудрому отвѣту, снова спросилъ ее:

— Почему же ты пришла не въ женскій, а въ мужской монастырь?

Блаженная, оставивъ боязнь, подробно начала разсказывать ему все о себѣ:

— Была я выдана замужъ, стала матерью единственной дочери, любила всегда посѣщать церкви Божіи и тамъ день и ночь пребывать въ молитвѣ. Мужъ же мой запрещалъ мнѣ таковый подвигъ, непріятностями и побоями старался отвлекать меня отъ усерднаго влеченія къ храму и молитвѣ и всячески препятствовалъ моему стремленію къ Богу. Посему я задумала бѣжать отъ него, чтобы мнѣ можно было свободнѣе работать Богу. Бывшее видѣніе привело меня къ вамъ. Я видѣла себя во снѣ убѣгавшею отъ преслѣдовавшаго меня мужа и скрытою какими-то иноками. Обдумавъ видѣніе и понявъ, что не иначе могу укрыться отъ своего супруга, какъ во образѣ инока, я перемѣнила женское одѣяніе и, надѣвъ мужское, переименовала себя Вавилою, и, выдавая за евнуха, пришла въ сей монастырь.

Преподобный Вассіанъ, со вниманіемъ слушая слова блаженной Матроны, очень удивлялся ея разуму и усердію къ Богу и сказалъ ей:

— Дерзай, дочь, вѣра твоя спасетъ тебя.

Преподавъ Матронѣ довольно душеполезныхъ наставленій, Вассіанъ отослалъ ее тайно къ блаженной Сусаннѣ, самъ же далъ обѣщаніе имѣть о ней попеченіе, только бы она неизмѣнно служила Христу.

---

[1]) По словамъ Апостола Павла: «всѧ́ка жена̀ мл҃твꙋ дѣ́ющаѧ и҆лѝ прⷪ҇ро́чествꙋющаѧ ѿкрове́нною главо́ю, срамлѧ́етъ главꙋ̀ свою̀» (1 Посл. къ Кор., гл. 11, ст. 5).

Въ то время умерла дочь Матроны—Ѳеодотія, которую она поручила Сусаннѣ, ибо благій Господь, желая освободить рабу свою Матрону отъ заботы, чтобы она, избавившись отъ попеченія о дочери, свободнѣе могла служить Ему, взялъ къ себѣ Ѳеодотію и вселилъ во обители небесныя. Посему Матрона, вмѣсто скорби, исполнилась радости, видя дочь свою, еще не познавшую прелестей лукаваго міра, отшедшею ко Господу и непорочно представшею къ Нему. Сама же она укрывалась у Сусанны, или, лучше сказать, Богъ укрывалъ ее чрезъ Сусанну.

Между тѣмъ Домитіанъ, мужъ Матроны, всюду искалъ ее, обходя многіе города и селенія и разные монастыри, разыскивая и всюду разспрашивая о ней всѣхъ, но не находилъ ея. Затѣмъ онъ услыхалъ, что въ монастырѣ преподобнаго Вассіана была какая-то женщина въ мужскомъ образѣ, жившая какъ евнухъ (ибо слухъ объ этомъ распространился сначала между всею братіею, а потомъ и между живущими въ мірѣ). Догадавшись, что это его жена, Домитіанъ пришелъ къ монастырю и, сильно стуча во врата, сталъ кричать съ гнѣвомъ:

— Обиду нанесли вы мнѣ, иноки,—обиду великую: вы прельстили жену мою и держите ее у себя; такъ ли подобаетъ дѣлать инокамъ? Въ этомъ ли состоитъ житіе ваше? Отдайте мнѣ жену мою! Зачѣмъ вы беззаконно разлучаете тѣхъ, кого Богъ сочеталъ для добраго житія? Отдайте мнѣ ту, которая принадлежитъ мнѣ какъ подруга жизни моей.

Иноки, отвѣчая Домитіану, говорили:

— Твоей жены у насъ нѣтъ, ибо въ монастырь нашъ никогда не входятъ женщины. Былъ у насъ одинъ евнухъ, монахъ Вавила, который нѣкоторое время подвизался съ нами, но затѣмъ, желая посѣтить Святыя мѣста въ Іерусалимѣ, давно уже отъ насъ ушелъ, о чемъ всѣмъ извѣстно. А гдѣ онъ теперь находится, мы не знаемъ, о томъ знаетъ только Всевѣдущій Богъ, предъ Которымъ нѣтъ ничего тайнаго.

Услышавъ это, Домитіанъ, въ волненіи отъ ревности и вмѣстѣ съ тѣмъ въ скорби отъ любви къ супругѣ, отошелъ опечаленный. А блаженный Вассіанъ разсуждалъ самъ съ собою:

— Самъ Богъ избралъ сію женщину на служеніе Себѣ и подъ Свое благое иго взялъ ее отъ строптиваго и развращеннаго мужа, ввѣривъ ее моему недостоинству, дабы я заботился о душѣ ея; между тѣмъ, я предъ многими обнаружилъ ея тайну

и сдѣлалъ извѣстнымъ все, что касается ея. Если теперь ее найдетъ мужъ ея и, отвративъ отъ предпринятаго ею добродѣтельнаго пути, повредитъ ея спасенію, то я буду виновенъ въ ея погибели.

Призвавъ нѣкоторыхъ изъ старцевъ, составлявшихъ монастырскій совѣтъ, Вассіанъ сказалъ имъ:

— Намъ, братія, должно имѣть попеченіе объ ушедшей изъ нашего монастыря сестрѣ, ибо хотя она и женщина, однако вписана въ наше братство. Итакъ, что намъ сдѣлать, чтобы богоугодное начатое житіе ея пришло къ доброму концу, дабы врагъ, всегда ищущій паденія нашего, не побѣдилъ ея мужества, не отвратилъ бы ее отъ иноческихъ подвиговъ и не склонилъ бы ее къ любви мірской, употребивъ для сего пригодное къ тому орудіе въ лицѣ ея мужа?

Такъ говорилъ Вассіанъ братіи. Одинъ же изъ нихъ, по имени Маркеллъ, по сану—діаконъ, сказалъ преподобному:

— Въ городѣ Эмесѣ, гдѣ я родился, есть женскій монастырь, въ которомъ и сестра моя постриглась: итакъ, отче, если угодно, пошли ее туда, и, такимъ образомъ, прекратится забота о ней.

Услышавъ это, Вассіанъ и прочіе старцы согласились съ совѣтомъ Маркелла и повелѣли поискать плывущій въ ту страну корабль. Вскорѣ, по устроенію Божію, былъ найденъ корабль изъ Эмеса, который, сдѣлавъ закупки въ Византіи, снова возвращался въ свою страну. Тогда, посадивъ на тотъ корабль блаженную Матрону, отослали ее въ Эмесскій монастырь къ иночествовавшимъ тамъ дѣвамъ, которыми она и была принята съ честію. Живя тамъ добродѣтельно въ обычныхъ своихъ подвигахъ, она превосходила всѣхъ смиреніемъ, молчаніемъ, постомъ и бдѣніемъ и другими иноческими подвигами, такъ что всѣхъ удивляла житіемъ своимъ и была примѣромъ жестокаго и труднаго пути, ведущаго въ Царство Божіе. Спустя немного времени, скончалась игуменія монастыря того, и святая Матрона была избрана всѣми, какъ достойная, на мѣсто умершей. Будучи игуменіей, она, какъ свѣча, поставленная на свѣщникѣ, свѣтила яснымъ свѣтомъ добродѣтелей и ревностно заботилась о спасеніи порученныхъ ей сестеръ.

Въ то время нѣкій человѣкъ, пахавшій поле свое, замѣтилъ, что на одномъ мѣстѣ изъ земли выходитъ огонь. Видѣлъ онъ

это не одинъ разъ, но многократно, ибо въ теченіе многихъ дней постоянно являлся выходящій изъ земли пламень. Человѣкъ тотъ пошелъ въ городъ и возвѣстилъ объ этомъ Эмесскому епископу. Епископъ, уразумѣвъ въ семъ особенное знаменіе, пошелъ на то мѣсто съ своимъ клиромъ и, сотворивъ молитву, повелѣлъ раскопать землю. Когда это было сдѣлано, въ землѣ былъ найденъ сосудъ, заключавшій въ себѣ не золото и не серебро, но драгоцѣнную, больше всѣхъ земныхъ сокровищъ,—главу святаго Іоанна Предтечи и Крестителя Господня[1]). Прошла объ этомъ повсюду слава, и собрались къ тому мѣсту всѣ жители не только изъ города Эмеса, но и изо всѣхъ окрестныхъ городовъ и селеній. Пришла и преподобная Матрона изъ своего монастыря со всѣми сестрами—поклониться обрѣтенной главѣ святаго Іоанна Крестителя. Эта святая глава источала благовонное мѵро, коимъ священники помазывали собравшихся, изображая на челахъ ихъ крестное знаменіе. Взяла того мѵра въ маленькій сосудецъ и преподобная Матрона на благословеніе своему монастырю. Но толпы народа, стремившіяся къ святому мѵру, стѣснили ее такъ, что ей нельзя было пройти; другіе же, увидавъ у нея св. мѵро, просили ее помазать ихъ тѣмъ мѵромъ, такъ какъ, по случаю тѣсноты, они не могли подойти къ священникамъ. Уступая настоятельнымъ просьбамъ, она такъ и дѣлала. Былъ тамъ одинъ слѣпецъ, который отъ рожденія своего не видѣлъ свѣта. Онъ попросилъ Матрону, чтобы она и его помазала святымъ мѵромъ; она помазала ему очи, и онъ тотчасъ прозрѣлъ. Такое чудо всѣми приписывалось не только цѣлебному мѵру святаго Іоанна, но и преподобной Матронѣ, ибо много было тамъ священниковъ, раздававшихъ людямъ то святое мѵро, но ничьи руки не могли возвратить зрѣнія слѣпорожденному. И прославлялось въ народѣ добродѣтельное житіе преподобной Матроны.

Спустя довольно времени, услышалъ о Матронѣ мужъ ея, Домитіанъ, и поспѣшилъ къ городу Эмесу. Узнавъ же, что ему нельзя войти въ тотъ женскій монастырь, гдѣ жила преподобная Матрона, и видѣть разыскиваемую имъ супругу (ибо въ монастырѣ томъ былъ такой законъ, чтобы туда никогда не входить мужчинамъ), онъ задумалъ достигнуть желаемаго посредствомъ хитрости. Домитіанъ уговорилъ нѣкоторыхъ мірскихъ женщинъ, чтобы онѣ, придя къ Матронѣ, сказали ей:

---

[1]) Очевидно, здѣсь разсказывается о второмъ обрѣтеніи честныя главы Предтечи, которое относится къ 452 году.

— Нѣкоторый человѣкъ, слыша о твоей святости и совершенномъ добродѣтельномъ житіи, издалека пришелъ поклониться тебѣ и удостоиться твоего благословенія и святыхъ твоихъ молитвъ. Итакъ, окажи любовь Бога ради и не презри человѣка того, который ради тебя перенесъ столь трудный путь, но выйди къ нему, утѣшь его душеполезными словами и съ благословеніемъ отпусти его.

Пришедши къ Матронѣ, женщины сказали, какъ были научены. Блаженная Матрона, прозрѣвая обманъ, спросила женщинъ, каковъ лицомъ человѣкъ, пославшій ихъ къ ней. Онѣ описали ей видъ его. Святая поняла, что это—ея мужъ, и сказала женщинамъ:

— Скажите человѣку тому, чтобы онъ подождалъ до семи дней, а въ седьмой день я покажусь ему, и онъ, согласно желанію своему, увидитъ меня.

Отославъ женщинъ, блаженная Матрона начала молиться, дабы Господь сокрылъ ее отъ мужа. Когда наступила ночь, она взяла власяницу, небольшой кусокъ хлѣба и тайно ото всѣхъ вышла изъ монастыря и пошла къ Іерусалиму. Между тѣмъ Домитіанъ ждалъ семь дней въ надеждѣ увидать ту, которую желалъ, и взять ее силою, какъ закономъ сопряженную съ нимъ. На седьмой день онъ снова послалъ тѣхъ же женщинъ къ преподобной съ просьбой, чтобы она, согласно обѣщанію, показалась ему. Женщины, пришедши въ монастырь, нашли всѣхъ инокинь скорбящими и плачущими о своей игуменіи, ибо онѣ не знали, куда она ушла. Возвратившись, женщины возвѣстили о томъ Домитіану. А онъ, еще болѣе разжигаемый ревностію и скорбію, обходилъ повсюду, разыскивая ее. Онъ отправился и въ Іерусалимъ и, остановившись въ одной гостинницѣ, спросилъ у живущихъ тамъ женщинъ, не случалось ли имъ когда-нибудь видѣть такой-то женщины (причемъ описалъ ея видъ). Онѣ же отвѣчали ему на то:

— Помнимъ, что именно такая инокиня поздно приходила къ одной изъ тамошнихъ церквей, но гдѣ она теперь находится,— не знаемъ.

Домитіанъ тщательно отыскивалъ тамъ Матрону, ходя по дорогамъ и спрашивая по гостинницамъ. Однажды они встрѣтились, и Матрона узнала мужа своего, но онъ не узналъ ея, ибо, когда Домитіанъ проходилъ мимо нея, она покрыла лицо свое и нагнулась, какъ будто бы что-нибудь собирая, и благодаря такой хитрости

не была узнана мужемъ. Она удивилась настойчивости, съ которой разыскиваетъ ее мужъ, и боясь, какъ бы онъ опять не увидалъ ее гдѣ-нибудь и не узналъ, удалилась на гору Синайскую, но и тамъ была разыскиваема и преслѣдуема мужемъ. Тогда она пошла въ Беритъ[1]) и, нашедши одно пустое идольское капище, вошла въ него и стала въ немъ жить. Бѣсы, не вынося ея пребыванія тамъ, различнымъ образомъ ее устрашали, желая изгнать святую оттуда: иногда они вопили на нее, не показываясь ей, иногда же явнымъ образомъ нападали на нее; когда же Матрона воспѣвала Псалмы, бѣсы съ ругательствами перебивали ее. Но всѣ таковыя бѣсовскія мечтанія и привидѣнія святая отгоняла крестнымъ знаменіемъ и прилежною къ Богу молитвою. Во время пребыванія въ томъ идольскомъ капищѣ пищею для преподобной были растущіе въ окрестностяхъ злаки, а питьемъ—вода изъ источника, чудеснымъ образомъ истекшаго ради ея. Однажды она, почувствовавъ жажду, искала кругомъ воды и не находила, ибо земля была суха и опалена солнечнымъ зноемъ. Найдя какой-то маленькій и острый камешекъ, она выкопала имъ въ землѣ маленькую ямку — съ горсть человѣка и, оставивъ ее, отошла на молитву. На другой день поутру она пришла къ тому мѣсту и нашла быстротекущій источникъ воды; кругомъ источника выросли вкусные злаки. Это послужило трапезой невѣстѣ Христовой,—трапезой, сладчайшей всѣхъ трапезъ царскихъ. Она вкушала тѣ вкусные злаки и пила воду, благодаря Бога, **даю́щаго пи́щꙋ всѧ́кой пло́ти**[2]), **ѿверза́ющаго рꙋ́кꙋ свою̀ и҆ и҆сполня́ющаго всѧ́ко живо́тно бл҃говоле́нїѧ**[3]).

Однажды бѣсъ принялъ видъ красивой женщины и пришелъ къ преподобной Матронѣ, съ лестію говоря:

— Зачѣмъ ты, госпожа моя, избрала себѣ такой странный образъ жизни? Мѣсто здѣсь пустынное, и нѣтъ ничего для удовлетворенія тѣлесныхъ потребностей. Къ тому же ты еще молода и лицемъ красива, боюсь, чтобы кто-нибудь, увидавъ тебя, не прельстился твоею красотою и не причинилъ бы тебѣ насилія, и тогда не будетъ никого, кто бы помогъ тебѣ и освободилъ бы тебя отъ рукъ его. Итакъ, оставь, госпожа моя, такую жизнь, и иди со мною въ городъ, ибо можешь и въ городѣ жить въ безмолвіи. Я же найду для твоего жительства домъ, какой будетъ

---

[1]) *Беритъ* —древнѣйшій приморскій городъ на Финикійскомъ берегу Малой Азіи.

[2]) Псал. **135**, ст. 25.

[3]) Псал. **144**, ст. 16.

нуженъ, и ты будешь имѣть все необходимое и никто не посмѣетъ тебѣ сдѣлать непріятность, ибо сосѣди помогутъ тебѣ и избавятъ тебя отъ оскорбленій.

Слыша такія льстивыя слова, святая Матрона поняла, что это—стрѣлы вражіи и тотчасъ пріяла щитъ непобѣдимый—преподобіе[1]), и не только сама защитилась отъ стрѣлъ лукаваго, но и самого стрѣляющаго уязвила молитвою, какъ бы мечомъ, и прогнала. Послѣ того бѣсъ преобразился въ престарѣлую женщину, изъ очей которой исходилъ огонь. Устремившись съ гнѣвомъ на Матрону, женщина эта ухватилась за ноги ея, изрыгая безстыдныя слова и угрозы. Святая же не обращала на нее вниманія, но стояла, молясь Богу,—и тотчасъ бѣсъ исчезъ.

Послѣ таковыхъ бѣсовскихъ нападеній Господь посредствомъ нѣкотораго божественнаго откровенія утѣшилъ блаженную Матрону и исполнилъ сердце ея неизреченной духовной радости и небеснаго утѣшенія; ибо Онъ вѣдаетъ, какъ утѣшать въ скорбяхъ служащихъ Ему, помогать имъ въ напастяхъ и обращать въ радость печаль ихъ, какъ говоритъ Давидъ: по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою[2]).

И восхотѣлъ Господь чрезъ сію Свою угодницу оказать пользу многимъ и наставить многихъ на путь спасенія, почему и открылъ ее жителямъ Берита. Она была обрѣтена тремя христіанами, которые вечеромъ, проходя мимо того капища, увидали ее молящеюся. Они разсказали объ этомъ другимъ, и многіе начали приходить къ ней, желая ее видѣть. Пріявъ отъ Бога благодатный даръ учительства, проповѣдывала она имъ Слово Божіе и Богодухновенною бесѣдою приносила имъ большую пользу и наставляла на путь спасенія. Пришли къ ней и нѣкоторыя жены и дѣвицы и, удивившись равноангельскому житію ея, пожелали послѣдовать ея примѣру и проводить съ нею иноческую жизнь. Сначала пришла къ преподобной одна женщина, по имени Софронія, которая, будучи язычницей, любила, однако, воздержаніе и чистоту и жила, какъ инокиня,—дѣвственницею, имѣя при себѣ и другихъ женщинъ, послѣдовавшихъ ея образу жизни и ученію. Услышавъ о блаженной Матронѣ и о строгомъ житіи ея, она пожелала видѣть ее и пришла къ ней съ своими подругами. Святая же Матрона, отверзши богоглаголивыя уста свои, начала говорить ей объ

[1]) Кн. Премудр. Солом., гл. 5, ст. 19.
[2]) Псал. 93, ст. 19.

Единомъ Истинномъ Богѣ и о Единородномъ Сынѣ Его: какъ Онъ воплотился отъ Безмужней и Пречистой Дѣвы, пострадалъ ради нашего спасенія, воскресъ, восшелъ плотію на Небо и пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Открывъ Софроніи многія таинства христіанской вѣры, Матрона обратила ее и бывшихъ съ нею ко Христу. Принявъ вскорѣ отъ Беритскаго епископа Крещеніе, онѣ стали проводить иноческую жизнь вмѣстѣ съ преподобною Матроною въ томъ же самомъ идольскомъ капищѣ, такъ что оно изъ вертепа разбойническаго сдѣлалось обителью невѣстъ Христовыхъ.

Послѣ этого одна дѣвица, по имени Евхея, которая была идольской жрицей и соблюдала дѣвство, пришла къ преподобной Матронѣ и, припадши къ ногамъ ея, просила, чтобы она научила ее вѣрѣ во Христа Іисуса и позволила жить съ собою. Святая, довольно поучивъ дѣвицу божественными словами, воспламенила сердце ея любовію ко Христу и убѣдила ее отречься отъ міра. Въ то время наступилъ тамъ нѣкоторый богомерзкій языческій праздникъ, и язычники, бывшіе въ Беритѣ, собрались къ своимъ идоламъ, чтобы совершить праздникъ. Не найдя жрицы идоловъ, которая, по обычаю языческому, должна бы вознести жертвы ихъ, они удивлялись, куда она ушла. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что она ушла къ Матронѣ, нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности родственники той дѣвицы, пошли туда и, найдя Евхею, сидящею съ Матроною и съ умиленіемъ слушающею Божественныя слова, сказали ей:

— Зачѣмъ ты, дѣвица, презрѣла великихъ боговъ и оставила жертвоприношенія имъ? Вотъ изъ-за тебя возсталъ на насъ народъ, не желая терпѣть безчестія, наносимаго богамъ своимъ. Итакъ, иди съ нами—совершить нынѣ празднованіе!

Дѣвица же не хотѣла не только слышать словъ ихъ, но даже и смотрѣть на нихъ; но какъ Марія сидѣла при ногꙋ ї҆и҃сѡвꙋ[1]), такъ и она сидѣла предъ своею учительницею—преподобной Матроной, которая кротко и съ любовію говорила пришедшимъ:

— Оставьте пребывать съ нами сію рабу Истиннаго Бога, которая прежде была рабою суетныхъ боговъ вашихъ, ибо она не можетъ уже имѣть общенія съ вами, такъ какъ желаетъ обручиться со Христомъ.

---

[1]) Еванг. отъ Лук., гл. 10, ст. 39.

Пришедшіе родственники долго старались отвлечь отъ Матроны дѣвицу — то ласками, то угрозами, хотѣли даже взять ее силою, но невидимая сила Божія возбраняла имъ. Не достигнувъ желаемаго, они сказали:

— Если ты не послушаешь насъ и не пойдешь сейчасъ къ намъ для совершенія праздника богамъ, то завтра утромъ мы придемъ, предадимъ огню это капище и сожжемъ всѣхъ, находящихся въ немъ, и тебя съ ними.

Такъ пригрозивши, они ушли. Святая же Матрона съ бывшими съ нею сестрами собрала много дровъ и хворосту и, обложивъ кругомъ капище, послала вслѣдъ ушедшихъ язычниковъ сказать имъ:

— Вотъ, уже готовы огонь и дрова. Исполните же свое обѣщаніе—сожгите насъ, дабы намъ быть благоуханною жертвою Христу Богу нашему.

Язычники, удивившись мужеству, съ которымъ онѣ были готовы умереть за своего Бога, не знали, что отвѣчать имъ, и уже болѣе не приходили къ нимъ.

Между тѣмъ преподобная Матрона обратилась къ епископу съ просьбою прислать къ ней пресвитера. Когда пресвитеръ пришелъ, она ввѣрила ту дѣвицу его попеченію, чтобы онъ сподобилъ ее Святаго Крещенія и опять привелъ бы ее къ ней,—и пресвитеръ исполнилъ немедленно ея волю. Принявъ Крещеніе, дѣвица та добродѣтельно подвизалась въ постѣ и молитвахъ съ остальными сестрами, которыхъ было при святой Матронѣ восемь. Всѣ онѣ были подобны мудрымъ дѣвамъ, украшающимъ свѣтильники свои и приготовляющимся во срѣтеніе Жениху своему[1]).

Между тѣмъ, какъ преподобная Матрона проводила такой образъ жизни, день и ночь работая съ сестрами Богу и множество людей обращая къ Нему, явилось у ней желаніе снова увидать своего духовнаго отца—преподобнаго Вассіана. Она хотѣла пойти въ Константинополь, но мысль, что мужъ ея Домитіанъ живетъ въ Константинополѣ, удерживала Матрону отъ такого намѣренія, и она боялась туда идти, чтобы не быть узнанною своимъ мужемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она размышляла въ себѣ:

«Не могу я болѣе оставаться здѣсь, ибо многіе приходятъ ко мнѣ и прославляютъ меня какъ добродѣтельную, и я

---

[1]) См. притчу Христову о десяти женахъ. Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 1.

боюсь тщеславія. Къ тому же я боюсь, какъ бы не услыхалъ обо мнѣ мужъ мой, ибо вся страна узнала обо мнѣ, и кто-нибудь можетъ сказать ему; а когда онъ сюда придетъ и найдетъ меня, то погубитъ весь иноческій подвигъ мой. Итакъ, уйду отсюда или въ Александрію, или въ Антіохію».

Остановившись на этомъ рѣшеніи, святая начала прилежно молить Бога, чтобы Онъ открылъ ей, куда ей направиться, гдѣ бы она могла жить съ большею пользою. Молясь объ этомъ, она однажды увидала во снѣ трехъ мужей, спорящихъ изъ-за нея между собою, такъ какъ каждый хотѣлъ взять ее въ сожительство съ собою. Она же отклонялась, говоря:

— Я уже давно бѣгаю отъ супружества, а если бы теперь снова пожелала его, то и тогда не быть тому. Однако, кто—вы?

Первый отвѣчалъ:

— Я—Александръ.

Другой сказалъ:

— Я—Антіохъ.

Третій сказалъ:

— Я—Константинъ.

Сказавъ это, они бросили между собою жребій, кто ее возьметъ, и жребій палъ самому молодому, который назвалъ себя Константиномъ. Послѣдній хотѣлъ взять ее. Матрона отъ страха проснулась и размышляла о видѣнномъ. При этомъ она истолковала свой сонъ такъ: «три мужа —Александръ, Антіохъ и Константинъ — суть три города, о которыхъ я думала,—именно: Александрія, Антіохія и Константинополь; жребій же мой, павшій на Константина, означаетъ благоизволеніе Божіе, чтобы я шла въ Константинополь и увидала отца моего—блаженнаго Вассіана. Господь, Который руководитъ мною, силенъ укрыть меня тамъ, чтобы я не была узнана мужемъ моимъ, и а҆́ще пойдꙋ̀ посредѣ̀ сѣ́ни сме́ртныѧ, не оу҆боюсѧ ѕла̀, ꙗ҆́кѡ ты̀, Господи мой, со мно́ю є҆сѝ[1]). И собравшись, она хотѣла уходить. Сестры же, узнавъ объ ея намѣреніи,—что она хочетъ уйти отъ нихъ,—не отпускали отъ себя, восклицая со слезами:

— Зачѣмъ ты, мать наша, оставляешь насъ —чадъ своихъ, еще недостаточно утвержденныхъ въ законѣ Господнемъ? Зачѣмъ оставляешь молодыя въ вѣрѣ отрасли, еще недостаточно водою

[1]) Псал. 22, ст. 4.

ученія напоенныя? Куда ты уходишь, мать наша? На кого оставляешь насъ? И почему не берешь насъ съ собою?

Преподобная, успокоивъ ихъ, повѣдала имъ волю Божію, открытую ей въ видѣніи,—именно, чтобы она шла въ Константинополь. И тотчасъ она послала къ епископу, прося его прислать къ ней двухъ діакониссъ, опытныхъ въ добродѣтеляхъ и совершенныхъ по жизни, чтобы вручить имъ то новособранное малое стадо Христово. Епископъ исполнилъ желаніе ея—прислалъ ей діакониссъ, какихъ она желала. Поручивъ имъ, какъ нѣкоторое драгоцѣнное сокровище, своихъ духовныхъ дщерей и преподавъ имъ миръ, преподобная Матрона ушла отъ нихъ, взявъ съ собою только одну сестру—блаженную Софронію. Достигнувъ моря, она нашла корабль, плывшій въ Константинополь, и сѣла на него. При попутномъ вѣтрѣ онѣ достигли Константинополя, и святая Матрона вмѣстѣ съ Софроніею поспѣшили къ находившейся вблизи моря церкви святой Ирины. Войдя въ церковь, Матрона встрѣтила преждеупомянутаго діакона Маркелла, который совѣтовалъ блаженному Вассіану послать ее въ женскій монастырь, находящійся въ городѣ Эмесѣ. Святая Матрона открыла себя тому діакону и подробно разсказала о себѣ все: какъ она была преслѣдуема мужемъ въ Эмесѣ, въ Іерусалимѣ и на Синаѣ, какъ жила въ Беритѣ, въ идольскомъ капищѣ, и собрала сестеръ, какъ чрезъ нее Господь обратилъ къ Себѣ множество людей и почему она предприняла такой путь изъ Берита въ Константинополь, желая видѣть своего духовнаго отца—преподобнаго Вассіана. Маркеллъ же возвѣстилъ преподобному о прибытіи Матроны и разсказалъ ему все, что отъ нея слышалъ. Преподобный тотчасъ приказалъ Маркеллу найти близъ своего монастыря спокойный домъ и ввести туда Матрону. Когда это было сдѣлано, преподобный Вассіанъ увидался съ нею, благословилъ ее и, узнавъ о трудахъ ея, радовался таковымъ ея подвигамъ и усердной любви къ Богу. Съ того времени преподобная Матрона стала жить въ Константинополѣ безъ тревоги, такъ какъ мужъ ея уже умеръ. Преподобный же Вассіанъ доставлялъ ей все нужное и привелъ къ ней сестеръ ея, оставшихся въ Беритѣ: по ея просьбѣ онъ послалъ письмо къ Беритскому епископу, прося его отпустить инокинь, собранныхъ Матроною, въ Константинополь къ ней—какъ къ духовной матери ихъ. Вскорѣ всѣ онѣ прибыли туда и стали подвизаться вмѣстѣ съ преподобною Матроною, служа Богу

въ праведности и благочестіи. Матрона была для всѣхъ примѣромъ богоугодной жизни: взирая на нее, не только принявшіе иночество, но и множество мірянъ получали пользу. Слава объ ея добродѣтеляхъ распространялась повсюду, и прославляемъ былъ ради нея Отецъ Небесный.

Дошелъ слухъ о Матронѣ и до царицы Верины, супруги царствовавшаго въ то время царя Льва Великаго[1]). Она, услышавъ о совершенномъ добродѣтельномъ житіи преподобной Матроны, пожелала видѣть ее и сама пришла къ ней. Матрона съ честію приняла царицу и устроила ей угощеніе, какое лишь могло быть у великой и ничего не имѣющей постницы. Удивилась царица таковому ея житію, а въ особенности тому, что преподобная ничего у нея не просила, хотя та и имѣла намѣреніе дать ей многіе дары. Получивъ отъ бесѣды съ блаженною Матроною духовную для себя пользу, царица возвратилась въ свои палаты.

Приходили къ преподобной и многіе недужные и получали здравіе: ибо сильна была молитва ея исцѣлять недуги—не только тѣлесные, но и душевные.

Одна знатная женщина, по имени Евфимія, супруга епарха Анѳима, впавшая въ тяжкій и неисцѣлимый недугъ, послѣ того какъ не могла получить помощи отъ врачей пришла къ преподобной Матронѣ. Взявши руку ея, Евфимія прикладывала къ частямъ болящаго своего тѣла, и отъ прикосновенія руки ея получила совершенное здравіе. Видя, что домъ, въ которомъ жительствовала преподобная съ сестрами,—тѣсенъ и къ тому же былъ не ея собственный, Евфимія желала устроить для исцѣлительницы своей—преподобной Матроны—монастырь просторный и удобный для обитанія,—что вскорѣ и исполнила.

Переселившись изъ тѣснаго дома въ новосозданный монастырь, преподобная собрала еще бо́льшее стадо словесныхъ овецъ—дѣвицъ и женъ, уневѣстила ихъ Христу и прилежно заботилась о спасеніи ихъ.

Вскорѣ послѣ того преподобная Матрона предузнала скорое свое отшествіе къ Богу, ибо оно было открыто ей въ видѣніи. Ей представилось, будто она ходитъ по прекраснѣйшему мѣсту, на которомъ были насаждены благоплодныя деревья, а посреди

---

[1]) *Св. Левъ I (Великій)* —Византійскій императоръ, царствовалъ съ 457 по 474 г.

протекали источники чистыхъ водъ; далѣе разстилалось цвѣтущее поле; множество прекрасныхъ птицъ пѣли тамъ различными пріятными голосами; деревья слегка колыхались отъ тихо вѣющаго вѣтра; тутъ же журчали источники,—вообще нельзя было изобразить красоты мѣста того, ибо то былъ рай Божій. Стояли тамъ честныя и благолѣпныя жены, которыя показывали блаженной Матронѣ пресвѣтлую палату, созданную Божіею, а не человѣческою рукою, и говорили ей:

— Вотъ—домъ твой, Матрона, для тебя отъ Бога уготованный. Приди и живи въ немъ!

Изъ сего видѣнія преподобная познала, что уже приблизилась кончина ея, и стала готовиться ко отшествію, еще усерднѣе молясь Господу, ради Котораго все вмѣнила въ ничто. Затѣмъ она призвала къ себѣ всѣхъ сестеръ своихъ и довольно поучала ихъ тому, что нужно для спасенія. Преподавъ имъ миръ, она почила о Господѣ и отъ земной обители переселилась въ уготованную для нея небесную, которую ранѣе видѣла въ видѣніи. Такъ преподобная Матрона скончалась въ преклонной и доброй старости[1]). Въ мірской жизни она прожила двадцать пять лѣтъ, а въ иноческой—семьдесятъ пять; всѣхъ же лѣтъ ея было сто. А нынѣ обитаетъ она въ вѣчной жизни, предстоя Престолу Животворящей и Нераздѣльной Троицы—Отца, и Сына, и Святаго Духа,—Единаго Бога, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Конда́къ прп҃бной, гла́съ в҃:

За любо́вь гд҃ню, прп҃бнаѧ матрѡ́но, поко́ѧ жела́нїе возненави́дѣла є҆сѝ, пощє́нїемъ дꙋ́хъ тво́й просвѣти́вши. но твои́ми мл҃твами и҆ проти́вныхъ шата̑нїѧ разорѝ: крѣ́пкѡ бо ѕвѣ́ри побѣди́ла є҆сѝ.

---

1) Преп. Матрона скончалась въ 492 г.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНОЙ

ѲЕОКТИСТЫ

На морѣ Эгейскомъ есть островъ Паросъ [1]). На этомъ островѣ былъ благолѣпный съ виду храмъ во имя Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Весь тотъ островъ, въ томъ числѣ и храмъ, неизвѣстно—почему, запустѣлъ и сдѣлался обиталищемъ уже не людей, но звѣрей.

Однажды охотники, жившіе на приморской горѣ, называемой Эввея, сговорились поѣхать на кораблѣ на тотъ пустой островъ—для ловли звѣрей, ибо на островѣ было множество оленей и козъ. Доплывъ до острова, охотники съ оружіемъ своимъ сошли съ корабля и пошли по острову, отыскивая добычу. Между ними былъ одинъ охотникъ богобоязливый и пекущійся о своемъ спасеніи. Отдѣлившись отъ своихъ спутниковъ, онъ одинъ ходилъ по пустынному острову, выслѣживая звѣрей и, найдя упомянутый запустѣлый храмъ, вошелъ туда и сталъ молиться, какъ умѣлъ, ибо былъ человѣкъ простой и неграмотный. Кладя поклоны и молясь, онъ увидалъ въ землѣ маленькую ямку и въ ней воду, а въ водѣ были намочены зерна растенія, называемаго иліотропіонъ [2]) (этого растенія на томъ островѣ росло много), и подумалъ онъ про себя: «Здѣсь есть какой-то рабъ Божій, питающійся этими сѣменами». Однако охотникъ немедленно вышелъ изъ храма, спѣша догнать своихъ спутниковъ. Товарищи его пробыли на островѣ нѣсколько дней, наловили оленей и козъ, сколько хотѣли, и уже съ большою добычею возвращались изъ пустыни на корабль. Тогда вышеупомянутый охотникъ опять отдѣлился отъ спутниковъ и вошелъ въ храмъ помолиться Пречистой Богородицѣ; къ тому же онъ надѣялся увидать того, кто намочилъ въ водѣ подсолнечныя зерна. Когда онъ, стоя посреди храма, молился, то увидалъ по правую сторону святаго Престола густыя сѣти паутины, а за ними какое-то существо, какъ бы вѣтромъ колеблемое. Желая

---

1) *Эгейское море* — нынѣ *Архипелагъ*. *Паросъ* — одинъ изъ крупныхъ Кикладскихъ острововъ на Архипелагѣ.

2) *Иліотропіонъ* — подсолнечникъ.

узнать, что это колеблется за сѣтями паутины, онъ подошелъ и хотѣлъ снять паутину, но тотчасъ услышалъ голосъ:

— Стой, человѣкъ, не подходи ближе, мнѣ стыдно, такъ какъ я—нагая женщина.

Услышавъ это, охотникъ испугался и хотѣлъ бѣжать, но отъ великаго страха не могъ; ноги его тряслись, волосы на головѣ его поднялись и сдѣлались острыми, какъ тернія,—и стоялъ онъ въ ужасѣ. Придя нѣсколько въ себя, онъ дерзнулъ спросить:

— Кто ты и какъ живешь въ этой пустынѣ?

И снова услышалъ голосъ, раздававшійся изъ-за сѣтей паутины:

— Прошу тебя,—брось мнѣ одежду, и когда я прикрою наготу свою, тогда, сколько Господь повелитъ мнѣ, повѣдаю тебѣ о себѣ.

Прп҃бнаѧ
ѦЄѠКТІСТА

Снявъ съ себя верхнюю одежду, охотникъ положилъ ее на землѣ, а самъ вышелъ изъ храма. Подождавъ немного, пока жена та надѣнетъ его одежду, онъ снова вошелъ и увидалъ ее стоящею на томъ же мѣстѣ, на которомъ была и прежде. Видъ ея былъ очень страшенъ, такъ какъ она имѣла только подобіе человѣческое—не было въ ней видно живаго человѣка, но вся она была какъ бы мертвецъ: кости—покрыты только кожею, волосы—бѣлые, лице—черное, очи—глубоко впавшія, и вообще весь видъ ея былъ какъ видъ лежащаго во гробѣ мертвеца; она едва только дышала и могла лишь тихо говорить. Взглянувъ на нее, охотникъ еще больше испугался и, упавъ на землю, сталъ просить у жены сей молитвы и благословенія. Тогда, обратившись на востокъ, она подняла руки свои и стала молиться; не могъ охотникъ слышать словъ молитвы ея, слышалъ только тихій голосъ, возносящійся къ Богу. Затѣмъ, обратившись къ нему, святая сказала:

— Богъ да помилуетъ тебя, человѣкъ,—скажи мнѣ, чего ради пришелъ ты въ пустыню эту? Какая нужда у тебя на этомъ пустынномъ островѣ, на которомъ не живетъ никто? Но такъ какъ, думаю, Господь привелъ тебя сюда ради моего смиренія и ты желаешь узнать обо мнѣ, то я все тебѣ открою.

И начала разсказывать такъ:

— Отечество мое—Лезвія, родилась я въ городѣ Меѳимнѣ [1]), имя мое—Ѳеоктиста, по житію я—инокиня, ибо когда я еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, то отдана была родственниками въ женскій монастырь и облечена въ иноческій чинъ. Однажды въ праздникъ Воскресенія Христова, когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, я пошла съ благословеніемъ въ отстоящее недалеко селеніе,—чтобы посѣтить сестру свою, которая жила тамъ съ своимъ мужемъ, и у нея заночевала. Въ полночь на страну ту напали арабы, предводителемъ которыхъ былъ свирѣпый Низаръ. Они плѣнили всѣ селенія,—взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими и меня, и когда наступило утро, посадили насъ на свои корабли и отплыли. Проплывши цѣлый день, они пристали на ночь къ этому острову и, высаживая плѣнниковъ, разглядывали ихъ, опредѣляя цѣну, какою кто хочетъ выкупиться. Вмѣстѣ съ другими была выведена и я, и, увидавъ находившійся вблизи лугъ, повернулась къ нему и обратилась въ бѣгство. Плѣнившіе меня гнались за мной и преслѣдовали меня, какъ охотники звѣря, но пустыня скрыла меня отъ нихъ,—или лучше сказать, Богъ въ пустынѣ покрывалъ меня Своею благодатію и защищалъ отъ рукъ ловящихъ, такъ что они не могли найти и догнать меня. Я убѣжала во внутреннюю пустыню этого острова и не переставала бѣжать отъ страха до тѣхъ поръ, пока колючими деревьями и терніями, а также острыми камнями не изранила сильно ногъ своихъ. Не будучи въ состояніи бѣжать дальше, я, какъ мертвая, пала на землю, и покрылась земля кровію моею, истекавшею изъ израненныхъ ногъ. Всю ночь ту я провела въ тяжкихъ страданіяхъ, но благодарила Бога, что Онъ спасъ меня отъ рукъ враговъ моихъ и сохранилъ неоскверненною. И пришло мнѣ желаніе—лучше умереть скорѣе въ этой пустынѣ въ чистотѣ дѣвической,

---

1) *Лезвія—Лесбосъ,*—островъ на Эгейскомъ морѣ, на Мизійскомъ берегу, впослѣдствіи названный по имени главнаго города Митиленой. На сѣверной сторонѣ острова находится городъ *Меѳимна,* нынѣ Моливонъ, съ обширными гаванями, пришедшій въ упадокъ еще во времена Пелопонесской войны (406 г. до Р. Хр.).

нежели жить среди скверныхъ людей и погубить посвященное Христу дѣвство. Поутру я увидѣла, что нечестивые разбойники отплыли отъ острова, и, освободившись отъ ихъ рабства, исполнилась такой радости, что забыла болѣзнь свою. И вотъ съ того времени донынѣ я тридцать шесть лѣтъ живу на этомъ островѣ. Питаюсь же я сѣменами растущаго здѣсь въ изобиліи иліотропіона, а болѣе питаюсь Словомъ Божіимъ: ибо всѣ Псалмы, пѣснопѣнія и чтенія, которымъ научилась въ своемъ монастырѣ, помню донынѣ, и въ нихъ нахожу утѣшеніе, и ими питаю душу свою. Одежда моя въ скоромъ времени обветшала, и осталась я нагою, имѣя покровомъ только благодать Божію, которая покрываетъ меня отъ всѣхъ золъ.

Повѣдавъ это, преподобная дѣва подняла къ Небу руки свои и воздала благодареніе Богу за неизреченную милость Его, явленную на ней. Затѣмъ, снова обратившись къ охотнику, сказала:

— Вотъ, я все сказала тебѣ про себя; одного прошу отъ тебя, что ты и исполни для меня, Господа ради: когда на будущее лѣто придешь ты охотиться на этотъ островъ (я знаю, что ты непремѣнно придешь, такъ какъ на это есть воля Божія), то возьми въ чистый сосудъ часть Пречистыхъ и Животворящихъ Христовыхъ Таинъ и принеси мнѣ сюда, ибо со времени поселенія въ этой пустынѣ я не сподоблялась причаститься. Теперь же иди съ миромъ къ спутникамъ своимъ и о мнѣ не разсказывай.

Охотникъ обѣщалъ исполнить приказаніе и, поклонившись дивной рабѣ Христовой, ушелъ, радуясь и благодаря Бога, что Онъ явилъ ему таковое Свое сокровище, сподобилъ видѣть и бесѣдовать и удостоиться молитвъ и благословенія той, которой не былъ достоинъ весь міръ. Придя къ берегу, охотникъ нашелъ спутниковъ своихъ, ожидающихъ его и сокрушающихся объ его замедленіи, ибо они думали, что онъ заблудился въ пустынѣ. Онъ же не открылъ имъ тайны, которую повелѣно было ему хранить,—и отплыли они къ себѣ домой. Между тѣмъ охотникъ тотъ, какъ великой радости, ждалъ слѣдующаго лѣта, желая снова увидать чистую невѣсту Христову, въ пустынѣ, какъ бы въ чертогѣ, пребывающую. Когда настало ожидаемое время, онъ опять сговорился съ товарищами своими плыть на островъ Паросъ—для ловли звѣрей. Предъ отъѣздомъ на корабль онъ

взялъ у пресвитера въ маленькій чистый ковчежецъ частицу Пречистыхъ и Животворящихъ Христовыхъ Таинъ, какъ повелѣла ему блаженная Ѳеоктиста, и, съ честію сохраняя ту частицу при себѣ, отплылъ. Доплывъ до этого острова, онъ съ Божественными Таинами пошелъ къ тому запустѣлому храму Пресвятой Богородицы, въ которомъ въ предъидущемъ году бесѣдовалъ съ блаженною, но, войдя въ тотъ храмъ, не нашелъ святой Ѳеоктисты. И подумалъ онъ, что преподобная или ушла въ дальнюю пустыню или же сдѣлала себя невидимою, такъ какъ съ охотникомъ тѣмъ пришли и нѣкоторые другіе изъ его товарищей. Въ скорби вышелъ охотникъ изъ храма и пошелъ за своими товарищами. Вскорѣ онъ тайно ушелъ отъ нихъ и, возвратившись, одинъ пришелъ ко храму,—и тотчасъ явилась преподобная Ѳеоктиста на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и прежде стояла, одѣтая въ ту одежду, которую охотникъ далъ ей въ прошломъ году. Увидавъ блаженную, охотникъ палъ на землю и поклонился ей. Она же быстро подошла къ нему и со слезами сказала:

— Не дѣлай сего, человѣкъ,—ибо ты держишь Божественные Дары: не безчести Таинъ Христовыхъ и не опечаливай мою худость, ибо я недостойная женщина.

И взявши охотника за одежду, подняла его съ земли. Онъ же, вынувъ ковчежецъ съ Божественными Таинами, подалъ ей[1]). Преподобная сначала пала на землю предъ Божественными Таинами и омочила землю слезами. Затѣмъ вставъ, приняла

---

[1]) Къ разсказу объ этомъ св. Димитрій Ростовскій присоединяетъ слѣдующее замѣчаніе. «Въ настоящее время нѣкоторые изъ христіанъ удивляются, что Божественныя Таины были вручены тому охотнику нести ихъ въ пустыню и что онъ, мірянинъ и непосвященный, дерзнулъ носить оныя Таины, которыя подобаетъ носить однимъ только іереямъ. Но пусть они не удивляются этому—таковъ былъ обычай первенствующей Церкви: въ то время и непосвященнымъ дозволялось брать въ руки Божественное Причастіе и носить съ собою и въ отстоящіе далеко отъ церкви домы, и въ дальній путь... Но потомъ святые Отцы запретили непосвященнымъ принимать въ руки и выносить изъ церкви Тѣло Христово, а въ особенности запретилъ это св. Іоаннъ Златоустъ и запретилъ по слѣдующей причинѣ. Во время его патріаршества въ Константинополѣ нѣкоторая знатная женщина, принявши въ церкви часть пречистаго Тѣла Христова, принесла оное домой и смѣшала съ какимъ-то снадобьемъ для волхвованія. Узнавъ объ этомъ, св. Златоустъ съ того времени повелѣлъ по всѣмъ церквамъ, чтобы части Тѣла Христова не влагались въ руки, но чтобы вмѣстѣ съ Божественною, подъ видомъ вина, Кровію преподавались посредствомъ лжицы въ уста. До этого времени въ Церкви лжицы не употреблялись, но части Тѣла Христова полагались прямо въ руки христіанамъ, а св. Кровь подавалась изъ чаши. Съ этого же времени, по повелѣнію св. Златоуста, Божественное Причастіе стало преподаваться посредствомъ лжицы и дозволено носить его только посвященнымъ, а непосвященнымъ не позволено никоимъ образомъ касаться, дабы не было какого-либо безчестія Святымъ Таинамъ».

Святые Дары въ свои руки, причастилась и съ умиленіемъ сказала:

— Нынѣ отпущаеши рабу Свою, Владыко, ибо видѣли очи мои спасеніе мое, и я въ руки пріяла оставленіе грѣховъ. Нынѣ отойду, куда повелитъ благость Твоя.

Сказавъ это, она горѣ подняла руки свои и долго стояла, молясь и прославляя Бога. Затѣмъ съ благословеніемъ отпустила охотника къ его спутникамъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ пустынѣ, охотники наловили много козъ и оленей и возвратились на корабль. А тотъ охотникъ снова отлучился отъ нихъ и одинъ пошелъ ко храму, желая сподобиться отъ преподобной молитвъ и благословенія на путь. Онъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ прежде съ нею бесѣдовалъ,— и увидалъ преподобную, лежащую на землѣ мертвою; руки ея были сложены на персяхъ, святая же душа ея отошла въ руцѣ Божіи[1]). Припавъ къ честнымъ мощамъ ея, охотникъ лобызалъ честныя ноги ея и омывалъ ихъ слезами. И недоумѣвалъ онъ, что дѣлать, ибо былъ очень простъ и жизнь свою проводилъ больше по пустынямъ, между звѣрями, нежели въ городахъ—между людьми. Не догадался онъ даже пойти къ другимъ охотникамъ и разсказать о происшедшемъ имъ и вмѣстѣ съ ними съ честію похоронить сіе святое тѣло. Выкопавъ немного земли — сколько можно было поскорѣе выкопать, онъ одинъ положилъ въ нее тѣло преподобной. При семъ онъ дерзнулъ отдѣлить отъ святаго тѣла руку—себѣ на благословеніе, желая ту руку съ честію хранить въ домѣ своемъ. Но хотя сдѣлалъ это онъ и съ вѣрою, по любви и усердію къ преподобной, однако не угодно было дѣло это Богу, какъ это видно изъ послѣдующаго разсказа. Отдѣливъ руку, онъ завернулъ ее въ чистый платокъ и, положивъ къ себѣ за пазуху, пошелъ къ своимъ товарищамъ, бывшимъ уже на кораблѣ, но ничего имъ не сказалъ. Уже было поздно, когда они отплыли отъ берега и, распустивъ паруса, поплыли при попутномъ вѣтрѣ. И думали всѣ охотники, что корабль ихъ идетъ быстро,—какъ летитъ птица,—такъ что надѣялись рано-поутру прибыть къ горѣ Еввейской. Но когда разсвѣло, они снова оказались на томъ же мѣстѣ—при берегѣ острова Пароса, и корабль ихъ стоялъ недвижимъ, какъ будто бы удержанный якоремъ или же возвращенный

---

[1]) Преп. Ѳеоктиста † 881 г. послѣ 35-лѣтнихъ подвиговъ на о. Паросѣ.

назадъ какою-нибудь рыбою реморою[1]). На всѣхъ напалъ страхъ, и всѣ спрашивали другъ друга, не согрѣшилъ ли кто и чей грѣхъ удерживаетъ ихъ, такъ что корабль не можетъ даже двинуться съ мѣста. Тогда охотникъ, взявшій руку преподобной, познавъ грѣхъ свой, вышелъ изъ корабля и тайно отъ товарищей своихъ пошелъ ко храму. Приблизившись къ мощамъ преподобной, онъ приложилъ святую руку ея къ суставу, на свое мѣсто, и, немного помолившись, возвратился къ товарищамъ. Когда онъ вошелъ на корабль, послѣдній тотчасъ двинулся съ своего мѣста и поплылъ безъ всякаго препятствія, и всѣ обрадовались. Корабль быстро плылъ и когда былъ уже близко къ Еввеѣ, охотникъ началъ разсказывать товарищамъ своимъ все, что съ нимъ случилось: о томъ, какъ прошлымъ лѣтомъ онъ обрѣлъ преподобную Ѳеоктисту, а нынѣшнимъ лѣтомъ принесъ ей Божественные Дары и какъ, по смерти святой, взялъ руку ея, и по этой причинѣ они всю ночь были удерживаемы. Тѣ, выслушавъ обо всемъ случившемся, пришли въ умиленіе, но на охотника стали сильно роптать и гнѣваться, что онъ не сказалъ имъ объ этомъ тогда, когда они были еще на островѣ томъ, «дабы,—говорили они,—и мы могли сподобиться благословенія угодницы Божіей». Повернувши назадъ корабль, они съ большою поспѣшностію опять поплыли въ Паросъ и, достигнувъ острова, всѣ вмѣстѣ пошли ко храму. Со страхомъ войдя въ него, они подошли къ тому мѣсту, гдѣ положено было честно́е тѣло преподобной; мѣсто они нашли, а тѣла не нашли,—видѣли только отпечатокъ лежащаго на землѣ тѣла, такъ какъ ясно изобразились слѣды, гдѣ лежала голова и гдѣ—ноги. Всѣ они очень удивились и недоумѣвали, куда скрылась преподобная. Нѣкоторые изъ нихъ говорили, что она воскресла, другіе же говорили, что это едва ли возможно прежде всеобщаго воскресенія, но скорѣе руками Ангеловъ она перенесена куда-нибудь на другое мѣсто и погребена, какъ нѣкогда святая мученица Екатерина. Впрочемъ, они разошлись по всему острову—искать, не найдутъ ли ее или живою—воскресшею, или же мертвою, перенесенною на другое мѣсто. Будучи простецами и невѣдущими, они хотѣли постигнуть тайны Божіи, которыя никому не вѣдомы. Тщательно вездѣ поискавъ ее и не найдя, они воро-

---

[1]) Рыба эта называется *реморою* (отъ глагола removeo—двигаю обратно, задерживаю), потому что она, собираясь около корабля большими стаями, задерживаетъ ходъ корабля.

тились въ храмъ и со умиленіемъ лобзали мѣсто, на которомъ лежало тѣло преподобной. Помолившись, они возвратились назадъ—домой и повѣдали людямъ все о преподобной Ѳеоктистѣ, и всѣ удивлялись и прославляли Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

ІОАННА КОЛОВА

Девятаго ноября Православная Церковь ублажаетъ преподобнаго Іоанна Колова[1]). Такое названіе преподобный Іоаннъ получилъ за свой малый ростъ[2]). Еще въ юныхъ лѣтахъ онъ оставилъ міръ и ушелъ съ братомъ своимъ Даніиломъ въ Скитскую Египетскую пустыню[3]). Сначала онъ и братъ его Даніилъ жили среди подвиговъ въ полномъ уединеніи, но потомъ онъ созналъ, что при его пылкомъ и страстномъ характерѣ строгое подвижничество можетъ быть осуществлено лишь при строгомъ руководствѣ другихъ, болѣе опытныхъ подвижниковъ—старцевъ. Къ такому сознанію необходимости для себя строгаго и опытнаго руководителя онъ былъ приведенъ слѣдующимъ событіемъ вскорѣ же послѣ его прихода съ братомъ въ пустыню. Однажды онъ совершенно неожиданно сказалъ своему брату сподвижнику:

— Не хочу я болѣе ни о чемъ заботиться, но хочу жить въ пустынѣ безъ печали, какъ Ангелъ.

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя свои одежды и вышелъ изъ кельи. Ночью случился большой морозъ: обнаженный Іоаннъ долго боролся со стужею, наконецъ, будучи не въ силахъ болѣе переносить ее, рѣшился возвратиться обратно въ свою келью.

---

1) Преп. Іоаннъ Коловъ подвизался въ первой половинѣ V-го вѣка.

2) *Коловъ* (κόλοβος), въ переводѣ съ греческаго: *малорослый*.

3) *Скитская Египетская пустыня,* именовавшаяся также просто «Скитомъ», находилась на разстояніи дневнаго пути (25—30 верстъ) отъ горы Нитрійской, въ сѣверо-западной части Египта. Это была безводная, каменистая пустыня, излюбленное мѣсто египетскихъ пустынниковъ, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся въ ней иноковъ. Отъ сей мѣстности впослѣдствіи получили наименованіе *скита* и другія иноческія пустынныя обители, въ коихъ ревностнѣйшіе иноки селились для строжайшаго уединенія и ненарушимаго безмолвія въ Богѣ Единомъ.

— Кто здѣсь,— раздался изъ нея голосъ Даніила, когда замерзающій Іоаннъ постучался въ дверь.

— Я, братъ твой,—я не могу болѣе переносить мороза и возвратился сюда, чтобы послужить тебѣ, — отвѣчалъ ему Іоаннъ.

— Уйди, демонъ,—возразилъ Даніилъ,—и не соблазняй меня;— Ангелъ о тѣлѣ своемъ не заботится и пищи не требуетъ.

Тутъ понялъ преподобный Іоаннъ, что слишкомъ понадѣялся на свои еще не окрѣпшія въ борьбѣ со страданіями и искушеніями силы, понялъ свою ошибку и горько зарыдалъ о ней. Тогда Даніилъ отворилъ предъ нимъ двери кельи и сказалъ:

— Братъ мой, такъ какъ ты имѣешь плоть, то и долженъ страдать ради одежды и плоти.

Послѣ такого вразумленія онъ вскорѣ оставилъ Даніила и отправился къ нѣкоему старцу Пимену[1]). Онъ желалъ воспитать въ себѣ твердую волю, готовую на всякіе подвиги, никогда не оставляющую разъ избранный путь, между тѣмъ преподобный Пименъ и былъ извѣстенъ именно твердостію и непреклонностію своей воли. Отреченіе преподобнаго Пимена отъ міра было такъ безпредѣльно, что онъ отказался отъ свиданія даже съ своею матерью, пришедшею въ скитъ навѣстить его. Къ такому-то старцу съ твердымъ характеромъ и направился еще неустановившійся окончательно въ неуклонномъ слѣдованіи избираемымъ подвигамъ, нетерпѣливый, страстный и пылкій Іоаннъ. Придя къ нему, Іоаннъ далъ обѣщаніе повиноваться ему во всемъ, чего бы только тотъ отъ него ни потребовалъ. Преподобный Пименъ, желая испытать его терпѣніе, заставилъ его поливать совершенно сухое дерево, и онъ три года трудился надъ поливкою этого дерева, хотя оно уже настолько было сухо, что трудъ его для всѣхъ долженъ былъ казаться совершенно напраснымъ. Но на самомъ дѣлѣ трудъ и терпѣніе преподобнаго Іоанна не остались напрасными: спустя три года изсохшее дерево покрылось пышною зеленью и дало обильные плоды. Отъ всѣхъ, бывшихъ свидѣтелями чуда, дерево то было названо *древомъ послушания*[2]). Придя къ преподобному Пимену съ пылкою душою, преподобный Іоаннъ пріобрѣлъ у него кротость и смиреніе агнца. Разъ сказалъ ему одинъ братъ:

— У тебя злое сердце.

---

[1]) Память *преподобнаго Пимена Великаго* — 27 августа.

[2]) Это дерево видѣлъ современникъ Іоанна въ 402 году.

— Это правда, — съ кротостію отвѣчалъ ему Іоаннъ, — и даже болѣе злое, чѣмъ ты думаешь.

Такъ умѣлъ онъ кротко переносить обиды.

Живя сначала подъ чужимъ руководствомъ, преподобный Іоаннъ впослѣдствіи и самъ пріобрѣлъ способность мудро руководить другими. Господь судилъ ему быть руководителемъ и наставникомъ преподобнаго Арсенія Великаго, впослѣдствіи такъ же, какъ и онъ, прославившагося великими подвигами[1]). Этотъ Арсеній, патрицій[2]) по происхожденію, прибылъ въ пустыню прямо отъ императорскаго двора, гдѣ онъ былъ наставникомъ дѣтей императора Ѳеодосія Великаго: Гонорія и Аркадія. Оставивъ дворъ, гдѣ его окружали великія почести, онъ, будучи сравнительно еще молодымъ (ему было тогда около сорока лѣтъ), но уже духовно опытнымъ подвижникомъ, рѣшилъ для продолженія своего духовнаго развитія и дальнѣйшаго совершенствованія отдать свою волю въ безусловное распоряженіе преподобнаго Іоанна. Нѣкоторымъ изъ братій на первыхъ порахъ казалось страннымъ, что мужъ столь высокообразованный и столь знатнаго происхожденія пришелъ для своего дальнѣйшаго просвѣщенія къ простымъ и неученымъ старцамъ. Одинъ изъ братій не могъ скрыть своего любопытства и спросилъ его однажды:

— Какъ это ты, изучившій греческія и римскія науки, просишь наставленія у простого и непросвѣщеннаго старца?

— Правда, что я владѣю научнымъ образованіемъ,—отвѣчалъ Арсеній,—но я не знаю даже азбуки того, что знаетъ этотъ простой и неученый человѣкъ, потому что (пояснилъ онъ) смиреніе есть начало всѣхъ добродѣтелей, какъ азбука—начало книжнаго бытія.

Такъ цѣнилъ онъ смиреніе, процвѣтавшее въ обители нѣкогда пылкаго и горделиваго Іоанна. Лишь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстной подвижнической жизни, когда Арсеній услышалъ таинственный голосъ, призывавшій его бѣжать отъ людей и пребывать въ молчаніи, потому что «молчаніе есть корень безгрѣшности», преподобный Іоаннъ благословилъ его оставить сожительство и предаться полному уединенію и безмолвію въ пустынѣ. Но сильная любовь къ своему смиренному наставнику и всѣмъ его

---

[1]) Память *преподобнаго Арсенія Великаго* — 17 мая.

[2]) Высшее сословіе въ Римской имперіи, соотвѣтствующее нашему родовитому дворянству, называлось *патриціями*.

ученикамъ заставляли его не разъ оставлять свое пустынное уединеніе и вновь возвращаться на нѣкоторое время въ обитель.

Ревнуя о своемъ спасеніи, преподобный Іоаннъ съ равнымъ же усердіемъ заботился и о спасеніи другихъ. Въ городѣ Александріи въ его время жила нѣкая дѣвица Таисія. Воспитанная благочестивыми родителями, она по смерти ихъ все доставшееся ей состояніе употребила на дѣла благотворительности. Скитскіе старцы, среди которыхъ жилъ преподобный Іоаннъ, приходя въ городъ, не разъ находили для себя пріютъ въ ея домѣ. И вдругъ до старцевъ дошли слухи, что Таисія давно уже прожила свое состояніе и теперь, будучи не въ силахъ бороться съ бѣдностію, обратила свою красоту и молодость въ источникъ средствъ для своего содержанія. Сильно скорбѣли старцы, узнавъ о такомъ паденіи добродѣтельной Таисіи, и рѣшили наконецъ сдѣлать попытку къ отвлеченію сироты отъ ея погибельнаго заблужденія. Это трудное дѣло они рѣшили возложить на преподобнаго Іоанна.

— Богъ далъ тебѣ мудрость, — обратились они къ нему, — между тѣмъ, до насъ дошли слухи, что столько благотворившая намъ сестра Таисія живетъ очень дурно. Потрудись, авва, побывай у ней и поговори съ нею, не придетъ ли она послѣ твоихъ рѣчей въ себя.

Помолился преподобный Іоаннъ и вскорѣ же отправился въ путь. Онъ зналъ, что медлить въ такомъ дѣлѣ нельзя. Съ каждымъ часомъ Таисія могла опускаться въ глубину все большаго и большаго паденія. Вотъ онъ и предъ домомъ Таисіи, но теперь уже входъ въ него для старцевъ закрытъ. Какъ раньше въ него входили всѣ, желавшіе что-либо вынести изъ него на нужды свои, такъ теперь, наоборотъ, входили въ него только тѣ, которые несли съ собою деньги и сокровища. Старецъ кротко обратился къ прислужницѣ съ просьбою доложить госпожѣ о его приходѣ. Но при перемѣнѣ въ настроенности госпожи произошла перемѣна и въ ея прислужницахъ. Грубая служанка, зная, что у смиреннаго старца ничего не можетъ быть общаго съ ея госпожею, отвѣчала сильною бранью на его просьбу. Съ кротостію принялъ ея брань преподобный старецъ и вновь повторилъ свою просьбу—только съ такимъ добавленіемъ:

— Скажи еще госпожѣ твоей, что я могу достать ей драгоцѣнныя вещи.

Тогда прислужница рѣшилась доложить о немъ госпожѣ.

— Пусть войдетъ,—сказала Таисія,—иноки ходятъ по берегамъ моря, и имъ иногда дѣйствительно попадаются драгоцѣнныя раковины и каменья.

Вошелъ преподобный Іоаннъ къ Таисіи, сѣлъ около нея, вздохнулъ тяжело и заплакалъ.

— О чемъ ты плачешь?—удивилась Таисія.

— Что отвратило тебя отъ Іисуса Христа, Жениха Безсмертнаго? Зачѣмъ ты забыла о Его чертогѣ и грязнишь себя нечистыми дѣлами?—спросилъ ее преподобный.

И вдругъ вспомнился несчастной женщинѣ давно забытый ею Христосъ, любить Котораго въ дѣтствѣ учили ее покойные ея родители. Слова старца Божія, какъ огонь, сожгли всѣ плевелы, заглушившіе добрыя сѣмена, давно посѣянныя въ ея сердцѣ. Искреннее раскаяніе быстро охватило и потрясло все ея существо.

— Отецъ! Отецъ! Скажи мнѣ: есть ли прощеніе для подобныхъ мнѣ?—воскликнула она въ страшномъ изступленіи.

— Есть,—отвѣчалъ старецъ,—Спаситель всегда ждетъ и прощаетъ тѣхъ, кто истинно раскаивается. Покайся—и возрадуются о тебѣ всѣ Ангелы на Небесахъ!

— Веди же, веди меня прочь отъ этого мѣста, веди куда хочешь, только укажи мнѣ мѣсто, удобное для покаянія,—просила старца Таисія.

Она ушла съ нимъ изъ своего оскверненнаго грѣхами многихъ дней дома, не сдѣлавъ рѣшительно никакихъ распоряженій относительно своего незаконно нажитаго состоянія. Она вся горѣла пламеннымъ желаніемъ никогда не вступать болѣе на избранный было ею скользкій и безпечный путь жизни. Дивился преподобный Іоаннъ чудному дѣйствію Божіей благодати и, прославляя Всемогущаго и Милосердаго Господа, велъ свою путницу все далѣе и далѣе въ пустынныя мѣста, вдаль отъ грѣховнаго города, гдѣ она едва не погубила себя. Настала ночь. Утомленной путницѣ преподобный сдѣлалъ изъ песку изголовье и сказалъ: «Отдохни теперь». Перекрестивъ ее, онъ отошелъ отъ нея и послѣ обычныхъ вечернихъ молитвъ предался и самъ ночному отдыху. И видитъ во снѣ старецъ то мѣсто, гдѣ онъ оставилъ Таисію: окружено оно необычайнымъ сіяніемъ, восходящимъ до самыхъ Небесъ; и вотъ, небесный Ангелъ среди этого сіянія возноситъ ея истерзанную душу къ Самому Господу. Какъ только пробудился старецъ отъ сна, тотчасъ же поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ

оставилъ Таисію, и, достигнувъ его, дѣйствительно, нашелъ ее уже мертвою.

— Одинъ часъ искренняго покаянія грѣшницы удовлетворилъ Милосердаго Судію и возвратилъ заблуждшееся дитя къ ея Любвеобильному Отцу, — изрекъ преподобный и, пробывъ до разсвѣта въ молитвахъ, утромъ похоронилъ тѣло блаженной Таисіи. Возвратившись въ обитель, онъ великую радость доставилъ всѣмъ инокамъ своимъ разсказомъ о чудномъ раскаяніи и прославленіи извѣстной имъ всѣмъ Таисіи[1]).

Преподобный Іоаннъ Коловъ извѣстенъ еще какъ и писатель. Помимо многихъ изреченій его, записанныхъ другими иноками, отъ него осталось подробное и прекрасное описаніе житія преподобнаго Паисія[2]), составленное имъ, какъ онъ самъ выражается, «для общей пользы». Этого Паисія, совратившагося съ добраго пути, преподобный Іоаннъ успѣлъ такъ убѣдить, что тотъ, внезапно и безвозвратно отступившись отъ всего своего состоянія, провелъ остальную свою жизнь въ покаяніи въ дикой пустынѣ. Передавъ въ житіи о многихъ чудесахъ, совершенныхъ преподобнымъ Паисіемъ, преподобный Іоаннъ счелъ нужнымъ сдѣлать отъ себя такое замѣчаніе:

«Да не усомнятся, слыша о немъ славное и сверхъестественное, и да не подумаютъ, что я что-либо прибавилъ отъ себя для большей чести любезнаго мнѣ отца. Онъ выше всякой человѣческой чести и не требуетъ отъ низшихъ хваленія, ибо похваляемъ въ высшихъ отъ святыхъ Ангеловъ. Я разсказываю для пользы слушающихъ и желающихъ подражать его добродѣтелямъ; я передаю только то, что видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами».

Это краткое замѣчаніе хорошо выясняетъ личность преподобнаго Іоанна какъ писателя.

Время блаженной кончины преподобнаго Іоанна въ точности не установлено. Приблизительно относятъ то къ 422-му году, то къ 430-му. Что касается мѣста, гдѣ она совершилась, то имъ была пустыня близъ Кольцума, или нынѣшняго Суэца. Святыя мощи его находятся въ церкви св. мученика Мины въ Египтѣ. Имя его, какъ древняго подвижника благочестія, извѣстно и за предѣлами Православной Церкви.

---

1) Православная Церковь, именуя ее Таисіею Младшею, вспоминаетъ блаженную кончину ея 10 мая.

2) Память его—19 іюня.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ОНИСИФОРА и ПОРФИРІЯ

Святые мученики Онисифоръ и Порфирій жили въ царствованіе Римскаго императора Діоклетіана. Во время жестокаго гоненія, воздвигнутаго этимъ нечестивымъ царемъ на христіанъ, и они сподобились претерпѣть за Христа тяжкія мученія. Ихъ подвергнули безчеловѣчному біенію по всему тѣлу и многоразличнымъ, страшнымъ истязаніямъ. Послѣ того мучители положили страстотерпцевъ Христовыхъ на длинныя сковороды и, разведши огонь, жгли ихъ. Наконецъ, ихъ привязали къ свирѣпымъ, дикимъ конямъ. Влачимые ими по каменистой и неровной почвѣ, святые мученики были совершенно растерзаны и въ такихъ мученіяхъ предали души свои Богу. Вѣрующіе ночью тайно собрали останки ихъ и съ честію погребли въ селеніи Пангіанскомъ, гдѣ отъ нихъ стали истекать многоразличныя чудеса и исцѣленія, во славу дивнаго во святыхъ Своихъ Бога въ Троицѣ славимаго [1]).

Кондакъ мчнкѡвъ, гласъ в҃:

Мчнкъ двоица пострадавше крѣпкѡ, вражїю гордыню на землю низложиста, ѿзарившеся благодатїю несозданныя тр҃цы, славнїи Онїсїфоре и порфѵрїе, молитеся непрестаннѡ ѿ всѣхъ насъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ

ЕВСТОЛІИ и СОСИПАТРЫ

Святая Евстолія, дочь благочестивыхъ родителей, проживала въ Римѣ при царѣ Маврикіи [2]). Съ самаго юнаго возраста она соблюдала чистоту, пребывала въ постѣ и бодрствованіи. При-

---

[1]) Святые *мученики Онисифоръ и Порфирій* пострадали въ началѣ IV столѣтія. Селеніе *Пангіанское,* иначе *Панкеанъ,* лежало въ Македоніи, около горы Пангей, отъ котораго и получило свое наименованіе. О пребываніи святыхъ мощей ихъ въ этомъ селеніи и объ истекавшихъ отъ нихъ чудесахъ есть упоминаніе въ 9-ой пѣсни канона, составленнаго Іосифомъ Пѣснописцемъ (тропарь 3-й).

[2]) *Маврикій* царствовалъ съ 582 по 602 г.

шедши въ возрастъ, она такъ возлюбила благочестіе, что оставила Римъ и удалилась въ Константинополь, гдѣ и посвятила себя подвигамъ иноческой жизни въ одномъ изъ монастырей.

Однажды Сосипатра, дочь императора Маврикія, отправилась въ Влахернскую церковь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи[1]). Здѣсь она встрѣтила Евстолію, слава о добродѣтельной жизни которой уже распространилась въ городѣ. Тогда Сосипатра стала просить блаженную Евстолію, чтобы она сдѣлалась для нея духовною матерью и хранительницею ея тѣла. Евстолія согласилась, и тогда Сосипатра приняла иноческій чинъ, упражняясь въ трудахъ и подвигахъ. Она выпросила у своего отца удобное мѣсто и тамъ, построивши церковный домъ, поселилась вмѣстѣ со святой Евстоліей. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя благочестивыя дѣвицы стали просить ихъ, чтобы онѣ позволили проходить вмѣстѣ съ ними многотрудное иноческое житіе — приняли ихъ въ свой домъ. Святыя жены не отказали имъ въ ихъ желаніи. Послѣ многихъ лѣтъ подвиговъ блаженная Евстолія, наставивъ многихъ на путь спасенія, отошла ко Господу, оставивши преемницею себѣ блаженную царевну Сосипатру. Блаженная Сосипатра управляла монастыремъ по примѣру своей духовной матери и, достигнувши совершенства въ добродѣтельной жизни, съ миромъ отошла ко Господу, Котораго возлюбила и ради Котораго воспріяла такую многотрудную жизнь[2]).

---

[1]) Блаженная Сосипатра уже прежде того начала пріучать себя къ евангельской жизни. Тетка ея Даміана была игуменіею Іерусалимской обители и потомъ жила затворницей. Сосипатра путешествовала въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ мѣстамъ его и годъ прожила у тетки, выслушивая уроки ея о духовной жизни. «Въ одно время,—говоритъ блаженная Даміана (см. «Лугъ духовный» Іоанна Мосха),—пришла въ Святый Городъ племянница моя, дочь императора Маврикія и провела цѣлый годъ здѣсь. Однажды, взявъ ее съ собою, пошли мы къ св. Космѣ и Даміану. Стоя въ храмѣ, говорю я племянницѣ: «Смотри, госпожа, когда придетъ старица и будетъ давать тебѣ два нумула (полушка), возьми ихъ, не гордись». Она со вздохомъ сказала: «Какъ это приму я?» Я сказала ей: «Прими, эта жена—велика предъ Богомъ. Каждую недѣлю она раздаетъ свои нумулы находящимся въ храмѣ. Прими лепты; принявъ, отдай ты другому; только не отвергай усердія старицы».

[2]) Кончина св. Евстоліи относится къ 610 г., св. Сосипатры—къ 625 г.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АНТОНІЯ

Святый Антоній происходилъ изъ Сиріи и былъ по ремеслу каменщикъ. Сожалѣя о язычникахъ, приносящихъ въ своихъ храмахъ жертвоприношенія, святый умолялъ ихъ отступить отъ таковаго нечестія. Когда они не послушали его, онъ ушелъ въ одно пустынное мѣсто. Здѣсь онъ встрѣтилъ нѣкоего отшельника, по имени Тимоѳея, и съ нимъ прожилъ два года. Укрѣпленный его молитвами, онъ снова отправился къ заблуждающемуся народу, въ свой городъ, чтобы направить его на путь истины. Пришелъ онъ въ свой городъ тогда, когда жители справляли праздникъ своимъ бѣсамъ. Онъ вошелъ въ храмъ ихъ и сокрушилъ идоловъ, за что и подвергся различнымъ мученіямъ и принужденъ былъ выдти изъ города. Тогда онъ отправился въ Апамею Сирійскую[1]) и тамъ упросилъ епископа, чтобы тотъ позволилъ построить церковь во имя Святой Троицы. Когда онъ началъ постройку храма, узнали объ этомъ жители его города и, ночью пришедши, разсѣкли его мечами на части. Такъ онъ предалъ духъ свой Богу.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АЛЕКСАНДРА СОЛУНСКАГО

Святый Александръ претерпѣлъ суровыя мученія при царѣ Максиміанѣ[2]). Исповѣдавши себя христіаниномъ, онъ былъ схваченъ и принуждаемъ принести жертву идоламъ. Онъ же не только не покорился, но, исполнившись бо́льшею ревностію по Богѣ, ниспровергнулъ жертвенникъ съ жертвою. Разгнѣванный Максиміанъ приказалъ отсѣчь ему голову. Палачъ, взявъ мечъ, вдругъ остановился.

---

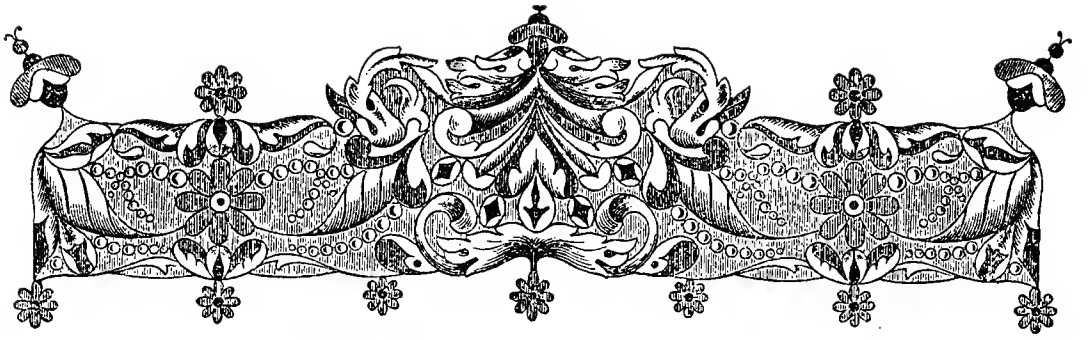
1) *Апамея Сирійская* находилась въ юго-западной Сиріи, при самой большой рѣкѣ Сиріи Оронтѣ. Апамея въ древности была главнымъ городомъ области Сиріи Апамены и получила свое наименованіе по Апамѣ, женѣ Селевка I, правителя Сиріи.

2) Въ началѣ VI в.

— Что же ты стоишь,—сказалъ ему царь,—и не исполняешь приказаній?

— Я,—отвѣчалъ тотъ,—вижу видѣніе и недоумѣваю, что оно можетъ означать.

Тогда святый выпросилъ себѣ часъ для молитвы. Совершивъ усердную молитву, онъ былъ обезглавленъ. Увидавъ, что его душѣ предшествуетъ Ангелъ, царь позволилъ христіанамъ погребсти тѣло святаго въ городѣ Солуни.



День десятый

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ОРЕСТА

Когда въ Римѣ царствовалъ нечестивый императоръ Діоклетіанъ, къ нему однажды пришелъ одинъ изъ его сановниковъ, по имени Максиминъ, и сказалъ:

— Великій государь, избранникъ боговъ и верховный вождь, молю тебя, повели мнѣ пройти Киликійскія и Каппадокійскія страны и предать различнымъ мученіямъ ненавистныхъ христіанъ, противниковъ нашихъ боговъ и твоей власти. Я сожгу ихъ въ огнѣ, потоплю въ водѣ, раздроблю ихъ тѣла на колесахъ и сломаю ихъ кости, убью мечомъ, отдамъ на съѣденіе звѣрямъ и, погубляя ихъ всякими способами, истреблю и самую память на землѣ о тѣхъ, кои не поклоняются великимъ богамъ и не повинуются твоему владычеству.

Такая рѣчь Максимина очень понравилась царю, и онъ отвѣчалъ ему:

— Даю тебѣ власть уничтожить все нечестивое христіанство не только въ Киликіи и Каппадокіи, но и во всемъ моемъ царствѣ, да умножится и возвеличится слава отечественныхъ боговъ, нашихъ владыкъ и покровителей всей земли.

Принявъ такую власть отъ царя, Максиминъ съ великою гордостью и озлобленіемъ, подобно тому, какъ хищный волкъ на овецъ, или какъ левъ, рыкающій на слабѣйшихъ звѣрей, отправился губить неповинныхъ христіанъ. Достигнувъ Каппадокійской страны, онъ вошелъ въ одинъ городъ, называемый Тіаны[1]), и когда сталъ тамъ спрашивать о христіанахъ, то услыхалъ отъ гражданъ, что въ этомъ городѣ есть врачъ, христіанинъ, по имени Орестъ, который каждодневно съ большимъ усердіемъ учитъ народъ почитать Сына Божія Іисуса Христа и говоритъ, что нѣтъ другого Бога, кромѣ Единаго Истиннаго Бога, сущаго на Небесахъ. Князь Максиминъ, услыхавъ это, повелѣлъ тотчасъ взять Ореста и привести къ нему на судъ.

Когда Орестъ былъ приведенъ на нечестивый судъ, князь гордо посмотрѣлъ на него и грозно спросилъ:

— Кто ты такой? Скажи намъ твое имя?

Святый отвѣчалъ:

— Я—рабъ Господа моего Іисуса Христа, Единаго Бога всѣхъ, имя мое—христіанинъ, ибо Кого я рабъ, Того именемъ и похваляюсь.

Князь сказалъ ему:

— Такъ какъ ты дерзнулъ называть богомъ Христа, а себя исповѣдалъ христіаниномъ, то ты достоинъ казни, но оставь свое безуміе и принеси жертву богамъ, чтобы тебѣ не претерпѣть мученій.

Святый Орестъ отвѣчалъ на это:

— **Бо́зи, и҆́же нб҃сѐ и҆ землѝ не сотворѝша, да поги́бнꙋтъ**[2]), а я еще отъ отрочества своего научился приносить жертву хвалы Богу Живому, Коего почитаю чистымъ сердцемъ, твоимъ же безстыднымъ и суетнымъ бѣсамъ, которыхъ ты называешь богами, не поклонюсь.

Князь снова спросилъ Ореста:

— Отчего ты не скажешь намъ твоего имени, которое тебѣ дано при рожденіи?

— Я сказалъ тебѣ,—отвѣчалъ святый,—что я — христіанинъ, и это имя для меня гораздо славнѣе имени, даннаго мнѣ родителями, и выше всѣхъ знаменитыхъ именъ въ мірѣ. Если же ты

---

1) *Тіаны* —древній городъ Каппадокіи, у подножія Тавра, близъ Киликійскихъ ущелій.

2) Кн. Пр. Іереміи, гл. 10, ст. 11.

желаешь знать то имя, какое я имѣю отъ рожденія, я скажу тебѣ: отъ плотского рожденія я получилъ имя Орестъ, отъ духовнаго же рожденія называюсь христіаниномъ; а такъ какъ духовное рожденіе выше плотского, то я и считаю для себя большею честью называться христіаниномъ, нежели Орестомъ.

Ст҃ы́й мч҃нкъ
О҆ре́стъ

Тогда князь, надѣясь хитростью соблазнить раба Христова, сталъ ему говорить такъ:

— Жалѣю я, Орестъ, твою молодость и желаю пощадить тебя; слышалъ я, что ты и во врачебномъ дѣлѣ искусенъ, и потому не буду тебя губить, но совѣтую исполнить царское распоряженіе. Сдѣлавъ такъ, ты будешь мнѣ вмѣсто сына, будешь почитаемъ и прославляемъ всѣми; о тебѣ узнаетъ царь, и отъ него ты получишь великую милость.

Но святый отвѣчалъ:

— Не прельстишь меня, князь, хитрыми твоими словами, ибо я не ищу временной почести и не избѣгаю поношенія за Господа моего, но готовъ претерпѣть за Него всевозможныя мученія, потому что желаю обрѣсти Его благоволеніе и наречься Его сыномъ въ Царствѣ Небесномъ, ибо дадѐ намъ ѻ҆́бласть ча́дѡмъ бж҃їимъ бы́ти, вѣ́рꙋющымъ во и҆́мѧ є҆гѡ̀ [1]).

На сіе князь сказалъ Оресту:

— Безумный и дерзкій человѣкъ, ты прельщаешься, считая Единымъ Богомъ Христа, Коего, какъ злодѣя, распяли іудеи.

Орестъ отвѣчалъ ему:

— Если бы ты узналъ великую силу Распятаго, то отвергъ бы суетное почитаніе идоловъ и поклонился бы Тому, Кто дѣйствительно есть Богъ, рожденный отъ Истиннаго Невидимаго Бога, соединившій Своею волей Божеское естество съ человѣческимъ и избавившій насъ отъ пагубнаго діавольскаго прельщенія.

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 1, ст. 12.

Выслушавъ отвѣтъ Ореста, князь сказалъ ему:

— Своими лукавыми словами ты раздражаешь мой слухъ; неужели ты и меня хочешь обратить въ твою нечестивую вѣру? Знай, что своихъ боговъ я не оставлю и вашему Христу не поклонюсь, а тебѣ скажу: оставь твоего Христа, поклонись нашимъ богамъ и принеси имъ жертвы, и если это сдѣлаешь, получишь власть, равную моей.

Но сіе не прельстило святаго, и онъ отвѣтилъ князю:

— Я поклоняюсь вѣчному Богу, всегда мнѣ оказывающему благодѣянія,—Господу Іисусу Христу, и Ему служу, бѣсамъ же вашимъ не принесу жертвы и никогда не буду участникомъ въ вашемъ пагубномъ нечестіи.

Послѣ этого князь привелъ святаго Ореста въ идольскій храмъ, украшенный золотомъ и серебромъ и наполненный драгоцѣнными идолами, и тамъ сказалъ ему:

— Поклонись, Орестъ, симъ честнымъ богамъ.

Но святый отвѣчалъ на это:

— Ты сильно ошибаешься, князь, не зная истины: твои боги на соблазнъ людямъ сдѣланы изъ золота, серебра, мѣди и изъ желѣза; они не видятъ, не слышатъ, такъ какъ сдѣланы руками людей, и не могутъ ни себѣ помочь, ни кому-нибудь другому сдѣлать добро,—ради чего же я буду имъ поклоняться?

Тогда князь снова сказалъ святому:

— Отвѣть мнѣ въ послѣдній разъ, Орестъ, поклонишься ли ты богамъ, или нѣтъ—иначе ожидаютъ тебя мученія.

Святый отвѣчалъ:

— Ты думаешь, князь, что я страшусь твоихъ угрозъ? Нѣтъ, не надѣйся устрашить меня мученіями, но сдѣлай, что желаешь; вѣдь ты не знаешь, что со мною Господь Іисусъ Христосъ, мой помощникъ.

Послѣ сего князь повелѣлъ обнажить святаго Ореста и сильно бить его тутъ же въ идольскомъ храмѣ. А святый, когда начали его мучить, поднялъ руки къ Небу и говорилъ:

— Призри съ Небесе, Боже мой, и помоги мнѣ, рабу Твоему.

Святаго били безъ снисхожденія различными орудіями: палками, веревками и воловьими жилами—и столько времени били его, что сорокъ воиновъ перемѣнились, орудія сломались и разорвались, а на тѣлѣ святаго не осталось цѣлаго мѣста, свободнаго отъ ранъ, и обнажились его внутренности. Но святый Орестъ

все мужественнно переносилъ, такъ что всѣ удивлялись такому его терпѣнію.

Въ то время, какъ святаго били, князь говорилъ ему:

— Принеси жертву богамъ,—и я отпущу тебя.

Но страдалецъ ничего не отвѣчалъ на это. Потомъ князь приказалъ опалять ребра святаго раскаленнымъ желѣзомъ, возливать на раны его уксусъ, смѣшанный съ желчью, и посыпать ихъ солью. А святый мученикъ, возведя свои очи къ Небу, молился:

— Боже! сотворѝ со мнóю знáменіе во бл҃го: ѝ да вѝдѧтъ ненавѝдѧщіи мѧ̀, ѝ постыдѧ́тсѧ[1]).

И такъ помолившись, онъ дунулъ на идоловъ, стоявшихъ въ храмѣ, и они тотчасъ всѣ упали и разсыпались въ прахъ. Тогда святый громкимъ голосомъ сказалъ князю:

— Гдѣ же сила твоихъ боговъ, отчего же они не помогли себѣ?

Всѣ бѣжали вонъ изъ храма, объятые сильнымъ ужасомъ; вышелъ и святый мученикъ,—и какъ только онъ вышелъ, весь храмъ потрясся и развалился.

Князь приказалъ отвести святаго Ореста во внутреннюю темницу и повелѣлъ темничному сторожу не давать святому ни хлѣба, ни воды, но мучить его голодомъ и жаждою. А святый Орестъ, войдя въ темницу, поднялъ свои руки къ Небу и сталъ молиться:

— Господи Іисусе Христе, научившій меня благочестію еще отъ юности моей и отгнавшій отъ меня всякое нечестивое пожеланіе, заблужденіе и прельщеніе, создавшій небо, землю и море для людей, приведшій въ Свой покой святыхъ Твоихъ Авраама, Исаака и Іакова! Молю Тебя, не оставь и меня, ибо я всего себя отдалъ Тебѣ, сопричисли и меня къ лику пострадавшихъ за Твое Имя и наслѣдовавшихъ Твое Царство.

Такъ молился святый и пробылъ въ темницѣ безъ пищи и питья семь дней. На восьмой день князь велѣлъ вывести святаго изъ темницы и привести къ нему на судъ, гдѣ сказалъ ему:

— Дерзкій и нечестивый человѣкъ, врагъ нашихъ боговъ, ты все еще ожесточенъ и не желаешь покориться! Знай же, что если ты не поклонишься богамъ, то я предамъ тебя ужаснымъ мученіямъ и безъ снисхожденія лишу тебя жизни, а твое нечестивое тѣло повелю утопить въ водѣ.

---

1) Псал. 85, ст. 17.

Святый Орестъ на это отвѣтилъ:

— Я готовъ претерпѣть всякія мученія, ибо я въ сердцѣ своемъ всегда ношу образъ Господа моего Іисуса Христа.

Тогда мучитель, исполнившись ярости, повелѣлъ принести двѣнадцать желѣзныхъ гвоздей, длиною въ пядень[1]), и вбить ихъ въ пятки святому Оресту. Когда это было сдѣлано, князь повелѣлъ привязать святаго Ореста къ дикому коню и влачить до тѣхъ поръ, пока святый не умретъ. Конь, сильно гонимый, влачилъ святаго по дорогамъ и по полямъ, по терновнику и по острымъ каменьямъ, и въ сихъ мученіяхъ святый страстотерпецъ Орестъ предалъ духъ свой Господу Богу[2]), будучи увлеченъ конемъ за двадцать четыре поприща[3]) отъ города. Тѣло его мучитель повелѣлъ бросить въ рѣку, называемую Фива. Но вдругъ явился нѣкій свѣтлый, какъ солнце, человѣкъ и, собравъ мощи святаго, предалъ ихъ погребенію на горѣ, близъ города Тіаны. Богу нашему слава, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Списатель сего житія[4]), окончивъ его и уже приготовивъ къ печатанію во святой великой Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1685 году въ одну ночь святаго поста предъ Рождествомъ Христовымъ, незадолго до заутрени, въ сонномъ видѣніи получилъ откровеніе о еще бо́льшихъ страданіяхъ святаго мученика. Во снѣ явился ему самъ святый мученикъ Орестъ и, смотря на него веселымъ взоромъ, сказалъ:

— Я больше пострадалъ за Христа, нежели ты написалъ.

Сказавъ такъ, мученикъ открылъ свою грудь и показалъ въ лѣвомъ боку великую рану, проникающую до самыхъ внутренностей, и сказалъ:

— Сіе мнѣ желѣзомъ прожжено.

Потомъ, открывъ правую руку до локтя, показалъ рану около самаго локтя, говоря:

— Сіе мнѣ перерѣзано.

---

1) *Пядень* — древняя мѣра длины. Она равнялась пространству отъ конца большаго пальца до конца мизинца.

2) Кончина мученика Ореста послѣдовала около 304 года. Память его празднуется еще 9 іюля.

3) *Поприще* — мѣра разстояній, равняющаяся нашимъ 690 саженямъ. Слѣдовательно, двадцать четыре поприща составляютъ тридцать три версты съ небольшимъ.

4) Т. е. св. Димитрій Ростовскій.

Въ сей ранѣ были видны перерѣзанныя жилы. Также, открывъ лѣвую руку, святый показалъ на ней такую же рану, какъ и на правой рукѣ, и сказалъ:

— И здѣсь мнѣ перерѣзано.

Послѣ сего, наклонившись, мученикъ обнажилъ до колѣна ногу и, показавъ на сгибѣ колѣна рану, а также обнаживъ и другую ногу до колѣна и показавъ такую же рану на томъ же мѣстѣ, сказалъ:

— А сіе мнѣ косою разсѣчено.

Затѣмъ, ставъ прямо и смотря въ лицо списателю житія сего, мученикъ сказалъ:

— Видишь, что я больше пострадалъ за Христа, нежели ты написалъ.

Когда списатель думалъ, какой же сей Орестъ, не тотъ ли, который пострадалъ въ числѣ пяти мучениковъ[1]), то святый мученикъ отвѣтилъ на его мысль:

— Я не тотъ Орестъ, который пострадалъ въ числѣ пяти мучениковъ, но тотъ, житіе коего ты написалъ сегодня.

Во время сихъ словъ святаго Ореста послышался благовѣстъ къ Утренѣ, и видѣніе окончилось.

СТРАДАНІЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

МИЛІЯ

Святый епископъ Милій происходилъ изъ Персидской страны[2]). Принявъ Святое Крещеніе, онъ еще въ юныхъ лѣтахъ занялся изученіемъ Священнаго Писанія. Достигши совершенныхъ лѣтъ, онъ задумалъ служить въ военномъ званіи при бывшемъ тогда Персидскомъ царѣ. Но ему было видѣніе отъ Бога, въ которомъ съ угрозами запрещено было поступать въ военное званіе. Послѣ этого онъ, получивъ христіанское образованіе[3]), пребывалъ въ

---

[1]) Память коихъ празднуется Церковію 13-го декабря.

[2]) Изъ области Рахизинской.

[3]) Научное образованіе *св. Милій* получилъ въ Бет-Лапетѣ, въ 80 верстахъ отъ Испагани, одного изъ значительнѣйшихъ городовъ Персіи.

непрестанныхъ молитвахъ о себѣ и о своемъ народѣ, и, спустя нѣкоторое время, оставилъ свой городъ и предался иноческой жизни въ Сузахъ, въ странѣ Еламской[1]). Затѣмъ онъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа Геннадіемъ, мученикомъ и исповѣдникомъ. Святый Милій много потрудился, обличая и словами, и дѣлами обитавшихъ тамъ закоренѣлыхъ язычниковъ, за что подвергся со стороны ихъ грубымъ оскорбленіямъ; наконецъ раздраженная толпа избила его и полумертваго бросила за городомъ. Это вынудило его оставить Сузы. Удаляясь, святый предрекъ скорую гибель Сузамъ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ предсказаніе это исполнилось. На этотъ городъ сильно разгнѣвался царь[2]), вслѣдствіе злоупотребленій и заговора градоправителя и другихъ знатныхъ еламитянъ, и выслалъ войско, которое разрушило вконецъ самый городъ, а жителей избило мечами. Святый же отправился въ Іерусалимъ, а оттуда къ Аммону[3]), ученику великаго Антонія, въ пустыню Нитрійскую[4]). Пробывъ тамъ два года, онъ возвратился въ Персію. По дорогѣ онъ зашелъ къ одному иноку, проживавшему въ пещерѣ. Войдя въ вертепъ, онъ увидалъ огромнаго змія и сказалъ:

— Оружіе Господне да погубитъ тебя, змій!

И, сотворивъ крестное знаменіе, святый дунулъ на змія, и змій тотчасъ издохъ. Отсюда онъ отправился въ свой городъ, гдѣ построилъ церковь, для того чтобы выпросить прощеніе непокорившемуся и уже претерпѣвшему строгое наказаніе народу.

По прошествіи многихъ лѣтъ онъ отправился въ Ктезифонъ[5]), гдѣ въ это время происходилъ Соборъ противъ одного епископа, по имени Папы[6]). На этомъ Соборѣ Милій обличилъ епископа сего въ его неправильныхъ притязаніяхъ. И послѣ того, какъ епископъ Папа сталъ укорять и унижать святаго, похваляясь своими

---

1) *Еламская страна*, или область, лежала по ту сторону Тигра, между южною Месопотаміею, Мидіею, Вавилоніею и Ираномъ. *Сузы*—древнѣйшій городъ персидскій, бывшій богатою столицею Сузіаны и резиденціей первоначально Еламскихъ, затѣмъ Персидскихъ царей.

2) Здѣсь разумѣется *Персидскій царь Сапоръ II.*

3) Скончался въ 350 году. Память его совершается 4-го октября.

4) *Пустыня Нитрійская*—излюбленное мѣсто подвижничества древне-христіанскихъ отшельниковъ, въ Нижнемъ Египтѣ, въ 70-ти миляхъ отъ Александріи.

5) *Селевкія — Ктезифонъ* — двойной городъ на р. Тигрѣ, одинъ изъ важнѣйшихъ древнихъ торговыхъ пунктовъ на Востокѣ.

6) Это было въ 334 году. Церковный раздоръ произошелъ изъ-за того, что одинъ епископъ Папа, еще за десять лѣтъ до этого отказавшійся отъ каѳедры, заявилъ незаконныя притязанія на власть въ Церкви.

трудами, святый предрекъ ему имѣвшій вскорѣ постигнуть его судъ Божій. И дѣйствительно, на слѣдующій же годъ осужденный Папа умеръ.

Изъ Ктезифона Милій отправился въ другой городъ. Князь этого города былъ сильно боленъ уже два года. Узнавъ о пришествіи святаго, онъ послалъ просить его, чтобы онъ посѣтилъ страждущаго и помолился о немъ. Когда посланный передалъ это святому, послѣдній сказалъ ему:

— Иди и скажи пославшему тебя больному: такъ велитъ епископъ: во имя Іисуса Христа, Коего я, недостойный, проповѣдую, препояшь, не взирая на болѣзнь твою, чресла твои и приди ко мнѣ, чтобы я увидалъ тебя.

Какъ только посланный воротился и передалъ князю повелѣніе святаго, болѣзнь князя прошла, и онъ выздоровѣлъ, какъ будто никогда и не болѣлъ. Пришедши къ святому, онъ припалъ къ честнымъ стопамъ его и, обнимая ихъ, цѣловалъ. При этомъ онъ возсылалъ благодареніе Богу, прославившему такъ святаго мужа. Это преславное чудо обратило многихъ ко Христовой вѣрѣ. Святый Милій въ странѣ той изгонялъ изъ людей бѣсовъ; разслабленную жену, въ теченіе 10 лѣтъ не сходившую съ одра, исцѣлилъ, взявши за руку; одного мужа, ведшаго неправильный судъ и даже давшаго ложную клятву и ни во что поставившаго слова святаго, онъ, для назиданія многимъ, наказалъ проказою, какъ Елисей Гіезія[1]). Ввиду этого многіе приходили къ нему и исповѣдывали христіанскую вѣру. Много чудесныхъ знаменій сотворилъ святый Милій и въ другихъ мѣстахъ.

Наконецъ, онъ воротился на родину и тамъ обратилъ многихъ ко Христу. Услышавъ о семъ, правитель области Гормизда Гуфризъ повелѣлъ заключить въ темницу Милія и двухъ его учениковъ. Когда затѣмъ святые исповѣдники, по его приказанію, были приведены къ нему на судъ, жестокій правитель сталъ допрашивать ихъ объ ихъ вѣрѣ, угрожая смертію, если они не докажутъ истинности своей вѣры. Но Милій на сіе безбоязненно отвѣчалъ:

— Вѣра моя—истинная, и я не стану изъ-за лживыхъ рѣчей твоихъ защищать ее. Мое ученіе чисто, и для твоего нечистаго слуха я не буду раскрывать его, но скажу тебѣ истину. Горе

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 5.

тебѣ, безбожный злодѣй, и всѣмъ, подобно тебѣ, оскорбляющимъ Бога! По правдѣ Своей Онъ въ будущемъ вѣкѣ осудитъ васъ на геенну и ея страшный мракъ, и вы будете вѣчно мучиться плачемъ и скрежетомъ зубовъ, ибо вы не хотите познать Подателя благъ, коими похваляетесь и утѣшаетесь.

Видя твердую вѣру исповѣдниковъ Христовыхъ и раздраженный обличеніемъ святаго Милія, Гормизда въ гнѣвѣ вскочилъ и пронзилъ мечомъ грудь святаго. Также и братъ правителя Нерсесъ, объятый такимъ же бѣшенствомъ, ударилъ святаго ножомъ въ сердце. Страстотерпецъ же Христовъ, еще дыша, сказалъ царю и его брату:

— Такъ какъ вы совѣщались убить меня, совершенно неповиннаго, то завтра, въ тотъ же часъ, въ который пронзили меня, вы прольете кровь другъ друга, и ваша мать останется бездѣтною.

Сказавъ это, онъ предалъ духъ свой. Двухъ учениковъ святаго нечестивые правители повелѣли побить камнями[1]). Тѣла святыхъ мучениковъ, при пѣніи церковномъ, были преданы вѣрующими честному погребенію.

На другой день нечестивый правитель отправился вмѣстѣ съ своимъ братомъ на охоту, не обративъ никакого вниманія на слова святаго. Увидавъ оленя, они оба устремились за нимъ и погнались вслѣдъ оленя. Когда, измучивъ оленя, они стали стрѣлять въ него, то по ошибкѣ попали другъ въ друга и такъ скончались.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ

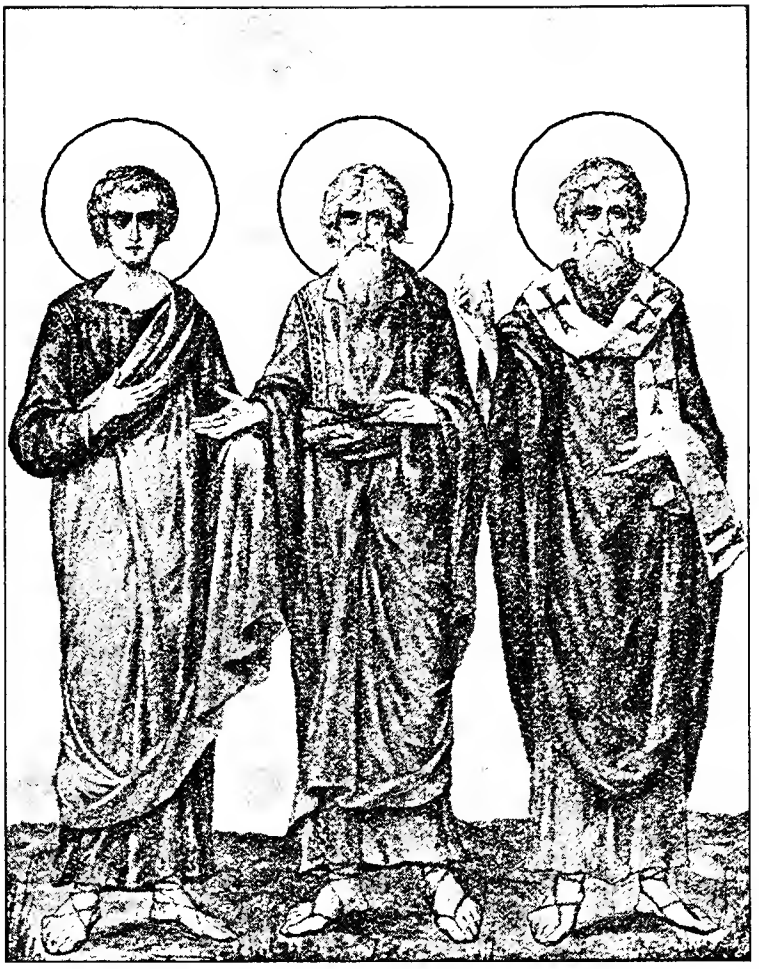
ОЛИМПА, РОДІОНА, СОСИПАТРА, ЕРАСТА и КУАРТА

Сіи святые принадлежали къ лику семидесяти апостоловъ Христовыхъ. Изъ нихъ Олимпъ или Олимпанъ, о которомъ вспоминаетъ Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ[2]), послѣдовалъ за Апостоломъ Петромъ въ Римъ и тамъ, по повелѣнію Римскаго императора Нерона, былъ усѣченъ мечомъ въ тотъ же день, въ

---

1) Это было въ 341 году 13-го ноября, но ради св. Іоанна Златоустаго память ихъ перенесена на 10 ноября.

2) Гл. 16, ст. 15.



Ст҃іи а҆п҃ли
Ѻ҆аѵ́мпъ, родїѡ́нъ и҆ сѡсїпа́тръ

который распятъ святый Апостолъ Петръ.

Точно такъ же и апостолъ Родіонъ, или Иродіонъ, бывшій сродникомъ святому первоверховному Апостолу Павлу[1]) и проповѣдывавшій Слово Божіе въ Патрахъ[2]), гдѣ былъ и епископомъ, спутешествовалъ Апостолу Петру въ Римъ и въ день распятія его былъ обезглавленъ[3]).

Святый апостолъ Сосипатръ былъ родомъ изъ Ахаіи[4]) и также приходился сродникомъ Апостолу Павлу, о чемъ упоминаетъ самъ Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ[5]). Вмѣстѣ съ святымъ апостоломъ Іасономъ онъ былъ ученикомъ Апостола Павла и предпринималъ апостольскія путешествія. Потомъ былъ епископомъ Иконійской[6]) Церкви и въ маститой старости скончался въ мирѣ[7]).

Ст҃іи а҆п҃ли
е҆ра́стъ и҆ ку́артъ

Подобнымъ образомъ въ мирѣ отошелъ ко Господу и святый апостолъ Ерастъ, о коемъ также упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ[8]). Святый апостолъ Ерастъ былъ

---

1) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 11.

2) *Патры*, нынѣ *Патрасъ*,—богатый торговый городъ въ королевствѣ Греческомъ, на берегу Патрасскаго залива.

3) Блаженная кончина апостоловъ Олимпа и Родіона послѣдовала въ 67 году.

4) Провинція въ Греціи.

5) Гл. 16, ст. 21.

6) *Иконія*—городъ на высокой плодоносной равнинѣ внутри Малой Азіи, при подошвѣ горы Тавра; былъ нѣкогда главнымъ городомъ Ликаонской области; нынѣ—Конія, главный городъ Малоазійской Турецкой области Караманіи.

7) Въ I вѣкѣ, на о. Корфу, гдѣ онъ вмѣстѣ съ ап. Іасономъ, проповѣдывалъ христіанство.

8) Гл. 16, ст. 23.

сначала діакономъ и казнохранителемъ Іерусалимской церкви, а потомъ епископомъ въ Панеадѣ[1]).

Святый апостолъ Куартъ или Квартъ, упоминаемый святымъ Апостоломъ Павломъ[2]), много пострадалъ за свое благочестіе, обратилъ много грековъ къ вѣрѣ во Христа и мирно скончался въ санѣ епископа города Берита[3]).

Нынѣ всѣ сіи святые апостолы предстоятъ предъ Престоломъ Божіимъ въ вѣчномъ веселіи, пріемля отъ Бога воздаянія за многочисленные свои подвиги и труды[4]).

Конда́къ а҆п҃лѡвъ, гла́съ в҃:

Бж҃е́ственнымъ свѣ́томъ оу҆́мъ ѡ҆зари́вше, витїи́скаѧ плете́нїѧ мꙋ́дрѣ разори́сте: и҆ ꙗ҆зы́ки всѧ̀ оу҆лови́вше а҆п҃ли сла́внїи, вл҃цѣ приведо́сте, тр҃цꙋ бж҃е́ственнꙋю сла́вити наꙋча́юще.

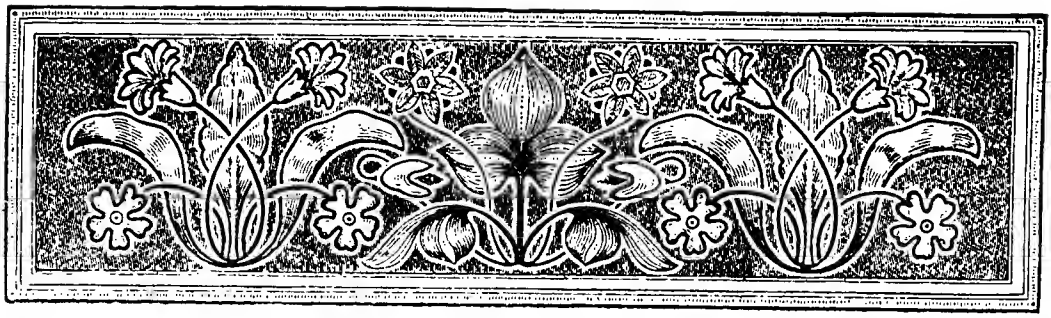
---

1) Городъ на сѣверѣ Палестины (иначе—Кесарія Филиппова).

2) Гл. 16, ст. 23.

3) *Беритъ*—нынѣшній *Бейрутъ*—древній городъ Финикіи, на берегу Средиземнаго моря. Въ настоящее время главный административный городъ Азіатско-Турецкой Сиріи и важнѣйшій торговый пунктъ Сирійскаго побережья, съ населеніемъ до 80 000 жителей.

4) Вмѣстѣ съ сими святыми апостолами Церковь воспоминаетъ въ сей день и апостола Тертія, память и изображеніе коего см. 30 октября. Въ церковной службѣ нынѣ воспѣваются всѣ шесть свв. апостоловъ.



День одиннадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА

МИНЫ

Святый мученикъ Мина былъ родомъ египтянинъ; онъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру и служилъ въ войскѣ, находившемся въ Котуанской области[1]), подъ начальствомъ тысяченачальника Фирмиліана. Въ то время въ Римѣ царствовали вмѣстѣ два нечестивыхъ царя—Діоклетіанъ и Максиміанъ[2]). Эти цари издали по всѣмъ странамъ указъ, повелѣвающій предавать мученіямъ и умерщвлять всѣхъ христіанъ, не поклоняющихся идоламъ. Согласно этому указу, вѣрующіе во Христа повсюду были принуждаемы къ идольскимъ жертвоприношеніямъ. Тогда блаженный Мина, не желая видѣть такого бѣдствія и почитанія бездушныхъ идоловъ, оставилъ свое воинское званіе и ушелъ на горы, въ пустынныя мѣста, желая лучше жить со звѣрями, нежели съ людьми, не

---

1) *Котуанъ* — древній городъ во Фригіи. *Фригія*—большая область Малой Азіи, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кромѣ того,—южный берегъ Пропонтиды (Мраморнаго моря) до Гелеспонта (Дарданеллы), позднѣе причислявшійся къ Мизіи. Границы ея: на западѣ—Мизія, Лидія и Карія, на югѣ—Ликія, Писидія и Ликаонія, на востокѣ—Каппадокія, на сѣверѣ—Галатія и Виѳинія.

2) Оба императора царствовали вмѣстѣ съ 284 по 305 г.—Діоклетіанъ—на Востокѣ, Максиміанъ—на Западѣ.

знающими Бога. Святый Мина долгое время скитался въ горахъ и въ пустыняхъ, поучаясь въ Законѣ Божіемъ, постомъ и молитвою очищая свою душу и служа день и ночь Единому Истинному Богу. Такъ прошло довольно много времени.

Однажды въ главномъ городѣ Котуанской области былъ устроенъ нечестивый праздникъ, на который собралось множество язычниковъ. Они совершали въ честь своихъ нечестивыхъ боговъ различныя игры, зрѣлища, конскія ристалища и состязанія въ борьбѣ, на каковыя зрѣлища съ особо устроенныхъ высокихъ мѣстъ смотрѣли жители всего города. Блаженный Мина, провидя святымъ Духомъ объ этомъ праздникѣ, разжегся ревностью о Богѣ и, оставивъ горы и пустыни, пришелъ въ городъ. Вошедши на средину того мѣста, гдѣ происходили зрѣлища, мученикъ всталъ на возвышеніи такъ, чтобы его можно было видѣть всѣмъ, и громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Ѡбрѣто́хсѧ не и҆щꙋ́щымъ менѐ, ꙗ҆вле́нъ бы́хъ не вопроша́ющымъ ѡ҆ мнѣ́ [1]).

Когда святый Мина такъ воскликнулъ, всѣ присутствующіе на зрѣлищѣ устремили свои взоры на него и замолчали, удивляясь его смѣлости. Присутствовавшій тутъ же на зрѣлищѣ князь того города, по имени Пирръ, повелѣлъ взять святаго и спросилъ его:

— Кто ты?

Святый Мина вслухъ всего народа громко воскликнулъ:

— Я—рабъ Іисуса Христа, Владыки Неба и земли.

Князь снова спросилъ святаго:

— Ты чужестранецъ или здѣшній житель? Откуда у тебя такая смѣлость, что ты осмѣлился среди зрѣлища такъ закричать?

Когда князь говорилъ это, а святый еще не успѣлъ отвѣтить на его слова, нѣкоторые изъ находившихся около князя воиновъ признали Мину и вскричали:

— Это — Мина-воинъ, который состоялъ подъ начальствомъ Фирмиліана тысячника.

Тогда князь сказалъ святому Минѣ:

— Точно ли ты былъ воиномъ, какъ они говорятъ о тебѣ?

Святый отвѣчалъ:

— Да, правда, я былъ воиномъ и находился въ семъ городѣ, но видя нечестіе людей, прельщенныхъ бѣсами и покло-

---

[1]) Посл. къ Римл., гл. 10, ст. 20. Ср.: Кн. Прор. Исаіи, гл. 65, ст. 1.

няющихся идоламъ, а не Истинному Богу, я оставилъ свое воинское званіе и ушелъ изъ города, чтобы не быть участникомъ въ беззаконіи и погибели сихъ людей. До нынѣшняго дня я скитался въ пустыняхъ, избѣгая соприкосновенія съ нечестивыми людьми, врагами Бога моего; нынѣ же, услыхавъ, что вы устроили нечестивый праздникъ, я проникся ревностью о Богѣ моемъ и пришелъ сюда, чтобы обличить вашу слѣпоту и проповѣдать вамъ Единаго Истиннаго Бога, создавшаго Своимъ Словомъ Небо и землю и промышляющаго о всей вселенной.

Стый великомчнкъ Мина

Услышавъ такія слова, князь повелѣлъ отвести святаго въ темницу и стеречь его до утра, а самъ весь тотъ день участвовалъ въ праздникѣ и зрѣлищахъ.

На другой день утромъ князь сѣлъ на судилищѣ и, приказавъ привести святаго Мину изъ темницы, всякими способами старался склонить его къ идолопоклонству: и обѣщая дары, и угрожая муками. Когда же онъ не могъ склонить святаго къ нечестію своими словами, сталъ принуждать его къ тому дѣломъ, приказавъ четыремъ воинамъ обнажить и растянуть святаго и безъ пощады бить его воловьими жилами, такъ что изъ ранъ мученика текла кровь ручьемъ. Присутствовавшій при этомъ одинъ человѣкъ, по имени Пигасій, сказалъ святому Минѣ:

— Пожалѣй себя, человѣкъ, и исполни княжеское повелѣніе, прежде чѣмъ тѣло твое не будетъ совершенно уничтожено. Совѣтую тебѣ: поклонись богамъ только на время, чтобы избавиться отъ сихъ мученій, а потомъ опять служи твоему Богу, Который не прогнѣвается на тебя за сіе отступленіе, если ты одинъ разъ только принесешь жертву идоламъ и на короткое время обратишься къ нимъ, ради нужды, чтобы избавиться отъ сихъ тяжкихъ мученій.

Но святый съ гнѣвомъ отвѣчалъ на это:

— Отойди отъ меня, дѣлатель беззаконія, я уже принесъ жертву хвалы и снова принесу только Богу моему, Который оказываетъ мнѣ Свою помощь и такъ укрѣпляетъ меня въ терпѣніи, что сіи мученія для меня кажутся весьма легкими и отрадными, а не тяжкими.

Мучитель, изумленный таковымъ терпѣніемъ мученика, повелѣлъ подвергнуть святаго Мину еще бо́льшимъ мукамъ. Святый былъ повѣшенъ на деревѣ, и тѣло его строгали желѣзными когтями, а мучитель, насмѣхаясь надъ святымъ, говорилъ ему:

— Чувствуешь ли ты какую-нибудь боль, Мина, или сіи мученія для тебя очень пріятны, и ты хочешь, чтобы мы еще увеличили ихъ?

Но святый мученикъ, хотя и сильно страдалъ, однако съ твердостью отвѣтилъ князю:

— Не побѣдишь меня, мучитель, кратковременными сими мученіями, ибо мнѣ помогаютъ, невидимые для тебя, воины Царя Небеснаго.

Князь повелѣлъ слугамъ еще сильнѣе мучить святаго и говорить ему:

— Не исповѣдуй здѣсь другаго царя, кромѣ Римскихъ императоровъ.

Мученикъ же отвѣчалъ на это:

— Если бы вы знали Истиннаго Царя, вы бы не хулили Проповѣдуемаго мною, ибо Онъ—Истинный Царь Неба и земли, и, кромѣ Него, нѣтъ другаго. А вы хулите Его, не зная, и сравниваете съ Нимъ своихъ тлѣнныхъ царей, созданныхъ изъ праха, которымъ Онъ далъ царское достоинство и царскую власть, такъ какъ Онъ есть Господь всего сотвореннаго.

Тогда князь сказалъ святому:

— Кто это такой, дающій власть царямъ и владычествующій надъ всѣми?

Мученикъ отвѣчалъ князю:

— Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, вѣчно живущій, Коему повинуется все и на Небѣ и на землѣ; Сей возводитъ царей на престолы и царствуетъ, даетъ власть и владычествуетъ.

Мучитель же сказалъ святому Минѣ:

— Развѣ ты не знаешь, что Римскіе императоры сильно гнѣваются на всѣхъ, исповѣдующихъ Имя Христово, и повелѣваютъ убивать таковыхъ?

Мученикъ отвѣчалъ:

— **Гдⷭ҇ь воцр҃и́сѧ, да гнѣ́ваютсѧ лю́дїе**[1]). Если ваши цари гнѣваются на Христа и на христіанъ, исповѣдующихъ Его Имя, то что мнѣ до сего? Я не обращаю вниманія на ихъ гнѣвъ, ибо я — рабъ моего Христа, и имѣю только одно желаніе: быть исповѣдникомъ Его всесвятаго Имени до самой смерти и да наслаждусь Его сладкой любви, отъ коей меня никто не можетъ отторгнуть: **ско́рбь ли, и҆лѝ тѣснота̀, и҆лѝ гоне́нїе, и҆лѝ гла́дъ, и҆лѝ нагота̀, и҆лѝ бѣда̀, и҆лѝ ме́чь**: ничто меня **ни разлꙋчи́тъ ѿ любвѐ** Христовы[2]).

Послѣ сего мучитель повелѣлъ сильно растирать раны святаго платкомъ, сдѣланнымъ изъ волосъ. И когда сіе дѣлали, то святый мученикъ говорилъ:

— Нынѣ я совлекаю кожаную одежду и облекаюсь въ ризу спасенія.

Кромѣ сего, мучитель повелѣлъ опалять святаго зажженными свѣчами, но, и когда жгли все тѣло святаго, онъ молчалъ.

Тогда князь спросилъ его:

— Чувствуешь ли ты, Мина, сей огонь?

Святый отвѣчалъ:

— **Бг҃ъ на́шъ ѻ҆́гнь поѧда́ѧй є҆́сть**[3]). Тотъ, за Кого я стражду, помогаетъ мнѣ, и посему я не чувствую огня, коимъ меня опаляете, и не страшусь вашихъ многоразличныхъ мученій, ибо помню евангельскія слова моего Господа: **не ᲂу҆бо́йтесѧ ѿ ᲂу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ ᲂу҆би́ти**[4]).

Тогда князь сказалъ мученику:

— Откуда у тебя такое краснорѣчіе? Ты все время былъ воиномъ, какимъ же образомъ ты умѣешь говорить, какъ человѣкъ, прочитавшій много книгъ?

Святый отвѣчалъ на это князю:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ намъ: **є҆гда̀ пред̾ влады̑ки и҆ цари̑ веде́ни бꙋ́дете менѐ ра́ди... не пецы́тесѧ, ка́кѡ и҆лѝ что̀ возглаго́лете: да́стъ бо сѧ ва́мъ въ то́й ча́съ, что̀ возглаго́лете»**[5]).

---

[1]) Псал. **98**, ст. 1. [Съ еврейскаго «да трепещутъ народы».] Въ семъ значеніи ὀργίζεσθαι (гнѣваться) употреблено также въ Кн. Исходъ (гл. **15**, ст. 14), гдѣ о побѣдоносномъ шествіи Израильтянъ сказано: «**слы́шаша ꙗ҆зы́цы, и҆ прогнѣ́вашасѧ: бѡлѣ́зни прїѧ́ша живꙋ́щїи въ фѵ̀лїстїмѣ**».

[2]) Посл. къ Римл., гл **8**, ст. 35.

[3]) Посл. къ Евр., гл. **12**, ст. 29.

[4]) Еванг. отъ Матѳея, гл. **10**, ст. 28.

[5]) Еванг. отъ Матѳея, гл. **1**, ст. 18—19.

Князь спросилъ святаго:

— А вашъ Христосъ зналъ, что вы будете за Него терпѣть такія мученія?

Мученикъ отвѣчалъ:

— Поелику Онъ Истинный, то имѣетъ и вѣдѣніе будущаго. Вѣдалъ и вѣдаетъ все, что есть;—и все имѣющее быть Ему извѣстно, и Онъ знаетъ напередъ всѣ наши мысли.

Князь, не зная, что отвѣчать на сіе святому, сказалъ ему:

— Оставь, Мина, свое празднословіе и избери себѣ одно изъ двухъ: или будь нашимъ — и мы перестанемъ тебя мучить, или будь Христовымъ — и мы тебя умертвимъ.

На это святый громкимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Я Христовъ былъ, и есмь, и буду Христовъ.

Князь сказалъ:

— Если ты пожелаешь, я отпущу тебя на два или на три дня, чтобы ты хорошенько поразмыслилъ и сказалъ намъ послѣднее слово.

Но святый отвѣчалъ:

— Не два и не три дня, но много лѣтъ я исповѣдую вѣру Христову, но у меня никогда и въ мысляхъ даже не было отречься отъ Бога моего, посему и теперь мнѣ не подобаетъ размышлять о семъ. Не надѣйся, князь, слышать отъ меня что-нибудь другое, но вотъ мое послѣднее слово: отъ Бога моего я не отрекусь, вашимъ бѣсамъ не принесу жертвы и не преклоню колѣнъ моихъ передъ бездушными идолами.

Такой твердый отвѣтъ мученика сильно разгнѣвалъ князя, и онъ повелѣлъ разбросать по землѣ крючки, трезубцы и различные желѣзные гвозди и влачить по нимъ связаннаго святаго мученика. Но сей, какъ будто влачимый по мягкимъ цвѣтамъ, еще сильнѣе порицалъ многобожіе язычниковъ и смѣялся надъ безуміемъ людей, прельщенныхъ бѣсами. А князь повелѣлъ влачимаго святаго еще бить оловянными прутьями. И такъ святаго Мину мучили долгое время.

Въ это время одинъ изъ бывшихъ при семъ воиновъ, по имени Иліодоръ, сказалъ мучителю:

— Князь, развѣ твоя свѣтлость не знаетъ, что христіане безумны и не боятся мученій, перенося ихъ такъ, какъ будто они подобны бездушнымъ камнямъ или деревьямъ, а смерть считаютъ сладкимъ питьемъ? Не утруждай болѣе себя, но повели скорѣе умертвить сего ожесточеннаго христіанина.

И князь тотчасъ изрекъ такой приговоръ надъ святымъ:

— Злого Мину-воина, впадшаго въ христіанское нечестіе и не пожелавшаго послушать царскаго повелѣнія и принести жертву богамъ, мы повелѣваемъ усѣкнуть мечомъ, а тѣло его пусть будетъ предано сожженію передъ всѣмъ народомъ.

Воины взяли святаго мученика Мину и отвели его за городъ, гдѣ и отсѣкли ему главу и, разжегши большой костеръ, бросили въ него многострадальное тѣло святаго мученика. Нѣкоторые же изъ вѣрующихъ, когда погасъ огонь, пришли на сіе мѣсто и собрали оставшіяся отъ сожженія части мощей святаго, и, обернувши ихъ чистою пеленою, помазали ароматами[1]). Спустя же немного времени они принесли сіи святые останки въ свой отечественный городъ Александрію[2]), гдѣ и погребли ихъ въ честно́мъ мѣстѣ. Впослѣдствіи на семъ мѣстѣ была построена церковь во имя святаго мученика, и по молитвамъ ко святому въ ней совершалось множество чудесъ.

Сказаніе Тимоѳея, архіепископа Александрійскаго,

о чудесахъ святаго великомученика Мины

По смерти нечестивыхъ и богоненавистныхъ Римскихъ императоровъ Діоклетіана и Максиміана на царскій престолъ вступилъ благочестивый Константинъ Великій[3]), въ царствованіе коего сильно умножилась вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа. Въ это время нѣкіе христолюбивые люди города Александріи, найдя мѣста, гдѣ были положены честны́е останки святаго славнаго Христова мученика Мины, построили на семъ мѣстѣ во имя его церковь.

Случилось, что въ Александрію прибылъ одинъ благочестивый купецъ изъ земли Исаврійской[4]), чтобы закупить товары. Услыхавъ

---

1) Мученическая кончина святаго Мины послѣдовала въ 304 году. Въ церковной службѣ этого дня вмѣстѣ съ мученикомъ Миною прославляются и свв. мученики Викторъ, Викентій и Стефанида, но большинство церковныхъ пѣснопѣній посвящено мученику Минѣ.

2) *Александрія* —знаменитый городъ, основанный Александромъ Великимъ около 333 года до Р. Хр. на мысѣ, выдающемся въ южный берегъ Средиземнаго моря (нѣсколько южнѣе нынѣшняго города того же наименованія); былъ нѣкогда центромъ науки и первымъ торговымъ городомъ въ мірѣ; въ началѣ IV вѣка сталъ центромъ христіанства и резиденціей Патріарха.

3) Императоръ Константинъ Великій царствовалъ съ 306 по 336 г.

4) *Исаврія* —небольшая, мало изслѣдованная и скрытая въ горахъ мѣстность древней Малой Азіи, граничившая на востокѣ съ Ликаоніею, на сѣверѣ—съ частью Фригіи, на западѣ—съ Писидіею и на югѣ—съ гористою Киликіею. Въ Исавріи главный городъ былъ Исавра (нынѣ Улубунаръ), весьма богатый и многолюдный.

про множество чудесъ и исцѣленій, совершающихся въ церкви святаго Мины, онъ сказалъ самъ себѣ:

«Пойду и я поклонюсь честнымъ мощамъ святаго мученика и дамъ дары въ церковь его, дабы помиловалъ меня Богъ по молитвѣ Своего страдальца».

Подумавъ такъ, онъ пошелъ въ церковь, взявъ съ собою мѣшокъ, наполненный золотомъ. Придя къ поморскому озеру и найдя перевозъ, онъ приплылъ на мѣсто, называвшееся Лозонета. Выпедши здѣсь на берегъ, купецъ искалъ, гдѣ бы переночевать, ибо уже насталъ вечеръ. Посему войдя въ одинъ домъ, онъ сказалъ хозяину:

— Другъ, сдѣлай милость, пусти меня въ твой домъ переночевать, ибо солнце зашло и я боюсь одинъ идти дальше, такъ какъ не имѣю никого, кто бы меня могъ сопровождать.

— Войди, братъ,—отвѣчалъ ему хозяинъ дома,—и переночуй здѣсь, пока не настанетъ день.

Гость принялъ приглашеніе и, войдя въ домъ, легъ спать. Хозяинъ же, увидавъ у путника мѣшокъ съ золотомъ, соблазнился и, по наущенію злого духа, замыслилъ убить своего гостя, чтобы взять себѣ его золото. Вставъ въ полночь, онъ задушилъ купца, разрѣзалъ его тѣло на части, положилъ ихъ въ корзину и спряталъ во внутренней комнатѣ. Послѣ убійства онъ пришелъ въ большое волненіе и, озираясь по сторонамъ, искалъ скрытаго мѣста, чтобы зарыть убитаго.

Когда онъ размышлялъ объ этомъ, ему явился святый мученикъ Мина верхомъ на конѣ, какъ бы какой воинъ, ѣдущій отъ царя. Въѣхавъ въ ворота дома убійцы, мученикъ спросилъ его объ убитомъ гостѣ. Убійца, отговариваясь незнаніемъ, сказалъ святому:

— Не знаю, что ты говоришь, господинъ, у меня не было никого.

Но святый, сойдя съ коня, направился во внутреннюю комнату и, взявъ корзину, вынесъ ее наружу и сказалъ убійцѣ:

— Что это?

Убійца сильно испугался и безъ чувствъ упалъ къ ногамъ святаго. Святый же, составивъ разсѣченные члены и помолившись, воскресилъ мертваго и сказалъ ему:

— Воздай хвалу Богу.

Тотъ всталъ, какъ бы пробудившись отъ сна, и, уразумѣвъ, что пострадалъ отъ домохозяина, прославилъ Бога и съ благодарностью

поклонился явившемуся воину. А святый, взявъ отъ убійцы золото, отдалъ его воскрешенному человѣку, говоря:

— Ступай своимъ путемъ съ миромъ.

Обратившись затѣмъ къ убійцѣ, святый взялъ его и сильно билъ. Убійца раскаялся и просилъ прощенія. Тогда мученикъ даровалъ ему прощеніе въ убійствѣ и, помолившись о немъ, сѣлъ на коня и сталъ невидимъ.

Въ Александріи жилъ одинъ человѣкъ, по имени Евтропій. Сей Евтропій далъ обѣщаніе пожертвовать въ церковь святаго Мины серебряное блюдо. Посему, призвавъ златаря, онъ велѣлъ ему сдѣлать два блюда и на одномъ написать: блюдо святаго великомученика Мины, а на другомъ написать: блюдо Евтропія, Александрійскаго гражданина. Златарь сталъ дѣлать, какъ велѣлъ ему Евтропій, и когда были окончены оба блюда, то блюдо для святаго Мины вышло гораздо красивѣе и блестящѣе, чѣмъ другое. Написавъ на блюдахъ имена святаго Мины и Евтропія, златарь отдалъ ихъ Евтропію.

Однажды Евтропій, плывя по морю на кораблѣ, употреблялъ за обѣдомъ оба новыя блюда, и увидѣвъ, что блюдо, предназначенное въ даръ святому Минѣ, гораздо красивѣе его блюда, не пожелалъ его отдать въ даръ святому, но приказалъ слугѣ подавать себѣ на немъ кушанья, а блюдо со своимъ именемъ задумалъ отослать въ даръ въ церковь святаго Мины. По окончаніи трапезы слуга взялъ блюдо съ именемъ мученика и, придя на край корабля, сталъ мыть его въ морѣ. Вдругъ напалъ на него ужасъ и онъ увидѣлъ, что изъ моря вышелъ человѣкъ, который взялъ изъ его рукъ блюдо и сталъ невидимъ. Рабъ, сильно пораженный страхомъ, бросился вслѣдъ за блюдомъ въ море. Увидѣвъ это, господинъ его также испугался и, горько заплакавъ, сталъ говорить:

— Горе мнѣ, окаянному, что я пожелалъ взять себѣ блюдо святаго Мины: такъ я погубилъ и блюдо, и раба своего. Но ты, Господи Боже мой, не прогнѣвайся на меня до конца и яви Твою милость слугѣ моему. Вотъ, я даю обѣщаніе: если я найду тѣло своего слуги, то велю сдѣлать такое же блюдо и принесу его въ даръ святому Твоему угоднику Минѣ или же отдамъ въ церковь святаго деньги, какихъ стоитъ блюдо.

Когда корабль присталъ къ берегу, Евтропій сошелъ съ корабля и сталъ смотрѣть по краю моря, думая найти выброшенное

моремъ тѣло своего слуги и предать его погребенію. Въ то время, какъ онъ пристально смотрѣлъ, увидалъ своего раба выходящимъ изъ моря съ блюдомъ въ рукахъ. Испуганный и обрадованный, онъ громкимъ голосомъ вскричалъ:

— Слава Богу! Воистину великъ ты, святый мученикъ Мина!

Услыхавъ его крикъ, всѣ, бывшіе на кораблѣ, сошли на берегъ и, видя раба, державшаго блюдо, исполнились удивленія и прославили Бога. Когда стали спрашивать раба, какимъ образомъ онъ, упавъ въ море, остался живъ и какъ вышелъ изъ воды невредимымъ, то онъ сказалъ въ отвѣтъ:

— Какъ только я бросился въ море, благолѣпный мужъ съ другими двумя взяли меня и ходили вмѣстѣ со мною вчера и сегодня и привели сюда.

Евтропій, взявъ раба и блюдо, пошелъ въ церковь святаго Мины и, поклонившись и оставивъ въ даръ блюдо, обѣщанное святому, удалился, благодаря Бога и прославляя Его святаго угодника Мину.

Одна женщина, по имени Софія, шла на поклоненіе въ храмъ святаго Мины. На дорогѣ съ ней встрѣтился воинъ и увидѣвъ, что она идетъ одна, рѣшился обезчестить ее. Она сильно сопротивлялась, призывая на помощь святаго мученика Мину. И святый не лишилъ ее своей помощи, но наказалъ желающаго надъ ней наругаться, а ее сохранилъ невредимою. Когда воинъ, привязавъ къ своей правой ногѣ коня, хотѣлъ сдѣлать надъ женщиной насиліе, конь пришелъ въ ярость и не только воспрепятствовалъ намѣренію своего господина, но и потащилъ его по землѣ, и не остановился и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не притащилъ его къ церкви святаго Мины. Часто ржа и свирѣпѣя, онъ привлекъ много людей на сіе зрѣлище, ибо былъ праздникъ и въ церкви находилось очень много народа. Воинъ, увидавъ такое собраніе народа и видя, что конь все еще находится въ ярости и что ему не отъ кого ждать помощи, испугался, какъ бы не претерпѣть еще чего-нибудь болѣе ужаснаго отъ своего коня. Посему онъ, оставивъ стыдъ, исповѣдалъ предъ всѣмъ народомъ свое нечестивое намѣреніе, и конь тотчасъ успокоился и сдѣлался кроткимъ, а воинъ, войдя въ церковь и припавъ къ мощамъ святаго, молился, прося прощенія за свой грѣхъ.

Около церкви святаго мученика вмѣстѣ со многими другими находились хромой и нѣмая, ожидая получить исцѣленіе. Въ пол-

ночь, когда всѣ спали, святый Мина явился хромому и сказалъ ему:

— Подойди молча къ нѣмой женщинѣ и возьми ее за ногу.

Хромой отвѣтилъ на это мученику:

— Божій угодникъ, развѣ я блудникъ, что ты повелѣваешь мнѣ сдѣлать сіе?

Но святый три раза повторилъ ему свои слова и прибавилъ:

— Если не сдѣлаешь сего, не получишь исцѣленія.

Хромой, исполняя повелѣніе святаго, приползъ и схватилъ за ногу нѣмую. Она, пробудившись, начала кричать, негодуя на хромого. Сей, испугавшись, всталъ на обѣ ноги и быстро побѣжалъ. Такимъ образомъ, оба они почувствовали свое исцѣленіе: нѣмая — заговорила, а хромой — быстро побѣжалъ, какъ олень; и оба исцѣленные воздали благодареніе Богу и святому мученику Минѣ.

Одинъ еврей имѣлъ друга христіанина. Однажды, уѣзжая въ отдаленную страну, онъ отдалъ своему другу на сохраненіе ящичекъ съ тысячью золотыхъ. Когда онъ замедлилъ въ той странѣ, то христіанинъ задумалъ не отдавать золота еврею по его возвращеніи, но взять его себѣ, что и исполнилъ. Еврей, вернувшись, пришелъ къ христіанину и просилъ возвратить его золото, которое онъ отдалъ ему на сохраненіе. Но тотъ отказался, говоря:

— Не знаю, что ты спрашиваешь у меня. Ты мнѣ ничего не давалъ, и я ничего не бралъ отъ тебя.

Услыхавъ такой отвѣтъ своего друга, еврей опечалился и, считая свое золото пропавшимъ, сталъ говорить христіанину:

— Братъ, никто не знаетъ сего, кромѣ одного Бога, и если ты отказываешься возвратить мнѣ данное тебѣ на храненіе золото, утверждая, что не бралъ его у меня, то подтверди это клятвою. Пойдемъ въ церковь святаго Мины, и тамъ ты поклянись мнѣ, что не бралъ у меня ящика съ тысячью золотыхъ.

Христіанинъ согласился, и они оба вмѣстѣ пошли въ церковь святаго, гдѣ христіанинъ поклялся еврею предъ Богомъ, что не бралъ у него золота на сохраненіе. По совершеніи клятвы они вышли вмѣстѣ изъ церкви и лишь только сѣли на своихъ коней, какъ конь христіанина сталъ приходить въ бѣшенство, такъ что его почти невозможно было сдержать: онъ, разорвавъ свою узду, поднялся на заднія ноги и сбросилъ своего господина на землю. Во время паденія христіанина съ коня съ руки его спалъ пер-

стень, а изъ кармана выпалъ ключъ. Христіанинъ, поднявшись, взялъ коня, усмирилъ его и, сѣвши на него, поѣхалъ вмѣстѣ съ евреемъ. Проѣхавъ немного времени, христіанинъ сказалъ еврею:

— Другъ, вотъ удобное мѣсто, слѣземъ съ коней, чтобы поѣсть хлѣба.

Сойдя съ коней, они пустили ихъ пастись, а сами стали ѣсть. Спустя немного времени христіанинъ, взглянувъ, увидѣлъ своего раба стоящаго предъ ними и держащаго въ одной рукѣ — ящикъ еврея, а въ другой — упавшій съ его руки перстень. Увидѣвъ сіе, христіанинъ пришелъ въ ужасъ и спросилъ раба:

— Что это значитъ?

Рабъ отвѣтилъ ему:

— Нѣкій грозный воинъ на конѣ пріѣхалъ къ моей госпожѣ и, давъ ей ключъ съ перстнемъ, сказалъ: пошли, какъ можно скорѣе, ящикъ еврея, дабы съ твоимъ мужемъ не случилось большой бѣды. И мнѣ было отдано сіе отнести къ тебѣ, какъ ты и приказалъ.

Видя это, еврей удивился сему чуду и, обрадовавшись, вернулся вмѣстѣ съ своимъ другомъ къ храму святаго мученика Мины. Поклонившись въ храмѣ до земли, еврей просилъ Святаго Крещенія, увѣровавъ ради сего чуда, свидѣтелемъ коего онъ былъ, а христіанинъ молился святому Минѣ дать ему прощеніе, поелику онъ нарушилъ Божественную Заповѣдь. Оба они получили по своему прошенію: одинъ — Святое Крещеніе, другой — прощеніе своего грѣха, и пошли каждый къ себѣ, радуясь и прославляя Бога и величая Его святаго угодника Мину.

Конда́къ великомч҃нкꙋ, гла́съ д҃:

Ро́инства и҆схитѝ привре́меннагѡ, и҆ нетлѣ́ннагѡ показа́ тѧ нб҃нагѡ ѻ҆́бщника ст҃ртоте́рпче ми́но, хр҃то́съ бг҃ъ на́шъ, и҆́же мч҃нкѡвъ нетлѣ́нный вѣне́цъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВИКТОРА и СТЕФАНИДЫ

Въ царствованіе Римскаго императора Антонина[1]) подъ начальствомъ воеводы Севастіана служилъ одинъ воинъ, родомъ изъ Италіи, называвшійся Викторомъ. Сей Викторъ вѣровалъ въ Господа нашего Иисуса Христа и открыто предъ всѣми исповѣдывалъ Его всесвятое Имя. Когда въ то время было воздвигнуто гоненіе на христіанъ, то воевода призвалъ къ себѣ блаженнаго Виктора и сказалъ ему:

— Къ намъ пришелъ царскій указъ, повелѣвающій принуждать васъ, христіанъ, къ жертвоприношенію нашимъ богамъ, а неповинующихся—предавать тяжкимъ мученіямъ. Посему и ты, Викторъ, принеси жертву богамъ, дабы не подвергнуться мученіямъ и не погубить своей души.

Но святый Викторъ отвѣчалъ воеводѣ:

— Я не послушаю безбожнаго повелѣнія смертнаго царя и не исполню его воли, ибо я —рабъ безсмертнаго Царя, Бога и Спасителя моего Іисуса Христа, Царство Коего безконечно и исполняющіе волю Коего будутъ жить вѣчною жизнью, а вашего смертнаго царя и царство временно, и исполняющіе его нечестивую волю погибнутъ во вѣки.

На это воевода сказалъ Виктору:

— Ты — воинъ нашего царя, исполни его повелѣніе и принеси жертву.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Викторъ,—я теперь уже воинъ не вашего земнаго царя, но Небеснаго; если же я и былъ временно воиномъ подъ властью вашего царя, то я все-таки не переставалъ служить моему Царю и теперь не оставлю Его и вашимъ идоламъ не принесу жертвы. Дѣлай со мной, что пожелаешь: мое тѣло въ твоихъ рукахъ, и ты имѣешь надъ нимъ власть, надъ душею же моею имѣетъ власть только одинъ Богъ мой.

---

[1]) *Антонинъ* —Римскій императоръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Марка-Аврелія Философа, царствовалъ съ 161 по 180 г.

Тогда воевода сталъ уговаривать Виктора:

— Ты самъ,—говорилъ онъ,—устраиваешь себѣ бѣдствіе, не исполняя царскаго повелѣнія; совѣтую тебѣ принести жертву богамъ, дабы избавиться отъ мученій, кои ожидаютъ тебя.

— Я того и желаю,—отвѣчалъ съ твердостью святый Викторъ,—чтобы претерпѣть мученія за моего Господа, и сильно радуюсь, что сподоблюсь страдать за Имя Его.

Тогда воевода тотчасъ приказалъ сломать ему пальцы и вывернуть ихъ изъ суставовъ. Потомъ мучитель повелѣлъ сильно разжечь печь и бросить въ нее святаго Виктора, въ каковой печи мученикъ пробылъ три дня и остался живымъ и невредимымъ подобно тому, какъ и три отрока въ пещи Вавилонской[1]). А мучитель, не ожидая, что святый Викторъ останется живымъ, повелѣлъ на третій день отворить печь, взять изъ нея прахъ мученика и высыпать его въ рѣку. Но когда отворили печь, святый вышелъ оттуда невредимымъ, прославляя Бога за то, что огонь не коснулся его и не повредилъ ему.

Видя свою неудачу, воевода призвалъ одного чародѣя и приказалъ ему умертвить святаго Виктора отравой. Чародѣй сварилъ мясо съ смертоноснымъ ядомъ и далъ ѣсть святому.

Святый сказалъ:

— Хотя мнѣ и не подобаетъ брать отъ васъ нечистое мясо и ѣсть, однако я съѣмъ его, дабы вы уразумѣли, что вашъ смертоносный ядъ ничего не можетъ сдѣлать противъ силы Жизнодавца Господа моего.

Затѣмъ, помолившись, мученикъ съѣлъ отравленное мясо и нисколько не пострадалъ. Чародѣй, видя, что святый остался невредимымъ отъ съѣденной отравы, приготовилъ другое мясо съ сильнѣйшимъ ядомъ и сказалъ святому:

— Если ты съѣшь это мясо и останешься живъ, то я оставлю все свое волшебство и чародѣйство и увѣрую въ твоего Бога.

Святый Викторъ и это мясо, отравленное сильнѣйшимъ ядомъ, съѣлъ, но остался невредимымъ. Тогда чародѣй громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Ты побѣдилъ силу моего волшебства, Викторъ, и мою душу, уже давно погибшую, избавилъ отъ ада, ибо я увѣровалъ въ проповѣдуемаго тобою Господа Іисуса Христа.

---

[1]) Кн. Прор. Даніила, гл. 3, ст. 50.

Ст҃іи мч҃нцы
ві́кторъ и стефані́да

Послѣ сего чародѣй пошелъ въ свой домъ и, собравъ всѣ свои волшебныя книги и всѣ волшебные талисманы, сжегъ ихъ и сдѣлался истиннымъ христіаниномъ.

Воевода, видя, что ничто не можетъ повредить святому, пришелъ въ сильную ярость и приказалъ вытягивать изъ тѣла мученика жилы; послѣ чего повелѣлъ бросить мученика въ кипящее масло.

А святый въ это время говорилъ:

— Мнѣ такъ же пріятно сіе кипящее масло, какъ жаждущему холодная вода.

Такая твердость святаго Виктора привела мучителя въ еще бо́льшую ярость, и онъ повелѣлъ повѣсить святаго на деревѣ и опалять его тѣло свѣчами; а чтобы еще больше увеличить тяжесть мученій, смѣшали прахъ съ уксусомъ и вливали эту смѣсь въ уста мученика.

Но онъ говорилъ:

— Уксусъ сей и смертоносный ядъ вашъ для меня все равно, что медъ и медовые соты.

Тогда мучитель, приходя все въ бо́льшую и бо́льшую ярость, повелѣлъ выколоть Христову мученику глаза. Послѣ сего, повѣсивъ святаго внизъ головой, воины ушли и оставили его висѣть въ такомъ положеніи въ теченіе трехъ дней. Въ четвертый же день, думая, что мученикъ уже умеръ, воины пришли посмотрѣть на него и, найдя его живымъ, удивились. Отъ сего они пришли въ ужасъ и ослѣпли, и каждый изъ нихъ началъ искать себѣ проводника.

Святый, милосердовавъ о нихъ, усердно помолился Богу и сказалъ имъ:

— Во имя Господа моего Іисуса Христа прозрите!

И они тотчасъ прозрѣли и, придя къ воеводѣ, разсказали ему бывшее. Но воевода еще сильнѣе разгнѣвался и повелѣлъ воинамъ содрать кожу со святаго Виктора. Когда это нечестивое повелѣніе приводили въ исполненіе, то одна женщина, по имени Стефанида, пришедшая посмотрѣть на мученія святаго, христіанка по вѣрѣ, супруга одного изъ воиновъ, увидала два прекрасныхъ вѣнца, спускающихся съ неба. Одинъ изъ сихъ вѣнцевъ спускался на главу святаго мученика Виктора, а другой — на ея главу.

Увидя сіе, Стефанида начала громкимъ голосомъ прославлять мученика:

— Блаженъ ты, Викторъ, и блаженны твои страданія за Христа, благопріятна Богу твоя жертва, какъ жертва Авеля[1]), ибо ты праведнымъ сердцемъ принесъ Ему самого себя! Богъ такъ же принялъ тебя, какъ нѣкогда праведнаго Еноха, коего Онъ взялъ съ земли въ рай, дабы онъ не вкусилъ и временной смерти[2]); ты праведенъ, какъ Ной, исполненный благихъ дѣлъ и самый святый изъ народа своего[3]). Ты увѣровалъ, какъ Авраамъ, принесъ себя въ жертву Богу, какъ Исаакъ, претерпѣлъ труды, какъ Іаковъ. Премудръ ты, какъ Іосифъ, коему было дано провидѣть будущее; искушенія претерпѣлъ ты, какъ Іовъ, который послѣ многихъ страданій побѣдилъ діавола и показалъ примѣръ терпѣнія[4])! Ты подобенъ Исаіи, который былъ по приказанію царя Манассіи перепиленъ пилою; тебя не коснулся огонь, какъ въ Навуходоносоровой печи трехъ отроковъ[5]); ты возложилъ свою надежду на Бога, какъ Давидъ, сынъ Іессея. Вотъ, я вижу два вѣнца, ниспосланные съ Неба: одинъ—бо́льшій и прекраснѣйшій, другой —меньшій: бо́льшій приносится тебѣ двѣнадцатью Ангелами, меньшій — мнѣ; ибо и я, хотя и немощной сосудъ, готова принять подвигъ мученичества и мужественно пострадать за Имя Господа нашего и положить за Него свою душу.

---

1) Кн. Бытія, гл. 4, ст. 4.
2) Тамъ же, гл. 5, ст. 24.
3) Тамъ же, гл. 6, ст. 9.
4) Кн. Іова. Послан. ап. Іакова, гл. 5, ст. 10—11.
5) Кн. Прор. Даніила, гл. 3, ст. 50.

Услыхавъ сіи слова Стефаниды, воевода повелѣлъ воинамъ взять ее и привести къ себѣ. Гордо посмотрѣвъ на нее, онъ спросилъ:

— Ты кто?

— Я—христіанка,—отвѣтила святая.

Потомъ воевода спросилъ ее объ имени и о лѣтахъ и, узнавъ, что имя ея Стефанида, что ей пятнадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ отъ роду и что она замужемъ годъ и четыре мѣсяца, началъ съ кротостью говорить ей:

— Зачѣмъ ты такъ скоро хочешь покинуть сей прекрасный міръ, хорошую жизнь и замужество и желаешь погубить свою молодую жизнь, добровольно отдавая себя на смерть за Распятаго?

Святая на это отвѣчала мучителю:

— Я оставляю временный и суетный сей міръ и всѣ земныя плотскія желанія и моего смертнаго мужа, дабы пойти вмѣстѣ съ мудрыми дѣвами навстрѣчу Нетлѣнному и Безсмертному Жениху, Христу Спасителю моему.

Воевода сказалъ ей:

— Не говори такихъ безсмысленныхъ и безполезныхъ словъ о твоемъ Богѣ, обратись къ нашимъ богамъ и принеси имъ жертву.

Но святая Стефанида съ твердостью отвѣчала:

— Ты и твои боги исполнены лжи, я же говорю истину, ибо мой Господь истинный и въ Немъ нѣтъ неправды. Не принесу жертвы ложнымъ богамъ, но хочу быть пріятною жертвою Истинному, живущему на Небѣ Богу, дабы не лишиться уготованнаго мнѣ вѣнца въ Его Царствѣ.

Тогда мучитель повелѣлъ наклонить къ землѣ вершины двухъ находящихся тамъ финиковыхъ пальмъ и привязать къ нимъ святую, чтобы разорвать ее. Одну ея ногу привязали къ вершинѣ одной наклоненной финиковой пальмы, а другую — къ другой и отпустили ихъ; пальмы, поднявшись въ высоту, разорвали мученицу надвое. Святая же душа мученицы, какъ бы птица вылетѣвшая изъ разорванной сѣти, нашла себѣ гнѣздо на Небѣ въ уготованномъ ей вѣнцѣ.

Послѣ сего и святаго Виктора воевода повелѣлъ усѣкнуть мечомъ. Услыхавъ о семъ повелѣніи, святый Викторъ возблагодарилъ Бога. Передъ тѣмъ, какъ хотѣли ему отсѣчь главу, онъ предсказалъ о смерти своихъ мучителей, говоря:

— Чрезъ двѣнадцать дней вы умрете, а воевода вашъ черезъ двадцать четыре дня будетъ взятъ въ плѣнъ непріятелями.

Предсказавъ сіе, святый помолился и преклонилъ свою главу на усѣченіе. И отсѣчена была мечомъ честна́я глава святаго мученика.

По усѣченіи главы святаго Виктора изъ тѣла его вытекло молоко съ кровью, и многіе изъ невѣрующихъ, видя таковое чудо, увѣровали во Христа. Наипаче же увѣровали многіе, когда увидѣли исполненіе пророчества мученика, ибо какъ онъ предсказалъ, такъ и сбылось: мучившіе погибли внезапно, а воевода былъ взятъ въ плѣнъ непріятелями.

Святый Викторъ и святая мученица Стефанида пострадали одиннадцатаго ноября въ городѣ Дамаскѣ. А нынѣ они водворились въ томъ градѣ, каковый не имѣетъ нужды ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ, чтобы свѣтить ему, ибо слава Божія просвѣщаетъ его, и Агнецъ Божій свѣтильникъ его.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ВИКЕНТІЯ

Отечествомъ святаго Викентія была Испанія. Сей святый еще отъ дней своей юности посвятилъ себя на служеніе Богу и, прилежно изучая Божественное Писаніе, поучался въ Законѣ Божіемъ день и ночь. Онъ имѣлъ премудраго и исполненнаго добрыхъ дѣлъ учителя, блаженнаго Валерія, епископа въ городѣ Августополѣ[1]). Сей епископъ, видя, что ученикъ его Викентій благоразуменъ и благонравенъ, посвятилъ его въ діаконы и сдѣлалъ проповѣдникомъ Слова Божія. Ибо хотя самъ онъ и весьма хорошо зналъ Священное Писаніе, но, будучи косноязыченъ, не могъ ясно говорить, а посему и поручилъ своему діакону, блаженному Ви-

[1]) *Августополь* (т. е. городъ Августа)—получилъ свое наименованіе отъ Римскаго императора Октавіана—Августа, который въ 27 году до Р. Хр. основалъ здѣсь военную Римскую колонію изъ своихъ ветерановъ. Августополь извѣстенъ также подъ именемъ *Сарагоссы*. Въ настоящее время Сарагосса — главный городъ испанской области того же имени и столица бывшаго королевства Аррагоніи, на правомъ берегу рѣки Эбро,— имѣющій около 100 000 жителей.

кентію, какъ человѣку достойному, премудрому и ясно говорящему, поучать народъ въ церкви, проповѣдуя Слово Божіе. Святый Викентій, принявъ отъ своего епископа сіе повелѣніе и благословеніе, не только въ церкви, но и на всякомъ мѣстѣ, гдѣ было для того удобно, усердно поучалъ и наставлялъ народъ, указывая путь спасенія для души.

Ст҃ый мч҃нкъ Викéнтїй

Въ то время отъ нечестиваго императора Діоклетіана въ Испанію былъ присланъ одинъ судья, по имени Датіанъ, родомъ грекъ, жестокій по характеру и яростный гонитель и мучитель христіанъ. Посланъ Датіанъ былъ для того, чтобы безъ пощады предавать смерти всѣхъ, исповѣдывающихъ Имя Христово. Этотъ судья, прибывъ въ одинъ испанскій городъ—Валенсію[1]), пролилъ тамъ много христіанской крови, похищая, какъ волкъ, овецъ Христовыхъ. Услыхавъ здѣсь объ епископѣ Валеріи и о діаконѣ его Викентіи, живущихъ въ Августополѣ, Датіанъ послалъ за ними своихъ воиновъ, повелѣвъ заковать ихъ и въ оковахъ привести къ нему на судъ. Воины, исполняя повелѣніе Датіана, взяли обоихъ святыхъ, заковали ихъ въ тяжелыя желѣзныя оковы и повели въ Валенсію, причиняя имъ по дорогѣ большое стѣсненіе, истомляя ихъ голодомъ, жаждою и быстрымъ ходомъ, ибо сами воины быстро ѣхали на коняхъ, а святые, не будучи въ состояніи поспѣть за воинами, ѣдущими на коняхъ, падали, и ихъ влекли долгое время, какъ бревна, привязанными къ конямъ.

Когда они были приведены въ городъ Валенсію, то мучитель повелѣлъ тотчасъ ввергнуть ихъ въ мрачную и смрадную темницу,

[1]) *Валенсія* — главный городъ испанской провинціи того же наименованія. Онъ былъ заложенъ Брутомъ, основавшимъ здѣсь Римскую колонію послѣ одержанной побѣды надъ лузитанцами, въ 138 году до Р. Хр. Находясь посреди замѣчательно плодородной долины, Валенсія принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ городамъ Пиренейскаго полуострова.

въ каковой держали ихъ долгое время безъ пищи и питья. Но Богъ укрѣплялъ ихъ Своею благодатію, дабы они не изнемогли и не потеряли силъ для совершенія мученическаго подвига. Между тѣмъ мучитель, боясь, чтобы узники не умерли и ему не на комъ было бы проявить свою ярость, приказалъ привести ихъ къ себѣ. Увидавъ, что они нисколько не пострадали ни отъ голода, ни отъ жажды, ни отъ тяжелыхъ оковъ, а, напротивъ, окрѣпли тѣломъ и просвѣтились лицомъ, мучитель сказалъ темничному стражу:

— Зачѣмъ ты давалъ имъ пищу и питье? Они сильно потолстѣли.

Стражъ съ клятвою увѣрялъ его, что ничего не давалъ заключеннымъ.

Тогда мучитель съ строгостью сталъ говорить съ епископомъ, думая, что если онъ устрашитъ своею строгостью епископа, то тѣмъ болѣе сдѣлаетъ кроткимъ и боязливымъ діакона. Но сего не случилось, ибо Господь, низлагающій сильныхъ съ престоловъ и возносящій смиренныхъ, благоволилъ, дабы гордость сего надменнаго мучителя была посрамлена юнѣйшимъ и низшимъ по сану.

Датіанъ прежде всего спросилъ епископа:

— Почему ты противишься царскому повелѣнію и не поклоняешься нашимъ богамъ, а прославляешь какого-то Христа?

Епископъ давалъ отвѣты Датіану тихимъ голосомъ и съ кротостью, какъ бы показывая нѣкую боязнь. Тогда діаконъ Викентій, исполнившись Святаго Духа, возгорѣлся ревностью о Богѣ и сказалъ своему епископу:

— Зачѣмъ ты, отче, говоришь такъ тихо, какъ бы боясь, и отчего на лаяніе этого пса не отвѣчаешь съ дерзновеніемъ? Исповѣдуй громкимъ голосомъ силу Христову и свободно обличай и побѣждай безуміе сего лукаваго человѣка, который хочетъ идти противъ Бога, своего Творца, даровавшаго ему такую власть, и хочетъ подобающее Богу почитаніе воздавать бѣсамъ. Нынѣ надлежитъ совершенно побѣдить того діавола, коего многіе люди, какъ немощного и трусливаго, изгнали Именемъ Христовымъ, и сокрушить главу сего змія.

Датіанъ, услыхавъ сіи слова и видя, что святый діаконъ Викентій ни во что считаетъ всю его силу, власть и угрозы, сказалъ предстоящимъ:

— Уведите отсюда епископа, я побесѣдую съ симъ юнымъ діакономъ.

Обратясь затѣмъ къ палачамъ, мучитель сказалъ имъ:

— Приготовьте всѣ орудія мученій, дабы отвѣтить самымъ дѣломъ тому, кто унижаетъ насъ своими словами.

Потомъ повелѣлъ, привязавъ святаго къ дереву, строгать и терзать его тѣло желѣзными когтями. Когда воины приводили въ исполненіе приказаніе Датіана, то земля оросилась кровію, текшею ручьями изъ истерзаннаго тѣла, а чрезъ глубокія язвы мученика стали видны кости. Мучитель же, насмѣхаясь надъ святымъ, говорилъ ему:

— Что ты теперь скажешь, Викентій, видишь, какими ранами уязвлено и растерзано твое тѣло?

Но святый отвѣчалъ ему:

— Чего я желалъ, то и получилъ, ибо сіе то самое, чего я всей душою желалъ; повѣрь мнѣ, судья, что для меня не было выше желанія, какъ пострадать за моего Господа; и никто не оказалъ мнѣ сей милости, кромѣ тебя. Хотя ты и по злобѣ сіе дѣлаешь, тѣмъ не менѣе оказываешь мнѣ благодѣяніе, предавъ меня мученію, ибо насколько ты умножаешь мои мученія, настолько мой Господь увеличиваетъ мнѣ и воздаяній на Небѣ. Я посредствомъ сихъ тяжкихъ мученій, какъ по ступенямъ, восхожу къ Богу моему, живущему на высотѣ: надеждою на Него я какъ бы уже прикасаюсь къ Небу, а царское повелѣніе отвергаю и смѣюсь надъ твоимъ безуміемъ. Не прекращай моихъ мученій, но предай меня еще бо́льшимъ мукамъ: молю тебя, будь болѣе и болѣе для меня жестокимъ и повели твоимъ слугамъ не переставать меня мучить, пока не умретъ мое тѣло; я же, какъ рабъ Христа Господа моего, готовъ все претерпѣть за Имя Его.

Мучитель, выслушавъ сіи слова святаго, пришелъ въ ярость и закричалъ на слугъ, чтобы они не жалѣли рукъ для мученія и еще сильнѣе мучили Христова страдальца. Когда же онъ увидалъ, что слуги изнемогаютъ, то, вставъ, началъ ихъ бить.

А святый смѣялся надъ его гнѣвомъ и говорилъ ему:

— Что ты дѣлаешь, судья? За что ты бьешь своихъ слугъ? Они меня мучаютъ, а ты отомщаешь имъ за сіе?

Датіанъ, уязвленный сими словами мученика и его непобѣдимымъ терпѣніемъ, пришелъ въ еще бо́льшую ярость: заскрежеталъ зубами, сильно поблѣднѣлъ и затрясся отъ гнѣва. Затѣмъ, нѣсколько успокоившись, онъ съ кротостью сталъ говорить слугамъ:

— Что это значитъ, мои вѣрные слуги, что сей злодѣй не чувствуетъ тяжести вашихъ рукъ и не страшится мученій, но еще и смѣется надъ вами, какъ никто никогда не смѣялся? Мало ли было разбойниковъ, злодѣевъ, отцеубійцъ и волшебниковъ, которыхъ вы замучили вашими сильными руками, и не было ни одного такого, какъ сей, который теперь въ вашихъ рукахъ и смѣется надо мною и надъ вами. Неужели вы снесете такое посрамленіе? Соберите всѣ свои силы и еще сильнѣе мучайте его.

Но святый Викентій еще болѣе смѣялся надъ ихъ слабостью и говорилъ:

— Не прошу я тебя, мучитель, чтобы ты пересталъ меня мучить, но изобрѣти еще бо́льшія муки, ибо сила Христова, помогающая мнѣ, гораздо болѣе, нежели твоя сила, предающая меня мукамъ, и я не ослабѣю, исповѣдуя и прославляя Іисуса Христа, Единаго Истиннаго Бога. О, если бы и ты позналъ Сего Бога, видя Его великую силу, являющуюся во мнѣ немощномъ, которую ты со всѣми своими слугами не можешь побѣдить; но ты, видя не видишь, и слыша не разумѣешь и не перестаешь совершать бѣсовскую волю на погибель своей душѣ!

Судья, не имѣя силъ ничего достигнуть посредствомъ мукъ (ибо сквозь суставы и кости мученика проникало острое желѣзо и доходило до его внутренностей, но онъ оставался невредимымъ), задумалъ лестью склонить святаго къ своему нечестію и сталъ ему говорить кротко:

— Пощади твою юность, Викентій, и не желай, чтобы цвѣтокъ твоей жизни прежде времени завялъ, не прекращай долгихъ лѣтъ своей жизни, но пощади самого себя и принеси намъ раскаяніе, дабы не погибнуть тебѣ совершенно. Ибо я жалѣю тебя и желалъ бы видѣть тебя не въ безчестіи и мукахъ, но въ почетѣ и въ славѣ, такъ какъ я испросилъ бы для тебя великую почесть, если бы ты послушалъ меня.

Святый Викентій на эти льстивыя слова Датіана отвѣтилъ:

— Для меня гораздо хуже твое лукавое милосердіе, нежели твоя ярость, ибо я не столько боюсь мукъ, сколько устрашаюсь твоихъ льстивыхъ словъ. Прекрати это пагубное для моей души лукавство и обрати на меня всю силу своего мучительства, предай меня мученіямъ безъ милости и познай силу Христа, вселяющуюся въ любящихъ Его.

Сіи слова мученика снова привели мучителя въ сильный гнѣвъ, и онъ повелѣлъ пригвоздить мученика ко кресту и разными способами мучить все его тѣло. Когда слуги, исполняя повелѣніе мучителя, распятаго святаго били и разжженнымъ желѣзомъ опаляли его раны, то Христовъ мученикъ вдругъ упалъ съ креста на землю. Слуги, думая, что святый уже умеръ, взяли его, желая унести оттуда. Но святый, укрѣпляемый благодатію Христовою, освободился изъ ихъ рукъ и снова повисъ на крестѣ. При этомъ онъ укорялъ слугъ въ нерадѣніи, говоря, что они безъ усердія исполняютъ повелѣнія своего господина. Тогда слуги пришли въ сильную ярость и начали всячески мучить святаго со всей своей силой, пока сами совершенно не изнемогли. Послѣ сихъ мукъ, по повелѣнію мучителя, святаго Викентія заключили въ темницу, въ коей всего израненнаго, съ раздробленными членами и растерзанными жилами положили на острыхъ черепкахъ. Когда наступила ночь и стража крѣпко спала, внезапно въ темницѣ возсіялъ свѣтъ и къ святому сошелъ съ Неба ликъ Ангеловъ, утѣшая его въ страданіяхъ. Святый мученикъ Викентій, получивъ чрезъ сіе ангельское посѣщеніе исцѣленіе своихъ ранъ и исполнившись неизреченной радости, прославлялъ Бога. Стерегущіе его воины проснулись, услыша, что онъ съ веселіемъ воспѣваетъ, и, увидя въ темницѣ несказанный свѣтъ, сильно испугались и побѣжали извѣстить объ этомъ Датіана. А онъ находился въ большомъ затрудненіи, измышляя всю ночь, что бы еще сдѣлать съ непобѣдимымъ мученикомъ, и, наконецъ, придумалъ такую хитрость. Онъ повелѣлъ приготовить прекрасное ложе и, постлавъ на немъ мягкую постель, положить на нее святаго. При этомъ мучитель повелѣлъ приставить къ святому соблазнителей, научивъ ихъ, чтобы они утирали кровь его, перевязывали раны и оказывали ему всякія услуги, какъ бы сожалѣя его и печалясь о немъ, и чтобы, лобызая ноги его, они молили его помиловать себя и не предавать себя еще бо́льшимъ мученіямъ, а исполнить царское повелѣніе. Когда приводили въ исполненіе это приказаніе Датіана, то святый говорилъ:

— Для меня лучшимъ было ложе въ мукахъ на черепкахъ, нежели сіе, и симъ вы, лукавые соблазнители, не прельстите меня.

Мучитель, видя, что хитростью своею онъ не можетъ ничего достигнуть, снова обратился къ мученіямъ. Онъ повелѣлъ разжечь желѣзныя доски и прикладывать ихъ къ бокамъ святаго. Потомъ,

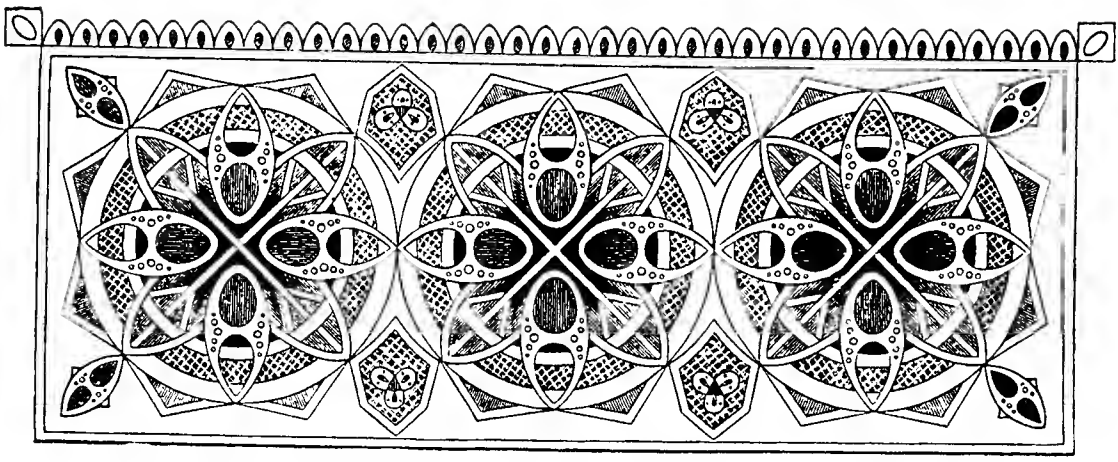
по его приказанію, положили мученика на желѣзную рѣшетку и, разведя большой огонь подъ рѣшеткой, жгли на ней мученика.

Мученикъ же съ твердостью переносилъ всѣ сіи муки, исповѣдуя Имя Іисуса Христа, и окончилъ подвигъ своего мученичества, предавъ свой духъ въ руки Господа своего[1]).

Мучитель, видя, что святый умеръ, повелѣлъ вынести тѣло его въ поле и бросить безъ погребенія, на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ, а въ отдаленіи повелѣлъ поставить стражу, дабы тѣло мученика не взяли христіане. Но Богъ, Который хранитъ всѣ кости[2]) праведниковъ, приставилъ необычайнаго стража къ тѣлу мученика, повелѣвъ охранять его вброну. Стража, поставленная Датіаномъ въ отдаленіи, видѣла, что когда на тѣло святаго нападало множество хищныхъ птицъ, то вбронъ всѣхъ отгонялъ и не позволялъ ни одной птицѣ сѣсть на тѣло мученика. И хотя самъ вбронъ, по природѣ своей, любитъ клевать мертвыя тѣла, но, удерживаемый силою Божіею, онъ и самъ не прикоснулся къ тѣлу святаго, и другимъ птицамъ препятствовалъ прикоснуться. И еще чудеснѣе,—когда пришелъ волкъ и хотѣлъ унести тѣло святаго, воронъ, съ силою напавъ на него и избивъ его крыльями, отогналъ и его. Когда стража возвѣстила о семъ Датіану, онъ весьма удивился, однако не хотѣлъ видѣть въ этомъ силы Божіей и повелѣлъ бросить тѣло мученика въ море. Воины, взявши честно́е тѣло Викентія, сѣли на корабль и, отплывъ далеко въ море, бросили его въ глубину морскую, а сами поплыли обратно къ берегу. Когда они подплыли къ берегу, то увидали тѣло мученика лежащимъ на берегу. Пораженные ужасомъ, они убѣжали. А христіане, взявъ святые останки мученика, съ честью погребли ихъ, прославляя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

[1]) Блаженная кончина мученика Викентія послѣдовала въ 304 году. Мощи святаго почиваютъ въ Римѣ, въ церкви его имени, въ загородномъ монастырѣ.

[2]) Псал. 33, ст. 21.



ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ѲЕОДОРА СТУДИТА

Въ Константинополѣ проживалъ нѣкогда богатый и благородный человѣкъ по имени Фотинъ[1]), женатый на одной благородной женщинѣ, по имени Ѳеоктистѣ. Оба они были благочестивы и боялись Бога. Отъ нихъ и родился блаженный Ѳеодоръ. Родители, просвѣтивъ его Святымъ Крещеніемъ, воспитывали его въ добрыхъ правилахъ и отдали въ книжное обученіе. Съ воцареніемъ нечестиваго царя Константина Копронима[2]) стала распространяться иконоборческая ересь и было воздвигнуто сильное гоненіе на православныхъ. Вслѣдствіе сего Фотинъ, отказавшись отъ занимаемой имъ важной государственной должности и посовѣтовавшись съ своею супругою, роздалъ все имѣніе и, отрекшись отъ міра, посвятилъ себя, вмѣстѣ съ Ѳеоктистою, иноческой жизни, въ которой они ревностно подвизались до самой кончины. Блаженный же Ѳеодоръ, обучившись еллинской премудрости, сдѣлался выдающимся ораторомъ и превосходнымъ философомъ и препирался съ злочестивыми еретиками о православной вѣрѣ. Онъ

---

1) *Фотинъ,* отецъ преп. Ѳеодора Студита, былъ сборщикомъ царскихъ податей.

2) *Константинъ V Копронимъ,* Византійскій императоръ-иконоборецъ, царствовалъ съ 741 по 775 годъ.

настолько былъ свѣдущъ въ Божественномъ Писаніи и догматахъ, что еретики никогда не могли противостоять ему.

По смерти злочестиваго царя Константина Копронима на престолъ вступилъ сынъ его Левъ[1]), также иконоборецъ, но онъ царствовалъ недолго и вскорѣ умеръ. Послѣ него на престолъ вступила супруга его Ирина вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Константиномъ[2]). Нося имя, означающее *миръ*[3]), она и на самомъ дѣлѣ водворила въ Церкви миръ и прекратила иконоборческую смуту. Она собрала множество преподобныхъ Отцовъ и вмѣстѣ съ святѣйшимъ Патріархомъ Тарасіемъ[4]) созвала въ Никеѣ[5]) Седьмой Вселенскій Соборъ, на которомъ, отвергнувъ нечестивое ученіе еретиковъ, снова установила, какъ то было прежде, почитаніе божественныхъ иконъ и поклоненіе имъ[6]). Собравшихся на Соборъ Отцовъ было болѣе трехъ сотъ; въ числѣ ихъ присутствовалъ и преподобный Платонъ, который первоначально подвизался на горѣ Олимпѣ[7]). Онъ былъ блаженному Ѳеодору дядею—по матери; въ немъ жилъ Духъ Божій, и, какъ человѣкъ, начитанный въ Божественныхъ Писаніяхъ и искусный витія, онъ былъ полезенъ для всѣхъ.

По окончаніи Собора Платонъ захватилъ съ собою блаженнаго Ѳеодора и съ нимъ двухъ его братьевъ, Іосифа и Евѳимія, изъявившихъ желаніе принять иночество[8]). Удалившись съ ними, онъ пришелъ въ одно уединенное мѣсто, называвшееся Сакудіонъ[9]).

---

1) *Левъ IV Хазаръ* царствовалъ съ 775 по 780 г.

2) *Св. Ирина,* супруга Льва Хазара, управляла по его смерти государствомъ за малолѣтствомъ сына своего, Константина Порфиророднаго, съ 780 по 797 г. и потомъ послѣ него самостоятельно по 802 г.

3) Εἰρήνη съ греческаго значитъ: миръ.

4) *Св. Тарасій*—Патріархъ Константинопольскій съ 784 по 806 годъ. Память его—25-го февраля.

5) Второй Никейскій.

6) *Никея* (нынѣ Исникъ)—на сѣверо-западномъ берегу Малой Азіи, на берегу Асканіева озера, въ древности богатый и цвѣтущій городъ Виѳиніи, нынѣ весьма бѣдный и малонаселенный. *VII Вселенскій Соборъ* происходилъ подъ предсѣдательствомъ самого Тарасія. Воспоминаніе VII Вселенскаго Собора совершается 11-го октября.

7) *Олимпъ*—гора въ Мизіи на Фригійско-виѳинской границѣ въ Малой Азіи. Здѣсь находился славившійся подвижничествомъ своихъ насельниковъ монастырь, именовавшійся *Симво́лами,* гдѣ и подвизался преп. Платонъ исповѣдникъ. Память его совершается 5-го апрѣля.

8) Какъ самъ преп. Ѳеодоръ упоминаетъ о томъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, онъ былъ прежде женатъ, но на 22 году жизни посвятилъ себя иноческой жизни, равно какъ и супруга его Анна.

9) *Сакудіонъ*—впослѣдствіи знаменитый монастырь, недалеко отъ Виѳинской горы Олимпа.

Прп҃бный
ѳеѡ́дѡръ студі́тъ

Мѣстность эта была весьма прекрасна и благопріятна для ищущихъ безмолвія. Находясь на горѣ, закругленная и ровная, она была окружена различными высокими деревьями, имѣла вкусную проточную воду и единственный доступъ по небольшой тропинкѣ. Платону и его спутникамъ мѣсто это весьма понравилось, и они поселились тамъ и вскорѣ построили церковь во имя святаго Іоанна Богослова. Когда число братіи стало умножаться, Платонъ устроилъ монастырь[1]); блаженный же Θеодоръ, будучи имъ же постриженъ въ чинъ инока, болѣе другихъ умерщвлялъ плоть свою подвигами и постомъ. Поучаясь смиренію, онъ выбралъ для себя самые тягчайшіе и низшіе труды и послушанія. И многимъ казалось удивительнымъ, что сынъ богатыхъ и благородныхъ родителей, воспитанный въ нѣгѣ и покоѣ, подвергаетъ себя столь суровымъ подвигамъ: рубитъ дрова, носитъ воду, копаетъ землю въ виноградникѣ, перетаскиваетъ камни и усердно исполняетъ и иныя подобныя послушанія, напр.: часто занимается переноской навоза въ виноградникъ для удобренія земли. Въ то же время святый помогалъ въ работахъ слабѣйшимъ братіямъ, больнымъ тѣломъ, и былъ для всѣхъ слугою. Имѣлъ онъ еще попеченіе и о томъ, дабы всѣ свои помышленія и поступки исповѣдывать своему отцу духовному—святому Платону. Съ любовію приходя къ нему, Θеодоръ исповѣдывался и усердно принималъ отъ него наставленія. Онъ постоянно отдѣлялъ для себя отъ каждаго дня часть времени для богомыслія, дабы, предстоя Единому Богу, вдали отъ всего мірскаго и суетнаго совершать Ему нѣкое таинственное служеніе. Но добродѣтель его не могла утаиться; ибо сами слезы, которыя изобильно истекали изъ его глазъ, бывали

[1]) Обитель монашеская была основана преподобнымъ Платономъ въ 782 году.

несомнѣннымъ доказательствомъ многихъ его добродѣтелей. Воздержаніе святаго было дивно и разумно. Онъ не уклонялся отъ пищи и въ то же время не отягощалъ своего желудка, но искусно сокрушалъ главу тщеславнаго змія: ибо не постился болѣе установленнаго для всѣхъ братій времени; но когда всѣ находились на трапезѣ, тогда и онъ сидѣлъ и ѣлъ вмѣстѣ съ другими. Но, при этомъ, онъ вкушалъ весьма мало: сколько требовалось лишь для того, чтобы удовлетворить самой необходимой тѣлесной потребности, и въ то же время старался скрыть отъ другихъ свое воздержаніе, дабы не узнали, что онъ почти совсѣмъ не принимаетъ пищи, и не показывался людямъ постящимся. Сему его обычаю многіе соревновали и, насколько возможно, старались подражать. Изъ числа такихъ были слѣдующіе: Іосифъ, братъ его по плоти, который впослѣдствіи за свою добродѣтельную жизнь былъ поставленъ пастыремъ Солунской церкви[1]), Евѳимій, другой его братъ, затѣмъ Аѳанасій, Навкратій, Тимоѳей и многіе другіе изъ постниковъ, кои, послѣдуя образу мыслей и поведенію Ѳеодора, преуспѣвали въ добродѣтеляхъ. Преуспѣвая въ непрестанныхъ подвигахъ молитвы и богомыслія, блаженный Ѳеодоръ имѣлъ великое усердіе къ чтенію душеспасительныхъ книгъ; прилежно прочитывалъ онъ Ветхій и Новый Завѣтъ и творенія святыхъ Отцовъ. Въ особенности онъ любилъ читать творенія святаго Василія Великаго[2]), которыя были какъ бы пищею для души его и отъ которыхъ онъ получалъ великое духовное наслажденіе. Законоположенныя святымъ Василіемъ Правила и Уставы иноческой жизни[3]) онъ тщательно хранилъ, не преступая и одной черты въ нихъ; тѣхъ же, которые не соблюдали сихъ правилъ включительно до малѣйшаго постановленія, онъ считалъ не иноками, но мірянами.

---

1) Впослѣдствіи причисленъ къ лику святыхъ; память его совершается 26-го января.

2) *Св. Василій Великій*, епископъ Кесаріи Каппадокійской, величайшій отецъ Церкви, оставившій многочисленныя и замѣчательнѣйшія творенія какъ витія—проповѣдникъ, какъ истолкователь Писанія и догматовъ христіанскихъ и апологетъ православнаго ученія противъ еретиковъ, какъ учитель нравственности и благочестія и, наконецъ, какъ устроитель церковнаго Богослуженія и благочинія. † 379 г. Память его 1-го января и—совмѣстно со свв. Григоріемъ Богословомъ и Іоанномъ Златоустымъ—30-го января.

3) Св. Василій Великій былъ самъ строгимъ подвижникомъ и ревнителемъ иноческаго аскетизма. Онъ поучался богоугодной жизни христіанскихъ подвижниковъ въ Египтѣ и др. странахъ, процвѣтавшихъ иночествомъ, и потомъ самъ основалъ въ пустынѣ Понтской обитель, ставшую образцомъ для другихъ обителей. Впослѣдствіи онъ составилъ уставъ иноческій, т. н. «Большія и малыя монашескія правила», въ руководство иноческой жизни, принятыя и распространившіяся на Востокѣ въ качествѣ законоположеній для иноческихъ обителей.

Видя блаженнаго Θеодора сіяющимъ столь добродѣтельною жизнію, преподобный Платонъ чрезвычайно радовался за него. Рѣшивъ почтить святаго Θеодора священнымъ саномъ, онъ отправился съ нимъ въ Византію къ святѣйшему Патріарху Тарасію, который и рукоположилъ Θеодора въ санъ пресвитера, не столько по его доброй волѣ, сколько по понужденію; ибо блаженный, считая себя недостойнымъ, не желалъ принимать на себя такого сана и говорилъ, что онъ выше силъ его. Но, будучи не въ силахъ противорѣчить волѣ своего отца духовнаго Платона и патріаршей, а болѣе всего Божественному изволенію, онъ повиновался и принялъ священство. Вернувшись затѣмъ въ монастырь, преподобный устремился къ еще бо́льшимъ подвигамъ и трудамъ, которыхъ невозможно и описать.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ преподобный Платонъ, ставъ немощнымъ вслѣдствіе многолѣтней и утружденной старости, рѣшился сложить съ себя начальствованіе надъ монастыремъ и пожелалъ, дабы послѣ него власть принялъ блаженный Θеодоръ. Онъ часто говаривалъ о семъ послѣднему, умоляя и наставляя его, дабы онъ облегчилъ бремя отца своего и согласился быть начальникомъ въ монастырѣ. Θеодоръ всячески отказывался отъ власти, лучше соглашаясь самъ жить подъ начальствомъ другихъ, нежели начальствовать надъ другими, полагая, что легче и для спасенія полезнѣе получать наставленія отъ другихъ, нежели самому наставлять кого-либо. Преподобный Платонъ, видя, что Θеодоръ не оказываетъ повиновенія въ семъ его желаніи, придумалъ слѣдующую хитрость: онъ слегъ въ постель, какъ бы больной,—да онъ и въ дѣйствительности былъ слабъ,—и, созвавъ всю братію, сообщилъ о себѣ, что онъ чувствуетъ приближеніе своей кончины, а затѣмъ спросилъ: кого они желаютъ послѣ него имѣть своимъ настоятелемъ, кого они считаютъ наиболѣе способнымъ для сего? Преподобный зналъ, что они не иного кого пожелаютъ имѣть своимъ настоятелемъ, какъ только Θеодора, ибо всѣ любили его и почитали за великія его добродѣтели. Такъ и случилось: всѣ единодушно отвѣчали:

— Отче! Послѣ тебя надъ нами игуменомъ да будетъ Θеодоръ!

Платонъ немедленно передалъ всю власть Θеодору, и блаженный Θеодоръ не могъ противиться желанію всей братіи и, вопреки своей волѣ, принялъ власть[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подъялъ на

[1]) Это было въ 794 году.

себя и еще бо́льшіе подвиги, являясь образцомъ для всѣхъ, уча словомъ и дѣломъ и исправляя нарушенія иноками уставовъ; ибо нѣкоторые тогда не стали соблюдать иноческихъ правилъ, особенно обѣтовъ нестяжательности и нищеты. Соболѣзнуя относительно таковыхъ, блаженный Θеодоръ поспѣшилъ поскорѣе исправить ихъ къ лучшему и оказалъ пользу и остальнымъ окрестнымъ инокамъ. Если же нѣкоторые и роптали на него, то онъ не обращалъ на то вниманія, ибо не на то онъ взиралъ, что о немъ говорятъ ропщущіе, но заботился о томъ, дабы дѣятельность его сдѣлалась угодной Богу. Впослѣдствіи и ропотники, приходя въ страхъ Божій, исполняли волю преподобнаго и открывали ему свои помыслы. Внимательно разсматривая ихъ, онъ подавалъ каждому соотвѣтствующее врачевство: лѣнивѣйшихъ — возбуждая къ подвигу, усерднѣйшимъ же — нѣсколько ослабляя ихъ подвигъ, дабы они не изнемогли подъ бременемъ подъятыхъ трудовъ. Но благовременно теперь описать и страданія святаго, которыя онъ перенесъ по ревности о Богѣ и Законѣ Божіемъ, дабы намъ узрѣть мужественное терпѣніе Θеодора въ скорбяхъ.

Въ то время царь Константинъ, сынъ благочестивой царицы Ирины, пришедши въ возрастъ, устранилъ отъ царскаго престола свою мать и самъ сталъ управлять царствомъ[1]). Будучи молодъ и развращенъ, онъ предался излишеству въ страстяхъ и любодѣйству. Вслѣдствіе сего онъ задумалъ прогнать свою супругу Марію и силою заставилъ ее постричься въ иночество; вмѣсто нея онъ взялъ себѣ другую жену, по имени Θеодотію, которая приходилась родственницей его отцу[2]). Святѣйшій же Патріархъ Тарасій не одобрялъ сего прелюбодѣянія царя и не хотѣлъ благословить ихъ бракъ. Но одинъ пресвитеръ, по имени Іосифъ, который былъ экономомъ великой церкви[3]), нарушивъ Божественные Законы и, ослушавшись Патріарха, согласился совершить надъ ними Таинство Брака. За сію преступную дерзость — какъ о

1) Въ октябрѣ 790 года, когда Константину было двадцать лѣтъ.

2) Первой супругой Константина была Марія, внучка праведнаго Филарета Милостиваго, княжна изъ города Амніи (на сѣверо-востокѣ Малой Азіи), Армянскаго племени; Константинъ вступилъ съ нею въ супружество по волѣ своей матери. Второй бракъ императора съ Θеодотіей, бывшей до того времени придворной дамой, былъ заключенъ въ 795 году.

3) Должность «Эконома великой, т. е. Константинопольской, церкви» была одною изъ самыхъ значительныхъ должностей при Константинопольскомъ Патріархѣ; «экономъ великой церкви» завѣдывалъ всею патріаршею казною и имѣлъ большое вліяніе на церковныя дѣла.

томъ покажетъ послѣдующая рѣчь — онъ вскорѣ послѣ того воспріялъ достодолжное возмездіе. Патріархъ всячески старался расторгнуть сей прелюбодѣйный царскій бракъ, но не могъ, потому что царь грозился вновь воздвигнуть иконоборческую ересь, если ему запретятъ этотъ бракъ. Посему патріархъ предоставилъ царю оставаться въ его брачномъ союзѣ, дабы не постигло Христову Церковь сильнѣйшее зло. Сіе беззаконіе, начавшееся съ царскаго чертога, распространилось повсюду — не только въ ближайшихъ городахъ, но и въ далекихъ предѣлахъ. Такъ же стали поступать князья и вельможи, живущіе при Босфорѣ и среди Готовъ[1]), и правители прочихъ областей, прогоняя отъ себя своихъ женъ и по принужденію постригая ихъ въ иночество, а вмѣсто нихъ избирая себѣ другихъ и прелюбодѣйствуя съ ними. Услышавъ о семъ, блаженный Θеодоръ скорбѣлъ душею и тяжко воздыхалъ о таковыхъ, явно содѣлываемыхъ грѣхахъ, опасаясь, дабы сіе прелюбодѣйство не стало обычаемъ, беззаконіе не стало бы впослѣдствіи на мѣсто закона и Законъ Божій не былъ бы разрушенъ. Воспламенившись ревностью о Законѣ Божіемъ, Θеодоръ отправилъ ко всѣмъ инокамъ посланія, сообщая о царскомъ беззаконіи и увѣщавая считать царя отлученнымъ отъ Церкви Христовой какъ разорителя Закона Божія и соблазнителя многихъ. Слухъ о сей ревности и смѣлости Θеодора распространился повсюду, такъ что о томъ узналъ и самъ царь и разгнѣвался на преподобнаго. Но, считая Θеодора за мужа праведнаго, у всѣхъ стяжавшаго большую славу и почетъ, онъ открыто не обнаруживалъ своего гнѣва и первоначально хотѣлъ склонить его на свою сторону ласкою. И вотъ онъ приказалъ своей прелюбодѣйной супругѣ дабы она отправила отъ себя къ святому множество золота, испрашивая молитвъ за себя и за свой родъ. Но святый не принялъ золота и прогналъ посланныхъ какъ потворствующихъ беззаконію царя. Тогда царь изобрѣлъ другое средство: онъ предпринялъ, какъ бы по нѣкоторой необходимости, а въ дѣйствительности же для того, чтобы побесѣдовать съ Θеодоромъ и склонить его на свою сторону, путешествіе въ ту мѣстность, гдѣ жилъ преподобный; царь предполагалъ, что Θеодоръ съ братіею встрѣтитъ его и воздастъ подобающую ему честь. Когда царь проходилъ мимо монастыря того, ни преподобный, ни одинъ

[1]) *Босфоръ* — Константинопольскій проливъ, между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Готы обитали въ то время по Нижнему Дунаю.

изъ братіи его монастыря не вышелъ къ нему навстрѣчу, но, запершись, они пребывали въ молчаніи; когда же царскіе слуги стали стучаться въ ворота, никто не далъ отвѣта. Тогда царь еще болѣе разгнѣвался и, вернувшись въ свои палаты, послалъ немедленно въ монастырь преподобнаго нѣкоего сановника съ воинами, приказывая подвергнуть святаго и прочихъ единомышленныхъ съ нимъ иноковъ различнымъ мученіямъ, съ побоями выгнать изъ монастыря и отослать въ заточеніе. Посланный, отправившись, внезапно напалъ на монастырь и, схвативши всѣхъ тамъ находившихся, начиная съ преподобнаго Θеодора, немилосердно мучилъ, такъ что отъ ранъ ихъ отдѣлялись куски тѣла и обагрялась кровію земля. Послѣ сихъ мученій онъ отослалъ преподобнаго въ Солунь[1]) на заточеніе и съ нимъ одиннадцать начальствующихъ въ монастырѣ отцовъ, которые, сострадая преподобному, доблестно претерпѣвали съ нимъ узы и скорби, радуясь тому, что они подвергнуты мученіямъ и изгнаны правды ради.

Херсонесскіе[2]) и Босфорскіе пресвитеры и иноки, услыхавъ о твердости Θеодора и находящихся съ нимъ иноковъ и объ ихъ страданіяхъ, весьма о семъ сожалѣли и, подражая имъ, стали также говорить о беззаконіи царя и противленіи его Церкви, почему многіе изъ нихъ потерпѣли изгнаніе.

Находясь самъ въ заточеніи, блаженный Θеодоръ писалъ къ другимъ изгнаннымъ, за то же и находящимся въ заточеніи, укрѣпляя ихъ и увѣщавая не ослабѣвать въ подвигахъ, не изнемогать въ скорбяхъ, но еще болѣе мужаться и страдать за истину. Онъ писалъ также и къ папѣ Римскому[3]), увѣдомляя его о томъ, сколько и изъ-за чего перенесъ онъ страданій отъ беззаконствующаго царя. Папа, съ своей стороны, отвѣчалъ ему, восхваляя терпѣніе его и ублажая его ревность о Богѣ и непоколебимое мужество. Богъ же не умедлилъ отомстить царю за невинное оскорбленіе Своихъ рабовъ: Онъ лишилъ его и жизни, и царства, и злой царь погибъ злою смертью. Мать и бояре, возставъ на

---

1) Это было въ 796 году.— *Солунь*, или *Θессалоники*,—весьма значительный древній городъ Македоніи—лежалъ въ глубинѣ большого Солунскаго, или Θермейскаго, залива при Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ). Въ настоящее время городъ этотъ, подъ именемъ Салоники, послѣ Константинополя первый торговый и мануфактурный городъ въ Европейской Турціи, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

2) Т. е. обитавшіе на Крымскомъ, или Таврическомъ, полуостровѣ (въ западной и восточной его частяхъ), гдѣ въ то время было много греческихъ колоній, основанныхъ въ глубокой древности.

3) Папою Римскимъ былъ въ то время св. Левъ III (795—816 гг.).

него, выкололи ему глаза[1]), и онъ вскорѣ отъ болѣзни умеръ. Послѣ его смерти, когда Ирина вновь вступила на Византійскій престолъ, всѣхъ возвратили изъ заточенія, и блаженный Θеодоръ былъ призванъ въ Царьградъ изъ Солуни и, какъ Христовъ исповѣдникъ, былъ весьма почтенъ Патріархомъ и царицею. Тогда вышеупомянутый пресвитеръ Іосифъ, дерзнувшій благословить беззаконный бракъ царя, былъ осужденъ, согласно правиламъ святыхъ Отецъ, лишенъ пресвитерскаго сана и отлученъ отъ Церкви. Святый же Θеодоръ возвратился въ свой монастырь, и всѣ радовались его возвращенію и спѣшили взглянуть на него, утѣшаясь, что такой ревнитель Закона Божія, претерпѣвшій за правду мученіе и изгнаніе, снова возвращенъ къ своей паствѣ. Преподобный, собравъ всѣхъ своихъ расточенныхъ духовныхъ овецъ, по-прежнему пасъ ихъ, проводя Богоугодную жизнь и свѣтя всѣмъ, какъ свѣча на подсвѣчникѣ, своими великими добродѣтелями.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ случилось нашествіе на грековъ агарянъ, которые стали опустошать и захватывать въ свои руки области Греціи[2]). Страшась ихъ, многіе тогда бѣжали въ укрѣпленные города. Въ это время и преподобный Θеодоръ, не предавая себя и своихъ иноковъ на добровольныя страданія, но послѣдуя сказанному: **оу҆кры́йтесѧ ма́лѡ є҆ли́кѡ є҆ли́кѡ, до́ндеже мимои́детъ гнѣ́въ гдⷭ҇нь**[3]), покинулъ Сакудіонъ и пришелъ съ братіею въ Константинополь. Его приходъ пріятенъ былъ для царицы и Патріарха: они обрадовались ему и упрашивали его принять управленіе Студійскимъ монастыремъ и устроить въ немъ наилучшій порядокъ жизни.

Здѣсь умѣстно вспомнить и о происхожденіи сего монастыря. Нѣкогда изъ Рима пришелъ въ Константинополь одинъ благородный и вліятельный человѣкъ, который былъ почтенъ саномъ патриція и проконсула[4]). Онъ создалъ большую и прекрасную церковь, во имя святаго Іоанна Предтечи, и устроилъ при ней монастырь.

---

1) Это было 19-го августа 797-го года.

2) *Агаряне,* т. е. мусульмане—арабы, которые назывались такъ по имени Агари, матери Измаила, отъ котораго и произошло племя Арабовъ. Арабы въ то время, пользуясь частыми смутами при Византійскомъ дворѣ, дѣлали опустошительные набѣги на предѣлы Византійской имперіи.

3) Кн. Прор. Исаіи, гл. 26, ст. 20.

4) *Патриціями* назывались въ Римской и Восточной, Византійской, имперіи лица высшаго сословія, соотвѣтствующаго нашему родовитому дворянству. — *Проконсулами* назывались намѣстники императора въ провинціяхъ и областяхъ.

Призвавъ изъ обители «Неусыпающихъ»[1]) иноковъ, онъ упросилъ ихъ жить въ его монастырѣ и соблюдать весь свой уставъ. Имя тому человѣку было Студій; отъ его имени и монастырь получилъ свое наименованіе и сталъ называться Студійскимъ. Въ немъ иноки жили до царствованія императора Копронима, соблюдая уставъ «Неусыпающихъ». Но злочестивый Копронимъ, возмутивъ иконоборствомъ Церковь Божію, изгналъ изъ Византіи всѣхъ иноковъ, и Студійскій монастырь опустѣлъ. Послѣ погибели сего злочестиваго царя и по прекращеніи гоненія иноки снова стали жить при Студійской церкви, но—въ небольшомъ количествѣ. Въ то время, когда преподобный пришелъ въ Царьградъ съ своею братіею, въ монастырѣ оставалось только двѣнадцать иноковъ. По просьбѣ царицы Ирины и Святѣйшаго Патріарха Тарасія преподобный Ѳеодоръ принялъ въ свое управленіе Студійскій монастырь и сталъ въ немъ жить[2]). Убѣдившись, что сіе мѣсто удобно для пребыванія иноковъ, онъ возобновилъ и расширилъ монастырь и собралъ множество братій. Къ нему приходили иноки изъ другихъ монастырей, желая жить у него и имѣть его для себя наставникомъ и учителемъ. Преподобный всѣхъ принималъ по-отечески и нелицемѣрно всѣхъ любилъ. У него всѣ были равны, всѣхъ онъ любилъ одинаково и одинаковое имѣлъ обо всѣхъ попеченіе. Онъ зналъ, что образъ иноческой жизни одинъ и тотъ же, гдѣ бы кто въ него ни облекся, какъ одна и та же благодать Крещенія, гдѣ бы кто ея ни сподобился. Но сообразно съ добродѣтелями иноковъ имъ бываютъ и различныя воздаянія. Ученики же сего преподобнаго отца весьма преуспѣвали въ добродѣтеляхъ; и такъ какъ слава о святой ихъ жизни распространялась повсюду,—то многіе приходили къ нимъ въ монастырь, желая соревновать ихъ подвигамъ, и число иноковъ быстро умножалось, такъ что достигло до тысячи человѣкъ братій. Въ виду такого множества своихъ учениковъ и невозможности одному досмотрѣть за всѣми и распознать поступки, слова и помышленія

---

1) Монастырь «Неусыпающихъ» былъ основанъ въ V вѣкѣ въ Константинополѣ преп. Александромъ († 430 г.), по смерти котораго иноки этой обители переселились въ Виѳинію, сѣверо-западную область Малой Азіи, гдѣ основали свой монастырь и откуда впослѣдствіи возвратились опять въ Константинополь. *Неусыпающими* иноки этихъ монастырей назывались потому, что въ нихъ Богослуженіе совершалось непрерывно, въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

2) Преп. Ѳеодоръ Студитъ былъ поставленъ игуменомъ Студійскаго монастыря въ 798 году; по имени монастыря сего онъ и остался извѣстнымъ подъ именемъ Студита.

каждаго, преподобный, какъ второй Моисей [1]), назначилъ начальниковъ изъ тѣхъ иноковъ, которыхъ онъ считалъ за разумнѣйшихъ, опытнѣйшихъ и наиболѣе подвизающихся въ добродѣтеляхъ; каждому изъ нихъ онъ далъ соотвѣтствующее наименованіе: одному—эконома, другому—екклисіарха [2]), третьему—надзирателя за благочиніемъ церковнымъ и т. д. Святый составилъ также и правила касательно того, какъ каждый изъ нихъ долженъ исполнять порученное ему послушаніе, начиная съ первыхъ и кончая послѣдними. За проступки же онъ установилъ епитиміи: для однихъ—извѣстное число поклоновъ, для другихъ—усиленный постъ и за каждый проступокъ—соотвѣтствующее наказаніе. Если бы кто не достоялъ Божественной службы, или разбилъ бы посудину, или по небрежности бросилъ что-либо, или нерадиво что сдѣлалъ, или чѣмъ-либо оскорбилъ брата, или, по необузданности языка, сказалъ какія-либо лишнія слова, или громко засмѣялся, или не кротко и не смиренно ходилъ, или разговаривалъ за трапезой, не слушая душеполезнаго чтенія, или возропталъ по поводу пищи, или безстыдно и дерзко бросалъ туда и сюда взоры, или иное что подобное сдѣлалъ,—для всѣхъ таковыхъ братій преподобный Ѳеодоръ и назначалъ епитиміи, соотвѣтственно ихъ проступкамъ. При этомъ преподобный установилъ въ своей обители общежитіе, дабы никто не называлъ ничего своимъ, но все было общимъ: общая пища, общая одежда и каждая вещь общая. Преподобный заботился также и о томъ, чтобы иноки его не часто выходили изъ монастыря въ городъ для монастырскихъ потребностей, ибо онъ зналъ, какія опасности угрожаютъ иноку въ городѣ вслѣдствіе общенія съ мірянами и мірскихъ бесѣдъ. По сей причинѣ онъ пожелалъ устроить внутри монастыря занятія всякими ремеслами. Братія Студійскаго монастыря стали обучаться различнымъ ремесламъ: одни —плотничному ремеслу и строительству, другіе—кузнечеству, третьи—портняжеству, четвертые—каменотесному ремеслу: словомъ, всякой потреб-

---

[1]) Св. Пророкъ Моисей Боговидецъ, для лучшаго руководства и наблюденія за народомъ Израильскимъ, избралъ себѣ способныхъ помощниковъ, которые судили народъ во всякое время, донося о всякомъ важномъ дѣлѣ ему, а малыя дѣла рѣшая сами (Кн. Исх., гл. 18, ст. 19—27). Подобно сему поступилъ и преп. Ѳеодоръ Студитъ для лучшаго наблюденія за иноками.

[2]) *Екклисіархъ* —съ греч. начальникъ храма—обязанъ былъ наблюдать за церковнымъ зданіемъ и чистотой въ немъ, а также порядкомъ Богослуженія въ монастырѣ по указаніямъ Церковнаго Устава.

ной для монастыря работѣ. Но, простирая руки на дѣло, они всегда въ устахъ имѣли молитву Іисусову и Псалмы Давида. Слава о такомъ порядкѣ Студійскаго монастыря, законоположеніяхъ и уставахъ его распространилась повсюду, и многіе другіе монастыри не только по окрестнымъ городамъ, но и по далекимъ странамъ приняли Студійскій уставъ[1]) и соблюдали его, а иные соблюдаютъ и донынѣ. Преподобный написалъ также немало весьма душеполезныхъ книгъ и составилъ похвальные слова на Господскіе и Богородичные праздники, почтилъ прекраснѣйшими пѣснопѣніями святаго Іоанна Крестителя, составилъ многіе каноны и трипѣсцы и, какъ бы наполненная водами премудрости рѣка, напоилъ и усладилъ Церковь Божію струями своихъ ученій и пѣснопѣній[2]).

Между тѣмъ, Византійскій престолъ незаконно занялъ Никифоръ Мучитель, насильственно низвергнувъ съ престола благочестивую царицу Ирину[3]). Въ то же время скончался Свя-

[1]) Въ настоящее время по спискамъ извѣстны слѣдующія сочиненія преп. Ѳеодора, касающіяся Устава и Чина Церковнаго: «Изображеніе постановленія обители Студіевой», епитимін для всей братіи и опредѣленія о Сыропустной седмицѣ. Студійскій Уставъ отличается отъ другихъ уставовъ монастырскихъ, и въ томъ числѣ Іерусалимскаго,—болѣе правилами монашеской жизни, чѣмъ Богослужебными. Но при этомъ церковный Уставъ обязанъ преп. Ѳеодору и значительнымъ дополненіемъ, касающимся состава и округленности церковныхъ службъ. Служба по Студійскому Уставу была нѣсколько короче и не такъ торжественна, какъ по Іерусалимскому. Позднѣе, въ концѣ XI вѣка, онъ былъ введенъ въ руководство Русскою Церковію и держался въ ней до половины XIV в., когда начинаетъ уступать Іерусалимскому, но по мѣстамъ оставался въ силѣ гораздо дольше, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ русскихъ онъ дѣйствовалъ даже до послѣдняго времени.

[2]) Кромѣ Устава, преп. Ѳеодоромъ Студитомъ написано много другихъ сочиненій, главное направленіе которыхъ—назиданіе души во спасеніе. Преп. Ѳеостериктъ, одинъ изъ близкихъ къ Ѳеодору по времени Учителей Церкви, наименовалъ его «пламеннымъ Учителемъ Церкви». Преподобный писалъ Слова, Оглашенія, письма къ разнымъ лицамъ, эпиграммы, жизнеописанія. Къ числу догматическихъ его сочиненій относятся: догматическая книга объ иконахъ противъ иконоборцевъ, семь главъ противъ нихъ же и многія изъ писемъ, изображающія исторію иконоборства. Затѣмъ сочиненія преподобнаго заключаютъ въ себѣ увѣщанія вести жизнь христіанскую, изъ каковыхъ сочиненій извѣстны два катехизиса: большой — изъ 254 наставленій и малый — изъ 134. Эти наставленія и увѣщанія преподобный произносилъ самъ братіямъ, каждое приспособляя ко дню. Кромѣ того, отъ преп. Ѳеодора остались: книга съ похвальными словами на Господскіе праздники, на празднованія Богоматери, Іоанна Предтечи и Апостоловъ, о жизни подвижнической нѣсколько главъ, эпиграммы и ямбическіе стихи, коими написаны: книга о сотвореніи и паденіи Адама, братоубійствѣ Каина, о Енохѣ, Ноѣ и его дѣтяхъ и гимнъ св. Іоанну Предтечѣ. Далѣе слѣдуютъ каноны и трипѣсцы со стихирами, включенные въ составъ Постной Тріоди (на субботу Мясопустную — о Страшномъ Судѣ Христовомъ, на субботу Сырной недѣли — всѣмъ Отцамъ, на третью недѣлю Великаго Поста — св. Кресту, трипѣсцы со стихирами на всѣ дни, за исключеніемъ Страстной седмицы, четверопѣсцы на 2, 3, 4 и 5 седмицы Великаго Поста и др.), умилительный канонъ Господу Іисусу «для пѣнія въ нощи».

[3]) *Никифоръ I* царствовалъ въ 802—811 гг. Въ царствованіе Ирины онъ былъ хранителемъ государственной казны.

тѣйшій Патріархъ Тарасій; послѣ него на престолъ патріаршій былъ возведенъ человѣкъ добродѣтельный, достойный таковаго сана, который былъ одноименен новому царю[1]). Тогда снова начался раздоръ въ Церкви, ибо царь своею властію пріобщилъ Церкви вышеупомянутаго отлученнаго Іосифа и повелѣлъ, дабы ему было возвращено право священнодѣйствованія. Насколько то было возможно Патріархъ сопротивлялся царю; но когда увидалъ его жестоко разгнѣвавшимся, убоялся, дабы вся Церковь не претерпѣла отъ него жестокаго гоненія, подобно тому, какъ претерпѣла она много золъ отъ прежнихъ царей, и принялъ Іосифа въ общеніе, хотя и противъ своего желанія. Царь же сдѣлалъ это назло преподобному Θеодору, раздражая его; ибо онъ понималъ, что преподобный не перенесетъ сего, что и случилось. Θеодоръ обличилъ царя—какъ причинившаго насиліе Церкви, своею мірскою властію вводящаго въ Церковь того, кого Святѣйшій Патріархъ Тарасій со всѣмъ своимъ причтомъ отлучилъ. Царь весьма разгнѣвался на преподобнаго Θеодора и отправилъ его въ заточеніе на одинъ изъ находящихся предъ городомъ острововъ[2]). Такъ же поступилъ онъ и съ братомъ его Іосифомъ, достоблаженнымъ старцемъ Платономъ и многими иными Студійскими иноками.

Между тѣмъ до царя дошла вѣсть о томъ, что на Θракію[3]) напали варвары и опустошаютъ ее[4]). Царь немедленно приготовился къ войнѣ. Но онъ желалъ одолѣть не столько враговъ, сколько—преподобнаго Θеодора и, идя съ войскомъ противъ скиθовъ, отправилъ къ Θеодору посланцевъ, стараясь посредствомъ то ласкательствъ, то угрозъ привести его къ единомыслію съ собою. Θеодоръ отвѣчалъ на это:

— Царь! Тебѣ нужно каяться въ содѣянномъ прегрѣшеніи и исправлять то, что ты разорилъ, и затѣмъ уже идти на войну. Но такъ какъ ты сего не сдѣлалъ, то Всевидящее Око нынѣ чрезъ меня, недостойнаго, такъ тебѣ предвѣщаетъ: знай, что ты не вернешься съ пути, въ который ты направляешься.

---

1) Преемникъ св. Тарасія, *св. Никифоръ I (Исповѣдникъ)* управлялъ патріаршею каѳедрою съ 806 по 815 г. † 826 г. Память его—2-го іюня и 13-го марта (обрѣтеніе мощей).

2) Это было въ 809-мъ году.

3) *Θракія*—область Византійской имперіи, въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова.

4) Подъ *варварами*, которые далѣе называются *скиѳами*, здѣсь разумѣются болгары, въ 809-мъ году сдѣлавшіе, подъ начальствомъ Крума, нападеніе на сѣверные предѣлы имперіи.

Царь не придалъ никакого значенія словамъ святаго, но еще болѣе прогнѣвался на него и грозился, что, по возвращеніи съ похода, причинитъ святому еще много зла. Но Никифору не пришлось возвратиться, ибо, согласно предсказанію святаго, онъ былъ убитъ варварами. Послѣ него вступилъ на царство сынъ его Ставрикій[1]), но и тотъ вскорѣ умеръ отъ раны, полученной на войнѣ, въ которой участвовалъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. По смерти его былъ избранъ на царство Михаилъ, который тогда былъ въ чинѣ киропалата[2]), человѣкъ поистинѣ достойный царской власти—добрый и православный. Принявъ власть, онъ снова возвратилъ изъ заточенія преподобнаго Θеодора и бывшихъ съ нимъ его единомышленниковъ, почтилъ ихъ подобающею честію и прекратилъ церковный раздоръ. Іосифъ же снова, какъ негодный членъ, былъ отлученъ отъ Церкви.

Вскорѣ послѣ этого святый и достохвальный Платонъ отошелъ ко Господу[3]). Патріархъ, услыхавъ о его преставленіи, со всѣмъ клиромъ своимъ пришелъ въ Студійскій монастырь и, облобызавъ святыя его мощи, предалъ ихъ честному погребенію. Преподобный же Θеодоръ послѣ преставленія своего духовнаго отца Платона только два года прожилъ съ своею братіею въ покоѣ. По истеченіи сего времени снова на него и на всю Христову Церковь обрушилась лютая буря отъ нечестиваго Льва Армянина, который первоначально служилъ воеводою у благочестиваго царя Михаила. Будучи посланъ на Востокъ противъ варваровъ, онъ собралъ тамъ большое войско и, возгордѣвъ, возсталъ на своего благодѣтеля—царя Михаила. Левъ Армянинъ привлекъ на свою сторону всѣхъ находившихся въ подчиненіи у него сановниковъ и воиновъ и однихъ—обѣщаніями, другихъ—подарками, третьихъ—иными ласкательствами привлекъ на свою сторону и провозгласилъ, съ ихъ помощью, себя царемъ. Узнавъ о томъ, благовѣрный царь Михаилъ немедленно перемѣнилъ царскую багряницу на иноческую власяницу, избѣгая междоусобной войны, и, уступивъ царство своему врагу, самъ воспринялъ иноческое житіе.

Принявъ царскую власть, Левъ Армянинъ[4]) сначала казался благовѣрнымъ и скромнымъ, пока не укрѣпился на царскомъ пре-

---

1) *О Ставрикіи* см. на стр. 63 прим. 1.

2) *Михаилъ I Рангавъ*, свояк Ставрикія, царствовалъ съ 811 по 813 г.—*Киропалатами* назывались при Византійскомъ дворѣ начальники дворцовой стражи.

3) Преп. Платонъ † 814 г.

4) *О Львѣ Армянинѣ* см. на стр. 65 прим. 3.

столѣ и не собралъ около себя сообщниковъ своего нечестія. Вслѣдъ за симъ онъ началъ произносить хулы надъ святыми иконами и укорять почитающихъ ихъ, называя ихъ неразумными. Его нечестіе обличалъ Патріархъ и велъ съ нимъ, на основаніи Священнаго Писанія, споръ о святыхъ иконахъ; но онъ не имѣлъ никакого успѣха, а только возбудилъ безумнаго царя къ еще большей ярости. Левъ Армянинъ, призвавъ всѣхъ извѣстныхъ священниковъ, иноковъ, патріарха, а вмѣстѣ съ ними и блаженнаго Θеодора, явно обнаружилъ предъ ними свою злобу, хуля и укоряя почитающихъ честныя иконы, а иконоборцевъ восхваляя.

— Не древній ли Законъ, написанный перстомъ Божіимъ,— говорилъ онъ,—заповѣдалъ не служить дѣлу рукъ человѣческихъ: не сотворѝ, сказано, себѣ кꙋмі́ра и҆ всѧ́каго подо́біѧ[1])? Итакъ, не подобаетъ поклоняться иконамъ, которыя дѣлаетъ рука человѣческая. Какъ можно на иконѣ написать Неописаннаго, на небольшихъ доскахъ помѣщать Невмѣстимаго и называть именемъ Божіимъ изображеннаго красками?

Святые Отцы всячески оспаривали пустыя рѣчи императора—иконоборца, отвергая его хульныя слова и говоря:

— Если Законъ, данный чрезъ Моисея, мы всецѣло станемъ удерживать, то напрасна будетъ христіанская вѣра наша, напрасна и апостольская проповѣдь, напрасными останутся и всѣ Божественныя преданія святыхъ Отцовъ и будетъ отвергнуто (что и вымолвить страшно) самое воплощеніе Владыки, чрезъ которое мы познали Его человѣческій образъ и приняли иконопечатаніе, въ иконахъ почитая Того, Чье на нихъ изображеніе.

Когда святые такъ говорили, преподобный Θеодоръ, прекрасно знавшій все Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, дерзновенно спросилъ царя:

— Съ чего, царь, ты задумалъ обезчестить образъ Христовъ, вносить въ Святую Церковь такое еретическое мудрованіе и раздирать ея одежду, сотканную изъ высшей благодати и апостольскаго и отеческаго ученія? Ты мудрствуешь на основаніи Ветхаго Завѣта,—но ему вѣдь положила конецъ новая благодать, пришедшая чрезъ Іисуса Христа. Если нужно хранить Ветхій Завѣтъ, котораго ты держишься, то нужно и обрѣзываться, и исполнять субботы и все прочее, написанное въ немъ. Развѣ ты, царь, не могъ того уразумѣть, что Законъ данъ былъ на время и для

[1]) Кн. Исх., гл. 20, ст. 4.

одного только народа, вышедшаго изъ Египта? Но, съ появленіемъ благодати, тѣнь прекратилась. Да и самый тотъ Законъ не вездѣ соблюдаетъ то, что повелѣваетъ. Такъ, онъ повелѣлъ не творить подобія и не служить дѣлу рукъ человѣческихъ, а изображенія Херувимовъ надъ Кивотомъ поставилъ. Развѣ тѣ Херувимы не были дѣломъ рукъ человѣческихъ? Но, тѣмъ не менѣе, они всѣми почитались. Но когда явилась новая благодать, Самъ Господь, изобразивши на убрусѣ лице Свое, передалъ его Авгарю, который, прикоснувшись къ нему, получилъ исцѣленіе отъ долговременной своей болѣзни[1]). Послѣ сего святый Лука, апостолъ Господень и Евангелистъ, своими руками изобразилъ ликъ Матери Божіей и оставилъ сіе изображеніе для послѣдующихъ поколѣній. Потомъ много дивныхъ чудесъ совершилось отъ появившагося въ Финикіи[2]) нерукотвореннаго образа Спасителя. И являемыя иными святыми иконами чудотворенія не свѣтлѣе ли солнца показываютъ, что имъ приличествуетъ воздавать должное почитаніе?

Но царь, не внимая рѣчамъ преподобнаго, сказалъ:

— Я не желаю изображать красками невидимое и непостижимое Божество.

Ѳеодоръ отвѣчалъ:

— Царь, вѣдь и мы не описываемъ Божество, но исповѣдуемъ и вѣруемъ, что Оно—неописуемо. Иконописаніемъ же мы изображаемъ воспріятую отъ насъ плоть Сына Божія; ей мы и поклоняемся и почитаемъ.

Когда преподобный отецъ говорилъ сіе и многое другое на основаніи Божественнаго Писанія и отеческихъ преданій и изобличалъ царское заблужденіе, царь, исполнившись ярости, съ гнѣвомъ сказалъ преподобному:

— Я знаю, что ты всегда говоришь необдуманно и что ты—человѣкъ сварливый, гордецъ и сопротивникъ для всѣхъ. Вотъ и теперь ты пришелъ злословить и хулить меня, бесѣдуя со мною не какъ съ царемъ, но какъ съ однимъ изъ простолюдиновъ; за

---

1) *Авгарь*—князь Едессы,—города, лежащаго на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ верхняго Евфрата, по преданію, еще при жизни Спасителя, услыхавъ о Его чудесахъ, отправилъ къ Нему посланіе съ просьбою придти и исцѣлить отъ болѣзни. Спаситель послалъ къ нему убрусъ (полотенце) съ изображеніемъ Своего Лика; прикоснувшись къ убрусу, Авгарь получилъ исцѣленіе. Такъ явился Нерукотворенный образъ Спасителя, впослѣдствіи—16-го августа 944-го года—перенесенный изъ Едессы въ Константинополь.

2) *О Финикіи* см. на стр. 81 прим. 1.

сіе ты заслуживаешь многихъ мученій. Но до времени я буду щадить тебя, пока не обнаружится очевиднѣе, что наше мудрованіе справедливо. И если ты не покоришься послѣ того, то получишь за свое безуміе и сопротивленіе достойное наказаніе.

Съ сего времени преподобные отцы ничего не пожелали говорить царю, разсуждая сами съ собою:

— Что мы будемъ говорить столь развращенной и не желающей исцѣлиться душѣ?

Блаженный же Θеодоръ, воспріявши мечъ духовный, такъ отвѣчалъ царю:

— Царь, пойми и уразумѣй, что не твое дѣло—разсматривать и изслѣдовать церковныя постановленія: твоей власти свойственно обсуждать мірскія дѣла и ими управлять, а дѣла церковныя подвѣдомственны святителямъ и учителямъ церковнымъ; тебѣ же приказано только слѣдовать имъ и повиноваться. Такъ и Апостолъ сказалъ: положи̑ бг҃ъ въ цр҃кви пе́рвѣе а҆пⷭ҇лѡвъ, второе̑ прⷪ҇ро́кѡвъ, тре́тїе оу҆чи́телей[1]), а не царей. И въ другихъ мѣстахъ Священное Писаніе повелѣваетъ церковными дѣлами управлять церковнымъ учителямъ, а не царямъ.

Царь спросилъ преподобнаго:

— Итакъ, не изгоняешь ли ты меня изъ Церкви?

Преподобный отвѣчалъ:

— Не я, но преданія Божественныхъ Апостоловъ и святыхъ Отцовъ изгоняютъ. А҆́ще и҆ а҆́гг҃лъ съ нб҃сѐ бл҃говѣсти́тъ ва́мъ, что святой вѣрѣ противно, а҆на́ѳема да бꙋ́детъ[2]). Если ты желаешь вмѣстѣ съ нами, поклоняющимися иконѣ Христовой, оставаться внутри Христовой Церкви, то слѣдуй Патріарху и существующему при немъ честно́му Собору!

При этихъ словахъ царь пришелъ въ еще большую ярость и съ безчестіемъ прогналъ всѣхъ отъ себя. Вышедши отъ царя, изгнанные преподобные отцы вмѣстѣ съ Патріархомъ обступили блаженнаго Θеодора, восхваляя его устами и вмѣстѣ душами за то, что онъ съ большимъ благоразуміемъ и мужествомъ сопротивлялся мучителю и сильно посрамилъ его, смѣло изобличивъ его нечестіе.

Когда они расходились по домамъ, отъ градоначальника вышло приказаніе, «чтобы никто ни бесѣдовалъ, ни совопросни-

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 12, ст. 28.

[2]) Посл. къ Галат., гл. 1, ст. 8.

чалъ о вѣрѣ, но чтобы всѣ исполняли то, что повелѣлъ царь». Посланные съ симъ распоряженіемъ дошли и до блаженнаго Ѳеодора. Онъ же, услыхавъ этотъ указъ, отвѣчалъ имъ:

— Сами разсудите: справедливо ли слушать васъ больше Бога? Лучше пусть отрѣзанъ будетъ языкъ мой, чѣмъ я буду молчать и не защищать истинную вѣру.

И преподобный поучалъ всѣхъ непоколебимо содержать святую вѣру, однихъ—призывая къ себѣ, къ другимъ—самъ приходя, къ третьимъ—посылая письма, и такъ подкрѣплялъ изнемогающихъ духомъ. Часто онъ приходилъ къ Патріарху, являясь для него добрымъ совѣтникомъ, и утѣшалъ его, такъ какъ видѣлъ его скорбящимъ и болѣзнующимъ душою.

— Отче, не скорби!—говорилъ онъ ему.—Вѣруй, что Господь не оставитъ насъ; Онъ не попуститъ испытанія выше нашей силы и не дастъ злу возобладать нами. Если врагъ и воздвигъ гоненіе на Церковь, то въ непродолжительномъ времени скорбь обратится на его же голову. Ты знаешь слово Господне: **нꙋ́жда є҆́сть прїитѝ собла́знѡмъ: ѻ҆ба́че го́ре человѣ́кꙋ томꙋ̀, и҆́мже собла́знъ прихо́дитъ**[1]). Сколько ересей со временъ святыхъ Апостоловъ и до настоящихъ дней воздвигали развращенные умомъ люди на Церковь, сколь много страданій потерпѣли отъ нихъ бывшіе раньше насъ святые Отцы! Но Церковь оставалась непреоборимою; пострадавшіе свѣтло прославлены и увѣнчаны, а еретики воспріяли по дѣламъ своимъ.

Слушая это, Патріархъ и всѣ отцы Собора ободрились и готовы были претерпѣть всѣ скорби за Православіе и не повиноваться нечестію.

По прошествіи немногаго времени Святѣйшій Патріархъ Никифоръ былъ низверженъ злочестивымъ царемъ съ патріаршаго престола и изгнанъ изъ Константинополя[2]); осуждены были также на заточеніе и всѣ православные архіереи. Тогда представилось страшное зрѣлище ужаснаго кощунства, которое учиняли нечестивые иконоборцы. Однѣ святыя иконы они выбрасывали на землю, другія—сжигали, третьи—намазывали каломъ и учиняли многія другія безчинства. Видя таковое злодѣяніе, преподобный Ѳеодоръ

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 18, ст. 7.

2) *Св. Патріархъ Никифоръ Исповѣдникъ* былъ сосланъ 1-го марта на островъ Прокоиисъ (нынѣшняя Мармара на Мраморномъ морѣ); на его мѣсто на патріаршій престолъ былъ возведенъ одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, Ѳеодотъ, иконоборецъ.

глубоко скорбѣлъ и, удивляясь Божію долготерпѣнію, говорилъ со слезами:

— Какъ земля носитъ такое беззаконіе?!

Но, не желая оставаться богопочитателемъ втайнѣ и въ молчаніи оплакивать таковую напасть, онъ приказалъ (при наступленіи Вербнаго Воскресенія) братіи своей взять въ руки святыя иконы и ходить кругомъ монастыря, высоко неся иконы надъ собою и велегласно воспѣвая: пречтомꙋ твоемꙋ ѡбразꙋ покланѧемсѧ бл҃гій[1]) и другія побѣдныя пѣсни въ честь Христа. Узнавъ о семъ, царь снова послалъ къ святому, запрещая ему такія дѣйствія и угрожая, что въ противномъ случаѣ ему предлежатъ заточенія, раны и смерть. Святый же не только не переставалъ утверждать вѣрующихъ въ иконопочитаніи, но еще болѣе укрѣплялся въ своемъ мужествѣ, открыто наставляя всѣхъ держаться православной вѣры и воздавать должную честь святымъ иконамъ. Тогда царь, убѣдившись, что невозможно ни ласкательствомъ, ни угрозами остановить мужества и ревности преподобнаго Θеодора, осудилъ его на заточеніе. Преподобный же, позвавъ къ себѣ всѣхъ своихъ учениковъ и преподавъ имъ душеполезныя поученія, сказалъ:

— Братіе! Пусть каждый изъ васъ нынѣ спасаетъ свою душу по своему усмотрѣнію, такъ какъ нынѣ—время лютое.

Затѣмъ, скорбя и плача, онъ покинулъ рыдающую по немъ братію и, сѣвши на корабль, былъ увезенъ въ Аполлонію и заключенъ въ темницѣ, въ крѣпости, называемой Метопа[2]). Но и тамъ онъ поучалъ всѣхъ благовѣрію: съ одними — устно бесѣдуя, къ другимъ — посылая письма. Письма его дошли до самого царя. Послѣдній снова послалъ нѣкоего Никиту, сына Алексѣева, съ приказаніемъ отвести святаго въ болѣе отдаленное мѣсто, именуемое Вонита[3]) и, заключивши его тамъ въ темницѣ, зорко наблюдать, чтобы онъ тамъ никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ и ничего не писалъ относительно иконопочитанія. Никита, пришедши къ преподобному, сообщилъ ему о царской волѣ. Преподобный отвѣчалъ:

---

[1]) Тропарь Нерукотворенному образу Спасителя.

[2]) *Аполлонія* — часто встрѣчающееся названіе древнихъ городовъ. Здѣсь разумѣется древній городъ въ Иллиріи, извѣстный какъ одинъ изъ видныхъ центровъ римской образованности. *Метопа* — крѣпость Аполлоніи.

[3]) *Вонита,* или *Бонитъ,*—въ Анатоліи, иначе Малой Азіи.

— Я съ радостію принимаю сей переходъ съ мѣста на мѣсто, такъ какъ у меня нѣтъ настоящаго мѣста жительства въ сей жизни, но куда я буду приведенъ, тамъ и есть мое мѣсто, ибо повсюду—земля Божія. А молчать и не учить о православной вѣрѣ я не могу, и васъ въ томъ не послушаю и угрозъ вашихъ не устрашусь.

И такъ святый, будучи приведенъ на упомянутое мѣсто и заключенъ въ темницѣ, и здѣсь ревностно исповѣдывалъ Православіе. Царь, узнавъ, что Ѳеодоръ ни въ чемъ не покоряется его волѣ, распалился сильнымъ гнѣвомъ и отправилъ того же самаго Никиту съ повелѣніемъ подвергнуть преподобнаго жестокимъ мученіямъ. Никита, пришедши, возвѣстилъ преподобному о царскомъ повелѣніи; преподобный же, вслѣдъ за сообщеніемъ послѣдняго, сталъ совлекать съ себя одежды со словами: «Я издавна желаю пострадать за святыя иконы» и предалъ свою плоть на мученіе. Никита, будучи человѣкомъ сострадательнымъ, увидавъ обнаженную плоть его, истощенную постомъ и непрерывными подвигами, умилился душою и не осмѣлился коснуться до него, ибо боялся Бога, и ушелъ, не причинивъ никакого зла святому. Послѣдній же продолжалъ повсюду распространять свое православное ученіе, ибо и стражи благоговѣли предъ нимъ и не могли воспрепятствовать ему въ томъ, что имъ съ угрозою было приказано: возбранять Ѳеодору поучать кого бы то ни было въ Православіи.—Онъ писалъ также и къ своимъ ученикамъ, разсѣяннымъ по различнымъ странамъ; о нихъ онъ особенно заботился, наставляя ихъ, дабы они безбоязненно соблюдали истинное исповѣданіе вѣры, если и безчисленное множество разъ жестоко пострадаютъ. Онъ напоминалъ имъ, ꙗ҆́кѡ недостоѝны стра̑сти ны́нѣшнѧгѡ вре́мене къ хотѧ́щей сла́вѣ ꙗ҆ви́тисѧ въ на́съ[1]), которую получатъ всѣ истинные мученики Христовы. Онъ писалъ также и къ святѣйшимъ патріархамъ: къ Патріарху древняго Рима[2]), къ Іерусалимскому[3]) и Александрійскому[4]), увѣдомляя ихъ подробно о томъ, какъ были поруганы въ Византіи святыя иконы и какъ православные содержатся въ заточеніи и темницахъ, и истина принесена въ жертву лжи. И онъ просилъ у

[1]) Т. е. нынѣшнія временныя страданія ничего не значатъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ въ будущей жизни.

[2]) Св. Пасхалію, бывшему Римскимъ папою съ 817 по 824 г.

[3]) Іерусалимскому Патріарху Ѳомѣ I († послѣ 820 г.)

[4]) Александрійскому Патріарху Христофору (805—836 гг.)

нихъ помощи для православной вѣры. Многіе приходили къ находящемуся въ темницѣ преподобному послушать сладостнаго его ученія и возвращались со многою для себя пользою.

Однажды случилось, что святаго посѣтилъ нѣкій клирикъ Асійской церкви[1]), проходившій мимо. Сей послѣдній, услыхавъ его ученіе о православной вѣрѣ, немедленно отвергнулъ иконоборческую ересь и поклонился святымъ иконамъ. Вернувшись домой, онъ не пожелалъ имѣть общенія съ своимъ епископомъ—еретикомъ. Онъ увѣщавалъ и другого клирика, своего друга, обратилъ его къ Православію и отвратилъ отъ общенія съ еретиками. Епископъ, узнавъ, что Θеодоръ является виновникомъ означенной перемѣны его клириковъ, сообщилъ о семъ въ письмѣ царю, жалуясь на Θеодора. Царь же снова повелѣлъ Асійскому полководцу подвергнуть Θеодора жесточайшимъ побоямъ. Воевода отправилъ одного изъ своихъ подчиненныхъ съ приказаніемъ дать Θеодору пятьдесятъ ударовъ. Когда же сей послѣдній, пришедши къ Θеодору, сообщилъ блаженному о причинѣ своего прихода, то Θеодоръ снялъ поясъ и одежду, добровольно подставляя свои плечи для ударовъ и говоря:

— Для меня вожделѣнно было бъ съ сими ранами совлечься и самаго тѣла, дабы скорѣе отойти обнаженною душою къ Господу.

Онъ же, устыдившись святаго, поклонился ему, прося прощенія, и ушелъ.

Потомъ пришелъ иной посолъ отъ царя, по имени Анастасій, весьма жестокій и немилостивый. Избивъ святаго своими руками и нанесши ему до ста ударовъ, онъ заключилъ его въ темницу. Такъ же онъ поступилъ и съ его ученикомъ, по имени Николаемъ[2]), который всегда слѣдовалъ за своимъ наставникомъ и былъ участникомъ его страданій; избивши Николая, Анастасій заперъ и его вмѣстѣ съ Θеодоромъ, причемъ отдалъ приказаніе стражамъ, дабы они строго содержали ихъ въ суровыхъ лишеніяхъ,—и удалился. Нельзя и передать словами того, какую скорбь претерпѣлъ преподобный въ семъ темномъ затворѣ. Его плоть, истощенная отъ поста и иноческихъ подвиговъ, стала гнить и издавать смрадъ. Къ тому же и самая темница была наполнена нечистотою и пылью.

---

[1]) Подъ *Асіей* разумѣется Малая Азія, или точнѣе—западная часть ея.

[2]) *Преп. Николай Исповѣдникъ*, впослѣдствіи игуменъ Студійскій, † 868 г. Память его—4-го февраля.

Въ теченіе зимы преподобный замерзалъ въ ней отъ стужи, такъ какъ не имѣлъ даже необходимаго одѣянія, но лишь одно худое рубище. Лѣтомъ же онъ изнемогалъ отъ зноя, такъ какъ вѣтеръ ниоткуду не проникалъ въ темницу и не освѣжалъ ея. При этомъ въ темницѣ было безмѣрное множество нечистыхъ насѣкомыхъ и гадовъ. Да и стража, получивъ приказаніе съ угрозою, стала относиться къ нему жестоко и немилосердно. Она обижала и укоряла его, называя безумцемъ и врагомъ царя. Въ оконце бросали Ѳеодору и его ученику лишь по небольшому ломтю хлѣба и подавали немного воды, и то не всегда, но чрезъ день или чрезъ два, иногда же по прошествіи многихъ дней,—и такъ морили ихъ голодомъ и жаждою. И сказалъ преподобный Ѳеодоръ ученику своему:

— Чадо! Я замѣчаю, что сіи люди не только многими побоями и сею тяжкою темницею, но и голодомъ и жаждою желаютъ уморить насъ. Но возложимъ надежду на Бога, Который не однимъ хлѣбомъ, но и лучшею нѣкоторою пищею умѣетъ питать, мановеніемъ Котораго держится все живущее. Для меня же отселѣ да послужитъ пищею для тѣла и души причащеніе Владычнаго Тѣла.—(Преподобный вездѣ имѣлъ при себѣ частицу Животворящаго Тѣла, напоенную кровію Христа Господа, которую онъ запасалъ при совершеніи Божественнаго Таинства,—когда то было возможно для него).—Только симъ,—говорилъ онъ,—пускай буду я причащаться, не вкушая ничего другаго. А подаваемый для обоихъ насъ хлѣбъ—пускай будетъ для тебя одного, также и вода. Ты и самъ видишь, что намъ подаютъ хлѣба очень мало, едва достаточно тебѣ одному для подкрѣпленія тѣла; лучше ты останься живъ и возвѣсти братіи о моей кончинѣ, если такова будетъ воля Божія, чтобы я скончался въ сей, полной лишеній, тѣснотѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени Тотъ, Который ѝсполнѧ́етъ всѧ́кое живо́тно бл҃говоле́нїѧ[1]), не оставилъ безъ помощи Своего угодника, умиравшаго отъ ужаснаго голода, но промыслилъ о немъ такимъ образомъ. Нѣкій царскій вельможа, проходя мимо того затвора, разузналъ все относительно святаго: какое онъ терпитъ притѣсненіе и голодъ. Богъ склонилъ сердце вельможи къ милости, и онъ приказалъ сторожамъ, дабы они давали Ѳеодору и ученику его достаточно пищи и чтобы вообще впередъ не

[1]) Псал. 144, ст. 16.

причиняли имъ зла и притѣсненій, но позволяли имъ жить нѣсколько отраднѣе. Такимъ образомъ, нѣсколько освободившись, по благоволенію Божію, отъ многихъ, вышеупомянутыхъ скорбей, они окрѣпли тѣломъ. Но и послѣ того святый отецъ продолжалъ бороться со многими напастями, такъ какъ у него былъ больной желудокъ, и онъ былъ подверженъ сильному недугу. Такъ святые угодники Христовы прожили въ темницѣ болѣе трехъ лѣтъ, принимая отъ сторожей плохой хлѣбъ, да и то съ укоромъ и ругательствами. Все же сіе они претерпѣвали ради Православія, съ радостію.

Не успѣли еще оправиться они отъ скорбей и болѣзней, какъ имъ суждено было подвергнуться новымъ скорбямъ, еще болѣе тяжелымъ. Неизвѣстно откуда въ руки царя попала нѣкая грамота блаженнаго Θеодора, въ которой изложено было обличеніе нечестія царя и наставленіе вѣрующихъ въ благочестіи и Православіи. Прочитавъ эту грамоту, царь воспылалъ еще сильнѣйшею яростію и отправилъ къ Θеодору нѣкоего безжалостнаго воеводу,—показать ему ту грамоту и спросить, принадлежитъ ли она ему, и бить его, даже до послѣдняго издыханія. Воевода, пришедши, показалъ грамоту блаженному, а послѣдній дѣйствительно удостовѣрилъ, что сія грамота—его, а не кого-либо другаго. Тогда воевода немедленно приказалъ бить прежде всего ученика его Николая, распростерши его нагимъ по землѣ, такъ какъ онъ отъ лица Θеодора писалъ сіе письмо. Потомъ, раздѣвши и преподобнаго Θеодора, безпощадно билъ его, изранилъ все его тѣло и едва не сокрушилъ и самихъ костей. Оставивъ его еле живымъ, воевода снова пришелъ къ ученику его Николаю, то убѣждая его ласкательствами, то угрожая, дабы онъ отказался поклониться святымъ иконамъ. И такъ какъ тотъ оставался вѣрнымъ Православію, снова сталъ бить его больше прежняго и оставилъ его на ночь въ холодѣ нагимъ, дабы онъ вдвойнѣ подвергался мученіямъ, ибо тогда былъ февраль мѣсяцъ. Преподобный же Θеодоръ отъ жестокихъ побоевъ впалъ въ болѣзнь, съ трудомъ переносимую, и лежалъ какъ мертвецъ, едва имѣя возможность дышать, не принимая ни пищи, ни питія. Николай, замѣтивъ своего наставника столь обезсилѣвшимъ, забылъ о себѣ, хотя и самъ отъ ранъ переносилъ ужаснѣйшія страданія, и заботился о выздоровленіи Θеодора. Выпросивъ ячменнаго напитка, онъ смачивалъ имъ пересохшій языкъ преподобнаго и,

подавая немного питія, оживлялъ его. Замѣтивъ, что преподобный понемногу пріобрѣтаетъ жизненную силу, онъ началъ лѣчить и остальное загнивающее его тѣло. Многія части тѣла его, посинѣлыя, согнившія и висѣвшія совершенно негодными, онъ отрѣзалъ небольшимъ ножомъ и выбрасывалъ, дабы успѣшнѣе залѣчивалась оставшаяся плоть. Когда же преподобный сталъ понемногу выздоравливать, онъ такъ же врачевалъ своего ученика.

Между тѣмъ какъ святые въ теченіе девяноста дней такъ страдали и еще не оправились вполнѣ отъ ранъ, отъ царя явился другой суровый и безчеловѣчный посланникъ, которому повелѣно было отвести Ѳеодора и ученика его Николая въ Смирну[1]). Сей посолъ былъ сребролюбивъ и, подумавъ, что Ѳеодоръ съ приходящихъ къ нему для поученія бралъ золото, приказалъ, вслѣдствіе сего, обыскать въ темницѣ всѣ скважины, разломать стѣны и вынести землю въ надеждѣ найти золото. Но, не нашедши ничего, онъ съ особенною жестокостію сталъ приводить въ исполненіе повелѣніе царя. Съ ругательствомъ и толчками изведя преподобнаго и ученика его изъ темницы, онъ передалъ ихъ воинамъ, и они, такимъ образомъ, поведены были въ Смирну. Блаженный же, хотя тѣлесная сила его и ослабѣвала, но, укрѣпляемый Богомъ, шелъ съ безжалостными воинами; въ теченіе цѣлаго дня они безъ отдыха его вели, а на ночь привязывали за ноги къ дереву. Такимъ образомъ, онъ съ трудомъ едва дошелъ до Смирны, гдѣ былъ отданъ мужу злобному и поборнику нечестія. Послѣдній заперъ Ѳеодора въ низкой и темной хижинѣ. Съ нимъ заперли и ученика его Николая, и, такимъ образомъ, блаженные рабы Христовы страдали вмѣстѣ. Вскорѣ отъ царя снова пришелъ вышеупомянутый безжалостный Анастасій и, вновь нанеся преподобному сто ударовъ, удалился; преподобный же все сіе претерпѣвалъ съ благодареніемъ.

Въ то время въ Смирнской области воеводою былъ царскій племянникъ и единомышленникъ, который впалъ въ жестокій неисцѣлимый недугъ и находился при послѣднемъ издыханіи. Одинъ изъ его слугъ, державшійся православнаго ученія, пришелъ къ болящему и сказалъ ему, что преподобный Ѳеодоръ имѣетъ отъ Бога благодать исцѣлять всякія болѣзни. Тотъ немедленно

---

1) Это было въ 819 году.— *Смирна* —древній знаменитый торговый городъ на западномъ берегу Малой Азіи; въ настоящее время представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Малой Азіи, съ населеніемъ свыше 120 000 жителей.

отправилъ къ преподобному своихъ слугъ съ просьбою помолиться о немъ Богу и освободить его отъ приблизившейся уже смерти. Преподобный отвѣчалъ посланнымъ:

— Скажите пославшему васъ, — Θеодоръ говоритъ такъ: «Памятуй, что ты будешь отвѣчать предъ Богомъ въ день твоей смерти за свою нечестивую жизнь и за то зло, которое ты причинилъ православнымъ. Ко многимъ инымъ твоимъ беззаконіямъ ты присоединилъ еще и то, что подвергнулъ моихъ иноковъ неисчислимымъ бѣдствіямъ и въ мученіяхъ убилъ великаго въ добродѣтеляхъ Θаддея[1]). И вотъ онъ нынѣ радуется со святыми; тебя же кто спасетъ отъ вѣчныхъ мученій? По крайней мѣрѣ, при кончинѣ— покайся въ своихъ злодѣяніяхъ».

Посланные, возвратившись, передали всѣ слова Θеодора болящему воеводѣ. Послѣдній весьма испугался, размышляя о содѣянныхъ имъ злодѣяніяхъ, и снова отправилъ къ преподобному пословъ, испрашивая прощенія и давая обѣщаніе принять православную вѣру, если онъ возставитъ его своими молитвами отъ одра болѣзни. Преподобный отправилъ къ воеводѣ икону Пречистой Божіей Матери, приказывая ему въ теченіе всей его жизни сохранять ее при себѣ съ благоговѣніемъ. Воевода, принявъ ту святую икону, получилъ облегченіе въ болѣзняхъ и сталъ выздоравливать. Но вскорѣ, подъ вліяніемъ Смирнскаго епископа, бывшаго еретикомъ, онъ обратился къ прежнему своему зловѣрію. Получивъ отъ послѣдняго елей, какъ бы благословеніе себѣ, онъ помазался имъ въ надеждѣ на полное выздоровленіе. Но, послѣ этого, къ нему снова возвратился прежній недугъ. Узнавъ о семъ, преподобный предсказалъ лютую смерть грѣшнику, что и сбылось,—ибо онъ вскорѣ погибъ мучительною смертію. Преподобный же Θеодоръ, страдая въ затворѣ, претерпѣвалъ заключеніе въ Смирнѣ въ теченіе полутора лѣтъ. Послѣ сего злочестивый царь Левъ Армянинъ былъ насильственно лишенъ жизни, будучи убитъ своими воинами, а послѣ него царскій престолъ получилъ Михаилъ, по прозванію Травлій, онъ же и Валвосъ[2]). Сей императоръ хотя и былъ нечестивъ, тѣмъ не менѣе не подвергалъ гоненію православныхъ, но предоставилъ каждому вѣро-

---

[1]) *Преп. Θаддей Исповѣдникъ,* ученикъ и слуга преп. Θеодора Студита, † 818 г. Память его совершается 29-го декабря.

[2]) *Михаилъ II Травлій,* или *Валвосъ,* т. е. косноязычный, царствовалъ съ 820 по 829 г.

вать такъ, какъ кто желаетъ. Посему при немъ всѣ Отцы и исповѣдники Православія были освобождены отъ заключенія, выпущены изъ темницы и возвращены изъ изгнанія. Тогда и преподобный Θеодоръ получилъ облегченіе въ своихъ страданіяхъ. И пришли къ нему нѣкоторые изъ прежнихъ его учениковъ, между которыми находился съ юныхъ еще лѣтъ преуспѣвшій въ добродѣтеляхъ Дороθей, затѣмъ Виссаріонъ, Іаковъ, Дометіанъ, Тимоθей и многіе другіе, отличившіеся благочестивою жизнію и горячею, неизмѣнною любовью къ отцу своему духовному Θеодору. Отъ царя въ Смирну пришло приказаніе, дабы и Θеодоръ, какъ и остальные, былъ отпущенъ въ свою обитель.

Когда блаженный возвращался изъ заточенія, православные повсюду встрѣчали его съ радостію, предупреждая другъ друга и стараясь принять его въ свой домъ, дабы сподобиться его молитвъ и благословенія и насладиться сладостными его поученіями. Вся Церковь радовалась возвращенію Θеодора, и всѣ ублажали его какъ человѣка столь много пострадавшаго за святыя иконы и своимъ ученіемъ утвердившаго всѣхъ въ Православіи. На возвратномъ пути преподобный прибылъ въ Халкидонъ[1]), чтобы повидаться съ блаженнымъ инокомъ Θеоктистомъ, который нѣкогда почтенъ былъ саномъ магистріанскимъ[2]), и, утѣшившись съ нимъ духовною бесѣдою, отправился посѣтить своего сострадальца, Святѣйшаго Патріарха Никифора, сосланнаго въ заточеніе злочестивымъ царемъ Львомъ Армяниномъ. Насладившись духовною бесѣдою съ нимъ, преподобный удалился въ Крискентіевы мѣста[3]) и многихъ обрадовалъ своимъ присутствіемъ, преподавъ душеспасительное наставленіе. Вторично возвратившись оттуда къ Патріарху, онъ съ нимъ и съ прочими епископами отправился къ царю и увѣщавалъ его принять Православіе. Но тотъ, будучи неразумнымъ и ненаученнымъ Слову Божію, не внималъ рѣчамъ Святыхъ Отцовъ и только сказалъ имъ слѣдующее:

— Я вамъ не возбраняю дѣлать, что вы желаете; только не позволю ставить иконъ въ царствующемъ градѣ, но въ иномъ

---

[1]) *Халкидонъ* — главный городъ Виθиніи, на сѣверо-западномъ берегу Малой Азіи, на южномъ концѣ Константинопольскаго пролива, противъ Константинополя. Халкидонъ извѣстенъ въ исторіи Церкви тѣмъ, что въ немъ происходилъ IV Вселенскій Соборъ (451 г.).

[2]) Названіе *магистръ* означало при Византійскомъ императорскомъ дворѣ одну изъ высшихъ придворныхъ должностей, съ которою соединялось званіе болѣе высшее, чѣмъ патриція.

[3]) Мѣстность эта находилась недалеко отъ Константинополя.

мѣстѣ пускай ставятъ ихъ для себя, кто гдѣ хочетъ; я же не желаю поклоняться иконамъ.

Когда онъ сіе въ безуміи изрекъ, преподобные отцы удалились изъ Византіи. Преподобный Θеодоръ съ своими учениками поселился въ мѣстахъ Крискентіевыхъ. Спустя немного времени во время войны, возбужденной нѣкіимъ Θомою, пожелавшимъ присвоить себѣ царскую власть, у святаго явилась необходимость вновь съ братіею явиться въ Константинополь[1]). По окончаніи войны святый, не желая жить среди народа, зараженнаго иконоборческою ересью, снова удалился оттуда. Выйдя изъ Константинополя, онъ не пошелъ въ Крискентіевы мѣста, но поселился въ Акритовомъ Херсонесѣ[2]), гдѣ находилась церковь во имя святаго Трифона, и здѣсь вмѣстѣ съ своими учениками проводилъ въ благочестивыхъ подвигахъ богоугодную иноческую жизнь. Немного проживши въ такомъ житіи съ своими возлюбленными друзьями, преподобный приблизился къ блаженной кончинѣ своей, имѣя шестьдесятъ семь лѣтъ отъ роду. Предъ кончиною, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ подвергся жестокому недугу и ужасно страдалъ желудкомъ. Извѣстіе о томъ, что блаженный Θеодоръ боленъ и приближается къ смерти,—распространилось повсюду. Тогда къ нему стало стекаться множество благочестивыхъ христіанъ, приходившихъ и изъ царствующаго града, и изъ различныхъ окрестныхъ селеній, дабы или послушать преподобнаго за бесѣдой и насладиться послѣдними его словами, или хотя бы взглянуть на него—отходящаго къ Богу. Считали за великую пользу даже только то, чтобы къ нему приблизиться: ибо сей дивный мужъ былъ сладостенъ словомъ, премудръ разумомъ и украшенъ всѣми добродѣтелями. Когда блаженный лежалъ въ постели и весьма изнемогалъ отъ предсмертной болѣзни, онъ, тѣмъ не менѣе, насколько было возможно, велъ съ учениками душеполезныя бесѣды. Но изъ рѣчей его можно было разслышать лишь немногое, потому что языкъ пересыхалъ у него отъ болѣзненнаго жара. Поэтому одинъ изъ

---

[1]) Въ декабрѣ 821 г. самозванецъ Θома, называвшій себя сыномъ императора Константина VI и еще къ концу царствованія Льва Армянина провозгласившій себя императоромъ въ Малой Азіи, подступилъ къ Константинополю. Опасаясь, какъ бы православные не перешли на его сторону, Михаилъ Косноязычный обѣщалъ созвать Соборъ для примиренія ихъ съ гонителями св. иконъ. По сему случаю и Θеодоръ Студитъ явился въ Константинополь. Но Соборъ не состоялся, такъ какъ самозванецъ былъ убитъ своими же сообщниками, и опасность для императора миновала.

[2]) *Акритъ*—мысъ въ Виθиніи, близъ Никомидіи, противъ Константинополя.

скорописцевъ, сидя вблизи и слушая, записывалъ его слова, дабы всѣ, кто пожелалъ бы узнать ихъ, могли бы прочесть, для своей пользы душевной, наставленія блаженнаго. Во время бесѣды преподобному стало легче, такъ что онъ даже всталъ на ноги и началъ ходить. Въ воскресный день, придя въ церковь, онъ совершилъ Божественную Литургію, сказалъ братіи поученіе и вкусилъ вмѣстѣ съ нею отъ трапезы. Равно такъ же и утромъ шестого ноября,—въ день памяти святаго отца нашего Павла Исповѣдника,—онъ совершилъ въ церкви Божественную Литургію, сказалъ братіи поученіе и былъ въ тотъ же день на Вечернѣ; затѣмъ, войдя въ келлію, онъ легъ на постель и снова сильно заболѣлъ. Онъ болѣлъ въ продолженіе четырехъ дней, а на пятый—наступилъ конецъ его болѣзни, а безболѣзненной жизни—начало. Когда преподобный приближался къ преставленію, къ нему собралось множество братіи, и они плакали о немъ, какъ о своемъ отцѣ и учителѣ. Взглянувъ на нихъ, онъ немного прослезился и сказалъ:

— Отцы и братія! Вотъ, приспѣлъ конецъ моей жизни. Мы всѣ должны испить сію общую чашу: одни—раньше, а другіе—позже, а все же мы не минуемъ того часа. И вотъ, я ухожу путемъ, коимъ отошли наши отцы,—туда, гдѣ жизнь вѣчная, а наипаче, гдѣ Господь и Богъ, Котораго возлюбила душа моя. Его я отъ всего сердца возжелалъ, Его я назвался рабомъ, хотя и не исполнилъ своего Ему служенія. Вы же, братія моя и любимыя чада, оставайтесь вѣрны словамъ моимъ, которыя я предалъ вамъ, содержа правую вѣру и благочестивую жизнь. Вы знаете, что я не переставалъ возвѣщать вамъ Слово Божіе и наединѣ, и въ собраніи всѣхъ. Нынѣ же я усердно умоляю васъ: имѣйте его въ вашемъ умѣ и сохраняйте, потому что у меня есть забота о васъ, какъ у желающаго дать о васъ отчетъ. Посему и вы заботьтесь, дабы непорочными отойти отсюда. Я же, если обрящу дерзновеніе предъ Господомъ, обѣщаюсь молиться за васъ, дабы вашъ монастырь пребывалъ всегда въ наилучшемъ состояніи и дабы каждый изъ васъ, съ помощію Божіею, имѣлъ большее преуспѣяніе въ добродѣтеляхъ.

Сказавъ сіе и простившись со всѣми, онъ приказалъ ученикамъ взять въ руки свѣчи и начинать отходную. Ученики, ставши кругомъ постели, воспѣвали:

— «Бл҃же́ни непоро́чніи въ пꙋ́ть, ходѧ́щіи въ зако́нѣ гдⷭ҇ни»[1]).

[1]) Псал. 118, ст. 1.

И когда, воспѣвая, произнесли сіи слова: **Во вѣкъ не забꙋдꙋ ѡ҆правда́нїй твои́хъ, ꙗ҆́кѡ въ ни́хъ ѡ҆живи́лъ мѧ̀ є҆сѝ**[1]), преподобный Θеодоръ вмѣстѣ съ сими словами предалъ Богу свою святую душу. Принявъ ее, Ангелы Божіи понесли къ Престолу Владычнему, какъ сіе явно обнаружилось изъ неложнаго свидѣтельства преподобнаго Иларіона Далматскаго[2]).

Преподобный Иларіонъ въ тотъ самый день, когда преставился Θеодоръ, то есть одиннадцатаго числа ноября, въ день памяти святаго мученика Мины, ходилъ по винограднику и занимался работой съ пѣніемъ Псалмовъ Давидовыхъ. Вдругъ онъ услыхалъ нѣкоторые пречудные голоса и обонялъ неизъяснимое благоуханіе. Онъ удивился и остановился, разыскивая, откуда сіе раздается. Взглянувъ вверхъ, онъ увидалъ безчисленное множество чиновъ ангельскихъ, въ бѣлыхъ ризахъ, сіяющихъ свѣтлыми лицами и идущихъ съ Неба съ пѣснопѣніями навстрѣчу нѣкоему достопочтенному лицу. Увидавъ сіе, блаженный Иларіонъ въ сильномъ ужасѣ упалъ на землю и услышалъ кого-то, говорившаго къ нему:

— Вотъ душа Θеодора, игумена Студійскаго монастыря, много пострадавшаго за святыя иконы и до конца остававшагося твердымъ въ скорбяхъ; нынѣ же душа усопшаго, торжествуя, восходитъ горѣ, срѣтаемая Небесными Силами.

Сіе видѣніе блаженный Иларіонъ сообщилъ и прочимъ добродѣтельнымъ отцамъ. Они записали день и часъ бывшаго видѣнія и, спустя нѣсколько времени, узнали, что въ то именно время преставился достохвальный Θеодоръ Студійскій и перешелъ отъ земли на Небо.

Преподобный отецъ нашъ Θеодоръ и при своей жизни и по смерти совершилъ много чудесъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ передадимъ здѣсь, ради пользы душевной.

Нѣкій страннопріимецъ Леонъ пріютилъ въ своемъ домѣ для отдыха преподобнаго Θеодора въ то время, когда послѣдній возвращался изъ заточенія. Впослѣдствіи сей Леонъ нашелъ для своего сына невѣсту. И вотъ, когда уже готовилось бракосочетаніе, невѣста внезапно впала въ тяжкій недугъ и лежала, охваченная сильнымъ жаромъ, такъ что всѣ отчаявались за ея жизнь.

---

[1]) Псал. **118**, ст. 93.

[2]) *Преп. Иларіонъ Далматскій* † 845 г. Память его—6-го іюня.

Леонъ же послалъ къ преподобному, сообщая о случившемся и умоляя, дабы онъ помогъ имъ своими молитвами. Благословивъ елей, преподобный отправилъ его къ Леону, повелѣвая помазать симъ елеемъ больную. Когда сіе было сдѣлано, невѣста немедленно встала здоровою, какъ бы никогда ранѣе и не болѣла. Тотъ же самый Леонъ, отправляясь нѣкогда по нуждѣ одинъ въ отдаленное селеніе, встрѣтилъ на дорогѣ рысь, которая, замѣтивъ его, кинулась въ намѣреніи его растерзать. Громко призвалъ Леонъ имя преподобнаго отца Θеодора, и вотъ—звѣрь, услыхавъ имя святаго, остановился и наклонился къ землѣ, свернулъ съ дороги и пустился бѣжать. Леонъ же, не тронутый звѣремъ, продолжалъ путь свой.

Нѣкая женщина, страдающая нечистымъ духомъ, приведена была къ преподобному. Нечистый духъ настолько мучилъ ее, что она сама, не чувствуя боли, грызла и ѣла свою плоть. Видя таковое ея страданіе, преподобный сжалился надъ ней, сотворилъ своею рукою крестное знаменіе на ея головѣ и прочелъ надъ нею запретительную молитву; и немедленно нечистый духъ вышелъ изъ нея и, изгнанный молитвою преподобнаго, быстро исчезъ.

Другая женщина изъ знатнаго рода разсказала, послѣ преставленія преподобнаго Θеодора, блаженному игумену Софронію[1]) слѣдующее. «Случился,—разсказывала она,—нѣкогда пожаръ въ моемъ домѣ. Огонь, охвативъ его со всѣхъ сторонъ, сжигалъ съ шумомъ все, что было въ немъ, и мы не могли ни водою, ни инымъ какимъ-либо способомъ подавить силу пламени и недоумѣвали, что сдѣлать. Тогда я вспомнила о находившемся у меня письмѣ преподобнаго Θеодора, которое немного раньше предъ симъ онъ писалъ ко мнѣ. У меня явилась мысль бросить его въ огонь: не устыдится ли онъ сколько-нибудь писанія, начертаннаго святою рукою Θеодора, и не укротитъ ли оно хотя немного пламень. Поступивъ такъ, какъ помыслила, я бросила сію грамоту въ пламень и сказала: «Святый Θеодоръ, помоги мнѣ, рабѣ твоей, въ бѣдѣ находящейся!» И въ тотъ же часъ мы замѣтили, что свирѣпая сила огня ослабѣла, угасла и уничтожилась въ дыму.» Столь большую силу имѣло въ себѣ призываніе имени сего угодника Божія!

---

[1]) *Софроній* былъ игуменомъ Студійской обители съ 851 по 854 г.

Вышеупомянутый Софроній повѣствуетъ и о другомъ подобномъ же событіи. «Шли мы,—говорилъ онъ,—съ блаженнымъ Николаемъ, ученикомъ и сострадальцемъ великаго Θеодора, въ Пафлагонію[1]). Во время пути, съ наступленіемъ вечера, мы опочили на нѣкоемъ полѣ, на которомъ лежало много скошеннаго сѣна. Тамъ же находились и какіе-то воины, которые, идя тѣмъ путемъ, за позднимъ временемъ остановились на томъ же полѣ и, разведши костеръ, готовили себѣ ужинъ. Послѣ сего ночью костеръ какъ-то незамѣтно разгорѣлся и незамѣтно превратился въ сильный пожаръ, уничтожившій все сѣно. Воины, поспѣшно проснувшись, всѣ набросились на насъ, думая, что это мы подожгли, и уже хотѣли наложить на насъ руки и мучить насъ; мы же, недоумѣвая, какъ поступить, призвали на помощь великаго Θеодора съ словами: «Преподобне отче! Помоги намъ и твоими молитвами избави насъ отъ напасти, несправедливо наносимой намъ». Когда мы сіе говорили, внезапно пошелъ обильный дождь и совершенно погасилъ все пожарище. Воины, увидавъ то чудо, стали кроткими и, припадая къ намъ, просили прощенія.

На островѣ Сардиніи[2]) былъ нѣкій благочестивый мужъ, который, имѣя при себѣ переписанныя творенія преподобнаго Θеодора, прилежно прочитывалъ ихъ; онъ любилъ также и составленныя тѣмъ святымъ отцомъ пѣснопѣнія, воспѣваемыя Великимъ Постомъ, которыя называются тріодями, или трипѣснцами. Къ сему мужу зашли проходившіе мимо по дорогѣ нѣкіе нечестивые иноки и проживали у него во время Поста. Увидѣвъ составленныя преподобнымъ Θеодоромъ пѣснопѣнія и поученія, послѣдніе стали хулить ихъ, говоря, что они составлены несогласно съ разумомъ и полны безумія. Благочестивый же тотъ мужъ, пріютившій ихъ, отъ ихъ бесѣдъ развратился и уже болѣе не прочитывалъ полезныхъ поученій преподобнаго и не имѣлъ за утреннимъ пѣніемъ составленныхъ преподобнымъ трипѣснцевъ, какіе имѣлъ обыкновеніе пѣть ранѣе. Когда онъ такъ развратился, однажды ночью ему явился преподобный Θеодоръ—небольшого роста, какимъ онъ былъ при жизни, съ благороднымъ лицомъ и лишенною волосъ головою. Вслѣдъ за симъ шли и другіе иноки, держа въ рукахъ жезлы, которыми онъ приказалъ бить сего, соблазненнаго нечестивыми

---

[1]) *Пафлагонія*—область на сѣверѣ Малой Азіи.

[2]) *Сардинія*—большой островъ въ Средиземномъ морѣ, къ западу отъ Италіи.

иноками, мужа. Въ то время, какъ его били, преподобный говорилъ:

— Зачѣмъ ты по невѣрію отвергнулъ мои творенія, которыя ты прежде любилъ и почиталъ? Почему ты не разсудилъ того, что если бы Церковь Божія не видала отъ нихъ пользы, то и не приняла бы ихъ? Вѣдь они составлены не по ухищренному лжесловесію, не по витійству рѣчи, но во всемъ содержатъ здравыя и смиренныя слова, могущія привести въ сокрушеніе сердце и умилить душу. Они сладостны и полезны для тѣхъ, кто поистинѣ желаетъ спастись.

Наказавъ такъ согрѣшившаго, преподобный Θеодоръ удалился. Когда наступилъ день, мужъ тотъ лежалъ въ постели больнымъ отъ полученныхъ имъ ударовъ, со множествомъ синяковъ на тѣлѣ, которые онъ, разсказывая о постигшемъ его наказаніи, всѣмъ показывалъ. Поспѣшно онъ изгналъ затѣмъ изъ своего дома тѣхъ, соблазнившихъ его, иноковъ — какъ виновниковъ его прегрѣшеній и такого наказанія. Съ того времени онъ пріобрѣлъ сильнѣйшую, чѣмъ ранѣе, вѣру въ преподобнаго Θеодора и съ любовію прочитывалъ творенія и пѣснопѣнія, имъ составленныя, умоляя его простить ему прежнее согрѣшеніе.

Многія исцѣленія даровались и отъ гроба преподобнаго. Однажды къ его гробу пришелъ нѣкій бѣсноватый. Ночью, въ видѣніи, ему явился преподобный и, даровавъ исцѣленіе, сдѣлалъ его здоровымъ. Человѣкъ тотъ, проснувшись, ощутилъ себя освобожденнымъ отъ вражескаго мучительства и прославилъ Бога и Его угодника, преподобнаго Θеодора.

Нѣкоторый человѣкъ съѣлъ отравленную пищу, заразилъ отравою всѣ свои внутренности и уже приближался къ смерти. Когда же онъ влилъ себѣ въ ротъ елей изъ лампады, находившейся при гробѣ преподобнаго, то немедленно извергнулъ тотъ смертоносный ядъ, получивъ здоровье, и остался невредимымъ.

Еще одинъ сильно страдалъ желудкомъ; но когда онъ только взглянулъ на икону преподобнаго Θеодора и призвалъ его имя, то немедленно исцѣлѣлъ. Еще одинъ мужъ, одержимый какимъ-то страхомъ, находился въ состояніи безумія, боясь и ужасаясь всѣхъ. Будучи приведенъ ко гробу преподобнаго и помазанъ масломъ, онъ внезапно избавился отъ сего страданія и, получивъ здравый разсудокъ, воздалъ благодареніе Богу и Его угоднику.

Много и иныхъ чудесъ по молитвамъ преподобнаго Ѳеодора совершилось при его гробѣ во славу Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же да будетъ отъ насъ честь и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ и҃:

Правосла́вїѧ наста́вниче, бл҃гочести́ѧ оу҆чи́телю и҆ чистоты̀, вселе́нныѧ свѣти́льниче, мона́шествꙋющихъ бг҃одꙋхнове́нное оу҆добре́нїе, ѳеодѡ́ре премꙋ́дре, оу҆че́ньми твои́ми всѧ̑ просвѣти́лъ є҆сѝ: цѣвни́це дх҃о́внаѧ, молѝ хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

По́стническое и҆ равноа́гг҃льное житїѐ твоѐ страда́льческими оу҆ѧсни́лъ є҆сѝ по́двиги, и҆ а҆́гг҃лѡмъ совсе́льникъ бг҃обл҃же́ннѥ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ ѳеодѡ́ре: съ ни́ми хр҃тꙋ̀ бг҃ꙋ молѧ́сѧ не преста́й ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

СТЕФАНА ДЕЧАНСКАГО,

краля Сербскаго[1])

Святый Стефанъ Урошъ III Дечанскій былъ Сербскій краль (король) изъ числа благочестивыхъ кралей и царей древняго православнаго Сербскаго государства. Онъ былъ сыномъ св. краля Стефана Уроша II Милутина[2]), внукомъ Стефана Уроша I[3]) и правнукомъ св. Стефана, первовѣнчаннаго краля Сербскаго[4]), брата святаго Саввы, перваго архіепископа Сербскаго и сына Великаго Сербскаго Жупана св. Стефана (въ иночествѣ Симеона)

---

[1]) Извѣстны и сохранились до настоящаго времени два житія св. Стефана Дечанскаго: одно написано современникомъ, продолжателемъ труда сербскаго архіепископа Даніила, писавшаго Родословъ, или Цароставникъ, т. е. житія кралей и архіепископовъ Сербскихъ; другое написано позднѣе, лѣтъ черезъ шестьдесятъ, игуменомъ созданной св. Стефаномъ Дечанской обители Григоріемъ Цамвлакомъ, бывшимъ впослѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ. Эти житія и положены въ основу настоящаго изложенія.

[2]) *Милутинъ* правилъ Сербіей съ 1282 по 1320 г.

[3]) Правилъ съ 1243 по 1276 г.

[4]) *Св. Стефанъ Первовѣнчанный* преставился въ 1224 г., правилъ съ 1195 г.

Неманя[1]), основателя древняго Сербскаго государства. Матерью его была первая жена Милутина, Елисавета, дочь Венгерскаго короля Стефана V. Принадлежа къ благочестивой Сербской королевской семьѣ, Стефанъ съ дѣтства былъ воспитанъ въ христіанскомъ благочестіи.

Съ раннихъ лѣтъ Стефану пришлось видѣть и пережить много тяжкихъ бѣдствій. Въ Сербіи въ тѣ времена бывали частыя смуты и междоусобія среди королевскаго рода, возстанія и крамолы вельможъ, постоянныя войны съ сосѣдями—Болгарами, Греками и Татарами.

Враги православнаго восточнаго христіанства Татары, разгромивши и покоривши Православную Русь, разоряли и прочія славянскія православныя государства, угрожали Болгаріи и Сербіи.

Особенно сильная опасность грозила славянскимъ государствамъ Балканскаго полуострова со стороны Крымскаго хана Ногая. Татарскія войска, высылаемыя Ногаемъ, опустошали Болгарію и Македонію, вторгались и въ Сербію. Болгары на время подпали даже зависимости отъ Татаръ, та же участь угрожала и Сербіи. Но Сербскій король Милутинъ принялъ рѣшительныя мѣры. Не будучи въ состояніи силой сопротивляться могущественному татарскому хану, онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, отвратилъ нашествіе Татаръ, но вынужденъ былъ отправить молодого сына въ татарскій лагерь въ качествѣ заложника вмѣстѣ съ нѣсколькими знатными сербскими боярами.

Но Богъ помогалъ благочестивому Стефану въ его несчастіяхъ. Возникшія вскорѣ среди Татаръ междоусобія кончились убійствомъ Ногая. Воспользовавшись сими смутами среди Татаръ, Стефанъ возвратился на родину.

Ради совмѣстной борьбы съ Татарами Болгарскій царь Смилецъ вступилъ въ союзъ съ Сербскимъ кралемъ Милутиномъ: союзъ этотъ сопровождался бракомъ сына Милутинова, Стефана Уроша, съ дочерью Болгарскаго царя Смильца.

Послѣ своего брака Стефанъ Урошъ получилъ для самостоятельнаго управленія одну изъ важныхъ областей, именно Зету, или Діоклею, теперешнюю южную Черногорію. Здѣсь нѣкоторое время и правилъ Стефанъ.

Но какъ нерѣдко прежде, такъ и теперь возникаютъ въ Сербіи смуты, сопровождаясь обычными бѣдствіями и несчастіями.

---

[1]) *Св. Стефанъ (Симеонъ) Неманя* **правилъ съ 1159 г. по 1195 г.**

Мачеха Стефана, вторая супруга Милутина, Симонида, дочь Византійскаго царя Андроника Старшаго[1]) и жены его Ирины, возъимѣла желаніе, чтобы наслѣдникомъ Сербскаго престола сдѣлался не Стефанъ Урошъ, ея пасынокъ, а родной ея сынъ, Константинъ. Подстрекаемая своею матерью Ириной, она стала внушать королю Милутину подозрѣніе къ его сыну Стефану и клеветать, будто Стефанъ хочетъ отнять престолъ у отца.

Въ то же время нашлось среди сербскихъ бояръ немало такихъ, которые предупредили Стефана о грозившей ему опасности, но избавиться отъ нея совѣтовали посредствомъ возстанія противъ отца и отнятія у него королевской власти.

Между тѣмъ, отца его Милутина злые люди успѣли убѣдить, что сынъ замышляетъ противъ него возстаніе и хочетъ свергнуть съ престола. Тогда Милутинъ отправляется въ область своего сына и посылаетъ схватить его. Посланные заковали Стефана въ цѣпи, посадили въ темницу въ Скоплѣ[2]) и ослѣпили.

Произошло это въ Сербской области, именуемой Овче-поле. Тамъ находился храмъ во имя святителя и чудотворца Николая. Ослѣпленный Стефанъ испытывалъ страшныя муки и укрѣплялъ себя только молитвою. Среди такихъ тяжкихъ страданій полумертвый мученикъ въ тонкомъ снѣ видитъ предъ собою величественнаго святаго мужа въ святительской одеждѣ съ сіяющимъ лицомъ; мужъ сей держитъ на правой длани выколотыя очи Стефана и говоритъ:

— Не скорби, Стефане! Вотъ на длани моей твои очи! — и съ этими словами показываетъ ихъ.

Думая, что это привидѣніе, Стефанъ сказалъ ему:

— Кто ты, господинъ мой, являющій такое попеченіе обо мнѣ?

Явившійся отвѣчалъ:

— Я—Николай, епископъ Мѵрликійскій.

Пробудившись отъ сна, страдалецъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни и возблагодарилъ Бога.

Гоненіе на Стефана тѣмъ не кончилось.

Желая вполнѣ обезпечить себя отъ мнимыхъ замысловъ сына, король Милутинъ изгналъ Стефана изъ отечества и отослалъ

---

[1]) *Андроникъ Старшій Палеологъ* былъ императоромъ въ Царьградѣ съ 1281 г. по 1332 г.

[2]) Городъ въ Македоніи на рѣкѣ Вардарѣ; теперь по-турецки называется Ускюбъ.

его въ Царьградъ къ тестю своему царю Андронику Старшему подъ надзоръ вмѣстѣ съ двумя малолѣтними внуками, сыновьями Стефана—Душаномъ и Душицею.

Но и въ изгнаніи Богъ не оставилъ терпѣливаго Стефана. Правда, Стефанъ здѣсь лишенъ былъ свободы. Ему данъ былъ сначала особый дворъ и полное содержаніе отъ царя, но воспрещенъ свободный выходъ. Потомъ Стефанъ съ дѣтьми перемѣщенъ былъ на жительство въ Цареградскій монастырь Пантократора (Господа Вседержителя) подъ надзоръ игумена, безъ разрѣшенія котораго ему не позволялось никого принимать къ себѣ и ни съ кѣмъ не бесѣдовать. Но доблестный Стефанъ покорно переносилъ всѣ тягости заточенія; онъ часто повторялъ: «Терпи, Стефанъ: **въ терпѣніи вашемъ стяжите душы вашя**[1]),—сказалъ Господь». Онъ часто предавался молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ и въ ней находилъ утѣшеніе. Когда монастырская братія собиралась на правило, онъ первый являлся на молитву и стоялъ неподвижно до окончанія службы, такъ что настоятель и братія дивились его бодрости и усердію. За это всѣ любили Стефана и оказывали ему вниманіе. Часто ходили къ нему и для духовной бесѣды. Все это не осталось неизвѣстнымъ и самому царю. Слыша о похвальной жизни заточника, онъ часто призывалъ его къ себѣ, бесѣдовалъ о душевной пользѣ и раздѣлялъ съ нимъ трапезу.

Въ одну изъ такихъ бесѣдъ о вещахъ душеспасительныхъ и дѣлахъ государственныхъ зашла рѣчь о возмущавшемъ тогда многихъ православныхъ въ Греческомъ царствѣ пришедшемъ съ Запада еретикѣ Варлаамѣ, неправо учившемъ объ осіявшемъ Господа Іисуса Христа свѣтѣ во время преславнаго Преображенія на Ѳаворѣ. Стефанъ высказалъ такую мысль: «Неправедно и неприлично царю, пастырю такого великаго стада Христова, держать въ своемъ стадѣ враговъ Его; ихъ дóлжно изгонять, какъ волковъ, растлѣвающихъ души».

Созванный царемъ и Патріархомъ Аѳанасіемъ Соборъ осудилъ ересь Варлаама, и еретикъ изгнанъ былъ изъ предѣловъ Греческаго царства.

Своей добродѣтельной жизнію и своимъ разумомъ и совѣтами Стефанъ снискалъ всеобщую любовь не только монастырской братіи и царя, но и всѣхъ знатныхъ людей въ Царьградѣ, Патріарха и вельможъ.

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 21, ст. 19.

Изъ того, что выдавалось отъ царя, Стефанъ тратилъ на свое содержаніе незначительную долю, остальное же отдавалъ игумену для раздачи бѣднымъ.

Одинъ изъ соотечественниковъ Стефана, старинный его знакомый и почитатель, желая облегчить положеніе невиннаго заточника, послалъ ему съ вѣрнымъ слугою значительную сумму золота на различныя нужды. Посланный вручилъ деньги Стефану и передалъ сочувственныя рѣчи друга. Стефанъ возблагодарилъ благотворителя, помолился за него Господу Богу, но, призвавъ игумена, вручилъ ему все присланное золото для раздачи нуждающимся. Игуменъ убѣждалъ Стефана оставить себѣ хоть малую часть на обыкновенныя нужды, но тотъ отвѣчалъ, что Самъ Богъ судилъ ему жить на чужбинѣ и питаться отъ чужихъ, это такъ и должно быть; присланныя деньги дóлжно отдать истинно нуждающимся—бѣднымъ.

Обласкавъ и удержавъ у себя на нѣкоторое время посланнаго, онъ отпустилъ его къ своему другу на родину, благодаря его и возносся за него молитвы Господу Богу.

За такую добродѣтель никогда не оставляла Стефана милость Божія. Въ пятый годъ пребыванія въ заточеніи Господь Богъ явилъ на немъ великое чудо.

Однажды, въ день празднованія памяти великаго святителя и чудотворца Николая, Стефанъ, по обычаю, находился на торжественномъ Всенощномъ Богослуженіи. Во время чтенія житія и чудесъ святителя онъ, по обычаю, присѣлъ на скамьѣ у своего мѣста и отъ продолжительнаго труда и бдѣнія вздремнулъ. И вотъ, онъ видитъ предъ собою того божественнаго мужа, который и прежде ему являлся.

— Помнишь ли ты,—сказалъ явившійся Стефану,—что я говорилъ тебѣ, когда прежде являлся?

Стефанъ палъ на землю и сказалъ:

— Я узнаю, что ты—великій святитель Николай, но сказаннаго тобою не помню.

Святый Николай сказалъ:

— Я велѣлъ тебѣ—не скорбѣть, ибо въ моей рукѣ твои зѣницы, и я показалъ ихъ тебѣ.

Стефанъ сталъ припоминать прежнее явленіе святителя и, падши къ ногамъ его, сталъ просить о помилованіи.

Святитель сказалъ:

— Что я тогда говорилъ тебѣ, то нынѣ явился исполнить.

И, какъ бы подавая зрѣніе, поднялъ Стефана, осѣнилъ лицо его крестнымъ знаменіемъ, коснулся очей и произнесъ:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ, даровавшій очи слѣпому отъ рожденія, даруетъ и твоимъ очамъ ихъ прежнее зрѣніе!

И съ этими словами святитель сталъ невидимъ.

Объятый трепетомъ, Стефанъ, пришедши въ себя, сталъ, по неизреченному милосердію Божію, видѣть, какъ и прежде.

Взявъ свой жезлъ, онъ вышелъ изъ церкви, какъ и всегда уходилъ, и, пришедши въ келью, наединѣ предался горячей молитвѣ и благодаренію за свое исцѣленіе. Послѣ долгой молитвы, закрывъ по-прежнему глаза полотенцемъ, онъ снова вернулся въ церковь и стоялъ, по обычаю, утаивъ отъ всѣхъ совершившееся надъ нимъ чудо, и никто не узналъ, что ему возвращено было зрѣніе, до того самаго дня, когда Богу угодно было, по возвращеніи въ отечество, поставить его законнымъ Сербскимъ кралемъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ чудеснаго прозрѣнія Стефана младшій сынъ его, малолѣтній Душица, впалъ въ тяжкую болѣзнь и скончался. Стефанъ перенесъ это лишеніе безъ ропота, повторяя слова: «Господь далъ, Господь и взялъ», такъ что всѣ окружающіе удивились мужеству Стефана.

Еще два года продолжалось томленіе Стефана въ заточеніи на чужбинѣ. Какъ ни терпѣливо переносилъ Стефанъ свою ссылку— какъ крестъ, возложенный на него Промысломъ Божіимъ, но ему все же хотѣлось возвратиться въ отечество.

И вотъ, онъ пишетъ слезное посланіе на Аѳонскую гору въ сербскую Хиландарскую лавру, гдѣ въ то время находился Сербскій епископъ, впослѣдствіи архіепископъ Даніилъ, къ которому прежде Стефанъ всегда питалъ любовь и дружбу. Въ своемъ посланіи онъ яркими красками изображаетъ свое бѣдствіе и проситъ Даніила вмѣстѣ со своими аѳонскими великими старцами попечаловаться предъ отцомъ его, королемъ Милутиномъ, и исходатайствовать ему милость и возвращеніе въ отечество.

На Аѳонѣ собрался общій Соборъ старцевъ, для обсужденія дѣла. Рѣшили написать посланіе къ сербскому архіепископу Никодиму и отправить его съ выборными почтенными старцами въ Сербію, чтобы ходатайствовать о возвращеніи сына и внука.

Краснорѣчивое посланіе и рѣчи архіепископа Никодима и посланныхъ старцевъ тронули сердце отца.

Въ то же время прибылъ въ Сербію изъ Царьграда игуменъ обители Пантократора, въ которой содержался Стефанъ съ сыномъ. Этого игумена, какъ человѣка краснорѣчиваго и искуснаго, Византійскій императоръ Андроникъ Палеологъ послалъ къ своему зятю, Сербскому королю Милутину, просить военной помощи противъ враговъ Греческаго царства.

Переговоривъ о государственныхъ дѣлахъ, король Милутинъ пригласилъ царскаго посла, игумена обители Пантократора, для бесѣды наединѣ и сталъ разспрашивать о своемъ сынѣ Стефанѣ.

Игуменъ подробно повѣствовалъ отцу о добродѣтеляхъ, подвигахъ и терпѣніи его сына и прибавилъ, что съ ними не могутъ сравняться всѣ царскія сокровища. Эти разсказы тронули Милутина. Къ тому же незадолго передъ тѣмъ умерла теща его, мать Симониды, императрица Ирина, главная виновница подозрѣній и вражды отца къ сыну. Вслѣдствіе всего этого Милутинъ рѣшился возвратить сына.

Онъ отправляетъ посольство къ императору Андронику и проситъ отправить сына своего Стефана со внукомъ Душаномъ обратно на родину, въ Сербію. Императоръ Андроникъ, полюбившій Стефана и питавшій къ нему глубокое уваженіе, прощается съ сербскимъ изгнанникомъ и отпускаетъ его въ дорогу, снабдивъ всѣмъ необходимымъ и щедро наградивъ подарками. Андроникъ зналъ о прозрѣніи страдальца, но никому не открывалъ этого, чтобы не навлечь на Стефана новыхъ подозрѣній и гоненій.

Такъ послѣ восьми лѣтъ заточенія на чужбинѣ Стефанъ вернулся въ отечество вмѣстѣ съ подраставшимъ сыномъ своимъ Душаномъ. Встрѣча была трогательная. Отецъ примирился съ сыномъ. Онъ далъ ему для прожитія въ управленіе небольшую Будимльскую область въ Діоклеѣ (Зетѣ), а внука Душана оставилъ у себя для воспитанія, а можетъ быть, и для того, чтобы имѣть его какъ залогъ вѣрности сына.

Спустя три года послѣдовала смерть Сербскаго короля Милутина (29 окт. 1320 г.). Сторонники мачехи Стефана, Симониды, произвели было смуту въ пользу сына ея Константина, но большинство сербскихъ вельможъ стали на сторону законнаго наслѣдника престола, старшаго Милутинова сына Стефана, который прибылъ изъ Діоклеи въ тогдашнюю столицу Сербіи, городъ

Призрѣнъ[1]) и въ январѣ 1321 года былъ вѣнчанъ королевскимъ вѣнцомъ Сербскимъ архіепископомъ Никодимомъ въ сослуженіи всего Собора сербскаго духовенства. Вмѣстѣ съ отцомъ, по византійскому обычаю, вѣнчался на «кралевство» и сынъ его, «Стефанъ, младый краля», называвшійся Душаномъ. Стефанъ сталъ править подъ именемъ Уроша III. Теперь повязка съ глазъ была снята, и для всѣхъ очевидно стало чудесное возвращеніе зрѣнія Стефану заступничествомъ великаго чудотворца Николая.

Правленіе Стефана Уроша III не было покойнымъ и мирнымъ. Внутреннія смуты не улеглись.

Братъ Стефана, сынъ гречанки Симониды Константинъ, собралъ войско и двинулся на Стефана, требуя уступить ему королевскій престолъ. Стефанъ со своей стороны собралъ войско и двинулся противъ Константина. Прежде, чѣмъ дѣло дошло до сраженія, Стефанъ отправилъ къ брату письмо, въ которомъ убѣждалъ не воевать противъ своего отечества при помощи иноплеменныхъ войскъ, а мирно править той областью, которую онъ дастъ брату: «Можно обоимъ въ довольствѣ жить въ такой обширной землѣ». Но Константинъ не внялъ этимъ мирнымъ предложеніямъ, вступилъ въ сраженіе и былъ убитъ, а люди его перешли на сторону Стефана.

Поднялъ возстаніе противъ Стефана Уроша III еще двоюродный братъ его, Владиславъ, сынъ Сремскаго краля Драгутина, брата Милутинова, но и это возстаніе окончилось въ пользу Стефана. Владиславъ долженъ былъ покориться ему.

Послѣ смерти первой своей супруги, болгарской царевны, Стефанъ Урошъ еще дважды вступалъ въ бракъ: съ Бланкою, дочерью Филиппа Тарентскаго, герцога Ахайскаго[2]), и, по смерти этой второй жены, съ Маріею, дочерью Солунскаго намѣстника Іоанна Палеолога.

Въ мирное время Стефанъ заботился о благосостояніи своихъ подданныхъ и о дѣлахъ Церкви. Онъ подтверждалъ прежнія грамоты, укрѣплялъ за церквами земельныя владѣнія и другіе доходы. Онъ заботился также о соблюденіи чистоты вѣры и уничтоженіи ересей въ предѣлахъ своего государства. Одинъ современникъ на Евангеліи сдѣлалъ такую запись о Стефанѣ Урошѣ III:

---

[1]) Городъ *Призрѣнъ* находится въ Старой Сербіи, принадлежащей теперь Турціи, близъ рѣки Бѣлаго Дрина, на его небольшомъ лѣвомъ притокѣ Марицѣ.

[2]) Область на югѣ теперешней Греціи.

«Господь избралъ и прославилъ его для отчизны, какъ звѣзду свѣтлую и ярко сіяющую; онъ утвердилъ родину свою, овладѣлъ многими городами и областями, разсѣялъ враговъ своихъ. Онъ послалъ на безбожныхъ и нечестивыхъ бабуновъ сына своего. Тотъ съ Божіею помощью одержалъ побѣду надъ ними, проливъ много крови, взявъ въ плѣнъ весьма многихъ и возвратился къ отцу своему».—Бабунами назывались богомилы, опасные еретики, поселившіеся въ горной мѣстности Бабунѣ, около города Прилѣпа въ Македоніи, и оттуда дѣлавшіе набѣги на православныхъ.

При Стефанѣ Урошѣ III Сербія немало лѣтъ наслаждалась полнымъ миромъ; не было внутреннихъ смутъ, не было и войнъ съ сосѣдями. Благочестивый король Стефанъ занимался дѣлами благотворительности и построеніемъ и украшеніемъ храмовъ Божіихъ какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за его предѣлами.

Но вотъ въ концѣ его царствованія возгорѣлась жестокая война съ сосѣднимъ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ Болгарскимъ царствомъ. При Сербскомъ королѣ Милутинѣ Болгарія, раздираемая внутренними смутами и разоряемая набѣгами Татаръ, значительно ослабѣла и не могла равняться могуществомъ съ Сербіей. Когда болгарскимъ царемъ сдѣлался Бдинскій деспотъ Михаилъ [1]), онъ соединилъ въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми разъединенными болгарскими областями, желая возвратить нѣкоторые захваченные Сербіею города и даже замыслилъ унизить Сербію, достигнувъ значительнаго могущества.

Болгарскій царь Михаилъ нанесъ Стефану Урошу III горькую обиду. Женатый на родной сестрѣ Стефана, дочери Милутина Аннѣ (иначе Недѣ), онъ безъ причины удалилъ отъ себя свою жену, заключилъ ее въ монастырь вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ Стефаномъ, а самъ женился на сестрѣ претендента на византійскій престолъ Андроника Младшаго, вдовѣ Болгарскаго царя Святослава, Ѳеодорѣ. Вражда между государями двухъ сосѣднихъ и родственныхъ племенъ еще болѣе усилилась оттого, что Сербскій король держалъ сторону законнаго Византійскаго царя Андроника Старшаго, полюбившаго Сербскаго короля Стефана еще въ то время, когда онъ находился въ заточеніи въ Царьградѣ, и уважавшаго его; Болгарскій же царь Михаилъ сблизился съ соперникомъ Андроника Старшаго, внукомъ его Андроникомъ

[1]) *Михаилъ Бдинскій*, или *Виддинскій* (отъ города Виддина на Дунаѣ), былъ Болгарскимъ царемъ съ 1323 г. по 1330 г.

Младшимъ, которому и удалось отнять царскій престолъ у дѣда. Андроникъ Младшій и Михаилъ Болгарскій заключили оборонительный и наступательный союзъ противъ Сербіи. Эти два союзника рѣшили напасть на Сербію единовременно въ 1330 году.

Стефанъ Урошъ зналъ объ этихъ враждебныхъ приготовленіяхъ и постепенно готовился къ защитѣ отечества, запасая оружіе и войско. Къ тому времени вполнѣ возмужалъ уже сынъ его Стефанъ Душанъ и помогалъ отцу въ военныхъ приготовленіяхъ.

Болгарскій царь Михаилъ выступилъ въ походъ лѣтомъ 1330 г. У него находилось до пятнадцати тысячъ собственно болгарскаго войска, но почти столько же войскъ вспомогательныхъ и наемныхъ: валаховъ[1]) (отъ воеводы Иванка Бессарабы), черныхъ татаръ, ясовъ (жившихъ въ теперешней Молдавіи[2]). Сербы смотрѣли на это нашествіе какъ на нашествіе безбожныхъ и поганыхъ языкъ.

Въ то же время, согласно условію, выступилъ противъ Сербовъ и Византійскій императоръ Андроникъ Младшій. У него войска было немного. Онъ не рѣшился начать военныя дѣйствія и расположился на сербской границѣ въ Македоніи, чтобы выждать, чѣмъ кончится болгарское столкновеніе съ сербами.

Быстрое наступленіе двухъ сильныхъ царей на Сербію, конечно, не могло не встревожить Сербскаго короля. Хотя онъ уже подготовился, но ему хотѣлось избѣжать кровопролитія. Онъ рѣшилъ отправить къ Болгарскому царю посланіе, убѣждая его не допускать кровопролитія. Въ этомъ посланіи онъ писалъ: «Зачѣмъ идешь губить болгарскіе и сербскіе роды? Что Богомъ даровано тебѣ, то ты имѣешь въ своихъ рукахъ, и будь доволенъ этимъ, а чужаго не желай, не желай того, что Богомъ даровано другимъ. Если ты уже такъ воинственен, то вооружайся на иновѣрныхъ, а не на Христовыхъ людей, которыхъ по Его благодати я состою пастыремъ и которые ни чѣмъ тебя не обидѣли. Помысли, сколько прольется крови, сколько обезчадится матерей, сколько труповъ съ обѣихъ сторонъ будетъ брошено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ и сколько взыщетъ за нихъ Богъ отъ погубившаго ихъ? Оставь насъ въ мирѣ. Самъ владѣя тѣмъ, что тебѣ принадлежитъ, возвратись къ своимъ. Ибо желающіе восхищать чуждое лишаются

---

[1]) *Валахія*—юго-западная часть нынѣшняго Румынскаго королевства.

[2]) *Молдавія*—сѣвернѣе Валахіи. Вмѣстѣ съ послѣднею она составляетъ Румынское королевство.

и того, чѣмъ, по-видимому, владѣли вполнѣ надежно. Такъ судитъ Всевидящее Око».

Но это краснорѣчивое мирное посланіе Стефана не подѣйствовало на Михаила; напротивъ, онъ сказалъ: «Если завтра Сербскій король не явится ко мнѣ съ покорной головой, то я прикажу привести его съ безчестіемъ связаннаго и предамъ мучительной смерти».

Стефану ничего не оставалось, какъ, положась на помощь Божію, вступить въ битву съ врагомъ.

Сербскія войска собирались близъ сербско-болгарской границы въ долинѣ Добричи, при сліяніи рѣкъ Топлицы и Моравы, гдѣ и прежде много разъ происходили жестокія международныя битвы. Сюда ожидался приходъ Болгарскаго царя изъ Бдина. Между тѣмъ, пришло извѣстіе, что Михаилъ со своими войсками двинулся черезъ Софію[1]) въ Македонію, разсчитывая, можетъ быть, соединиться съ своимъ союзникомъ, Византійскимъ императоромъ Андроникомъ. Тогда и Стефанъ поспѣшилъ двинуть свои войска на югъ. На пути его лежали построенные отцомъ его монастыри святаго Георгія въ Нагоричинѣ (близъ Куманова) и св. Іоакима въ Сарандапорѣ. Здѣсь король Стефанъ горячо молился, особенно св. Побѣдоносцу Георгію, оказывавшему помощь его предкамъ, благочестивымъ сербскимъ государямъ.

Сербы достигли болгарскаго лагеря на рѣкѣ Струмѣ, на сербской границѣ, у мѣстечка Земельна; они остановились на рѣчкѣ Каменчѣ, у самаго города Вельбужда (теперь называемаго Кюстендилъ).

Около трехъ дней лагери дѣлали обсылки между собою, не приступая къ сраженію. Сербскій король Стефанъ поджидалъ нѣкоторыхъ запоздавшихъ властей, а изъ войска Болгарскаго царя многіе разбрелись по окрестностямъ для собиранія провіанта.

Настала, наконецъ, суббота 28 іюля. Въ сербскомъ лагерѣ началось движеніе: всѣ готовились къ бою. Болгарскій царь, въ виду медлительности Сербовъ, никакъ не ожидалъ нападенія въ этотъ день и не собралъ своихъ войскъ, разсыпавшихся на большомъ пространствѣ.

Сербскія войска готовилъ къ бою отважный сынъ короля, молодой Стефанъ Душанъ. Сербское отборное войско въ блестя-

---

[1]) *Софія*—**городъ въ Болгаріи, теперешняя столица Болгарскаго княжества.**

щемъ вооруженіи, во главѣ съ отдѣльнымъ наемнымъ отрядомъ рыцарей, подъ командой Стефана Душана двинулось на Болгаръ. Произошла горячая битва, въ которой Душанъ показывалъ примѣръ личной храбрости. Вскорѣ болгарское войско, не ожидавшее такого дружнаго натиска, было смято и обратилось въ бѣгство.

Обратился въ бѣгство и самъ Болгарскій царь Михаилъ. Подъ нимъ споткнулся конь, и царь свалился съ него и тяжело расшибся. Тутъ его окружили Сербы, и самъ Стефанъ Душанъ отсѣкъ ему голову.

Тѣло несчастнаго Болгарскаго царя отвезли къ Сербскому королю, который съ грустью пожалѣлъ о томъ, что его противникъ не послушалъ его мирныхъ предложеній и предостереженій. Послѣ этого жестокаго кровопролитія все болгарское войско сдалось Сербскому королю.

На другой день послѣ битвы, въ воскресенье, рано утромъ Сербскому королю торжественно представлена была взятая у Болгаръ добыча: оружіе, дорогія царскія одежды и утварь, великолѣпные кони; приведены были въ оковахъ болгарскіе бояре. Они не вѣрили, что царь ихъ погибъ; они думали, что онъ избѣжалъ гибели. Но видъ царскаго трупа долженъ былъ увѣрить въ безвозвратной гибели ихъ царя, и имъ оставалось только плакать. Уступая просьбамъ бояръ, король приказалъ съ почетомъ похоронить убитаго Болгарскаго царя въ сербскомъ Нагоричанскомъ монастырѣ св. Георгія.

Вознося благодареніе Господу Богу за дарованную побѣду, король Стефанъ тогда же извѣстилъ о ней свою супругу Марію и Сербскаго архіепископа Даніила со всѣмъ сербскимъ Соборомъ слѣдующимъ посланіемъ: «Да будетъ вѣдомо, что, помощію Божіею и заступленіемъ святаго господина нашего, преподобнаго отца Симеона и святителя Саввы[1]) и молитвами вашими, заступленіемъ и укрѣпленіемъ и силою Святаго Духа вооружаемый и защищаемый, я, Сербскій краль, съ превозлюбленнымъ сыномъ нашимъ Стефаномъ, и съ нашими воинами, чадами моего отечества, злокозненнаго врага нашего, Болгарскаго царя, пришедшаго со многими иноплеменными языками и хвалившагося на наше отечество, побѣдилъ въ сраженіи, происшедшемъ въ мѣстечкѣ, называемомъ

---

[1]) *Святый Савва,* первый архіепископъ Сербскій, сынъ св. Стефана Немани, въ иночествѣ Симеона, и братъ Стефана Первовѣнчаннаго. Память св. Стефана Сербскаго празднуется 12-го января.

Земленъ, въ нашемъ королевствѣ; и самого царя умертвилъ, и великое богатство и славу ихъ отъялъ помощію Божіею. Радуясь о семъ, воздайте должную хвалу Богу. Мы же отправляемся въ дальнѣйшій путь въ болгарскую землю».

Это радостное извѣстіе съ восторгомъ принято было по всей Сербіи, и во всѣхъ храмахъ совершались торжественныя молебствія по случаю такой великой милости Божіей.

Король же Стефанъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, торжественно пошелъ водворять порядокъ въ Болгаріи. Его сопровождали плѣнные болгарскіе бояре. Навстрѣчу ему вышли бояре, остававшіеся въ Болгаріи и управлявшіе городами и провинціями; во главѣ ихъ находился Бѣлауръ, братъ убитаго царя Михаила. Отъ имени всей Болгаріи они отдавались подъ власть сербскаго государя и готовы были на сліяніе Болгаріи и Сербіи въ одно государство.

Но Стефанъ этого не захотѣлъ. Онъ желалъ возстановить на болгарскомъ престолѣ обиженную и поруганную сестру свою Анну съ сыномъ ея Стефаномъ. Тотчасъ же послѣ побѣды надъ Михаиломъ онъ послалъ ей въ монастырское заключеніе извѣстіе объ этомъ и убѣждалъ не унывать, но надѣяться на лучшее будущее. Теперь же онъ черезъ особое посольство приглашалъ ее вмѣстѣ съ сыномъ явиться въ болгарскій столичный городъ Терновъ и послалъ необходимую военную помощь.

Болгарскимъ боярамъ король Стефанъ объявилъ, что онъ самъ лично отказывается отъ болгарскаго престола, а поставляетъ Болгарскимъ царемъ сына своей сестры Стефана (Шишмана II), котораго они и должны слушать, сами же могутъ пребывать въ полной безопасности и оставаться при прежнихъ должностяхъ.

Такъ великодушно поступивъ съ побѣжденными, сербскій король со своимъ войскомъ возвратился въ отечество.

Немного времени спустя по возвращеніи изъ Болгаріи Стефанъ Дечанскій, вмѣстѣ съ сыномъ Душаномъ, совершилъ походъ въ Македонію. Кралю хотѣлось наказать и другаго врага, Византійскаго императора, за союзъ съ Михаиломъ Болгарскимъ. Походъ этотъ продолжался недѣлю. Встрѣчи и битвы съ императоромъ не произошло; Сербы возвратили себѣ города и крѣпости, на время занятые бѣжавшимъ теперь Андроникомъ, а также присоединили нѣсколько добровольно передавшихся имъ городовъ на рѣкѣ Вардарѣ[1]), каковы Велесъ, Просѣкъ, Штипъ. Оставивъ въ этихъ

[1]) *Вардаръ* протекаетъ въ турецкой области—Македоніи, мимо города Калканделенъ.

городахъ сербскихъ воеводъ, оба полководца вернулись домой: отецъ — въ свой дворъ Неродимлю[1]), а сынъ—въ Скадаръ[2]).

Такъ счастливо для Сербовъ кончился тяжелый 1330 годъ.

Послѣ побѣдъ надъ внѣшними врагами, покрывшихъ славою сербское оружіе, король Стефанъ всецѣло предался дѣламъ благотворительности, построенію и украшенію храмовъ Божіихъ и другимъ Богоугоднымъ дѣламъ, которыя всегда составляли отраду его жизни.

Всю жизнь святый Стефанъ былъ чтителемъ православной святыни, и не только въ своемъ отечествѣ, но и за его предѣлами. Какъ прежде, такъ особенно теперь, онъ разсылалъ щедрые и богатые дары въ Іерусалимъ и во всю Святую Землю, на Синай, въ Египетъ и Александрію, а также въ Царьградъ, особенно въ тамошнюю обитель Пантократора, въ которой онъ подвизался, находясь въ заточеніи; благотворилъ онъ также обителямъ Ѳессаліи[3]) и особенно Святой Горы Аѳонской, гдѣ находилась славная Хиландарская лавра, основанная и строившаяся Сербскими кралями и потомъ царями. Кромѣ посылки щедрыхъ даровъ, король Стефанъ многимъ изъ этихъ обителей жаловалъ доходныя имѣнія и укрѣплялъ своими грамотами.

Всѣ прежніе сербскіе государи, предки Стефана, строили себѣ задушбины, то есть, храмы съ монастырями, въ которыхъ завѣщевали и погребать себя, и поминать за упокой. Такъ и святый Стефанъ Урошъ III, послѣ болгарской побѣды, доставившей ему сокровища, въ благодарность Господу Богу и на поминъ своей души рѣшилъ воздвигнуть храмъ во славу Господа Іисуса Христа.

Для совѣта и содѣйствія онъ обратился къ своему Сербскому архіепископу Даніилу, котораго уважалъ и любилъ. Вмѣстѣ съ нимъ и съ довѣренными боярами онъ сталъ въ своихъ владѣніяхъ искать мѣста, которое было бы достойно и пригодно для величественнаго храма. Много обошли они мѣстъ; наконецъ Стефанъ остановился въ горной странѣ, на рѣчкѣ Быстрицѣ, впадающей

1) *Неродимля* находится на р. Неродимкѣ, притокѣ верхняго Вардара, близъ водораздѣла между Эгейскимъ моремъ, куда течетъ Вардаръ, и Дунаемъ, куда течетъ начинающаяся здѣсь рѣка Ситница черезъ знаменитое Косовское поле въ рѣку Ибаръ, впадающую въ сербскую Мораву, текущую въ Дунай.

2) *Скадаръ*, на югѣ Скадарскаго озера, близъ истока изъ него рѣки Бояны, текущей въ Адріатическое море.

3) *Ѳессалія* находится теперь въ Турціи по сосѣдству съ Греческимъ королевствомъ, на сѣверо-востокъ отъ него.

въ Бѣлый Дринъ, на сѣверо-западѣ отъ Призрѣна и въ трехъ часахъ пути отъ г. Печи, бывшей потомъ мѣстожительствомъ Сербскихъ Патріарховъ, въ мѣстечкѣ, именуемомъ Дечаны. Мѣсто это необыкновенно красиво. Это—покрытая разнородными деревьями небольшая долина, богатая ключами и орошаемая рѣкой Быстрицей съ прекрасной здоровой водой. Со всѣхъ сторонъ, особенно съ запада, его окружаютъ высокія горы. Здѣсь-то Стефанъ и рѣшилъ воздвигнуть славный храмъ. Архіепископъ Даніилъ благословилъ и освятилъ мѣсто, и сейчасъ же было приступлено къ постройкѣ.

Стефанъ Урошъ вызвалъ художниковъ и мастеровъ изъ своихъ владѣній по Адріатическому морю. Множество рабочихъ стали доставлять матеріалы—разныхъ породъ камень, разноцвѣтный дорогой мраморъ и прочее. Прежде всего была отмѣрена для монастыря площадь и обнесена крѣпостными высокими стѣнами съ башнями; съ южной стороны находились врата, надъ которыми поднималась самая высокая башня. Внутри къ стѣнамъ были пристроены келліи для иноковъ, подобно птичьимъ гнѣздамъ. Устроена была общая трапеза, отличавшаяся какъ величиною, такъ особенно художественностью отдѣлки. Особо устроены были кухня и пекарня. Отдѣльное великолѣпное зданіе построено было для игумена. Но главное вниманіе и главныя заботы обращены были на постройку посреди монастырской площади внутри стѣнъ великолѣпнаго храма Вознесенія Господня. Весь огромный храмъ построенъ былъ изъ разноцвѣтнаго тесанаго мрамора, украшенъ рѣзьбой, колоннами и арками необыкновеннаго искусства и красоты. Это замѣчательное зданіе сохранилось и до настоящаго времени. Вотъ какъ описываетъ его одинъ русскій путешественникъ [1]), лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ посѣтившій эту сербскую святыню:

«Церковь большая и высокая, построена крестообразно, съ однимъ круглымъ высокимъ куполомъ. Уже внѣшнія стѣны поражаютъ своимъ великолѣпіемъ: онѣ, съ низу до верху, состоятъ изъ мраморныхъ плитъ, правильно расположенныхъ горизонтальными полосами: нижній рядъ— изъ бѣлаго мрамора, второй — изъ розоваго, третій—опять изъ бѣлаго, четвертый—изъ сѣраго; потомъ опять начинается та же система. Притомъ надобно замѣтить, что всякій разъ нижній рядъ шире, второй у́же, третій и четвертый

[1]) А. Ѳ. Гильфердингъ; см. собраніе его сочиненій, томъ третій: Боснія, Герцоговина и Старая Сербія. СПб., 1873 г., стр. 129.

еще уже. Крыша церкви свинцовая; куполъ также покрытъ свинцомъ, такимъ массивнымъ, что крыша купола со времени постройки церкви въ 1335 году ни разу, говорятъ, не требовала починки. Свинецъ на куполѣ отъ дѣйствія времени получилъ какой-то странный отливъ, похожій на цвѣтъ мѣди. На куполѣ стоитъ невредимо большой крестъ, какъ говорятъ, изъ массивнаго серебра. На восточной сторонѣ церкви видна выдающаяся окружность большого алтаря и по сторонамъ ея — по двѣ малыхъ окружности, принадлежащія двумъ придѣламъ: во имя св. Николая и св. Димитрія, проскомидіи большого алтаря и ризница. Эти пять соединенныхъ окружностей представляютъ необыкновенно красивое сочетаніе линій».

Великолѣпію и красотѣ внѣшняго вида соотвѣтствовали и внутреннія украшенія главнаго храма и придѣловъ изъ рѣзного камня, золота и другихъ дорогихъ матеріаловъ. Храмъ былъ богато снабженъ церковною утварью, золотыми и серебряными сосудами, церковными одеждами изъ драгоцѣнныхъ тканей, украшенныхъ бисеромъ и драгоцѣнными камнями.

Закончивъ постройку великолѣпнаго и богатаго храма, Стефанъ назначилъ настоятелемъ его извѣстнаго своею благочестивою жизнью игумена Арсенія и освятилъ торжественно созданный храмъ Соборомъ сербскаго духовенства во главѣ съ архіепископомъ Даніиломъ. Для обезпеченія на будущее время Стефанъ Урошъ своими грамотами укрѣпилъ за монастыремъ множество селъ, угодій и другихъ доходныхъ имѣній въ разныхъ мѣстахъ своихъ обширныхъ владѣній.

Кромѣ придѣла во имя покровителя своего и заступника Святителя Николая въ южной сторонѣ главнаго храма, Стефанъ построилъ въ честь его еще особую церковь внѣ монастыря, вблизи, для всегдашняго служенія въ честь сего святаго.

Святый Стефанъ Урошъ всегда отличался нищелюбіемъ и состраданіемъ къ несчастнымъ, а теперь онъ особенно предался этого рода попеченіямъ. Верстахъ въ трехъ отъ Дечанской обители онъ создалъ еще особый монастырь для призрѣнія больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ со всего своего царства. Обширныя палаты этого богоугоднаго заведенія были снабжены кроватями и всѣмъ необходимымъ для больныхъ и увѣчныхъ. Собрана была многочисленная братія для ухода за несчастными страдальцами. Самъ Стефанъ постоянно посѣщалъ этотъ монастырь. Для него было отрадою

помогать несчастнымъ. Иногда онъ прямо являлся въ больницу, какъ король, и словомъ и бесѣдою утѣшалъ несчастныхъ, иногда же приходилъ переодѣтымъ воиномъ и раздавалъ богатую милостыню. И это учрежденіе богато обезпечено было королевскими вкладами и пожертвованіями. Со всѣхъ концовъ Сербіи стекались сюда больные и увѣчные, и одни, по выздоровленіи, уступали мѣсто инымъ больнымъ, другіе же оставались здѣсь до конца своей страдальческой жизни.

Незадолго до смерти явился Стефану всегдашній его заступникъ и помощникъ, святый Николай Чудотворецъ, и сказалъ:

— Приготовься, Стефанъ, къ исходу: ты вскорѣ долженъ предстать передъ Господомъ!

Послѣдніе дни жизни Стефана Уроша III омрачены были великимъ несчастіемъ—враждой къ отцу сына его, «младаго краля» Стефана Душана, кончившейся мученической смертью многострадальнаго Стефана Уроша.

Стефанъ Душанъ, отличившійся подвигами храбрости въ войнѣ съ Болгарами, правилъ Зетскою областью. Своекорыстные бояре, служившіе при немъ, стали побуждать его отнять престолъ у отца и сдѣлаться королемъ надъ всею Сербіею. Они пугали Стефана, что его постигнетъ такая же участь, какъ и его отца, ослѣпленнаго дѣдомъ его Милутиномъ. Честолюбивый Стефанъ повѣрилъ наговорамъ, и въ его области поднялось возмущеніе противъ отца.

Урошъ не желалъ вражды; онъ принялъ мѣры для прекращенія возстанія, послѣ долгихъ переговоровъ повидался съ сыномъ, который обѣщалъ не предпринимать ничего противъ отца. Стефанъ Урошъ опять оставилъ сына въ покоѣ, возлагая надежду на Бога. Но не того желали бояре. Они стали говорить Душану, что отецъ къ нему питаетъ затаенную вражду и погубитъ его. Довѣряя этому, Стефанъ хотѣлъ было бѣжать изъ отечества въ чужія страны, но бояре этого не допустили и снова побуждали Стефана покончить съ отцомъ. Душанъ склонился на эти убѣжденія,—и въ Сербіи совершилось великое злодѣяніе.

Послѣ примирительнаго свиданія съ сыномъ Стефанъ Урошъ мирно жилъ въ своихъ владѣніяхъ — то въ одномъ замкѣ, то въ другомъ, предаваясь дѣламъ благотворительности и не принимая никакихъ особыхъ мѣръ для своей безопасности. Въ то время, когда Стефанъ Урошъ находился въ уединенномъ горномъ замкѣ

Петричѣ, близъ Неродимля, внезапно пріѣхали туда зетскіе бояре со Стефаномъ Душаномъ во главѣ, окружили замокъ и захватили Стефана Уроша со всей семьей. Самого Стефана Уроша Душанъ приказалъ отвезти въ отдаленный и уединенный недоступный замокъ Звѣчанъ[1]), а жену и дѣтей въ другое мѣсто.

Но этимъ дѣло не кончилось. Рѣшено было совсѣмъ покончить со старымъ сербскимъ кралемъ. По распоряженію Стефана Душана отправились въ Звѣчанъ нѣкоторые изъ его приближенныхъ, и Стефанъ Урошъ мученически скончался, будучи удавленъ въ замкѣ[2]).

Тѣло мученика привезено было въ новопостроенную обитель Дечанскую и торжественно погребено въ богатой гробницѣ въ построенной самимъ Стефаномъ церкви Вознесенія Господня.

Говорили, что Стефанъ Урошъ скончался естественною смертью, но, конечно, всѣ скоро узнали правду и смотрѣли на покойнаго короля, какъ на мученика.

Черезъ семь лѣтъ было чудесное явленіе екклисіарху Дечанской обители: въ сонномъ видѣніи нѣкій невѣдомый мужъ повелѣвалъ извлечь изъ земли тѣло покойнаго короля Стефана. Екклисіархъ пересказалъ видѣніе игумену. Осторожный игуменъ успокаивалъ екклисіарха увѣреніемъ, что это простой сонъ. Но явленіе повторилось. Наконецъ, въ третій разъ грозный мужъ явился уже не одному екклисіарху, но и игумену, и требовалъ того же.

Тогда игуменъ сообщилъ обо всемъ этомъ архіепископу. Собрался духовный Соборъ въ Дечанахъ. Послѣ молебствія открыли гробъ Стефана, и по всему храму и вокругъ его разнеслось благоуханіе; всѣ узрѣли нетлѣнныя мощи святаго мученика. Тогда же совершилось нѣсколько чудесъ: прозрѣлъ слѣпецъ, припавшій къ мощамъ мученика; получали исцѣленіе и другіе болящіе.

И впослѣдствіи произошло много исцѣленій и другихъ чудесъ. Святый Стефанъ всегда являлся на помощь съ вѣрою притекавшимъ къ его заступленію, и всегда охранялъ свою обитель отъ враговъ, покушавшихся на ея достояніе. Со времени открытія мощей святаго мученика Дечанская обитель стала драгоцѣнною святынею для православнаго сербскаго народа.

---

1) *Замокъ Звѣчанъ*, развалины котораго существуютъ и теперь, находился на сѣверо-западъ отъ Косова поля, за городомъ Митровицей, на лѣвомъ берегу рѣки Ибра.

2) Мученическая кончина *св. Стефана Дечанскаго* послѣдовала 11 ноября 1331 г.

ПАМЯТЬ БЛАЖЕННАГО

МАКСИМА,

Христа ради юродиваго, Московскаго чудотворца

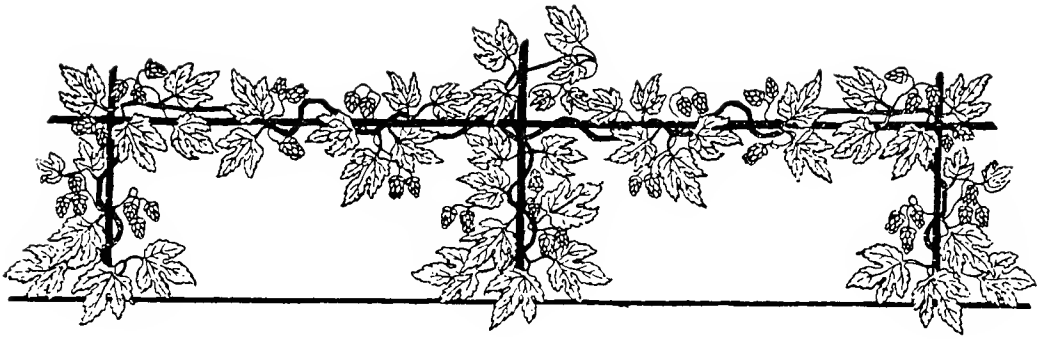
Милосердый Господь открылъ нѣсколько путей для спасенія и достиженія вѣчнаго блаженства. Но самымъ труднымъ и тяжкимъ изъ нихъ является подвигъ добровольнаго юродства. Блаженный Максимъ избралъ себѣ сей путь и неуклонно шествовалъ имъ до самой своей кончины. Время не сохранило до насъ подробнаго житія сего Московскаго чудотворца. Отказавшись отъ всѣхъ удобствъ жизни, онъ почти обнаженный ходилъ по улицамъ города Москвы, перенося и холодъ, и жаръ. Своими изреченіями онъ многихъ удерживалъ отъ зла или ободрялъ въ трудахъ. «Хоть люта зима, да сладокъ рай»,—часто говаривалъ онъ. «За терпѣніе Богъ дастъ спасеніе.» «Богъ великъ, неправду сыщетъ. Ни Онъ тебя, ни ты Его не обманешь.» «Всякъ крестится, да не всякъ молится.»

Бл҃же́нный Максі́мъ

Блаженный Максимъ подвизался въ первой половинѣ XV вѣка. То было тяжелое время для Русской земли; иго татаръ, голодъ, засухи и моровая язва угнетали народъ. Своимъ терпѣніемъ святый училъ людей терпѣнію. Проводя самъ нестяжательную жизнь, онъ желалъ, чтобы и другіе не забывали изъ-за временныхъ богатствъ о своей душѣ, удерживалъ московскихъ торговцевъ отъ несправедливыхъ сдѣлокъ: «Божница домашня, а совѣсть продажна. По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ».

Послѣ такихъ подвиговъ блаженный Максимъ преставился 11 ноября 1433 года и былъ погребенъ у церкви святыхъ Бориса и Глѣба на Варварской улицѣ. Господу было угодно прославить чудесами Своего угодника. Такъ, у гроба святаго въ 1506 г. произошло исцѣленіе одного человѣка, у котораго была сведена нога. Въ 1547 году 13 августа были обрѣтены нетлѣнныя мощи блаженнаго Максима и тогда же было установлено празднованіе святому. Самыя мощи остались подъ спудомъ. Благоговѣйные чтители памяти святаго построили придѣлъ надъ мощами святаго Максима, Московскаго чудотворца, въ честь преподобнаго Максима Исповѣдника. Въ 1698 году, по усердію московскихъ жителей Максима Верховитина и Максима Шаровникова, старыя церкви были разобраны. При семъ отвалившійся отъ стѣны камень открылъ великое сокровище—святыя мощи святаго блаженнаго Максима. Онѣ были съ честью перенесены въ одинъ изъ московскихъ соборовъ, гдѣ находились во все время строенія новаго храма. Сей храмъ, существующій и донынѣ, былъ освященъ во имя святаго блаженнаго Максима съ придѣломъ въ честь Максима Исповѣдника.

Около сорока лѣтъ хранились мощи блаженнаго въ семъ храмѣ. Въ 1737 году произошелъ сильный пожаръ, извѣстный подъ именемъ Троицкаго. Пламя охватило и церковь во имя блаженнаго Максима, Московскаго чудотворца. Храмъ весь выгорѣлъ, сгорѣла и рака съ мощами святаго Максима. Уцѣлѣвшія части святыхъ мощей были благоговѣйно собраны и переданы въ сей храмъ въ 1768 году. Здѣсь и до сего дня почиваютъ мощи святаго Максима, подавая исцѣленія во славу Божію. Аминь.



День двѣнадцатый

ЖИТІЕ
ІОАННА МИЛОСТИВАГО,
Патріарха Александрійскаго

Святый Іоаннъ родился на островѣ Кипрѣ и былъ сыномъ князя Епифанія[1]). Съ юности онъ былъ воспитанъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, который былъ для него началомъ премудрости. Пришедши въ возрастъ, онъ, по волѣ родителей своихъ, вступилъ въ супружество и имѣлъ дѣтей. Но вскорѣ Іоаннъ лишился дѣтей, а потомъ и жены, ибо такъ благоизволилъ Богъ, дабы Іоаннъ, освободившись отъ служенія плоти, предался жизни духовной. Освободившись отъ узъ брачной жизни, онъ возблагодарилъ Бога и съ сего времени, уже безъ всякихъ препятствій, усердно сталъ служить Господу, упражняясь въ частой молитвѣ и во всѣхъ богоугодныхъ дѣлахъ. Особенно же онъ былъ милосердъ и милостивъ ко всѣмъ, терпящимъ бѣдствія отъ нищеты. За сіи добродѣтели Богъ прославилъ его среди людей, и не только среди равныхъ себѣ, но и самимъ царемъ онъ былъ почитаемъ и прославляемъ. Спустя

---

[1]) *Кипръ*—островъ въ сѣверо-восточной части Средиземнаго моря.—Епифаній былъ главнымъ военнымъ начальникомъ на островѣ. Св. Іоаннъ родился въ городѣ Амаѳунтѣ, въ южной части острова Кипра.

нѣсколько времени патріаршій престолъ[1]) Александрійской Церкви остался безъ пастыря; тогда императоръ Ираклій[2]), по Божественному усмотрѣнію, почтилъ Іоанна саномъ Патріарха. Святый, хотя и не желалъ сего, но принужденъ былъ принять посвященіе, и сталъ архипастыремъ Александрійской Церкви.

Вступивъ на патріаршій престолъ, Іоаннъ прежде всего, какъ пастырь словесныхъ овецъ, позаботился очистить свою паству отъ ереси, возмущавшей стадо Христово. Эта ересь получила свое начало отъ нѣкоего Петра, по прозванію Фуллона, иначе Кнафея, Антіохійскаго лжепатріарха; онъ осмѣлился прилагать такія хульныя слова къ трисвятой пѣсни: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, *распныйся за ны*, помилуй насъ»,—какъ будто бы въ Господѣ нашемъ пострадало Божество[3]).

Искоренивъ сіе еретическое ученіе, святый Іоаннъ всецѣло посвятилъ себя ревностному исполненію заповѣдей Божіихъ и дѣламъ благотворенія. Ни одинъ нуждающійся не уходилъ отъ него опечаленнымъ и съ пустыми руками: всѣмъ просящимъ Іоаннъ раздавалъ милостыню, всѣхъ утѣшалъ въ скорбяхъ, не словомъ только, но и дѣломъ; онъ насыщалъ алчущихъ, одѣвалъ нагихъ, выкупалъ плѣнниковъ и имѣлъ попеченіе о странникахъ и больныхъ. Щедрость его была подобна рѣкѣ, непрестанно и изобильно текущей и напояющей всѣхъ жаждущихъ.

---

[1]) *Александрія*—городъ въ Египтѣ, при западномъ рукавѣ р. Нила; основана Александромъ Македонскимъ въ 331 г. до Р. Хр.

[2]) *Императоръ Ираклій* царствовалъ съ 610 по 641 г.

[3]) Въ Константинополѣ, во время епископства святаго Прокла (434—447 гг.), ученика Іоанна Златоустаго, въ 439 г. случилось сильное землетрясеніе, и весь народъ пришелъ въ ужасъ. Христіане Крестнымъ ходомъ обходили городъ, моля Бога прекратить бѣдствіе и восклицая со слезами: «Господи, помилуй!» Вдругъ, во время молебствія, одинъ отрокъ былъ поднятъ невидимою силою на воздухъ, и когда потомъ опустился на землю, разсказалъ, что видѣлъ лики Ангеловъ, воспѣвавшихъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Какъ только это пѣніе было повторено, то землетрясеніе прекратилось. Эту священную ангельскую пѣснь было постановлено послѣ того употреблять при Богослуженіи. Но во время распространенія ереси монофизитской, утверждавшей, что въ Іисусѣ Христѣ пребывало тайно одно естество Божеское, поглотившее природу человѣческую, нѣкто Петръ Фуллонъ, онъ же Кнафей, что значитъ *валяльщикъ сукна*, такъ какъ въ молодости онъ занимался этимъ ремесломъ (Фуллонъ названіе валяльщика латинское, а Кнафей—греческое), еще будучи пресвитеромъ, прибавлялъ къ Трисвятому—«распныйся за ны». Впослѣдствіи этотъ Петръ былъ патріархомъ въ Антіохіи (въ девятидесятыхъ годахъ V вѣка). Такъ какъ онъ былъ монофелитъ, то этою прибавкою хотѣлъ выразить, что въ страданіяхъ Спасителя страдало не только Его Божество, но даже и вся Св. Троица. Послѣдователи Петра составили особую секту подъ именемъ ѳеопасхитовъ, сильно волновавшую православный міръ, много этихъ послѣдователей было въ Александріи въ патріаршество Іоанна Милостиваго (609—620 гг.).

Въ началѣ своего пастырства Іоаннъ призвалъ церковныхъ экономовъ[1]) и далъ имъ такое порученіе:

— Обойдите весь городъ и перепишите всѣхъ господъ моихъ.

Экономы спросили его:

— Кто же это твои господа?

Патріархъ отвѣтилъ:

— Это тѣ, которыхъ вы называете нищими и убогими; они — мои господа, ибо они воистинну могутъ способствовать мнѣ въ достиженіи спасенія и ввести меня въ вѣчныя обители.

Экономы пошли и переписали всѣхъ убогихъ, найденныхъ на улицахъ, въ больницахъ и на гноищахъ. Всѣхъ ихъ было найдено семь тысячъ пятьсотъ человѣкъ, и всѣмъ имъ святый Іоаннъ повелѣлъ выдавать все, нужное для ежедневнаго пропитанія.

Ст҃ый
Іѡа́ннъ ми́лостивый

Въ то время Персы сдѣлали нападеніе на Сирію и Палестину, сожгли святый городъ Іерусалимъ, взяли Честно́е древо Святаго Креста и отвели въ плѣнъ много христіанъ[2]). Блаженный Іоаннъ отправилъ корабли съ золотомъ и пшеницею для выкупа плѣнниковъ и для оказанія помощи находящимся въ бѣдахъ; такимъ образомъ по своему милосердію онъ многихъ вывелъ изъ заключенія и избавилъ отъ бѣдствій плѣна. А такъ какъ не всякій могъ невозбранно приходить къ нему, ибо слуги его не

[1]) Экономы завѣдывали церковнымъ хозяйствомъ. Экономъ при Патріархѣ вѣдалъ церковные доходы Патріархіи.

[2]) Ираклій велъ страшную войну съ Хозроемъ II, царемъ Персидскимъ. Хозрой взялъ Сирію и Палестину; одинъ изъ его отрядовъ завоевалъ Египетъ, а другой проникъ до Халкидона, находившагося на противоположномъ берегу Константинополя. Война была до того жестока, что, напр., при взятіи Іерусалима Хозрой разрушилъ церкви, осквернилъ Св. мѣста. При этомъ, по преданію, избито было 90 000 христіанъ, и многіе изъ нихъ были куплены іудеями съ нарочною цѣлію избіенія ихъ. Это было въ 614 г. Во время этихъ тяжелыхъ бѣдствій Патріархъ Іоаннъ Милостивый и явился истиннымъ цѣлителемъ скорбей христіанъ. Война кончилась миромъ послѣ побѣдъ Ираклія надъ Хозроемъ. Миръ заключенъ былъ въ 628 г. уже сыномъ Хозроя, царемъ Сироемъ, который захватилъ плѣнныхъ и Честны́й Животворящій Крестъ Господень.

о каждомъ приходящемъ сообщали Патріарху, то, вслѣдствіе сего, онъ выбралъ два дня въ недѣлю: среду и пятокъ, и въ эти дни сидѣлъ съ нѣкоторыми благочестивыми людьми при церковныхъ дверяхъ, принимая всякаго желающаго, выслушивая его просьбы, обсуждая случавшіяся распри, защищая обижаемыхъ и водворяя между вѣрующими миръ. При этомъ святый Патріархъ говорилъ окружавшимъ его:

— Если для меня никогда не возбраненъ входъ ко Господу Богу моему и въ молитвѣ я бесѣдую съ Нимъ и прошу у Него, чего хочу, то почему же мнѣ не дозволить моему ближнему невозбраннаго доступа ко мнѣ, дабы онъ сообщилъ мнѣ о своей обидѣ и нуждѣ и просилъ у меня, чего хочетъ? Должно бояться Сказавшаго: **въ ню же мѣрꙋ мѣрите, возмѣрится вамъ**[1]).

Иногда случалось, что къ блаженному Іоанну никто не приходилъ съ просьбою въ то время, когда онъ сидѣлъ при церковныхъ дверяхъ, ожидая желающихъ прибѣгнуть къ нему; тогда онъ вставалъ огорченнымъ и со слезами возвращался домой. При этомъ нѣкоторые спрашивали его иногда:

— Отчего ты скорбишь и сѣтуешь?

Святый отвѣчалъ имъ:

— Нынѣ смиренный Іоаннъ ничего не нашелъ и ничего не принесъ Богу за грѣхи свои.

Другъ его, блаженный Софроній[2]), утѣшая его, говорилъ ему:

— Тебѣ поистинѣ слѣдуетъ веселиться нынѣ, отче, такъ какъ словесныя овцы твои живутъ мирно, безъ распри и споровъ, какъ Ангелы Божіи.

Однажды церковные экономы сообщили святому Іоанну, что въ толпѣ убогихъ[3]) стоятъ хорошо одѣтыя дѣвицы, испрашивающія

---

1) Еванг. отъ Мате., гл. 7, ст. 2. Другими словами: если хотите, чтобы люди относились къ вамъ справедливо, то и вы поступайте также.

2) *Св. Софроній*—ученый монахъ изъ Дамаска (въ Сиріи) извѣстенъ своею защитою Православія противъ монофелитовъ, признававшихъ въ Іисусѣ Христѣ одну волю и одно дѣйствованіе—Божеское. Это ученіе выродилось изъ ученія монофизитовъ. Софроній ясно и отчетливо доказывалъ монофелиту, Александрійскому Патріарху Киру (630—640 г.), что ученіе о единоволіи—ересь. Въ 634 г. Софроній поставленъ былъ Патріархомъ Іерусалимскимъ и еще съ большею ревностію защищалъ Православіе. Онъ созвалъ въ Іерусалимѣ Соборъ, на которомъ осудилъ монофелитство, а въ Посланіи къ другимъ патріархамъ изложилъ основы православнаго ученія о двухъ воляхъ во Христѣ. Умеръ въ 644 г. Память его совершается 11-го марта.

3) Въ то время въ Александріи было много выкупленныхъ изъ плѣна христіанъ, а равно и тѣхъ, которые бѣжали, послѣ разоренія Іерусалима Хозроемъ, въ Египетъ, потерявъ все свое имущество.

милостыню, и при этомъ спросили его—нужно ли тѣмъ дѣвицамъ, какъ и прочимъ нищимъ, подавать милостыню? Патріархъ отвѣтилъ:

— Если вы дѣйствительно рабы Христовы и вѣрные слуги смиреннаго Іоанна, то подавайте такъ, какъ Христосъ повелѣлъ, не взирая на лица, не разспрашивая о жизни тѣхъ, которымъ вы даете. Знайте, что мы не свое отдаемъ, но Христово; и такъ будемъ давать, какъ повелѣлъ Онъ. Если же вы думаете, что церковнаго имѣнія не хватитъ для столь великой милостыни, то я не желаю быть участникомъ вашего маловѣрія. Я вѣрую Богу, что если бы со всей вселенной сошлись въ Александрію убогіе, желая получить отъ насъ милостыню, то и тогда не оскудѣетъ наше церковное имущество.

И для того, чтобы они не были маловѣрны, святитель разсказалъ слѣдующее:

«Когда, на шестнадцатомъ году моей жизни я находился еще на островѣ Кипрѣ, то однажды, ночью, я увидалъ во время сна весьма прекрасную дѣвицу; она была блестяще одѣта и имѣла на головѣ масличный вѣнокъ. Ставъ близъ моей постели, дѣвица коснулась меня и разбудила. Проснувшись, я увидалъ, что она стоитъ предо мною уже не во снѣ, но на яву, и спросилъ ее:

— Кто ты такая, и какъ ты осмѣлилась войти ко мнѣ?

Она же, смотря на меня свѣтлымъ взоромъ и улыбаясь кроткими устами, сказала:

— Я—старшая дочь Великаго Царя и первая среди дочерей Его.

Услыхавъ сіе, я поклонился ей. Она же продолжала:

— Если ты сдѣлаешь меня своею подругою, то я исходатайствую тебѣ отъ Царя великую благодать и приведу тебя предъ Лице Его, ибо никто не имѣетъ у Него такой силы и дерзновенія, какъ я. Я низвела Его съ Неба на землю и побудила облечься въ плоть человѣческую для спасенія людей.

Сказавъ сіе, она стала невидима. Удивляясь сему пречудному видѣнію, я сказалъ себѣ:

«Поистинѣ въ образѣ дѣвицы явилось ко мнѣ Милосердіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ масличный вѣнокъ на ея головѣ, который является знаменіемъ милосердія; то же показываютъ и слова, произнесенныя тою дѣвицею: я, сказала она, низвела съ Неба на землю Бога, и Онъ воплотился. Создатель, видя человѣка погибающимъ, пожелалъ избавить его отъ погибели, ничѣмъ другимъ

не побуждаемый, какъ только милосердіемъ, ибо восхотѣлъ помиловать Свое созданіе. Посему, кто желаетъ обрѣсти милость у Бога, тотъ долженъ имѣть милосердіе къ ближнимъ и подавать милостыню».

Такъ размысливши самъ съ собою, я поспѣшно всталъ и пошелъ, съ разсвѣтомъ дня, въ церковь. На пути я встрѣтилъ нагаго нищаго, дрожавшаго отъ холода. Я снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ ее тому нищему, говоря самъ себѣ: «Теперь я узнаю, правда ли то, что я видѣлъ, или это было обольщеніе»,—и пошелъ далѣе. Прежде чѣмъ я дошелъ до церкви, мнѣ встрѣтился одѣтый въ бѣлыя одежды человѣкъ и передалъ мнѣ въ руки узелъ, въ которомъ было завязано сто серебряныхъ монетъ. При этомъ онъ сказалъ: «Другъ! Возьми это и употребляй по своему желанію».

Я принялъ съ радостію, но сейчасъ же раскаялся въ томъ, что я принялъ, разсуждая, что находящееся въ узлѣ для меня не нужно; посему я обернулся назадъ, желая возвратить обратно то, что получилъ; но болѣе, несмотря на тщательные поиски, уже не видалъ вручившаго мнѣ узелъ. Тогда я понялъ, что видѣнное мною была правда, а не обольщеніе. И съ того времени, если я что подавалъ убогому, хотѣлъ испытать, воздастъ ли мнѣ Богъ за то, какъ Онъ говорилъ, сторицею. И, многократно испытавъ это, я убѣдился, что это дѣйствительно—такъ. Наконецъ, я сказалъ себѣ: «Перестань, душа моя, искушать Господа Бога твоего!»

Однажды, когда святый Іоаннъ шелъ въ больницу навѣстить больныхъ (что онъ дѣлалъ въ теченіе недѣли дважды или трижды), его встрѣтилъ какой-то странникъ, который просилъ милостыню. Іоаннъ приказалъ слугѣ дать встрѣтившемуся страннику шесть серебряныхъ монетъ. Взявъ монеты, странникъ удалился. Но потомъ, желая испытать щедрость святаго, онъ перемѣнилъ на себѣ одежду и, отправившись по другому пути, снова встрѣтилъ блаженнаго Іоанна и умолялъ его:

— Помоги мнѣ, господинъ, бѣдному плѣннику.

Іоаннъ вторично приказалъ дать ему шесть серебряныхъ монетъ. Слуга же тихо замѣтилъ Патріарху:

— Владыко, вѣдь это—тотъ самый нищій, который раньше получилъ шесть серебряныхъ монетъ.

Но Патріархъ, притворившись, какъ будто не слышитъ этого замѣчанія, снова повторилъ повелѣніе подать просящему шесть монетъ. Странникъ, вторично получивъ милостыню, снова пере-

одѣлся и иною дорогою встрѣтилъ Патріарха и въ третій разъ просилъ у него милостыни. Слуга опять сказалъ Патріарху:

— Владыко! Тотъ, который въ первый и второй разъ взялъ у тебя по шести серебряныхъ монетъ, теперь проситъ въ третій разъ.

Тогда блаженный отвѣчалъ слугѣ:

— Подай ему двѣнадцать монетъ, не Христосъ ли это искушаетъ меня?

Одинъ купецъ, потерявъ все свое богатство въ морѣ, пришедши въ крайнюю нищету, просилъ святаго помочь ему. Святый далъ ему пять литръ[1]) золота. Получивъ золото, купецъ накупилъ на него множество товаровъ и, сѣвъ на корабль, отправился по морю въ другіе города. Но, потерпѣвъ кораблекрушеніе, онъ снова потерялъ все и только самъ еле живымъ спасся отъ потопленія. Тогда онъ снова пришелъ къ святому Іоанну и разсказалъ ему о случившемся. Іоаннъ замѣтилъ ему:

— Ты имѣлъ еще иное золото, собранное неправдою, и его ты смѣшалъ съ церковнымъ золотомъ, даннымъ тебѣ мною. Вотъ почему погибло и то, и другое.

Сказавъ это, онъ далъ ему еще золота, вдвое болѣе прежняго, около десяти литръ. Но и въ третій разъ купца постигло то же злоключеніе. Весь товаръ его погибъ въ морѣ, и онъ уже не осмѣливался показаться на лицо Патріарху, но рыдалъ, сидя въ своемъ домѣ, посыпавъ пепломъ свою голову и намѣреваясь лишить себя жизни. Узнавъ о семъ, святый призвалъ купца и сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты приходишь въ отчаяніе отъ печали? Уповай на Бога, и Онъ не оставитъ тебя! Но я думаю, что это несчастіе случилось съ тобою оттого, что ты владѣлъ неправильно пріобрѣтеннымъ кораблемъ.

Сказавъ это, Іоаннъ приказалъ дать купцу церковный корабль, наполненный пшеницею, и затѣмъ отпустилъ его. Получивъ данный ему корабль съ пшеницею, купецъ поплылъ по морю. И вотъ внезапно поднялся сильный вѣтеръ и понесъ корабль въ неизвѣстную страну. Купецъ, узрѣвъ въ видѣніи своего благодѣтеля, святаго Іоанна Милостиваго, Патріарха Александрійскаго, стоявшаго на кормѣ и управлявшаго кораблемъ, оставался въ надеждѣ, что по молитвамъ святаго плаваніе придетъ къ доброму концу.

---

[1]) *Литра*—фунтъ, византійская мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ, въ серебрѣ стоила до 42 р., а въ золотѣ до 506 р. Эту мѣру нужно отличать отъ литра—мѣры сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ.

Чрезъ двадцать дней и столько же ночей они пристали къ берегу Британіи. Въ сей странѣ былъ тогда сильный голодъ. Народъ, узнавъ, что къ городу ихъ подплылъ корабль съ пшеницею, весьма обрадовался и сталъ поспѣшно раскупать пшеницу. И такъ купецъ сей прибыльно продалъ тамъ пшеницу, получивъ за одну половину проданнаго—золотомъ, а за другую — оловомъ [1]). На возвратномъ пути онъ прибылъ въ Декаполь [2]). Желая здѣсь продать олово, онъ увидѣлъ, что оно превратилось все въ золото. Обогатившись такимъ образомъ, купецъ съ радостію возвратился въ Александрію и разсказалъ всѣмъ о семъ удивительномъ чудѣ, которое произошло по молитвѣ и милостыни святаго Іоанна.

Какъ-то разъ, когда святый шелъ въ церковь, къ нему подошелъ почтенный и благородный мужъ, у котораго воры украли все имущество, такъ что онъ остался нищимъ. Пожалѣвъ, что столь почтенный и извѣстный человѣкъ внезапно дошелъ до крайней нищеты, Патріархъ незамѣтно обратился къ слугѣ и повелѣлъ ему сказать церковнымъ экономамъ, чтобы они дали тому человѣку пятнадцать литръ золота. Экономы же, видя, что въ церковномъ казнохранилищѣ золота немного, ослушались патріаршаго распоряженія и дали только пять литръ, а десять удержали при себѣ. Когда святый Патріархъ возвращался изъ церкви домой, къ нему подошла нѣкая весьма богатая и почтенная женщина и дала ему въ руки хартію, въ которой она написала, что жертвуетъ въ церковь пятьсотъ литръ золота. Принявъ хартію и прочитавъ ее, Патріархъ, по благодати Святаго Духа, уразумѣлъ, что та женщина не все передала, что опредѣлила дать въ умѣ своемъ. Господь Богъ сіе устроилъ для того, чтобы обличить экономовъ, которые не все отдали тому бѣдному человѣку, которому Патріархъ приказалъ дать пятнадцать литръ. Вернувшись домой, Іоаннъ позвалъ экономовъ и спросилъ,—сколько они дали человѣку, обокраденному ворами. Тѣ солгали, говоря:

— Какъ ты, Владыко, приказалъ: пятнадцать литръ.

Обличивъ ихъ ложь, скупость и преслушаніе, святый сказалъ имъ:

— Да истребуетъ отъ васъ Богъ тысячу литръ золота, потому что та благочестивая женщина намѣревалась дать намъ

---

[1]) *Британія,* или нынѣшняя *Англія,* въ древности славилась обиліемъ олова.

[2]) *Декаполь,* или *Десятоградіе,* —въ сѣверной части Палестины,—города, заселенные греками.

полторы тысячи. Но такъ какъ вы, не послушавшись меня, удержали десять, то посему Богъ устроилъ такъ, что женщина удержала тысячу. Если же вы мнѣ не вѣрите, скоро сами о томъ точно узнаете.

Призвавъ къ себѣ сію женщину, онъ, въ присутствіи экономовъ, спросилъ ее:

— Скажи намъ, госпожа, сколько раньше ты предполагала, по любви твоей къ Богу, пожертвовать золота въ церковь?

Она же, замѣтивъ, что отъ святаго не утаилось ея намѣреніе, сказала:

— Дѣйствительно, Владыко, за нѣсколько дней ранѣе я рѣшила передать въ твои святыя руки полторы тысячи литръ золота, на что и составила письменное удостовѣреніе. Но сегодня, развернувъ его, я нашла,—не знаю какимъ образомъ: слово—тысяча вытертымъ; осталось только пятьсотъ, и я помышляла въ себѣ, что Богъ не благоволитъ болѣе, какъ только пятьсотъ литръ передать твоей святынѣ. Такъ я и поступила.

Выслушавъ сіе, экономы весьма убоялись и устыдились и, упавъ къ ногамъ святаго, просили прощенія.

Однажды въ Александрію, по причинѣ нашествія иноплеменниковъ[1]), собралось множество народа, слѣдствіемъ чего былъ сильный голодъ. Святый Іоаннъ, милосердствуя о голодающихъ, истратилъ все церковное имущество и даже остался долженъ тысячу литръ золота. Тогда одинъ второбрачный клирикъ, не имѣвшій возможности вслѣдствіе второбрачія своего удостоиться полученія священнаго сана, написалъ Патріарху слѣдующее:

«Я имѣю множество пшеницы, которую всю чрезъ твои руки желаю отдать Христу; при семъ еще обѣщаю сто пятьдесятъ литръ золота,—только сдѣлай меня діакономъ».

Святый, призвавъ его, сталъ укорять за желаніе пріобрѣсти за деньги священный санъ.

— Раскайся въ своемъ грѣхѣ и убойся наказанія Гіезія[2]); Богъ силенъ и безъ твоей пшеницы прокормить насъ во время голода.

---

[1]) Здѣсь разумѣется нашествіе Персовъ на Египетъ, бывшее въ 618 г., подъ предводительствомъ Хозроя.

[2]) Въ 4 Кн. Царствъ повѣствуется о томъ, какъ Пророкъ Елисей исцѣлилъ сирійскаго военачальника Неемана отъ проказы, не взявъ за то денегъ. Слуга же Елисея Гіезій, пожалѣвъ, что господинъ его ничего не взялъ отъ Неемана, выманилъ у него много серебра и двѣ перемѣны одеждъ. Узнавъ о семъ, Елисей сказалъ Гіезію: «Пусть проказа Неемана пристанетъ къ тебѣ и къ твоему потомству навѣкъ». И вышелъ отъ Пророка Гіезій бѣлый отъ проказы, какъ снѣгъ (4 Кн. Цар., гл. 5).

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, явился вѣстникъ съ сообщеніемъ, что изъ Сициліи[1]) прибыли два корабля съ большимъ количествомъ пшеницы; услыхавъ о томъ, Патріархъ упалъ на колѣни и возблагодарилъ Бога, не оставляющаго уповающихъ на Него.

Здѣсь умѣстно припомнить еще о кротости, смиреніи и незлобіи святаго Іоанна. Двое клириковъ за одно прегрѣшеніе были наказаны временнымъ отлученіемъ отъ Церкви. Одинъ изъ нихъ покаялся, но другой, напротивъ, еще болѣе утвердился въ своей злобѣ и, въ гнѣвѣ на Патріарха, дѣлалъ весьма много худаго. Услыхавъ объ этомъ, Патріархъ пожелалъ призвать его къ себѣ и кротко убѣдить его отстать отъ своей злобы; но забылъ сіе сдѣлать, по Божественному о томъ устроенію, дабы, для всеобщей пользы, обнаружились смиреніе и кротость Іоанновы. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, совершая въ церкви Божественную Литургію, Іоаннъ вспомнилъ про того гнѣвавшагося на него клирика и вмѣстѣ съ тѣмъ припомнилъ и слова Христа: **а҆́ще принесе́ши да́ръ тво́й ко ѻ҆лтарю̀ и҆ тꙋ̀ помѧне́ши, ꙗ҆́кѡ бра́тъ тво́й и҆́мать нѣ́что на тѧ̀, ѡ҆ста́ви тꙋ̀ да́ръ тво́й пред̾ ѻ҆лтаре́мъ, и҆ ше́дъ пре́жде смири́сѧ съ бра́томъ твои́мъ**[2]). Вышедши изъ алтаря, онъ подозвалъ того клирика и припалъ къ ногамъ его, прося у него прощенія. Клирикъ, увидавъ такое смиреніе своего Патріарха, убоялся и самъ упалъ ему въ ноги, съ плачемъ испрашивая прощенія. Такимъ образомъ, Іоаннъ примирился съ своимъ клирикомъ, возвратился къ алтарю и, дерзновенно совершивъ жертву, съ чистою совѣстью могъ произнести слова молитвы Господней: **ѡ҆ста́ви на́мъ до́лги на́шѧ, ꙗ҆́кѡ и҆ мы̀ ѡ҆ставлѧ́емъ должникѡ́мъ на́шымъ**[3]). Клирикъ же тотъ, исправившись, сталъ проводить богоугодную жизнь, а затѣмъ сподобился и священническаго сана.

Не менѣе поразителенъ другой примѣръ кротости, обнаруженной святымъ Іоанномъ. Одинъ содержатель гостинницы въ Александріи обезчестилъ ругательными и укорительными словами племянника блаженнаго, по имени Георгія. Придя къ своему дядѣ, Георгій горько жаловался на обезчестившаго его человѣка.

---

1) Островъ на югѣ Италіи въ Средиземномъ морѣ, славившійся плодородіемъ своей почвы и потому считавшійся въ древности житницею Италіи.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 23—24.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 12.

Видя своего племянника весьма смущеннымъ и желая успокоить его, Іоаннъ сказалъ:

— Онъ, худородный, осмѣлился обезчестить моего племянника! Свидѣтельствуюсь Богомъ, что отомщу сему оскорбителю и поступлю съ нимъ такъ, что отъ того придетъ въ изумленіе вся Александрія!

Немного успокоившись отъ сихъ словъ Патріарха, Георгій пересталъ рыдать. Тогда кроткій и смиренный сердцемъ Іоаннъ сталъ говорить ему:

— Возлюбленный сынъ! Если ты хочешь быть моимъ родственникомъ, то будь готовъ претерпѣвать не только оскорбленія, но подъять и раны, и для Бога все прощать ближнему. Желаешь ли ты быть благороднымъ?—Тогда ищи благородства не по крови, но отъ добродѣтели. Истинное благородство украшается не столько славою предковъ, сколько добрыми дѣлами и богоугодною жизнію.

Такимъ образомъ умиротворивъ своего племянника, святый позвалъ надсмотрщика надъ гостинницами и приказалъ ему, чтобы онъ съ того человѣка, который обезчестилъ Георгія, не бралъ церковной подати, которую тотъ долженъ былъ давать ежегодно, но предоставилъ ему жить свободно.

И дѣйствительно, Іоаннъ, согласно своему обѣщанію, поступилъ съ оскорбителемъ такъ, что удивилась вся Александрія: вмѣсто наказанія и мести онъ оказалъ ему благодѣяніе.

Желая непрестанно содержать въ своемъ умѣ память смертную, блаженный Іоаннъ приказалъ устроить для себя гробъ, только не отдѣлывать его. При этомъ онъ приказалъ экономамъ, чтобы они во всѣ торжественные праздники приходили къ нему и въ присутствіи всѣхъ громко говорили:

— Владыко! Твой гробъ еще не додѣланъ; прикажи его додѣлать, ибо смерть приходитъ, какъ тать, и ты не знаешь, въ какой часъ она появится.

Такъ святый Іоаннъ имѣлъ постоянную память о смерти и всегда былъ готовъ къ ней.

Однажды къ святому пришелъ нѣкій богатый вельможа, и ему удалось увидать постель святаго, которая была покрыта худымъ одѣяломъ. Отправившись домой, вельможа послалъ Патріарху одѣяло, стоимостію въ тридцать шесть золотыхъ монетъ, и просилъ его покрываться тѣмъ одѣяломъ. Патріархъ, не желая оскорбить

вельможу, взялъ, по усиленной его просьбѣ, одѣяло и одѣлся имъ на одну только ночь. При этомъ онъ говорилъ самъ себѣ:

«Горе тебѣ, окаянный Іоаннъ, такъ какъ ты одѣваешься многоцѣннымъ одѣяломъ, а Христова братія—нищіе застываютъ отъ мороза. Сколько человѣкъ ночуютъ безъ всякаго покрова на вѣтру и стужѣ и имѣютъ только небольшую рогожку или изодранное рубище! Сколько нагихъ валяются по навознымъ кучамъ и дрожатъ отъ стужи, страдая вдвойнѣ: отъ голода и холода, оставаясь безъ сна въ теченіе цѣлой ночи, хотятъ ѣсть и умираютъ отъ стужи! Увы мнѣ! Сколько убогихъ, подобно Лазарю, желающихъ насытиться отъ крупицъ, падающихъ съ моей трапезы! Горе мнѣ! Сколько въ семъ городѣ странниковъ и пришельцевъ, не имѣющихъ гдѣ преклонить голову, которые, проводя ночи на улицахъ и претерпѣвая всякія бѣдствія, благодарятъ за все Владыку Христа! Ты же, Іоаннъ, желая получить вѣчный покой, здѣсь пребываешь въ роскоши и покоѣ и имѣешь все, что ни пожелаешь: живешь въ прекрасныхъ палатахъ, носишь мягкую одежду, пьешь вино, ѣшь отборную рыбу. И при всемъ этомъ ты одѣлся еще и многоцѣннымъ одѣяломъ. Чего же ты можешь ожидать въ будущемъ вѣкѣ? Нѣтъ, окаянный Іоаннъ, проводя такую жизнь, ты не получишь Вѣчнаго Царствія, но услышишь то же, что и евангельскій богачъ: **воспрїѧ́лъ є҆сѝ бл҃гаѧ̑ твоѧ̑ въ животѣ̀ твоє́мъ**, а убогіе **воспрїѧ́ша злаѧ̑**[1]). Богъ—свидѣтель, что смиренный Іоаннъ не одѣнется симъ одѣяломъ въ другую ночь, но на деньги, полученныя отъ продажи одѣяла, будутъ одѣты нищіе и убогіе».

Съ наступленіемъ дня святый поспѣшно отправилъ одѣяло на рынокъ для продажи, дабы за цѣну стоимости его купить одѣяніе убогимъ. Но когда продавали одѣяло, случайно проходилъ мимо тотъ вельможа, который подарилъ одѣяло блаженному Іоанну. Увидавъ, что оно продается, вельможа купилъ его и снова отослалъ къ Іоанну, упрашивая его, чтобы онъ самъ имъ покрывался. Взявъ одѣяло, святый снова отослалъ продавать его. Вельможа, увидавъ, что одѣяло продается опять, вторично купилъ его и отослалъ къ Іоанну съ просьбою, дабы онъ самъ одѣвался имъ. Іоаннъ же и въ третій разъ послалъ продать одѣяло, но вельможа и въ третій разъ, купивъ, отослалъ къ Іоанну. Послѣ сего Іоаннъ велѣлъ сказать сему вельможѣ:

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 25.

— Увидимъ, кто изъ насъ утомится первый: я ли—продавать, или ты—покупать и вновь отдавать мнѣ?

Такимъ способомъ святый Іоаннъ пріобрѣлъ отъ того вельможи много золота, которое и роздалъ убогимъ.

Блаженный умѣлъ привлечь къ подаянію милостыни и скупыхъ, и сребролюбцевъ. Зная про нѣкоего епископа, по имени Троила, что онъ весьма скупъ и сребролюбивъ, Іоаннъ пригласилъ его съ собою въ больницу навѣстить болящихъ и убогихъ. Замѣтивъ, что Троилъ имѣетъ при себѣ золото, онъ сказалъ ему:

— Отче Троиле! Вотъ тебѣ случай, чтобы утѣшить сію убогую братію, подавъ имъ милостыню.

Троилъ, стыдясь показаться скупымъ, вопреки своему желанію началъ всѣмъ раздавать милостыню, начиная съ перваго до послѣдняго и истратилъ тридцать литръ золота. Но потомъ онъ сталъ сожалѣть, что роздалъ столько золота убогимъ. Придя домой, Троилъ такъ много печалился о розданномъ золотѣ, что слегъ въ постель. Между тѣмъ святый Іоаннъ послалъ за нимъ, приглашая его на обѣдъ. Троилъ отказался идти на обѣдъ, говоря, что боленъ. Догадываясь о причинѣ его болѣзни,—что онъ, разболѣлся, сокрушаясь объ истраченныхъ деньгахъ,—Іоаннъ захватилъ съ собою тридцать литръ золота и отправился навѣстить болящаго. Придя къ нему, онъ сказалъ:

— Вотъ, я принесъ тебѣ золото, которое взялъ у тебя въ больницѣ взаймы,—возьми его, а мнѣ дай расписку въ томъ, что ты передаешь мнѣ ту награду отъ Господа, которая предназначалась для тебя за розданное золото.

Увидавъ золото, Троилъ сильно обрадовался и, получивъ его, тотчасъ выздоровѣлъ и тутъ написалъ слѣдующее:

«Боже милосердый! Даруй награду господину моему Іоанну, Патріарху Александрійскому, за тридцать литръ золота, которыя я роздалъ нищимъ, ибо онъ возвратилъ мнѣ мое золото».

Получивъ сію записку Троила, Іоаннъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ. Угощая его, святый внутренно молился Богу, дабы онъ избавилъ Троила отъ такого сребролюбія. И вотъ ночью Троилъ въ видѣніи узрѣлъ весьма прекрасный домъ, неописуемой красоты, надъ дверьми коего была золотая надпись:

«Обитель и вѣчный покой епископа Троила».

Троилъ весьма обрадовался столь прекрасному, уготованному для него дому. Но внезапно явился какой-то величественный и грозный мужъ, какъ бы царскій кувикуларій[1]), и сказалъ слугамъ:

— Господь всего міра повелѣлъ изгладить сію надпись.

И немедленно слуги изгладили. Явившись вторично, тотъ же мужъ сказалъ слугамъ:

— Напишите такъ: «Это обитель и вѣчный покой Іоанна, Патріарха Александрійскаго, который купилъ ихъ для себя за тридцать литръ золота».

Пробудившись отъ сна, Троилъ исполнился ужаса, сильно скорбѣлъ, что лишился приготовленнаго ему дома на Небѣ, и укорялъ себя за любовь къ золоту. Вставъ, онъ поспѣшно пошелъ къ блаженному Іоанну и разсказалъ ему о томъ, что видѣлъ. Блаженный Іоаннъ съ обычною своею кротостію преподалъ ему наставленіе и отпустилъ съ миромъ. Съ того времени Троилъ исправился и сдѣлался весьма нищелюбивымъ и милостивымъ ко всѣмъ.

Господь, испытывавшій нѣкогда терпѣніе праведнаго Іова, посѣтилъ и блаженнаго Іоанна тягостнымъ испытаніемъ. Однажды корабли, принадлежавшіе Александрійской Церкви и нагруженные доверху товарами, были въ Адріатическомъ морѣ[2]). Вдругъ поднялась буря и такое сильное волненіе, что корабли едва не потонули. Опасность была такъ велика, что пришлось весь грузъ бросить въ море. Такъ случилось по Божественному попущенію, **да искꙋшеніе вѣры** святаго Іоанна **многочестнѣйше злата гибнꙋща ѡбрѧщетсѧ**[3]). Кораблей было тринадцать, цѣна же всѣхъ находившихся на нихъ товаровъ достигала до трехъ тысячъ трехъ сотъ литръ золота. Лишившись такого имущества, которымъ онъ могъ бы въ теченіе многаго времени питать и одѣвать нищихъ, святый Іоаннъ переносилъ сіе съ благодарностію, часто повторяя слова Іова: **гдь дадѐ, гдь ѿѧтъ, бꙋди имѧ гдне блгословенно во вѣки**[4]). Когда же къ нему явились многіе изъ начальствующихъ горожанъ, желая утѣшить его въ печали, онъ отвѣчалъ имъ:

---

1) *Кувикуларій*—постельникъ при царскомъ дворѣ.

2) *Адріатическое море* между Аппеннинскимъ и Балканскимъ полуостровами.

3) Такъ писалъ Апостолъ Петръ христіанамъ Малой Азіи, увѣщавая съ радостію переносить скорби (6 ст. 1-й главы), дабы испытанная вѣра оказалась драгоцѣннѣе гибнущаго, хотя и огнемъ испытываемаго золота (ст. 7).

4) Кн. Іова, гл. 1, ст. 21.

— Я виноватъ въ гибели церковнаго имущества, ибо если бы я не превозносился умомъ, что подаю большую милостыню, тогда не погибло бы въ морѣ такое цѣнное имущество. Я возгордился, отдавая не свое, но Божіе. И вотъ Богъ, желая смирить меня, попустилъ такое обнищаніе, ибо нищета смиряетъ человѣка. Теперь же я и самъ сознаю, что изъ-за гордости лишился награды у Бога и причинилъ большую потерю неимущимъ, ибо тѣ, пища которыхъ погибла, будутъ претерпѣвать голодъ. Но не ради меня, а ради ихъ самихъ Господь не оставитъ неимущихъ и подастъ имъ все потребное.

Такимъ образомъ пришедшіе утѣшать Іоанна сами получили отъ него утѣшеніе и наставленіе. Господь же вскорѣ послалъ Іоанну вдвое болѣе прежняго.

Іоаннъ подавалъ нищимъ большую милостыню и особенно помогалъ терпящимъ какую-либо обиду. Однажды, когда онъ шелъ въ церковь святыхъ мучениковъ Кира и Іоанна[1]), къ нему подошла бѣдная вдова и, разсказавъ о великой обидѣ, причиненной ей зятемъ, просила защиты у святаго Патріарха. Сопровождавшіе Іоанна сказали ему:

— Владыко, выслушай просьбу сей вдовицы уже по возвращеніи домой!

Святый отвѣчалъ:

— Какъ же Богъ услышитъ мою молитву, если я не выслушаю ее немедля?

И онъ не тронулся съ мѣста, пока не выслушалъ вдовицу и не защитилъ ее отъ обиды.

Одинъ юноша по смерти своихъ родителей остался безъ всякихъ средствъ къ существованію. Іоаннъ, узнавъ объ этомъ, спросилъ находившихся при немъ, какимъ образомъ этотъ юноша впалъ въ нищету (ибо онъ слышалъ, что его родители были весьма богаты). Боголюбивые мужи разсказали ему, что родители сего отрока были весьма милостивы и все свое имущество роздали убогимъ, а своему сыну оставили только десять литръ золота. Но предъ своею смертію отецъ юноши (мать его умерла раньше), позвавъ его, предложилъ ему на выборъ золото и образъ Пречистыя Богородицы и сказалъ:

---

1) *Киръ* и *Іоаннъ* — безмездные врачи, мученики александрійскіе. Мощи ихъ почиваютъ въ Римѣ и открыты были въ царствованіе императора Аркадія (394—408 г.). Память ихъ празднуется 31 января и 28 іюня.

— Любезный сынъ! Изъ всего нашего имущества осталось только десять литръ золота; все остальное мы передали въ руки Христу. Отвѣчай же мнѣ, чего желаешь ты: золото ли, или образъ Владычицы нашей Богородицы—твоей помощницы и питательницы?

Отрокъ, презрѣвъ золото, взялъ икону Пречистой Богородицы, а золото просилъ раздать бѣднымъ. И вотъ нищимъ было отдано и послѣднее имущество. Когда отецъ умеръ, отрокъ остался бѣднякомъ и сталъ испытывать всевозможныя лишенія. Несмотря на это, онъ каждый день и ночь молился въ церкви Пресвятой Богородицы.

Выслушавъ этотъ разсказъ, преподобный Іоаннъ подивился добродѣтели и разуму сего отрока, душевно полюбилъ его и съ того времени, какъ истинный отецъ сиротъ, имѣлъ попеченіе о немъ и размышлялъ, какое бы оказать ему благодѣяніе. Однажды онъ тайно призвалъ своего эконома и сказалъ ему:

— Я желаю тебѣ сообщить одну тайну, но смотри—никому не говори о ней.

Экономъ обѣщалъ сохранить тайну, которую святый ему скажетъ. Тогда Патріархъ сказалъ:

— Поди возьми старую хартію и напиши на ней предсмертное завѣщаніе отъ имени нѣкоего Ѳеопемпта такъ, чтобы изъ сего завѣщанія выходило, будто я и сей бѣдный отрокъ близкіе между собою родственники. Затѣмъ приди къ тому юношѣ и скажи ему: «Братъ, знаешь ли, что ты близкій родственникъ Патріарху? Поэтому тебѣ унизительно оставаться въ бѣдности». При семъ покажи ему написанное и прибавь: «Чадо, если ты стыдишься объявить Патріарху, что ты—его родственникъ, то я скажу ему о тебѣ».

Выслушавъ распоряженіе Іоанна, экономъ поступилъ такъ, какъ приказалъ ему Патріархъ. Онъ написалъ на ветхой хартіи завѣщаніе, изъ котораго явствовало родство бѣднаго юноши съ Патріархомъ. Призвавъ затѣмъ юношу къ себѣ, онъ показалъ ему завѣщаніе и сказалъ, что нашелъ его между старыми бумагами его отца. Прочитавъ завѣщаніе, отрокъ сначала обрадовался, но потомъ устыдился, что онъ весьма бѣденъ и одѣтъ въ худое рубище, и просилъ эконома, дабы онъ сказалъ о немъ Патріарху. Экономъ, пришедши къ святому, сообщилъ ему просьбу отрока, и святый сказалъ:

— Скажи отроку — Патріархъ такъ говоритъ: «Я припоминаю, что мой дядя имѣлъ сына, но я не зналъ послѣдняго въ лицо. Ты хорошо сдѣлаешь, если приведешь его ко мнѣ. Принеси также и завѣщаніе съ собою».

Экономъ привелъ отрока и показалъ рукопись преподобному. Патріархъ съ любовію обнялъ юношу и сказалъ:

— Хорошо, что ты пришелъ, ибо ты — сынъ дяди моего.

Святый снабдилъ юношу большимъ имуществомъ, купилъ ему домъ и все потребное для жизни, женилъ его на благородной дѣвицѣ и постарался сдѣлать его богатымъ, славнымъ и честнымъ, дабы исполнились слова Псалма: **не ви́дѣхъ пра́ведника ѡ҆ста́влена, нижѐ сѣ́мене є҆гѡ̀ просѧ́ща хлѣ́ба**[1]).

Святый Іоаннъ весьма часто навѣщалъ больныхъ, которымъ самъ прислуживалъ и напутствовалъ умирающихъ, своими молитвами, помогая имъ при ихъ кончинѣ. Кромѣ сего, онъ часто совершалъ Божественную Литургію за умершихъ и говорилъ, что совершаемая за умершихъ Божественная Литургія приноситъ великую пользу усопшимъ. Въ подтвержденіе сего святитель указывалъ на событіе, случившееся немного ранѣе сего времени на островѣ Кипрѣ.

«Одинъ плѣнникъ изъ Кипра, — говорилъ онъ, — находился въ Персіи въ тяжкомъ заключеніи. Родителямъ его, жившимъ на Кипрѣ, было сообщено, будто онъ уже умеръ, такъ что они оплакивали его какъ умершаго. Трижды въ годъ они стали справлять память о немъ, дѣлая приношенія въ церковь за упокоеніе его души, для совершенія Божественной службы. По прошествіи четырехъ лѣтъ сынъ ихъ убѣжалъ изъ плѣна и возвратился домой. Родители, увидавъ его, удивились, подумавъ, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Возрадовавшись его освобожденію, они разсказали ему, что три раза въ годъ совершали о немъ поминовеніе. Сынъ спросилъ, въ какіе дни они совершали поминовеніе. Они отвѣчали, что — въ день Богоявленія, Пасхи и Пятидесятницы. Онъ же, услыхавъ сіе, припомнилъ и сказалъ:

— Въ тѣ дни приходилъ ко мнѣ въ темницу со свѣтильникомъ нѣкій величественный мужъ, оковы ниспадали съ моихъ ногъ, и я былъ свободенъ. Въ остальные же дни я какъ узникъ снова пребывалъ въ оковахъ».

---

[1]) Псаломъ 36, ст. 25.

Блаженный Іоаннъ весьма опасался осуждать людей за грѣхи, въ особенности иноковъ. Одинъ разъ ему случилось несправедливо осудить инока, и послѣ того онъ не принималъ никакихъ доносовъ на нихъ и не осуждалъ ихъ. Происшествіе заключалось въ слѣдующемъ. Одинъ юный инокъ въ теченіе нѣсколькихъ дней ходилъ по Александріи съ весьма молодой и красивой дѣвицей. Видя сіе, нѣкоторые соблазнились, подумавъ, что онъ ведетъ съ нею беззаконную жизнь, и сообщили о томъ святому Патріарху. Послѣдній приказалъ немедленно схватить обоихъ, подвергнуть тѣлесному наказанію и запереть отдѣльно другъ отъ друга въ темницѣ. Съ наступленіемъ ночи инокъ явился Патріарху во снѣ, показалъ ему свои сильно израненныя отъ побоевъ плечи и спросилъ его:

— Того ли ты хотѣлъ, Владыко? Такъ ли ты научился у Апостола пасти стадо Христово, не по принужденію, но добровольно[1]). Повѣрь мнѣ: ты обманутъ, какъ человѣкъ!

Съ сими словами онъ удалился отъ него. Патріархъ же, пробудившись отъ сна, размышлялъ относительно видѣннаго, что̀ бы оно значило, и, сознавъ свое прегрѣшеніе, сѣтуя и скорбя, сидѣлъ на постели. Съ наступленіемъ утра онъ далъ приказаніе привести того инока, желая взглянуть, похожъ ли онъ на явившагося ему въ сновидѣніи. Инокъ пришелъ съ большимъ трудомъ, ибо отъ множества ранъ едва могъ двигаться. Патріархъ, увидавъ его, помертвѣлъ, будучи не въ силахъ вымолвить ни слова, и только рукой далъ ему знакъ сѣсть подлѣ себя. Потомъ, придя въ себя, онъ попросилъ инока, дабы онъ снялъ свою одежду и показалъ ему плечи, чтобы удостовѣриться, такъ ли онъ израненъ, какъ видѣлъ во снѣ. Когда, послѣ настоятельныхъ просьбъ, инокъ сталъ снимать свою одежду, то всѣ увидѣли, что онъ— евнухъ. Патріархъ, видя его израненное тѣло, весьма сожалѣлъ о случившемся и, пославъ за оклеветавшими инока, отлучилъ ихъ на три года отъ Церкви, у инока же просилъ прощенія:

— Прости мнѣ, братъ,—говорилъ онъ ему,—такъ какъ я сдѣлалъ это по невѣдѣнію. Согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ тобою. Однако тебѣ не слѣдовало такъ неосторожно проводить время съ дѣвицею на соблазнъ мірскимъ людямъ, ибо ты носишь иноческій образъ.

---

[1]) 1-е Посл. Ап. Петра, гл. 5, ст. 2.

Инокъ смиренно отвѣчалъ:

— Владыко, повѣрь мнѣ, что я не солгу тебѣ, а скажу правду. Раньше, когда я былъ въ Газѣ[1]) и шелъ поклониться гробницѣ святыхъ мучениковъ Кира и Іоанна, вечеромъ меня встрѣтила эта дѣвица и, припавъ къ моимъ ногамъ, со слезами умоляла меня, чтобы я не запрещалъ ей идти со мною. Но я, оттолкнувъ ее, обратился въ бѣгство. Она же, идя слѣдомъ за мною, говорила:

— Заклинаю тебя Богомъ Авраамовымъ, пришедшимъ спасти грѣшниковъ и хотящимъ судить живыхъ и мертвыхъ,—не оставляй меня!

Услыхавъ сіе, я сказалъ ей:

— Дѣвица, зачѣмъ ты такъ меня заклинаешь?

— Я—еврейка,—отвѣчала она мнѣ съ рыданіемъ,—и желаю оставить отеческую злую вѣру и сдѣлаться христіанкой. Умоляю тебя, отче! Не отвергай меня, но спаси душу, желающую увѣровать во Христа.

Услыхавъ сіе, я убоялся суда Божія и, захвативъ дѣвицу съ собою, преподалъ ей наставленіе въ святой вѣрѣ. Пришедши затѣмъ къ гробницѣ святыхъ мучениковъ, я крестилъ ее въ церкви и, въ простотѣ сердца, ходилъ съ нею, думая помѣстить ее въ женскомъ монастырѣ.

Выслушавъ разсказъ инока, Патріархъ вздохнулъ и сказалъ:

— Сколько имѣетъ у себя Богъ сокровенныхъ рабовъ, мы, окаянные, того и не знаемъ.

Потомъ онъ разсказалъ всѣмъ окружавшимъ свое сновидѣніе и, взявъ сто золотыхъ монетъ, хотѣлъ отдать ихъ тому иноку; но инокъ не пожелалъ взять ни одной, говоря:

— Если инокъ вѣруетъ, что о немъ промышляетъ Богъ, то онъ не нуждается въ золотѣ; если же любитъ золото, то не вѣруетъ, что существуетъ Богъ.

Сказавъ это, онъ поклонился Патріарху и ушелъ. Съ тѣхъ поръ блаженный Іоаннъ сталъ еще сильнѣе уважать иноковъ; онъ устроилъ для успокоенія странствующихъ иноковъ монастырь и воздерживался отъ осужденія.

Добрый пастырь наставлялъ и овецъ своихъ духовныхъ, дабы не осуждали никого, если бы даже и знали за кѣмъ-либо грѣхъ, но лучше взирали бы на свои грѣхи, а не на чужіе. Случилось

---

[1]) *Газа*—городъ въ Палестинѣ, на восточномъ берегу Средиземнаго моря, къ юго-западу отъ Іерусалима.

какъ-то, что изъ Александріи нѣкій юноша съ инокинею убѣжалъ въ Константинополь. Всѣ стали осуждать его и говорили:

— Онъ загубилъ двѣ души: и свою, и инокини, и притомъ послужилъ для всѣхъ соблазномъ. Между тѣмъ въ Евангеліи сказано: го́ре, и҆́мже собла́знъ прихо́дитъ[1]).

Тогда святый Іоаннъ сказалъ имъ:

— Чада, перестаньте осуждать, такъ какъ и вы виноваты въ двухъ грѣхахъ: во-первыхъ, осуждая согрѣшившаго, вы нарушаете заповѣдь Божію: пре́жде вре́мене ничто́же ꙋ҆ди́те[2]); а съ другой стороны—клевещете на брата, не зная, согрѣшаетъ ли онъ до настоящаго времени, или уже покаялся.

Въ назиданіе онъ разсказалъ имъ слѣдующую повѣсть:

«Нѣкій инокъ проходилъ по улицамъ города Тира[3]). Его замѣтила блудница, по имени Порфирія, которая была всѣмъ извѣстна въ томъ городѣ, и стала кричать вслѣдъ инока:

— Отче! Спаси меня, какъ и Христосъ спасъ блудницу.

Инокъ же, ни во что вмѣнивъ судъ человѣческій, сказалъ ей:

— Слѣдуй за мной!

И взявъ ее за руку, вывелъ изъ города на глазахъ у всѣхъ. Послѣ сего по всему городу пронеслась молва, что инокъ взялъ себѣ въ жены блудницу Порфирію. Когда инокъ велъ послѣднюю въ женскій монастырь, Порфирія нашла на дорогѣ брошеннаго ребенка и взяла его себѣ, дабы воспитать его вмѣсто сына. Спустя нѣсколько времени нѣкоторымъ гражданамъ тирскимъ довелось быть въ той странѣ, гдѣ проживалъ старецъ и Порфирія. Замѣтивъ, что она имѣетъ ребенка, они сказали ей съ насмѣшкою:

— Хорошаго ты, Порфирія, родила ребенка.

Вернувшись, они разсказали всѣмъ, что Порфирія отъ монаха родила ребенка: «Мы его видѣли своими глазами,—говорили они, и онъ весьма походитъ на монаха». Когда же старецъ провидѣлъ свою кончину и отшествіе ко Господу, онъ сказалъ Пелагіи (такъ переименовалъ онъ Порфирію по принятіи ею иночества):

— Пойдемъ въ Тиръ, куда мнѣ необходимо нынѣ идти. Мнѣ угодно, чтобы и ты сопровождала меня.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 13, ст. 8.

2) 1 Посл. къ Кор., гл. 4, ст. 5.

3) *Тиръ* —древняя столица Финикіи, былъ расположенъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря, къ сѣверу отъ Палестины.

Покорная волѣ старца, Пелагія отправилась съ нимъ. Они пошли въ городъ, взявъ съ собою и ребенка, которому было уже семь лѣтъ. Когда они вошли въ городъ, старецъ расхворался, и многіе горожане пришли навѣстить его. Тогда старецъ сказалъ пришедшимъ навѣстить его:

— Принесите мнѣ кадильницу.

Ему принесли. Онъ, взявъ кадильницу, высыпалъ себѣ на грудь горящіе угли изъ нея и держалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не остыли. Угли не опалили ни тѣла, ни одежды его. При семъ старецъ сказалъ людямъ:

— Благословенъ Богъ, нѣкогда сохранившій купину неопалимою отъ огня! Онъ свидѣтель, что, подобно тому, какъ сіи горячіе угли не опалили моего тѣла и огонь не прикоснулся къ одеждѣ моей, такъ и я съ самаго дня рожденія своего не позналъ плотскаго грѣха.

Сказавъ сіе, старецъ предалъ душу свою Господу. Всѣ, видѣвшіе это, дивились и прославили Бога, имѣющаго у Себя втайнѣ подвизающихся рабовъ Своихъ.»

Разсказавъ сію повѣсть, святый Іоаннъ поучалъ присутствовавшихъ такими словами:

— Итакъ, братія мои и чада, не будьте поспѣшны въ осужденіи. Мы часто замѣчаемъ грѣхъ человѣка согрѣшающаго, покаянія же его, втайнѣ имъ содѣлываемаго, не видимъ.

Такъ сей добрый пастырь поучалъ своихъ словесныхъ овецъ и съ кротостью управлялъ Церковію Христовою.

Случилось, что Персы сдѣлали нападеніе на ихъ страну. Іоаннъ, памятуя слова Спасителя: **є҆гда̀ го́нѧтъ вы̀ во гра́дѣ се́мъ, бѣ́гайте въ дрꙋгі́й**[1]), рѣшился удалиться на время въ Константинополь. Когда онъ отплылъ отъ Александріи, то заболѣлъ и лежалъ въ постели. И вотъ, въ видѣніи онъ видитъ нѣкоего свѣтозарнаго мужа, держащаго золотой скипетръ и говорящаго:

— Царь царей зоветъ тебя къ Себѣ.

Изъ сего видѣнія святый узналъ, что приблизился конецъ его жизни. Приплывъ на свою родину въ Кипръ, онъ не могъ пуститься въ дальнѣйшій путь и, достигнувъ родного города Амаѳунта, съ миромъ преставился ко Господу. Умирая, святый Іоаннъ говорилъ:

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 23.

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты сподобилъ меня принести Тебѣ Твое и что изъ благъ міра сего ничего для меня не осталось, кромѣ лишь третьей части сребреника; но и относительно сей части я завѣщаваю, чтобы она была отдана нищимъ. Когда я былъ назначенъ Александрійскимъ Патріархомъ, я нашелъ въ моей епархіи около восьми тысячъ литръ золота; отъ приношеній же боголюбцевъ я собралъ болѣе десяти тысячъ литръ, которыя всѣ отдалъ я Христу. Ему же предаю нынѣ и душу мою[1]).

Блаженный былъ погребенъ въ своемъ родномъ городѣ Амаѳунтѣ, въ церкви св. Тихона Чудотворца[2]), вмѣстѣ съ двумя, почивающими тамъ, епископами. При этомъ произошло слѣдующее событіе. Когда хотѣли съ ними положить святаго Іоанна, то тѣ тѣла, раздвинувшись, какъ живыя, отдѣлились другъ отъ друга и въ срединѣ между собою дали мѣсто Іоаннову тѣлу. Это чудо всѣ присутствовавшіе видѣли воочію и, пораженные, съ изумленіемъ прославляли Бога.

Нельзя также умолчать и о слѣдующемъ чудѣ, которое случилось послѣ погребенія святаго Іоанна. Одна женщина, впавъ въ тяжкій грѣхъ и стыдясь исповѣдать его своему отцу духовному, съ вѣрою пришла къ блаженному Іоанну, когда онъ былъ еще живъ, но уже болѣлъ и близокъ былъ къ смерти. Поклонившись ему въ ноги, она съ воплемъ и обильными слезами говорила:

— О преблаженный! Я—страшная грѣшница, и грѣхъ мой такъ ужасенъ, что я никому не смѣю открыть его. Но я знаю, что ты, если захочешь, можешь простить меня. Ибо Господь вамъ сказалъ: **ѥ҆́же а҆́ще разрѣши́ши на землѝ, бꙋ́детъ разрѣше́но на нб҃сѣ́хъ,**— и: **и҆́мже ѿпꙋ́ститѐ грѣхѝ, ѿпꙋ́стѧтсѧ и҆́мъ**[3]).

Блаженный отвѣчалъ:

— Если ты пришла съ вѣрою, то исповѣдай предо мною свой грѣхъ.

На это женщина сказала:

---

1) *Блаженный Іоаннъ* преставился въ 619 г., ноября 11-го. Память же его празднуется 12 ноября потому, что 11-го въ Египтѣ торжественно праздновалась память муч. Минѣ, а въ Константинополѣ—Ѳеодору Студиту. Мощи св. Іоанна Милостиваго первоначально перенесены были въ Константинополь (23 января), а позднѣе—въ г. Пресбургъ въ Венгріи, гдѣ находятся и въ настоящее время.

2) Память его празднуется 16-го іюня.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 19. Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 23.

— Владыко, я не могу исповѣдать грѣха своего, потому что великій стыдъ удерживаетъ меня.

Преподобный сказалъ ей:

— Если ты стыдишься исповѣдать устами, то пойди—напиши на хартіи и принеси ко мнѣ.

Она же сказала:

— Я и сего не могу исполнить.

Тогда святый сказалъ:

— Напиши, запечатай и отдай мнѣ.

Написавъ свой грѣхъ, женщина заклинала святаго не разрывать печати и не читать ея писанія. Получивъ его, Іоаннъ на пятый день послѣ того преставился. О письмѣ же томъ онъ никому не разсказалъ. Женщины той тогда въ городѣ не было. Утромъ, послѣ его похоронъ, женщина эта пришла въ городъ и, узнавъ, что Патріархъ умеръ и похороненъ, горько скорбѣла, ибо она думала, что другіе, послѣ его смерти, взявъ ея писаніе, прочитали о грѣхѣ ея. Пришедши ко гробу святаго, она взывала къ нему, какъ бы къ живому:

— Человѣкъ Божій,—восклицала она,—я не осмѣлилась тебѣ самому исповѣдать грѣха моего, и вотъ въ настоящее время онъ сталъ всѣмъ извѣстенъ. О, лучше бы не отдавала я тебѣ той хартіи съ грѣхами моими. Горе мнѣ, окаянной! Я стыдилась тебя, но теперь постигъ меня еще большій стыдъ, и я стала посмѣшищемъ для всѣхъ. Но я не отступлю отъ твоей гробницы, пока ты не возвѣстишь мнѣ, куда ты дѣвалъ мое писаніе. Вѣдь ты не умеръ, но продолжаешь жить и нынѣ.

Въ такомъ состояніи она пробыла у гробницы Іоанна три дня. На третью ночь святый Іоаннъ воочію вышелъ изъ своего гроба, съ двумя лежавшими съ нимъ епископами, и сказалъ плачущей:

— Женщина, доколѣ ты не оставишь насъ въ покоѣ и не перестанешь слезами омочать наши одежды?

Сказавъ это, онъ передалъ ей запечатанное письмо со словами:

— Возьми свое письмо и, разорвавъ, взгляни.

Послѣ сего мертвые снова легли въ свои гроба. Женщина же, принявъ хартію, увидѣла свою печать цѣлой и, разорвавъ, нашла написанное ею вытертымъ, а вмѣсто сего было написано:

— Ради раба Моего Іоанна изглажденъ грѣхъ твой.

Женщина, получивъ чудесно отпущеніе своихъ грѣховъ, сильно возрадовалась и возвратилась въ свой домъ, славя и хваля Бога и величая угодника Его, святаго Іоанна Милостиваго, молитвами котораго да явитъ и намъ Господь Свою милость, да загладитъ всѣ грѣхи наши и да впишетъ насъ въ книгу живота во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ и҃:

Въ терпѣ́нїи твое́мъ стѧжа́лъ є҆сѝ мздꙋ̀ твою̀, ѻ҆́тче прп҃бне, въ мл҃твахъ непреста́ннѡ терпѣ́вый, ни́щыѧ возлюби́вый, и҆ сїѧ̀ ᲂу҆довли́вый: но моли́сѧ хр҃тꙋ̀ бг҃ꙋ ї҆ѡа́нне мл҃тиве бл҃же́нне, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Бога́тство твоѐ расточи́лъ є҆сѝ ᲂу҆бѡ́гимъ, и҆ нб҃ное бога́тство ны́нѣ воспрїѧ́лъ є҆сѝ, ї҆ѡа́нне всемꙋ́дре. сегѡ̀ ра́ди вси́ тѧ почита́емъ, соверша́юще па́мѧть твою̀, ми́лостыни ѿ тезоимени́те!

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

НИЛА ПОСТНИКА

Преподобный Нилъ былъ родомъ изъ Константинополя, гдѣ онъ получилъ прекрасное воспитаніе, изучилъ всю книжную премудрость и былъ прекраснѣйшимъ ораторомъ[1]). Достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, онъ женился на одной добродѣтельной женщинѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дѣтей—сына и дочь. Вслѣдствіе своего знатнаго происхожденія и личныхъ достоинствъ Нилъ былъ назначенъ префектомъ столицы[2]). Онъ проводилъ богоугодную и добродѣтельную жизнь, но пороки, господствовавшіе при царскомъ дворѣ, заставили его опасаться за свое спасеніе и покинуть свѣтъ. Познавъ всю суету сего міра, который весь во злѣ

---

[1]) *Преп. Нилъ* родился во второй половинѣ IV вѣка и былъ ученикомъ св. Іоанна Златоустаго.

[2]) Одно изъ самыхъ высшихъ должностныхъ лицъ, завѣдывавшее высшимъ полицейскимъ управленіемъ города.

лежитъ[1]), проникшись убѣжденіемъ, что въ немъ нѣтъ ничего постояннаго, ничего вѣчнаго и справедливаго, но все извращено, исполнено неправды, Нилъ сталъ стремиться къ узкому, но спасительному пути, ведущему къ жизни вѣчной, исполненной истиннаго и неизмѣннаго веселія и безконечнаго блаженства. Онъ убѣдилъ супругу свою, дабы она дала свое согласіе на его удаленіе изъ міра. Раздавъ все свое имущество нищимъ, они отпустили на свободу рабовъ и рабынь; затѣмъ раздѣлили между собою попеченія о своихъ дѣтяхъ. Супруга Нила взяла себѣ дочь, а онъ—сына, Ѳеодула, съ которымъ и удалился изъ Константинополя, оставивъ міръ и всѣ мірскія пристрастія[2]). Супруга Нила съ дочерью удалилась въ Египетъ и тамъ, въ одномъ изъ женскихъ монастырей, воспріяла иноческій образъ и стала ревностно служить Господу въ подвигахъ благочестія. А блаженный Нилъ съ сыномъ своимъ Ѳеодуломъ удалился на Синайскую гору[3]) и, поселившись въ пустынѣ, подражалъ жизни преподобныхъ пустынныхъ отцовъ, проводя время въ постѣ, подвигахъ, прилежа молитвѣ и бдѣнію, умерщвляя плоть многоразличными иноческими трудами.

Прп҃бный
ні́лъ

Здѣсь преподобный поселился въ пещерѣ, выкопанной собственными руками, гдѣ и подвизался въ продолженіе сорока лѣтъ. Молва о немъ скоро распространилась повсюду, и многія лица всякаго званія и состоянія стали обращаться къ нему за наставленіями и молитвою.

---

1) 1 Посл. Іоан., гл. 5, ст. 19.

2) Это было около 390 г.

3) *Синайская гора*—въ сѣверо-западной части Аравіи, на восточномъ прибрежьѣ Краснаго моря. *Синай*—почти съ самаго начала происхожденія христіанскаго монашества былъ излюбленнымъ мѣстомъ восточнаго подвижничества и славился подвигами своихъ иноковъ.

Когда преподобный услышалъ о ссылкѣ св. Іоанна Златоуста въ заточеніе[1]), то смѣло и безбоязненно возвысилъ изъ глубокаго безмолвія свой голосъ и немедленно обличилъ императора Аркадія, написавъ ему посланіе съ строгимъ обличеніемъ неправдъ его противъ великаго святителя.

Когда онъ такимъ образомъ проводилъ отшельническую жизнь въ подвигахъ иночества, для испытанія его любви къ Господу ему было послано еще особенное искушеніе. На пустыню ту сдѣлали набѣгъ варвары[2]), кои, подобно дикимъ звѣрямъ, внезапно напавъ, многихъ святыхъ отцовъ убили, а иныхъ взяли въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ другими они отвели въ плѣнъ и Нилова сына Ѳеодула. Нилъ горько рыдалъ о сынѣ, въ особенности же, когда услыхалъ, что онъ обреченъ былъ варварами на принесеніе въ жертву языческимъ богамъ. Но Богъ сохранилъ Ѳеодула цѣлымъ и невредимымъ, потому что его выкупилъ у варваровъ епископъ города Емеса[3]), назначившій его впослѣдствіи церковнымъ клирикомъ. Узнавъ о семъ, Нилъ самъ отправился въ городъ Емесъ и съ честію былъ тамъ принятъ епископомъ, который, противъ его желанія,— рукоположилъ его въ санъ пресвитера и упрашивалъ его жить при немъ. Когда же блаженный Нилъ не пожелалъ оставаться тамъ, но рѣшился снова удалиться въ Синай, епископъ возвратилъ ему его сына и съ миромъ отпустилъ ихъ. Блаженный Нилъ, вторично придя вмѣстѣ съ сыномъ къ мѣсту своего первоначальнаго пребыванія въ Синаѣ, проживъ здѣсь много лѣтъ, съ миромъ преставился ко Господу[4]). Отъ преподобнаго Нила осталось много душеполезныхъ постническихъ Словъ, исполненныхъ премудрости, и писемъ къ различнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и благочестія христіанскаго[5]).

---

1) Это было въ 405 г.

2) Здѣсь разумѣется племя Влеммидовъ, принадлежавшихъ къ арабскому племени и обитавшихъ въ Аравіи.

3) *Емесъ* — городъ въ Сиріи, на востокъ отъ рѣки Оронта, впадающей на сѣверо-западѣ Сиріи въ Средиземное море.

4) Кончина *преп. Нила Постника* послѣдовала около 450 г. Въ пустынѣ провелъ онъ всего 60 лѣтъ.

5) Преп. Нилъ, подобно великому учителю своему, св. Іоанну Златоусту, много занимался толкованіемъ Св. Писанія, также изъясненіемъ догматовъ вѣры и особенно извѣстенъ аскетическими твореніями. Лучшее подвижническое сочиненіе его—книга о молитвѣ. Далѣе слѣдуютъ: сочиненіе объ *Аскетахъ*, о самовольной *бѣдности, о преимуществахъ уединенной жизни*, наставленія для Евлогія съ прекрасными размышленіями объ уклоненіи отъ міра, о твердости въ борьбѣ, о терпѣніи въ скорбяхъ и

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ и҃:

Хвра̑стнаѧ страсте́й ꙗ҆̀же ѿ тѣлесѐ, воста̑нїѧ сѣчи́тельнѡ, ні́ле бл҃же́нне, во бдѣ́нной твое́й ссѣ́клъ є҆сѝ мл҃твѣ. но ꙗ҆́кѡ и҆мѣ́ѧ дерзнове́нїе ко гдⷭ҇ꙋ, ѿ всѧ́кихъ мѧ̀ бѣ́дъ свободѝ, да зовꙋ̀ тѝ: ра́дꙋйсѧ ѻ҆́тче всемі́рный.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ПРОРОКА

АХІИ

Святый Пророкъ Ахія происходилъ изъ города Силома[1]) и жилъ въ царствованіе Соломона и Іеровоама[2]). При Соломонѣ онъ предсказалъ Іеровоаму раздѣленіе царства Соломонова и отпаденіе отъ него десяти колѣнъ, образовавшихъ царство Израильское. Встрѣтивъ Іеровоама одного на полѣ, Ахія разодралъ бывшую на себѣ одежду на двѣнадцать частей и велѣлъ взять изъ нихъ Іеровоаму десять частей въ знакъ того, что Господь Богъ Израилевъ отдаетъ въ его руки десять колѣнъ, исторгнувъ царство изъ рукъ Соломона, и отдастъ ему Израиля, если онъ будетъ ходить путями Божіими. Впослѣдствіи, по случаю болѣзни Авіи, сына Іеровоамова, Ахія предсказалъ женѣ Іеровоама истребленіе всего дома Іеровоама за его нечестіе и разсѣяніе Израильтянъ за Евфратомъ. Пророчество Ахіи исполнилось, начиная съ немедленной смерти Авіи.

борьбѣ со страстями и т. д., «Ручная книжка Эпиктета» съ изложеніемъ правилъ практической мудрости, извлеченныхъ изъ сочиненій этого языческаго писателя, измѣненныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ христіанскими мыслями; письма преп. Нила, посланныя къ разнымъ лицамъ и по разнымъ поводамъ,—нравственнаго содержанія. Всѣ сочиненія преп. Нила, при высокомъ достоинствѣ содержанія ихъ, отличаются чистотою и изяществомъ языка, дышатъ искренностію чувства и исполнены силы мысли—всегда ясной, какъ свѣтъ Божій.

[1]) *Силомъ*—городъ въ колѣнѣ Ефремовомъ, почти въ самой срединѣ Земли Обѣтованной. Здѣсь, по переходѣ чрезъ Іорданъ и завоеваніи Земли Обѣтованной, поставлена была Скинія Моисеева съ Ковчегомъ, отчего городъ и получилъ свое наименованіе (Силомъ—миръ, покой). Городъ этотъ имѣлъ великое значеніе для Израиля, но впослѣдствіи Господь отринулъ Свое жилище въ Силомѣ за грѣхи сыновъ Израиля.

[2]) *Соломонъ,* сынъ Давида отъ Вирсавіи, преемникъ его царствованія, третій царь Израильскій, мудрѣйшій и славнѣйшій изъ царей Израильскихъ, впослѣдствіи омрачившій свое царствованіе паденіемъ и идолослуженіемъ, за что Богъ и исторгъ царство Израильское изъ его рода, отдавъ 10 колѣнъ во владѣніе Іеровоаму, бывшему прежде рабомъ Соломона, но потомъ ставшему, по раздѣленіи царства Соломонова, первымъ царемъ царства Израильскаго. Дѣятельность Прор. Ахіи относится, такимъ образомъ, къ 1010—963 г. до Р. Хр.

ЖИТІЕ БЛАЖЕННАГО

ІОАННА ВЛАСАТАГО,

Ростовскаго чудотворца

Блаженный Іоаннъ жилъ въ городѣ Ростовѣ во дни царя Ивана Васильевича Грознаго. Откуда онъ былъ родомъ, неизвѣстно. Въ Ростовѣ онъ жилъ въ образѣ юродиваго Христа ради, не имѣлъ постояннаго пристанища и только иногда заходилъ для отдыха къ одной благочестивой вдовѣ или къ своему духовному отцу, всѣхсвятскому священнику Петру. Во дни его находился въ Ростовѣ и бесѣдовалъ съ нимъ, какъ и съ знаменитымъ Борисоглѣбскимъ подвижникомъ святымъ Иринархомъ, блаженный юродивый Іоаннъ, по прозванію Большой Колпакъ, ушедшій потомъ въ Москву и погребенный здѣсь у Покрова на Рву.

Блаженный Іоаннъ Ростовскій всегда носилъ съ собою и читалъ пергаменную книгу—Псалтирь на латинскомъ языкѣ. Неизвѣстно, когда и гдѣ онъ изучилъ сей языкъ.

Кончина блаженнаго Іоанна послѣдовала 3 сентября 1580 года. Тѣло его заботами упомянутой благочестивой вдовы и духовнаго отца его священника Петра погребено было подлѣ церкви святаго Власія за алтаремъ. Погребеніе сопровождалось знаменіями: поднялась сильная буря, засверкали молніи и загремѣлъ громъ.

По преставленіи блаженнаго многіе стали приходить ко гробу его, пѣли въ церкви молебны Господу Богу, Пресвятой Богородицѣ и Предтечѣ Іоанну, просили святить воду и пили ее, смѣшивая съ пескомъ отъ гробницы блаженнаго Іоанна, иные мазали ею свое болящее тѣло и по своей вѣрѣ получали исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней.

Слыша о чудесахъ при гробѣ блаженнаго Іоанна, Ростовскій митрополитъ Кириллъ[1]), удрученный старостію и пораженный

---

[1]) Правилъ Ростовскою митрополіею съ 1605 года, но во время смуты удаленъ былъ съ каѳедры и вновь вступилъ на нее въ 1612 году, когда Пожарскій и Мининъ шли на освобожденіе Москвы. Митрополитъ Кириллъ присутствовалъ при кончинѣ царя Бориса Ѳеодоровича Годунова и встрѣчалъ подъ Москвой и вѣнчалъ на царство новоизбраннаго послѣ смуты царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

тяжкою болѣзнію, не владѣя рукою и ногою, повелѣлъ нести себя во Власьевскую церковь къ образу святаго Іоанна и ко гробу блаженнаго Іоанна Власатаго. Во время молебна, при чтеніи святаго Евангелія, больной святитель сразу почувствовалъ исцѣленіе отъ болѣзни, сталъ владѣть рукою, такъ что получилъ возможность вновь священнодѣйствовать и править Ростовскою митрополіею, и прожилъ еще годъ и пять мѣсяцевъ[1]).

При гробѣ блаженнаго Іоанна совершалось много чудесныхъ исцѣленій съ вѣрою притекавшихъ больныхъ. Чудеса сіи записывались, и о нихъ сообщалось царю Михаилу Ѳеодоровичу.

Однимъ благочестивымъ купцомъ, видѣвшимъ надъ собою и надъ домомъ своимъ милость Божію и многія исцѣленія, надъ гробомъ блаженнаго поставлена была церковь.

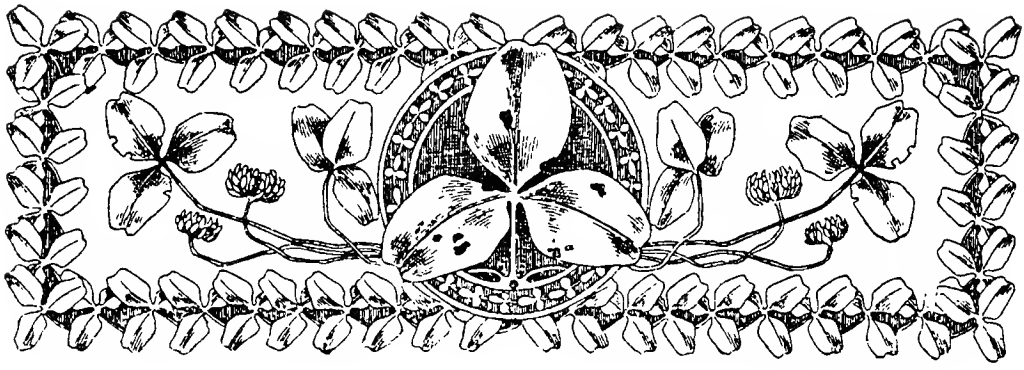
Въ настоящее время мощи блаженнаго Іоанна почиваютъ подъ спудомъ за лѣвымъ клиросомъ въ каменной церкви Толгской иконы Божіей Матери съ придѣломъ во имя святаго Іоанна Предтечи и священномученика Власія, построенной въ XVIII столѣтіи.

При гробницѣ издавна находится большой кипарисный крестъ блаженнаго и пергаменная Псалтирь, писанная красивымъ готическимъ письмомъ. Въ одной изъ записей въ рукописи значится, что святитель Димитрій Ростовскій, обозрѣвая по вступленіи на Ростовскую митрополію въ 1702 году ростовскіе храмы, остановилъ свое вниманіе на сей Псалтири, замѣтилъ ея ветхость, повелѣлъ вновь переплести и хранить по-прежнему на гробѣ блаженнаго. Другая запись на латинскомъ языкѣ гласитъ: «Съ величайшимъ почтеніемъ держалъ я эту книгу въ своей рукѣ и цѣловалъ. Нилъ, архіепископъ Ярославскій. Мая 14 дня, 1856 года»[2]).

---

[1]) Исцѣленіе митрополита Кирилла относится къ 1618 году.

[2]) Вотъ подлинная латинская запись знаменитаго іерарха: Summa cum reverentia in manu mea tenui librum istum et osculavi. Nilus, archiepiscopus Iaroslaviensis. Mai 14 diei 1856 anni.—Сказаніе «О чудесѣхъ блаженнаго Іоанна Милостиваго Власатаго, Ростовскаго чудотворца», съ XVII вѣка составлявшееся и пополнявшееся въ Ростовѣ, не разъ было напечатано по двумъ редакціямъ въ Яросл. Епарх. Вѣд. (въ 1860 и 1877) и отдѣльными брошюрами (1877 и 1884 г.).



День тринадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

Патріарха Константинопольскаго

Святый Іоаннъ Златоустый, свѣтильникъ міру, учитель вселенной, столпъ и утвержденіе Церкви, проповѣдникъ покаянія, происходилъ изъ Антіохіи Сирійской и родился около 347 г. Родители его, Секундъ и Анѳуса, принадлежали къ лучшему антіохійскому обществу и исповѣдывали христіанскую вѣру. Секундъ былъ воинскимъ начальникомъ и занималъ почетную должность, но онъ не могъ имѣть вліянія на воспитаніе сына, такъ какъ умеръ въ то время, когда Іоаннъ былъ еще малолѣтнимъ ребенкомъ. Поэтому всѣ заботы о воспитаніи Іоанна легли на матерь его, благочестивую Анѳусу. Лишившись мужа въ весьма юномъ возрастѣ (ей было тогда около двадцати лѣтъ), она не пожелала выдти замужъ вторично, но всецѣло посвятила себя воспитанію сына. Отъ нея-то малолѣтній Іоаннъ и получилъ первые уроки въ христіанскихъ истинахъ и благочестіи.

Утвердивъ сына въ христіанской вѣрѣ, Анѳуса отдала его софисту Ливанію и философу Андрагафію для изученія краснорѣчія и философіи[1]). Потомъ, когда Іоанну исполнилось восемнадцать лѣтъ, онъ, еще не просвѣщенный Святымъ Крещеніемъ, которое, по обычаямъ того времени, принималось въ зрѣломъ возрастѣ, былъ отправленъ въ Аѳины[2]) для усовершенствованія въ краснорѣчіи и философіи. Обучаясь здѣсь, Іоаннъ вскорѣ превзошелъ премудростію своихъ сверстниковъ и многихъ философовъ, такъ какъ онъ изучилъ всѣ греческія книги и науки и сдѣлался мудрымъ философомъ и краснорѣчивымъ ораторомъ.

Въ Аѳинахъ онъ имѣлъ въ лицѣ философа Анѳимія весьма злобнаго противника себѣ. Послѣдній, завидуя доброй славѣ Іоанна, злословилъ его, возбуждая противъ него ненависть въ другихъ. Но святый, при помощи Божіей, посрамилъ своего противника и вмѣстѣ съ этимъ обратилъ многихъ ко Христу. Случилось это такимъ образомъ. Когда Анѳимій въ спорѣ съ Іоанномъ сталъ произносить хульныя слова на Господа нашего Іисуса Христа, то на него внезапно напалъ нечистый духъ и сталъ его мучить. Анѳимій упалъ на землю, корчась и извиваясь всѣмъ тѣломъ и широко раскрывая ротъ, изъ котораго текла пѣна. Видя это, всѣ окружающіе ужаснулись, и многіе отъ страха убѣжали. Оставшіеся стали умолять Іоанна простить и исцѣлить бѣсноватаго. Іоаннъ отвѣчалъ:

— Если онъ не покается и не увѣруетъ во Христа—Бога, Котораго хулилъ, то не исцѣлится.

Анѳимій немедленно воскликнулъ:

— Исповѣдаю, что ни на небѣ, ни на землѣ нѣтъ другаго Бога, кромѣ Того, Котораго исповѣдуетъ Іоаннъ.

Когда онъ произносилъ сіе, нечистый духъ вышелъ изъ него, и Анѳимій всталъ здоровымъ. Весь народъ, видѣвшій это чудо, взывалъ:

— Великъ Богъ христіанскій! Онъ одинъ творитъ чудеса!

---

1) *Софистами* назывались учители краснорѣчія и адвокаты.—Ливаній, какъ учитель краснорѣчія, пользовался большою извѣстностью: у него учился Юліанъ Отступникъ, а изъ Отцовъ Церкви—Василій Великій.—Андрагафій извѣстенъ какъ одинъ изъ глубокомысленныхъ и серьезныхъ философовъ того времени.

2) *Аѳины* —главный городъ Греціи, въ юго-восточной части Балканскаго полуострова. Во времена Златоуста онъ славился своими философскими школами и школами краснорѣчія. Здѣсь училось богатое и образованное юношество. Между прочимъ, здѣсь учились и нѣкоторые Отцы Церкви: Василій Великій, Григорій Богословъ и др.

Святый Іоаннъ, запретивъ Анѳимію хулить Сына Божія и научивъ его истинной вѣрѣ, отослалъ его къ епископу города Аѳинъ, и Анѳимій принялъ отъ него со всѣмъ своимъ семействомъ Святое Крещеніе. Вмѣстѣ съ Анѳиміемъ увѣровали и крестились также многіе изъ почетныхъ гражданъ. Узнавъ, что чрезъ посредство Іоанна совершилось сіе обращеніе ко Христу еллиновъ, епископъ рѣшилъ поставить Іоанна въ священный санъ и удержать его въ Аѳинахъ, чтобы послѣ смерти самого епископа (такъ какъ онъ весьма уже состарѣлся) Іоаннъ принялъ архіерейскую каѳедру. Блаженный Іоаннъ, уразумѣвъ это, тайно удалился изъ Аѳинъ и пришелъ въ свое отечество—Антіохію.

Презирая пустую славу сего суетнаго міра и всѣ мірскія почести, онъ рѣшилъ воспріять смиренную иноческую жизнь и трудиться для Бога, облекшись въ ангельскій образъ. Къ этому побуждалъ святаго Іоанна и другъ его, Василій[1]), урожденецъ той же Антіохіи. Проводя дѣтскіе годы вмѣстѣ, они учились у однихъ и тѣхъ же учителей и питали сильную любовь другъ къ другу, такъ какъ сродны были по душѣ и отличались одинаковымъ характеромъ. Сей Василій, первоначально самъ облекшись въ иноческій чинъ, совѣтовалъ избрать иноческую жизнь и своему сверстнику—святому Іоанну.

Послушавшись добраго совѣта его, Іоаннъ пожелалъ немедленно удалиться въ монастырь и сдѣлаться инокомъ, но былъ удержанъ матерію. Послѣдняя, узнавъ о намѣреніи Іоанна, стала говорить ему со слезами:

— Чадо! Недолго меня радовала совмѣстная жизнь съ твоимъ отцемъ, со смертью котораго, по Божественному изволенію, наступило твое сиротство, а мое вдовство. Но никакое бѣдствіе не могло принудить меня ко второму браку и къ тому, чтобы ввести инаго мужа въ домъ отца твоего. При Божіей помощи, я терпѣливо переносила несчастіе вдовства, получая большую отраду и утѣшеніе отъ непрестаннаго созерцанія твоего лица, похожаго на лицо отца. При этомъ я не растратила имѣнія отца твоего, но сохранила его цѣлымъ для потребностей твоей жизни. Итакъ, умоляю тебя, чадо, не повергни меня во вторичное вдовство и снова не возбуждай твоимъ удаленіемъ утихшей во мнѣ

[1]) Этого Василія не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ Отцомъ Церкви, Василіемъ Великимъ, который былъ урожденцемъ Каппадокіи и имѣлъ уже высокій санъ, когда Іоаннъ былъ еще отрокомъ; въ 370 г. онъ былъ уже епископомъ, умеръ въ 379 г.

скорби объ отцѣ твоемъ, но дождись смерти моей, которой я день ото дня ожидаю. Когда ты похоронишь меня при костяхъ отца твоего, тогда поступай какъ пожелаешь. А теперь останься со мною и подожди немного, пока я еще жива.

Ст҃ый
Іѡа́ннъ Златоу́стый

Подъ вліяніемъ такихъ просьбъ матери, Іоаннъ рѣшился до времени не уходить изъ дому; но и оставшись дома, онъ перемѣнилъ свѣтлыя одежды на убогія и сталъ вести отшельническую жизнь, проводя время въ молитвѣ и изученіи Слова Божія. Въ это время Іоаннъ сблизился съ высокимъ по своей жизни епископомъ Антіохійскимъ Мелетіемъ[1]), который убѣдилъ Іоанна поскорѣе принять Крещеніе и, крестивши его, поставилъ церковнымъ чтецомъ. Въ этой должности Іоаннъ пробылъ три года. Въ сіе время мать Іоанна скончалась. Похоронивъ ее, Іоаннъ немедленно роздалъ нуждающимся все имущество, даровалъ свободу рабамъ и рабынямъ, а самъ поселился въ монастырѣ[2]) и сталъ инокомъ, въ большихъ трудахъ и подвигахъ работая для Господа день и ночь. Здѣсь онъ написалъ книги «О священствѣ», «О сокрушеніи сердечномъ», содержащія въ себѣ много полезнаго, и «Посланіе къ падшему монаху Ѳеодору»[3]).

---

[1]) *Св. Мелетій*—извѣстенъ какъ защитникъ Православія противъ аріанъ. Занималъ Антіохійскую каѳедру съ 358 по 381 г., но непостоянно; аріане нѣсколько разъ изгоняли его и на его мѣсто ставили другихъ епископовъ. Память его совершается 12-го февраля.

[2]) Монастырь этотъ находился недалеко отъ Антіохіи, въ смежныхъ съ нею горахъ.

[3]) Слова о священствѣ написаны Златоустомъ по слѣдующему поводу. Когда святый Іоаннъ жилъ съ своимъ другомъ Василіемъ вдали отъ мірскихъ дѣлъ, собравшіеся въ Антіохіи епископы вознамѣрились поставить ихъ обоихъ въ епископы; слухъ объ этомъ дошелъ до Іоанна и Василія. Іоаннъ, считая себя неприготовленнымъ къ надлежащему исполненію обязанностей пастырей Христовой Церкви, скрылся тайно отъ всѣхъ, и даже отъ своего друга Василія, въ пустыню. Василій же былъ возведенъ въ епископы г. Рафаны, близъ Антіохіи. Встрѣтившись затѣмъ съ Іоанномъ, онъ дружески сталъ упрекать его за уклоненіе отъ священнаго сана. Въ отвѣтъ на эти упреки св. Іоаннъ написалъ шесть Словъ о священствѣ, въ которыхъ краснорѣчиво говоритъ о высокомъ достоинствѣ пастырскаго служенія.—Посланіе къ Ѳеодору написано по такому поводу:

Святый Іоаннъ имѣлъ отъ Бога даръ учительства и благодать Святаго Духа, что было открыто одному иноку, по имени Исихію, подвизавшемуся въ томъ монастырѣ. Будучи старъ годами и совершенъ въ добродѣтеляхъ, Исихій имѣлъ даръ прозорливости. Въ одну ночь, когда онъ не спалъ и молился, онъ былъ восхищенъ умомъ и созерцалъ слѣдующее видѣніе. Два благолѣпныхъ мужа, одѣтые въ бѣлыя одежды и сіяющіе какъ солнце, сошедшіе съ Неба, вошли къ блаженному Іоанну, когда онъ стоялъ на молитвѣ. Одинъ изъ нихъ держалъ исписанный свитокъ, а другой ключи. Увидавъ ихъ, Іоаннъ смутился и поспѣшилъ поклониться имъ до земли. Между тѣмъ мужи, взявъ Іоанна за руку, подняли его со словами:

— Уповай и не бойся!

Іоаннъ спросилъ ихъ:

— Кто вы, господа мои?

Они немедленно отвѣтили ему:

— Не бойся, мужъ желаній, новый Даніилъ[1]), въ которомъ, ради чистоты сердца, благоволилъ вселиться Духъ Святый! Мы посланы къ тебѣ Великимъ Учителемъ, Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Вслѣдъ за сими словами одинъ изъ явившихся мужей протянулъ свою руку и подалъ Іоанну свитокъ, говоря:

— Возьми сей свитокъ изъ руки моей! Я — Іоаннъ, возлежавшій во время Тайной вечери на персяхъ Господа и отъ Него почерпнувшій Божественныя откровенія[2]). Господь даруетъ и тебѣ знаніе всей глубины премудрости, дабы ты напиталъ людей негибнущимъ брашномъ ученія Христова и своими устами заградилъ уста еретиковъ и іудеевъ, произносящихъ хулы на Бога.

Ѳеодоръ, будучи другомъ Іоанна, назначалъ себя къ подвижнической жизни; но потомъ измѣнилъ своему рѣшенію, оставилъ отшельничество и женился. Огорченный этимъ, Іоаннъ написалъ Ѳеодору два чрезвычайно сильныхъ Посланія, въ которыхъ, описавъ яркими чертами суетность міра, призываетъ друга къ иноческой жизни. Посланіе подѣйствовало на Ѳеодора: онъ снова возвратился къ иноческой жизни, а потомъ сдѣлался епископомъ Мопсуетскимъ (въ юго-восточной части Малой Азіи).

[1]) *Пророкъ Даніилъ* жилъ въ VI в. до Р. Хр., при Вавилонскихъ царяхъ Навуходоносорѣ и Валтасарѣ и при Персидскомъ царѣ—Дарій Мидянинѣ. «Мужъ желаній»—выраженіе, взятое изъ книги Пророка Даніила (гл. 10, ст. 19). Пророкъ Даніилъ принадлежалъ къ числу такихъ благочестивыхъ евреевъ, которые всею душою жаждали явленія Мессіи и спасенія Израилю. Потому-то онъ и называется «мужемъ желаній», т. е. всецѣло проникнутымъ желаніемъ спасенія Израиля. Въ отношеніи къ Іоанну Златоусту выраженіе это приложено для того, чтобы отмѣтить его постоянное исканіе спасенія и Царства Божія.

[2]) Т. е. святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ.

Другой же, протянувъ къ Іоанну свою руку, подалъ ему ключи со словами:

— Возьми сіи ключи, ибо я—Петръ[1]), которому ввѣрены ключи Царствія. Господь и тебѣ передаетъ ключи святыхъ Церквей, дабы кого ты свяжешь, тотъ былъ связанъ, а кого разрѣшишь—разрѣшенъ.

Блаженный Іоаннъ снова преклонилъ свои колѣна и поклонился явившимся Апостоламъ со словами:

— Кто я, грѣшный и самый послѣдній изъ всѣхъ людей, чтобы мнѣ осмѣлиться взять на себя и нести столь великое и страшное служеніе?

Но явившіеся святые Апостолы снова взяли его за правую руку и поставили на ноги, говоря:

— Встань на твои ноги, мужайся, крѣпись и дѣлай то, на что призываетъ тебя Господь нашъ Іисусъ Христосъ для освященія и утвержденія людей Его, ради спасенія которыхъ Онъ пролилъ Свою кровь. Поучай Слову Божію; съ дерзновеніемъ вспомни Господа, рекшаго: не бо́йсѧ ма́лое моѐ ста́до, ꙗ҆́кѡ бл҃гоизво́ли бг҃ъ ва́шъ да́ти ва́мъ цр҃тво[2]). Такъ и ты не бойся, ибо Христосъ Богъ нашъ благоволитъ чрезъ тебя освятить многія души и привести ихъ къ познанію Его. За правду ты испытаешь многія бѣдствія и скорби, но перенеси ихъ, какъ крѣпкій адамантъ[3]), ибо такимъ путемъ наслѣдуешь Царствіе Божіе.

Сказавъ сіе, явившіеся мужи осѣнили Іоанна крестнымъ знаменіемъ и, давъ ему лобзаніе во Имя Господа, удалились. Преподобный Исихій сказалъ о видѣнномъ имъ другимъ опытнымъ въ подвигахъ братіямъ, и они дивились и прославляли Бога, имѣющаго втайнѣ подвизающихся рабовъ Своихъ. При этомъ Исихій запретилъ имъ разсказывать кому-либо о видѣніи, чтобы не узналъ о томъ Іоаннъ и не ушелъ отъ нихъ, и чтобы они не лишились такимъ образомъ сожительства со столь великимъ угодникомъ Божіимъ.

Блаженный же Іоаннъ нелѣностно заботился о своемъ спасеніи, трудясь словомъ и дѣломъ; самъ успѣшно подвизаясь, онъ

---

1) Т. е. святый Апостолъ Петръ. Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 13—19.

2) Еванг. отъ Лук., гл. 12, ст. 32. Въ указанномъ мѣстѣ Господь обращается къ Своимъ ученикамъ съ увѣщаніемъ не прилѣпляться къ земному, а искать прежде Царствія Небеснаго. *Малое стадо*—ученики, прежде всего, а затѣмъ и всѣ послѣдователи Христа, предъизбранные Богомъ къ Царству Небесному.

3) *Адамантъ*—алмазъ, самый крѣпкій камень, который разрѣзаетъ другіе камни.

располагалъ къ подвигу другихъ и побуждалъ лѣнивыхъ, чтобы они стремились къ небесному, умерщвляя свою плоть и порабощая ее духу. Богоугодно трудясь въ монастырѣ, блаженный сотворилъ въ сіе время много чудесъ.

Одинъ житель Антіохіи, богатый и славнаго рода, сильно страдалъ головною болью, такъ что у него выпалъ правый глазъ и висѣлъ на щекѣ. Раздавъ много имущества искуснымъ врачамъ, онъ не получилъ онъ нихъ облегченія. Тогда онъ, услыхавъ о святомъ Іоаннѣ, пришелъ къ нему въ монастырь; приступивъ къ святому, онъ обнялъ ноги его, лобызая ихъ и прося у святаго исцѣленія.

Святый Іоаннъ сказалъ ему:

— Такія болѣзни постигаютъ людей за ихъ грѣхи и маловѣріе. Итакъ, если ты вѣруешь всею душею, что Христосъ силенъ исцѣлить тебя, и отстанешь отъ своихъ грѣховъ, то увидишь славу Божію.

Больной отвѣчалъ:

— Вѣрую, отче, и сдѣлаю все, что ты повелишь мнѣ.

Сказавъ сіе, онъ ухватился за одежду блаженнаго Іоанна и возложилъ ее на свою голову и на больной глазъ. Болѣзнь немедленно прекратилась, глазъ принялъ надлежащее положеніе, и человѣкъ тотъ сталъ здоровымъ, какъ бы никогда и не болѣлъ; славя Бога, онъ возвратился домой.

Также и другой человѣкъ, по имени Архелай, старѣйшина города Антіохіи, страдавшій проказою на лицѣ, пришелъ къ святому Іоанну съ просьбою объ исцѣленіи. Наставивъ его въ истинахъ вѣры, Іоаннъ повелѣлъ ему омыть чело водою, которую пьютъ братія въ монастырѣ. Сдѣлавъ это, больной очистился отъ проказы и, оставивъ міръ, сталъ инокомъ.

Еще нѣкто, по имени Евклій, съ дѣтства слѣпой на правый глазъ, пришелъ въ тотъ монастырь, гдѣ находился блаженный Іоаннъ, и принялъ иноческій образъ. Іоаннъ сказалъ ему:

— Богъ да исцѣлитъ тебя, братъ, и да просвѣтитъ твои душевныя и тѣлесныя очи.

Лишь только святый произнесъ сіи слова, какъ внезапно прозрѣлъ слѣпой глазъ Евклія, и больной получилъ способность видѣть ясно. Узрѣвъ сіе чудо, братія удивлялись и говорили:

— Поистинѣ Іоаннъ—рабъ Божій, и въ немъ обитаетъ Духъ Святый.

Одна женщина, по имени Христина, будучи кровоточива, умоляла своего мужа отвести ее къ святому Іоанну. Посадивъ жену на осла, мужъ отправился къ монастырю и оставилъ ее предъ монастырскими воротами, а самъ вошелъ къ святому и сталъ умолять его исцѣлить его жену отъ ея немощи. Святый Іоаннъ сказалъ тому человѣку:

— Скажи своей женѣ, чтобы она измѣнила свой злой нравъ и перестала быть жестокою въ обращеніи съ рабами, памятуя, что и она сотворена изъ одного бренія съ ними[1]). И пусть она позаботится о своей душѣ, раздавая милостыню нищимъ и не оставляя молитвъ. Также воздерживайтесь и сохраняйте себя чистыми въ постные и святые дни,—и Богъ даруетъ женѣ твоей исцѣленіе.

Удалившись, мужъ разсказалъ женѣ своей все, что онъ слышалъ отъ святаго. Послѣдняя дала обѣтъ со всѣмъ усердіемъ до послѣдняго издыханія хранить все повелѣнное. Мужъ возвратился къ святому и сказалъ ему объ обѣтѣ жены. Святый же на это отвѣчалъ:

— Ступай съ миромъ! Господь уже исцѣлилъ ее.

Возвратясь къ женѣ своей, мужъ нашелъ ее исцѣленною, и они съ радостію возвратились домой, прославляя Бога.

Случилось, что въ то время недалеко отъ монастыря, гдѣ подвизался Іоаннъ, появился свирѣпый левъ, который, рыская по дорогамъ, пожиралъ людей и скотъ. Много разъ жители окрестныхъ селеній, собравшись, подстерегали звѣря съ оружіемъ и стрѣлами, надѣясь убить его, но всякій разъ безуспѣшно. Выходя изъ дубравы, звѣрь нападалъ на людей съ яростію и многихъ изъ нихъ убивалъ насмерть, другихъ ранилъ такъ, что они едва могли убѣжать, а нѣкоторыхъ живыми уносилъ въ свое логовище и тамъ пожиралъ. Придя къ Іоанну, окрестные поселяне возвѣстили ему о семъ и упрашивали его, чтобы онъ помогъ имъ своими молитвами. Іоаннъ далъ просящимъ деревянный Крестъ, повелѣвая водрузить его на томъ мѣстѣ, откуда выходитъ звѣрь. Тѣ такъ и сдѣлали, и по прошествіи нѣсколькихъ дней замѣтили, что звѣрь не появляется. Тогда поселяне отправились ко Кресту и увидали тамъ трупъ льва. Избавленные отъ такого бѣдствія силою Креста, по молитвамъ святаго Іоанна, они возрадовались и прославили угодника Божія.

Іоаннъ пробылъ въ томъ монастырѣ четыре года. Затѣмъ, желая бо́льшаго уединенія, онъ тайно удалился оттуда въ пустыню, нашелъ тамъ пещеру и пробылъ въ ней въ теченіе двухъ лѣтъ, живя въ одиночествѣ.

---

[1]) *Бреніе*—глина, грязь, персть земная.

По прошествіи двухъ лѣтъ, истомленный многотрудными подвигами и страдая отъ холода, Іоаннъ заболѣлъ, такъ что не могъ уже заботиться о себѣ. Поэтому онъ вынужденъ былъ покинуть пустыню и возвратиться въ Антіохію. Сіе случилось по Божію смотренію и промышленію о Церкви, дабы таковой свѣтильникъ не былъ сокрытъ въ пустынѣ, какъ бы подъ спудомъ, но свѣтилъ всѣмъ. Господь попустилъ Іоанну впасть въ недугъ, выводя его такимъ путемъ отъ пребыванія со звѣрями къ сожительству съ людьми, дабы онъ былъ полезенъ не только для себя, но и для другихъ.

Когда блаженный Іоаннъ прибылъ въ Антіохію, Святѣйшій Патріархъ Мелетій принялъ его съ радостію, далъ ему помѣщеніе, повелѣлъ проживать съ собою и въ скоромъ времени рукоположилъ его въ санъ діакона. Въ семъ служеніи онъ прожилъ въ теченіе шести лѣтъ, своею добродѣтельною жизнію и душеполезными писаніями украшая Церковь Божію. За время діаконства святымъ Іоанномъ написаны слѣдующія сочиненія: «О дѣвствѣ», утѣшеніе «Къ вдовѣ» и защита вѣры «Противъ Юліана»[1]).

Въ это время необходимо было святому Мелетію отправиться въ Константинополь для поставленія въ патріархи святаго Григорія Назіанзина[2]). Вскорѣ послѣ прибытія туда святый Мелетій скончался о Господѣ. Услыхавъ о смерти своего Патріарха, Іоаннъ снова оставилъ Антіохію и удалился въ монастырь, въ которомъ пребывалъ первоначально. Иноки обрадовались его возвращенію, устроили духовное торжество, принимая отъ него обычное ученіе. Угождая Богу въ безмолвіи, Іоаннъ пробылъ тамъ три года.

Престолъ Церкви Антіохійской занялъ Флавіанъ[3]). Когда онъ однажды ночью стоялъ на молитвѣ, ему явился Ангелъ Господень и сказалъ:

---

1) Разсужденія—«О дѣвствѣ» и «Къ вдовѣ»—исполнены самыхъ возвышенныхъ мыслей. Въ нихъ святый Іоаннъ выступаетъ ревнителемъ тѣлесной чистоты и указываетъ средства къ укрѣпленію духа въ борьбѣ съ искушеніями плоти. Въ сочиненіи противъ Юліана онъ разсуждаетъ, главнымъ образомъ, о Промыслѣ Божіемъ и обличаетъ богоотступничество императора Юліана, который, бывъ просвѣщенъ Святымъ Крещеніемъ, измѣнилъ вѣрѣ Христовой, сдѣлался язычникомъ и врагомъ христіанъ. Въ исторіи Юліанъ Отступникъ и извѣстенъ какъ ревностный покровитель язычества, стремившійся дать ему перевѣсъ надъ христіанствомъ.

2) *Григорій Назіанзинъ,* иначе называемый Богословомъ, родился въ 328 г. въ городѣ Назіанзѣ, въ Каппадокіи, въ восточной части Малой Азіи. Константинопольскую каѳедру занималъ съ 380 г. по 381 г., когда (на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ) онъ отказался отъ каѳедры; умеръ въ 391 г. Память его совершается 25 Января.

3) *Святый Флавіанъ* занималъ каѳедру Антіохійскую по смерти Мелетія съ 381 по 404 г.

— Завтра иди въ монастырь, въ которомъ пребываетъ угодникъ Божій Іоаннъ, приведи его оттуда въ городъ и поставь въ пресвитера, ибо онъ—избранный сосудъ Божій, и Богъ желаетъ обратить чрезъ него многихъ къ истинной вѣрѣ.

Въ то же самое время Ангелъ явился и святому Іоанну, когда онъ, по обычаю своему, совершалъ въ келліи ночныя молитвы, и повелѣлъ ему идти съ Флавіаномъ въ городъ и принять отъ него посвященіе. Съ наступленіемъ дня Патріархъ пришелъ въ монастырь; къ нему навстрѣчу вышли всѣ иноки вмѣстѣ съ блаженнымъ Іоанномъ; поклонившись, они получили отъ Патріарха благословеніе, а затѣмъ съ подобающимъ почетомъ ввели его въ церковь. Совершивъ Святую Литургію и причастивъ всѣхъ Божественныхъ Таинъ, Патріархъ преподалъ миръ братіи и, взявъ съ собою Іоанна, удалился въ городъ. Иноки неутѣшно рыдали, разлучаясь со святымъ угодникомъ Божіимъ.

На другой день, утромъ, совершено было посвященіе Іоанна въ пресвитера; когда Патріархъ возложилъ свою руку на главу его, внезапно появился бѣлый сіяющій голубь, который леталъ надъ головою святаго Іоанна. Патріархъ Флавіанъ и всѣ, находившіеся въ храмѣ, ужаснулись и долго дивились. Слухъ о семъ чудѣ прошелъ по всей Антіохіи, Сиріи[1]) и окрестнымъ городамъ, и всѣ слышавшіе говорили:

— Что такое будетъ Іоаннъ? Ибо вотъ съ самаго начала явилась надъ нимъ слава Господня!

Въ санѣ пресвитера Іоаннъ еще съ большею ревностію заботился о спасеніи душъ человѣческихъ. Разъ или два въ недѣлю, а иногда даже каждый день, онъ поучалъ народъ въ церкви, съ амвона произнося проповѣди. Случилось, что, сказавъ поученіе въ одной церкви, онъ шелъ, усталый, въ соборный храмъ, гдѣ служилъ епископъ, а тотъ, во исполненіе общаго желанія, поручалъ ему снова говорить поученіе. Во время своего пресвитерства святый Іоаннъ произнесъ множество проповѣдей, изъ которыхъ нѣкоторые дошли до насъ. При этомъ онъ съ высоты церковнаго амвона съ усердіемъ занимался изъясненіемъ Священнаго Писанія. Онъ составилъ весьма душеполезныя толкованія на многія книги Ветхаго Завѣта, а также на Евангелія отъ Матѳея и Іоанна, на книгу Дѣяній Апостольскихъ; особенно же любилъ онъ посланія Апо-

[1]) *Сиріей* называется береговая страна на востокъ отъ Средиземнаго моря, ограничиваемая Тавромъ, верхнимъ Евфратомъ и Аравійскою пустынею.

стола языковъ Павла и многія изъ нихъ въ своихъ бесѣдахъ изъяснилъ народу[1]).

Свои проповѣди святый Іоаннъ Златоустый часто говорилъ изустно, чему весьма удивлялись всѣ жители Антіохіи, восхваляя блаженнаго, такъ какъ до сего времени никто не проповѣдывалъ Слово Божіе безъ книги или безъ тетради: первымъ такимъ проповѣдникомъ былъ среди нихъ Іоаннъ. Его поученія были исполнены такой силы, что всѣ слушавшіе не могли вдоволь насладиться ими. Вотъ почему многіе скорописцы записывали на хартіяхъ[2]) проповѣди Іоанна и, переписывая, передавали ихъ другимъ. Его поученія читались за трапезами и на площадяхъ, и слушатели поучались изустно словамъ его, какъ Псалтири. Іоаннъ былъ такимъ сладкоглаголивымъ ораторомъ и любезнымъ для всѣхъ учителемъ, что въ городѣ не было ни одного, кто не желалъ бы слушать его бесѣдъ, и когда узнавали, что Іоаннъ желаетъ бесѣдовать, всѣ съ радостію стекались въ церковь. Городскіе правители и судьи оставляли свои занятія, купцы—свою торговлю, ремесленники—свои дѣла и поспѣшно шли слушать ученіе Іоанна, заботясь о томъ, чтобы не пропустить ни одного слова, исходящаго изъ устъ его. Всѣ считали за великую потерю, когда не удавалось имъ слышать сладкихъ рѣчей Іоанна. Вотъ почему ему присвоили различныя похвальныя наименованія. Одни звали его *Божіи и Христовы уста*, другіе—*сладкоглаголивымъ*, а третьи—*медоточивымъ*.

Случалось, что блаженный, въ особенности въ началѣ своего пресвитерства, говорилъ проповѣди, которыя по своему содержанію были не всегда понятны для малообразованныхъ слушателей. Однажды нѣкая женщина, слушая и не понимая сказаннаго, возвысила голосъ среди народа и сказала Іоанну:

— Духовный учитель, а лучше назову—Іоаннъ Златоустый, колодезь святаго твоего ученія глубокъ, а вервія ума нашего коротки и не могутъ достичь глубины его.

Тогда многіе изъ народа сказали:

— Самъ Богъ устами женщины далъ сіе наименованіе Іоанну; пусть же онъ съ сего времени называется *Златоустый*.

---

[1]) Во время своего пресвитерства Іоаннъ предлагалъ бесѣды на Посланіе Апостола Павла къ Римлянамъ, на два Посланія къ Коринѳянамъ, на Посланія къ Галатамъ, Ефесянамъ, Тимоѳею и Титу.

[2]) На пергаментѣ, кожаныхъ листахъ, папирусѣ и другихъ матеріалахъ, употреблявшихся тогда для письма.

Дѣйствительно, съ того времени и доселѣ Церковь сохранила это наименованіе за Іоанномъ.

Разсудивъ, что неудобно говорить народу хитросплетенныя поученія, святый Іоаннъ съ тѣхъ поръ старался украшать свою бесѣду не изощреннымъ краснорѣчіемъ, но простыми и нравоучительными словами, дабы и простѣйшій слушатель уразумѣлъ и получилъ пользу. Поучая жителей Антіохіи вѣрѣ и жизни христіанской, святый Іоаннъ Златоустый являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, утѣшителемъ своихъ согражданъ во время общественныхъ бѣдствій.

Въ Антіохіи вслѣдствіе наложенія подати, тяжкой для бѣдныхъ жителей города, произошло народное возмущеніе. Разъяренная чернь сбросила стоявшія въ городѣ статуи императора и членовъ его семьи и разбила ихъ въ куски. Но вскорѣ ужасъ и отчаяніе заступили мѣсто неистовой ярости. Антіохійцы стали ждать проявленія царскаго гнѣва на возмутившихся. Снисходя къ просьбамъ народа, благочестивый святитель антіохійскій Флавіанъ отправился къ императору ходатайствовать за провинившійся городъ; святаго же Іоанна онъ оставилъ въ городѣ утѣшать и врачевать страждущія души. Наступилъ Великій Постъ, который былъ для антіохійцевъ поистинѣ временемъ покаянія и скорби. Ежедневно свѣтильникъ Божій—Іоаннъ входилъ на церковный амвонъ и обращался къ народу съ сильнымъ словомъ утѣшенія и назиданія. Онъ—то поддерживалъ въ народѣ твердость и мужество, то оживлялъ его надежды на милость императора, то возбуждалъ въ немъ упованія на будущую жизнь. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обличалъ пороки своихъ согражданъ: скупость богатыхъ, любостяжаніе, распутство, лицемѣріе, жестокость и суевѣріе, говорилъ, что сими пороками антіохійцы навлекли на городъ такое несчастіе, и убѣждалъ ихъ исправиться. Никогда, быть можетъ, Великій Постъ не соблюдался съ такою строгостію, не проводился съ такимъ покаяннымъ чувствомъ, охватившимъ всѣхъ жителей. Народъ шелъ толпами въ церковь и съ жадностію слушалъ рѣчи Златоустаго, находя въ нихъ облегченіе своей скорби. Между тѣмъ святый Флавіанъ явился къ императору съ защитительной рѣчью, и христіанскій императоръ простилъ оскорбителей высочайшей власти. Вѣсть о помилованіи была привезена Флавіаномъ къ самому дню Пасхи. Въ первый же день праздника святый Іоаннъ объявилъ народу благую вѣсть и въ заключеніе сказалъ:

— Радуйтесь радостію духовною, благодарите Бога не только за прекращеніе бѣдствій, но и за то, что Онъ послалъ ихъ.

Говоря такъ, святый Іоаннъ имѣлъ въ виду значеніе прекратившихся бѣдствій для возбужденія въ антіохійцахъ покаяннаго чувства и пробужденія духовной жизни.

Угодникъ Божій былъ сильнымъ мужемъ не только въ словѣ, но и въ дѣлѣ. Силою Христовою онъ творилъ чудеса, исцѣляя недужныхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ чудотвореній святаго.

Нѣкая женщина, по имени Евклія, имѣла единственнаго сына, который заболѣлъ горячкою и уже былъ при смерти. Придя къ святому, Евклія умоляла его, дабы онъ исцѣлилъ больнаго. Іоаннъ, взявъ воды, трижды сотворилъ надъ нею знаменіе Святаго Креста, во имя Святой Троицы, и покропилъ больнаго. Горячка немедленно прекратилась, и, вставъ здоровымъ, больной поклонился святому.

Начальникомъ крѣпости въ Антіохіи былъ одинъ послѣдователь Маркіонитской ереси[1]), причинявшій много зла благочестивымъ. Жена его подверглась лютому недугу, котораго не могло искоренить никакое врачевство. Когда жесточайшая болѣзнь усиливалась день ото дня, начальникъ крѣпости призвалъ въ свой домъ еретиковъ, упрашивая ихъ помочь женѣ его. Еретики безпрестанно по три дня и болѣе молились за больную съ большимъ усердіемъ, но не имѣли успѣха. Тогда жена сказала мужу:

— Я слышала про нѣкоего пресвитера, по имени Іоанна, проживающаго у епископа Флавіана, что онъ — ученикъ Христовъ, и если онъ чего попроситъ у Бога, то Богъ подастъ ему. Умоляю тебя—отведи меня къ нему, дабы онъ помолился о моемъ выздоровленіи, ибо я слышала, что онъ творитъ много чудесъ. Маркіониты же мнѣ нисколько не помогаютъ, и изъ сего ясно видно нечестіе ихъ. Вѣдь если бы у нихъ была правая вѣра, то Богъ услышалъ бы ихъ молитву.

---

1) *Маркіонитская ересь* получила названіе отъ Маркіона, жившаго во II в. по Р. Хр. Маркіонъ училъ, что вѣченъ не одинъ Богъ, но и вещество, изъ котораго сотворенъ міръ (матерія) съ его властителемъ сатаною. Сотвореніе міра Маркіонъ приписывалъ не Богу, но низшему существу—Деміургу, который представляетъ собою нѣчто среднее между Богомъ и матеріею. Душа человѣка—тоже твореніе Деміурга и отличается всѣми свойствами его, т. е. она нѣсколько духовнѣе видимаго міра. Но матерія стала постепенно поглощать душу. Всѣ старанія Деміурга спасти человѣчество отъ такого поглощенія не привели ни къ чему. Тогда благой Богъ снисшелъ на землю, принялъ призрачное тѣло и открылъ Себя людямъ какъ Богъ милосердія и любви. Но Деміургъ, завидуя его славѣ, возбудилъ противъ него іудеевъ, которые и распяли Спасителя, но страданія Его были призрачны, потому что тѣло Его было духовно. Такимъ образомъ, Маркіонъ не признавалъ искупительныхъ страданій Спасителя и все Его дѣло заключалъ въ одномъ наученіи людей божественнымъ истинамъ.

Мужъ послушался жены и отправился вмѣстѣ съ нею къ православной церкви. Но, будучи еретикомъ, не осмѣлился внести ее внутрь, а положилъ предъ церковными дверями и послалъ къ епископу Флавіану и къ пресвитеру Іоанну, прося ихъ помолиться Господу Іисусу Христу о здравіи жестоко болящей его жены. Епископъ, выйдя къ нимъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, сказалъ:

— Если вы отречетесь отъ своей ереси и присоединитесь къ Святой Соборной Апостольской Церкви, то получите отъ Христа Бога исцѣленіе.

Когда они сіе сдѣлали, Іоаннъ повелѣлъ принести воды и попросилъ Флавіана сотворить на водѣ крестное знаменіе. Флавіанъ исполнилъ просьбу святаго. Іоаннъ приказалъ облить сею водою болящую, и та немедленно встала здоровою, прославляя Бога. Послѣ сего дивнаго чуда начальникъ крѣпости вмѣстѣ съ своею женой присоединился къ святой Церкви. По поводу этого присоединенія была великая радость среди православныхъ; еретики же весьма смутились и гнѣвались на Іоанна, повсюду распространяя хулы и клеветы на него и утверждая, будто онъ—волхвъ и чародѣй. Но Богъ вскорѣ заградилъ уста ихъ, наведя на нихъ жестокую казнь. Случилось это такимъ образомъ.

Во время происшедшаго въ Антіохіи великаго землетрясенія обрушился храмъ, въ которомъ еретики имѣли свои собранія; подъ развалинами храма погибло ихъ великое множество. Изъ православныхъ же во время сего землетрясенія никто не погибъ. Видя это, не только оставшіеся въ живыхъ еретики, но и язычники познали силу Христову и, наставляемые святымъ Іоанномъ, обращались къ Истинному Богу.

По смерти Константинопольскаго Патріарха Нектарія[1]), преемника Григорія Назіанзина, долго не могли найти такого человѣка, который былъ бы достоинъ патріаршаго престола. Тогда сообщили императору Аркадію объ Іоаннѣ (ибо слава о немъ распространилась повсюду). Царь тотчасъ же послалъ къ Флавіану грамоту съ повелѣніемъ отпустить святаго въ Константинополь. Народъ Антіохійскій, узнавъ о семъ и пламенѣя любо-

---

[1]) *Святый Нектарій* управлялъ Константинопольскою церковію съ 381 по 397 г. Предъ избраніемъ на епископскую каѳедру онъ былъ сенаторомъ и только готовился къ Крещенію. Послѣ избранія онъ былъ немедленно крещенъ. Память его совершается въ субботу Сыриую.

вію къ Іоанну, собрался къ церкви. Не желая лишиться своего учителя, народъ сопротивлялся посламъ царскимъ, не внималъ увѣщаніямъ своего Патріарха и не допускалъ увезти Іоанна; да и самъ угодникъ Божій не желалъ ѣхать въ Константинополь, по своему смиренію, рѣшивъ, что онъ не достоинъ патріаршаго сана. Узнавъ о семъ, царь изумился и еще сильнѣе захотѣлъ видѣть Іоанна на патріаршемъ престолѣ. Онъ приказалъ областеначальнику Востока Астерію тайно увезти Іоанна изъ Антіохіи, что и было исполнено.

Когда Іоаннъ приближался къ Константинополю, то ему навстрѣчу вышелъ весь городъ, со множествомъ посланныхъ царемъ вельможъ. Царь, вмѣстѣ съ Освященнымъ Соборомъ іерарховъ и народомъ, встрѣтилъ святаго Іоанна съ честію, и всѣ радовались возведенію на патріаршій престолъ сего свѣтильника Церкви.

Не радовался только Александрійскій Патріархъ Ѳеофилъ[1]) съ своими единомышленниками. Онъ завидовалъ славѣ Іоанна и, ненавидя его, помышлялъ возвести на патріаршій престолъ своего подвластнаго пресвитера Исидора. Но это не помѣшало созванію Собора, по постановленію котораго святый Іоаннъ былъ избранъ на патріаршество.

Блаженный возведенъ былъ на патріаршій престолъ 26-го февраля 398 года. Царь, а за нимъ всѣ князья и вельможи, пришли къ Іоанну, желая получить отъ новопоставленнаго Патріарха благословеніе. Сотворивъ молитву о царѣ и народѣ и благословивъ всѣхъ, Іоаннъ отверзъ свои Богоглаголивыя уста и предложилъ душеполезное поученіе, въ которомъ наставлялъ царя неотступно пребывать въ Православіи, отвращаться еретиковъ, часто ходить въ церковь, быть справедливымъ и милостивымъ. Онъ говорилъ:

— Да знаетъ твое благочестіе, что я не побоюсь, когда явится потребность, говорить наставленія и обличенія для пользы души твоей, подобно тому, какъ пророкъ Наѳанъ не боялся обличать согрѣшенія царя Давида[2]).

Іоаннъ наставлялъ также всѣхъ духовныхъ и мірскихъ правителей и ихъ подчиненныхъ честно исполнять свой долгъ. Его учитель-

---

[1]) *Ѳеофилъ* занималъ Александрійскую каѳедру съ 385 г. по 412 г.

[2]) Давидъ отнялъ у Уріи — воина, находившагося въ походѣ противъ Аммонитянъ, — жену его Вирсавію. Этотъ грѣхъ Давида изобличилъ Пророкъ Наѳанъ, который такъ повліялъ на еврейскаго царя, что тотъ раскаялся въ своемъ грѣхѣ, составивъ извѣстный псаломъ, начинающійся словами: «помилꙋй мѧ, бж҃е, по велицѣй млⷭ҇ти твоей».

нымъ словомъ услаждались всѣ слушающіе. Когда Іоаннъ бесѣдовалъ съ своею паствою, въ народѣ оказался одинъ бѣсноватый, который въ припадкѣ бросился на землю и завопилъ ужаснымъ голосомъ, такъ что всѣ бывшіе въ церкви пришли въ ужасъ. Блаженный Іоаннъ повелѣлъ привести его къ себѣ, сотворилъ надъ нимъ крестное знаменіе и, изгнавъ нечистаго духа, возвратилъ бѣсноватому здравіе. Увидавъ сіе, царь и весь народъ возрадовались и прославили Бога, даровавшаго имъ столь великаго свѣтильника—врача душевнаго и тѣлеснаго.

Принявъ церковное управленіе, Святѣйшій Патріархъ Іоаннъ сталъ ревностно пасти словесное стадо Христово, искореняя въ людяхъ всякаго званія (а въ особенности среди клириковъ) худые обычаи, истребляя нечистоту, зависть, неправду и всякое небогоугодное дѣло. Вмѣстѣ съ этимъ онъ насаждалъ чистоту нравовъ, любовь, справедливость, милосердіе, вкоренялъ въ сердца добродѣтели и своими златоглаголивыми устами наставлялъ всѣхъ въ благочестіи. Нравственные пороки глубоко оскорбляли святаго Іоанна, но искреннее раскаяніе заставляло его все прощать.

Однажды, предъ самою Пасхою, Іоаннъ былъ опечаленъ недостойнымъ поведеніемъ народа, который онъ такъ любилъ и о душевномъ благѣ котораго такъ заботился. Въ среду на Страстной недѣлѣ поднялась грозная буря. Испуганный народъ устремился въ храмы, прибѣгая къ милосердію Божію; начались общественныя молитвы и Крестные ходы. Бѣдствіе миновало, и уже въ Страстную Пятницу и Субботу народъ, забывъ о посѣщеніи Божіемъ, предался веселымъ зрѣлищамъ въ циркѣ и въ театрѣ. Возмущенный до глубины души, святый пастырь въ первый день Пасхи обратился къ неблагодарной паствѣ съ знаменитымъ словомъ «Противъ зрѣлищъ». «Можно ли снести? Можно ли стерпѣть? Вамъ самимъ жалуюсь на васъ»,—такъ началъ блаженный святитель это слово. Ясно и вразумительно изобразилъ онъ гибельныя дѣйствія театра на нравственность и грозилъ виновнымъ отлученіемъ. Убѣжденное слово святаго проповѣдника произвело сильное впечатлѣніе на народъ, любившій его, и вызвало искреннее раскаяніе.

Не только въ Константинополѣ, но и во всѣхъ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ святый угодникъ Божій имѣлъ большое попеченіе о спасеніи душъ человѣческихъ. Онъ посылалъ изъ числа своихъ клириковъ опытныхъ, богобоязненныхъ мужей утверждать

Православіе проповѣдію Слова Божія, истреблять нечестіе и ересь и направлять заблудшихъ на путь спасенія. Онъ до основанія разорилъ идольскіе храмы, стоявшіе въ теченіе многихъ вѣковъ въ Финикіи[1]). Мудро обратилъ онъ къ православной вѣрѣ кельтскій народъ[2]), зараженный аріанствомъ, повелѣвъ избраннымъ для того пресвитерамъ и діаконамъ обучиться кельтскому языку и отправивъ ихъ къ кельтамъ проповѣдывать благочестіе на ихъ природномъ нарѣчіи. Такимъ же образомъ Іоаннъ просвѣтилъ скиѳовъ[3]), жившихъ по Дунаю. Онъ изгналъ изъ странъ восточныхъ маркіонитскую ересь и озарилъ свѣтомъ истиннаго ученія весь міръ.

Въ особенности Іоаннъ имѣлъ попеченіе о немощныхъ и убогихъ, питая алчущихъ, одѣвая нагихъ, промышляя о сиротахъ и вдовахъ. Для спокойствія больныхъ и странниковъ, не имѣющихъ гдѣ приклонить голову, онъ устроилъ множество больницъ, снабжалъ больныхъ всѣмъ необходимымъ, приставилъ слугъ и врачей и поручилъ двоимъ богобоязненнымъ іереямъ заботиться о нихъ. Въ то же время самъ онъ прилежно заботился о церковномъ управленіи, съ любовію утверждая добрыхъ и наказывая и обличая злыхъ.

Во время патріаршества святаго Іоанна Златоустаго въ Константинополѣ оставалось еще много послѣдователей аріанской ереси, которые невозбранно исповѣдывали свою вѣру и совершали свои богослуженія. Блаженный помышлялъ о томъ, какимъ бы способомъ очистить городъ отъ сей ереси, и, улучивъ удобный случай, сказалъ царю:

— Благочестивый царь! Если бы кто вложилъ въ твою корону, наряду съ находящимися въ ней драгоцѣнными камнями, простой камень, темный и нечистый, то не обезчестилъ ли бы онъ всей короны?

---

1) *Финикія*—узкая и длинная полоса земли, лежащая вдоль восточнаго берега Средиземнаго моря, къ сѣверу отъ Палестины. Здѣсь, несмотря на запрещенія правительства, язычество пользовалось большою свободою.

2) *Кельтами* назывался многочисленный народъ, жившій въ древнее время въ западной Европѣ, въ нынѣшней Англіи, Испаніи, Италіи, Швейцаріи и особенно во Франціи; обитали они и въ Малой Азіи (въ области Галатіи, гдѣ они назывались галатами). Со временемъ кельты слились частію съ германцами и древними римлянами (французы, испанцы, итальянцы, англичане), частію сохранили свою народность и донынѣ (ирландцы, шотландцы).

3) *Скиѳы*—греческое названіе многочисленнаго народа, жившаго въ Азіи и Европѣ, по берегамъ Чернаго моря, и особенно въ нынѣшней Южной Россіи (Украине.—*Ред.*).

Царь отвѣтилъ:

— Да, такъ.

Іоаннъ продолжалъ:

— Такъ обезчещенъ и сей городъ, который, будучи православнымъ, имѣетъ еще въ числѣ своихъ жителей невѣрныхъ аріанъ. И подобно тому, какъ прогнѣвался бы ты, царь, за безчестіе твоей короны, такъ Всемогущій Богъ гнѣвается за сей городъ, оскверненный аріанскою ересью. Итакъ, тебѣ слѣдуетъ или привести еретиковъ къ единству вѣры, или же изгнать ихъ изъ города.

Выслушавъ слова Іоанна, царь приказалъ немедленно привести къ себѣ всѣхъ вождей аріанскихъ и повелѣлъ имъ, въ присутствіи Патріарха, высказать свое исповѣданіе вѣры. Они же стали говорить слова, исполненныя нечестія и хулы на Господа нашего Іисуса Христа. Тогда царь приказалъ изгнать ихъ изъ города.

По прошествіи нѣкотораго времени аріане, имѣя помощниковъ и ходатаевъ изъ числа служащихъ въ царскомъ дворцѣ, людей сановитыхъ, снова стали въ воскресные дни входить въ городъ, подходя къ своему соборному дому съ еретическими пѣснопѣніями, которыми они хулили Пресвятую Троицу. Узнавъ о семъ, Святѣйшій Патріархъ Іоаннъ, боясь, чтобы кто-нибудь изъ простого народа не сталъ участвовать въ тѣхъ общественныхъ аріанскихъ моленіяхъ, повелѣлъ своему клиру ходить по городу въ священныхъ облаченіяхъ съ пѣснопѣніями во славу Пресвятой Троицы, составленными противъ аріанскихъ хульныхъ пѣсней. Для этихъ ходовъ были устроены серебряные кресты на древкахъ, которые торжественно носились по городу вмѣстѣ со святыми иконами въ преднесеніи зажженныхъ свѣчей. Такъ возникли впервые Крестные ходы. Торжественные Крестные ходы православныхъ отвлекали народъ отъ аріанскихъ общественныхъ моленій, устраиваемыхъ ими на площадяхъ. Разгнѣванные этимъ, аріане во время одного изъ такихъ ходовъ напали на православныхъ и устроили побоище; въ этомъ побоищѣ нѣсколько человѣкъ съ той и другой стороны пало мертвыми, а царскому евнуху Врисону, находившемуся среди православныхъ, пробили камнемъ голову. Узнавъ объ этомъ, царь весьма разгнѣвался на аріанъ и запретилъ имъ совершать свои общественныя моленія и входить въ городъ; такимъ образомъ, еретическое злохуленіе окончательно было изгнано изъ царствующаго града.

Въ Константинополѣ жилъ нѣкій воевода, варваръ родомъ, по имени Гайна, храбрый въ войнахъ и пользовавшійся благоволеніемъ царя, но въ то же время раздѣлявшій еретическія мысли Арія. Онъ усердно просилъ царя дать аріанамъ въ городѣ какую-нибудь церковь. Царь не зналъ, что отвѣчать ему, ибо не желалъ оскорбить его отказомъ, такъ какъ боялся, чтобы Гайна, человѣкъ злонравный и свирѣпый, не возбудилъ какого-либо возмущенія въ Греческомъ царствѣ. Поэтому царь сообщилъ о просьбѣ Гайны Святому Патріарху Іоанну.

Іоаннъ сказалъ царю:

— Позови меня къ себѣ въ то время, когда Гайна будетъ просить себѣ храмъ, и я буду отвѣчать за тебя.

И вотъ, на другой день, когда Патріархъ былъ призванъ въ царскія палаты и сидѣлъ съ царемъ, Гайна сталъ просить у царя храмъ въ Константинополѣ для аріанскаго общества. Онъ просилъ это какъ дóлжное воздаяніе за понесенные имъ во время войнъ труды и проявленную храбрость.

Великій Іоаннъ замѣтилъ ему:

— Если ты, Гайна, хочешь молиться въ церкви, то войди въ какую захочешь и молись; вѣдь для тебя открыты всѣ церкви въ городѣ.

Гайна сказалъ на это:

— Но я другаго исповѣданія,—вотъ почему я желаю вмѣстѣ съ моими единомышленниками имѣть отдѣльный божественный храмъ въ городѣ и умоляю царя исполнить мою просьбу. Я понесъ много трудовъ, воюя за Греческое царство, проливая свою кровь и полагая за царя душу.

Іоаннъ отвѣчалъ:

— За свои труды ты получилъ воздаяніе: большой почетъ у царя, славу, санъ и подарки. Тебѣ слѣдуетъ поразмыслить, чѣмъ ты былъ прежде и что ты теперь: какъ раньше ты былъ нищимъ и безславнымъ и какъ нынѣ ты обогатился и прославился,—въ какомъ чинѣ находился ты, проживая на той сторонѣ Дуная, и въ какомъ теперь. Тогда ты былъ однимъ изъ простыхъ и бѣдныхъ поселянъ, одѣвался въ убогія одежды и имѣлъ для пропитанія одинъ хлѣбъ съ водою, а нынѣ ты—уважаемый и прославляемый воевода, облеченъ многоцѣнными одеждами, имѣешь много золота и серебра, безчисленныя имѣнія—и всѣмъ этимъ ты владѣешь благодаря царю. Вотъ какую награду воспріялъ ты за свои труды!

Будь благодаренъ и продолжай вѣрно служить Греческому царству, а наградъ божественныхъ за служеніе мірское—не проси.

Пристыженный сими рѣчами, Гайна замолчалъ и больше уже не просилъ о храмѣ. Царь удивлялся премудрости Іоанна, который немногими словами могъ заградить уста дерзкаго и исполненнаго необузданной свирѣпости варвара.

По прошествіи года Гайна отложился отъ царя и, собравъ многочисленное войско, пошелъ войною на Константинополь. Царь, не желая проливать кровь, упросилъ святаго Іоанна выйти къ нему и усмирить его кроткими рѣчами. Іоаннъ, хотя и помнилъ, что онъ прогнѣвалъ Гайну, запретивъ ему имѣть въ городѣ сходбище аріанское, тѣмъ не менѣе, будучи готовъ за овцы положить свою душу, пошелъ къ гордому варвару. Богъ помогъ рабу Своему, и Іоаннъ своими рѣчами усмирилъ звѣрообразнаго человѣка, изъ волка обратилъ его въ овцу и, примиривъ его съ царемъ, возвратился.

Послѣ сего зимою святый Іоаннъ, несмотря на нездоровье, отправился въ Малую Азію для устроенія церковныхъ дѣлъ. Тамъ многіе епископы продавали священство, взимая деньги за хиротонію[1]); такимъ былъ, напримѣръ, Антоній—митрополитъ Ефесскій[2]). Святый Іоаннъ низложилъ въ Малой Азіи многихъ, виновныхъ въ симоніи[3]), епископовъ и лишилъ должностей какъ тѣхъ, кто поставлялъ за деньги, такъ и тѣхъ, кого поставляли. Вмѣсто нихъ онъ назначилъ болѣе достойныхъ. Установивъ порядокъ въ Малой Азіи, святый Іоаннъ возвратился въ Константинополь.

Живя среди міра въ столь высокомъ санѣ, блаженный тѣмъ не менѣе никогда не оставлялъ своихъ первыхъ иноческихъ подвиговъ, но свободное отъ церковныхъ дѣлъ время проводилъ или на молитвѣ, или за чтеніемъ божественныхъ книгъ, затворившись въ своей уединенной келліи. Соблюдая всегда строгій постъ и воз-

---

1) *Хиротонія* (греческ. слово)—рукоположеніе или посвященіе въ священный санъ.

2) *Ефесъ*—одинъ изъ крупныхъ торговыхъ городовъ на западномъ берегу Малой Азіи; въ древности славился знаменитымъ храмомъ Діаны (языческой богини Луны и плодородія). Здѣсь проповѣдывалъ христіанство и жилъ святый Апостолъ Павелъ; здѣсь же долгое время проживалъ и святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ; здѣсь въ 431 г. происходилъ Третій Вселенскій Соборъ. Каѳедра Ефесскаго митрополита пользовалась, какъ каѳедра апостольская, особымъ значеніемъ на Востокѣ.

3) *Симонія*—святокупство, когда одни даютъ, а другіе восхищаютъ священную степень не по достоинству, но за деньги. Названіе симоніи произошло отъ Симона волхва, который хотѣлъ купить у Апостола Петра даръ Св. Духа, чтобы творить чудеса.

держаніе во всемъ, онъ вкушалъ только ячменный хлѣбъ и воду; спалъ весьма мало, да и то не на одрѣ, но стоя. На пиршества и угощенія онъ никуда не ходилъ. Весь свой умъ онъ посвятилъ уразумѣнію Божественнаго Писанія, продолжая заниматься составленіемъ изъясненій на Посланія святаго Апостола Павла, икону котораго имѣлъ въ своей келліи: въ это время изъяснялъ онъ народу Посланіе Апостола языковъ къ Колоссянамъ, а нѣсколько позднѣе—къ Филиппійцамъ, Солунянамъ и Евреямъ.

Во время писанія толкованій на эти Посланія у святаго Іоанна явилось такое недоумѣніе:

— Кто знаетъ, угодно ли сіе Богу? Уразумѣлъ ли я силу сего Святаго Писанія, или нѣтъ?

И онъ сталъ молиться Богу, дабы Онъ возвѣстилъ ему о томъ. Богъ услышалъ молитву Своего раба и подалъ ему слѣдующее знаменіе. Однажды ночью, затворившись въ келліи, святый Іоаннъ при зажженной свѣчѣ писалъ толкованіе; въ это время прислуживавшій ему Проклъ по просьбѣ нѣкоего человѣка, умолявшаго о помощи, хотѣлъ войти къ Патріарху; но предварительно Проклъ посмотрѣлъ въ дверную скважину, чтобы узнать, что дѣлаетъ Патріархъ. Онъ увидѣлъ его сидящимъ и пишущимъ, а какой-то старый почтенный человѣкъ, стоя сзади него, наклонился къ уху Патріарха и тихо ему говорилъ. Сей человѣкъ во всемъ былъ подобенъ изображенію святаго Павла на иконѣ, висѣвшей предъ Іоанномъ на стѣнѣ его келліи. Проклъ сталъ ждать, пока не удалится этотъ человѣкъ. Но когда наступило время звона къ Утрени, человѣкъ этотъ сталъ невидимъ. То же наблюдалъ Проклъ и въ теченіе двухъ слѣдующихъ ночей. Наконецъ, онъ осмѣлился спросить самого Патріарха:

— Владыко, кто ночью бесѣдуетъ съ тобою?

Іоаннъ отвѣчалъ:

— У меня не было никого.

Тогда Проклъ подробно разсказалъ ему, какъ онъ въ скважину видѣлъ стараго почтеннаго человѣка, который шепталъ Патріарху на ухо, когда тотъ писалъ; при этомъ Проклъ описалъ видъ и лицо того, кто являлся. Слушая рѣчи Прокла, Іоаннъ недоумѣвалъ. Между тѣмъ Проклъ, взглянувъ на изображеніе Апостола Павла на иконѣ, сказалъ:

— Тотъ, кого я видѣлъ, былъ похожъ на изображеннаго на сей иконѣ.

Тутъ Іоаннъ понялъ, что Проклъ видѣлъ самого святаго Апостола Павла, и удостовѣрился, что трудъ его угоденъ Господу. Онъ палъ на землю и долго молился, благодаря Бога. Съ того времени онъ воспріялъ еще большее усердіе и ревность къ писанію божественныхъ книгъ, которыя онъ оставилъ послѣ себя Церкви какъ многоцѣнное сокровище[1]).

[1]) Творенія Іоанна Златоустаго еще въ IV и V вѣкахъ пріобрѣли большую извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ; они хранились, какъ драгоцѣнность, въ царскихъ чертогахъ и писались золотыми буквами. До нашего времени многія изъ его твореній не дошли; тѣмъ не менѣе отъ него сохранилось столько твореній, сколько не осталось ни отъ одного Отца и Учителя Церкви. По греческому мѣсяцеслову всѣхъ твореній Іоанна Златоустаго, дошедшихъ до нашего времени, насчитывается до 1447 и писемъ до 244. Больше всего осталось отъ Іоанна Златоустаго проповѣдей и церковныхъ бесѣдъ. Проповѣди святаго Іоанна поражаютъ своею стройностію, глубиною мысли и разнообразіемъ содержанія. «Не говорю о другихъ,—писалъ о Златоустомъ св. Исидоръ,—самъ Ливаній, столько извѣстный по краснорѣчію, изумлялся языку знаменитаго Іоанна, изяществу его мыслей и силѣ доказательствъ». Лучшими изъ проповѣдей Златоустаго справедливо считаются его Бесѣды къ антіохійскому народу о статуяхъ, Слова о Евтропіи, Слово за нищихъ, Слово по удаленіи изъ столицы и по возвращеніи въ столицу, Похвальныя слова Апостолу Павлу. Въ своихъ проповѣдяхъ Іоаннъ Златоустый предлагалъ наставленія почти о всѣхъ частныхъ предметахъ дѣятельности христіанской. Сверхъ того, во все продолженіе общественнаго служенія своего святый Іоаннъ объяснялъ въ бесѣдахъ Священное Писаніе. Каждая изъ объяснительныхъ бесѣдъ его состоитъ изъ двухъ частей: въ одной онъ занимается объясненіемъ текстовъ Слова Божія, въ другой—нравственнымъ состояніемъ своихъ слушателей, предлагаетъ нравственныя наставленія. Занимаясь объясненіемъ Священнаго Писанія, св. Іоаннъ оставилъ, впрочемъ, не много толкованій на Ветхій Завѣтъ, по сравненію съ толкованіями на Новый. Кромѣ Бесѣдъ и Словъ на Книгу Бытія, на 8 главъ Исаіи и на 36 Псалмовъ, немногихъ Бесѣдъ на исторію Самуила и Саула, нынѣ извѣстны съ именемъ Златоустаго толкованія на Книгу Пророка Даніила и на Книгу Іова. Въ толкованіи Новаго Завѣта самое первое мѣсто занимаютъ антіохійскія Бесѣды на Евангеліе отъ Матѳея. Наравнѣ съ ними, по общему суду, стоятъ Бесѣды на Посланіе къ Римлянамъ. По точности объясненія словъ Апостола, высокое мѣсто занимаетъ объясненіе Посланія къ Галатамъ. Послѣ сего къ лучшимъ толкованіямъ Златоустаго надо отнести Бесѣды на 1-е Посланіе къ Коринѳянамъ и на Посланіе къ Ефесеямъ. Собственно догматическихъ сочиненій Златоустаго немного, и всѣ они дышатъ заботливостію его о нравственномъ состояніи вѣрующихъ. Среди нихъ должно отмѣтить книгу къ Стагирію, гдѣ Іоаннъ рѣшаетъ вопросъ: почему, если есть Промыслъ, страждутъ праведники? Заслуживаютъ также вниманія 5 Словъ о непостижимомъ, сказанныя въ обличеніе еретиковъ аномеевъ, которые стремились на основаніи собственныхъ умствованій уяснить отношеніе Бога-Отца къ Богу-Сыну и учили, что Сынъ Божій есть тварное существо и сотворенъ Отцемъ изъ ничего. Въ словахъ о непостижимомъ Іоаннъ разрушаетъ попытку аномеевъ уяснить тайну Тріединаго Божества и текстами Священнаго Писанія доказываетъ непостижимость Божію; въ 7 другихъ Словахъ доказывается единосущіе Сына Божія съ Богомъ-Отцомъ. Кромѣ того, замѣчательна еще книга Іоанна Златоустаго о Св. Духѣ, по ученію объ исхожденіи Духа Святаго отъ Отца. Въ сочиненіи противъ Іудеевъ и язычниковъ доказывается Божественность ученія христіанскаго исполненіемъ пророчествъ и дѣйствіями христіанскаго благовѣстія на сердца людей, а въ 8 Словахъ противъ Іудеевъ показывается, что обряды іудейскіе отмѣнены, и потому совершать ихъ теперь—значитъ поступать вопреки волѣ Божіей. Извѣстный своими твореніями, Іоаннъ Златоустый славенъ еще тѣмъ, что учредилъ особый чинъ Литургіи, который и теперь носитъ его имя. Св. Проклъ, ученикъ Златоустаго и впослѣдствіи одинъ изъ его преемниковъ по Константинопольской каѳедрѣ, такъ пишетъ объ этомъ установ-

Іоаннъ—великій учитель всего міра—безъ всякаго колебанія обличалъ несправедливости, защищалъ обиженныхъ, а царя и царицу убѣждалъ никого не обижать, но поступать по справедливости. Вельможамъ и людямъ высокаго сана, расхищающимъ чужое имущество и огорчающимъ бѣдныхъ, онъ угрожалъ судомъ Божіимъ. За это противъ него стали враждовать многіе мірскіе властители. Осуждаемые своею совѣстію, но не желая отрѣшиться отъ своихъ пороковъ, они гнѣвались на Іоанна. Сердца ихъ окаменѣли, имъ тяжело было слушать слова святаго,—и вотъ они затаили въ себѣ злобу на него. Ненавистники старались всячески чернить святаго, разсказывая, что Патріархъ въ своихъ проповѣдяхъ въ церкви не поучаетъ, но оскорбляетъ и обвиняетъ царя и царицу и всѣ власти. Къ тому же его называли еще немилосердымъ по слѣдующей причинѣ.

Въ царскомъ дворцѣ находился нѣкій евнухъ по имени Евтропій, начальникъ царскихъ постельниковъ. Онъ сумѣлъ вкрасться въ довѣріе къ царю и сдѣлался его любимцемъ. Преслѣдуя своихъ враговъ, онъ уговорилъ царя издать законъ, которымъ бы уничтожался одинъ древній обычай, состоявшій въ слѣдующемъ. Люди, чѣмъ-нибудь нарушившіе гражданскій законъ и присужденные къ смерти, укрывались въ церкви, какъ нѣкогда у израильтянъ въ города убѣжища[1]), и въ церквахъ спасались отъ смертной казни. Уничтоженіе этого обычая было весьма прискорбно для святаго Іоанна Златоустаго, и онъ, считая сіе дѣло насиліемъ надъ Церковію, обличалъ Евтропія, обвиняя его въ жестокости и по-

леніи святаго: «Св. Василій (Великій), поступая съ людьми, какъ съ больными, представилъ Литургію въ сокращенномъ видѣ. Спустя немного времени, отецъ нашъ, златый по языку, Іоаннъ, съ одной стороны, какъ добрый пастырь, ревностно заботясь о спасеніи овецъ, съ другой, взирая на слабость человѣческой природы, рѣшился исторгнуть съ корнемъ всякій предлогъ сатанинскій. Потому онъ, опустивъ многое, учредилъ совершеніе Литургіи сокращеннѣйшее, чтобы люди мало-помалу вовсе не отстали отъ апостольскаго и божественнаго преданія». Сокращенная Іоанномъ Литургія первоначально не имѣла всѣхъ пѣснопѣній, какія она имѣетъ теперь. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли послѣ св. Іоанна, но они не измѣнили существеннаго состава Златоустовой Литургіи, потому что относятся или къ первой части Литургіи (извѣстной подъ названіемъ Литургіи оглашенныхъ), или къ той, которая слѣдуетъ за совершеніемъ Евхаристіи. Въ настоящее время Литургія Іоанна Златоустаго чаще другихъ совершается въ христіанскихъ церквахъ Православнаго Востока.

[1]) У евреевъ было шесть городовъ убѣжища: три—на восточной стороне Іордана, три—на западной. Въ эти города убѣгали невольные убійцы, а также и те, которые мстили за кровь убитаго родственника. У христіанъ древней Церкви право убѣжища принадлежало сначала нѣкоторымъ храмамъ, а затѣмъ и всѣмъ. Оно состояло въ томъ, что если осужденный находилъ убѣжище въ церкви, то былъ неприкосновененъ, пока дѣло его не было разсмотрѣно вновь.

праніи церковныхъ установленій. Спустя немного времени, самъ Евтропій впалъ въ яму, которую онъ выкопалъ для другихъ, и закололся тѣмъ самымъ мечомъ, который наточилъ для другихъ. По случаю какого-то важнаго проступка царь весьма разгнѣвался на него, и Евтропій былъ приговоренъ къ смертной казни. Тогда Евтропій убѣжалъ въ церковь и скрылся въ алтарѣ подъ Престоломъ. Блаженный же Іоаннъ, возсѣдая на амвонѣ, откуда онъ обыкновенно поучалъ народъ, направилъ, какъ весьма строгій ревнитель, обличительное слово на Евтропія; онъ говорилъ, что было бы справедливо, если бы новоустановленный несправедливый законъ испыталъ на себѣ тотъ самый человѣкъ, который изобрѣлъ и установилъ его. Враги Іоанна, подхвативъ сіе слово, стали порицать святаго, укоряя его въ немилосердіи. Такимъ образомъ, мало-помалу они раздражали сердца многихъ людей и возбуждали въ нихъ гнѣвъ на Іоанна[1]).

Среди недовольныхъ святымъ угодникомъ Божіимъ находилось немало и клириковъ, жившихъ порочно, такъ какъ онъ изобличалъ ихъ лукавыя дѣла и отлучалъ иныхъ отъ Церкви; особенно же они были раздражены поступкомъ нѣкоего діакона Серапіона. Послѣдній, благовѣрно служа при Патріархѣ и живя благочестиво, однажды въ присутствіи всѣхъ клириковъ сказалъ святому:

— Владыко, ты не исправишь сихъ, если не разгонишь всѣхъ ихъ жезломъ.

На эти слова его многіе разгнѣвались и стали дурно говорить въ народѣ о святомъ Патріархѣ, возводя хулы на того, который былъ достоинъ всякихъ похвалъ. Недовольство и вражда противъ святаго Іоанна проявлялись и въ высшемъ духовенствѣ. Къ числу недовольныхъ святымъ Іоанномъ епископовъ принадлежалъ нѣкто Севиріанъ, митрополитъ Гевальскій[2]). Сначала онъ пользовался любовію Іоанна, который, отправляясь въ Малую Азію для устройства тамошнихъ церковныхъ дѣлъ, поручилъ ему управленіе своею паствою. Управляя во время отсутствія угодника Божія Константинопольскою церковію, Севиріанъ постарался возбудить противъ него неудовольствіе и происками вошелъ въ милость при царскомъ дворѣ, надѣясь такимъ образомъ занять мѣсто Златоустаго. Вмѣстѣ съ этимъ онъ превысилъ свою власть и допустилъ

---

1) Тѣмъ не менѣе своимъ ходатайствомъ предъ императоромъ, несмотря на противодѣйствіе императрицы Евдоксіи, Іоаннъ Златоустый спасъ Евтропія на этотъ разъ отъ заслуженной кары. Впослѣдствіи Евтропій, однако, былъ сосланъ и подвергнутъ смертной казни.

2) *Гевалъ*—городъ въ Финикіи, при Средиземномъ морѣ. Онъ находился въ теперешней Сиріи между Бейрутомъ и Триполисомъ.

въ управленіи нѣкоторые безпорядки. Возвратившись, св. Іоаннъ сразу понялъ всю низость и коварство Севиріана и за сдѣланные имъ безпорядки хотѣлъ удалить его изъ столицы. Но за Севиріана вступилась императрица Евдоксія и, по просьбѣ ея, Іоаннъ искренно примирился съ нимъ и простилъ его. Севиріанъ же остался въ душѣ такимъ же, какимъ былъ прежде, и втайнѣ продолжалъ питать злобу противъ Златоустаго. Святый зналъ про окружавшую его злобу, но не обращалъ на нее вниманія, ибо чѣмъ больше его хулили, тѣмъ сильнѣе процвѣтала слава его; онъ сталъ извѣстнымъ даже въ отдаленныхъ странахъ, и многіе приходили издалека, желая видѣть святаго и слушать его ученіе.

При такой славѣ Златоустаго злоба всѣхъ враговъ его была бы для него неопасна, если бы въ числѣ враждовавшихъ на святаго не находилась сама царица Евдоксія. Это былъ самый опасный и самый упорный врагъ святаго угодника Божія, ненавидѣвшій его всею душею своею. Всѣ рѣчи Іоанна о сребролюбцахъ и расхищающихъ чужое, которыя онъ обращалъ ко всѣмъ вообще, царица относила къ себѣ и думала, что Іоаннъ ее одну обличаетъ и оскорбляетъ, ибо она была весьма сребролюбива и одержима ненасытной жадностью къ золоту, которое она насильственно отнимала у многихъ. Гнѣваясь на блаженнаго угодника Божія, царица начала помышлять о томъ, какимъ бы образомъ низложить его съ патріаршества.

Въ то время въ Константинополѣ находился одинъ знатный мужъ, по имени Ѳеодорихъ, владѣвшій большимъ богатствомъ. Завидуя ему и желая присвоить себѣ его имущество, царица искала обвиненій противъ него, но не находила, потому что Ѳеодорихъ былъ человѣкъ достойный и честный. Не имѣя возможности причинить ему насилія, царица изобрѣла хитрость. Она призвала Ѳеодориха къ себѣ и сказала ему:

— Ты знаешь, сколь большую убыль постоянно терпитъ царское имущество, какъ много раздается золота охраняющему царство войску и какъ безчисленны тѣ, которые ежедневно кормятся отъ царскихъ сокровищъ. Вотъ почему въ настоящее время казна наша нѣсколько истощилась. Итакъ, дай взаймы въ царскія сокровищницы часть твоего имущества, этимъ ты пріобрѣтешь у насъ расположеніе; со временемъ же получишь то, что отдашь нынѣ.

Ѳеодорихъ понялъ, что царица хочетъ воспользоваться его имуществомъ не для пополненія царской казны, а для удовлетво-

ренія своего ненасытнаго сребролюбія. Поэтому онъ отправился къ блаженному Іоанну, сообщилъ ему о семъ намѣреніи царицы и слезно умолялъ святаго оказать ему свою помощь и содѣйствіе. Іоаннъ немедленно послалъ царицѣ письмо, увѣщавая ее добрыми и кроткими словами не причинять обиды Ѳеодориху. Царица, хотя и гнѣвалась на Патріарха, но въ тотъ разъ поступила согласно его желанію; она устыдилась премудрыхъ его рѣчей и дала обѣщаніе не причинять Ѳеодориху никакого зла. Послѣ сего Ѳеодорихъ, внимая златоглаголивымъ устамъ святаго, поучавшимъ о милостынѣ и совѣтовавшимъ не на землѣ скрывать сокровище, гдѣ его можетъ отнять рука завистливыхъ, но на Небѣ, гдѣ никто не будетъ ни завидовать, ни отнимать,—рѣшилъ отдать свое богатство Царю Небесному. Оставивъ себѣ небольшую часть имущества для прокормленія семьи, все прочее большое состояніе свое онъ пожертвовалъ въ церковную страннопріимницу для пропитанія странниковъ, бѣдныхъ и больныхъ. Услыхавъ о семъ, царица весьма разгнѣвалась и послала сказать блаженному Іоанну:

— Святый Патріархъ! Я, по твоему совѣту, ничего не взяла у патриція Ѳеодориха для потребностей нашего царства, а ты похитилъ его имущество для собственнаго обогащенія! Не приличнѣе ли было бы это имущество взять намъ, а не тебѣ, такъ какъ Ѳеодорихъ обогатился на царской службѣ. Почему ты не сталъ подражать намъ? Какъ мы ничего не взяли у Ѳеодориха, такъ и тебѣ не слѣдовало брать его имѣній.

На сіи слова Іоаннъ написалъ царицѣ слѣдующее:

«Я думаю, для тебя не тайна, что если бы я желалъ богатства, то ничто не воспрепятствовало бы мнѣ имѣть его. Ибо я имѣлъ благородныхъ, сановитыхъ и богатыхъ родителей. Но я добровольно отказался отъ богатства. Ты утверждаешь, что имущество Ѳеодориха я взялъ для своего обогащенія. Но знай, что Ѳеодорихъ мнѣ ничего не далъ; да если бы и давалъ, то я не взялъ бы у него. Свое богатство онъ отдалъ Христу, раздавая милостыню нищимъ и убогимъ. И онъ хорошо поступилъ, ибо отъ Христа сторицею воспріиметъ въ грядущемъ вѣкѣ. Я желалъ бы, чтобы и ты, подражая Ѳеодориху, хранила свои имѣнія на Небеси, дабы, когда обнищаешь, была принята въ вѣчныя обители[1]). Если же ты замышляешь отнять у Христа то, что отдалъ ему Ѳеодорихъ, то что намъ до того? Ибо, какъ увидишь сама, ты оскорбишь не насъ, а Самого Христа».

[1]) Ср. Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 9.

Прочитавъ это письмо Іоанна, царица еще сильнѣе разгнѣвалась и стала искать случая отмстить святому.

Въ то время въ Константинополь прибыла изъ Александріи одна вдова, по имени Каллитропа, по слѣдующему дѣлу. Когда въ Александріи областеначальникомъ былъ Павликій, имѣвшій санъ Августа[1]), нѣкоторые завистливые люди донесли ему, будто Каллитропа имѣетъ много золота. Павликій же былъ весьма златолюбивъ. Ложно обвинивъ Каллитропу, онъ повелѣлъ взять вдову и вынуждалъ ее заплатить ему пятьсотъ золотыхъ монетъ. Не имѣя такихъ денегъ, вдова отдала подъ закладъ сосѣдямъ все, что у нея было, и, съ трудомъ набравъ пятьсотъ золотыхъ монетъ, вручила ихъ областеначальнику. Скоро Павликій за свои несправедливыя дѣла былъ лишенъ сана и отправленъ въ Константинополь на допросъ; туда же отправилась за нимъ и бѣдная вдова. Пришедши къ царю, она пала предъ нимъ со слезами и воплемъ, жалуясь на Павликія, что онъ насильственно взялъ у нея пятьсотъ монетъ золота. Царь приказалъ константинопольскому градоначальнику произвести по этому дѣлу разслѣдованіе. Но градоначальникъ, держа сторону Павликія, оправдалъ его, а вдову отпустилъ ни съ чѣмъ. Еще болѣе оскорбленная этимъ, вдова прибѣгла къ царицѣ и, разсказавъ ей всю свою бѣду, просила у нея милости и помощи. Златолюбивая царица была рада такому случаю, ибо надѣялась чрезъ это дѣло пріобрѣсти для себя много золота. И вотъ она немедленно призвала Павликія, съ гнѣвомъ изобличила его въ грабежѣ чужого имущества и въ оскорбленіи бѣдной вдовы и приказала держать его подъ стражей до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ сто литръ золота[2]). Павликій, видя, что не избѣжать ему рукъ царицы, послалъ къ себѣ домой принести столько золота, сколько требуетъ царица, и передалъ ей сто литръ золота. Изъ всѣхъ этихъ денегъ царица передала вдовѣ только тридцать шесть золотыхъ монетъ и отпустила ее, а все остальное взяла себѣ. Вдова ушла отъ царицы съ плачемъ, оскорбленная такимъ несправедливымъ рѣшеніемъ. Тутъ она услыхала о защитникѣ обидимыхъ—святомъ Іоаннѣ. Явившись къ нему, она подробно повѣдала о томъ, что причинили ей Павликій и царица.

---

1) Этотъ титулъ давался высшимъ начальникамъ областей въ отличіе отъ второстепенныхъ.

2) См. на стр. 287, прим. 1-е.

Успокоивъ плачущую вдовицу, святый Іоаннъ послалъ за Павликіемъ и, пригласивъ его въ церковь, сказалъ ему:

— Намъ извѣстно о несправедливостяхъ, какія ты, не боясь Бога, дѣлалъ, оскорбляя бѣдныхъ и насиліемъ отнимая чужія имѣнія, какъ поступилъ ты и съ этой бѣдной вдовицей. Мы призвали тебя затѣмъ, чтобы ты отдалъ пятьсотъ златницъ той, которую ты несправедливо обидѣлъ. Итакъ, отдай ей, дабы она могла возвратить взятое ею у заимодавцевъ и не погибла бы вмѣстѣ съ своими дѣтьми въ крайней нищетѣ. Тогда и ты освободишься отъ своего грѣха и умилостивишь Бога, Котораго ты прогнѣвалъ и Который отмститъ тебѣ за оскорбленіе сиротъ, если не раскаешься.

Павликій отвѣчалъ:

— Владыко, сія вдова причинила мнѣ несравненно большую обиду, чѣмъ я ей, ибо, жалуясь на меня царицѣ, она отняла у меня сто литръ золота; чего же еще большаго она хочетъ отъ меня? Пусть она идетъ къ царицѣ и беретъ свое у нея.

Святый сказалъ ему на это:

— Если царица и взяла у тебя столько золота, то вдова еще не получила своего, и потому она не виновата въ обидѣ, причиненной тебѣ царицею. Царица взяла у тебя сто литръ золота не столько за обиду вдовы, сколько за другія твои грабительства, которыя ты совершалъ, состоя при власти. Не клевещи на царицу. Я завѣряю тебя, что ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь вдовицѣ всего, что ты взялъ у нея, до послѣдней златницы. А тѣ тридцать шесть золотыхъ монетъ, которыя дала ей царица, пусть останутся у нея на издержки въ дорогѣ.

Когда царица узнала, что Іоаннъ задержалъ Павликія въ церкви, она послала къ Іоанну съ повелѣніемъ отпустить Павликія, такъ какъ она взяла у него достаточно золота.

Но Іоаннъ отвѣчалъ посланнымъ:

— Павликій не будетъ выпущенъ отсюда до тѣхъ поръ, пока не отдастъ бѣдной женщинѣ взятаго.

Царица вторично послала къ святому съ требованіемъ отпустить Павликія; но святый отвѣчалъ:

— Если царица желаетъ, чтобы я отпустилъ его, то пусть отошлетъ сей вдовицѣ пятьсотъ золотыхъ монетъ. Это для нея не представитъ большого затрудненія, потому что она взяла у Павликія гораздо болѣе—сто литръ золота.

Услыхавъ сіе, царица исполнилась ярости и немедленно отправила двухъ сотниковъ съ двумя стами воиновъ, чтобы они вывели Павликія изъ церкви насильно. Но когда воины приблизились къ церковнымъ дверямъ, имъ внезапно явился, стоявшій въ дверяхъ, Ангелъ Господень, который держалъ въ своей рукѣ обнаженный мечъ и загораживалъ имъ входъ. Увидавъ грознаго Ангела, воины убоялись и бѣжали. Съ трепетомъ они возвратились къ царицѣ и сообщили ей о явленіи Ангела. Она же, услыхавъ о семъ, ужаснулась и болѣе не осмѣливалась посылать къ Іоанну за Павликіемъ. Видя, что царица не помогла ему, Павликій послалъ въ свой домъ за золотомъ, отдалъ вдовѣ пятьсотъ золотыхъ монетъ и былъ выпущенъ изъ церкви. Получивъ свое, вдовица съ радостью вернулась въ свой городъ.

Царица между тѣмъ не переставала гнѣваться на блаженнаго Іоанна; злоба на угодника Божія день ото дня увеличивалась въ ея сердцѣ. Однажды она послала къ святому Іоанну своихъ слугъ, повелѣвъ имъ передать ему слѣдующія слова:

— Перестань противиться намъ и не касайся нашихъ царскихъ дѣлъ, ибо и мы не касаемся церковныхъ дѣлъ, но предоставляемъ тебѣ самому устраивать ихъ. Перестань выставлять меня притчею для всѣхъ, говоря обо мнѣ и обличая меня. До сихъ поръ я считала тебя за отца и воздавала тебѣ подобающій почетъ; но если отнынѣ ты не исправишься и не станешь лучше относиться ко мнѣ, я не потерплю тебя болѣе.

Выслушавъ сіи рѣчи царицы, блаженный Іоаннъ весьма опечалился и, тяжко вздохнувъ, сказалъ посланнымъ:

— Царица желаетъ, чтобы я походилъ на мертваго, не замѣчалъ совершаемыхъ несправедливостей, не слушалъ голоса обижаемыхъ, плачущихъ и воздыхающихъ, не говорилъ обличеній противъ согрѣшающихъ; но такъ какъ я епископъ и мнѣ вручено попеченіе о душахъ, то я долженъ на все смотрѣть недремлющимъ окомъ, выслушивать просьбы всѣхъ, всѣхъ учить, наставлять и обличать. Вѣдь я знаю, что если я не буду обличать беззаконія и наказывать беззаконнующихъ, то подвергнусь наказанію, и потому боюсь, какъ бы ко мнѣ не были приложены слова Пророка Осіи: скры́ша жерцы̀ пꙋ́ть гдⷭ҇нь[1]). Ибо божественный Апостолъ

[1]) Кн. Прор. Осіи, гл. 6, ст. 9. Этими словами изобличаются священники народа еврейскаго, которые вмѣсто того, чтобы указывать народу прямые пути жизни, скрывали ихъ отъ народа.

повелѣваетъ предъ всѣми изобличать согрѣшающаго, дабы и другіе имѣли страхъ. И тотъ же Апостолъ учитъ, говоря: **настóй благовре́меннѣ и̂ безвре́меннѣ, ѡ̂бличѝ, запретѝ, оу̂молѝ**[1]). Я обличаю беззаконіе, а не беззаконнующихъ; никому не говорилъ я въ лицо о его беззаконіи, никого не запятналъ безчестіемъ и никогда не упоминалъ въ проповѣдяхъ имени царицы для обличенія ея. Но я всѣхъ вообще поучалъ воздерживаться отъ зла и не обижать ближнихъ. Если же кого изъ слушающихъ мои поученія осуждаетъ совѣсть за содѣянныя имъ дурныя дѣла, то ему подобаетъ гнѣваться не на меня, но на себя самого, и пусть онъ уклонится отъ зла и сотворитъ благое. Если царица не сознаетъ за собою зла, ни того, что она кого-нибудь обидѣла, то почему она гнѣвается на меня, поучающаго народъ уклоняться отъ всякой неправды? Ей слѣдовало бы лучше радоваться, что она не сдѣлала неправды и что я не лѣностно проповѣдую спасеніе людямъ, надъ которыми она царствуетъ. Если же она виновна въ тѣхъ грѣхахъ, которые я стараюсь учительными словами искоренить въ сердцахъ человѣческихъ, то пусть знаетъ, что не я ее обличаю или причиняю ей безчестіе, но изобличаютъ ее творимыя ею дѣла, которыя приносятъ душѣ ея великое безчестіе и стыдъ. Итакъ, пусть царица гнѣвается, какъ хочетъ, а я не перестану говорить правду. Вѣдь для меня лучше прогнѣвать людей, чѣмъ Бога: **а̂́ще бы человѣ́кѡмъ оу̂гожда́лъ, хр҃то́въ ра́бъ не бы̀ бы́лъ»**[2]).

Сказавъ сіе посланнымъ, святый отпустилъ ихъ. Они же, возвратившись къ царицѣ, передали ей все, что слышали. Тогда царица еще сильнѣе разгнѣвалась на блаженнаго Іоанна.

Не одна царица враждовала противъ святаго, но и многіе другіе, жившіе нечестиво. У него были враги не только въ Константинополѣ, но и въ болѣе отдаленныхъ странахъ. Въ числѣ послѣднихъ были слѣдующіе: Александрійскій Патріахъ Ѳеофилъ, который съ самаго начала не взлюбилъ Іоанна и не желалъ его посвященія на патріаршество, Акакій, епископъ Беррійскій[3]), Севиріанъ Гевальскій[4]) и Антіохъ Птолемаидскій[5]), а въ Константинополѣ — два пресвитера и пять діаконовъ, многіе изъ царскихъ чиновниковъ и три извѣстныя и богатыя вдовы, нечестиво

---

1) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 5, ст. 20; 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 2.

2) Посл. къ Галат., гл. 1, ст. 10.

3) *Беррея*—городъ въ Сиріи, теперь—*Алеппо*.

4) См. на стр. 333, прим. 2-е.

5) *Птолемаида*—городъ въ Сиріи, на восточномъ берегу Средиземнаго моря.

живущія: Марса, Кастриція и Евграфія. Всѣ сіи ненавистники Іоанна, совѣщаясь между собою, изыскивали противъ него обвиненія, чтобы оклеветать его предъ народомъ. Прежде всего они послали въ Антіохію разузнать, не совершилъ ли Іоаннъ какого-либо дурного поступка, хотя бы въ дѣтствѣ. Но ѝсчезо́ша ѝспыта́ющїи ѝспыта̑нїѧ[1]) и не обрѣли они ничего, что бы можно было поставить въ вину святому угоднику Божію. Послѣ сего они послали въ Александрію къ Ѳеофилу, хитрому лжецу и навѣтнику, но и тотъ ничего не могъ найти въ обличеніе святаго Іоанна, который сіялъ добродѣтелями, какъ солнце. Однако Ѳеофилъ, научаемый сатаною, ревностно старался о томъ, какъ бы низложить Іоанна съ престола, чего онъ и достигъ, имѣя помощницею царицу и прочихъ дурныхъ людей. Изгнаніе Іоанна произошло при такихъ обстоятельствахъ.

Въ Александріи находился пресвитеръ, по имени Исидоръ, бывшій ксенодоромъ (то есть кормильцемъ странниковъ), человѣкъ святой жизни и премудрый. Онъ былъ уже старъ, имѣя отъ роду восемьдесятъ лѣтъ; въ пресвитеры онъ былъ поставленъ святымъ Аѳанасіемъ Великимъ, Патріархомъ Александрійскимъ[2]). Противъ этого-то Исидора Ѳеофилъ имѣлъ вражду изъ-за Александрійскаго пресвитера Петра, такъ какъ Ѳеофилъ намѣревался того Петра безъ вины лишить сана и отлучить отъ Церкви, а Исидоръ защищалъ Петра и доказывалъ, что взводимое на послѣдняго обвиненіе несправедливо. Поэтому Ѳеофилъ сталъ гнѣваться и на Исидора и, отлучивъ отъ Церкви Петра, сталъ искать уликъ противъ Исидора, чтобы и его отлучить отъ Церкви.

Въ то время нѣкая вдова, по имени Ѳеодотія, пожертвовала Исидору тысячу золотыхъ монетъ, чтобы онъ на эти деньги одѣвалъ находящихся въ Александріи нищихъ, сиротъ и убогихъ вдовицъ. При этомъ, вдова просила Исидора не говорить о томъ Патріарху Ѳеофилу, чтобы послѣдній не отобралъ золота и не затратилъ его на предпринятыя имъ каменныя постройки. Получивъ золото, Исидоръ поступилъ такъ, какъ просила его Ѳеодотія, и ничего не сказалъ Ѳеофилу. Тѣмъ не менѣе Ѳеофилъ узналъ отъ кого-то, что Исидоръ получилъ отъ Ѳеодотіи тысячу золотыхъ монетъ и истра-

---

[1]) Псал. 63, ст. 7.

[2]) *Аѳанасій Великій* — знаменитый поборникъ Православія въ борьбѣ съ аріанствомъ. Занималъ Александрійскую каѳедру съ 326 г. по 373 г., съ промежутками. Память его празднуется 2 мая и 18 января.

тилъ ихъ на потребности бѣдныхъ безъ его, Ѳеофилова вѣдома. Златолюбивый Ѳеофилъ сильно прогнѣвался за это на Исидора и возвелъ на него несправедливое обвиненіе въ противоестественномъ грѣхѣ. Въ подкрѣпленіе своего обвиненія Ѳеофилъ подыскалъ лжесвидѣтелей. Но невинный Исидоръ былъ оправданъ. Впрочемъ, по необузданной злобѣ своей Ѳеофилъ все-таки лишилъ его пресвитерскаго сана и съ побоями и безчестіемъ изгналъ изъ клира. Пострадавъ невинно, Исидоръ покинулъ Александрію и удалился пустынножительствовать въ Нитрійскую гору[1]), въ которой онъ жилъ ранѣе, будучи еще молодымъ; заключившись здѣсь въ одной хижинѣ, онъ молился Богу, терпѣливо перенося свое безчестіе.

Въ то время въ египетскихъ монастыряхъ жили четыре брата, люди добродѣтельные и боявшіеся Бога, которые всю свою жизнь проводили въ постѣ и иноческихъ трудахъ. Имена ихъ были слѣдующія: Діоскоръ, Аммоній, Евсевій и Евѳимій, а прозывались они Долгими, такъ какъ всѣ они отличались большимъ ростомъ. Эти братья, за свою добродѣтельную жизнь, были почитаемы не только жителями Александріи, но и самимъ Ѳеофиломъ. Одного изъ нихъ, именно Діоскора, онъ, противъ его желанія, назначилъ епископомъ Гермопольскимъ[2]), а двухъ братьевъ его, Аммонія и Евѳимія, упросилъ поселиться съ нимъ въ патріархіи и принудилъ ихъ принять священническій санъ. Пребывая въ патріархіи при Ѳеофилѣ, они увидѣли, что послѣдній живетъ не по Заповѣдямъ Божіимъ, болѣе любитъ золото, чѣмъ Бога, и творитъ большія несправедливости; поэтому они не пожелали оставаться съ патріархомъ, но, покинувъ его, снова возвратились къ отшельнической жизни. Уразумѣвъ причину ихъ удаленія, Ѳеофилъ весьма на нихъ обидѣлся, перемѣнилъ любовь, которую питалъ къ нимъ, на злобу, и сталъ помышлять о томъ, какъ бы отмстить имъ. Сначала онъ распустилъ слухъ, будто Долгіе вмѣстѣ съ низверженнымъ Исидоромъ придерживаются Оригеновой ереси и соблаз-

---

[1]) *Нитрія*—къ югу отъ Александріи, на западъ отъ рѣки Нила, близъ Ливійской пустыни. Названіе горы получилось отъ обилія нитры, или селитры, въ озерахъ, примыкавшихъ къ горѣ.

[2]) Этого Діоскора, епископа Гермопольскаго и мужа благочестиваго, слѣдуетъ отличать отъ Діоскора еретика, который жилъ нѣсколько позднѣе и съ 444 г. по 451 г. занималъ александрійскую каѳедру. Послѣдній былъ монофизитъ, т. е. училъ, что въ Іисусѣ Христѣ одно естество, что Божественная природа въ Немъ поглощена человѣческой.—Гермопольская епархія находилась въ сѣверо-западной части Египта, къ югу отъ Александріи; въ составъ этой епархіи входила и Нитрійская гора.

нили сею ересью многихъ черноризцевъ[1]). Затѣмъ онъ послалъ къ ближайшимъ епископамъ повелѣніе немедленно удалить старѣйшихъ черноризцевъ изъ Нитрійской пустыни, не указывая основаній для такого распоряженія. Когда епископы поступили согласно съ приказаніемъ патріарха, изгнавъ съ горъ и изъ пустынь[2]) всѣхъ благочестивыхъ и богоугодныхъ подвижниковъ, то изгнанные, собравшись вмѣстѣ и придя въ Александрію къ патріарху, умоляли его сообщить имъ, за что они осуждены и изгнаны изъ мѣстъ своего жительства. Патріархъ въ безумномъ гнѣвѣ бросился на нихъ, какъ бы бѣсноватый, и, закинувъ омофоръ[3]) на шею Аммонія, сталъ бить его, восклицая:

— Еретикъ, прокляни Оригена!

Причинивъ побои Аммонію, а также и другимъ, Θеофилъ не только не позволилъ имъ въ своемъ присутствіи что-либо говорить, но всѣхъ съ безчестіемъ прогналъ отъ себя. Они же, такъ и не дождавшись отвѣта на свой вопросъ Θеофилу, возвратились въ свои хижины, мало обращая вниманія на ярость и бѣснованіе своего патріарха.

Созвавъ ближайшихъ епископовъ, Θеофилъ предалъ анаθемѣ четырехъ невинныхъ иноковъ: Аммонія, Евсевія и Евθимія, братьевъ Діоскора, а также вышеупомянутаго блаженнаго Исидора, не разслѣдовавъ исповѣданія ихъ вѣры. Но злоба его симъ не укротилась. Онъ самъ написалъ противъ нихъ много ложныхъ обвиненій — въ ереси, волхвованіяхъ и многихъ иныхъ тяжкихъ грѣхахъ; затѣмъ, подкупивъ клеветниковъ и лжесвидѣтелей, пе-

---

1) *Оригенъ* (род. около 180 г. по Р. Хр., умеръ въ 254 г.) наставникъ александрійскаго училища, одинъ изъ величайшихъ ученыхъ своего времени. Сами языческіе философы отзывались объ Оригенѣ, что онъ превосходитъ ихъ своею мудростію. Оригенъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли до насъ въ отрывкахъ. Главнымъ образомъ онъ извѣстенъ своими толкованіями Священнаго Писанія. Извѣстно также его сочиненіе противъ Цельса, гдѣ онъ отстаиваетъ истины христіанской вѣры. Къ сожалѣнію, въ своихъ сочиненіяхъ Оригенъ иногда допускалъ произвольныя мысли, не раздѣляемыя Церковію, хотя высказывалъ ихъ не какъ положительное ученіе Церкви, а какъ свои личныя предположенія. Такъ, онъ не совсѣмъ точно училъ объ отношеніи Лицъ Святой Троицы; говорилъ, что діаволъ, если бы захотѣлъ, то могъ спастись; что души человѣческія созданы прежде творенія видимаго міра и пр. Горячіе послѣдователи Оригена, которыхъ у него было очень много и въ Александріи, и въ Палестинѣ, часто развивали эти мысли до крайности; эти послѣдователи назывались оригенитами, а ихъ мнѣнія — оригеновскою ересью.

2) За Нитрійскою горою къ западу начиналась обширная Ливійская пустыня (теперь Сахара), въ которой находились келліи иноковъ; отсюда и пустыня эта носила названіе келліотской.

3) *Омофоръ* (греческое слово) — буквально наплечникъ, раменосникъ, одно изъ облаченій епископскихъ, возлагаемое на рамена и спускаемое спереди и сзади.

редалъ имъ сіи ложныя обвиненія, приказывая, чтобы клеветники подошли къ нему, когда онъ въ праздникъ будетъ поучать народъ въ церкви, подали ему написанныя противъ вышеупомянутыхъ черноризцевъ обвиненія и выставили лжесвидѣтелей. Когда все произошло такимъ образомъ, патріархъ повелѣлъ ложныя обвиненія прочесть въ соборѣ; потомъ онъ показалъ эти обвиненія градоначальнику, взялъ у него около пятисотъ воиновъ и отправился съ ними въ Нитрійскую гору съ намѣреніемъ изгнать изъ Египетской области Исидора, братьевъ Діоскора и всѣхъ ихъ учениковъ — какъ еретиковъ и волхвовъ. При помощи войска Ѳеофилъ сначала свергъ съ епископскаго престола Діоскора, а затѣмъ, напоивъ солдатъ виномъ, напалъ ночью на Нитрійскую гору и прежде всѣхъ искалъ Исидора и братьевъ Діоскора: Аммонія, Евсевія, Евѳимія. Не найдя ихъ (ибо они укрылись въ одномъ глубокомъ рвѣ), онъ приказалъ воинамъ напасть на всѣхъ черноризцевъ, сжечь ихъ жилища и разграбить все ихъ скудное имущество, одежду и пищу. Пьяные солдаты, устремившись по всѣмъ мѣстамъ и пещерамъ, умертвили, задушивъ въ дымѣ и огнѣ, до десяти тысячъ святыхъ постниковъ (въ десятый день іюля мѣсяца, когда въ Святой Церкви и совершается память ихъ). Остальные иноки разбѣжались, скрываясь гдѣ кто могъ. Послѣ этого Ѳеофилъ удалился въ Александрію.

Оставшіеся послѣ сего погрома иноки собрались вмѣстѣ и, послѣ долгаго плача о своихъ убитыхъ отцахъ и братьяхъ, разошлись, кто куда хотѣлъ. Діоскоръ же съ своими братьями, блаженный Исидоръ и многіе другіе черноризцы, просіявшіе въ постѣ и добродѣтеляхъ и почтенные отъ Бога даромъ чудотворенія, въ глубокой печали удалились въ Палестину. При этомъ для нихъ не то было горько, что они обижены и изгнаны, но то, что они безъ вины отлучены Ѳеофиломъ отъ Церкви и причислены къ еретикамъ. Но и въ Палестинѣ Ѳеофилъ не оставилъ ихъ въ покоѣ: онъ немедленно послалъ къ палестинскимъ епископамъ со словами:

— Не слѣдуетъ вамъ безъ моего согласія принимать отлученныхъ и убѣжавшихъ отъ меня.

Тогда изгнанные, не зная куда обратиться, отправились въ Константинополь къ святому Іоанну Златоустому—какъ къ надежному пристанищу, и, припавъ къ ногамъ его, со слезами умоляли оказать имъ милость и помощь. Видя пятьдесятъ уважаемыхъ

мужей въ такомъ несчастіи, Іоаннъ пожалѣлъ о нихъ и прослезился. Затѣмъ, узнавъ, почему они претерпѣли такую напасть отъ Ѳеофила, утѣшилъ ихъ ласковыми словами и успокоилъ, предоставивъ имъ помѣщеніе при церкви святой Анастасіи. Содержаніе имъ давалъ не только святый Іоаннъ, но и святая Олимпіада діаконисса[1]), которая доставляла имъ все необходимое изъ своихъ средствъ. Сія діаконисса все свое богатство обратила на то, чтобы нищіе и странники имѣли покой и все, потребное для жизни. Она поистинѣ была святая; святы были и тѣ черноризцы; память нѣкоторыхъ изъ нихъ Церковь почтила впослѣдствіи празднованіемъ. Среди нихъ особенно выдавался нѣкто, именемъ Іераксъ, въ теченіе многихъ лѣтъ одиноко проживщій въ пустынѣ, котораго бѣсы такъ искушали:

— Старецъ! Ты проживешь еще пятьдесятъ лѣтъ: какъ ты столь долгое время будешь жить въ пустынѣ?

Онъ же, уразумѣвъ ихъ обольщеніе, сказалъ:

— Вы мнѣ печаль причиняете, предсказывая столь кратковременную жизнь; а я, вѣдь, приготовился претерпѣвать лишенія въ сей пустынѣ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ.

Услышавъ сіе, бѣсы убѣжали посрамленными. Вотъ такого-то отца, котораго не могли поколебать бѣсы, изгналъ Ѳеофилъ Александрійскій! Въ числѣ святыхъ черноризцевъ былъ еще Исаакъ пресвитеръ, свѣдущій въ Божественномъ Писаніи, ученикъ святаго Макарія[2]), непорочный отъ материнской утробы, ибо онъ былъ принесенъ въ пустыню пятилѣтнимъ и тамъ выросъ. Да и всѣ тѣ, изгнанные Ѳеофиломъ черноризцы, были святы и преподобны. Блаженный Іоаннъ высоко почиталъ ихъ и не возбранялъ имъ посѣщать церковь, хотя не допускалъ до Святаго Причастія, пока самъ онъ подробно не уяснитъ причины ихъ отлученія отъ Церкви и не примиритъ ихъ съ Ѳеофиломъ. Онъ удерживалъ ихъ, чтобы они ничего не говорили о своей обидѣ царю и не жаловались на Ѳеофила, обѣщаясь примирить его съ ними. Іоаннъ дѣйствительно писалъ Ѳеофилу о томъ, чтобы онъ дозволилъ тѣмъ черноризцамъ мирно проживать въ своихъ келліяхъ въ Египтѣ и снова принялъ ихъ въ лоно Христовой Церкви.

---

[1]) Память ея совершается 25 іюля.

[2]) *Святый Макарій Египетскій* родился около 301 г., умеръ въ 391 г., подвизался въ Скитской пустынѣ, въ 24-хъ часахъ ходьбы отъ Нитріи. Память его совершается 19-го января.

Между тѣмъ слухи о томъ, что Іоаннъ принялъ изгнанныхъ иноковъ въ общеніе съ собою, дошли до Ѳеофила. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые клеветники говорили ему, будто бы Константинопольскій епископъ допустилъ ихъ до причастія (что было невѣрно). За это Ѳеофилъ сильно прогнѣвался на Іоанна и послалъ къ нему дерзкое посланіе, обвиняя въ нарушеніи церковныхъ постановленій[1]). Однако Іоаннъ послѣ сего вторично послалъ Ѳеофилу миролюбивое писаніе, упрашивая его прекратить гнѣвъ и не запрещать инокамъ пребыванія тамъ, откуда они изгнаны. Но Ѳеофилъ грубѣе прежняго отвѣтилъ Іоанну и сталъ гнѣваться на него больше, чѣмъ на сихъ черноризцевъ. Только тогда черноризцы написали царю жалобу, гдѣ описали всѣ свои бѣдствія, которыя невинно претерпѣли отъ Ѳеофила. Свою жалобу они подали царю въ то время, когда тотъ находился въ церкви.

Сожалѣя о несчастіи столь честныхъ и добродѣтельныхъ иноковъ, царь тотчасъ же послалъ къ Александрійскому областеначальнику предписаніе отправить Ѳеофила, хотя бы и насильно, на судъ въ Константинополь, чтобы онъ предъ Патріархомъ Іоанномъ и Соборомъ епископовъ далъ отвѣтъ о причинахъ своей злобы и понесъ осужденіе за дѣла свои. Царь писалъ также къ папѣ Римскому Иннокентію[2]), прося его отправить отъ себя епископовъ въ Константинополь на Соборъ для суда надъ Ѳеофиломъ. Папа немедленно повелѣлъ своимъ епископамъ быть готовыми въ дорогу и сталъ ожидать отъ императора Аркадія увѣдомленія о томъ, собрались ли восточные епископы. Но царь вторично не писалъ, и потому западные епископы не явились въ Константинополь. Между тѣмъ Ѳеофилъ подкупилъ Александрійскаго областеначальника, и послѣдній позволилъ ему пробыть въ Александріи до тѣхъ поръ, пока онъ не соберетъ изъ Индіи всякіе благовонные ароматы и сладкія яства, которые онъ могъ бы отправить на кораблѣ въ Константинополь. Въ то же время Ѳеофилъ склонилъ на свою сторону святаго Епифанія, епископа Кипрскаго[3]), и оклеветалъ предъ

---

1) 32-е Апостольское Правило гласитъ, что отлученному какимъ-нибудь епископомъ «не подобаетъ въ общеніе пріяту быти инымъ». То же требованіе высказываетъ и 5-е Правило 1-го Вселенскаго Собора.

2) *Папа Иннокентій* управлялъ Римскою Церковію съ 402 по 417 г.

3) Островъ *Кипръ* находится въ восточной части Средиземнаго моря, къ югу отъ Малой Азіи. Епифаній занималъ Кипрскую каѳедру съ 365 по 402 г. Это былъ человѣкъ обширной начитанности, владѣлъ языками: греческимъ, еврейскимъ, сирійскимъ, египетскимъ и латинскимъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ за свою святость, а по смерти сопричисленъ къ лику святыхъ. Память его совершается 12-го мая.

нимъ святаго Іоанна, утверждая, будто онъ еретикъ, такъ какъ принялъ къ себѣ послѣдователей Оригена и съ ними причащается. Будучи человѣкомъ незлобивымъ, Епифаній не распозналъ Ѳеофилова коварства, повѣрилъ лжи и, ревнуя о благочестіи, проклялъ Оригеновы книги на Помѣстномъ Соборѣ въ Кипрѣ, а затѣмъ написалъ Іоанну посланіе, въ которомъ увѣщавалъ его поступить такъ же. Но Іоаннъ, не спѣша съ симъ дѣломъ, продолжалъ изучать Божественное Писаніе и всѣ свои заботы направлялъ къ тому, чтобы поучать народъ въ церкви и приводить къ покаянію грѣшниковъ.

Между тѣмъ Ѳеофилъ, готовясь къ путешествію въ Константинополь, упросилъ святаго Епифанія отправиться туда же:

— Мы устроимъ,—говорилъ онъ,—Соборъ противъ оригенитовъ.

Убѣжденный имъ, Епифаній поспѣшно отправился въ Константинополь, куда прибылъ ранѣе Ѳеофила. Но прежде его прибытія въ Константинополѣ произошло слѣдующее событіе.

Жилъ тамъ одинъ вельможа, по имени Ѳеогностъ, человѣкъ добрый и богобоязненный. Онъ былъ оклеветанъ предъ царемъ въ томъ, будто бы онъ хулилъ и злословилъ царя, а царицу называлъ *златоненасытною* и говорилъ, что она несправедливо захватываетъ чужія имѣнія. Царь разгнѣвался на Ѳеогноста и повелѣлъ отправить его въ Солунь въ заточеніе, а все его богатство и имѣніе отнять, кромѣ одного виноградника, находившагося за городомъ, который царь позволилъ оставить женѣ и дѣтямъ Ѳеогноста на пропитаніе. На пути въ Солунь Ѳеогностъ впалъ въ недугъ и отъ печали умеръ. Жена его въ глубокой скорби о своемъ мужѣ пришла къ святому Іоанну и со слезами разсказала ему свое горе. Святый сталъ утѣшать ее мудрыми рѣчами и совѣтовалъ возложить печаль на Бога. При этомъ онъ позволилъ ей ежедневно брать для себя и для своихъ дѣтей пищу изъ церковной странноприимницы, а самъ выбиралъ между тѣмъ удобный случай, когда бы могъ попросить царя, чтобы онъ возвратилъ вдовѣ и дѣтямъ ея отнятое у нихъ безъ причины имущество. Но царица, по злобѣ, не только воспрепятствовала этому, но и причинила величайшія бѣдствія блаженному Іоанну.

Однажды, во время собиранія винограда, Евдоксія проходила мимо виноградника Ѳеогностова, который былъ не въ дальнемъ разстояніи отъ царскихъ виноградниковъ. Привлеченная его прекраснымъ видомъ, она вошла въ него, срѣзала гроздъ своими

руками и съѣла. Между тѣмъ, было такое царское постановленіе: если царь или царица войдутъ въ чужой виноградникъ и съѣдятъ гроздъ, то послѣ сего хозяинъ того виноградника болѣе не имѣетъ на него права, и виноградникъ этотъ причисляется къ царскимъ, а владѣлецъ его или вознаграждается деньгами, или получаетъ отъ царя иной виноградникъ. Согласно этому постановленію, Евдоксія приказала Ѳеогностовъ виноградникъ приписать къ виноградникамъ царскимъ. Такъ она поступила, руководясь слѣдующими соображеніями: съ одной стороны, она желала причинить безчестіе вдовѣ и дѣтямъ ея, такъ какъ негодовала на нее за то, что она приходила къ Іоанну и разсказала ему о своемъ горѣ, а съ другой стороны, царица изыскивала обвиненіе противъ Іоанна, чтобы изгнать его изъ Церкви. Она, конечно, знала, что если Іоаннъ услышитъ о семъ, то не будетъ молчать, но станетъ на защиту обиженной вдовы, а изъ этого возникнетъ раздоръ и исполнится ея замыселъ. Это и сбылось.

Дѣйствительно, обиженная вдова прибѣгла къ блаженному Іоанну и съ рыданіемъ сообщила ему, что царица отняла у нея виноградникъ,—послѣднюю надежду на прокормленіе дѣтей. Іоаннъ немедленно отправилъ съ архидіакономъ Евтихіемъ письмо къ царицѣ, склоняя ее на милосердіе, напоминая о добродѣтельной жизни ея родителей, о добродѣтеляхъ прежнихъ царей, приводя ей на мысль страхъ Божій, устрашая ея душу напоминаніемъ о Страшномъ Судѣ Божіемъ и умоляя ее возвратить виноградникъ бѣдной вдовѣ. Царица, не повинуясь наставленію Іоанна и не слушая его моленій, написала ему суровый отвѣтъ, въ которомъ она ссылалась на древніе царскіе законы и, какъ будто обиженная имъ, гордо заявляла, что болѣе не будетъ сносить такой обиды.

«Ты, — писала Іоанну царица, — не вѣдая царскихъ постановленій, осудилъ меня въ своихъ рѣчахъ какъ совершающую беззаконіе и обидѣлъ меня, но я не потерплю болѣе твоихъ оскорбительныхъ рѣчей, не потерплю и тебя, не перестающаго наносить мнѣ оскорбленія».

Прочитавъ сіе письмо, святый Іоаннъ самъ отправился во дворецъ къ царицѣ, гдѣ снова кроткими словами сталъ увѣщавать ее, сильнѣе прежняго умоляя и настаивая, чтобы она отдала виноградникъ вдовицѣ.

Царица отвѣчала:

— Я уже писала тебѣ о томъ, что установлено прежними царями относительно виноградниковъ. Пусть вдова выберетъ вмѣсто своего другой виноградникъ или получитъ за свой деньги.

На это святый сказалъ:

— Она не требуетъ иного виноградника и не ищетъ вознагражденія за отнятый у нея, но проситъ возвращенія отнятаго. Итакъ, отдай ей ея виноградникъ!

Царица отвѣчала:

— Не сопротивляйся древнимъ царскимъ законамъ, ибо не къ добру послужитъ тебѣ такое сопротивленіе.

— Не оправдывай свои дѣйствія древними уставами и законами, которые постановили цари языческіе!—сказалъ на это святый угодникъ Божій.—Тебѣ, благочестивой царицѣ, ничто не препятствуетъ уничтожить законъ несправедливый и установить справедливый. Отдай же виноградникъ обиженной, дабы я не назвалъ тебя второй Іезавелью[1]), и ты не подверглась бы проклятію подобно этой нечестивой царицѣ Израильской.

Когда онъ произнесъ сіе, царица воспылала сильнымъ гнѣвомъ и огласила воплемъ царскія палаты, обнаруживая сокровенный ядъ своего сердца:

— Я сама отомщу тебѣ за себя и посему не только не возвращу женщинѣ ея виноградника, но и другаго не дамъ, не дамъ и денегъ за присвоенный мною, а тебя за обиду накажу достойнымъ образомъ.

И она приказала силою удалить святаго Іоанна изъ царской палаты. Изгнанный царицею съ такимъ безчестіемъ, святый Іоаннъ повелѣлъ своему архидіакону Евтихію, подъ угрозою наказанія, исполнить слѣдующее:

— Скажи церковнымъ привратникамъ, чтобы они, когда царица подойдетъ къ церкви, затворили предъ нею двери и не позволяли ей и всѣмъ, кто придетъ съ нею, войти въ церковь; пусть привратники скажутъ ей, что такъ повелѣлъ сдѣлать Іоаннъ.

Когда наступилъ праздникъ Воздвиженія Честнáго Креста и весь народъ собрался въ церковь, пришелъ туда и царь съ своими вельможами, пришла и царица со всею своею свитою. Когда при-

---

[1]) *Іезавель*—супруга Израильскаго царя Ахава, дочь царя Сидонскаго (въ Финикіи), отличалась злымъ и властолюбивымъ нравомъ, а также—приверженностію къ язычеству. Она, между прочимъ, несправедливо завладѣла виноградникомъ одного израильтянина, по имени Навуѳея, и погубила послѣдняго.

вратники увидѣли царицу, то затворили предъ нею церковныя двери, не позволяя ей, согласно повелѣнію Патріарха, войти внутрь. Тогда царскіе слуги закричали:

— Отворите госпожѣ царицѣ!

Но привратники отвѣчали:

— Патріархъ не приказалъ впускать ее!

Исполнившись стыда и злобы, царица сказала:

— Смотрите всѣ, какой позоръ причиняетъ мнѣ этотъ строптивый человѣкъ! Всѣ невозбранно входятъ въ церковь, и только мнѣ одной онъ воспрещаетъ это. Развѣ я не могу отомстить ему и низложить его съ престола?

Когда она такъ взывала, одинъ изъ пришедшихъ вмѣстѣ съ нею обнажилъ мечъ и замахнулся имъ, желая ударить въ дверь; и вотъ внезапно рука его отсохла и стала недвижимой, какъ омертвѣлая. Увидѣвъ сіе, царица и вся ея свита припли въ ужасъ и возвратились обратно; а тотъ, у котораго отсохла рука, вошелъ въ церковь и сталъ посреди толпы, вопія громкимъ голосомъ:

— Владыко святый! Помилуй мя и исцѣли изсохшую мою руку, поднявшуюся на святый храмъ; я согрѣшилъ—прости меня!

Уразумѣвъ причину изсушенія его руки, святый приказалъ ему омыть ее въ олтарной умывальницѣ, и рука тотчасъ исцѣлѣла. Видя такое чудо, весь народъ воздалъ хвалу Богу. Все сіе не сокрылось и отъ царя; но зная злой нравъ царицы, онъ не придавалъ происшедшему никакого значенія и, уважая святаго Іоанна, съ любовію слушалъ его поученія. Но царица всѣми силами добивалась изгнанія Іоанна, чего она вскорѣ и достигла.

Въ это время въ Константинополь прибылъ святый Епифаній, епископъ Кипрскій, имѣя при себѣ сочиненія, написанныя противъ Оригена. Сошедши съ корабля, онъ вошелъ въ церковь святаго Іоанна Предтечи, отстоящую отъ города на разстояніи семи стадій[1]), отслужилъ здѣсь Литургію и совершилъ посвященіе въ діакона вопреки канонамъ[2]), запрещающимъ епископу, безъ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, посвящать кого бы то ни было въ чужой паствѣ[3]). Послѣ сего онъ прибылъ въ городъ

---

[1]) *Стадія*—древняя мѣра разстоянія, греческая стадія была не менѣе 100 саженъ.

[2]) *Каноны*—правила, установленныя Церковію относительно вѣры, нравственности и церковнаго благочинія.

[3]) 35-е Правило Апостольское гласитъ: «Епископъ да не дерзаетъ внѣ предѣловъ своей епархіи творить рукоположенія въ градѣхъ и селѣхъ, ему не подчиненныхъ. Аще же обличенъ будетъ, яко сотвори сіе безъ согласія имѣющаго въ подчиненіи грады

и поселился въ одномъ частномъ домѣ. Все это стало извѣстнымъ святому Іоанну; однако онъ не разгнѣвался на Епифанія за то, что тотъ посвятилъ въ его епархіи діакона,—ибо считалъ его за святаго и незлобиваго мужа; мало того, онъ отправилъ къ Епифанію пословъ съ просьбою придти къ нему и поселиться вмѣстѣ съ нимъ въ патріаршемъ домѣ, какъ поступали всѣ епископы. Но Епифаній не соглашался на это и даже не желалъ видѣться съ Іоанномъ, а его посланнымъ отвѣчалъ:

— Если Іоаннъ не изгонитъ изъ города Діоскора и его черноризцевъ и если не подпишется подъ отверженіемъ оригеновыхъ сочиненій, то я не буду имѣть съ нимъ общенія.

Іоаннъ чрезъ пословъ отвѣчалъ Епифанію:

— Прежде соборнаго разсужденія не слѣдуетъ дѣлать ничего произвольно.

Враги же Іоанна, придя къ Епифанію, упросили его, чтобы онъ въ церкви Святыхъ Апостоловъ, въ присутствіи всего народа, проклялъ сочиненія Оригена, отлучилъ отъ церковнаго общенія всѣхъ иноковъ, изгнанныхъ изъ Египта вмѣстѣ съ Діоскоромъ, какъ послѣдователей Оригена, и изобличилъ Іоанна въ томъ, что онъ принимаетъ оригенитовъ и раздѣляетъ ихъ мнѣнія. Ревнуя о благочестіи, Епифаній на другой день, утромъ, отправился въ церковь Святыхъ Апостоловъ, чтобы проклясть сочиненія Оригена. Узнавъ о семъ намѣреніи Епифанія, святый Іоаннъ отправилъ къ нему пословъ со словами:

— Епифаній! Ты многое творишь вопреки канонамъ. Прежде всего, ты совершилъ Литургію и хиротонію въ моей паствѣ безъ моего согласія; затѣмъ—отказался съ нами поселиться, а теперь ты хочешь войти въ церковь моей епархіи и безъ соборнаго суда произнести отлученіе. Остерегайся, какъ бы тебѣ не возбудить смуту въ народѣ и самому не впасть въ бѣду.

Выслушавъ сіе, Епифаній сталъ колебаться и, удалившись изъ церкви, рѣшилъ ожидать прибытія Ѳеофила. Господь же, не попуская, чтобы между Его угодниками была какая бы то ни была вражда, открылъ Епифанію, что Іоаннъ чистъ, какъ солнце, и подвергается обвиненіямъ по человѣческой зависти. Епифаній дѣйствительно отъ многихъ людей слышалъ о великихъ добродѣтеляхъ

оные или селы: да будетъ изверженъ и онъ, и постановленные отъ него». Сравни правило 16-е Перваго Вселенскаго Собора, посланіе Третьяго Вселенскаго Собора, 13-е Правило Собора Анкирскаго, 15-е—Сардикійскаго.

Іоанна, о непорочной его вѣрѣ, о совершеннѣйшей жизни и изумлялся тому, что многіе возстаютъ противъ Іоанна и сплетаютъ на него различныя обвиненія. Поэтому Кипрскій святитель сталъ терпѣливо ждать, чѣмъ кончится начавшееся дѣло.

Услыхавъ, что Епифаній сторонится Іоанна и не имѣетъ съ нимъ общенія, царица Евдоксія предположила, что между ними существуетъ вражда. Пригласивъ къ себѣ Епифанія, она сказала ему:

— Отче Епифаній! Ты знаешь, что все Греко-Римское царство находится въ нашихъ державныхъ рукахъ. Вотъ, я передамъ тебѣ всю власть церковную, если ты меня послушаешь, исцѣлишь мою скорбь и устроишь то, что я замыслила.

Епифаній отвѣтилъ:

— Говори, чадо, и мы по силѣ нашей постараемся устроить то, что послужитъ ко спасенію души твоей.

Тогда царица, предполагая, что ей удастся обольщеніемъ склонить Епифанія къ своему замыслу, начала говорить ему объ Іоаннѣ слѣдующее:

— Сей Іоаннъ сдѣлался недостойнымъ стоять во главѣ церковнаго управленія, такъ какъ онъ возстаетъ противъ меня и царя и не воздаетъ подобающаго намъ почета. Притомъ, многіе утверждаютъ, что онъ еретикъ. По сей причинѣ было бы желательно созвать Соборъ и лишить Іоанна сана, а вмѣсто него поставить другаго, который могъ бы хорошо управлять Церковію.

Говоря такъ, царица, отъ сильнаго гнѣва на угодника Божія, вся трепетала. Потомъ она начала говорить снова:

— Впрочемъ, нѣтъ нужды утруждать многихъ отцовъ, созывая ихъ сюда на Соборъ; лучше, святый отче, ты самъ удали его изъ Церкви и поставь вмѣсто него другаго, котораго Богъ тебѣ укажетъ, а я устрою съ своей стороны такъ, чтобы всѣ послушали тебя.

— Чадо,—отвѣчалъ Епифаній,—выслушай безъ гнѣва отца твоего; если Іоаннъ еретикъ, какъ вы утверждаете, и если не раскается въ своей ереси, то онъ недостоинъ патріаршаго сана, и мы поступимъ съ нимъ такъ, какъ ты приказываешь. Если же ты желаешь его изгнать за то, что онъ будто бы похулилъ тебя, то на сіе Епифаній не дастъ своего соизволенія, потому что царямъ слѣдуетъ быть не злопамятными, но добрыми, кроткими и

прощающими хулы противъ нихъ. Вѣдь и вы имѣете надъ собою Царя на Небесахъ и ищете отъ Него прощенія вашихъ согрѣшеній—такъ же поступайте и съ другими: бꙋ́дите милосе́рди, ꙗ҆́коже и҆ ѻ҆ц҃ъ ва́шъ нб҃ный милосе́рдъ є҆́сть[1]),—сказалъ Спаситель.

— Отче,—отвѣчала царица Епифанію,—если ты не изгонишь Іоанна, то я открою идольскіе храмы и устрою то, что многіе, отступивъ отъ Бога, станутъ поклоняться идоламъ, и будетъ послѣднее горше перваго.

Сіе она говорила съ озлобленіемъ и проливала слезы. Удивившись безумному гнѣву царицы, Епифаній сказалъ:

— Я чистъ отъ такого осужденія праведника.

Сказавъ сіе, онъ удалился изъ дворца.

По всему городу разнесся слухъ о томъ, что царица возбудила великаго Епифанія противъ Іоанна и что Епифаній, посѣщая царскія палаты, совѣщается съ царицей относительно низверженія Патріарха. Слухъ сей дошелъ и до Іоанна, и онъ, будучи человѣкомъ пылкимъ, произнесъ въ церкви предъ всѣмъ народомъ поученіе, въ которомъ припомнилъ изъ Священнаго Писанія примѣры жестокости различныхъ женщинъ. Многіе изъ народа, выслушавъ слова Іоанна о женахъ, подумали, что онъ приточно говоритъ (относительно, применительно к. — *Ред.*) о царицѣ. Враги Іоанна записали сіи слова на хартіи и передали ихъ царицѣ. Послѣдняя, прочитавъ, рѣшила, что сіе онъ говорилъ о ней одной, и со слезами жаловалась царю на то, что Іоаннъ хулитъ ее въ церкви. Съ рыданіемъ она говорила царю:

— Знай, что моя обида есть въ то же время и твоя, и когда Іоаннъ меня хулитъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ безчеститъ и тебя.

И, говоря такъ, царица умоляла царя, чтобы онъ повелѣлъ созвать Соборъ и осудить Іоанна на изгнаніе. Вмѣстѣ съ симъ она написала къ Ѳеофилу Александрійскому, чтобы онъ прибылъ въ Константинополь.

«Я, — писала она, — умолю за тебя царя и загражу уста всѣмъ противникамъ твоимъ; только немедленно прибудь къ намъ и собери многихъ епископовъ, чтобы изгнать врага моего Іоанна.»

Обнадеженный письмомъ царицы, Ѳеофилъ тотчасъ же, по полученіи его, отправился въ Константинополь съ кораблями, нагруженными индийскими ароматами, овощами, многоцѣнными египет-

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 6, ст. 36.

скими шелковыми и златотканными тканями; онъ надѣялся посредствомъ такихъ сокровищъ склонить многихъ къ содѣйствію ему въ зломъ умыслѣ противъ Іоанна.

Въ то время блаженный Іоаннъ написалъ къ святому Епифанію такъ:

— Братъ Епифаній! Я слышалъ, что ты совѣтовалъ изгнать меня; такъ знай же, что ты не увидишь болѣе своего престола.

Епифаній письменно отвѣчалъ ему:

— Страстотерпецъ Іоаннъ! Мужайся въ своихъ страданіяхъ и знай, что ты не достигнешь того мѣста, куда тебя изгонятъ.

Пророчество обоихъ исполнилось. Епифаній, пробывъ еще немного въ Константинополѣ, увидѣлъ, что на святаго Іоанна возстаютъ несправедливо; не желая быть сообщникомъ разбойническаго суда надъ праведникомъ, онъ тайно сѣлъ вмѣстѣ съ своею свитою на корабль и отправился домой. Дорогою Епифаній, по пророчеству Іоанна, преставился ко Господу, не достигнувъ до своего города. Точно такъ же и Іоаннъ, во время своего вторичнаго изгнанія, не дойдя до мѣста, въ которое онъ былъ сосланъ, согласно пророчеству Епифанія почилъ о Господѣ. Но объ этомъ скажемъ впослѣдствіи; теперь же мы возвратимся къ прерванному изложенію событій.

Надѣясь на помощь царицы и не боясь ничего, Александрійскій Патріархъ Ѳеофилъ немедленно прибылъ въ Константинополь, имѣя въ своей свитѣ многихъ епископовъ, которыхъ онъ искусно склонилъ къ единомыслію съ собою. Царь не желалъ принимать Ѳеофила до тѣхъ поръ, пока отъ папы Иннокентія не прибудутъ римскіе епископы. Онъ не зналъ, что римляне ждали отъ него второго письма съ приглашеніемъ пріѣхать на Соборъ. Между тѣмъ царица, призвавъ къ себѣ тайно отъ царя Ѳеофила и всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ епископовъ, сообщила имъ свое намѣреніе относительно Іоанна и просила ихъ, чтобы они постарались низложить святаго съ престола. Тѣ обѣщали свое содѣйствіе, за что царица одарила ихъ подарками. Послѣ сего она призвала къ себѣ всѣхъ иноковъ, пресвитеровъ и епископовъ, пришедшихъ изъ Египта, которые жаловались на Ѳеофила. Ихъ было шесть епископовъ и двадцать пресвитеровъ и діаконовъ, отступившихъ отъ Ѳеофила и искавшихъ суда на него. Собравъ ихъ всѣхъ, царица стала просить ихъ не представлять на судъ обвиненій противъ Ѳеофила и простить ему свою обиду. Одни послушали царицу и, воз-

ложивши на Господа печаль свою, умолкли; другіе, среди которыхъ были Исидоръ и Ираксъ (Діоскоръ незадолго до сего преставился), удалились въ свои пустыни, а нѣкоторые совершенно отказались принять сдѣланное имъ царицею предложеніе. Согласившихся молчать царица обогатила подарками, а тѣхъ, которые сопротивлялись, отправила въ Солунь въ заточеніе. Такимъ образомъ Ѳеофилъ, освободившись отъ всѣхъ своихъ противниковъ, могъ съ успѣхомъ начать дѣло противъ Іоанна.

Въ то время святый Іоаннъ, проповѣдуя по своему обычаю въ церкви Слово Божіе, нѣкую часть Священнаго Писанія изъ третьей книги Царствъ излагалъ такъ:

—«Собери́те ко мнѣ̀ прⷪ҇ро́ки стꙋ́дныѧ, ꙗ҆дꙋ́щыѧ трапе́зꙋ і҆езаве́линꙋ, дабы я сказалъ имъ, какъ сказалъ Илія: доко́лѣ вы̀ хра́млете на ѻ҆́бѣ плеснѣ̀ ва́шы; а҆́ще є҆́сть гдⷭ҇ь бг҃ъ, и҆ди́те въ слѣ́дъ є҆гѡ̀, а҆́ще ли трапе́за і҆езаве́лина є҆́сть бг҃ъ, ꙗ҆́дше и҆зблюетѐ»[1]).

Выслушавъ сіе, враги Іоанна сообщили объ этомъ Ѳеофилу и находившимся съ нимъ епископамъ. Послѣдніе, записавъ тѣ рѣчи, перетолковывая ихъ въ дурную сторону и прибавляя свои, говорили, что Іоаннъ явно предъ всѣми называетъ царицу Іезавелью, а ихъ—лживыми пророками. Записанное передали они царю и царицѣ. Тогда царица, рыдая, снова стала просить у царя суда надъ Іоанномъ. Сожалѣя царицу, царь весь свой гнѣвъ, который имѣлъ противъ Ѳеофила, обратилъ на Іоанна и приказалъ Ѳеофилу созвать противъ него Соборъ. Ѳеофилъ со всѣми своими единомышленниками былъ радъ гнѣву царя противъ Іоанна. Найдя двухъ діаконовъ, которыхъ Іоаннъ отлучилъ отъ Церкви, ибо одинъ изъ нихъ совершилъ убійство, а другой прелюбодѣяніе,—Ѳеофилъ обѣщалъ посвятить ихъ въ епископы съ тѣмъ условіемъ, чтобы они лжесвидѣтельствовали на Іоанна. Они же, враждуя на святаго и желая епископства, немедленно обѣщались исполнить Ѳеофилову волю. Ѳеофилъ написалъ много ложныхъ обвиненій противъ Іоанна и передалъ тѣмъ діаконамъ, чтобы они подали ихъ отъ себя Собору.

---

[1]) Слова эти представляютъ измѣненный текстъ изъ 3 кн. Царствъ, гл. 18, ст. 19—21 и принадлежатъ Пророку Иліи. По его просьбѣ Ахавъ, царь Израильскій, созвалъ на гору Кармилъ израильтянъ, а также и жрецовъ Ваала для принесенія жертвъ Господу и Ваалу. Цѣлью этого собранія было доказать истинность Бога Израилева и ложность Ваала. Когда народъ собрался, Илія сказалъ: до какихъ поръ вы будете хромать на обѣ ноги ваши (плѣснѣ—ступни ногъ, колѣна)? Т. е. доколѣ будете вы служить Богу и Ваалу? Если Господь есть Богъ, то почитайте Его, а не Ваала, а если Ваалъ, то его почитайте; затѣмъ Илія предложилъ испытаніе посредствомъ жертвоприношеній, при чемъ жрецы Ваала были посрамлены.

Мѣсто для Собора назначено было въ Халкидонскомъ пригородѣ, гдѣ находился царскій дворецъ и большая церковь святыхъ Апостоловъ Петра и Павла[1]). Епископы, собравшись тамъ, засѣдали вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ. Блаженный же Іоаннъ, съ находившимися при немъ епископами, которыхъ было числомъ сорокъ человѣкъ, засѣдалъ въ своемъ патріаршемъ домѣ. Съ горестью увидѣлъ святый, что злоба его враговъ увѣнчалась успѣхомъ, и простодушно удивлялся, какъ это случилось и какъ Ѳеофилъ, самъ вызванный для суда надъ нимъ, такъ быстро склонилъ на свою сторону царя и всѣхъ сановниковъ и изъ подсудимаго обратился въ судію. И сказалъ святый Іоаннъ епископамъ:

— Братіе! Молите Бога о мнѣ и, если любите Христа, то не оставляйте церквей вашихъ; для меня уже приблизилось время бѣдствій, и, послѣ многихъ скорбей, я скоро отойду ко Господу. Вижу, что сатана, не вынося моего ученія, созвалъ противъ меня нечестивый Соборъ. Но вы не скорбите о мнѣ и поминайте меня въ своихъ молитвахъ.

Выслушавъ сіе, всѣ ужаснулись и зарыдали. Святый повелѣлъ имъ умолкнуть и утѣшалъ ихъ. Въ то время, какъ онъ бесѣдовалъ съ своимъ Соборомъ, пришли посланные отъ Ѳеофилова Собора, призывая Іоанна на судъ, чтобы онъ далъ отвѣтъ противъ возводимыхъ на него обвиненій. Находившіеся съ Іоанномъ епископы чрезъ тѣхъ пословъ сказали Ѳеофилу:

— Не вызывай святителя, какъ Каинъ Авеля на поле, но явись къ намъ, чтобы оправдаться предъ нами. Мы имѣемъ письменныя свидѣтельства о беззаконіяхъ, которыя ты сдѣлалъ. Итакъ, приди сюда, такъ какъ насъ, собранныхъ благодатію Божіею не для разоренія Церкви, но для мира, гораздо больше, чѣмъ на вашемъ Соборѣ.

Святый Іоаннъ съ своей стороны сказалъ посламъ:

— Не могу идти къ явнымъ врагамъ моимъ.

И не пошелъ.

Призываемый на беззаконный судъ во второй и въ третій разъ, святый угодникъ сказалъ посланнымъ:

— Къ кому я пойду? Къ врагамъ моимъ или къ судьямъ? Я готовъ стать предъ судомъ всего міра, но при условіи, чтобы вмѣстѣ со мною судились и соперники мои, судьями же были

---

[1]) *Халкидонъ* находился противъ Константинополя, на Азіатскомъ берегу Босфора.

иные. А теперь судьями моими являются мои враги, которые хотятъ не судиться со мною, но судить меня. На такой судъ я не пойду. Но пусть соберутся изъ всѣхъ церквей епископы,— тогда и я предстану предъ судомъ.

Сказавъ это, онъ послалъ вмѣсто себя трехъ епископовъ съ двумя пресвитерами, чтобы они говорили за него. Соборъ Ѳеофила, увидавъ Іоанновыхъ пословъ и не давая сказать имъ ни одного слова, подвергъ ихъ поруганіямъ, а на одного изъ нихъ возложилъ тѣ желѣзныя вериги, которыя были приготовлены для Іоанна. Затѣмъ участники этого Собора стали читать ложныя обвиненія, составленныя въ обличеніе невиннаго и чистаго сердцемъ Іоанна, и, выставивъ лжесвидѣтелей, совершили надъ нимъ судъ.

Святый Іоаннъ въ то время находился въ патріаршей церкви со своими епископами и обратился къ нимъ съ такими словами:

— Велики волны, свирѣпо волненіе, но мы не боимся потопленія, ибо стоимъ на скалѣ. Пусть пѣнится и ярится море, но оно не можетъ сокрушить скалы. Пусть вздымаются волны, но Іисусова корабля они не смогутъ потопить. Скажите мнѣ: чего намъ бояться? Смерти ли? Но мнѣ є҆́же жи́ти хр҃то́съ и҆ є҆́же оу҆мре́ти прїѡбрѣ́тенїе[1]). Изгнанія ли бояться, скажите мнѣ? Но гдⷭ҇нѧ землѧ̀ и҆ и҆сполне́нїе є҆ѧ̀[2]). Лишенія ли имѣній трепетать? Но мы ничего не принесли въ сей міръ; очевидно, что ничего не можемъ и вынести. Словомъ, что есть въ семъ мірѣ страшнаго, сего я не страшусь и всѣмъ, что имѣю, пренебрегаю. Я не боюсь бѣдности, не желаю богатства, не трепещу смерти, но молю, чтобы вы преуспѣвали въ добрѣ.

Между тѣмъ Ѳеофилъ съ Соборомъ своихъ епископовъ осудилъ святаго Іоанна какъ достойнаго низверженія изъ сана и лишилъ его каѳедры, не видя лица его, не слыша его голоса. Такимъ образомъ, въ теченіе одного дня они довели до конца злое дѣло, которое издавна подготовляли, послѣ чего отправили царю слѣдующее письмо:

«Такъ какъ Іоаннъ обвиненъ во многихъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ и самъ призналъ себя виновнымъ, потому что не пожелалъ явиться на судъ, то по сей причинѣ онъ низверженъ; и болѣе ничего не требуется, кромѣ того только, чтобы ты приказалъ изгнать его съ престола».

---

1) Послан. къ Филип., гл. 1, ст. 21.

2) Псал. 23, ст. 1.

Царь Аркадій не сталъ читать написанныхъ противъ Іоанна обвиненій и не пожелалъ выслушать отвѣта святаго угодника. Онъ безъ колебанія повѣрилъ рѣчамъ неправеднаго Собора и велѣлъ немедленно изгнать Іоанна изъ церкви; для этого, какъ на войну, онъ отправилъ къ нему одного вельможу съ войскомъ.

Услышавъ о семъ, народъ воспламенился гнѣвомъ, и безчисленное множество людей, собравшись, не отступало отъ церкви въ теченіе трехъ дней, не позволяя изгнать Іоанна. При этомъ всѣ громко роптали на царя съ царицею и на Ѳеофила за то, что они несправедливо осудили угодника Божія. Тогда Іоаннъ, боясь, какъ бы противъ него не было измышлено другое обвиненіе — будто онъ не повинуется царю,—скрылся отъ народа, а при наступленіи вечера, оставивъ церковь, тайно вышелъ и отдался въ руки воиновъ, посланныхъ схватить его. Воины повели его къ морскому заливу и отплыли съ нимъ въ Пренетъ, находившійся противъ Никомидіи.

Народъ, узнавъ объ этомъ, поднялъ большое волненіе, во время котораго много жителей было убито и еще болѣе ранено. Среди недовольныхъ были и такіе, которые намѣревались побить Ѳеофила камнями. Узнавъ о семъ, Ѳеофилъ тайно бѣжалъ изъ города и тотчасъ отплылъ въ Александрію. Такъ же разбѣжались и прочіе его единомышленники. Повсюду слышны были крики народа, который и въ церквахъ, и на площадяхъ громко роптал на несправедливый судъ, низвергнувшій столь великаго свѣтильника міра. Обступивъ дворецъ, народъ съ ужаснымъ воплемъ и рыданіемъ умолялъ возвратить Іоанна на патріаршій престолъ. Въ это время, въ одну ночь, случилось сильное землетрясеніе, и всѣ находились въ большомъ страхѣ; въ особенности ужасъ охватилъ царицу, потому что ея дворецъ сотрясался сильнѣе другихъ зданій и часть его даже распалась. Видя это, весь народъ сталъ вопить громкимъ голосомъ:

— Если не будетъ возвращенъ Іоаннъ, то распадется весь городъ.

Царь убоялся Божьяго наказанія и народнаго мятежа и поспѣшно отправилъ евнуха царицы Вриссона за Іоанномъ. Теперь уже и царица упрашивала царя, чтобы онъ повелѣлъ возвратить Іоанна, потому что сильно испугалась землетрясенія и народнаго мятежа. И вотъ потянулись одинъ за другимъ посланные упросить святаго, чтобы онъ вернулся въ городъ, такъ что Ѳракійское

море[1]) было переполнено лодками съ послами. Уступая настоятельнымъ просьбамъ, святый Іоаннъ согласился возвратиться въ Константинополь. Узнавъ о семъ, всѣ граждане съ зажженными свѣчами выѣхали навстрѣчу ему, и море покрылось кораблями, встрѣчающими святаго. Іоаннъ, пришедши къ городу, не хотѣлъ входить внутрь его, пока на большомъ Соборѣ не будетъ произведено разслѣдованіе, почему онъ изгнанъ. Но народъ настоятельно требовалъ, чтобы пастырь его не оставался внѣ своего престола, и съ раздраженіемъ ропталъ на царя. Уступая настояніямъ народа, Іоаннъ принужденъ былъ войти въ городъ; съ почетомъ, при пѣніи Псалмовъ и священныхъ пѣснопѣній введенъ былъ онъ въ церковь. Послѣ молитвы къ Богу святый угодникъ Божій возсѣлъ на своемъ престолѣ и, преподавъ людямъ миръ, сказалъ поученіе. Слушая его краснорѣчивое и поучительное слово, всѣ радовались его возвращенію; и полчище враговъ Іоанна разсыпалось, и всѣ противники его разбѣжались и умолкли.

Возвращенный на свой престолъ, святый Іоаннъ управлялъ Христовою Церковью въ глубокой тишинѣ, питая словесныхъ овецъ своихъ сладкимъ ученіемъ; имѣя такого пастыря и учителя, вся Церковь нѣкоторое время красовалась и утѣшалась. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ снова поднялась утихшая было буря противъ блаженнаго. Это произошло такимъ образомъ.

Недалеко отъ церкви святой Софіи[2]), по повелѣнію Евдоксіи, была поставлена высокая колонна, увѣнчанная изображеніемъ царицы. По поводу торжества открытія колонны происходили вокругъ нея всевозможныя игры и ликованія, которыя продолжались нѣсколько дней. Клики и возгласы ликующихъ доносились въ храмъ святой Софіи и перемѣшивались съ пѣніемъ Божественныхъ пѣсней. Святый Іоаннъ увидѣлъ въ этомъ явное кощунство и оскорбленіе святыни и потому старался чрезъ начальника города прекратить безчинныя ликованія, происходившія вокругъ колонны. Но градоначальникъ не оказалъ ему никакого содѣйствія. Тогда, ревнуя объ оскорбленіи святыни, Іоаннъ произнесъ въ церкви рѣзкое обличительное слово, которое начиналось словами:

— Опять Иродіада[3]) бѣснуется, опять мятется, опять скачетъ и пляшетъ, опять главы Іоанновой ищетъ!

---

[1]) *Ѳракійское* море—теперь Мраморное.

[2]) Главный соборный храмъ Константинополя.

[3]) *Иродіада*—жена Ирода младшаго. Она погубила Іоанна Крестителя.

Доносчики и враги Іоанна поспѣшили съ злорадствомъ донести объ этомъ царицѣ, истолковавъ слова его въ томъ смыслѣ, будто въ нихъ она сравнивалась съ Иродіадой. Евдоксія пришла въ сильную ярость; съ плачемъ умоляла она царя, чтобы онъ снова повелѣлъ созвать Соборъ на Іоанна. И вотъ снова ко всѣмъ епископамъ были разосланы царскія грамоты съ приглашеніемъ собраться въ Константинополь и произвести судъ надъ Іоанномъ. Собрались всѣ тѣ, кто и раньше былъ на беззаконномъ судѣ противъ святаго угодника Божія. Не было только Ѳеофила, ибо онъ, помня, какъ въ прошлый разъ едва избѣжалъ ярости народа, самъ уже боялся ѣхать въ Константинополь, но вмѣсто себя послалъ туда трехъ епископовъ. Вмѣстѣ съ ними онъ также отправилъ и тѣ опредѣленія, которыя аріане составили противъ Аѳанасія Великаго[1]), дабы на основаніи сихъ опредѣленій осудить Іоанна за то, что онъ, будучи низверженъ, снова вступилъ самовольно на престолъ. На основаніи тѣхъ неправедныхъ еретическихъ каноновъ блаженный и былъ осужденъ[2]), потому что другихъ обвиненій противъ него не находили. Только и указывали на то, что Златоустъ, будучи низверженъ, дерзнулъ занять святительскій престолъ до новаго Собора. Святый Іоаннъ на это замѣтилъ:

— Я не былъ на судѣ, не препирался съ моими соперниками и даже не видѣлъ написанныхъ противъ меня обвиненій, не принималъ и опредѣленій суда, но меня цари изгнали и они же опять меня возвратили. Сіе же постановленіе, на основаніи котораго вы производите судъ надо мною, составлено не православными, но аріанами съ тою цѣлію, чтобы низложить Аѳанасія Великаго.

Но на этотъ отвѣтъ святаго нечестивое собраніе не обратило вниманія и низвергло угодника Божія. Низложеніе святаго Іоанна совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда наступилъ великій праздникъ святыя Пасхи, царь, по наученію епископовъ, послалъ сказать Іоанну:

1) Разумѣется 22-е Правило Антіохійскаго Собора отъ 341 г., составленнаго аріанами противъ Аѳанасія Великаго. Правило гласитъ, что если какой епископъ, будучи осужденъ Соборомъ и низложенъ, снова займетъ каѳедру, по распоряженію свѣтской власти, то окончательно лишается права на возстановленіе въ санѣ.

2) Осужденіе было незаконно не только потому, что канонъ, составленный еретиками, былъ необязателенъ для Златоуста, но и потому, что, по возвращеніи Іоанна изъ ссылки, съ него было снято осужденіе Халкидонскаго Собора большимъ Соборомъ, состоявшимъ изъ 65 епископовъ.

— Удались изъ Церкви, такъ какъ ты осужденъ на двухъ Соборахъ, и мнѣ нельзя войти въ нее, доколѣ ты въ ней находишься.

Въ отвѣтъ на это святый Іоаннъ чрезъ посланныхъ отвѣчалъ царю:

— Я получилъ Церковь отъ Христа Спасителя моего и не могу оставить ее добровольно, если только не буду изгнанъ силою. Городъ—твой, и тебя всѣ послушаютъ. Посему если ты желаешь разлучить меня съ Церковію Христовой, то пошли своихъ слугъ, чтобы они извлекли меня изъ Церкви; тогда я не буду имѣть отвѣта предъ Богомъ, такъ какъ я не по своей волѣ отойду отъ Церкви, но буду изгнанъ царскою властью.

Выслушавъ сіе, царь сначала колебался, какъ поступить ему, но потомъ, по наученію противниковъ Іоанна, отправилъ къ нему сановника Марина, который завѣдывалъ имѣніями царицы, чтобы тотъ силою извлекъ изъ храма славнаго учителя Церкви, святаго Іоанна. Впрочемъ, святителю было разрѣшено до времени оставаться въ патріаршемъ домѣ, и онъ, не выходя изъ своей келліи, пробылъ здѣсь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока не состоялось царское опредѣленіе о ссылкѣ его въ заточеніе.

Въ это время много скорбей и бѣдствій суждено было испытать святому угоднику Божію. Злоба враговъ его простиралась до того, что они неоднократно покушались даже на жизнь его: они подкупили одного человѣка убить святаго Іоанна. Чтобы скрыть свой злой умыселъ, подкупленный притворился бѣсноватымъ и со спрятаннымъ мечомъ сталъ бродить вокругъ патріаршаго дома, ожидая удобнаго времени для убійства святаго. Но вѣрный Іоанну народъ, заподозривъ мнимо-бѣсноватаго въ зломъ умыслѣ, схватилъ его и нашелъ у него мечъ. Злоумышленника повели къ градоначальнику на допросъ, но Іоаннъ, узнавъ о случившемся, послалъ бывшихъ съ нимъ епископовъ и постарался изъять его изъ рукъ властей. Въ другой разъ одинъ рабъ пресвитера Елпидія былъ замѣченъ народомъ, когда онъ, въ волненіи, торопливой походкой пробирался къ патріаршему дому. Кто-то изъ охранявшихъ Іоанна схватилъ его и спросилъ, куда онъ такъ торопится, а тотъ, ничего не отвѣчая, ударилъ вопрошавшаго мечомъ. При видѣ этого, другой вскрикнулъ. Елпидій и его ударилъ мечомъ, а потомъ и третьяго, подвернувшагося подъ руку. Поднялись крики и вопли,—рабъ же

бросился бѣжать, размахивая окровавленнымъ мечомъ и отбиваясь отъ гнавшагося за нимъ народа. На пути онъ встрѣтилъ одного человѣка, только что вышедшаго изъ общественной бани; тотъ хотѣлъ схватить его, но не успѣлъ сдѣлать этого, какъ упалъ, замертво пораженный мечомъ. Когда, наконецъ, этотъ разъяренный разбойникъ былъ схваченъ, то сознался, что онъ подкупленъ за пятьдесятъ златницъ убить Іоанна. Съ того времени народъ сталъ еще тщательнѣе оберегать домъ любимаго архипастыря, устроивъ смѣну и ни на минуту не оставляя его безъ охраны: ибо онъ видѣлъ, что враги Іоанна ищутъ случая убить святаго.

Съ наступленіемъ Пятидесятницы пришло царское повелѣніе, чтобы Іоаннъ отправился въ изгнаніе. Одинъ сановникъ подалъ при этомъ совѣтъ Іоанну удалиться тайно отъ народа, дабы народъ не возмутился и не возсталъ противъ воиновъ, которые должны вести его въ изгнаніе.

— Въ противномъ случаѣ,—говорилъ онъ,—ты будешь виновникъ кровопролитія, ибо тебя приказано взять насильственно; народъ же будетъ сопротивляться и возбудитъ смуту.

Выслушавъ сіе, Іоаннъ призвалъ нѣкоторыхъ своихъ любимыхъ епископовъ и клириковъ, а также блаженную діакониссу Олимпіаду, и простился съ ними. При разставаніи всѣ горько плакали. Плакалъ и самъ святый Іоаннъ. Разставшись съ своими приближенными, Іоаннъ незамѣтно вышелъ малыми дверями по направленію къ морю, такъ что народъ ничего не зналъ объ его уходѣ. У моря ждали святаго воины, которые, взявши его, тотчасъ же посадили въ малую ладью; на ней святый былъ перевезенъ въ Виѳинію и оттуда былъ увезенъ въ дальнѣйшій путь.

Послѣ изгнанія святаго Іоанна въ соборной церкви Константинополя случился пожаръ, который былъ явнымъ выраженіемъ гнѣва Божія. При сильномъ вѣтрѣ пламень выбился изъ церкви и, высоко вздымаясь въ воздухѣ, наподобіе моста, склонился надъ палатой, въ которой устроялись собранія противъ Іоанна, и совершенно сжегъ ее. И можно было видѣть чудесное явленіе. Огонь, какъ одушевленный, извиваясь кругомъ наподобіе змія, пожиралъ отдаленные дома, а тѣ, которые находились подлѣ церкви, остались цѣлы. Изъ этого всѣ увидѣли, что не случайно, но по Божественному гнѣву произошелъ такой пожаръ и что причиной этого гнѣва было изгнаніе святаго Іоанна Златоустаго.

Въ теченіе трехъ часовъ, отъ шестого часа дня до девятаго, было обращено въ пепелъ много прекрасныхъ древнихъ зданій, всевозможныя украшенія, находившіяся въ городѣ, и неисчислимыя богатства. При всемъ томъ въ народѣ не погибъ отъ огня ни одинъ человѣкъ. Видя сіе, всѣ говорили, что Богъ наказываетъ огнемъ городъ за несправедливое изгнаніе угодника Божія. Враги же Іоанна утверждали противное, говоря:

— Іоанновы единомышленники подожгли церковь.

Вслѣдствіе сего многіе были схвачены и подвергнуты градоначальникомъ, эллиномъ по вѣрѣ[1]), всевозможнымъ пыткамъ и мукамъ, причемъ нѣкоторые умерли. Но несмотря на это не могли найти виновника пожара и еще больше увѣрились, что пожаръ случился вслѣдствіе гнѣва Божія.

Когда святаго везли въ заточеніе, то по дорогѣ онъ претерпѣлъ отъ воиновъ множество мученій. Воинамъ было приказано царицей всячески оскорблять и притѣснять святаго во время пути, чтобы скорѣе изнурить его и довести до смерти. Поэтому они сажали его на неосѣдланнаго осла и быстро гнали животное, въ одинъ день переходя путь, который слѣдовало бы переходить въ два или три дня. Во время пути Іоанну не давали покоя и отдыха, ночевали въ простыхъ и грязныхъ гостинницахъ, иногда въ домахъ жидовскихъ, и совершали въ его присутствіи многочисленныя скверны. Ему нигдѣ не позволяли войти въ церковь; и когда святый просилъ объ этомъ, его подвергали всякимъ ругательствамъ и оскорбленіямъ; кромѣ того, святаго томили голодомъ и отнимали у него положенныя ему на дорогу деньги для пропитанія.

Съ таковымъ озлобленіемъ былъ веденъ въ заточеніе святый Іоаннъ Златоустый! Когда же святому доводилось проходить мимо городовъ, въ которыхъ были епископами его враги и друзья Ѳеофила, то послѣдніе причиняли ему всевозможныя обиды; при этомъ нѣкоторые не дозволяли ему войти въ городъ, а иные даже поощряли воиновъ поступать съ ним какъ можно хуже. Изрѣдка святые отцы-пустынножители, услыхавъ о томъ, что св. Іоаннъ отправляется въ заточеніе, выходили къ нему навстрѣчу и съ плачемъ провожали его. Объ этомъ самъ Іоаннъ Златоустый въ

[1]) Т. е. язычникомъ.

своемъ посланіи изъ Кукузъ[1]) къ епископу Киріаку вспоминаетъ въ такихъ словахъ:

«Много горя испытали мы въ дорогѣ, но не сокрушаемся ни о чемъ. Когда мы проходили по Каппадокіи и Таврокиликіи[2]), то цѣлые сонмы отцевъ, святыхъ мужей и многочисленныя толпы монаховъ и дѣвственницъ выходили намъ навстрѣчу и проливали обильныя слезы. Смотря на наше шествіе въ ссылку, они рыдали и говорили другъ другу: лучше было бы солнцу скрыть лучи свои, чѣмъ умолкнуть устамъ Іоанна. Это привело меня въ большое смущеніе и печаль, такъ какъ я видѣлъ, что всѣ обо мнѣ плакали. О всемъ же другомъ, что случилось со мною, я не заботился».

Такъ писалъ о себѣ самъ святый Іоаннъ.

Когда онъ былъ привезенъ въ Малую Арменію, въ городъ Кукузъ, его любезно принялъ въ свой домъ тамошній епископъ Аделфій, которому предъ прибытіемъ Іоанна было отъ Бога видѣніе съ повелѣніемъ принять святаго. Пребывая въ Кукузѣ, святый Іоаннъ своимъ ученіемъ обратилъ ко Христу многихъ невѣрующихъ. Слава о святомъ Іоаннѣ Златоустомъ далеко распространилась по окрестностямъ, и къ нему стекалось отовсюду немало людей, желавшихъ видѣть его и послушать его учительныхъ словесъ. Приходили къ святому также многіе изъ его антіохійскихъ почитателей и знакомыхъ. Молва о всемъ этомъ дошла до Константинополя, и враги Іоанна взволновались. Онъ казался имъ опаснымъ даже и въ заточеніи своемъ, а потому они рѣшились удалить его еще далѣе. И вотъ, въ Кукузъ пришло отъ царицы повелѣніе отправить Іоанна въ пустынное мѣсто, называемое Пиѳіунтъ, находившееся на берегу Понтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ грубыми варварами[3]). Вслѣдствіе новаго распоряженія царицы воины повели Іоанна на другое мѣсто ссылки и во время пути учиняли надъ нимъ такія же издѣвательства, какія учиняли и раньше, стараясь скорѣе довести его до смерти: они везли его по дождю и зною безъ одежды, запрещали входить въ города и деревни и по-прежнему быстро гнали осла, на которомъ везенъ былъ святитель. Столь

---

1) Деревня *Кукузъ* находилась въ Малой Арменіи (къ востоку отъ Малой Азіи), въ одной изъ глухихъ долинъ дикаго Тавра, гдѣ находилось разбойничье племя исаврійцевъ, совершавшихъ набѣги на окружавшія селенія.

2) Въ юго-восточной части Малой Азіи.

3) Городъ *Пиѳіунтъ* лежалъ на южномъ берегу Чернаго, или Понтійскаго, моря, въ сѣверо-восточной части Малой Азіи, въ нынѣшней Абхазіи.

жестокій путь проходилъ во время своего изгнанія святый Іоаннъ! Во время этого пути онъ и скончался.

Незадолго до кончины блаженнаго, когда онъ, по обычаю своему, стоялъ ночью на молитвѣ, къ нему пришли святые Апостолы Петръ и Іоаннъ, которые являлись къ нему и раньше, когда онъ подвизался въ Антіохійскомъ монастырѣ. Святые Апостолы сказали ему:

— Радуйся, добрый пастырь словесныхъ овецъ Христовыхъ, крѣпкій страстотерпецъ. Мы посланы къ тебѣ общимъ Владыкою нашимъ Іисусомъ Христомъ, дабы помочь тебѣ и утѣшить тебя въ скорбяхъ и трудахъ, которые ты понесъ за чистоту своей души. Ибо ты, подражая Іоанну Крестителю, обличилъ беззаконнующихъ царей. Мужайся и крѣпись; тебѣ уготовано многое воздаяніе въ Царствіи Небесномъ. Мы благовѣствуемъ тебѣ великую радость: по прошествіи немногихъ дней ты отойдешь къ Господу Богу твоему и будешь вѣчно блаженствовать съ нами въ Царствіи Небесномъ. Итакъ, уповай, ибо ты — побѣдилъ враговъ, посрамилъ ненавидящихъ тебя и одолѣлъ супостата діавола. Евдоксія будетъ кишѣть червями, станетъ призывать тебя на помощь, но помощи не найдетъ и умретъ въ страшномъ недугѣ. Она будетъ жестоко страдать и ни на минуту не получитъ облегченія, такъ какъ воспріиметъ сію казнь отъ Бога.

Послѣ сего они подали ему нѣчто съѣдобное и сказали:

— Возьми и съѣшь, дабы послѣ сего уже не требовать другой пищи въ сей жизни. Сіе будетъ довольно для тебя до того времени, когда предашь свою душу въ руцѣ Божіи.

Святый Іоаннъ, взявъ поданное ему, съѣлъ въ ихъ присутствіи и возрадовался. Послѣ того явившіеся Апостолы удалились отъ него.

Съ Іоанномъ были два пресвитера и одинъ діаконъ, которые шли съ нимъ въ изгнаніе изъ Константинополя и не отступали отъ него, будучи связаны съ нимъ узами любви. Они своими глазами видѣли, какъ къ Іоанну приходили Апостолы, слышали всѣ рѣчи ихъ и благословляли Бога, сподобившаго ихъ спострадать съ угодникомъ Божіимъ.

Въ нѣсколько дней пути изгнанники достигли до Команъ [1]); близъ этого города находилась церковь святаго великомученика Васи-

[1]) *Команы* — городъ въ провинціи Понтѣ, на сѣверо-востокѣ Малой Азіи, теперь Гуменекъ.

лиска, епископа Команскаго, который при нечестивомъ царѣ Максиміанѣ[1]) пострадалъ за Христа въ Никомидіи, вмѣстѣ съ Антіохійскимъ пресвитеромъ Лукіаномъ[2]). При сей церкви они переночевали. На другой день былъ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста, и въ ночь предъ праздникомъ блаженному Іоанну явился святый мученикъ Василискъ.

— Братъ Іоаннъ, мужайся! Ибо завтра мы будемъ вмѣстѣ.

Тотъ же святый мученикъ явился и пресвитеру своей церкви, говоря:

— Приготовь мѣсто для брата Іоанна, ибо онъ идетъ къ намъ.

Съ наступленіемъ дня Іоаннъ упрашивалъ воиновъ пробыть въ Команахъ у церкви святаго Василиска до пятаго часа: но они не послушались его и стали продолжать путь, стараясь ѣхать какъ можно скорѣе. Они держали путь по водѣ и плыли очень скоро, наподобіе пернатой птицы. Такъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отплыли отъ города тридцать стадій.

Однако, по Божественному промышленію, они снова пристали къ берегу около церкви святаго Василиска, чему весьма удивились. Іоаннъ опять сталъ умолять ихъ, чтобы они немного обождали на томъ мѣстѣ, пока онъ помолится въ церкви. Признавая дѣйствіе силы Божіей въ томъ, что они противъ желанія пристали къ тому мѣсту, откуда отплыли, воины рѣшились исполнить желаніе Іоанна. Тогда святый вошелъ въ церковь, спросилъ свѣтлыя церковныя ризы и переодѣлъ на себѣ всю свою одежду, начиная съ обуви; затѣмъ свои одежды онъ роздалъ находившимся съ нимъ на кораблѣ, а въ церковныхъ одеждахъ совершилъ Литургію и причастился Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой; потомъ, благословивъ всѣхъ присутствовавшихъ и отдавъ имъ послѣднее цѣлованіе, возлегъ со словами:

— Слава Богу за все.

И вслѣдъ затѣмъ предалъ духъ свой въ руки Божіи. Это было въ самый день Воздвиженія Честнáго Креста Господня. Такимъ образомъ, святый угодникъ Божій въ теченіе всей своей жизни несшій крестъ свой, распинаясь для міра и сораспинаясь Христу,

---

1) Здѣсь разумѣется *Максиміанъ Галерій*, зять Діоклетіана и его соправитель на Востокѣ; впослѣдствіи, по смерти Діоклетіана, онъ сдѣлался восточнымъ императоромъ (305—311). Къ послѣднимъ годамъ его жизни и относится время смерти Лукіана и Василиска.

2) Память *священномученика Лукіана* празднуется 15-го сентября; память *Василиска*— 22-го мая.

скончался въ день, посвященный памяти Честнáго Креста[1]). Онъ былъ положенъ въ той же церкви, гдѣ и умеръ, неподалеку отъ гроба святаго мученика Василиска. Такъ сбылось предсказаніе святаго Епифанія Кипрскаго, который говорилъ святому Іоанну:

— И ты не дойдешь до того мѣста, на которое тебя изгонятъ.

Дѣйствительно, святый Іоаннъ былъ веденъ въ Пиѳіунтъ, а преставился въ Команахъ, не дойдя до Пиѳіунта. Такъ-то угасъ церковный свѣтильникъ, такъ умолкли златыя уста, такъ совершилъ подвигъ и скончалъ теченіе добрый подвижникъ и страдалецъ, прожившій шесть лѣтъ на патріаршемъ престолѣ и проведшій три года въ изгнаніи, переводимый съ мѣста на мѣсто[2]).

Когда умеръ св. Іоаннъ, слѣдовавшіе за нимъ до самой его смерти два пресвитера и діаконъ, оплакавъ смерть отца своего, отправились въ Римъ къ папѣ Иннокентію и подробно сообщили ему обо всемъ, что претерпѣлъ святый Іоаннъ по злобѣ враговъ его. Они разсказали и о кончинѣ его, и о томъ, какъ раньше его преставленія къ нему приходили святые Апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ, что они говорили ему и какъ явился ему святый мученикъ Василискъ. Выслушавши все, Иннокентій весьма удивился и сталъ скорбѣть о великомъ угодникѣ, пострадавшемъ за правду. Объ обстоятельствахъ изгнанія и смерти святаго Златоуста папа сообщилъ западному императору Гонорію[3]), брату Аркадія, и они оба горько сожалѣли о семъ и немедленно написали посланія царю Аркадію. Папа отъ себя написалъ:

«Кровь брата моего Іоанна вопіетъ къ Богу противъ тебя, царь, подобно тому, какъ древле вопіяла кровь Авеля праведнаго противъ братоубійцы Каина; и эта кровь будетъ отмщена, такъ какъ ты въ мирное время воздвигъ гоненіе на Церковь Божію. Ибо ты прогналъ истиннаго пастыря Христова, а съ нимъ вмѣстѣ ты изгналъ и Христа Бога, а паству Его предалъ въ руки наемниковъ, а не истинныхъ пастырей Христовыхъ».

---

1) Ради праздника Воздвиженія Животворящаго Креста Господня Церковь совершаетъ память святаго Іоанна Златоустаго не въ 14 день сентября, когда святитель преставился, но въ 13 день ноября. Сверхъ того память его совершается еще 27 января, въ день перенесенія мощей святаго, и 30 января, когда чествуется онъ вмѣстѣ со святителями: Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ.

2) Златоустъ умеръ 60-ти лѣтъ отъ роду, въ 407 году. Архіепископомъ былъ шесть съ половиною лѣтъ, въ заточеніи три года и три мѣсяца.

3) Гонорій, братъ Аркадія и сынъ Ѳеодосія Великаго, царствовалъ въ Римѣ съ 395 года по 423 г.

Сіе и многое другое писалъ Иннокентій къ Аркадію, отлучая его и Евдоксію отъ Божественныхъ Таинъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ сообщниковъ ихъ, которые участвовали въ низверженіи святаго Іоанна. Ѳеофила же отлучалъ не только отъ сана, но и отъ Церкви и призывалъ его на соборный судъ, чтобы онъ получилъ заслуженное наказаніе.

Гонорій съ своей стороны написалъ брату Аркадію:

«Я не знаю, какимъ искушеніемъ ты прельстился, братъ, довѣрившись женѣ своей и, по ея настояніямъ, устроивъ то, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ благочестивый царь христіанскій. Находящіеся здѣсь епископы и преподобные отцы вопіютъ противъ васъ съ царицей за то, что вы низвергли съ престола безъ суда и вопреки канонамъ великаго Божія архіерея Іоанна и, истомивъ его жестокими муками, предали насильственной смерти».

Въ концѣ этого письма Гонорій призывалъ Аркадія принести покаяніе предъ Богомъ и отмстить тѣмъ, которые были виновниками изгнанія Іоанна. Получивъ посланіе отъ брата и отъ папы, императоръ Аркадій впалъ въ сильную скорбь и страшную боязнь. Розыскавъ въ городѣ тѣхъ, которые возставали противъ Іоанна, онъ предалъ ихъ различнымъ казнямъ: однихъ — подвергнулъ усѣченію мечомъ, иныхъ — съ безчестіемъ лишилъ сана. Нѣкоторыхъ епископовъ, судившихъ святаго Іоанна и находившихся тогда въ Константинополѣ, царь повелѣлъ схватить и съ позоромъ заключить въ народной темницѣ; въ числѣ такихъ находился и Іехиріонъ, сынъ Ѳеофилова брата. Къ самому же Ѳеофилу онъ писалъ весьма строгое письмо, повелѣвая ему быть готовымъ къ суду въ Солунѣ, чтобы воспріять достойное наказаніе за свою злобу. Не избѣжала гнѣва Аркадія и сама жена его, царица Евдоксія: Аркадій удалилъ ее отъ себя, заключилъ въ отдѣльный дворецъ и всѣмъ, кромѣ рабыни, запретилъ къ ней приходить. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отправилъ въ ссылку сродниковъ царицы, которые вмѣстѣ съ нею злоумышляли на святаго, и у однихъ изъ нихъ отобралъ имѣнія, а другихъ — заключилъ въ темницы и подвергъ истязаніямъ и мукамъ. Затѣмъ онъ написалъ къ папѣ Иннокентію о всемъ, что онъ сдѣлалъ, смиренно и съ раскаяніемъ испрашивая у него прощенія. Онъ писалъ также и къ брату Гонорію, прося его умолить папу снять съ него отлученіе. Вскорѣ Аркадій получилъ просимое.

Прочитавъ смиренную его просьбу, папа принялъ его покаяніе и писалъ къ блаженному Проклу, который былъ тогда епископомъ Кизическимъ[1]), дабы онъ снялъ съ царя отлученіе и сподобилъ его Святыхъ Таинствъ, а блаженнаго Іоанна сопричислилъ къ лику святыхъ.

Когда все сіе такъ происходило,—бг҃ъ, ѿмще́нїй гдⷭ҇ь, Самъ отмстилъ врагамъ Своего угодника Іоанна; Онъ подвергъ ихъ жестокимъ наказаніямъ еще на землѣ, такъ что всѣ они умерли лютою смертію. При этомъ всѣ епископы, клирики, свѣтскіе сановники и вообще всѣ тѣ люди, которые несправедливо возставали на святаго Іоанна, покрылись болѣзненными нарывами, сгноившими всю плоть ихъ, доведшими ихъ до смерти: у однихъ — изсохли руки и ноги; у иныхъ — загнило все тѣло и во множествѣ появились черви, такъ что въ теченіе долгаго времени отъ нихъ исходилъ нестерпимый смрадъ. Одинъ изъ числа неправедныхъ судей, осудившихъ блаженнаго на изгнаніе, упалъ съ лошади и внезапно умеръ, переломивъ правую руку, которою онъ подписывалъ несправедливыя обвиненія противъ неповиннаго Іоанна. Другой сдѣлался нѣмымъ и сухорукимъ и такъ скончался. У третьяго увеличился языкъ, изрыгавшій хулы на святаго Іоанна, и до того распухъ, что онъ не могъ говорить; тогда онъ исповѣдалъ грѣхъ свой, написавъ его на хартіи. И можно было видѣть проявленія страшнаго гнѣва Божія, обрушившагося различными казнями надъ виновниками Іоаннова изгнанія.

Александрійскій патріархъ Ѳеофилъ, вслѣдствіе кончины римскаго папы Иннокентія, избѣжалъ человѣческаго суда и наказанія, но не избѣжалъ суда Божія. Онъ сошелъ съ ума и отъ этого недуга умеръ. У халкидонскаго епископа Кирина сгнили ноги; ихъ неоднократно пилили врачи, дабы онъ весь не сгнилъ; но все же плоть его не переставала гнить, и онъ умеръ послѣ того, какъ ноги его были отпилены до колѣнъ. Грозный судъ Божій также постигъ и злосчастную царицу Евдоксію. Будучи уязвлена печалію и стыдомъ, она заболѣла сильнымъ кровотеченіемъ, и ея плоть кишѣла червями, какъ предрекли Апостолы блаженному Іоанну. Отъ нея неслось такое зловоніе, что мимоходящіе не могли стерпѣть смрада ея плоти; многіе опытнѣй-

---

[1]) Это—тотъ самый Проклъ, который былъ раньше келейникомъ святаго Іоанна; впослѣдствіи онъ сдѣлался патріархомъ Константинопольскимъ. *Кизикъ*—городъ въ сѣверо-западной части Малой Азіи, на южномъ берегу Мраморнаго моря.

шіе врачи лѣчили ее и окуривали благовонными ароматами, но безуспѣшно. Тогда она спросила ихъ:

— Почему вы не можете уврачевать меня отъ моего недуга?

Они же не осмѣливались объяснять ей этого.

— Если вы,—говорила имъ царица,—не знаете причины, почему я не могу выздоровѣть, то я вамъ скажу: я получила сей недугъ вслѣдствіе Божественнаго гнѣва, постигшаго меня за зло, причиненное Патріарху Іоанну.

Ѳеогностовымъ дѣтямъ она возвратила виноградникъ, отнятый у нихъ, и многимъ другимъ возвратила все, что отняла несправедливо. Однако она не получила исцѣленія и въ томъ недугѣ скончалась. Послѣ ея смерти, для изобличенія ея беззаконія, гробъ, въ которомъ она была положена, въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ постоянно сотрясался, и такъ продолжалось до времени перенесенія честныхъ мощей святаго Іоанна Златоустаго изъ Команъ въ Константинополь[1]).

Такъ наказалъ Господь враговъ святаго Іоанна; самого же праведника Онъ прославилъ слѣдующимъ образомъ. Епископъ Аделфій, любезно принявшій Іоанна въ свой домъ въ Кукузѣ, услышавъ о преставленіи святаго, впалъ въ великую печаль и сталъ прилежно со слезами умолять Бога, дабы Онъ показалъ ему, въ какомъ ликостояніи святыхъ обрѣтается Іоаннъ. Однажды, молясь о семъ, онъ пришелъ въ изступленіе и увидѣлъ свѣтлаго и радостнаго юношу; взявъ Аделфія за руку, юноша отвелъ его на свѣтлое мѣсто и показалъ ему ликъ святыхъ церковныхъ учителей. Оглянувшись туда и сюда, Аделфій хотѣлъ увидѣть Іоанна и нигдѣ не видѣлъ его. Показавъ Аделфію каждаго учителя и Патріарха Константинопольскаго, юноша поспѣшно вывелъ его оттуда. Идя за нимъ, Аделфій былъ опечаленъ, потому что не увидѣлъ блаженнаго Іоанна въ сонмѣ святыхъ отцевъ. Но когда онъ выходилъ изъ того свѣтлаго мѣста, нѣкто, стоявшій въ дверяхъ, удержалъ его за руку и сказалъ:

— Зачѣмъ ты уходишь отсюда съ такою скорбію? Если кто и войдетъ сюда печальный, то отсюда возвращается веселымъ,

---

1) Перенесены были 27 января 438 г., при императорѣ Ѳеодосіи II Младшемъ и при Константинопольскомъ Патріархѣ Проклѣ. Перенесеніе было совершено съ великимъ торжествомъ. Императоръ выѣхалъ навстрѣчу въ Халкидонъ и, повергшись на землю, молилъ святителя простить родителей его, Аркадія и Евдоксію; весь заливъ Константинопольскій покрылся освѣщенными ладьями, и народъ съ благоговѣйною радостію встрѣтилъ останки великаго пастыря. Перенесеніе мощей празднуется 27 января.

а ты поступаешь наоборотъ: вошелъ сюда ты веселымъ, а выходишь печальнымъ.

Аделфій отвѣчалъ:

— Потому я скорблю, что не видѣлъ среди церковныхъ учителей возлюбленнаго для меня Іоанна!

— Ты разумѣешь,—спросилъ тотъ,—Іоанна, проповѣдника покаянія?

— Да,—отвѣтилъ Аделфій.

Тогда стоявшій въ дверяхъ рая сказалъ ему:

— Человѣкъ, находящійся въ тѣлѣ, не можетъ видѣть его, ибо онъ предстоитъ Престолу Божію, который окружаютъ Херувимы и Серафимы.

Получивъ такое извѣстіе о святомъ Іоаннѣ, Аделфій возрадовался и прославилъ Бога, открывшаго ему сію тайну. Такимъ образомъ святый Іоаннъ, послѣ многихъ волненій, бурь, бѣдъ и скорбей, которыя онъ претерпѣлъ за правду, присталъ къ тихому небесному пристанищу, гдѣ, сорадуясь съ Ангелами, славитъ Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго въ Троицѣ Бога, Которому и отъ насъ да будетъ слава, честь и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ и҃:

Ѹстъ твои́хъ, ꙗ҆́коже свѣ́тлость ѻ҆́гнѧ̀, возсі́ѧвши бл҃года́ть, вселе́ннꙋю просвѣ́тѝ: не сребролю́бі́ѧ мі́рови сокрѡ́вища сниска̀, высотꙋ̀ на́мъ смиренномꙋ́дрі́ѧ показа̀. но твои́ми словесѝ наказꙋ́ѧ, ѻ҆́тче і҆ѡа́нне златоꙋ́сте, молѝ сло́ва х҃рта̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ є҃:

Небесъ прі́ѧлъ є҆сѝ бж҃е́ственнꙋю бл҃года́ть, и҆ твои́ми ᲂу҆стна́ми всѧ̀ ᲂу҆чи́ши покланѧ́тисѧ въ тр҃цѣ є҆ди́номꙋ бг҃ꙋ, і҆ѡа́нне златоꙋ́сте, всебл҃же́нне пр҃бне, досто́йнѡ хва́лимъ тѧ̀: є҆сѝ бо наста́вникъ, ꙗ҆́кѡ бж҃е́ственнаѧ ꙗ҆вла́ѧ.

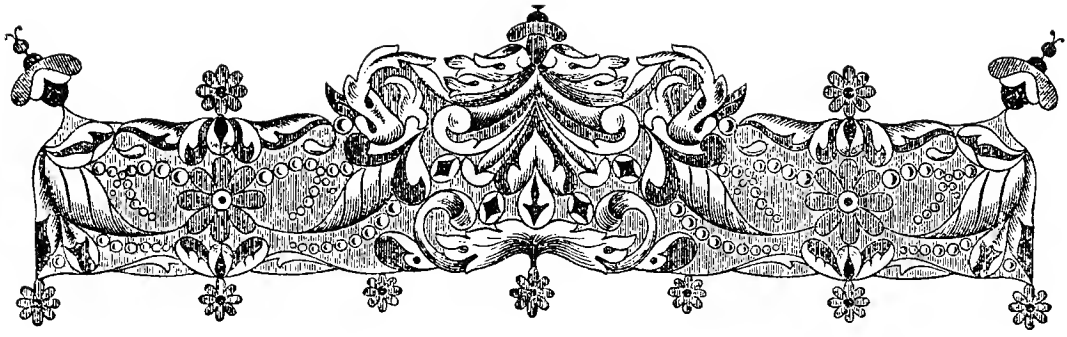
ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АНТОНИНА, НИКИФОРА, ГЕРМАНА и МАНЕѲЫ

Святые Антонинъ, Никифоръ и Германъ пострадали при императорѣ Максиміанѣ Галеріи[1]). Антонинъ былъ старцемъ, Никифоръ юношей, а Германъ среднихъ лѣтъ. Они были схвачены правителемъ Палестинской области, Фирмиліаномъ, который принуждалъ ихъ принести жертву идоламъ. Святые отказывались исполнить это и исповѣдывали Христа; за это они были отведены въ главный городъ Палестины—Кесарію и тамъ обезглавлены.

Одна дѣвица, по имени Манеѳа, изъ Скиѳской страны, была также схвачена вмѣстѣ со святыми мучениками. Ее для поруганія нагою водили по городу и затѣмъ предали различнымъ мученіямъ, изъ которыхъ она съ помощію Божіею вышла невредимою. Манеѳа сотворила безчисленныя чудеса, многихъ отвратила отъ идольскаго нечестія, научила истинной вѣрѣ и привела ко Христу. За это она была осуждена на сожженіе огнемъ. Когда пещь была разжжена, она сама вошла въ нее, гдѣ и предала душу свою въ руки Господа, Ему же да будетъ честь и слава во вѣки. Аминь.

1) Въ началѣ IV в.



День четырнадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

ФИЛИППА

При озерѣ Галилейскомъ, близъ Хоразина и Капернаума, находился городъ, называемый Виѳсаида[1]). Въ семъ городѣ родились три Апостола Христова изъ лика 12-ти: Петръ, Андрей и Филиппъ. Петръ и Андрей были рыбарями и этимъ промысломъ занимались до самаго призванія ихъ Христомъ; Филиппъ же съ юношескихъ лѣтъ отданъ былъ родителями книжному обученію. Усердно читая и изучая Священное Писаніе и пророчества о вожделѣнномъ Мессіи, онъ воспылалъ горячею любовью къ Нему и сильнымъ желаніемъ видѣть Господа лицемъ къ лицу, хотя еще и не зналъ, что уже пришелъ на землю Тотъ, видѣть Котораго столь многіе желали, ожидая пришествія Его.

Но вотъ Христосъ пришелъ въ предѣлы Галилейскіе и нашелъ тамъ Филиппа, пылавшаго такою любовью къ Мессіи.

---

1) *Виѳсаида Галилейская* находилась на сѣверо-западной сторонѣ озера Галилейскаго (въ сѣверной части Палестины), близъ городовъ Капернаума и Хоразина. Нынѣ здѣсь однѣ развалины и груды камней, поросшихъ травою.

— Гряди по Мнѣ, — сказалъ Іисусъ Филиппу[1]).

Ст҃ый а҆п҃лъ
фі҆аі́ппъ

Филиппъ, услышавъ призывъ Господа, всѣмъ сердцемъ увѣровалъ, что Онъ есть Истинный Мессія, обѣтованный Богомъ чрезъ Пророковъ, и послѣдовалъ за Нимъ. Внимая пресвятой жизни Господа, Филиппъ старался подражать Ему и поучался отъ Него Божественной премудрости, силою которой впослѣдствіи побѣдилъ онъ безуміе языческое. Радуясь обрѣтенію такого Сокровища, Коимъ весь міръ имѣлъ быть искупленъ, Филиппъ не хотѣлъ одинъ только обогащаться отъ Него, но желалъ, чтобы и другіе были участниками того же дара. Встрѣтивъ своего друга Наѳанаила, онъ съ радостью возвѣстилъ ему:

— Мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки— Іисуса, сына Іосифова, изъ Назарета.

Наѳанаилъ, услыхавъ это и не вѣря, чтобы изъ небольшаго города и изъ простаго рода могъ произойти Мессія, Царь Израильскій, сказалъ:

— Изъ Назарета можетъ ли что быть доброе?

Тогда Филиппъ, не говоря ничего, посовѣтовалъ ему только взглянуть на Него.

— ойди,—сказалъ онъ,—и посмотри.

Онъ чувствовалъ, что какъ только Наѳанаилъ увидитъ Іисуса и услышитъ спасительныя слова Его, тотчасъ же повѣритъ, что Онъ есть Мессія. Такъ это дѣйствительно и произошло. Когда Филиппъ шелъ съ нимъ къ Іисусу, то Господь, испытующій сердца и утробы и читающій сокровенныя мысли и сердца людей, увидѣвъ Наѳанаила, идущаго къ Нему, узналъ его и сказалъ о немъ:

— Вотъ подлинно израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства.

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 43.

Услыхавъ сіи слова, Наѳанаилъ былъ сильно удивленъ и сказалъ Ему:

— Почему Ты знаешь меня?

Господь отвѣтилъ ему:

— Прежде, нежели позвалъ тебя Филиппъ, когда ты былъ подъ смоковницею, Я видѣлъ тебя.

Наѳанаилъ же, когда былъ подъ смоковницею, размышлялъ о Божественномъ Мессіи, въ надеждѣ на Котораго заключалась вся радость и веселіе вѣрныхъ рабовъ Божіихъ; и даровалъ ему Богъ въ то время сокрушеніе сердечное и теплыя слезы, которыя онъ присоединялъ къ своей усердной молитвѣ, чтобы Господь исполнилъ обѣщанное отъ вѣка отцамъ и послалъ на землю Спасителя міру. Всевидящее око Божіе видѣло въ то время Наѳанаила, который пребывалъ въ духѣ умиленія; потому и сказалъ ему Господь, что, когда Наѳанаилъ находился подъ смоковницею, Онъ видѣлъ его.

Наѳанаилъ отъ сихъ словъ пришелъ въ еще большее изумленіе. Онъ вспомнилъ, о чемъ размышлялъ, находясь подъ смоковницею, и съ какимъ умиленіемъ молилъ Бога о ниспосланіи Мессіи; онъ зналъ, что тамъ не было съ нимъ ни одного человѣка, который бы его видѣлъ, и что мыслей его никто не могъ прозрѣть, кромѣ Бога. Потому Наѳанаилъ тотчасъ же увѣровалъ, что Іисусъ есть Мессія, Котораго Богъ обѣщалъ послать для спасенія рода человѣческаго, и призналъ въ Іисусѣ Христѣ, провидѣвшемъ тайны его сердца, Божеское естество, а потому и воскликнулъ:

— Учитель! Ты—Сынъ Божій, Ты—Царь Израилевъ[1])!

Сколько благодарныхъ чувствъ питалъ впослѣдствіи Наѳанаилъ къ Филиппу за то, что тотъ возвѣстилъ ему о пришедшемъ на землю Спасителѣ и привлекъ его къ обѣтованному Мессіи! И святый Филиппъ ликовалъ въ сердцѣ своемъ, что люди обрѣли Божественное Сокровище, сокрытое въ глубинѣ человѣческаго естества, и еще большею любовью горѣлъ онъ къ своему Господу. Тѣмъ не менѣе, святый Филиппъ видѣлъ въ Божественномъ Учителѣ своемъ только высокія совершенства человѣческія, но не познавалъ еще въ Немъ Божества Его. И вотъ, Христосъ захотѣлъ исправить его. Однажды Господь, идя по другую сто-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 45—49.

рону моря Тиверіадскаго[1]) съ пятью тысячами народа и желая напитать чудеснымъ образомъ такое множество своихъ слушателей, сказалъ Филиппу:

— Гдѣ намъ купить хлѣбовъ, чтобы ихъ накормить?[2])

Сіе сказалъ Онъ, испытывая его, ибо зналъ, что негдѣ достать хлѣба; зналъ Онъ впередъ и то, что отвѣтитъ ему Филиппъ. Для того и спросилъ Онъ Филиппа о семъ, чтобы тотъ болѣе позналъ себя самого и, устыдившись своего маловѣрія, исправился. И дѣйствительно, Филиппъ не вспомнилъ о всемогуществѣ Божіемъ и не сказалъ:

— Ты, Господи, все можешь, не подобаетъ Тебѣ кого-либо о томъ спрашивать: только пожелай — и всѣ тотчасъ насытятся: ѿве́рзшꙋ тебѣ̀ рꙋ́кꙋ, всѧ́ческаѧ и҆спо́лнѧтсѧ бл҃гости![3])

Не сказалъ сего Филиппъ, но, помышляя о Господѣ своемъ, какъ о человѣкѣ, а не какъ о Богѣ, сказалъ:

— Имъ на двѣсти динаріевъ[4]) не довольно будетъ хлѣба, чтобы каждому изъ нихъ досталось хотя понемногу[5]).

Потомъ вмѣстѣ съ другими учениками добавилъ:

— Отпусти народъ, чтобы они пошли въ окрестныя селенія и купили себѣ пищи[6]).

Когда же Господь преломилъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы для пяти тысячъ народа[7]), Филиппъ увидѣлъ, что отъ руки Господней, какъ изъ неистощимой житницы, всѣ получали довольно пищи, пока весь народъ не насытился. Тогда Апостолъ сильно устыдился своего маловѣрія и, утвердившись въ вѣрѣ, прославилъ вмѣстѣ съ другими въ Іисусѣ Христѣ силу Божію.

Впослѣдствіи Филиппъ былъ причтенъ Господомъ къ лику двѣнадцати избранныхъ Апостоловъ, получилъ благодать отъ Него и удостоенъ былъ близкаго съ Нимъ общенія. Однажды въ праздникъ собрались въ Іерусалимъ нѣкоторые изъ Еллиновъ и не могли приблизиться къ Іисусу, будучи невѣрующими

---

1) Море *Тиверіадское* — это другое наименованіе того же *Галилейскаго* озера, усвоенное послѣднему по имени Тиверіады—Галилейскаго города на юго-восточномъ берегу Галилейскаго моря.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 5—6.

3) Псал. 103, ст. 28.

4) *Динарій*—древняя еврейская монета, стоимостью около 21½ копѣйки. 200 динаріевъ, такимъ образомъ, равнялись приблизительно 43 рублямъ.

5) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 7.

6) Еванг. отъ Марк., гл. 6, ст. 36.

7) Еванг. отъ Лукн, гл. 9, ст. 16.

язычниками; поэтому, приступивъ къ Филиппу, умоляли его, говоря:

— Господинъ, намъ хочется видѣть Іисуса!

Онъ же прежде всего сказалъ о томъ Андрею и вмѣстѣ съ нимъ уже осмѣлился извѣстить Іисуса о желаніи Еллиновъ, радуясь тому, что и язычники ищутъ увидать и услыхать Господа его и Учителя. Тогда услышалъ онъ отъ Іисуса дивное ученіе и пророчество о язычникахъ, которые имѣли увѣровать въ Него не тогда, но послѣ Его смерти.

— Если,—сказалъ Онъ,—зерно пшеничное, упавъ на землю, не умретъ, то останется одно; если же умретъ, то принесетъ много плода[1]).

Этимъ Христосъ какъ бы такъ говорилъ: «Пока Я живу на землѣ, то имѣю только часть дома Израильскаго, вѣрующаго въ Меня; если же умру, то не одинъ только домъ Израилевъ, но и многіе язычники увѣруютъ въ Меня».

Въ другой разъ, послѣ Тайной Вечери, Филиппъ дерзнулъ спросить Господа о великомъ таинствѣ Божества, когда молилъ Его о явленіи имъ Отца, говоря:

— Господи, покажи намъ Отца, и довольно для насъ![2])

Симъ вопросомъ онъ принесъ большую пользу Церкви Христовой, такъ какъ отсюда научились мы познавать единосущіе Сына съ Отцомъ и заграждать уста еретиковъ, отвергающихъ сію Божественную истину. Господь на это отвѣчалъ съ кроткимъ упрекомъ:

— Столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ! Видѣвшій Меня видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца? Развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ? Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя; Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла. Вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ[3]).

Этотъ отвѣтъ Господа научилъ святаго Филиппа и съ нимъ всю Соборную Апостольскую Церковь достойно вѣровать въ равенство Божества Сына съ Отцомъ и обличаетъ богохульство Арія, который говорилъ, что Сынъ Божій есть твореніе, а не Творецъ.

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 12, ст. 24.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 8.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 9—11.

Послѣ вольныхъ страданій и воскресенія Сына Божія святый Филиппъ съ прочими Апостолами видѣлъ Господа своего уже въ безсмертномъ и прославленномъ тѣлѣ, принялъ отъ Него миръ и благословеніе, видѣлъ также и вознесеніе Его. Послѣ сего онъ сподобился благодати Святаго Духа и сталъ проповѣдникомъ Христовымъ среди язычниковъ, ибо ему выпалъ жребій идти на проповѣдь въ Малую Азію и Сирію. Сначала онъ проповѣдывалъ въ Галилеѣ. Здѣсь однажды встрѣтила его нѣкоторая женщина, несшая на рукахъ своего умершаго младенца и неутѣшно рыдавшая. Увидѣвъ ее, Апостолъ Христовъ сжалился надъ нею и, простерши руку надъ умершимъ младенцемъ, сказалъ:

— Встань! Такъ повелѣваетъ тебѣ Христосъ, мною проповѣдуемый.

И тотчасъ же младенецъ ожилъ. Мать, увидѣвъ воскрешеннаго сына своего живымъ и здоровымъ, въ радости припала къ ногамъ Апостола, воздавая ему благодареніе за воскрешеніе сына своего и прося отъ него Крещенія, ибо увѣровала въ проповѣдуемаго имъ Христа Господа. Апостолъ, крестивъ мать и сына, отправился въ языческія страны. Проповѣдуя Евангеліе въ Греціи, онъ творилъ многія чудеса силою Христовою, исцѣлялъ болѣзни, воскресилъ одного мертвеца. Это чудо привело въ изумленіе жившихъ тамъ Іудеевъ, и они послали въ Іерусалимъ къ архіереямъ и князьямъ Іудейскимъ извѣстіе, что пришелъ къ нимъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, именемъ Филиппъ, проповѣдуя Имя Іисусово, которымъ изгоняетъ бѣсовъ и исцѣляетъ всякія болѣзни и даже воскресилъ одного умершаго тѣмъ же Именемъ Іисусовымъ, и уже многіе увѣровали во Христа. Вскорѣ прибылъ изъ Іерусалима въ Грецію одинъ архіерей съ книжниками, озлобленный и раздраженный на Филиппа. Облекшись въ свою архіерейскую одежду, онъ высокомѣрно и гордо возсѣлъ на судейское мѣсто въ присутствіи множества народа—какъ іудеевъ, такъ и язычниковъ. Приведенъ былъ сюда и Апостолъ Филиппъ и поставленъ среди собранія. Окинувъ его грознымъ взглядомъ, архіерей съ гнѣвомъ началъ говорить:

— Не довольно ли было съ тебя Іудеи, Галилеи и Самаріи, чтобы прельщать простыхъ и неученыхъ людей? Но ты и сюда пришелъ къ мудрымъ Еллинамъ, чтобы распространять соблазнъ, которому научился отъ Іисуса, противника закона Моисеева, за что Тотъ былъ осужденъ, распятъ на крестѣ и умеръ позорною смертію, и только ради бывшаго въ то время праздника Пасхи

былъ погребенъ, а вы, ученики Его, украли Его тайно и для обольщенія многихъ всюду разглашали, что Онъ Самъ воскресъ изъ мертвыхъ.

Когда архіерей произнесъ эти слова, толпа закричала на Филиппа:

— Что отвѣтишь ты на это, Филиппъ?

И произошелъ большой шумъ въ народѣ: одни стояли за то, чтобы Филиппъ былъ тотчасъ же убитъ, а другіе, чтобы онъ былъ отведенъ на казнь въ Іерусалимъ. Тогда святый Апостолъ отверзъ уста свои и сказалъ архіерею:

— Напрасно возлюбилъ ты суету и говоришь ложь! Зачѣмъ сердце твое остается окаменѣлымъ, и ты не хочешь исповѣдать истины? Не вы ли приложили печать ко гробу и приставили стражу, и когда Господь нашъ воскресъ, не разрушивъ гробной печати, не вы ли тогда дали золота воинамъ, чтобы они солгали, будто, во время ихъ сна, Его мертваго украли ученики Его? Какъ же ты теперь не стыдишься искажать истину? Самыя печати гробныя послужатъ въ день суда ясными обличителями вашей лжи, какъ свидѣтели истиннаго воскресенія Христова.

На эти слова Апостола архіерей разгнѣвался еще болѣе и въ безумной злобѣ бросился на него, желая самъ схватить и убить Апостола, но въ ту же минуту ослѣпъ и весь почернѣлъ. Присутствующіе, видя совершившееся, приписали это волхвованію и, бросившись на Филиппа, хотѣли погубить его, какъ волхва, но всѣхъ желавшихъ схватить его постигло то же наказаніе, какъ и архіерея. При семъ земля страшно поколебалась, и всѣ затрепетали отъ страха и познали великую силу Христову. Апостолъ Филиппъ, видя ихъ слѣпоту душевную и тѣлесную, прослезился надъ ними и обратился съ молитвой къ Богу, прося просвѣтить ихъ. И вотъ, по молитвѣ святаго, свыше было послано исцѣленіе всѣмъ пострадавшимъ. Это чудо заставило многихъ обратиться ко Христу и увѣровать въ Него. Но архіерей, все еще ослѣпленный злобою, не только не хотѣлъ послѣ постигшаго его наказанія исправиться и познать истину, но вновь сталъ произносить многія хулы на Господа нашего Іисуса Христа. Тогда его поразила еще бо̀льшая казнь. Внезапно земля, раскрывъ свои нѣдра, поглотила его, какъ нѣкогда Даѳана и Авирона[1]).

---

[1]) *Даванъ* и *Авиронъ*, — сыновья Еліава изъ колѣна Рувимова, были измѣнниками, составившими заговоръ противъ Моисея и Аарона, и за то наказаны отъ Бога страшною казнію: земля разверзлась и поглотила ихъ. Кн. Числъ, гл. 16.

Послѣ погибели архіерея святый Филиппъ многихъ крестилъ тамъ и поставилъ имъ епископомъ одного почтеннаго и достойнаго мужа, по имени Наркисса, самъ же ушелъ въ Парѳію. Дорогой онъ просилъ у Бога помощи въ трудахъ своихъ. И вотъ, въ то время, какъ онъ преклонилъ колѣна для молитвы, явилось ему съ неба изображеніе орла съ золотыми крыльями, распростертыми наподобіе распятаго Христа. Укрѣпленный симъ явленіемъ, святый Филиппъ отправился опять на проповѣдь и, обошедши Аравійскіе и Кандакійскіе города[1]), сѣлъ на корабль и поплылъ моремъ къ Сирійскому городу Азоту[2]). Ночью поднялась сильная буря на морѣ, и всѣ уже отчаявались за жизнь свою. Тогда святый Апостолъ всталъ на молитву, и тотчасъ же явилось на небѣ знаменіе Свѣтоноснаго Креста, которое озарило мракъ ночи,—и море внезапно утихло, и волны его улеглись. Приставъ къ берегамъ Азота, Филиппъ высадился съ корабля и былъ принятъ въ домъ одного страннолюбца, по имени Никоклида, у котораго была дочь Харитина, страдавшая болѣзнію одного глаза. Войдя въ домъ Никоклида, Апостолъ началъ проповѣдывать присутствовавшимъ Слово Божіе, и всѣ съ радостью слушали его. Въ числѣ слушающихъ присутствовала и Харитина; она объята была такимъ духовнымъ восторгомъ отъ ученія Апостола, что забыла даже о болѣзни своей. Онъ же, видя такое усердіе ея къ Слову Божію, повелѣлъ ей призвать Имя Іисуса Христа и приложить руку къ болѣвшему глазу. Какъ только Харитина исполнила это, въ ту же минуту исцѣлѣлъ глазъ ея, и весь домъ Никоклидовъ увѣровалъ во Христа и принялъ Святое Крещеніе.

Изъ Азота Апостолъ Филиппъ направился въ Іераполь Сирійскій[3]), гдѣ, проповѣдуя Христа, вызвалъ сильный гнѣвъ въ народѣ, угрожавшемъ даже побить его камнями. Но заступничество одного вліятельнаго гражданина, по имени Ира, спасло его отъ народнаго возмущенія.

---

1) Т. е. Еѳіопскіе. Имя Кандакіи было общимъ наименованіемъ царицъ Еѳіопскихъ.—Еѳіопія находилась въ Африкѣ, къ югу отъ Египта—нынѣшняя Нубія.

2) *Азотъ*—съ еврейскаго: *укрѣпленное мѣсто, крѣпость*—въ глубокой древности богатый и укрѣпленный городъ Филистимскій, находился на восточномъ берегу Средиземнаго моря. При Маккавеяхъ онъ былъ сожженъ и разрушенъ, потомъ возстановленъ, но уже не имѣлъ прежней силы. Нынѣ здѣсь небольшое селеніе Ездудъ.

3) *Іераполь*—наименованіе нѣсколькихъ городовъ древности.—Іераполь Сирійскій, послѣ у Грековъ Бамбика; со временъ Константина Великаго—главный городъ Евфратской провинціи; теперь сохранились отъ него однѣ развалины у нынѣшняго Мембиджъ.

— Граждане!—обратился онъ къ народу.—Послушайте совѣта моего: не дѣлайте никакого зла этому чужестранцу до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ, истинно ли ученіе его, и если оно не окажется таковымъ, то погубимъ его.

Народъ не осмѣлился противорѣчить Иру, который вслѣдъ затѣмъ привелъ Филиппа въ домъ свой. Апостолъ предложилъ у него обычную свою проповѣдь и обратилъ къ святой вѣрѣ Ира, весь домъ его и сосѣдей, просвѣтивъ ихъ Таинствомъ Святаго Крещенія. Граждане, узнавъ о томъ, что Иръ принялъ Крещеніе, собрались ночью и обступили домъ его, намѣреваясь сжечь въ немъ Ира во время сна вмѣстѣ съ Апостоломъ и со всѣми его домашними. Открывъ ихъ замыселъ, Апостолъ безбоязненно предсталъ предъ ними; они же, какъ дикіе звѣри, скрежеща зубами, схватили его и повели въ свой совѣтъ. Начальникъ совѣта, имя которому было Аристархъ, увидѣвъ Апостола, протянулъ свою руку и схватилъ его за волосы, но въ ту же минуту рука его изсохла,—и онъ лишился зрѣнія и слуха. Тогда въ чувствахъ народа произошла перемѣна: гнѣвъ ихъ, при видѣ сего чуда, смѣнился изумленіемъ, и народъ сталъ умолять Апостола исцѣлить градоначальника ихъ Аристарха. Филиппъ же сказалъ:

— Если онъ не увѣруетъ въ проповѣдуемаго мною Бога, то не будетъ исцѣленъ.

Въ это время вблизи нихъ двигалось погребальное шествіе, и народъ, желая надругаться надъ Апостоломъ, сказалъ:

— Если воскресишь этого мертвеца, тогда Аристархъ и мы увѣруемъ въ Бога твоего.

Апостолъ возвелъ очи свои на Небо, долго молился и потомъ, обратившись къ умершему, сказалъ кроткимъ голосомъ: «Ѳеофилъ!» И тотчасъ мертвецъ поднялся на носилкахъ, сѣлъ и открылъ глаза свои. Тогда вторично сказалъ ему Филиппъ:

— Христосъ повелѣваетъ тебѣ: встань и говори съ нами!

Умершій, вставъ съ одра своего, припалъ къ ногамъ Апостола со словами:

— Благодарю тебя, святый слуга Божій, что избавилъ меня въ сей часъ отъ великаго зла: два черныхъ и злосмрадныхъ эѳіопа повлекли меня, и если бы ты не предотвратилъ и не избавилъ меня отъ нихъ, то я былъ бы низвергнутъ въ мрачный тартаръ.

Тогда всѣ, видѣвшіе сіе преславное чудо, единогласно прославили Единаго Истиннаго Бога, проповѣдуемаго Филиппомъ. Апо-

столъ сдѣлалъ рукою знакъ народу, чтобы онъ умолкъ на нѣкоторое время, и велѣлъ Иру положить своей рукой крестное знаменіе на поврежденные члены Аристарха. Какъ только Иръ исполнилъ это, тотчасъ же изсохшая рука Аристарха исцѣлѣла, и онъ сталъ видѣть и слышать и совершенно исцѣлѣлъ. Сіи чудеса, творимыя святымъ Филиппомъ силою Христовою, обратили ко Христу жителей Іераполя, и всѣ ринулись разбивать идоловъ своихъ. Первымъ изъ увѣровавшихъ былъ родитель Ѳеофила, который сокрушилъ двѣнадцать золотыхъ идоловъ и роздалъ золото нищимъ. Апостолъ крестилъ всѣхъ и поставилъ имъ епископомъ Ира.

Основавъ, такимъ образомъ, церковь въ Іераполѣ и утвердивъ новопросвѣщенныхъ въ святой вѣрѣ, святый Филиппъ отправился на проповѣдь въ другія страны. Пройдя Сирію и нагорную Азію, онъ прибылъ въ Лидію и Мизію[1]) и, проходя этими странами, обращалъ къ Истинному Богу невѣрныхъ язычниковъ. Тамъ къ нему присоединился святый Апостолъ Варѳоломей[2]), который въ то время проповѣдывалъ въ сосѣднихъ городахъ и посланъ былъ отъ Бога на помощь Филиппу. За нимъ слѣдовала еще и сестра Филиппа—дѣвица Маріамна[3]), и всѣ они вмѣстѣ стали служить дѣлу спасенія рода человѣческаго. Проходя по Лидіи и Мизіи и благовѣствуя Слово Божіе, они претерпѣвали отъ невѣрныхъ многія напасти, біенія и скорби, были заключаемы въ темницы, побиваемы камнями, но, несмотря на всѣ гоненія, благодатію Божіею оставались живы для предстоящихъ трудовъ по распространенію вѣры Христовой. Въ одномъ изъ Лидійскихъ селеній они встрѣтили возлюбленнаго ученика Христова, святаго Іоанна Богослова, и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ страну Фригійскую. Войдя въ городъ Іераполь[4]), они проповѣдали тамъ Христа. Сей городъ былъ переполненъ идолами, которымъ поклонялись всѣ его жи-

---

1) *Лидія* и *Мизія*—сѣверо-западныя области Малой Азіи.

2) *Апостолъ Варѳоломей* —онъ же и *Наѳанаилъ*, называвшійся первымъ именемъ по отцу, изъ лика 12-ти Апостоловъ. Память его —11-го іюня, а также 25-го августа—день празднованія перенесенія мощей его и 22-го апрѣля вмѣстѣ съ апп. Лукою и Климентомъ.

3) Память *св. Маріамны* совершается 17-го февраля.

4) *Іераполь Фригійскій* находился въ южной части Фригіи (въ средней части Малой Азіи), между рѣками Ликусомъ и Меандромъ, въ древности довольно значительный городъ, особенно славившійся ломкою мрамора и теплыми источниками. Нынѣ носитъ турецкое названіе Памбукъ-Калеси (городъ хлопчатой бумаги) по сходству съ кипами хлопчатой бумаги бѣлыхъ на видъ скалъ, бугровъ, утесовъ, равнинъ, береговъ рѣки и каналовъ отъ осадки воды съ спускающихся съ высоты горъ ручьевъ. Нынѣ здѣсь однѣ развалины, и мѣсто это служитъ пристанищемъ для прокаженныхъ.

тели; между ложными божествами была еще одна ехидна, для которой былъ построенъ особый храмъ, куда ей приносили пищу и совершали многочисленныя и разнообразныя жертвоприношенія; безумцы почитали также и другихъ гадовъ и ехиднъ. Св. Филиппъ, прежде всего, вмѣстѣ съ своей сестрой вооружился молитвой на ехидну, въ чемъ помогалъ имъ и святый Іоаннъ Богословъ, который былъ въ то время съ ними. Всѣ они вмѣстѣ молитвою, какъ бы копіемъ, побѣдили ту ехидну и силою Христовою умертвили ее. Послѣ сего Іоаннъ Богословъ разлучился съ ними, предоставивъ имъ Іераполь для проповѣданія Слова Божія, а самъ пошелъ въ другіе города, распространяя повсюду святое благовѣствованіе. Святый же Филиппъ съ Варѳоломеемъ и Маріамною оставались въ Іераполѣ, усердно стараясь уничтожить мракъ идолопоклонства, дабы возсіялъ на заблудшихъ свѣтъ познанія Истины, надъ чемъ они трудились день и ночь, уча невѣрныхъ Слову Божію, вразумляя неразумныхъ и направляя заблудшихъ на путь истинный. Въ городѣ жилъ одинъ человѣкъ, по имени Стахій, бывшій слѣпымъ уже сорокъ лѣтъ. Святые Апостолы силою молитвы просвѣтили его тѣлесныя очи, а проповѣдью Христовой просвѣтили его душевную слѣпоту. Крестивъ Стахія, святые пребывали въ его домѣ. И пронеслась по всему городу молва, что слѣпой Стахій прозрѣлъ. Къ его дому стали собираться толпы народа. Святые Апостолы поучали всѣхъ, стекавшихся къ нимъ, вѣрѣ во Христа Іисуса. Приносили туда и многихъ больныхъ, и всѣхъ святые Апостолы исцѣляли молитвою и изгоняли бѣсовъ, такъ что большое число людей увѣровало во Христа и крестилось.

Жена начальника того города, по имени Никанора, была укушена змѣей и лежала больная, при смерти. Услыхавъ о святыхъ Апостолахъ, находившихся въ домѣ Стахія, что они однимъ словомъ исцѣляютъ всякія болѣзни, она, въ отсутствіе своего мужа, повелѣла рабамъ своимъ отнести себя къ нимъ и получила двойное исцѣленіе: тѣлесное—отъ укушенія змѣи и душевное—отъ бѣсовскаго обольщенія, и, наученная святыми Апостолами, увѣровала во Христа. Когда градоначальникъ вернулся домой, рабы передали ему, что жена его отъ какихъ-то чужестранцевъ, проживающихъ въ домѣ Стахія, научилась вѣровать во Христа. Пришедши въ страшный гнѣвъ, Никаноръ повелѣлъ тотчасъ же схватить Апостоловъ, домъ же Стахіевъ сжечь,

что и было исполнено. Собралось множество народа, и святыхъ Апостоловъ Филиппа, Варѳоломея и святую дѣву Маріамну съ побоями повлекли по городу, надругаясь надъ ними, и, наконецъ, бросили въ темницу. Послѣ сего начальникъ города возсѣлъ на судейское мѣсто судить проповѣдниковъ Христовыхъ, и собрались къ нему всѣ жрецы идольскіе и жрецы погибшей ехидны, принося жалобы на святыхъ Апостоловъ и говоря:

— Начальникъ! Отомсти за безчестіе боговъ нашихъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ появились странники эти, въ нашемъ городѣ запустѣли алтари великихъ боговъ нашихъ, и народъ забываетъ приносить имъ обычныя жертвы; знаменитая наша богиня ехидна погибла, и весь городъ наполнился беззаконіемъ. Умертви этихъ волхвовъ.

Тогда начальникъ города велѣлъ снять одежду съ святаго Филиппа, думая, что въ ней заключаются чары колдовства, но, снявъ съ него одежду, ничего не нашли. Также поступили и со святымъ Варѳоломеемъ, и въ его одеждахъ не нашли ничего. Когда же они съ тѣмъ же намѣреніемъ приблизились къ Маріамнѣ, чтобы снять одежду и обнажить ея дѣвическое тѣло, внезапно она въ глазахъ ихъ превратилась въ огненный пламень, и нечестивцы со страхомъ отбѣжали отъ нея. Святые Апостолы осуждены были правителемъ на распятіе. Первымъ пострадалъ святый Филиппъ. Просверливъ ступни ногъ его и продѣвъ въ нихъ веревки, они распяли его на Крестѣ внизъ головою предъ дверями капища ехидны и въ то же время кидали въ него камнями. Затѣмъ они распяли святаго Варѳоломея у стѣны храма. И внезапно сдѣлалось великое землетрясеніе, земля разверзлась и поглотила градоначальника со всѣми жрецами и множествомъ невѣрующихъ. Всѣ, оставшіеся въ живыхъ, — и вѣрующіе, и язычники, пришли въ великій страхъ и съ рыданіями просили святыхъ Апостоловъ сжалиться надъ ними и умолить Единаго Истиннаго Бога своего, чтобы земля не поглотила ихъ такъ же, какъ и тѣхъ. Поспѣшно бросились снимать съ Креста распятыхъ Апостоловъ. Святый Варѳоломей былъ повѣшенъ невысоко, и его скоро сняли. Но Филиппа не могли скоро снять съ Креста, потому что онъ былъ повѣшенъ высоко и особенно потому, что на это было особенное произволеніе Божіе, дабы Апостолъ Его чрезъ эти страданія и крестную смерть перешелъ отъ земли на Небо, куда всю жизнь обращены были стопы его. Вися такимъ образомъ, святый Филиппъ

молился Богу за враговъ своихъ, чтобы Господь отпустилъ имъ грѣхи ихъ и просвѣтилъ разумъ ихъ къ познанію Истины. Господь преклонился къ моленію его и тотчасъ повелѣлъ землѣ исторгнуть живыми поглощенныя ею жертвы, за исключеніемъ градоначальника и жрецовъ ехидны. Тогда всѣ громкимъ голосомъ исповѣдали и прославили силу Христову, изъявляя желаніе креститься. Когда хотѣли снять со Креста святаго Филиппа, то увидѣли, что онъ уже предалъ Богу святую душу свою, и сняли его мертвымъ. Родная сестра его, святая Маріамна, все время смотрѣвшая на страданія и смерть брата своего Филиппа, съ любовію обнимала и лобызала снятое съ древа тѣло его и радовалась, что Филиппъ сподобился пострадать за Христа. Святый Варѳоломей совершилъ надъ всѣми увѣровавшими въ Господа Крещеніе и поставилъ имъ епископомъ Стахія. Новообращенные съ честію похоронили тѣло святаго Апостола Филиппа. На томъ мѣстѣ, гдѣ истекла кровь св. Апостола, произрасла въ три дня виноградная лоза — въ знаменіе того, что святый Филиппъ за пролитую свою кровь во Имя Христа наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ съ Господомъ своимъ во Царствіи Его [1]).

Святый же Варѳоломей съ блаженной дѣвой Маріамной, послѣ погребенія святаго Филиппа, пробылъ нѣсколько дней въ Іераполѣ и, утвердивъ въ вѣрѣ Христовой вновь основанную церковь, удалился оттуда въ городъ Албанъ, въ великую Арменію [2]), гдѣ и былъ распятъ. Св. Маріамна направилась въ Ликаонію [3]) и тамъ, обративъ многихъ къ святой вѣрѣ, мирно скончалась. За все сіе Богу нашему слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

1) Къ сему сказанію о мученической кончинѣ *св. Апостола Филиппа* древнія повѣствованія присоединяютъ еще, что за 7 дней до кончины онъ самъ предсказалъ свою смерть. Апостолъ Филиппъ мученически скончался въ царствованіе Римскаго императора Домиціана въ 90 г. по Р. Хр., будучи 87 лѣтъ отъ роду. Мощи его около 560 г. были перенесены въ Римъ, гдѣ и нынѣ почиваютъ въ церкви 12 Апостоловъ. Одна рука св. Апостола хранилась въ Константинополѣ въ храмѣ Богородицы Всенепорочной. Византійскій императоръ Мануилъ Комненъ даровалъ ее, какъ святый и драгоцѣнный залогъ, племянницѣ своей Маріи, когда выдалъ ее, въ 1167 году, въ замужество за Іерусалимскаго короля Аморія. Въ 1204 году святыня сія перенесена была во Флоренцію.

2) Въ Азіи, на границѣ съ Кавказомъ.

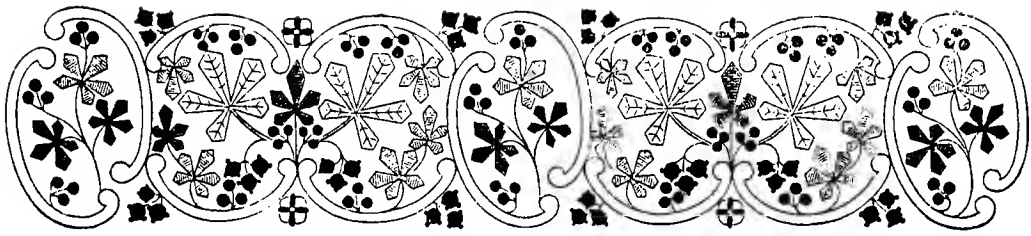
3) *Ликаонія* — одна изъ серединныхъ областей Малой Азіи, граничащая съ Фригіей.

Тропа́рь а҆п҃ла, гла́съ г҃:

Бл҃гоукраша́етсѧ вселе́ннаѧ, є҆ѳїо́пїа ликовствꙋ́етъ, ꙗ҆́кѡ вѣнце́мъ красꙋ́ема тобо́ю, просвѣти́вшисѧ свѣ́тлѡ, торжествꙋ́етъ па́мѧть твою̀, бг҃оглаго́ливе фїлі́ппе: всѧ̑ бо вѣ́ровати хр҃тꙋ̀ наꙋчи́лъ є҆сѝ, и҆ тече́нїе соверши́лъ досто́йнѡ є҆ѵ҃лїа. тѣ́мъ дерзнове́ниѡ вери́тъ є҆ѳїо́пскаѧ рꙋка̀ къ бг҃ꙋ, є҆го́же молѝ дарова́ти на́мъ ве́лїю мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙋ҆чн҃къ и҆ дрꙋ́гъ тво́й, и҆ подража́тель стр҃ти твоеѧ̀, вселе́ннѣй бг҃а тѧ̀ проповѣ́да, бг҃оглаго́ливый фїлі́ппъ: тогѡ̀ мл҃твами ѿ врагѡ́въ пребеззако́нныхъ цр҃ковь твою̀, и҆ всѧ́къ гра́дъ тво́й, бц҃ею соблюдѝ, многомл҃тиве.



ЖИТІЕ СВЯТАГО

ГРИГОРІЯ ПАЛАМЫ,

архіепископа Өессалоникійскаго

Святый Григорій Палама[1]), архіепископъ Өессалоникійскій[2]), былъ родомъ изъ Константинополя и происходилъ отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, которые старались научить его съ юныхъ лѣтъ какъ человѣческой, такъ и, въ особенности, Божественной премудрости и всякой добродѣтели. Въ ранней юности онъ потерялъ отца; мать же Григорія позаботилась дать ему, равно какъ и всѣмъ его братьямъ и сестрамъ, разумное и доброе воспитаніе — въ духѣ Закона Господня и Божественнаго Писанія. Она устроила жизнь ихъ среди мудрыхъ учителей, дабы сынъ ея научился отъ нихъ премудрости; онъ же, отличаясь природными умственными дарованіями и прилежаніемъ, въ короткое время преуспѣлъ въ изученіи философскихъ и другихъ извѣстныхъ тогда наукъ. Но, не довѣряя собственной своей памяти, онъ положилъ за правило: предъ каждымъ урокомъ класть по три земныхъ молитвенныхъ поклона предъ иконою Пресвятой Богородицы. И Пречистая споспѣшествовала благочестивому отроку, быстрые успѣхи котораго обращали на себя всеобщее вниманіе. Самъ царь принималъ живое участіе въ святомъ Григоріи и отечески заботился о его воспитаніи.

---

[1]) *Св. Григорій Палама* жилъ въ XIV вѣкѣ.

[2]) *Өессалоника,* иначе *Солунь,* — весьма значительный древній городъ Македоніи, лежалъ въ глубинѣ большого Солунскаго, или Өракійскаго, залива при Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ). Въ настоящее время городъ этотъ, подъ именемъ Салоники, послѣ Константинополя первый торговый и мануфактурный городъ въ Европейской Турціи, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

Между тѣмъ Григорій съ раннихъ лѣтъ уже возненавидѣлъ все земное какъ сонъ обольстительный и, исполненный пламенной любви къ Богу, презрѣлъ всѣ временныя блага, стремясь всею душою прилѣпиться къ Единому Богу—Источнику всякой премудрости и Подателю всякой благодати, и оставить міръ и суетную славу его. Побуждаемый сими чувствами, онъ искалъ сближенія и встрѣчъ съ иноками Святой Горы Аѳонской, просилъ у нихъ совѣтовъ и руководства и узнавалъ отъ нихъ образъ и правила иноческой и подвижнической жизни, испытывая свои силы,—можетъ ли онъ быть дѣйствительнымъ инокомъ. Дорогія свои одежды Григорій замѣнилъ худымъ рубищемъ и началъ мало-помалу измѣнять свои прежнія привычки и образъ внѣшняго поведенія, оставивъ всѣ условія свѣтскихъ приличій, что обратило на него общее вниманіе придворныхъ, и многіе признали его даже сумасшедшимъ. Такъ протекло нѣсколько лѣтъ, и ни убѣжденія царя, ни уговоры друзей его, ни насмѣшки окружающихъ не могли остановить Григорія на избранномъ имъ пути.

Ст҃ый
Григо́рій Пала́ма

Съ успѣхомъ прошедши такой искусъ, Григорій, на двадцатомъ году отъ рожденія, окончательно рѣшилъ принять иноческій санъ и удалиться въ пустыню, о чемъ и возвѣстилъ своей Боголюбивой матери. Вначалѣ она была нѣсколько опечалена этимъ, но потомъ согласилась съ его намѣреніемъ, радуясь о Господѣ, и даже, съ помощію Божіей, уговорила и остальныхъ дѣтей своихъ принять иночество, дабы она могла сказать вмѣстѣ съ Пророкомъ: **сѐ а҆́зъ и҆ дѣ́ти, ꙗ҆̀же мѝ дадѐ бг҃ъ**[1]). Слѣдуя Евангельской заповѣди, святый Григорій роздалъ все имѣніе свое нищимъ и, презрѣвъ всѣмъ сердцемъ своимъ красоту, сладость и славу міра сего, пошелъ во-

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 8, ст. 28.

слѣдъ Христа, уводя съ собою на тотъ же путь матерь свою, Братьевъ и сестеръ. Мать и сестеръ онъ оставилъ въ одномъ женскомъ монастырѣ; братьевъ же привелъ съ собою на Святую Гору Аѳонскую и вмѣстѣ съ ними поселился въ пустынной обители Ватопедской[1]), подчинивъ себя въ полное послушаніе святому, облагодатствованному старцу Никодиму, отъ котораго и принялъ впослѣдствіи иноческій постригъ.

Во второй годъ своего пребыванія у Никодима Григорій удостоенъ былъ Божественнаго посѣщенія. Однажды, во время богомысленнаго подвига, предъ нимъ явился свѣтоносный и благолѣпный мужъ, въ которомъ онъ узналъ святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Ласково взирая на Григорія, Апостолъ спросилъ его:

— Почему, взывая къ Богу, ты всякій разъ только повторяешь: просвѣти тьму мою, просвѣти тьму мою?

Григорій отвѣчалъ:

— Чего же другаго долженъ я просить, кромѣ этого,—да просвѣщусь и узнаю, какъ творить Его святую волю?

Тогда святый Евангелистъ сказалъ:

— По волѣ Владычицы всѣхъ, Богородицы, съ этой поры я буду съ тобою неотступно.

По смерти учителя своего, святаго старца Никодима, святый Григорій удалился въ великую Лавру святаго Аѳанасія[2]), гдѣ служилъ братіи за общей трапезой, а также исполнялъ должность церковнаго пѣвца. Проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ страхѣ Божіемъ, въ послушаніи ко всѣмъ, Григорій укротилъ навсегда плотскія страсти, являя собою утѣшительный примѣръ евангельскаго безстрастія и божественной чистоты. За свое смиреніе, кротость и подвиги стяжалъ онъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе братіи; но, избѣгая славы и стремясь къ еще болѣе суровой

---

[1]) *Аѳонъ*—узкій гористый полуостровъ на югѣ Македоніи, вдающійся въ Эгейское море и омываемый Стримонскимъ и Сингитскимъ заливами, знаменитый разсадникъ православнаго монашества, заселенный одними только иноками, святыня Востока и главный центръ восточнаго монашества.—*Ватопедскій монастырь* находится на сѣверо-восточномъ склонѣ Аѳона, близъ моря. Основаніе его преданіемъ пріурочивается къ первымъ временамъ существованія монашества на Востокѣ (къ концу IV в.) и связано съ именемъ императора Ѳеодосія Великаго. Съ X вѣка Ватопедъ пріобрѣлъ первостепенное значеніе на Аѳонѣ, которое сохраняетъ и до настоящаго времени.

[2]) Преп. *Аѳанасій Аѳонскій* былъ главнымъ основателемъ и устроителемъ монашеской жизни на Аѳонѣ и первымъ ея законодателемъ, † 1060 г. Память его совершается 5-го іюля. Обитель его, по своему первостепенному значенію именуемая Лаврою, находится на самой южной оконечности Аѳона, при подошвѣ его, близъ залива Контесса.

жизни, онъ удалился изъ Лавры въ глубокую пустыню, въ скитъ Глоссія, и тамъ вручилъ себя руководству благоговѣйнаго старца Григорія, проводя суровую созерцательную жизнь, горя безмѣрною любовію къ Богу, Которому посвятилъ и душу, и тѣло. Непрестанною молитвою побѣдивъ всѣ навѣты бѣсовскіе, онъ сподобился благодатныхъ даровъ. Погружаясь въ глубину молитвеннаго духа и озаряясь имъ, доходилъ до такой степени умиленія и плача сердечнаго, что слезы струями текли изъ очей его, какъ постоянный и неизсякаемый источникъ.

Но безмолвіе Григорія и его сподвижниковъ вскорѣ было нарушено по причинѣ нападеній, какія дѣлали агаряне[1]) на монаховъ, безмолвствовавшихъ внѣ монастырей. Ввиду сего Григорій, вмѣстѣ съ другими иноками, принужденъ былъ покинуть свою пустыню и удалиться въ Ѳессалонику. Отсюда святый задумалъ отправиться въ Іерусалимъ, для поклоненія святымъ мѣстамъ и, если то угодно будетъ Богу, окончить тамъ гдѣ-нибудь дни свои въ пустынномъ безмолвіи. Желая узнать, благоугодно ли Богу намѣреніе ихъ, онъ молился о томъ Богу. И вотъ, во снѣ явился ему святый великомученикъ Димитрій, мощи коего почивали въ Солуни[2]). Великомученикъ убѣдилъ его не оставлять Ѳессалоники. Тогда святый Григорій, послѣ усиленнаго поста и молитвы, принялъ въ Солуни санъ священства и, въ сопровожденіи немногочисленной братіи, удалился въ близлежащій скитъ, гдѣ и стали они подвизаться снова. Образъ жизни его былъ таковъ: пять дней въ недѣлю онъ и самъ вовсе не выходилъ никуда, и къ себѣ не принималъ никого; лишь въ субботу и воскресенье, по совершеніи священнодѣйствія и по принятіи Божественныхъ Таинъ, онъ входилъ въ духовное общеніе съ братіями, назидая и утѣшая ихъ своею трогательно-поучительною бесѣдою. Въ сіи часы, слѣдовавшіе за затворомъ преподобнаго, и особенно послѣ Литургіи, на лицѣ его былъ виденъ дивный Божественный свѣтъ. Во время священнодѣйствія онъ всѣхъ приводилъ въ слезы и умиленіе. Многіе великіе святые мужи удивлялись его добродѣтельной жизни, за которую онъ удостоился отъ Бога дара чудотвореній и пророчествованія, и называли его Богоносцемъ и пророкомъ[3]).

---

1) *Агаряне*—арабы, магометане.

2) Память его совершается 26-го октября.

3) Въ это время ему было съ небольшимъ 30 лѣтъ.

Въ это время отошла ко Господу добродѣтельная мать святаго Григорія. Дочери и сподвижницы ея, сестры Григорія, просили его придти къ нимъ для утѣшенія ихъ сиротства и для духовнаго наставленія. Повинуясь призыву родственной любви, Григорій прибылъ въ Константинополь къ сестрамъ своимъ и потомъ снова поспѣшилъ вернуться въ свою излюбленную пустыню, но вскорѣ послѣ того, по истеченіи пяти лѣтъ безмолвной жизни въ Веррскомъ скиту, принужденъ былъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ Албанцевъ, снова удалиться на Святую Гору, въ Лавру преподобнаго Аѳанасія, гдѣ и принятъ былъ подвизавшимися тамъ отцами съ великою любовію. И здѣсь также, уединяясь внѣ монастыря въ безмолвной келліи святаго Саввы, кромѣ субботы и воскресенья, онъ никуда не выходилъ, ни съ кѣмъ не видѣлся и никто его ни видалъ,—развѣ по нуждамъ священнодѣйствія. Все прочіе дни его и ночи протекали въ молитвенномъ подвигѣ и Богомысліи.

Однажды, въ келейной молитвѣ предъ Пречистою Богоматерію, преподобный молилъ Ее, дабы, въ устраненіе отъ него и собратій его всякихъ препятствій къ совершенному безмолвію, благоволила Она принять на Себя попеченіе и промышленіе о всѣхъ житейскихъ ихъ потребностяхъ. Премилосердая Владычица въ отвѣтъ на его усердную молитву удостоила его Своего явленія въ сопровожденіи множества свѣтоносныхъ мужей. Представъ ему, она сказала, обращаясь къ сопровождавшимъ Ее свѣтоноснымъ мужамъ:

— Отнынѣ и навсегда будьте попечителями о нуждахъ Григорія и его братіи.

Съ сего времени, какъ передавалъ о томъ впослѣдствіи самъ святый Григорій, онъ дѣйствительно, гдѣ бы ни находился, всегда ощущалъ особенное о себѣ Божественное промышленіе. Въ другое время въ состояніи молитвеннаго Богомыслія Григорій впалъ въ легкую дремоту. И вотъ ему представилось, что въ рукахъ его—сосудъ чистаго молока, переполненный настолько, что оно переливалось чрезъ край; затѣмъ молоко это приняло видъ виноградного вина, которое, переливаясь чрезъ край сосуда, омочило его руки и одежду, распространяя кругомъ дивное благоуханіе. Ощущая его, Григорій исполнился святой радости. И явился ему свѣтозарный юноша, и сказалъ:

— Почему не передаешь ты этого чуднаго питія, оставляемаго тобою безъ достодолжнаго вниманія? Вѣдь это—неизсякающій никогда даръ Божій.

— Но кому же передавать сіе питіе, когда нѣтъ нуждающихся въ немъ? — спросилъ святый Григорій.

— Хотя въ настоящее время дѣйствительно нѣтъ жаждущихъ сего питія,—возразилъ юноша,—но ты, все-таки, исполняя долгъ свой, долженъ не пренебрегать даромъ Божіимъ, въ надлежащемъ пользованіи коимъ Владыка потребуетъ отъ тебя отчета.

При сихъ словахъ дивное видѣніе окончилось. Святый Григорій истолковалъ его въ томъ смыслѣ, что молоко означало даръ слова обыкновенный, понятный для сердецъ простыхъ, ищущихъ духовнаго наставленія, а превращеніе молока въ вино означало, что со временемъ отъ него Вышняя Воля потребуетъ болѣе глубокаго наставленія въ высшихъ истинахъ вѣры Христовой. Вскорѣ послѣ сего Григорій былъ избранъ игуменомъ Есфигменскаго монастыря[1]), но, по прошествіи непродолжительнаго времени, желаніе пустыннаго безмолвія увлекло его снова въ Лавру святаго Аѳанасія. Здѣсь онъ достигъ такого духовнаго совершенства, что многіе святые мужи дивились его добродѣтельной жизни и называли его Богоносцемъ при видѣ изумительныхъ его чудотвореній, дара коихъ сподобился онъ отъ Бога. Онъ изгонялъ бѣсовъ; неплоднымъ деревьямъ молитвою своею возвращалъ плодородіе; предсказывалъ будущее какъ настоящее. Но не избѣгъ и преподобный различныхъ и частыхъ искушеній, по слову Божію: хотѧ́щїи бл҃гоче́стнѡ жи́ти ѡ҆ хр҃тѣ̀ і҆и҃сѣ гони́ми бꙋ́дꙋтъ[2]). Все терпѣлъ онъ съ радостью, да и҆скꙋше́нїе вѣ́ры многочестнѣ́йше зла́та ги́бнꙋща, ѻ҆гне́мъ же и҆скꙋше́на, ѡ҆брѧ́щетсѧ въ похвалꙋ̀ и҆ че́сть и҆ сла́вꙋ, во ѿкрове́нїи і҆и҃съ хр҃то́вѣ[3]), какъ говоритъ святый Апостолъ Петръ.

Много скорбей перенесъ святый Григорій Палама въ борьбѣ съ ересями, которыя начали въ то время волновать Церковь Божію. Особенно великую услугу оказалъ онъ Церкви обличеніемъ лжеучителей, отвергавшихъ православное ученіе о духовномъ благодатномъ свѣтѣ, осіявающемъ внутренняго человѣка и иногда открывающемся видимо, какъ на Ѳаворѣ[4]) и на лицѣ Моисея послѣ собесѣдованія Его съ Богомъ на Синаѣ[5]). Въ это время

---

1) *Есфигменскій монастырь* — одинъ изъ древнѣйшихъ святогорскихъ монастырей, находится на сѣверо-восточномъ склонѣ Аѳона.

2) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 12.

3) 1 Посл. Петр., гл. 1, ст. 7.

4) Во время Преображенія Господня.

5) Кн. Исх., гл. 34, ст. 29—30.

на Святую Гору Аѳонскую прибылъ изъ Калабріи[1]) одинъ ученый инокъ, по имени Варлаамъ, который вмѣстѣ съ своими послѣдователями возмутилъ хульными ученіями миръ въ Церкви Христовой и спокойствіе Аѳонскихъ иноковъ. Въ продолженіе цѣлыхъ двадцати трехъ лѣтъ доблестный пастырь мужественно боролся съ Варлаамомъ, и всѣ многочисленныя скорби, которыя перенесъ за это время святый Григорій Палама, трудно даже подробно изобразить. Варлаамъ училъ о Ѳаворскомъ свѣтѣ, что онъ былъ нѣчто вещественное, сотворенное, являвшееся въ пространствѣ и окрашивавшее воздухъ, такъ какъ онъ былъ видимъ тѣлесными очами людей, еще неосвященныхъ благодатію. Таковыми же, т. е. сотворенными, онъ признавалъ всѣ дѣйствія Божества и даже дары Святаго Духа: Духа премудрости и разума и т. д., не страшась низвести Бога въ разрядъ тварей, ниспровергая свѣтъ и блаженство праведныхъ въ Царствіи Отца Небеснаго, силу и дѣйствіе Тріѵпостаснаго Божества. Такимъ образомъ, Варлаамъ и его послѣдователи нечестиво разсѣкали одно и то же Божество на созданное и несозданное, а тѣхъ, кои сей Божественный свѣтъ и всякую силу, всякое дѣйствіе съ благоговѣніемъ признавали не созданнымъ, а присносущнымъ[2]), называли двоебожниками и многобожниками. Считая, напротивъ, вѣру Аѳонскихъ пустынниковъ въ созерцаніе свѣта Божія тѣлесными очами и приготовленіе къ тому чувственнымъ образомъ[3])—заблужденіемъ, Варлаамъ явно возсталъ и противъ нихъ, и противъ молитвы, и противъ ихъ таинственнаго созерцанія. Но прежде, нежели клеветы Варлаама на Аѳонскихъ иноковъ сдѣлались гласными, сей еретикъ за предосудительное

---

1) *Калабрія* — низменный полуостровъ въ южной Италіи.

2) Согласно со всеобщимъ вѣрованіемъ Церкви, ясно выраженномъ въ тропарѣ на Преображеніе Господне: да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ твой присносущный.

3) Св. Григорій и его сподвижники Аѳонскіе учили и доказывали самою жизнію, что постояннымъ очищеніемъ души, совершеннымъ безмолвіемъ чувствъ и помысловъ, непрестаннымъ упражненіемъ въ Богомысліи и молитвѣ, умнымъ дѣланіемъ человѣкъ можетъ достигнуть озаренія свыше, но можетъ зрѣть не сущность Божества, которая, обитая въ свѣтѣ неприступномъ, недоступна для ограниченной, грѣховной природы человѣка, а лишь проявленіе Божественной сущности, открывающееся безмолвствующимъ въ образѣ свѣта, который можно видѣть иногда и тѣлесными очами, какъ это было на Ѳаворѣ при Преображеніи Господнемъ и при всѣхъ явленіяхъ и откровеніяхъ Божества въ видѣ свѣта и огня, напр. Моисею и Иліи или древнимъ христіанскимъ подвижникамъ, напр. Антонію Великому; всѣ Боговидцы видѣли и тѣлесными и умными очами свѣтъ Божественный, отблескъ Божества. Этотъ свѣтъ Ѳаворскій и всѣ проявленія Божества называются у нихъ несозданными и Божественными, какъ несозданно само существо Божіе. Ученіе это, по своему существу таинственное и непостижимое для ума естественнаго, въ то же время убѣдительно и непреложно для вѣрующаго сердца.

и укоризненное свое поведеніе съ безчестіемъ былъ высланъ Патріархомъ. Съ гнѣвомъ и скорбію Варлаамъ удалился въ Ѳессалонику, распространяя и тамъ свои клеветы на аѳонскихъ иноковъ. Не имѣя собственныхъ силъ противостоять краснорѣчивому и искусному въ наукахъ Варлааму, солунскіе иноки принуждены были вызвать съ Аѳона божественнаго Григорія. По прибытіи въ Ѳессалонику святый Григорій сначала дѣйствовалъ въ духѣ кротости, но, увидѣвъ, что мѣры эти не дѣйствуютъ на упорнаго лжеучителя, приносящаго столь сильныя потрясенія Церкви и ея законоположеніямъ, началъ истреблять возраженія и клеветы Варлаама не только изустно, но и сильными писаніями, исполненными высокихъ истинъ и доводовъ божественныхъ. Самъ Варлаамъ, узнавъ ихъ и почувствовавъ ихъ силу, принужденъ былъ оставить Аѳонскихъ иноковъ въ покоѣ, но зато со всею силою возсталъ противъ святителя Божія. Когда же и это не помогло, пристыженный Варлаамъ удалился въ Константинополь, изустно и письменно жалуясь Константинопольскому Патріарху Іоанну XIV[1]) на святаго Григорія и Аѳонскихъ иноковъ.

Между тѣмъ, святый Григорій въ это время, оставаясь въ Ѳессалоникѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ, усердно занимался изложеніемъ началъ Православія, съ силою отстаивая чистоту его. И здѣсь, какъ и прежде, сердечный плачъ, совершенное уединеніе и безмолвіе были любимымъ занятіемъ его досуга. Не имѣя удобствъ пустынной тишины и въ то же время избѣгая по возможности связей и отношеній къ міру, онъ жилъ въ отдаленной части дома, гдѣ, устроивъ для себя малую келлію, безмолвствовалъ, сколько могъ. И вотъ однажды, въ праздникъ Антонія Великаго, первоначальника иноческаго житія, когда другіе иноки, ученики блаженнаго Исидора, совершали Всенощное бдѣніе, а Григорій оставался въ своемъ затворѣ, вдругъ въ видѣніи явился ему святый Антоній и сказалъ:

— Хорошо и совершенное безмолвіе, но и общеніе съ братствомъ иногда необходимо,—особенно во дни молитвъ и псалмопѣній. Посему и тебѣ должно теперь быть съ братіями на бдѣніи.

Повинуясь сему, божественный Григорій немедленно отправился къ братіи, принявшей его съ радостью,—и Всенощное бдѣніе протекло для нихъ съ особеннымъ торжествомъ.

---

[1]) *Іоаннъ XIV Апренъ* патріаршествовалъ съ 1332 по 1347 г.

Окончивъ свои письменныя богословскія занятія въ защиту Аѳонскихъ иноковъ и въ опроверженіе еретическихъ мудрованій, святый Григорій возвратился на Святую Гору и показалъ инокамъ написанное имъ о благочестіи.

Вскорѣ послѣ сего святому Григорію пришлось ратовать противъ еретическихъ мудрованій въ виду всего свѣта и за свой подвигъ получить безсмертную славу въ Церкви земной и вѣнецъ правды въ Церкви Небесной. Въ это время Варлаамъ успѣлъ склонить на свою сторону Патріарха Константинопольскаго Іоанна XIV-го и довелъ дѣло до того, что патріархъ грамотою вызвалъ на судъ Церкви Григорія съ другими его сподвижниками. Не терпя аріанствующаго лжеученія, грозившаго поколебать самыя основы христіанскаго вѣроученія и нравственности, святитель Григорій, исполненный Духа Святаго, выступилъ на ревностную защиту Православія и старцевъ Аѳонскихъ. Для разрѣшенія возникшей распри и утвержденія Православія въ Константинополѣ былъ созванъ благочестивымъ царемъ Андроникомъ Палеологомъ[1]) Соборъ[2]), на который прибылъ и Варлаамъ съ своими учениками и послѣдователями. На Соборѣ этомъ, происходившемъ въ константинопольскомъ Софійскомъ храмѣ подъ предсѣдательствомъ Патріарха, еретическое заблужденіе Варлаама, послѣдователя его Акиндина и иныхъ имъ подобныхъ лжеучителей было изобличено. Тогда великій Григорій, отверзши свои богомудрыя уста, своими, проникнутыми огнемъ вдохновенія, словами и Божественнымъ Писаніемъ развѣялъ ересь, какъ прахъ съ лица земли, попалилъ, какъ терніе, и окончательно посрамилъ еретиковъ[3]).

---

[1]) *Андроникъ III Палеологъ* —Византійскій императоръ, царствовалъ въ 1328—1341.

[2]) Соборъ этотъ происходилъ въ 1341 г. Впослѣдствіи ересь Варлаамитовъ была обличена, и послѣдователи ея преданы анаѳемѣ еще на нѣсколькихъ Соборахъ въ 1347, 1351, 1352 и 1368 гг. (послѣдній состоялся уже по кончинѣ св. Григорія Паламы).

[3]) «Напыщенные мірскою и тщетною мудростію,—говорилъ святитель Божій,—и невнимающіе мужамъ опытнымъ въ духовномъ ученіи, когда слышатъ о свѣтѣ, осіявшемъ Господа на горѣ Преображенія и видѣнномъ Апостолами, думаютъ видѣть въ немъ нѣчто чувственное и сотворенное,—почему и сей вещественный, незаходимый и вѣчный свѣтъ, превышающій не только чувства, но и самый умъ, низводятъ до чувственнаго и сотвореннаго свѣта, хотя и Самъ, Просіявшій свѣтомъ на Ѳаворѣ, ясно показалъ, что свѣтъ не сотворенъ, назвавши его Царствомъ Божіимъ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 20). Царство же Божіе ужели есть что-либо сотворенное и служебное? Ужели Господь воспріялъ на горѣ какой-то иной свѣтъ, котораго дотолѣ не имѣлъ?—Да удалится отъ насъ сіе хуленіе, потому что кто думаетъ такъ, тотъ долженъ признать во Христѣ три естества, т. е. Божіе, человѣческое и онаго свѣта. Итакъ, вѣруемъ, что Онъ явилъ въ Преображеніе не другой какой-либо свѣтъ, но только тотъ, который скрытъ былъ у Него подъ завѣсою плоти: сей же свѣтъ былъ—свѣтъ Божескаго естества, поэтому и несотворенный,

Посрамленный Богодухновенными обличеніями святителя Божія, Варлаамъ, не терпя позора, удалился снова въ Италію, гдѣ перешелъ въ католичество. Но въ Византіи явились у него явные и тайные друзья и послѣдователи, которыхъ онъ возбуждалъ своими письмами, проповѣдуя въ то же время противныя Православію ученія Западной Церкви. Плевелы же его лжеученія послѣ него разсѣвалъ и возращалъ инокъ Акиндинъ. Противъ него въ Константинополѣ былъ собранъ новый Соборъ, на коемъ святый Григорій еще болѣе обнаружилъ заблужденія Варлаама и Акиндина о Божественномъ свѣтѣ. Патріархъ, однако, поддерживалъ Акиндина и призналъ святаго Григорія виновникомъ всѣхъ нестроеній и смутъ церковныхъ того времени. Мало того, Акиндинъ былъ возведенъ въ степень діакона, а Григорія заключили въ мрачную темницу, гдѣ онъ томился въ продолженіе четырехъ лѣтъ.

Но такая несправедливость Патріарха не осталась безъ наказанія. Благочестивая царица Анна[1]), узнавъ о дѣйствіяхъ Патріарха и о его привязанности къ Акиндину, на двухъ Соборахъ уже признанному еретикомъ и врагомъ Церкви, нашла его недостойнымъ церковнаго общенія и священнаго сана, а самъ Патріархъ, впавшій въ еретическія мудрованія, былъ лишенъ каѳедры и церковнаго общенія. Церковный миръ былъ, такимъ образомъ, возстановленъ, и святый Григорій освобожденъ отъ беззаконнаго темничнаго заключенія. За святую ревность къ утвержденію Православія и истребленію еретическихъ лжеученій и церковныхъ смутъ онъ, по убѣжденію Патріарха Исидора[2]) и императора Іоанна Кантакузена[3]), долженъ былъ согласиться на рукоположеніе въ санъ архіепископа Ѳессалоникійской Церкви. Но, по случаю возникшихъ тогда въ Солуни смутъ, новый архіепископъ не былъ принятъ своею паствою, вслѣдствіе чего удалился на излюбленную имъ Святую Гору Аѳонскую. Между тѣмъ наступилъ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Въ это время одинъ благоговѣйный солунскій іерей, приготовляясь служить Божественную

Божественный. Такъ, и по ученію богословствующихъ отцевъ Іисусъ Христосъ преобразился на горѣ, не воспріявши что-либо и ие измѣнившись во что-либо новое, чего дотолѣ не имѣлъ, но показавши ученикамъ Своимъ только то, что у Него было... Свѣтъ Ѳаворскій былъ свѣтъ Божества».

1) Вдова императора Андроника III Палеолога, который въ это время уже умеръ.

2) *Исидоръ I* — Патріархъ Константинопольскій съ 1347 по 1349 г.

3) *Іоаннъ IV Кантакузенъ* —Византійскій императоръ съ 1341 по 1355 г. Вслѣдствіе возникшихъ изъ-за царскаго престола смутъ онъ принужденъ былъ раздѣлить царство съ Іоанномъ V Палеологомъ.

Литургію, смиренно молилъ Господа, чтобы Онъ благоволилъ открыть, дѣйствительно ли Григорій, какъ думаетъ народъ, заблуждается въ своихъ вѣрованіяхъ относительно иноческой жизни и духовнаго созерцанія и имѣетъ ли онъ у Господа дерзновеніе. Сіе откровеніе іерей просилъ явить на разслабленной своей дочери, три года лежавшей безъ всякаго движенія. «Если, Господи,—говорилъ онъ,—Григорій истинно рабъ Твой,—молитвами его исцѣли несчастную дочь мою.» И Господь услышалъ моленіе іерея: дочь его вдругъ сама собою поднялась съ постели и съ той поры получила совершенное выздоровленіе, какъ будто она совсѣмъ и не болѣла.

Чудо сіе прославило святаго Григорія, но церковныя смуты все еще продолжались въ Ѳессалоникѣ. Тогда Болгарскій царь Стефанъ[1]), зная добродѣтели и заслуги его для Церкви Божіей, обратился къ нему съ убѣдительною мольбою занять каѳедру митрополита Болгарскаго,—но не могъ склонить и убѣдить къ тому божественнаго Григорія.

На Аѳонѣ святитель, однако, не нашелъ спокойствія. Вскорѣ нужды Церкви снова вызвали его въ Константинополь. Отсюда онъ удалился на островъ Лемносъ[2]). Здѣсь онъ сотворилъ много знаменій и чудесъ и немолчно проповѣдывалъ Слово Божіе, оставаясь до тѣхъ поръ, пока солуняне, почувствовавъ необходимость въ его присутствіи для осиротѣлой паствы, не призвали его сами къ себѣ, отправивъ къ нему на Лемносъ представителей клира и высшихъ солунскихъ сановниковъ. Съ невыразимой радостью встрѣтилъ народъ своего архипастыря. Церковь Солунская, какъ бы вдохновенная свыше, представляла въ высшей степени торжествующій видъ: вмѣсто обычныхъ хвалебныхъ пѣснопѣній, клиръ и народъ пѣли пасхальные гимны и канонъ, не давая ни себѣ, ни другимъ отчета въ своихъ чувствахъ и необычайномъ торжествѣ. Спустя три дня послѣ этого святитель Божій совершилъ, при безчисленномъ стеченіи народа, торжественный Крестный ходъ и Литургію. При семъ Богъ прославилъ угодника Своего новымъ чудомъ. У вышеупомянутаго благоговѣйнаго іерея сынъ страдалъ падучей болѣзнью. Когда наступило время причащенія, іерей, упавъ къ ногамъ архипастыря, смиренно умолялъ его причастить самому, своими святительскими руками его больнаго ре-

---

1) Сербскій краль Стефанъ Душанъ (1336—1355 г.), которому была подчинена и Болгарія.

2) *Лемносъ*—островъ Эгейскаго моря (Архипелага), къ востоку отъ Аѳона, въ 6 квадратныхъ миль величиной.

бенка. Тронутый смиреніемъ іерея и страданіями его сына, Григорій исполнилъ его просьбу,—и ребенокъ исцѣлѣлъ. Однажды, въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, святый Григорій совершалъ Литургію въ женскомъ монастырѣ. Во время Богослуженія одна слѣпая на одинъ глазъ монахиня, именемъ Иліодора, узнавъ, что святитель совершаетъ Литургію, незамѣтно подошла къ нему и тайно приложила святительскую одежду къ своему слѣпому глазу,—и глазъ тотчасъ же прозрѣлъ.

Много и другихъ чудесъ сотворилъ божественный Григорій. Церковь Солунская подъ его мудрымъ правленіемъ наслаждалась миромъ и тишиною. Но Григорія ждали новые подвиги и тяжкія скорби. Въ это время единомышленники Варлаама и Акиндина не переставали смущать въ Константинополѣ Православную Церковь своими еретическими мудрованіями. Тогда Григорій снова съ дерзновеніемъ выступилъ на борьбу съ злыми еретиками, въ защиту Православія. Продолжалъ онъ съ ними бороться и письменно—своими богомудрыми твореніями, и лично. Вслѣдствіе сильнаго волненія, возбужденнаго еретиками въ Церкви Христовой, царь и Патріархъ признали необходимымъ созвать, для умиротворенія Церкви, въ Константинополѣ новый Соборъ, на который, прежде всего, вызвали святаго Григорія. Враги истины, какъ и прежде, были посрамлены и унижены: и личныя бесѣды святителя, и его догматическія произведенія, читанныя на Соборѣ, замкнули уста еретическія. Напутствуемый уваженіемъ царя и благословеніемъ Патріарха и Церкви, святый Григорій съ честію отправился къ своей паствѣ, но находившійся въ то время въ Солуни Іоаннъ Палеологъ[1]) не допустилъ его до этого, и Григорій принужденъ былъ отправиться на Святую Гору. Впрочемъ, черезъ три мѣсяца онъ тѣмъ же Палеологомъ съ честію былъ вызванъ въ Солунь.

Здѣсь въ скоромъ времени святый Григорій впалъ въ тяжкую и продолжительную болѣзнь, такъ что всѣ опасались даже за самую его жизнь. Но Богъ продлилъ ее для новыхъ подвиговъ. Не успѣлъ еще святый совсѣмъ оправиться отъ своего недуга, какъ получилъ отъ Іоанна Палеолога письмо, которымъ царь просилъ его пріѣхать въ Константинополь, чтобы прекратить ссоры и несогласія въ царственной семьѣ —между нимъ и его тестемъ, Іоанномъ Кантакузеномъ. Григорій отправился, но, на пути

[1]) *Іоаннъ V Палеологъ* —Византійскій императоръ, царствовалъ въ 1341—1376 г. См. прим. 3 на стр. 395.

въ Константинополь, былъ схваченъ агарянами и отвезенъ въ Азію—какъ рабъ и плѣнникъ. Цѣлый годъ находился святый въ плѣну. Его продавали изъ однѣхъ рукъ въ другія, изъ города въ городъ. Такова была на сіе воля Божія, дабы онъ какъ Апостолъ, переходя изъ города въ городъ, проповѣдывалъ Евангеліе Христово, утверждая православныхъ въ вѣрѣ, поучая твердо держаться ея, укрѣпляя сомнѣвающихся и раскрывая трудныя для пониманія тайны премудрости Божіей о спасеніи. И онъ былъ дѣйствительно истиннымъ апостоломъ Христовымъ. Со святымъ дерзновеніемъ входилъ святый Григорій въ состязанія о вѣрѣ съ агарянами[1]) и отторгшимися отъ Церкви Христовой еретиками, неправо учившими о земномъ служеніи Христа Бога нашего, о Честно́мъ и Животворящемъ Крестѣ Господнемъ, о святыхъ иконахъ и о поклоненіи имъ. Невѣрныхъ онъ просвѣщалъ свѣтомъ Евангелія, а порабощенныхъ, плѣненныхъ и христіанъ утѣшалъ и укрѣплялъ, убѣждая ихъ къ безропотному перенесенію страдальческаго креста своего въ чаяніи наградъ и вѣнцовъ Небесныхъ. Противники святаго Григорія дивились его премудрости и благодати, исходящей изъ устъ его. Нѣкоторые же изъ нихъ въ безсильной злобѣ подвергали его жестокимъ побоямъ, и ему пришлось бы пострадать даже до мученическаго вѣнца, если бы тѣ же самые агаряне не оберегали его, ожидая получить за него большой выкупъ. И дѣйствительно, по истеченіи года болгаре выкупили его изъ рукъ агарянскихъ и возвратили его Солунской церкви.

Прибытіе святаго изъ плѣна, сначала въ Константинополь, было ознаменовано чрезвычайнымъ торжествомъ невидимыхъ ликовъ, носившихся надъ божественнымъ Григоріемъ, и сладостными пѣснопѣніями въ похвалу его, приведшими въ движеніе пристань, гдѣ онъ долженъ былъ выступить на берегъ. И былъ святый Григорій избраннымъ сосудомъ Божіимъ. Отличаясь кротостью, незлобіемъ и смиреніемъ, онъ въ то же время продолжалъ дерзновенно выступать противъ враговъ Бога и вѣры православной, съ силою обличая и побѣждая еретиковъ мечомъ Слова Божія. Побѣждая зло добромъ, онъ никогда не слушалъ тѣхъ, кто извѣщалъ его о клеветахъ на него враговъ его: былъ великодушенъ и терпѣливъ во всѣхъ скорбяхъ и злоключеніяхъ; гоненіе и всякое поруганіе вмѣнялъ себѣ всегда за честь и славу; и было ему, какъ истинному ученику Христову, иго Христово благо и бремя Его легко.

[1]) Т. е. магометанами.

Святому Григорію дивились не только вѣрующіе, но и невѣрные. Глаза его всегда болѣли отъ непрестанно текущихъ молитвенныхъ слезъ. Умертвивъ всѣ страсти и поработивъ плоть духу, святый Григорій подвигомъ добрымъ подвизался и, умиротворивъ Церковь Божію и вѣру православную отъ волненій и смутъ еретическихъ, окончилъ теченіе своей подвижнической и страдальческой, богоугодной жизни.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ святый Григорій, силою благодати Божіей, сотворилъ немало чудесъ надъ болящими. Такъ, друга своего іеромонаха Порфирія онъ дважды возставилъ молитвою отъ болѣзненнаго одра. Незадолго до своей блаженной кончины онъ исцѣлилъ знаменіемъ Честнáго Креста и молитвою пятилѣтнее дитя золотошвеи, страдавшее чрезвычайнымъ кровотеченіемъ и уже обреченное на смерть, и возвратилъ ему совершенное здравіе.

Вскорѣ потомъ святый Григорій заболѣлъ и слегъ въ постель. Почувствовавъ близкую кончину, онъ предсказалъ окружавшимъ и день отшествія своего въ жизнь вѣчную.

— Друзья мои!—говорилъ онъ имъ послѣ праздника святаго Іоанна Златоуста[1],—нынѣ я отойду отъ васъ ко Господу. Сіе знаю я потому, что являлся мнѣ въ видѣніи божественный Златоустъ и, какъ своего друга, съ любовію призывалъ къ себѣ.

Дѣйствительно, въ тотъ же самый день, 14-го ноября, святый Григорій отошелъ ко Господу въ Его вѣчныя райскія обители. Когда онъ умиралъ, окружавшіе его видѣли, что уста его еще что-то шепчутъ, но, какъ ни старались вслушаться въ его слова, могли только разобрать: «Въ гóрняя, въ гóрняя!» Съ сими словами святая душа его тихо и мирно отдѣлилась отъ тѣла въ гóрняя[2]. Когда блаженная душа его разлучилась съ тѣломъ, лицо его просвѣтлѣло, и вся та комната, гдѣ онъ почилъ, озарилась свѣтомъ, чему свидѣтелемъ былъ весь городъ, стекавшійся къ святительскимъ мощамъ для послѣдняго цѣлованія. Такъ благоволилъ Богъ симъ чудомъ прославить Своего вѣрнаго угодника, который и при жизни своей былъ свѣтлымъ жилищемъ благодати и сыномъ божественнаго свѣта[3].

---

[1]) Память св. Іоанна Златоуста совершается 13-го ноября.

[2]) Св. Григорій Палама скончался 14-го ноября около 1360 г., 63 лѣтъ отъ роду.—Послѣ себя онъ оставилъ болѣе 70 сочиненій.

[3]) Выраженіе современника св. Григорія Паламы Константинопольскаго Патріарха Филоѳея († 1376 г.) въ Синаксарѣ на недѣлю 2-й седмицы св. Четыредесятницы.—Служба св. Григорію была составлена Патріархомъ Филоѳеемъ вскорѣ по его кончинѣ. Въ ней Палама прославляется какъ «богословія труба», «огнедухновенныя уста благодати», «честнóе Духа пріятелище», «столпъ Церкви непоколебимый», «рѣка премудрости», «свѣтильникъ свѣта», «звѣзда ясная, свѣтъ просвѣщающая», «цѣвница прекрасная Духа»,

Оставивъ тѣло свое, преславно просвѣтившееся ангельскою чистотою, послѣ смерти своей стаду своему какъ богатое наслѣдство и сокровище, святый Григорій неоскудно подаетъ и донынѣ исцѣленія всѣмъ недужнымъ и немощнымъ, отовсюду приходящимъ съ вѣрою къ святымъ мощамъ его [1]), во славу Христа Бога нашего, Ему же со Безначальнымъ Его Отцемъ и съ Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Духомъ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ и҃:

Правосла́вїѧ свѣти́льниче, цр҃кве оу҆твержде́нїе и҆ оу҆чи́телю, мона́хѡвъ добро́то, бг҃осло́вѡвъ побо́рниче непребори́мый, григо́рїе чꙋдотво́рче, ѳессалонї́тскаѧ похвало̀, проповѣ́дниче бл҃года́ти, моли́сѧ вы́нꙋ сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Премꙋ́дрости сщ҃е́нный и҆ бж҃е́ственный ѻ҆рга́нъ, бг҃осло́вїѧ свѣ́тлꙋю согла́снѡ трꙋбꙋ́, воспѣва́емъ тѧ̀ григо́рїе бг҃оглаго́льниче: но ꙗ҆́кѡ оу҆́мъ оу҆мꙋ̀ пе́рвомꙋ предстоѧ́й, къ немꙋ̀ оу҆мъ на́шъ ѻ҆́тче наста́ви, да зове́мъ: ра́дꙋйсѧ, проповѣ́дниче бл҃года́ти.

«златосіяющій языкъ», «неботаинникъ Троицы», «проповѣдникъ Божественнаго свѣта», «мечъ», сокрушившій «гордость Варлаамову и всякую силу еретическую», какъ ткань паутины, «исцѣлитель недуговъ человѣческихъ», «святѣйшій отецъ», «пастырь добрый», положившій душу свою за овцы, «твердый страдалецъ и постникъ», «благочестія поборникъ и нечестія противникъ», «теплый вѣры предстатель», «великій наставникъ и учитель», «веліе монашествующихъ украшеніе» и т. д.—На Соборѣ 1368 года, на которомъ Варлаамъ и его сторонники были окончательно анаѳематствованы, среди другихъ статей была провозглашена «вѣчная память святѣйшему митрополиту Солунскому Григорію Паламѣ», который «низвергъ» этихъ еретиковъ.—За необычайныя великія заслуги православной вѣрѣ св. Церковь, кромѣ дня памяти св. Григорія Паламы 14-го ноября, установила ему еще празднованіе во вторую недѣлю Великаго Поста, называемую недѣлею «свѣтотворныхъ постовъ». Совершивъ въ предшествовавшую недѣлю празднованіе Торжества Православія надъ всѣми ересями (недѣля Православія), Церковь въ эту недѣлю празднуетъ торжество православнаго подвижническаго ученія надъ всѣми противными ему лжеученіями; первое торжество—общее всѣхъ православныхъ христіанъ, второе—по преимуществу подвижниковъ, иноковъ.

[1]) Изъ посмертныхъ чудесъ св. Григорія Паламы особенно замѣчательно слѣдующее чудо, запечатлѣвшее и засвидѣтельствовавшее Православіе и силу благодатнаго ученія святителя Божія. На островѣ Сатурнинѣ, въ день памяти св. Григорія, во вторую недѣлю Великаго Поста франки разгулялись,—набрали съ собою мальчиковъ и стали плавать на лодкахъ по морю, при совершенной тишинѣ и ясной погодѣ. Въ то время, какъ они такимъ образомъ веселились, демонъ внушилъ имъ злую мысль, на собственную погибель: всплескивая руками, какъ неистовые, они, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, вопили: «Анаѳема Паламѣ! Анаѳема Паламѣ! Если святъ Палама,—пусть утопитъ насъ»! И божественный Григорій Палама, по ихъ собственному суду, испросилъ имъ у Бога желаемое ими отмщеніе. Пучина разверзлась,—и несчастные вмѣстѣ съ лодками погрузились въ море и потонули.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

ФИЛИППА ИРАПСКАГО

Въ княженіе Великаго князя Московскаго и всея Россіи Василія Іоанновича[1]) въ предѣлахъ вологодскихъ, вблизи обители преподобнаго Корнилія[2]), появился нѣкій отрокъ, по имени Ѳеофилъ. Онъ поселился у одного человѣка, по имени Василія. Пропитаніе онъ снискивалъ Именемъ Христовымъ. У юноши былъ благочестивый обычай каждый день посѣщать Божественную службу, каждую ночь проводить въ молитвѣ, безпрестанно бодрствуя. Видя смиреніе Ѳеофила, его кротость и любовь къ молитвѣ, всѣ стали дивиться сему юному отроку. Никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ принималъ участіе въ дѣтскихъ играхъ или смѣялся. О немъ сказали преподобному Корнилію. Преподобный повелѣлъ привести къ себѣ отрока. Корнилій тихо и кротко спросилъ юношу, кто онъ и откуда родомъ, какъ его зовутъ и гдѣ живутъ его родители. Заплакавъ, отрокъ поклонился въ ноги святому и сказалъ:

— Прости меня, честный отче, я не помню своихъ родителей, остался послѣ нихъ въ малыхъ лѣтахъ; сказывали мнѣ, что они были крестьяне, а мнѣ имя Ѳеофилъ. Скитался я, питаясь Именемъ Божіимъ, не знаю, какъ пришелъ сюда, и теперь живу здѣсь у своего хозяина. Молю тебя, честный отче, позволь мнѣ потрудиться въ твоей обители, сколько я могу.

Святый Корнилій своими прозорливыми очами провидѣлъ, что онъ будетъ избраннымъ сосудомъ Божіимъ. Онъ повелѣлъ принять Ѳеофила въ монастырь и поручилъ его ризничему.

Отроку тогда было всего 12 лѣтъ. Со дня поступленія въ монастырь онъ началъ усердно служить братіи, отличался великимъ послушаніемъ и смиреніемъ. Около 3 лѣтъ служилъ онъ такъ братіи. Видя его рвеніе и кротость, ризничій сообщилъ о семъ преподобному Корнилію. Всѣ иноки любили трудолюбиваго отрока. Когда ему исполнилось 15 лѣтъ, преподобный Корнилій призвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Дорогое мое чадо, ты вполнѣ достоинъ воспріять иноческое постриженіе.

---

[1]) *Василій Іоанновичъ* занималъ великокняжескій престолъ отъ 1505 до 1533 года.

[2]) Память *преподобнаго Корнилія Комельскаго*—19-го мая.

Ѳеофилъ съ радостью отвѣтствовалъ:

— Всего болѣе желаетъ сего душа моя! Прошу тебя, святый отче, не медли исполнить сіе благое и Богоугодное дѣло.

Самъ преподобный Корнилій, наставивъ блаженнаго, постригъ его въ иноки, причемъ ему дано было имя—Филиппъ. Для духовнаго руководства отдали юнаго инока весьма искусному и благочестивому иноку Флавіану. Прежде всего онъ научилъ святаго Филиппа грамотѣ. Господь помогъ своему вѣрному рабу. Въ короткое время Филиппъ хорошо изучилъ грамоту и могъ быстро читать книги Священнаго Писанія. Много лѣтъ подвизался въ обители преподобный Филиппъ, исполняя всѣ послушанія. Онъ то прислуживалъ въ церкви, то работалъ въ пекарнѣ—носилъ воду и дрова, днемъ—исполнялъ разныя работы для братіи, а ночью—молился. Особенно строго онъ соблюдалъ постъ и подавалъ примѣръ истиннаго воздержанія. Братія дивились такимъ подвигамъ преподобнаго и стали просить святаго Корнилія, чтобы онъ поставилъ у нихъ Филиппа пресвитеромъ. Блаженный охотно исполнилъ ихъ просьбу. Тогда Филиппъ усугубилъ свои подвиги, такъ что иноки еще болѣе стали удивляться его добродѣтельной жизни. Замѣтивъ сіе, Филиппъ смутился духомъ и сталъ скорбѣть.

«Горе мнѣ,—помышлялъ онъ въ себѣ,—я уже получилъ себѣ награду отъ людей. Какой мзды мнѣ еще ожидать отъ Господа въ день судный? Нѣтъ, горе приноситъ мнѣ хвала людская.»

Желая избѣгнуть славы, онъ вознамѣрился покинуть обитель и направиться туда, куда ему укажетъ Господь. О семъ онъ повѣдалъ блаженному Корнилію. Святый старецъ, преподавъ ему душеполезныя наставленія, далъ ему свое благословеніе и съ миромъ отпустилъ изъ своей обители. Преподобный Филиппъ началъ молиться Пресвятой Богородицѣ:

— Услышь меня, скорая Помощница, избавь меня отъ скорби, которая смущаетъ сердце мое.

Однажды ночью, когда онъ, по своему обычаю, стоялъ въ монастырѣ на молитвѣ и воспѣвалъ канонъ въ честь Одигитріи[1]), вдругъ услышалъ онъ гласъ:

---

[1]) Наименованіе *Одигитрія*, т. е. *Путеводительница*, было усвоено Смоленской иконѣ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Это наименованіе одни объясняютъ тѣмъ, что сія святая икона сопутствовала Греческимъ императорамъ въ походахъ; другіе объясняютъ это тѣмъ, что святая икона Одигитріи первоначально была въ монастырѣ

«Возлюбленный рабъ Мой, выйди отсюда и ступай, куда Я укажу тебѣ.»

Святый посмотрѣлъ въ оконце своей келліи и увидѣлъ, что на южной сторонѣ сіяетъ великій свѣтъ. Онъ ужаснулся отъ сего видѣнія и въ страхѣ выбѣжалъ изъ своей келліи.

«Сіе и есть то мѣсто, — подумалъ онъ,—которое мнѣ указано свыше. Да будетъ воля Господня.»

Возвратившись въ келлію, онъ окончилъ свою молитву и долго размышлялъ о бывшемъ ему видѣніи. Когда онъ утромъ направился къ церкви, снова сподобился услышать гласъ:

«Выйди изъ сей обители и ступай, куда Я тебѣ укажу».

Послѣ сего святый Филиппъ въ слѣдующую ночь вышелъ изъ монастыря, не имѣя съ собою ничего, кромѣ одежды, какая была на немъ, и отправился въ дорогу. Онъ пришелъ на Кубенское озеро[1]) въ монастырь Всемилостиваго Спаса и отсюда продолжалъ свой путь, отыскивая себѣ мѣсто, удобное для безмолвія и иноческихъ подвиговъ. При семъ онъ питалъ свою душу такими размышленіями:

«Бѣжимъ плотской жизни, какъ нѣкогда народъ Еврейскій бѣжалъ отъ рабства Египетскаго. Уклонимся отъ сребролюбія, ибо оно — корень и начало всякаго зла. Да будетъ Господь моимъ водителемъ и наставникомъ!»

Преподобный Филиппъ пришелъ на Бѣлоозеро въ волость Андогу, сталъ обходить ту страну и въ лѣсу на берегу рѣки Андоги[2]) нашелъ одно прекрасное мѣсто, тихое и уединенное.

«Се покой мой, здѣ вселюся»,— воскликнулъ онъ и обратился съ благодарственной молитвой къ Господу.

Истомленный долгой дорогой, преподобный легъ подъ одной развѣсистой сосной и уснулъ. Во снѣ ему явился Ангелъ Господень и сказалъ:

— Филиппъ, здѣсь Господь уготовалъ тебѣ мѣсто.

Блаженный тотчасъ же пробудился и сталъ молиться Пресвятой Троицѣ. Утромъ на слѣдующій день онъ отправился къ правителю той волости князю Андрею Васильевичу Шелешпанскому. Пришедши къ князю, блаженный сталъ просить его о томъ мѣстѣ,

---

Путеводителей на берегу Мраморнаго моря: отправляющіеся въ плаваніе моряки молились предъ сей святой иконой. Существуетъ еще третье объясненіе: два слѣпца по указанію самой Богоматери были приведены къ сей иконѣ и получили исцѣленіе. Празднованіе иконѣ Божіей Матери Одигитріи 28 іюля.

[1]) *Кубенское озеро* находится въ юго-западной части Вологодской губерніи.

[2]) *Андога*—рѣка въ Новгородской губерніи.

гдѣ ему было видѣніе. Князь вмѣстѣ съ блаженнымъ отправился на то мѣсто и своимъ посохомъ очертилъ пространство отъ рѣки Андоги до Малаго Ирапа и позволилъ блаженному здѣсь жить. Преподобный обвелъ то мѣсто рвомъ, устроилъ себѣ на берегу рѣки келейку, вертепецъ малый и началъ молиться Господу о спасеніи души своей.

У князя Андрея былъ братъ князь Іоаннъ. Когда князь Андрей сказалъ своему брату о томъ, что въ ихъ волости поселился блаженный Филиппъ, князь Іоаннъ, по наважденію діавольскому, сильно разгнѣвался на своего брата и на блаженнаго Филиппа. При народѣ и священникахъ онъ началъ укорять своего брата:

— Ты пустилъ сюда сего человѣка, а у меня онъ не спрашивался; вотъ я поѣду къ нему, прогоню его оттуда и не позволю ему жить тамъ.

Напрасно князь Андрей вмѣстѣ съ священниками и народомъ уговаривалъ брата не дѣлать зла святому человѣку. Князь Іоаннъ еще болѣе разсердился, вскочилъ на коня и поскакалъ въ пустыню, намѣреваясь изгнать оттуда святаго. Когда князь подъѣхалъ къ Малому Ирапу, конь остановился и не пошелъ черезъ ручей. Князь ударилъ его бичомъ. Но конь, закусивъ удила, понесся обратно, примчалъ князя въ село, гдѣ онъ жилъ, и здѣсь у церкви Николая Чудотворца сбросилъ князя, а самъ понесся далѣе и верстахъ въ двухъ издохъ. Падая, князь ударился о камень и умеръ. Князь Андрей похоронилъ брата и отправился къ преподобному Филиппу. Онъ сталъ давать пустыннику серебро на поминъ своего брата. Преподобный же серебра не принялъ, но попросилъ землю между ручьями Большимъ и Малымъ Ирапомъ. Князь Андрей охотно исполнилъ его просьбу: онъ закрѣпилъ за нимъ всю ту землю, приказавъ своимъ крестьянамъ слушаться преподобнаго и всячески помогать ему. Съ сего времени князь Андрей и многіе другіе стали имѣть большую вѣру къ преподобному и просить его молитвъ и наставленій. Блаженный поставилъ себѣ часовню и келлію, а потомъ задумалъ построить храмъ во имя Пресвятой Троицы. Многіе приходили къ Филиппу помолиться въ его часовнѣ. Преподобный поучалъ ихъ о пользѣ душевной и говорилъ имъ:

— Послушайте, отцы и чада: исполнимъ дѣло благое и полезное для душъ нашихъ, построимъ церковь во имя Святой и Живоначальной Троицы.

Слыша сіе, народъ охотно сталъ помогать святому. Въ скоромъ времени, съ помощію Божіею и по молитвамъ святаго Филиппа, они построили церковь и украсили ее по мѣрѣ своихъ силъ. Самъ князь Андрей Васильевичъ пожертвовалъ въ церковь книги и утварь. Наконецъ храмъ сей былъ освященъ, и въ немъ стали возноситься молитвы и славословія Господу. Вновь возникшую обитель назвали Красноборской пустыней Филиппа Ирапскаго[1]). Слава о святомъ подвижникѣ стала распространяться, и многіе приходили къ нему, испрашивая его молитвъ и назиданія. Всѣхъ блаженный Филиппъ поучалъ, всѣмъ давалъ совѣты полезные, за всѣхъ молился, всѣхъ ободрялъ и утѣшалъ.

— Будемъ жить мирно и кротко,—наставлялъ святый всѣхъ приходившихъ къ нему,—любите родителей своихъ и почитайте ихъ. Да сохранитъ васъ Богъ мира во всякомъ мирѣ и тишинѣ; любовь имѣйте ко всѣмъ сродникамъ вашимъ, ко всѣмъ нищимъ и убогимъ, ибо они наши ближніе; вспомнимъ, что самъ Господь возлюбилъ нищихъ. Братіе, не станемъ возноситься, но будемъ кротки и смиренны, ибо **бг҃ъ гѡ́рдымъ проти́вится, смире́нным же дае́тъ бл҃года́ть**[2]).

Поучая такъ другихъ, святый Филиппъ усугублялъ все болѣе и болѣе свои подвиги, все время воспѣвалъ Боговдохновенные Псалмы Давида, исполняя въ точности всѣ правила иноческой жизни. Особенно онъ совѣтовалъ всѣмъ читать Псалмы:

— Внимайте, чада,—говорилъ онъ,—что ничто такъ сильно не прогоняетъ отъ насъ бѣсовъ, какъ пѣніе пѣсней Давидовыхъ.

Однажды, когда блаженный стоялъ на молитвѣ въ своей келліи, вдругъ онъ услышалъ трубный звукъ и шумъ, какъ бы отъ воинской рати. Блаженный удивился.

— Откуда сей трубный гласъ? Вѣдь здѣсь нѣтъ брани!

Между тѣмъ нечистый духъ, который произвелъ сей шумъ, приблизился къ святому и сказалъ:

— Нѣтъ, брань есть; она ведется противъ тебя. Если ты не хочешь вести сей брани, то ступай, спи,—и мы не станемъ воевать противъ тебя.

Святый, сотворивъ молитву, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и воскликнулъ:

---

1) *Красноборская-Троице-Филиппо-Ирапская* пустынь, нынѣ заштатная, находится въ предѣлахъ Новгородской епархіи въ 52 верстахъ отъ города Череповца.

2) 1 Послан. Петр., гл. 5, ст. 5.

— Да воскр҃нетъ бг҃ъ и҆ расточа́тсѧ врази̇ є҆гѡ̀ и҆ да бѣжа́тъ ѿ лица̀ є҆гѡ̀ ненави́дѧщїи є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ и҆счеза́етъ ды́мъ, да и҆сче́знꙋтъ[1]).

Тотчасъ вся сила бѣсовская исчезла. Блаженный Филиппъ, видя сіе, воскликнулъ:

— Крѣпокъ и силенъ Господь!

Съ тѣхъ поръ блаженный еще болѣе сталъ подвизаться въ постѣ и молитвахъ. Лукавый самъ не могъ уже болѣе досаждать ему, а началъ подъучать на него злыхъ людей. Они вооружились на святаго мужа и хотѣли изгнать его отъ мѣста, указаннаго ему Богомъ. Видя, что люди дѣлали ему зло по внушенію діавола, святый молился за своихъ досадителей, говоря:

— Не вмѣни имъ сего въ грѣхъ, Господи, и прости имъ всѣ согрѣшенія.

Тогда другіе люди, видя его незлобіе и терпѣніе, говорили другъ другу:

— Вотъ—святый человѣкъ: не помнитъ злобы и досады, а только молится о своихъ досадителяхъ.

Однажды діаволъ въ образѣ монаха подошелъ къ келліи святаго и сталъ стучаться. Блаженный сказалъ:

— Сотвори молитву.

Діаволъ же отвѣчалъ:

— Нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

Тогда святый снова потребовалъ, чтобы монахъ произнесъ молитву, но діаволъ опять повторилъ свой отвѣтъ. Святый въ третій разъ приказалъ монаху произнести молитву, но послѣдовалъ тотъ же самый отвѣтъ. Святый сказалъ:

— Скажи такъ: «Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу нынѣ, и присно, и во вѣки. Аминь».

Бѣсъ, услышавъ сіе, быстро исчезъ, какъ будто его палилъ огонь.

Тогда святаго Филиппа объяло раздумье; онъ даже думалъ оставить то мѣсто, но услышалъ Гласъ:

«Не смущайся, рабъ Божій. Пребывай здѣсь, какъ я повелѣлъ тебѣ. Тогда сподобишься лицезрѣть славу Божію и обрѣтешь покой душѣ своей».

Блаженный Филиппъ жилъ одинокимъ отшельникомъ въ Красноборской пустыни. Слыша о его подвижнической жизни, многіе благочестивые люди, иноки и міряне, съ разныхъ сторонъ прихо-

---

[1]) Псал. 67, ст. 2—3.

дили къ нему ради душеспасительной бесѣды, прося святаго повѣдать имъ, какъ спасти душу отъ грѣха. Обычными посѣтителями и собесѣдниками его были крестьяне Андожской волости. Блаженный съ любовію поучалъ всѣхъ простымъ и краткимъ, но сильнымъ и задушевнымъ словомъ: инокамъ говорилъ о трехъ добродѣтеляхъ, дающихъ имъ власть надъ нечистыми силами,—о нестяжаніи, многомъ бдѣніи и усиленной молитвѣ, напоминалъ о томъ, какъ жестко и скорбно иго иноческаго житія и какъ жили прежніе иноки, навыкшіе жестокимъ житіемъ и молчаніемъ служить Богу; мірскимъ людямъ внушалъ любить ближнихъ, особенно—помогать нищимъ и убогимъ, соблюдать ко всѣмъ правду; указывалъ на силу духа отцовъ и на слабодушіе нынѣшнихъ людей, въ примѣръ терпѣнія въ скорбяхъ ставилъ святыхъ мучениковъ и блаженныхъ постниковъ, превзошедшихъ страданіями и лишеніями мѣру естества человѣческаго и вѣчно живущихъ въ памяти людей; училъ наблюдать за своими мыслями, помышлять о вѣчномъ будущемъ, а не о маловременномъ настоящемъ. На вопросъ собесѣдника, почему мы осуждаемъ другихъ, блаженный отвѣчалъ: «кто осуждаетъ другихъ, тотъ еще не уразумѣлъ себя, не велъ борьбы съ самимъ собой». Любопытствовавшимъ онъ разсказывалъ о себѣ, какъ онъ, крестьянскій сынъ, еще въ дѣтствѣ оставшись круглымъ и безпріютнымъ сиротой, скитался, питаясь Христовымъ Именемъ, какъ пришелъ въ обитель къ преподобному Корнилію и навыкалъ иноческому жительству — день проводилъ на службѣ монастырской въ трудахъ тѣлесныхъ, а ночью молился до Заутрени, кладя по сту поклоновъ на каждой изъ 18 ступеней храма, и какъ поселился на Ирапѣ.

Однажды нѣкій поселянинъ, по имени Мелетій, пришелъ къ блаженному Филиппу, прося у него наставленія. Питая глубокую вѣру къ святому, Мелетій часто посѣщалъ обитель блаженнаго. На сей разъ онъ остался ночевать у святаго Филиппа. До поздняго вечера святый все бесѣдовалъ съ поселяниномъ. Наконецъ, преподобный сталъ совершать свои вечернія молитвы, а Мелетій, одержимый дремотой, скоро заснулъ. Около полуночи онъ проснулся и окликнулъ блаженнаго; но его не было въ келліи. Мелетій открылъ оконце, посмотрѣлъ по направленію къ церкви и видитъ: святый съ воздѣтыми руками стоитъ на колѣнахъ у церкви и молится; руки его свѣтились, какъ огненныя свѣчи. Мелетій, затворивъ окно, сталъ молиться Пресвятой Троицѣ, ди-

вясь сему видѣнію. Потомъ онъ разсказалъ о семъ многимъ, и слышавшіе стали имѣть великую вѣру въ блаженнаго.

Такъ жилъ преподобный Филиппъ 15 лѣтъ въ своей пустынѣ, ожидая блаженнаго покоя и отхода души своей ко Господу, ободряя себя словами:

«Терпи, Филиппъ, мужайся и крѣпись».

Непрестанно онъ молился и взывалъ изъ глубины своей чистой души:

— Боже Вседержителю, умири міръ, помилуй и спаси всѣхъ православныхъ христіанъ, подаждь имъ тишину и благоденствіе и очисти ихъ отъ всѣхъ грѣховъ. Милостивъ и долготерпѣливъ Ты, Господи, ждешь отъ насъ покаянія и не хочешь смерти грѣшниковъ. Велика Твоя милость и безпредѣльно Твое милосердіе. И Ты, милостивая Госпоже, Пресвятая Богородице, скорая наша помощнице и заступнице, моли непрестанно за насъ Сына Твоего.

Въ сіе время къ преподобному пришелъ инокъ изъ Спасо-Каменнаго монастыря, что на Кубенскомъ озерѣ. Сего инока звали Германомъ. Пришедшій сталъ просить преподобнаго Филиппа, чтобы онъ позволилъ ему пожить вмѣстѣ съ нимъ въ пустынѣ.

— Тяжка и прискорбна здѣсь жизнь, брате, — отвѣтствовалъ святый на просьбу Германа.

— Терпѣніе, отче,—начало спасенію; потерплю о Христѣ, сколько возмогу,—отвѣчалъ тотъ.

Съ того времени они начали вмѣстѣ подвизаться въ трудахъ и молитвахъ. Видя, какъ жилъ многоподвижный пустынникъ, Германъ началъ имѣть великую вѣру въ блаженнаго Филиппа, много съ нимъ бесѣдовалъ, разспрашивалъ его о прежней его жизни и все, что разсказывалъ ему о себѣ преподобный, записывалъ на память будущимъ родамъ.

Долго еще подвизался блаженный Филиппъ вмѣстѣ съ Германомъ. Провидя скорую кончину, преподобный однажды сказалъ Герману:

— Прошу тебя, любимый брате мой, не оставляй меня до моей кончины, ибо недолго мнѣ осталось быть съ тобою.

Съ сего времени преподобный усугубилъ свои молитвы. Блаженная кончина его послѣдовала въ ночь на 14 ноября 1537 г.

Въ полночь Германъ, проснувшись, былъ удивленъ необычайнымъ благоуханіемъ, которое распространялось по всей келліи.

Взглянувъ на ложе преподобнаго, онъ увидалъ, что Филиппъ уже предалъ Господу свою душу. Лице праведника свѣтилось необыкновеннымъ свѣтомъ. Германъ, не имѣя сана іерейскаго, не могъ самъ предать погребенію тѣло святаго Филиппа. По волѣ Божіей, утромъ пришелъ въ ту пустыню священноинокъ Іовъ. Вмѣстѣ съ Германомъ онъ благоговѣйно похоронилъ святаго Филиппа. Таково было житіе сего преподобнаго, богатаго своимъ смиреніемъ и великаго своими подвигами во славу Пресвятой Троицы. Аминь.

ПАМЯТЬ БЛАГОВѢРНАГО

ЦАРЯ ЮСТИНІАНА и ЦАРИЦЫ ѲЕОДОРЫ

Святый Юстиніанъ, императоръ Византіи, былъ славянинъ: онъ родился въ селеніи Вердянѣ, близъ города Средца[1]), въ нынѣшней Болгаріи. Его дядя Юстинъ, который также былъ уроженецъ Вердяны, пѣшкомъ, въ одномъ тулупѣ, пришелъ въ Константинополь. Здѣсь онъ, благодаря своимъ природнымъ дарованіямъ, быстро возвысился, а потомъ сдѣлался даже императоромъ. Въ Константинополь онъ перевелъ вслѣдъ за собою изъ Вердяны свою жену Лупкиню съ ея сестрою Бѣгляницею, матерію Управды. Этотъ Управда, по смерти Юстина, и занялъ византійскій императорскій престолъ съ именемъ Юстиніана.

Императоръ Юстиніанъ извѣстенъ въ исторіи своими успѣшными войнами съ врагами Византійской имперіи, а также изданіемъ полнаго собранія римскихъ законовъ. Но, сверхъ того, онъ прославился своими заслугами въ пользу христіанской Церкви и Православія. Такъ, онъ предпринялъ немало заботъ къ распространенію христіанства и къ искорененію язычества. Закрывъ языческія школы въ Аѳинахъ, онъ повелѣлъ, чтобы преподаваніе наукъ вели иноки. Язычество болѣе всего подвергалось его преслѣдованіямъ въ самой столицѣ его царства—Византіи, а также и въ Малой Азіи. Съ цѣлію обращенія ко Христу язычниковъ Юстиніанъ послалъ въ Малую Азію Іоанна, епископа Ефесскаго, и тотъ крестилъ тамъ до 70 тысячъ язычниковъ, а императоръ построилъ для обращенныхъ до 90 церквей.

[1]) *Средецъ* —теперь Софія, столица Болгаріи.

Наряду съ распространеніемъ христіанства Юстиніанъ радѣлъ о сохраненіи чистоты православной вѣры. Въ его царствованіе продолжали безпокоить Православную Церковь несторіане, которые учили, что Христосъ не былъ Богочеловѣкомъ и что Божество только обитало въ Немъ какъ въ простомъ человѣкѣ[1]). Еще болѣе несторіанъ волновали Церковь монофизиты, учившіе, что въ Іисусѣ Христѣ Божеское естество поглотило человѣческое. Противъ этихъ-то произвольныхъ измышленій человѣческаго разума Юстиніанъ составилъ пѣснь: «Единородный Сыне и Слове Божій», которую повелѣлъ пѣть за Богослуженіемъ[2]). По его же стараніямъ въ 553 году былъ созванъ Пятый Вселенскій Соборъ для осужденія несторіанскихъ мыслей въ сочиненіяхъ Ѳеодора Мопсуетскаго, Ѳеодорита Кипрскаго и Ивы Едесскаго[3]) и для прекращенія раздоровъ въ Церкви[4]).

Ревнитель Православія и благочестія, Юстиніанъ много заботился о Богослуженіи Православной Церкви и о благолѣпіи храмовъ какъ мѣстъ Богослуженія. Въ своемъ сводѣ законовъ онъ помѣстилъ, между прочимъ, законъ объ обязательномъ повсемѣстномъ празднованіи праздниковъ Рождества Христова, Крещенія Господня и Воскресенія, Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и другихъ. Кромѣ того, Юстиніанъ построилъ много прекрасныхъ храмовъ во славу Пресвятой Богородицы, Апостоловъ и другихъ святыхъ. Самымъ знаменитымъ созданіемъ Юстиніана считается храмъ святой Софіи, Премудрости Божіей, въ Константинополѣ.

---

[1]) Основатель ереси былъ Несторій, Константинопольскій Патріархъ IV вѣка, съ 428 по 431 г.

[2]) Въ настоящее время пѣснь эта поется за Литургіей предъ Малымъ входомъ.

[3]) *Ѳеодоръ Мопсуетскій*—епископъ Мопсуетсін—города въ области Килнкіи въ Малой Азіи; *Ѳеодоритъ*—епископъ города Кирры, въ средней Греціи; оба жили въ IV в.; послѣдній написалъ нѣсколько сочиненій въ опроверженіе Кирилла, епископа Александрійскаго, который былъ противникомъ Несторія. Впослѣдствіи отъ своихъ несторіанскихъ мыслей Ѳеодоритъ отказался и умеръ въ мирѣ съ Церковію. *Ива,* пресвитеръ города Едессы, былъ современникомъ Ѳеодора Мопсуетскаго и Ѳеодорита Киррскаго.

[4]) Соборъ этотъ былъ созванъ по слѣдующему поводу. Монофизиты, послѣ осужденія ихъ на IV Вселенскомъ Соборѣ, возбуждали волненія въ Церкви, обвиняя представителей Православія въ несторіанствѣ. Основаніемъ для такого обвиненія послужило то обстоятельство, что на IV Вселенскомъ Соборѣ не были осуждены несторіанскія мысли Ѳеодора Мопсуетскаго, Ѳеодорита Киррскаго и Ивы Едесскаго, изъ отрицанія которыхъ (мыслей) выходили сами монофизиты. Чтобы отнять у монофизитовъ поводъ къ обвиненію православныхъ въ сочувствіи несторіанамъ и былъ созванъ Соборъ для рѣшенія вопроса о правовѣріи указанныхъ отцовъ. На Соборѣ было произнесено проклятіе на ученіе и лицо Ѳеодора Мопсуетскаго безусловно; но относительно Ѳеодорита и Ивы осужденіе ограничилось только нѣкоторыми ихъ сочиненіями; сами же они, какъ отказавшіеся потомъ отъ своихъ еретическихъ мыслей, не были подвергнуты анаѳемѣ.

Построенный еще равноапостольнымъ царемъ Константиномъ, этотъ храмъ при Юстиніанѣ былъ сожженъ во время одного бунта. Благочестивый царь собралъ лучшихъ строителей, не щадилъ золота и денегъ и соорудилъ храмъ на удивленіе вѣкамъ по своему величію и красотѣ.

Въ своей частной жизни Юстиніанъ проявлялъ высокое благочестіе. Всегда набожный, онъ проводилъ Великій Постъ въ суровомъ воздержаніи и молитвахъ, не вкушалъ хлѣба, а довольствовался растеніями и водой, да и то черезъ день и два.

Такъ, живя въ чистотѣ и благочестіи, онъ царствовалъ 39 лѣтъ и мирно скончался о Господѣ[1]). За заслуги Церкви и за благочестіе онъ причисленъ, по смерти, къ лику святыхъ. Вмѣстѣ съ нимъ причислена къ лику святыхъ и его супруга, царица Ѳеодора, которая была сначала грѣшницею, но потомъ раскаялась и провела остатокъ жизни въ чистотѣ и благочестіи.

[1]) Это было 14 ноября 565 г.

День пятнадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ГУРІЯ, САМОНА и АВИВА

Когда на Церковь Божію было воздвигнуто нечестивыми царями Діоклетіаномъ и Максиміаномъ жестокое гоненіе и она была обуреваема бѣдствіями, какъ корабль въ бурномъ морѣ, въ то время близъ города Едессы[1]) жили въ уединеніи, какъ бы въ тихомъ пристанищѣ, два благочестивыхъ и добродѣтельныхъ мужа —Гурій и Самонъ. Воспитанные въ самомъ городѣ Едессѣ, они не захотѣли жить въ немъ по причинѣ суеты и беззаконій, господствовавшихъ въ городѣ, но, избѣгая міра и мірскихъ заботъ, ушли вонъ изъ города и, удаляясь нечестивыхъ людей, стремились къ Единому Богу, вѣруя въ Него и усердно служа Ему день и ночь. И не только они сами неуклонно работали Господу, но наставляли къ тому и другихъ, кого только могли, и много язычниковъ отвращали отъ безбожнаго идолопоклонства и приводили къ Истинному Богу. Узнавъ объ этомъ, бывшій тогда въ Едессѣ представитель римскихъ царей, воевода

---

[1]) *Едесса*—городъ въ Македоніи.

Ст҃іи мч҃нцы
Гꙋ́рїй, Самѡ́нъ и А҆ві́въ

[illegible]

[illegible] ских работъ, [illegible] удалось [illegible] людей, стремились къ Божьему Богу, вѣруя въ Него и [illegible] служа Ему день и ночь. И не только они сами неуклонно [illegible] Господу, но наставляли къ тому и другихъ, кого [illegible] [illegible] отъ безбожнаго [illegible] [illegible] Богу. Узнавъ объ этомъ [illegible] царей, [illegible]

Антонинъ, приказалъ немедленно взять ихъ и всѣхъ, кто послѣдовалъ ихъ ученію. Взятые язычниками, исповѣдники Христовы Гурій и Самонъ и съ ними множество христіанъ содержались до времени подъ стражею. Затѣмъ Антонинъ, призвавъ захваченныхъ христіанъ, приказывалъ всѣмъ подчиниться царскому повелѣнію и принести жертву идоламъ; но ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ быть отступникомъ отъ Господа своего. Тогда онъ приказалъ подвергнуть ихъ біенію; но затѣмъ сообразилъ, что если самихъ наставниковъ склонить къ идолослуженію, то и другіе, смотря на нихъ, легко могутъ быть склонены къ тому же, и, въ этихъ видахъ, оставилъ для истязанія только предводителей Христова стада, Гурія и Самона; прочихъ же, подвергнувъ біенію, отпустилъ по домамъ, притворно показывая себя милостивымъ. А двухъ святыхъ исповѣдниковъ онъ призвалъ къ себѣ на судъ и сказалъ имъ:

— Великіе цари наши повелѣваютъ вамъ, чтобы вы поклонились великому богу Дію[1]) и принесли ему куреніе въ его храмѣ.

Самонъ отвѣчалъ на это:

— Не будетъ того, чтобы мы отступили отъ истинной вѣры, за которую ожидаемъ получить безсмертную жизнь,—мы не поклонимся дѣлу рукъ человѣческихъ.

Тогда Антонинъ сказалъ:

— Повелѣніе царей во всякомъ случаѣ вы должны исполнить.

— Мы никогда не откажемся отъ святой и непорочной нашей вѣры,—отвѣчалъ Гурій,—и не уступимъ злой и пагубной волѣ человѣческой; но мы исполняемъ волю Господа нашего, Который говорилъ: «**всѧ́къ, и҆́же и҆сповѣ́сть мѧ̀ пред̾ человѣ́ки, и҆сповѣ́мъ є҆го̀ и҆ а҆́зъ пред̾ ѻ҆ц҃е́мъ моѝмъ, и҆́же на нб҃сѣ́хъ. А҆ и҆́же ѿве́ржетсѧ мене̑ пред̾ человѣ́ки, ѿве́ргꙋсѧ є҆го̀ и҆ а҆́зъ пред̾ ѻ҆ц҃е́мъ моѝмъ, и҆́же на нб҃сѣ́хъ**»[2]).

Тогда судья началъ угрожать имъ смертію, если они не подчинятся царской волѣ. Но святый Самонъ смѣло сказалъ ему:

— Мучитель! Мы, исполняя волю Создателя нашего, не умремъ, но жить будемъ вовѣки; а если послѣдуемъ царскому повелѣнію, то, и не убитые тобою, сами погибнемъ.

Услыхавъ это, Антонинъ приказалъ бросить святыхъ въ мрачную темницу.

---

[1]) *Дій,* или *Юпитеръ,*—по вѣрованію язычниковъ римлянъ былъ высочайшимъ изъ боговъ и отцомъ боговъ.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 32—33.

Въ то время прибылъ въ Едессу правитель области Музоній, нарочно присланный царями для преданія христіанъ смерти. Выведши святыхъ мучениковъ Гурія и Самона изъ темницы, онъ поставилъ ихъ предъ собою и сказалъ имъ:

— Таково повелѣніе царей всей земли, чтобы вы принесли вино и куреніе на алтарь Дія; если же не принесете, то я заставлю васъ вытерпѣть различныя мученія: посредствомъ ударовъ раздроблю тѣло ваше, повѣсивъ васъ за ноги и руки, разорву всѣ суставы; изобрѣту для васъ новыя и неслыханныя мученія, которыхъ вамъ не перенести.

На все это святый Самонъ отвѣчалъ:

— Мы болѣе боимся червя неусыпающаго и огня неугасимаго, уготованнаго для всѣхъ отступниковъ отъ Господа, нежели тѣхъ мученій, какія ты перечислилъ, ибо Тотъ, Которому мы приносимъ духовную жертву, прежде укрѣпитъ насъ въ перенесеніи мученій и сдѣлаетъ неодолимыми, а затѣмъ, избавивъ насъ отъ рукъ твоихъ, вселитъ насъ въ свѣтлыя обители, гдѣ находится пребываніе всѣхъ веселящихся. Итакъ, мы не боимся твоей угрозы, потому что ты вооружаешься только противъ тѣла, но не можешь повредить душѣ, которая, пока живетъ въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ все болѣе очищается и просвѣщается наносимыми тѣлу страданіями. **Аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по дни**[1]): посему **терпѣніемъ течемъ на предлежащій намъ подвигъ**[2]).

Правитель сказалъ снова:

— Оставьте свое безразсудство, послушайтесь моего совѣта и, отступивъ отъ своего заблужденія, исполните царское повелѣніе, ибо вамъ не перенести тѣхъ мученій, какія я приготовилъ для васъ.

Святый Гурій отвѣчалъ:

— Мы и не заблуждаемся, какъ ты думаешь, и не послушаемся твоего безумнаго совѣта и не подчинимся царской волѣ. Не будемъ настолько малодушны и безумны, чтобы бояться твоихъ мученій и тѣмъ прогнѣвать Господа нашего. Мы—рабы Того, Кто, являя намъ богатство Своей благости, положилъ душу Свою за насъ; какъ же и намъ не стоять за Него, даже до крови? Станемъ мужественно, укрѣпляемые Христомъ Іисусомъ, станемъ непоколеби-

---

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 16.

2) Посл. къ Евр., гл. 12, ст. 1.

мыми при всѣхъ вражескихъ ухищреніяхъ, станемъ, пока не низложимъ врага, возстающаго на насъ.

Видя ихъ непоколебимость въ вѣрѣ, мучитель приступилъ къ истязаніямъ. Онъ велѣлъ повѣсить святыхъ, связавъ руку одного съ рукою другого и привязавъ къ ногамъ ихъ тяжелый камень. Въ такомъ положеніи они терпѣливо висѣли отъ третьяго до восьмаго часа; въ это время правитель производилъ судъ надъ другими.

Послѣ сего онъ спросилъ святыхъ, соглашаются ли они подчиниться царскому повелѣнію, чтобы освободиться отъ истязанія; но они неизмѣнно продолжали исповѣдывать истинную вѣру. Тогда мучитель приказалъ отвязать ихъ и бросить въ темницу, крайне тѣсную, въ которой и свѣтъ дневной никогда не показывался, и куда вѣтеръ не проникалъ. Въ такой темницѣ они пробыли съ перваго дня августа до девятаго числа ноября; съ забитыми въ дерево ногами, они претерпѣвали жестокія страданія, голодъ и жажду и, несмотря на то, не переставали возносить благодареніе Богу.

Послѣ столь тяжкаго и долговременнаго пребыванія въ темницѣ они снова выведены были на судъ къ правителю. Святый Гурій былъ уже едва живъ, изнемогши отъ многихъ стѣсненій въ темницѣ, отъ великаго голода и жажды; а святый Самонъ казался крѣпкимъ. Правитель спросилъ ихъ:

— Не наскучило ли вамъ быть столько времени въ темницѣ, и не перемѣнили ли вы своего ожесточеннаго сердца, чтобы послушать здраваго совѣта и, почтивши нашихъ боговъ, освободиться отъ настоящаго тяжелаго положенія?

Святые отвѣчали:

— Что говорили мы тебѣ прежде, то и теперь говоримъ: не отступимъ отъ Господа нашего Іисуса Христа; мучай насъ, какъ хочешь.

И вотъ мучитель велѣлъ отвести святаго Гурія какъ больного, въ темницу, ибо онъ не хотѣлъ тогда мучить его, чтобы не ускорить его смерти и не потерять чрезъ это надежды когда-нибудь склонить его къ своему нечестію; святаго же Самона приказалъ повѣсить за одну ногу, внизъ головою, а къ другой ногѣ привязать желѣзную тяжесть. Въ такомъ положеніи онъ висѣлъ со второго часа дня до часа девятаго. Стоявшіе кругомъ его воины, изъ сочувствія къ нему, увѣщавали его подчиниться царскому повелѣнію и избавить себя отъ тяжкаго мученія. Онъ же

ничего не отвѣчалъ имъ, но изъ глубины сердечной молился Богу и вспоминалъ отъ вѣка бывшія чудеса Его:

«Господи Боже мой, безъ воли Котораго **нижѐ пти́ца ѐди́на паде́тъ** въ сѣть[1]), Ты Давидово сердце **въ ско́рби распространи́лъ ѐси**[2]), и Пророка Даніила сильнѣе львовъ показалъ еси[3]). Вѣдый немощь естества нашего, виждь брань, возстающую на насъ; ибо тщится врагъ отторгнуть отъ Тебя достояніе Твое; но Ты, благосердымъ Твоимъ окомъ призрѣвъ на насъ, соблюди въ насъ неугасаемый свѣтильникъ Твоихъ заповѣдей, свѣтомъ Твоимъ исправи стопы наша и сподоби насъ наслаждаться блаженствомъ Небеснымъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ».

Когда страдалецъ молился такъ, одинъ скорописецъ записывалъ слова его. Затѣмъ правитель велѣлъ отвязать Самона. Но онъ не могъ стоять на ногахъ, потому что суставы въ колѣнахъ и бедрахъ его вышли изъ своихъ мѣстъ. Тогда, по повелѣнію мучителя, святаго отнесли въ темницу и положили возлѣ святаго Гурія.

Пятнадцатаго ноября мѣсяца правитель Музоній, вставши съ пѣніемъ пѣтуховъ[4]), пошелъ въ преднесеніи свѣчей и предшествіи оруженосцевъ въ палату, гдѣ онъ производилъ судъ, и, съ надменностію сѣвъ на судилищѣ, приказалъ привести къ себѣ Гурія и Самона. Святый Самонъ шелъ посреди двухъ воиновъ, опираясь на нихъ обѣими руками и хромая, ибо ноги его вытянулись въ суставахъ своихъ, когда онъ висѣлъ; святаго же Гурія несли, такъ какъ онъ совсѣмъ не могъ ступать; ноги его, вслѣдствіе того, что были сдавлены въ деревѣ, покрылись ранами и согнулись. Взглянувъ на святыхъ, правитель началъ говорить:

— Вы имѣли довольно времени для обсужденія вопроса, что лучше избрать,—жизнь или смерть? Скажите же, на что вы согласились? Наскучили ли вамъ прежнія истязанія и надумали ли вы исполнить повелѣніе царей, чтобы остаться еще въ живыхъ и насладиться благами міра?

На это святые отвѣчали:

— Мы обсудили и избрали то, что намъ послужитъ на пользу,— избрали смерть за Христа, пренебрегши жизнью въ суетномъ мірѣ;

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 29.

2) Псал. **4**, ст. 2.

3) Кн. Пр. Даніила, **6—18**, гл. **14**, ст. 32.

4) Выраженіе *«пѣніе пѣтуха»*—употребляется для опредѣленія времени. Оно означало одну изъ четырехъ стражъ времени, на которыя дѣлилась ночь, и именно третью стражу, т. е. ту, которая была на равномъ разстояніи отъ полночи до утренней зари.

довольно для насъ и минувшаго времени, въ которое мы насмотрѣлись на дневной потухающій свѣтъ: души наши желаютъ теперь перейти къ немерцаемому дню.

Правитель сказалъ:

— Тяжело моимъ ушамъ слышать ваши противныя рѣчи; вкратцѣ даю вамъ полезный совѣтъ: положите ѳиміамъ на алтарь Дія и идите домой; если же не положите, то сейчасъ же велю отсѣчь вамъ головы.

— Говорить намъ много нѣтъ надобности,—отвѣчали святые,— вотъ мы предъ тобою; что хочешь дѣлать,—дѣлай неотложно, ибо мы не перестанемъ утверждать, что мы — рабы Господа нашего Іисуса Христа, Ему Единому поклоняемся и идолопоклонство отвергаемъ.

Тогда правитель сдѣлалъ распоряженіе, чтобы они были усѣчены мечомъ. Святые же, услышавъ объ этомъ, возрадовались великою радостію, что скоро разрѣшатся отъ тѣла и пойдутъ къ Господу своему. Правитель велѣлъ исполнителю казни положить мучениковъ на колесницу, отвезти далеко за городъ и тамъ обезглавить ихъ. Святые выведены были изъ города чрезъ сѣверныя ворота; никто изъ гражданъ не зналъ объ этомъ, ибо всѣ были объяты глубокимъ сномъ. Привезши святыхъ на одну гору, находящуюся въ окрестностяхъ Едессы, воины остановились и велѣли исполнителю казни обезглавить мучениковъ. Сойдя съ колесницы, святые попросили себѣ немного времени для молитвы и, горячо помолившись, сказали наконецъ:

— Боже и Отче Господа нашего Іисуса Христа, пріими въ мирѣ души наши!

Обратясь къ исполнителю казни, святый Самонъ сказалъ:

— Исполни, что тебѣ повелѣно.

Тогда, при разсвѣтѣ дня, исповѣдники, преклонивъ свои святыя головы подъ мечъ, были обезглавлены, и такъ скончались. Вѣрующіе, узнавъ о кончинѣ святыхъ мучениковъ, взяли святыя мощи ихъ и похоронили съ честію[1]).

По прошествіи значительнаго числа лѣтъ нечестивый царь Ликиній[2]), отдѣлившись отъ Константина Великаго, воздвигъ въ Никомидіи гоненіе на христіанъ. Такимъ поступкомъ онъ нарушилъ

---

[1]) Мученическая кончина *святыхъ Гурія и Самона* относится къ 293 по 306 г. Мощи и церковь во имя свв. муч. Гурія, Самона и Авива видѣлъ въ Константинополѣ въ 1200 г. русскій паломникъ Антоній.

[2]) *Ликиній*—правитель Восточной половины Имперіи съ 307 по 324 г.

договоръ, какой заключилъ съ нимъ Константинъ. Отдавая замужъ за Ликинія свою сестру и назначая его соучастникомъ въ управленіи римскимъ государствомъ, Константинъ положилъ такого рода условіе, чтобы Ликиній, хотя онъ и язычникъ по вѣрѣ, не дѣлалъ никакого притѣсненія христіанамъ, но предоставилъ каждому жить по своей вѣрѣ, такъ что, кому какая вѣра нравится, тотъ и держался бы ея невозбранно. Однако Ликиній, не сдержавъ этого договора, возсталъ въ восточныхъ странахъ на христіанъ и множество вѣрующихъ предавалъ смерти различными способами. Въ это время въ вышеупомянутомъ городѣ Едессѣ, въ которомъ прежде пострадали святые мученики Гурій и Самонъ, жилъ одинъ діаконъ, по имени *Авивъ*, который, ходя по всему городу изъ дома въ домъ, училъ людей святой вѣрѣ и убѣждалъ быть мужественными въ исповѣданіи Христа. Своею проповѣдью святый Авивъ невѣрующихъ обращалъ ко Христу, а вѣрующихъ увѣщавалъ жить Богоугодно. Узнавъ о немъ, градоначальникъ Лисаній писалъ царю Ликинію, донося ему объ Авивѣ, что онъ весь городъ Едессу наполнилъ христіанскимъ лжеученіемъ; при этомъ спрашивалъ, какое относительно него будетъ повелѣніе. Лисаній писалъ царю собственно для того, чтобы получить отъ него право на мученіе христіанъ, ибо ему еще не было поручено дѣлать какое-либо насиліе христіанамъ. Царь немедленно отписалъ ему, чтобы онъ предалъ Авива смертной казни. Получивъ отъ царя такое повелѣніе, Лисаній приказалъ отыскать святаго Авива для преданія на мученіе. Авивъ жилъ тогда въ одной части города, въ неизвѣстномъ домѣ, вмѣстѣ съ матерію и родственниками своими, стараясь о распространеніи святой вѣры, которую тайно насаждалъ тамъ, гдѣ не могъ дѣлать этого явно. Въ то время, какъ воины по всему городу искали блаженнаго Авива, онъ, узнавъ объ этомъ, вмѣсто того, чтобы скрываться, выйдя изъ дома, отыскивалъ искавшихъ его воиновъ, чтобы самому отдаться имъ въ руки. Встрѣтивъ въ одномъ мѣстѣ военачальника, по имени Ѳеотекна, онъ сказалъ ему:

— Вотъ тотъ, кого вы ищете: ибо я—Авивъ, котораго приказано отыскать вамъ; возьмите же меня и ведите къ пославшему васъ.

Ѳеотекнъ, кротко взглянувъ на него, сказалъ:

— О человѣче, пока еще никто не замѣтилъ, что ты подошелъ ко мнѣ, отойди и скройся, чтобы кто другой изъ воиновъ не увидѣлъ тебя и не захватилъ.

Авивъ отвѣчалъ:

— Если ты меня не возьмешь, то я самъ пойду и явлюсь къ градоначальнику, и исповѣдаю Христа моего предъ царями и владыками.

Услышавъ это, Θеотекнъ привелъ его къ Лисанію. Тотъ спросилъ его о родѣ и имени. Святый прежде всего объявилъ, что онъ—христіанинъ; затѣмъ, сказавъ свое имя, сообщилъ, что родомъ онъ изъ села, называемаго *Θелсея*. Лисаній принуждалъ его принести жертву идоламъ и старался, то угрозою, то ласкою, отвратить его отъ Христа и склонить къ идолослуженію, а онъ, какъ бы столпъ непоколебимый и стѣна нерушимая, оставался твердъ въ исповѣданіи Христовомъ. Мучитель, не имѣя возможности привести его къ своему нечестію словами, началъ принуждать его къ тому дѣломъ; велѣлъ повѣсить его и строгать его тѣло желѣзными когтями. Послѣ этого опять уговаривалъ его поклониться идоламъ и принести куреніе на алтарь языческихъ боговъ. Но святый твердо отвѣчалъ:

— Ничто меня не отлучитъ отъ Бога моего, хотя бы ты назначилъ мнѣ въ десятки тысячъ разъ болѣе лютыя мученія.

Мучитель спросилъ его:

— Какая вамъ, христіанамъ, польза отъ тѣхъ мукъ, какія вы терпите за Бога вашего и какая вамъ прибыль отъ того, что тѣла ваши раздробляются на части и вы самовольно избираете себѣ горькую смерть?

Мученикъ отвѣчалъ:

— Если бы захотѣлъ ты, мучитель, на самомъ дѣлѣ обратиться къ надеждѣ обѣщанныхъ намъ отъ Бога нашего воздаяній, то, безъ сомнѣнія, сказалъ бы то, что̀ нѣкогда сказалъ Апостолъ Господень: **недостоѝны страсти нынѣшнѧгѡ времене къ хотѧщей славѣ ꙗвитисѧ въ насъ**[1]).

Мучитель посмѣялся на слова мученика, какъ бы на безумныя, самъ будучи безумнымъ; затѣмъ, видя, что не можетъ отвратить доблестнаго страдальца отъ Единаго Истиннаго Бога, осудилъ его на сожженіе.

За городомъ былъ разведенъ большой огонь, и мученика повели на мѣсто казни. Онъ же шелъ, радуясь о томъ, что будетъ жертвою и всесожженіемъ Богу. За нимъ слѣдовали мать и родственники его; онъ утѣшалъ и увѣщавалъ ихъ не скорбѣть о

[1]) «Нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ». Посл. къ Рим., гл. 8, ст. 18.

немъ, а, напротивъ, — радоваться, что онъ идетъ ко Христу и будетъ молить Его о нихъ. По прибытіи къ огню онъ помолился, далъ матери своей и всѣмъ знаемымъ послѣднее цѣлованіе, вошелъ въ пламень и тотчасъ предалъ духъ свой Господу. Когда огонь погасъ, мать, съ прочими вѣрующими, нашла тѣло святаго сына своего неповрежденнымъ отъ огня и, взявъ его, помазала мѵромъ и погребла при гробѣ прежде пострадавшихъ святыхъ мучениковъ Гурія и Самона, ибо и святый Авивъ пострадалъ въ тотъ же день (по прошествіи значительнаго числа лѣтъ), въ который прежде пострадали и тѣ святые[1]). Когда же гоненіе прекратилось и возсіяла православная вѣра, христіане соорудили церковь во имя сихъ трехъ святыхъ мучениковъ и въ ней положили, въ одной гробницѣ, святыя мощи ихъ, источающія исцѣленія болящимъ и совершающія многія чудеса. Изъ нихъ воспомянемъ здѣсь одно, преславно совершившееся, чудо.

Нѣкогда двинулся съ востока на Греческое царство нечестивый варварскій народъ, жившій близъ Персіи и называвшійся *Еѳалитами*[2]), и, завоевавъ много городовъ, дошелъ до самой Едессы съ намѣреніемъ взять и разрушить его, какъ разрушилъ и прочіе города. И вотъ, Греческіе цари, желавшіе защитить городъ отъ враговъ и освободить его отъ осады, собрали множество своихъ воиновъ и послали ихъ на помощь Едессѣ. Войдя въ Едессу, греческія войска оставались въ немъ значительное время, защищая городъ отъ варваровъ. Былъ въ греческомъ войскѣ одинъ воинъ, по происхожденію Готѳъ[3]). Случилось ему въ Едессѣ жить въ домѣ нѣкоторой цѣломудренной вдовицы, по имени Софіи, имѣвшей единственную дочь, именемъ Евфимію, которую она берегла какъ зѣницу ока, соблюдая въ дѣвствѣ и поучая благимъ нравамъ и страху Божію. Софія старалась скрыть ее отъ человѣческихъ глазъ, потому что она была очень красива лицомъ; она скрывала ее въ особой комнатѣ, чтобы не видалъ ея глазъ мужчины. Во время продолжительнаго пребыванія Готѳа въ домѣ этой вдовы случилось ему однажды увидѣть эту отроковицу. Пораженный ея красотою, онъ воспламенился къ ней страстію и только и думалъ, какъ бы

---

1) Мученическая кончина *св. Авива* послѣдовала въ 322 году.

2) *Еѳалиты*—такъ называлось племя гунновъ, жившихъ въ нынѣшнихъ Мервѣ и Афганистанѣ.

3) *Готѳы,* или *Готы,* —самое восточное и многочисленное германское племя, обитавшее въ придунайской низменности.

прельстить ее. Приступивъ къ матери, онъ началъ просить ее, чтобы отдала за него дочь свою, и, хотя имѣлъ на родинѣ жену и дѣтей, но скрылъ это, притворяясь, будто не женатъ, чтобы получить желаемое. Однако мать отказывала ему:

— Не отдамъ единственной дочери своей въ чужую землю; ты — человѣкъ пришлый, — отведешь въ свою землю дочь мою, а я останусь безъ нея въ большой печали, потому что у меня нѣтъ другого дѣтища, которымъ могла бы утѣшаться во вдовствѣ своемъ, кромѣ нея одной; не отдамъ ея тебѣ, ибо жить не могу, не видя лица ея.

Тогда Готѳъ, придя въ ярость, началъ угрожать ей:

— Если ты,—говорилъ онъ,—не отдашь дочери своей, то не выйду отсюда, пока не наведу на тебя многихъ бѣдствій и не подвергну тебя самому крайнему горю: вѣдь я воинъ, и легко могу причинить тебѣ зло, какое только захочу.

Вдова же, хотя и была одна и не было никого, кто бы пришелъ къ ней на помощь, смѣло возражала ему. Послѣ сего воинъ опять то ласково просилъ ее, то опять приходилъ въ ярость и, то просьбами, то угрозами, склонялъ вдовицу къ тому, чтобы она отдала за него свою дочь. Такимъ образомъ онъ докучалъ ей все время, пока жилъ тамъ. Предлагалъ онъ ей и нѣкоторые подарки, ибо былъ не бѣденъ: покупалъ для нея и дочери ея золотыя украшенія и дорогія одежды, чтобы получить то, чего желалъ; вдовица же и даровъ не принимала, и отъ самого его уклонялась, а дѣвицу укрывала съ еще большею опасливостью, чтобы не видѣлъ ея этотъ беззаконникъ. Однажды она сказала ему:

— Я слышала, что ты у себя на родинѣ имѣешь жену и дѣтей.

Онъ же, побѣждаемый желаніемъ владѣть отроковицею и не имѣя страха Божія, началъ клясться и божиться, говоря, что никогда не былъ женатъ и что хочетъ имѣть женою и сдѣлать госпожею надъ всѣмъ своимъ имѣніемъ ея дочь. Тогда вдова Софія, повѣривъ, наконецъ, склонилась къ его просьбѣ и согласилась выдать за него дочь свою Евфимію. Воздѣвъ руки къ Богу, она сказала:

— Владыко, Отче сиротъ и Судія вдовицъ, призри милостиво на созданіе Свое и не оставь сей отроковицы, вступающей въ бракъ съ неизвѣстнымъ мужчиною. Не презри моего сиротства

и не оставь меня безпомощною, ибо, надѣясь на Твой благій Промыслъ, я выдаю свою бѣдную дочь за человѣка пришлаго и Тебя дѣлаю свидѣтелемъ и поручителемъ его клятвъ и обѣщаній.

Отроковица была выдана за этого Готѳа и, по заключеніи брака, они мирно зажили. Евфимія зачала, и, прежде чѣмъ ей родить, непріятели отступили отъ города ни съ чѣмъ, ибо не могли овладѣть имъ вслѣдствіе того, что бывшія въ городѣ войска мужественно защищали городскія стѣны и вели съ врагами упорную борьбу, особенно же вслѣдствіе того, что городъ охраняли молитвы святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива. Когда враги отступили, греческимъ войскамъ нужно было возвратиться домой, и этотъ Готѳъ также заспѣшилъ къ себѣ на родину. Мать, неутѣшно рыдая о разлукѣ съ своей дочерью, пыталась взять ее у Готѳа, не давая ему везти ее въ чужую землю, но не могла расторгнуть супружескаго союза, скрѣпленнаго закономъ. Когда уже лукавый зять собрался идти съ супругою въ путь, Софія привела его и дочь свою въ церковь святыхъ страстотерпцевъ Гурія, Самона и Авива и, поставивъ предъ гробницею мучениковъ, сказала зятю:

— Не довѣрю я тебѣ своей дочери, если не дашь мнѣ въ поручители сихъ святыхъ, пострадавшихъ за Христа: возьмись же за святую раку ихъ и поклянись мнѣ, что не сдѣлаешь дочери моей никакого зла, но будешь беречь ее съ должной любовью и уваженіемъ.

Готѳъ, считая то дѣломъ неважнымъ, тотчасъ безбоязненно взялся за честную раку святыхъ мучениковъ и сказалъ:

— Отъ рукъ вашихъ, святые, принимаю эту отроковицу и васъ беру поручителями и свидѣтелями предъ матерью ея, что никакого зла не сдѣлаю этой моей супругѣ, никогда не оскорблю ея, но буду хранить ее съ любовію и почитать до конца.

Такъ говорилъ Готѳъ, причемъ, беззаконникъ еще и Богомъ клялся, не думая и не боясь того, что Богъ, отмщеній Господь, воздастъ ему по дѣламъ его и погубитъ его за лукавство. Мать, по выслушаніи клятвы своего зятя, съ воплемъ сказала святымъ мученикамъ:

— Вамъ послѣ Бога, о святые мученики, поручаю свою дочь и чрезъ посредство васъ отдаю ее этому пришлому человѣку.

Такимъ образомъ, помолившись, они дали другъ другу любезное цѣлованіе и разошлись: вдова Софія возвратилась къ себѣ домой, а Готѳъ съ Евфиміею пошелъ въ путь, причемъ находившагося при немъ раба онъ отпустилъ отъ себя, чтобы эта тайна не сдѣлалась извѣстною въ домѣ его.

Когда они, прошедши весь путь, достигли отечества Готѳа и были уже близъ дома его, онъ съ большою жестокостью возсталъ на жену, какъ врагъ; забывъ любовь къ ней и пренебрегши клятвами, снялъ съ нея дорогія одежды и золотыя украшенія и одѣлъ ее бѣдно, какъ плѣнницу и рабу, и, обнаживъ мечъ, далъ ей такой наказъ:

— Если хочешь быть въ живыхъ, то, войдя въ мой домъ, никому не говори ничего о томъ, что было между нами, а говори, что ты—плѣнница, ибо я имѣю въ своемъ домѣ жену и дѣтей; ты же будь моей женѣ рабой и повинуйся ей во всемъ, какъ своей госпожѣ; а если объявишь ей или скажешь кому изъ моихъ родственниковъ, что я женился на тебѣ, то увидишь мой мечъ на шеѣ своей и умрешь.

Увидѣвъ себя обманутою и оскорбленною злымъ варваромъ и услыхавъ угрозу его, Евфимія сказала ему:

— Это ли любовь твоя? Это ли исполненіе твоихъ обѣщаній? Таковы ли были твои клятвы и таково ли было у тебя намѣреніе, чтобы меня, твою супругу, сдѣлать плѣнницею, и свободную—рабою? Изъ-за тебя я оставила свою мать, сродниковъ и отечество и прилѣпилась къ тебѣ нелицемѣрною любовію, довѣряя твоимъ словамъ, которыя ты подтвердилъ клятвами, а ты воздаешь мнѣ за любовь ненавистью и вмѣсто мужа и друга сталъ мнѣ варваромъ, врагомъ и мучителемъ, заведшимъ меня въ чужую землю, чтобы погубить.

Сказавъ это, она возвела очи къ Небу и, поднявъ руки, воздыхая изъ глубины сердечной и горько плача и рыдая, возопила къ Богу:

— Боже родителей моихъ, посмотри на бѣдствіе мое, услышь мое воздыханіе и вонми гласу молитвы моей! Посмотри, что̀ дѣлаетъ со мною этотъ клятвопреступникъ, и избавь меня отъ злыхъ бѣдствій по молитвамъ святыхъ Твоихъ угодниковъ, пострадавшихъ за Тебя. О святые мученики Гурій, Самонъ и Авивъ! Васъ нынѣ призываю: помогите мнѣ, впавшей въ неожиданное бѣдствіе, ибо, на васъ надѣясь, пошла я съ этимъ Готѳомъ; будьте же вы ему отмстителями за меня и избавьте меня отъ бѣды.

Когда она такъ горько рыдала и молилась тайно въ сердцѣ своемъ, вошли они въ домъ Готѳа. Жена его, увидѣвъ Евфимію и замѣтивъ красоту ея лица, взволновалась ревностію, ибо заподозрила, что мужъ ея находился съ нею въ беззаконномъ сожитіи, и спрашивала мужа:

— Что это за дѣвица, и откуда ты привелъ ее?

Тотъ отвѣчалъ:

— Это—плѣнница; я привелъ ее изъ Едессы, чтобы она была тебѣ рабою.

Жена сказала:

— Красота лица ея обличаетъ въ ней не рабу, а свободную.

Мужъ отвѣтилъ:

— Хотя она въ своей землѣ и была свободной, какъ это показываетъ видъ ея, но теперь она—раба твоя.

Евфимія, будучи не въ состояніи отъ страха ничего сказать, молчала и повиновалась женѣ Готѳа, служа ей, какъ раба своей госпожѣ; она не знала, что бы такое сдѣлать, что могло бы избавить ее отъ обрушившихся на нее бѣдствій. И жила она, проходя служеніе рабыни, всегда имѣя въ умѣ святыхъ мучениковъ и со слезами взывая къ нимъ:

«Поспѣшите помочь мнѣ, рабѣ вашей, святые, поспѣшите оказать мнѣ милость и не оставьте безъ вниманія совершеннаго надо мною поруганія и обмана».

Госпожа ея, питая въ сердцѣ чувство ревности, была очень жестока и безжалостна къ ней; приказывала ей исполнять самыя тяжелыя работы и различнымъ образомъ мучила ее. Всего же хуже было то, что она никогда не хотѣла говорить съ ней; къ тому же, Евфимія не знала Готѳскаго языка и не могла дать госпожѣ о себѣ никакого свѣдѣнія, да и Готѳа боялась, какъ бы онъ не убилъ ея въ случаѣ, если она что-нибудь разскажетъ о себѣ своей госпожѣ. видя младенца,

По прошествіи нѣкотораго времени жена Готѳа узнала, что Евфимія непраздна (беременна.— *Ред.*), и разгорѣлась къ ней еще большею ревностью и возстала противъ нея съ болѣе лютою яростью, возлагая на нее самыя изнурительныя работы, чтобы такимъ образомъ извести ее. По наступленіи надлежащаго срока Евфимія родила младенца мужескаго пола, лицомъ совершенно похожаго на Готѳа, который дѣйствительно былъ ему отцомъ. Жена Готѳа,

видя младенца, совершенно похожаго на своего мужа, исполнилась страшнаго гнѣва и стала думать, какъ бы убить этого младенца. Она сказала мужу:

— Зачѣмъ ты запираешься, что не позналъ этой отроковицы? Вѣдь вотъ рожденный ею младенецъ обличаетъ явно твое дѣло, потому что онъ—совершенно твое подобіе.

Готѳъ опять сталъ запираться, говоря:

— Это неправда, я никогда не сожительствовалъ съ нею; ты же имѣешь надъ нею власть и что хочешь дѣлай съ нею, ибо она—плѣнница и раба твоя.

Тогда эта злая женщина замыслила отравить младенца. Спустя немного времени она приготовила смертоносный ядъ, отослала мать отъ младенца на какую-то работу и, когда младенецъ остался одинъ, влила отраву въ уста его,—и младенецъ скоро умеръ. Мать, возвратившись съ работы, увидѣла младенца, лежащаго мертвымъ, и исполнилась несказанной скорби и терзалась сердцемъ въ горькой по немъ печали. Она не знала, что было причиною внезапной его смерти, потому что никого не было въ комнатѣ, когда госпожа влила въ уста младенцу ядъ. Но, приготовляя его къ погребенію, Евфимія увидѣла, что изъ устъ дитяти течетъ ядъ, и тогда вспомнила она, что госпожа ея однажды угрожала погубить ее вмѣстѣ съ сыномъ, и догадалась, кто виновница смерти младенца. Однако же она молчала, ничего не смѣя говорить. Взявъ немного шерсти, она отерла ею ядъ, текшій изъ устъ младенца, и спрятала ее у себя, не открывая этой тайны никому. Младенецъ былъ преданъ погребенію.

Черезъ нѣсколько дней Готѳъ созвалъ друзей своихъ на ужинъ, и Евфимія служила при столѣ. Когда ей пришло время подавать чашу госпожѣ, она, желая узнать, дѣйствительно ли младенецъ ея умеръ отравленный госпожею, взяла ту шерсть, которою отерла уста сына, омочила ее тайно въ питьѣ и, затѣмъ вынувши, выжала въ чашу и это питіе подала своей госпожѣ. Та, ничего не зная, испила эту чашу, и, такимъ образомъ, несчастіе обратилось на голову ея, ибо въ ту же ночь жена Готѳа внезапно умерла и, такимъ образомъ, впала въ яму, которую сама же выкопала. Наутро Готѳъ, вставши, увидѣлъ жену свою мертвою и пришелъ въ ужасъ отъ неожиданной ея смерти; весь домъ исполнился плача; сошлись всѣ родственники, друзья и сосѣди и горевали о ней; затѣмъ, сдѣлавъ для нея роскошный гробъ, торжественно положили въ него мертвую.

Когда минуло семь дней послѣ погребенія умершей, сродники ея вспомнили о дѣвицѣ, приведенной изъ Едессы, и стали говорить:

— Не иной кто виноватъ во внезапной смерти нашей родственницы, какъ только эта плѣнница, которая всегда была къ ней враждебна.

И вотъ, всѣ возстали на Евфимію и хотѣли представить ее на судъ правителю области, чтобы онъ мученіями выпыталъ отъ нея, какъ она умертвила свою госпожу, но такъ какъ правителя тогда не было дома, то они перемѣнили свое намѣреніе и рѣшили похоронить Евфимію живою вмѣстѣ съ умершею госпожею ея. Открывъ гробъ умершей, они положили Евфимію къ трупу, издававшему запахъ, кишевшему червями и гнившему,—чтобы она умерла тамъ насильственною смертію. Кто можетъ выразить скорбь Евфиміи, ея печаль, боязнь и трепетъ, страхъ и ужасъ, рыданіе и плачъ? Пусть кто-либо только представитъ себѣ страхъ живого человѣка, заключеннаго во гробѣ вмѣстѣ съ смердящимъ трупомъ: страхъ отъ мертвеца, зловоніе отъ трупа, тьму и тѣсноту гробовую, кругомъ черви, дыханіе смерти и несказанное страданіе! Находясь въ такой крайней тѣснотѣ, Евфимія въ горести сердца прилежно возопила къ Богу изъ гроба, какъ нѣкогда Пророкъ Іона во чревѣ кита:

— Господи Боже Силъ Небесныхъ, сѣдящій на Херувимахъ и видящій бездны, Ты видишь горечь сердца моего и тѣсноту въ этомъ темномъ и смрадномъ гробѣ; Ты знаешь, что ради Имени Твоего я отдана была за беззаконнаго Готѳа, ибо онъ клялся Твоимъ Именемъ, когда бралъ меня; помилуй же меня ради Имени Твоего святаго. Ты мертвишь и живишь, низводишь въ адъ и изводишь[1]): избавь меня отъ этой горькой смерти и изведи изъ этого гроба, какъ изъ ада, ибо Ты силенъ и мертвыхъ воскрешать,—тѣмъ болѣе можешь извести изъ вратъ смертныхъ меня, живую, но находящуюся близъ смерти. Помилуй меня, Владыко, ради святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива, изліяніе крови которыхъ и смерть за Тебя принялъ Ты какъ чистую жертву. О святые мученики! Васъ поставилъ врагъ мой поручителями предъ моею матерью,—итакъ, спасите меня.

Когда она молилась такъ въ горести своей души, явились три свѣтоносныхъ мужа, сіяющихъ какъ солнце,—святые муче-

---

[1]) Выраженіе взято изъ 1 кн. Цар., гл. 2, ст. 6.

ники Гурій, Самонъ и Авивъ, и тотчасъ смердящій запахъ въ гробѣ исчезъ; Евфимія ощутила великое благоуханіе, исходящее отъ явившихся святыхъ мучениковъ. Они сказали ей:

— Ободрись, дочь, и не бойся: ты скоро получишь спасеніе.

Когда святые сказали это, сердце Евфиміи усладилось — и отъ пресвѣтлаго видѣнія святыхъ, и отъ утѣшительныхъ словъ ихъ; исполнившись радости, она забылась и уснула сладкимъ сномъ. Во время этого сна она была взята изъ гроба невидимою всемогущею силою Божіею, въ одинъ часъ перенесена въ Едессу, въ церковь святыхъ мучениковъ Гурія, Самона и Авива, и положена при честно́й ракѣ ихъ. Была ночь, и въ церкви совершалось обычное утреннее служеніе, когда она была перенесена сюда. Пробудившись отъ сна, она снова увидѣла святыхъ мучениковъ, которые говорили ей:

— Радуйся, дочь, и узнай, гдѣ ты теперь; вотъ, мы исполнили то, что обѣщали, иди же съ миромъ къ своей матери.

Сказавъ это, они стали невидимы. Евфимія, вставши, оглядывалась кругомъ, гдѣ она находится. Увидѣвъ церковныя стѣны, иконы, свѣчи и честну́ю раку святыхъ мучениковъ и притомъ еще услышавши пѣніе клириковъ, она убѣдилась, что находится въ Едессѣ, въ церкви поручниковъ своихъ, святыхъ страстотерпцевъ Христовыхъ Гурія, Самона и Авива. Тогда она исполнилась несказанной радости и веселія и, обнимая съ любовію гробницу святыхъ мучениковъ, со слезами воздавала благодареніе Богу и святымъ Его за такую, оказанную ей, милость. Въ чувствѣ благодарности, она говорила: **бг҃ъ на́шъ на нб҃сѝ и҆ на землѝ, всѧ̑ є҆ли̑ка восхотѣ̀, сотворѝ**[1]), послалъ съ Небеси и спасъ меня; благословенъ Господь, спасающій уповающихъ на Него: **ве́черъ водворѝтсѧ пла́чь, и҆ за́утра ра́дость**[2]). Когда она, съ радостными слезами, говорила это и многое другое, услышалъ ея слова и плачъ пресвитеръ и, подойдя къ ней, сталъ спрашивать ее:

— Кто ты такая и отчего такъ плачешь?

Она начала разсказывать ему все подробно: какъ она была отдана Готѳу матерью при ракѣ святыхъ, что̀ она перенесла отъ этого клятвопреступника, какъ вчера была заключена во гробѣ и какъ во время молитвы ея явились къ ней святые мученики и въ одинъ часъ перенесли ее изъ Готѳской земли въ эту ихъ церковь.

---

[1]) Псал. 113, ст. 11.

[2]) Псал. 29, ст. 6.

Пресвитеръ, слушая это, ужаснулся, дивясь великой силѣ Божіей. Впрочемъ, онъ еще не хотѣлъ совершенно повѣрить тому, что̀ она говорила, и спросилъ ее:

— А кто твоя мать?

Узнавъ, что мать ея—вдова Софія, пресвитеръ тотчасъ послалъ за нею, приглашая ее придти въ церковь. Мать, ничего не зная, немедленно пришла и, увидѣвъ свою дочь, стоящую при гробницѣ святыхъ мучениковъ, одѣтую въ бѣдныя одежды, пришла въ ужасъ отъ такого неожиданнаго зрѣлища; подойдя къ ней, она обняла ее и, павши къ ней на шею, плакала; плакала и Евфимія, и обѣ отъ плача не могли сказать ни слова. Затѣмъ, нескоро унявъ слезное рыданіе, мать спросила ее:

— Какъ ты оказалась здѣсь, дочь моя, и почему ты одѣта въ такія плохія одежды?

Тогда Евфимія разсказала ей подробно все, что перенесла въ чужой землѣ отъ лукаваго мужа, какъ вчера заключена была въ гробу и чудесно спасена и перенесена явившимися ей святыми мучениками Гуріемъ, Самономъ и Авивомъ. Слыша все это, мать истаевала сердцемъ отъ жалости, и всѣ, находившіеся въ храмѣ, выслушавъ разсказанное, очень дивились и прославляли всемогущую силу и милость Божію. Павши предъ гробницею святыхъ мучениковъ, мать громкимъ голосомъ возносила благодареніе Богу и святымъ Его; и пробыли онѣ весь тотъ день въ церкви, молясь и благодаря Бога, и съ любовію и усердіемъ обнимая и лобызая раку святыхъ мучениковъ. Поздно вечеромъ мать съ дочерью своею съ радостію отправилась домой, славя Бога.

Наутро слухъ объ этомъ чудѣ прошелъ по всему городу; отовсюду собрались въ домъ къ вдовицѣ ея родственники и сосѣди и въ ужасѣ дивились тому, что разсказывала имъ Евфимія. Всѣ хвалили Имя Господне и величали и прославляли помощь святыхъ мучениковъ.

Софія съ дочерью проводила богоугодно дальнѣйшіе дни своей жизни. Всѣмъ разсказывали онѣ о милостиво явленной имъ силѣ Божіей. Евфимія говорила: десни́ца гдⷭ҇нѧ сотвори̑ си́лꙋ, десница Господня отъ Готѳовъ перенесла меня въ Едессу: не оу҆мрꙋ̀, но жива бꙋ́дꙋ, и҆ повѣ́мъ дѣла̀ гдⷭ҇нѧ[1]). Клятвопреступнику же Готѳу Богъ совершилъ отмщеніе слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) Псал. 117, ст. 16, 17.

По истеченіи нѣкотораго времени тотъ самый нечестивый народъ, который раньше воевалъ съ греками, соединившись съ персами, опять пошелъ на греческую землю и пытался взять городъ Едессу. Ввиду этого въ Едессу для защиты его снова было прислано греческими императорами войско. Пришелъ съ этимъ войскомъ и тотъ Готѳъ, который хитростью и лестью взялъ у Софіи дочь Евфимію. Онъ ничего не зналъ о совершившемся чудѣ и думалъ, что Евфимія умерла, заключенная въ гробу съ мертвою его женою; безъ смущенія пришелъ онъ въ домъ къ Софіи какъ къ своей тещѣ. Она, увидѣвъ, что онъ пришелъ, скрыла Евфимію во внутреннихъ комнатахъ, а его приняла, показывая видъ, будто радуется о прибытіи своего зятя. Затѣмъ, собравъ своихъ родственниковъ и сосѣдей, она начала при нихъ разспрашивать Готѳа, говоря:

— Какъ Богъ помогъ вамъ совершить отсюда путешествіе? Не заболѣла ли въ пути дочь моя, будучи непраздною, и какъ родила? Я много тужила о ней, такъ какъ она была непраздною, и я боялась, чтобы не приключилось съ нею какой бѣды въ дорогѣ.

Тотъ отвѣчалъ:

— Богъ, по молитвамъ твоимъ, помогъ намъ совершить путь благополучно; дочь твоя здорова: родила мальчика. Она привѣтствуетъ тебя, и если бы не былъ неожиданнымъ этотъ путь, въ который намъ велѣно было идти поспѣшно, то и дочь твоя пришла бы со мною и съ младенцемъ къ тебѣ, чтобы доставить тебѣ утѣшеніе; впрочемъ, она придетъ въ болѣе удобное время.

Услышавъ такія слова, Софія распалилась справедливымъ гнѣвомъ на ложь этого злого человѣка и, разодравъ свои одежды, громко возопила:

— Лжецъ, лукавый человѣкъ и убійца, куда ты дѣвалъ мою дочь?

Сказавъ это, она вывела Евфимію изъ внутреннихъ комнатъ, поставила ее предъ Готѳомъ и сказала:

— Знаешь ли ты эту дѣвицу, кто она, знаешь ли, куда ты заключилъ ее, клятвопреступникъ? Ты смерти предалъ ее, беззаконникъ!

Онъ же, услышавъ эти слова и увидѣвъ Евфимію, затрепеталъ, сдѣлался безгласенъ и не могъ произнести ни одного слова, какъ бы мертвый. Тогда родственники и сосѣди вдовицы взяли его, затворили въ комнатѣ накрѣпко и остались стеречь при дверяхъ. Мать

съ дочерью пригласили писца, описали все, что случилось съ ними, ничего не опустивъ изъ этого предивнаго чуда, и, отправившись къ епископу этого города, блаженному Евлогію, подали ему эту запись; сообщили и о прибытіи къ нимъ злого и лукаваго Готѳа. Епископъ, по прочтеніи записи, тотчасъ взялъ свой клиръ и пошелъ къ воеводѣ, начальствовавшему надъ пришедшимъ греческимъ войскомъ, и приказалъ прочесть предъ воеводою данную ему вдовою и дочерью ея запись, въ которой было подробно описано это предивное чудо святыхъ мучениковъ. Воевода, прослушавъ со вниманіемъ прочитанное, пришелъ въ ужасъ, дивясь славному чуду, и всѣ находившіеся съ нимъ исполнились страха. Воевода немедленно приказалъ привести къ нему Готѳа. Представлена была ему и вдова Софія съ дочерью Евфиміею. Снова велѣлъ онъ прочесть во всеуслышаніе написанную о нихъ запись, ибо во дворъ воеводы собралось множество народа — мужей и женъ. И спросилъ онъ Готѳа, истинно ли то, что̀ написано? Готѳъ отвѣчалъ, что это истинно и ничего здѣсь нѣтъ ложнаго. Тогда воевода сказалъ ему:

— Окаянный убійца! Какъ ты не побоялся Бога и страшнаго суда Его и не устрашился клятвы, данной при гробницѣ святыхъ мучениковъ, которыхъ сдѣлалъ ты поручителями и свидѣтелями своихъ обѣщаній? Отчего ты не пощадилъ отроковицы, которую прельстилъ своею хитростію? Прими же казнь заслуженную по дѣламъ твоимъ.

Воевода велѣлъ отсѣчь ему голову мечомъ. Боголюбивый епископъ усердно просилъ воеводу, чтобы онъ не предавалъ Готѳа смерти, но оказалъ ему милость и оставилъ его въ живыхъ, дабы тотъ прославлялъ величіе Божіе. Но воевода отвѣчалъ епископу:

— Боюсь помиловать сдѣлавшаго такое великое злодѣяніе, чтобы не прогнѣвать святыхъ мучениковъ, которыхъ оскорбилъ этотъ клятвопреступникъ.

И, по повелѣнію воеводы, Готѳъ былъ обезглавленъ. Такъ получилъ возмездіе этотъ окаянный человѣкъ; Богъ же прославился во святыхъ Своихъ; отъ насъ же, грѣшныхъ, да будетъ Ему слава, честь и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь мч҃нкѡвъ, гла́съ е҃:

Чꙋдеса̀ ст҃ы́хъ твои́хъ мч҃нкъ, стѣ́нꙋ неѡбори́мꙋ на́мъ дарова́вый хр҃тѐ бж҃е, тѣ́хъ мл҃твами совѣ́ты ꙗ҆зы́кѡвъ разори̇̀, ца́рства ски́птры оу҆крѣпи̇̀, ꙗ҆́кѡ є҆ди́нъ бл҃гъ и҆ чл҃вѣколю́бецъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Съ высоты̀ мꙋ́дрїи бл҃года́ть прїе́мше, сꙋ́щымъ во и҆скꙋше́нїихъ предстоитѐ всехва́льнїи. тѣ́мже ѻ҆трокови́цꙋ ст҃і́и ѿ сме́рти го́рькїѧ и҆зба́висте: вы́ бо вои́стиннꙋ є҆стѐ є҆де́сꙋ сла́ва, и҆ мі́рꙋ ра́дость.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ЕЛПИДІЯ, МАРКЕЛЛА и ЕВСТОХІЯ

Блаженный Елпидій въ царствованіе Юліана Отступника былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Какъ христіанина его привели на судъ Юліана, который повелѣлъ надѣть на него власяную одежду, унизанную гвоздями и смазанную горячею смолою. Послѣ этого его начали бить, такъ что гвозди вонзились въ тѣло блаженнаго. Мученикъ мужественно переносилъ страданія и не соглашался на убѣжденія отречься отъ Христа. Тогда его бросили въ ровъ и начали обливать сверху горячею водою, отчего тѣло его покрылось струпьями. Для увеличенія мученій беззаконный правитель приказалъ смѣшать смолу, варъ и другія подобныя вещества, разжечь ихъ и поливать ими загнившія раны мученика, а въ ротъ лить ему горячую смолу. Наконецъ, святаго Елпидія вмѣстѣ съ Евстохіемъ и Маркелломъ привязали къ дикимъ конямъ, чтобы они ихъ растерзали. Однако кони не причинили имъ никакого вреда. Тогда святыхъ избили палками и бросили въ огонь, гдѣ они предали духъ свой въ руцѣ Бога Живаго.

Честны́я тѣла ихъ были погребены на Кармильской горѣ[1]) и нѣкоторое время находились тамъ. Но однажды Христосъ вмѣстѣ съ Ангельскими Силами, при блескѣ молніи и раскатахъ грома, явился туда и привѣтствовалъ святыхъ мучениковъ. При этомъ

---

[1]) Гора *Кармилъ* расположена въ средней части Палестины.

Господь оживилъ тѣло святаго Елпидія и послалъ его на новые подвиги. Слухъ объ этихъ подвигахъ дошелъ и до Юліана. Какъ только узналъ Юліанъ, что Елпидій невредимъ, приказалъ растянуть тѣло святаго мученика, привязавъ его къ четыремъ столбамъ, немилосердно бить, острыми пилами наносить раны и растирать ихъ уксусомъ и солью. Затѣмъ велѣлъ разложить тѣло его на горячія уголья и сверху посыпать горячимъ пепломъ. Когда святый мужественно перенесъ и эти мученія, его повѣсили на дерево и стали прикладывать къ тѣлу его раскаленный щитъ, посыпая его пепломъ. Во время сихъ мученій произошло дивное чудо: по молитвамъ святаго стоявшіе неподалеку идолы разсыпались въ прахъ. Видя это, язычники, въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, обратились къ вѣрѣ Христовой. Послѣ всего этого святаго Елпидія бросили въ разжженную печь, гдѣ святый предалъ душу свою Господу, Коего возлюбилъ измлада[1]). Богу, дивному во святыхъ Своихъ, честь и слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

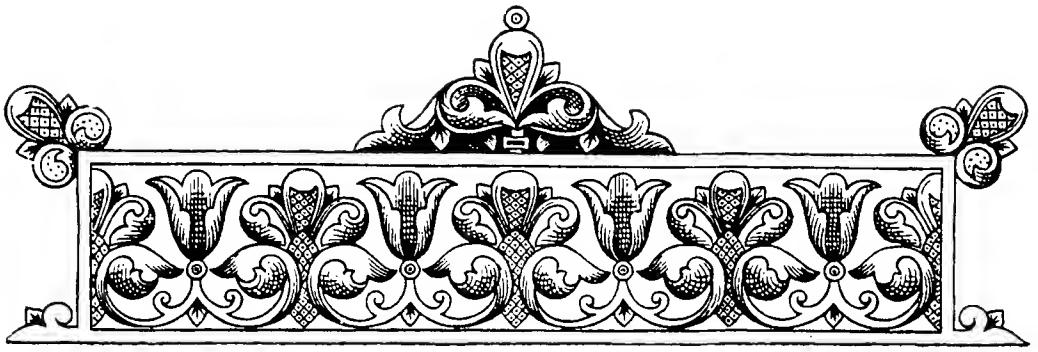
ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ДИМИТРІЯ

Святый мученикъ Димитрій происходилъ изъ селенія Дабуда, во Ѳракіи, и пострадалъ при императорѣ Максиміанѣ Галеріи и его соправителѣ Максиминѣ. Ѳракійскому префекту Публію донесли на святаго, что онъ христіанинъ, и, по приказанію префекта, святый былъ схваченъ. На допросѣ Димитрій смѣло исповѣдывалъ Христа Богомъ, говорилъ о Святомъ Духѣ и училъ о воплощеніи Іисуса Христа, о Его благости и человѣколюбіи. Затѣмъ обличилъ душевредное идольское обольщеніе, показавъ, какъ слѣпы и глухи тѣ, кои раздѣляютъ его. Своими рѣчами онъ сильно прогнѣвалъ правителя, который приказалъ отсѣчь ему голову[2]). Такъ скончался святый мученикъ, пріявъ отъ Господа небесный вѣнецъ. Честныя мощи святаго Димитрія были погребены вѣрными и Богобоязненными мужами и источаютъ исцѣленія всѣмъ, приходящимъ къ нимъ.

1) *Св. мученики Елпидій, Маркеллъ и Евстохій* пострадали около половины IV в.

2) Это было въ 307 году отъ Р. Хр.



День шестнадцатый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА и ЕВАНГЕЛИСТА

МАТѲЕЯ

Святый Апостолъ и Евангелистъ Матѳей, сынъ Алфея, иначе называемый Левіемъ[1]), жилъ въ галилейскомъ городѣ Капернаумѣ[2]). Онъ былъ человѣкъ состоятельный и занималъ должность мытаря[3]). Соотечественники презирали и чуждались его, какъ и всѣхъ ему подобныхъ. Но Матѳей, хотя и былъ грѣшникомъ, но въ то же время былъ не только не хуже, но и много лучше гордящихся своею мнимою внѣшнею праведностію фарисеевъ[4]). И вотъ,

---

[1]) Еванг. отъ: Марк., гл. 2, ст. 14; Матѳ., гл. 9, ст. 9; Лук., гл. 5, ст. 27.

[2]) *Капернаумъ*—небольшой городъ на сѣверо-западномъ берегу Геннисаретскаго озера, или Тиверіадскаго моря, принадлежащій Галилеѣ. Нынѣ развалины этого города извѣстны подъ названіемъ Тель-Тумъ.

[3]) *Мытарями* назывались лица, назначаемыя римлянами для сбора податей съ Іудеевъ. Они обыкновенно брали на откупъ собираніе этихъ пошлинъ и употребляли всевозможныя мѣры, чтобы извлечь для себя наибольшія выгоды. Какъ люди корыстолюбивые и наглые, мытари считались Іудеями за предателей и измѣнниковъ своей странѣ и Господу Богу. Грѣшникъ, язычникъ и мытарь—у нихъ значили одно и то же; говорить съ ними почиталось грѣхомъ, общаться съ ними — оскверненіемъ, хотя и среди нихъ были добрые и богобоязненные люди.

[4]) *Фарисеи*—одна изъ сектъ іудейскихъ, появившихся во II и III в. до Р. Хр. Свое наименованіе фарисеи (особенные, отдѣленные) получили оттого, что старались отличиться особенною ревностью къ Закону. Съ теченіемъ времени въ качествѣ дополненій

Господь остановилъ на этомъ, всѣми презираемомъ, мытарѣ Свой Божественный взоръ. Однажды, во время пребыванія Своего въ Капернаумѣ, Господь вышелъ изъ города и пошелъ къ морю, сопровождаемый народомъ. На берегу Онъ увидѣлъ сидящаго у мытницы[1]) Матѳея. И сказалъ ему:

— Иди за мной!

Услышавъ сіи слова Господа не тѣлеснымъ только слухомъ, но и сердечными ушами, мытарь тотчасъ же всталъ съ мѣста своего и, оставивъ все, послѣдовалъ за Христомъ. Матѳей не раздумывалъ, не удивлялся, что Великій Учитель и Чудотворецъ зоветъ его, презрѣннаго мытаря; онъ всѣмъ сердцемъ внялъ словамъ Его и безпрекословно пошелъ за Христомъ. Въ радости Матѳей приготовилъ въ домѣ своемъ большое угощеніе. Господь не отрекся отъ приглашенія и вошелъ въ домъ Матѳея. И собралось въ домъ Матѳея множество сосѣдей его, друзей и знакомыхъ,—все мытари и грѣшники,—и возлежали за столомъ вмѣстѣ съ Іисусомъ и учениками Его. Тамъ же случилось быть и нѣкоторымъ изъ книжниковъ[2]) и фарисеевъ. Увидѣвъ, что Господь не гнушается грѣшниковъ и мытарей, но возлежитъ съ ними рядомъ, они роптали и говорили ученикамъ Его:

— Какъ это Онъ ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками?

и разъясненій къ Закону образовалось множество древнихъ преданій, которыя относились преимущественно къ внѣшней, обрядовой сторонѣ Закона. Придавая всѣмъ отеческимъ преданіямъ и обычаямъ божественную важность наравнѣ съ Закономъ Моисея, фарисеи составили изъ себя особый классъ людей, или общину, и для болѣе удобнаго соблюденія отеческихъ преданій стали чуждаться общенія съ остальнымъ народомъ. Послѣдній смотрѣлъ на нихъ какъ на людей особенныхъ, какъ на строгихъ ревнителей Закона, заботившихся о поддержаніи въ народѣ вѣры и благочестія, и относился къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ; но подъ внѣшнею праведностью и обрядовою ревностію фарисеевъ скрывалось самое возмутительное лицемѣріе, самое холодное бездушіе и самыя безнравственныя дѣянія, что и находило себѣ достойное обличеніе въ рѣчахъ Іисуса Христа.

1) *Мытница*—мѣсто сбора пошлинъ и податей съ проходившихъ по приморской дорогѣ каравановъ и по морю—лодокъ съ товаромъ.

2) *Книжниками* назывались у Іудеевъ люди, свѣдущіе вообще въ книжномъ дѣлѣ, какъ то: ученнѣйшіе изъ Іудеевъ, которые объясняли Законъ и публично учили и наставляли народъ въ Законѣ, такъ называемые раввины и законоучители; законовѣдцы, занимавшіеся рѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ, сомнительныхъ случаевъ и дѣлъ, требующихъ знанія Закона и практической опытности; писцы и нотаріусы, служившіе въ синагогахъ и синедріонахъ. Ученые эти Іудеи представляются въ Новомъ Завѣтѣ и особеннымъ сословіемъ, различнымъ отъ фарисеевъ; но въ то же время часто соединяются съ фарисеями и поставляются въ связь съ архіереями. Большая часть ихъ были привязаны къ однимъ преданіямъ и, не понимая духа Закона, ложно толковали его и были слѣпыми вождями народа, лицемѣрно лишь исполняя Заповѣди напоказъ, ради славы человѣческой, и возлагая на другихъ тяжкія бремена, коихъ сами не исполняли.

Господь же, услышавъ слова ихъ, сказалъ имъ:

— Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные. Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію[1]).

Ст҃ый а҃пл҃ъ
Матѳе́й

Съ этихъ поръ Матѳей, оставивъ все свое достояніе, пошелъ за Христомъ[2]) и, какъ вѣрный ученикъ Его, послѣ того уже не отлучался отъ Него. Въ скоромъ времени онъ удостоился сопричисленія къ лику 12 избранныхъ Апостоловъ[3]). Вмѣстѣ съ другими учениками Господа Матѳей сопровождалъ Его въ путешествіяхъ по Галилеѣ и Іудеѣ, внималъ Его Божественному ученію, видѣлъ безчисленныя Его чудеса, ходилъ съ проповѣдью къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, былъ свидѣтелемъ крестныхъ страданій и искупительной смерти Спасителя и преславнаго вознесенія Его на Небо.

Послѣ Вознесенія Господня и сошествія Святаго Духа на Апостоловъ святый Матѳей сначала оставался въ Палестинѣ, вмѣстѣ съ другими Апостолами проповѣдуя Евангеліе въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Но вотъ наступило время разойтись Апостоламъ изъ Іерусалима по разнымъ народамъ, для обращенія ихъ къ вѣрѣ Христовой. Предъ отбытіемъ Апостола изъ Іерусалима іерусалимскіе христіане изъ Іудеевъ просили его предать

---

[1]) Еванг. отъ: Лук., гл. **5**, ст. 27—32; Матѳ., гл. **9**, ст. 9—13; Марк., гл. **2**, ст. 14—17. Такимъ образомъ Господь обличаетъ здѣсь самомнѣніе и самодовольство книжниковъ и фарисеевъ, которые, держась только внѣшнихъ обрядовъ Закона и строго по внѣшности исполняя ихъ, почитали себя праведниками и не чувствовали нужды въ покаяніи и исправленіи. Господь даетъ имъ видѣть, что внѣшніе обряды и жертвы имѣютъ значеніе только тогда, когда служатъ выраженіемъ внутренняго чувства милости, любви къ ближнимъ, а безъ этого они теряютъ свое значеніе и могутъ только прогнѣвлять Бога (Кн. Прор. Исаіи, гл. **1**, ст. 11—18).

[2]) Еванг. отъ Лук., гл. **5**, ст. 28.

[3]) Еванг. отъ: Матѳ., гл. **10**; Марк., гл. **3**, ст. 13—19; Лук., гл. **6**, ст. 13—16.

для нихъ письмени дѣла и ученіе Іисуса Христа. На исполненіе сей просьбы изъявили свое согласіе и прочіе, бывшіе въ то время въ Іерусалимѣ, Апостолы. И святый Матѳей, исполняя общее желаніе, написалъ Евангеліе, спустя 8 лѣтъ по Вознесеніи Христовомъ [1]).

Удалившись изъ Іерусалима, святый Апостолъ Матѳей проповѣдывалъ Евангеліе во многихъ странахъ. Благовѣствуя Христа, онъ прошелъ Македонію, Сирію, Персію, Парѳію и Мидію и обошелъ всю Еѳіопію [2]), на которую ему палъ жребій, и просвѣтилъ ее свѣтомъ разума евангельскаго. Наконецъ, наставляемый Духомъ Святымъ, пришелъ онъ въ землю людоѣдовъ, къ чернокожему звѣроподобному народу, вошелъ въ городъ, называемый Мирмены, и тамъ, обративъ нѣсколько душъ къ Господу, поставилъ имъ епископомъ спутника своего Платона и создалъ небольшую церковь; самъ же восшелъ на находившуюся вблизи гору и пребывалъ на ней въ постѣ, усердно молясь Богу объ обращеніи того невѣрнаго народа. И явился ему Господь во образѣ прекраснаго юноши, имѣя въ правой рукѣ жезлъ, и привѣтствовалъ его. Протянувъ правую руку и отдавая святому жезлъ тотъ, Онъ повелѣлъ ему сойти съ горы и водрузить жезлъ при дверяхъ устроенной имъ церкви.

---

1) Евангеліе было написано Апостоломъ Матѳеемъ около 41 г. по Р. Хр. Это—первая по времени священная книга изъ всѣхъ книгъ Новаго Завѣта и занимаетъ потому между ними первое мѣсто. Евангеліе было написано на еврейскомъ языкѣ, или на употреблявшемся тогда сиро-халдейскомъ, иначе арамейскомъ нарѣчіи, и было предназначено первоначально для палестинскихъ христіанъ изъ Іудеевъ. Сообразно съ этимъ, повѣствованія въ Евангеліи отъ Матѳея направлены преимущественно къ тому, чтобы показать, что Іисусъ есть истинный Мессія, обѣтованный праотцамъ еврейскаго народа, что особенно нужно было показать евреямъ, увѣровавшимъ во Христа, неузнаниаго ихъ соотечественниками и распятаго. Посему въ Евангеліи отъ Матѳея чаще, чѣмъ въ другихъ Евангеліяхъ, сносятся и сличаются событія изъ жизни Христовой съ ветхозавѣтными пророчествами и прообразованіями и изъ всей исторіи Христа Спасителя избираются повѣствованія особенно важныя и нужныя для Іудеевъ. Потому же Евангеліе свое Матѳей начинаетъ родословіемъ Мессіи, какъ сына Давидова и Авраамова, и вообще въ своемъ Евангеліи говоритъ преимущественно о воплощеніи и человѣчествѣ Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Эта отличительная особенность Евангелія св. Матѳея выражается и на его иконахъ, на которыхъ онъ изображается вмѣстѣ съ ангелоподобнымъ человѣкомъ, символически характеризующимъ особенности его Евангелія.

2) *Македонія* находилась къ сѣверу отъ Греціи, отъ сѣверо-восточной области ея Ѳессаліи. *Сирія*—западная область Азіи, тянувшаяся отъ Средиземнаго моря до Евфрата. *Персія* находилась въ южной части Иранскаго плоскогорія, между р. Тигромъ, Персидскимъ заливомъ и Каспійскимъ моремъ. *Мидія*—западная часть Ирана, къ югу отъ Каспійскаго моря, на границахъ къ западу—съ Ассиріей и Великой Арменіей, къ югу—съ Персіей, къ востоку—съ Парѳіей. *Парѳія*—большая страна въ Азіи, къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря и далѣе на востокъ до Индійскаго моря. *Еѳіопія* лежала въ Африкѣ на югъ отъ Египта, гдѣ нынѣ Нубія и Абиссинія.

— Жезлъ этотъ,—говорилъ Господь,—силою Моею вырастетъ въ высокое дерево, и дерево то принесетъ обильный плодъ, величиною и сладостію превосходящій всѣ другіе садовые плоды; а отъ корня его истечетъ источникъ чистой воды. Омывшись въ водѣ источника, людоѣды получатъ благолѣпіе лица, и всякій, кто только вкуситъ отъ того плода, позабудетъ звѣрскіе нравы и станетъ добрымъ и кроткимъ человѣкомъ.

Матѳей, принявъ жезлъ изъ руки Господней, сошелъ съ горы и пошелъ въ городъ исполнить то, что ему было повелѣно. У князя того города, именемъ Фульвіана, жена и сынъ были одержимы бѣсами. Встрѣтивъ на пути Апостола, они вопили на него дикими, угрожающими голосами:

— Кто послалъ тебя сюда съ этимъ жезломъ на нашу пагубу?

Апостолъ запретилъ духамъ нечистымъ и изгналъ ихъ; исцѣлившіеся поклонились Апостолу и кротко послѣдовали за нимъ. Узнавъ о его приходѣ, епископъ Платонъ встрѣтилъ его вмѣстѣ съ клиромъ, и святый Матѳей, вошедши въ городъ и приблизившись къ церкви, сдѣлалъ, какъ ему было повелѣно: водрузилъ данный ему отъ Господа жезлъ,—и тотчасъ, въ виду всѣхъ, жезлъ сдѣлался великимъ деревомъ, простирающимъ многолиственныя вѣтви, и на немъ появились прекрасные плоды, большіе и сладкіе, и источникъ воды истекъ отъ корня. Всѣ видѣвшіе это были поражены изумленіемъ; весь городъ сошелся на такое чудо, и вкушали плоды дерева, и пили чистую воду. А святый Апостолъ Матѳей, стоя на высокомъ мѣстѣ, проповѣдывалъ собравшимся людямъ Слово Божіе на ихъ языкѣ; и тотчасъ всѣ увѣровали въ Господа, и крестилъ ихъ Апостолъ въ чудотворномъ источникѣ. И всѣ крестившіеся людоѣды, согласно Слову Господню, выходили изъ воды благолѣпные лицемъ и бѣлые кожей; они получали не только тѣлесную, но и душевную бѣлизну и красоту, отлагая ветхаго человѣка и облекаясь въ новаго человѣка—Христа. Узнавъ о случившемся, князь сначала порадовался исцѣленію супруги и сына, но потомъ, по наученію бѣсовскому, разгнѣвался на Апостола за то, что весь народъ приходитъ къ нему, оставляя боговъ своихъ, и замыслилъ погубить его. Но въ ту же ночь Апостолу явился Спаситель, повелѣвая ему мужаться и обѣщая пребывать съ нимъ въ наступающей скорби. Когда наступило утро и Апостолъ въ церкви вмѣстѣ съ вѣрующими воспѣвалъ хвалу Богу, князь послалъ четырехъ воиновъ взять его; но когда они пришли къ храму Господню, тотчасъ объяла

ихъ тьма, и они едва могли возвратиться назадъ. Когда же ихъ спросили, почему они не привели Матѳея,—они отвѣчали:

— Мы слышали, какъ онъ бесѣдовалъ, но видѣть и взять его не могли.

Еще сильнѣе разгнѣвался Фульвіанъ. Онъ послалъ еще болѣе воиновъ съ оружіемъ, повелѣвъ имъ силою привести Матѳея, а если кто будетъ противиться и защищать Матѳея,—тѣхъ убивать. Но и эти воины воротились ни съ чѣмъ, ибо когда они приблизились къ храму, Небесный свѣтъ осіялъ Апостола, и воины, будучи не въ состояніи смотрѣть на него, пришли въ великій страхъ, и, бросивъ оружіе, прибѣжали назадъ полумертвые отъ страха, и разсказали о бывшемъ князю. Страшно разъярился Фульвіанъ и пошелъ со всѣмъ множествомъ слугъ своихъ, желая самъ схватить Апостола. Но едва онъ успѣлъ приблизиться къ Апостолу, какъ внезапно ослѣпъ и сталъ просить, чтобы ему дали проводника. Тогда онъ началъ умолять Апостола простить ему согрѣшеніе его и просвѣтить его ослѣпленныя очи. Апостолъ, сотворивъ знаменіе Креста на очахъ князя, даровалъ ему прозрѣніе. Князь прозрѣлъ, но только—тѣлесными очами, а не душевными, ибо злоба ослѣпила его, и столь великое чудо онъ приписалъ не Божіей силѣ, а волхвованію. Взявъ за руку Апостола, онъ повелъ его къ своему дворцу, какъ будто желая почтить его, а въ сердцѣ лукаво замышляя сжечь Апостола Господня какъ волхва. Но Апостолъ, провидя тайныя движенія его сердца и лукавые замыслы, обличилъ князя, говоря:

— Мучитель льстивый! Скоро ли ты совершишь то, что замыслилъ сдѣлать со мною? Дѣлай то, что сатана вложилъ въ твое сердце, а я, какъ видишь, готовъ все перенести за Бога моего.

Тогда князь повелѣлъ воинамъ схватить святаго Матѳея и растянуть на землѣ лицомъ кверху, а руки и ноги крѣпко прибить гвоздями. Когда это было сдѣлано, слуги собрали, по повелѣнію мучителя, множество вѣтвей и хворосту, принесли смолы и сѣры и, положивъ все это на святаго Матѳея, зажгли. Но когда огонь разгорѣлся великимъ пламенемъ и всѣ думали, что Апостолъ Христовъ уже сгорѣлъ, внезапно огонь охладѣлъ и пламя угасло, и святый Матѳей оказался живымъ, невредимымъ и славящимъ Бога. Видя это, весь народъ пришелъ въ ужасъ отъ столь великаго чуда и воздалъ хвалу Богу Апостола. Но Фульвіанъ еще болѣе

разъярился. Не желая признать въ происшедшемъ Божію силу, сохранившую живымъ и неповрежденнымъ отъ огня проповѣдника Христова, онъ возводилъ на праведника беззаконное обвиненіе, называя его волхвомъ.

— Волхвованіемъ,—говорилъ онъ,—погасилъ Матѳей огонь и остался въ немъ живъ.

Затѣмъ онъ приказалъ принести еще болѣе дровъ, вѣтвей и хворосту и, положивъ на Матѳея,—зажечь, а сверху поливать смолою; кромѣ того, приказалъ принести двѣнадцать своихъ золотыхъ идоловъ и, поставивъ ихъ кругомъ огня, призывалъ ихъ на помощь, чтобы силою ихъ Матѳей не могъ избавиться отъ пламени и обратился бы въ пепелъ. Апостолъ же въ пламени молился Господу Силъ, чтобы Онъ показалъ непобѣдимую силу Свою, явилъ безсиліе боговъ языческихъ и посрамилъ надѣющихся на нихъ.

И внезапно пламень огненный съ ужаснымъ громомъ устремился на золотыхъ идоловъ, и они растаяли отъ огня, какъ воскъ, и кромѣ того, были опалены и многіе изъ стоявшихъ вокругъ невѣрныхъ; а изъ расплавившихся идоловъ вышло пламя въ образѣ змѣя и устремилось на Фульвіана, угрожая ему, такъ что онъ не могъ убѣжать и избавиться отъ опасности, пока не воззвалъ съ смиренной мольбою къ Апостолу объ избавленіи отъ погибели. Апостолъ запретилъ огню, и тотчасъ пламень угасъ и подобіе огненнаго змѣя исчезло. Фульвіанъ хотѣлъ съ честію извести святаго изъ огня, но онъ, сотворивъ молитву,—предалъ святую свою душу въ руцѣ Божіи[1]). Тогда князь приказалъ принести золотой одръ и на немъ положить честно́е тѣло Апостола, неповрежденное огнемъ, и, одѣвъ его въ драгоцѣнныя одежды, поднялъ вмѣстѣ съ своими вельможами и внесъ въ свой дворецъ. Но онъ еще не имѣлъ совершенной вѣры и потому велѣлъ выковать желѣзный ковчегъ, плотно залить со всѣхъ сторонъ оловомъ и бросить въ море, причемъ сказалъ своимъ вельможамъ:

— Если Тотъ, Кто сохранилъ Матѳея цѣлымъ отъ огня, сохранитъ его такъ же и отъ потопленія въ водѣ, то воистину Онъ есть Единый Богъ, и Ему будемъ поклоняться, оставивъ всѣхъ боговъ нашихъ, не могшихъ себя избавить отъ гибели въ огнѣ.

---

[1]) Кончина *св. Апостола и Евангелиста Матѳея* послѣдовала, по преданію, около 60 г. по Р. Хр.

Послѣ того, какъ этотъ желѣзный ковчегъ съ честными мощами былъ брошенъ въ море, святый ночью явился епископу Платону, говоря:

— Завтра иди на морской берегъ на востокъ отъ княжескаго дворца и тамъ возьми мои мощи, вынесенныя на сушу.

Наутро епископъ, въ сопровожденіи множества вѣрующихъ, отправился на показанное мѣсто и нашелъ желѣзный ковчегъ съ мощами святаго Апостола Матѳея, какъ было ему возвѣщено въ видѣніи.

Узнавъ объ этомъ, пришелъ и князь съ своими вельможами и, на этотъ разъ уже вполнѣ увѣровавъ въ Господа нашего Іисуса Христа, громогласно исповѣдалъ, что Онъ есть Единый Истинный Богъ, Который сохранилъ невредимымъ раба Своего Матѳея—какъ при жизни въ огнѣ, такъ и по смерти—въ водѣ. И припадая къ ковчегу съ мощами Апостола, просилъ у святаго прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ предъ нимъ и изъявилъ сердечное желаніе креститься. Епископъ Платонъ, видя вѣру и усердіе Фульвіана, огласилъ его и, научивъ истинной святой вѣрѣ, крестилъ. И когда возложилъ руку свою на голову его и хотѣлъ наречь ему имя, послышался свыше Голосъ, говорящій:

— Назови его не Фульвіаномъ, а Матѳеемъ.

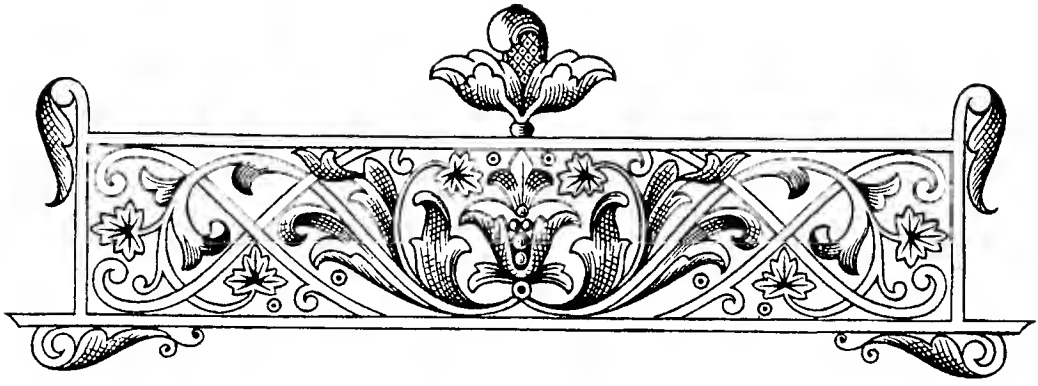
Принявъ, такимъ образомъ, въ Крещеніи имя Апостола, князь старался быть подражателемъ и жизни Апостола: вскорѣ онъ, передавъ другому свою княжескую власть, отказался совершенно отъ мірской суеты, предался молитвѣ въ Церкви Божіей и епископомъ Платономъ удостоенъ былъ пресвитерскаго сана. А когда, по прошествіи трехъ лѣтъ, епископъ умеръ, оставившему власть княжескую пресвитеру Матѳею явился въ видѣніи святый Апостолъ Матѳей и увѣщалъ его принять епископскій престолъ послѣ блаженнаго Платона. Принявъ епископство, Матѳей добрѣ потрудился въ благовѣстіи Христовомъ и, отвративъ многихъ отъ идолопоклонства, привелъ къ Богу, а затѣмъ и самъ отошелъ къ Нему послѣ долгой Богоугодной жизни и, предстоя съ святымъ Евангелистомъ Матѳеемъ Престолу Божію, молитъ о насъ Господа, дабы и мы были наслѣдниками вѣчнаго Царствія Божія. Аминь.

Тропа́рь а҆п҃ла, гла́съ г҃:

Ѹсе́рднѡ ѿ мы́тницы къ зва́вшемꙋ вл҃цѣ хр҃тꙋ, ꙗ҆вльшꙋсѧ на землѝ человѣ́кѡмъ за бл҃гость, томꙋ послѣ́довавъ, а҆п҃лъ и҆збра́нный ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, и҆ бл҃говѣ́стникъ є҆ѵ҃лїа вселе́ннѣй велегла́сенъ: сегѡ̀ ра́ди чти́мъ ч҃тнꙋю па́мѧть твою̀, матѳе́е бг҃оглаго́ливе. молѝ мл҃тиваго бг҃а, да грѣхѡ́въ ѡ҆ставле́нїе пода́стъ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Мыта́рства и҆́го ѿве́ргъ, пра́вды и҆́гꙋ припрѧ́глсѧ є҆сѝ, и҆ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ кꙋпе́цъ всеизрѧ́днѣйшїй, бога́тство прине́съ, ю҆́же съ высоты̀ премꙋ́дрость: ѿонꙋдꙋже проповѣ́далъ є҆сѝ и҆́стины сло́во, и҆ ѹ҆ны́лыхъ воздви́глъ є҆сѝ дꙋшы, написа́въ ча́съ сꙋдный.



День семнадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ

чудотворца, епископа Неокесарійскаго

Святый Григорій происходилъ изъ славнаго и великаго города Неокесаріи[1]), отъ родителей-язычниковъ. Въ молодыхъ годахъ онъ потерялъ ихъ. Занявшись изученіемъ еллинской премудрости[2]), началъ онъ уразумѣвать и совершеннѣйшую премудрость, которая состоитъ въ познаніи Единаго Истиннаго Бога: изъ твореній познавалъ онъ Творца и старался благоугождать Ему незлобіемъ и цѣло-

---

[1]) *Неокесарія*—нынѣшній Никсаръ, знаменитая по своей красотѣ, уже сравнительно поздно выстроенная столица Понта Полемоніака, на сѣверѣ Малой Азіи, на р. Ликусѣ; особенно извѣстна по происходившему тамъ (уже по смерти св. Григорія) Церковному Собору (въ 315 г.).

[2]) Подъ *Еллинской премудростію* разумѣется здѣсь языческая ученость, языческое образованіе. Отецъ св. Григорія Неокесарійскаго былъ язычникъ и воспиталъ сына въ язычествѣ. Отецъ подготовлялъ изъ него адвоката, а потому св. Григорій (въ мірѣ Ѳеодоръ) изучилъ хорошо законы и тогдашній языкъ законовъ—латинскій и рѣшился, наконецъ, ѣхать въ Римъ, чтобы тамъ болѣе ознакомиться съ римскимъ правомъ. Но Промыслъ Божій устроилъ жизнь его иначе: онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ братомъ сопровождать сестру свою въ Кесарію; оттуда онъ послѣ отправился для изученія законовѣдѣнія въ Беритъ, а оттуда отправился въ славившуюся тогда своею образованностью Александрію.

мудренной жизнью. Ознакомившись со святымъ евангельскимъ ученіемъ, онъ немедленно сталъ послѣдователемъ его и, принявъ Крещеніе, старался жить по заповѣдямъ Христа, въ чистотѣ и нестяжательности, отказался отъ всей суеты мірской, богатствъ, гордости, славы и временныхъ наслажденій. Отказавшись отъ угожденія плоти, Григорій пребывалъ въ великомъ воздержаніи, умерщвляя свою волю, и оберегалъ чистоту своего дѣвства такъ строго, что въ теченіе всей жизни, отъ чрева матери до блаженной кончины своей, не позналъ плотскаго грѣха и сохранилъ себя отъ скверны, чтобы быть угоднымъ Единому Чистому и Безгрѣшному, отъ Безгрѣшной Дѣвы рожденному, Христу Богу. Предавшись Ему отъ юности, съ помощію Его онъ преуспѣвалъ отъ силы къ силѣ, отъ добродѣтели къ добродѣтели и проходилъ путь жизни безпорочно: за то возлюбилъ его Богъ и люди добрые, а злые ненавидѣли.

Сти́тель
ГРИГО́РІЙ

Когда онъ, будучи еще юношей, изучалъ въ Александріи философію и врачебное искусство вмѣстѣ со многими юношами, стекавшимися туда отъ всѣхъ странъ[1]), то цѣломудренная и непорочная жизнь его возбудила ненависть его сверстниковъ. Будучи невоздержны и порабощены страстями, они жили нечисто, входя въ дома блудницъ, какъ было въ обычаѣ у языческихъ юношей; а святый Григорій, какъ юноша христіанскій, уклонялся отъ этого пагубнаго пути, избѣгалъ нечистоты и ненавидѣлъ беззаконіе; какъ

---

[1]) *Александрія*—знаменитая столица Египта, въ то время славилась своей широкой цвѣтущей образованностью. Особенно въ то время процвѣтали философія и медицина. Наравнѣ съ образованностью языческою процвѣтала и богословская образованность христіанская. Знаменитая Александрійская школа, считавшая въ своихъ рядахъ множество замѣчательнѣйшихъ ученыхъ того вѣка, привлекала въ свои стѣны массу слушателей не только изъ христіанъ, но и изъ язычниковъ.

кринъ среди тернія[1]), такъ среди нечистыхъ свѣтился онъ своею чистотою. Многіе знали о его чистой и непорочной жизни, и за то многіе достойные философы и граждане весьма почитали его и славили; сверстники же, не будучи въ состояніи смотрѣть на юношу, который воздержаніемъ и чистотою превосходилъ не только юношей, но и старыхъ, замыслили распространить худой слухъ между людьми, будто и онъ жилъ такъ же нечисто, какъ и прочіе, и тѣмъ помрачить ту добрую славу, которою по справедливости онъ пользовался между людьми. Они научили какую-то блудницу, чтобы она оклеветала и разнесла худую молву о неповинномъ и чистомъ сердцемъ отрокѣ. Однажды, когда святый на виду всѣхъ бесѣдовалъ съ достойными философами и первѣйшими учителями, блудница, наученная сверстниками святаго, приступила къ нему, безстыдно прося у него должной платы за совершенный будто бы съ нею плотской грѣхъ. Это слышали всѣ и удивились; одни соблазнились, считая это за истину, а другіе, зная чистоту и непорочность Григорія, не дали вѣры словамъ безстыдной блудницы и отгоняли ее. Она же, громко крича, докучала святому, чтобы онъ отдалъ плату за совершенное любодѣяніе. О, какъ совѣстно стало святому Григорію, когда такія безстыдныя и несправедливыя нареканія женщины явно грѣшной услышалъ онъ въ присутствіи столь многихъ честныхъ людей! Какъ чистая дѣвица, покраснѣлъ онъ въ лицѣ; однако, будучи незлобивымъ и кроткимъ, не сказалъ блудницѣ ничего жесткаго, нимало не показалъ гнѣва, не сталъ оправдываться или представлять свидѣтелей своей неповинности, но кротко сказалъ одному изъ своихъ друзей:

— Дай скорѣе ей плату, сколько требуетъ, чтобы она ушла отъ насъ, не докучая намъ болѣе.

Другъ тотчасъ отдалъ ей, сколько она хотѣла, искупая неповиннаго Григорія отъ стыда. Богъ же, вѣрный на Небесахъ Свидѣтель, открылъ эту неправду слѣдующимъ образомъ. Онъ допустилъ духа нечистаго къ безстыдной и льстивой блудницѣ, и когда она приняла въ руки неправедную мзду, то сейчасъ приняла и

---

[1]) *Кринъ* — лилія бѣлая — прекрасный цвѣтокъ изъ семейства луковичныхъ. Красоту лиліи Самъ Господь восхваляетъ и ставитъ ее выше всѣхъ великолѣпныхъ одеждъ Соломона (Еванг. отъ Мате., гл. 6, ст. ст. 28—29. Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 27). Поэтому въ Св. Писаніи лилія весьма часто служитъ образомъ высокихъ нравственныхъ совершенствъ, соотвѣтственно сему и здѣсь добродѣтельная жизнь юнаго Григорія уподобляется прекрасной лиліи, растущей среди терновника, который служитъ въ Писаніи образомъ нечестія и грѣха.

лютую казнь: ибо бѣсъ напалъ на нее и началъ ее мучить предъ всѣми. Блудница упала на землю, вопила страшнымъ голосомъ, трепетала всѣмъ тѣломъ, скрежетала зубами и приходила въ оцѣпенѣніе, испуская пѣну, такъ что всѣ предстоявшіе исполнились великаго страха и ужаса, видя столь скорое и лютое отмщеніе за неповиннаго юношу. И не престалъ мучить ее бѣсъ до тѣхъ поръ, пока святый не сотворилъ о ней прилежной молитвы къ Богу и тѣмъ отогналъ отъ нея бѣса. Это послужило началомъ чудесъ юнаго Григорія, добродѣтелямъ котораго дивились и старцы.

У Григорія былъ благоразумный и добронравный другъ, по имени Фирміанъ, родомъ изъ Каппадокіи. Открывъ ему свою завѣтную мысль—оставить все и служить единому Богу, Григорій нашелъ, что и Фирміанъ имѣетъ ту же мысль и желаетъ идти тѣмъ же путемъ. По взаимному совѣту оба они оставили мірскую философію, оставили языческія училища и начали учиться христіанской премудрости и тайнамъ Божественнаго Писанія. Въ то время среди учителей Церкви Христовой славился знаменитый Оригенъ [1]). Пришедши къ нему вмѣстѣ съ другомъ своимъ Фирміаномъ, святый Григорій сталъ учиться у него и, пробывъ у

[1]) *Оригенъ*—знаменитѣйшій христіанскій учитель Александрійской церкви († 254 г.),—чудо своего вѣка по силѣ своего ума и глубинѣ учености—въ то время былъ выдающимся катехитомъ Александрійскаго огласительнаго училища. Онъ воспиталъ многихъ замѣчательныхъ Отцовъ и Учителей Церкви, изъ коихъ нѣкоторые ему обязаны своимъ обращеніемъ изъ язычества въ христіанскую вѣру, съ которой онъ хотѣлъ согласовать знаніе и философію. Особенно замѣчательны труды его по изученію Священнаго Писанія, по истолкованію его и особенно по возстановленію и очищенію его истиннаго текста, а также сочиненія, направленныя къ защитѣ христіанства противъ еретиковъ и враговъ христіанства. Вообще, онъ весьма много сдѣлалъ не только для своего, но и для послѣдующихъ временъ, и всѣ великіе Учители Церкви IV-го вѣка относились къ Оригену съ величайшимъ уваженіемъ и значительно пользовались его сочиненіями. Оригенъ привлекалъ въ Огласительное училище массу слушателей, среди которыхъ было множество и языческихъ юношей, ревностно искавшихъ высшаго просвѣщенія. Съ нимъ-то и познакомился въ Александріи св. Григорій и сталъ ревностнымъ его ученикомъ. Оригенъ, по словамъ самого Григорія, заставилъ его сперва искать разбросанныя сѣмена истины въ системахъ философовъ и пробудилъ въ немъ любовь къ истинѣ; потомъ сталъ излагать начало вѣры христіанской и объяснялъ Св. Писаніе. Послѣ осьмилѣтняго пребыванія у Оригена Григорій принялъ у него Св. Крещеніе и, поблагодаривъ своего наставника публичнымъ словомъ, возвратился въ свое отечество со скорбію о разлукѣ съ нимъ. «Я думаю,—такъ писалъ Григорій о учителѣ своемъ,—онъ говорилъ это не иначе, какъ по внушенію Духа Божія: для того, чтобы быть пророкомъ и изъяснять пророка, нужна его сила. И никто не можетъ разумѣть пророка, если Самъ Духъ Божій не сообщитъ разумѣнія Своихъ словъ. Сей человѣкъ получилъ отъ Бога величайшій даръ—быть переводчикомъ Слова Бога къ людямъ, разумѣть Слово Божіе, какъ Богъ Самъ его употреблялъ, и изъяснять его людямъ, какъ они могутъ разумѣть».

него довольно времени, возвратился на родину свою, въ Неокесарію. Граждане неокесарійскіе и всѣ знавшіе его, видя его великую премудрость, хотѣли, чтобы онъ былъ среди согражданъ въ почетѣ и принялъ на себя обязанности судьи и градоправителя. Но Григорій, избѣгая гордости, пустой славы человѣческой и тѣхъ многочисленныхъ сѣтей, которыми врагъ опутываетъ міръ, оставилъ свой отечественный городъ и, поселившись въ пустынѣ, жилъ въ глубокомъ уединеніи, для одного Бога—въ какихъ подвигахъ и трудахъ, о томъ знаетъ лишь одинъ создавый на єдинѣ сердца наши и разумѣвай на всѧ дѣла наши[1]).

Когда святый Григорій пребывалъ въ пустынѣ и упражнялся въ Богомысліи, узналъ о немъ блаженный Федимъ, епископъ Каппадокійскаго города Амасіи[2]), и захотѣлъ извести его изъ пустыни на служеніе Церкви Христовой, поставить его святителемъ и учителемъ: ибо онъ провидѣлъ въ немъ благодать Божію и то, что онъ будетъ великимъ столпомъ Церкви и утвержденіемъ вѣры. Святый Григорій также имѣлъ даръ прозорливости, и, узнавъ, что епископъ хочетъ взять его изъ пустыни на служеніе Церкви, скрывался отъ него, считая себя недостойнымъ такого сана, и переходилъ въ пустынѣ съ мѣста на мѣсто, чтобы не быть найденнымъ. Блаженный Федимъ прилежно искалъ его и съ мольбой призывалъ къ себѣ изъ пустыни, но, не будучи въ состояніи разлучить пустыннолюбца съ его пустыней и привести въ Амасію для хиротонисанія, совершилъ дѣло по-видимому странное и необычное. Движимый Духомъ Божіимъ и распаляемый ревностью по Святой Церкви, онъ не затруднился тѣмъ, что не пришелъ къ нему Григорій и что между ними лежитъ немалое разстояніе—отъ города Амасіи до той пустыни, въ которой жилъ Григорій, было три дня пути; не затруднился епископъ Федимъ такимъ разстояніемъ между ними и посвятилъ Григорія, находящагося вдали отъ него, въ епископа Неокесарійской церкви. Устремивъ взоръ къ Богу, онъ сказалъ:

— Всевѣдущій и Всемогущій Боже, призри въ часъ сей на меня и на Григорія и сотвори дѣйственнымъ посвященіе благодатію Твоею.

---

1) Псал. 32, ст. 15.

2) *Амасія*—сильно укрѣпленный значительный городъ въ сѣверной части Малой Азіи, на берегу Чернаго моря.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ святый Григорій Нисскій, описывая житіе сего святаго[1]); подтвержденіе этому есть и въ минейномъ канонѣ, повѣствующемъ объ этомъ такъ:

— Бжїй предстáтель рéвностїю распалáемь, помáза тѧ̀ фéдимъ не пришéдша ѻ҆тче, бг҃ѹ всѧ́ческаѧ вѣ́дѧщемѹ̀ бл҃гочéстнѡ ᲂу҆повáвъ, и҆ честнóмѹ твоемѹ̀ житїю̀ надѣ́ѧвсѧ, бг҃оглаго́ливе григо́рїе[2]).

Такъ сотворилъ блаженный Федимъ Григорію необычное посвященіе, и святый Григорій, хотя противъ желанія, повиновался принять церковное управленіе: ибо какъ могъ онъ противиться волѣ Господней? Прежде же всего прибѣгнулъ онъ къ молитвѣ, прося помощи свыше на таковое дѣло.

Въ то время начинала распространяться ересь Савеллія и Павла Самосатскихъ[3]). Святый Григорій былъ по поводу ея въ недоумѣніи и прилежно молилъ Бога и Божію Матерь объ открытіи ему истинной вѣры. Когда однажды ночью онъ молился о томъ особенно прилежно, явилась ему Пречистая Дѣва Марія, сіяющая какъ солнце, съ Іоанномъ Богословомъ, облеченнымъ въ архіерейскія одежды. Указывая рукою Своею на Григорія, Пречистая повелѣла Іоанну Богослову научить его, какъ подобаетъ вѣровать въ тайну Святой Троицы. И по повелѣнію Божіей Матери святый Григорій былъ наученъ святымъ Іоанномъ Богословомъ въ теченіе малаго времени великимъ Божіимъ Таинамъ и почерпнулъ изъ неисчерпаемой глубины премудрости Божественное знаніе. Слова откровенія, сказанныя Іоанномъ Богословомъ, были слѣдующія:

— Единъ Богъ, Отецъ Слова Живаго, Премудрости Ѵпостасной, Силы и Образа Вѣчнаго, Совершенный Родитель Совершеннаго,

1) Творенія св. Григорія Нисскаго, рус. пер., т. VIII, стр. 143—Впрочемъ, св. Григорій Чудотворецъ принялъ высшую церковно-іерархическую власть, по свидѣтельству того же Григорія Нисскаго, лишь по совершеніи на немъ всѣхъ узаконенныхъ священнодѣйствій и испросивъ у избравшаго его на епископскую каѳедру святителя Федима малое время для уразумѣнія въ точности таинства вѣры.

2) Служба св. Григорію, Канонъ, пѣснь 5, тропарь 2.

3) *Савеллій* и *Павелъ Самосатскіе* неправильно учили о таинствѣ Пресв. Троицы. Первый утверждалъ, что Богъ есть одно Лице: какъ Отецъ Онъ—на Небѣ, какъ Сынъ—на землѣ, какъ Духъ Святый—въ тваряхъ. По ученію Савеллія, это только—извѣстныя формы, въ какихъ Богъ является людямъ: въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ законодатель, является Отцемъ, въ Новомъ,—какъ Спаситель, явился Сыномъ и продолжаетъ являться, какъ освящающій ихъ Духъ. Павелъ Самосатскій (по мѣсту рожденія), епископъ Антіохійскій, неправо училъ, что Сынъ и Св. Духъ находятся въ Богѣ-Отцѣ такъ же, какъ умъ и сила (разумъ и духъ) въ человѣкѣ. Признавая Христа простымъ человѣкомъ, исполненнымъ Св. Духа и мудрости Божественной, Павелъ запретилъ въ церкви Антіохійской пѣть стихи въ честь Іисуса Христа какъ Бога и крестить во Имя Его. Послѣдователи этой ереси назывались патрипассіанами, такъ какъ, не отдѣляя Лицъ Божества, они приписывали воплощеніе и страданія Богу-Отцу.

Отецъ Сына Единороднаго. Единъ Господь, Единый отъ Единаго, Богъ отъ Бога, Образъ и Изображеніе Божества, Слово дѣйственное, Премудрость, объемлющая составъ всего существующаго, и творческая Сила всей твари, Истинный Сынъ Истиннаго Отца, Невидимый, Нетлѣнный, Безсмертный и Присносущный Сынъ Невидимаго, Нетлѣннаго и Присносущнаго Отца. И Единъ Духъ Святый, Который имѣетъ существо отъ Отца и явленъ людямъ чрезъ Сына, Совершенный Образъ Совершеннаго Сына, Жизнь, Причина всего живаго, Источникъ Святый, Святыня, подающая освященіе, въ Которомъ открываетъ Себя Богъ Отецъ, Иже надъ всѣми и во всемъ, и Богъ Сынъ, Иже чрезъ всѣхъ, Троица совершенная, славою, вѣчностью и царствомъ нераздѣляемая и неотчуждаемая. Итакъ, въ Троицѣ нѣтъ ничего сотвореннаго, или служебнаго, или привнесеннаго, какъ бы прежде не бывшаго, а впослѣдствіи привзошедшаго. Итакъ, ни въ чемъ у Сына не было недостатка предъ Отцемъ и у Святаго Духа предъ Сыномъ, но непремѣнна и неизмѣнна есть всегда та же Троица.

Послѣ сего видѣнія святый Григорій записалъ своею рукою слова, сказанныя ему святымъ Іоанномъ Богословомъ, и это писаніе его было хранимо въ Неокесарійской церкви въ теченіе многихъ лѣтъ[1]).

Послѣ того святый Григорій направился въ Неокесарію. Тогда вся Неокесарія пребывала во тьмѣ идолопоклонства; великое множество идоловъ и храмовъ идольскихъ было въ этомъ городѣ. Ежедневно приносились многія жертвы идоламъ, такъ что весь воздухъ былъ полонъ смрада, исходившаго отъ закалываемыхъ и сожигаемыхъ въ жертву животныхъ, и лишь всего 17 человѣкъ вѣрующихъ было въ столь многолюдномъ городѣ.

Когда святый Григорій шелъ въ Неокесарію, на пути ему пришлось проходить мимо одного идольскаго храма. Былъ вечеръ,

---

1) Св. Григорій Нисскій, разсказавъ о чудесномъ происхожденіи этого Символа вѣры, прибавляетъ: «Если кто хочетъ увѣриться въ томъ, пусть выслушаетъ Церковь, въ которой онъ проповѣдывалъ и въ которой донынѣ хранится подлинникъ, писанный блаженною рукою». Блаженная Макрина, бабка Василія Великаго и Григорія Нисскаго, слушавшая самого чудотворца, принесла Символъ его въ Каппадокію и учила по нему внуковъ, въ томъ числѣ и Василія Великаго. Григорій Богословъ также руководствовался этимъ Символомъ. Руфинъ помѣстилъ его въ своемъ переводѣ церковной исторіи Евсевія Кесарійскаго. И Пятый Вселенскій Соборъ (553 г.) одобрялъ его.—Символъ Григорія Чудотворца представляетъ собою одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древности. Онъ не пространенъ, но заключаетъ точное ученіе о Трехъ Лицахъ Божества, о Ихъ единосущіи, Личныхъ качествахъ и дѣйствіяхъ по отношенію къ человѣку,—и потому вполнѣ достоинъ точнаго изученія.

и надвигался сильный дождь; по необходимости святому и спутникамъ его пришлось войти въ этотъ идольскій храмъ и въ немъ заночевать. Въ храмѣ томъ было много идоловъ; въ нихъ жили бѣсы, которые являлись своимъ жрецамъ и бесѣдовали съ ними. Проведя тамъ ночь, святый Григорій сотворилъ обычныя свои полуночныя и утреннія пѣснопѣнія и молитвы и знаменовалъ крестнымъ знаменіемъ воздухъ, оскверненный бѣсовскими жертвами. Устрашившись крестнаго знаменія и святыхъ молитвъ Григорія, бѣсы оставили свой храмъ и идоловъ и исчезли. Утромъ святый Григорій съ друзьями своими двинулся въ дальнѣйшій путь, а идольскій жрецъ вошелъ въ храмъ, по обычаю своему желая принести жертву бѣсамъ, но не нашелъ бѣсовъ, ибо они оттуда бѣжали. Не являлись ему бѣсы и тогда, когда онъ сталъ приносить имъ жертвы,—какъ прежде они обыкновенно являлись: и недоумѣвалъ жрецъ, по какой причинѣ его боги оставили храмъ свой. Усердно молилъ онъ ихъ, чтобы возвратились они на свое мѣсто, а они издалека вопили:

— Не можемъ мы войти туда, гдѣ былъ въ прошлую ночь странникъ, который шелъ изъ пустыни въ Неокесарію.

Жрецъ, слыша это, поспѣшилъ за Григоріемъ, настигъ его, остановилъ и съ гнѣвомъ сталъ кричать на него, упрекая его въ томъ, что онъ, будучи христіаниномъ, дерзнулъ войти въ храмъ боговъ ихъ и что боги изъ-за него возненавидѣли это мѣсто и удалились; грозилъ ему судомъ царскимъ, намѣреваясь тотчасъ насильно вести его къ мучителямъ. Святый Григорій, кроткими и мудрыми словами утоляя гнѣвъ жреца, сказалъ наконецъ:

— Богъ мой такъ Всемогущъ, что и бѣсамъ повелѣваетъ, и мнѣ далъ такую силу надъ ними, что они и противъ воли послушаютъ меня.

Жрецъ, услышавъ это, укротилъ свой гнѣвъ и умолялъ святаго, чтобы онъ повелѣлъ богамъ языческимъ возвратиться въ ихъ храмъ. Святый, вырвавъ изъ своей книжки небольшой листокъ, написалъ на немъ такія слова: «Григорій — сатанѣ: войди» — и подалъ этотъ листокъ жрецу, повелѣвая ему положить его на алтарѣ скверныхъ боговъ его. И тотчасъ возвратились бѣсы въ храмъ и бесѣдовали съ жрецомъ, какъ и раньше. Жрецъ ужаснулся, удивляясь божественной силѣ святаго Григорія, съ помощью которой онъ словомъ повелѣваетъ бѣсамъ, и тѣ слушаютъ его: поспѣшилъ снова за нимъ, настигъ его, когда тотъ еще не дошелъ до города,

и спрашивалъ, откуда имѣетъ онъ такую силу, что языческіе боги боятся его и слушаютъ его повелѣній. Святый Григорій, видя, что сердце жреца воспріимчиво къ вѣрѣ, началъ поучать его о Единомъ Истинномъ Богѣ, все создавшемъ Словомъ Своимъ, и передалъ ему тайну святой вѣры. Въ то время какъ они, бесѣдуя, держали путь, жрецъ сталъ умолять святаго Григорія, чтобы онъ для видимаго удостовѣренія вѣры своей показалъ какое-либо чудо. И вотъ, увидѣли они громадный камень, который, какъ казалось, никакая сила не могла сдвинуть съ мѣста; но Григорій Именемъ Христовымъ повелѣлъ двинуться ему съ мѣста своего, и камень двинулся и перешелъ на другое мѣсто, куда хотѣлъ жрецъ. Страхъ объялъ жреца при видѣ этого преславнаго чуда, и исповѣдалъ онъ:

— Единъ есть Истинный и Всесильный Богъ, Григоріемъ проповѣдуемый, и нѣтъ инаго, кромѣ Его.—И тотчасъ увѣровалъ въ Него, и распространилъ вѣсть о семъ событіи всюду такъ быстро, что въ Неокесаріи народъ узналъ о чудесахъ Григорія и о власти его надъ бѣсами раньше, чѣмъ самъ Григорій пришелъ туда[1]). О приходѣ же его узналъ весь городъ, и множество народа вышло навстрѣчу ему, желая увидѣть его, такъ какъ слышали, что онъ словомъ передвинулъ великій камень на другое мѣсто, и что богамъ ихъ повелѣваетъ, и они слушаютъ его.

Входя въ первый разъ въ великій городъ при необыкновенной для него обстановкѣ, святый Григорій не изумился такому множеству народа, собравшемуся ради него, но, идя какъ бы по пустынѣ, смотрѣлъ только на себя и на дорогу, не обращаясь ни къ кому изъ собравшихся около него. И это самое показалось народу еще выше и удивительнѣе чуда, произведеннаго святымъ

---

[1]) «Послѣ сего чуда,—говоритъ св. Григорій Нисскій,—этотъ человѣкъ, тотчасъ увѣровавъ слову (Григорія) и оставивъ родъ, домъ, жену, дѣтей, друзей, жречество, имущество, вмѣсто всѣхъ принадлежащихъ ему благъ предпочелъ сообщество съ онымъ великимъ мужемъ и соучастіе въ трудахъ его и въ божественномъ ономъ любомудріи и ученіи. Да умолкнетъ при этомъ всякая искусственная изобрѣтательность дѣеписателей, краснорѣчіемъ преувеличивающая размѣры дивныхъ дѣяній, ибо не таково вышесказанное чудо, чтобы сила краснорѣчія, повѣствующаго о немъ, сдѣлала его бо̀льшимъ или мѐньшимъ, нежели каково оно есть. Кто, сказавши что-нибудь сверхъ сказаннаго, увеличитъ это чудо?.. Камень отвергается отъ камней... камень дѣлается проповѣдникомъ божественной вѣры и путеводителемъ невѣрныхъ ко спасенію, не какимъ-либо голосомъ, не словомъ проповѣдуя Божественную силу, но тѣмъ, что сдѣлалъ, показывая, что возвѣщаемый Григоріемъ есть Богъ, Которому одинаково подчинена и повинуется вся тварь,—не только одна чувствующая, живая и одушевленная, но и, кромѣ сей, всякая другая такъ раболѣпно служитъ Ему, какъ будто не лишена была чувствъ»...

надъ камнемъ. Григорій входилъ въ городъ, отвсюду тѣснимый сопровождающими, какъ будто весь городъ уже почтилъ его святительство. Но, освобождая себя отъ всякаго житейскаго бремени, святый не обращалъ на то вниманія. Когда онъ вошелъ въ городъ, ему для успокоенія нигдѣ не было даже дома — ни церковнаго, ни собственнаго, и спутники его пришли въ смущеніе и безпокойство, гдѣ имъ пристать и у кого найти себѣ кровъ. Но учитель ихъ, богомудрый Григорій, успокаивая ихъ и вмѣстѣ какъ бы укоряя за малодушіе, говорилъ:

— Что это вы, какъ будто находящіеся внѣ покрова Божія, безпокоитесь, гдѣ можно вамъ успокоить ваши тѣла? Ужели для васъ малымъ домомъ кажется Богъ, хотя о Немъ мы и живемъ, и движемся, и есмы? Или тѣсенъ для васъ кровъ небесный, что вы ищете, кромѣ сего, другаго жилища? Да будетъ забота у васъ о томъ лишь одномъ домѣ, который есть собственность каждаго, который созидается добродѣтелями и воздвигается въ высоту; о немъ одномъ вы должны заботиться, чтобы такое жилище не было не устроено у васъ...

Когда святый Григорій поучалъ такъ своихъ спутниковъ, находившійся при этомъ одинъ именитый и богатый гражданинъ, по имени Мусоній, видя, что у многихъ одно и то же желаніе и забота, какъ бы принять сего великаго мужа въ свои домы, предупреждая прочихъ, обратился къ Григорію съ просьбою остановиться у него и почтить своимъ входомъ его домъ. Другіе просили святаго о томъ же, но онъ, исполняя просьбу перваго, остановился въ домѣ Мусонія. Когда Григорій вступилъ въ Неокесарію, то нашелъ тамъ только 17 человѣкъ вѣрующихъ, весь же городъ поклонялся бездушнымъ идоламъ и служилъ бѣсамъ. Тогда Григорій сталъ молить Бога въ тайнѣ сердца своего: да призритъ (Онъ) на созданіе Свое и такое множество заблудшихъ и погибающихъ людей да просвѣтитъ и обратитъ на путь спасенія. Пребывая въ домѣ Мусонія, святый Григорій сталъ учить невѣрующихъ познанію Истиннаго Бога. Слушавшихъ слово его сначала было малое число, но прежде, нежели окончился день и зашло солнце, ихъ столько присоединилось къ первому собранію, что они составили уже толпы народа.

Помощь Божія настолько споспѣшествовала ему, что и одного дня не проходило безъ пріобрѣтенія для Церкви Христовой душъ человѣческихъ. Множество людей, съ женами и дѣтьми, собира-

лось въ домъ Мусонія къ святому Григорію слушать ученіе его и видѣть бывающія отъ него чудесныя исцѣленія[1]): ибо онъ отгонялъ отъ людей духовъ лукавыхъ, исцѣлялъ всякія болѣзни, и день ото дня вѣрующіе присоединялись къ Церкви и умножалось число ихъ. Въ непродолжительное время на средства людей, увѣровавшихъ въ Господа, Григорій создалъ дивную церковь; святому отдавали на строеніе церковное все, что имѣли, и открывали свои сокровищницы, дабы бралъ онъ, сколько требуется, на благолѣпіе дома Господня, на питаніе сиротъ и служеніе больнымъ. Такъ возрастало въ Неокесаріи Слово Божіе, вѣра святая распространялась, многобожіе идольское разрушалось, приходили въ запустѣніе мерзкіе ихъ храмы, сокрушались идолы,—а Имя Единаго Всесильнаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа было величаемо и прославляемо среди Неокесаріи, и силою Божіею чрезъ святаго Григорія совершались предивныя и страшныя чудеса. Слѣдующее чудесное видѣніе, по свидѣтельству св. Григорія Нисскаго, особенно способствовало утвержденію Церкви Христовой въ Неокесаріи и умноженію тамъ числа вѣрующихъ.

Въ городѣ, согласно древнему обычаю, совершался нѣкоторый всенародный языческій праздникъ въ честь одного мѣстнаго божества; на этотъ праздникъ стекалась почти вся область, такъ какъ сельскіе жители праздновали вмѣстѣ съ городомъ. Во время праздника театръ былъ переполненъ собравшимися; всѣ стремились ближе къ сценѣ, желая лучше видѣть и слышать, отчего поднялся сильный шумъ и смятеніе, вслѣдствіе чего у народа исторгся общій вопль,—всѣ взывали къ чествуемому божеству, чтобы оно дало ему просторъ.—«Зевсъ,—восклицали невѣрные,—дай намъ мѣсто!» Услыхавъ эту безразсудную молитву, святый Григорій послалъ одного изъ своихъ прислужниковъ сказать, что скоро будетъ данъ имъ просторъ даже болѣе того, о какомъ они молятся. Эти слова его оказались печальнымъ приговоромъ: вслѣдъ за этимъ всенароднымъ празднествомъ въ городѣ распространилась губительная язва, съ веселыми пѣснями смѣшался плачъ, такъ что веселье для нихъ превратилось въ горе и несчастіе, а вмѣсто звуковъ трубъ и рукоплесканій городъ оглашался непрерывнымъ рядомъ плачевныхъ пѣсней. Болѣзнь, появившись въ городѣ, рас-

---

[1]) Множество чудотвореній, совершенныхъ св. Григоріемъ Неокесарійскимъ, вскорѣ же усвоили ему наименованіе чудотворца и другаго Моисея, какъ свидѣтельствуетъ о немъ св. Григорій Нисскій въ своемъ словѣ о жизни св. Григорія Чудотворца.

пространилась быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, опустошая дома подобно огню, такъ что храмы наполнились зараженными язвою, бѣжавшими туда въ надеждѣ исцѣленія; около источниковъ, ключей и колодцевъ толпились томимые жаждою въ безпомощной болѣзни; но и вода была безсильна угасить болѣзненный жаръ. Многіе же сами уходили на кладбища, такъ какъ оставшихся въ живыхъ недостаточно было для того, чтобы погребать умершихъ. И это бѣдствіе поражало людей неожиданно, но какъ будто какой призракъ приближался сначала къ дому, гдѣ имѣла появиться зараза, а затѣмъ уже слѣдовала гибель. Послѣ того какъ для всѣхъ, такимъ образомъ, стала ясною причина болѣзни,—что призванный ими демонъ злобно исполнилъ ихъ просьбу, доставивъ городу, посредствомъ болѣзни, этотъ злосчастный просторъ,—всѣ они обратились къ святому Григорію, умоляя его остановить распространеніе болѣзни силою проповѣдуемаго имъ Бога, Котораго Единаго они теперь исповѣдуютъ Истиннымъ, Владычествующимъ надъ всѣми, Богомъ. И какъ скоро являлся призракъ тотъ, предвѣщая появленіе язвы въ домѣ, у подвергшихся такому бѣдствію оставалось одно средство спасенія: чтобы вошелъ въ тотъ домъ святый и молитвою отразилъ проникшую въ домъ болѣзнь. Когда же молва объ этомъ отъ тѣхъ, которые въ числѣ первыхъ спаслись отъ язвы такимъ образомъ, очень скоро распространилась между всѣми, то было оставлено все, къ чему прежде прибѣгали по своему неразумію: оракулы, очищенія, пребываніе въ капищахъ идольскихъ, такъ какъ всѣ обратили взоры свои къ великому святителю и каждый старался привлечь его къ себѣ для спасенія своего семейства. Наградою же для него отъ спасенныхъ было спасеніе душъ, ибо когда его благочестіе было засвидѣтельствовано такимъ опытомъ, то для познавшихъ на самомъ дѣлѣ силу вѣры не было причины медлить принятіемъ Таинства Христова. И въ какой мѣрѣ во время здоровья они недуговали своими помыслами относительно воспріятія Таинства, въ такой мѣрѣ тѣлесною болѣзнію укрѣпились въ вѣрѣ. Когда, такимъ образомъ, обличено было заблужденіе идолопоклонства, всѣ обратились къ имени Христову: одни—будучи приведены къ истинѣ приключившеюся имъ болѣзнію, другіе—прибѣгши къ вѣрѣ во Христа какъ къ предохранительному врачевству противъ язвы[1]).

---

[1]) Разсказъ о семъ чудѣ сокращенно изложенъ по повѣствованію св. Григорія Нисскаго въ его словѣ о жизни св. Григорія Чудотворца.

Послѣ этого всеобщее благоговѣйное уваженіе къ святителю Григорію еще болѣе укрѣпилось въ Неокесаріи. Жители какъ самаго города, такъ и его окрестностей, пораженные апостольскими чудесами святаго, вѣрили, что все, что онъ ни говоритъ и дѣлаетъ, дѣлаетъ и говоритъ Божественною силою. Посему и въ спорныхъ житейскихъ дѣлахъ никакого другаго судилища не знали выше его, но всякій споръ и всѣ неудоборазрѣшимыя и запутанныя дѣла разрѣшались его совѣтами. Отсюда, чрезъ благодатное вліяніе святаго Григорія, водворились въ городѣ справедливость и миръ, и никакое зло не нарушало взаимнаго согласія.

Два брата, получивъ по смерти отца въ наслѣдство много имѣнія, мирно раздѣлили его между собою. Но у нихъ было одно большое озеро, о которомъ они сильно спорили, ибо тотъ и другой хотѣлъ всецѣло владѣть имъ. Судьею себѣ избрали они Чудотворца Григорія. Прійдя къ нимъ на озеро, онъ приложилъ много усилій, чтобы помирить ихъ, но не имѣлъ никакого успѣха: оба брата были упорны и одинъ другому не хотѣлъ уступить своей части въ озерѣ. Послѣ многихъ раздоровъ и распрей они уже хотѣли вступить другъ съ другомъ въ битву, ибо у того и другаго было много сторонниковъ, и святый едва могъ отговорить ихъ въ тотъ день отъ сраженія. Насталъ вечеръ, всѣ разошлись по домамъ, отложивъ сраженіе до утра; а святый остался при озерѣ одинъ и, всю ночь проведя въ молитвѣ, повелѣлъ озеру Именемъ Господнимъ, чтобы оно высохло все, такъ, чтобы не осталось ни одной капли воды, ни даже влаги, и чтобы земля стала удобной къ паханію и сѣянію. И совершилось по слову святаго: внезапно неизвѣстно куда скрылась вода и земля стала суха. Утромъ оба брата съ множествомъ вооруженныхъ людей пришли къ озеру, чтобы посредствомъ битвы завладѣть имъ, и не нашли ни одной капли воды на томъ мѣстѣ, гдѣ было озеро: земля оказалась настолько высохшею и покрытою растеніями, какъ будто тамъ никогда и не было воды. Пораженные такимъ чудомъ, братья невольно примирились между собою, всѣ же люди прославляли Бога. Таковъ былъ праведный судъ, сотворенный Чудотворцемъ: гдѣ не могло быть мира между братьями, а предстояла брань, тамъ уничтожилъ онъ самый поводъ къ брани, изсушивъ озеро водное, чтобы не изсякла любовь братняя.

Въ сторонѣ той протекала рѣка, по имени Ликосъ[1]). Въ весеннее время она выступала изъ своихъ береговъ и, широко разливаясь, потопляла близлежащія селенія, поля, огороды и сады, причиняя гибель посѣвамъ и большой ущербъ людямъ. Люди, жившіе по берегамъ той рѣки, услышавъ о святомъ Григоріи, Неокесарійскомъ чудотворцѣ, что онъ имѣетъ власть надъ водами (ибо онъ повелѣлъ великому озеру—и оно высохло), собрались всѣ отъ мала до велика и, пришедши къ святому, припали къ ногамъ его, умоляя, чтобы онъ умилосердился надъ ними и укротилъ разливъ рѣки: ибо тогда эта рѣка необычно наполнилась водою и потопила много селеній. Святый сказалъ имъ:

— Самъ Богъ положилъ предѣлъ рѣкамъ, и онѣ не могутъ иначе течь, а только такъ, какъ Богъ имъ повелѣлъ.

Они же съ еще бо́льшимъ усердіемъ умоляли святаго. Видя скорбь ихъ, святый, вставъ, пошелъ съ ними къ той рѣкѣ и, пришедши на тѣ берега, въ которыхъ течетъ самый потокъ рѣчной, когда рѣка бываетъ не наводнена, тамъ водрузилъ жезлъ свой, сказавъ:

— Христосъ мой тебѣ повелѣваетъ, рѣка, чтобы не переходила ты предѣловъ своихъ и не разливала своихъ водъ далѣе, но текла бы стройно въ этихъ берегахъ своихъ.

Тотчасъ тотъ, водруженный святымъ, жезлъ возросъ въ великій дубъ, а воды собрались въ свое русло между берегами, и съ того времени рѣка та никогда не выливалась изъ береговъ, но когда увеличивались воды и приближались къ дубу, немедленно возвращались обратно и не потопляли трудовъ человѣческихъ[2]).

Святый чудотворецъ пожелалъ создать церковь на одномъ красивомъ мѣстѣ близъ горы. Когда онъ сталъ полагать основаніе,

---

[1]) *Ликосъ*—съ греческаго: *волкъ*—рѣка въ Понтѣ, на сѣверѣ Малой Азіи, вытекающая изъ горъ Арменіи; получила свое наименованіе за быстроту, неукротимость и вредъ, причинявшійся ею окрестнымъ жителямъ.

[2]) «Для рѣки,—говоритъ св. Григорій Нисскій,—это дерево послужило предѣломъ теченія, а для жителей того мѣста оно служитъ зрѣлищемъ и предметомъ историческаго разсказа; ибо когда оная рѣка, переполняясь отъ дождей и ручьевъ, несется съ быстрымъ стремленіемъ и страшнымъ шумомъ, то, ударяясь поверхностію волнъ о стволъ сего дерева, опять поднимается вверхъ и направляетъ стремленіе водъ къ срединѣ (русла) и, какъ бы боясь коснуться сего дерева, косвеннымъ теченіемъ обходитъ сіе мѣсто. Такова сила великаго Григорія, лучше же,—совершающаго имъ чудеса Бога! Ибо природа стихій, какъ бы какая-нибудь невольница, является измѣняющеюся какъ угодно соотвѣтственно приказаніямъ,—такъ что озеро перемѣняется въ сухую страну и затопляемое водою мѣсто заселяется, потому что жезлъ сдѣлалъ его безопаснымъ для жителей. Имя этому дереву даже донынѣ—*жезлъ*, и оно во все время сохраняется мѣстными жителями на память благодати и силы Григорія»...

мѣсто оказалось тѣснымъ, а сдѣлать его пространнѣе нельзя было, такъ какъ мѣшала гора. Тогда святый сталъ на молитву и, помолившись, повелѣлъ горѣ Именемъ Іисуса Христа двинуться и отступить отъ мѣста своего, насколько нужно было для распространенія церкви,—и тотчасъ потряслась гора, двинулась и отступила дальше, дѣлая мѣсто достаточнымъ для пространнаго основанія церкви. Такова была вѣра этого угодника Божія, что и горы переставляла! Много невѣрныхъ, видя это чудо, обращались къ Господу и принимали Крещеніе отъ святаго. Слава о немъ повсюду распространялась по причинѣ великихъ чудесъ, являемыхъ отъ него Божіею силою, которою онъ былъ исполненъ.

Слухъ о такихъ чудесахъ распространился по всей странѣ, и всѣ увѣровали, что они производятся силою вѣры во Христа, и пожелали быть общниками сей вѣры, свидѣтельствуемой сими чудесами. Посему изъ одного сосѣдняго города, по имени Команы[1]), явилось къ святителю посольство съ просьбою утвердить у нихъ церковь и поставить имъ достойнаго епископа. Святый Григорій исполнилъ ихъ прошеніе и пробылъ у нихъ нѣсколько дней, утверждая ихъ въ вѣрѣ и благочестіи. Когда же наступило время избранія епископа, святый, къ удивленію всѣхъ, указалъ какъ на достойнаго сей высокой чести одного благочестиваго и богоугоднаго мужа, по имени Александра, который ранѣе былъ простымъ угольщикомъ. Такимъ образомъ, святый Григорій Чудотворецъ явился благодѣтелемъ городу, обнаруживъ сокровенное у жителей Команы сокровище, которое стало потомъ прекраснымъ украшеніемъ Церкви[2]).

Когда святый Григорій возвращался оттуда, нѣкіе невѣрующіе іудеи захотѣли посмѣяться надъ нимъ и показать, что онъ не имѣетъ въ себѣ Духа Божія. Они сдѣлали такъ: на пути, гдѣ дòлжно было идти святому, іудеи положили одного изъ своей среды, какъ бы умершаго, нагимъ, а сами стали надъ нимъ рыдать. Когда Чудотворецъ шелъ мимо ихъ, они начали молить его, чтобы онъ оказалъ умершему милость и покрылъ тѣло его одеждою.

---

1) *Комана* (или *Команы*) *Понтійская*, на сѣверѣ Малой Азіи, на р. Ирисѣ, въ древности знаменитый богатый городъ, нынѣ развалины—Гюменекъ.

2) Впослѣдствіи *св. Александръ, епископъ Команскій*, прославился святостію своей жизни, вполнѣ оправдавъ возлагаемыя на него надежды, и, добрѣ упасши стадо Христово, запечатлѣлъ свое достойное служеніе мученическою кончиною, въ началѣ IV вѣка, во время гоненія Римскаго императора Діоклетіана.—Память его совершается Церковію 12-го августа.

Онъ снялъ съ себя верхнюю одежду и, отдавъ имъ, пошелъ дальше. Іудеи стали радостно насмѣхаться и ругаться надъ святымъ, говоря: «Если бы онъ имѣлъ въ себѣ Духа Божія, то узналъ бы, что лежитъ человѣкъ не мертвый, а живой»—и стали звать своего товарища, чтобы онъ всталъ. Но Богъ воздалъ имъ за такое поруганіе, сотворивъ товарища ихъ на самомъ дѣлѣ мертвымъ. Они, думая, что онъ уснулъ, толкали его въ ребра, чтобы пробудить, и громко взывали надъ нимъ, но отвѣта не было, ибо онъ уснулъ вѣчнымъ сномъ. Видя его мертвымъ, они стали рыдать уже на самомъ дѣлѣ; такъ смѣхъ обратился для нихъ въ плачъ, и похоронили мертвые мертвеца своего.

На дальнѣйшемъ пути въ одномъ мѣстѣ той страны составилось подъ открытымъ небомъ благочестивое собраніе вѣрующихъ, и всѣ удивлялись поученіямъ святаго Григорія, но одинъ мальчикъ вдругъ сталъ громко восклицать, что святитель не отъ себя говоритъ это, но кто-то другой, стоящій близъ него, произноситъ слова. Когда, по распущеніи собранія, привели къ нему мальчика, Чудотворецъ сказалъ присутствовавшимъ, что отрокъ одержимъ злымъ духомъ, и тотчасъ же, снявъ омофоръ и приложивъ къ дыханію устъ своихъ, возложилъ его на юношу. Тогда юноша сталъ биться, кричать, бросаться на землю, метаться туда и сюда, какъ то бываетъ съ бѣсноватыми. Святый возложилъ на него руку,—и припадки юноши прекратились: бѣсъ оставилъ его, и онъ, пришедши въ прежнее состояніе, уже не говорилъ болѣе, что видитъ кого-то говорящаго около святаго Григорія, и получилъ совершенное исцѣленіе.

Когда, въ царствованіе нечестиваго Декія[1]), началось гоненіе на христіанъ и вышло царское повелѣніе повсемѣстно принуждать христіанъ къ поклоненію идоламъ, а неповинующихся мучить и губить,—тогда святый Григорій далъ совѣтъ своей паствѣ, чтобы всякій, кто не имѣетъ силы и дара Божія претерпѣвать лютыя муки, укрылся; дабы кто-либо, дерзновенно отдавшись мучителямъ, не испугался бы потомъ при видѣ страшныхъ мукъ и, чувствуя себя не въ состояніи вынести ихъ, не отпалъ бы отъ Бога. «Лучше,—говорилъ Григорій,—укрыться на короткое время и ждать Божія призыва и помощи къ подвигу мученическому». Подавая вѣрнымъ такой

---

[1]) *Декій*—Римскій императоръ, жестокій гонитель христіанства, царствовалъ съ 249 по 251 г.

совѣтъ, онъ и самъ, взявъ одного изъ діаконовъ своихъ, удалился въ пустыню и скрывался тамъ отъ невѣрныхъ. Мучители, посланные отъ царя, прійдя въ городъ Неокесарійскій, прежде всего искали Григорія какъ представителя всѣхъ христіанъ и пастыря словесныхъ овецъ въ той странѣ. Кто-то изъ невѣрныхъ, узнавъ, что онъ скрывается въ одной горѣ, возвѣстилъ объ этомъ воинамъ и довелъ ихъ до той горы; они же поспѣшно двинулись на гору, какъ псы, стремящіеся за добычей на охотѣ, и какъ волки, которымъ нужно похитить овцу. Святый Григорій, видя, что воины приближаются и что нельзя бѣжать и укрыться отъ нихъ, воздѣлъ руки свои къ Небу, вручая себя защитѣ Божіей, и діакону своему повелѣлъ сдѣлать то же. Оба стояли съ простертыми дланями и молились; а воины по всей горѣ прилежно искали святаго и не нашли, ибо не могли его видѣть даже и тогда, когда нѣсколько разъ проходили мимо. Послѣ многихъ поисковъ они возвратились безъ успѣха и, сходя съ горы, говорили тому, кто ихъ привелъ:

— Никого не нашли мы на этой горѣ, только видѣли два дерева, стоящія неподалеку одно отъ другаго.

А тотъ, понявъ, что здѣсь было чудо, оставивъ ихъ, самъ пошелъ на гору и, найдя святаго съ діакономъ, стоящихъ на молитвѣ, припалъ къ ногамъ Григорія, высказывая желаніе быть христіаниномъ, чего и сподобился, и изъ гонителя сдѣлался рабомъ Христовымъ и сталъ скрываться съ прочими христіанами.

Однажды, вознося обычныя свои молитвы къ Богу, святый Григорій смутился и въ страхѣ долгое время стоялъ молча, какъ бы смотря на нѣкоторое умилительное зрѣлище. Когда же прошло достаточно времени, онъ просвѣтился лицомъ и, исполнившись радости, началъ громкимъ голосомъ благодарить Бога и пѣть торжественную пѣснь, взывая:

— Бл҃гословенъ гдⷭ҇ь, и҆же не дадѐ въ лови́тву зꙋбѡ́мъ и҆́хъ[1]).

Діаконъ спросилъ его:

— Какая причина, отче, такой перемѣны съ тобою, что теперь являешься ты радостнымъ?

Святый отвѣчалъ:

— Я видѣлъ, чадо, дивное видѣніе: малый юноша боролся съ великимъ діаволомъ и, одолѣвъ его, повергъ на землю и побѣдилъ.

---

[1]) Псал. 123, ст. 6.

Діаконъ же не понималъ значенія сказаннаго. Тогда святый снова сказалъ:

— Нынѣ нѣкій христіанскій юноша, по имени Троадій[1]), былъ приведенъ на судъ мучителя, послѣ многихъ тяжкихъ мукъ за Христа былъ убитъ и, торжествуя, восходитъ на Небо. Я сначала былъ смущенъ, ибо боялся, чтобы муки не одолѣли его и чтобы онъ не отвергся Христа, а теперь радуюсь, видя, что онъ окончилъ подвигъ мученія и восходитъ на Небо.

Діаконъ, слыша это, дивился тому, что святый видитъ вблизи то, что происходитъ далеко. Потомъ онъ сталъ умолять своего богоноснаго учителя, чтобы онъ позволилъ ему посмотрѣть своими глазами и узнать о происшедшемъ и не запрещалъ ему побывать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершилось это дивное событіе. На предостереженія Григорія, что опасно идти на убійцъ, діаконъ съ вѣрою отвѣчалъ, что онъ, несмотря на то, смѣло рѣшается, надѣясь на помощь его молитвъ.

— Поручи меня Богу,—говорилъ онъ святому,—и никакой страхъ враговъ не коснется меня.

И когда Григорій своею молитвою ниспослалъ ему, какъ бы нѣкоего спутника, помощь Божію, діаконъ съ увѣренностію совершилъ путь, не укрываясь ни отъ кого изъ встрѣчавшихся. Пришедши къ вечеру въ городъ и утомившись отъ путешествія, онъ почелъ необходимымъ облегчить свое изнуреніе омовеніемъ въ банѣ. Въ томъ мѣстѣ обиталъ нѣкій демонъ, пагубная сила котораго дѣйствовала на приближавшихся сюда во время ночной темноты и умерщвляла многихъ, отчего въ эту баню не ходили и не пользовались ею послѣ захожденія солнца. Подошедши къ банѣ, діаконъ просилъ приставника отворить ему дверь и позволить совершить въ банѣ омовеніе; но тотъ увѣрялъ его, что никто изъ осмѣлившихся мыться въ этотъ часъ не выходилъ невредимымъ, что послѣ вечера здѣсь всѣми овладѣвалъ демонъ и что многіе по незнанію уже подверглись неисцѣльнымъ болѣзнямъ, возвращаясь, вмѣсто ожидаемаго облегченія, съ плачемъ и воплемъ. Но діаконъ еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи, и приставникъ, уступая его непреклонному желанію, отдалъ ему ключъ, самъ удалившись на далекое разстояніе отъ бани. Когда діаконъ, раздѣвшись, вошелъ въ баню, демонъ употреблялъ противъ него

---

[1]) Память св. мученика Троадія совершается 2-го марта.

различные страхи и ужасы, показывая всевозможные призраки въ видѣ огня и дыма, звѣрей и людей. Но діаконъ, защищая себя крестнымъ знаменіемъ и призывая Имя Христово, безъ вреда для себя прошелъ первое отдѣленіе бани. Когда же онъ вошелъ во внутреннюю часть, окруженъ былъ еще болѣе ужасными видѣніями. Но онъ тѣмъ же оружіемъ разсѣялъ и эти дѣйствительные и кажущіеся страхи. Наконецъ, когда онъ уже выходилъ изъ бани, демонъ пытался задержать его, силою заключивъ двери. Но помощію знаменія Креста дверь была отворена. Тогда демонъ возопилъ къ діакону человѣческимъ голосомъ, чтобы онъ не считалъ своею ту силу, которою избавился отъ гибели; ибо его сохранилъ невредимымъ гласъ того, кто ввѣрилъ его охраненію Божію. Спасшись такимъ образомъ, діаконъ привелъ тѣмъ въ изумленіе приставниковъ той бани. Послѣ сего онъ разсказалъ имъ о всемъ, что съ нимъ случилось, узналъ, что доблестные подвиги мучениковъ совершились въ городѣ именно такъ, какъ предвозвѣстилъ о томъ святый Григорій Чудотворецъ, и возвратился къ своему наставнику, оставивъ для людей какъ своего времени, такъ и послѣдующаго, общее охранительное средство, состоящее въ томъ, чтобы каждый поручалъ себя при посредствѣ священниковъ Богу[1]).

Когда окончилось гоненіе, Григорій возвратился на свою каѳедру и, собравъ паству свою, сталъ снова водворять нарушенный порядокъ. Прежде всего онъ установилъ праздновать памяти святыхъ мучениковъ, пострадавшихъ во время бывшаго гоненія. Слава Христова распространялась, а бѣсовское многобожіе погибало стараніями святаго Григорія, который не оставлялъ благовѣствованія Христова до самой кончины своей, ученіемъ и чудотвореніями приводя къ Богу жителей Неокесаріи и окрестностей ея,—и привелъ ее къ истинной вѣрѣ, отъ жертвъ идольскихъ очистилъ, безкровною жертвою освятилъ. На закатѣ дней своихъ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аѳинодоромъ, епископомъ Понта, присутствовалъ на Соборѣ противъ Павла Самосатскаго. Наконецъ, достигнувъ глубокой старости, приблизился онъ къ блаженной кончинѣ. При кончинѣ своей спросилъ онъ предстоявшихъ:

— Сколько еще невѣрующихъ въ Неокесаріи?

---

[1]) О семъ чудѣ подробно повѣствуетъ св. Григорій Нисскій въ своемъ словѣ о жизни святаго Григорія Чудотворца.

Ему отвѣчали:

— Только семнадцать держится идолопоклоненія, весь же городъ вѣруетъ во Христа.

Святый сказалъ:

— Когда я пришелъ въ Неокесарію на епископство, я столько же нашелъ христіанъ—семнадцать всего, а весь городъ былъ бѣсовскій: нынѣ же, при отшествіи моемъ къ Богу, остается столько невѣрныхъ, сколько вначалѣ нашлось вѣрныхъ, весь же городъ Христовъ.

Сказавъ это, онъ предалъ душу свою въ руки Богу[1]). Такъ Богоугодно провелъ жизнь свою святый Григорій Чудотворецъ Неокесарійскій и благочестиво скончался. Его святыми молитвами да подастъ Господь и намъ принять добрую кончину. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ и҃:

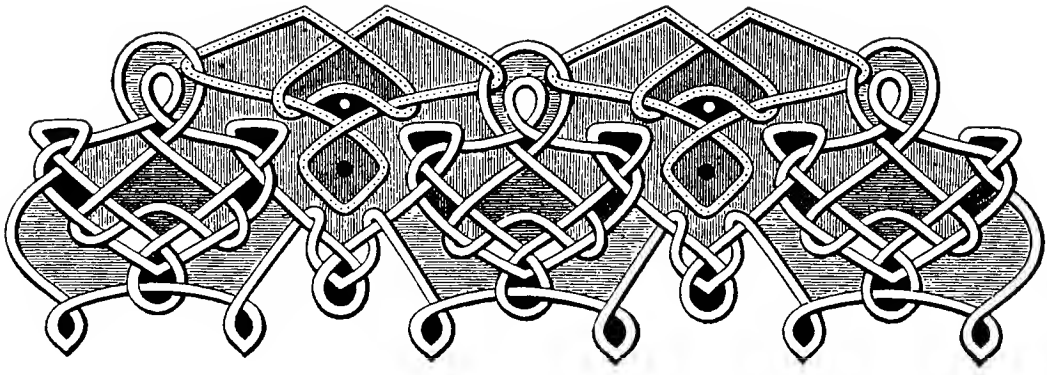
Въ мл҃твахъ бо́дрствꙋѧ, чꙋде́съ дѣ́ланьми претерпѣва́ѧ, тезоиме́нїе стѧжа́лъ є҆сѝ и҆справле́нїѧ: но моли́сѧ хр҃тꙋ бг҃ꙋ, о҆́тче григо́рїе, просвѣти́ти дꙋ́шы на́шѧ, да не когда̀ ᲂу҆́снемъ въ сме́рть.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Чꙋде́съ мно́гихъ прїе́мъ дѣ́йство, зна́меньми ᲂу҆жа́сными де́моны ᲂу҆страши́лъ є҆сѝ, и҆ недꙋ́ги ѿгна́лъ є҆сѝ человѣ́ческїѧ, всемꙋ́дре григо́рїе: чꙋдотво́рецъ же и҆менꙋ́ешисѧ, зва́нїе ѿ дѣ́лъ прїе́мъ.

---

[1]) Блаженную кончину *св. Григорія Неокесарійскаго* полагаютъ между 266—270 гг. Незадолго до смерти (въ 264 г.) онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аѳинодоромъ, епископомъ Понта, присутствовалъ на Соборѣ Антіохійскомъ, противъ Павла Самосатскаго.— Кромѣ чудеснаго по своему происхожденію Символа вѣры, св. Григорію Неокесарійскому принадлежатъ: «Каноническое посланіе» (по поводу нападенія на Понтъ и на всю Малую Азію Борейцевъ и Готовъ), «Переложеніе Екклесіаста» и «Похвальное слово Оригену».— Мощи св. Григорія Чудотворца первоначально находились въ Неокесарійскомъ храмѣ, имъ созданномъ; глава святаго въ 1587 г. была перенесена въ Улиссипону (Лиссабонъ).



ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

НИКОНА,

игумена Радонежскаго[1])

Преподобный Никонъ родился въ городѣ Юрьевѣ Польскомъ[2]), недалеко отъ обители преподобнаго Сергія. Онъ происходилъ отъ благочестивыхъ родителей и съ юнаго возраста былъ воспитанъ въ Богопочтеніи. Еще въ ранней молодости онъ слышалъ объ ангельской жизни преподобнаго Сергія, подвизавшагося съ братіею въ своей обители близъ города Радонежа[3]). Подвиги преподобнаго Сергія, слава о которыхъ далеко распространялась, приводили въ умиленіе душу Никона, и сердце его горѣло желаніемъ видѣть сего святаго мужа и подражать ему въ жизни. Съ сокрушеніемъ сердечнымъ и проливая обильныя слезы, Никонъ горячо молилъ Господа Бога:

---

1) Изложено по рукописямъ Троице-Сергіевой Лавры, по житію преп. Никона, составл. Митроп. Моск. Филаретомъ, и друг. пособіямъ.

2) *Юрьевъ Польскій*—въ 86 верстахъ къ сѣверо-западу отъ г. Владиміра. Основанъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ, отъ котораго и получилъ свое наименованіе; названіе же *Польскій* дано ему отъ полей, его окружавшихъ, и въ отличіе отъ Юрьева Лифляндскаго; нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи.

3) На мѣстѣ древняго *Радонежа* находится нынѣ село Городище, или Городокъ; оно расположено въ 12 верстахъ отъ Троице-Сергіевой Лавры, по направленію къ Москвѣ.

— Боже и Господи, Царю вѣчный и благосердый, сподоби меня видѣть сего святаго мужа и послѣдовать ему во всей моей жизни, да спасуся и я его ради и достоинъ буду вѣчныхъ Твоихъ благъ, которыя Ты обѣщалъ любящимъ Тебя.

Прп҃бный
НІКѠНЪ

И вотъ, вскорѣ онъ оставляетъ домъ своихъ родителей и стремится въ обитель преподобнаго Сергія. Достигнувъ обители, Никонъ поспѣшилъ увидѣть самогò великаго подвижника Сергія и, припавъ къ его стопамъ, сталъ усердно молить, чтобы онъ постригъ его въ иноческій чинъ въ своей святой обители. Преподобный Сергій видѣлъ благоразуміе и душевную чистоту отрока и тотчасъ всѣмъ сердцемъ возлюбилъ его. Однако, провидя въ немъ духовными очами будущій свѣтильникъ Божественнаго свѣта, онъ не оставилъ Никона безъ испытанія, но поступилъ съ нимъ такъ же, какъ нѣкогда поступилъ Евѳимій Великій съ Саввою Освященнымъ[1]), когда тотъ, еще въ юношескомъ возрастѣ, пришелъ къ нему. Онъ не принялъ Савву въ свою обитель и отослалъ его въ далекій монастырь къ спостнику своему — преподобному Ѳеоктисту[2]). Такъ и преподобный Сергій отослалъ юнаго отрока въ наученіе къ ученику своему Аѳанасію Высоцкому, основателю Серпуховскаго монастыря,—мужу, славившемуся добродѣтельною жизнію и искусившемуся въ иноческихъ подвигахъ[3]).

---

[1]) Преп. *Евѳимій Великій* — одинъ изъ знаменитыхъ палестинскихъ подвижниковъ V вѣка; память его—20 января.—Преп. *Савва Освященный*—также величайшій палестинскій подвижникъ, начала VI вѣка; память его—5 декабря.

[2]) «Несообразнымъ находилъ преп. Евѳимій къ Собору, составленному преимущественно изъ старцевъ подвижниковъ, пріобщить юношу по возрасту, требующаго иногда отдѣльно руководства. Такъ, вѣроятно, разсуждалъ и преп. Сергій о юномъ Никонѣ. Онъ рѣшился испытать его въ подвигѣ послушанія и смиренія. Предвидя же его будущую судьбу, онъ хотѣлъ, чтобы тотъ, кому суждено младшему начальствовать надъ старѣйшими подвижниками Лавры, явился имъ по крайней мѣрѣ не юношею, а уже въ пресвитерскомъ санѣ». (Житіе преп. Никона, сост. Филаретомъ, митроп. Москов., стр. 4).

[3]) Преп. *Аѳанасій Высоцкій* — строитель Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ преп. Сергія. Память его—12-го сентября.

— Иди безъ всякаго размышленія,—сказалъ онъ отроку,—и, если Богу угодно, ты примешь тамъ на себя иноческій образъ.

Со смиреніемъ принялъ Никонъ такое повелѣніе отъ преподобнаго. Горя любовію къ Богу и стремясь содѣлаться инокомъ, онъ съ поспѣшностью отправился къ блаженному Аѳанасію.

Когда онъ достигъ обители его, то, смиренно подойдя къ келліи Аѳанасія, тихо постучалъ въ дверь. Аѳанасій, пріотворивъ немного оконце, спросилъ его:

— Чего ты хочешь и кого ищешь?

Старецъ любилъ безмолвіе и не часто выходилъ изъ своей келліи.

Отрокъ, поклонившись ему до земли, отвѣчалъ:

— Великій авва, блаженный Сергій прислалъ меня къ тебѣ, дабы ты облекъ меня въ иноческій чинъ.

На сіе старецъ, не глядя на него, со строгостью сказалъ:

— Ты не можешь быть инокомъ: иночество—дѣло великое; ты молодъ, а правила старцевъ суровы.

Отрокъ отвѣтилъ:

— Отче! Не всѣ люди одинаковы; ты только прими меня, а время покажетъ, могу ли я переносить трудности иноческаго житія.

Но старецъ продолжалъ:

— Многіе приходили сюда, но облѣнивались и, не выдержавъ трудности постничества и воздержанія, отбѣгали; и тебѣ я говорю, что ты не сможешь пребывать здѣсь: иди въ другое мѣсто и предавайся посту.

Слыша сіи слова, отрокъ, горя въ душѣ Божественнымъ огнемъ, со слезами обѣщалъ старцу терпѣливо переносить всякую скорбь. Старецъ, видя обильныя слезы отрока и его горячее стремленіе къ иночеству, ввелъ его въ свою келлію и обратился къ нему съ наставленіемъ:

— Не оскорбляйся, чадо, тѣмъ, что я тебѣ сказалъ; подвигъ иноческій—дѣло великое: иноки называются добровольными мучениками, и мученіе ихъ сугубое: многіе мученики, кратковременно пострадавъ, приняли кончину; иноки же въ теченіе всей своей жизни претерпѣваютъ страданія, и хотя не принимаютъ ранъ отъ мучителей, однако, обуреваемые плотію и воюя съ врагами мысленными, страждутъ до послѣдняго издыханія. Посему, сынъ мой, если ты хочешь работать Господу, то пріуготовь свою душу, дабы ты могъ съ терпѣніемъ переносить всѣ искушенія и страданія, причиняемыя врагами.

Отрокъ же припалъ къ ногамъ старца и едва могъ проговорить:

— Смилуйся надо мной!

Тогда старецъ поднялъ его и сказалъ:

— Встань, чадо! Господь наставитъ тебя на путь заповѣдей Своихъ. Все сіе изрекъ я тебѣ потому, что самъ я человѣкъ грѣшный, хотя и взялъ на себя устроеніе дѣла Божія; нынѣ желаніе твое исполнится.

Сказавъ сіе, старецъ сотворилъ молитву и облекъ Никона въ иноческій образъ.

Аѳанасій наставлялъ юнаго инока добродѣтелямъ и поучалъ его переносить всѣ страданія, ведущія къ Богу, стараясь исполнить душу его мужествомъ и крѣпостію и являясь ему во всемъ примѣромъ. Никонъ же, упражняясь подъ руководствомъ его въ молитвахъ, преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ, въ подвигахъ поста, въ неусыпномъ бдѣніи надъ собою: онъ хранилъ чистоту, смиреніе, кротость и поучался усердно въ Божественномъ Писаніи. Видя такое прилежаніе отрока, Аѳанасій возъимѣлъ о немъ отеческое попеченіе и, побуждая его къ дальнѣйшимъ подвигамъ, содѣйствовалъ его постепенному иноческому совершенствованію.

Когда Никонъ достигъ совершеннаго возраста, то, по желанію Аѳанасія и всей братіи, почтенъ былъ саномъ священства — какъ достойный быть предстоятелемъ предъ Богомъ. Доблестный же Никонъ, по принятіи священства сподобившись сугубой благодати, сталъ проявлять еще большее усердіе къ подвигамъ благочестія.

Пробывъ нѣсколько времени въ обители, Никонъ снова возгорѣлся неудержимымъ желаніемъ видѣть великаго старца и подвижника преподобнаго Сергія, дабы получить отъ него благословеніе и богомудрое наставленіе. Съ горячей мольбой обратился Никонъ къ Аѳанасію, дабы онъ, помолившись о немъ, отпустилъ его съ миромъ изъ обители. Аѳанасій не удерживалъ Никона и, молитвенно напутствовавъ его, отпустилъ отъ себя.

Придя въ лавру преподобнаго Сергія и увидѣвъ богоноснаго отца, Никонъ съ горячими слезами припалъ къ стопамъ его и просилъ у него благословенія. Преподобный не только съ радостію принялъ его, какъ посѣтителя, но и оставилъ въ своей обители.

Послѣ сего преподобный Сергій повелѣлъ Никону со всякимъ прилежаніемъ служить братіи въ обители, и Никонъ со всѣмъ усердіемъ выполнялъ возложенное на него послушаніе, неустанно упражняясь въ молитвѣ и бдѣніи. За такіе подвиги и бла-

гочестивое житіе преподобный Сергій оказалъ Никону особенную любовь и довѣріе и повелѣлъ ему пребывать въ одной келліи съ собою. Здѣсь, въ бесѣдѣ съ богомудрымъ наставникомъ, преподобный Никонъ нашелъ для себя высшее училище духовнаго любомудрія и въ близкомъ примѣрѣ святаго—новое поощреніе къ подвигамъ добродѣтели; въ его же прозорливомъ руководствѣ и сильной молитвѣ Никонъ обрѣталъ силу къ огражденію отъ искушеній, и укрѣпленіе противъ немощей, и райское утѣшеніе въ общеніи сей молитвы. Любвеобильное сердце Сергія было для Никона отверстою дверію, откуда исходилъ на него благодатный свѣтъ и миръ. И вѣрное сердце Никона къ Сергію было также отверстою дверію для открытія своему отцу всѣхъ помысловъ и намѣреній, дабы никакая мгла сомнѣнія или смущенія не омрачала чистоты его совѣсти. И вотъ, подобно дереву, насажденному при источникѣ водномъ, Никонъ, съ вѣрою воспринимая всѣ наставленія и поученія учителя, въ дѣлахъ своихъ показалъ обильные плоды добродѣтелей.

Мудрый наставникъ, преподобный Сергій, внутренними очами прозрѣвая имѣющую возсіять въ Никонѣ пресвѣтлую благодать, пожелалъ поставить его настоятелемъ обители вмѣсто себя. Первоначально Сергій возложилъ на Никона часть своихъ попеченій о братіи, поставивъ его какъ бы вторымъ послѣ настоятеля. Это новое служеніе Никонъ проходилъ со всѣмъ вниманіемъ и бдительностію, постоянно храня неусыпное попеченіе о ввѣренной ему братіи, относясь къ каждому съ любовію и отеческою заботливостію. Найдя въ Никонѣ столь искуснаго руководителя братіею, Сергій радовался духомъ и, наконецъ, за шесть мѣсяцевъ до своего преставленія, призвалъ Никона и передъ всѣми вручилъ ему, какъ искусному вождю, попеченіе о монастырѣ и о братіи. Никонъ, хотя и не желалъ принимать на себя трудныхъ обязанностей руководительства всею лаврою, но не осмѣлился ослушаться своего наставника и со смиреніемъ, какъ послушный сынъ, повиновался повелѣнію его.

Въ скоромъ времени преподобный Сергій отошелъ ко Господу[1]). Великою скорбію болѣло сердце вѣрнаго ученика его. Сокрушаясь и проливая обильныя слезы, онъ обращался къ святому, какъ бы къ живому, говоря:

---

[1]) Кончина преподобнаго Сергія послѣдовала 25 сентября 1392 года.

— Отошелъ ты, преподобный отче, вся моя надежда! Въ комъ найду я, послѣ Бога, прибѣжище, и гдѣ найду утѣшеніе?

И припавъ къ одру святаго и обнимая его честныя мощи, онъ желалъ лучше быть погребеннымъ вмѣстѣ съ учителемъ своимъ, чѣмъ разлучиться съ нимъ.

Съ великимъ плачемъ и рыданіемъ предавъ святое тѣло своего учителя погребенію, Никонъ принялъ послѣ него начальство надъ лаврою. Онъ положилъ съ точностію выполнять все, что учредилъ и заповѣдалъ великій основатель обители Сергій и, раздѣляя труды съ братіею, какъ настоятель обители имѣлъ попеченіе и заботливость о каждомъ. Преуспѣвающихъ въ служеніи Господу онъ побуждалъ не ослаблять своихъ подвиговъ; нерадивыхъ же и лѣнивыхъ со скорбію поучалъ не забывать, что они отверглись міра и, заботясь о спасеніи своемъ, не должны предаваться мірскимъ заботамъ, дабы не утратить вѣчной награды. Онъ имѣлъ обыкновеніе обходить всѣ мѣста обители, гдѣ трудились иноки, поощряя и увѣщавая съ терпѣніемъ переносить трудъ, причемъ самъ являлся образцомъ для братіи, принимая участіе въ общихъ трудахъ. Своею кротостію, своею отеческой заботливостью о братіи, мудростію въ управленіи и совѣтахъ Никонъ не только пріобрѣлъ уваженіе и любовь братіи, но слава о немъ распространилась далеко за стѣны Сергіевой обители, и имя Никона, какъ «освященіе нѣкое», прославлялось повсюду—по городамъ и весямъ. Къ нему шли многіе благоговѣйные и именитые люди за наставленіями ради душевной пользы, и всѣхъ онъ принималъ съ отеческимъ благорасположеніемъ, являясь великимъ врачомъ духовнымъ.

Но Никонъ, любившій больше всего безмолвіе и молитву въ уединеніи, не прельщался сею славою человѣческою и сильно тяготился ею. И вотъ, съ мыслію, что желающему творить волю Божію прежде всего нужно презирать и ненавидѣть всѣ соблазны міра, Никонъ сталъ уклоняться отъ начальствованія надъ своею паствою и, наконецъ, заключился въ уединенную келлію. Братія сильно скорбѣли о семъ и, не желая, чтобы онъ покинулъ и оставилъ ихъ безъ своего руководства, со слезами просили его не оставлять ихъ, какъ овецъ безъ пастыря. Но онъ оставался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи, прося братію не сокрушать его сердца своими мольбами. Видя столь непреклонное желаніе Никона, братія не стали удерживать его,

зная, что онъ уклоняется отъ бремени начальствованія не ради тѣлеснаго покоя, но стремясь къ высшимъ подвигамъ и богомысленному безмолвію. Не имѣя возможности оставаться безъ начальника, братія избрали одного изъ учениковъ Никона, по имени Савву,—мужа, сіявшаго добродѣтельною жизнію—и, съ благословенія Никона, поставили его игуменомъ надъ собою[1]).

Шесть лѣтъ пребывалъ въ безмолвіи Никонъ, пока паствою управлялъ Савва, пася ее съ усердіемъ и вспомоществуемый молитвами блаженнаго Сергія. Но, по истеченіи шести лѣтъ, и Савва оставилъ начальствованіе. Тогда братія, какъ бы давъ преподобному Никону отдохнуть отъ дѣлъ управленія и насладиться вожделѣннымъ ему безмолвіемъ, опять пришли къ нему и со слезами умоляли и убѣждали его снова принять ее подъ свое руководство. Видя, что Никонъ и теперь намѣренъ уклониться отъ начальствованія и власти, говорили ему:

— Не подобаетъ тебѣ, отче, искать пользы себѣ одному, попекись и о спасеніи ближнихъ.

Эта неотступная просьба иноковъ и любовь ихъ заставили Никона разстаться съ любимымъ уединеніемъ, и онъ уступилъ желаніямъ братіи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они уступили ему изъ каждаго дня нѣкоторую часть для уединенныхъ подвиговъ и молитвы.

Тихо и богоугодно текла жизнь въ святой обители. Никонъ же неустанно пребывалъ въ молитвенномъ бдѣніи, поучаясь въ Словѣ Божіемъ и отеческихъ твореніяхъ.

Но вотъ распространился слухъ о нашествіи на землю Русскую дикихъ полчищъ свирѣпаго Эдигея[2]). Приближеніе татарскихъ ордъ приводило въ ужасъ и трепетъ всю землю Русскую. Преподобный Никонъ, горячо молясь объ избавленіи отъ злаго врага, призывалъ въ молитвахъ великаго основателя сей обители—преподобнаго Сергія, чтобы онъ простеръ свою молитву предъ Престоломъ Владыки всѣхъ —Христа, да не предастъ Онъ запустѣнію святой обители отъ руки нечестивыхъ агарянъ и да не поколеблетъ вѣру немощныхъ торжество невѣрныхъ. И вотъ, однажды ночью Никонъ сѣлъ, чтобы отдохнуть послѣ молитвенныхъ трудовъ и былъ въ полудремотѣ или тонкомъ снѣ. Вдругъ видитъ онъ вошедшихъ къ нему въ келлію святителей Петра и Але-

[1]) Здѣсь разумѣется Савва Звенигородскій, или Сторожевскій. Память его—3 декабря.

[2]) Нашествіе Эдигея было въ концѣ 1408 года.

ксія, въ сопровожденіи преподобнаго Сергія, который, обратившись къ нему, сказалъ:

— Такъ угодно Господу, чтобы случилось сіе нашествіе иноплеменниковъ и коснулось сего мѣста. Но ты, чадо, не скорби, мужайся и да крѣпится сердце твое: искушеніе будетъ непродолжительно и обитель не запустѣетъ, а распространится еще болѣе.

Затѣмъ, преподавъ Никону миръ и благословеніе, святые стали невидимы. Никонъ, пришедъ въ себя, быстро всталъ и подошелъ къ дверямъ своей келліи, но нашелъ ихъ запертыми. Онъ отперъ, и вышелъ, и увидѣлъ святыхъ, удалявшихся отъ его келліи къ церкви. Тогда понялъ онъ, что сіе было не сонъ, а истинное видѣніе.

Съ покорностію волѣ Божіей Никонъ ожидалъ исполненія предсказанія. Вскорѣ варвары, наводнившіе своими полчищами землю Русскую, достигли и обители преподобнаго Сергія и предали все въ ней разоренію и огню. Преподобный Никонъ и братія, предваренные небеснымъ извѣщеніемъ, заблаговременно удалились изъ обители и захватили съ собой нѣкоторыя святыни и келейныя вещи. Такъ спасены были нѣкоторыя книги и утварь преподобнаго Сергія, доселѣ уцѣлѣвшія.

По минованіи опасности, Никонъ и братія возвратились на пепелище святой обители. Монастырь былъ сожженъ до тла, и святое мѣсто осквернено невѣрными. Но Никонъ не предался печали и унынію и не ослабѣлъ отъ подвига. Подобно тому, какъ доблестный воинъ при первомъ пораженіи отъ врага не бѣжитъ, но мужественно собираетъ силы и одерживаетъ побѣду, такъ и онъ началъ со спокойною твердостію трудиться надъ устроеніемъ обители. Какъ добрый пастырь, онъ собралъ сперва разсѣявшуюся братію и трудился съ ней надъ монастырскими постройками. Менѣе чѣмъ въ три года построены были зданія, необходимыя для иноческаго общежитія; для молитвъ же общихъ первоначально собирались, вѣроятно, въ трапезную храмину. Въ то же время Никонъ поспѣшаетъ постройкою деревяннаго храма, во имя Живоначальныя Троицы, который и былъ освященъ въ 1411 году 25-го сентября—въ день преставленія преподобнаго Сергія.

Когда слухъ о возвращеніи преподобнаго Никона и о возстановленіи обители распространился по окрестнымъ мѣстамъ, къ нему отовсюду стали собираться во множествѣ иноки и міряне. Никонъ всѣхъ принималъ съ отеческимъ расположеніемъ и, какъ добрый пастырь, никого не оставлялъ безъ своего попеченія,

наставляя каждаго въ полезныхъ ученіяхъ, просвѣщая ихъ душу и предлагая имъ правила для устроенія своего житія. Монастырь возрождался на своемъ пепелищѣ и распространялся болѣе и болѣе[1]).

Какъ попечительный начальникъ преподобный Никонъ не оставлялъ своихъ заботъ и о благоукрашеніи обители. Заключительнымъ подвигомъ его въ этомъ отношеніи было построеніе каменнаго храма надъ гробомъ своего учителя Сергія во имя Живоначальныя Троицы.

При самомъ началѣ работъ, при копаніи рвовъ для каменнаго храма, совершилось обрѣтеніе и прославленіе нетлѣнныхъ мощей преподобнаго Сергія[2]). Сіе открытіе мощей великаго учителя Никонъ принялъ какъ радостный вѣнецъ и сладостную награду за свои труды и терпѣніе. При общемъ ликованіи святыя мощи преподобнаго были положены въ новую раку и на время были поставлены въ деревянномъ храмѣ[3]), пока не было приготовлено имъ мѣсто въ каменномъ храмѣ[4]). Какъ мѣсто покоя для мощей великаго Сергія новый храмъ устроялся и украшался съ благоговѣйною любовію и съ усердными молитвами. Для созиданія сего храма Никонъ собралъ мудрыхъ зодчихъ и искусныхъ каменотесовъ, которые, съ Божіею помощію, быстро окончили его построеніе. Новый храмъ былъ освященъ, и при его освященіи были перенесены и помѣщены въ немъ святыя мощи преподобнаго Сергія. Какъ дѣло святыхъ и покоище Сергія, неразрушаемый вѣками, сей прекрасный храмъ освящаетъ и нынѣ молящихся въ немъ, и руки нечестивыхъ враговъ не прикасались къ нему[5]).

---

1) При Никонѣ Сергіева обитель пріобрѣла нѣсколько земель — то вкладами, то покупкою. Заботливостію Никона обитель богатѣла и духовнымъ богатствомъ. При немъ и по его указаніямъ въ Сергіевой обители, кромѣ нѣсколькихъ Богослужебныхъ книгъ, списаны были: два списка «Лѣствицы» съ главами Григорія Синаита, поученія Аввы Дороѳея, «Діоптра» Филиппа пустынника съ отвѣтами Аввы Варсонофія и съ наставленіями Исихія.

2) Обрѣтеніе мощей преподобнаго Сергія послѣдовало спустя 30 лѣтъ по преставленіи святаго—5 іюля 1422 года; въ память чего и было установлено празднованіе.

3) Деревянная церковь, стоявшая надъ мощами преп. Сергія, была перенесена на новое мѣсто (гдѣ теперь церковь Сошествія Св. Духа), и въ ней были положены св. мощи, пока строилась каменная церковь.

4) Эта каменная церковь во имя Св. Троицы, построенная преп. Никономъ, и есть донынѣ существующій Троицкій соборъ.

5) Преподобный Никонъ построилъ Троицкій соборъ при содѣйствіи почитателей памяти преп. Сергія между князьями и боярами. Главнымъ между этими почитателями, наиболѣе содѣйствовавшимъ Никону въ построеніи церкви, былъ крестный сынъ или крестникъ преп. Сергія—князь Звенигородско-Галичскій Юрій Дмитріевичъ (сынъ Донскаго). [Начавъ строить церковь въ 1422-мъ или 1423-мъ году, преп. Никонъ строилъ и устроялъ ее почти до самой своей кончины].

Никонъ заботился и о внутреннемъ украшеніи храма и расписаніи стѣнъ его живописью. Для сего труда имъ были приглашены два инока-постника, славившіеся добродѣтельною жизнью: Даніилъ и Андрей, искусные въ иконописаніи[1]). Ихъ тщаніемъ и подъ ихъ руководствомъ храмъ былъ благолѣпно украшенъ иконописью. Когда Никонъ увидѣлъ, что украшеніе храма расписаніемъ окончено, то съ великою радостію возблагодарилъ Бога.

— Благодарю Тебя, Господи,—говорилъ онъ,—и славлю пресвятое Имя Твое за то, что не презрѣлъ мое прошеніе, но даровалъ мнѣ недостойному видѣть все сіе моими очами.

Въ сіе время Никонъ уже достигъ глубокой старости, но ревность и бодрость духа не оставляли его, и немощь тѣлесная не ослабляла строгости его подвиговъ. Достигнувъ совершенства въ подвигахъ, онъ обладалъ всѣми видами того богатства, которымъ человѣкъ богатѣетъ въ Боге. Онъ какъ бы горѣлъ неудержимымъ стремленіемъ къ жизни по Богѣ: пищею для него было воздержаніе, богатствомъ—нестяжательность; его старческое тѣло было прикрыто однимъ только власянымъ рубищемъ.

Наконецъ, преподобный Никонъ уже приблизился и ко своей кончинѣ. Отчасти старость, а также великіе постническіе подвиги и продолжительныя многія болѣзни изнурили его тѣло, и онъ изнемогъ въ своихъ силахъ.

Предузнавъ близость своего отшествія ко Господу, Никонъ велѣлъ призвать къ себѣ братію. Въ то время, какъ они окружали его одръ, стоя со слезами, преподобный, приподнявшись немного, обратился къ нимъ съ послѣднимъ словомъ назиданія.

Онъ завѣщалъ соблюдать установленный въ обители чинъ молитвы дневной и ночной, нечасто выходить изъ обители, хранить терпѣніе въ искушеніяхъ, соблюдать повиновеніе начальствующимъ въ обители, ненавидѣть праздность—гнѣздо пороковъ, любить же трудолюбіе, соединяя его съ пѣніемъ священныхъ Псалмовъ, съ радостію хранить безмолвіе —какъ матерь добродѣтелей, ведущую къ совершенству. Присоединивъ къ сему наставленіе о человѣколюбіи, онъ завѣщалъ братіи:

— Если возможно, не отпускайте никого отъ себя съ пустыми руками, дабы незамѣтно не оказать презрѣнія Самому Христу,

[1]) *Даніилъ Черный* и *Андрей Рублевъ* —иноки Московскаго Андроникова монастыря—были знаменитыми иконописцами того времени. Иконы, писанныя ими, пользуются большою извѣстностію и до нашего времени. Изъ числа сохранившихся образцовъ ихъ кисти особенно замѣчательна храмовая икона въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой Лавры.

явившемуся вамъ подъ образомъ просящаго. Бодрствуйте и непрестанно молитесь, дабы Господь и васъ сохранилъ невредимыми отъ врага, и вы соблюли бы обѣтъ цѣломудрія и послушанія, согласно съ моими увѣщаніями.

Окончивъ свои наставленія къ братіи—хранить всѣ завѣщанныя имъ правила, Никонъ умолкъ. И вотъ въ видѣніи, еще до разлученія души съ тѣломъ, ему было показано мѣсто будущаго упокоенія—вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ. Ясно не открывая о томъ братіи, по своему смиренію, Никонъ, въ предсмертномъ изнеможеніи, неожиданно сказалъ:

— Отнесите меня въ ту свѣтлую храмину, которая мнѣ уготована по молитвамъ отца моего; не хочу болѣе здѣсь оставаться.

Сказавъ сіе, Никонъ пріобщился Пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Послѣ сего, предупреждая братію о приближеніи кончины своей, онъ произнесъ:

— Вотъ я, братіе, разрѣшаюсь отъ союза тѣлеснаго и отхожу ко Христу.

Преподавъ имъ послѣднее благословеніе, со словами, обращенными къ самому себѣ: «изыди, душе моя, туда, гдѣ тебѣ уготовано пребывать,—гряди съ радостію: Христосъ призываетъ тебя»,—Никонъ, осѣнивъ себя напослѣдокъ крестнымъ знаменіемъ, съ молитвою предалъ свою честную и трудолюбную душу Господу. Это было 17 ноября 1428 года.

Никонъ пробылъ въ настоятельствѣ 36 лѣтъ, не нарушая ни въ чемъ подвига иноческаго, богоугодно пася врученную ему Христомъ паству и научивъ ее высшимъ подвигамъ добродѣтели. Братія много сѣтовали, проливая слезы о разлученіи со своимъ отцомъ и учителемъ. Проводивъ его съ пѣніемъ Псалмовъ и надгробными пѣснопѣніями, братія съ почестями, какъ подобаетъ чтимому отцу, предали его честное тѣло землѣ, положивъ его близъ раки преподобнаго Сергія, гдѣ и донынѣ совершается память надъ ними во славу Святыя Троицы—Отца, и Сына, и Святаго Духа[1]).

[1]) Преподобный Никонъ погребенъ внѣ Троицкаго собора, у южной его стѣны, противъ того мѣста, на которомъ въ своемъ соборѣ погребенъ былъ преп. Сергій. Преп. Никонъ былъ причисленъ къ лику святыхъ на Соборѣ 1547 г., но служба ему и житіе его написаны были Пахоміемъ Логоѳетомъ почти за сто лѣтъ ранѣе, по волѣ митрополита св. Іоны. Церковь надъ гробомъ преп. Никона была поставлена въ 1548 году. Въ 1623 г., т. е. спустя 75 лѣтъ, на мѣсто этой первой церкви поставлена новая, большая. Эта вторая церковь и существуетъ до настоящаго времени. (Рака преп. Сергія отдѣляется одною каменной стѣной отъ раки ученика его—преп. Никона. Въ сѣверо-

За свои великіе подвиги и святую жизнь преподобный Никонъ былъ удостоенъ отъ Господа еще при жизни дара прозрѣнія, а послѣ кончины—дара чудотвореній. Изъ многихъ чудесъ преподобнаго упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ.

Однажды Никонъ намѣренъ былъ послать нѣкоего изъ своихъ иноковъ, по имени Акакія, въ одно изъ селъ, принадлежавшихъ обители святаго Сергія. Не желая сему повиноваться, Акакій сказалъ:

— Я не для того отрекся отъ міра, чтобы обходить города и села.

Преподобный долго умолялъ Акакія, но онъ ни за что не хотѣлъ исполнить приказаніе своего игумена. Тогда преподобный предрекъ:

— Смотри, Акакій, какъ бы тебѣ по своей волѣ не пришлось быть тамъ, и тогда получишь воздаяніе за свое непослушаніе.

Вскорѣ послѣ того преподобный Никонъ преставился ко Господу. Акакій же предалъ забвенію все, что было предсказано ему святымъ отцомъ, и отправился въ то самое селеніе, куда посылалъ его преподобный Никонъ. И вотъ, его внезапно постигъ тамъ судъ Божій, предсказанный святымъ: онъ впалъ въ изступленіе ума, такъ что братія привели его обратно въ монастырь. Здѣсь явился ему святый Никонъ и, держа въ рукахъ жезлъ, съ укоризною сказалъ ему:

— Акакій! Развѣ ты для того отрекся отъ міра, чтобы обходить города и села?

Тогда Акакія охватилъ великій страхъ, и онъ началъ неистово кричать. Въ такомъ тяжеломъ состояніи онъ находился нѣсколько дней, пребывая у раки преподобныхъ Сергія и Никона и съ плачемъ молясь объ отпущеніи своего согрѣшенія; братія точно такъ же усердно молились за него. И тогда, по благодати Христовой и по молитвамъ святыхъ, Акакій получилъ отпущеніе въ своемъ согрѣшеніи и исцѣлился. Обо всемъ этомъ онъ самъ со слезами разсказывалъ многимъ, вопрошавшимъ его.

Въ своей земной жизни преподобные Сергій и Никонъ особенно близки были другъ къ другу. Эта взаимная близость не оставляетъ ихъ и въ жизни вѣчной, ибо любовь святыхъ, какъ любовь Божественная, не подлежитъ закону времени. Оба вмѣстѣ они неоднократно являлись и совокупно чудодѣйствовали.

Одинъ изъ жителей Москвы, по имени Симеонъ, родившійся по предсказанію святаго, заболѣлъ столь сильно, что не могъ ни двинуться, ни уснуть, ни принять пищи, но лежалъ какъ мерт-

западномъ углу церкви, вдоль сѣверной стѣны, стоитъ рака—надгробіе—надъ мощами преп. Никона, которыя находятся въ землѣ, или подъ спудомъ).

вый на своемъ одрѣ. Страдая такимъ образомъ, онъ однажды ночью сталъ призывать къ себѣ на помощь святаго Сергія:

— Помоги мнѣ, преподобный Сергій, избавь меня отъ сей болѣзни; еще при жизни твоей ты былъ такъ милостивъ къ моимъ родителямъ и предрекъ имъ мое рожденіе; не забудь меня, страждущаго въ столь тяжкой болѣзни.

Вдругъ предъ нимъ предстали два старца; одинъ изъ нихъ былъ Никонъ; болящій тотчасъ узналъ его, потому что лично зналъ сего святаго еще во время его жизни; тогда онъ понялъ, что второй изъ явившихся былъ самъ преподобный Сергій. Дивный старецъ ознаменовалъ болящаго Крестомъ, послѣ чего велѣлъ Никону взять икону, стоявшую у одра—она была нѣкогда подарена Симеону самимъ Никономъ. Затѣмъ больному показалось, что вся кожа его отстала отъ тѣла; послѣ сего святые стали невидимы. Въ ту же минуту Симеонъ почувствовалъ, что онъ совершенно выздоровѣлъ: онъ поднялся на своемъ одрѣ, и уже никто болѣе его не поддерживалъ; тогда понялъ онъ, что не кожа сошла у него, а болѣзнь оставила его. Велика была его радость: вставъ, онъ началъ горячо благодарить святаго Сергія и преподобнаго Никона за свое неожиданное и столь дивное исцѣленіе.

Особенно много чудесъ было совершено преподобными Сергіемъ и Никономъ во время осады Троицкаго монастыря Поляками подъ предводительствомъ Лисовскаго и Сапѣги, когда святой обители пришлось испытать множество бѣдствій отъ враговъ. Никонъ вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ нерѣдко являлись не только осажденнымъ, ободряя и укрѣпляя ихъ надеждою на помощь Божію, но и врагамъ, осаждавшимъ лавру, устрашая и угрожая имъ гнѣвомъ Божіимъ[1]). Многіе изъ осаждавшихъ и ихъ военачальниковъ видѣли, какъ по монастырскимъ стѣнамъ ходили два свѣтозарныхъ старца, наподобіе Сергія и Никона; одинъ — кадилъ стѣны кадильницею, а другой—кропилъ ихъ святою водою.

Однажды, когда еще продолжалась осада монастыря врагами и среди осажденныхъ появились отъ голода и всякихъ лишеній болѣзни,—Никонъ явился во снѣ пономарю Иринарху и сказалъ ему:

— Скажи всѣмъ страждущимъ отъ болѣзни, что въ сію ночь выпадетъ снѣгъ, и пусть всѣ, кто желаетъ исцѣлиться отъ болѣзней, натираются этимъ снѣгомъ.

---

[1]) Осада Троицкаго монастыря Поляками, подъ начальствомъ Лисовскаго и Сапѣги, началась 23 сентября 1608 года; окончилась же 12 января 1610 года.

Иринархъ съ трепетомъ проснулся и наутро разсказалъ окружающимъ о томъ, что повѣдалъ ему чудотворецъ Никонъ. И дѣйствительно, ночью выпалъ снѣгъ, и кто съ вѣрою натирался этимъ снѣгомъ, тотъ дѣлался здоровымъ[1]).

Вотъ и еще случай изъ недавнихъ временъ (1846 г.). Въ монастырской больницѣ жестоко страдалъ отъ нервной горячки рясофорный послушникъ Гавріилъ; нѣсколько дней онъ былъ безъ памяти, и думали, что не перенесетъ болѣзни. Въ ночь на память преподобнаго Никона видитъ онъ, что душа его какъ бы разлучается отъ тѣла и устремляется въ какую-то бездну. Мысленно сталъ онъ молить преподобныхъ Сергія и Никона о возвращеніи къ жизни, чтобы покаяніемъ приготовиться къ вѣчности. (А лежалъ онъ все время, какъ видѣли другіе, безъ памяти и движенія.) Вдругъ видитъ, какъ бы двери отворились: входятъ два свѣтоносные мужа—старцы, одинъ съ жезломъ—въ семъ онъ призналъ преподобнаго Сергія, а въ другомъ—преподобнаго Никона. Преподобный Сергій, указывая жезломъ преподобному Никону на болящаго, говоритъ: «Помоги»! Преподобный Никонъ подошелъ и самымъ приближеніемъ наполнилъ больнаго силою и радостію. Больной приподнялся, перекрестился, а преподобные стали невидимы. Гавріилъ пришелъ въ память; болѣзнь миновалась, осталась только слабость[2]).

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ а҃:

Послꙋша́нїѧ до́брый рачи́тель бы́въ прп҃бне нікѡне присноп҃а́мѧтне, цр҃ковь бо прекра́снꙋ ст҃ы́ѧ тр҃цы, въ похвалꙋ ѻ҆тцꙋ твоемꙋ воздви́глъ є҆сѝ. тѣ́мже и҆ мы̀ ча̑да твоѧ̑ любо́вїю вопїе́мъ тѝ: сла́ва да́вшемꙋ тѝ крѣ́пость, сла́ва вѣнча́вшемꙋ тѧ̀, сла́ва дѣ́йствꙋю́щемꙋ тобо́ю всѣ́мъ и҆сцѣлѣ́нїѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ѧ҆хо́вномꙋ твоемꙋ настоѧ́телю, ѻ҆́тче нікѡне, всѧ́чески прилѣпи́всѧ, и҆ ѿ негѡ̀ наставлѧ́емь, во всѣ́мъ хр҃то́ви порабо́тивсѧ, мона́хѡвъ бы́лъ є҆сѝ чинонача́льникъ, и҆ прп҃бныхъ сожи́тель: съ ни́миже хр҃та̀ бг҃а молѝ непреста́нно ѿ всѣ́хъ на́съ.

---

[1]) «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря», соч. Авраамія Палицына. М., 1822 г., стр. 157.

[2]) Монастырскія письма. М. 1863 г., стр. 69—71. Письмо 19-е, отъ 18-го Ноября 1864 г.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЛАЗАРЯ ПИСЦА

Преподобный Лазарь жилъ въ Константинополѣ и съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя иноческимъ подвигамъ. Измлада онъ проводилъ суровую жизнь, постоянно пребывая въ постѣ и молитвѣ. Но преимущественно онъ упражнялся въ дѣлахъ милосердія, питая алчущихъ и одѣвая нагихъ. За свою подвижническую и благочестивую жизнь преподобный былъ удостоенъ священническаго сана. Это было въ царствованіе византійскаго императора Ѳеофила[1]).

При Ѳеофилѣ же преподобный Лазарь претерпѣлъ и мученія за свою ревность въ иконопочитаніи. Посвятивъ себя служенію Богу, Лазарь изучилъ иконописное искусство и ревностно занимался писаніемъ честныхъ иконъ во славу Бога, Пречистой Его Матери и святыхъ Его. Ѳеофилъ же былъ иконоборецъ; всѣхъ почитателей святыхъ иконъ онъ подвергалъ гоненіямъ, а иконописцевъ заставлялъ плевать на иконы и попирать ихъ ногами. Преподобный Лазарь, какъ иконописецъ, былъ схваченъ и подвергнутъ испытанію въ вѣрѣ. Но напрасно старались склонить его къ иконоборческому зловѣрію, прибѣгая то къ льстивымъ увѣщаніямъ, то къ угрозамъ; Лазарь оставался непреклоннымъ; тогда стали немилосердно бить его, а потомъ ввергли въ темницу. Но и въ темницѣ святый мужъ продолжалъ писать иконы. Тогда беззаконный мучитель повелѣлъ прижигать пальцы святаго раскаленными плитами желѣза, чтобы отнять у него всякую способность писать иконы. При этомъ преподобному Лазарю угрожала даже смерть. И только съ трудомъ жизнь его была спасена заступничествомъ благочестивой царицы Ѳеодоры[2]). Выпущенный на свободу, преподобный Лазарь нашелъ убѣжище въ церкви святаго Іоанна Кре-

---

[1]) *Императоръ Ѳеофилъ* царствовалъ съ 829 по 842 г.

[2]) *Царица Ѳеодора* извѣстна въ исторіи своими заслугами въ пользу Православія. Когда, по смерти Ѳеофила, царица, за малолѣтствомъ сына своего Михаила, сдѣлалась управительницею имперіи, то она возстановила иконопочитаніе. Въ столицѣ въ первое воскресенье Великаго Поста иконы съ особенною торжественностію были поставлены на свое мѣсто для поклоненія. День этотъ названъ днемъ «Торжества Православія» и ежегодно воспоминается Церковію.

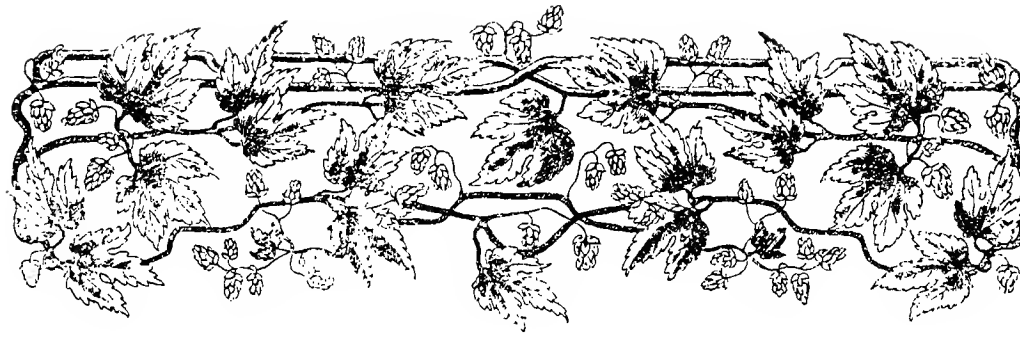
стителя и тамъ написалъ икону, которая быстро пріобрѣла славу чудотворной. Когда же Θеофилъ скончался, преподобный уже безпрепятственно занимался писаніемъ святыхъ иконъ. При этомъ святый нисколько не помнилъ зла, но даже молился за своего мучителя.

Въ царствованіе императора Михаила III[1]), сына Θеофила и Θеодоры, преподобный Лазарь участвовалъ въ числѣ посольства, отправленнаго къ римскому папѣ Венедикту III[2]), и на возвратномъ пути изъ Рима скончался. Честные останки его были перенесены въ Константинополь и здѣсь погребены въ церкви святаго Евандра[3]).

1) *Императоръ Михаилъ III* царствовалъ съ 842 по 877 г.

2) *Папа Венедиктъ III* управлялъ Римскою Церковію въ 856—858 гг.

3) Въ 1200 году мощи преподобнаго Лазаря видѣлъ въ Константинополѣ русскій паломникъ Антоній, впослѣдствіи архіепископъ Новгородскій.



День восемнадцатый

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПЛАТОНА

Святый мученикъ Платонъ, братъ святаго мученика Антіоха[1]), происходилъ изъ страны Галатійской, изъ города Анкиры[2]), отъ христіанскихъ родителей, и былъ воспитанъ въ благочестіи. Еще до своего совершеннолѣтія онъ достигъ преуспѣянія въ добродѣтеляхъ. Находясь въ юношескомъ возрастѣ, онъ уже былъ зрѣлъ разумомъ. Среди безбожныхъ идолопоклонниковъ онъ дерзновенно проповѣдывалъ Христа, предвѣчнаго Бога, и училъ пребывавшихъ въ заблужденіи язычниковъ, чтобы они познали Истину и обратились отъ бѣсовскаго заблужденія къ Богу. За сіе онъ былъ взятъ невѣрными и приведенъ на судъ къ областеначальнику Агриппину.

---

1) Память святаго Антіоха совершается Церковію 16-го іюля.

2) *Галатія*—небольшая, гористая, но плодородная область Малой Азіи, лежащая между Фригіей, Виѳиніей, Понтомъ и Каппадокіей, въ центрѣ Малоазійскаго полуострова. Христіанство здѣсь было насаждено св. Павломъ, который основалъ и благоустроилъ церковь Галатійскую и впослѣдствіи писалъ къ Галатамъ, которые слушали его, какъ Ангела Божія (Посл. къ Галат., гл. 4, ст. 14), посланіе.—*Анкира*—нынѣ *Ангора*—одинъ изъ главныхъ городовъ Галатіи.

Агриппинъ въ это время находился въ храмѣ Зевса и тамъ сѣлъ судить исповѣдника Христова. Взглянувъ на него, онъ сказалъ:

— Весь міръ чтитъ своихъ боговъ,—ты одинъ заблуждаешься и отвращаешься отъ нихъ!

Святый отвѣчалъ:

— Вы заблудились, оставивъ Бога, создавшаго небо и землю, и всѣ красоты ихъ, и поклоняетесь камню и тлѣнному дереву—дѣлу рукъ человѣческихъ.

Агриппинъ сказалъ:

— Юность твоя дѣлаетъ тебя дерзкимъ и безчиннымъ. Скажи мнѣ свое имя, какъ зовутъ тебя и изъ какого ты города?

Святый отвѣчалъ:

— Родители назвали меня Платономъ; я—отъ чрева матери моей рабъ Христовъ, гражданинъ же—этого города; нынѣ за благочестіе предстою на неправедномъ твоемъ судѣ и жду незаслуженной смерти, которую пламенно желаю принять за Господа моего; дѣлай же то, что намѣренъ дѣлать.

— Не дòлжно тебѣ, Платонъ,—возразилъ областеначальникъ,—учить о Распятомъ и даже Имя Его имѣть въ умѣ своемъ, такъ какъ царская власть повелѣваетъ предавать тяжкой смерти исповѣдающихъ Его, а отрицающихся—удостоивать великихъ почестей: посему совѣтую тебѣ подчиниться царскому повелѣнію, и тогда ты получишь возможность избѣжать смертной гибели.

Святый Платонъ отвѣчалъ:

— Я повинуюсь моему Царю—Богу, за Него и воинствую, смерть же временную охотно пріемлю, чтобы быть наслѣдникомъ Вѣчнаго Царства.

— Подумай, Платонъ,—сказалъ на это областеначальникъ,—что лучше для тебя: оставаться ли въ живыхъ, или подвергнуться тяжкой смерти?

Платонъ отвѣчалъ:

— Господь промыслитъ о томъ, что мнѣ полезнѣе.

— Развѣ не знаешь,—возразилъ областеначальникъ,—непреложныхъ царскихъ законовъ, повелѣвающихъ, чтобы христіане или приносили жертвы богамъ, или подвергались смерти? Какъ же ты смѣешь нарушать царскіе законы и совращать другихъ?

Святый отвѣчалъ:

— Я знаю уставы Бога моего и дѣлаю, что повелѣваютъ Его святыя и животворныя заповѣди, а онѣ повелѣваютъ, отвергнувъ

бѣсовскія жертвы, служить Единому Истинному Богу. Ему Единому я и служу, а вашихъ боговъ презираю. Но ты, согласно царскому повелѣнію, подвергай меня мученіямъ, какъ хочешь,—вамъ уже привычно мучить христіанъ, а христіанамъ—страдать за Христа.

Областеначальникъ Агриппинъ, отличавшійся звѣрскимъ нравомъ, увидавъ, что святый не покоряется его безбожной волѣ и противорѣчитъ, въ страшномъ гнѣвѣ повелѣлъ разложить его нагимъ на землѣ и приставилъ двѣнадцать воиновъ попеременно бить святаго. И били его по всему тѣлу безпощадно долгое время, такъ что бившіе воины очень устали, но святый страдалецъ не усталъ терпѣть и исповѣдывать Имя Господа своего Іисуса Христа.

Потомъ, когда воины прекратили побои, областеначальникъ, какъ бы щадя его, началъ ласково говорить ему:

— По-дружески совѣтую я тебѣ, Платонъ: уклонись отъ смерти къ жизни.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Хорошо учишь ты меня, Агриппинъ, чтобы я уклонился отъ смерти къ жизни, я и самъ бѣгаю отъ вѣчной смерти и ищу безсмертной жизни.

Агриппинъ на это съ гнѣвомъ сказалъ святому:

— Скажи мнѣ, несчастный, сколько смертей?

Святый отвѣчалъ:

— Двѣ смерти: одна—временная, а другая—вѣчная; также и жизни—двѣ: одна — маловременная, а другая—безконечная.

— Оставь свои басни,—возразилъ областеначальникъ,—и поклонись богамъ, чтобы избавиться тебѣ лютаго мученія.

Святый отвѣчалъ:

— Ни огонь, ни раны, ни ярость звѣрей, ни лишеніе членовъ (тѣла) не разлучатъ меня съ Богомъ Живымъ, ибо не нынѣшній вѣкъ я возлюбилъ, но Христа моего, за меня умершаго и воскресшаго.

Тогда областеначальникъ повелѣлъ отвести святаго Платона въ темницу. Когда его вели, за нимъ слѣдовалъ народъ, смотря на страданіе его какъ на какое-либо зрѣлище. Среди народа было множество и христіанъ. Приблизившись къ темницѣ, твердый и великій духомъ мученикъ Христовъ Платонъ обратился къ народу и, повелѣвъ ему замолчать, началъ говорить громкимъ голосомъ:

— Мужи, любящіе истину, знайте, что я предпринялъ сей подвигъ страданія не по иной какой причинѣ, какъ ради Бога,

создавшаго небо и землю и все, что въ нихъ. Какъ рабовъ Христовыхъ, я умоляю васъ не смущаться тѣмъ, что происходитъ теперь, ибо **мнѡ́ги скѡ́рби пра́ведныимъ, и҆ ѿ всѣ́хъ и҆́хъ и҆зба́витъ ѧ҆ гдь**[1]). Пріидите же, и прибѣгнемъ всѣ вмѣстѣ къ тихой пристани и къ Камню, о Коемъ великій Апостолъ говоритъ: «**Ка́мень же бѣ̀ хрⷭ҇то́съ**»[2]). И да не изнемогаемъ въ бѣдахъ, коимъ подвергаемся за вѣру Христову, памятуя, что «**недостѡ́йны стра̑сти ны́нѣшнѧгѡ вре́мене къ хотѧ́щей сла́вѣ ꙗ҆ви́тисѧ въ на́съ**»[3]).

Ст҃ый мч҃нкъ Платѡ́нъ

Сказавъ сіе, мученикъ вошелъ въ темницу и, преклонивъ колѣна на землю, обратился къ Богу съ слѣдующей молитвой:

«Господи Іисусе Христе, Создатель и Промыслитель всѣхъ, дарующій рабамъ Своимъ терпѣніе и побѣду, сподоби и меня, смиреннаго и непотребнаго раба Твоего, до конца достойно претерпѣть за Имя Твое святое, и пошли Ангела Твоего, чтобы онъ избавилъ меня отъ льстиваго и всезлобнаго змія—Агриппина, да познаютъ всѣ, что не боги тѣ, коихъ создаетъ рука человѣческая, но Ты—Единый Истинный Богъ, долготерпѣливый и многомилостивый, препрославленный во вѣки. Аминь».

По прошествіи семи дней мучитель снова возсѣлъ на судилищѣ въ храмѣ Зевса и повелѣлъ привести святаго мученика. Сначала онъ разложилъ предъ нимъ разныя орудія пытки: мѣдные котлы, сапоги съ гвоздями, раскаленныя ядры, острыя прутья, желѣзныя рогатки, колеса и многія другія, надѣясь устрашить ими доблестнаго воина Христова. Потомъ началъ говорить ему:

---

1) Псал. 33, ст. 20.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 10, ст. 4. Христосъ называется Апостоломъ *Камнемъ*—какъ великое и вѣчное основаніе Церкви.

3) Посл. къ Римл., гл. 8, ст. 18. Т. е.: нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется для насъ въ жизни вѣчной.

— Возлюбленный Платонъ! Видя твою юность и благородство твоихъ родителей и щадя красоту твоего тѣла, прежде чѣмъ начну снова мучить тебя, совѣтую тебѣ: вкуси отъ жертвы боговъ нашихъ и будь въ единеніи съ нами, зная хорошо, что никто изъ противящихся мнѣ, не останется живъ и, напротивъ, никто, повинующійся мнѣ, не лишился чести и даровъ, мною обѣщанныхъ. Я же, прекрасный Платонъ, если пожелаешь послушаться меня, какъ отца, дающаго тебѣ добрый совѣтъ, отдамъ тебѣ въ жены единственную дочь моего брата со многимъ богатствомъ и назову тебя своимъ сыномъ.

Но блаженный Платонъ, насмѣхаясь надъ нимъ, сказалъ:

— Бѣдный и человѣконенавистный сынъ діавола и слуга сатаны! Если бы я рѣшился связать себя житейскими прелестями и если бы захотѣлъ взять себѣ жену, то развѣ не нашелъ бы лучшей, чѣмъ дочь брата твоего! Поистинѣ я взялъ бы лучше вмѣсто нея рабыню. Итакъ, захочу ли я взять ее теперь, когда, оставляя міръ, соединяюсь со Христомъ?

Тогда мучитель, прійдя въ ярость, повелѣлъ положить святаго на мѣдномъ одрѣ, а подъ одръ подложить множество углей и разжигать ихъ, поливая на огонь масло, воскъ и смолу, и опалять тѣло мученика, а сверху бить тонкимъ прутомъ, дабы и біеніемъ, и паленіемъ усилить его муки. Послѣ такихъ продолжительныхъ мученій Агриппинъ сказалъ святому мученику:

— Несчастный, смилуйся, наконецъ, надъ самимъ собою! И если не хочешь поклониться богамъ, то скажи только эти слова: великъ богъ Аполлонъ,—и я тотчасъ же перестану мучить тебя, и пойдешь съ миромъ въ домъ свой.

Но святый на это отвѣчалъ:

— Да не будетъ, чтобы я пощадилъ тѣло свое, а душѣ приготовилъ геенну огненную.

По прошествіи трехъ часовъ, въ продолженіе коихъ Платонъ былъ предаваемъ такимъ мученіямъ, онъ былъ снятъ съ одра, но тѣло его оказалось цѣлымъ, здоровымъ и не имѣющимъ даже слѣда отъ ранъ и отъ огня, какъ будто онъ вышелъ изъ бани. При семъ отъ тѣла его исходило сильное благоуханіе, такъ что всѣ, находившіеся тутъ, удивлялись и говорили:

— Воистину великъ Богъ христіанскій!

Областеначальникъ же сказалъ святому:

— Если не хочешь принести жертвы богамъ нашимъ, то, по крайней мѣрѣ, отвергнись только Христа твоего,—и я отпущу тебя.

Но святый отвѣчалъ:

— Безумный и безбожный, какъ говоришь ты, чтобы я отвергся Спасителя моего? Неужели хочешь, чтобы я уподобился тебѣ, нечестивецъ? Развѣ не довольно для тебя твоей погибели, но ты хочешь вовлечь въ нее еще и другихъ, принадлежащихъ къ числу воиновъ Христовыхъ! Отступи отъ меня, беззаконникъ. Я вѣрую Богу моему, что Онъ не оставитъ меня и не дастъ мнѣ пасть такъ же, какъ палъ ты.

Тогда Агриппинъ всталъ съ своего престола и самъ сталъ мучить святаго. Онъ разжегъ желѣзные круги, подложилъ подъ его плечи и опалялъ его ребра. Потомъ положилъ на грудь мученика два сильно раскаленныхъ желѣзныхъ круга,—и показался дымъ изъ ноздрей его, ибо сила огня проникала даже до его внутренностей. Многіе думали, что онъ уже умеръ. Но, спустя немного времени, онъ сказалъ мучителю:

— Ничтожны мучительства твои, лютый кровопійца.

Потомъ, возведши вверхъ свой взоръ, святый произнесъ:

— Плещы̀ моѝ вда́хъ на ра̑ны, и̑ лани̑тѣ моѝ на заꙋше́нїѧ, лица́ же моегѡ̀ не ѿврати́хъ ѿ стꙋда̀ заплева́нїй[1]). Да не ѿстꙋ́пиши ѿ менѐ, Господи, ꙗ̑кѡ ско́рбь бли́зъ[2]), да не когда̀ рекꙋ́тъ ꙗ̑зы́цы: гдѣ̀ є̑сть бг҃ъ и̑хъ[3]). Даруй мнѣ, Іисусе Христе, рабу Твоему, освободившись совсѣмъ отъ мучительствъ противника, съ дерзновеніемъ предстать предъ Страшнымъ Твоимъ Судомъ, окончивъ этотъ добрый подвигъ: ибо Тебѣ на всякомъ мѣстѣ владычества Твоего подобаетъ слава, честь и держава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

И когда онъ произнесъ: «аминь», поколебался храмъ, и всѣ устрашились. Несмотря на то, жестоковыйные не хотѣли познать силу Божію.

Потомъ мучитель повелѣлъ, изрѣзавъ кожу святаго Платона на ремни, сдирать ее. Но святый, сорвавъ одинъ, отвисшій отъ тѣла его, ремень, бросилъ его въ лице Агриппину съ словами:

— Безчеловѣчный и свирѣпѣйшій всѣхъ звѣрей! Какъ ты, не желая познать Бога, создавшаго насъ по образу Своему, не пи-

---

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 50, ст. 6. Сіи пророческія слова во всей полнотѣ своей относятся къ спасительнымъ страданіямъ Господа нашего Іисуса Христа. Но они по справедливости могутъ до нѣкоторой степени относиться и къ мученикамъ Христовымъ, поскольку они своими страданіями пріобщаются страданіямъ Христовымъ (1 Посл. Петр., гл. 4, ст. 13).

[2]) Псал. 21, ст. 12.

[3]) Псал. 78, ст. 10.

таешь жалости хотя къ такой же самой плоти, какою облеченъ и самъ ты, и находишь наслажденіе при видѣ раздробленія моихъ членовъ? Но предавай меня еще болѣе лютымъ мукамъ, дабы какъ твое безчеловѣчіе, такъ и мое терпѣніе всѣмъ были видны, ибо я радостно терплю все это ради Христа моего, чтобы, благодатію Его, обрѣсти себѣ покой въ будущемъ вѣкѣ.

— О, до какой степени ты безуменъ,—возразилъ Агриппинъ,— что не щадишь даже своего тѣла, несмотря на то, что внутренности твои уже выходятъ сквозь ребра, а ты все еще не перестаешь хулить боговъ и возбуждать меня къ гнѣву?

Потомъ Агриппинъ повелѣлъ повѣсить святаго на деревѣ и бить тѣло его до тѣхъ поръ, пока не тронутая еще плоть не отпала совсѣмъ отъ костей и не вылилась почти вся кровь. А святое лице мученика онъ такъ истерзалъ желѣзными рогатками, что не оставалось даже и слѣдовъ человѣческаго образа, но однѣ только обнаженныя кости. Но святый Платонъ, имѣя свободный языкъ, укорялъ за жестокость мучителя и проклиналъ идоловъ и идолопоклонниковъ.

Тогда мучитель сказалъ:

— Платонъ! Если бы ты не былъ такъ упоренъ и непокоренъ, то уподобился бы тому премудрому Платону, главѣ философовъ[1]), который составилъ божественныя ученія.

Но святый отвѣчалъ:

— Хотя я и одного имени съ Платономъ, но не одного направленія. Имя же не можетъ соединить тѣхъ, коихъ раздѣляютъ вѣрованія. Посему ни я тому Платону, ни Платонъ мнѣ не подобенъ, кромѣ одного имени. Я учусь и учу той философіи, которая—Христова, а онъ — учитель той философіи, которая есть безуміе предъ Богомъ, ибо написано: «погꙋблю̀ премꙋдрость премꙋдрыхъ и̂ ра́зꙋмъ разꙋмныхъ ѿве́ргꙋ»[2]). Ученія же, принадлежавшія Платону, которыя ты называешь божественными, суть ложныя басни, посредствомъ хитрыхъ словъ развращающія умы безхитростныхъ простецовъ.

---

1) *Философъ*—съ греческаго значитъ: любитель мудрости. Такъ называются люди, посвятившіе себя изслѣдованію высшихъ вопросовъ бытія: о Богѣ, о началѣ и законахъ міра и человѣка и конечныхъ цѣляхъ существованія міра и т. п.—*Платонъ*—знаменитѣйшій и величайшій философъ древности (конца V и начала VI в., до Р. Хр.), оставившій по себѣ множество замѣчательнѣйшихъ по глубинѣ мыслей сочиненій.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 19. Ср. Кн. Прор. Исаіи, гл. 29, ст. 14.

Когда святый пересталъ говорить, умолкъ и Агриппинъ, ибо онъ не зналъ, что еще возразить ему и что сдѣлать съ нимъ, и дивился великому его терпѣнію и смѣлымъ отвѣтамъ. Онъ приказалъ отвести его въ темницу и не дозволять никому изъ знакомыхъ его приходить къ нему. Но, чтобы святый мученикъ не умеръ, мучитель велѣлъ каждый день давать ему немного хлѣба и воды. Не зналъ онъ, несчастный, что «не ѿ хлѣбѣ ѥдиномъ живъ бꙋдетъ человѣкъ, но ѿ всѧкомъ глаголѣ, исходѧщемъ изꙋстъ божїихъ»[1]).

Но Христовъ мученикъ не принималъ ничего изъ рукъ идолопоклонниковъ и оставался безъ пищи и питія восемнадцать дней, такъ что на немъ исполнились слова Писанія: «праведникъ ѿ вѣры живъ бꙋдетъ»[2]). Надѣялся онъ, что Тотъ, Кто пропиталъ Даніила среди львовъ во рвѣ[3]), пропитаетъ и его въ темницѣ нетлѣнною пищею. Стражи же, видя, что онъ не принимаетъ ни хлѣба, ни воды, сказали ему:

— Ѣшь, юноша, и пей, чтобы не умереть тебѣ и намъ не впасть бы въ бѣду изъ-за тебя.

Но блаженный отвѣчалъ:

— Не думайте, братія, что я умру, если не принимаю вашей пищи; вы питаетесь хлѣбомъ, я же питаюсь Словомъ Божіимъ, пребывающимъ во вѣки,—васъ насыщаютъ мяса, меня же насыщаютъ святыя молитвы,—васъ веселятъ вина, меня же увеселяетъ Христосъ, лоза истинная.

Послѣ того областеначальникъ Агриппинъ, видя, что ничѣмъ не можетъ отвратить Платона отъ Христа, осудилъ его на усѣченіе мечомъ. Мученикъ выведенъ былъ изъ города. Испросивъ себѣ часъ на молитву, онъ поднялъ кверху руки свои и сказалъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, что святымъ Твоимъ Именемъ Ты защитилъ меня, раба Твоего, отъ прельщенія вражескаго и даровалъ мнѣ благодать достойно совершить теченіе подъятаго ради Тебя подвига. И нынѣ молю Тебя,—пріими въ мирѣ душу мою, ибо Ты благословенъ во вѣки. Аминь.

Потомъ, преклонивъ святую главу свою, сказалъ воину, который долженъ былъ усѣкнуть его:

— Дѣлай, друже, что тебѣ повелѣно.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 4.
2) Кн. Прор. Аввак., гл. 2, ст. 4.
3) Кн. Прор. Дан., гл. 6.

И тотчасъ же былъ усѣченъ.

Такъ подвизался святой мученикъ Платонъ и умеръ за Христа, дабы жить и царствовать съ Нимъ во вѣки[1]).

Конда́къ мч҃нка, гла́съ г҃:

Ст҃а́ѧ твоѧ̀ па́мѧть вселе́ннꙋю весели́тъ, созыва́ющи вѣ́рныѧ всѧ̑ въ пречⷭ҇тый хра́мъ тво́й, и҆дѣ́же ны́нѣ ра́достїю совокꙋ́пльшесѧ, пое́мъ въ пѣ́снехъ и҆ свѣ́тлостехъ. сегѡ̀ ра́ди, платѡ́не, вопїе́мъ ти̑: ꙗ҆зы́ческагѡ наше́ствїѧ и҆зба́ви гра́дъ тво́й, ст҃е.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

РОМАНА и отрока ВАРУЛА

Святый мученикъ Романъ происходилъ изъ Палестины и былъ діакономъ Кесарійской церкви. Во время гоненія язычниковъ на христіанъ онъ жилъ въ Антіохіи[2]), проповѣдуя ученіе и утверждая вѣрующихъ, чтобы они пребывали непоколебимо въ исповѣданіи Христовомъ. Когда же нечестивый епархъ Асклипіадъ хотѣлъ разрушить до основанія тамошній христіанскій храмъ, святый Романъ побуждалъ христіанскій народъ оказать сопротивленіе епарху и не дать ему разрушать святый храмъ.

— Намъ нынѣ,—говорилъ онъ своимъ единовѣрцамъ,—предлежитъ борьба за алтари Божіи; Асклипіадъ—врагъ отечества и хочетъ отнять Бога у насъ, и мы хорошо сдѣлаемъ, если, защи-

---

1) Мученическая кончина св. Платона послѣдовала около 306 г.—По кончинѣ его многіе, обращавшіеся къ нему съ молитвою, получили его чудодѣйственную помощь. Такъ, на VII Вселенскомъ Соборѣ (787 г.) читано было изъ письма св. Нила, ученика Іоанна Златоуста, къ Иліодору о слѣдующемъ чудѣ св. мученика Платона. Сынъ одного инока изъ Галатіи взятъ былъ въ плѣнъ внезапно напавшими варварами. Старецъ со слезами молилъ соотечественнаго ему мученика Платона о помощи въ семъ заключеніи. И вотъ, является сыну его всадникъ на конѣ, приведшій и другого коня, и велитъ юношѣ садиться. Юноша узналъ въ немъ мученика, ибо часто видалъ его такимъ на иконѣ; юноша сѣлъ на коня; святый же, доставивъ его отцу, сталъ невидимъ. Въ Константинополѣ императоръ Анастасій I (491—518 гг.) построилъ во имя сего мученика храмъ, а императоръ Юстиніанъ (527—565 гг.) возобновилъ его.

2) Это было 17 ноября 303 года, при соправителѣ Римскаго императора Діоклетіана Максиміанѣ Галерій.

щая алтари Божій, падемъ, израненные, на порогѣ святаго храма. Чѣмъ бы ни кончилась борьба, мы, христіане, окажемся побѣдителями если не дадимъ разрушить домъ Божій, то восторжествуемъ въ Церкви, воинствующей на землѣ; а если падемъ убитыми при святомъ алтарѣ, то воспоемъ побѣдную пѣснь въ Церкви, торжествующей на Небесахѣ.

Такими словами онъ возбудилъ всѣхъ стать на защиту святаго храма и съ рѣшимостью сопротивляться до самой смерти и не дозволить епарху войти въ храмъ и разрушить его.

Въ это время наступилъ одинъ языческій праздникъ, и множество язычниковъ стекалось въ идольское капище съ женами и дѣтьми. Тогда святый Романъ воспламенился божественною ревностью, вступилъ въ толпы нечестиваго народа и громогласно началъ обличать его заблужденіе. Онъ остановилъ даже и самого епарха Асклипіада, когда тотъ входилъ въ идольскій храмъ, и сказалъ ему:

— Прельстился ты, епархъ, идя къ идоламъ: идолы—не боги, но Единъ есть Истинный Богъ—Іисусъ Христосъ.

Епархъ тотчасъ же повелѣлъ схватить Романа и сильно бить по устамъ. Потомъ, возсѣвъ на судилищѣ, долго принуждалъ его отречься отъ Христа; когда же увидѣлъ его непокорнымъ, повелѣлъ мучить. Его повѣсили, стали бить разными орудіями и терзать желѣзными рогатками. Но святый Романъ, мужественно перенося эти муки, исповѣдывалъ Единаго Бога, Создателя всѣхъ, и укорялъ епарха въ безуміи за то, что онъ не хотѣлъ познать Истины.

Когда святый страдалъ такъ и, претерпѣвая мученія, мужественно проповѣдывалъ Христа, тамъ стояло много народа, — какъ изъ невѣрныхъ, такъ и изъ вѣрующихъ, — смотрѣвшаго на подвигъ страдальца Христова. Недалеко стоялъ тамъ и одинъ христіанскій отрокъ, по имени Варулъ. Взглянувъ на него, мученикъ сказалъ мучителю:

— Сей малый отрокъ разумнѣе тебя, старѣйшаго, хотя онъ еще и малолѣтенъ,—такъ какъ знаетъ Истиннаго Бога, а ты, въ преклонномъ возрастѣ, не знаешь Его.

Тогда епархъ, подозвавъ къ себѣ отрока, спросилъ его:

— Какого Бога чтишь ты?

— Чту Христа,—отвѣтилъ отрокъ.

Епархъ спросилъ его:

— Что лучше—одного ли Бога чтить, или многихъ?

— Лучше чтить Единаго Бога, Іисуса Христа, — отвѣчалъ отрокъ.

Епархъ опять спросилъ его:

— Чѣмъ Христосъ лучше всѣхъ боговъ?

Отрокъ отвѣчалъ:

— Тѣмъ Христосъ лучше, что Онъ—Истинный Богъ и создалъ всѣхъ насъ, ваши же боги—бѣсы и не создали никого.

И многое другое говорилъ отрокъ, какъ будто онъ былъ премудрымъ богословомъ: Духъ Святый, дѣйствуя въ немъ, совершалъ хвалу изъ устъ его для посрамленія нечестиваго епарха и всѣхъ идолопоклонниковъ.

Мучитель и всѣ бывшіе при немъ, изумляясь разуму отрока и мудрымъ словамъ его, почувствовали великій стыдъ оттого, что не могли опровергнуть словъ его. Посему мучитель повелѣлъ безжалостно сѣчь Варула розгами. Послѣ долгаго сѣченія Варулъ началъ изнемогать и попросилъ пить. Но его мать, стоявшая тамъ въ народѣ и съ радостію смотрѣвшая на страданія своего сына, увидавъ его изнемогающимъ и просящимъ пить, съ настойчивою строгостью велѣла ему мужественно переносить страданія до конца. Когда же мучитель приказалъ усѣчь отрока мечомъ, мать взяла его на свои руки и понесла на мѣсто усѣченія. Обнимая и цѣлуя, она утѣшала его и укрѣпляла, чтобы онъ не боялся при видѣ меча надъ своею головой:

— Не бойся, сынъ мой,—говорила она.—Не бойся, милое мое чадо! Не страшись смерти! Не умрешь ты, но живъ будешь во вѣки! Не ужасайся, цвѣте мой! Ты немедленно же будешь перенесенъ въ райскіе сады! Не бойся меча! Какъ только ты будешь усѣченъ, тотчасъ же отойдешь ко Христу и узришь славу Его. Онъ пріиметъ тебя съ любовію, и ты будешь жить съ Нимъ въ радости неизреченной, наслаждаясь блаженствомъ съ Его святыми Ангелами.

Такъ утѣшая свое дитя, благочестивая мать донесла его до мѣста казни. Послѣ усѣченія отрока мать собрала его кровь въ чистый сосудъ и, взявъ тѣло его, обливала его радостными слезами, съ любовію лобызая его и радуясь, что сынъ ея пролилъ за Христа свою кровь, отъ нея воспринятую. Послѣ того она предала тѣло своего сына честному погребенію.

Послѣ усѣченія святаго Варула святый Романъ былъ осужденъ на сожженіе. Связанный и обложенный кругомъ дровами,

святый Романъ, когда слуги еще не подлагали огня и не поджигали дровъ, ожидая послѣдняго слова отъ судьи, съ средины костра громко воскликнулъ, обращаясь къ мучителямъ:

— Гдѣ же огонь? Почему не зажигаете его? Зажгите, чтобы пламень охватилъ меня всего вокругъ.

Когда огонь былъ зажженъ и дрова со всѣхъ сторонъ сильно разгорѣлись, внезапно полилъ сильный дождь и погасилъ огонь. Святый Романъ остался живъ и нисколько не потерпѣлъ вреда отъ огня. Послѣ сего за смѣлыя рѣчи святаго мученика (такъ какъ онъ порицалъ нечестивыхъ язычниковъ, укоряя ихъ безуміе и проклиная ихъ боговъ, а Христа, Единаго Бога, прославлялъ) мучитель повелѣлъ отрѣзать ему языкъ. Но онъ самъ отдалъ мучителямъ языкъ свой на урѣзаніе. Но, и по урѣзаніи богоглаголиваго языка, не смолкъ исповѣдникъ Христовъ, но сверхъестественнымъ образомъ и безъ языка говорилъ ясно, какъ и прежде, прославляя Единаго Бога. Потомъ ввергли его въ темницу, въ которой онъ пробылъ долгое время съ забитыми въ колодку ногами. Когда же сообщено было о немъ императору Максиміану, что и съ отрѣзаннымъ языкомъ онъ хорошо говоритъ, тогда императоръ повелѣлъ удавить его. Войдя въ темницу, воины затянули веревку на шеѣ его и удавили[1]).

Ст҃іи мч҃нцы
РѠМА́НЪ и ВАРУ́ЛЪ

Такъ святый мученикъ Романъ окончилъ подвигъ своего страданія за Христа, въ царствіи Коего онъ нынѣ прославляется, славя Святую Троицу во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

1) † въ 303 году.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ЗАКХЕЯ и АЛФЕЯ

Въ Кесаріи Палестинской, съ приближеніемъ двадцатилѣтія царствованія императоровъ, заключеннымъ въ темницахъ объявлялось обыкновенно прощеніе преступленій. Такъ было и въ царствованіе Діоклетіана. При этомъ правитель области, даровавъ свободу даже величайшимъ преступникамъ, христіанъ подвергъ жесточайшимъ мученіямъ. Въ это время за исповѣданіе Христовой вѣры былъ схваченъ діаконъ Гадаринской церкви Закхей[1]). Спрошенный на судилищѣ о вѣрѣ, онъ смѣло и безбоязненно исповѣдывалъ Христа. За это его подвергли жестокимъ истязаніямъ: сѣкли розгами, затѣмъ терзали когтями и, наконецъ, забивъ ноги его въ колодки, ввергли въ темницу. Святый доблестно переносилъ мученія. Когда мучили святаго Закхея, приведенъ былъ на судилище еще одинъ исповѣдникъ за Имя Христово, именемъ Алфей. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода и былъ родственникомъ Закхея, родился же въ палестинскомъ городѣ Елевѳерополѣ[2]). Когда началось Діоклетіаново гоненіе на христіанъ, Алфей занималъ должность чтеца въ Кесарійской церкви. Гоненіе, воздвигнутое на исповѣдниковъ Христовой вѣры, было очень жестокимъ, и многіе изъ христіанъ не снесли тяжести мученій, отпали отъ вѣры Христовой и уже готовы были принести жертвы идоламъ. Тогда Алфей, ревнуя о Богѣ, вбѣгаетъ въ толпу отпавшихъ и отвлекаетъ ихъ отъ идольскихъ жертвъ. За это онъ было схваченъ и въ оковахъ отведенъ въ темницу. Черезъ нѣсколько дней его подвергли такимъ же мученіямъ, какъ и родственника его Закхея: терзали розгами, раздирали когтями и, наконецъ, заковали въ одну колодку вмѣстѣ съ праведнымъ Закхеемъ. Въ такомъ положеніи они пробыли ночь и день. Когда и послѣ сихъ мученій святые мученики продолжали непрестанно исповѣдывать Христа, ихъ обезглавили[3]). Такъ скончались святые мученики, претерпѣвъ многія страданія за Имя Христово.

---

1) Городъ *Гадара* былъ расположенъ на юго-востокъ Геннисаретскаго озера, на южномъ берегу рѣки Іеромакса.

2) *Елевѳерополь* расположенъ былъ въ южной части Палестины, въ прежней Іудеѣ.

3) Это было въ 303 году.

День девятнадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ПРОРОКА

АВДІЯ

Святый пророкъ Авдій былъ родомъ изъ села Виѳарама, близъ Сихема[1]); онъ служилъ при дворѣ царей Израильскихъ и былъ домоправителемъ у царя Ахава[2]). Отъ юности своей онъ былъ весьма богобоязненъ, и когда весь Израиль отступилъ отъ Бога и сталъ поклоняться скверному Ваалу[3]), онъ тайно слу-

---

[1]) *Сихемъ* — нынѣ *Наблусъ* — одинъ изъ древнихъ городовъ Палестины — лежалъ въ Самаріи на горѣ Ефремовой, въ 18 часахъ пути отъ Іерусалима, въ высокой и богатой, плодородной долинѣ между горами Гаризимъ и Гевалъ. Въ настоящее время городъ потерялъ свое прежнее первостепенное значеніе: богатъ во множествѣ сохранившимися древнѣйшими своими памятниками.

[2]) *Ахавъ*, сынъ Амврія, нечестивѣйшій царь Израильскій, царствовалъ съ 924 по 903 г. до Р. Хр.

[3]) *Ваалъ*, съ еврейскаго: «господинъ», «владыка», почитался финикіянами верховнымъ богомъ, которому поклонялись и измѣнившіе своей вѣрѣ израильтяне. Въ образѣ его язычники обоготворяли солнце и мужескую производительную силу, дѣйствующую чрезъ жену свою Астарту, въ образѣ которой обоготворялась Луна. Поклоненіе имъ отличалось крайнею гнусною развращенностью и безнравственными обрядами.

жилъ Единому Истинному Богу отцовъ своихъ, спасшему Израиля отъ Египта и проведшему его чрезъ Чермное море посуху. Когда беззаконная Іезавель истребляла всѣхъ пророковъ Господнихъ[1]), Авдій взялъ сто пророковъ, скрылъ ихъ по пятидесяти въ двухъ пещерахъ и кормилъ ихъ хлѣбомъ и водою во время голода, бывшаго во дни Пророка Иліи[2]). Однажды Ахавъ призвалъ Авдія и сказалъ ему:

— Пойди по землѣ ко всѣмъ источникамъ воднымъ и ко всѣмъ потокамъ на землѣ, не найдемъ ли гдѣ травы, чтобы намъ прокормить коней и лошаковъ и не лишиться скота.

И раздѣлили они между собою землю, чтобы обойти ее: Ахавъ особо пошелъ одною дорогою, и Авдій особо пошелъ другою дорогою. Когда Авдій шелъ дорогою, навстрѣчу ему показался Илія. Онъ узналъ его, и палъ на лице свое, и сказалъ:

— Ты ли это, господинъ мой Илія?

Тотъ сказалъ ему:

— Я; пойди скажи господину твоему: Илія здѣсь.

Онъ сказалъ:

— Чѣмъ я провинился, что ты предаешь раба твоего въ руки Ахава, чтобы умертвить меня? Живъ Господь Богъ твой! Нѣтъ ни одного народа и царства, куда бы не посылалъ государь мой искать тебя; и когда ему говорили, что тебя нѣтъ, онъ бралъ клятву съ того царства и народа, что не могли отыскать тебя. А ты теперь говоришь: пойди, скажи господину твоему: Илія здѣсь. Когда я пойду отъ тебя, тогда Духъ Господень унесетъ тебя, не знаю куда; и если я пойду увѣдомить Ахава и онъ не найдетъ тебя, то онъ убьетъ меня, а рабъ твой богобоязненъ отъ юности своей. Развѣ не сказано господину моему, что я

---

1) *Іезавель*—дочь царя—жреца Сидонскаго, жена Ахава, отличалась крайнимъ нечестіемъ и безпутными нравами. Слѣпо подчиняясь ея вліянію, Ахавъ превзошелъ нечестіемъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и предался самому постыдному идолопоклонству. Онъ построилъ въ Самаріи храмъ Ваалу, позволилъ Іезавели воздвигнуть на своей землѣ алтари божествамъ Сирскимъ и Сидонскимъ и содержать при себѣ множество ложныхъ пророковъ языческихъ. Наконецъ Іезавель воздвигла гоненіе на пророковъ Бога Истиннаго, и они всѣ погибли бы, если бы Авдій, домоправитель царскій, не скрылъ ихъ отъ ея неистовства (3 Кн. Цар., гл. 18, ст. 4).

2) *Илія Ѳесвитянинъ* — славнѣйшій изъ пророковъ ветхозавѣтныхъ, начальникъ общества сыновъ пророческихъ въ царствѣ Израильскомъ, грозный обличитель пророковъ Ваальныхъ и нечестія Ахава и Іезавели. Память его совершается 20-го іюля.

сдѣлалъ, когда Іезавель убивала пророковъ Господнихъ, какъ я скрывалъ сто человѣкъ пророковъ Господнихъ, по пятидесяти человѣкъ, въ пещерахъ и питалъ ихъ хлѣбомъ и водою? А ты теперь говоришь: пойди скажи господину твоему: Илія здѣсь. Онъ убьетъ меня.

И сказалъ Илія:

— Живъ Господь Саваоѳъ, предъ Которымъ я стою! Сегодня я покажусь ему.

И пошелъ Авдій навстрѣчу Ахаву, и донесъ ему объ Иліѣ. И когда Ахавъ увидѣлъ Илію, Пророкъ Божій обличилъ его въ заблужденіи и затѣмъ сотворилъ великое чудо: свелъ огонь съ Неба на жертвы и воду, какъ пишется о томъ въ 3 Книгѣ Царствъ[1]). Видя это, Авдій радовался всемогущей силѣ Бога своего, и распалялся любовію къ нему, и горѣлъ ревностію о Немъ, и усерднѣе служилъ Ему, исполняя заповѣдь Его. Затѣмъ, когда умеръ Ахавъ и царство Израильское послѣ него принялъ сынъ его Охозія[2]), Авдій несъ воинскую службу. По свидѣтельству св. Дороѳея и блаженнаго Іеронима, онъ былъ одинъ изъ трехъ пятидесятниковъ, посланныхъ Охозіею къ Пророку Иліи, изъ коихъ двухъ сжегъ огонь, упавшій съ Неба по слову Пророка, а третій, который и былъ Авдій, былъ помилованъ: онъ приступилъ съ смиреніемъ къ св. пророку Иліѣ и умолялъ его, и говорилъ ему:

Ст҃ый прр҃окъ
Авдій

— Человѣкъ Божій! Да не будетъ презрѣна душа моя и душа рабовъ твоихъ—сихъ пятидесяти—предъ очами твоими.

---

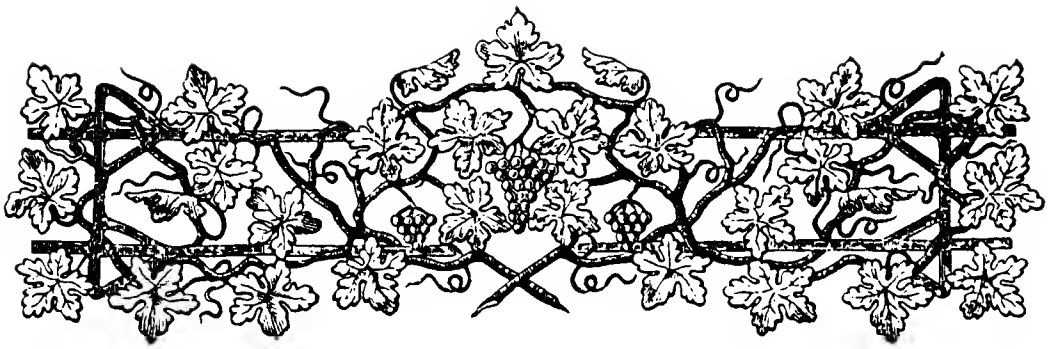
1) 3 Кн. Цар., гл. 18, ст. 4—18.

2) *Охозія*—царь Израильскій, преемникъ Ахава, умеръ на второмъ году своего царствованія, оставивъ престолъ брату своему Іораму.

Потому-то и пощадилъ его Илія и, вставъ, пошелъ съ нимъ къ царю. Съ того времени Авдій оставилъ царскую службу, и пошелъ за св. Пророкомъ Иліею, и получилъ духъ пророчества какъ сохранившій и питавшій пророковъ Господнихъ и самъ послѣдовавшій за Пророкомъ[1]). По смерти онъ былъ погребенъ вмѣстѣ съ своими Предками[2]).

1) 4 Кн. Цар., гл. 1, ст. 13—15.

2) Авдій былъ похороненъ въ Самаріи; жилъ и дѣйствовалъ въ началѣ XI — концѣ X вѣка до Р. Хр.; оставилъ по себѣ пророческую книгу, которая занимаетъ четвертое мѣсто въ ряду книгъ т. н. малыхъ пророковъ и состоитъ изъ одной главы. Его пророчества почти всѣ направлены противъ Эдомитянъ, или Идумеевъ. Въ концѣ книги есть мессіанское пророчество о спасеніи отъ Сіона и объ открытіи Царства Господня, которое ясно указываетъ на Церковь Новозавѣтную.



ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ

ВАРЛААМА и ІОАСАФА,

царевича Индійскаго, и отца его —

ЦАРЯ АВЕНИРА

Есть на Востокѣ страна, весьма обширная, называемая Индіею, заселенная многими народами и всякими богатствами и плодами превосходящая другія страны, границами же своими приближается она къ предѣламъ персидскимъ. Страна эта была просвѣщена нѣкогда святымъ Апостоломъ Ѳомою, но не оставила до конца служенія идоламъ, ибо многіе, закоренѣвъ въ язычествѣ, не приняли спасительнаго ученія и держались бѣсовской прелести. Съ теченіемъ времени нечестіе разрослось, какъ терніе, стало подавлять доброе сѣмя благочестія, такъ что язычниковъ въ Индіи стало гораздо болѣе, чѣмъ вѣрныхъ.

Въ той странѣ вступилъ на престолъ одинъ царь, по имени Авениръ, великій и славный силою и богатствомъ, но весьма бѣдный духомъ, ибо онъ былъ язычникъ и служилъ бѣсамъ, а не Богу, поклоняясь бездушнымъ идоламъ, и жестоко гналъ Церковь Христову, а особенно учителей церковныхъ, пресвитеровъ и иноковъ. Нѣкоторые изъ его придворныхъ, увѣровавъ во Христа и убѣдившись въ суетѣ міра сего, оставили все и сдѣлались иноками; вслѣдствіе этого царь пришелъ въ великую ярость. Схвативъ

многихъ иноковъ, онъ предалъ ихъ смерти и повелѣлъ всюду принуждать христіанъ поклониться идоламъ. Послалъ онъ и по всѣмъ подвластнымъ ему странамъ указъ князьямъ и начальникамъ областей о томъ, чтобы мученіями и всякаго рода убійствами изводили всѣхъ вѣрующихъ во Христа и не желающихъ поклониться идоламъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ вѣрующихъ поколебались,—и нѣкоторые, не имѣя силъ перенести мученія, отпали отъ вѣры; но другіе сами отдавались на мученія и, крѣпко страдая за Господа своего, полагали за Него души свои. Большинство же, скрывая свою вѣру ввиду опасности, тайно служило Господу, соблюдая Его святыя заповѣди, а иные бѣжали въ пустыни, особенно иноки, и тамъ скрывались въ горахъ и дебряхъ.

Въ это время родился у царя сынъ и названъ былъ Іоасафомъ. Младенецъ былъ чрезвычайно красивъ, и эта необыкновенная красота какъ бы предзнаменовала имѣвшую быть въ немъ великую красоту душевную.—Царь, собравъ множество волхвовъ и гадателей по звѣздамъ, разспрашивалъ ихъ о томъ, что ожидаетъ младенца, когда онъ придетъ въ возрастъ. Тѣ, послѣ многихъ наблюденій, сказали, что онъ будетъ выше всѣхъ до него бывшихъ царей. Одинъ же изъ гадателей, самый мудрый, не по теченію звѣздъ, но, какъ нѣкогда Валаамъ[1]),—по Божественному откровенію, сказалъ царю:

— Младенецъ не придетъ въ возрастъ въ твоемъ царствѣ, а въ другомъ—лучшемъ и несравненно большемъ: думаю также, что онъ приметъ гонимую тобою христіанскую вѣру, и надѣюсь, что не окажется ложнымъ это мое пророчество.—Царь, услыхавъ, что сынъ его будетъ христіаниномъ, сильно опечалился и раздумывалъ, что бы сдѣлать, дабы пророчество это не исполнилось. Онъ выстроилъ особое прекрасное зданіе со множествомъ свѣтлыхъ помѣщеній, гдѣ и долженъ былъ воспитываться Іоасафъ. Когда же онъ началъ подрастать и приходить въ смыслъ, царь приставилъ къ нему пѣстуновъ и слугъ, юныхъ возрастомъ и прекрасной наружности, и приказалъ, чтобы они не позволяли никому постороннему приходить къ царевичу, который не долженъ видѣть никого, кромѣ нихъ. Кромѣ того, царь распорядился,

[1]) Кн. Числъ, гл. 22—24. *Валаамъ*—пророкъ изъ города Пеѳора, близъ Харрана, въ Месопотаміи. О немъ была такая молва, что кого онъ благословитъ, тотъ будетъ благословенъ, и кого проклянетъ, тотъ будетъ проклятъ. Валакъ, царь Моавитскій, устрашенный побѣдами Израильтянъ, призвалъ Валаама, чтобы онъ проклялъ ихъ, но, вразумленный Богомъ, Валаамъ вмѣсто проклятія произнесъ слова благословенія.

чтобы они ничего не говорили царевичу о печаляхъ этой жизни: смерти, старости, болѣзни и другихъ подобныхъ скорбяхъ, знаніе которыхъ могло бы препятствовать его веселью, но предлагали бы его вниманію только прекрасное и веселое — для того, чтобы умъ его, всегда занятый наслажденіями и удовольствіями, не могъ размышлять о будущемъ. Онъ повелѣлъ также, чтобы никто не смѣлъ сказать ни одного слова о Христѣ — такъ, чтобы Іоасафъ никогда не слыхалъ даже Имени Христова, ибо всего болѣе желалъ царь скрыть отъ него это Имя, боясь, какъ бы не исполнилось предсказаніе звѣздочета; если же съ кѣмъ-либо изъ служащихъ приключилась бы болѣзнь, его дòлжно было уводить отъ царевича, а вмѣсто него назначался другой, молодой и красивый, чтобы глаза царевича не видали ничего скорбнаго. Когда же царь узналъ, что въ его землѣ еще есть нѣсколько уцѣлѣвшихъ иноковъ, каковыхъ, онъ думалъ, уже нѣтъ и слѣда, то пришелъ въ великую ярость и тотчасъ же послалъ вѣстниковъ по всѣмъ странамъ и городамъ, которые должны были объявить, чтобы по истеченіи трехъ дней во всемъ царствѣ не оставалось ни одного инока; оказавшіеся же налицо послѣ указаннаго срока пусть будутъ преданы смерти чрезъ сожженіе или усѣченіе мечомъ: ибо они, говорилъ царь, научаютъ людей чтить Распятаго какъ Бога.

Итакъ, царскій сынъ, безвыходно находясь въ устроенномъ ему помѣщеніи, достигъ юношескаго возраста, постигъ всю индійскую и египетскую мудрость и былъ весьма разуменъ и понятливъ и украшенъ всякимъ благонравіемъ. Онъ задумывался надъ тѣмъ, ради чего отецъ держитъ его въ безвыходномъ затворѣ, и спросилъ объ этомъ одного изъ своихъ пѣстуновъ. Этотъ, видя, что отрокъ имѣетъ совершенный разумъ и очень добръ, подробно повѣдалъ ему, что предсказали о немъ звѣздочеты, когда онъ родился, и какъ отецъ его воздвигъ гоненіе на христіанъ, особенно иноковъ, изъ коихъ многихъ убилъ, прочихъ же изгналъ изъ своей земли, ибо онъ боялся, говорилъ пѣстунъ, какъ бы ты не сдѣлался христіаниномъ. Услышавъ это, царскій сынъ замолчалъ и про себя обсуждалъ все сказанное пѣстуномъ.

Царь часто посѣщалъ сына, потому что очень любилъ его. Однажды Іоасафъ сказалъ ему:

— Хотѣлось бы мнѣ, отецъ мой, узнать отъ тебя нѣчто о томъ, о чемъ постоянно я скорблю и печалюсь.

Отецъ, объятый сердечною болью, отвѣчалъ:

— Скажи, милое дитя, какая печаль овладѣла тобою, и я сейчасъ постараюсь перемѣнить ее на радость.

Тогда Іоасафъ спросилъ:

— Что за причина моего заключенія здѣсь, почему ты скрываешь меня за стѣнами и воротами, лишилъ выхода отсюда и сдѣлалъ невидимымъ для всѣхъ?

Отецъ отвѣчалъ:

— Не хочу я, дитя мое, чтобы ты видѣлъ что-нибудь изъ того, что могло бы вызвать скорбь въ твоемъ сердцѣ и лишить тебя радостной жизни; я желаю тебѣ прожить весь свой вѣкъ въ безпрерывныхъ утѣхахъ, во всякой радости и веселіи.

— Такъ знай же, отецъ,—отвѣчалъ отрокъ,—что затворъ этотъ доставляетъ мнѣ не радость и веселіе, а такую скорбь и печаль, что и самая пища и питіе кажутся мнѣ не сладкими, а горькими: я желаю видѣть все, что есть за этими воротами; поэтому, если ты не хочешь, чтобы я погибъ отъ скорби, то позволь мнѣ выходить, куда я хочу, и наслаждать душу зрѣніемъ того, чего я не видалъ доселѣ.

Опечалился царь, услышавъ это, и рѣшилъ, что если онъ запретитъ сыну выходъ, то повергнетъ его въ еще бо́льшую скорбь и печаль, и сказалъ онъ сыну:

— Пусть будетъ, дитя мое, по твоему желанію.

И тотчасъ же велѣлъ привести отборныхъ коней и приготовить все, что приличествуетъ царской чести, и уже болѣе не запрещалъ сыну выходить, куда онъ захочетъ. При этомъ онъ приказалъ спутникамъ царевича, чтобы они не допускали до встрѣчи съ нимъ ничего предосудительнаго или печальнаго, но показывали бы ему только одно хорошее и прекрасное, что веселитъ глаза и сердце; по дорогѣ онъ повелѣлъ всюду устраивать хоры поющихъ, а предъ нимъ идти со всякаго рода музыкой и представлять различныя зрѣлища, чтобы всѣмъ этимъ услаждался духъ царевича.

Часто выходя изъ дворца съ такими почестями и утѣхами, царскій сынъ въ одинъ день увидѣлъ, по разсѣянности слугъ, двухъ людей, изъ которыхъ одинъ страдалъ проказою, а другой былъ слѣпъ. Онъ спросилъ сопровождавшихъ его: кто—это и почему они—таковы? Сопровождавшіе, будучи уже не въ состояніи скрыть немощь человѣческую, сказали:

— Это—страданія человѣческія, которыя обыкновенно приключаются людямъ отъ тлѣнной природы и немощнаго устройства плоти нашей.

Отрокъ спросилъ: —Со всѣми ли людьми это происходитъ?

Ему отвѣчали:

— Не со всѣми, но съ тѣми, здоровье которыхъ разстраивается отъ злоупотребленія благами земными.

Тогда отрокъ спросилъ:

— Если это происходитъ не со всѣми людьми обычно, то знаютъ ли тѣ, которыхъ имѣютъ постигнуть эти бѣды, или же онѣ приходятъ внезапно и неожиданно?

Сопровождавшіе отвѣчали:

— Кто изъ людей можетъ знать будущее?

Царевичъ пересталъ спрашивать, но возскорбѣлъ сердцемъ о видѣнномъ, необычайномъ для него явленіи, и измѣнилось выраженіе лица его.—Немного дней спустя, находясь опять на пути, встрѣтилъ онъ дряхлаго старца, съ морщинистымъ лицомъ, разслабленными членами, сгорбленнаго, всего сѣдаго, беззубаго и еле говорящаго. Увидѣвъ его, отрокъ пришелъ въ ужасъ и, велѣвъ привести его къ себѣ, спросилъ приведшихъ: кто это и отчего онъ—такой? Они отвѣчали:

— Ему уже много лѣтъ, и такъ какъ силы его мало-помалу убывали и члены ослабѣвали, то и пришелъ онъ въ ту дряхлость, какую ты видишь.

Юноша сказалъ:

— Что же съ нимъ будетъ далѣе, когда онъ проживетъ еще болѣе лѣтъ?

Они отвѣчали ему:

— Ничего болѣе, какъ только смерть возьметъ его.

Юноша спросилъ:

— Всѣмъ ли людямъ предстоитъ то же, или же это бываетъ только съ нѣкоторыми?

Они отвѣчали:

— Если смерть не постигнетъ кого въ юности, то невозможно человѣку, послѣ многихъ лѣтъ, не придти въ такую же дряхлость.

Отрокъ спросилъ:

— Въ какіе годы постигаетъ это людей, и если смерть предстоитъ всѣмъ безъ исключенія, то нѣтъ ли какого-нибудь средства избѣжать ея и не впасть въ такую бѣду?

Ему сказали:

— Въ восемьдесятъ или въ сто лѣтъ приходятъ люди въ такую дряхлость и потомъ умираютъ, и иначе не можетъ быть, ибо смерть есть естественный долгъ человѣка, и наступленіе ея неизбѣжно.

Увидавъ и услыхавъ все это, разумный юноша, вздохнувъ изъ глубины сердца, сказалъ:

— Если это такъ, то горька эта жизнь и полна всякихъ скорбей; и кто можетъ быть безпечальнымъ, всегда находясь въ ожиданіи смерти, пришествіе которой не только неизбѣжно, но, какъ вы сказали, и неизвѣстно?

И пошелъ онъ въ свой дворецъ, и былъ въ великой печали, безпрестанно размышляя о смерти и говоря самъ себѣ:

«Если всѣ умираютъ, то и я умру, да еще и не знаю, когда... Когда же умру, кто вспомнитъ обо мнѣ? Пройдетъ много времени, и все придетъ въ забвеніе... Нѣтъ ли какой-либо иной жизни послѣ смерти и другаго міра?»

И былъ онъ весьма смущенъ этими мыслями; однако не сказалъ ничего своему отцу, а только много разспрашивалъ вышеназваннаго пѣстуна, не знаетъ ли онъ кого-нибудь, могущаго повѣдать ему обо всемъ и утвердить умъ его, изнемогающій въ размышленіяхъ? Пѣстунъ сказалъ:

— Я говорилъ тебѣ раньше, какъ отецъ твой тѣхъ мудрыхъ пустынниковъ, которые всегда размышляли объ этихъ вещахъ,— однихъ убилъ, другихъ, въ гнѣвѣ, изгналъ, и теперь не знаю никого изъ нихъ въ нашихъ предѣлахъ.

Юноша сильно скорбѣлъ по сему поводу, жестоко болѣлъ душею и проводилъ жизнь въ непрестанной печали: оттого вся сладость и красота міра сего были въ глазахъ его мерзостью и нечистотою. И Богъ, хотящій всѣмъ спастись и въ разумъ истины пріити, по обычному Своему человѣколюбію и милости, наставилъ отрока на правый путь слѣдующимъ образомъ.

Былъ въ то время одинъ премудрый и въ добродѣтеляхъ совершенный инокъ, по имени Варлаамъ, саномъ священникъ, жившій въ пустынѣ сенаридской. Наставляемый Божественнымъ откровеніемъ, онъ узналъ о положеніи царскаго сына, вышелъ изъ пустыни и, перемѣнивъ одежды, принялъ видъ купца и, сѣвъ на корабль, отправился въ Индійское царство. Приплывши къ городу, въ которомъ находился дворецъ царскаго сына, онъ про-

жилъ тамъ много дней и собралъ подробныя свѣдѣнія о царевичѣ и его приближенныхъ. Узнавъ же, что вышеназванный пѣстунъ ближе всѣхъ къ царскому сыну, старецъ отправился къ нему и сказалъ:

— Знай, господинъ мой, что я — купецъ и пришелъ изъ далекой страны; есть у меня драгоцѣнный камень, подобнаго которому не находили никогда и нигдѣ и котораго я до настоящаго времени никому не показывалъ, а теперь говорю тебѣ о немъ потому, что вижу, что ты человѣкъ разумный и смышленый; итакъ, введи меня къ царскому сыну, и я отдамъ ему тотъ камень, цѣны котораго никто исчислить не можетъ, ибо онъ превосходитъ всякія добрыя и многоцѣнныя вещи: онъ подаетъ слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ, нѣмымъ языкъ, больнымъ здоровье, изгоняетъ изъ людей бѣсовъ, во всемъ умудряетъ безумныхъ и даетъ пріобрѣтшему его всѣ желаемыя блага.

Пѣстунъ сказалъ ему:

— По виду ты старикъ, а между тѣмъ говоришь пустыя слова и безмѣрно похваляешься: сколько я ни видалъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга и сколько ни имѣлъ ихъ у себя, но камня, имѣющаго такую силу, какъ ты сказалъ, не видалъ и не слыхалъ. Впрочемъ, покажи мнѣ его, и, если слова твои окажутся справедливыми, я тотчасъ введу тебя къ царскому сыну, и ты удостоишься отъ него почестей и получишь соотвѣтствующее вознагражденіе.

Варлаамъ же сказалъ:

— Справедливо сказалъ ты, что не видалъ и не слыхалъ о такомъ камнѣ нигдѣ, но вѣрь словамъ моимъ, что онъ есть у меня: я не похваляюсь и не лгу на старости лѣтъ, а говорю истину, а что ты попросилъ посмотрѣть его, такъ послушай, что я скажу: мой драгоцѣнный камень съ его дѣйствіями и чудесами имѣетъ еще и то свойство, что не можетъ видѣть его тотъ, кто не имѣетъ здоровыхъ очей и чистаго, совершенно непорочнаго тѣла; если же кто, оскверненный, нечаянно увидитъ тотъ камень, то потеряетъ и зрѣніе, и умъ. Я же, зная врачебное искусство, вижу, что очи твои болятъ, и потому боюсь показать тебѣ мой камень, чтобы не сдѣлаться виновникомъ твоего ослѣпленія; о сынѣ же царскомъ я слышалъ, что онъ ведетъ безпорочную жизнь и имѣетъ очи здоровыя и ясныя, а потому и хочу показать ему свое сокровище; такъ не будь же нерадивъ и не лиши своего господина такой важной покупки.

Пѣстунъ отвѣчалъ ему:

— Если такъ, то не показывай мнѣ камня, ибо я осквернилъ себя многими нечистыми дѣлами и, какъ ты сказалъ, имѣю нездоровый видъ; а словамъ твоимъ я вѣрю и господину моему сказать не полѣнюсь.

И отправившись во дворецъ, пѣстунъ разсказалъ царевичу все по порядку, и онъ, выслушавъ рѣчь пѣстуна, ощутилъ въ сердцѣ своемъ какую-то радость и духовное веселіе и велѣлъ тотчасъ же ввести къ себѣ купца.

Варлаамъ вошелъ къ царевичу, поклонился ему и привѣтствовалъ его мудрою и пріятною рѣчью. Царевичъ велѣлъ ему сѣсть. Когда же пѣстунъ ушелъ, Іоасафъ сказалъ старцу:

— Покажи мнѣ камень, о которомъ ты разсказывалъ моему пѣстуну такія великія и дивныя вещи.

Варлаамъ же обратился къ нему съ такою рѣчью:

— Все, сказанное тебѣ обо мнѣ, царевичъ, истинно и несомнѣнно, ибо неприлично мнѣ говорить предъ твоимъ величествомъ что-либо ложное; но прежде чѣмъ не узнаю я твоихъ мыслей, я не могу открыть тебѣ великую тайну, ибо Владыка мой сказалъ:

«Вышелъ сѣятель сѣять. И когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ, и налетѣли птицы и поклевали то. Иное упало на мѣста каменистыя и, взошедши, засохло, ибо не имѣло влаги. Иное упало въ терніе, и заглушило его терніе. Иное упало на добрую землю и принесло плодъ сторицею[1]).» Итакъ, если я найду въ твоемъ сердцѣ землю плодоносную и добрую, я не полѣнюсь сѣять въ тебѣ божественное сѣмя и открыть тебѣ великое таинство. Если же земля эта будетъ каменистая и полная тернія, или— придорожная, попираемая мимоидущими, то лучше совсѣмъ не бросать въ нее спасительнаго сѣмени и не отдавать его на расхищеніе птицамъ и звѣрямъ, метать предъ коими бисеръ строго запрещено. Но я надѣюсь найти въ тебѣ наилучшую землю: для того, чтобы тебѣ—принять словесное сѣмя, и увидѣть безцѣнный камень, и просвѣтиться зарею свѣта, и принести плодъ сторичный; ибо ради тебя я принялъ много труда и прошелъ далекій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видалъ, и научить тому, чего ты никогда не слыхалъ.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 13, ст. 3—8.

Іоасафъ отвѣчалъ ему:

— Я, старче честный, одержимъ невыразимымъ желаніемъ слышать новыя и добрыя слова, и внутри сердца моего горитъ огонь, разжигающій меня къ познанію нѣкоторыхъ важныхъ и необходимыхъ вещей, и до сего дня не нашелъ я человѣка, могущаго разъяснить мнѣ то, что у меня въ умѣ, и наставить меня на правый путь. Если же я нашелъ бы такого человѣка, то услышанныя отъ него слова я не отдалъ бы на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ, не оказался бы каменнымъ и полнымъ тернія, какъ ты сказалъ, но съ благодарностію принялъ бы и сохранилъ ихъ въ сердцѣ своемъ. И ты, если знаешь что-либо, не скрывай отъ меня, а повѣдай мнѣ, ибо, какъ только услыхалъ я, что ты пришелъ изъ далекой земли, тотчасъ возрадовалась душа моя и я вознадѣялся чрезъ тебя получить желаемое: потому-то и допустилъ я тебя немедленно къ себѣ и съ радостію принялъ, какъ кого-либо изъ знаемыхъ или сверстниковъ моихъ.

Тогда Варлаамъ, отверзши уста свои, полныя благодати Святаго Духа, началъ говорить ему о Единомъ Богѣ, все сотворившемъ, и о всемъ, что совершилось отъ начала міра: о грѣхопаденіи Адама и объ изгнаніи изъ рая, о праотцахъ и пророкахъ; затѣмъ— о воплощеніи Сына Божія, о вольной Его страсти и о воскресеніи; о Св. Троицѣ, о Крещеніи и о всѣхъ тайнахъ святой вѣры: ибо Варлаамъ былъ весьма премудръ и искусенъ въ Св. Писаніи. Изъясняя ученіе притчами и подобіями, украшая рѣчь свою прекрасными разсказами и изреченіями, онъ размягчилъ, какъ воскъ, сердце царевича, который чѣмъ далѣе, тѣмъ внимательнѣе, съ наслажденіемъ слушалъ его. Наконецъ, царевичъ позналъ, что тотъ безцѣнный камень есть Христосъ Господь, ибо свѣтъ возсіялъ въ душѣ его и открылъ очи его ума, такъ что онъ увѣровалъ безъ всякихъ сомнѣній всему, что повѣдалъ ему Варлаамъ. И возставъ съ своего престола, онъ подошелъ къ премудрому старцу и, въ радости обнявъ его, сказалъ:

— О достойнѣйшій между людьми! Это-то и есть, какъ думаю, тотъ безцѣнный камень, который ты имѣешь втайнѣ и не всякому желающему показываешь, но только достойнымъ, у которыхъ здравы душевныя чувства; ибо какъ только слова твои достигли до моего слуха, вошелъ сладостный свѣтъ въ сердце мое и тотчасъ исчезъ тяжкій покровъ печали, долгое время лежавшій на моей душѣ. Итакъ, скажи мнѣ, правильно ли я раз-

суждаю объ этомъ, а если знаешь что-либо еще лучшее, повѣдай мнѣ.

И Варлаамъ, продолжая слово, говорилъ ему о доброй и злой смерти, о всеобщемъ воскресеніи, о жизни вѣчной, о воздаяніи праведнымъ и о мукѣ грѣшниковъ; и привелъ его своими словами въ великое умиленіе и сердечное сокрушеніе, такъ что весь онъ былъ въ слезахъ и долго плакалъ. Кромѣ того, Варлаамъ разсказалъ ему о суетѣ и непостоянствѣ міра сего, и объ отверженіи его, и иноческомъ и пустынномъ житіи.

Какъ драгоцѣнные камни въ сокровищницѣ, слагалъ Іоасафъ всѣ слова Варлаама въ сердцѣ своемъ и такъ насладился его бесѣдою и полюбилъ его, что захотѣлъ быть съ нимъ всегда неразлучно и слушать его ученіе. Разспрашивалъ онъ его о пустынномъ житіи, о пищѣ и объ одеждѣ, говоря:

— Скажи мнѣ, какова пища твоя и живущихъ съ тобою въ пустынѣ, откуда у васъ одежда и какая?

Варлаамъ сказалъ:

— Пищею служатъ намъ древесные плоды и травы, растущія въ пустынѣ. Если же кто изъ вѣрующихъ принесетъ намъ немного хлѣба, то мы принимаемъ приносимое какъ посланное Божественнымъ Промысломъ; одежда же наша—власяная и изъ кожъ овечьихъ и козьихъ, весьма ветхая и вся въ заплатахъ, одинаковая зимою и лѣтомъ, а ту одежду, которою я покрытъ сверху, я взялъ у одного вѣрнаго мірянина, чтобы не узнали, что я инокъ: если бы я пришелъ сюда въ собственной одеждѣ, то не былъ бы допущенъ къ тебѣ.

Іоасафъ попросилъ старца показать ему обычныя иноческія одежды, и тогда Варлаамъ снялъ верхнюю одежду, и страшное зрѣлище представилось Іоасафу: тѣло старца все изсохло и почернѣло отъ дѣйствія солнца, кожа держалась только на костяхъ, отъ чреслъ до колѣнъ онъ опоясанъ былъ раздраннымъ и колючимъ власянымъ рубищемъ и такую же мантію имѣлъ на плечахъ. Іоасафъ удивился такому тяжкому подвигу и, пришедши въ изумленіе отъ великаго терпѣнія старца, вздохнулъ и заплакалъ и умолялъ старца взять его съ собою на такое же пустынное житіе.

Варлаамъ сказалъ:

— Не желай этого сейчасъ, чтобы изъ-за тебя не обрушился на братію гнѣвъ твоего отца, но прими Крещеніе и останься здѣсь, а я отправлюсь одинъ; когда же Господь захочетъ, при-

дешь ко мнѣ и ты, ибо я вѣрю, что и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ мы будемъ съ тобою жить вмѣстѣ.

Іоасафъ, со слезами, сказалъ:

— Если такова воля Господа Бога, то соверши надо мною Св. Крещеніе, и возьми у меня побольше золота, чтобы отнести твоимъ братіямъ, находящимся въ пустынѣ, на пищу и одежду.

— Богатые даютъ убогимъ,—отвѣчалъ Варлаамъ,—а не убогіе богатымъ: какъ же ты хочешь дать намъ, богатымъ, самъ будучи убогимъ? Вѣдь самый послѣдній изъ нашей братіи богаче тебя несравненно. Надѣюсь, что и ты, по милости Божіей, вскорѣ обогатишься этимъ истиннымъ богатствомъ; но когда ты разбогатѣешь именно такимъ образомъ, то сдѣлаешься скупымъ и несообщительнымъ.

Іоасафъ не понялъ сказаннаго ему, и Варлаамъ объяснилъ ему тогда свои слова въ томъ смыслѣ, что, оставляющіе все земное ради Христа, пріобрѣтаютъ блага небесныя, а между тѣмъ малѣйшій небесный даръ дороже всѣхъ богатствъ міра сего. При этомъ онъ присовокупилъ Іоасафу:

— Золото часто бываетъ причиною грѣха, и потому мы не держимъ его у себя, а ты хочешь, чтобы я отнесъ братіямъ моимъ змія, котораго они уже попрали ногами.

Затѣмъ онъ посовѣтовалъ Іоасафу готовиться къ Св. Крещенію, заповѣдалъ ему продолжительный постъ и молитву, а самъ удалился отъ него и въ уединенномъ мѣстѣ молился за него Богу. На другой день онъ снова пришелъ къ нему и долго поучалъ его истинной вѣрѣ. И такъ въ теченіе продолжительнаго времени старецъ приходилъ ежедневно къ царевичу и излагалъ предъ нимъ ученіе Пророковъ и Апостоловъ и святоотеческія преданія. Въ тотъ же день, въ который онъ вознамѣрился крестить Іоасафа, Варлаамъ изрекъ ему слѣдующее поученіе:

— Вотъ, ты хочешь принять печать Христову, знаменоваться свѣтомъ лица Божія и быть сыномъ Божіимъ и храмомъ Святаго и Животворящаго Духа: вѣруй же теперь въ Отца, и Сына, и Святаго Духа, во Святую и Живоначальную Троицу, въ трехъ Ѵпостасяхъ и во Единомъ Божествѣ славимую, раздѣльную Ѵпостасями и ѵпостасными свойствами, но единую существомъ. Итакъ, вѣруй во Единаго Бога—Отца нерожденнаго и Единаго Господа нашего Іисуса Христа, Свѣта отъ Свѣта, Бога Истиннаго отъ Бога Истиннаго, рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ; ибо отъ Всеблагаго

Отца родился Всеблагій Сынъ, отъ нерожденнаго Свѣта возсіялъ Свѣтъ Присносущный, отъ Истинной Жизни произошелъ Животворящій Источникъ, отъ самой Силы Отчей явилась Сила Сыновняя, Который есть Сіяніе славы и Слово Ѵпостасное, искони сущій у Бога и самъ Сущій Богъ, Безначальный и Присносущный, чрезъ Котораго получило бытіе все видимое и невидимое. И вѣруй во Единаго Духа Святаго, отъ Отца исходящаго, Бога совершеннаго и Животворящаго, освящающаго, имѣющаго такую же волю, Всемогущаго, Соприсносущнаго, пребывающаго въ своей Ѵпостаси. Итакъ, поклоняйся Отцу, и Сыну, и Святому Духу въ трехъ Ѵпостасяхъ, съ различными свойствами, но въ Единомъ Божествѣ. Общее всѣмъ имъ есть Божество, и едина есть природа Ихъ, и едино существо, и едина слава, едино царство, едина сила, едина власть; общее же Сыну и Святому Духу—то, что они отъ Отца; собственное же у Отца—нерожденіе, у Сына—рожденіе и у Духа—исхожденіе. Такъ вѣруй сему; но не пытайся постигнуть образъ рожденія или исхожденія, ибо онъ непостижимъ, а правымъ сердцемъ безъ всякаго изслѣдованія принимай, что Отецъ, Сынъ и Святый Духъ по всему суть едино, кромѣ нерожденія, рожденія и исхожденія; и что Единородный Сынъ и Слово Божіе и Богъ, нашего ради спасенія, сошелъ на землю, по благоволенію Отца и содѣйствіемъ Святаго Духа безъ сѣмени зачался во утробѣ Святыя Дѣвы и Богородицы Маріи и нетлѣнно родился отъ Нея, и былъ совершеннымъ человѣкомъ, ибо Онъ есть какъ совершенный Богъ, такъ и совершенный человѣкъ, изъ двухъ естествъ, т. е. Божества и человѣчества,—въ двухъ естествахъ разумныхъ, вольныхъ и дѣйствующихъ и во всемъ имѣющихъ совершенство, по свойству каждаго естества, содержащихъ волю, слово и власть,—по Божеству и человѣчеству въ единомъ составѣ,—и все сіе принимай безъ изслѣдованія умомъ и не пытайся узнать самаго образа, какимъ все это произошло: какъ умалилъ себя Сынъ Божій, и человѣкъ произошелъ отъ дѣвическихъ кровей безъ сѣмени и нерастлѣнно, или какимъ образомъ произошло соединеніе. Все это мы научены содержать вѣрою какъ преданное намъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, но уразумѣть и выразить самую сущность не можемъ. Вѣруй въ Сына Божія, по милосердію Своему ставшаго человѣкомъ и принявшаго всѣ свойства естества человѣческаго, кромѣ грѣха: ибо Онъ чувствовалъ голодъ и жажду, спалъ, утруждался и скорбелъ по человѣчеству

и за беззаконія наши былъ преданъ смерти, распятъ и погребенъ, вкусивъ дѣйствительной смерти, въ то время какъ Божество въ Немъ пребывало безстрастнымъ и неизмѣннымъ. Мы ничего, относящагося къ страданію, отнюдь не примѣняемъ къ Его безсмертному Божественному естеству, но исповѣдуемъ, что Онъ пострадалъ и былъ погребенъ воспринятымъ Имъ Его человѣческимъ естествомъ, а силою Божественною воскресъ изъ мертвыхъ въ нетлѣніи и восшелъ на Небеса, и опять имѣетъ пріити со славою, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ[1]) и воздать каждому по дѣламъ его правою мѣрою[2]): ибо воскреснутъ мертвіи и возстанутъ сущіи во гробѣхъ, причемъ сохранившіе заповѣди Христовы и отшедшіе въ правой вѣрѣ наслѣдуютъ жизнь вѣчную, а осквернившіе себя грѣхами и уклонившіеся отъ истинной вѣры пойдутъ въ муку вѣчную. И не вѣруй, что есть какая-то изначальная сущность или царство зла, и не воображай, что оно—безначально, или самостоятельно, или получило свое начало отъ Бога: думать такъ—безразсудно. На самомъ дѣлѣ зло проникаетъ въ насъ по нашей собственной винѣ и дѣйствію діавола чрезъ нашу невнимательность къ самимъ себѣ. Такъ какъ мы обладаемъ свободою воли, то можемъ по собственному хотѣнію выбирать или доброе, или злое. Исповѣдуй также едино крещеніе отъ воды и Духа во оставленіе грѣховъ. Принимай причастіе Пречистыхъ Христовыхъ Таинъ, вѣруя, что это—воистинну Тѣло и Кровь Христа Бога нашего, которыя далъ Онъ вѣрующимъ во оставленіе грѣховъ, ибо въ ночь, въ которую былъ преданъ, опредѣленно завѣщалъ Онъ святымъ Своимъ ученикамъ и Апостоламъ и всѣмъ Своимъ будущимъ послѣдователямъ, сказавъ: **пріими́те ꙗ҆ди́те, сі́е є҆́сть тѣ́ло моѐ, є҆́же за вы̀ ломи́мое во ѡ҆ставле́ніе грѣхѡ́въ.** Также и взявъ чашу, далъ имъ, говоря: **пі́йте ѿ неѧ̀ вси̇̀, сі́ѧ є҆́сть кро́вь моѧ̀, ꙗ҆́же за вы̀ и҆ за мнѡ́гїѧ и҆зліва́емаѧ во ѡ҆ставле́ніе грѣхѡ́въ: сі́е творі́те въ моѐ воспомина́ніе**[3]). Это—Само Слово Божіе, дѣйствующее и все творящее силою Своею, дѣйствуетъ и претворяетъ чрезъ священныя слова и чрезъ снисшествіе Духа Святаго предложенные хлѣбъ и вино въ Его Тѣло и Кровь и подаетъ во освященіе и просвѣщеніе причащающимся съ вѣрою. Поклоняйся такъ же съ вѣрою и лобызай честно́е изображеніе (лика), вочеловѣ-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 5, ст. 20.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 27. Апок. гл. 22, ст. 12.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 26—28. 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 24—25.

чившагося насъ ради Бога Слова, имѣя въ мысляхъ, что въ этомъ изображеніи ты видишь Самого Творца: ибо «честь, оказываемая изображенію,—говоритъ святый Василій Великій,—переходитъ на первообразъ». А первообразъ — это тотъ, чье лице изображается и кто послужилъ причиною изображенія: такъ, взирая на написанныя на иконѣ, мы умственными очами восходимъ къ тому, кого эта икона изображаетъ, и благоговѣйно поклоняясь образу Принявшаго на Себя плоть нашу; не обоготворяемъ самаго написаннаго образа, но образъ Воплотившагося Бога и Уничижившаго Себя насъ ради до образа рабскаго крѣпко и съ любовію лобызаемъ; равно лобызай и образы Пречистыя Матери Его и всѣхъ святыхъ. Поклоняйся съ вѣрою и изображенію Честнáго и Животворящаго Креста и цѣлуй его ради Распятаго на немъ плотію, на спасеніе роду человѣческому, Христа Бога и Спаса міра, даровавшаго намъ образъ Креста въ знаменіе побѣды надъ діаволомъ, который боится и трепещетъ силы крестной. Вотъ чему долженъ ты вѣрить и съ этой вѣрой ты принимаешь Св. Крещеніе: такъ сохрани же эту вѣру безъ всякаго измѣненія и еретическихъ добавленій до послѣдняго издыханія... Возненавидь же всѣ ученія, противныя этой непорочной вѣрѣ, и считай ихъ враждебными Богу, такъ какъ, по слову Апостола: **а҆́ще мы̀ и҆лѝ а҆́гг҃лъ съ нб҃сѐ бл҃говѣстѝтъ ва́мъ па́че, є҆́же бл҃говѣстѝхомъ ва́мъ, а҆на́ѳема да бꙋ́детъ**[1]).— И дѣйствительно, нѣтъ другаго Евангелія, нѣтъ другой вѣры, кромѣ проповѣданной Апостолами и утвержденной Богоносными Отцами на различныхъ Соборахъ и преданной Соборной Церкви.

Сказавъ это и научивъ царскаго сына Іоасафа сѵмволу вѣры, изложенному на Никейскомъ Соборѣ, Варлаамъ крестилъ его во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа въ водоемѣ, находившемся въ царскомъ саду. Такимъ образомъ сошла на Іоасафа благодать Святаго Духа. Вошедши затѣмъ въ спальню Іоасафа, Варлаамъ совершилъ тамъ Богослуженіе и пріобщилъ его Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ, и оба они пребывали въ духовной радости, возсылая хвалу Богу. Послѣ того Варлаамъ научилъ царевича, какъ ему подобаетъ жить послѣ Крещенія, преподавъ ему ученіе о добродѣтели, и удалился къ себѣ.

Между тѣмъ слуги и пѣстуны Іоасафа, видя частыя посѣщенія царевича старцемъ, пришли въ недоумѣніе; и вотъ, старшій изъ

---

1) Посл. къ Галат., гл. 1, ст. 8.

нихъ, по имени Зарданъ, котораго царь за его вѣрность и преданность приставилъ надзирать за дворомъ царевича, сказалъ однажды Іоасафу:

— Ты хорошо знаешь, государь, какъ почитаю я твоего отца и какъ я ему вѣренъ,—за то и приставилъ онъ меня служить тебѣ. Теперь же, видя, какъ часто входитъ къ тебѣ и бесѣдуетъ съ тобою этотъ странный человѣкъ, я боюсь, не христіанской ли онъ вѣры, противъ которой такъ враждуетъ отецъ твой, и не пришлось бы мнѣ подвергнуться изъ-за него осужденію на смерть. Поэтому, или скажи о немъ царю, или перестань совсѣмъ бесѣдовать съ нимъ, или отошли меня отъ себя, чтобы не быть мнѣ въ отвѣтѣ.

Царевичъ отвѣчалъ:

— Вотъ что мы сдѣлаемъ сначала, Зарданъ: ты сядешь тайно за завѣсою и послушаешь его бесѣды со мною,—тогда я тебѣ и скажу, что нужно сдѣлать.

И когда однажды Варлаамъ явился во дворецъ, Іоасафъ, спрятавши предварительно Зардана за завѣсою, сказалъ старцу:

— Напомни мнѣ вкратцѣ ученіе твое, дабы оно крѣпче укоренилось въ моемъ сердцѣ.

Варлаамъ началъ говорить и многое повѣдалъ ему о Богѣ, благочестіи, будущихъ благахъ и вѣчныхъ мученіяхъ и, наконецъ, послѣ долгой бесѣды, всталъ, сотворилъ молитву и удалился въ свое жилище.

Царевичъ вызвалъ тогда Зардана и спросилъ его, испытывая:

— Слышалъ ли ты, о чемъ бесѣдовалъ со мною этотъ лживый старикъ: онъ покушается прельстить меня своимъ ученіемъ, лишить всѣхъ моихъ утѣхъ и наслажденій и привести къ чужому Богу.

Зарданъ отвѣчалъ:

— Не искушай, государь, меня, раба твоего: я хорошо знаю, какъ глубоко пали тебѣ на сердце слова этого человѣка, и всѣ мы знаемъ, что проповѣдь его—истинна. Но съ тѣхъ поръ, какъ твой отецъ воздвигъ лютое гоненіе на христіанъ, вѣра ихъ обречена на погибель, и если она все-таки пришлась тебѣ по сердцу и ты можешь понести соединенныя съ нею страданія и труды, то да исполнится благое желаніе твое. Но что же дѣлать мнѣ? Я даже и смотрѣть не въ силахъ на такія страданія и на столь скорбное житіе! Отъ страха царскаго гнѣва сердце у меня

замираетъ, я не знаю, что отвѣчать ему на то, какъ попустилъ я тому человѣку входить къ тебѣ.

На это царевичъ сказалъ Зардану:

— Я не нашелъ лучшей награды тебѣ за твою великую преданность и вѣрную службу мнѣ, какъ постараться открыть тебѣ неизреченныя блага: познаніе твоего Создателя и вѣру въ Него. Я надѣялся, что какъ только ты услышишь правое ученіе, тотчасъ возлюбишь его и послѣдуешь ему вмѣстѣ со мною. Но, вижу я, надежда обманула меня, ибо ты огрубѣлъ сердцемъ и не хочешь познать Истину. Исполни, по крайней мѣрѣ, одно желаніе мое: не говори ничего до времени отцу, такъ какъ этимъ ты ничего не достигнешь, а только причинишь ему скорбь и печаль.

На другой день Варлаамъ, пришедши къ царевичу, сказалъ ему о своемъ намѣреніи оставить его. Іоасафъ, не въ силахъ будучи перенести разлуку, скорбѣлъ душою и горько плакалъ. Старецъ долго бесѣдовалъ съ нимъ, утверждая его въ вѣрѣ и добродѣтели и убѣждая не плакать по немъ. Онъ предрекъ также царевичу, что скоро они оба соединятся навсегда. Тогда Іоасафъ, не желая причинять старцу огорченія, а вмѣстѣ и боясь, какъ бы Зарданъ не донесъ о приходѣ старца царю, со слезами сказалъ Варлааму:

— Разъ ты пожелалъ, отецъ мой духовный и добрый учитель, того, чтобы мнѣ остаться здѣсь, въ этомъ суетномъ мірѣ, а тебѣ самому удалиться на мѣсто твоего духовнаго покоя, то я не смѣю болѣе удерживать тебя. Итакъ, иди, хранимый Богомъ, съ миромъ и поминай всегда мое окаянство въ святыхъ твоихъ молитвахъ, дабы и я получилъ со временемъ возможность придти къ тебѣ и уже постоянно видѣть честно́е лицо твое. Но окажи мнѣ любовь твою, оставь мнѣ эту твою худую и ветхую мантію на память о твоемъ иноческомъ житіи и ученіи и для охраненія отъ всякаго дѣйствія сатанинскаго.

Старецъ отдалъ ему свою мантію, которую Іоасафъ цѣнилъ болѣе царской багряницы. Затѣмъ Варлаамъ всталъ на молитву и умиленно молился за Іоасафа, вручая новопросвѣщеннаго юношу Божію Промыслу и защитѣ. Окончивъ молитву, онъ обратился къ царевичу, поцѣловалъ его и сказалъ:

— Чадо Небеснаго Отца! Миръ тебѣ и спасеніе вѣчное.

Затѣмъ онъ вышелъ изъ дворца, радуясь и благодаря Бога, благонаправившаго путь его.

По удаленіи Варлаама блаженный Іоасафъ предался постоянной молитвѣ и подвижнической жизни. Видя это, Зарданъ чрезвычайно огорчился и, притворившись больнымъ, удалился въ свой домъ. Царь, узнавъ о болѣзни Зардана, послалъ къ нему своего, весьма искуснаго, врача лѣчить его. Врачъ внимательно изслѣдовалъ болѣзнь Зардана и извѣстилъ царя, что онъ не могъ найти въ Зарданѣ никакой иной причины болѣзни, кромѣ какой-то печали, пораженный которой онъ и болѣетъ. Тогда царь подумалъ, что сынъ его за что-нибудь разгнѣвался на Зардана, вслѣдствіе чего послѣдній и захворалъ отъ печали, и пожелалъ самъ навѣстить больного и узнать отъ него точнѣе о причинѣ болѣзни. Но Зарданъ самъ поспѣшилъ явиться къ царю, палъ предъ нимъ на землю и призналъ себя достойнымъ всякаго наказанія за то, что небрежно охранялъ царевича, и разсказалъ царю обо всемъ, что случилось съ Іоасафомъ.

Прп҃бнїи
ВАРЛАА́МЪ и ІѠАСА́ФЪ

— Одинъ лукавый человѣкъ,—говорилъ онъ,—волхвъ и обманщикъ, именемъ Варлаамъ, пришелъ изъ пустыни и бесѣдовалъ съ сыномъ твоимъ о вѣрѣ христіанской, и теперь царевичъ—уже христіанинъ.

Услышавъ это, царь содрогнулся отъ скорби, а затѣмъ пришелъ въ несказанную ярость. Онъ тотчасъ призвалъ самаго главнаго изъ своихъ вельможъ, по имени Арахію, мудраго совѣтника и искуснаго звѣздочета, и разсказалъ ему все по порядку, какъ было.

Арахія, утѣшая его, отвѣтилъ:

— Не печалься, царь, ибо мы весьма легко отклонимъ твоего сына отъ христіанской вѣры, если овладѣемъ Варлаамомъ; если же не разыщемъ его, то я знаю другого старца,—уже нашей вѣры,—по имени Нахора, живущаго въ пустынѣ и занимающагося звѣздочетствомъ, у котораго я и самъ учился и который всѣмъ обликомъ очень похожъ на Варлаама,—я вѣдь и Варлаама хорошо знаю въ лицо, такъ какъ ранѣе видалъ его. Итакъ, вызвавъ этого Нахора изъ пустыни, прикажемъ ему притвориться Варлаамомъ и будемъ вести съ нимъ преніе о вѣрѣ; онъ сдѣлаетъ видъ, что онъ побѣжденъ и объявитъ христіанскую вѣру ложною, а твой сынъ, видя это, отвратится отъ христіанства и возвратится къ отеческимъ богамъ.

Царь, нашедши такой совѣтъ хорошимъ, утѣшился нѣсколько въ своей скорби, предался тщетнымъ надеждамъ и поспѣшно отправилъ самого же Арахію со множествомъ воиновъ искать Варлаама. Арахія, прошедши длинный путь, достигъ наконецъ до пустыни Сенаридской. Здѣсь онъ долго ходилъ безъ всякихъ дорогъ и чрезъ едва проходимыя дебри, нашелъ въ одномъ мѣстѣ подъ горою небольшое количество пустынниковъ и схватилъ ихъ. Одинъ изъ нихъ былъ у нихъ за старшаго и носилъ съ собою волосяной мѣшокъ, наполненный костями ранѣе отшедшихъ нѣкоторыхъ святыхъ отцовъ,—для постояннаго напоминанія о смерти. Арахія спросилъ пустынниковъ:

— Гдѣ находится тотъ обманщикъ, который прельстилъ царскаго сына?

— Его нѣтъ у насъ,—отвѣчалъ за всѣхъ носившій волосяной мѣшокъ,—и не будетъ, такъ какъ онъ бѣгаетъ отъ насъ, гонимый силою Христовою, а пребываетъ онъ среди васъ.

— Знаешь ли ты его?—спросилъ Арахія.

— Знаю,—отвѣчалъ пустынникъ,—обманщика—діавола; онъ-то и живетъ среди васъ, и вы угождаете ему.

— Но я спрашиваю тебя о Варлаамѣ.

— Если ты спрашиваешь о Варлаамѣ,—отвѣчалъ пустынникъ,—то тебѣ нужно было бы сказать: «гдѣ тотъ, кто отвратилъ царскаго сына отъ обольщенія?» Онъ—нашъ братъ и дѣлитъ съ нами подвигъ иноческаго постничества, но вотъ уже много дней мы не видѣли его.

— Гдѣ же онъ находится?

— Мы знаемъ его келлію въ пустынѣ, но я не открою вамъ ея мѣста.

Арахія, разъярившись, угрожалъ имъ смертію, но они радовались, слыша о смерти. Онъ нанесъ имъ множество ранъ и подвергъ ихъ лютымъ мукамъ, требуя, чтобы они указали мѣстопребываніе Варлаама, но они молчали. Послѣ того Арахія опять тщательно разыскивалъ повсюду Варлаама, и не нашедши его нигдѣ, возвратился къ царю ни съ чѣмъ, ведя за собою только упомянутыхъ пустынниковъ въ числѣ семидесяти. Царь всячески принуждалъ ихъ сказать, гдѣ—Варлаамъ, и отречься отъ Христа; но они не только не послушались его, а и укоряли его за безбожіе, за что царь приказалъ отрѣзать имъ языки, выколоть глаза и отсѣчь руки и ноги. Такъ скончались доблестные страдальцы.

Послѣ ихъ смерти Арахія, по царскому приказу, ночью пошелъ къ волхву Нахору, который жилъ въ пустынѣ вмѣстѣ съ бѣсами и занимался колдовствомъ, и, подробно разсказавъ ему все, упросилъ его притвориться Варлаамомъ. Потомъ онъ возвратился къ царю, а на другой день снарядилъ отрядъ воиновъ и опять распустилъ слухъ, что идетъ искать Варлаама, и отправился снова въ пустыню. Здѣсь Нахоръ показался отряду при выходѣ изъ одной дебри; воины, замѣтивъ его, погнались за нимъ и, догнавши, схватили и привели къ Арахіи, который, какъ будто не зная Нахора, спросилъ его, кто онъ такой? Нахоръ отвѣтилъ, что онъ—Варлаамъ. Всѣ очень обрадовались и повели его связаннымъ къ царю. Между тѣмъ повсюду разнеслась вѣсть о томъ, что Варлаамъ схваченъ, и Іоасафъ сильно скорбѣлъ объ этомъ и горько плакалъ. Но Богъ, всеобщій Утѣшитель, въ одномъ откровеніи объявилъ Іоасафу, что схваченъ не Варлаамъ, а вмѣсто него волхвъ Нахоръ.

Царь сначала отправился во дворецъ сына и—то добрыми и кроткими, то яростными и суровыми словами — убѣждалъ его оставить христіанскую вѣру и возвратиться къ богамъ отцовъ, но ничѣмъ не могъ отвратить его отъ любви ко Христу: Іоасафъ на всѣ рѣчи отца отвѣчалъ съ великою мудростію, доказывая ничтожество языческихъ боговъ, прославляя Единаго Истиннаго Бога, Создателя всего, и заявляя о своей готовности идти за сего Бога на раны и смерть. Но такъ какъ естественная любовь отца къ сыну не позволяла царю мучить его и, кромѣ того, собственная

совѣсть обличала его, когда онъ слышалъ истину, возвѣщаемую царевичемъ, то онъ сказалъ:

— Тебѣ слѣдовало бы, дитя мое, во всемъ повиноваться отцовской волѣ, но ты грубъ и непокоренъ и упорно противишься мнѣ, воображая, что ты мудрѣе всѣхъ: поэтому оставимъ напрасное препирательство и дадимъ мѣсто самой правдѣ. Вотъ, я соберу многолюднѣйшее собраніе и созову всѣхъ мудрецовъ со всего нашего царства, а равно приглашу и христіанъ, при чемъ своимъ глашатаямъ прикажу повсюду громко объявлять, чтобы никто изъ христіанъ ничего не боялся, но чтобы они безъ страха шли на собраніе, въ которомъ общимъ судомъ мы разсмотримъ, какая вѣра—лучше. Въ моихъ рукахъ находится и прельстившій тебя Варлаамъ, закованный въ желѣзо,—я не успокоился, пока не схватилъ его: я выведу его на собраніе, и пусть онъ вмѣстѣ съ своими христіанами станетъ противъ нашихъ мудрецовъ и состязается съ ними о вѣрѣ. И если вы, христіане, съ своимъ Варлаамомъ преодолѣете нашихъ, то получите все, чего ни пожелаете; если же будете побѣждены, то должны будете во всемъ повиноваться моему повелѣнію.

— Буди воля Господня,—отвѣчалъ блаженный Іоасафъ,—и пусть будетъ все, какъ ты желаешь; а Богъ Истинный да поможетъ намъ не уклониться съ праваго пути!

Тогда царь при помощи всюду разосланныхъ грамотъ и чрезъ глашатаевъ, громко возвѣщавшихъ царскую волю по всѣмъ городамъ и селеніямъ, повелѣлъ всѣмъ служителямъ идоловъ и христіанамъ собраться въ одно мѣсто,—послѣднимъ (христіанамъ) ничего не боясь,—для рѣшенія вопроса объ истинной вѣрѣ посредствомъ состязанія христіанъ съ Варлаамомъ во главѣ—съ языческими жрецами и волхвами. При этомъ царь созвалъ всѣхъ бывшихъ въ его странѣ мудрѣйшихъ жрецовъ, чародѣевъ и волхвовъ персидскихъ, халдейскихъ, которые должны были преодолѣть христіанъ. И вотъ, къ царю сошлось великое множество идолопоклонниковъ, мудрыхъ въ злобѣ и хитрыхъ во лжи учителей, которые, **глаго́лющеся бы́ти мꙋ́дри, ѡ҆бю́родѣ́ша**[1]); христіане же, изъ которыхъ одни были избиты невѣрными, другіе скрывались, разбѣжавшись по горамъ и пещерамъ, собрались въ весьма небольшомъ числѣ, и среди нихъ нашелся только одинъ, именемъ Варахія,

[1]) Посл. къ Римл., гл. 1, ст. 22.

свѣдущій въ Божественномъ Писаніи: онъ-то одинъ только и выступилъ въ помощь мнимому Варлааму, не зная, что на самомъ дѣлѣ это не Варлаамъ, а волхвъ Нахоръ.

Царь сѣлъ на высокомъ престолѣ, повелѣвъ и сыну сѣсть съ собою, но царевичъ, изъ почтенія къ отцу, сѣлъ не рядомъ съ нимъ, а около престола на полу. Предъ лицомъ царя предстали всѣ языческіе мудрецы, приведенъ былъ и Нахоръ — мнимый Варлаамъ.

— Вотъ,—сказалъ царь,—обращаясь къ своимъ мудрецамъ, вамъ предстоитъ немалый подвигъ, и одно изъ двухъ ожидаетъ васъ: или вы, побѣдивъ въ преніи Варлаама и его единомышленниковъ—христіанъ, удостоитесь всякихъ почестей, или же, будучи побѣждены, понесете позоръ, безчестіе и жестокую казнь, ибо я всѣхъ васъ безъ сожалѣнія погублю и тѣла ваши отдамъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, а дѣтей вашихъ обращу въ вѣчное рабство, если вы не преодолѣете христіанъ.

Когда царь произнесъ эти слова, Іоасафъ воскликнулъ:

— Праведнымъ судомъ разсудилъ ты нынѣ, царь! И я скажу нѣчто подобное своему учителю.

И, обратившись къ Нахору, онъ сказалъ:

— Варлаамъ! Въ какой славѣ и среди какихъ утѣхъ ты впервые узналъ меня! Но своими долгими бесѣдами ты заставилъ меня отступить отъ боговъ и законовъ моихъ предковъ, служить невѣдомому Богу и раздражить моего отца и владыку. Поэтому, теперь представь себѣ, что ты стоишь какъ бы на вѣсахъ: если ты выйдешь побѣдителемъ изъ предстоящаго состязанія и докажешь, что ученіе твое—истинно, то ты прославишься какъ проповѣдникъ Истины, и я останусь вѣрнымъ твоему ученію, служа Христу до послѣдняго издыханія; если же ты будешь побѣжденъ и чрезъ то сдѣлаешься виновникомъ моего посрамленія, то я самъ отмщу за свою обиду: я стану ногами тебѣ на грудь и, вырвавъ собственными руками твое сердце и языкъ, брошу ихъ вмѣстѣ съ остальнымъ твоимъ тѣломъ на съѣденіе псамъ, чтобы и всѣ другіе на твоемъ примѣрѣ научились не смѣть обольщать царскихъ дѣтей.

Нахоръ пришелъ отъ этихъ словъ въ великій ужасъ, видя, что онъ пойманъ въ свою же сѣть и упалъ въ яму, которую самъ же выкопалъ. Страшась неизбѣжной смерти, ожидающей его, если онъ раздражитъ царевича, имѣющаго полную возможность мучить его, какъ только захочетъ, Нахоръ рѣшился держать сторону Іоа-

сафа и защищать христіанскую вѣру. И когда началось преніе между жрецами и христіанами, Нахоръ заговорилъ подобно тому, какъ въ древности извѣстный Валаамъ, который посланъ былъ царемъ Валакомъ проклясть Израиля, а вмѣсто проклятія благословилъ его многими благословеніями[1]): точно такъ же и Нахоръ, начавъ состязаніе, продолжалъ его отъ утра до вечера, говоря какъ бы по внушенію отъ Духа Святаго: такъ иногда благодать Божія можетъ дѣйствовать и въ нечистыхъ сосудахъ ради своей святой славы. И такъ мудро изобличилъ Нахоръ суетность и ложность языческихъ боговъ и такъ непреложно доказалъ, что одно только христіанство есть истинная вѣра, что никто не могъ возразить еще ни единаго слова. Объ этомъ преніи Нахора съ жрецами идольскими пространно и прекрасно написалъ святый Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ повѣствованіи о святыхъ Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Итакъ, всѣ языческіе мудрецы, и жрецы, и философы уныло стояли предъ Нахоромъ и молчали, какъ нѣмые, покрытые стыдомъ, не имѣя ничего возразить ему. Царевичъ же радовался въ душѣ и прославилъ Господа, Который, какъ нѣкогда Савла, такъ теперь Нахора—изъ гонителя сдѣлалъ учителемъ и проповѣдникомъ истины. Царь и Арахія, изумленные неожиданною измѣною Нахора, страшно гнѣвались на него. Царь и хотѣлъ бы мучить Нахора вмѣстѣ съ христіанами, но не могъ нарушить своего царскаго слова, которымъ онъ приглашалъ христіанъ свободно и безбоязненно явиться на состязаніе о вѣрѣ, обѣщая, какъ царь, не причинять имъ никакого зла. Поэтому онъ приказалъ собранію разойтись, сказавъ, что наутро будто бы опять будетъ преніе.

Тогда царевичъ сказалъ отцу:

— Царь! Въ началѣ дѣла судъ, согласно твоему повелѣнію, былъ поставленъ правильно, такъ твори же правду до конца и рѣши что-нибудь одно: или прикажи моему учителю провести эту ночь у меня, чтобы намъ вмѣстѣ съ нимъ размыслить о томъ, что нужно будетъ говорить намъ завтра, а ты точно такъ же поступишь вмѣстѣ съ своими единомышленниками, или же оставь мнѣ ихъ, а самъ возьми къ себѣ моего учителя, ибо если обѣ противныя стороны пробудутъ время до пренія у тебя, то мой учитель неизбѣжно будетъ находиться въ угнетеніи и страхѣ, а твои мудрецы—въ радости и покоѣ, а въ такомъ случаѣ дѣло не можетъ, по моему

[1]) Кн. Числъ, гл. 22.

мнѣнію, идти правильно и выйдетъ только насиліе сильнаго надъ слабымъ и нарушеніе даннаго тобою христіанамъ обѣщанія.

Царь, побѣжденный мудрыми словами сына, оставилъ ему Нахора, уведши съ собою остальныхъ своихъ жрецовъ и все еще надѣясь, что Нахоръ исполнитъ свое обѣщаніе (возвратитъ Іоасафа въ язычество); царевичъ же, захвативъ съ собою Нахора, отправился въ свой дворецъ, радуясь ѡ҆ бг҃ѣ сп҃сѣ своемъ.

— Не думаешь ли ты,—сказалъ онъ Нахору, пришедши къ себѣ,—что я не знаю, что ты не Варлаамъ, а Нахоръ? Впрочемъ, ты хорошо поступилъ, доказывая истинность христіанской вѣры и обличая ничтожество идоловъ: итакъ, увѣруй въ того Бога, за Имя Коего ты такъ доблестно возсталъ.

Потрясенный словами Іоасафа, Нахоръ раскаялся во всѣхъ своихъ прежнихъ порокахъ и, искренно желая обратиться къ Истинному Богу, умолялъ Іоасафа позволить ему тайно убѣжать въ пустыню, присоединиться къ скрывающимся тамъ пустынникамъ и принять Святое Крещеніе. Іоасафъ, наставивъ его въ вѣрѣ, отпустилъ съ миромъ. Онъ бѣжалъ въ пустыню, нашелъ тамъ одного святой жизни іерея и, принявъ отъ него Крещеніе, сталъ проводить жизнь свою въ покаяніи.

Наутро царь, узнавъ о случившемся съ Нахоромъ, отчаялся въ надеждахъ, какія на него возлагалъ. Видя, что его мудрецы окончательно побѣждены и находятся въ безвыходномъ положеніи, онъ разгнѣвался на нихъ, предалъ ихъ позорному поруганію, а нѣкоторыхъ и сильному тѣлесному наказанію, велѣлъ вымазать имъ лица сажею и прогналъ ихъ отъ себя. И съ тѣхъ поръ онъ уже не почиталъ болѣе жрецовъ и не приносилъ жертвъ идоламъ, а хулилъ ихъ. Но, не поклоняясь идоламъ и въ то же время не принимая христіанской вѣры, онъ находился въ крайнемъ замѣшательствѣ и разстройствѣ мыслей. А къ Іоасафу между тѣмъ приходили многіе изъ язычниковъ и, услажденные спасительной бесѣдой съ нимъ, обращались ко Христу. Поэтому жрецы, видя свое безчестіе и поруганіе и уклоненіе царя отъ ихъ боговъ, поспѣшно отправили пословъ къ одному знаменитому волхву, по имени Ѳевдѣ, жившему въ пустынѣ въ сообществѣ съ бѣсами, и, извѣстивъ его о всемъ случившемся, усиленно молили его о помощи. Ѳевда, сопровождаемый великою бѣсовскою ратью, смѣло отправился къ царю, лично знавшему и любившему его, и вновь своими льстивыми рѣчами склонилъ его къ язычеству и устроилъ съ

ними большое празднество въ честь идоловъ. Стараясь опять обратить къ идолопоклонству и блаженнаго Іоасафа, волхвъ далъ царю лукавый совѣтъ, чтобы онъ удалилъ отъ Іоасафа всѣхъ слугъ, а вмѣсто нихъ для служенія приставилъ бы къ нему благообразныхъ женъ и прекрасныхъ дѣвицъ.

— А я,—говорилъ онъ далѣе,—пошлю одного изъ бѣсовъ возжечь въ немъ сладострастный огонь, и, лишь только царевичъ впадетъ въ грѣхъ блуда, тотчасъ же, царь, все будетъ по-твоему.

Царь послушался лукаваго совѣта, собралъ множество красивыхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ и, украсивъ ихъ дорогими одеждами и золотыми уборами, повелъ ихъ къ сыну во дворецъ, а всѣхъ его слугъ вывелъ вонъ, такъ что во дворцѣ не осталось никого изъ мужчинъ, и всякую службу при царевичѣ исполняли женщины и дѣвушки. Нашли, невидимо, туда и лукавые духи, посланные волхвомъ Ѳевдою, и стали разжигать у юноши плотскую страсть и внушать ему непотребныя мысли. Блаженный Іоасафъ претерпѣвалъ великое искушеніе и борьбу съ самимъ собою—особенно, когда одна, самая прекрасная изъ всѣхъ дѣвушка, научаемая не только царемъ, но и бѣсами, простерла на него сѣти своей красоты. Она была дочерью одного царя, попала въ плѣнъ и, уведенная изъ отечества, досталась, какъ самая дорогая добыча, царю Авениру. Полагаясь на ея необыкновенную красоту, отецъ послалъ ее на соблазнъ сыну; вошедши въ нее, бѣсъ-обольститель научилъ ее мудрымъ рѣчамъ и хитрой бесѣдѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и святому юношѣ вложилъ въ сердце сначала любовь безъ всякой похоти, стараясь постепенно уловить его въ свои сѣти. И дѣйствительно, Іоасафъ полюбилъ ее за ея мудрость и благонравіе и, кромѣ того, жалѣлъ ее за то, что, будучи царской дочерью, она сдѣлалась плѣнницею и лишилась своего отечества и высокаго положенія; онъ раздумывалъ, наконецъ, и о томъ, какъ бы отклонить ее отъ идолопоклонства и сдѣлать христіанкою.

Съ такими помыслами, не ощущая въ себѣ никакой страстной похоти, онъ началъ съ нею бесѣдовать такъ:

— Познай, дѣвица, Бога, живущаго во вѣки, чтобы не погибнуть тебѣ въ заблужденіи. Познай Создателя, и ты будешь блаженна, уневѣстившись Безсмертному Жениху.

Много еще подобнаго говорилъ онъ ей, и вотъ, нечистый духъ научилъ ее начать дѣло соблазна и увлечь невинную душу къ погибели. И сказала дѣвица:

— Если ты, господинъ мой, заботишься о моемъ спасеніи и хочешь избавить мою душу отъ языческихъ заблужденій, то исполни и ты одну мою просьбу, и я тотчасъ же отрекусь отъ своихъ отечественныхъ боговъ, обращусь къ твоему Богу и буду служить ему до послѣдняго издыханія и, слѣдовательно, ты получишь награду за мое обращеніе.

— Въ чемъ же состоитъ твоя просьба? — спросилъ дѣвушку святый юноша.

Она, обольщая его взоромъ и выраженіемъ голоса, отвѣтила:

— Вступи со мною въ супружество, и я исполню всякое твое приказаніе.

— Напрасно осмѣлилась ты,—сказалъ онъ,—обратиться ко мнѣ съ такою просьбою, такъ какъ, хотя я и желаю твоего спасенія, но осквернить себя не соглашусь.

Стараясь облегчить ему путь ко грѣху, она въ свою очередь сказала:

— Ты самъ, господинъ мой, будучи столь мудрымъ, напрасно говоришь такъ,—называешь супружество оскверненіемъ: я тоже знаю христіанскія писанія, много читала ихъ въ своемъ отечествѣ и много разъ бесѣдовала съ христіанами. Развѣ въ книгахъ вашихъ не написано: **честна̀ жени́тва во всѣ́хъ и҆ ло́же нескве́рно**, и еще: **лꙋ́чше є҆́сть жени́тисѧ, не́жели разжиза́тисѧ**[1]).—Развѣ не знали брака древніе патріархи, пророки и праведники, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ваши Писанія? Развѣ Писаніе не возвѣщаетъ, что Петръ, котораго вы называете верховнымъ Апостоломъ, имѣлъ жену? Такъ кто же научилъ тебя называть бракъ оскверненіемъ, господинъ мой? Въ дѣйствительности ты самъ отступилъ отъ правды вашего ученія.

— Хотя въ Писаніи и есть все то, что ты сказала,—отвѣчалъ святый,—и дѣйствительно, каждому предоставляется, если онъ желаетъ, вступить свободно въ бракъ, но только—кромѣ тѣхъ, кто обѣщался Христу хранить свое дѣвство; а я, какъ только принялъ Святое Крещеніе, далъ обѣтъ представить себя Христу чистымъ въ непорочномъ дѣвствѣ: такъ какъ же я дерзну преступить клятву, данную Богу?

Обольстительница сказала ему:

— Если ты не берешь меня въ супружество, то исполни другое мое легко исполнимое и ничего не стоющее желаніе. Если

[1]) Посл. къ Ефес., гл. 13, ст. 4; 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 9.

хочешь спасти мою душу, будь со мною въ эту ночь. Сдѣлаешь такъ,—я обѣщаю тебѣ, что завтра же приму христіанскую вѣру, и тогда тебѣ не только будетъ прощеніе грѣховъ за такую твою заботливость о моемъ обращеніи, но ты получишь и великую награду; ибо **ра́дость быва́етъ на нбсѝ ѡ҆ є҆ди́номъ грѣ́шницѣ ка́ющемсѧ**[1]), говоритъ твое Писаніе, а если бываетъ радость на Небесахъ объ обращеніи грѣшника, то не будетъ ли велико и воздаяніе тому, кто обратитъ грѣшника и сдѣлается причиною такой радости грѣшника? Безъ всякаго сомнѣнія—такъ, ибо и ваши Апостолы многое совершали по своему усмотрѣнію, преступая меньшую Божественную заповѣдь ради заповѣди бо́льшей. Не обрѣзалъ ли Апостолъ Павелъ Тимоѳея[2]), хотя обрѣзаніе христіанамъ и не обязательно. И однако онъ не побоялся такъ поступить ради большей пользы для дѣла проповѣди. И многое подобное сему найдешь ты въ своихъ книгахъ. Итакъ, если ты дѣйствительно желаешь спасти мою душу, то исполни это мое ничтожное желаніе.

Когда она говорила это, душа святаго, овладѣваемая противоположными мыслями, стала колебаться между добромъ и зломъ, твердость рѣшенія сохранить дѣвство начала ослабѣвать, а воля и разумъ какъ бы размягчались. Видя это, сѣятель грѣха—діаволъ преисполнился радости и возвѣстилъ другимъ бѣсамъ:

— Смотрите, какъ дѣвушка эта хочетъ сдѣлать то, что оказалось не подъ силу даже намъ? Поэтому именно теперь нападемъ на юношу съ особою силою, потому что у насъ не будетъ другого болѣе удобнаго времени исполнить желаніе и приказаніе пославшаго насъ.

Воскликнувъ это, нечистый вмѣстѣ съ своими слугами дерзостно устремился на воина Христова и привелъ въ разстройство всѣ его душевныя силы, зажегши въ немъ нечистую любовь къ дѣвицѣ и сильную похоть. Тогда святый, ударяя себя въ грудь и вздыхая отъ глубины сердца къ Богу, поспѣшно прибѣгъ къ молитвѣ и, проливая обильныя слезы, взывалъ къ Могущему спасти его отъ треволненій и бури, и говорилъ:

— **На тѧ̀ гдⷭ҇и ᲂу҆пова́хъ, да не постыжꙋ́сѧ во вѣ́къ**[3])... **Нижѐ да посмѣ́ютъ ми сѧ вразѝ мои**[4]), уповающему на Твою державу, но

1) Еванг. отъ Луки, гл. 15, ст. 7.
2) Кн. Дѣян. Ап., гл. 16, ст. 3.
3) Псаломъ 30, ст. 2.
4) Псаломъ 24, ст. 1.

будь моею защитою въ этотъ часъ и направь пути мои по волѣ Твоей къ прославленію святаго и страшнаго Имени Твоего на мнѣ, рабѣ Твоемъ.

Долго молился святый, обливаясь слезами и творя многочисленныя колѣнопреклоненія, и, наконецъ, палъ на землю и уснулъ. Во снѣ онъ вскорѣ увидѣлъ, что взятъ какими-то неизвѣстными мужами, проходитъ чудными мѣстами и приводится на какое-то великое поле, покрытое прекрасными и чрезвычайно благоуханными цвѣтами. Здѣсь онъ видѣлъ множество разнообразныхъ и прекрасныхъ деревьевъ, имѣвшихъ неизвѣстные и необыкновенные плоды, пріятные на видъ и возбуждавшіе желаніе вкусить ихъ; листья этихъ деревьевъ весело шумѣли отъ легкаго вѣтерка и тихо колыхались, испуская непрерывно благоуханіе. Подъ деревьями стояли престолы изъ чистаго золота, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, испускавшіе сильный блестящій свѣтъ; стояли тамъ также ложа, покрытыя разнообразными покровами несказанной красоты и блеска. Посрединѣ протекали воды—чистыя и прекрасныя, веселившія взоръ. Упомянутые необыкновенные мужи провели Іоасафа чрезъ все описанное поле и ввели его въ городъ, блиставшій неизреченнымъ свѣтомъ, имѣвшій стѣны изъ чистаго золота и драгоцѣнныхъ камней, никогда еще никѣмъ не виданныхъ, а столбы стѣнъ и ворота—изъ цѣльнаго жемчуга... Но кто выразитъ всю красоту и блескъ этого города?! Свѣтъ, сіявшій свыше обильными лучами, наполнялъ всѣ улицы города, и какіе-то крылатые и свѣтлые видомъ воины ходили по городу и пѣли сладкозвучныя пѣсни, какихъ никогда еще не слыхало ухо человѣка. И услышалъ Іоасафъ голосъ:

— Вотъ—покой праведныхъ! Вотъ—веселіе угодившихъ въ жизни своей Господу.

Взявшіе Іоасафа мужи хотѣли, выведши его изъ города, вести назадъ. Но онъ, плѣненный видѣнными имъ красотою и великолѣпіемъ, сказалъ:

— Умоляю васъ, не лишайте меня этой неизреченной радости и позвольте мнѣ жить въ какомъ-нибудь углу этого города.

— Теперь тебѣ нельзя остаться здѣсь,—отвѣчали они ему,—хотя за многіе подвиги и усилія ты со временемъ войдешь сюда, если только употребишь для того всѣ силы, ибо **нꙋ́ждницы восхища́ютъ** Царство Небесное[1]).

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 12.

Послѣ того они опять повели его чрезъ вышеупомянутое великое поле и ввели въ темныя мѣста, полныя мрака и печали и во всемъ противоположныя тому свѣту и радости, какіе ранѣе видѣлъ Іоасафъ. Тамъ была безпросвѣтная, унылая тьма, и все полно было скорби и смятенія. Тамъ горѣла огненная пещь, кругомъ которой ползали черви, пожирающіе человѣческое тѣло, и стояли духи отмщенія. Какіе-то люди были жестоко палимы огнемъ, и слышался голосъ:

— Вотъ—мѣсто грѣшниковъ! Вотъ—мѣсто тѣхъ, которые осквернили себя постыдными дѣлами!

Затѣмъ водившіе Іоасафа въ видѣніи вывели его изъ тьмы, и тотчасъ онъ, пробудившись, пришелъ въ себя, но весь трепеталъ, и слезы ручьемъ текли изъ его очей. И тогда вся красота юной соблазнительницы его и остальныхъ женъ и дѣвицъ показалась ему хуже грязи и гноя. Вспоминая же о своемъ видѣніи, онъ то объятъ былъ желаніемъ достигнуть свѣтлаго города, то—одержимъ страхомъ вѣчныхъ мученій и, обезсиленный, лежалъ въ постели и не могъ встать.

Царю было доложено объ его болѣзни, и царь тотчасъ поспѣшно пришелъ къ нему и сталъ разспрашивать о причинѣ болѣзни. Іоасафъ разсказалъ ему все, что было показано ему въ видѣніи, и присовокупилъ:

— Зачѣмъ ты разставилъ мнѣ сѣти, желая уловить меня и ввергнуть душу мою въ погибель? Вѣдь если бы не помогъ мнѣ Богъ, то душа моя едва ли бы не была въ аду. Но сколь благъ Богъ Израилевъ, избавившій меня, грѣшнаго, отъ устъ львовыхъ! Въ смятеніи заснулъ я; но посѣтилъ меня съ высоты Богъ Спаситель мой и показалъ мнѣ, какихъ благъ лишаются прогнѣвляющіе Его и какія муки они себѣ готовятъ... Итакъ, отецъ, если уже ты какъ бы затыкаешь уши и не хочешь слушать меня всякій разъ, какъ я говорю тебѣ объ истинномъ благѣ, то мнѣ-то, по крайней мѣрѣ, не мѣшай идти правымъ путемъ. А я одного желаю, это—оставить все и отправиться туда, гдѣ пребываетъ угодникъ Христовъ Варлаамъ, и съ нимъ провести все остальное время моей жизни. Если же ты захочешь удержать меня силою, то скоро увидишь меня умершимъ отъ печали и унынія, и тогда ты, не имѣя сына, не будешь уже болѣе называться отцомъ.

И опять сильнѣйшая скорбь овладѣла царемъ, и, опечаленный, пошелъ онъ въ свой дворецъ. Оставили непобѣдимаго воина

Христова также и лукавые духи и со срамомъ возвратились къ Ѳевдѣ, который сталъ ихъ укорять:

— Вотъ какъ безсильны вы, окаянные,—говорилъ онъ,—не могли даже и юношу побѣдить!

А они, понуждаемые силою Божіею, противъ воли признались:

— Не можемъ мы противостоять силѣ Христовой, не можемъ даже взглянуть на крестное знаменіе, которымъ ограждаетъ себя юноша.

Чрезъ нѣсколько времени царь, взявъ съ собою Ѳевду, опять пришелъ къ сыну, и на этотъ разъ Ѳевда бесѣдовалъ съ юношей, отстаивая своихъ боговъ, но не могъ преодолѣть того, кому даны были уста и премудрость свыше,—премудрость, противъ которой стоять не можетъ никто. Побѣжденный и посрамленный Ѳевда долго молчалъ, какъ нѣмой, не находя ничего болѣе сказать, и наконецъ, едва опомнившись и обратившись къ царю, сказалъ:

— Царь! Духъ Святый живетъ въ сынѣ твоемъ; мы дѣйствительно побѣждены и нечего намъ ему отвѣтить... Воистину великъ Богъ христіанскій, велика вѣра ихъ и велики таинства ихъ!

И, обращаясь къ царевичу, спросилъ:

— Скажи мнѣ, освященный душею: пріиметъ ли меня Христосъ, если я оставлю свои злыя дѣла и обращусь къ Нему?

Святый Іоасафъ началъ говорить ему о покаяніи грѣшниковъ и о милости Божіей, скоро принимающей истинно кающихся. Ѳевда умилился сердцемъ и тотчасъ же поспѣшилъ въ свою пещеру, сжегъ тамъ всѣ книги, по которымъ занимался волхвованіемъ и затѣмъ послѣдовалъ примѣру Нахора: сподобился Святаго Крещенія и проводилъ жизнь въ покаяніи.

Такъ какъ царь не зналъ уже болѣе, что ему дѣлать съ сыномъ, то Арахія совѣтовалъ ему раздѣлить свое царство на двѣ половины и одну отдать сыну.

— Если ты пожелаешь мучить своего сына,—говорилъ онъ,—то будешь врагомъ самой природѣ и назовешься не отцомъ, а мучителемъ собственнаго сына, да къ тому же и его погубишь, и самъ останешься безъ дѣтей и еще прибавишь себѣ печали. Остается сдѣлать одно: раздѣли пополамъ царство твое и вели сыну своему царствовать въ назначенной для него части. Занявшись житейскими попеченіями, онъ мало-помалу начнетъ свыкаться съ тою жизнію, какою живемъ мы, и все сдѣлается по-нашему, такъ какъ при-

вычки, укоренившіяся въ душѣ, измѣняются не столько насиліемъ, сколько вѣрою. Если даже онъ и останется вѣрнымъ христіанству, то для тебя будетъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ печали уже одно то, что ты не бездѣтенъ, что у тебя есть сынъ—царь.

Принявъ совѣтъ Арахіи, царь такъ и сдѣлалъ: раздѣлилъ царство пополамъ и надъ одною половиною поставилъ царемъ Іоасафа. Іоасафъ, хотя и не помышлялъ о царской власти, желая пустынной иноческой жизни, но, разсудивъ, что все клонится къ лучшему, принялъ отдѣленную ему часть царства и, вступивъ на престолъ, прежде всего постарался искоренить языческое многобожіе и распространить вѣру въ Единаго Истиннаго Бога. Онъ разрушилъ по всей землѣ своей идоловъ и разорилъ до основанія ихъ капища, а вмѣсто ихъ строилъ христіанскіе храмы и всячески распространялъ вѣру Христову. Услышавъ объ этомъ, христіанскіе епископы, пресвитеры и діаконы выходили изъ горъ и пустынь и стекались къ благочестивому царю, который принималъ ихъ съ радостію и вмѣстѣ съ ними заботился о спасеніи душъ человѣческихъ. Вскорѣ онъ просвѣтилъ свѣтомъ вѣры и окрестилъ всѣхъ своихъ подданныхъ, не переставая въ то же время слезно молиться Богу объ обращеніи своего отца.

И милосердый Богъ не презрѣлъ его усердной молитвы и слезъ: Онъ коснулся свѣтомъ Своей благодати сердца Авенира, и спала завѣса тьмы съ очей ума его, и онъ увидѣлъ зарю Истины, и позналъ суетность лжеименныхъ боговъ. Авениръ собралъ своихъ совѣтниковъ и открылъ имъ о своемъ сердечномъ желаніи принять христіанскую вѣру. Всѣ похвалили его намѣреніе, ибо всѣхъ, по молитвамъ Іоасафовымъ, посѣти́лъ є҆́сть восто́къ свы́ше[1]). Тотчасъ же царь письмомъ призвалъ своего сына, чтобы научиться отъ него вѣрѣ и благочестію. О, какою радостію и веселіемъ наполнилось сердце Іоасафа, когда онъ увидѣлъ, что отецъ его обращается къ Богу Истинному! Достаточно научивъ своего отца вѣрѣ въ теченіе многихъ дней и преподавъ ему тайны святой вѣры подобно тому, какъ самому ему преподавалъ ихъ преподобный Варлаамъ, Іоасафъ привелъ его къ Святому Крещенію и самъ воспріялъ его отъ святой купели. Дѣло—поистинѣ новое и дивное! Своему отцу онъ сдѣлался отцомъ и для родившаго его по плоти явился посредникомъ духовнаго его возрожденія. Вслѣдъ

1) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 78.

за царемъ приняли Святое Крещеніе его вельможи, воины, рабы, короче,—вся индійская земля. И была тогда великая радость на землѣ и на Небесахъ: на землѣ радовались вѣрные обращенію невѣрныхъ, а на Небесахъ—Ангелы, о безчисленныхъ грѣшникахъ кающихся.

Послѣ крещенія Авениръ всю царскую власть отдалъ сыну, а самъ жилъ уединенно въ безмолвіи и, всегда посыпая голову пепломъ, сокрушался о грѣхахъ своихъ: такъ прожилъ онъ четыре года и, получивъ отъ Бога прощеніе грѣховъ, преставился въ мирѣ.

Въ сороковой день по кончинѣ царя Авенира Іоасафъ, совершая память ему, созвалъ всѣхъ своихъ вельможъ, совѣтниковъ, воинскихъ начальниковъ и другихъ важныхъ должностныхъ лицъ и объявилъ имъ свою тайну, именно, что онъ желаетъ оставить земное царство и все мірское, уйти въ пустыню и иночествовать. Всѣ опечалились и проливали слезы, такъ какъ всѣ очень любили его за его кротость, смиреніе и благотворительность. Вмѣсто себя онъ хотѣлъ поставить царемъ одного изъ своихъ вельможъ, именно—Варахію, давно уже бывшаго христіаниномъ,—того самаго, который держалъ сторону мнимаго Варлаама въ преніи о вѣрѣ противъ всѣхъ языческихъ мудрецовъ. Іоасафъ зналъ, что Варахія весьма твердъ въ вѣрѣ и имѣетъ великую любовь ко Христу.

Но Варахія отказался отъ царства, говоря:

— Люби, царь, ближняго, какъ самого себя. Если царствовать—хорошо, царствуй самъ. А если—нѣтъ, то зачѣмъ отдаешь мнѣ царство? Зачѣмъ налагаешь на меня тяготу, отъ которой бѣжишь самъ?

Тогда всѣ усердно, со слезами, стали умолять святаго Іоасафа, чтобы онъ не оставлялъ ихъ. Но онъ ночью написалъ грамоту къ всему синклиту и ко всѣмъ начальникамъ, въ которой поручалъ ихъ Богу и повелѣвалъ, чтобы они никого не ставили себѣ царемъ, кромѣ Варахіи, и, оставивъ эту грамоту въ своей опочивальнѣ, самъ тайно вышелъ и поспѣшно отправился въ пустыню. Наутро пронесся слухъ о его удаленіи. Народъ смутился и впалъ въ печаль. Многіе рыдали. Наконецъ всѣ жители столицы бросились разыскивать его и нашли въ одномъ высохшемъ ручьѣ молящимся съ воздѣтыми руками. Здѣсь его окружили и, павши предъ нимъ, съ рыданіями упрашивали возвратиться во дворецъ

и не покидать ихъ. Іоасафъ, вынужденный этими мольбами, возвратился, но скоро опять собралъ всѣхъ и сказалъ:

— Напрасно вы, удерживая меня, противитесь волѣ Господней.

Затѣмъ онъ клятвенно подтвердилъ свои слова, такъ что съ этой минуты онъ и одного дня не можетъ уже оставаться царемъ. На Варахію онъ противъ желанія его возложилъ свой вѣнецъ, посадилъ его на своемъ престолѣ и далъ ему должное наставленіе объ обязанностяхъ царя, а самъ, простившись съ народомъ, вышелъ изъ дворца и изъ города, спѣша въ пустыню. Весь народъ вмѣстѣ съ Варахіею и со всѣми властями, убѣдившись, что Іоасафъ непреклоненъ въ своей мысли оставить царство, не въ силахъ будучи удержать его мольбами и не смѣя вернуть его съ пути насильно, шли за нимъ съ плачемъ и далеко провожали его; онъ же просилъ ихъ не огорчать его и оставить одного; но нѣкоторые все-таки издалека слѣдовали за нимъ, съ рыданіями, до самаго захода солнца, когда ночь скрыла отъ ихъ глазъ любимаго владыку и они перестали видѣть другъ друга.

Такимъ образомъ Варахія принялъ скипетръ индійскаго царства, а Іоасафъ вмѣнѝ всѧ̑ оу҆ме́ты бы́ти, да хр҃та̀ прїѡбрѧ́щетъ[1]). Въ первую же ночь своего пути онъ вошелъ въ жилище одного бѣдняка и отдалъ ему свою одежду, а самъ пошелъ на подвигъ пустыннаго житія во власяницѣ, которую далъ ему нѣкогда Варлаамъ. При этомъ онъ не имѣлъ съ собою ни хлѣба, ни другого чего-нибудь, потребнаго для пищи, ни воды: всю надежду свою онъ возложилъ на Промыслъ Божій и горѣлъ пламенною любовію къ Господу своему. Достигнувъ пустыни, онъ, возведши очи ко Христу, воскликнулъ:

— Пусть глаза мои не видятъ уже болѣе благъ міра сего и пусть сердце мое не услаждается уже болѣе ничѣмъ, какъ только Тобою, упованіе мое! Направь путь мой и веди меня къ угоднику Твоему Варлааму! Покажи мнѣ виновника моего спасенія, и да научитъ меня пустынному житію тотъ, кто научилъ меня познать Тебя, Господи!

Два года ходилъ святый Іоасафъ по пустынѣ одинъ, ища Варлаама. Питался онъ травами, растущими тамъ, и часто терпѣлъ голодъ вслѣдствіе недостатка самой травы, такъ какъ почва той

---

[1]) Посл. къ Филип., гл. 3, ст. 8.

пустыни была сухая и малоплодородная. Много напастей перенесъ онъ отъ діавола, который нападалъ на него, то смущая умъ его различными помыслами, то устрашая привидѣніями; иногда являлся онъ ему чернымъ и скрежеща зубами, иногда устремлялся на него съ мечомъ въ рукѣ, какъ бы желая его умертвить, то принималъ виды различныхъ звѣрей, зміевъ, аспидовъ. Но мужественный и непобѣдимый воинъ Христовъ всѣ эти видѣнія побѣждалъ и прогонялъ мечомъ молитвы и оружіемъ Креста.

Ст҃ый
Авеніръ

По окончаніи второго года Іоасафъ нашелъ въ Сенаридской пустынѣ одну пещеру и въ ней инока, спасавшагося въ безмолвіи, отъ котораго онъ узналъ, гдѣ находится Варлаамъ. Въ радости онъ быстро пошелъ указанною ему тропою, достигъ до Варлаамовой пещеры и, ставъ у входа, толкнулъ дверцу, говоря:

— Благослови, отче, благослови!

Варлаамъ, услышавъ голосъ, вышелъ изъ пещеры и, по вдохновенію свыше, узналъ Іоасафа, котораго невозможно было узнать по внѣшнему виду, потому что онъ почернѣлъ отъ солнечнаго зноя, обросъ волосами и имѣлъ изсохшія щеки и глубоко ввалившіеся глаза. Старецъ, ставши лицемъ на востокъ, вознесъ благодарственную молитву Богу, а затѣмъ они съ любовію обнялись и лобызались святымъ лобзаніемъ, омывая лица свои теплыми слезами радости. Сѣвъ, они стали бесѣдовать, и первый началъ Варлаамъ. Онъ сказалъ:

— Ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ, чадо мое, чадо Божіе и наслѣдникъ Царства Небеснаго! Да дастъ тебѣ Господь вмѣсто временныхъ благъ вѣчныя, вмѣсто тлѣнныхъ—нетлѣнныя. Но прошу тебя, возлюбленный, скажи мнѣ: какъ ты пришелъ сюда?

Что послѣ моего удаленія съ тобою случилось? Позналъ ли твой отецъ Бога, или все еще остается въ прежнемъ заблужденіи?

Іоасафъ разсказалъ ему по порядку все, что случилось по уходѣ Варлаама и что сотворилъ Господь Своею всесильною помощію. Старецъ, выслушавъ все, весьма радовался и удивлялся и, наконецъ, сказалъ:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, что благоволилъ Ты сѣмени слова Твоего, всѣянному мною въ душу раба Твоего Іоасафа, такъ произрасти и обратиться въ сторичный плодъ.

Между тѣмъ насталъ вечеръ и, сотворивъ обычныя молитвы, они только тогда уже, наконецъ, вспомнили о пищѣ. И вотъ, Варлаамъ устроилъ трапезу, богатую душеспасительною бесѣдою, полную духовныхъ брашенъ, но скудную пищей тѣлесной, такъ какъ она состояла только изъ сырыхъ невареныхъ овощей, небольшаго количества финиковъ и воды изъ ближайшаго источника. Укрѣпившись такою трапезою, они возблагодарили Бога, отверзающаго руку Свою и насыщающаго всякое животное Своимъ благоволеніемъ. Затѣмъ они совершили ночныя молитвы и опять начали душеспасительную бесѣду, и бесѣдовали всю ночь до времени утренняго пѣнія.

Проводя такую удивительную и равноангельную жизнь, Іоасафъ съ Варлаамомъ прожили вмѣстѣ довольно много лѣтъ. Наконецъ, преподобный Варлаамъ почувствовалъ приближеніе своей кончины, призвалъ своего духовнаго сына Іоасафа, котораго онъ возродилъ къ новой жизни, и сказалъ ему:

— Сынъ мой, я уже давно желалъ видѣть тебя прежде своей кончины, и когда я однажды молился о тебѣ, явился мнѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и обѣщалъ привести тебя ко мнѣ. Теперь Господь исполнилъ мое желаніе: я вижу тебя отрекшимся отъ міра и всего мірскаго и соединившимся со Христомъ. И такъ какъ время моего отшествія теперь уже приспѣло, то предай тѣло мое земли, отдай прахъ праху, а самъ оставайся на этомъ мѣстѣ, продолжая духовное житіе и вспоминая обо мнѣ, смиренномъ.

Выслушавъ эти слова, Іоасафъ горько рыдалъ о разлукѣ съ преподобнымъ, и старецъ едва могъ утѣшить его духовною бесѣдою, а затѣмъ послалъ его къ нѣкоторымъ братіямъ, жившимъ въ той же пустынѣ, и велѣлъ принести все потребное для совершенія Божественной Литургіи. Іоасафъ поспѣшно отправился, взялъ, что нужно, и такъ же поспѣшно возвратился, боясь, чтобы его

духовный отецъ не скончался безъ него и чтобы не лишиться его послѣдняго благословенія. Варлаамъ совершилъ Божественную Литургію, и оба они причастились Святыхъ Таинъ. Затѣмъ преподобный долго бесѣдовалъ съ ученикомъ о душеполезныхъ вещахъ и съ умиленіемъ молился Богу о себѣ и своемъ ученикѣ; послѣ молитвы, отечески обнявъ Іоасафа, старецъ въ послѣдній разъ облобызалъ его и благословилъ, знаменался крестнымъ знаменіемъ и возлегъ на одръ; тогда лице его сдѣлалось свѣтлымъ и радостнымъ, какъ будто къ нему пришли какіе-то друзья; такъ преставился онъ ко Господу, проживъ въ пустынѣ 70 лѣтъ, а всего отъ роду около 100 лѣтъ.

Іоасафъ, проливъ надъ нимъ обильныя слезы, весь день и всю ночь пѣлъ надъ нимъ Псалмы; наутро же, выкопавъ могилу около вертепа, предалъ погребенію тѣло честнáго старца и, сѣвъ около могилы, горько плакалъ до тѣхъ поръ, пока не изнемогъ отъ плача и уснулъ. Во снѣ онъ опять увидѣлъ тѣхъ чудныхъ мужей, которыхъ видѣлъ нѣкогда во время искушенія: они пришли къ нему, взяли его и повели опять на великое поле, которое онъ уже видѣлъ, и въ сіяющій городъ. Когда онъ входилъ въ городскія ворота, его встрѣтили Ангелы Божіи, несущіе два вѣнца неописуемой красоты.

Іоасафъ спросилъ:

— Чьи эти блестящіе вѣнцы?

— Оба—твои,—отвѣчали ему Ангелы,—за то, что ты спасъ много душъ и за то, что, оставивъ для Бога земное царство, ты посвятилъ себя иноческой жизни; но одинъ изъ нихъ дòлжно отдать твоему отцу за то, что, при твоей помощи, онъ оставилъ путь, ведущій къ погибели, чистосердечно и усердно каялся и примирился съ Господомъ.

— Но какъ же возможно,—возразилъ Іоасафъ,—чтобы мой отецъ за одно только раскаяніе получилъ награду равную со мною, понесшимъ такіе труды?

Какъ только онъ это сказалъ, онъ увидѣлъ Варлаама, который говорилъ ему:

— Не говорилъ ли я тебѣ когда-то, Іоасафъ, что когда ты разбогатѣешь, то сдѣлаешься скупъ и неподатливъ? Но почему же теперь ты не хочешь, чтобы твоему отцу была честь равная съ тобою? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, тебѣ всею душею радоваться тому, что услышаны твои о немъ молитвы?

Іоасафъ, сказавъ Варлааму, какъ имѣлъ обычай говорить ему всегда при жизни: «Прости, отче, прости»,—продолжалъ:

— Скажи мнѣ, гдѣ же живешь ты самъ?

— Я получилъ свѣтлую обитель въ этомъ прекрасномъ и великомъ городѣ,— отвѣчалъ Варлаамъ.

Іоасафъ сталъ просить Варлаама взять его съ собою въ свою обитель и съ любовію принять, какъ своего гостя. Варлаамъ отвѣчалъ:

— Еще не пришло время тебѣ, носящему тѣлесное бремя, быть здѣсь; но если ты мужественно пребудешь до конца въ иноческихъ подвигахъ, какъ я тебѣ заповѣдалъ, то скоро пріидешь сюда и удостоишься постоянной жизни здѣсь, здѣшней славы и здѣшнихъ радостей и вѣчно будешь вмѣстѣ со мною.

Пробудившись, съ душею еще полною видѣннаго свѣта и неизреченной славы, Іоасафъ прославилъ Владыку всего, возсылая ему вдохновенную и благодарственную пѣснь.

На мѣстѣ сожительства съ преподобнымъ Варлаамомъ святый Іоасафъ прожилъ до самой своей кончины. На 25-мъ году отъ рожденія оставилъ онъ земное царствованіе и принялъ на себя подвигъ постничества, и, проживъ въ пустынѣ 35 лѣтъ, преставился ко Господу.

Одинъ святый пустынникъ, жившій неподалеку, узнавши, по вдохновенію, о преставленіи святаго Іоасафа, пришелъ къ нему въ тотъ же часъ, когда онъ скончался, воспѣлъ надъ честнымъ его тѣломъ со слезами любви обычныя пѣснопѣнія надгробныя и положилъ его вмѣстѣ съ мощами преподобнаго Варлаама, чтобы и тѣла тѣхъ, которые были нераздѣльны по духу, почивали нераздѣльно въ одномъ мѣстѣ. Послѣ погребенія святаго Іоасафа пустыннику было откровеніе отъ Бога, повелѣвавшее ему идти въ Индійское царство и извѣстить царя Варахію о кончинѣ святаго. Получивъ это извѣстіе, царь со множествомъ народа отправился въ пустыню и, прибывъ въ пещеру преподобныхъ отцовъ, открылъ гробъ ихъ и нашелъ мощи святыхъ Варлаама и Іоасафа нетлѣнными, причемъ отъ нихъ исходило великое благоуханіе. Взявъ святыя мощи, Варахія съ честію перенесъ ихъ изъ пустыни въ свое отечество и положилъ въ церкви, созданной святымъ Іоасафомъ, славя Бога въ Троицѣ, Которому и отъ насъ да будетъ честь и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь прп҃бныхъ, гла́съ д҃:

О дх҃о́внагѡ наста́вника наꙋчи́всѧ царю̀ і҆ѡаса́фе, бг҃а позна́ти, креще́нїемъ же просвѣти́тисѧ, лю́ди къ вѣ́рѣ ѡ҆брати́лъ є҆сѝ, и҆ ѻ҆тцꙋ̀ твоемꙋ̀ ѿ кꙋпѣ́ли прїи́мникъ бы́въ, ца́рство ѡ҆ста́вивъ, пꙋсты́ню дости́глъ є҆сѝ, и҆ въ не́й трꙋдолю́бнѣ подвиза́лсѧ є҆сѝ: молѝ хрⷭ҇та̀ бг҃а со ᲂу҆чи́телемъ твои́мъ варлаа́момъ, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Вѣ́дый твоѐ и҆з̾ младе́нства бл҃го́е и҆зволе́нїе, і҆ѡаса́фе, є҆ди́нъ сердцевѣ́децъ бг҃ъ, и҆ ѿ ца́рствїѧ земна́гѡ въ мона́шеское пребыва́нїе приведы́й тѧ̀ вели́комꙋ варлаа́мꙋ послѣ́довати сподо́би, съ ни́миже и҆ ны́нѣ го́рнїй і҆ерⷭ҇ли́мъ всесвѣ́тлый ѻ҆те́чество и҆мѣ́ѧ, жела́емыѧ добро́ты кра́снѡ наслажда́ѧсѧ ст҃ы́ѧ трⷪ҇цы, мо́лимъ тѧ̀ ца́рскаѧ красото̀, помина́й на́съ вѣ́рою чтꙋ́щыѧ тѧ̀.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ВАРЛААМА

Святый мученикъ Варлаамъ былъ родомъ изъ Антіохіи Сирійской. Въ престарѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ схваченъ за исповѣданіе Имени Іисуса Христа и приведенъ на судъ къ языческому князю. Варлаама стали принуждать принести жертву идоламъ. Когда же онъ отказался сдѣлать это, то его подвергли многимъ лютымъ мученіямъ за Христа Господа: сначала его немилосердно били воловьими жилами, а потомъ строгали желѣзными когтями. Послѣ сего язычники повели святаго мученика къ идольскому храму и тамъ, по приказанію мучителя, простерши его руку надъ жертвенникомъ, на которомъ горѣлъ огонъ, положили на нее горячія уголья съ ладаномъ, чтобы онъ возложилъ куреніе на жертвенникъ ихъ скверныхъ боговъ. Мучители думали, что мученикъ отъ нестерпимой боли сброситъ горячіе уголья вмѣстѣ съ ладаномъ предъ идолами. И если бы онъ сдѣлалъ такъ, ему хотѣли сказать:

— Вотъ, уже ты принесъ жертву богамъ нашимъ.

Но язычники не достигли того, чего имъ хотѣлось, ибо мученикъ Христовъ стоялъ непоколебимый, какъ столпъ, держа на рукѣ своей горящій огонь, и былъ крѣпче мѣди и желѣза, ибо до тѣхъ поръ держалъ на рукѣ огонь, пока не сгорѣли пальцы его и не упали вмѣстѣ съ огнемъ на землю. Несмотря на то, онъ не двинулъ рукою и не возложилъ на алтарь предъ идолами угольевъ съ ладаномъ.—Явившись столь мужественнымъ и непобѣдимымъ страдальцемъ и воиномъ Христовымъ, святый Варлаамъ при доблестномъ исповѣданіи предалъ душу свою Господу[1]).

Слово святаго Василія Великаго

О святомъ мученикѣ Варлаамѣ

Въ прежнія времена смерть святыхъ чествовали сѣтованіемъ и слезами. Го́рькѡ пла́кася Іосифъ объ умершемъ Іаковѣ[2]); немало сѣтовали Іудеи о кончинѣ Моисеевой[3]), и Самуила почтили многими слезами[4]). А нынѣ радуемся при кончинѣ преподобныхъ; потому что качества скорбнаго измѣнились послѣ Креста. Не плачемъ уже, когда сопровождаемъ смерть святыхъ, но въ восторженныхъ ликованіяхъ веселимся при ихъ гробахъ; потому что смерть для праведныхъ—сонъ, вѣрнѣе же сказать, отшествіе къ лучшей жизни. Поэтому закалаемые мученики радуются; желаніе блаженнѣйшей жизни умерщвляетъ въ нихъ ощущеніе болѣзней при закланіи. Мученикъ смотритъ не на опасности, но на вѣнцы; не ужасается ударовъ, но вычисляетъ награды; видитъ не исполнителей казни, бичующихъ здѣсь, на землѣ, но представляетъ себѣ Ангеловъ, привѣтствующихъ съ Неба; имѣетъ въ виду не кратковременныя опасности, но вѣчныя воздаянія. И у насъ уже мученики пожинаютъ свѣтлый залогъ славы; потому что, отъ всѣхъ оглашаемые восторженными привѣтствіями, изъ гробовъ уловляютъ они въ мрежу свою тысячи народа.

Сіе самое исполнилось нынѣ надъ мужественнымъ Варлаамомъ. Прозвучала бранная труба мученика и, какъ видите, собрала воиновъ благочестія. Провозглашенъ лежащій Христовъ подвиж-

---

1) Св. мученикъ Варлаамъ † въ 304 г. въ Кесаріи Каппадокійской.

2) Кн. Быт., гл. 50, ст. 1.

3) Кн. Второзак., гл. 34, ст. 8.

4) 1 Кн. Царствъ, гл. 25, ст. 1.

никъ, и окрылилъ зрѣлище Церкви. И какъ сказалъ Владыка вѣрныхъ: вѣ́рꙋй въ мѧ̀, а҆́ще и҆ ᲂу҆́мретъ, ѡ҆живе́тъ [1]); такъ, мужественный Варлаамъ умеръ—и созываетъ торжественныя собранія; поглощенъ гробомъ—и приглашаетъ къ пиршеству.

Теперь благовременно намъ воскликнуть: гдѣ̀ премꙋ́дръ, гдѣ̀ кни́жникъ, гдѣ̀ совопро́сникъ вѣ́ка сегѡ̀ [2])? Сегодня у насъ непобѣдимымъ учителемъ благочестія поселянинъ, котораго мучитель влекъ, какъ удобоуловляемую добычу, но въ которомъ, по испытаніи, узналъ непреодолимаго воина, надъ которымъ смѣялся за его неправильную рѣчь, и который устрашилъ ангельскимъ мужествомъ: ибо нравы его не огрубѣли вмѣстѣ съ орудіемъ слова, и разсудокъ не оказалъ въ себѣ тѣхъ же недостатковъ, какіе были у него въ словахъ. Но сталъ онъ вторымъ Павломъ, съ Павломъ говоря: а҆́ще и҆ невѣ́жда сло́вомъ, но не ра́зꙋмомъ [3]). Бичующіе его исполнители казни приходили въ оцѣпенѣніе, а мученикъ оказывался возрастающимъ въ силахъ; ослабѣвали руки строгающихъ, но разсудокъ строгаемаго не преклонялся; бичи расторгали стройное сплетеніе жилъ, но крѣпость вѣры дѣлалась болѣе нерасторгаемою; исчезала плоть на изрытыхъ бокахъ, но цвѣло любомудріе разума; бо̀льшая часть плоти омертвѣла, но мученикъ былъ бодръ, какъ не начинавшій еще подвиговъ.

Когда любовь къ благочестію поселится въ душѣ,—тогда всѣ виды браней для нея смѣшны, и всѣ терзающіе ее за любимый предметъ болѣе услаждаютъ, нежели поражаютъ. Свидѣтелемъ мнѣ въ этомъ любовь Апостоловъ, которая нѣкогда дѣлала для нихъ пріятными бичи Іудеевъ. Ибо сказано: и҆дѧ́хꙋ ра́дꙋющеся ѿ лица̀ собо́ра, ꙗ҆́кѡ за и҆́мѧ Его сподо́бишасѧ безче́стїе прїѧ́ти [4]).

Таковъ и нынѣ прославляемый нами воинъ. Мученія вмѣнялъ онъ себѣ въ веселіе, бичуемый думалъ, что бросаютъ въ него розами; уязвленій нечестія избѣгалъ, какъ стрѣлъ, а гнѣвъ судіи почиталъ тѣнью дыма; смѣялся свирѣпымъ приказамъ оруженосцевъ; ликовалъ при видѣ опасностей, какъ при видѣ вѣнцовъ; увеселялся побоями, какъ почестями; въ жесточайшихъ мученіяхъ скакалъ, какъ бы пріемля блистательнѣйшія награды; презиралъ обнаженные мечи; съ такимъ же ощущеніемъ принималъ на себя

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 25.
2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 20.
3) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 6.
4) Кн. Дѣян. Ап., гл. 5, ст. 41.

руки исполнителей казни, какъ бы онѣ были мягче воска; древо казни лобызалъ, какъ спасительное; темничными затворами наслаждался, какъ разнообразіемъ цвѣтовъ. Правая рука его была крѣпче огня, который враги употребляли противъ него какъ послѣднее средство. Ибо, возложивъ огонь на жертвенникъ для возліянія демонамъ, привели и поставили предъ нимъ мученика, и, велѣвъ ему надъ жертвенникомъ держать распростерши правую руку, употребили ее вмѣсто мѣднаго алтаря, съ хитрою мыслію возлагая на нее горящій ладанъ. Они надѣялись, что рука, препобѣжденная силою огня, вскорѣ по необходимости сложитъ ладанъ на жертвенникъ.

Увы, какое хитросплетенное обольщеніе нечестивыхъ! «Поелику,—говорятъ они,—тысячи ранъ не поколебали его воли, то поколеблемъ пламенемъ хотя руку упорнаго борца. Поелику разнообразными средствами не потрясли его душу, то приведемъ въ потрясеніе по крайней мѣрѣ десницу, дѣйствуя на нее огнемъ.» Но жалкіе эти люди не воспользовались сею надеждою. Ибо, хоть пламень пожигалъ руку, но рука продолжала держать на себѣ пламень подобно пеплу; она не обратила хребта, подобно бѣглецамъ, враждующему огню; но неизмѣнно держалась, доблестно борясь съ пламенемъ, и дала мученику случай сказать словами Пророка: **бл҃гословѐнъ гдⷭ҇ь бг҃ъ мо́й, наꙋча́й рꙋ́цѣ мои̑ на ѡ҆полче́ніе, персты̑ моѧ̑ на бра́нь**[1]). Огонь вступилъ въ брань съ рукою, и пораженіе оказывалось на сторонѣ огня. Продолжилась борьба пламени и правой руки мученика, и рука одержала какую-то небывалую въ борьбахъ побѣду: хотя пламень проникалъ сквозь руку, однако же рука была еще распростерта для борьбы. Подлинно, это—рука, превосходящая упорствомъ огонь! Рука, не учившаяся уступать огню! Огонь, наученный терпѣть пораженіе отъ руки! Желѣзо уступаетъ огню, смягчаемое его мучительной силой. Мѣдь не противится его властительству. Но все преодолѣвающая сила огня, сожигая простертую руку мученика, не поколебала ее! Справедливо мученикъ могъ воскликнуть при семъ къ Владыкѣ: **ᲂу҆держа́лъ є҆сѝ рꙋ́кꙋ деснꙋ́ю мою̀: и҆ совѣ́томъ твои́мъ наста́вилъ мѧ̀ є҆сѝ, и҆ со сла́вою прїѧ́лъ мѧ̀ є҆сѝ**[2]).

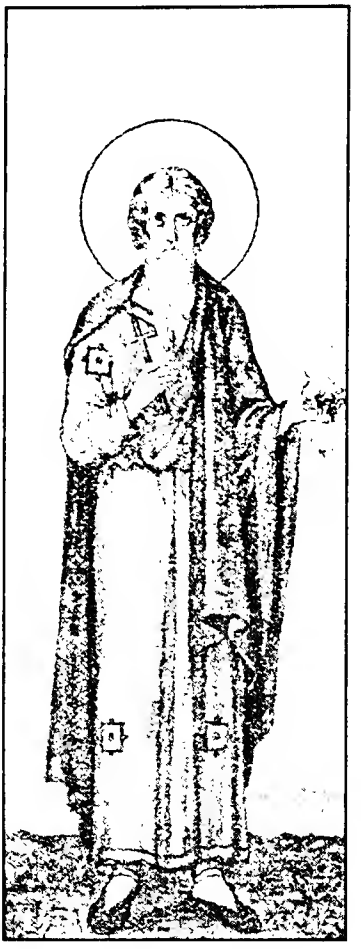
Какъ наименую тебя, доблій воинъ Христовъ? Назову ли изваяніемъ? Но много унижу твою терпѣливость. Огонь, принявъ въ

---

1) Псаломъ 43, ст. 1.

2) Псаломъ 72, ст. 23—24.

себя изваяніе, размягчаетъ его; а правую твою руку не убѣдилъ и къ тому, чтобы она показала движеніе. Наименую ли тебя желѣзнымъ? Но нахожу, что и этотъ образъ ниже твоего мужества. Ты одинъ убѣдилъ пламень не дѣлать насилія рукѣ; ты одинъ имѣлъ руку алтаремъ. Ты одинъ пламенѣющею десницею поражалъ лица демоновъ, и тогда обращенною въ уголь рукою поразилъ ихъ главы, а нынѣ обращенною въ пепелъ десницею попираешь и ослѣпляешь ихъ полчища.



Ст҃ый мч҃нкъ Варлаа́мъ

Но для чего дѣтскимъ лепетомъ уничижаю добляго подвижника? Предоставимъ пѣснословить его тѣмъ, у кого языкъ гораздо тверже; призовемъ на сіе велегласнѣйшія трубы учителей. Возстаньте теперь предо мною вы, славные живописатели подвижническихъ заслугъ! Добавьте своимъ искусствомъ это неполное изображеніе военачальника! Цвѣтами вашей мудрости освѣтите неясно представленнаго мною вѣнценосца! Пусть буду побѣжденъ вашимъ живописаніемъ доблестныхъ дѣлъ мученика; радъ буду признать надъ собою и нынѣ подобную побѣду вашей крѣпости. Посмотрю на эту точнѣе изображенную вами борьбу руки съ огнемъ. Посмотрю на этого борца, живѣе изображеннаго на нашей картинѣ. Да плачутъ демоны, и нынѣ поражаемые въ васъ доблестями мученика! Опять да будетъ показана имъ палимая и побѣждающая рука! Да будетъ изображенъ на картинѣ и Подвигоположникъ въ борьбахъ Христосъ, Которому слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Слово святаго Іоанна Златоуста

О святомъ мученикѣ Варлаамѣ

1. Къ этому священному празднику и торжеству созвалъ блаженный Варлаамъ: не для того, чтобы мы прославляли его, но чтобы подражали ему, не для того, чтобы намъ быть слушателями похвалъ, но чтобы быть подражателями его подвиговъ. Въ дѣлахъ житейскихъ люди, достигающіе высокой власти, никогда не захотятъ видѣть другихъ участниками одной съ ними чести, потому что тамъ зависть и ненависть нарушаютъ любовь, а въ дѣлахъ духовныхъ не такъ, но совершенно напротивъ: мученики тогда особенно и чувствуютъ свою честь, когда видятъ подобныхъ себѣ рабовъ достигшими участія въ ихъ благахъ, такъ что кто хочетъ хвалить мучениковъ, пусть подражаетъ мученикамъ, кто хочетъ превозносить похвалами подвижниковъ благочестія, пусть подражаетъ трудамъ ихъ,—это принесетъ мученикамъ удовольствіе не меньше собственныхъ ихъ доблестей. А чтобы убѣдиться тебѣ, что дѣйствительно они тогда особенно чувствуютъ собственныя блага, когда видятъ насъ въ безопасности, и считаютъ это величайшею для себя честію, послушай Павла, который говоритъ: **мы̀ ны́нѣ жи́ви є҆смы̀, а҆́ще вы̀ стоитѐ ѡ҆ гдⷭ҇ѣ**[1]). И Моисей прежде него говорилъ Богу: **а҆́ще ᲂу҆́бѡ ѡ҆ста́виши и҆̀мъ грѣ́хъ, ѡ҆ста́ви: а҆́ще же ни̑, и҆ мѧ̀ и҆згла́ди и҆з̾ кни́ги твоеѧ̀, въ ню́же вписа́лъ є҆сѝ**[2]); я не чувствую,—говоритъ,—вышней почести по причинѣ ихъ несчастія. Общество вѣрныхъ есть связное тѣло: какая же польза головѣ быть увѣнчанною, когда ноги подвергаются мученію?

А какъ можно, скажешь, подражать теперь мученикамъ? Теперь не время гоненія. Знаю это и я; не время гоненія, но время мученичества; не время такихъ подвиговъ, но время вѣнцовъ; не преслѣдуютъ люди, но преслѣдуютъ бѣсы; не гонитъ мучитель, но гонитъ діаволъ, который тяжелѣе всѣхъ мучителей; ты не видишь предъ собою угольевъ, но видишь разжженный пламень похоти. Они попирали уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись съ звѣрями, а ты обуздывай гнѣвъ, этого дикаго и неукротимаго звѣря; они устояли противъ невыносимыхъ мукъ, а ты преодолѣвай непристойные и порочные помыслы, изобилующіе

1) 1 Посл. къ Солун., гл. 3, ст. 8.
2) Кн. Исх., гл. 32, ст. 32.

въ твоемъ сердцѣ,—такъ подражай мученикамъ. **Нынѣ нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началѡмъ, и ко властемъ и къ міродержателемъ тьмы сеѧ, къ дѹховѡмъ злобы поднебесныимъ**[1]). Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть песъ бѣшеный и неистовый; хотя бы тысячи разъ ты отгонялъ его, онъ тысячи разъ нападаетъ и не отстаетъ; жестокъ пламень угольевъ, но этотъ—пламень похоти — еще хуже; мы никогда не имѣемъ перемирія въ этой войнѣ, никогда не имѣемъ отдыха въ настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и вѣнецъ былъ свѣтелъ. Поэтому Павелъ всегда и вооружаетъ насъ, такъ какъ всегда время войны, такъ какъ врагъ всегда бодрствуетъ. Хочешь знать, что похоть жжетъ не меньше огня? Послушай Соломона, который говоритъ: **ходити кто бѹдетъ на оуглїѧхъ ѻгненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли; такѡ вшедый къ женѣ мѹжатѣй не безъ вины бѹдетъ, нижѐ всѧкъ прикасаѧйсѧ ей**[2]). Видишь, что похоть по естеству своему соперничаетъ съ естествомъ огня? Какъ невозможно прикасающемуся къ огню не получить обжога, такъ взглядъ на красивыя лица быстрѣе огня охватываетъ невоздержную на взгляды душу; и чѣмъ служитъ для огня горючее какое-нибудь вещество, тѣмъ красота тѣлесная для глазъ людей похотливыхъ. Посему не должно давать огню похоти пищи—внѣшняго созерцанія, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнѣйшее распространеніе пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа. И всякое удовольствіе, во время преобладанія страстей, обыкновенно сильнѣе огня сожигаетъ душу, если кто не будетъ мужественно, съ терпѣніемъ и вѣрою, противодѣйствовать каждой страсти, подобно тому, какъ блаженный и доблестный подвижникъ Христовъ Варлаамъ поступилъ съ своею рукою. Онъ держалъ въ правой рукѣ цѣлый костеръ и не поддавался боли, но оставался безстрастнѣе статуй; или—лучше—хотя и испытывалъ боль и страдалъ,—такъ какъ у него было тѣло, а не желѣзо,—но, испытывая боль и страдая, показалъ въ смертномъ тѣлѣ любомудріе безплотныхъ силъ.

2. Но чтобы эта исторія была болѣе ясна, я дальше начну разсказъ объ его мученичествѣ, а ты посмотри на коварство діавола. Однихъ святыхъ онъ ставилъ на сковороды, другихъ бросалъ въ котлы, кипящіе сильнѣе огня, однимъ скоблилъ бока,

---

1) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 12.

2) Кн. Притч., гл. 6, ст. 28—29.

другихъ погружалъ въ море, иныхъ предавалъ звѣрямъ, другихъ ввергалъ въ печь, однимъ раздроблялъ члены, съ другихъ еще съ живыхъ сдиралъ кожу, инымъ подъ окровавленныя тѣла подлагалъ уголья, и искры, попадавшія въ раны, терзали ихъ рѣзче всякаго звѣря, для иныхъ выдумывалъ иныя болѣе тяжелыя мученія. Но видя, что все это осталось осмѣяннымъ и что страдальцы преодолѣвали это съ великою твердостію и приходившимъ послѣ нихъ на тѣ же подвиги служили величайшимъ побужденіемъ къ мужеству,—что̀ онъ дѣлаетъ? Онъ придумываетъ новый родъ козней, чтобы неожиданностію и необычностію мученія низвергнуть душу мученика, такъ какъ то, что знаемъ и о чемъ слыхали, будь оно и невыносимо, бываетъ пренебрегаемо—какъ извѣстное уже и ожидаемое, а неожидаемое, хотя и легкое, бываетъ несноснѣе всего. Итакъ, пусть будетъ новая борьба, и пусть будетъ необыкновенная хитрость, чтобы новость и неожиданность, смутивъ подвижника, легко уронили его. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ выводитъ святаго изъ темницы связаннымъ. И то было дѣломъ сего коварства, чтобы не вдругъ съ самаго начала употреблять тяжелыя орудія и причинять страшныя мученія, но начинать борьбу съ меньшаго. Для чего? Для того, чтобы, если подвижники будутъ поражены, пораженіе ихъ было позорнымъ, потому что они не устояли и противъ малаго; если же они преодолѣютъ и побѣдятъ, то чтобы, изнуривъ силы свои на меньшемъ, были при большемъ легко одолимыми. Поэтому онъ напередъ употреблялъ меньшія, чтобы, преодолѣетъ ли онъ, или не преодолѣетъ, не обмануться: если я преодолѣю, говорилъ онъ, то посмѣюсь; а если не преодолѣю, то сдѣлаю болѣе слабыми для будущаго. Итакъ, онъ выводитъ его изъ темницы, а онъ вышелъ, какъ доблестный подвижникъ, долгое время упражнявшійся на палестрѣ[1]); и въ самомъ дѣлѣ—темница для мученика была школою борьбы, и тамъ, наединѣ бесѣдуя съ Богомъ, онъ научился отъ Него всякой борьбѣ, потому что гдѣ такія узы, тамъ и Христосъ.

Итакъ, онъ вышелъ, сдѣлавшись болѣе крѣпкимъ отъ болѣе долгаго пребыванія въ темницѣ; когда же по выходѣ его діаволъ чрезъ служителей своего беззаконія вывелъ его на средину, то не привязалъ его къ дереву и не окружилъ палачами, такъ какъ видѣлъ, что онъ желаетъ этого и напередъ освоился съ мыслію объ

1) *Палестра*—площадь, на которой у Грековъ и Римлянъ производились гимнастическія игры или сраженія.

этомъ наказанія; но употребляетъ противъ этой башни нѣкоторое необыкновенное, новое, неожиданное орудіе, которое могло бы произвести ея паденіе: вѣдь онъ во всѣхъ случаяхъ старается больше обманомъ свалить святыхъ, нежели мучить болію. Какое же это орудіе? Приказавъ ему протянуть перевернутую навзничь руку надъ жертвенникомъ, они положили на ней горячіе уголья и ладанъ, чтобы, если онъ почувствуетъ боль и перевернетъ руку, то они вмѣнятъ это ему въ жертвоприношеніе и отреченіе (отъ вѣры). Видишь ли, какъ коваренъ діаволъ? Но посмотри, какъ **запина́ѧй премꙋ́дрымъ въ кова́рствѣ и҆́хъ**[1]) сдѣлалъ тщетными козни его, и самую напряженность разнообразныхъ хитростей обратилъ къ возвышенію и умноженію большей славы мученику. Когда врагъ, употребивъ безчисленныя злоухищренія, отходитъ затѣмъ побѣжденнымъ, тогда подвижникъ благочестія является еще болѣе славнымъ, какъ случилось и здѣсь. Блаженный Варлаамъ простоялъ, не наклонивъ и не перевернувъ руку, какъ будто она была составлена изъ желѣза, между тѣмъ какъ, если бы и перевернулась рука, и тогда это не было бы виною мученика.

3. Здѣсь внимательно слушайте меня всѣ, чтобы убѣдиться, что, если бы его правая рука и перевернулась, это не было бы пораженіемъ. Почему? Потому, что какъ мы судимъ о тѣхъ, которымъ терзаютъ ребра или мучатъ какъ-либо иначе, такъ должно судить и здѣсь. Если они не выдержатъ и принесутъ жертву, это вина ихъ слабости, что, не перенесши страданій, они принесли жертву; если же они, претерпѣвая мученія, заболѣютъ отъ страданій, но не измѣнятъ благочестію, то никто не обвиняетъ ихъ за эти болѣзни, но мы еще больше хвалимъ ихъ и удивляемся за то, что они, и изнемогая отъ страданій, вытерпѣли и не отреклись. Такъ и здѣсь: если бы блаженный Варлаамъ, не вынося сожиганія, обѣщался принести жертву, то былъ бы побѣжденъ; а если бы рука его перевернулась, тогда какъ онъ не уступалъ, то это не вина воли мученика: это произошло бы по немощи не воли, но естества жилъ — соотвѣтственно ихъ силѣ рука склонилась бы отъ огня противъ воли святаго. Какъ мы не осуждаемъ тѣхъ, которымъ терзаютъ ребра, за то что разрывается ихъ плоть, или лучше,—приведу болѣе близкій примѣръ,—какъ никто не станетъ порицать страждущихъ горячкою и судорогами за то, что

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 19.

изгибаются ихъ руки, потому что это происходитъ не отъ ихъ изнѣженности, но отъ болѣзненнаго жара, который истощаетъ влагу и неестественно стягиваетъ связь нервовъ, такъ никто не сталъ бы порицать и этого святаго, если бы перевернулась рука его. Если горячка, и безъ воли страждущаго ею, обыкновенно стягиваетъ и извращаетъ члены, то тѣмъ болѣе могли сдѣлать это положенные на правую руку уголья, хотя бы мученикъ и не поддавался. Однако они не сдѣлали этого, чтобы ты съ избыткомъ убѣдился, что благодать Божія была присуща и укрѣпляла подвижника и исправляла недостатокъ природы; потому и самая рука его не испытала свойственнаго ей, но, какъ будто составленная изъ адаманта[1]), оставалась не перевернувшеюся. Кто тогда, взирая на это, не удивился бы? Кто не вострепеталъ бы? Смотрѣли свыше Ангелы, взирали Архангелы; зрѣлище было блистательное и поистинѣ превышающее природу человѣческую. Подлинно, кто не пожелалъ бы видѣть человѣка, который подвизался и не испытывалъ свойственнаго людямъ, который самъ былъ жертвенникомъ, и жертвою, и жрецомъ? Посему двоякое восходило куреніе: одно — отъ сожигаемаго ѳиміама, а другое — отъ растопляемой плоти; и послѣднее куреніе было пріятнѣе перваго, послѣднее благоуханіе — лучше перваго. Здѣсь случилось то же, что и съ купиною: какъ та купина горѣла и не сгорала, такъ и здѣсь рука горѣла, но душа не сгорала; тѣло истреблялось, но вѣра не истощалась: плоть изнемогала, но ревность не изнемогала; горячіе уголья, прожигая средину руки, падали внизъ, но мужество души не упадало; рука была повреждена и исчезла,—потому что была изъ плоти, а не изъ адаманта,—но душа требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свое терпѣніе. Какъ храбрый воинъ, вошедшій въ среду непріятелей и разбившій строи сражающихся съ нимъ, сломавъ свой мечъ отъ множества непрестанныхъ ударовъ ищетъ, обернувшись, другаго меча, потому что не насытился избіеніемъ враговъ,—такъ точно и душа блаженнаго Варлаама, потерявъ одну руку, при пораженіи бѣсовскихъ ополченій, требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свою ревность. Не говори мнѣ, что онъ отдалъ только одну руку; но прежде этого представь себѣ, что предавшій руку отдалъ бы и голову,

[1]) *Адамантъ*—алмазъ,—камень, имѣющій такую крѣпость, что чертитъ и рѣжетъ прочіе камни, не получая оттого вреда. Это названіе въ церковной литературѣ придается многимъ святымъ, прославившимся твердостью своей вѣры и характера.

предалъ бы и ребра, противосталъ и огню, и звѣрямъ, и морю, и пропасти, и кресту, и колесу, и всѣмъ, когда-либо слышаннымъ мученіямъ, и все потерпѣлъ, если не самымъ опытомъ, то намѣреніемъ. Мученики идутъ не на опредѣленныя мученія, но готовятъ себя на неизвѣстныя казни; они не господá надъ волею мучителей и не назначаютъ имъ предѣловъ и мѣры мученій, но какимъ бы бѣдамъ ни пожелала подвергнуть ихъ безчеловѣчная и звѣрская воля мучителей, на тѣ они и выходятъ съ рѣшимостію—развѣ только тѣло, изнемогши среди мученій, оставитъ неисполненнымъ желаніе мучителей. Итакъ, плоть его истреблялась, а воля дѣлалась болѣе ревностною, превосходя самые уголья своимъ блескомъ и сіяя больше ихъ, потому что внутри его горѣлъ духовный огонь, гораздо болѣе этого огня яркій. Поэтому онъ и не чувствовалъ внѣшняго пламени, что внутри его горѣлъ свѣтлый и пламенный огонь любви Христовой.

4. Станемъ же, возлюбленные, не только слушать это, но и подражать. Какъ вначалѣ я говорилъ, такъ и теперь говорю: каждый пусть не только въ настоящій часъ удивляется мученику, но, и отходя домой, пусть ведетъ съ собою этого святого, пусть введетъ его въ свой домъ, или—лучше—въ свое сердце посредствомъ воспоминанія о сказанномъ. Пріими его, какъ выше сказано, и въ сердцѣ своемъ поставь его съ простертою рукою, пріими увѣнчаннаго побѣдителя и никогда не попускай ему выйти изъ ума твоего. Для того мы и привели васъ къ гробницамъ святыхъ мучениковъ, чтобы и отъ взгляда на нихъ вы получили нѣкоторое побужденіе къ добродѣтели и подготовлялись къ той же ревности. Такъ воина возбуждаетъ и молва о героѣ, а гораздо болѣе — видъ его и взглядъ на него, особенно когда воинъ, вошедши въ самый шатеръ героя, увидитъ окровавленный мечъ, лежащую голову непріятеля, висящую вверху добычу, свѣжую кровь, капающую съ рукъ того, кто поставилъ трофей, вездѣ лежавшія копья и щиты, и стрѣлы, и всякое другое оружіе. Посему и мы собрались здѣсь. Гробъ мучениковъ есть воинскій шатеръ; и если ты откроешь очи вѣры, то увидишь здѣсь лежащую броню правды, щитъ вѣры, шлемъ спасенія, обувь благовѣствованія, мечъ духовный, самую главу діавола, поверженную на землю [1]). Когда у гроба мученика ты видишь бѣсноватаго, лежащаго навзничъ и, часто, тер-

[1]) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 14—17.

знающаго себя самого, то видишь не что иное, какъ отсѣченную голову лукаваго. Эти оружія и теперь еще лежатъ при воинахъ Христовыхъ; и какъ цари погребаютъ героевъ вмѣстѣ съ оружіемъ, такъ сдѣлалъ и Христосъ — погребъ ихъ съ оружіемъ, чтобы и прежде воскресенія показать всю славу и силу святыхъ. Познай же духовное ихъ всеоружіе, и ты отойдешь отсюда, получивъ величайшую пользу. Великая и у тебя, возлюбленный, война съ діаволомъ, великая, сильная и постоянная.

Итакъ, изучай способы борьбы, чтобы подражать и побѣдамъ; презирай богатство, деньги и всякое иное житейское великолѣпіе; не считай блаженными богатѣющихъ, но ублажай мучениковъ: не тѣхъ, что въ роскоши, но тѣхъ, что на сковородахъ; не за роскошною трапезою, но въ кипящемъ котлѣ; не въ баняхъ ежедневно бывающихъ, но въ жестокихъ печахъ; не благовоніями пахнущихъ, но испускающихъ дымъ и смрадъ отъ сожигаемой плоти. Это благоуханіе лучше и полезнѣе того; то̀ ведетъ къ мученію употребляющихъ его, а это — къ наградамъ и вышнимъ вѣнцамъ. А чтобы тебѣ убѣдиться, что роскошь есть зло, равно какъ и намащеніе благовонными мастями, и пьянство, и неумѣренное употребленіе вина, и роскошная трапеза, послушай, что̀ говоритъ Пророкъ: **лю́тѣ... спѧ́щїи на ѻ҆дрѣ́хъ ѿ косте́й слоно́выхъ, и҆ ласкосе́рдствꙋ́ющїи на посте́лѧхъ свои́хъ, ꙗ҆дꙋ́щїи ко́зльща ѿ па́ствъ, и҆ тельцы̀ ѿ ста́дъ млеко́мъ пита́еми, пїю́щїи процѣже́ное вїно̀, и҆ пе́рвыми воинѧ́ми ма́жꙋщїисѧ**[1]). Если же это запрещалось въ Ветхомъ Завѣтѣ, то тѣмъ болѣе при благодати, гдѣ больше любомудрія. Это сказано мною какъ къ мужамъ, такъ и къ женамъ; поприще общее — нѣтъ различія пола въ станѣ Христовомъ, но одно собраніе. И жены могутъ надѣвать броню, ограждать себя щитомъ и бросать стрѣлу, какъ во время мученичества, такъ и въ другое, когда требуется великое дерзновеніе. Какъ превосходный стрѣлокъ, искусно бросивъ съ тетивы стрѣлу, приводитъ въ смятеніе весь строй непріятелей, — такъ и святые мученики и всѣ поборники истины, противясь кознямъ діавола, съ языка своего, какъ бы съ тетивы, искусно пускаютъ слова, и они, подобно стрѣламъ, летящимъ по воздуху, попадая въ невидимыя полчища бѣсовъ, приводятъ въ смятеніе все ихъ воинство. То же самое произошло и съ блаженнымъ симъ Варлаамомъ: простыми словами, какъ бы летучими

---

[1]) Кн. Прор. Амоса, гл. 6, ст. 4—6.

стрѣлами, онъ приводилъ въ смятеніе діавольскій станъ. Будемъ и мы подражать этому искусству. Не видите ли, въ какомъ изнеможеніи бываютъ возвращающіеся съ зрѣлищъ? А причиною то, что они тщательно внимаютъ происходящему тамъ, и оттуда они приходятъ, сохраняя въ душахъ своихъ и извращенія глазъ, и движенія рукъ, и круженія ногъ, и образы всѣхъ показанныхъ видовъ извращенія мучимаго тѣла. Какъ же не нелѣпо, что они на погибель души своей оказываютъ такую заботливость и постоянно удерживаютъ въ памяти происходящее тамъ, а мы, имѣя сравняться съ Ангелами чрезъ подражаніе здѣшнему, не оказываемъ равнаго съ ними усердія къ соблюденію сказаннаго? Нѣтъ, прошу и умоляю: не будемъ такъ нерадивы о своемъ спасеніи, но станемъ всѣ сохранять мучениковъ въ душахъ своихъ, съ ихъ сковородами, съ котлами, съ прочими мученіями, и, какъ живописцы часто очищаютъ картину, потемнѣвшую отъ дыма, отъ сажи и отъ продолжительности времени, такъ и ты, возлюбленный, пользуйся воспоминаніемъ о святыхъ мученикахъ: когда приходящія житейскія заботы помрачатъ душу твою, ты очисти ее воспоминаніемъ о мученикахъ. Если ты будешь имѣть это воспоминаніе въ душѣ своей, то ни богатству не будешь удивляться, ни бѣдности не станешь оплакивать, ни славы и власти не будешь восхвалять, и совершенно ничего изъ дѣлъ человѣческихъ—изъ блистательныхъ не станешь считать чѣмъ-нибудь великимъ, а изъ прискорбныхъ—невыносимымъ, но, ставъ выше всего этого, будешь имѣть въ постоянномъ созерцаніи этого образа урокъ добродѣтели. Кто видитъ каждый день воиновъ, мужественно дѣйствующихъ въ войнахъ и битвахъ, тотъ никогда не пожелаетъ роскоши и не изнѣженною и разсѣянною жизнію будетъ восхищаться, но строгою, твердою и готовою на подвиги. Да и что общаго между пьянствомъ и сраженіемъ, между чревоугодіемъ и мужествомъ, между благовонными мастями и оружіемъ, между войною и пиршествами? Ты—воинъ Христовъ, возлюбленный: вооружайся же, а не заботься объ украшеніяхъ; ты—доблестный подвижникъ: будь же мужественъ, а не заботься о нарядахъ. Такъ будемъ подражать этимъ святымъ, такъ почтимъ этихъ героевъ, увѣнчанныхъ побѣдителей, друзей Божіихъ и, прошедши одинаковый съ ними путь, мы удостоимся одинаковыхъ съ ними вѣнцовъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ мч҃нкꙋ, гла́съ д҃:

Ꙗви́лсѧ є҆сѝ преꙋдивле́нъ крѣ́постїю, всесожже́нїѧ лїва́нъ бл҃гово́ненъ себѐ прине́слъ є҆сѝ, же́ртвꙋ хр҃тꙋ̀: и҆ вѣне́цъ по́чести прїи́мь варлаа́ме, при́снѡ молѝ за ны̀ страда́льче.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

ВАРЛААМА ПЕЧЕРСКАГО

Въ то время, когда преподобные отцы наши Антоній, Ѳеодосій и Никонъ[1]) сіяли въ Кіевскихъ пещерахъ доблестными подвигами, какъ три свѣтильника, достойные предстоять Престолу Святыя Троицы, многократно приходилъ къ нимъ насладиться ихъ сладостною бесѣдою нѣкто Варлаамъ, сынъ благородныхъ и христолюбивыхъ родителей—Іоанна, перваго между боярами князя Изяслава, и Маріи, внукъ славнаго и храбраго Вышаты, правнукъ воеводы Остроміра[2]).

Съ юности Варлаамъ сіялъ красотою тѣлесной и чистотою души и возымѣлъ любовь къ названнымъ преподобнымъ отцамъ и—настолько сильную, что захотѣлъ жить съ ними вмѣстѣ и оставить мірскую жизнь, вмѣняя ни во что славу и богатство. Особенно привело въ страхъ его Слово Господне, сказанное ему, между прочимъ, преподобными: **Оу҆до́бѣе є҆́сть вельбꙋ́дꙋ сквозѣ̀ и҆глины̀ оу҆́ши проитѝ, не́же бога́тꙋ въ цр҃твїе бж҃їе вни́ти**[3]). И вотъ, пришедши однажды къ преподобному Антонію, онъ открылъ ему свое намѣреніе.

---

1) *Преп. Антоній*—первоначальникъ иноческаго житія на Руси, подвизавшійся въ затворѣ въ пещерахъ Кіевскихъ; память его совершается 10-го іюля. *Преп. Ѳеодосій*—игуменъ Кіево-Печерскій, начальникъ монашескаго общежитія на Руси; память его совершается 3-го мая и 14-го августа (перенесеніе мощей). *Преп. Никонъ*—первый ученикъ и сотрудникъ преп. Антонія; память его совершается 23-го марта.

2) *Изяславъ Ярославичъ*, сынъ Великаго князя *Ярослава Мудраго*, внукъ *св. Владиміра Великаго*—княжилъ въ Кіевѣ съ 1054 по 1068 г.—*Вышата*—воевода Кіевскаго ополченія, отправившагося при Ярославѣ съ сыномъ его Владиміромъ, въ 1042 году, на Грековъ.—*Остроміръ*—Новгородскій посадникъ; съ его именемъ сохранилось Евангеліе—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской письменности.

3) Еванг. отъ Матѳея, гл. 19, ст. 24.

— Хотѣлъ бы я, отче,—сказалъ онъ,—если угодно Богу, быть инокомъ и жить съ вами.

— Благо хотѣніе твое, чадо,—отвѣчалъ старецъ,—и благодатно намѣреніе; но смотри, какъ бы не возвратили тебя назадъ богатство и слава міра сего, ибо, по слову Господню, **никто́же, возло́жь ру́ку свою́ на ра́ло, и҆ зрѧ̀ вспѧ́ть, ᲂу҆пра́вленъ є҆́сть въ ца́рствіи бж҃іи**[1]).

Многое и еще говорилъ старецъ на пользу душевную Варлааму, и сердце у него все болѣе и болѣе разгоралось любовію къ Богу.

Въ такомъ расположеніи душевномъ пошелъ онъ домой. На другой же день послѣ бесѣды съ старцемъ, оставивъ не только родителей, но и обрученную уже съ нимъ невѣсту, онъ сѣлъ на коня, одѣтый въ свѣтлыя и дорогія одежды, и, имѣя при себѣ множество пѣшихъ слугъ, ведущихъ убранныхъ коней, торжественно прибылъ къ пещерѣ. Когда преподобные вышли и поклонились ему до земли, какъ кланялись тогда знатнымъ людямъ, онъ самъ поклонился имъ такъ же (сошедши съ коня). Затѣмъ онъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ ее у ногъ преподобнаго Антонія, и поставилъ предъ нимъ коней, говоря:

— Вотъ, отче, суетныя блага міра сего: дѣлай съ ними, что хочешь; **вмѣнѧ́ю всѧ̑ ᲂу҆ме́ты бы́ти, да хр҃та̀ пріѡбрѧ́щꙋ**[2]), и хочу жить вмѣстѣ съ вами въ этой пещерѣ, а домой болѣе уже не возвращусь.

— Смотри, чадо,—отвѣчалъ ему преподобный Антоній.—Кому ты обѣщаешься и Чьимъ воиномъ хочешь быть, ибо здѣсь невидимо предстоятъ Ангелы Божіи, принимая твое обѣщаніе. Берегись, какъ бы отецъ твой, пришедши сюда съ вооруженною силою, не вывелъ тебя отсюда, хотя бы ты этого и не желалъ: вѣдь мы ничѣмъ тебѣ помочь не можемъ, а ты, между тѣмъ, явишься предъ Богомъ лжецомъ и отступникомъ.

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 62. *Рало*—плугъ. Выраженіе это представляетъ собою присловіе народное, означающее—предпринять какое-либо дѣло, столь же нелегкое, сколь нелегко пахать; чтобы хорошо вспахать и чтобы работа сія была успѣшна, пахарь зорко смотритъ впередъ и не оглядывается постоянно назадъ, иначе работа его не будетъ успѣшна и хороша. Такъ и въ дѣлѣ послѣдованія Христу: кто, рѣшившись на сіе, оглядывается назадъ—на міръ и блага его, тотъ и неблагонадеженъ для Царствія Божія, ибо можетъ быть отвлеченъ отъ него.

2) Посл. къ Филип., гл. 8, ст. 8.

— Вѣрую Богу моему, отче!—воскликнулъ Варлаамъ.—Если даже отецъ и пожелаетъ мучить меня, я не возвращусь къ мірской жизни; объ одномъ молю тебя: скорѣе соверши надо мною постригъ.

Тогда преподобный Антоній велѣлъ преподобному Никону постричь Варлаама и облечь въ монашескую одежду, что и было сдѣлано.

Бояринъ Іоаннъ, узнавъ, что его любимый сынъ постригся въ иночество, сильно разгнѣвался на преподобныхъ и, взявъ съ собою множество слугъ, напалъ на спасавшихся въ пещерѣ иноковъ и всѣхъ разогналъ оттуда, а сына насильно вытащилъ вонъ и, сорвавъ съ него мантію и куколь, бросилъ ихъ въ ручей. Затѣмъ онъ одѣлъ его въ свѣтлыя драгоцѣнныя одежды, приличествующія его происхожденію; но святый тотчасъ же сбросилъ ихъ съ себя, не желая даже и смотрѣть на нихъ, и это повторялось нѣсколько разъ, такъ что отецъ велѣлъ связать ему руки, силою опять одѣть его и въ такомъ видѣ вести черезъ городъ домой. Но Варлаамъ, увидя по пути яму, наполненную нечистотами, быстро спустился въ нее и, поспѣшно сбросивъ съ себя одежду, топталъ ее ногами въ грязи, попирая вмѣстѣ съ нею и ухищренія лукаваго. Когда они пришли домой, отецъ велѣлъ ему сѣсть съ собою за столъ: онъ принужденъ былъ поневолѣ повиноваться, но ничего не ѣлъ изъ подаваемыхъ кушаній и сидѣлъ, опустивъ голову. По окончаніи трапезы отецъ отпустилъ Варлаама въ его комнату, приставивъ слугъ стеречь его, чтобы онъ не ушелъ. Потомъ онъ приказалъ обрученной со святымъ дѣвицѣ надѣть лучшія украшенія для прельщенія его и всячески ухаживать за нимъ. Но угодникъ Христовъ Варлаамъ ушелъ въ одну изъ комнатъ и сѣлъ въ углу на полъ. Обрученница его, согласно данному ей приказанію, пошла за нимъ и упрашивала сѣсть на своей постели. Тогда онъ, видя ея неразуміе и догадавшись, что отецъ подослалъ ее, чтобы прельстить его, вознесъ изъ глубины сердца тайную молитву всемилостивому Богу о спасеніи отъ соблазна. Три дня просидѣлъ онъ не вставая на одномъ мѣстѣ, ничего не вкушая, не одѣваясь и оставаясь въ одной власяницѣ. Между тѣмъ преподобный Антоній и находившіеся съ нимъ въ пещерѣ были очень опечалены его судьбою и молились за него Богу. И Богъ услышалъ молитву ихъ, ибо, по слову Псалмопѣвца, **воззва́ша пра́ведніи, и҆ гдⷭ҇ь ᲂу҆слы́ша и҆́хъ, и҆ ѿ всѣ́хъ скорбе́й и҆́хъ и҆зба́ви и҆́хъ**[1]),

[1]) Псаломъ 33, ст. 18.

и, видя терпѣніе и смиреніе святаго, обратилъ ожесточившееся сердце отца на милость къ сыну. Слуги донесли боярину, что вотъ уже четвертый день сынъ его не принимаетъ пищи и не одѣвается. Отецъ сжалился надъ сыномъ и, боясь, какъ бы онъ не умеръ отъ голода и холода, призвалъ его и, съ любовію поцѣловавъ, отпустилъ въ пещеру. И произошло тогда нѣчто весьма удивительное: послышались въ домѣ рыданія и вопли, какъ по мертвецѣ; плакали всѣ: отецъ съ матерію—о томъ, что лишаются сына, невѣста—о томъ, что разлучается съ женихомъ, рабы и рабыни—о томъ, что покидаетъ ихъ добрый господинъ. А святый Варлаамъ, какъ птица, вырвавшаяся изъ сѣти, быстро направился къ пещерѣ. Находившіеся въ ней иноки всѣмъ сердцемъ обрадовались, увидя Варлаама, и прославили Бога, услышавшаго ихъ молитву о немъ.

Когда число братіи въ пещерѣ увеличилось до 12-ти, то преподобный Антоній, видя доблестное подвижничество Варлаама и преуспѣяніе его въ добродѣтели, отъ всего сердца благодарилъ Бога за то, что въ цвѣтущемъ юношѣ оказались духовные плоды, свойственные старцу, и проявилась такая благодать, что онъ вполнѣ могъ быть вождемъ въ жизни для прочихъ. Поэтому, посовѣтовавшись со всѣми братіями, жившими въ пещерѣ, онъ поставилъ Варлаама игуменомъ вмѣсто себя, а самъ, привыкнувъ жить одинъ и не перенося людской суеты и разговоровъ, переселился на другой холмъ, что подъ новымъ монастыремъ, и тамъ выкопалъ пещеру, въ которой и жилъ, предаваясь безмолвію и бесѣдуя всегда съ Единымъ Богомъ. Тамъ лежитъ честно́е тѣло его и донынѣ.

Преподобный Варлаамъ, принявъ начальство надъ братіею, сталъ вести еще болѣе строгую подвижническую жизнь. Когда число братіи значительно увеличилось, а между тѣмъ въ пещерѣ во время соборнаго Богослуженія могло помѣститься не болѣе 20 человѣкъ, тогда онъ, испросивъ благословеніе у преподобнаго Антонія, построилъ надъ пещерою небольшую деревянную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, для того чтобы въ этой церкви собирались для Богослужебнаго пѣнія тѣ изъ братій, которые, за тѣснотою, не могли принимать участія въ пѣніи при Богослуженіи въ пещерѣ. Съ тѣхъ поръ обозначилось видимымъ образомъ и мѣсто самой пещеры, остававшееся дотолѣ незамѣтнымъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Великій князь Изяславъ Ярославичъ, нареченный во Святомъ

Крещеніи Димитріемъ, построилъ каменный храмъ во имя тезоименитаго себѣ святаго, великомученика Димитрія, и устроилъ при этомъ храмѣ монастырь. Преподобнаго Варлаама, какъ своего родственника и мужа, опытнаго въ иноческой жизни, князь поставилъ въ этомъ монастырѣ игуменомъ. Здѣсь преподобный велъ образъ жизни, къ какому привыкъ въ пещерѣ; братію же и всѣхъ вообще онъ болѣе всего училъ и умолялъ заботиться о спасеніи души со всею ревностію и имѣть совѣсть, всегда чистую предъ Богомъ и ближними. И Богъ, видя любовь преподобнаго къ братіи и его попеченія о нихъ, помогалъ имъ совершенствоваться во всѣхъ добродѣтеляхъ.

Ко многимъ другимъ своимъ подвигамъ преподобный Варлаамъ присоединилъ здѣсь еще новый: выбравъ удобное время, онъ отправился во Святый Градъ Іерусалимъ и, обошедши Святую Землю, возвратился въ свой монастырь. Чрезъ нѣсколько времени онъ отправился въ Царьградъ, обошелъ тамъ всѣ монастыри и, купивъ все, нужное для обители, отправился назадъ. Находясь въ пути, онъ впалъ въ тяжелый недугъ и, достигнувъ города Владиміра, остановился около него въ монастырѣ, называемомъ Святая Гора, гдѣ и почилъ съ миромъ о Господѣ[1]), завѣщавъ предъ смертію бывшимъ съ нимъ перенести тѣло его для погребенія въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, а иконы и все, купленное имъ для нуждъ обители, передать преподобному Ѳеодосію. Завѣщаніе преподобнаго было исполнено, и честныя мощи его донынѣ лежатъ въ пещерѣ нетлѣнными.

Молитвами преподобнаго Варлаама да сподобимся и мы, исполняя на пути земной жизни нашей заповѣди Господни, содѣлаться наслѣдниками нашего небеснаго отечества во Христѣ Іисусѣ Господѣ, Которому слава со Отцемъ, и Святымъ Духомъ вовѣки. Аминь.

---

[1]) † 1066 года.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

АЗЫ

И СЪ НИМЪ 150 ВОИНОВЪ

Святый мученикъ Аза былъ воиномъ въ Исавріи[1]) при царѣ Діоклетіанѣ. Но потомъ, желая быть воиномъ не земнаго царя, а Небеснаго, онъ оставилъ воинское званіе и удалился въ пустыню. Совершая здѣсь многочисленныя чудеса и исцѣляя больныхъ, онъ, какъ ревностный послѣдователь Христа, былъ схваченъ и приведенъ на судъ къ правителю Исаврійской области Аквилину. Когда воины вели святаго на судъ, святый Аза поучалъ ихъ вѣрѣ Христовой,—и воины увѣровали послѣ того, какъ святый сотворилъ предъ ними чудо. Такъ какъ сопровождавшіе мученика воины сильно возжелали Святаго Крещенія, то Аза обратился съ молитвою къ Богу, и, по молитвѣ святаго, истекла вода. Тѣмъ не менѣе воины, научаемые святымъ, который внушилъ имъ, что они обязаны повиноваться предержащимъ властямъ,—привели Азу на судъ къ правителю и, вмѣстѣ съ нимъ, исповѣдывали себя христіанами. Тогда правитель Аквилинъ, для устрашенія другихъ, повелѣлъ подвергнуть мученика великимъ истязаніямъ, рвать тѣло его желѣзными когтями и, наконецъ, привязавъ его къ колесу, вертѣть это колесо. Но святый, при помощи Божіей, оставался невредимымъ. Видя это, жена правителя и дочь ея увѣровали во Христа и исповѣдывали свою вѣру. Тогда правитель такъ разгнѣвался, что тутъ же повелѣлъ обезглавить жену и дочь, а съ ними и всѣхъ увѣровавшихъ воиновъ, которыхъ было числомъ 150 человѣкъ.

Послѣ того святый Аза былъ подвергнутъ новымъ мученіямъ и, наконецъ, былъ обезглавленъ[2]).

---

[1]) *Исаврія*—небольшая область на югѣ Малой Азіи.

[2]) Въ началѣ IV вѣка.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ИЛІОДОРА

Въ царствованіе Авреліана[1]) въ Памфилійскомъ[2]) городѣ Магидѣ, которымъ управлялъ Аецій, безбоязненно проповѣдывалъ Христа одинъ благочестивый человѣкъ, именемъ Иліодоръ. За это онъ былъ схваченъ и приведенъ къ правителю, обвиненный въ распространеніи гонимаго ученія. Святаго привели на судъ. На допросѣ правитель Аецій долго убѣждалъ Иліодора, чтобы онъ отрекся отъ Христа и принесъ жертву идоламъ. Но святый мужественно и твердо исповѣдывалъ Христа Богомъ. Тогда правитель повелѣлъ повѣсить Иліодора и строгать его тѣло желѣзными когтями. Во время мученій святый громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Господи, Іисусе Христе! Помоги мнѣ!

Тотчасъ послѣдовалъ Голосъ съ Неба:

— Не бойся! Я съ тобою!

Голосъ этотъ слышали исполнители казни, которые видѣли при этомъ и четырехъ Ангеловъ. Видѣніе такъ подѣйствовало на нихъ, что они увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа и стали обличать правителя. Разгнѣванный правитель тотчасъ же повелѣлъ бросить ихъ въ море. Вмѣстѣ съ этимъ онъ повелѣлъ разжечь мѣднаго вола и бросить туда мученика. Когда святый былъ вверженъ туда, то, по молитвамъ его, волъ тотчасъ же остылъ, а святый воспѣлъ Богу благодарственную пѣснь.

Узнавъ объ этомъ, правитель удивился и, подойдя къ мѣдному волу, убѣдился, что волъ мгновенно остылъ. Обратясь къ святому, онъ сказалъ:

— Нечестивецъ! Твои волшебства превозмогли даже огонь!

Святый же отвѣчалъ:

— Не волхвованія сдѣлали то, но помощь Христа.

Сказавъ это, святый сталъ просить у мучителя три дня сроку, чтобы обдумать, что дѣлать.

---

1) *Авреліанъ* — Римскій императоръ, царствовалъ съ 270 по 276 г.

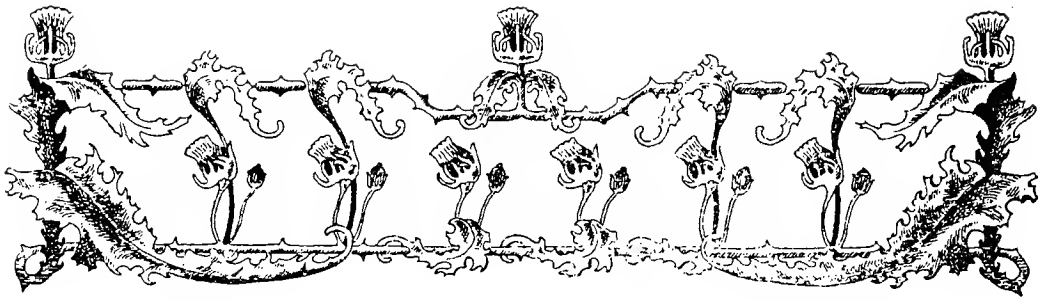
2) *Памфилія* — область на югѣ Малой Азіи.

Когда святый былъ освобожденъ, онъ тайно отправился въ капище и сталъ тамъ молиться; по молитвѣ святаго произошло землетрясеніе, во время котораго идолы пали и разбились. Узнавъ объ этомъ, правитель приказалъ снова привести на судъ святаго Иліодора и, исполнившись гнѣва, повелѣлъ повѣсить его и въ голову его вонзить разжженные гвозди. Испытывая страшную боль, святый призвалъ на помощь Бога, и тотчасъ же мученія его облегчились. Тогда правитель приказалъ наложить на него тяжелыя желѣзныя оковы и отвести его къ правителю одного сосѣдняго города. Когда святый Иліодоръ былъ приведенъ къ послѣднему, то тотъ долго бесѣдовалъ съ нимъ съ тою цѣлію, чтобы принудить его къ принесенію жертвы идоламъ. Но видя его упорство, правитель повелѣлъ вложить руки и ноги его въ четыре разщепа дерева и затѣмъ бросить въ разжженный котелъ. Находясь въ котлѣ, святый молился, и вмѣстѣ съ этимъ призывалъ предстоящихъ войти къ нему, говоря, что это не причинитъ имъ вреда. И многіе изъ бывшихъ тамъ увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа.

— Поистинѣ великъ Богъ христіанскій,—говорили они.

Правитель, видя, что многіе увѣровали въ Бога Иліодорова, и боясь, какъ бы увѣровавшіе не скрыли святаго мученика, приказалъ отвести его въ Магиду. Тогда воины взяли его и пошли вмѣстѣ съ нимъ. Прибывши въ Магиду, они снова привели его на судъ. Подвергнувъ святаго испытанію, правитель повелѣлъ повѣсить его, строгать его тѣло и затѣмъ отсѣчь ему голову. Когда Иліодора влекли за городъ, святый мученикъ сдѣлалъ знакъ рукою влекущимъ, чтобы они остановились, и когда тѣ исполнили его просьбу, онъ совершилъ моленіе, послѣ чего былъ обезглавленъ [1]).

[1]) Около 273 года.



День двадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ ДЕКАПОЛИТА

Преподобный Григорій родился въ городѣ Иринополѣ въ Десятиградіи[1]) отъ христіанскихъ родителей Сергія и Марѳы, благочестивой и богобоязненной женщины. Восьми лѣтъ онъ отданъ былъ для наученія грамотѣ, и еще въ юности хорошо изучилъ Слово Божіе и отличался усердіемъ къ храму Божію. Стремясь къ небесному, онъ возненавидѣлъ все земное: не вкушалъ пріятныхъ для вкуса снѣдей, употребляя лишь простую и грубую пищу, отказывался носить богатыя и мягкія одежды, самъ пропитывалъ себя рукодѣліемъ, отдавая остатокъ бѣднымъ. Часто онъ удалялся въ безмолвіе и тамъ наединѣ молился Богу, чтобы Онъ удостоилъ его быть вѣрнымъ рабомъ Его.

Когда Григорій достигъ совершеннолѣтія, родители намѣревались женить его, но онъ тайно убѣжалъ и удалился въ одинъ пустынный монастырь, гдѣ принялъ иночество и ревностно подвизался въ постѣ и воздержаніи, въ молитвахъ и непрестанныхъ

---

[1]) *Десятиградіе*—по-гречески Декаполь—союзъ 10 городовъ въ Исавріи, небольшой области въ горахъ Малой Азіи, на югѣ ея; *Иринополь*—одинъ изъ этихъ городовъ. По имени этого союза городовъ преподобный Григорій и получилъ наименованіе Декаполита.

ночныхъ бдѣніяхъ, возлагая на себя всякія тяготы самой строгой иноческой жизни. Между тѣмъ, вскорѣ отецъ Григорія умеръ; благочестивая же мать, послѣ долгихъ поисковъ нашедши его, не только не укоряла, но и одобрила его намѣреніе посвятить себя иноческимъ подвигамъ; она просила его только перейти въ другой монастырь, гдѣ находился и братъ его. Повинуясь волѣ матери, преподобный переселился туда; но когда онъ узналъ, что настоятель монастыря того — иконоборецъ, то, какъ горячій ревнитель Православія, обличилъ его предъ всею братіею. Тогда настоятель въ ярости жестоко побилъ его, послѣ чего Григорій ушелъ въ другой монастырь, гдѣ настоятелемъ былъ родственникъ его матери, Симеонъ. Съ радостію встрѣтивъ Григорія, Симеонъ, какъ мужъ опытный въ подвижнической жизни, наставилъ юношу на всякую добродѣтель.

Прп҃бный
ГРИГО́РІЙ

Проживъ здѣсь около четырнадцати лѣтъ, преподобный Григорій заслужилъ общее уваженіе, и всѣ стали почитать его за добродѣтельнаго и святаго человѣка. Преуспѣвая въ глубокомъ смиреніи и желая содѣлаться совершеннымъ инокомъ, онъ испросилъ у настоятеля позволеніе поселиться въ уединенной келліи, дабы, не имѣя никакого житейскаго попеченія, проводить время въ безмолвіи. Настоятель, провидя благое произволеніе его, отвелъ ему для подвиговъ одну пещеру въ глубокой отвѣсной разсѣлинѣ. И началъ святый еще съ бо́льшею ревностію подвизаться въ той пещерѣ. Но, не смущаемый молвой людской, онъ потерпѣлъ здѣсь великое безпокойство отъ демоновъ, которые всячески озлобляли и искушали его, стараясь прогнать его изъ ихъ жилища. То угрожали они ему, крича: «Уходи изъ нашего жилища,—иначе много пострадаешь отъ насъ»; то устремлялись на него, принимая видъ страшныхъ скорпіоновъ. Но онъ оставался неуязвимымъ и неустрашимымъ.

Когда стоялъ онъ на молитвѣ, бѣсы уязвляли его руки и ноги; но онъ пренебрегалъ наносимыми ему язвами, считая ихъ ни во что. И бѣсы со срамомъ удалились. Спустя немного дней, они явились къ нему въ видѣ воиновъ, угрожая его убить; но онъ сотворилъ крестное знаменіе, и они исчезли. Послѣ того являлись они святому, блистая свѣтомъ и говоря, что они—сорокъ мучениковъ[1]) и пришли дать ему благодать и силу противъ демоновъ; но онъ, провидѣвъ ихъ козни, запретилъ имъ, и они снова исчезли. Также безсильны были и другія искушенія, ибо благодать Божія содѣйствовала ему и истребляла въ немъ всѣ прираженія плоти. Вскорѣ послѣ того Господь сподобилъ Своего вѣрнаго угодника дивнаго посѣщенія: Григорій пришелъ въ состояніе какъ бы нѣкоего восхищенія, во время котораго явился ему съ Неба Блистающій Свѣтъ съ неизреченнымъ благоуханіемъ, наполнившимъ пещеру и остававшимся въ ней въ продолженіе многихъ дней. О семъ чудѣ святый счелъ долгомъ сообщить своему настоятелю, дабы спросить его какъ человѣка опытнаго въ духовной жизни отъ Бога ли сіе видѣніе, или не дѣйствіе ли оно діавола, посланное для того, чтобы соблазнить и прельстить его. Внимательно выслушавъ разсказъ Григорія, настоятель успокоилъ его и сказалъ ему, чтобы онъ не имѣлъ никакого сомнѣнія, ни страха, но что это—Свѣтъ Божественный, который своимъ благовоніемъ прогналъ смертоносное зловоніе духа лукаваго. «Трудись въ подвигѣ, сколько можешь,—заключилъ старецъ,—уповая, что ты имѣешь Бога себѣ помощникомъ». И дѣйствительно, святый Григорій отъ благодатнаго видѣнія того исцѣлился и освободился отъ удручавшей его болѣзни тѣлесной и отъ болѣзни душевной—плотскаго соблазна, которымъ хотѣли прельстить его демоны, и отъ всѣхъ ихъ злокозненныхъ искушеній. Съ того времени блаженный еще болѣе усилилъ свои подвиги и молитвы, непрестанно взывая къ Господу изъ глубины души. Преодолѣвъ, такимъ образомъ, діавольскія козни, преподобный Григорій за свою святую и непорочную жизнь сподобился отъ Бога благодатнаго дара чудотвореній. И такъ какъ не подобало сему Божественному свѣтильнику Церкви оставаться подъ спудомъ, то Господь воззвалъ къ нему съ Неба, какъ нѣкогда къ патріарху Аврааму[2]):

---

[1]) Здѣсь разумѣются 40 мучениковъ Севастійскихъ, память коихъ празднуется Церковію 9-го марта.

[2]) Кн. Бытія, гл. 12, ст. 1.

— Григорій! Если желаешь достигнуть совершенства, изыди отъ земли твоей и отъ родства твоего и странствуй во благо свое.

Повинуясь сему Божественному Гласу, Григорій, оставивъ пещеру, направился въ Ефесъ, чтобы найти корабль для отплытія въ Константинополь: Церковь Константинопольскую въ то время обуревала иконоборческая ересь, и, ревнуя о славѣ Божіей и чистотѣ Православія, святый намѣревался вступить на защиту его и изобличить лжемудрованія еретиковъ. Но Промыслъ Божій судилъ иначе: святому Григорію надлежало, согласно Божественному призыву, всю остальную жизнь свою провести въ странствованіяхъ, **не имѣѧ здѣ пребыва́ющагѡ гра́да, но грѧдꙋ́щагѡ взыскꙋѧ** [1]), подобно Господу нашему Іисусу Христу, бывшему странникомъ на землѣ и не имѣвшему, гдѣ приклонить голову [2]).

Отправившись изъ Ефеса въ Константинополь, преподобный по дорогѣ остановился сначала въ Проконисѣ [3]), гдѣ одинъ бѣдный человѣкъ, несмотря на строгіе указы царей-иконоборцевъ [4]), запрещавшіе принимать къ себѣ иноковъ, радушно принялъ его въ своемъ домѣ ради Господа, за что Господь и обогатилъ его въ продолженіе немногихъ дней. Отсюда святый направился далѣе въ Византію, но, встрѣтивъ препятствіе къ тому, позналъ изъ сего, что нѣтъ воли Божіей на путешествіе его туда, и отправился въ Эносъ [5]). Здѣсь онъ получилъ жестокіе побои отъ одного всадника, возбужденнаго къ тому діаволомъ; но праведный, претерпѣвая удары, молился Богу, чтобы Онъ простилъ его обидчика, и послѣдній, видя кротость его, раскаялся, просилъ прощенія и получилъ отъ преподобнаго наставленіе впредь никого не обижать. Отправившись отсюда на кораблѣ, преподобный прибылъ въ Христополь [6]), откуда переправился въ Солунь.

Пробывъ въ Солуни немного дней, святый Григорій отправился сухимъ путемъ въ Коринѳъ. Отплывъ отсюда въ Римъ, онъ по

---

1) Посл. къ Евр., гл. 13, ст. 14.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 20. Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 58.

3) *Проконисъ* — нынѣ Мармара, островъ въ западной части Мраморнаго моря,

4) *Левъ III Исаврянинъ* (716—741 г.), въ особенности сынъ его Константинъ Копронимъ (741—775 г.) и сынъ и преемникъ послѣдняго Левъ IV Хазаръ (775—780 г.).

5) *Эносъ*—приморскій городъ-гавань на югѣ нынѣшней Румеліи, на западъ отъ Константинополя.

6) *Христополь*—иначе Емволы, городъ въ Македоніи на рѣкѣ Стримонѣ, протекающей въ 50 верстахъ отъ Солуни на сѣверо-востокѣ.

дорогѣ остановился на нѣкоторое время въ Регіи[1]). Здѣсь нѣкоторые люди, видя, что преподобный ничего не имѣетъ, дали ему нѣкое количество золота. Святый же, хотя и не зналъ жертвователей, но, по Божественной благодати, прозрѣлъ, что данное ему золото пріобрѣтено неправдою; посему, желая научить, чтобы воздержались отъ неправды, изобличилъ виноватаго и возвратилъ неправедно пріобрѣтенныя деньги. Оставивъ Регій, святый отправился далѣе въ Римъ. На пути одинъ изъ плывшихъ упалъ съ судна въ море, подлѣ берега, гдѣ имъ слѣдовало выйти на сушу, чтобы идти въ Римъ. И вотъ, совершилось чудо, ясно засвидѣтельствовавшее, что на преподобномъ почиваетъ благодать Божія; ибо онъ одною молитвою вынесъ его на землю и спасъ отъ неминуемой гибели.

Прибывъ въ Римъ, преподобный Григорій три мѣсяца пробылъ въ безмолвіи въ одной уединенной келліи, такъ что никто и не зналъ о немъ. Но одинъ бѣсноватый сдѣлалъ извѣстнымъ его пребываніе въ городѣ: ибо святый исцѣлилъ его, изгнавъ изъ него духа нечистаго, и всѣ стали почитать его за святаго. Тогда Григорій удалился оттуда и, прибывъ въ Сицилію, заключился въ одной башнѣ и пребывалъ въ ней въ молчаніи. Здѣсь напали на него демоны, истребили рогожу, на которой онъ спалъ, и всячески искушали его, и причиняли ему различныя злокозненныя дѣйствія; но онъ молитвою прогналъ ихъ. Здѣсь же онъ спасъ отъ вѣчной гибели одну женщину—грѣшницу, безчисленными хитростями склонявшую мужчинъ, особенно корабельщиковъ, прибывавшихъ изъ чужихъ мѣстъ, къ нечистотѣ блуда. Угрожая ей вѣчными мученіями, святый своими убѣжденіями довелъ ее до того, что она отреклась отъ міра, приняла иночество, и мѣсто плотской скверны обратилось въ монастырь. Послѣ того пришла къ преподобному Григорію въ башню одна бѣснуемая женщина, и онъ молитвою своею прогналъ изъ нея демона. Много и другихъ еще чудесъ сотворилъ онъ на этомъ мѣстѣ. Когда всѣ узнали объ этомъ и стали почитать его, то святый удалился и оттуда.

Однажды, путешествуя, онъ встрѣтилъ войско Сарацинъ[2]). Одинъ изъ нихъ поилъ при колодцѣ коня, и, когда святый подошелъ, тотъ направилъ копье, чтобы убить его. Но вдругъ рука его остано-

---

[1]) *Регій*—городъ въ юго-западной части Италіи, на берегу Сицилійскаго пролива.

[2]) *Сарацины*—наименованіе Арабовъ, кочующаго разбойническаго племени Аравіи; впослѣдствіи это наименованіе распространилось на всѣхъ магометанъ вообще.

вилась въ воздухѣ, такъ что онъ не могъ опустить ее. Тогда онъ пошелъ за преподобнымъ, умоляя его объ исцѣленіи. Святый, прикоснувшись къ его рукѣ своею, исцѣлилъ его. Далѣе на пути встрѣтилъ святаго одинъ жестоко мучимый бѣсноватый. Умилосердившись надъ нимъ, святый сотворилъ молитву къ Богу, и демонъ оставилъ страждущаго.

Наконецъ Григорій снова прибылъ въ Солунь и поселился тамъ въ монастырѣ святаго Мины. При этомъ онъ пребывалъ въ такой нищетѣ, что не имѣлъ никакой пищи, ни чѣмъ бы покрыться, а носилъ только одну одежду, которая служила ему и днемъ и ночью. Когда онъ чувствовалъ непреодолимый голодъ, то выходилъ изъ церкви и если видѣлъ гдѣ-либо трапезующихъ, то входилъ къ нимъ и вкушалъ съ ними немного пищи. Но потомъ онъ почувствовалъ, что не дòлжно ему питаться отъ чужаго труда, и рѣшился пребывать въ храмѣ безъ пищи до тѣхъ поръ, пока Господь не пошлетъ ему помощь свыше. И Господь, препитавшій нѣкогда Пророка Илію чрезъ врана[1]) и многихъ другихъ добродѣтельныхъ рабовъ Своихъ чудеснымъ образомъ, не оставилъ безъ помощи вѣрнаго раба Своего; по внушенію свыше, одна боголюбивая вдова каждодневно доставляла ему пищу.

Вскорѣ преподобный Григорій прославился по всей окрестной мѣстности своими чудотвореніями. Такъ, однажды пришла къ нему одна бѣдная женщина и просила у святаго помощи на возобновленіе ея небольшаго домика, такъ какъ онъ обветшалъ. Въ отвѣтъ на ея просьбу святый сказалъ:

— Иди начинай дѣло, и Богъ, отецъ сиротъ, пошлетъ тебѣ помощь.

Женщина съ вѣрою пошла и начала копать землю, чтобы положить зданію основаніе. И вотъ, съ того мѣста полилась въ безмѣрномъ множествѣ смола. Женщина продала ее и на вырученныя деньги не только выстроила домикъ, но еще и питалась отъ продажи этой смолы, и удовлетворяла другія свои нужды.

Одному иноку, подвизавшемуся близъ монастыря святаго Мины на столпѣ, преподобный Григорій, предузнавъ о томъ Духомъ Святымъ, предсказалъ о близкой кончинѣ, какъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Неустанно работая надъ собою, свято соблюдая чистоту душевную и совершенствуясь въ добродѣтеляхъ христіан-

---

[1]) 3 Кн. Цар., гл. 7, ст. 6.

скихъ, преподобный Григорій имѣлъ великое дерзновеніе ко Господу и уготовалъ себя въ жилище Святому Духу; съ божественнымъ раченіемъ шелъ онъ тѣснымъ путемъ смиренномудраго подвига, непрестаннымъ бодрствованіемъ далеко прогоняя всякое небреженіе и вражескія прираженія, такъ что врагъ и во снѣ не могъ дѣйствовать на его воображеніе и помыслы; согласно имени своему онъ былъ воистину бодрствующимъ[1]) въ отношеніи всѣхъ дѣлъ и помышленій и очистилъ душу и тѣло отъ всѣхъ страстей. Рукоположенный въ санъ іерея, онъ совершалъ Божественныя службы съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ; превозношеніе и тщеславіе онъ исторгнулъ совершенно. Болѣе же всего хранилъ чистоту Православія и въ словахъ, и въ дѣлахъ; поражая еретиковъ, сколько могъ, онъ словами и писаніями училъ поклоняться святымъ иконамъ и почитать ихъ по преданію Церкви; многіе города очистилъ онъ отъ скверны иконоборства и убѣждалъ даже и самую кровь пролить за святыя иконы, если бы то потребовалось, и самъ готовъ былъ принять за нихъ смерть, и былъ мученикомъ по доброму произволенію. Превыше всѣхъ добродѣтелей онъ имѣлъ постоянную святую молитву, всегда устремляя умъ къ Богу; пѣснословя и прославляя Его со святыми Ангелами, онъ еще здѣсь получилъ залоги неизглаголанной радости вѣчнаго блаженства. Однажды ночью ему явился въ видѣніи Ангелъ Господень, вручившій ему пламенный мечъ для пораженія всей силы бѣсовской и для отсѣченія отъ Церкви—еретическихъ мудрствованій, а отъ сердца—грѣховныхъ страстей. Иногда преподобный, занятый богомысліемъ, слышалъ ангельское пѣніе: такъ былъ угоденъ онъ Богу и Ангеламъ, что, еще находясь въ смертномъ тѣлѣ, удостоивался уже безсмертныхъ, божественныхъ наслажденій, сподоблялся слушать ангельское пѣніе, котораго ѹ҆хо не слы́ша[2]), и несказанно услаждаться имъ.

Проведя въ Солуни нѣсколько лѣтъ, преподобный Григорій съ однимъ изъ учениковъ своихъ пошелъ въ Болгарію, тогда еще языческую, но, не дошедши до нея, возвратился. Когда ученикъ спросилъ его, отчего онъ такъ скоро перемѣнилъ свое намѣреніе, преподобный отвѣчалъ:

— Мнѣ хотѣлось побывать тамъ, но вижу, что тамъ солнце не свѣтитъ.

---

[1]) Григорій съ греческаго значитъ: *бодрствующій*.

[2]) 1 Посл. къ Кор., гл. 2, ст. 9.

Сими словами онъ пророчески предвозвѣстилъ о тѣхъ безпорядкахъ, которые вскорѣ послѣ того тамъ возникли и во время которыхъ кровь лилась рѣкою и вся страна была выжжена.

Вслѣдъ затѣмъ преподобный Григорій ходилъ изъ Солуни въ Византію и оттуда на гору Олимпъ[1]), съ которой снова возвратился въ Солунь.

Такъ подвизаясь и на землѣ помышляя о небесномъ, преподобный Григорій приблизился ко времени отшествія своего изъ сей жизни. Тяжко заболѣвъ отъ падучей болѣзни, онъ лежалъ неподвижно на одрѣ и горячо молился Богу, чтобы Онъ освободилъ его отъ этой болѣзни и замѣнилъ ее другою—водяною. Богъ услышалъ его молитву: освободивъ его отъ первой болѣзни, далъ ему ту, о которой онъ просилъ. И такъ раздулось тѣло его, что казалось какъ бы мѣхомъ, наполненнымъ воздухомъ. Оставивъ Солунь, преподобный съ великимъ трудомъ прибылъ въ Константинополь, дабы противодѣйствовать здѣсь ереси иконоборства[2]), и уже болѣе не возвращался обратно. Съ собою онъ привелъ также двухъ учениковъ и сподвижниковъ своихъ Іосифа и Іоанна[3]). Перваго изъ нихъ онъ вскорѣ послалъ, по просьбѣ православныхъ иноковъ, въ Римъ къ папѣ Льву III[4]), чтобы просить у него помощи по случаю открывшагося гоненія на святыя иконы; но, на пути туда, былъ захваченъ подкупленными императоромъ-иконоборцемъ Львомъ Армяниномъ морскими разбойниками и заточенъ на островѣ Кипрѣ.

Іосифу не суждено было болѣе увидѣть въ живыхъ своего великаго учителя. Преподобный Григорій вскорѣ послѣ сего предалъ чистую душу свою Господу. За двѣнадцать дней до кончины онъ предузналъ день своего отшествія и велѣлъ отвести себя въ странноприимный домъ, гдѣ, 20-го ноября, тихо скончался[5]). Когда пришли

---

1) Здѣсь разумѣется гора *Олимпъ Виѳино-Мизійскій,* на сѣверѣ Малой Азіи, на границахъ Виѳиніи и Мизіи, гдѣ процвѣтало тогда монашество.

2) Это было въ царствованіе *императора Льва Армянина* (813—820 гг.). Этотъ императоръ, будучи не въ состояніи склонить Патріарха Константинопольскаго Никифора къ ереси иконоборческой, послалъ его въ мартѣ 816 года въ заточеніе, равно и другихъ епископовъ, игуменовъ и монаховъ, съ дерзновеніемъ защищавшихъ почитаніе св. иконъ, заточилъ въ темницы въ Константинополѣ или отправилъ въ ссылку.

3) *Преподобный Іосифъ,* извѣстный въ исторіи Церкви подъ именемъ «Пѣснописца», † 883 г.; память его совершается Церковію 4-го апрѣля. Преподобный Іоаннъ, ученикъ Григорія Декаполита, † между 820—850 гг.; память его совершается 18-го апрѣля.

4) Папа Левъ III съ 795 г. по 816 г.

5) Кончина *преп. Григорія Декаполита* послѣдовала въ 816 г.—Преп. Іосифъ не засталъ въ живыхъ своего учителя. Возвратившись чрезъ шесть лѣтъ изъ заточенія въ

погребать честно́е тѣло его, приблизился къ нему съ вѣрою одинъ больной, имѣвшій тяжкую болѣзнь, такъ что не могъ стоять прямо, но лицо его постоянно обращено было къ землѣ. И вотъ, представилось ему, что кто-то положилъ на него руку сзади, и онъ обратился съ вопросомъ къ стоявшему около него, не онъ ли коснулся его. Тотъ отвѣчалъ отрицательно, и больной узналъ изъ сего, что это была сила Божія, осѣнявшая святаго, который и даровалъ ему исцѣленіе,—и онъ сталъ стоять прямо, совершенно исцѣлѣвъ отъ своей болѣзни. Другой мучимъ былъ духомъ нечистымъ, но какъ только приблизился ко гробу преподобнаго, демонъ оставилъ его. Одинъ инокъ весьма мучимъ былъ плотскою страстію и близокъ къ паденію, но, пришедши ко гробу святаго, со слезами просилъ помощи,—и плотская брань прекратилась, и онъ прославилъ святаго и возблагодарилъ Бога.

Такъ, послѣ многотруднаго странствованія земного, преподобный Григорій достигъ вѣчнаго покоя на Небесахъ между святыми Ангелами, видѣнія и слышанія которыхъ онъ удостоился еще во время земной жизни своей, и теперь вмѣстѣ съ ними прославляетъ Трисвятыми пѣснопѣніями Единаго въ Троицѣ Бога во вѣки.

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ г҃:

Свѣ́тлое тѧ̀ со́лнце цр҃ковь познава́етъ, добродѣ́телей красота́ми, и҆ и҆сцѣле́нїй лꙋча́ми всѣ́хъ просвѣща́ѧ хр҃то́въ оу҆го́дниче: тѣ́мже пра́зднꙋемъ чⷭ҇тнꙋ́ю па́мѧть твою̀ и почита́емъ по́двиги твоѧ̀, всеблже́нне ѻ҆́тче премꙋ́дре григо́рїе.

Константинополь, онъ имѣлъ лишь утѣшеніе осязать руками нетлѣнное тѣло преп. Григорія и поселился съ ученикомъ его Іоанномъ при гробѣ его. По кончинѣ же Іоанна Іосифъ, оставивъ это мѣсто, поселился при храмѣ св. Іоанна Златоустаго и положилъ въ немъ прославленныя нетлѣніемъ и чудесами мощи преп. Декаполита и ученика его Іоанна; спустя нѣкоторое время недалеко отъ этого храма онъ основалъ обитель иноковъ во имя св. Николая Касульскаго и въ нее перенесъ мощи преподобныхъ. Іосифъ же Пѣснописецъ написалъ и службу въ честь преп. Григорія.—Мощи преп. Григорія нетлѣнныя и цѣлыя находятся въ настоящее время въ Румыніи въ монастырѣ Быстрица, Рымнинской епархіи.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ПРОКЛА,

Патріарха Константинопольскаго

Святый Проклъ былъ ученикомъ св. Іоанна Златоуста[1]) и сподобился видѣть, какъ святый Апостолъ Павелъ въ дивномъ видѣніи тайно бесѣдовалъ со святымъ Іоанномъ.

Одинъ константинопольскій вельможа былъ оклеветанъ своими завистниками предъ императоромъ Аркадіемъ[2]), изгнанъ изъ дворца и лишенъ своего высокаго сана. Желая обратиться за помощью къ святому Іоанну, онъ заочно просилъ его позволить придти къ нему ночью, такъ какъ боялся идти днемъ, чтобы не увидалъ его кто-нибудь изъ враговъ и не оклеветалъ бы еще болѣе предъ царемъ. Тогда святый Іоаннъ, призвавъ служившаго при немъ Прокла, мужа благочестиваго и сіявшаго всякими добродѣтелями, велѣлъ ему напомнить ночью о вельможѣ и привести его: въ томъ и состояло служеніе Прокла у Златоуста, что онъ докладывалъ Патріарху о приходящихъ и вводилъ ихъ къ нему. Когда настала ночь, вельможа пришелъ къ Патріарху, чтобы побесѣдовать съ нимъ и подробно разсказать ему о своемъ злоключеніи. И вотъ Проклъ, вставши съ постели, подошелъ къ дверямъ спальни Патріарха и чрезъ дверную щель увидѣлъ, что Іоаннъ сидитъ и пишетъ, а св. Апостолъ Павелъ приникъ къ нему за спиною и, нагнувшись къ его правому уху, бесѣдуетъ съ нимъ. Видомъ Апостолъ похожъ былъ на св. пророка Елисея: съ головою, лишенною волосъ на передней части, и большою широкою бородою. О чемъ они бесѣдовали, чрезъ двери разслышать было нельзя. Отошедши отъ дверей, Проклъ сказалъ пришедшему:

— Не огорчайся,—потерпи немного: нѣкто другой прежде тебя вошелъ къ Патріарху, и потому, пока онъ не уйдетъ, я не могу тебя ввести туда.

---

1) *Св. Проклъ* былъ при св. Іоаннѣ Златоустѣ діакономъ, потомъ іеромонахомъ и синкелломъ, т. е. келейнымъ служителемъ Патріарха, жившимъ въ однихъ съ нимъ покояхъ, и въ то же время ближайшимъ его ученикомъ.

2) *Аркадій,* сынъ Ѳеодосія Великаго, императоръ Восточной Римской имперіи, царствовалъ съ 395 по 408 годъ.

На самомъ же дѣлѣ Проклъ находился въ страхѣ, не догадываясь, кто пришелъ къ Патріарху: помимо Прокла, никто не могъ проникнуть къ Патріарху, а о томъ, что это—явленіе Апостола Павла, онъ не зналъ.

Долго сидѣлъ вельможа и, наконецъ, опять сталъ просить Прокла доложить о немъ Патріарху.

— Ты самъ видишь,—отвѣчалъ Проклъ,—сколько времени я ожидаю, пока не выйдетъ бесѣдующій съ Патріархомъ; впрочемъ, я все-таки пойду, посмотрю въ щель, не перестали ли они бесѣдовать.

Проклъ пошелъ и увидѣлъ, что бесѣда все еще продолжается. Онъ возвратился и сѣлъ. Потомъ онъ подходилъ къ двери въ третій разъ и видѣлъ то же самое.

— Тебѣ нужно было, отче, никого не пускать раньше меня,—сказалъ тогда сановникъ,—вѣдь ты зналъ, что я нахожусь въ великой бѣдѣ и со дня на день ожидаю себѣ смерти.

— Повѣрь мнѣ, братъ,—отвѣчалъ ему Проклъ,—что я не вводилъ его и не знаю даже, кто онъ такой, и что нѣтъ здѣсь другого входа, которымъ кто-нибудь могъ бы войти, кромѣ этого. Однако подожди еще немного.

Но въ это время послышались удары къ Утрени, и Проклъ сказалъ пришедшему:

— Теперь ступай съ миромъ: съ этой минуты Патріархъ не бесѣдуетъ уже ни съ кѣмъ и ни о чемъ постороннемъ во время, назначенное для ночной молитвы, не думаетъ, но до разсвѣта остается одинъ, всѣмъ умомъ своимъ углубившись въ молитву и бесѣдуя съ однимъ только Богомъ. Приходи же въ слѣдующую ночь, и я во чтобы то ни стало введу тебя прежде всѣхъ.

Вельможа поднялся съ мѣста и печально, со слезами на глазахъ, пошелъ домой.

На слѣдующую ночь онъ опять пришелъ въ патріаршій домъ. Проклъ опять, какъ и прежде, пошелъ докладывать о немъ и опять увидѣлъ Апостола, говорящаго что-то на ухо святому Іоанну, и воротился, не смѣя прерывать ихъ бесѣды, и опять вельможа, когда ударили къ Утрени, пошелъ со скорбію домой ни съ чѣмъ.

Съ своей стороны Проклъ весьма удивлялся и недоумѣвалъ, кто же именно приходитъ къ Патріарху и когда къ нему проникаетъ. И вотъ, онъ далъ себѣ зарокъ—не ѣсть, не пить, не спать

и не отходить отъ дверей Патріарха до тѣхъ поръ, пока не удастся ему провести къ Іоанну злосчастнаго вельможу и разузнать, кто это неизвѣстно какимъ образомъ входитъ къ Патріарху. Въ ночь вельможа явился по обычаю. Проклъ, увѣренный, что у Патріарха никого нѣтъ, сказалъ ему:

— Ради тебя, господинъ мой и братъ, я совсѣмъ не отлучался съ этого мѣста и теперь пойду и доложу о тебѣ Патріарху.

И тотчасъ пошелъ и, подошедши къ двери, и на этотъ разъ увидѣлъ Апостола, говорящаго на ухо Патріарху. Тогда Проклъ, возвратившись, сказалъ пришедшему:

— Ступай домой, братъ мой, и моли Бога помочь тебѣ, ибо, какъ вижу я, тотъ, кто бесѣдуетъ съ Патріархомъ, посылается къ нему отъ Бога и входитъ невидимо; чрезъ эти же двери, кромѣ Патріарха, не входилъ никто.

Ст҃и́тель
Про́клъ

Вельможа ушелъ въ слезахъ и совершенно отчаявшись въ помощи отъ святаго Іоанна. Но когда настало утро, Іоаннъ самъ вспомнилъ, наконецъ, о немъ и, позвавъ Прокла, спросилъ:

— Не приходилъ ли тотъ человѣкъ, котораго я приказывалъ тебѣ ввести ко мнѣ?

— Да, отче,—отвѣчалъ Проклъ—онъ, дѣйствительно, вотъ уже третью ночь приходилъ сюда, но ты бесѣдовалъ съ кѣмъ-то другимъ одинъ на одинъ и потому я не посмѣлъ войти къ тебѣ и доложить о немъ.

— Съ кѣмъ я бесѣдовалъ?!—возразилъ Іоаннъ.—Въ эту ночь у меня никого не было.

Тогда Проклъ описалъ и видъ видѣннаго имъ у Патріарха, и то, какъ неизвѣстный, нагнувшись сзади къ Іоанну, говорилъ съ нимъ, шепча что-то ему на ухо. Потомъ Проклъ взглянулъ слу-

чайно на икону св. Апостола Павла, которая была у Іоанна въ келліи на стѣнѣ, и вдругъ воскликнулъ:

— Вотъ—тотъ самый, кого я видѣлъ, отче, говорившимъ съ тобою! Это—его истинное изображеніе!

Такимъ образомъ оба—Іоаннъ и Проклъ—узнали, что къ первому являлся Апостолъ Павелъ, и оба возблагодарили Бога: одинъ—за то, что онъ въ своихъ писаніяхъ былъ тайно вдохновляемъ Апостоломъ, а другой за то, что сего Апостола Павла, небеснаго жителя, онъ сподобился видѣть.

Послѣ того Іоаннъ оказалъ нужную помощь гонимому вельможѣ, а святый Проклъ, руководимый своимъ святымъ учителемъ и духовнымъ отцомъ—святымъ Іоанномъ, преуспѣвалъ въ добродѣтели и совершенствовался въ богоугодной жизни.

Послѣ изгнанія и кончины св. Іоанна Златоуста Проклъ Патріархомъ Константинопольскимъ Сисиніемъ[1]) поставленъ былъ епископомъ города Кизика[2]). Но, пришедши на свою каѳедру, онъ не былъ принятъ тамошними клириками, впавшими въ ересь, и потому возвратился въ Константинополь и прожилъ тамъ цѣлый годъ. По смерти же Патріарха святаго Максиміана[3]), еще до его погребенія, святый Проклъ былъ избранъ Патріархомъ Константинопольскимъ и во святый и Великій четвергъ былъ возведенъ въ сей высокій санъ[4]).

Вступивши на патріаршій престолъ, святый Проклъ доблестно пасъ стадо Христово до конца своей жизни. Между прочимъ, онъ убѣдилъ императора Ѳеодосія, сына императора Аркадія[5]), перенести мощи св. Іоанна Златоуста изъ Команъ[6]) въ Царьградъ.

Въ патріаршество святаго Прокла въ Византійской имперіи было великое землетрясеніе, продолжавшееся шесть мѣсяцевъ, которымъ разрушены были многія величественныя зданія—церкви, дворцы и т. п.—и каменныя городскія стѣны; многія селенія и небольшіе города были какъ бы поглощены землею, нѣкоторые острова исчезли совершенно, нѣкоторые источники и рѣки внезапно вы-

---

1) *Сисиній* былъ Патріархомъ Константинопольскимъ съ 426 по 427 г.

2) *Кизикъ*—небольшой городъ на сѣверномъ берегу Малой Азіи.—Поставленіе св. Прокла въ епископы послѣдовало въ 426-мъ году.

3) *Св. Максиміанъ* былъ патріархомъ съ 431 по 434 годъ.

4) Это было въ 435 году.

5) *Ѳеодосій II Младшій* царствовалъ съ 408 по 450-й годъ.

6) *Команы*—городъ въ Арменіи, гдѣ умеръ на пути въ ссылку и погребенъ былъ первоначально св. Іоаннъ Златоустъ.

сохли, а въ безводныхъ мѣстахъ явились потоки. Это страшное землетрясеніе было по всей имперіи, но особенно сильно—въ Виѳиніи, Геллеспонтѣ и Фригіи[1]). Когда въ Константинополѣ рушились самыя лучшія и крѣпкія зданія, императоръ Ѳеодосій и царица Пульхерія съ Патріархомъ и всѣми жителями, вышедши изъ города, совершали литіи, усердно умоляя Господа о милосердіи. И совершилось великое чудо. Въ то время, какъ устрашенный народъ оглашалъ воздухъ молитвенными восклицаніями: «*Господи, помилуй!*»—внезапно одинъ ребенокъ невидимою силою восхищенъ былъ изъ народной толпы и, на глазахъ у всѣхъ, поднятъ былъ на недосягаемую взоромъ высоту и чрезъ часъ опять такъ же опущенъ невредимымъ внизъ. Онъ повѣдалъ царю, Патріарху и всему народу, что слышалъ Ангеловъ, воспѣвающихъ на Небѣ пѣснь:

«*Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный*».

Весь народъ тотчасъ началъ повторять эту Трисвятую пѣснь, присоединивъ къ ней молитву: «*помилуй насъ*», и землетрясеніе прекратилось, а мальчикъ, принесшій Трисвятую пѣснь съ Неба, тотчасъ же предалъ духъ свой Богу и съ честію погребенъ былъ въ храмѣ св. Ирины; съ того времени во всей Церкви христіанской вошло въ употребленіе пѣніе Трисвятаго.

Святый Проклъ прожилъ въ санѣ патріарха 20 лѣтъ и пять мѣсяцевъ и съ миромъ отошелъ къ Господу[2]).

Конда́къ ст҃и́телѧ, гла́съ д҃:

Досто́йнѡ дне́сь торжествꙋ́етъ всѣ́хъ градѡ́въ чⷭ҇тнѣ́йшїй вои́стиннꙋ, въ чⷭ҇тно́мъ преставле́нїи твое́мъ, ѻ҆́тче ѻ҆тце́въ про́кле мꙋ́дре.

---

[1]) *Виѳинія, Геллеспонтъ* и *Фригія* —малоазійскія провинціи Византійской имперіи.

[2]) Св. Проклъ скончался въ 446 году.—*Св. Проклъ* былъ выдающимся церковнымъ витіею. Въ краснорѣчіи его видать важность св. Василія Великаго, соединенную съ пріятностію Златоуста; рѣчь разнообразная, живая, ясная и притомъ краткая. Кромѣ того, извѣстны его посланія, въ томъ числѣ *Армянамъ о вѣрѣ* и *о преданіи Литургіи.*

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ЕВСТАѲІЯ, ѲЕСПЕСІЯ и АНАТОЛІЯ

Святые мученики Евстаѳій, Ѳеспесій и Анатолій были братья по плоти и родились въ городѣ Никомидіи[1]). Отецъ ихъ назывался Филоѳеемъ, а мать—Евсевіею. Филоѳей былъ родомъ изъ Галатіи[2]), изъ города Гангра[3]), оставилъ свою родину, переселился въ Никомидію и, вступивши тамъ въ супружество съ Евсевіею, имѣлъ отъ нея трехъ сыновей — трехъ названныхъ жителей небеснаго града.

Сначала Филоѳей, его жена и дѣти были язычники; старшаго сына своего Евстаѳія онъ отдалъ для изученія языческой мудрости, а Ѳеспесія и Анатолія готовилъ къ торговлѣ, такъ какъ и самъ онъ былъ купецъ и—очень богатый. Но однажды, взявъ съ собою младшаго сына своего Анатолія, онъ отправился въ Галатію за покупками и, возвращаясь оттуда, встрѣтившись въ пути съ святымъ Лукіаномъ, пресвитеромъ антіохійскимъ[4]), дорогою научился отъ него христіанской вѣрѣ и вмѣстѣ съ сыномъ крестился въ одной попавшейся на пути рѣкѣ. Возвратившись домой, онъ сталъ разыскивать епископа Никомидійскаго Анѳима[5]), скрывавшагося въ одномъ сокровенномъ мѣстѣ (въ то время, въ царствованіе императоровъ Максиміана и Діоклетіана, происходило жестокое гоненіе на христіанъ и многіе изъ вѣрующихъ скрывались отъ мучителей), и, нашедши, ночью привелъ его къ себѣ, послѣ чего святый Анѳимъ крестилъ весь домъ Филоѳеевъ. Совершивъ затѣмъ Божественную Литургію, онъ пріобщилъ новокрещенныхъ Святыхъ Таинъ, посвятилъ Филоѳея во пресвитера, а старшаго сына его Евстаѳія—во діакона и ушелъ, скрываясь отъ гонителей-язычниковъ, а Филоѳей и его домъ тайно служили Истинному Богу и вели благочестивую жизнь.

---

1) *Никомидія* (теперь *Исмидъ*)—главный городъ малоазійской провинціи Виѳиніи, находится къ юго-востоку отъ Босфорскаго пролива. Здѣсь имѣли мѣстопребываніе византійскіе императоры Діоклетіанъ и св. Константинъ Великій.

2) *Галатія*—провинція Византійской имперіи, занимавшая самую средину малоазійскаго полуострова.

3) Городъ этотъ замѣчателенъ по бывшему въ немъ Помѣстному Собору (340 г.), Правила котораго почитаются Церковію за каноническія.

4) Память его—15-го октября.

5) Память его—5-го сентября.

Ст҃іи мч҃нцы
Ѧеспе́сїй, Єѵста́ѳїй и Анато́лїй

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

[illegible] и АНАТОЛІЯ

[illegible] Тогда, посвятилъ Филоѳея во [illegible] во діакона и удалился, скрываясь отъ [illegible] Филоѳей и его домъ тайно служили Истинному Богу и вели благочестивую жизнь.

[illegible]

Скоро онъ и его супруга отошли ко Господу, оставивъ сиротами трехъ благочестивыхъ юношей: діакона Евстаѳія, Ѳеспесія и Анатолія—братьевъ и по плоти, и по духу, такъ какъ они единодушно служили Богу, горя духомъ и преуспѣвая въ добродѣтели.

Одинъ придворный сановникъ, по имени Акилинъ, послалъ однажды своего раба купить нѣкоторыя вещи. Рабъ зналъ про этихъ трехъ благочестивыхъ юношей, что они—купцы и имѣютъ широкую и богатую торговлю, и отправился къ нимъ въ лавку, которую и засталъ открытою. Вошедши внутрь и никого не найдя, онъ пошелъ по лѣстницѣ, ведущей на третій этажъ дома, и услыхалъ голосъ Евстаѳія, читавшаго Псалмы Давидовы. Рабъ тихо поднялся по лѣстницѣ, молча вошелъ въ верхнюю горницу[1]) и здѣсь увидалъ Евстаѳія, державшаго въ рукахъ Псалтирь и читавшаго: **Да постыдѧ́тсѧ всѝ клѧ́нѧющїисѧ ѝстꙋка̑ннымъ, хвѧ́лѧщїисѧ ѡ҆ ї҆долѣ́хъ свои́хъ. Поклони́тесѧ є҆мꙋ̀ всѝ а҆́ггли є҆гѡ̀**[2]). Кромѣ того, онъ увидѣлъ на стѣнахъ кресты и св. иконы. Ничего не сказавъ, онъ тотчасъ же возвратился къ своему господину и разсказалъ ему все, что видѣлъ и слышалъ. Акилинъ немедленно поспѣшилъ къ императору Максиміану и доложилъ ему о томъ, что говорилъ рабъ. Тотчасъ же были посланы воины взять Евстаѳія и его братьевъ. Пришедши съ рабомъ Акилина на мѣсто, воины нашли лавку запертою: въ это время всѣ обитатели дома находились въ собраніи и хранили полное молчаніе, причащаясь, по случаю воскреснаго дня, Таинъ Христовыхъ. Посланные стучали въ двери, звали, но отвѣта не было.

Святый Евстаѳій, уразумѣвъ духомъ, что воины посланы для того, чтобы взять его съ братіями и вести на мученіе, сказалъ братьямъ:

— Мужайтесь, братія, и не бойтесь,—Владыка нашъ зоветъ насъ къ вѣнцу... Нынѣшнею ночью я видѣлъ, что насъ вели на неправедный судъ къ Максиміану, и нѣкто, черный видомъ, шелъ за нами съ плачемъ и рыданіемъ и билъ себя по лицу приговаривая: «горе мнѣ, меня нынѣ побѣждаютъ». Впереди же насъ шелъ свѣт-

---

[1]) Отъ временъ апостольскихъ въ христіанской Церкви сохранился и долгое время держался обычай устроять Богослужебныя собранія въ верхней, необитаемой, части дома (ср. Дѣян., гл. 1, ст. 13, 14; 20, 8) и только при Константинѣ Великомъ, когда христіане избавились отъ гоненій, для общественнаго Богослуженія стали устрояться храмы (впрочемъ, въ маломъ числѣ они были по мѣстамъ и ранѣе).

[2]) Псал. 96, ст. 7. Ѝстꙋка́нный—высѣченный, вырѣзанный изъ камня или металла.

лый юноша, державшій въ рукахъ три вѣнца и три книги, и говорилъ мнѣ: «Евстаѳій, діаконъ Христовъ! Вотъ что уготовалъ вамъ Отецъ милосердія и Богъ всякой радости. Итакъ, не бойтесь мучителей, какъ не боялся ихъ св. Стефанъ» [1]... Сказавъ это, юноша восшелъ на Небо, а черный, съ рыданіями, удалился на западъ [2]).

Разсказавъ о своемъ видѣніи, Евстаѳій укрѣплялъ братьевъ въ мужествѣ, говоря:

— Не отречемся, возлюбленные, отъ Христа Бога нашего предъ людьми, чтобы и Онъ не отрекся отъ насъ предъ Отцемъ Своимъ и предъ святыми Ангелы Своими [3]).

— Братъ нашъ и господинъ, и отецъ,—отвѣчали Ѳеспесій и Анатолій,—мы готовы умереть за Создателя нашего, и ничто не отклонитъ насъ отъ любви къ Нему.

Въ то время, какъ они такимъ образомъ разговаривали, воины, сильно стуча въ двери, громко кричали, чтобы имъ отворили. Наконецъ, Ѳеспесій и Анатолій подошли къ дверямъ и открыли ихъ. Воины, ворвавшись внутрь, спрашивали ихъ, кто еще находится съ ними, а затѣмъ, по указанію Акилинова раба, поднялись наверхъ. Войдя въ двери молитвенной комнаты, они увидѣли Евстаѳія, державшаго въ рукахъ Святое Евангеліе. Внезапно разогнувъ его, онъ прочелъ: «**Не оу҆бо́йтеся ѿ оу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ оу҆би́ти**» [4]).—Начальствовавшій надъ солдатами крикнулъ ему, чтобы онъ положилъ то, что держитъ въ рукахъ (самъ онъ не смѣлъ прикоснуться къ Св. Евангелію, такъ какъ былъ сынъ христіанскихъ родителей). Евстаѳій прижалъ Св. Евангеліе къ груди, приложился къ нему и положилъ его на столъ, причемъ одинъ изъ солдатъ замѣтилъ:

— Смотри, какъ христіане любятъ свои книги, въ которыхъ заключаются всѣ ихъ волхвованія.

Солдаты, взявъ Евстаѳія, повели его внизъ. А онъ, осмотрѣвшись и увидѣвъ священныя книги, сказалъ, обращаясь къ нимъ, какъ къ живымъ:

— Обѣщаемся вамъ!

---

[1]) Т. е. первомученикъ Стефанъ архидіаконъ.

[2]) *Западъ*—мѣсто захожденія солнца и какъ бы царство тьмы; поэтому названіе этой страны свѣта можно понимать какъ образъ царства діавола, который, очевидно, видѣнъ былъ святымъ Евстаѳіемъ.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 13.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 28.

Потомъ, взглянувъ на множество дорогихъ вещей, которыми они торговали, воскликнулъ:

— Отрекаемся отъ васъ и отъ всего тлѣннаго и идемъ за Христомъ!

Затѣмъ всѣ вышли вонъ. Двери дома были заперты и опечатаны, а трехъ святыхъ братьевъ солдаты, связавъ вмѣстѣ, повели къ императору Максиміану.

Увидѣвъ ихъ, императоръ улыбнулся и сказалъ:

— Кто приказывалъ связывать этихъ юношей? Я увѣренъ, что они—друзья нашихъ боговъ.

И онъ велѣлъ сейчасъ же развязать ихъ и спросилъ ихъ:

— Прежде всего скажите, каждый, какъ ваши имена и изъ какого вы рода?

— Самое дорогое и славное для насъ имя—христіане,—отвѣчалъ за всѣхъ Евстаѳій какъ старшій,— а при рожденіи—я названъ Евстаѳіемъ, братъ мой, что направо,—Ѳеспесіемъ, а налѣво—Анатоліемъ; мы—братья по плоти, родились здѣсь отъ однихъ отца и матери, а отецъ нашъ, родомъ изъ Галатіи, былъ пресвитеромъ христіанскимъ.

— Кто поставилъ,—спросилъ Максиміанъ,—вашего отца пресвитеромъ?

— Тотъ,—отвѣчалъ Евстаѳій,—кого ты недавно незаслуженно подвергъ смертной казни: святый Анѳимъ, епископъ нашего города; онъ и меня поставилъ въ діаконы, чтобы я служилъ іереямъ Божіимъ при совершеніи ими пресвятыхъ и пречистыхъ Таинъ Христовыхъ.

Тогда царь сказалъ:

— Перестань говорить нелѣпости; поклонись лучше вмѣстѣ съ братьями нашимъ богамъ, и я вамъ дамъ почетное и славное положеніе при моемъ дворѣ. Если же нѣтъ, то я осужу васъ на смерть отъ меча.

Святые въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Дѣлай, что хочешь: мы—христіане и поклоняемся одному только Богу, сотворившему Небо и землю, Его Сыну — Господу нашему Іисусу Христу и Святому Животворящему Духу; а вашимъ скверным и гнуснымъ идоламъ не поклонимся никогда.

Разгнѣванный этимъ отвѣтомъ, Максиміанъ велѣлъ повалить ихъ на землю и бить палками. Послѣ долгихъ истязаній святые, какъ бы одними устами, воскликнули къ Богу:

— Слава тебѣ, Господи, что сподобились мы принять мученія за Твое святое Имя.

А святый Евстаѳій прибавилъ еще:

— **Мно́жицею бра́шася со мно́ю ѿ ю́ности моея̀, и҆́бо не премого́ша мѧ̀: на хребтѣ̀ моемъ дѣ́лаша грѣ́шницы, продолжи́ша беззако́нїе своѐ**[1]),—помоги намъ, Боже, Спаситель нашъ.

Когда святые были избиты до послѣдней степени, Максиміанъ приказалъ бившимъ перестать и сказалъ мученикамъ:

— Безбожники! Долго ли вы будете переносить такія муки. Принесите жертву богамъ и не губите себя понапрасну изъ-за вѣры въ какого-то человѣка, который былъ битъ такъ же, какъ и вы, и умеръ насильственною смертію.

— Да не будетъ, чтобы мы отреклись отъ Спаса Христа,— отвѣчали святые,—о Которомъ мы знаемъ, что Онъ есть Истинный Богъ, хотя и пострадалъ на крестѣ ради нашего спасенія.

Тогда мучитель велѣлъ отвести ихъ въ темницу, накрѣпко забить имъ ноги въ колодки[2]) и не давать имъ ни ѣсть, ни пить, чтобы заморить ихъ и узами, и голодомъ, и жаждою. И вотъ, когда они сидѣли въ темницѣ, однажды въ полночь осіялъ ихъ свѣтъ, явился къ нимъ Ангелъ Господень, освободилъ ихъ отъ узъ, исцѣлилъ ихъ, напиталъ манною[3]) и сказалъ:

— Подвизайтесь подвигомъ добрымъ за Христа, а я не покину васъ и во всѣхъ страданіяхъ вашихъ буду съ вами, ибо посланъ Христомъ Господомъ охранять васъ.

Сказавъ это, Ангелъ сдѣлался невидимъ, а святые, полные несказанной радости, благодарили Бога, причемъ Евстаѳій говорилъ: **Гдⷭ҇ь разрѣши́тъ ѡ҆кова̑нныѧ, гдⷭ҇ь ᲂу҆мꙋдрѧ́етъ слѣ́пцы̀, гдⷭ҇ь возво́дитъ низве́рженныѧ, гдⷭ҇ь лю́битъ пра́ведники, гдⷭ҇ь храни́тъ пришѐльцы**[4]).

---

[1]) Псал. 128, ст. 2—3.

[2]) *Колодки* —приспособленіе, назначенное для того, чтобы преступникъ не убѣжалъ. По виду своему это былъ обрубокъ толстаго бревна или доски, расколотыхъ вдоль пополамъ; въ обѣихъ половинахъ вырубались двѣ приходящіяся другъ къ другу выемки для помѣщенія ногъ; вложивъ ноги преступника въ выемки одной половины, накладывали другую, и оба конца обрубка закрѣпляли наглухо.

[3]) *Манною* (слово еврейское, означаетъ вопросъ: «что это») называлась собственно пища, чудесно посылавшаяся Богомъ израильтянамъ во время сорокалѣтняго странствованія ихъ въ пустынѣ, взамѣнъ хлѣба, котораго имъ негдѣ было достать, и имѣвшая видъ мелкаго сѣмени; сѣмя это мололи или толкли въ ступѣ, варили и дѣлали изъ нея лепешки (см. Кн. Исх., гл. 15, ст. 15—34; Числ., гл. 11, ст. 7); въ болѣе широкомъ смыслѣ подъ манною можно разумѣть всякую вообще пищу, чудесно посланную Богомъ.

[4]) Псал. 145, ст. 7—9.

Чрезъ нѣсколько времени Максиміанъ опять явился въ судъ и послалъ воиновъ въ темницу привести во второй разъ узниковъ Христовыхъ на испытаніе. Воины отправились и нашли святыхъ освобожденными отъ узъ, совершенно здоровыми и мирно спящими. Они подняли крикъ, бранили сторожа и добивались, кто освободилъ заключенныхъ отъ узъ. Сторожъ клятвенно увѣрялъ ихъ, что никто не освобождалъ и что никто даже и не входилъ къ узникамъ и не давалъ имъ ѣсть или пить. Воины снова связали святыхъ и повели ихъ къ царю.

Царь, увидѣвъ ихъ здоровыми и веселыми, удивился, что на нихъ не подѣйствовали ни побои, ни узы, ни голодъ, ни жажда, и сказалъ имъ:

— Жалкіе люди! Разсудите хорошенько, что для васъ выгоднѣе, и, убѣдившись, принесите жертву богамъ,—и я отпущу васъ съ честію.

Но святый Евстаѳій отвѣтилъ:

— Не надѣйся измѣнить наше твердое рѣшеніе ни лестью, ни угрозами, ни мученіями: ничѣмъ мы не привязаны къ этой жизни, такъ какъ знаемъ, что какъ нагими вышли мы изъ чрева матери нашей, такъ нагими придется намъ уйти изъ этой суетной жизни.

Царь приказалъ немедленно отдать ихъ на съѣденіе звѣрямъ, и ихъ повели въ циркъ [1]), гдѣ звѣри должны были пожрать ихъ, а за ними пошелъ весь народъ никомидійскій,—и среди него множество тайныхъ христіанъ,—и всѣ желали видѣть кончину мучениковъ. Когда они были поставлены среди цирка, на нихъ выпущены были два льва и три медвѣдя, и всѣ зрители отъ рева этихъ звѣрей пришли въ ужасъ. Святый же Евстаѳій воспѣвалъ Псалмы.

«Спси́ ны, гдⷭ҇и, ѿ оу҆́стъ льво́выхъ,—воспѣвалъ онъ,—и҆ ѿ рѡ́гъ є҆динорѡ́жь смире́нїе на́ше. Повѣ́мы и҆́мѧ твоѐ бра́тїи на́шей: посредѣ̀ цр҃кве воспое́мъ тѧ̀» [2]).

---

[1]) *Циркъ*—зданіе, въ которомъ происходили конскіе бѣга у Римлянъ и Грековъ; самое названіе (циркъ-кругъ) указываетъ на ихъ круглое устройство. Самыя состязанія происходили внутри круга, а зрители помѣщались на особыхъ мѣстахъ по краю этого круга. Въ циркахъ христіане во времена гоненій предавались на съѣденіе звѣрямъ или убивались особыми для того назначенными людьми.

[2]) Псал. 21, ст. 22—23. Эти слова Псалмопѣвецъ изрекаетъ о себѣ самомъ и отъ своего лица (спаси мя.., повѣмъ... и т. д.). *Единорогъ*—дикое и опасное животное съ однимъ рогомъ на лбу, но не носорогъ, такъ какъ считалось чистымъ и жертвеннымъ; что это за животное,—точно неизвѣстно. Подъ *церковію* здѣсь разумѣется вообще многолюдное собраніе.

Ѳеспесій и Анатолій устрашились звѣринаго рычанія, и Евстаѳій, видя ихъ страхъ, сказалъ:

— Зачѣмъ, братья, боитесь вы этихъ звѣрей? Развѣ вы не знаете, что Владыка нашъ силенъ укротить ихъ ярость, какъ укротилъ во рвѣ Даніиловомъ? Развѣ вы не помните словъ Ангела, обѣщавшаго быть съ нами во всѣхъ страданіяхъ нашихъ и охранять насъ?

Когда Евстаѳій говорилъ это, львы бросились къ мученикамъ, но, приблизившись къ нимъ, остановились и замахали хвостами, какъ собаки, признавшія своего господина, а Евстаѳій положилъ руки имъ на головы и, погладивъ ихъ, какъ собакъ, совсѣмъ укротилъ ихъ. Медвѣди же, схватившись между собою, бросали одинъ другого на землю, а къ святымъ мученикамъ близко даже и не подходили. Народъ, собравшійся на зрѣлище, поднялъ шумъ, причемъ язычники кричали: «Они волхвы и колдовствомъ усмирили звѣрей!» Христіане восклицали: «Великъ Богъ христіанскій, заградившій пасть звѣрямъ, чтобы они не могли вредить святымъ рабамъ Его!»

Наконецъ, царь велѣлъ опять бросить мучениковъ въ темницу, и здѣсь они вторично были утѣшены явленіемъ Ангела и подкрѣплены манною.

Между тѣмъ тяжко заболѣлъ сынъ царя — Максенцій[1]), и царь, опечаленный и озабоченный его болѣзнью, поручилъ мучениковъ никейскому комиту[2]) Антонію.

— Отведи,—сказалъ онъ комиту,—христіанъ въ свой городъ и тамъ заставь ихъ поклониться богамъ, и, если они послушаютъ тебя, пришли ихъ съ почестями обратно сюда, если же—нѣтъ, то, послѣ долгихъ мученій, заколи ихъ, какъ дикихъ звѣрей.

Комитъ взялъ узниковъ и отправился съ ними въ Никею. Прибывъ домой, онъ нашелъ жену свою больною. Мучениковъ онъ велѣлъ на ночь запереть въ темницу, а наутро велѣлъ привести ихъ къ себѣ, сѣлъ на судейскомъ мѣстѣ и, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Меня, юноши, весьма сильно безпокоитъ ваша судьба, и мнѣ очень желательно было бы помиловать васъ и отправить къ

---

1) Максенцій впослѣдствіи былъ императоромъ—съ 305 по 312 годъ.

2) *Комитъ*—градоначальникъ.

царю для полученія отъ него всякихъ почестей. Довѣрьтесь мнѣ, какъ своему другу, послушайтесь меня и принесите жертвы богамъ.

— Мы молимся,—отвѣчали святые,—Господу нашему Іисусу Христу, чтобы Онъ сохранилъ насъ непорочными въ вѣрѣ, которой Онъ научилъ насъ и за которую мы готовы умереть, и чтобы не попустилъ намъ отступить отъ Него и впасть въ погибель, въ которой погибаете вы.

Комитъ, услышавъ это, пришелъ въ бѣшенство и велѣлъ повѣсить ихъ за ноги, головою внизъ, и строгать желѣзными когтями. Долгое время мучили ихъ такимъ образомъ, кровь ихъ текла потоками, тѣло отрывалось кусками, кости обнажились... Наконецъ, святые громко возопили къ Богу:

— Царю и Боже вѣковъ! Призри отъ святаго жилища Твоего на насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ, страдающихъ за Имя Твое святое!

И невидимая помощь была подаваема святымъ свыше для мужественнаго перенесенія столь жестокихъ мукъ.

Видя непобѣдимое терпѣніе страдальцевъ, мучитель приказалъ снять ихъ и отвести въ темницу. Но святые не могли отъ ранъ и боли идти сами: ихъ понесли и бросили въ темницѣ, какъ какую-нибудь ношу. И опять, какъ и ранѣе, явился имъ Ангелъ Господень, сіяющій великимъ свѣтомъ, утѣшалъ ихъ радостною надеждою и исцѣлилъ ихъ отъ ранъ. И святые славили Бога, говоря:

— Слава Тебѣ, Боже, за то, что не оставляешь уповающихъ на Тебя и страждущихъ ради Тебя! **Что̀ воздади́мъ тебѣ̀, гдⷭ҇и, ѡ̑ всѣ́хъ, ꙗ҆̀же возда́лъ є҆сѝ на́мъ; кто̀ бг҃ъ ве́лїй, ꙗ҆́кѡ бг҃ъ на́шъ; ты̀ є҆сѝ бг҃ъ, творѧ́й чꙋдеса̀**[1]).

Вскорѣ мучитель опять вывелъ изъ темницы святыхъ мучениковъ и приказалъ поставить ихъ предъ собою. Предъ ними онъ помѣстилъ своихъ идоловъ и принуждалъ ихъ поклониться этимъ идоламъ, угрожая за непослушаніе.

— Если вы,—говорилъ онъ,—не исполните царскаго повелѣнія и не поклонитесь нашимъ богамъ, то я предамъ васъ смерти отъ меча, а тѣла ваши отдамъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ.

Но святые въ одинъ голосъ отвѣчали:

— Не отступимъ отъ Христа Бога нашего и не поклонимся сквернымъ идоламъ, нѣмымъ и глухимъ, которые имѣютъ очи — и

[1]) Псал. 115, ст. 3; 76, 14—15.

не видятъ, имѣютъ уши—и не слышатъ, имѣютъ уста—и не говорятъ, имѣютъ ноги — и не ходятъ. Да будутъ подобны имъ всѣ, дѣлающіе ихъ, и всѣ, поклоняющіеся имъ.

На эти слова мучитель зарычалъ отъ гнѣва, какъ левъ, и велѣлъ вывести мучениковъ за городъ и заколоть мечомъ, какъ дикихъ звѣрей, а тѣла ихъ бросить непогребенными на растерзаніе звѣрямъ и птицамъ. Святыхъ повели на мѣсто казни. На этомъ мѣстѣ находился масличный садъ, и мученики, для совершенія надъ ними казни, были привязаны къ деревьямъ. Въ этотъ садъ пришли два близкіе друга святыхъ, христіане Палладій и Акакій. Когда палачи хотѣли убить осужденныхъ, пришедшіе бросились имъ въ ноги, дали имъ много золота, и умоляли подождать немного, пока они побесѣдуютъ съ осужденными, и тогда уже приступать къ казни. Взявъ золото, палачи немного отошли отъ мучениковъ, а Палладій и Акакій приблизились къ нимъ, съ любовію облобызали ихъ, горько плакали и просили помолиться за нихъ. Во время предсмертной молитвы святыхъ съ Неба былъ услышанъ Голосъ, призывавшій ихъ въ вѣчный покой, и тотчасъ они съ радостію предали души свои въ руки Божіи. Слуги же мучителя, хотя и увидѣли, что мученики уже умерли, однако, боясь своего господина, исполнили его повелѣніе уже надъ мертвыми: Евстаѳію и Ѳеспесію прокололи горло, а Анатолію пронзили ребра, а потомъ, когда тѣла умершихъ уже лежали на землѣ, отрубили имъ головы и, оставивъ ихъ непогребенными, ушли[1]). Тогда съ Неба сошли шесть Ангеловъ въ видѣ орловъ и парили надъ тѣлами до тѣхъ поръ, пока Палладій и Акакій не погребли ихъ съ честію.

Въ тотъ же день комитъ Антоній при заходѣ солнца захворалъ, а наутро — сначала умерла жена его, потомъ и самъ онъ, упавши на тѣло жены, въ страданіяхъ испустилъ духъ. И вотъ, онъ мучится въ аду, а святые страстотерпцы радуются въ Царствѣ Христа Бога нашего. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

[1]) Святые мученики Евстаѳій, Ѳеспесій и Анатолій пострадали около 312 г.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ДАСІЯ

Въ царствованіе Діоклетіана и Максиміана въ языческомъ городѣ Доростолѣ[1]) былъ обычай за 30 дней до праздника въ честь языческаго бога Кроноса[2]) избирать для принесенія въ жертву ему красиваго юношу изъ воиновъ. Въ продолженіе 30 дней, до наступленія праздника жертвоприношенія, избраннаго юношу одѣвали въ царскія одежды, и онъ могъ исполнять всякое свое пожеланіе. Послѣ сего юношу закалали въ жертву Кроносу. И вотъ однажды сей печальный жребій палъ на мужественнаго и прекраснѣйшаго среди прочихъ воиновъ Дасія. До сего времени онъ былъ тайнымъ христіаниномъ. Теперь же, услышавъ о выпавшемъ ему жребіи, святый Дасій рѣшилъ скорѣе объявить себя послѣдователемъ Христовымъ, нежели отдать свою жизнь ради умилостивленія гнуснаго бога язычниковъ.

— Если мнѣ дòлжно умереть,—сказалъ онъ своимъ товарищамъ,—то лучше умереть какъ христіанину, за Христа.

Посему святый Дасій презрѣлъ блага и утѣхи земныя, какими онъ могъ пользоваться въ теченіе 30 дней, по языческому обычаю. Онъ отвергъ всѣ милостивыя обѣщанія язычниковъ, твердо памятуя слова Апостола: «вмѣнѧ́ю всѧ̑ оу҆ме́ты бы́ти, да хр҃та̀ пріѡбрѧ́ѱꙋ»[3]). Вмѣсто веселія и пиршествъ, святый сталъ обличать нечестіе язычниковъ и ихъ безумное служеніе истукану и дерзновенно проповѣдывалъ ученіе Христово. Вдохновляемый благодатію Святаго Духа, исповѣдникъ Христовъ ревностно убѣждалъ всѣхъ увѣровать во Единаго Истиннаго Бога и Единороднаго Сына Божія Іисуса Христа. Когда слухъ о томъ достигъ до языческихъ властителей Діоклетіана и Максиміана, то, по ихъ приказанію, святый Дасій былъ преданъ на судъ областеначальника Мизійскаго Вассы. На судѣ святый вновь обличалъ неразуміе идолопоклон-

---

[1]) *Доростолъ,* нынѣшняя *Силистрія,* расположенный при рѣкѣ Истрѣ (Дунаѣ) въ древней Мизійской области, недалеко отъ береговъ Чернаго моря

[2]) *Кроносъ,* онъ же *Сатурнъ,* по языческимъ преданіямъ, является жесточайшимъ среди боговъ. Въ умилостивленіе его язычники приносили ежегодно человѣческія жертвы.

[3]) Посл. къ Филипп., гл. 3, ст. 8.

никовъ и исповѣдывалъ Христа. За сіе исповѣданіе вѣры христіанской онъ былъ преданъ жестокимъ мученіямъ и потомъ усѣченъ мечомъ[1]).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВЪ

НИРСЫ и ІОСИФА

Святый Нирса былъ епископомъ въ землѣ Персидской и имѣлъ сподвижникомъ своимъ ученика Іосифа. Оба они, какъ истинные рабы Христовы, боялись Бога, сотво́ршагѡ нѐо и҆ зе́млю, мо́ре и҆ всѧ̑, ꙗ҆̀же въ ни́хъ[2]), и стремились къ добродѣтельной жизни, исполняя законъ Христовъ.

Видя добродѣтельную жизнь ученика своего Іосифа и его ревность къ славѣ Имени Божія, святый Нирса возвелъ его въ санъ епископа. Соотечественники ихъ Персы, почитая богомъ Солнце, поклонялись огню и предавались различнымъ порокамъ. Святые Нирса и Іосифъ, скорбя объ ихъ заблужденіи, стали ревностно подвизаться на пользу Церкви Христовой. Укрѣпляемые Благодатію Христовою и взаимною ревностію, они многихъ язычниковъ обратили къ вѣрѣ въ Истиннаго Бога и научали ихъ благочестію.

Въ это время царь Персидскій Сапоръ воздвигъ жестокое гоненіе на христіанъ[3]), заставляя ихъ поклоняться солнцу и огню. Слыша, что епископъ Нирса съ Іосифомъ, обличая заблужденіе Персовъ, многихъ изъ нихъ обращаютъ ко Христу, царь приказалъ схватить ихъ и привести къ себѣ[4]).

Предъ царемъ предсталъ 80-ти лѣтній старецъ съ своимъ ученикомъ и сподвижникомъ. На приказаніе царя поклониться огню или готовиться къ мученіямъ и смерти святые дерзновенно отвѣчали:

— Если ты, царь, могъ бы, по кончинѣ нашей, и семь разъ воскрешать насъ для мученій, то и этимъ не отлучилъ бы насъ отъ любви ко Христу.

---

1) Въ началѣ IV в.

2) Псал. 145, ст. 6.

3) Это гоненіе на христіанъ въ Персіи было около половины IV-го столѣтія.

4) *Святые Нирса* и *Іосифъ* были схвачены и посажены подъ стражу въ персидскомъ городѣ Сціагаркадатѣ въ четвертый годъ гоненія, воздвигнутаго Сапоромъ (около 343—347 гг.), и усѣкнуты мечомъ 20-го ноября.

Услыхавъ такой отвѣтъ святыхъ исповѣдниковъ, исполненныхъ твердой рѣшимости пострадать за Христа, разгнѣванный гонитель велѣлъ тотчасъ же отсѣчь имъ головы.

Такъ сіи святые мученики пріяли нетлѣнные вѣнцы на Небесахъ.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВЪ

ІОАННА, САВЕРІЯ, ИСААКІЯ, ИПАТІЯ

и другихъ съ ними

Святые мученики Іоаннъ, Саверій, Исаакій и Ипатій были епископами въ различныхъ городахъ земли Персидской.

Когда нечестивый огнепоклонникъ Сапоръ, царь Персидскій, принуждалъ христіанъ поклоняться Солнцу и огню, то сіи святые укрѣпляли вѣрующихъ быть твердыми послѣдователями Христа и обращали ко Христу нечестивыхъ Персовъ. Они обличали заблужденія огнепоклонниковъ, убѣждая ихъ, что Солнце и огонь—не боги, но только творенія, созданныя для прославленія Творца и для служенія людямъ.

Когда слухъ объ ихъ ученіи дошелъ до царя Сапора, то онъ послалъ воиновъ и своихъ вельможъ въ тѣ города, гдѣ проповѣдывали святые, и приказалъ схватить ихъ.

Схваченные, они безбоязненно предстали на судъ самого царя. Онъ грозно обратился къ нимъ и сказалъ:

— Развѣ не извѣстно вамъ, что я происхожу отъ боговъ, молюсь Солнцу и почитаю огонь? А вы,—кто вы, что возстаете противъ моихъ указовъ, унижаете Солнце и ни во что ставите огонь?

Святые единогласно исповѣдали вѣру во Единаго Бога.

— Для нашей пользы,—говорили святые,—повелѣлъ Богъ быть Солнцу и огню. Богъ же Истинный—Единъ, Который сотворилъ все, и Ему Единому подобаетъ поклоненіе и слава.

На это царь вскричалъ:

— Какой Богъ славнѣе Ормузда или кто страшнѣе Аримана?[1])

---

[1]) *Ормуздъ* —имя высшаго божества у древнихъ Персовъ. Онъ почитался ими мудрымъ богомъ, творцомъ всего міра, который создалъ Солнце, Луну, звѣзды, небо, землю, воду и человѣка; онъ, по ихъ вѣрованіямъ, другъ и охранитель добра, врагъ лжецовъ, мститель за неправду.

И кто можетъ называться человѣкомъ мудрымъ, если не поклоняется Солнцу?!

Епископъ Саверій вновь подтвердилъ за всѣхъ исповѣданіе вѣры:

— Мы не знаемъ, царь, инаго Бога, кромѣ Сотворившаго Небо и землю, Солнце и Луну и все видимое и невидимое; и вѣруемъ въ Сына Его, называемаго Іисусомъ Назаряниномъ.

Тогда царь повелѣлъ бить святаго по устамъ, и это исполнялось съ такою жестокостью, что выпали зубы его. Царь же насмѣшливо прибавилъ:

— Призови Іисуса, чтобы вставилъ тебѣ зубы.

Когда же Саверій за это назвалъ царя безбожникомъ, то былъ бичеванъ до полусмерти и затѣмъ брошенъ въ темницу. Послѣ сего мучитель вызвалъ святаго Исаакія и спросилъ его съ угрозою:

— Однихъ ли мыслей съ Саверіемъ и ты, такъ что я долженъ пролить и твою кровь?

Воодушевленный твердымъ примѣромъ и исповѣданіемъ вѣры Саверія, святый Исаакій отвѣтилъ такъ царю:

— Единомысліе наше, царь, есть высшая мудрость, которой ты не постигаешь.

Раздраженный твердостію христіанъ, царь грозилъ Исаакію отрѣзать языкъ за продолженіе подобныхъ рѣчей. Потомъ царь перешелъ ко второй части обвиненія маговъ персидскихъ [1]) противъ Исаака и потребовалъ отчета, для чего онъ строитъ храмы христіанскіе?

На это Исаакій отвѣтилъ:

— А когда же я переставалъ это дѣлать, дабы славилось Имя Божіе и среди язычниковъ?!

Тогда царь обратился къ знатнымъ горожанамъ, которые передъ этимъ, видя жестокость царя, отреклись отъ христіанства. Онъ сильно порицалъ ихъ и грозилъ смертію въ случаѣ возвра-

---

Ариманъ въ религіи Персовъ является олицетвореніемъ зла. Онъ находится въ постоянной борьбѣ съ добрымъ богомъ Ормуздомъ и въ его твореніе старается заронить сѣмя зла. Поэтому Ариманъ является источникомъ вредныхъ силъ природы, болѣзней, неурожая и прочихъ бѣдствій.

[1]) *Маги* у Персовъ—члены замкнутой жреческой общины. Они первоначально были хранителями всего научнаго образованія и религіозныхъ обрядовъ; они выдавали себя за людей, умѣющихъ опредѣлять будущее по положенію звѣздъ и пользовались громаднымъ почетомъ въ народѣ и большимъ политическимъ вліяніемъ.

щенія ихъ къ христіанской вѣрѣ. Онъ клялся, что, доколѣ царствуетъ, не потерпитъ въ своемъ царствѣ ни одного христіанина. Затѣмъ приказалъ дрожащимъ отъ страха отступникамъ побить Исаака камнями. И сами вельможи-вѣроотступники побили камнями своего епископа, въ лагерѣ, внѣ города.

Послѣ сего всѣ Персы, особенно знатные граждане и начальники, вооружились противъ христіанъ. Такъ, Іоаннъ, Селевкійскій епископъ, томимый въ темницѣ при замкѣ Бетъ-Гасцита, умерщвленъ былъ по приказанію начальника Гадіабскаго. Еще другой Исаакъ—пресвитеръ селенія Гулсалы—побитъ былъ камнями.

Исповѣдникъ же Саверій черезъ два дня умеръ въ тюрьмѣ отъ нанесенныхъ ему истязаній. Когда доложили о семъ царю, то онъ, по злобѣ, не повѣрилъ этому извѣстію и приказалъ отрубить умершему голову и представить ему.

Несмотря на вѣроотступниковъ—вельможъ царя Сапора, устрашенныхъ его жестокостію, многіе христіане изъ мірянъ оказались твердыми въ вѣрѣ и, по примѣру своихъ пастырей, твердо шли на муки за Христа.

Такъ Азатъ, евнухъ намѣстника Гадіабскаго, былъ привлеченъ съ другими христіанами въ капище, гдѣ приносились жертвы Персами. Но, воспитанный съ дѣтства въ христіанствѣ, онъ вмѣстѣ съ прочими вѣрующими обличилъ нечестивцевъ и отказался отъ жертвоприношеній Солнцу, зная, что «язычники бѣсѡ́мъ жрꙋ́тъ, а҆ не бг҃ови»[1]).

За это ихъ предали различнымъ истязаніямъ.

Азатъ послѣ сего былъ удавленъ руками одного вѣроотступника. Съ нимъ вмѣстѣ былъ мучимъ и убитъ Сасоній.

Нѣкоему христіанину, по имени Аврааму, вырваны были глаза раскаленными гвоздями, отъ чего онъ умеръ черезъ два дня въ страшныхъ мученіяхъ, не переставая призывать Имя Христово.

Симеона—христіанина Персы закопали въ землю по грудь и пронзили стрѣлами оставшееся открытымъ тѣло.

Въ это же гоненіе въ землѣ Персидской просіяли вѣнцами мученическими и многія жены и дѣвы изъ христіанокъ, соревнуя поименованнымъ святымъ мужамъ въ любви ко Христу.

Такъ, дѣвицы Ѳекла и Анна и съ ними Богута, благородная жена, Мамія, Татона, Мама и Нина и многія другія, безбоязнен-

---

[1]) Посл. къ Коринѳ., гл. 10, ст. 20. Сравн.: Второзак., гл. 32, 17.

но обличавшія нечестіе Персовъ и жестокость гонителя, были изрублены мечами. Земля, орошенная кровію сихъ мученицъ, произрастила цѣльбоносную смоковницу, какъ бы въ обличеніе гонителя. Еретики манихеи[1]), спустя нѣкое время, не терпя сего чуда, коимъ сама земля вѣщала о правой вѣрѣ исповѣдницъ Христовыхъ, истребили сію смоковницу; но за сіе были наказаны жестокою болѣзнію.

Такъ и въ землѣ Персидской воздвигъ Господь многочисленный сонмъ мучениковъ и исповѣдниковъ, пріявшихъ страданія за Христа.

1) О *манихеяхъ* см. на стр. 47, прим. 2.

День двадцать первый

СКАЗАНІЕ

О ВХОДѢ ВО ХРАМЪ

ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ и ПРИСНОДѢВЫ МАРІИ

Когда Пречистой Богоотроковицѣ, Преблагословенной Дѣвѣ Маріи Богородицѣ, исполнилось три года отъ рожденія, святые праведные родители Ея, Іоакимъ и Анна, рѣшились исполнить данный ими обѣтъ—отдать на служеніе Богу рожденное ими дитя. Созвали они въ Назаретъ, гдѣ жили, всѣхъ своихъ родственниковъ изъ царскаго и архіерейскаго рода,—ибо самъ праведный Іоакимъ былъ изъ царскаго рода, супруга же его, святая Анна, была изъ рода архіерейскаго,—а также хоръ непорочныхъ дѣвъ; приготовили много свѣчей и окружили Пречистую Дѣву Марію царскимъ благолѣпіемъ, какъ все сіе свидѣтельствуется святыми Отцами.

Святый Іаковъ, архіепископъ Іерусалимскій, отъ лица Іоакима говоритъ такъ:

«Позовите непорочныхъ дочерей еврейскихъ, чтобы онѣ взяли горящія свѣчи».

Отъ лица праведной Анны святый Германъ, Патріархъ Цареградскій, говоритъ:

«Я выполняю предъ Господомъ тотъ обѣтъ, какой высказала въ состояніи скорби, и для этого собрала хоръ дѣвъ со свѣчами, созвала священниковъ, пригласила сродниковъ, говоря всѣмъ: радуйтесь всѣ со мною, ибо я теперь явилась матерью и родительницею, приводя свою Дочь не къ царю земному, но къ Богу, Царю Небесному».

О царскомъ же украшеніи Богоотроковицы святый Ѳеофилактъ, архіепископъ Болгарскій, говоритъ:

«Надлежало, чтобы введеніе Божественнѣйшей Отроковицы было достойно Ея, чтобы такой пресвѣтлой и многоцѣнной Жемчужины не касалась убогая одежда; слѣдовало именно царскою одеждою одѣть Ее — для наибольшей славы и украшенія».

Такъ устроивъ все, что надлежало къ честно́му и славному введенію, они отправились въ путь, ведущій отъ Назарета до Іерусалима въ теченіе трехъ дней.

Достигнувъ города Іерусалима, они торжественно вошли въ храмъ и повели туда одушевленный храмъ Божій — трехлѣтнюю отроковицу, Пречистую Дѣву Марію. Впереди Нея шелъ хоръ дѣвицъ съ зажженными свѣчами, какъ свидѣтельствуетъ святый Тарасій, архіепископъ Константинопольскій, который влагаетъ въ уста святой Анны такія слова:

«Начните (шествіе), дѣвы, носящія свѣчи, и предшествуйте мнѣ и Богоотроковицѣ».

Святые же родители, одинъ съ одной стороны, другая съ другой, взявъ за руки данную Богомъ Дочь свою, съ нѣжностію и честію вели ее между собою. За ними радостно слѣдовало все множество родственниковъ, сосѣдей и знакомыхъ, держа въ рукахъ свѣчи и окружая Пречистую Дѣву, какъ звѣзды свѣтлую Луну, на удивленіе всему Іерусалиму. Святый Ѳеофилактъ описываетъ это такимъ образомъ:

«Забываетъ Дочь домъ отца и приводится къ Царю, возжелавшему красоты Ея,—приводится не безъ почести и не безъ славы, но съ торжественными проводами. Вотъ выводится Она изъ отеческаго дома со славою, при всеобщемъ рукоплесканіи Ея выхожденію; родителямъ Ея послѣдовали родственники, сосѣди и всѣ, кто любилъ ихъ; отцы сорадовались отцу, матери сорадовались матери; отроковицы и дѣвы со свѣчами въ ру-

ВХО́ДЪ ВО ХРА́МЪ ПРЕСТЫ́Я БЦ҃Ы

кахъ предшествовали Богоотроковицѣ. Весь Іерусалимъ, какъ нѣкоторый звѣздный кругъ, сіяющій съ Луною, собрался смотрѣть эти небывалые проводы и видѣть трехлѣтнюю Отроковицу, окруженную такою славою и почтенную преднесеніемъ свѣчей. И не только граждане земнаго Іерусалима, но и Небеснаго—святые Ангелы—стеклись видѣть преславное введеніе Пречистой Дѣвы Маріи и, видѣвъ, удивлялись, какъ сіе воспѣваетъ Церковь: **а҆́гг҃ли, вхожде́нїе пречⷭ҇тыѧ зрѧ́ще, оу҆диви́шасѧ: ка́кѡ дв҃а вни́де во ст҃аѧ ст҃ы́хъ»**[1]).

Соединившись съ видимымъ хоромъ непорочныхъ дѣвъ, невидимый хоръ безплотныхъ чиновъ шелъ, совводя Пречистую Дѣву Марію во Святое Святыхъ и, по повелѣнію Господню, окружая Ее, какъ избранный сосудъ Божій. Объ этомъ святый Георгій, архіепископъ Никомидійскій, говоритъ такъ:

«Родители уже вели къ дверямъ храма Дѣву, окруженную Ангелами, при совмѣстномъ радованіи всѣхъ Небесныхъ Силъ. Ибо Ангелы, хотя и не знали силы тайны, однако же, по повелѣнію Господню, служили при входѣ Ея во храмъ. Итакъ, они, во-первыхъ, удивлялись, видя, что Она будетъ драгоцѣнный сосудъ добродѣтелей, что Она носитъ признаки вѣчной чистоты и имѣетъ такую плоть, которой никогда не прикоснется никакая грѣховная скверна, а, во-вторыхъ, исполняя волю Господню, совершили служеніе, которое имъ было повелѣно».

Такъ, съ честію и славою не только людьми, но и Ангелами была введена въ храмъ Господень Пренепорочная Отроковица. И достойно: ибо если ветхозавѣтный Ковчегъ, носившій въ себѣ манну, который служилъ только прообразомъ Пресвятой Дѣвы, внесенъ былъ въ храмъ съ великою честію, при собраніи всего Израиля, то тѣмъ съ бо́льшею честію, при собраніи Ангеловъ и человѣковъ, должно было совершаться введеніе во храмъ того самаго одушевленнаго Кивота[2]), который имѣлъ въ себѣ манну—Христа,—преблагословенной Дѣвы, предназначенной въ Матерь Богу.

При внесеніи ветхозавѣтнаго Кивота въ храмъ Господень впереди его шелъ царь земной, царствовавшій тогда надъ Изра-

---

[1]) Припѣвъ на девятой Пѣсни Канона.

[2]) *Кивотъ, Ковчегъ* — деревянный ящикъ, обитый снаружи золотомъ. Въ немъ находились: скрижали завѣта, манна и жезлъ Аароновъ. Онъ былъ прообразомъ Божіей Матери, отчего Святая Дѣва и называется *Кивотомъ*, или *Ковчегомъ*.

илемъ, Богоотецъ Давидъ; а при введеніи въ храмъ Божій сего одушевленнаго Кивота, Пречистой Дѣвы, предшествовалъ не земной царь, а Небесный, Которому мы каждый день молимся: **цр҃ю нб҃ный, оутѣ́шителю, дш҃е и҆́стины.** Что сей именно Царь предводительствовалъ этой Дщери царской, объ этомъ святая Церковь въ нынѣшнихъ пѣснопѣніяхъ свидѣтельствуетъ такъ: **во ст҃ы́хъ ст҃а́ѧ, ст҃а́ѧ и҆ непоро́чнаѧ ст҃ы́мъ дх҃омъ вво́дитсѧ**[1]). При внесеніи Ковчега были музыка и пѣніе, ибо Давидъ велѣлъ начальникамъ левитовъ поставить пѣвцовъ, чтобы они играли на органахъ[2]), псалтиряхъ[3]), кимвалахъ[4]) и гусляхъ[5]) и воспѣвали радостныя пѣсни; при введеніи же Пресвятой Дѣвы содѣйствовали веселію не земная музыка и пѣніе, но пѣніе Ангеловъ, невидимо при семъ присутствовавшихъ. Ибо они, при входѣ Ея во Святое Святыхъ на служеніе Господу, воспѣвали небесными голосами, что и воспоминаетъ нынѣ Церковь, которая поетъ въ кондакѣ[6]): **бл҃года́ть совводѧ́щи, ꙗ҆́же въ дс҃ѣ бж҃е́ственномъ, ю҆́же воспѣва́ютъ а҆́гг҃ли бж҃їи: сїѧ̀ є҆́сть селе́нїе нб҃ное.** Впрочемъ, введеніе Пречистой Богородицы во храмъ представляется и не безъ человѣческихъ пѣснопѣній. Ибо праведная Анна (въ словѣ святаго Тарасія) говоритъ идущимъ впереди дѣвамъ:

— Воспойте Сію хвалебною пѣснію, пойте Ей подъ звуки гуслей, воскликните Ей пѣснь духовную, прославьте Ее на десятострунномъ псалтири.

Это же вспоминаетъ Церковь, говоря:

«Ра́дꙋютсѧ і҆ѡакі́мъ и҆ а҆́нна дꙋ́хомъ, и҆ дѣ́вственнїи ли́цы гдⷭ҇ви пою́тъ, ѱало́мски воспѣва́юще, и҆ чтꙋ́ще мт҃рь є҆гѡ̀»[7]).

Отсюда открывается, что хоръ дѣвственницъ, предшествовавшихъ тогда Пречистой Дѣвѣ, пѣли нѣкоторыя пѣсни изъ Псалмовъ Давида.

---

1) Стихира праздника на Великой вечернѣ.

2) *Органъ* — духовный инструментъ, вѣроятно въ родѣ свирѣли (музыкальное орудіе пастуховъ).

3) *Псалтирь*—струнный инструментъ, въ родѣ арфы или лиры. Преимущественно игрою на немъ сопровождалось пѣніе священныхъ пѣсней или гимновъ.

4) *Кимвалъ*—бряцательный инструментъ, состоящій изъ двухъ широкихъ металлическихъ кружковъ, которые, будучи ударяемы одинъ о другой, издавали громкій звукъ.

5) *Гусли*—струнный инструментъ, имѣвшій форму трехугольника.

6) *Кондакомъ* называется священная пѣснь, вкратцѣ выражающая сущность праздника.

7) Стихира на Великой вечернѣ.

Согласно съ этимъ и составитель нынѣшняго Канона говоритъ означеннымъ дѣвамъ:

—**Начина́йте, дѣ́вы, и҆ воспо́йте пѣ́сни, рꙋка́ми держа́ще свѣ́щы̀**[1]).

Сами же святые праведные родители Іоакимъ и Анна, по свидѣтельству святаго Тарасія, имѣли на устахъ своихъ такую пѣснь праотца Давида:

«**Слы́ши дщѝ, и҆ ви́ждь, и҆ приклонѝ ᲂу҆́хо твоѐ, и҆ забꙋ́ди лю́ди твоѧ̀, и҆ до́мъ ѻ҆тца̀ твоегѡ̀, и҆ возжела́етъ цр҃ь добро́ты твоеѧ̀**»[2]).

Навстрѣчу этому славному введенію Богоотроковицы, по разсказу Ѳеофилакта, вышли священники, служившіе во храмѣ, и съ пѣснопѣніями встрѣтили Пресвятую Дѣву, имѣвшую быть Матерію Великаго Архіерея, прошедшаго Небеса[3]). Приведя Ее ко дверямъ храма, святая Анна (какъ пишетъ святый Тарасій) говорила такъ:

—Иди, Дщерь моя, къ Тому, Кто мнѣ даровалъ Тебя; иди, Священный Кивотъ, къ милостивому Владыкѣ; иди, Дверь Жизни, къ милосердому Дателю; иди, Ковчегъ Слова, къ храму Господню; войди въ церковь Господню, Радость и Веселіе міра.

Захаріи же, какъ Пророку, архіерею и сроднику своему[4]), она сказала съ Іоакимомъ:

— Пріими, Захарія, чистую сѣнь; пріими, священникъ, непорочный Ковчегъ; пріими, пророкъ, Кадильницу невещественнаго угля; пріими, праведный, Духовное Кадило.

И еще праведная Анна, какъ повѣствуетъ святый Германъ, сказала первосвященнику:

— Пріими, пророкъ, Дочь мою, данную Богомъ; пріими и, введши, посади Ее на горѣ святыни, въ приготовленномъ Божіемъ жилищѣ, ничего не допытываясь до тѣхъ поръ, пока Богъ, призвавшій Ее сюда, не откроетъ окончательно Своей воли о Ней.

Было тамъ,—пишетъ блаженный Іеронимъ,—пятнадцать ступеней на церковномъ входѣ, по числу пятнадцати степенныхъ Псалмовъ, ибо на каждой изъ этихъ ступеней всходившими для слу-

---

1) Канонъ, пѣснь **4**.

2) Псаломъ **44**, ст. 11, 12.

3) Подъ Великимъ Архіереемъ, прошедшимъ Небеса, разумѣется Іисусъ Христосъ. Посл. къ Евр., гл. **4**, ст. 14.

4) Это, по преданію, тотъ самый Захарія, который былъ отцомъ Іоанна Крестителя. Евангеліе называетъ его священникомъ Авіевой чреды (Еванг. отъ Лук., гл. **1**, ст. 5).

женія священниками и левитами былъ пѣтъ отдѣльный Псаломъ[1]). Вотъ поставили праведные родители пренепорочную отроковицу на первой ступени. Она тотчасъ весьма скоро пошла сама собою по прочимъ ступенямъ, никѣмъ не ведомая и не поддерживаемая; поднявшись на самую верхнюю ступень, Она стала, укрѣпляемая невидимою силою Божіею. Удивились всѣ, увидѣвъ трехлѣтнюю отроковицу, поднявшуюся по этимъ ступенямъ такъ скоро, а особенно дивился этому великій первосвященникъ Захарія и, какъ Пророкъ, по откровенію Божію, проразумѣвалъ будущее сей Дѣвы, ибо онъ, по словамъ Ѳеофилакта, былъ объятъ Духомъ. Также и святый Тарасій касательно этого говоритъ, что Захарія, исполнившись Святаго Духа, воскликнулъ:

— О чистая Отроковица! О Дѣва, не знающая соблазна! О Дѣвица прекрасная! О украшеніе женъ! О краса дочерей! Ты благословенна между женами! Ты въ высшей степени прославлена чистотою, Ты запечатлѣна дѣвствомъ, Ты—разрѣшеніе клятвы Адама!

Держа Отроковицу, Захарія,—говоритъ святый Германъ,—съ радостнымъ духомъ ввелъ Ее во Святое Святыхъ[2]), говоря Ей такъ:

— Иди, исполненіе моего пророчества, иди, совершеніе Господнихъ обѣтованій, иди, запечатлѣніе завѣта Его, иди, обнаруженіе Его совѣта, иди, исполненіе Таинъ Его, иди, зерцало всѣхъ пророковъ, иди, обновленіе обветшавшихъ грѣхами, иди, Свѣтъ лежащихъ во тьмѣ, иди, новѣйшій Божественнѣйшій Даръ. Войди теперь въ нижнюю часть храма Господа своего, доступную человѣкамъ, а чрезъ немного времени—въ горнюю и неприступную для нихъ.

Отроковица, веселясь и весьма радуясь, шла въ домъ Господень какъ въ чертогъ, ибо хотя и была мала возрастомъ, всего только трехъ лѣтъ, но была совершенна по благодати Божіей, какъ предъузнанная и предъизбранная Богомъ прежде сложенія міра.

---

[1]) Эти пятнадцать ступеней находились при входѣ во святилище, куда никто не могъ входить, кромѣ священниковъ и первосвященника. Священники, при восхожденіи во святилище, на каждой ступени пѣли по Псалму; переступая со ступени на ступень, они пѣли всего 15 Псалмовъ; отсюда эти Псалмы называются «пѣснями степеней», или «степенными». По счету это 119—133 Псалмы.

[2]) *Святое Святыхъ*—самая важная и священнѣйшая часть храма. Въ нее могъ входить одинъ только первосвященникъ, и то разъ въ годъ.

Такъ Пречистая и Преблагословенная Дѣва Марія введена была въ храмъ Господень. При этомъ первосвященникъ Захарія совершилъ необычайное и для всѣхъ удивительное дѣло: онъ ввелъ отроковицу въ самую скинію, называемую ст҃а́ѧ ст҃ы́хъ, которая была за второю завѣсою и гдѣ былъ Ковчегъ Завѣта, обложенный со всѣхъ сторонъ золотомъ, и Херувимы славы, осѣняющіе очистилище[1]), куда нельзя было входить не только женщинамъ, но даже и священникамъ, а могъ туда входить только первосвященникъ, однажды въ годъ. Тамъ первосвященникъ Захарія отвелъ Пречистой Дѣвѣ мѣсто для молитвы. Всѣмъ же прочимъ дѣвамъ, живущимъ во храмѣ, по свидѣтельству св. Кирилла Александрійскаго и св. Григорія Нисскаго, отводилось мѣсто для молитвы между церковію и алтаремъ[2]). Ни одной изъ этихъ дѣвъ никакимъ образомъ нельзя было подходить къ алтарю, ибо это строжайше запрещалось имъ первосвященниками; Пречистой же Дѣвѣ, со времени введенія Ея, не было запрещено ежечасно входить во внутренній алтарь, за вторую завѣсу и молиться тамъ. Сдѣлано было это первосвященникомъ по таинственному вразумленію Божію, о чемъ святый Ѳеофилактъ говоритъ такъ:

«Первосвященникъ, бывъ тогда внѣ себя, объятый Духомъ Божіимъ, понялъ, что эта отроковица—вмѣстилище Божественной благодати и что Она болѣе его достойна всегда предстоять предъ Лицомъ Божіимъ. Вспомнивъ сказанное въ Законѣ о Ковчегѣ, что ему назначено находиться во Святомъ Святыхъ, онъ тотчасъ понялъ, что это преднаписано было относительно сей Отроковицы, нисколько не усомнившись и не остановившись, дерзнулъ, вопреки Закону, ввести Ее во Святое Святыхъ.»

Какъ говоритъ блаженный Іеронимъ, праведные родители Іоакимъ и Анна, вручивъ дитя свое волѣ Отца Небеснаго, принесли дары Богу, жертвы и всесожженія и, получивъ благословеніе отъ первосвященника и всего собора священниковъ, возвратились, со всѣми своими сродниками, домой и устроили тамъ пиръ, веселясь и благодаря Бога. Преблагословенная же Дѣва съ начала жизни своей въ домѣ Господнемъ отдана была въ помѣщеніе для дѣвицъ, ибо храмъ Іерусалимскій, построенный Соломономъ и потомъ разрушенный и выстроенный снова Зоро-

---

[1]) Посл. къ Евр., гл. 9, ст. 3—5.

[2]) Т. е. притворомъ священниковъ, въ которомъ приносились жертвы и по сторонамъ котораго были жилыя комнаты для посвященныхъ Богу,—и святилищемъ.

вавелемъ[1]), имѣлъ много жилыхъ помѣщеній, какъ пишетъ Іосифъ, древній іудейскій историкъ[2]). Внѣ къ стѣнамъ храма пристроены были каменныя зданія, числомъ тридцать, отдѣльныя одно отъ другаго, просторныя и очень красивыя, на нихъ были другія зданія, на другихъ — третьи, такъ что общее число ихъ было девяносто, и они имѣли всѣ удобства для жительства въ нихъ. Высота ихъ равнялась высотѣ храма; они были какъ бы столпы, совнѣ поддерживающіе его стѣны. Въ этихъ зданіяхъ находились помѣщенія для разныхъ лицъ: отдѣльно жили дѣвы, посвященныя на служеніе Богу до времени; отдѣльно жили вдовицы, давшія обѣтъ Богу хранить чистоту свою до смерти, какъ пророчица Анна, дочь Фануилова; отдѣльно обитали мужи, называвшіеся назореями[3]), подобно инокамъ жившіе безбрачно. Всѣ эти лица служили Господу при храмѣ и получали пропитаніе отъ доходовъ храма. Остальныя зданія отведены были для пребыванія странниковъ и пришельцевъ, приходившихъ издалека на поклоненіе въ Іерусалимъ.

Трехлѣтняя отроковица, Пречистая Дѣва Марія, какъ сказано, была отдана въ помѣщеніе для дѣвицъ, причемъ къ Ней приставлены были дѣвицы по лѣтамъ болѣе взрослыя и искусныя въ писаніи и рукодѣліи, чтобы Богоотроковица съ младенчества научилась и писанію, и рукодѣлію вмѣстѣ. Святые родители, Іоакимъ и Анна, часто посѣщали Ее; Анна, какъ матерь, особенно часто приходила посмотрѣть на свою Дочь и поучать Ее. По свидѣтельству святаго Амвросія и историка Георгія, Дѣва скоро научилась еврейскому ветхозавѣтному писанію въ совершенствѣ,— и не только Писанію, но и рукодѣлью хорошо научилась, какъ говоритъ о томъ святый Епифаній:

«Она отличалась силою ума и любовью къ ученію; не только поучалась въ Священномъ Писаніи, но и упражнялась въ пряденіи шерсти и льна и въ шитьѣ шелкомъ. Благоразуміемъ своимъ Она удивляла всѣхъ; занималась преимущественно такими

---

1) Храмъ Соломоновъ былъ разрушенъ Навуходоносоромъ, царемъ Вавилонскимъ. Новый храмъ былъ построенъ Зоровавелемъ спустя 52 года послѣ разрушенія перваго.

2) Жилъ въ I в. по Р. Хр.

3) *Назореи* были лица, давшіе обѣтъ Богу не вступать въ бракъ, воздерживаться отъ употребленія вина и всякихъ опьяняющихъ напитковъ и не стричь волосъ. Обыкновенно назорейство продолжалось извѣстное время, было принимаемо добровольно, по разнымъ побужденіямъ; но иногда родители давали обѣтъ назорейства за своихъ дѣтей: и именно въ томъ случаѣ, когда они, не имѣя дѣтей, желали получить ихъ отъ Бога.

трудами, которые могли бы быть потребны священникамъ въ служеніи при храмѣ; рукодѣлью этому Она такъ научилась, что имъ могла впослѣдствіи, при Сынѣ своемъ, добывать себѣ пропитаніе; Она своими руками сдѣлала Господу Іисусу хитонъ, не сшитый, но весь тканый».

Пречистой Дѣвѣ (говоритъ тотъ же Епифаній), какъ и другимъ дѣвицамъ, обычная пища подавалась отъ храма; но ее съѣдали нищіе и странники, ибо Она, какъ воспѣваетъ Церковь, питалась хлѣбомъ небеснымъ. Святый Германъ говоритъ о Ней, что Она пребывала обыкновенно во Святомъ Святыхъ, принимая сладкую пищу отъ Ангела; а святый Андрей Критскій[1]) такъ говоритъ:

«Во Святомъ Святыхъ, какъ въ чертогѣ, Она принимала необычайную и нетлѣнную пищу».

При этомъ преданіе присоединяетъ, что Пречистая Дѣва часто пребывала во внутренней скиніи, бывшей за второю завѣсой и называемой *Святое Святыхъ,* а не въ обычномъ помѣщеніи для дѣвъ при храмѣ,—потому что хотя ей мѣсто для жительства было уготовано въ этомъ помѣщеніи, но на молитву не запрещено было ходить во Святое Святыхъ. Пришедши въ совершенный возрастъ, Она, съ юныхъ лѣтъ научившись Священному Писанію и прилежно занимаясь рукодѣліемъ, еще больше упражнялась въ молитвѣ и цѣлыя ночи и бо́льшую часть дня имѣла обыкновеніе проводить въ молитвѣ. На молитву входила во Святое Святыхъ, для рукодѣлья же возвращалась въ свое жилище, ибо, по Закону, нельзя было во Святомъ Святыхъ что-либо дѣлать или что-нибудь внести туда. И бо́льшую часть жизни своей Она проводила въ храмѣ, за второю завѣсою, во внутренней скиніи, на молитвѣ, а не въ отведенномъ Ей жилищѣ, за рукодѣліемъ. Потому-то всѣми учителями Церкви согласно говорится, что Пречистая Дѣва, до двѣнадцатаго года, всю свою жизнь провела во Святомъ Святыхъ, такъ какъ оттуда рѣдко выходила въ свое помѣщеніе.

Какова же была жизнь Ея въ младшемъ возрастѣ, это описалъ Іеронимъ такъ:

«Блаженная Дѣва, еще въ дѣтствѣ и младенчествѣ своемъ, когда была при храмѣ съ прочими, однолѣтними Ей дѣвицами, жизнь свою проводила по строгому порядку, отъ ранняго утра до третьяго часа дня стояла на молитвѣ; отъ третьяго до девя-

---

[1]) Жившій въ VIII ст.

таго—упражнялась въ рукодѣльи или чтеніи книгъ; отъ девятаго часа снова начинала свою молитву и не прекращала ея до тѣхъ поръ, пока не являлся Ей Ангелъ, изъ рукъ котораго Она обыкновенно принимала пищу. Такъ все болѣе и болѣе возрастала Она въ любви къ Богу[1])»

Такого рода была жизнь Ея въ дѣтствѣ, когда Она еще жила съ дѣвами-сверстницами. Въ то время, какъ день ото дня Она возрастала и укрѣплялась духомъ, совершенствовалась Она и въ подвигахъ и укрѣплялась въ молитвѣ и трудолюбіи, восходя отъ силы въ силу, до тѣхъ поръ, пока не осѣнила Ее сила Всевышняго. А что являлся Ей Ангелъ и приносилъ пищу, это видѣлъ своими глазами первосвященникъ Захарія, о чемъ разсказываетъ святый Григорій Никомидійскій, говоря:

—Въ то время, какъ Она, день ото дня, росла, съ лѣтами возрастали въ Ней и дары Святаго Духа, и Она пребывала въ общеніи съ Ангелами. Это и Захарія узналъ; ибо когда онъ, по обычаю священническому, былъ въ алтарѣ, то увидѣлъ, что кто-то необычайнаго вида бесѣдуетъ съ Дѣвою и подаетъ Ей пищу. Это былъ явившійся Ангелъ; и удивился Захарія, размышляя въ себѣ: что это за новое и необычайное явленіе? Видомъ подобенъ Ангелу, и говоритъ со святою Дѣвицею; безплотный по образу приноситъ пищу, питающую плоть, невещественный по природѣ подаетъ Дѣвѣ вещественную корзину. Ангельское явленіе здѣсь бываетъ однимъ только священникамъ, и то не часто; къ женскому же полу, да еще къ такой юной Дѣвицѣ, пришествіе Ангела, видимое теперь, совершенно необычайно. Если бы Она была изъ числа замужнихъ и, одержимая недугомъ неплодства, молилась о дарованіи Ей плода, какъ молилась нѣкогда Анна, я не удивился бы тому явленію, которое вижу, но Дѣвица не проситъ объ этомъ[2]), Ангелъ же всегда, какъ и теперь вижу, является Ей, отчего я прихожу въ еще большее удивленіе, ужасъ и недоумѣніе, что будетъ изъ этого? Что благовѣствовать приходитъ Ангелъ? И какого свойства приносимая имъ пища? Изъ какого хранилища она берется? И кто приготовилъ ее? Какая рука сдѣлала этотъ хлѣбъ? Ибо Ангеламъ несвойственно заботиться о

---

[1]) Израильтяне считали часы дня отъ восхода солнца такъ, что 3-й часъ соотвѣтствовалъ нашему 9-му утра; конецъ 6-го часа—нашему полдню; съ 9-го часа день клонился къ вечеру.

[2]) Т. е. о дарованіи ей плода чрева.

требованіяхъ плоти; если и многіе были питаемы ими, однако пищу эту приготовляла человѣческая рука. Ангелъ, служившій Даніилу, хотя и могъ бы, силою Всевышняго, не чрезъ кого-либо другого, а самъ собою исполнить то, что ему было повелѣно, однако послалъ для сего Аввакума съ сосудами, чтобы не устрашили питаемаго необыкновенное видѣніе Ангела и необычная пища[1]). Здѣсь же къ Отроковицѣ приходитъ самъ Ангелъ—дѣло, полное таинственности, относительно котораго я недоумѣваю; Она въ младенчествѣ сподобилась такихъ даровъ, что Ей служатъ безплотные. Что это такое? Не на Ней ли сбудутся предсказанія Пророковъ? Не Она ли—цѣль нашего ожиданія? Не отъ Нея ли пріиметъ естество Хотящій придти спасти родъ нашъ? Ибо тайна эта предсказана еще прежде, и Слово ищетъ Ту, которая могла бы послужить тайнѣ. И ужели не другая предъизбрана послужить этой тайнѣ, а именно сія Дѣвица, на которую смотрю? Какъ счастливъ ты, домъ Израилевъ, изъ котораго прозябло такое сѣмя! Какъ счастливъ ты, корень Іессеевъ, изъ котораго произошла эта вѣтвь, имѣющая произвести міру цвѣтъ спасенія! Какъ счастливъ и я, наслаждающійся такимъ видѣніемъ и приготовляющій эту Дѣву въ невѣсту Слову.

Это—слова Георгія Никомидійскаго. Подобно ему говоритъ Іеронимъ:

—Каждый день посѣщали Ее Ангелы, и если бы меня спросилъ кто-нибудь: какъ Пречистая Дѣва проводила тамъ время юности,—я отвѣчалъ бы: сіе извѣстно Самому Богу да Архангелу Гавріилу, неотступному Ея хранителю, съ прочими Ангелами, часто приходившими къ Ней и съ любовію бесѣдовавшими съ Нею.

Пребывая такимъ образомъ съ Ангелами во Святомъ Святыхъ, Пречистая Дѣва пожелала вѣчно жить въ ангельской чистотѣ и невредженномъ дѣвствѣ. По свидѣтельству святыхъ учителей: Григорія Нисскаго, Іеронима и другихъ, Дѣва сія—первая обручила свое дѣвство Богу, ибо въ Ветхомъ Завѣтѣ необычно было дѣвамъ не вступать въ бракъ, такъ какъ супружество было въ бо́льшемъ почетѣ, чѣмъ дѣвство[2]). Пречистая же Дѣва первая въ

---

1) Кн. Прор. Даніил., гл. 14, ст. 34.

2) Въ то время каждый желалъ имѣть потомство, чтобы память о немъ дольше сохранилась на землѣ и чтобы, если не онъ самъ, такъ его потомки могли бы сдѣлаться участниками благъ въ царствіи ожидаемаго Мессіи—Избавителя.

мірѣ предпочла дѣвство супружеству и, уневѣстившись Богу, служила Ему чистымъ дѣвствомъ своимъ день и ночь. Пресвятый Духъ, благоволеніемъ Бога-Отца, готовилъ въ Ней вмѣстилище Богу-Слову. Да будетъ же Пресвятой, Единосущной и Нераздѣльной Троицѣ слава и благодареніе; Пречистой же Владычицѣ нашей Богородицѣ, Приснодѣвѣ Маріи, честь и хвала отъ всѣхъ родовъ во вѣки. Аминь[1]).

Тропа́рь пра́здника, гла́съ д҃:

Дне́сь бл҃говоле́нїѧ бж҃їѧ пред҆ѡбраже́нїе, и҆ человѣ́кѡвъ сп҃се́нїѧ проповѣ́данїе, въ хра́мѣ бж҃їи ꙗ҆́снѡ дв҃а ꙗ҆влѧ́етсѧ, и҆ хр҃та̀ всѣ́мъ предвозвѣща́етъ. то́й и҆ мы̀ велегла́снѡ возопїи́мъ: ра́дꙋйсѧ, смотре́нїѧ зижди́телева и҆сполне́нїе.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Пречⷭ҇тый хра́мъ сп҃совъ, многоцѣ́нный черто́гъ и҆ дв҃а, сщ҃е́нное сокро́вище сла́вы бж҃їѧ, дне́сь вво́дитсѧ въ до́мъ гдⷭ҇нь, бл҃года́ть совводѧ́щи, ꙗ҆́же въ дс҃ѣ бж҃е́ственномъ, ю҆́же воспѣва́ютъ а҆́гг҃ли бж҃їи: сїѧ̀ є҆́сть селе́нїе нб҃ное.

---

[1]) Въ воспоминаніе введенія Пресвятыя Богородицы во храмъ Іерусалимскій древле учрежденъ Церковію праздникъ, 21 ноября. Указаніе на этотъ праздникъ можно находить въ IV вѣкѣ—въ преданіяхъ христіанъ палестинскихъ, кои доселѣ указываютъ на бывшую древле церковь Введенія Богородицы и построеніе этой церкви приписываютъ св. царицѣ Еленѣ. Въ IV вѣкѣ указаніе на этотъ праздникъ находятъ также въ словахъ Григорія Нисскаго. Въ VII вѣкѣ, какъ указано выше, Германъ и Тарасій, Патріархи Константинопольскіе, произносили въ этотъ день поученія.

День двадцать второй

СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

КИКИЛІИ

И СЪ НЕЮ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВАЛЕРІАНА, ТИВУРТІЯ и МАКСИМА

Святая дѣва Кикилія[1]) родилась въ Римѣ отъ почтенныхъ и богатыхъ родителей. Услышавъ евангельскую проповѣдь, она увѣровала во Христа и, возгорѣвшись сердечною къ Нему любовію, положила въ умѣ не выходить замужъ и соблюсти чистымъ дѣвство свое ради Непорочнаго Жениха—Христа Бога. Но родители ея, противъ ея воли, обручили ее съ однимъ благороднымъ юнымъ язычникомъ, по имени Валеріаномъ, и стали заставлять ее ходить въ драгоцѣнныхъ одеждахъ и золотыхъ украшеніяхъ. Но она носила подъ драгоцѣнною одеждою на тѣлѣ жестокую власяницу, а въ сердцѣ—Христа и постоянно горячо молилась Ему, чтобы Онъ Самъ, какъ благоугодно будетъ Ему, сохранилъ ее чистою, непорочною и свободною отъ брачнаго союза. Когда же наступилъ день свадьбы и началось

---

[1]) Имя *Кикилія* есть передѣлка римскаго имени *Цецилія*, которое означаетъ *слѣпая*.

свадебное веселье, она, вздыхая изъ глубины своего сокрушеннаго сердца, тайно взывала къ Господу:

«Бꙋди сердце моѐ непорочно во ѡ҆правданіихъ твоихъ, гдⷭ҇и, ꙗ҆кѡ да не постыждꙋсѧ» [1]).

И усердно, со слезами, молила Его послать для охраненія ея дѣвства Своего Ангела. При наступленіи ночи новобрачные были введены въ брачную комнату, и Кикилія сказала своему жениху:

— Я хочу, любезный юноша, объявить тебѣ нѣкую тайну: у меня есть невидимый тобою хранитель моего дѣвства—Ангелъ Божій, и если ты коснешься меня, то онъ тотчасъ убьетъ тебя, ибо онъ стоитъ здѣсь, готовый защитить меня отъ всякаго насилія.

Услышавъ это, Валеріанъ почувствовалъ страхъ, такъ какъ при Кикиліи дѣйствительно невидимо былъ Ангелъ, посланный съ Неба охранять невѣсту Христову отъ союза съ языческимъ юношей. Онъ началъ умолять Кикилію показать ему Ангела. Дѣвица отвѣчала:

— Ты—человѣкъ, не знающій Истиннаго Бога, и потому не можешь и видѣть Ангела Божія, пока не очистишься отъ нечистоты твоего язычества.

— Но какъ же,—спросилъ Валеріанъ,—могу я очиститься?

— Есть одинъ старецъ,—отвѣчала она,—по имени Урванъ, епископъ христіанскій: онъ можетъ очищать язычниковъ Крещеніемъ и дѣлать ихъ способными видѣть Ангеловъ. Если хочешь очиститься и увидѣть Ангела Божія, то иди къ нему и разскажи ему все, что ты отъ меня здѣсь слышалъ; и, когда онъ очиститъ тебя, тогда возвращайся сюда, и ты увидишь Ангела и получишь отъ него, чего пожелаешь.

— Но гдѣ же мнѣ искать этого старца? — спросилъ Валеріанъ.

— Ступай,—отвѣчала Кикилія,—по Аппіевой дорогѣ [2]) и, когда встрѣтишь по пути нищихъ, скажи имъ: Кикилія, желая передать чрезъ меня одну тайну старцу Урвану, послала меня къ вамъ, чтобы вы отвели меня къ нему.

Валеріанъ пошелъ, и на Аппіевой дорогѣ, согласно съ словами своей обрученницы, встрѣтилъ нищихъ, которымъ святая Ки-

---

1) Псал. 118, ст. 80. Ѡ҆правданіѧ бж҃іи—законъ Божій, заповѣди Божіи.

2) *Аппіева дорога* вела изъ Рима въ южную Италію; названа по имени строителя, нѣкоего Аппія Клавдія Слѣпого въ IV вѣкѣ до Р. Хр.; остатки ея сохранились донынѣ.

Сѵ́тіи мѵ́нцы
кікі́лі́а и валеріа́нъ

килія была хорошо знакома, такъ какъ часто раздавала имъ милостыню: они привели его къ епископу Урвану, скрывавшемуся отъ гонителей по пещерамъ и разоренымъ бѣднымъ храмамъ. Когда Валеріанъ передалъ ему слова святой Кикиліи, епископъ весьма обрадовался и, преклонивъ колѣна и воздѣвъ руки къ Небу, со слезами произнесъ:

— Вотъ какова раба Твоя, Господи Іисусе, подобно пчелѣ приносящая медъ въ Церковь! Юношу, котораго она приняла подобнымъ льву, она прислала ко мнѣ какъ покорнаго ягненка, такъ какъ если бы онъ не вѣрилъ ея словамъ, то и не пришелъ бы ко мнѣ. Итакъ, отверзи, Господи, сердце его къ познанію истины до конца,— да познаетъ онъ Тебя, Истиннаго Бога, и да отречется отъ сатаны и дѣлъ его.

Когда онъ молился такъ, внезапно явился старецъ, почтенный видомъ, одѣтый въ бѣлыя, какъ снѣгъ, одежды и державшій въ рукѣ книгу; ставши предъ Валеріаномъ, онъ открылъ книгу для чтенія. Валеріанъ, устрашенный этимъ видѣніемъ, палъ на землю, но явившійся старецъ поднялъ его и сказалъ:

— Читай, сынъ мой, то, что написано въ этой книгѣ, и ты сподобишься быть очищеннымъ и увидѣть Ангела, котораго обѣщала показать тебѣ твоя обрученница.

Валеріанъ посмотрѣлъ въ книгу и прочелъ слѣдующія написанныя золотомъ слова: **Є҆ди́нъ гдⷭ҇ь, є҆ди́на вѣ́ра, є҆ди́но крще́ніе: є҆ди́нъ бг҃ъ и҆ ѻ҆ц҃ъ всѣ́хъ, и҆́же на́дъ всѣ́ми, и҆ чрезъ всѣ́хъ и҆ во всѣ́хъ на́съ, а҆ми́нь**[1]).

[1]) Посл. къ Ефес., гл. 4, ст. 5—6.

Когда Валеріанъ прочелъ эти слова, явившійся старецъ спросилъ его:

— Вѣруешь ли, чадо, что это—истина, или все еще сомнѣваешься?

Валеріанъ громко отвѣтилъ:

— Поистинѣ подъ небесами нѣтъ ничего болѣе достовѣрнаго, чѣмъ эти слова.

И тотчасъ явившійся сталъ невидимъ, а епископъ Урванъ, начавъ съ прочтенныхъ Валеріаномъ словъ, достаточно научилъ Валеріана и, окрестивъ его, отослалъ къ его святой обрученницѣ.

Валеріанъ, возвратившись къ себѣ, нашелъ святую Кикилію въ ея покоѣ на молитвѣ, а при ней увидѣлъ стоящаго Ангела Божія, сіявшаго великимъ свѣтомъ и красотою; въ рукахъ Ангелъ держалъ два вѣнка, сплетенные изъ красныхъ розъ и бѣлыхъ лилій и испускавшіе необычайное благоуханіе; одинъ вѣнокъ онъ надѣлъ на голову дѣвицы, а другой — на голову Валеріана, говоря:

— Сохраните эти вѣнки, оставаясь оба чистыми сердцемъ и непорочными тѣломъ,—я принесъ ихъ вамъ изъ рая, и они имѣютъ такое чудесное свойство, что никогда не увянутъ и не потеряютъ своего благоуханія и никто, кромѣ любящихъ, подобно вамъ, чистоту, не можетъ увидѣть ихъ. Ты, Валеріанъ, согласился съ рѣшеніемъ твоей обрученницы сохранить чистоту: за сіе Богъ послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты получилъ все, чего у Него ни попросишь.

— У меня нѣтъ никого въ этомъ мірѣ дороже брата моего Тивуртія,—отвѣчалъ, поклонившись Ангелу, Валеріанъ.—Посему, молю Господа, чтобы Онъ избавилъ брата моего отъ погибели и власти діавола, какъ избавилъ меня, обратилъ его къ Себѣ и далъ обоимъ намъ быть совершенными въ дѣлѣ исповѣданія Его святаго Имени.

Ангелъ съ радостнымъ лицемъ сказалъ ему:

— Угодно Богу прошеніе твое, и Онъ исполнитъ твое сердечное желаніе: Онъ спасетъ брата твоего Тивуртія чрезъ тебя, какъ спасъ тебя чрезъ дѣвицу, и вы оба вмѣстѣ пойдете на подвигъ мученическій.

Сказавъ сіе, Ангелъ сталъ невидимъ, а Валеріанъ съ святою Кикиліею радовались во Христѣ и проводили время въ душеполезныхъ бесѣдахъ.

Однажды приходитъ къ нимъ Тивуртій и говоритъ:

— Удивляюсь: я слышалъ здѣсь благоуханіе розъ и лилій, но откуда же это благоуханіе, которымъ я такъ усладился, что чувствовалъ всего себя какъ бы обновленнымъ?

— Ты и дѣйствительно наслаждался благоуханіемъ, любезный братъ,—отвѣчалъ Тивуртію Валеріанъ,—ибо я молилъ о тебѣ Бога, чтобы и ты сподобился неувядаемаго вѣнца и возлюбилъ Того, Чья кровь подобна цвѣту розъ, а плоть—бѣлымъ лиліямъ.

— Во снѣ я слышу это или ты говоришь правду? —воскликнулъ Тивуртій.

— До сихъ поръ мы жили дѣйствительно какъ во снѣ,—отвѣчалъ Валеріанъ:—мы поклонялись ложнымъ богамъ и нечистымъ бѣсамъ, а теперь живемъ въ истинѣ и благодати Божіей.

— Кто научилъ тебя сему? —спросилъ Тивуртій.

— Меня научилъ Ангелъ Божій,—отвѣчалъ Валеріанъ.—И ты такъ же будешь въ состояніи видѣть его, если очистишься отъ идольскаго оскверненія.

Тивуртій пожелалъ увидѣть Ангела, но Валеріанъ сказалъ, что необходимо сначала увѣровать во Единаго Истиннаго Бога и принять Святое Крещеніе, а потомъ уже возможно будетъ и ожидать явленія Ангела, а святая Кикилія взяла на себя обученіе Тивуртія истинамъ Христовой вѣры и доказывала ему—съ одной стороны ложность языческихъ боговъ и безсиліе неодушевленныхъ идоловъ, а съ другой—силу и всемогущество Истиннаго Бога Господа нашего Іисуса Христа. И богомудрыя бесѣды святой дѣвицы возымѣли такую силу надъ Тивуртіемъ, что онъ совершенно оставилъ язычество и однажды сказалъ Кикиліи:

— Я вѣрую, что нѣтъ инаго Бога, кромѣ христіанскаго, и отнынѣ хочу служить Ему Единому.

Слыша это, Кикилія рада была несказанно и еще усерднѣе стала поучать Тивуртія, повѣствуя ему о воплощеніи Сына Божія, о Его чудесахъ, вольныхъ страданіяхъ и смерти, которую Онъ понесъ изъ любви къ человѣческому роду. А Тивуртій съ своей стороны все болѣе умилялся сердцемъ и разгорался любовію къ Господу. Видя теплоту его вѣры, дѣвица сказала ему:

— Если ты вѣруешь въ Господа нашего Іисуса Христа, то ступай вмѣстѣ съ братомъ своимъ къ нашему христіанскому епископу и прими отъ него Святое Крещеніе: тогда, очищенный отъ грѣховъ, ты будешь достоинъ узрѣть Ангела.

Тивуртій, взглянувъ на брата, спросилъ его:

— Къ кому ты хочешь меня вести?

— Мы пойдемъ къ человѣку Божію Урвану,—отвѣчалъ Валеріанъ.—Онъ—епископъ христіанскій, человѣкъ старый, мудрый и праведный; лице у него, какъ у Ангела, и всѣ слова его—истинны.

— Не о томъ ли Урванѣ говоришь ты,—продолжалъ Тивуртій,—относительно котораго я слышалъ, что онъ два раза былъ осуждаемъ на смерть и теперь гдѣ-то скрывается, спасаясь отъ смерти? Но вѣдь если мы пойдемъ къ нему и если ищущіе его смерти застанутъ насъ у него, то непремѣнно убьютъ и насъ!

На этотъ вопросъ Тивуртія отвѣчала святая Кикилія. Она начала говорить ему о вѣчной, никогда уже ничѣмъ не возмущаемой жизни на Небесахъ и воздаяніи святымъ мученикамъ, понесшимъ смерть за Христа.

Тогда Тивуртій, возгорѣвшись желаніемъ пострадать за вѣру, сказалъ:

— Пусть люди, лишенные ума, любятъ эту кратковременную жизнь, а я желаю жизни вѣчной: веди же меня, братъ, къ епископу и пусть онъ очиститъ меня и сдѣлаетъ причастникомъ жизни вѣчной!

Валеріанъ повелъ брата къ епископу Урвану, которому и разсказалъ все. Обрадованный обращеніемъ Тивуртія, Урванъ принялъ его съ любовію, окрестилъ и до семи дней оставилъ его у себя, пока не научилъ его вполнѣ всѣмъ тайнамъ святой вѣры.

Послѣ Крещенія Тивуртій сподобился такой благодати, что видѣлъ святыхъ Ангеловъ и бесѣдовалъ съ ними, и получалъ отъ Бога все, о чемъ ни просилъ. Много чудесъ творилъ онъ вмѣстѣ съ братомъ, исцѣляя больныхъ. Имѣніе же свое они раздавали неимущимъ христіанамъ, сиротамъ и вдовамъ, выкупали изъ темницъ узниковъ и съ честію погребали тѣла святыхъ мучениковъ за Христа, которые въ то время были убиваемы во множествѣ.

Начальникъ города, по имени Алмахъ, по приказу императора безпощадно проливавшій кровь христіанъ, предавая ихъ мученіямъ и смерти, узнавши обо всемъ этомъ отъ своихъ доносчиковъ, велѣлъ немедленно схватить и привести Тивуртія и Валеріана къ себѣ.

— Зачѣмъ вы безчестите свой высокій родъ,—спросилъ онъ ихъ,—и погребаете тѣхъ, которые были убиты по императорскому

повелѣнію за многія преступленія, и раздаете имѣніе свое людямъ, отъ которыхъ всѣ отвернулись? Ужели и вы держитесь одинаковаго съ ними заблужденія и хотите быть тѣмъ же, что и они?

— О, если бы, — отвѣчалъ Тивуртій какъ старшій,—Богъ сподобилъ насъ быть причтенными къ числу рабовъ Его, которые отвергли то, что, кажется, существуетъ, и чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и взамѣнъ нашли то, чего по-видимому нѣтъ и что въ дѣйствительности существуетъ.

— Что это такое, —спросилъ его начальникъ,—что, по-твоему, кажется существующимъ, а на самомъ дѣлѣ не существуетъ? Я не понимаю, что ты говоришь.

Ст҃іи мч҃нцы
Тивꙋ́ртїй и Мазі́мъ

Тивуртій растолковалъ ему, что все, что имѣетъ въ себѣ и показываетъ, и обѣщаетъ дать людямъ этотъ временный міръ, который только представляется чѣмъ-то существеннымъ, а на самомъ дѣлѣ—ничто, ибо гибнетъ въ короткое время; будущей же жизни, по мнѣнію людей, привязанныхъ къ міру, не будетъ вовсе, такъ какъ они ея не видятъ; а между тѣмъ она есть и безъ всякихъ перемѣнъ будетъ вовѣки, и въ ней людямъ праведнымъ и вѣрующимъ будетъ щедрая награда, а злымъ и невѣрнымъ—огонь и вѣчныя мученія.

Начальникъ вступилъ съ ними въ продолжительную бесѣду и выслушалъ отъ нихъ благодатное ученіе о святой вѣрѣ и отреченіи отъ міра, но не согласился съ этимъ ученіемъ и велѣлъ имъ принести жертву языческимъ богамъ. Когда же они отказались повиноваться его приказанію, онъ велѣлъ жестоко бить

Валеріана палками; но святый во время истязанія радовался, говоря:

— Вотъ настало время, котораго я желалъ всѣмъ сердцемъ, вотъ—мой праздникъ, вотъ—день веселія для меня.

Въ это время глашатай кричалъ:

— Не унижай боговъ и богинь!

Но и Валеріанъ громко взывалъ къ окружавшимъ:

— Мужи, граждане римскіе! Пусть мои муки не отвращаютъ васъ отъ истины, будьте мужественны и разбейте деревянныхъ и каменныхъ боговъ, ибо всѣ поклоняющіеся имъ будутъ опаляемы вѣчнымъ огнемъ.

Между тѣмъ къ начальнику города подошелъ одинъ вельможа, по имени Тарквиній, и тихо сказалъ ему:

— Если ты не предашь этихъ христіанъ смерти какъ можно скорѣе, то все имѣніе ихъ будетъ роздано ихъ единовѣрцами нищимъ, а тебѣ не останется ничего.

Выслушавъ Тарквинія, начальникъ города приказалъ вести мучениковъ на мѣсто, называвшееся Пагъ, мимо капища Юпитера[1]), гдѣ они должны были принести ему жертвы подъ угрозою, въ случаѣ нежеланія, смерти отъ меча. При этомъ вмѣстѣ съ палачами и воинами онъ отправилъ своего постельничаго, по имени Максима, для того чтобы усѣкновеніе мучениковъ совершено было подъ его присмотромъ. Но во время пути Максимъ, глядя на святыхъ страстотерпцевъ, прослезился и воскликнулъ:

— О драгоцѣнный цвѣтъ юности! О союзъ братской любви! О прекрасная двоица благородныхъ и досточтимыхъ юношей! Почему вы такъ спѣшите на смерть, какъ будто на великій пиръ?

— Если бы мы,—отвѣчалъ ему святый Тивуртій,—не знали навѣрное о вѣчной жизни, которая ожидаетъ насъ послѣ этой смерти, то не радовались бы такъ, лишаясь жизни временной.

— Какова же жизнь, будущая послѣ земной? — спросилъ Максимъ.

Тивуртій отвѣчалъ:

— Какъ плоть наша облекается въ одежды, такъ душа покрывается тѣломъ, а по смерти — плоть обратится въ прахъ,

---

[1]) *Юпитеръ*—главный языческій богъ Римлянъ.

хотя и оживетъ, подобно птицѣ фениксу[1]), когда придетъ время; а душа, если окажется святою и праведною, тотчасъ будетъ отнесена (Ангелами) въ райскіе чертоги и тамъ, пребывая въ радости, будетъ ожидать всеобщаго воскресенія.

— И я также,—сказалъ тогда Максимъ, приведенный въ умиленіе словами Тивуртія,—отрекся бы отъ этой временной жизни, если бы навѣрное узналъ, что я удостоюсь той жизни, о которой ты говоришь.

— Если ты хочешь удостовѣриться въ вѣчной жизни,—обратился къ нему Валеріанъ,—то дай намъ обѣщаніе, что ты искренно покаешься и, отрекшись отъ язычества, обратишься къ Богу, Котораго мы проповѣдуемъ; а мы обѣщаемъ тебѣ, что какъ только мы будемъ усѣчены и души наши разлучатся съ тѣломъ, тотчасъ же Богъ откроетъ очи твои, и ты увидишь даруемую намъ славу вѣчной жизни.

Максимъ далъ клятвенное обѣщаніе:

— Пусть я сгорю въ огнѣ,—сказалъ онъ,—если съ того же времени не увѣрую въ Единаго Бога, подающаго вѣчную жизнь послѣ сей временной,—только бы вы исполнили свое обѣщаніе.

— Такъ вели же своимъ слугамъ,—сказали святые,—чтобы они не препятствовали намъ зайти на короткое время въ твой домъ, а мы постараемся призвать къ тебѣ такого человѣка, который просвѣтитъ твою душу, такъ что ты будешь въ состояніи ясно увидѣть обѣщанное нами.

Максимъ съ радостію ввелъ ихъ въ свой домъ, такъ какъ никто изъ сопровождавшихъ ихъ не смѣлъ ему ни въ чемъ прекословить. Здѣсь святые начали спасительную проповѣдь и учили вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа; всѣ, бывшіе въ домѣ, внимательно слушали ихъ до самой ночи и увѣровали—Максимъ со всѣмъ своимъ домомъ и многіе изъ стражей. Ночью пришла къ нимъ святая Кикилія вмѣстѣ съ клириками, и всѣ увѣровавшіе были крещены. Ночь они провели въ молитвѣ и бесѣдѣ о

---

1) *Фениксъ* —баснословная птица древности. По вѣрованію древнихъ народовъ (египтянъ), птица эта (одна во всемъ мірѣ) чрезъ каждыя 500 лѣтъ сама себя сожигала и вновь возрождалась изъ пепла. О ней упоминаютъ и нѣкоторые христіанскіе писатели, напр., Св. Климентъ Римскій, св. Кириллъ Іерусалимскій и другіе, которые въ языческомъ сказаніи о ней видѣли доказательство того, что у язычниковъ была вѣра въ возможность воскресенія тѣла. На древнихъ христіанскихъ памятникахъ можно встрѣтить изображеніе феникса какъ образъ безсмертія.

вѣчной жизни, а когда начало свѣтать, святая дѣва сказала страстотерпцамъ Христовымъ:

— Будьте мужественны и неустрашимы, воины Христовы! Вотъ, уходитъ ночная тьма и начинаетъ сіять свѣтъ: облекитесь и вы въ оружіе свѣта и выходите совершать свой подвигъ. Вы подвизались добрымъ подвигомъ, соблюли вѣру,—идите же принять вѣнецъ правды[1]), которой воздастъ вамъ Господь.

И святые поспѣшно пошли къ названному мѣсту. Когда они проходили мимо храма Юпитера, жрецы его стали принуждать ихъ воскурить ѳиміамъ на жертвенникѣ бога, такъ какъ безъ этого никто не смѣлъ проходить мимо этого храма; всѣхъ входившихъ въ городъ и выходившихъ изъ него жрецы останавливали и заставляли принести означенную жертву Юпитеру. Но святые не только не послушались жрецовъ, но еще и посмѣялись надъ ихъ безуміемъ, и за то были немедлено усѣчены мечомъ.

Какъ только совершилась казнь, Максимъ подъ клятвою засвидѣтельствовалъ предъ всѣми, что онъ видитъ Ангеловъ Божіихъ, сіяющихъ какъ солнце, которые, выведши души святыхъ изъ тѣлесъ, какъ какихъ-либо прекрасныхъ дѣвицъ изъ чертога, возносятъ ихъ въ высокой славѣ къ Небесамъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ язычниковъ увѣровали во Христа. Начальникъ же города, узнавъ, что Максимъ принялъ христіанскую вѣру, приказалъ бить его безъ милосердія лозами, подъ которыми Максимъ и предалъ душу свою Господу, а тѣло его взяла святая Кикилія и погребла вмѣстѣ съ тѣлами мучениковъ Тивуртія и Валеріана. На гробѣ святаго Максима она, желая обозначить, что онъ увѣровалъ въ будущее воскресеніе мертвыхъ какъ въ нѣчто подобное возникновенію феникса изъ пепла, приказала изобразить эту птицу.

Предавъ смерти Тивуртія и Валеріана, начальникъ города думалъ воспользовался ихъ имуществомъ, но таковаго не оказалось, такъ какъ святая Кикилія успѣла уже все раздать нищимъ, почему и была схвачена, по приказанію градоначальника, его служителями. Когда послѣдніе пришли къ святой, она сказала имъ:

— Послушайте меня, мои сограждане и братія! Хотя вы и слуги градоначальника, но, думается мнѣ, что въ душѣ не хвалите вы его невѣрія. Я желаю пострадать и умереть за Христа мо-

---

[1]) Ср.: 2 Посл. къ Тим., гл. 9, 8.

его, такъ какъ не дорожу нисколько краткою земною жизнію, а ищу жизни вѣчной: чтобы скорѣе мнѣ перейти къ ней, возьмите меня, мучьте, не щадя моей юности, и предайте смерти.

Слушавшіе ее весьма сожалѣли о томъ, что такая прекрасная, благородная и мудрая дѣвица желаетъ себѣ смерти, и упрашивали ее не губить добровольно своей красоты. Но она сказала имъ:

— Я не гублю своей цвѣтущей юности, а только мѣняю ее на лучшее, отдаю грязь—за золото, глину—за драгоцѣнныя каменья, земную тѣлесную темницу — за свѣтлосіяющіе небесные чертоги. Развѣ плоха такая мѣна? Желаю такой же и вамъ.

Долго еще она говорила имъ о наградѣ, ожидающей праведниковъ, такъ что всѣ слушатели ея были растроганы, а ихъ — какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, собравшихся въ ея домѣ, — было великое множество. Наконецъ, святая громкимъ голосомъ спросила ихъ:

— Вѣруете ли, что все, что̀ я говорю—истинно?

И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтили:

— Да, вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Христосъ, Котораго ты проповѣдуешь, есть Истинный Богъ, а ты—истинная раба Его.

Обрадованная до глубины души этимъ отвѣтомъ, святая дѣва сейчасъ же послала за епископомъ Урваномъ, и онъ, прибывши въ ея домъ, крестилъ до 400 душъ мужчинъ и женщинъ, увѣровавшихъ во Христа. И домъ Кикиліи содѣлался церковію Божіею.

Затѣмъ градоначальникъ Алмахъ велѣлъ представить праведную рабу Христову на судъ и, допросивъ ее о ея вѣрѣ, услышалъ отъ нея дерзновенное исповѣданіе Имени Христова.

— Откуда у тебя такая смѣлость? — спросилъ онъ ее съ гнѣвомъ.

— Отъ доброй совѣсти,—отвѣчала святая,—и отъ непоколебимой вѣры.

— Развѣ ты не знаешь, несчастная,—возразилъ Алмахъ,— что я имѣю отъ императоровъ право надъ жизнію и смертію гражданъ?

— Ты лжешь,—отвѣчала святая,—говоря, что имѣешь власть надъ жизнію: тебѣ слѣдовало сказать, что ты имѣешь власть только умертвить, а не даровать жизнь, потому что ты можешь убить, но не можешь оживить.

— Принеси жертву богамъ,—настаивалъ судья,—и отрекись отъ Христа, и ты будешь освобождена.

Но святая объявила, что она готова умереть за Христа. Тогда мучитель велѣлъ отвести ее домой и тамъ заморить въ жарко натопленной банѣ. Три дня и три ночи морили ее жаромъ и дымомъ, но благодать Божія прохлаждала и оживляла ее. Узнавъ о томъ, что мученица столько времени остается въ накаленной банѣ живою, Алмахъ велѣлъ ее тамъ же обезглавить мечомъ. Палачъ, явившись къ ней, три раза ударилъ ее мечомъ въ шею, но не отсѣкъ головы совсѣмъ и, оставивъ ее тамъ, ушелъ. Вѣрующіе губкою и платомъ собрали кровь ея, и святая прожила еще три дня, разсуждая совершенно здраво и утверждая окружавшихъ ее христіанъ въ вѣрѣ, и, наконецъ, во время молитвы предала духъ свой Богу и была съ честію погребена вѣрующими.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛОВЪ

ФИЛИМОНА и АРХИППА и АПФІИ

Святые апостолы Филимонъ и Архиппъ и Апфія были обращены въ христіанство святымъ Апостоломъ Павломъ[1]) и пострадали за Христа отъ грековъ-язычниковъ въ царствованіе императора Нерона[2]), въ городѣ Колоссахъ[3]). Когда они однажды находились вмѣстѣ съ другими христіанами въ молитвенномъ собраніи, язычники неожиданно напали на нихъ. Всѣ, находившіеся въ собраніи, кромѣ Филимона, Архиппа и Апфіи, разбѣжались, а ихъ троихъ схватили и привели къ Артоклису, житохранителю ефесскому[4]).

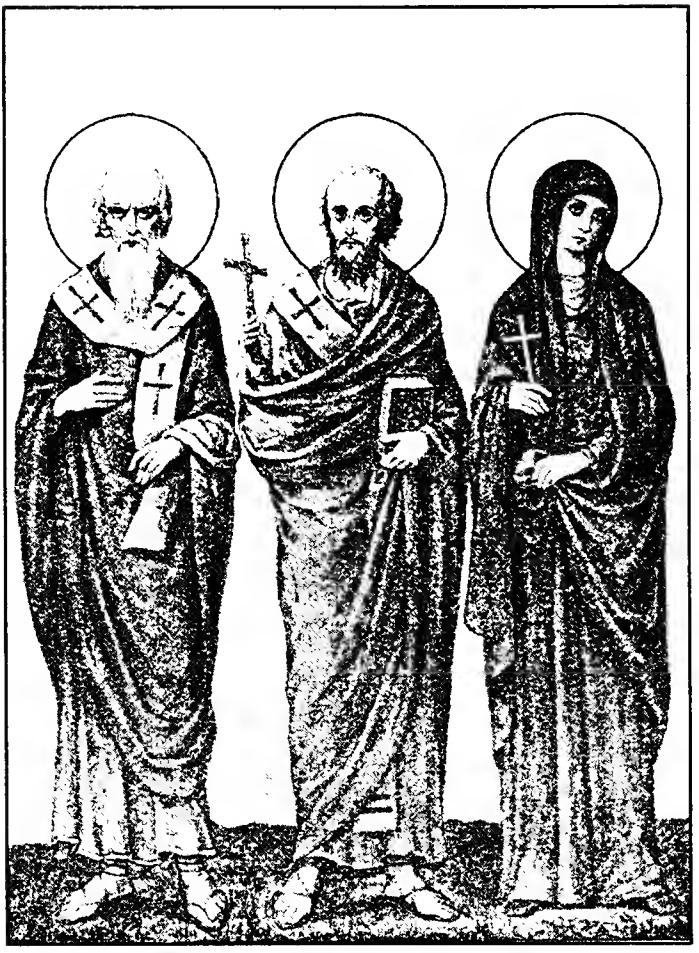
---

1) Къ Филимону написано Ап. Павломъ одно изъ его Посланій (въ 63 г.).

2) Императоръ Неронъ, извѣстный своею безчеловѣчною жестокостью, царствовалъ съ 54 по 68 годъ.

3) *Колоссы* — городъ въ малоазійской области Фригіи, находившейся въ западной части полуострова; въ средніе вѣка городъ этотъ переименованъ былъ въ Хоны (теперь Хонасъ или Конусъ). Къ жителямъ Колоссъ Апостолъ Павелъ написалъ Посланіе. Городъ этотъ извѣстенъ въ исторіи Церкви чудомъ Архистратига Михаила (см. Минею-Четью подъ 6 сентября).

4) *Житохранитель* — начальникъ надъ запасами хлѣба, принадлежащими какому-либо городу, области или государству. *Ефесъ* — одинъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ древней Малой Азіи, на западномъ берегу полуострова. Къ жителямъ его Апостолъ Павелъ, который проповѣдывалъ тамъ Евангеліе, написалъ Посланіе.



Ст҃іи а҆п҃ли
фїлимо́нъ и҆ а҆рхі́ппъ
и҆ ст҃а́ѧ а҆пфі́а

Сначала жестоко били Архиппа, причемъ проходившіе, даже дѣти, кололи его по всему тѣлу ножами. Затѣмъ безъ милосердія былъ истязуемъ святый Филимонъ и побитъ камнями. Точно такъ же была побита камнями и святая Апфія.

Такъ, въ мученіяхъ, святые угодники отошли ко Господу[1]).

Кондакъ ап҃лѡвъ, гласъ в҃:

Ꙗкѡ звѣзды бг҃освѣтлыꙗ просвѣщающыꙗ концы̀, ап҃лы хр҃тѡвы восхвалимъ, фїлимона славнаго и҆ архїппа сщ҃еннаго, и҆ ѻ҆нисїма, и҆ марка, и҆ а҆поллѡса, съ нимиже и҆ а҆пфїю всемꙋдрꙋю, вопїюще: молите непрестанно ѡ҆ всѣхъ насъ.

ПАМЯТЬ ПРАВЕДНАГО

МИХАИЛА ВОИНА[2])

Святый Михаилъ жилъ въ царствованіе Михаила III[3]). По своему происхожденію онъ былъ болгаринъ и родился въ городѣ Потукѣ[4]), принадлежавшемъ тогда царству Греческому. Знатные родители Михаила принадлежали къ числу первыхъ христіанъ болгарскихъ; таковымъ же христіаниномъ съ дѣтства былъ и Михаилъ, котораго родители и знакомые за его благочестіе называли: *святое дитя.* Съ младенческихъ лѣтъ онъ отличался чистотою жизни, всегда имѣлъ въ сердцѣ своемъ страхъ Божій, пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, подавалъ милостыню нищимъ и посѣщалъ больныхъ, украшаясь кротостью и смиреніемъ и всякими добродѣтелями.

---

1) Память сихъ святыхъ празднуется еще 19 февраля.

2) Житіе изложено на основаніи, во-первыхъ, славянскаго синаксарнаго сказанія, древніе тексты коего были изданы преосвящ. архіеписк. Филаретомъ и академикомъ А. Н. Веселовскимъ; то же сказаніе съ нѣкоторыми отличіями вошло въ печатный славянскій Прологъ; во-вторыхъ—Похвальнаго слова Михаилу Воину, написаннаго Евѳиміемъ, Патріархомъ Терновскимъ (1375—1393), и изданнаго въ числѣ твореній Евѳимія г. Калужняцкимъ въ Вѣнѣ въ 1901 году.

3) Византійскій императоръ Михаилъ III умеръ въ 867 году.

4) Полагаютъ, что это нынѣшній *Батакъ,* въ предѣлахъ города Пловдива, или Филиппополя.

По достиженіи двадцатипятилѣтняго возраста Михаилъ поступилъ въ военную службу и начальствовалъ надъ значительнымъ военнымъ отрядомъ.

Въ то время поднялись войною на царство Греческое Эѳіопляне и Агаряне, то есть, Арабы магометанской вѣры[1]), и направились къ столицѣ Греческаго царства. На защиту отечества выступило большое греческое войско и встрѣтилось съ многочисленными войсками агарянскими. Видя, что Эѳіопляне и Агаряне превосходятъ силою и готовы одолѣть, Греки бѣжали въ горы и скрылись въ безопасныхъ мѣстахъ.

Въ греческомъ христіанскомъ войскѣ находился и Михаилъ Воинъ со своимъ отрядомъ. Онъ не испугался непріятеля, не обратился въ бѣгство, а непрестанно укрѣплялъ и ободрялъ своихъ людей. Увидя всеобщее бѣгство Грековъ, онъ прослезился и, павъ ницъ на землю, молился Господу Богу о спасеніи христіанъ. По окончаніи молитвы онъ со своимъ отрядомъ неудержимо устремился на непріятелей и врѣзался въ самую середину Эѳіоплянъ и Агарянъ, жестоко поражая враговъ безъ вреда для себя и для своего отряда. Въ то же время на помощь христіанскимъ воинамъ внезапно поднялась гроза: молніи и громы поражали и устрашали враговъ, такъ что они всѣ обратились въ бѣгство. Съ помощію Божіею, Михаилъ разогналъ всѣхъ враговъ, самъ же и отрядъ его остались совершенно невредимыми.

Возблагодаривши Бога за дарованную побѣду, Михаилъ распустилъ свое войско и самъ съ немногими слугами отправился въ обратный путь на свою родину. Во время этого путешествія совершилось слѣдующее чудо.

Михаилъ остановился въ одномъ мѣстѣ[2]) для отдыха. Тамъ находилось большое озеро, изъ котораго выходилъ чудовищный змѣй и поѣдалъ людей и скотъ.

Одинъ изъ слугъ Михаила увидалъ съ мѣста остановки вблизи озера дымъ и, наскоро взявъ припасы для пищи, пошелъ туда, гдѣ былъ дымъ. Тамъ онъ увидѣлъ дѣвушку, которая сидѣла въ

---

[1]) Вѣроятно, разумѣется здѣсь война императора Михаила III съ Арабами въ 865 г.

[2]) Мѣсто чуда со змѣемъ въ печатномъ Прологѣ названо *Раиѳскимъ*, и преосвящ. Филаретъ полагаетъ, что здѣсь разумѣется извѣстная Раиѳская пустыня въ двухъ дняхъ пути отъ Синая. Но въ рукописныхъ древнихъ житіяхъ говорится не о Раиѳскомъ мѣстѣ, а Стыранскомъ, или Тираискомъ. Можетъ быть, подъ «Тиранскимъ мѣстомъ» разумѣется, по мнѣнію акад. Веселовскаго, Тираина, городъ и область близъ Дураццо и Алессіо на Балканскомъ полуостровѣ близъ Адріатическаго моря.

слезахъ и чего-то ожидала. Слуга сталъ разспрашивать ее и такъ заслушался ея повѣствованіемъ о страшномъ змiѣ, что на огнѣ пригорѣла та пища, варить которую онъ пришелъ. Когда слуга вернулся къ своему господину, то Михаилъ Воинъ спросилъ его, почему онъ замедлилъ и отчего пригорѣла пища. Тогда слуга подробно разсказалъ все, что видѣлъ и что слышалъ отъ дѣвицы о змiѣ.

Святый Михаилъ, выслушавъ разсказъ, рѣшилъ пойти туда и сталъ звать своихъ слугъ, но они, убоявшись, отказались идти съ своимъ господиномъ. Тогда Михаилъ, помолившись Господу Богу и осѣнивъ лице свое крестнымъ знаменіемъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ озеру, взявъ только одного, старѣйшаго слугу.

Прибывши на мѣсто, онъ сталъ разспрашивать дѣвицу, зачѣмъ она прибыла на это мѣсто.

Дѣвица уговаривала сначала Михаила Воина удалиться, чтобы не быть съѣденнымъ чудовищнымъ змѣемъ, но, по настоянію святаго, разсказала объ установившемся въ городѣ обычаѣ по очереди отдавать дѣтей на съѣденіе змію.

Изумленный разсказомъ дѣвицы, Михаилъ приказалъ своему слугѣ отойти съ конемъ и ожидать вдали, а самъ палъ на землю и сталъ молиться Господу Богу. Когда святый окончилъ молитву и всталъ, среди озера появился змiй и, поднявши высоко голову и ударяя хвостомъ по водѣ, сталъ приближаться къ берегу, раскрывши три свои пасти. Святый взялъ щитъ и мечъ и отсѣкъ лукавому три головы, съ которыми онъ показался. Змiй же, свернувши хвостъ, ударилъ святаго въ правую щеку и лѣвую руку и причинилъ ему рану. Михаилъ упалъ безъ сознанія, но скоро очнулся и всталъ.

Слуга Михаила, видя такое чудо, поспѣшилъ въ городъ и сообщилъ о происшедшемъ. Граждане вышли изъ города и торжественно встрѣтили избавителя, а дѣвицу вручили ея родителямъ.

И такъ Богу угодно было прославить Михаила Воина такимъ же чудомъ, какое совершено было древле святымъ Георгіемъ Побѣдоносцемъ.

Послѣ этого, давъ наставленіе гражданамъ твердо держаться христіанской вѣры, Михаилъ Воинъ продолжалъ свой путь и возвратился въ свой домъ. По прошествіи недолгаго времени онъ съ миромъ предалъ блаженную душу свою Господу.

При гробѣ святаго Михаила стали совершаться многія знаменія и чудеса, и исцѣленія отъ болѣзней приходившихъ съ вѣрою къ его гробу.

Спустя много лѣтъ, во времена втораго Болгарскаго царства, Болгарскій царь Калоіоаннъ, воюя въ предѣлахъ Греческаго царства, столица котораго тогда занята была латинянами, занялъ городъ Потуку и рѣшилъ перенести мощи святаго Михаила Воина въ свою болгарскую столицу, городъ Терновъ. Болгарскій Патріархъ Василій, услышавъ о приближеніи святыхъ мощей, вышелъ со всѣмъ своимъ духовенствомъ и гражданами навстрѣчу святыхъ мощей съ Крестнымъ ходомъ, свѣчами и кадилами. Болгарскій царь и Патріархъ взяли святыя мощи на свои плечи и своими руками отнесли и поставили въ соборномъ каѳедральномъ патріаршемъ храмѣ[1]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПРОКОПІЯ

Святый Прокопій былъ родомъ изъ Іерусалима. Онъ строго относился къ своей жизни и украшалъ себя многими добродѣтелями. Назначенный на должность чтеца церкви Кесарійской[2]) и имѣя даръ разумѣнія Писаній, Прокопій изъяснялъ вѣрующимъ Слово Божіе. Кромѣ сего, онъ занимался переводомъ Священнаго Писанія на сирскій языкъ и исцѣлялъ при жизни одержимыхъ недугомъ бѣснованія, изгоняя бѣсовъ.

Однажды, путешествуя въ Скиѳополь, онъ читалъ Слово Божіе въ церквахъ христіанскихъ и соединялъ съ чтеніемъ толкованіе. Когда о святомъ Прокопіи услышалъ правитель Кесаріи, то приказалъ схватить его какъ христіанина. Въ это время было гоненіе на христіанъ[3]). Правитель Кесарійскій потребовалъ отъ святаго Прокопія, чтобы онъ принесъ жертву языческимъ идоламъ и воз-

1) Въ XIV вѣкѣ при послѣднемъ Терновскомъ Патріархѣ Евѳиміи, составившемъ святому Михаилу Похвальное слово, мощи почивали въ Терновѣ въ патріаршемъ соборномъ храмѣ. Въ началѣ XIX столѣтія они перенесены въ Валахію.

2) Здѣсь разумѣется *Кесарія Палестинская* —городъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря; по разрушеніи Іерусалима (въ 79 г.) была главнымъ городомъ Палестины и мѣстопребываніемъ епископа, которому подчиненъ былъ нѣкоторое время и Іерусалимъ. Впослѣдствіи Кесарія была разрушена и нынѣ представляетъ совершенную пустыню съ грудами развалинъ.

3) При императорѣ Діоклетіанѣ (294—305 гг.).

далъ поклоненіе четыремъ царямъ, правившимъ тогда въ имперіи [1]). Но святый дерзновенно отвѣтилъ имъ на это:

— Христіане не должны почитать и поклоняться многимъ богамъ и владыкамъ. У насъ только одинъ Владыка, одинъ Царь и Господь — Творецъ и Создатель всего.

Услышавъ это, правитель Кесарійскій исполнился ярости на святаго и приказалъ мечомъ отсѣчь ему голову. Такъ святый Прокопій окончилъ земное поприще и краткимъ путемъ возведенъ былъ къ Небу, получивъ мученическій вѣнецъ отъ Христа Бога.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МЕНИГНА

Святый Менигнъ былъ родомъ изъ города Паріи, Геллеспонтской области [2]). По ремеслу своему онъ былъ бѣлильщикъ, занимался мытьемъ и чисткой одеждъ и холстовъ. Во время этихъ занятій при рѣкѣ святый Менигнъ дважды слышалъ Голосъ съ Неба, призывавшій его на подвигъ ради Имени Христова. Это было въ царствованіе жестокаго гонителя христіанъ Декія [3]).

По приказанію царя въ городѣ, гдѣ проживалъ Менигнъ, было схвачено множество христіанъ, коихъ обрекли на мученіе и заточили въ темницу. Когда врата темницы были запечатаны и охранялись воинами, Ангелъ Господень явился узникамъ въ темницѣ. Снявъ оковы съ узниковъ, Ангелъ отпустилъ ихъ изъ темницы на свободу невредимыми.

Мучители, хватившись узниковъ и не нашедши ихъ въ темницѣ, спрашивали о нихъ у стражниковъ, но и воины ничего не

---

1) Императоръ Діоклетіанъ раздѣлилъ власть надъ имперіей съ Максиміаномъ, которому уступилъ восточную половину. При этомъ каждый императоръ имѣлъ своего соправителя: Діоклетіанъ имѣлъ соправителемъ Максиміана Галерія, который по смерти Діоклетіана сталъ императоромъ Востока; а на Западѣ имперіи правилъ Максиміанъ Геркулъ съ Констанціемъ Хлоромъ. Такимъ образомъ, во время мученичества святаго Прокопія въ 303 году были четыре правителя въ Имперіи. Язычниками цари почитались наравнѣ съ богами, и въ честь ихъ ставились жертвенники и статуи, и имъ приносили жертвы. Этому заблужденію язычниковъ и не хотѣлъ послужить мученикъ Прокопій.

2) *Геллеспонтъ* — сѣверная область Малой Азіи, по берегу Чернаго моря.

3) *Декій* — Римскій императоръ, царствовалъ съ 249 по 251 г.

могли сказать, такъ какъ ворота оставались запечатанными. Язычники пришли въ смущеніе, а отъ воиновъ распространилась по городу вѣсть, что Іисусъ Назорей ночью, пришедши въ темницу, вывелъ заключенныхъ. Язычники, ослѣпленные злобою, разыскивали христіанъ. Вѣрующіе же, укрѣпляемые бывшимъ имъ знаменіемъ, готовились съ радостію къ страданіямъ.

Святый Менигнъ, слыша этотъ разсказъ отъ воиновъ, воспылалъ ревностною любовію ко Христу и вспомнилъ о Небесномъ Голосѣ, звавшемъ его на подвигъ. Недолго раздумывая, онъ роздалъ заказчикамъ данныя ему для мытья одежды и объявилъ себя послѣдователемъ Христовымъ. Онъ разорвалъ указъ нечестиваго царя Декія, повелѣвавшій предавать мукамъ и смерти всѣхъ христіанъ, если они послѣ убѣжденій не отрекутся отъ Христа. Послѣ сего Менигнъ былъ схваченъ и представленъ властямъ. Судья приговорилъ отрѣзать персты его, раздравшіе царскій указъ. Когда отрубили ему пальцы, то изъ нихъ вытекла не кровь, а молоко. Послѣ сего мученика стали уговаривать принести жертву идоламъ, чтобы избѣжать ему дальнѣйшихъ мукъ и смерти. Но святый мужественно исповѣдалъ Христа. Тогда мучитель приказалъ безъ милосердія бить его и мучить. Онъ былъ поверженъ на землю сильными ударами палачей, потомъ повѣшенъ на деревѣ и строганъ желѣзомъ. Однако это не ослабило ревности исповѣдника Христова. Тогда его сняли съ дерева и отсѣкли главу. Въ это время изъ устъ святаго вылетѣла къ Небу чистая горлица. Такъ, повинуясь небесному призыву, святый Менигнъ совершилъ свой подвигъ за Христа, и душа его отлетѣла къ Небу, чтобы пріять отъ Господа мученическій вѣнецъ.

Христіане послѣ кончины святаго тайно ночью пришли на мѣсто его мученій и взяли тѣло его. А глава его, оставленная на мѣстѣ, обрѣтена была послѣ однимъ христіаниномъ. Святый мученикъ явился въ видѣніи сему христіанину, который послѣ видѣнія нашелъ главу святаго по указанію яркой звѣзды, сіявшей надъ ней.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

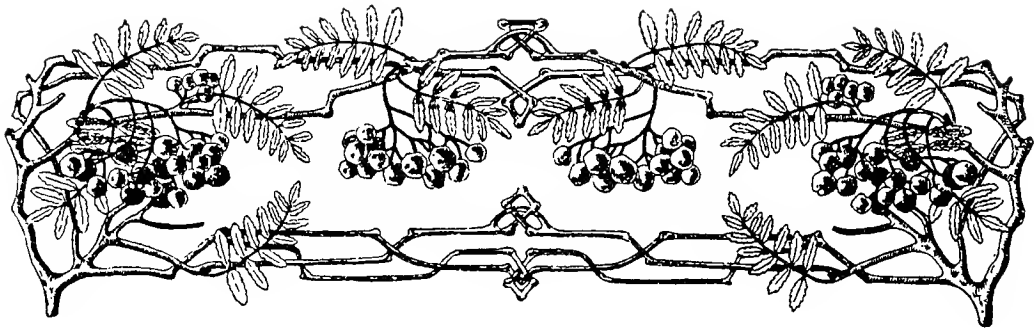
АГАВВЫ

Преподобный Агавва былъ родомъ измаильтянинъ. Оставивъ свое отечество, родителей и богатства, онъ послѣдовалъ за однимъ инокомъ, отъ котораго принялъ монашескій образъ. Наставникъ святаго Агаввы отправился вмѣстѣ съ нимъ къ великому подвижнику Евсевію: у него святый Агавва научился пребывать долгое время въ молитвенномъ бодрствованіи. По смерти блаженнаго Евсевія святый Агавва остался въ его келліи и тамъ прожилъ 38 лѣтъ. Онъ никогда не надѣвалъ обуви, на чреслахъ носилъ тяжелыя вериги; пищею ему служило сочиво, разведенное въ водѣ. Въ продолженіе дня и ночи онъ бо̀льшее время проводилъ стоя и на колѣнахъ и совершая служебныя молитвословія Всевышнему. Отъ сидѣнія онъ совершенно отказался: его никто и никогда не видалъ сидящимъ. Какъ подвижникъ, онъ представлялъ примѣръ мудролюбія и послушанія. Скончавъ въ такихъ подвигахъ свое житіе, онъ съ миромъ почилъ о Господѣ [1]).

Въ тотъ же день память святаго благовѣрнаго князя Михаила Тверскаго.

---

1) Время подвиговъ и преставленія *преподобнаго Агаввы* относятъ къ V в.



День двадцать третій

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

АМФИЛОХІЯ,

епископа Иконійскаго

Святый Амфилохій [1]), епископъ Иконійскій, другъ великихъ вселенскихъ учителей святаго Василія Великаго и Григорія Богослова, былъ родомъ изъ Каппадокіи и родился въ городѣ Кесаріи [2]). Отецъ его, называвшійся также Амфилохіемъ, былъ родной братъ блаженной Нонны [3]), матери святаго Григорія Богослова. Это былъ мужъ великаго ума и глубокихъ познаній, съ коими соединялъ краснорѣчіе и, при всемъ этомъ, еще добросердечіе и благочестіе и служилъ помощью для всѣхъ родныхъ и наставникомъ въ словѣ. Заботясь о своихъ дѣтяхъ, онъ далъ имъ прекрасное образованіе и воспиталъ ихъ въ духѣ христіанскаго благочестія.

---

1) *Иконія*—городъ на восточной плодоносной равнинѣ внутри Малой Азіи, при подошвѣ горы Тавра; былъ нѣкогда главнымъ городомъ Ликаонской области; въ средніе вѣка былъ главнымъ городомъ Сельджукскихъ султановъ (1096—1308 гг.). Нынѣ—турецкій городъ *Конія*. Христіанство здѣсь было насаждено первоначально Апостолами Павломъ и Варнавою (Кн. Дѣян. Ап., гл. 14, ст. 1—19, 21—23).

2) *О Кесаріи Палестинской* см. на стр. 616 прим. 2.

3) Память *праведной Нонны* совершается 5-го августа.

Младшій сынъ его, пришедши въ возрастъ, сначала выступилъ ораторомъ и адвокатомъ. Но, еще съ юныхъ лѣтъ, онъ возлюбилъ Бога паче всего и потому вскорѣ, по убѣжденію святаго Григорія Богослова, избѣгая мірскихъ тревогъ и суеты, удалился въ пустыню, гдѣ и сталъ проводить иноческую, строго подвижническую жизнь, усердно служа одному только Богу. Здѣсь занятіями его были молитвы, чтеніе Писанія и постъ. Въ такомъ строгомъ самоумерщвленіи и подвигахъ поста святый Амфилохій прожилъ довольно долгое время, пока Господь не указалъ ему другое — высшее, святительское служеніе, поставивъ его какъ бы свѣтильникомъ на свѣщницѣ Церкви.

Когда скончался епископъ церкви Иконійской[1]), Ангелъ Господень явился Амфилохію ночью и сказалъ, чтобы онъ шелъ въ городъ и пасъ духовныхъ овецъ; но Амфилохій не рѣшился идти. Въ слѣдующую ночь опять явился ему Ангелъ и сказалъ:

— Ступай въ городъ, Амфилохій, и паси овецъ, которыхъ вручаетъ тебѣ Богъ.

Но Амфилохій и на этотъ разъ не послушалъ Ангела, думая, что явленіе его есть обольщеніе злого духа: «И сатана,—подумалъ святый,—иногда можетъ преобразоваться въ свѣтлаго Ангела». Въ третью ночь Ангелъ, явившись къ нему, позвалъ его:

— Амфилохій! Встань съ постели!

Быстро вставъ, Амфилохій въ страхѣ сказалъ:

— Если ты—Ангелъ Божій, станемъ оба на молитву.

Преклонивши главу, Амфилохій началъ пѣть: **ст҃ъ, ст҃ъ, ст҃ъ гдⷭ҇ь саваѡ́ѳъ, и҆спо́лнь нб҃о и҆ землѧ̀ сла́вы твоеѧ̀**; но и явившійся пѣлъ съ нимъ вмѣстѣ. Затѣмъ Ангелъ взялъ его за правую руку и повелъ въ бывшую неподалеку церковь, двери которой сами собою растворились предъ ними. Когда они вошли внутрь, Амфилохій увидѣлъ яркій свѣтъ и множество мужей въ бѣлыхъ одеждахъ, которые взяли его, привели къ алтарю и дали ему въ руки Святое Евангеліе, говоря: «Господь съ тобою!» Одинъ же изъ нихъ, по-видимому, старшій, громко провозгласилъ: «Помолимся всѣ» и потомъ сказалъ:

— Святая благодать поставляетъ брата нашего Амфилохія епископомъ города Иконіи; помолимся за него, чтобы благодать Божія была на немъ.

---

[1]) Это было въ 372 г.

Послѣ молитвы всѣ, простившись съ Амфилохіемъ, стали невидимы, а самъ онъ стоялъ, удивляясь чудесному видѣнію и своему странному посвященію во епископы, и молился Богу, поручая себя Его святой волѣ. Какъ только начало разсвѣтать, онъ вышелъ изъ церкви и отправился въ свою пещеру. И вотъ, на пути его встрѣтили семь епископовъ, собравшихся изъ окрестныхъ городовъ въ Иконію для избранія и поставленія епископа этому городу. Имъ было повелѣніе отъ Бога отыскать черноризца Амфилохія. Вышедши изъ Иконіи, они всюду искали его и, встрѣтивъ, наконецъ, его, спросили:

— Не ты ли Амфилохій? Говори намъ правду, ибо всякая ложь—отъ лукаваго.

— Я—грѣшный Амфилохій, — смиренно отвѣтилъ онъ имъ.

Они съ честію повели его въ храмъ, чтобы хиротонисать, но онъ сказалъ имъ:

— Если Богъ благоволилъ, чтобы я, недостойный и грѣшный, былъ указанъ вамъ для избранія во епископы, то не должно уже мнѣ скрывать и умалчивать далѣе о Его чудесныхъ дѣлахъ, напротивъ,—мы непремѣнно должны объявить о нихъ и за все воздать славу Богу.

И святый Амфилохій разсказалъ имъ все съ самаго начала о томъ, какъ онъ ночью въ видѣніи былъ посвященъ во епископы. Выслушавъ его, епископы изумились, и возблагодарили Бога за чудесное посвященіе Амфилохія, и уже не осмѣлились вторично посвящать его, но, поклонившись ему съ почтительностью и съ любовію облобызавъ его, посадили его прямо на архіерейскомъ престолѣ (въ царствованіе Валентиніана и Валента[1]).

Довольно долгое время пасъ святый Амфилохій стадо Христово: онъ прожилъ до временъ императора Ѳеодосія Великаго и его сыновей. Какъ учитель вѣры православной онъ боролся противъ ереси Арія[2]), претерпѣлъ много притѣсненій и обидъ отъ еретиковъ, былъ сподвижникомъ святыхъ Отцевъ, возстававшихъ противъ богохульства Евномія, и на Второмъ Вселенскомъ

---

[1]) *Императоръ Валентиніанъ* (на Западѣ) царствовалъ съ 374 по 375 г. *Валентъ* (на Востокѣ)—съ 364 по 378 г. Поставленіе св. Амфилохія во епископы послѣдовало въ 373-мъ году.

[2]) Арій, осужденный 1-мъ Вселенскимъ Соборомъ, училъ, что Сынъ Божій есть не Богъ, а только высшая тварь, чрезъ которую Богъ сотворилъ весь міръ.

Соборѣ много подвизался противъ духоборца Македонія[1]) и сторонниковъ того же Арія. За свою ревность о благочестіи и добродѣтельную жизнь онъ былъ прославляемъ повсюду и пользовался любовію святыхъ Отцевъ, особенно— святыхъ Василія Великаго и Григорія Богослова, которые считали его своимъ близкимъ другомъ и были съ нимъ въ перепискѣ[2]).

Въ царствованіе Ѳеодосія Великаго[3]) святый Амфилохій явился однажды къ императору и умолялъ его уничтожить во всѣхъ городахъ молитвенныя собранія аріанъ. Но императоръ не хотѣлъ исполнить его просьбы, чтобы не явиться притѣснителемъ въ глазахъ народа. Тогда Амфилохій молча ушелъ изъ дворца, но чрезъ нѣсколько дней опять пришелъ туда и, благодаря своей мудрости, сдѣлалъ нѣчто, достойное воспоминанія. Онъ поклонился царю, сидѣвшему на престолѣ, отдавъ ему дол-

Ст҃ый
А҆мфі҆ло́хі҆й

1) 2-й Вселенскій Соборъ (1-й Константинопольскій) былъ въ 381 г. Македоній, осужденный этимъ Соборомъ, училъ, что Духъ Святый есть тварь, не имѣющая участія въ Божествѣ и славѣ Отца и Сына.

2) Св. Амфилохій неоднократно путешествовалъ въ Кесарію къ св. Василію Великому. Въ одно изъ такихъ путешествій онъ упросилъ Василія Великаго написать о Св. Духѣ для обличенія духоборцевъ. Кромѣ личнаго совѣщанія по различнымъ церковнымъ вопросамъ, Амфилохій не разъ просилъ Василія Великаго и на бумагѣ разрѣшить сомнѣнія его о благочиніи церковномъ. По просьбѣ Амфилохія великій Отецъ написалъ, между прочимъ, извѣстное «каноническое посланіе». Въ 375 г. св. Василій Великій, приглашая еще къ себѣ Амфилохія, поручалъ ему, по причинѣ болѣзни, Кесарійскую церковь; но Амфилохій, самъ будучи боленъ и въ то же время не зная о болѣзни Василія, приглашалъ его въ Иконію на Соборъ. Однако болѣзнь Василія не прекращалась, и вмѣсто себя онъ послалъ на Соборъ (376 г.; на Соборѣ этомъ духоборцы были осуждены) книгу о Св. Духѣ. Послѣ того св. Амфилохій для успѣшной борьбы съ евноміанами—крайними аріанами — просилъ св. Василія разрѣшить нѣсколько вопросовъ евноміанской діалектики, и св. Василій, невзирая на тяжкую болѣзнь, написалъ ему свои отвѣты. Въ такомъ же близкомъ дружественномъ общеніи былъ св. Амфилохій съ родственникомъ своимъ св. Григоріемъ Богословомъ, по убѣжденію котораго первоначально удалился въ пустыню и который посылалъ ему туда письма, а также запасы хлѣба.

3) *Ѳеодосій Великій* царствовалъ съ 379 по 395 г.

жную честь, и почтительно привѣтствовалъ его, а на сына его Аркадія, недавно возведеннаго на царство и сидѣвшаго около отца, не обратилъ никакого вниманія и не оказалъ ему подобавшей чести. Ѳеодосій, подумавъ, что Амфилохій забылся, приказалъ ему отдать должный привѣтъ Аркадію.

— Довольно и того, что отдана честь царю, — замѣтилъ Амфилохій.

Тогда императоръ—отецъ сильно разгнѣвался и, не желая позволить непочтенія къ своему сыну, велѣлъ съ позоромъ выгнать святаго Амфилохія изъ дворца.

Святый Амфилохій сказалъ ему:

— Видишь, царь, какъ не переносишь ты непочтенія къ своему сыну и какъ гнѣваешься на меня? Такъ и Богъ—Отецъ не терпитъ непочтенія къ Его Сыну, отвращается и не любитъ хулящихъ Его и гнѣвается на тѣхъ, кто входитъ съ хулителями въ общеніе.

Императоръ понялъ тогда, почему Амфилохій не воздалъ чести его сыну,—потому, что хотѣлъ показать, что Богу Сыну подобаетъ равная честь съ Отцемъ,—подивился мудрости святаго и, вставъ съ престола, поклонился ему и просилъ у него прощенія. Тотчасъ же Ѳеодосій разослалъ по всей имперіи указы объ удаленіи аріанъ изъ всѣхъ городовъ, и въ случаѣ нужды—силою и угрозами. Такъ св. Амфилохій очистилъ Церковь Христову отъ еретиковъ.

Около того же времени проникла въ Ликаонскую область ересь мессаліанъ[1]). Святый Амфилохій ревностно защитилъ Церковь свою и отъ этой заразы. Онъ обличалъ еретиковъ и лично, и силою своего богомудраго слова, и послѣ того присутствовалъ на Соборѣ Сидскомъ въ Памфиліи[2]), гдѣ ересь эта была осуждена. Въ это время святый Амфилохій столько уже пре-

---

1) *Мессаліане,* иначе *евхиты,* отрицали Троичность Лицъ въ Богѣ, Таинства, посты, внѣшніе подвиги и всѣ церковныя установленія. Для борьбы съ демономъ, во власти котораго, по ихъ мнѣнію, находится каждый человѣкъ, достаточно только усиленной молитвы, послѣ которой въ молящемся поселяется Всесвятый Духъ. Они предавались созерцаніямъ, мистическимъ пляскамъ и увѣряли, что тѣлесными очами видятъ божество. — Ересь мессаліанъ возникла въ IV в., была осуждена въ 431 г. на 3-мъ Вселенскомъ Ефесскомъ Соборѣ, но окончательно исчезла уже въ VII вѣкѣ.

2) *Памфилія*—южная область Малой Азіи. Соборъ происходилъ въ Сиде, значительномъ городѣ Памфиліи.

успѣлъ духомъ, что могъ испрашивать своими молитвами исцѣленіе больнымъ.

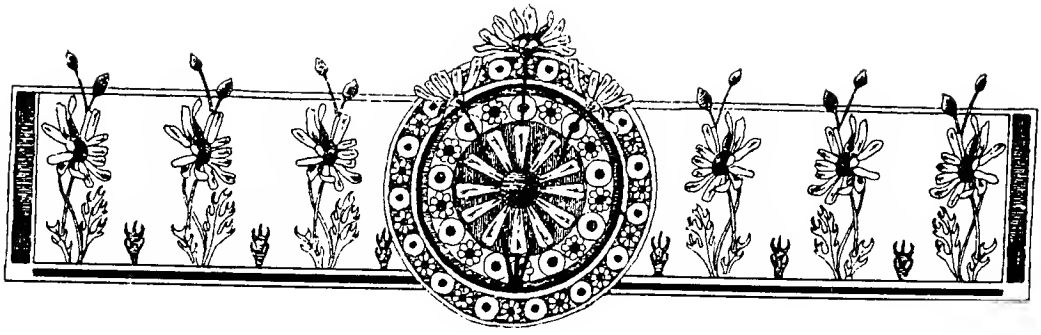
Достигши глубокой старости, святый Амфилохій съ миромъ почилъ о Господѣ [1]).

Конда́къ ст҃и́телѧ, гла́съ в҃:

Бж҃е́ственный гро́мъ, трꙋба̀ дх҃а, вѣ́ры садодѣ́лателю и҆ сѣ́чиво є҆ресе́й, і҆ера́рше а҆мфїло́хїе, тр҃цы ᲂу҆го́дниче вели́кїй: со а҆́гг҃лы предстоѧ̀ при́снѡ, моли̇̀ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

---

[1]) *Св. Амфилохій Иконійскій* † ок. 395 г.—Св. Амфилохій оставилъ послѣ себя весьма много разнообразныхъ богословскихъ сочиненій: онъ писалъ книги, стихи, письма, слова. Самыми значительными изъ нихъ были творенія апологетическія, т. е. написанныя въ *защиту* православнаго ученія и въ обличеніе еретиковъ. Такова его книга о Св. Духѣ и книга противъ евхитовъ, до насъ не дошедшія, книга «О рожденіи Господа по плоти», которую читали на Вселенскихъ Соборахъ и которая сохранилась лишь въ отрывкахъ, и книга на Прор. Исаію, до насъ также не дошедшая. До насъ дошло обширное письмо св. Амфилохія къ Селевку, племяннику св. Олимпіады и внуку военачальника Траяна, въ 333 стихахъ, педагогическаго характера. Извѣстны также посланіе св. Амфилохія къ Селевку, внуку военачальника Траяна, о Св. Троицѣ, воплощеніи Сына Божія и нѣкоторыя другія письма и посланія, преимущественно о Св. Троицѣ и, въ частности, о Св. Духѣ. Кромѣ того, св. Амфилохій оставилъ по себѣ много словъ и поученій—преимущественно догматическаго характера.



ЖИТІЕ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРІЯ,
епископа Акрагантійскаго

Святый Григорій родился на островѣ Сициліи[1]) въ селеніи Преторіи, близъ города Акраганта[2]), отъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ родителей—Харитона и Ѳеодотіи. Родители его были люди весьма богатые и щедро благотворили изъ своего имущества всѣмъ нуждающимся.

При крещеніи младенца Григорія воспріемникомъ его отъ купели былъ блаженный Патаміонъ, епископъ Акрагантійскій. На восьмомъ году отъ рожденія Григорій отданъ былъ для наученія книгамъ одному искусному учителю, по имени Даміану, и въ два года прекрасно обучился читать, писать и пѣть церковныя пѣснопѣнія. На двѣнадцатомъ же году онъ былъ поставленъ епископомъ Патаміономъ въ клирики и порученъ архидіакону[3]) Донату, который долженъ

---

1) Островъ Сицилія лежитъ въ Средиземномъ морѣ у южной оконечности Аппенинскаго полуострова, отъ коего онъ отдѣляется проливомъ Мессинскимъ.

2) Городъ *Акрагантъ*—нынѣ *Агригентъ*—находится на юго-западномъ берегу острова Сициліи.

3) Слово *архидіаконъ* съ греческаго означаетъ: начальникъ діаконовъ, т. е. старшій, или высшій служитель. Въ настоящее время этимъ именемъ называются первенствующіе въ служеніи діаконы изъ монашествующихъ (первенствующіе же діаконы изъ бѣлаго духовенства именуются протодіаконами). Но въ древней Церкви архидіаконы стояли въ непосредственной близости къ епископу и помогали ему въ управленіи Церковію; иногда, напр., на Соборахъ, они являлись даже его представителями.

былъ руководить его въ духовныхъ подвигахъ и добродѣтельной жизни. Отрокъ упражнялся въ молитвѣ и цѣлые дни и ночи проводилъ за чтеніемъ Священнаго Писанія и житій святыхъ Отцевъ; отсюда въ немъ все болѣе разгоралось желаніе пойти по стопамъ тѣхъ, о комъ онъ читалъ.

Ст҃ый
Григо́рій

Когда ему исполнилось 22 года, онъ вознамѣрился идти въ Іерусалимъ поклониться Святымъ мѣстамъ; и онъ началъ горячо молиться Богу, чтобы Онъ благоустроилъ путь его. Однажды ночью, когда онъ спалъ въ домѣ архидіакона около его постели, кто-то вдругъ позвалъ его: «Григорій!»

Онъ отвѣчалъ: «Я здѣсь» и, вставши, спросилъ архидіакона:

— Зачѣмъ ты звалъ меня, господинъ мой?

— Я не звалъ тебя, чадо, — отвѣчалъ архидіаконъ.

И Григорій пошелъ, опять легъ и уснулъ. Но тотъ же голосъ во второй разъ позвалъ его, и онъ опять подошелъ къ архидіакону, спрашивая, зачѣмъ тотъ звалъ его, и опять архидіаконъ отвѣчалъ ему, что онъ никого не звалъ; но на этотъ разъ архидіаконъ, понявъ, что Григорія зоветъ самъ Богъ, затрепеталъ отъ страха и сказалъ отроку:

— Если еще разъ позоветъ тебя тотъ же голосъ, то ты отвѣть ему: «Что̀, Господи? Что велишь рабу Твоему?»

Когда Григорій, ушедши отъ архидіакона, легъ опять на свою постель, голосъ въ третій разъ назвалъ его по имени. Зовущій же былъ Ангелъ Господень. Григорій отозвался, какъ былъ наученъ, и Ангелъ сказалъ ему:

— Молитва твоя услышана: ступай на морской берегъ, и тамъ найдешь ты людей, которые возьмутъ тебя съ собою къ Святымъ мѣстамъ.

Григорій тотчасъ всталъ и, ничего никому не сказавши, раннимъ утромъ отправился къ морю и, пришедши къ берегу, нашелъ тамъ корабль и спросилъ корабельщиковъ, куда они плывутъ. Они отвѣчали, что—въ Карѳагенъ[1]), и онъ упросилъ ихъ взять его съ собою. Всѣ взошли на корабль, и чрезъ три дня благополучно приплыли къ Карѳагену.

Въ Карѳагенѣ Григорій пробылъ нѣсколько дней, причемъ часто ходилъ въ церковь святаго мученика Іуліана. Когда однажды онъ находился въ этой церкви и занимался чтеніемъ Св. Писанія, вошли три черноризца, благообразные видомъ, и начали молиться. По окончаніи молитвы одинъ изъ нихъ сѣлъ, а два остальные стали около него. Григорій, увидѣвъ ихъ, поклонился имъ. Инокъ, который сидѣлъ, взглянувъ на Григорія, сказалъ:

— Что̀ дѣлаешь ты здѣсь, рабъ Божій Григорій, избравшій благую часть, которая не отнимется у тебя, по слову Господню?[2])

Услышавъ свое имя, Григорій пришелъ въ ужасъ и, поклонившись старцу въ землю, сказалъ:

— Прости меня, отче, и помолись за меня грѣшнаго и нерадиваго.

Старецъ отвѣчалъ:

— О, если бы я имѣлъ твои грѣхи, сынъ мой[3])! Знай,—прибавилъ онъ,—что милосердый Богъ открылъ намъ о тебѣ все, и возрадуйся, ибо Онъ послалъ насъ взять тебя и проводить до Святыхъ мѣстъ, какъ ты желаешь,—мы и сами идемъ туда же.

Тогда Григорій, въ умиленіи, воскликнулъ:

— Благословенъ Богъ, устрояющій все ко благу нашему!

Затѣмъ всѣ четверо отправились въ путь. Доро́гою старецъ, испытывая Григорія, однажды спросилъ его:

— Чадо Григорій! Не скучаешь ли ты по своихъ родителяхъ?

— Господь нашъ сказалъ,—отвѣчалъ Григорій:—**И҆́же лю́битъ ѻ҆тца̀ и҆лѝ ма́терь па́че менѐ, нѣ́сть менѐ досто́инъ**[4]). Но все-таки, отче, будемъ молиться Богу, чтобы Онъ и родителямъ моимъ (утратившимъ меня) подалъ благоутѣшеніе, и меня, грѣшнаго, сохранилъ бы отъ вражескихъ сѣтей.

---

[1]) *Карѳагенъ* — городъ на сѣверномъ берегу Африки; нынѣ представляетъ собою однѣ развалины.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 42.

[3]) Т. е.: о, если бы я такъ же свободенъ былъ отъ грѣховъ, какъ и ты.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 37.

Послѣ многодневнаго пути они приблизились къ Святому Граду[1]) и зашли въ одинъ монастырь, встрѣтившійся по дорогѣ. Между тѣмъ наступилъ постъ св. Четыредесятницы, и потому они не пошли дальше, а остались въ томъ же монастырѣ до Страстной седмицы. Здѣсь Григорій увидѣлъ строгій постъ иноковъ и ихъ бодрствованіе: многіе изъ нихъ не принимали пищи и не спали всю седмицу. Здѣсь онъ увидѣлъ людей, живущихъ подобно Ангеламъ и безпрестанно славящихъ Бога, какъ славятъ Его на Небесахъ, увидѣлъ иноковъ, проливающихъ слезы потоками и весь день и ночь стоящихъ на молитвѣ, увидѣлъ и другіе ихъ труды и неимовѣрные подвиги, и пришелъ въ ужасъ, и билъ себя въ грудь, восклицая:

— Горе мнѣ! Что же такое — я? Что дѣлать мнѣ, нерадивому, лѣнивому? Какъ могу въ день суда стать наряду со святыми?

Но, не желая, однако, совершенно погрузиться въ бездну отчаянія, говорилъ себѣ:

— Если, какъ говоритъ Давидъ, близъ гдⷭ҇ь сокрꙋшéнныхъ сéрдцемъ и҆ смирéнныѧ дꙋ́хомъ сп҃сéтъ[2]), то Онъ можетъ спасти и меня, какъ спасъ пришедшихъ въ одиннадцатый часъ[3]) и не сдѣлавшихъ ничего, достойнаго награды.

Иноки, видя его опечаленное лицо, утѣшали его, думая, что онъ тоскуетъ по своей сторонѣ и родителяхъ.

— Не жалѣй, чадо,—говорили они ему,—о томъ, что ты зашелъ съ нами такъ далеко: мы надѣемся, что, при помощи Божіей, ты опять возвратишься на свою сторону и увидишь родителей своихъ живыми.

— У Бога,—отвѣчалъ онъ,—нѣтъ чужой страны: все принадлежитъ Ему, и всюду Онъ проникаетъ Своимъ всевидящимъ окомъ. И я не тужу о томъ, что зашелъ сюда, и не тоскую я о своихъ родителяхъ, а напротивъ, радуюсь, что, оставивъ отца и мать, нашелъ Бога, заботящагося обо мнѣ. Нѣтъ, другая печаль лежитъ у меня на сердцѣ. Умоляю васъ, святые отцы, помолиться о мнѣ, смиренномъ, Господу.

Послѣ этого отвѣта черноризцы умолкли.

---

1) Т. е., къ Іерусалиму.

2) Псал. 33, ст. 19.

3) См.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 1—19. Смыслъ евангельской притчи в томъ, что раскаяніе и обращеніе къ Богу никогда не бываютъ поздними.

Когда насталъ праздникъ Воскресенія Христова, путники отправились въ Іерусалимъ и, поклонившись Святымъ мѣстамъ, пришли за благословеніемъ къ Патріарху—святому Макарію[1]). Увидѣвъ ихъ, Патріархъ сказалъ:

— Радуйся о Господѣ, авва Маркъ! Откуда привелъ ты къ намъ этого богоугоднаго юношу Григорія?

— Не мы его привели, Владыка,—отвѣчалъ Маркъ,—а хотящій всѣмъ спастись Господь и твои святыя молитвы.

Григорій изумился, что Патріархъ называетъ по имени и его, и старца, и обрадовался, что узналъ имя старца; до сихъ же поръ, находившись съ ними столько времени, онъ не зналъ, какъ зовутъ—ни старца, ни двухъ другихъ спутниковъ, а спросить ихъ, откуда они и какъ ихъ имена, не смѣлъ,—до такой степени онъ былъ молчаливъ и нелюбопытенъ.

Затѣмъ Патріархъ воззрѣлъ на двухъ другихъ иноковъ и сказалъ:

— Хорошо, что вы пришли, Серапіонъ и отецъ Леонтій. Я благодарю Бога, даровавшаго вамъ силы придти сюда и привести съ собою этого отрока, пламенѣющаго духомъ, служащаго Господу, утѣшающагося надеждою, постояннаго въ молитвѣ, какъ открылъ мнѣ о немъ Господь.

Сказавъ это, Патріархъ отправился въ храмъ служить Божественную Литургію, и всѣ путники пріобщились Пречистыхъ Таинъ. А наутро авва Маркъ съ двумя братіями, взявъ благословеніе у Патріарха, пошелъ посѣтить братію, живущую кругомъ Сіонской горы. Григорій не зналъ, что они уходятъ, и, оставшись, очень горевалъ, что отсталъ отъ нихъ. Но Патріархъ, въ утѣшеніе ему, сказалъ, что отцы не уйдутъ въ свою страну, не возвратившись сначала въ монастырь.

Тогда Григорій, поклонившись Патріарху, осмѣлился спросить его, откуда явились эти три великіе мужа. Патріархъ отвѣчалъ, что они—изъ Рима. Когда же черноризцы возвратились въ Іерусалимъ, авва Маркъ, взявъ Григорія за руку и наклонивъ его къ ногамъ Патріарха, сказалъ:

— Святый отецъ! И этотъ—изъ стада Христова: онъ приметъ власть въ Церкви и, какъ весломъ, направитъ ее духовнымъ ученіемъ ко благу. А ты, отче, позаботься о немъ, дабы онъ сохра-

---

[1]) *Макарій II* былъ Патріархомъ Іерусалимскимъ съ 563 по 574-й годъ.

нилъ во всей чистотѣ свое душевное совершенство и не осквернился грѣховными помышленіями, свойственными юности.

— Богъ избралъ его Себѣ,—отвѣчалъ Патріархъ,—отъ чрева матери и оградилъ его страхомъ Своимъ: Онъ же и сохранитъ его до конца.

Потомъ, поднявъ Григорія и замѣтивъ, что онъ плачетъ, Патріархъ сказалъ ему:

— Если тебѣ, дитя мое, нравится здѣсь, оставайся съ нами,— и Господь нашъ Іисусъ Христосъ все устроитъ тебѣ на пользу; если же хочешь идти съ ними, то иди съ миромъ.

— Нѣтъ, святѣйшій отецъ,—отвѣчалъ Григорій,—я не хочу уходить отсюда, но только молю Бога сподобить меня еще разъ въ этой жизни увидаться съ этими святыми отцами.

Такимъ образомъ иноки, испросивъ у Патріарха на дорогу благословенія и молитвы, ушли изъ Святаго Града, а Григорій остался въ Іерусалимѣ при Патріархѣ Макаріи.

По пути въ Римъ аввѣ Марку съ Серапіономъ и Леонтіемъ пришлось плыть мимо Акраганта. Они остановились здѣсь, привѣтствовали епископа Патаміона и прожили нѣкоторое время въ епископскомъ домѣ, такъ какъ наступилъ праздникъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла[1]). Послѣ праздника, когда они уже собирались уѣзжать и просили у епископа напутственнаго благословенія, къ Патаміону пришли изъ своего селенія родители Григорія Харитонъ и Ѳеодотія, чтобы совершить въ 1-ый день мѣсяца іюля память по своемъ сынѣ, такъ какъ въ этотъ именно день Григорій покинулъ родину. Ѳеодотія горько плакала по сынѣ, и никто не могъ ее утѣшить. Авва Маркъ спросилъ епископа:

— О чемъ, отче, такъ плачутъ эти люди?

Епископъ, вздохнувъ, прослезился и отвѣтилъ:

— У нихъ былъ единственный сынъ, котораго я принялъ отъ святой купели. Когда ему минуло восемь лѣтъ, родители привели его ко мнѣ, а я велѣлъ учить его грамотѣ; и Богъ далъ ему такія способности, что въ два года онъ научился прекрасно читать, писать и пѣть въ церкви. По двѣнадцатому году родители посвятили его моими грѣшными руками Богу, и я поставилъ его въ клирики и поручилъ своему архидіакону, чтобы послѣдній наставилъ его на путь Заповѣдей Господнихъ; и отрокъ сдѣлался

[1]) Т. е. 29 іюня.

настолько свѣдущимъ въ Священномъ Писаніи, что подобнаго ему и до сихъ поръ не сыщешь во всей Сициліи. И вотъ мы не знаемъ, что съ нимъ случилось, куда онъ ушелъ? Онъ внезапно пропалъ безъ вѣсти; и долго искали мы его по всему острову въ городахъ и селеніяхъ, въ горахъ, пещерахъ и пустыняхъ, но не могли найти, и не знаемъ, убилъ ли его кто-нибудь и зарылъ въ землю, или же онъ похищенъ и уведенъ въ чужую сторону. А теперь всѣмъ намъ жалко его до крайности, родители же его уже начали совершать поминовеніе о немъ въ тотъ день, когда онъ исчезъ.

Между тѣмъ авва Маркъ, вглядѣвшись въ лицо Харитона, догадался, что это—отецъ Григорія,—такъ какъ Григорій во всемъ очень походилъ на отца,—и сказалъ плачущимъ родителямъ:

— Зачѣмъ вы скорбите такъ безмѣрно о вашемъ сынѣ? Вамъ, напротивъ, дóлжно радоваться и благодарить Бога, устрояющаго все на пользу рабамъ Своимъ.

И, обратившись къ епископу, прибавилъ:

— Прикажи придти сюда твоему архидіакону.

Епископъ тотчасъ же велѣлъ позвать архидіакона, и, когда тотъ явился, Маркъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажи намъ, куда скрылся ввѣренный тебѣ отрокъ и почему ты не откроешь своему господину, епископу, величія Божія, явленнаго на отрокѣ?

Пораженный этими словами, архидіаконъ поклонился старцу и просилъ прощенія, а потомъ началъ свой разсказъ:

— Когда я спалъ однажды ночью въ своей келліи и отрокъ почивалъ недалеко отъ меня, кто-то неожиданно позвалъ его: «Григорій!» Онъ, вставши, пришелъ ко мнѣ и спросилъ, зачѣмъ я его звалъ. Я отвѣтилъ ему, что не звалъ его. Когда онъ легъ, голосъ во второй разъ позвалъ его, и онъ опять пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вотъ я, зачѣмъ ты звалъ меня?» Тогда я понялъ, что зовъ этотъ не человѣческій, а отъ Бога, и научилъ его, если голосъ еще позоветъ его, отвѣчать: «Вотъ я, Господи: что велишь рабу твоему». Онъ ушелъ на свою постель, и я услышалъ голосъ, который опять говорилъ ему: «Григорій! Молитва твоя услышана: ступай на морской берегъ, и ты найдешь тамъ людей, которые возьмутъ тебя съ собою». Но я, хотя и самъ слышалъ этотъ голосъ, однако не уразумѣлъ хорошенько, о чемъ онъ говорилъ, и сейчасъ же уснулъ, а наутро, вставши, уже не нашелъ Григорія,

и съ тѣхъ поръ понынѣ онъ не найденъ; разсказать же о слышанномъ мною голосѣ я никому не посмѣлъ, потому что боялся, какъ бы не сказали, что я лгу, и, не давъ вѣры моимъ словамъ, не стали бы говорить, что я самъ убилъ отрока или продалъ его въ чужую землю.

Выслушавъ архидіакона, епископъ и родители утѣшились въ своей печали и возблагодарили Бога, а блаженный авва Маркъ сказалъ:

— Вотъ, какъ читаемъ въ книгѣ Царствъ о Самуилѣ[1]), такъ же было въ наши дни и съ Григоріемъ: какъ отрока Самуила, спящаго въ скиніи, Ангелъ Господень три раза звалъ: «Самуилъ, Самуилъ!»—такъ удостоился подобнаго же зова и блаженный отрокъ Григорій. Воистину онъ будетъ равенъ пророку Самуилу! Теперь послушайте, что я скажу вамъ о вашемъ отрокѣ. Когда я былъ въ Римѣ, то пошелъ однажды вмѣстѣ съ братіями моими на молитву въ храмъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. При наступленіи же ночи мы заночевали у одного инока, и въ эту ночь явились мнѣ въ видѣніи два свѣтлые мужа, похожіе на Апостоловъ, и сказали: «Встань скорѣе вмѣстѣ съ Серапіономъ и Леонтіемъ, сядьте на корабль и плывите въ Карѳагенъ: тамъ вы найдете одного странника съ острова Сициліи, по имени Григорія, изъ церкви Акрагантійской; возьмите его съ собою и проводите въ Святый Градъ Іерусалимъ къ Патріарху Макарію; мы уже повѣдали и Патріарху объ этомъ отрокѣ и велѣли принять его, такъ какъ на немъ почиваетъ духъ нашъ, какъ духъ Иліи на Елисеѣ».— Сказавъ это, явившіеся мнѣ стали невидимы. Пробудившись, я вмѣстѣ съ братіями Серапіономъ и Леонтіемъ пошелъ на пристань, гдѣ, по устроенію Божію, нашелъ корабль, готовый къ отплытію въ Карѳагенъ. Мы сѣли на него и вскорѣ прибыли туда. Сошедши съ корабля, мы вошли въ церковь святаго мученика Іуліана и здѣсь нашли Григорія читающимъ книги. Мы взяли его съ собою, отправились въ Іерусалимъ и тамъ оставили его у Патріарха.

Всѣ слушатели аввы были чрезвычайно удивлены его словами и благодарили Бога, а Харитонъ и Ѳеодотія отъ душевнаго волненія упали на землю въ обморокѣ, но Маркъ поднялъ ихъ и сказалъ:

— Воздайте славу Богу за то, что сынъ вашъ живъ и проводитъ добродѣтельную жизнь.

[1]) 1 Кн. Цар., гл. 3, ст. 3—8.

И, прекратившіе свои сѣтованія, Харитонъ и Ѳеодотія вмѣстѣ съ епископомъ и всѣми бывшими вознесли благодареніе Богу, а также благодарили и авву Марка за его заботы о Григоріи и болѣе уже не предавались печали.

Между тѣмъ святый Григорій жилъ въ Іерусалимѣ при святѣйшемъ Патріархѣ Макаріи и былъ поставленъ имъ въ діакона. Чрезъ нѣсколько времени онъ сталъ просить Патріарха отпустить его на Елеонскую гору[1]) для посѣщенія бывшихъ тамъ отцовъ и, получивъ разрѣшеніе, провелъ цѣлый годъ, посѣщая доблестныхъ подвижниковъ и получая отъ нихъ всякую духовную пользу. Потомъ онъ задумалъ отправиться во внутреннюю пустыню[2]), открылъ свое намѣреніе отцамъ и просилъ ихъ молитвъ. Они же, помолившись о немъ, отпустили его, говоря:

— Ступай, чадо, съ миромъ: вѣра и любовь, которую ты имѣешь ко Христу, спасутъ тебя.

Спустившись съ горы Елеонской, Григорій углубился въ пустыню и чрезъ три дня, по усмотрѣнію Божію, нашелъ одного черноризца, молившагося въ 6-й часъ дня. Уразумѣвъ духомъ, что юный Григорій ищетъ спасенія, черноризецъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ:

— Куда ты идешь, чадо?

— Куда поведетъ по этой пустынѣ Христосъ, — отвѣчалъ Григорій.

— Пойдемъ со мной,—сказалъ инокъ.

Послѣ двадцати дней пути они пришли на одно мѣсто, съ котораго черноризецъ показалъ Григорію стоявшую вдали келлію съ двумя финиковыми пальмами передъ нею и сказалъ:

— Въ келліи той живетъ великій отецъ: если хочешь спастись, иди къ нему, а мнѣ нужно идти въ другую сторону.

И, поклонившись другъ другу, они разошлись.

Григорій, приближаясь къ келліи великаго старца, сначала услышалъ пѣніе многочисленнаго хора, когда же подошелъ ближе,—голоса только трехъ поющихъ, а приблизившись къ двери келліи, убѣдился, что пѣлъ только одинъ старецъ, который кончалъ девятый часъ; но постучаться въ дверь Григорій не посмѣлъ и въ

---

[1]) Къ востоку отъ Іерусалима чрезъ долину, называемую Кедронскою. Здѣсь Господь предрекъ кончину міра, Іерусалима и храма и отсюда же вознесся на Небо. *Гора Елеонская* на 2600 футовъ выше уровня Средиземнаго моря.

[2]) *Внутренняя пустыня* находится между Іерусалимомъ и Іерихономъ; это—скалистое, дикое и безплодное мѣсто.

страхѣ стоялъ снаружи. По окончаніи своего правила, святый отецъ посмотрѣлъ за дверь, увидалъ юношу и, узнавъ его тотчасъ же духомъ, позвалъ его къ себѣ въ келлію, называя по имени, отчего Григорій пришелъ въ еще большій страхъ. Вошедши въ келлію, Григорій увидѣлъ, что, кромѣ одного старца, тамъ никого не было, и удивлялся, какъ могло ему слышаться пѣніе многихъ голосовъ, когда пѣлъ только одинъ старецъ; отсюда онъ понялъ, что вмѣстѣ со старцемъ пѣли святые Ангелы. Онъ упалъ старцу въ ноги и со слезами спросилъ его:

— Помилуй меня, отче, и помолись о мнѣ грѣшномъ, чтобы Богъ спасъ мою душу.

— Богъ помилуетъ тебя, чадо,—отвѣчалъ старецъ,—и воздастъ тебѣ за твои труды.

Четыре года жилъ Григорій у святаго старца и много поучился у него какъ духовной мудрости, такъ и внѣшнему обиходу иноческой жизни, изучилъ толкованіе Богодухновенныхъ Писаній и сдѣлался весьма разсудительнымъ и краснорѣчивымъ. Старецъ, видя его разумъ и добродѣтель и провидѣвъ, что онъ будетъ великимъ свѣтиломъ міру, не захотѣлъ удерживать его болѣе въ пустынѣ и велѣлъ ему оставить уединеніе и выступить на помощь воинствующей Церкви. При этомъ онъ предрекъ Григорію, что онъ подвергнется многимъ притѣсненіямъ со стороны своихъ завистниковъ, и поучалъ его быть терпѣливымъ и незлобивымъ, а затѣмъ, помолившись о немъ и давъ ему благословеніе, отпустилъ его отъ себя.

Ушедши отъ старца, Григорій опять возвратился въ Іерусалимъ, гдѣ съ радостію былъ принятъ Патріархомъ. Проживъ въ Іерусалимѣ одинъ годъ, святый отправился потомъ въ Антіохію и отсюда въ Константинополь и тамъ жилъ въ монастырѣ святыхъ мучениковъ Сергія и Вакха[1]). Игуменъ монастыря, видя подвиги и воздержаніе Григорія, который не вкушалъ пищи цѣлую недѣлю и все время занимался чтеніемъ и писаніемъ книгъ, извѣстилъ о немъ Патріарха Евтихія.

— Пришелъ,—говорилъ онъ Патріарху,—ко мнѣ въ монастырь удивительный инокъ—діаконъ, прекраснаго вида и образа жизни, великій постникъ, усердный исполнитель всякихъ иноческихъ подвиговъ и отличный знатокъ Божественныхъ Писаній. Думается мнѣ, что въ нынѣшнее время не найти другого такого во всемъ Константинополѣ.

[1]) Память ихъ—7-го Октября.

Патріархъ весьма обрадовался этому извѣстію и, призвавъ Григорія съ почетомъ, бесѣдовалъ съ нимъ и, убѣдившись въ его мудрости, благодарилъ Бога, пославшаго такого мужа во время обуревавшихъ Церковь великихъ волненій еретиковъ.

Между тѣмъ скончался епископъ Акрагантійскій Ѳеодоръ, преемникъ блаженнаго Патаміона. Среди Акрагантійцевъ возникли несогласіе и раздоръ: одни желали видѣть епископомъ пресвитера Савина, другіе—нѣкоего Крискента, третьи—Павла, бывшаго тогда архидіакономъ, а иные полагались на волю Господню:

— Кого изберетъ Господь, тотъ и да будетъ намъ епископомъ,—говорили они.

По этому поводу всѣ пресвитеры, городскія власти и граждане, собравшись, отправились въ Римъ къ папѣ; среди нихъ находился и отецъ Григорія Харитонъ. Явившись къ папѣ, они раздѣлились на три партіи: одни—во главѣ съ Савиномъ, другіе—съ Крискентомъ, третьи—съ Евпломъ и Харитономъ. Первые просили въ епископы Савина, вторые—Крискента, а Евплъ съ Харитономъ и остальными говорили папѣ:

— Кого Богъ укажетъ твоему святѣйшеству, того и поставь намъ епископомъ.

Папа, видя ихъ несогласіе и препирательства, велѣлъ имъ оставить его. И когда онъ находился въ таковомъ затрудненіи, ночью въ видѣніи явились ему два благолѣпные мужа въ образѣ Апостоловъ и сказали:

— Что̀ ты такъ печалишься о несогласіи Акрагантійцевъ? Всѣ приведенные ими—недостойны епископскаго сана. Но есть въ Римѣ одинъ пришлецъ, по имени Григорій, который до сихъ поръ жилъ въ монастырѣ святаго Саввы, а теперь, услыхавъ о прибытіи Акрагантійцевъ, убѣжалъ изъ этого монастыря и скрывается въ обители святаго Меркурія: призови его и поставь имъ епископомъ, такъ какъ Акрагантъ нуждается въ томъ, чтобы на епископѣ его особо почивалъ Духъ Божій.

Съ этими словами явившіеся исчезли. Папа, пробудившись, призвалъ къ себѣ пресвитеровъ и авву Марка, который въ это время случайно пришелъ въ Римъ изъ своего монастыря, разсказалъ имъ о своемъ видѣніи и тотчасъ же послалъ двухъ епископовъ съ другими клириками отыскать и съ честію привести Григорія. Они пошли въ монастырь святаго Саввы и тамъ спросили, гдѣ находится Григорій. Иноки отвѣчали, что два дня тому назадъ

онъ ушелъ въ монастырь святаго Меркурія. Они отправились туда, но святый Григорій, только что собравшійся выйти изъ монастыря, завидѣлъ идущихъ епископовъ издалека и узналъ ихъ,— такъ какъ ранѣе видѣлъ ихъ на Соборѣ въ Константинополѣ,— и, уразумѣвъ духомъ, что они идутъ за нимъ, бѣжалъ назадъ за ограду и скрылся въ монастырскомъ саду. Епископы, вошедши въ монастырь, разспрашивали о немъ, и иноки отвѣтили, что въ монастырѣ въ этотъ день дѣйствительно былъ какой-то странникъ, но они не знаютъ, куда онъ ушелъ. Епископы обратились къ игумену и настойчиво заявляли ему, что если онъ не доставитъ имъ сейчасъ же этого странника, то подвергнется тяжелому наказанію. Игуменъ упросилъ ихъ немного подождать, а самъ сталъ тщательно искать Григорія и, наконецъ, нашелъ его въ саду скрывшимся въ травѣ. Онъ съ гнѣвомъ поднялъ его и бранилъ, говоря:

— Откуда ты пришелъ сюда, человѣче? Какіе твои грѣхи и что̀ ты надѣлалъ, что столь почтенные люди тебя разыскиваютъ? Ты навелъ бѣду на нашъ монастырь,—ступай же и давай отвѣтъ за свои грѣхи.

Святый Григорій ничего не отвѣтилъ и, молча, пошелъ за игуменомъ, державшимъ его за руку. Когда онъ приведенъ былъ къ епископамъ, они тотчасъ узнали его: они видѣли его на Соборѣ, когда всѣ отцы похваляли его и самъ императоръ оказывалъ ему почтеніе,—и, вставши, поклонились ему и обняли его съ любовію. Но онъ самъ упалъ имъ въ ноги и сказалъ:

— Простите меня, отцы святые, ибо грѣшенъ я. Зачѣмъ ищете мою худость, меня, недостойнаго?

— Святѣйшій отецъ папа зоветъ тебя, — отвѣчали они, поднимая его съ земли и давая ему цѣлованіе.

Игуменъ былъ удивленъ и смущенъ тѣмъ, что епископы оказали такое почтеніе тому самому Григорію, котораго онъ считалъ какимъ-то злодѣемъ. Епископы же взяли Григорія и съ честію повели къ папѣ.

Когда Григорій вошелъ и поклонился папѣ въ землю, папа сказалъ ему:

— Ты благовременно пришелъ къ намъ, чадо Григорій; благословенъ Богъ, явившій тебя намъ.

И вставши, онъ поцѣловалъ его святительскимъ цѣлованіемъ, а затѣмъ продолжалъ:

— Чадо Григорій! Господь нашъ Іисусъ Христосъ призываетъ тебя на епископство въ Церкви Своей въ Акрагантѣ, дабы чрезъ тебя спаслись живущіе тамъ.

— Прости меня, Владыка,—отвѣчалъ Григорій.—Я недостоинъ такого сана.

— Не будь непослушнымъ,—сказалъ на это папа,—бойся Бога и вспомни, что многіе своимъ непослушаніемъ прогнѣвали Всевышняго.

Тогда Григорій сказалъ:

— Дай мнѣ немного времени для размышленія, честнѣйшій отецъ, и для окончательнаго отвѣта твоему святѣйшеству.

Папа поручилъ Григорія до времени аввѣ Марку. Увидѣвъ авву, Григорій съ радостными слезами бросился къ его ногамъ.

— Благодарю Бога,—воскликнулъ онъ,—за то, что Онъ сподобилъ меня увидѣть еще разъ въ этой жизни тебя, любимый отецъ мой!

Авва Маркъ ушелъ съ нимъ въ отдѣльную комнату, и они всю ночь провели безъ сна, въ духовной бесѣдѣ. Предъ этимъ Григорій собирался удалиться въ Испанію, особенно когда узналъ, что отецъ его Харитонъ прибылъ въ Римъ. Но Маркъ удержалъ его.

— Чадо,—говорилъ онъ,—не прогнѣви Бога и—вмѣсто благословенія Его—не навлеки на себя проклятія.

Съ тѣхъ поръ Григорій оставилъ свое намѣреніе.

Вскорѣ папа призвалъ къ себѣ жителей Акраганта и спросилъ, согласились ли они, наконецъ, въ выборѣ себѣ епископа.

— Мы, Владыка, не знаемъ,—отвѣчали тѣ,—что̀ тебѣ отвѣтить: мы положились на Бога и на твои святыя молитвы, и кого укажетъ тебѣ Богъ, того и дай намъ; мы же примемъ его съ любовію.

Папа, приглядѣвшись къ лицу Харитона, догадался, по близкому сходству, что онъ—отецъ Григорія.

— Пойдемъ въ церковь,—сказалъ онъ тогда,—и помолимся Богу, дабы Онъ указалъ намъ, кого Самъ считаетъ достойнымъ.

И вотъ, когда папа съ епископами и всѣмъ клиромъ возносили молитвы въ храмѣ святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и Григорій находился съ ними, явился надъ Святой Трапезой летающій голубь и опустился на голову святаго Григорія. Всѣ благоговѣйно устрашились при этомъ неожиданномъ чудѣ.

— Вотъ, Богъ явилъ намъ, кого Онъ избралъ достойнымъ епископскаго сана, — сказалъ папа, и посвятилъ Григорія въ епископа Акрагантійской церкви.

Всѣ граждане Акраганта были рады этому и приняли Григорія съ любовію — какъ избраннаго Самимъ Богомъ. И Харитонъ узналъ своего сына и горячо благодарилъ Бога за то, что Онъ сподобилъ его видѣть сына живымъ и еще въ такомъ санѣ.

Немного дней спустя Акрагантійцы, получивъ благословеніе отъ папы, возвратились съ новопоставленнымъ епископомъ въ свой городъ. Когда они проходили мимо Панорміи [1]), навстрѣчу имъ вышелъ епископъ этого города съ клиромъ и всѣмъ народомъ и радушно принялъ ихъ: онъ наслышался о добродѣтельной жизни Григорія и просилъ его войти въ церковь и преподать благословеніе народу. Когда Григорій входилъ въ храмъ, къ нему приблизился одинъ монахъ, жестоко пораженный проказою, и громко взывалъ къ нему:

— Помилуй меня, рабъ Христовъ, и помолись обо мнѣ Богу, чтобы Онъ облегчилъ мнѣ мою тяжкую болѣзнь.

— Во Имя Господне исцѣлись отъ твоего недуга, — сказалъ ему святый.

И инокъ тотчасъ исцѣлился и очистился отъ проказы, такъ что тѣло его сдѣлалось, какъ у малаго ребенка.

Всѣ славили и благословляли Бога, творящаго чудеса чрезъ Своего угодника.

Григорій съ спутниками вышли изъ Панорміи и приблизились къ Акраганту. Здѣсь встрѣтилъ ихъ игуменъ пригороднаго монастыря Пресвятой Богородицы. Когда Григорій вступилъ въ монастырь, къ ногамъ его упалъ одинъ глухонѣмой инокъ; игуменъ отстранялъ его отъ ногъ епископа, но святый Григорій сказалъ ему:

— Оставь его, братъ: пусть онъ объяснитъ намъ, что ему нужно.

Игуменъ сказалъ:

— Онъ — юродивый, Владыка, и къ тому же нѣмъ и глухъ.

Святитель вздохнулъ и, воздѣвъ руки къ Небу, совершилъ молитву, а потомъ поднялъ инока съ земли и сказалъ ему:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа, повелѣвшаго бѣсу глухому и нѣмому выйти изъ созданія Божія, начни говорить, братъ, и услышь, и прославь Бога, сотворившаго тебѣ сіе!

[1]) *Панормія,* нынѣ *Палермо,* — городъ на сѣверо-западномъ берегу о. Сициліи.

И тотчасъ инокъ началъ говорить и громко восклицалъ:

— Велики дѣла Твои, Господи, которыя Ты сотворилъ ради сего человѣка!

Святый спросилъ инока, сколько прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уже не говоритъ.

— Я не помню, Владыка,—отвѣчалъ исцѣленный,—того времени, когда я говорилъ или слышалъ.

Игуменъ сказалъ тогда за него:

— Вотъ уже двадцать лѣтъ, Владыка, какъ мы его постригли, а постриженъ онъ былъ восьми лѣтъ и до сегодня былъ глухъ и нѣмъ; теперь же исцѣлился твоими молитвами.

Всѣхъ охватилъ, при видѣ чуда, благоговѣйный страхъ, и всѣ благодарили Бога, давшаго имъ епископа-чудотворца.

Въ этомъ монастырѣ святый Григорій оставался до утра и наутро отправился въ Акрагантъ. Остававшіеся дома жители города, услыхавъ, что идетъ новый епископъ, спрашивали другъ друга: кто же избранъ: Савинъ, Крискентъ или Евплъ?—и, узнавъ, что никто изъ этихъ трехъ не удостоенъ епископства, а избранъ одинъ странникъ, именемъ Григорій, были очень удивлены, а услыхавъ, что онъ—чудотворецъ и уже исцѣлилъ глухонѣмаго, прониклись благоговѣніемъ. Все населеніе города вышло навстрѣчу и приняло отъ него благословеніе, и онъ, благословляя, возлагалъ на всѣхъ руки. Вышла, между прочимъ, и мать его Ѳеодотія вмѣстѣ съ другими пожилыми женщинами, еще не знавшая, что новый епископъ—ея сынъ. Но, взглянувъ на него, она сейчасъ же узнала его и сказала:

— Воистину, это—сынъ мой, который и҆зги́блъ бѣ̑ и҆ ѡ҆брѣ́тесѧ[1]).

Григорій же, увидѣвъ мать, воскликнулъ:

— Здравствуй, госпожа Ѳеодотія, мать моя!

— Благословенъ Богъ,—отвѣчала она съ великою радостію,—избравшій тебя пасти людей Его и сподобившій меня увидѣть тебя, милый сынъ мой!

Затѣмъ всѣ съ пѣніемъ вошли въ храмъ. И когда святый Григорій совершалъ Божественную Литургію, нѣкоторые изъ достойныхъ видѣли благодать Святаго Духа, сошедшую на него въ видѣ голубя и осѣнявшую его подобно тому, какъ это было

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 15, ст. 24.

и при его посвященіи. Къ церкви было принесено множество больныхъ, и святый Григорій возвращалъ имъ здравіе, возлагая на нихъ руки, такъ что всѣ изумлялись и говорили:

— Дѣйствительно, онъ подобенъ святому Григорію, Неокесарійскому чудотворцу.

И была въ городѣ великая радость.

Вступивъ въ управленіе паствою, Григорій много заботился о нищихъ, исцѣлялъ больныхъ и изгонялъ бѣсовъ. Отецъ его Харитонъ почти не выходилъ изъ церкви, въ постѣ и молитвахъ служа Богу день и ночь; точно такъ же и мать его Θеодотія, отложивъ всѣ житейскія заботы, радѣла только о своемъ спасеніи, служила больнымъ и бѣдствующимъ отъ нищеты, питая и одѣвая ихъ на свои средства. Такимъ образомъ, Григорій, вмѣстѣ съ своими родителями, былъ украшеніемъ Церкви Христовой и служилъ для всѣхъ примѣромъ добродѣтельной жизни.

Однажды святый Григорій отправился въ городъ съ тѣмъ, чтобы посѣтить больныхъ и нищихъ, и всѣ жители полагали своихъ больныхъ при дорогѣ, гдѣ долженъ былъ пройти святый врачъ, который и исцѣлялъ всякія болѣзни однимъ прикосновеніемъ рукъ. Между прочимъ, у пресвитера Савина была разслабленная дочь, которая лежала на постели и совершенно лишена была силъ, такъ что сама не могла сдѣлать ни одного движенія и уже другіе поворачивали ее. Мать ея, услышавъ, что епископъ пойдетъ мимо ихъ дома, вынесла ее наружу и положила на пути святаго. Когда Григорій приблизился, она съ плачемъ упала къ его ногамъ и сказала:

— Помилуй меня, рабъ Божій, и умилосердись надъ моей разслабленною дочерью.

Святый спросилъ ее, чья она жена. Тогда пресвитеръ Савинъ вышелъ изъ дома и, поклонившись епископу, сказалъ:

— Это—твоя раба, господинъ мой, и моя жена.

— Давно ли болѣетъ ваша дочь?—продолжалъ епископъ.

— Девять лѣтъ, Владыка,—отвѣчали они,—какъ она лишилась силъ.

Сотворивъ молитву, святый осѣнилъ дѣвицу крестнымъ знаменіемъ и сказалъ:

— Во Имя Іисуса Христа, дѣвица, встань и стань на ноги.

И тотчасъ дѣвица встала совершенно здоровою и воздала благодареніе своему исцѣлителю. Народъ же, слѣдовавшій за святителемъ, удивлялся совершавшимся чрезъ него чудесамъ.

Но чрезъ нѣсколько лѣтъ ненавистникъ всякаго добра—діаволъ возсталъ противъ святаго и замыслилъ лишить его престола чрезъ того же самаго Савина, дочь котораго исцѣлилъ святый Григорій, и чрезъ упоминавшагося также Крискента. Оба они были пресвитерами въ Акрагантѣ и въ свое время, какъ уже упомянуто, каждый изъ нихъ добивался епископства, почему они и находились во враждѣ другъ съ другомъ. Теперь же они примирились и вмѣстѣ стали дѣйствовать противъ святаго Григорія и, подвигнутые діаволомъ на зависть, говорили между собою:

— Долго ли мы будемъ повиноваться этому человѣку — волхву, который творитъ чудеса своими чарами и изумляетъ простой народъ? Или не знаемъ мы, что когда-то онъ бѣжалъ изъ нашего города, жилъ у одного волхва и научился отъ него волшебству, а теперь, возвратившись сюда, обольщаетъ людей, утверждая, что онъ—человѣкъ Божій, на самомъ же дѣлѣ онъ подобенъ бѣсу, потому что не ѣстъ и не пьетъ, какъ и бѣсъ!

Всѣ эти хулы и клеветы на праведника возводили они изъ зависти къ высокому положенію и славѣ Григорія. Они привлекли на свою сторону и нѣкоторыхъ изъ клириковъ и гражданъ и дали другъ другу клятву въ томъ, что не успокоятся, пока не выживутъ Григорія изъ города; епископомъ же вмѣсто него они хотѣли поставить нѣкоего Елевсія — еретика, лишеннаго пресвитерства и преданнаго Лаодикійскимъ Соборомъ[1]) проклятію; онъ тайно явился въ Акрагантъ и, невѣдомо для святаго Григорія, скрывался у одного жителя города, по имени Ѳеодора. Ранѣе святый Григорій видѣлъ этого Елевсія на Востокѣ, имѣлъ съ нимъ преніе о воплощеніи Сына Божія и побѣдилъ его. Этотъ-то самый Елевсій, во время своего трехмѣсячнаго пребыванія въ Акрагантѣ, съумѣлъ возбудить въ Савинѣ, Крискентѣ и нѣкоторыхъ другихъ зависть и вражду къ святому Григорію.

Враги Григорія, посовѣтовавшись между собою, подкупили одну молодую жену, по имени Евдокію, красивую лицомъ, но

---

[1]) Лаодикійскій (во Фригіи) Соборъ былъ въ концѣ IV вѣка, незадолго до II Вселенскаго Собора. Правила его (60) касаются различныхъ подробностей чина богослужебнаго, дисциплины клира, семейной жизни и нравовъ мірянъ, пороковъ и заблужденій того времени и еретическихъ ученій, и въ этомъ смыслѣ представляютъ немало характеристическихъ указаній на церковную обрядность и жизнь тогдашнихъ христіанъ.

безстыднаго и развратнаго нрава, чтобы она всенародно въ лицо сказала епископу, что онъ согрѣшилъ съ нею. Она сначала не соглашалась было и говорила, что граждане Акраганта, смотрѣвшіе на Григорія какъ на Ангела Божія, не повѣрятъ ей и что она боится, какъ бы народъ не побилъ ея камнями; но они убѣдили ее, что она останется невредимою, и богатымъ подкупомъ соблазнили ее согласиться на ихъ предложеніе; тогда они стали выжидать удобнаго времени, чтобы повергнуть Григорія въ бѣду и позоръ. Однажды ночью, когда святый Григорій находился въ храмѣ за полунощницею, Савинъ и Крискентъ взяли съ собою нанятую развратницу и тайно привели ее къ епископскому дому. Здѣсь они нашли привратника, стоявшаго на сторожѣ у дверей, и, при помощи золота, уговорили его молчать, а сами провели Евдокію въ опочивальню святаго и, заперевъ ее тамъ, вышли. Ничего не знавшій Григорій оставался въ церкви до самаго конца Утрени. Насталъ день, и, когда епископъ вышелъ, наконецъ, изъ церкви, весь, бывшій у Утрени, народъ пошелъ за нимъ, ибо у Акрагантійцевъ таковъ былъ обычай—всегда провожать своего епископа отъ храма до самаго дома. Дошедши до своихъ дверей, святый Григорій обратился къ провожавшимъ, давалъ имъ различныя наставленія и благословлялъ ихъ. Въ толпѣ были и Савинъ съ Крискентомъ и остальными сообщниками: они бросились въ опочивальню епископа, вывели оттуда въ присутствіи епископа и всего народа женщину и громко закричали:

— Глядите, люди, что дѣлаетъ нашъ епископъ! Такъ ли дóлжно ему жить? Мы все говорили, что онъ—святой, а онъ оказался блудникомъ: отнынѣ онъ недостоинъ епископскаго сана!

Народъ пришелъ въ изумленіе, и всѣ онѣмѣли, какъ камни, не зная, что сказать. Изумился и самъ святый Григорій предъ такой неожиданной напастью и молчалъ.

Стали допрашивать женщину ту, былъ ли съ нею епископъ, и она при всѣхъ подтвердила, что онъ былъ съ нею въ минувшую ночь. Архидіаконъ и другіе близкіе къ епископу спросили ее, въ которомъ же именно часу ночи онъ былъ съ нею. Она, наученная заранѣе врагами Григорія, отвѣчала, что—послѣ Повечерія.

— Живъ Господь,—воскликнули близкіе епископа:—неправду говоритъ эта лживая женщина!

Но враги его отвѣчали:

— Вы ему—свои люди и не заслуживаете вѣры, такъ какъ стараетесь прикрыть грѣхи вашего господина!

На это одинъ юный діаконъ, по имени Филадельфъ, сказалъ словами Псалма:

—«Нѣ́мы да бꙋ́дꙋтъ ᲂу҆стны̀ льсти́выѧ, глаго́лющыѧ на пра́веднаго беззако́нїе, горды́нею и҆ ᲂу҆ничиже́нїемъ»[1]).

Крискентъ подбѣжалъ къ Филадельфу и сталъ бить его по щекамъ. Многіе изъ народа соблазнились и повѣрили клеветѣ, видя, какъ женщину выводили изъ опочивальни, и слыша, какъ она при самомъ епископѣ говорила, что онъ былъ съ нею; другіе же, несмотря ни на что, не вѣрили ей. Однако противная сторона взяла верхъ, и епископъ былъ схваченъ, выведенъ изъ своего дома и посаженъ въ темницу, въ которой нѣкогда страдалъ за Христа священномученикъ Григорій, епископъ Ливійскій: тамъ враги заперли и этого святаго Григорія, забили ему ноги въ колоду и, заколотивъ двери, крѣпко сторожили. Затѣмъ они поспѣшили отправить письмо къ находившемуся въ Сициліи экзарху[2]) папы съ извѣстіемъ о случившемся и просьбою прибыть въ Акрагантъ для суда надъ Григоріемъ.

Между тѣмъ не только по всему Акраганту, но и по окрестнымъ городамъ и селеніямъ и даже по всей Сициліи разнесся слухъ о томъ, что епископа Григорія застали съ блудницею.

Къ темницѣ собралось множество людей, любившихъ святаго и не повѣрившихъ клеветѣ; они въ слезахъ сидѣли около темницы.

Святый Григорій тѣмъ временемъ благодарилъ Бога, сподобившаго его пострадать безъ вины. Въ полночь, когда онъ молился, великій свѣтъ осіялъ темницу, явился Ангелъ Господень, освободилъ Григорія отъ оковъ и, подкрѣпивъ его своими словами въ терпѣніи, сдѣлался невидимъ, а темничныя двери отворились сами собою. Находившіеся у темницы поклонились святому, говоря:

— Теперь мы вполнѣ убѣдились, что Богъ—за тебя и все, что̀ на тебя говорили—клевета.

Они хотѣли пойти и убить Савина и Крискента, но святый удержалъ ихъ отъ этого и запретилъ имъ поднимать опять распрю

---

1) Псал. **30**, ст. 19.

2) *Экзархъ* —епископъ, подчиненный только одному папѣ и независѣвшій отъ областнаго епископа, куда бы ни явился.

и проливать кровь, и убѣдилъ дожидаться имѣющаго быть надъ нимъ суда.

Экзархъ, прибывши въ Акрагантъ, созвалъ все городское собраніе и, сѣвши на судейскомъ мѣстѣ, велѣлъ привести Григорія и поставилъ его предъ собою. Стали также предъ судомъ и противники Григорія вмѣстѣ съ Евдокіею, которую экзархъ спросилъ:

— Правду ли ты говоришь, что епископъ былъ съ тобою?

— Да, Владыка, это—правда, онъ былъ со мною.

Лишь только она произнесла это, тотчасъ напалъ на нее бѣсъ, повергъ ее на землю, и она валялась съ страшнымъ крикомъ, мучимая злымъ духомъ. Страхъ напалъ на всѣхъ.

— Григорій,—говорили благомыслящіе,—неповиненъ въ худомъ дѣлѣ, ибо вотъ—наказаніе Божіе постигло оболгавшую его.

Но противники святаго, потерявъ всякій стыдъ, говорили:

— Не сказали ли мы, что онъ—волхвъ и чародѣй? И своимъ волшебствомъ онъ сдѣлалъ то, что женщина теперь бѣснуется.

Тѣмъ временемъ жена пресвитера Савина вмѣстѣ съ дочерью, исцѣленною святымъ Григоріемъ отъ немощи, поспѣшно прибѣжала въ собраніе и съ гнѣвомъ закричала на мужа:

— Несчастный злодѣй! Ты забылъ благодѣянія этого святаго мужа, исцѣлившаго нашу дочь, и клевещешь на невиннаго! Уходи же изъ моего дома, я не хочу болѣе съ этихъ поръ жить съ тобою!

Затѣмъ она припала къ ногамъ святаго и со слезами просила его:

— Помилуй насъ, рабъ Божій, и не помни зла, какое причинили тебѣ эти нечестивые завистники!

Въ народѣ поднялся говоръ и шумъ: одни кричали, что Григорій невиненъ, другіе, повѣривъ клеветѣ, продолжали утверждать, что онъ на бывшую съ нимъ женщину навелъ бѣса своимъ волшебствомъ. Экзархъ, подкупленный Савиномъ и Крискентомъ, держалъ ихъ сторону, но видя смуту, происходившую въ народѣ, побоялся и, вставъ съ своего мѣста, ушелъ изъ суда, объявивъ, что слѣдуетъ разслѣдовать дѣло обстоятельнѣе. Тогда святый Григорій добровольно пошелъ опять въ темницу и сидѣлъ тамъ, какъ находящійся подъ судомъ, ожидая, чѣмъ кончится начавшееся о немъ дѣло.

Экзархъ, видя, что онъ не можетъ ничего сдѣлать съ Григоріемъ, не возбуждая смятенія въ народѣ, рѣшилъ отправить его въ Римъ къ самому папѣ и приказалъ приготовить для него особый корабль;

при этомъ онъ написалъ папѣ посланіе, въ которомъ заключалось обвиненіе Григорія; подобное же посланіе къ папѣ написали и клеветники Григорія отъ себя. Экзархъ дождался наступленія ночи и вмѣстѣ съ Савиномъ и Крискентомъ, взявъ съ собою Григорія, тайнымъ образомъ повелъ его на корабль. Вслѣдъ за нимъ шли его родители и домашніе, плача и рыдая о немъ; онъ же утѣшалъ ихъ и увѣщалъ не плакать, обнадеживая, что они скоро опять увидятъ его здоровымъ и на епископскомъ престолѣ. Посадивъ его на корабль, враги поручили его присмотру хозяина корабля, по имени Прокопія, которому передали и свои посланія къ папѣ. Архидіаконъ Евплъ съ другими діаконами обступили экзарха и умоляли его позволить имъ отправиться вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и учителемъ, но онъ не хотѣлъ даже и слушать ихъ и только одному изъ нихъ, діакону Платонику, разрѣшилъ ѣхать съ Григоріемъ. Наконецъ, корабль отплылъ, и близкіе Григорія вмѣстѣ съ его родителями долго плакали по немъ на берегу, и, опечаленные, пошли домой.

Наутро у темницы собралось множество народа вмѣстѣ съ пресвитерами. Не нашедши въ темницѣ Григорія, они пришли въ смятеніе и начали плакать и жаловаться на несправедливый судъ надъ епископомъ. Затѣмъ они пошли къ экзарху и, окруживъ его, спрашивали:

— Куда вы дѣвали нашего отца и добраго пастыря? Неужели вы его убили?

— Нѣтъ, братія,—отвѣчалъ экзархъ,—мы не сдѣлали ему никакого зла, а только съ миромъ отправили его къ папѣ, какъ онъ самъ просилъ насъ.

Собравшіеся призвали архидіакона Евпла и другихъ діаконовъ и спросили ихъ:

— Вы должны знать, гдѣ нашъ святый епископъ,—вы вчера были у него въ темницѣ: скажите же намъ по правдѣ, гдѣ онъ теперь?

Евплъ и другіе отвѣчали, что ночью экзархъ отправилъ Григорія къ папѣ. Экзархъ, видя, что въ народѣ начинается возмущеніе, испугался и бѣжалъ изъ Акраганта. Возмущенный народъ поджегъ дома коварныхъ пресвитеровъ Савина и Крискента и искалъ ихъ самихъ, чтобы предать смерти, но они скрылись въ церкви. Народъ бросился за ними, но Харитонъ, ставши въ церковныхъ дверяхъ, умолялъ разгнѣванныхъ людей не проливать

крови изъ-за его сына, говоря, что если обвиненіе, взводимое на ихъ епископа, а его сына, окажется справедливымъ, то они и сами подвергнутся суду.

Народъ послушался Харитона и разошелся. Но сторонники Григорія отправили, однако, посланіе правителю Сициліи, жившему въ городѣ Сиракузахъ, и епископу этого города и извѣстили ихъ о всемъ, что̀ произошло съ ихъ епископомъ; правитель и епископъ Сиракузскій были очень удивлены и сильно сожалѣли о Григоріи, хорошо зная его добродѣтельную жизнь. Съ посланіемъ къ нимъ отправлены были знатнѣйшіе граждане Акраганта, а завѣдываніе церковными дѣлами поручено было архидіакону Евплу до того времени, пока не возвратится Григорій, оправдавшись предъ папою.

Чрезъ нѣсколько времени противники Григорія опять сплотились и искали случая убить Евпла, и онъ, видя ихъ озлобленность, бѣжалъ и скрывался до прибытія Григорія, а Савинъ и Крискентъ съ единомышленниками возвели на престолъ упомянутаго еретика Елевсія. Городскія власти и пресвитеры, убѣждаемые Харитономъ, не выражали своего неудовольствія ничѣмъ и совершенно замолкли, когда имъ сдѣлалось извѣстнымъ отъ Харитона, что Григорій рано или поздно возвратится на престолъ. Такимъ образомъ Церковь Божію въ то время пасли, вмѣсто пастыря, дикіе звѣри какъ только имъ хотѣлось: еретикъ Елевсій вынесъ мощи святыхъ, лежавшія въ алтарѣ, и хотѣлъ сжечь ихъ, но огонь даже не коснулся ихъ, послѣ чего онъ велѣлъ бросить ихъ ночью тайно для всѣхъ въ море.

Когда святый Григорій прибылъ въ Римъ, сопровождавшій его Прокопій вручилъ папѣ посланія экзарха и клеветниковъ Григорія. Папа, прочитавъ эти посланія, сильно разгнѣвался на Григорія, и не допустилъ его даже лично къ себѣ, и, не спросивъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, приказалъ сковать его по рукамъ и по ногамъ и заключить въ темницу, а также—запереть въ отдѣльной темницѣ и діакона Платоника. Когда святый сидѣлъ въ заключеніи и молился, ночью осіялъ его свѣтъ и два мужа въ образѣ Апостоловъ вошли къ нему и сказали:

— Радуйся, рабъ Христовъ и нами возлюбленный Григорій! Господь послалъ насъ освободить тебя отъ оковъ, и мы радуемся, видя, какъ мужественно и терпѣливо переносишь ты скорбь. Богъ благоволитъ чрезъ тебя и въ этомъ городѣ сотворить многія чудеса.

Сказавъ это, они прикоснулись къ его узамъ, и тотчасъ цѣпи упали съ него и онъ, совершенно освобожденный, сталъ на ноги и до земли поклонился явившимся, которые, облобызавъ его, стали невидимы. Точно такъ же явились они къ діакону Платонику и, выведши его изъ заключенія, привели къ Григорію. Оба освобожденные вмѣстѣ славили и благословляли Господа.

У тюремщика, сторожившаго заключенныхъ, былъ единственный сынъ, 26 лѣтъ отъ рожденія, котораго уже шесть лѣтъ мучилъ злой духъ, гонявшій его по дорогамъ и пустынямъ; много разъ отецъ связывалъ его желѣзными путами и запиралъ въ особой комнатѣ, но онъ разрывалъ путы, выламывалъ дверь и убѣгалъ опять. Случилось такъ, что, когда Григорій сидѣлъ въ темницѣ, уже свободный отъ оковъ, и Платоникъ былъ съ нимъ, отецъ бѣсноватаго поймалъ послѣдняго и крѣпко приковалъ къ столбу за руки, ноги и шею. Но бѣсноватый въ полночь разломалъ желѣзныя узы, убѣжалъ, и, нашедши темничныя двери открытыми, вошелъ въ темницу, и упалъ въ припадкѣ бѣснованія у ногъ святаго Григорія, который, воздѣвъ руки къ Небу, помолился Богу и затѣмъ сказалъ бѣсу:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ повелѣваетъ тебѣ, духъ нечистый, выйти изъ Его созданія.

Бѣсъ тотчасъ же вышелъ. Между тѣмъ стражъ долго искалъ пропавшаго сына и, въ поискахъ увидѣвъ, что темница отворена, пришелъ въ смертельный ужасъ, думая, что узникъ убѣжалъ. Но, войдя внутрь, онъ увидѣлъ Григорія и Платоника стоящими тамъ и воспѣвающими Богу священныя пѣснопѣнія, а вмѣстѣ съ ними и своего сына—совершенно здоровымъ. Стражъ палъ къ ногамъ святаго и воскликнулъ:

— Воистину, ты—человѣкъ Божій! Прости меня, что я согрѣшилъ предъ тобою, поднявъ на тебя руки.

Съ этой минуты тюремщикъ благоговѣйно служилъ святому день и ночь, почитая его какъ бы Ангела Божія.

Около того же времени одна женщина, у которой была скорченная дочь, услышавъ, что святый Григорій исцѣлилъ тюремщикова сына, пришла къ нему въ темницу вмѣстѣ съ дочерью и, упавъ предъ нимъ на землю, умоляла его исцѣлить ея дочь. Онъ сказалъ ей, что это—дѣло не его, а единаго только Бога, могущаго все сотворить однимъ Словомъ Своимъ. Но она неотступно продолжала просить его, пока, наконецъ, онъ не сотво-

рилъ молитвы и не возложилъ на скорченную дѣвицу руку, послѣ чего она сейчасъ же выпрямилась. Мать съ дочерью возблагодарили Бога и, поклонившись святому, въ радости возвратились домой.

— Кто исцѣлилъ твою дочь? — спрашивали у матери сосѣди.

— Одинъ нездѣшній епископъ, — отвѣчала она, — который осужденъ, говорятъ, за какую-то вину и сидитъ вь темницѣ: сначала онъ же исцѣлилъ тюремщикова сына, а теперь—мою дочь.

Слухъ о чудесномъ исцѣленіи однимъ словомъ святымъ Григоріемъ бѣсноватаго и скорченной дѣвушки распространился по Риму, и къ нему стали приносить множество недужныхъ, которыхъ онъ также исцѣлялъ.

Прошелъ годъ со времени прибытія Григорія въ Римъ, и папа, наконецъ, вспомнилъ о сидящемъ въ темницѣ епископѣ и послалъ за аввою Маркомъ, о которомъ уже много разъ говорилось выше. Когда авва Маркъ явился изъ своего монастыря, папа спросилъ:

— Ты не знаешь, братъ, что епископъ Акрагантійскій Григорій привезенъ сюда связаннымъ и сидитъ въ заключеніи за то, что совершилъ грѣхъ противъ 7-ой заповѣди?

Авва Маркъ, со вздохомъ, отвѣтилъ:

— О, если бы мнѣ имѣть его участь въ день Страшнаго Суда!

Тогда папа измѣнился въ лицѣ и сказалъ:

— Посмотри, что̀ пишетъ мнѣ мой экзархъ въ Сициліи.

Маркъ прочелъ посланіе экзарха, засмѣялся и затѣмъ громко сказалъ:

— Живъ Господь, это—клевета на неповиннаго и чистаго мужа, который, какъ ты и самъ, Владыка, знаешь, своею жизнію и чудесами подобенъ древнимъ великимъ отцамъ.

— Я знаю,—возразилъ папа,—что благодать Божія была на немъ до его паденія; но, когда онъ согрѣшилъ, благодать эта отнялась у него.

— Богъ знаетъ правду Свою, — отвѣтилъ Маркъ.

— Итакъ, что же дѣлать намъ съ нимъ?—спросилъ папа.— Какъ ты посовѣтуешь?

Авва Маркъ отвѣчалъ:

— Выслушай меня, Владыка, и исполни совѣтъ мой: собери Соборъ, призови епископовъ—не только своихъ западныхъ, но пошли извѣщеніе и на Востокъ. Не будемъ судить Григорія безъ

вѣдома благочестиваго императора и Константинопольскаго Патріарха, но пусть и они пришлютъ отъ себя избранныхъ мужей. Пошли также въ Сицилію и вызови сюда обвинителей и ту женщину, и тогда, что̀ Богъ покажетъ, то и сдѣлаемъ.

Папа нашелъ, что совѣтъ Марка—хорошъ, и немедленно написалъ посланія къ императору Юстиніану и Святѣйшему Патріарху Константинопольскому, извѣщая ихъ о всемъ и прося ихъ прислать избранныхъ мужей на Соборъ; написалъ онъ также и своему экзарху въ Сицилію, а равно властямъ и гражданамъ акрагантійскимъ, повелѣвая имъ безъ замедленія прислать къ нему въ Римъ всѣхъ до одного обвинителей и женщину, которая, какъ говорили, впала въ грѣхъ съ Григоріемъ.

Императоръ и Патріархъ, получивъ посланія папы, удивлялись клеветѣ, возведенной на Григорія, и, не давъ ей никакой вѣры, сожалѣли о томъ, что ни въ чемъ не повинный Григорій столько времени сидитъ въ темницѣ. Поэтому они поспѣшили послать отъ себя въ Римъ именитыхъ мужей: царь—одного сановника, по имени Маркіана, а Патріархъ—трехъ епископовъ, Анкирскаго, Кизическаго и Коринѳскаго, и хартофилакса[1]) Константина.

Всѣ посланные,—какъ изъ Константинополя, такъ и изъ Сициліи,—съѣхались въ Римъ на второй годъ пребыванія святаго Григорія въ темницѣ. Но Маркіанъ, не достигнувъ Рима въ разстояніи около осьмнадцати стадій, опасно захворалъ, такъ что всѣ отчаялись въ его выздоровленіи, и пріѣхавшіе съ нимъ епископы были въ великомъ огорченіи. Едва-едва доѣхалъ онъ до Рима. Всѣ окружившіе его ходили за нимъ самымъ тщательнымъ образомъ, и ни одинъ врачъ не въ силахъ былъ помочь ему.—Однажды вечеромъ мимо дома, въ которомъ остановился Маркіанъ, случилось проходить той женщинѣ, дочь которой была исцѣлена святымъ Григоріемъ. Услыхавъ плачъ его рабовъ, она спросила ихъ, о чемъ они плачутъ.

— О томъ,—отвѣчали они,—что господинъ нашъ умираетъ.

— Если вы хотите, чтобы господинъ вашъ былъ живъ и здоровъ,—сказала она,—то несите его за мною, и я покажу вамъ врача, который исцѣлитъ его однимъ словомъ: врачъ этотъ многихъ исцѣлилъ въ нашемъ городѣ, и не было больного, который ушелъ бы отъ него безъ исцѣленія.

---

[1]) *Хартофилаксъ*—значитъ хранитель бумагъ. Такъ называлось особое должностное лицо при Патріархѣ Константинопольскомъ; на его обязанности лежалъ, между прочимъ, и судъ по дѣламъ духовнымъ.

Рабы повѣрили ей, взяли своего господина вмѣстѣ съ постелью и понесли его за женщиною. Маркіанъ при этомъ не сознавалъ, что съ нимъ дѣлаютъ, такъ какъ находился въ сильнѣйшемъ жару и лежалъ въ безпамятствѣ. Доведши ихъ до темницы, гдѣ былъ святый Григорій, она сказала:

— Здѣсь сидитъ тотъ врачъ, который исцѣляетъ недуги однимъ словомъ.

Рабы внесли своего господина въ темницу, положили его къ ногамъ Григорія и со слезами умоляли его подать исцѣленіе больному. Святый два раза позвалъ Маркіана, но онъ ничего не могъ отвѣтить ему. Святый, прослезившись, возложилъ руку на больного, и онъ тотчасъ же уснулъ, а передъ этимъ не спалъ много сутокъ. Въ полночь слуги подошли къ нему и, дотронувшись, не нашли въ немъ ни малѣйшаго жара, и благодарили Бога. Когда окончилась ночь и святый началъ пѣть Утреню, Маркіанъ проснулся, и всталъ совсѣмъ здоровый, и не могъ понять, гдѣ онъ находится, но, увидѣвъ Григорія, узналъ его, и, понявъ, что, по молитвамъ святаго, онъ исцѣлился отъ болѣзни, палъ къ ногамъ его. Днемъ епископы—спутники Маркіана пришли навѣстить его и не нашли его дома. Узнавъ, что онъ былъ отнесенъ въ темницу къ Григорію, они пошли туда и, увидя Маркіана здоровымъ, сидящимъ и бесѣдующимъ съ Григоріемъ, изумились и сказали Григорію:

— Благословенъ ты, отецъ Григорій, ибо удостоился благодати Божіей и дара исцѣленія человѣческихъ недуговъ.

Они съ любовію лобызали Григорія и спросили, сколько времени онъ сидитъ въ темницѣ. Онъ отвѣчалъ, что—два года и четыре мѣсяца. Епископы были очень недовольны тѣмъ, что папа столько времени держалъ неповиннаго мужа въ заключеніи, не произведши тщательнаго разслѣдованія. Они хотѣли вывести его изъ темницы, но онъ запретилъ имъ это, говоря, что ему невозможно безъ суда и приказанія папскаго оставить мѣста своего заключенія. Тогда епископы пошли и о всемъ доложили папѣ, который былъ очень удивленъ и смущенъ ихъ словами.

Послѣ этого папа велѣлъ собраться Собору въ храмъ святаго Ипполита, находившійся вблизи темницы. На Соборъ явилось епископовъ, вмѣстѣ съ папою, 154 и великое множество римскихъ иноковъ и гражданъ, такъ что всѣ не могли помѣститься въ церкви. Приведены были на Соборъ и обвинители съ Савиномъ

и Крискентомъ во главѣ, въ числѣ 110-ти. За святымъ Григоріемъ посланы были три епископа, пять пресвитеровъ и авва Маркъ, которые и привели его съ честію. Восточные епископы и хартофилаксъ, увидѣвъ Григорія, ставшаго предъ судомъ съ такимъ смиреніемъ, какъ будто онъ былъ уже осужденъ, заплакали отъ жалости.

Папа началъ допрашивать обвинителей:

— Какое обвиненіе возводите вы на вашего епископа? — спросилъ онъ ихъ.

— Мы застали его, Владыка,—безъ всякаго стыда отвѣчали они,—совершающимъ грѣхъ съ женщиною.

— Вы видѣли это своими глазами или вамъ объявила объ этомъ сама женщина? — продолжалъ папа допросъ.

— Мы, Владыка,—отвѣчали они,—вошли, по обычаю, поклониться епископу, застали женщину, спящей на его постели и взяли ее, а она уже въ присутствіи экзарха и народа призналась въ томъ, что грѣхъ дѣйствительно былъ совершенъ.

Епископы, прибывшіе съ Востока, потребовали, чтобы была приведена въ судъ сама женщина, которая и обличила бы Григорія предъ всѣмъ Соборомъ. Но обвинители возразили:

— Какъ же она можетъ обличить его, когда она—бѣсноватая? Съ тѣхъ поръ, какъ она согрѣшила съ епископомъ, ее мучаетъ бѣсъ.

Однако бѣсноватую привели на Соборъ. Два человѣка держали ее, и она, потерявъ отъ недуга разумъ, не сознавала, гдѣ находилась.

— На судѣ,—сказалъ папа, обращаясь къ клеветникамъ,—не допрашиваютъ бѣсноватыхъ и безумныхъ, но вы, несчастные, должны сказать истину.

— Мы уже сказали ее,—отвѣчали они:—теперь допрашивайте самого обвиняемаго, что̀ то онъ скажетъ о себѣ.

Тогда святый Григорій, вздохнувъ изъ глубины души, сказалъ:

— Воста́вше на мѧ̀ свидѣ́телє непра́веднїи, ꙗ҆̀же не вѣ́дѧхъ вопроша́хꙋ мѧ̀. Возда́ша мѝ лꙋка̑ваѧ воз̾ блага̑ѧ[1]).

Какъ только онъ произнесъ эти слова Псалма, женщина упала, мучимая бѣсомъ, и каталась у ногъ святаго, испуская пѣну и

[1]) Псал. 34, ст. 11—12.

впадая въ безчувствіе. Всѣ присутствовавшіе пришли въ ужасъ. Но святый, помолившись, сказалъ:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа и ради святыхъ отцовъ, собравшихся здѣсь, выйди, духъ нечистый, изъ твари Божіей, и пусть женщина, пришедши въ разумъ, скажетъ истину относительно меня!

Тотчасъ духъ сотрясъ женщину и вышелъ изъ нея. Женщина лежала, какъ мертвая, но святый взялъ ее за руку и поднялъ. Сначала ее спросили, какъ ее зовутъ, а затѣмъ хартофилаксъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Знаешь ли ты своего епископа?

Она отвѣчала:

— Знаю очень хорошо, такъ какъ много разъ видѣла его, когда онъ обходилъ городъ, посѣщая нищихъ, больныхъ и сиротъ и раздавая обильную милостыню. И сама я, окаянная, не разъ удостоивалась получать отъ него милость.

— Сотворилъ ли когда-нибудь вашъ епископъ грѣхъ съ тобой? — продолжали допрашивать ее.

Вздохнувъ изъ глубины сердца и прослезившись, она возвысила голосъ и воскликнула:

— Живъ Господь силъ,—онъ не зналъ меня никогда, и только два эти лукавые человѣка, стоящіе предъ вами, Савинъ и Крискентъ, обѣщаніемъ большихъ денегъ заставили меня наклеветать на праведнаго мужа! Богъ воздастъ имъ и за мой грѣхъ — за то, что они ввели меня въ такое злоключеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ эти коварные искусители обошли меня и я склонилась на ихъ рѣчи, я нахожусь съ великой напасти: бѣсъ вошелъ въ меня и мучаетъ меня донынѣ.

Сказавъ это, она поверглась къ ногамъ святаго и со слезами говорила ему:

— Помилуй меня, рабъ Божій, и прости меня, окаянную, тяжко согрѣшившую предъ тобою! Клянусь Господомъ Богомъ моимъ,—я не встану отъ твоихъ ногъ, пока ты не пообѣщаешь мнѣ прощеніе!

Онъ отвѣчалъ ей:

— Не наше дѣло—прощать грѣхи, а—Единаго только Премилосерднаго Бога, а намъ должно только умолять Его о прощеніи прегрѣшеній,—и я буду молить Его, Всеблагаго, простить тебѣ твои грѣхи.

Епископъ поднялъ женщину съ земли. Изумленіе и страхъ напали на всѣхъ, бывшихъ на Соборѣ, и всѣ благословляли Бога, восклицая:

— Благословенъ Господь Богъ, явившій раба Своего и обличившій ложную клевету!

Папа и всѣ епископы были сильно раздражены на клеветниковъ и начали укорять и стыдить ихъ, а затѣмъ приказали раздѣлить ихъ на двѣ части: клириковъ съ Савиномъ и Крискентомъ и мірянъ (первыхъ всего было тридцать человѣкъ, а послѣднихъ—восемьдесятъ), Евдокію, солгавшую на невиннаго, судъ освободилъ отъ наказанія—какъ уже ранѣе наказанную Богомъ, такъ какъ, по попущенію Его, бѣсъ мучилъ ее уже два съ половиною года,—а виновниковъ злодѣянія осудили на изгнаніе: Савина—во Ѳракію, Крискента—въ Испанію, а прочіе клирики съ безчестіемъ сосланы были въ Равенну[1]) и должны были жить тамъ въ заключеніи и нуждѣ. Мірянъ—противниковъ Григорія судъ передалъ присланному императоромъ сановнику Маркіану, а онъ посадилъ ихъ всѣхъ въ тюрьму, намѣреваясь впослѣдствіи подвергнуть ихъ тяжкимъ наказаніямъ; но когда солдаты повлекли ихъ въ тюрьму, всѣ они зарыдали и громко взывали къ преподобному:

— Помилуй насъ, рабъ Христовъ, не отдавай насъ на лютыя муки!

И святый Григорій, бывшій человѣкомъ крайне незлопамятнымъ, упалъ на колѣна предъ папою и всѣмъ Соборомъ и со слезами умолялъ помиловать его враговъ и не наказывать ихъ изъ-за него; и до тѣхъ поръ не переставалъ онъ молить и плакать, пока всѣ, прослезившись, не сказали:

— Если ты прощаешь ихъ и просишь за нихъ, то мы—обезоружены.

И велѣли стражи оставить ихъ въ покоѣ. Но когда всѣ клеветники стояли предъ Соборомъ, внезапно поднялась сильнѣйшая буря, потряслась земля, померкъ воздухъ и тьма покрыла всѣхъ. Бывшіе на Соборѣ въ ужасѣ думали, что земля разсядется и пожретъ ихъ, и, воздѣвъ руки, взывали: «Господи, помилуй!» Буря прекратилась, и сдѣлалось свѣтло и тотчасъ на клеветникахъ обнаружилось наказаніе Божіе: у всѣхъ у нихъ лица стали черными, какъ бы сажа, а у Савина и Крискента, кромѣ того, губы

---

[1]) *Равенна*—городъ съ гаванью и крѣпостью при Адріатическомъ морѣ, на сѣверо-восточномъ берегу Аппенинскаго полуострова. Равенна существуетъ доселѣ и представляетъ главный цвѣтущій городъ Итальянской области того же имени.

оттянулись внизъ такъ, что нельзя имъ было уже свести ихъ и говорить: такъ постигъ ихъ Гнѣвъ Божій. Весь Соборъ, при видѣ такого чуда, возгласилъ:

— Ны́нѣ позна́хомъ, ꙗ҆́кѡ сп҃сѐ гдⷭ҇ь хрⷭ҇та̀ своегѡ̀, ᲂу҆слы́ша є҆го̀ съ нб҃сѐ ст҃а́гѡ своегѡ̀, въ си́лахъ сп҃се́нїе десни́цы є҆гѡ̀[1]).

Послѣ этого папа сказалъ клеветникамъ:

— Слушайте, жалкіе! Вотъ, вы сдѣлались подобными отцу вашему діаволу, древле омраченному, за то что оклеветали праведнаго и святаго мужа. Посему повелѣваю вамъ: съ нынѣшняго дня будьте рабами епископа Акрагантійскаго и его преемниковъ, вы, и дѣти ваши и все потомство ваше довѣка; да не будетъ никто изъ вашего потомства іереемъ и даже клирикомъ вообще; и всякій епископъ, который осмѣлится поставить кого-нибудь изъ вашего племени іереемъ, діакономъ, вообще—клирикомъ, зная о вашемъ теперешнемъ беззаконномъ поступкѣ,—да будетъ подъ клятвою.

Съ этимъ судомъ папы согласился весь Соборъ. А женщина, оклеветавшая святаго, упала на землю и съ плачемъ взывала къ епископамъ:

— Смилуйтесь надо мною, отцы святые,—отдайте меня въ женскій монастырь: я уже не могу возвратиться въ свой городъ!

Согласно ея просьбѣ она была отдана въ монастырь святой мученицы Кикиліи и приняла ангельскій образъ, въ которомъ прожила въ постоянныхъ подвигахъ 22 года, и скончалась, раскаявшись во всѣхъ грѣхахъ своихъ.

Оправданіе Григорія возбудило всеобщую радость. Между тѣмъ, наступилъ девятый часъ, и папа велѣлъ святому совершить Божественную Литургію. Во время совершенія ея многіе изъ епископовъ—наиболѣе достойные—видѣли благодать Святаго Духа, осѣняющую Григорія. По окончаніи Литургіи всѣмъ была предложена, на иждивеніе папы, обильная трапеза, и всѣ ѣли и пили во славу Божію.

Въ то же время совершилось въ Римѣ слѣдующее чудо. Десять громадныхъ отборныхъ деревьевъ, назначенныхъ для украшенія храма святыхъ Апостоловъ Петра и Павла и пригнанныхъ по Тибру[2]), остановились среди рѣки, какъ бы упершись во что-

---

1) Псал. 19, ст. 7.

2) *Тибръ*—одна изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ средней Италіи; на ней стоитъ столица Италіи—Римъ.

нибудь или—задержанные желѣзными якорями, и, занявъ собою поперекъ почти всю рѣку, мѣшали судамъ проходить выше. Много разъ жители города пытались общими силами вытащить эти деревья и—не могли, такъ какъ имъ препятствовала какая-то невидимая сила. Наконецъ, самъ папа попросилъ святаго Григорія, чтобы онъ своею молитвою двинулъ эти деревья. Святый послушался и пошелъ къ рѣкѣ въ сопровожденіи множества народа. По пути къ рѣкѣ онъ увидѣлъ раскаленную печь и, свернувъ съ дороги, набралъ горячихъ угольевъ въ полу своей мантіи и понесъ; когда онъ дошелъ до упомянутыхъ деревьевъ, бросилъ на уголья ладанъ и кадилъ съ молитвою, какъ кадильницею, пылающей полою мантіи, которая, подобно купинѣ Моисея, горѣла и не сгорала. Затѣмъ онъ велѣлъ народу вытаскивать деревья на берегъ, причемъ деревья сдѣлались необыкновенно легкими и какъ будто двигались сами собою, такъ что ихъ безъ всякаго затрудненія вынули изъ рѣки. На нихъ нашли слѣдующую надпись: «*пять деревьевъ святому Апостолу Петру и пять—святому Апостолу Павлу*».

Потомъ папа опять собралъ епископовъ, послѣ сего еретикъ Елевсій былъ осужденъ и сосланъ въ Испанію, а святый Григорій съ почестями отпущенъ въ Акрагантъ, но сначала онъ направился въ Константинополь, гдѣ былъ принятъ подобающимъ образомъ императоромъ и Патріархомъ, и тогда уже только возвратился въ Сицилію. Жители Акраганта устроили ему торжественную встрѣчу, но святый отказался войти въ оскверненную еретиками церковь и въ епископскій домъ и выстроилъ новый прекрасный храмъ во имя святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, а для себя устроилъ новый епископскій домъ, въ которомъ долго жилъ, доблестно пася стадо Христово.

Много поучительныхъ словъ написалъ святый Григорій и сотворилъ чудесъ; и въ глубокой старости оставилъ земную жизнь[1]) и получилъ—вѣчную небесную вмѣстѣ со Христомъ Господомъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Кондакъ стѝтелѧ, гласъ д҃:

Свѣтолѹ́чными сїѧ́нїи цр҃ковь ст҃а́гѡ дх҃а, свѣтово́дитъ, свѣ́тлое соверша́ющыѧ твоѐ ѹ҆спе́нїе, прп҃бне ѻ҆́тче всеблаже́нне григо́рїе.

---

[1]) Въ концѣ VI или въ началѣ VII вѣка.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

СИСИНІЯ

Святый мученикъ Сисиній происходилъ изъ города Кизика[1]). Онъ претерпѣлъ мученія въ царствованіе Діоклетіана отъ правителя города Александра. За исповѣданіе Христа онъ былъ привязанъ къ дикимъ конямъ, былъ битъ безъ милосердія, причемъ въ ноздри ему лили крѣпкій уксусъ. Онъ претерпѣлъ и другія многочисленныя мученія и совершилъ среди собранія великія чудеса. Послѣ сего ему усѣкли главу мечомъ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ΘЕОДОРА

Святый Θеодоръ жилъ въ городѣ Антіохіи[2]) и занимался торговлей. По повелѣнію императора Юліана Отступника[3]) онъ былъ заключенъ подъ стражу мѣстнымъ областеначальникомъ по слѣдующему случаю.

Во время перенесенія святыхъ мощей мученика Вавилы и другихъ мучениковъ, лежащихъ въ Дафнѣ[4]), христіане, между которыми былъ святый Θеодоръ, неся святыя мощи, пѣли стихи изъ Псалмовъ Давида:

— **Да постыдѧ́тсѧ всѝ кла́нѧющїисѧ и҆стꙋка̑ннымъ**[5]).

За это святый Θеодоръ былъ схваченъ. Его повѣсили на деревѣ, били воловьими жилами по плечамъ и, надѣвъ на него желѣзныя вериги, заключили въ темницу. Наутро Юліанъ узналъ отъ епарха, что мученія, которыя святый Θеодоръ переноситъ за Христа, доставляютъ язычникамъ укоризну и поношеніе, а гонимымъ (христіанамъ)— славу и радость. Тогда богоненавистникъ приказалъ выпустить

1) *Кизикъ*—городъ на одномъ изъ полуострововъ Пропонтиды, въ Греціи.
2) Объ *Антіохіи* см. на стр. 114 прим. 2.
3) *Юліанъ Отступникъ* царствовалъ съ 361 по 363 г.
4) *Дафна*—предмѣстье Антіохіи.
5) Псал. 69, ст. 7.

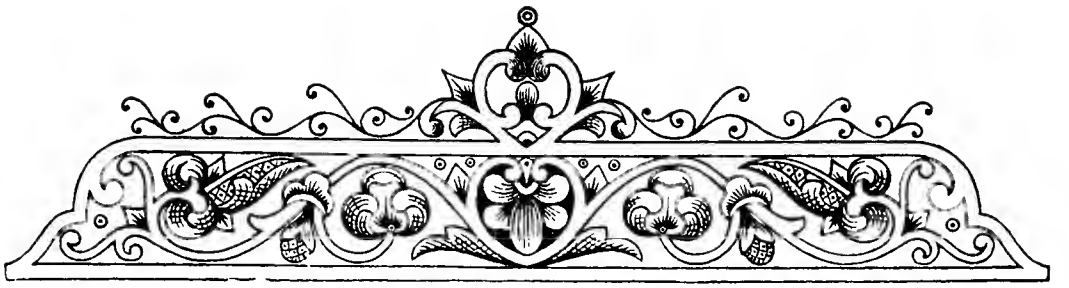
святаго Θеодора изъ темницы. Святый Θеодоръ, когда его разспрашивали о жестокихъ мученіяхъ, которыя онъ претерпѣлъ, говорилъ, что онъ сначала ощущалъ небольшую боль. Потомъ явился ему нѣкто и, отирая потъ съ его лица бѣлымъ какъ снѣгъ благовоннымъ полотенцемъ, повелѣвалъ ему мужаться, такъ что, когда палачи прекращали мученія,—святый не радовался, а начиналъ чувствовать боль и желалъ быть опять мучимымъ.

И дѣйствительно, мучители видѣли Ангела, ходившаго къ святому Θеодору и укрѣплявшаго его.

Безбожный царь Юліанъ за свои жестокости былъ наказанъ смертію во время войны съ Персами, святый же Θеодоръ, радуясь, почилъ о Господѣ.

Въ тотъ же день память святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Въ тотъ же день память святаго Митрофана, перваго епископа Воронежскаго.



День двадцать четвертый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ

Въ царствованіе нечестиваго императора римскаго Максимина[1]) въ городѣ Александріи[2]) жила дѣвица, по имени Екатерина, происходившая изъ царскаго рода[3]). Она была замѣчательно красива и славилась своею премудростію. Будучи только восемнадцати лѣтъ отъ роду, Екатерина въ совершенствѣ изучила творенія всѣхъ языческихъ писателей и всѣхъ древнихъ стихотворцевъ и философовъ, какъ напримѣръ: Гомера, Виргилія, Аристотеля, Платона и другихъ. И не только хорошо знала Екатерина сочиненія мудрецовъ древности, но она изучила также сочиненія знаменитѣйшихъ врачей, какъ напримѣръ: Асклипія, Гиппократа и Галина; кромѣ того, она научилась всему ораторскому и діалектическому искусству и знала также многіе языки и нарѣчія, такъ что всѣ дивились ея учености и познаніямъ. Многіе богатые и знатные

---

1) *Максиминъ* царствовалъ съ 305 по 313 г.

2) *Александрія*—городъ въ Египтѣ, при западномъ рукавѣ рѣки Нила; основана Александромъ Македонскимъ въ 331 году до Р. Хр.

3) По своей національности Екатерина принадлежала къ александрійскимъ грекамъ. Объ этомъ можно догадываться по древнѣйшимъ спискамъ ея житія; да и самое имя великомученицы—греческое (Αἰκαθαρίνα—всегда чистая). *Екатерина*—уже нѣсколько видоизмѣненное наименованіе.

люди сватались за нее и съ этою цѣлію приходили къ матери ея, тайной христіанкѣ, скрывавшей свою вѣру по причинѣ жестокаго гоненія, воздвигнутаго въ то время на вѣрующихъ Максиминомъ. Родственники и мать часто совѣтовали Екатеринѣ выдти замужъ, чтобы царское наслѣдіе отца ея не перешло въ руки кому-либо чужому, чрезъ что они лишились бы окончательно сего наслѣдія. Но Екатерина, какъ мудрая дѣвица, въ своемъ сердцѣ твердо рѣшила сохранить во всю жизнь чистоту дѣвства и крайне не хотѣла замужества. Когда же родные ея начали усиленно уговаривать Екатерину вступить въ бракъ, она сказала имъ:

— Если вы хотите, чтобы я вышла замужъ, то найдите мнѣ такого юношу, который обладалъ бы тѣми четырьмя дарованіями, которыми я, какъ вы знаете, превосхожу всѣхъ прочихъ дѣвицъ; и тогда я соглашусь избрать его въ супруги; а выдти замужъ за человѣка, который въ чемъ-либо былъ бы хуже и ниже меня, я не желаю. Итакъ, поищите повсюду, не найдете ли такого юноши, который былъ бы подобенъ мнѣ по знатности рода, по богатству, по красотѣ и по мудрости; всякій же юноша, не имѣющій хотя одного изъ сихъ дарованій, недостоинъ меня.

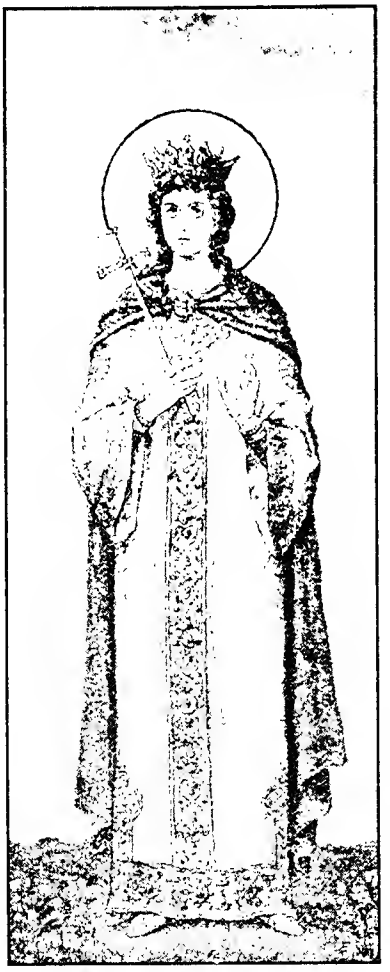
Домашніе Екатерины, видя, что невозможно найти такого юношу, замѣтили ей, что царскіе сыновья и другіе знатные искатели ея руки могутъ сдѣлаться еще благороднѣе и богаче, если вступятъ съ нею въ бракъ, но по красотѣ и по мудрости никто съ ней не можетъ сравниться. А Екатерина говорила имъ на это:

— Я хочу имѣть женихомъ своимъ не инаго, какъ только равнаго мнѣ по учености.

Видя непреклонность своей дочери, мать рѣшилась испытать еще средство. Она прибѣгла къ совѣту своего духовнаго отца, мужа благочестиваго и святаго, который жилъ въ сокровенномъ мѣстѣ, за городомъ. Она взяла съ собою Екатерину и пошла съ нею къ тому праведному мужу. Онъ же, увидѣвъ прекрасную отроковицу и услышавъ ея мудрыя, хотя и скромныя рѣчи, возымѣлъ намѣреніе научить ее познанію Христа, Царя Небеснаго.

— Знаю я,—сказалъ онъ ей,—одного чуднаго Юношу, Который несравненно превосходитъ тебя во всѣхъ твоихъ дарованіяхъ. Красота Его свѣтлѣе солнечнаго свѣта; премудрость Его управляетъ всѣми чувственными и духовными созданіями; богатство Его сокровищъ распространено по всему міру и никогда не уменьшается, но, по мѣрѣ раздаянія, все болѣе и болѣе увеличивается; а вы-

сота Его рода неизреченна и непостижима. Во всемъ мірѣ нѣтъ подобнаго Ему.



Ст҃а́ѧ великомч҃ница
Є҆катері́на

Внимая симъ словамъ старца, Екатерина подумала, что онъ говоритъ ей о какомъ-нибудь земномъ князѣ,—она смутилась, измѣнилась въ лицѣ и спросила старца:

— Правда ли все то, что̀ ты мнѣ говоришь?

Онъ отвѣчалъ, что все это правда, и прибавилъ, что тотъ Юноша обладаетъ еще другими, бо́льшими дарованіями, которыхъ невозможно и перечислить. Отроковица спросила его:

— Чей же сынъ восхваляемый тобою Юноша?

Старецъ отвѣтилъ ей:

— Онъ не имѣетъ отца на землѣ, но родился неизреченно и сверхъестественно отъ одной честнѣйшей родомъ Пресвятой и Пречистой Дѣвы. Она сподобилась родить такого Сына за Свою величайшую чистоту и святость; Она пребываетъ безсмертной душею и тѣломъ и вознесена выше небесъ, гдѣ Ей поклоняются всѣ святые Ангелы какъ Царицѣ всей твари.

Екатерина спросила старца:

— Возможно ли мнѣ видѣть того Юношу, о которомъ ты сообщаешь такъ много чудеснаго?

— Если ты сдѣлаешь то, что̀ я скажу тебѣ, — отвѣтилъ ей старецъ,— то сподобишься узрѣть пресвѣтлое Лице Его.

Екатерина сказала ему на сіе:

— Вижу я, что ты человѣкъ разумный и старецъ почтенный, и потому вѣрю, что ты говоришь правду. Я готова исполнить все, что ты повелишь мнѣ, только бы увидѣть мнѣ Того, Кого ты такъ восхваляешь.

Тогда старецъ далъ ей икону Пресвятой Богородицы, держащей въ Своихъ объятіяхъ Божественнаго Младенца, и сказалъ ей:

— Вотъ изображеніе Дѣвы и Матери Того, о Которомъ я сообщилъ тебѣ такъ много чудеснаго. Возьми сіе изображеніе къ себѣ домой и, затворивъ двери комнаты твоей, съ благоговѣніемъ вознеси усердную молитву къ сей Дѣвѣ, имя Которой—Марія; умоли Ее, чтобы Она благоволила показать тебѣ Сына Своего. Я уповаю, что, если ты съ вѣрою Ей о томъ помолишься, Она услышитъ тебя и сподобитъ увидѣть Того, къ Коему стремится душа твоя.

Тогда отроковица Екатерина, взявъ святую икону, возвратилась домой и ночью, уединившись въ комнатѣ своей, начала молиться такъ, какъ научилъ ее старецъ. Во время продолжительной молитвы Екатерина уснула отъ утомленія и узрѣла въ видѣніи Царицу Небесную въ томъ видѣ, какъ Она изображена была на иконѣ вмѣстѣ со святымъ Младенцемъ, окруженнымъ лучезарнымъ сіяніемъ. Екатерина не могла видѣть лика Его, ибо Онъ отвратилъ его отъ нея и обратилъ его къ Матери Своей. Стараясь увидѣть Его, Екатерина зашла съ другой стороны, но Христосъ и оттуда отвратилъ отъ нея лицо Свое. Сіе повторилось три раза. Послѣ того Екатерина услышала, что Богоматерь сказала Сыну Своему:

— Воззри, Чадо мое, на рабу Твою Екатерину, какъ она прекрасна и добра.

А Богомладенецъ отвѣтилъ Ей:

— Нѣтъ, сія отроковица весьма помрачена и такъ безобразна, что Я не могу смотрѣть на нее.

Тогда Пресвятая Богородица опять сказала Господу:

— Развѣ сія дѣвица не мудрѣе всѣхъ философовъ? Развѣ она не превосходитъ своимъ богатствомъ и знатностію рода всѣхъ дѣвицъ?

Но Христосъ отвѣчалъ ей на сіе:

— Опять скажу Тебѣ, Матерь Моя, что сія дѣвица безумна, бѣдна и худородна, и Я до тѣхъ поръ не буду взирать на нее, пока она не оставитъ своего нечестія.

На сіе Преблагословенная Матерь Господа сказала Ему:

— Молю Тебя, сладчайшее Чадо Мое, не презри созданія Твоего, но вразуми ее и научи, что ей нужно дѣлать, дабы насладиться славою Твоею и узрѣть Твое пресвѣтлое и превожделѣнное Лицо, на Которое всѣ Ангелы взирать желаютъ.

Тогда Христосъ отвѣчалъ:

— Пусть идетъ она къ тому старцу, который далъ ей икону, и пусть сдѣлаетъ то, что повелитъ онъ ей, и тогда она узритъ Меня и обрѣтетъ благодать предо Мною.

Увидѣвъ и услышавъ все сіе, Екатерина пробудилась отъ сна и дивилась тому видѣнію. Когда наступило утро, она пошла съ немногими рабынями своими въ келлію святаго старца и, припавъ со слезами къ ногамъ его, повѣдала ему о своемъ видѣніи и умоляла его сказать, что ей нужно дѣлать, дабы узрѣть желаемаго ею Жениха-Христа.

Преподобный старецъ подробно научилъ ее всѣмъ тайнамъ истинной вѣры христіанской, начиная отъ сотворенія міра и созданія праотца Адама и до Втораго Пришествія на землю Владыки Христа, а также повѣдалъ ей о неизреченной райской славѣ праведниковъ и о многоболѣзненныхъ безконечныхъ мученіяхъ грѣшниковъ. Какъ дѣвица премудрая, богопросвѣщенная и жаждавшая Истины и спасенія, Екатерина уразумѣла вскорѣ все христіанское ученіе, увѣровала отъ всего сердца въ Іисуса Христа и приняла отъ того же старца Святое Крещеніе. Послѣ того старецъ заповѣдалъ ей снова помолиться со многимъ усердіемъ къ Пречистой Богородицѣ, чтобы Она еще разъ явилась ей, какъ въ первую ночь.

Такимъ образомъ, совлекшись ветхаго[1]) человѣка и облекшись въ одежду обновленія духа, Екатерина возвратилась въ домъ свой и всю ночь провела въ слезной молитвѣ, пребывая безъ пищи, пока не заснула. И вотъ, снова видитъ она Царицу Небесную съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Младенецъ взиралъ на Екатерину съ великою благостію и кротостію. Богоматерь спросила Сына Своего:

— Угодна ли Тебѣ, Сынъ Мой, сія дѣвица?

Господь отвѣтилъ Пречистой Матери Своей:

— Весьма угодна, ибо теперь она прекрасна и славна, а не безобразна и безчестна, какъ прежде; нынѣ она богата и премудра, а не бѣдна, какою была сначала; нынѣ Я возлюбилъ ее, и такъ она угодна Мнѣ, что Я хочу обручить ее Себѣ въ нетлѣнную невѣсту.

Тогда Екатерина пала на землю и воскликнула:

— Недостойна я, Преславный Владыко, увидѣть Царствіе Твое, но сподоби меня быть хотя съ рабами Твоими.

---

[1]) Сравн.: Посл. къ Колос., гл. 3, ст. 9.

Въ это время Пресвятая Богородица взяла правую руку отроковицы и сказала Сыну Своему:

— Дай ей, Чадо Мое, обручальный перстень въ знакъ Твоего обрученія съ нею, уневѣсти ее Себѣ, дабы сподобить ее Царствія Своего.

Тогда Владыка Христосъ далъ прекраснѣйшій перстень Екатеринѣ и сказалъ:

— Вотъ, Я нынѣ избираю тебя Моею невѣстою, нетлѣнною и вѣчною. Итакъ, сохрани съ великимъ тщаніемъ этотъ союзъ ненарушимо и отнюдь не избирай себѣ никакого земнаго жениха.

Послѣ сихъ словъ Христа Господа видѣніе окончилось. Отроковица пробудилась и ясно увидѣла на правой рукѣ своей чудный перстень. Она почувствовала въ сердцѣ своемъ такое веселіе и такую радость, что съ того часа сердце ея предалось совершенно Божественной любви. И такая произошла въ ней великая перемѣна, что она уже не помышляла болѣе ни о чемъ земномъ, но только непрестанно днемъ и ночью размышляла о своемъ возлюбленномъ Женихѣ, и Его одного желала, о Немъ одномъ поучалась наяву и во снѣ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Екатерина обратилась въ христіанство, прибылъ въ Александрію нечестивый царь Максиминъ, имѣвшій ревность не по разуму о своихъ бездушныхъ богахъ, будучи самъ какъ бы безчувственнымъ и безсловеснымъ. Желая устроить въ честь сихъ боговъ торжественный праздникъ, онъ разослалъ по окрестнымъ странамъ и городамъ приказъ собраться всѣмъ подданнымъ для принесенія жертвъ, чтобы почтить боговъ всенародно. Собралось безчисленное множество людей, причемъ каждый велъ, кто что могъ, для жертвоприношенія: кто—воловъ, кто—овецъ, а кто былъ не въ состояніи, тѣ принесли птицъ или еще что-либо подобное. Когда наступилъ день мерзкаго торжества, царь заклалъ въ жертву сто тридцать тельцовъ, князья и вельможи—меньше, и каждый приносилъ въ жертву, что могъ. Весь городъ наполнился криками закалаемыхъ животныхъ и смрадомъ отъ приносимыхъ жертвъ; повсюду была страшная тѣснота и смятеніе, и воздухъ былъ пропитанъ смраднымъ дымомъ. Когда сіе происходило, благочестивая и прекраснѣйшая Екатерина, при видѣ такого пагубнаго соблазна душъ человѣческихъ, жестоко была уязвлена въ сердцѣ своемъ, скорбя объ ихъ погибели. Горя Божественною ревностію, она взяла съ собою нѣсколькихъ рабовъ и пошла въ

храмъ, гдѣ безумцы приносили жертвы. Когда она встала въ дверяхъ, то всѣ устремили на нее свои взоры, ибо она блистала своею необычайною красотою, которая свидѣтельствовала о ея внутренней красотѣ душевной. Она велѣла извѣстить царя, что имѣетъ сказать ему весьма нужное слово. Царь велѣлъ ей подойти къ себѣ. Ставъ передъ царемъ, Екатерина сначала поклонилась ему, воздавъ подобающую честь, потомъ сказала:

— Царь, познай соблазнъ, въ который вы вовлечены бѣсами. Вы почитаете богами идоловъ тлѣнныхъ и безчувственныхъ и служите имъ. Великій стыдъ быть настолько слѣпымъ и безумнымъ, чтобы поклоняться такимъ мерзостямъ. Повѣрь хотя своему мудрецу Діодору[1]), который говоритъ, что боги ваши были нѣкогда людьми и скончали жизнь свою нечестиво, но ради нѣкоторыхъ дѣяній, совершенныхъ ими при жизни, люди устроили имъ памятники и статуи. Послѣдующія же поколѣнія, не зная мысли своихъ праотцевъ, которые только ради воспоминанія поставили имъ эти памятники, но, думая, что самая вещь благочестна и благоприлична, начали поклоняться имъ, какъ богамъ. И знаменитый Плутархъ Херонейскій[2]) гнушался этими богами и презиралъ ихъ. Повѣрь же, царь, хотя симъ учителямъ своимъ и не будь виновникомъ погибели столькихъ душъ, за что ты подвергнешься вѣчнымъ мученіямъ. Познай Единаго Истиннаго Бога, Присносущнаго, Пребезначальнаго и Безсмертнаго, Который напослѣдокъ лѣтъ принялъ на Себя плоть человѣческую ради нашего спасенія. Имъ цари царствуютъ, страны управляются и весь міръ держится. Его единымъ Словомъ все было создано и сохраняетъ свое бытіе. Сей всесильный и преблагій Богъ не требуетъ жертвъ, подобныхъ вашимъ, и не ублажается закаланіемъ неповинныхъ жертвъ, но только требуетъ, чтобы мы хранили Его Заповѣди твердо и непоколебимо.

Слыша сіе, царь воспламенился сильнымъ гнѣвомъ и сначала долго хранилъ молчаніе. Потомъ же, будучи не въ силахъ отвѣтить на ея слова, сказалъ:

— Оставь насъ въ эти дни совершать жертвоприношеніе, а потомъ мы послушаемъ твоихъ рѣчей.

---

1) *Діодоръ Сицилійскій*—извѣстный языческій писатель, историкъ и философъ, отличавшійся своимъ безпристрастіемъ и глубокою наблюдательностію.

2) *Плутархъ Херонейскій*—знаменитый греческій историкъ. *Херонея*—городъ въ Средней Греціи.

Окончивъ свое богопротивное торжество, нечестивый царь велѣлъ привести святую Екатерину въ свои царскія палаты и сказалъ ей:

— Скажи намъ, дѣвица, кто ты, и повтори, что̀ ты говорила намъ прежде?

— Я — царская дочь, — отвѣчала святая, — называюсь Екатериною. Прежде я съ великою любовію занималась различными науками: изучала сочиненія риторскія, философскія, геометрію и другія науки, но теперь все сіе я презираю — какъ занятіе суетное и безполезное, и содѣлалась невѣстою Владыки Христа, Который чрезъ Своего Пророка Исаію сказалъ: «Погꙋблю̀ премꙋдрость премꙋдрыхъ, и̑ ра́зꙋмъ разꙋмныхъ сокры́ю»[1]).

Царь дивился ея рѣчамъ, ея необыкновенному уму, но еще болѣе поразился ея замѣчательною красотою и подумалъ, что она не смертными родителями рождена, а тѣми богами, которыхъ онъ почитаетъ. Едва соглашаясь вѣрить, что дѣвица такой неописуемой красоты рождена отъ земнородныхъ, онъ, пораженный ея красотою и смотря на нее безстыднымъ взоромъ, началъ говорить соблазнительныя слова. Святая же, проникая его беззаконные помыслы, сказала ему:

— Бѣсы, которыхъ вы почитаете за боговъ, прельщаютъ васъ и увлекаютъ въ безсмысленныя похоти; я же считаю себя землею и прахомъ; Богъ создалъ меня по образу и по подобію Своему и надѣлилъ меня такою красотою, чтобы люди дивились премудрости Создателя, Который столь ничтожному и бренному лицу могъ даровать такую мудрость и красоту.

Царь озлобился сими словами ея и сказалъ:

— Не говори такъ худо о богахъ, имѣющихъ безсмертную славу.

Но святая возразила ему:

— Если ты желаешь хотя немного разсѣять мглу и помраченіе прелестію, то пойми все ничтожество своихъ боговъ и познай Бога Истиннаго. Одно произнесеніе только Имени Его или одинъ только Крестъ, изображенный въ воздухѣ, прогоняетъ твоихъ боговъ и сокрушаетъ ихъ; и если ты хочешь, я докажу тебѣ ясно истину моихъ словъ.

---

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 29, ст. 14.

Царь, видя ея свободную рѣчь и боясь быть побѣжденнымъ и посрамленнымъ ея словами, сказалъ ей:

— Неприлично царю бесѣдовать съ женщинами. Но я соберу мудрѣйшихъ философовъ для бесѣды съ тобою, и ты узнаешь ничтожество своихъ мнѣній, и увѣруешь въ наши ученія.

Сказавъ сіе, онъ приказалъ со всею строгостію стеречь святую дѣвицу. Самъ же тотчасъ послалъ по всѣмъ подвластнымъ городамъ такое предписаніе:

— Я, царь Максиминъ, мудрѣйшимъ философамъ и витіямъ, въ моихъ областяхъ находящимся, желаю радоваться. Всѣ, кто только служитъ мудрѣйшему богу Гермесу[1]) и кто призываетъ наставницъ разуму—музъ[2]), соберитесь ко мнѣ, дабы заградить уста одной премудрой дѣвицы, которая появилась въ сіи дни и насмѣхается надъ великими богами, называя всѣ дѣянія ихъ баснями и пустословіемъ. Итакъ,—приходите, дабы показать всю вашу мудрость, за что васъ прославятъ люди, отъ меня же вы получите награду за свой трудъ.

И вотъ собрались, въ количествѣ пятидесяти человѣкъ, избранные и мудрѣйшіе витіи, отличавшіеся большою остротою ума и великою силою въ словѣ. Царь обратился къ нимъ съ такими словами:

— Приготовьтесь со всею тщательностію и внимательностью къ доблестному состязанію съ одной дѣвицею такъ, чтобы вы могли преодолѣть ее своими доказательствами въ спорѣ о богахъ; не пренебрегайте тѣмъ, что будете вести бесѣду съ юною дѣвою, но приложите все ваше стараніе и покажите вашу мудрость такъ, какъ бы пришлось вамъ противостоять мужественному противнику и мудрѣйшему оратору; потому что она, какъ я осторожно выпыталъ, превосходитъ мудростію самого великаго Платона[3]). Посему умоляю васъ, покажите въ спорѣ съ ней такое же стараніе, ка-

---

1) *Гермесъ* (Эрмій), или *Меркурій*,—считался вѣстникомъ боговъ, покровителемъ торговли и ораторовъ и былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ языческихъ боговъ. Такъ, невѣжественное народонаселеніе городовъ Листры и Ликаоніи было настолько поражено чудесами Апостоловъ Павла и Варнавы, что назвало Варнаву Зевесомъ, а Павла Эрміемъ, *потому что онъ начальствовалъ въ словѣ*. (Дѣян., гл. 14, ст. 12).

2) Богини, считавшіяся покровительницами наукъ и искусствъ.

3) *Платонъ*—извѣстный греческій философъ IV вѣка до Р. Хр., современникъ и учитель извѣстнаго греческаго философа—Аристотеля. Платонъ—ученикъ знаменитаго и славнаго философа Сократа. Замѣчательно то, что въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ Платонъ, особенно въ ученіи о Богѣ, твореніи міра и загробной жизни, близко подходитъ къ христіанскому ученію.

кое бы вы имѣли, состязуясь съ самимъ этимъ мудрецомъ. Если вы побѣдите, то я вознагражу васъ великими дарами; если же вы будете побѣждены, то вамъ будетъ великій стыдъ, и вмѣсто даровъ вы примете мучительную смерть.

На эти слова царя одинъ, самый славнѣйшій и мудрѣйшій, витія отвѣтилъ:

— Не опасайся, царь: быть можетъ, противница наша и необыкновенно умна, но какъ женщина она не можетъ обладать мудростію въ полномъ совершенствѣ и быть вполнѣ искусною въ краснорѣчіи; повели ей только явиться къ намъ, и ты увидишь, что она, какъ только увидитъ такое множество философовъ и ораторовъ, такъ тотчасъ устыдится.

Услышавъ эту хвастливую рѣчь философа, царь успокоился и возвеселился, надѣясь, что нечестивый и надменный языкъ ученыхъ побѣдитъ исполненную кротости и Божественной премудрости дѣвицу. Онъ тотчасъ повелѣлъ привести ее къ себѣ. Собралось также множество народа слушать споръ христіанской дѣвицы съ языческими мудрецами. Но прежде, чѣмъ посланные успѣли придти къ Екатеринѣ, явился ей съ Небесъ Архангелъ Михаилъ и сказалъ:

— Не бойся, дѣва Господня! Господь твой къ премудрости твоей придастъ еще премудрость, и ты побѣдишь въ преніи тѣхъ пятьдесятъ витій. И не только они, но и многіе другіе увѣруютъ чрезъ тебя и примутъ мученическій вѣнецъ.

Сказавъ сіе, Ангелъ отошелъ.

Между тѣмъ къ Екатеринѣ пришли посланные царемъ и, взявъ ее, привели къ царю и философамъ на зрѣлище всѣмъ. И тотчасъ тотъ самонадѣянный философъ, который прежде такъ похвалялся, съ гордостію обратился къ святой Екатеринѣ:

— Это ты съ такою дерзостію и безуміемъ порицаешь боговъ нашихъ?

— Я,—кротко отвѣчала ему святая,—но не съ дерзостію и не съ безуміемъ, какъ ты сказалъ, а съ кротостію и по любви къ истинѣ говорю, что ваши боги—ничто.

Тогда философъ сказалъ ей:

— Великіе стихотворцы[1]) называютъ ихъ высшими богами, какъ же ты съ такою дерзостію произносишь хулу на тѣхъ, отъ

[1]) Здѣсь разумѣются Гомеръ, Виргилій и другіе поэты. Вообще, сказанія о своихъ богахъ язычники главнымъ образомъ почерпали изъ поэтическихъ произведеній.

которыхъ сама приняла премудрость и сладости даровъ которыхъ ты вкусила?

— Я не отъ вашихъ боговъ,—отвѣчала Екатерина,—но отъ моего Единаго Истиннаго Бога получила премудрость. Онъ и Самъ есть Премудрость и Жизнь, и если кто боится, и хранитъ Его Божественныя повелѣнія, тотъ есть истинный философъ. Дѣла же вашихъ боговъ и сказанія о нихъ достойны смѣха и порицанія и преисполнены соблазна. Да и кто изъ твоихъ великихъ стихотворцевъ, скажи мнѣ, и въ какихъ выраженіяхъ называетъ ихъ богами?

— Мудрѣйшій Гомеръ[1]),—отвѣчалъ мудрецъ,—обращаясь съ молитвою къ Зевсу[2]), первый говоритъ такъ: «Славнѣйшій Зевесъ, превеликій богъ, и вы прочіе безсмертные боги». А Орфей[3]) преславный, обращаясь съ благодарностію къ Аполлону[4]), говоритъ такъ: «О сынъ Латоновъ, стрѣляющій издалека! Сильный Фебъ, на все смотрящій и царствующій надъ смертными и безсмертными, солнце на златыхъ крыльяхъ парящее». — Вотъ какъ,—сказалъ языческій мудрецъ, кончая свою рѣчь,—самые первые и славнѣйшіе стихотворцы почитали боговъ и ясно называли ихъ безсмертными; посему не должна заблуждаться и ты, и поклоняться Распятому, какъ Богу[5]); никто изъ древнихъ мудрецовъ не только не называлъ и не признавалъ Его Богомъ, но даже и не зналъ о Немъ.

Святая Екатерина отвѣчала:

— Но вѣдь тотъ же Гомеръ вашъ въ другомъ мѣстѣ о великомъ твоемъ богѣ Зевсѣ говоритъ, что онъ былъ лукавый и лживый обманщикъ и что другіе боги—Гера, Посейдонъ и Аѳина[6])

---

1) *Гомеръ*—одинъ изъ славнѣйшихъ поэтовъ греческихъ, жившій задолго до Р. Хр. Написалъ знаменитыя поэмы: «Иліаду» и «Одиссею».

2) *Зевсъ* (или *Юпитеръ*) — греко-римскій богъ, почитавшійся язычниками властителемъ неба и земли, отцемъ всѣхъ боговъ и людей.

3) *Орфей*—легендарная личность, которая пользовалась особымъ уваженіемъ у язычниковъ.

4) *Аполлонъ*, или *Фебъ*,—сынъ Зевса и Латоны, одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ греко-римскихъ языческихъ боговъ. Почитался богомъ Солнца и умственнаго просвѣщенія, а также благополучія общественнаго и порядка, охранителемъ закона, божествомъ предсказанія будущаго.

5) Особенно дико казалось язычникамъ, что христіане поклонялись *Распятому*, такъ какъ казнь на крестѣ считалась позорною. Посему-то и Апостолъ Павелъ говоритъ, что проповѣдь о распятомъ Христѣ есть для *Еллиновъ* (т. е. язычниковъ) *безуміе* (1 Посл. къ Кор., гл. 1, ст. 23).

6) *Гера* (*Юнона*) почиталась древними Греками и Римлянами сестрой и женой главнаго ихъ бога Зевса, наиболѣе почитаемой между богинями; считалась богиней Земли

хотѣли связать его, но онъ успѣлъ скрыться отъ нихъ бѣгствомъ. Подобныхъ сему дѣяній, внушающихъ презрѣніе къ вашимъ богамъ, много описано въ вашихъ книгахъ. Но поелику ты сказалъ, что ни одинъ изъ древнихъ учителей не признавалъ Распятаго Богомъ, то хотя и не слѣдовало бы много изслѣдовать о Немъ въ доказательство того, что Онъ есть Истинный Богъ и Непостижимый, недоступный для изслѣдованія и неизреченный Создатель Неба и земли, моря, солнца, луны и всего человѣческаго рода, однако для бо́льшаго увѣренія въ этой истинѣ я приведу свидѣтельства изъ вашихъ же книгъ. Послушай, что говоритъ о Немъ мудрѣйшая Сивилла[1]) ваша, свидѣтельствуя о Его Божественномъ воплощеніи и спасительномъ распятіи:—«Въ позднѣйшія времена придетъ Нѣкій на сію землю, приметъ на себя плоть, кромѣ грѣха. Безпредѣльнымъ всемогуществомъ Божества Онъ разрушитъ тлѣніе неисцѣльныхъ страстей, и Ему позавидуютъ невѣрующіе люди, и Онъ будетъ повѣшенъ на высокомъ мѣстѣ, какъ бы достойный смерти». Вспомни, что и вашъ мудрецъ Аполлоній[2]), не своею волею, исповѣдуетъ Христа Богомъ, принужденный къ тому Его Божественной силой: «Одинъ,—говоритъ онъ,—побуждаетъ меня Небесный исповѣдать Его. Онъ есть Свѣтъ Трисвѣтлый, пострадавшій же Богъ есть, но не Само Божество страдало: ибо въ Немъ и то и другое: и смертенъ по плоти, и вмѣстѣ чуждъ тлѣнія. И Сей Мужъ, все терпящій отъ смертныхъ: крестъ, уничиженіе, погребеніе—есть Богъ». Это сказалъ Аполлоній объ Истинномъ Богѣ, Который собезначаленъ и соприсносущенъ Родившему Его. Онъ есть начало и основаніе, и источникъ всѣхъ созданныхъ благъ; Онъ создалъ міръ изъ не-

---

и плодородія и покровительницей супружествъ.—*Посейдонъ* считался богомъ морей.—*Аѳина* считалась богиней мудрости, преимущественно военной.—Вышеприведенное мѣсто заимствовано изъ «Метаморфозъ» римскаго поэта Овидія. Вообще, боги Римлянъ и Грековъ, по ихъ вѣрованію, отличались тѣми же страстями и преступными наклонностями, какъ и люди.

1) *Сивиллами* назывались у Римлянъ въ древности прорицательницы. Ихъ предсказанія были соединены въ три книги, которыя хранились въ храмѣ Зевса (Юпитера) Капитолійскаго, а потомъ въ храмѣ Аполлона на Палатинскомъ холмѣ. Эти «Сивиллины книги» пользовались глубокимъ уваженіемъ въ языческомъ мірѣ. На ихъ предсказанія обращали вниманіе и христіанскіе писатели, находя въ нихъ нѣкоторые намеки на наступленіе Царства Христова.

2) *Аполлоній Тіанскій*—языческій мудрецъ, творившій ложныя чудеса и привлекшій много послѣдователей (III в.). Его изреченія, записанныя въ особую книгу, особенно пользовались глубокимъ уваженіемъ въ Александріи, гдѣ такая книга хранилась въ самомъ потаенномъ, священномъ мѣстѣ одного языческаго храма.

бытія для бытія и управляетъ имъ. Будучи единосущенъ Отцу, Онъ былъ человѣкомъ ради насъ, жилъ на землѣ, наставляя, уча и благодѣтельствуя людямъ; потомъ принялъ смерть за насъ неблагодарныхъ, дабы освободить насъ отъ древняго осужденія и даровать намъ прежнее блаженство и наслажденіе. Такимъ образомъ, Онъ отверзъ намъ снова врата райскія, которыя мы заключили грѣхопаденіемъ. Чрезъ три дня Онъ воскресъ, восшелъ на Небеса, откуда и нисшелъ, и послалъ Духа Святаго ученикамъ Своимъ; они же разошлись по всему міру и проповѣдали Его Божество, въ Которое слѣдуетъ вѣровать и тебѣ, философъ, чтобы ты позналъ Истиннаго Бога и содѣлался рабомъ Того, Который милостивъ и благоутробенъ и призываетъ всѣхъ согрѣшившихъ, говоря: «Прїиди́те ко мнѣ̀ всѝ трꙋжда́ющїисѧ и҆ ѡ҆бремене́ннїи, и҆ а҆́зъ ᲂу҆поко́ю вы̀[1]). Итакъ, повѣрь хотя своимъ учителямъ и богамъ — Платону, Орфею и Аполлонію, которые вполнѣ явно и ясно, хотя и вопреки своей волѣ, признали Христа Богомъ.

Сіе и многое другое говорила премудрая Екатерина и привела въ удивленіе философа, такъ что онъ оставался безгласнымъ, не имѣя силъ что-либо сказать ей въ отвѣтъ. Царь, видя его побѣжденнымъ и изумленнымъ, велѣлъ остальнымъ начать бесѣду съ святою дѣвицею. Но они отказывались, говоря:

— Мы не можемъ противостоять истинѣ, ибо, если самый ученый изъ насъ молчитъ, побѣжденный, то что скажемъ мы?

Тогда разгнѣванный царь приказалъ развести сильнѣйшій огонь среди города и сжечь всѣхъ философовъ и витій. Тѣ, услыхавъ такой судъ и приказаніе царя, припали къ ногамъ Екатерины, прося ее помолиться о нихъ Единому Истинному Богу, дабы Онъ простилъ имъ все совершенное ими въ невѣдѣніи и сподобилъ ихъ Святаго Крещенія и даровъ Пресвятаго Духа.

Святая же, исполнившись услажденія и радости, сказала имъ:

— Истинно блаженны и счастливы вы, ибо, оставивъ тьму, познали Свѣтъ Истинный, и, презрѣвъ смертнаго земнаго царя, приступили къ Безсмертному Небесному; твердо надѣйтесь на Его милость и вѣруйте, что огонь, которымъ васъ устрашаютъ нечестивцы, послужитъ вамъ Крещеніемъ и лѣствицею, возводящею къ Небу. Въ семъ огнѣ вы очиститесь отъ всякой скверны плоти и духа и предъ Царемъ Славы предстанете свѣтлыми и чистыми, какъ звѣзды, и содѣлаетесь возлюбленными друзьями Его.

[1]) Еванг. от Матѳ., гл. 11, ст. 28.

Сказавъ сіе, святая Екатерина осѣнила каждаго изъ нихъ крестнымъ знаменіемъ, и они съ радостію пошли на мученіе. Воины ввергли ихъ въ огонь, и такимъ образомъ они приняли мученическую кончину[1]). Вечеромъ пришли нѣкоторые благочестивые и христолюбивые люди, чтобы похоронить останки святыхъ мучениковъ, но нашли тѣла ихъ совершенно цѣлыми, такъ что огонь не коснулся даже волосъ ихъ. Чрезъ сіе чудо многіе изъ язычниковъ обратились къ познанію Истины, а мощи святыхъ мучениковъ были съ должною честію погребены.

Между тѣмъ Максиминъ рѣшился употребить все стараніе, чтобы совратить святую Екатерину къ своему нечестію. Не достигнувъ успѣха чрезъ философскіе споры, онъ началъ ласкательствомъ и лукавствомъ соблазнять ее. Призвавъ ее, онъ сказалъ:

— Послушай меня, добрая дочь; я, какъ чадолюбивый отецъ, совѣтую тебѣ поклониться великимъ богамъ, въ особенности же Гермесу, покровителю наукъ, который украсилъ тебя такими философскими дарованіями. Я же, если ты исполнишь мое предложеніе, раздѣлю съ тобою царство мое и власть мою—боги мнѣ въ томъ свидѣтели,—и ты будешь жить со мною въ непрестанномъ веселіи.

Но премудрая Екатерина, проникая въ его намѣреніе и видя его лукавство и лесть, сказала ему:

— Оставь, царь, свою хитрость и не уподобляйся лисицѣ. Я рѣшительно, разъ навсегда, сказала тебѣ, что я христіанка и уневѣстилась Христу. Его Одного имѣю я Женихомъ, и Наставникомъ, и украшеніемъ моего дѣвства; не прельщай меня царскою багряницею[2]),—я предпочитаю ей одежды мученическія.

Тогда царь сказалъ ей опять:

— Ты принуждаешь меня, хотя и противъ моей воли, къ тому, чтобы я обезчестилъ твое достоинство и покрылъ прекрасное твое тѣло множествомъ ранъ.

— Дѣлай что хочешь,—отвѣчала святая:—чрезъ временное безчестіе ты пріобрѣтешь мнѣ вѣчную славу, и великое множество людей (какъ я надѣюсь) увѣруютъ чрезъ меня во Христа моего; и изъ твоихъ палатъ многіе пойдутъ вмѣстѣ со мною въ священные Небесные чертоги.

---

[1]) Это было 17 ноября 307 года.

[2]) *Багряница*—длинная, окрашенная въ пурпуровый, кровянистый цвѣтъ одежда, очень дорого цѣнившаяся въ древности и считавшаяся принадлежностью царскаго сана.

Такъ прорекала святая; Богъ же, съ высоты призирая на нее, приводилъ въ исполненіе ея пророченіе.

Тогда сильно разгнѣванный царь велѣлъ снять съ Екатерины порфиру и немилосердно бить обнаженную воловьими жилами. Слуги били мученицу жестоко, въ теченіе двухъ часовъ, по плечамъ и чреву, такъ что все тѣло ея покрылось ранами и обезобразилось; кровь текла ручьями и обагряла землю. Но всѣ эти мученія святая переносила съ такимъ мужествомъ и доблестію, что смотрѣвшіе на нее были поражены великимъ изумленіемъ. Послѣ сего жестокій царь приказалъ заключить Екатерину въ темницу и не давать ей ни пищи, ни питья до тѣхъ поръ, пока онъ не измыслитъ новыхъ мукъ, чтобы погубить ее.

Между тѣмъ Августа, супруга царя, сильно желала увидѣть въ лицо святую Екатерину. Слыша о ея добродѣтеляхъ, мудрости и мужествѣ, она заочно сильно полюбила ее. Послѣ же одного видѣнія во снѣ сердце Августы пылало такою любовію къ Екатеринѣ, что она не могла даже уснуть. Когда царь по какому-то дѣлу выѣхалъ изъ города и нѣсколько дней медлилъ возвращеніемъ, царица нашла удобное время для исполненія своего желанія. Былъ тогда при дворѣ одинъ вельможа, вѣрный другъ царя, по сану военачальникъ, именемъ Порфирій,—человѣкъ, отличавшійся благоразуміемъ. Сему Порфирію царица повѣдала свое тайное желаніе.

— Въ одну изъ прошедшихъ ночей,—сказала она ему,—я видѣла во снѣ Екатерину, которая возсѣдала посреди множества прекрасныхъ юношей и дѣвъ, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды. Отъ лица ея исходило такое сіяніе, что я не могла смотрѣть на нее. Посадивъ меня рядомъ съ собой, она возложила на мою голову золотой вѣнецъ и сказала: «Владыка Христосъ посылаетъ тебѣ сей вѣнецъ». Съ того времени я имѣю такое сильное желаніе видѣть ее, что не нахожу покоя для сердца своего; прошу тебя, Порфирій, устрой какимъ-либо образомъ, чтобы я тайно могла видѣть ее.

— Я исполню, царица, желаніе твое, — отвѣчалъ Порфирій.

Когда наступила ночь, Порфирій взялъ двѣсти воиновъ и пошелъ вмѣстѣ съ царицею въ темницу; давши деньги стражамъ, они вошли къ святой мученицѣ. Когда царица увидѣла святую, то была поражена сіяніемъ отъ лица ея, которое сіяло Божественною благодатію. Быстро упавъ къ ногамъ Екатерины, царица со слезами воскликнула:

— Теперь я считаю себя счастливой и блаженной, ибо сподобилась видѣть тебя. Подобно оленю, ищущему утолить жажду

свою[1]), я безмѣрно желала видѣть тебя и жаждала слышать сладостныя твои рѣчи. Теперь, когда сподобилась получить желаемое, я уже не скорблю, хотя бы пришлось мнѣ лишиться жизни и царства: какъ я счастлива, что увидѣла тебя! Блаженна ты и достойна похвалы, что предалась всемогущему Владыкѣ, Который излилъ на тебя столь великія дарованія.

Святая сказала ей въ отвѣтъ:

— Блаженна и ты, царица, ибо я вижу вѣнецъ надъ твоею главою, держимый на высотѣ руками Ангеловъ; чрезъ три дня ты получишь его за тѣ немногія мученія, которыя претерпишь ради Христа, чтобы чрезъ нихъ отойти къ Истинному Царю для вѣчнаго царствованія.

Царица же отвѣчала Екатеринѣ:

— Боюсь мученій, которыя ты предрекаешь мнѣ, а еще больше—супруга моего, который весьма жестокъ и безчеловѣченъ.

— Не страшись,—сказала ей святая,—Самъ Христосъ будетъ тебѣ помощникомъ; Онъ укрѣпитъ сердце твое, и никакое мученіе не коснется души твоей; только тѣло твое пострадаетъ здѣсь немного и временно, а потомъ и оно получитъ вѣчный покой.

Когда святая изрекла сіе, Порфирій спросилъ ее:

— Что̀ даруетъ Христосъ тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него? Ибо и я желаю вѣровать въ Него и быть воиномъ Его.

Мученица отвѣчала ему:

— Развѣ ты не читалъ или не слыхалъ ничего изъ Писанія христіанскаго?

— Съ юныхъ лѣтъ,—отвѣчалъ Порфирій,—я упражнялся въ воинскихъ занятіяхъ и ни о чемъ другомъ не имѣлъ попеченія.

Святая сказала ему:

— Нельзя языкомъ человѣческимъ выразить тѣхъ благъ, какія преблагій и человѣколюбивый Богъ уготовалъ любящимъ Его и хранящимъ Его повелѣнія.

Тогда Порфирій, исполнившись безмѣрной радости, увѣровалъ во Христа и съ нимъ двѣсти воиновъ и царица,—и всѣ, благоговѣйно простившись съ мученицею, ушли.

Милостивый же и человѣколюбивый Христосъ не оставилъ святую Свою невѣсту безъ попеченія, но, какъ чадолюбивый отецъ, промышлялъ о ней. Каждый день къ ней влетала въ окно голу-

---

[1]) Срав.: Псал. 41, ст. 2.

бица и приносила пищу. Наконецъ, и Самъ благій Подвигоположникъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ посѣтилъ ее, окруженный великою славою и всѣми небесными чинами, и еще болѣе укрѣпилъ ее въ мужествѣ и исполнилъ духомъ смѣлости:

— Не бойся, возлюбленная Моя невѣста,—сказалъ Онъ ей,— Я всегда съ тобою, и никакое мученіе не коснется тебя; терпѣніемъ своимъ ты многихъ обратишь ко Мнѣ и въ награду за то сподобишься многихъ нетлѣнныхъ вѣнцовъ.

Утѣшивъ ее такими словами, Господь сталъ невидимъ.

Наутро царь, возсѣвъ въ судилищѣ, приказалъ привести Екатерину. Она вошла къ царю, сіяя духовною благодатію и какимъ-то блаженнымъ озареніемъ, такъ что близъ стоящіе были озарены сіяніемъ ея красоты. Царь былъ весьма удивленъ и думалъ, что кто-либо подавалъ ей пищу въ темницѣ и потому она не ослабѣла тѣломъ и не измѣнилась въ красотѣ лица своего, посему хотѣлъ предать казни ея стражей. Но святая Екатерина, не желая, чтобы другіе были мучимы безвинно, повѣдала ему всю истину, сказавъ:

— Знай, царь, что никакая рука человѣческая не подавала мнѣ пищу, но Владыка мой Христосъ, Который невидимо печется о рабахъ Своихъ, питалъ меня.

Царь, дивясь необычайной красотѣ святой Екатерины, хотѣлъ опять ласкательствомъ и лестію повліять на нее и сказалъ ей:

— Ты, солнечнозрачная дѣвица, красотою своею превосходишь самую Артемиду[1]); ты рождена владычествовать, дочь моя. Итакъ, приди, поклонись и принеси жертву богамъ нашимъ, тогда будешь царствовать съ нами и проведешь въ радости жизнь свою; прошу тебя: не губи такую свою свѣтлую красоту чрезъ мученія.

— Я — земля и прахъ, — отвѣчала святая. — Вся же красота, какъ цвѣтъ, увядаетъ и, какъ сонъ, исчезаетъ отъ самой небольшой болѣзни или отъ старости, а по смерти предается совершенному тлѣнію; итакъ, не заботься, царь, о моей красотѣ.

Во время этой бесѣды святой Екатерины одинъ вельможа, по имени Хурсаденъ—жестокій и немилосердный мучитель христіанъ,—желая показать любовь и расположеніе къ царю, сказалъ ему:

---

[1]) *Артемида,* иначе *Діана,*—извѣстная языческая богиня у Грековъ и Римлянъ, пользовавшаяся особымъ почитаніемъ у нихъ; (она считалась богиней Луны и изображалась прекрасной, свѣтлой дѣвой-охотницей).

— Я, царь, изобрѣлъ такое мученіе, посредствомъ котораго ты побѣдишь сію дѣвицу. Прикажи устроить на одной оси четыре деревянныя колеса, а по нимъ вокругъ наколотить разныя желѣзныя острія: два колеса пусть обращаются въ правую, а два—въ лѣвую сторону; посрединѣ же ихъ пусть будетъ привязана дѣвица, и вращающіяся колеса раздробятъ ея тѣло. Но прежде пусть только покажутъ эти колеса Екатеринѣ, чтобы она, видя ихъ, убоялась жестокаго мученія и подчинилась бы твоей волѣ; если же и послѣ этого она останется въ прежнемъ упорствѣ,—то пусть приметъ мучительную смерть.

Царю понравился этотъ совѣтъ, и онъ велѣлъ устроить такія колеса, о которыхъ говорилъ Хурсаденъ. Когда колеса были готовы, то привели святую на мѣсто мученія и сначала съ большою силою вращали колеса предъ ея глазами, дабы устрашить ее, а затѣмъ мучитель сказалъ ей:

— Видишь, какія мученія приготовлены для тебя! И ты примешь въ нихъ ужаснѣйшую смерть, если не поклонишься богамъ.

Но на это Екатерина отвѣчала:

— Много разъ уже я высказывала свое рѣшеніе остаться христіанкой; посему, царь, не теряй напрасно времени, а дѣлай что хочешь.

Мучитель, видя, что не можетъ устрашить Екатерину и отвратить ее отъ Христа, велѣлъ привязать ее къ колесамъ и съ силою вращать ихъ, дабы она была растерзана на части и такимъ образомъ умерла бы ужаснѣйшею смертію. Но лишь только приступили къ сему мученію, какъ внезапно сошелъ съ Неба Ангелъ, освободилъ отъ узъ святую, а колеса сокрушилъ на части; причемъ колеса, съ силою разбиваемыя, летѣли въ сторону и поражали многихъ невѣрующихъ насмерть. Видя такое преславное чудо, весь народъ воскликнулъ:

— Великъ Богъ христіанскій!

А царь отъ ярости былъ мраченъ и неистовствовалъ, измышляя новыя пытки для мученицы.

Царица Августа, услыхавъ о семъ чудѣ, вышла изъ своихъ палатъ и стала обличать царя.

— Поистинѣ, —говорила она,—ты дерзокъ и безуменъ, ибо осмѣливаешься бороться съ Живымъ Богомъ и несправедливо мучить Его рабу.

Неожиданно услышавъ сіи слова, царь разсвирѣпѣлъ отъ неистовства и сдѣлался лютѣе всякаго звѣря. Оставивъ святую Екатерину, онъ обратилъ всю ярость на свою супругу. Забывъ даже естественную къ ней любовь, онъ велѣлъ принести большой ящикъ и наполнить его оловомъ, чтобы онъ былъ неподвиженъ, набить гвоздей въ крышку ящика и, защемивъ сосцы своей жены между ящикомъ и крышкою, сдавливать ихъ. И мучители, причиняя святой невыразимыя страданія, сдавливали ея сосцы, пока они не оторвались съ ужасною болію. Блаженная же Августа, терпя сію ужасную боль, радовалась, что страждетъ за Истиннаго Бога, и молилась Ему, да ниспошлетъ Онъ ей благодатную Свою помощь. Когда сосцы оторвались, кровь текла рѣкою, и всѣ окружающіе исполнились жалости и выражали соболѣзнованіе къ ней, переносящей такое ужасное и нестерпимое мученіе. Но немилосердный мучитель не помиловалъ своей супруги и повелѣлъ отсѣчь ей голову мечомъ. Она же, выслушавъ сей приговоръ съ радостію, сказала святой Екатеринѣ:

— Раба Истиннаго Бога, помолись о мнѣ!

— Иди съ миромъ,—отвѣчала ей святая дѣва,—дабы царствовать со Христомъ вѣчно.

И блаженная царица была усѣчена за городомъ въ двадцать третье число ноября[1]). Воевода же Порфирій, взявъ ночью ея тѣло, съ честію предалъ его погребенію. Наутро же самъ Порфирій, съ увѣровавшими во Христа воинами, предсталъ предъ царемъ и сказалъ:

— И мы—христіане, воины Великаго Бога.

Не имѣя силъ слышать этого, царь вздохнулъ изъ глубины сердца и воскликнулъ:

— Увы, погибъ я, ибо лишился дивнаго Порфирія!

Потомъ, обратившись къ прочимъ воинамъ, сказалъ:

— И вы, воины мои достолюбезные, соблазнились и отъ боговъ, въ которыхъ вѣровали отцы ваши, отреклись; что̀ сдѣлали вамъ боги, за что оставили ихъ вы?

Они же не отвѣчали ему ни одного слова. Только Порфирій сказалъ ему:

— Почему ты оставляешь безъ вниманія главу, и вопрошаешь ноги? Со мною бесѣдуй.

---

1) Память св. царицы *Августы* (или *Василиссы*) совершается Церковію 24 ноября; тогда же воспоминаются Церковію Порфирій и 200 воиновъ, усѣченные за исповѣданіе Христа.

— Ты — злая глава, виновникъ ихъ погибели,—воскликнулъ Максиминъ.

И не имѣя силъ отъ ярости продолжать рѣчь, приказалъ усѣчь имъ всѣмъ головы. Такъ окончили они жизнь свою. Такимъ образомъ исполнилось предсказаніе святой Екатерины, что многіе изъ его собственныхъ палатъ увѣруютъ чрезъ нее во Христа Бога.

На другой день мучитель, приведя Екатерину въ судилище, сказалъ ей:

— Великую скорбь и большое огорченіе ты причинила мнѣ. Ты прельстила мою жену и погубила мужественнаго моего военачальника, который былъ всею силою моего войска; много и другихъ золъ причинено мнѣ чрезъ тебя, такъ что нужно было бы умертвить тебя безъ милосердія; но я прощаю тебя, потому что не желаю погубить тебя, дѣвицу столь прекрасную и премудрую. Исполни же, наконецъ, мою волю, моя возлюбленная, принеси жертву богамъ,—и я сдѣлаю тебя своею царицею, и никогда не оскорблю тебя, и безъ твоего совѣта не исполню никакого дѣла,— и ты будешь жить со мною въ такомъ веселіи и блаженствѣ, какими ни одна царица не наслаждалась.

Сіе и многое другое говорилъ льстивый, соблазняя избранную невѣсту Христову, но не могъ льстивыми своими словами разлучить ее со Христомъ, съ Которымъ она была связана крѣпкимъ союзомъ истинной любви. Видя, что ни ласкательствомъ, ни обѣщаніями, ни угрозами, ни муками онъ не можетъ склонить къ своей волѣ твердую, какъ адамантъ[1]), святую дѣву, онъ, наконецъ, постановилъ рѣшеніе—усѣчь главу ея мечомъ внѣ города. Воины, взявши Екатерину, повели ее на мѣсто усѣченія. Много людей— мужчинъ и женщинъ—сопровождали Екатерину; всѣ плакали и сожалѣли о томъ, что погибаетъ столь прекрасная и премудрая дѣвица. Многіе изъ слѣдовавшихъ за нею знатныхъ и благороднѣйшихъ женщинъ говорили ей со слезами:

— Прекраснѣйшая и пресвѣтлая дѣвица! Почему ты такъ жестокосерда къ себѣ, что предпочитаешь смерть сладостной жизни? Зачѣмъ ты губишь безвременно и безплодно цвѣтъ юности

---

[1]) *Адамантъ* (алмазъ)—камень, имѣющій такую крѣпость, что чертитъ и рѣжетъ прочіе камни, не получая отъ того вреда. Это названіе въ церковной литературѣ придается многимъ святымъ (особенно отцамъ и учителямъ Церкви), прославившимся твердостью своей вѣры и характера.

своей? Не лучше ли тебѣ послушать царя и наслаждаться благами въ сей жизни, чѣмъ умереть такою позорною смертью.

— Оставьте вашъ безполезный плачъ,—отвѣчала святая,— но лучше радуйтесь о томъ, что я нынѣ вижу возлюбленнаго Жениха, Іисуса Христа,—Творца и Спасителя моего, Который есть красота, вѣнецъ и слава мучениковъ. Онъ призываетъ меня къ неизреченному блаженству райскому. Съ Нимъ я буду царствовать и наслаждаться въ безконечные вѣки. Итакъ, не обо мнѣ,— а о себѣ плачьте, потому что за свое невѣріе вы пойдете въ огонь вѣчный на безконечныя мученія.

Когда же святую привели на мѣсто усѣченія, она произнесла слѣдующую молитву:

— Господи Іисусе Христе, Боже мой! Благодарю Тебя за то, что Ты поставилъ на камнѣ терпѣнія ноги мои и направилъ стопы мои. Простри нынѣ пречистыя длани Твои, нѣкогда уязвленныя на крестѣ, и пріими душу мою, приносимую Тебѣ въ жертву ради любви къ Тебѣ. Вспомни, Господи, что я— плоть и кровь, и не попусти, чтобы лютые истязатели на страшномъ судѣ содѣлали явными согрѣшенія мои, въ невѣдѣніи содѣланныя; но омой ихъ кровію, которую я изливаю за Тебя, и содѣлай, чтобы тѣло сіе, израненное въ мукахъ ради Тебя и усѣкаемое мечомъ, было бы невидимо для враговъ и гонителей моихъ. Призри съ высоты Твоей, Господи, и на предстоящихъ людей сихъ и наставь ихъ свѣтомъ Твоего познанія; и прошенія тѣхъ, которые призовутъ чрезъ меня Имя Твое святое, исполни на пользу, дабы всѣми воспѣвалось величіе Твое во вѣки.

Окончивъ молитву, святая сказала исполнителю казни:

— Оканчивай приказанное.

Тогда воинъ поднялъ мечъ и отсѣкъ честну́ю главу Екатерины[1]), и изъ раны вмѣсто крови истекло молоко. Честны́я ея мощи, какъ то видѣли удостоившіеся того вѣрующіе, тотчасъ же были

---

[1]) И доселѣ въ Александріи показываютъ благочестивымъ путешественникамъ мѣсто убіенія великомученицы Екатерины, которое всегда пользовалось особымъ благоговѣйнымъ почитаніемъ со стороны мѣстныхъ христіанъ. Нѣкоторые изъ гражданъ Александріи, озаренные вѣрою въ распятаго Господа, сохранили даже до настоящаго времени небольшую мраморную колонну, на которой, по преданію, усѣчена честна́я глава святой великомученицы. Колонна эта и теперь съ благоговѣніемъ хранится въ Александрійской православной обители святаго Саввы и стоитъ въ лѣвомъ придѣлѣ храма, посвященнаго имени сего святаго.

взяты святыми Ангелами и перенесены на гору Синайскую[1]), во славу Христа Бога, Который со Отцемъ и Святымъ Духомъ во Единомъ Божествѣ царствуетъ во вѣки. Аминь[2]).

---

[1]) Долгое время святыя мощи Екатерины пребывали въ неизвѣстности въ землѣ и были открыты лишь спустя 200 съ лишкомъ лѣтъ. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Однажды, приблизительно въ 30—40 годахъ VI столѣтія по Рождествѣ Христовомъ, братія Синайской обители, основанной Византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ, за 800 верстъ отъ Александріи, чудесно были извѣщены свыше, что мощи святой великомученицы Екатерины почиваютъ нетлѣнно недалеко отъ нихъ, и при семъ получили повелѣніе перенести ихъ въ новосозданный храмъ Синайскаго монастыря. Благочестивые старцы съ радостію поспѣшили къ горѣ, указанной имъ недалеко отъ обители. Эта возвышенность достигала до 1200 саженъ; но отшельники, движимые религіознымъ одушевленіемъ и вспомоществуемые благодатію Божіею, побѣдили всѣ трудности пути и скоро достигли ея вершины, гдѣ и обрѣли святыя мощи великомученицы Екатерины нетлѣнными и благоуханными. Ихъ положить сюда только и могли Ангелы.—Мощи святой Екатерины были обрѣтены не полностію, а только *глава ея* и *лѣвая рука*. Эти части нетлѣннаго тѣла достохвальной мученицы Христовой, тогда же торжественно перенесенныя въ Синайскую обитель, и доселѣ почиваютъ въ этомъ, замѣчательномъ по своей древности, монастырѣ. Въ 1689 году русскій императоръ Петръ Великій пожертвовалъ въ Синайскую обитель для мощей святой Екатерины среброкованную раку. Но этотъ даръ хранится въ ризницѣ. «Страхъ отъ жадности мусульманъ, отъ огласки путешественниковъ,— замѣчаетъ извѣстный епископъ Порфирій, бывшій на Синаѣ,—пріучилъ синаитовъ таить эту драгоцѣнность.» Въ настоящее время св. мощи великомученицы Екатерины сохраняются въ небольшой мраморной ракѣ въ алтарѣ великаго храма Синайской обители во имя Преображенія Господня, на правой сторонѣ Престола. Святую главу невѣсты Христовой покрываетъ нынѣ золотой вѣнецъ, а на одномъ пальцѣ надѣто драгоцѣнное кольцо, въ память таинственнаго обрученія св. Екатерины съ Небеснымъ Женихомъ— Христомъ. Въ ракѣ святыя части мощей покоятся на серебряномъ подносѣ, подъ которымъ лежитъ толстый пластъ ваты, проникнутый благоуханіемъ святыни. Когда же части мощей выносятся для поклоненія братіи, то онѣ поставляются среди храма, вмѣстѣ со многими другими останками святыни, на столѣ, нарочито для сего приготовленномъ. Мощи св. Екатерины для дальняго поклонника открываются во всякое время, но для братіи и ближнихъ пришельцевъ—только по окончаніи Утрени въ Господскіе праздники.

[2]) Память *святой Екатерины* чествуется во всемъ православномъ мірѣ съ особымъ благоговѣніемъ и торжественностію. Въ честь ея созидаются церкви, многіе монастыри называются ея именемъ; весьма многія изъ православныхъ и инославныхъ христіанокъ носятъ ея имя. Слава этой мученицы была велика и въ древности. Павла, знаменитая римлянка, основавшая монастырь въ Виѳлеемѣ въ 386 году, посвятила въ немъ храмъ муч. Екатеринѣ, о которой св. Епифаній говорилъ Павлѣ, что Екатерина родилась на островѣ Кипрѣ, въ гор. Саламинѣ, въ его епископіи, оттуда перешла въ Александрію, была въ Св. мѣстахъ въ Іерусалимѣ, предъ яслями въ Виѳлеемѣ дала обѣтъ дѣвства и получила отъ Христа перстень. На Западѣ она считается покровительницею учащагося юношества, особенно философіи.—Святую великомученицу почитаютъ даже нѣкоторые изъ язычниковъ, напримѣръ: монголо-буряты забайкальскіе.

Тропа́рь великомч҃нцѣ, гла́съ д҃:

Добродѣ́тельми, ꙗ҆́кѡ лꙋча́ми со́лнечными, просвѣти́ла є҆сѝ невѣ́рныѧ мꙋдрецы̀, и҆ ꙗ҆́коже пресвѣ́тлаѧ лꙋна̀ ходѧ́щымъ въ нощѝ, невѣ́рїѧ тьмꙋ̀ ѿгна́ла є҆сѝ, и҆ цари́цꙋ[1]) ᲂу҆вѣ́рила є҆сѝ, вкꙋпѣ̀ же и҆ мꙋчи́телѧ ѡ҆бличи́ла є҆сѝ, бг҃озва́ннаѧ невѣ́сто, бл҃же́ннаѧ є҆катері́но: жела́нїемъ востекла̀ є҆сѝ въ нб҃ный черто́гъ, къ прекра́сномꙋ женихꙋ̀ хр҃тꙋ̀, и҆ ѿ негѡ̀ цр҃кимъ вѣнце́мъ вѣнча́ласѧ є҆сѝ: є҆мꙋ́же же, со а҆́гг҃лы предстоѧ́щи, за ны̀ моли́сѧ, творѧ́ще пречⷭ҇тнꙋ́ю па́мѧть твою̀.

Конда́къ, гла́съ в҃[2]):

Ни́къ чⷭ҇тны́й бж҃е́ственнѣ, мч҃нколю́бцы, воздви́гните ны́нѣ, почита́юще всемꙋ́дрꙋю є҆катері́нꙋ: сїѧ́ бо въ три́знищи хр҃та̀ проповѣ́да, и҆ ѕмі́ѧ попра̀, ри́торѡвъ ра́зꙋмы ᲂу҆кроти́вши.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА

МЕРКУРІЯ

Нечестивые цари Римскіе, Декій и Валеріанъ[3]), созвавъ своихъ князей и вельможъ, имѣли совѣщаніе съ ними о распространеніи чествованія своихъ лживыхъ боговъ, и истребленіи и уничтоженіи святой христіанской вѣры. И единодушно, съ общаго согласія, они издали въ Капитоліи[4]) слѣдующій указъ:

---

1) т. е. *Августу,* жену Максимина.

2) Что касается службы великомученицѣ и церковныхъ пѣснопѣній, въ честь ея составленныхъ, то они относятся къ глубокой древности. Въ IX вѣкѣ Ѳеофанъ Никейскій, извѣстный христіанскій пѣснопѣвецъ, и неизвѣстный монахъ Вавилъ написали многія пѣсни въ честь великомученицы Екатерины, которыя нынѣ Православною Церковію и поются 24 ноября, въ день ея преставленія. Преподобный Ѳеофанъ написалъ въ честь св. великомученицы канонъ, краестрочіе котораго заключаетъ слѣдующую мысль: «Екатерину приснопамятную пѣсньми пою».

3) *Декій* царствовалъ съ 249 по 251 г. *Валеріанъ* единолично царствовалъ нѣсколько позднѣе (253—260 гг). Настоящее житіе представляетъ его принимавшимъ участіе въ управленіи имперіей еще при Декіи.

4) *Капитолій*—храмъ верховнаго бога Юпитера и богинь Юноны и Минервы, на одномъ изъ холмовъ, на которыхъ былъ раскинутъ древній Римъ, столица Римской имперіи. Холмъ этотъ, вмѣстѣ съ храмомъ, былъ главнымъ святилищемъ и назывался Капитолійскимъ.

«Римскіе цари — непобѣдимые побѣдители, присночестные, великіе, вѣрные Декій и Валеріанъ — съ вельможами: такъ какъ мы испытали благодѣянія и дары нашихъ боговъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, насладились побѣдами, которыя они подаютъ намъ на враговъ, такъ какъ, къ тому же, мы изобильно получаемъ отъ нихъ всякаго рода плоды чрезъ благорастворенiе воздуховъ и считаемъ ихъ своими благодѣтелями и устроителями общаго благополучія; то посему, по совѣщанію съ вельможами, единодушно повелѣваемъ, чтобы люди всякаго званія, свободные и рабы, военные и не военные,—приносили жертвы богамъ, припадая и усердно молясь имъ. Если же кто осмѣлится нарушить наше царское повелѣніе, изданное нами на общемъ совѣщаніи, того мы повелѣваемъ, связавъ, бросить въ темницу, потомъ предать различнымъ мученіямъ. Если, раскаявшись, онъ подчинится повелѣнію, то будетъ удостоенъ нами не меньшей почести; если же будетъ противиться, то, послѣ многихъ мученій, пусть будетъ казненъ чрезъ усѣченіе мечомъ, или пусть будетъ брошенъ въ море, или отданъ на съѣденіе птицамъ и псамъ. Въ особенности же такъ должны быть казнены христіане, если найдется кто-либо изъ ихъ вѣры; повинующіеся же нашему повелѣнію получатъ великія почести и подарки. Желаемъ благополучно здравствовать».

Когда былъ изданъ такой царскій указъ, то весь Римъ пришелъ въ смятеніе, ибо это безбожное повелѣніе было объявлено по всему городу и послано въ окрестные города и страны. Въ то время на Римское государство возстали варвары[1]); цари приготовляли своихъ воиновъ и приказали воинскимъ полкамъ изъ всѣхъ городовъ сходиться въ Римъ. Тогда пришелъ и тотъ полкъ, въ которомъ Меркурій былъ воиномъ; этотъ полкъ назывался Мартенсесъ, изъ первой Арменіи[2]), подъ начальствомъ трибуна[3]) Сатурнина. По отбытіи царя Декія на войну Валеріанъ остался въ Римѣ.

---

[1]) *Варварами* Греки и Римляне называли иноплеменниковъ. Самое названіе указываетъ на людей съ непонятною рѣчью. Здѣсь разумѣются, вѣроятно, Готы, на войнѣ съ которыми Декій, нѣсколько позднѣе, былъ убитъ.

[2]) Собственно *Арменія* граничила на сѣверѣ съ Колхидою, Иберіей и Албаніей, на западѣ—съ Малой Азіей, на юго-востокѣ и востокѣ—съ Мидіею и Ассиріею. Первоначально она находилась въ зависимости отъ Ассиріянъ, Мидянъ и Персовъ, потомъ служила предметомъ раздора между Парѳянами и Римлянами, затѣмъ—между Римлянами и Персами и попеременно зависѣла то отъ тѣхъ, то отъ другихъ. Арменія *первая* лежала близъ восточной части южнаго берега Понта Евксинскаго (Чернаго моря), Арменія *вторая* и *третья* — на юго-западъ, *четвертая* — на югъ отъ первой.

[3]) *Трибунъ*—римское названіе начальника войсковой части, среднее между нашимъ полковникомъ и ротнымъ командиромъ.

Когда, во время войны Римлянъ съ варварами, между ними произошла продолжительная битва, Меркурію явился Ангелъ Господень въ образѣ великаго человѣка. Одѣтый въ бѣлыя одежды и держа въ своей рукѣ мечъ, онъ сказалъ ему:

— Не бойся, Меркурій, и не страшись, ибо я посланъ на помощь тебѣ, чтобы сдѣлать тебя побѣдителемъ. Пріими сей мечъ и устремись на варваровъ; и когда побѣдишь ихъ, не забудь Господа Бога твоего.

Находясь какъ бы въ состояніи изступленія, онъ принялъ явившагося ему за одного изъ римскихъ князей; взявъ подаваемый ему мечъ, онъ устремился съ великимъ мужествомъ на враговъ и посѣкалъ ихъ какъ стебли растеній. Пройдя сквозь варварскіе полки, онъ достигъ до самого варварскаго царя, убилъ его мечомъ и поразилъ вмѣстѣ съ нимъ великое множество храбрыхъ воиновъ, такъ что мечъ прилипъ отъ крови къ рукѣ его; такъ варвары были побѣждены и обращены въ бѣгство Римлянами.

Ст҃ый великомч҃нкъ Меркурій

Тогда Декій, узнавъ о великой храбрости Меркурія, призвалъ его къ себѣ и, почтивъ великими дарами, поставилъ его начальникомъ надъ всѣмъ войскомъ. Декій, думая, что враги были побѣждены съ помощью боговъ, былъ весьма радъ и, раздавъ воинамъ много золота, отпустилъ каждаго къ себѣ домой, самъ же, идя съ Меркуріемъ къ Риму, устраивалъ по городамъ большіе пиры. Однажды ночью, когда военачальникъ Меркурій спалъ, пришелъ къ нему Ангелъ такимъ же образомъ, какъ и въ первый разъ, и, толкнувъ его въ бокъ, разбудилъ. Поднявшись и увидѣвъ явившагося, онъ какъ бы онѣмѣлъ отъ ужаса. Ангелъ сказалъ ему:

— Меркурій! Не помнишь ли—что я сказалъ тебѣ на войнѣ?— Смотри, не забывай Господа Бога твоего, ибо тебѣ надлежитъ

пострадать за Него и получить вѣнецъ побѣды въ преславномъ царствіи Его, со всѣми святыми.

Сказавъ это, Ангелъ сдѣлался невидимъ. Онъ же, придя въ себя, началъ благодарить Бога и вспомнилъ о христіанской вѣрѣ, о которой слышалъ отъ дѣда и отъ своего отца. Отецъ его, по имени Гордіанъ, состоя воиномъ въ томъ же полку, въ которомъ впослѣдствіи числился и онъ, часто говорилъ:

— Блаженъ, кто состоитъ воиномъ Царя Небеснаго, потому что получитъ отъ Него награду въ Небесномъ Царствіи. Ибо Сей Царь сотворилъ Словомъ всяческая, будетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его.

Вспоминая эти слова своего отца и размышляя умомъ о явленіи Ангела, Меркурій умилился сердцемъ и началъ плакать и рыдать, говоря:

— Увы мнѣ, грѣшному! Будучи какъ бы вѣтвью зеленаго дерева, я засохъ,—не имѣя нынѣ корня познанія Бога[1]).

Когда онъ такъ говорилъ съ рыданіями, царскіе слуги пришли звать Меркурія къ царю на нѣкоторое совѣщаніе. Меркурій отказался, сказавшись больнымъ, и царь отложилъ совѣщаніе на другой день, ибо не хотѣлъ совѣщаться безъ Меркурія ни о чемъ,—такъ онъ любилъ и почиталъ его. Поутру, пригласивъ съ почетомъ къ себѣ Меркурія, царь совѣщался съ нимъ о томъ, что относилось къ пользѣ римскаго царства. По окончаніи совѣщанія царь сказалъ Меркурію:

— Пойдемте вмѣстѣ въ храмъ Артемиды[2]), чтобы принести жертвы ей.

Святый, тайно уклонившись отъ царя, пошелъ въ свое жилище. Нѣкто же изъ вельможъ оклеветалъ его предъ царемъ, говоря:

— Великій царь, непобѣдимый побѣдитель, избранный богами для обладанія царствомъ! Благоволи съ кротостію выслушать меня. Тотъ, который получилъ почести отъ вашей царской десницы, котораго ваша держава прославила и возвеличила,—вотъ, онъ не пришелъ въ храмъ великой богини принести жертву за вашу державу.

---

[1]) Образъ рѣчи заимствованъ изъ Евангелія (ср.: Еванг.: отъ Луки, гл. 23, ст. 31; отъ Іоан., гл. 15, ст. 1—6). Въ этихъ словахъ святый Меркурій выражаетъ ту мысль, что хотя отецъ его былъ христіаниномъ, самъ онъ оставался, однако же, до сихъ поръ язычникомъ, не заботившимся о просвѣщеніи христіанскою вѣрою.

[2]) Объ *Артемидѣ* см. стр. 675, примѣч. 1.

Царь спросилъ:

— Кто это не хочетъ приносить, въ единомысліи съ нами, жертвы досточтимой Артемидѣ?

Совѣтникъ Катулъ отвѣчалъ:

— Меркурій, котораго возвеличила ваша царская милость,— онъ отказывается отъ поклоненія нашимъ богамъ.

Царь сказалъ:

— Не по зависти ли какой вы клевещете на него? Не повѣрю вамъ, пока самъ не испытаю его и не удостовѣрюсь твердо. И если не окажется того, что вы говорите, то примете много казней за свою клевету; если же это окажется истиной, то за вѣрность богамъ и нашему царству будете удостоены почести отъ насъ.

Сказавъ это, царь тотчасъ послалъ пригласить Меркурія съ честію и, когда онъ явился, Декій сказалъ:

— Не я ли оказалъ тебѣ почесть, поставивъ тебя начальникомъ надъ всѣми моими князьями по той причинѣ, что, съ помощью боговъ, ты побѣдилъ враговъ? Зачѣмъ же ты оказываешься неблагодарнымъ за такія мои благодѣянія тебѣ и презираешь власть и повелѣніе мое, не воздавая подобающей чести нашимъ богамъ, какъ мы слышали отъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ намъ людей?

Доблестный воинъ Христовъ, совлекшись, по Апостольскому слову, ветхаго человѣка съ дѣяніями его и облекшись чрезъ Крещеніе въ новаго, созданнаго по Богу[1]), съ дерзновеніемъ отвѣчалъ:

— Почесть твоя пусть будетъ съ тобою, ибо я побѣдилъ враговъ не съ помощію вашихъ немощныхъ боговъ, но—силою Христа Бога моего; (однако) возьми отъ меня то, что ты далъ мнѣ, ибо нагъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагъ и отойду[2]).

---

[1]) Посл. къ Ефес., гл. 4, ст. 24. Это выраженіе указываетъ на совершившуюся въ святомъ Меркуріи, чрезъ Крещеніе, силою Благодати Христовой, перемѣну мыслей и чувствъ. Вмѣсто прежняго пристрастія къ языческому образу жизни онъ былъ преисполненъ теперь готовности къ совершенію подвиговъ христіанскаго самоотверженія.

[2]) Здѣсь святый Меркурій выражается словами многострадальнаго Іова (Кн. Іов., гл. 1, ст. 21), въ которыхъ тотъ выразилъ свою преданность волѣ Божіей, послѣ того какъ діаволъ, по попущенію Божію, лишилъ праведника всего имущества. Смыслъ словъ такой: не имѣющимъ ничего я родился въ мірѣ, ничего изъ мірскихъ благъ мнѣ не нужно будетъ, когда я буду умирать.

Сказавъ это, онъ снялъ воинскій поясъ и начальническую одежду и бросилъ къ ногамъ царя съ громкимъ восклицаніемъ:

— Я—христіанинъ! Слышите всѣ, что я—христіанинъ!

Тогда Декій пришелъ въ ужасъ и, въ молчаніи смотря на святаго, удивлялся его смѣлому слову и дѣлу, дивился еще и красотѣ тѣла его, ибо святый былъ высокъ ростомъ, румянъ лицемъ, и въ самомъ взорѣ его свѣтилось мужество. Потомъ онъ повелѣлъ заключить его въ темницѣ, говоря:

— Этотъ человѣкъ не оцѣнилъ своей чести, но когда онъ испытаетъ безчестіе и огорченіе, думаю, что обратится къ благочестивой мысли.

Святый, когда отвели его въ темницу, славилъ и благодарилъ Бога. Ночью ему снова явился Ангелъ Господень, говоря:

— Будь мужественъ, Меркурій, и не бойся; вѣруй въ Господа, Котораго ты исповѣдалъ, и Онъ избавитъ тебя отъ всякой печали.

Меркурій былъ весьма укрѣпленъ этимъ Ангельскимъ явленіемъ. Поутру на другой день царь Декій сидѣлъ на судилищѣ и, когда Меркурій предсталъ предъ нимъ, сказалъ ему:

— Чрезъ свое безуміе ты заслужилъ такую честь[1]), что стоишь, какъ осужденный, на судѣ.

Святый отвѣчалъ:

— Поистинѣ мнѣ приличествуетъ такая честь[2]) ради моего Господа. Ты взялъ то, что вскорѣ погибаетъ[3]), я же получу то, что пребываетъ во вѣки[4]).

Царь сказалъ:

— Повѣдай намъ, какого ты рода и отечества.

Святый отвѣчалъ:

— О родѣ моемъ и отечествѣ, если хочешь узнать, я скажу тебѣ. Отца моего звали Гордіаномъ, по происхожденію онъ скиѳянинъ[5]) и былъ воиномъ въ полку Мартенсовъ; отечество же

---

1) Въ смыслѣ насмѣшки, выраженіе: «честь» употреблено вмѣсто—«безчестія».

2) Святый, пользуясь вышеприведеннымъ выраженіемъ мучителя, утверждаетъ ту мысль, что въ мученіяхъ за Имя Христово заключается для него не безчестіе, а, напротивъ, великая честь.

3) Т. е.—что имѣетъ значеніе для человѣка только на время его краткой, земной жизни, каковы: богатство, слава, почести и т. п. Все это оставляетъ человѣка, погибаетъ для него при наступленіи смерти.

4) Т. е.—духовныя, небесныя блага. Образъ рѣчи заимствованъ изъ Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 19—20.

5) *Скиѳы*—древній народъ, который жилъ частію въ сѣверныхъ предѣлахъ западной Азіи, до Каспійскаго моря, преимущественно же—по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, причемъ сѣверныя границы разселенія скиѳовъ были неизвѣстны древнимъ.

мое, къ которому я съ ревностью иду, есть Го́рній Іерусалимъ— городъ Царя Небеснаго[1]).

Царь сказалъ:

— Почему ты не повинуешься нашей волѣ, почему не исполняешь заповѣди, данныя нами для всѣхъ? Почему не хочешь поклониться богамъ, чтобы получить свой прежній санъ?! Или хочешь умереть въ мученіяхъ?—отвѣчай скорѣе, потому что ты для этого призванъ.

Святый Меркурій сказалъ:

— Я пришелъ (сюда) для того, чтобы побѣдить тебя и твоего отца діавола, виновника всякаго зла, и получить вѣнецъ побѣды отъ Подвигоположника[2]) Іисуса Христа, моего Господа. Исполняй надо мною безъ отлагательства то, что замышляешь, ибо у меня есть броня и щитъ, которымъ преодолѣю всѣ измышляемыя тобою противъ меня мученія.

Тогда царь, разгнѣвавшись, сказалъ:

— Такъ какъ ты говоришь, что имѣешь броню и щитъ вѣры, то повелѣваю повѣсить тебя нагимъ, растянувъ между четырьмя столбами.

Когда это было сдѣлано, мучитель сказалъ:

— Гдѣ (у тебя) нынѣ орудія для борьбы твоей?

Святый же Меркурій, воззрѣвъ на Небо, сказалъ:

— Господи Іисусе Хресте, помоги мнѣ, рабу Твоему!

Царь повелѣлъ, принеся острые ножи и мечи, рѣзать тѣло святаго, а на землѣ подъ нимъ развести огонь, чтобы,— израненный сверху ножами и мечами, а снизу опаляемый огнемъ,— онъ жестоко страдалъ. Когда стали дѣлать это, изъ тѣла его кровь потекла ручьями, такъ что даже огонь погасъ отъ крови, а святый все терпѣлъ доблестно.

Послѣ сего Декій повелѣлъ отвязать его,—чтобы онъ не умеръ (слишкомъ) скоро,—и крѣпко запереть въ нѣкоторомъ помѣщеніи. Слуги, взявъ его, понесли, ибо онъ не могъ самъ идти, будучи еле живъ, и бросили его въ тюрьмѣ, думая, что онъ тотчасъ умретъ. И святый лежалъ какъ мертвый, только чуть дыша, по причинѣ

---

1) Т. е.—Царство Небесное. Выраженіе заимствовано изъ Посл. къ Евр., гл. 12, ст. 22.

2) Такъ Христосъ называется потому, что Онъ чрезъ Свою земную жизнь, въ особенности чрезъ крестныя страданія и смерть, далъ на всѣ времена высочайшій примѣръ подвига послушанія волѣ Божіей и самоотверженнаго служенія людямъ.

жестокихъ ранъ. Съ наступленіемъ ночи Ангелъ Господень пришелъ къ нему и сказалъ:

— Миръ тебѣ, добрый страдалецъ! — и исцѣлилъ его отъ ранъ.

Святый, ощутивъ въ себѣ силу, всталъ здоровымъ и благодарилъ Бога, посѣтившаго его чрезъ Своего Ангела.

Поутру царь снова повелѣлъ представить къ нему Меркурія. Воины, пойдя за нимъ, нашли его здоровымъ и, взявъ, повели его къ царю. Царь, увидѣвъ, что онъ здоровъ и ходитъ безъ нужной помощи, сказалъ:

— Тотъ, котораго вчера унесли отъ насъ мертвымъ, нынѣ ходитъ самъ,—какъ будто бы не имѣлъ на себѣ никакой раны,— и повелѣлъ воинамъ осмотрѣть раны его.

Осмотрѣвъ тѣло мученика, они сказали царю:

— Клянемся цѣлостью твоей державы,—у Меркурія все тѣло невредимо; безъ всякаго порока, какъ будто бы никогда никакое мученіе не прикасалось къ нему.

Царь сказалъ:

— Онъ непремѣнно станетъ говорить, что его исцѣлилъ Христосъ,—не приводили ли вы къ нему въ темницу какого-либо врача?

Они отвѣчали:

— Клянемся вашею державою, управляющею всѣмъ міромъ, что никто не осматривалъ его, ибо мы думали, что онъ тотчасъ умретъ; а какъ онъ исцѣлился и стоитъ нынѣ здоровымъ, мы не знаемъ.

Царь сказалъ:

— Посмотрите на христіанское колдовство: тотъ, который вчера казался мертвымъ, сегодня стоитъ здоровымъ предъ нами,— и съ яростью сказалъ святому:

— Кто тебя исцѣлилъ, скажи намъ по правдѣ? Ибо я не считаю возможнымъ для тебя исцѣлиться иначе какъ чрезъ колдовство.

Святый отвѣчалъ:

— Какъ ты самъ первоначально сказалъ, противъ своей воли, такъ и есть: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Врачъ душъ и тѣлесъ, исцѣлилъ меня,—Онъ, Который, связавъ нерушимыми узами всѣхъ колдуновъ и чародѣевъ вмѣстѣ съ поклоняющимися идоламъ, предастъ ихъ геенскому огню—за то, что они не познали Истиннаго Бога, создавшаго ихъ.

Царь сказалъ:

— Я снова разсѣку твое тѣло ранами и посмотрю, исцѣлитъ ли тебя Христосъ, Котораго ты исповѣдуешь.

Святый отвѣчалъ:

— Вѣрую въ Господа моего Іисуса Христа, что ты не побѣдишь меня всѣми своими, измышляемыми противъ меня, мученіями, ибо я нисколько не боюсь ихъ, будучи укрѣпленъ словами моего Владыки, Который сказалъ: **не оу҆бо́йтесѧ ѿ оу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ оу҆би́ти**[1]). По умерщвленіи Онъ воскреситъ меня снова въ страшный день Праведнаго Суда.

Царь повелѣлъ снова мучить его огнемъ и ранами.

Когда святаго били и жгли огнемъ, то отъ опаляемаго тѣла его, вмѣсто смрада, исходило великое благоуханіе. Мученикъ терпѣлъ такъ доблестно, что не испустилъ крика, ни стона, ни вздоха, такъ что всѣ дивились терпѣнію его.

Царь сказалъ ему, насмѣхаясь:

— Гдѣ нынѣ твой Врачъ? Пусть придетъ сюда и исцѣлитъ тебя, вѣдь ты говорилъ, что Онъ можетъ и по смерти воскресить тебя.

Святый Меркурій отвѣчалъ:

— Дѣлай что хочешь, ты имѣешь власть надъ тѣломъ моимъ, надъ душею же—Богъ: хотя бы ты и умертвилъ мое тѣло, однако душа пребудетъ нетлѣнной во вѣки.

Царь повелѣлъ повѣсить его внизъ головой, на шею же его привязать большой камень, чтобы, давимый тяжестью камня, онъ умеръ. Мученикъ же, укрѣпляемый благодатію Божіею, въ продолженіе многихъ часовъ претерпѣвалъ это мученіе, оставаясь живымъ. Потомъ, отвязавъ камень, царь повелѣлъ бить его бичами, концы которыхъ были окованы мѣдью; и били его такъ жестоко, что земля обагрилась кровію его. Онъ же, твердый какъ адамантъ, мужественно терпѣлъ, говоря:

— Благодарю Тебя, Господи, что сподобилъ меня пострадать за Имя Твое.

Царь, видя, что мученика никакъ нельзя склонить къ волѣ его, и не имѣя болѣе времени мучить его, ибо спѣшилъ идти скорѣе въ Римъ,—постановилъ надъ нимъ такой окончательный приговоръ:

— Меркурія, который вмѣнилъ нашихъ боговъ въ ничто и презрѣлъ честно́е постановленіе нашей кротости, наша держава

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 28.

повелѣваетъ вести въ Каппадокійскую страну[1]) и тамъ отрубить ему главу, для вразумленія многихъ,—ибо всякій противящійся царю будетъ казненъ мечомъ послѣ многихъ мученій.

Воины, взявъ святаго, положили его на животное[2]) и, крѣпко привязавъ его (ибо онъ былъ весьма разслабленъ тѣломъ по причинѣ многихъ мученій), повезли въ Каппадокію. Когда они были въ Кесаріи[3]), Господь явился святому и сказалъ:

— Меркурій! Пріиди ко Мнѣ и успокойся; теченіе ты совершилъ, вѣру соблюлъ,—пріими же вѣнецъ подвига твоего[4]), ибо здѣсь тебѣ дòлжно скончаться.

Мученикъ, весьма укрѣпленный этимъ видѣніемъ Спаса и желая скорѣе разрѣшиться отъ тѣла и жить со Христомъ[5]), сказалъ бывшимъ съ нимъ воинамъ:

— Совершите то, что приказано вамъ, не откладывая болѣе. Господь же, призывающій всѣхъ къ покаянію, да подастъ вамъ Свою Благодать; богатый милостію, Онъ преизобильно подаетъ Свои дары приходящимъ къ Нему.

Послѣ того какъ онъ это сказалъ, глава его была усѣчена при исповѣданіи имъ Спаса нашего Іисуса Христа, мѣсяца ноября 24 дня. На второй день по кончинѣ святаго тѣло его оказалось бѣлымъ какъ снѣгъ и отъ него исходило благоуханіе драгоцѣннаго мѵра и ѳиміама, и по причинѣ такого чуда многіе увѣровали во Христа. Святое тѣло его было съ честію положено на славномъ мѣстѣ, подавая больнымъ много исцѣленій. Сего воина, святаго великомученика Меркурія, душою уже торжествующаго на Небѣ, Возбранная Воевода, Пресвятая Богородица, призывала, спустя значительное время, на слѣдующую свою воинскую службу.

Когда святый Василій Великій[6]) молился предъ иконою Пресвятыя Богородицы,—при которой было изображеніе и святаго

---

[1]) *Каппадокія* —восточная область Малой Азіи.

[2]) Здѣсь нужно разумѣть мула или осла, на которыхъ ѣздили и перевозили небольшія тяжести. Для перевозки болѣе значительныхъ тяжестей служили верблюды.

[3]) Имя *Кесаріи* носило нѣсколько римскихъ городовъ. Здѣсь разумѣется *Кесарія — столица Каппадокіи,* названная такъ императоромъ Тиверіемъ (ранѣе называлась Мазака).

[4]) Выраженіе 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 8. *Теченіе*—путь земной жизни, въ особенности—мученическихъ страданій и смерти; *вѣнецъ подвига*—вѣнецъ славы въ Небесномъ Царствѣ, заслуженный мученическимъ подвигомъ.

[5]) Выраженіе заимствовано изъ Посл. къ Филип., гл. 1, ст. 23. Апостолъ выражалъ желаніе скорѣе умереть, чтобы, освободившись отъ тѣла, тѣснѣе соединиться душою со Христомъ въ Его Небесномъ Царствіи.

[6]) *Св. Василій Великій* родился въ 330 г., въ благочестивомъ семействѣ, въ Каппадокіи, получилъ обширное свѣтское и духовное образованіе. Первоначально, вмѣстѣ съ

великомученика Меркурія съ копьемъ, какъ воина,—чтобы злочестивый царь Юліанъ Отступникъ[1]), великій гонитель и истребитель правовѣрныхъ христіанъ, не возвратился изъ Персидской войны[2]) для истребленія христіанской вѣры, то увидѣлъ, что тамъ, при иконѣ Пресвятыя Богородицы, образъ святаго Меркурія сдѣлался на нѣкоторое время невидимымъ, потомъ показался съ окровавленнымъ копьемъ. А въ то самое время Юліанъ Отступникъ былъ пронзенъ на Персидской войнѣ копьемъ неизвѣстнаго воина, который тотчасъ послѣ того сдѣлался невидимъ. Окаянный Юліанъ, извергнувъ вверхъ хлынувшую изъ раны кровь, обращаясь къ Небу съ такими хульными словами на Христа: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ»!—умеръ со злобой на устахъ.

Это чудо сдѣлалось тогда явнымъ, ибо, по молитвамъ святаго Василія Великаго, сама Пресвятая Богородица послала сего угодника Божія и своего святаго побѣдоноснаго великомученика Меркурія — отъ Церкви Торжествующей къ Церкви Воинствующей—на казнь Богопротивнаго отступника Юліана, на защиту Святой Вѣры и православныхъ христіанъ. Его святымъ предстательствомъ и защитою пусть будемъ и мы сохранены отъ богопротивныхъ враговъ, побѣждаемыхъ съ помощію его, и будемъ вмѣстѣ съ нимъ славить Бога и Богородицу, во вѣки вѣковъ, аминь.

Кондакъ великомученика, гласъ д҃:

Во бранехъ непобѣдимаго воина, и҆ въ бѣдахъ непостыдна заступника, пѣснѣми меркꙋрїа ѹ҆блаженнѣмъ славѧще: праздꙋющїи бо памѧть є҆гѡ̀ веселѡ, ѿ бѣдъ и҆збавлѧетъ и҆ скорбей.

своимъ другомъ св. Григоріемъ Богословомъ, проводилъ отшельническую жизнь, потомъ былъ поставленъ сначала пресвитеромъ, а затѣмъ, въ 370 г.,—епископомъ Кесарійскимъ. Подобно св. Аѳанасію Александрійскому былъ ревностнымъ защитникомъ Православія въ эпоху аріанскихъ смутъ и написалъ для защиты и раскрытія православнаго ученія много замѣчательныхъ сочиненій, за что Церковь и дала ему названіе *Великаго*. Умеръ въ 379 году.

1) *Императоръ Юліанъ* царствовалъ съ 361 по 363 г. Сдѣлавшись императоромъ, онъ отступилъ отъ христіанской вѣры и поставилъ задачею своей жизни возстановленіе язычества. Посему онъ и называется *Отступникомъ*.

2) Персы жили въ Азіи, близъ Персидскаго залива. Въ разное время границы страны были разныя. Съ воцареніемъ среди нихъ династіи Сассанидовъ (въ 226 г. по Р. Хр.) вели неоднократно войны съ Римлянами. Персидская война, во время которой былъ убитъ Юліанъ, относится къ царствованію Персидскаго царя Сапореса II.

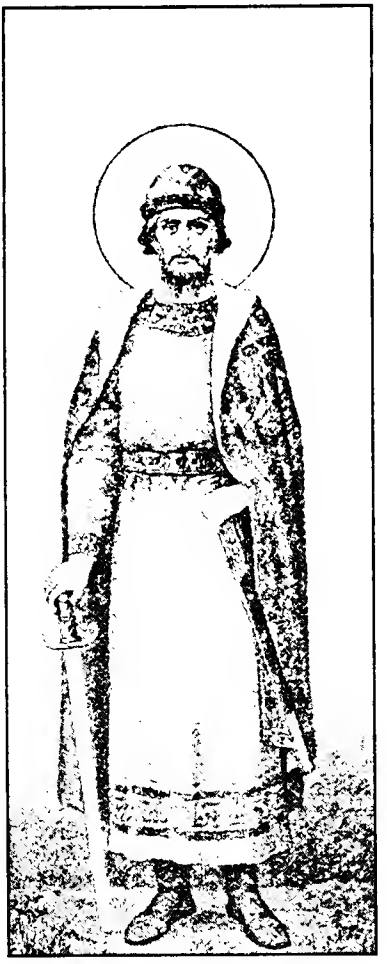
ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МЕРКУРІЯ СМОЛЕНСКАГО

Великое и тяжкое бѣдствіе постигло Русскую землю въ началѣ XIII вѣка. Божіимъ попущеніемъ за множество грѣховъ нашихъ на русскій народъ напали злые враги—татары. Множество жителей было убито или отведено въ плѣнъ; великое запустѣніе стало во всей землѣ Русской. Поля оставались необработанными,—лишь дикіе звѣри рыскали во множествѣ по полямъ, пожирая человѣческіе трупы. Много русскихъ князей погибло тогда, защищая свое отечество. Безбожные враги не щадили ни младенцевъ, ни беззащитныхъ жителей. Всѣхъ они избивали и немилосердно губили. Многихъ они предавали безчестно злымъ поруганіямъ. Жестокіе завоеватели связывали плѣнниковъ собственными ихъ волосами и гнали передъ собой, какъ животныхъ, нещадно нанося имъ удары бичами. Святые церкви и монастыри были разграблены, и иноки перебиты. Уже Кіевъ былъ сожженъ варварами и лежалъ въ развалинахъ. Ханъ татарскій Батый сталъ покорять другіе города; онъ достигъ Москвы и взялъ ее. Далѣе онъ подступилъ къ Смоленску и умыслилъ разорить его, уже онъ приближался съ громадной ратью къ сему городу. Среди варваровъ особенно отличался своей силой одинъ великанъ съ своимъ сыномъ. Сила ихъ была необычна, многіе уже погибли отъ руки сего мучителя. Онъ былъ во главѣ передоваго полка. Страхъ и трепетъ овладѣлъ жителями Смоленска: ихъ ожидала неминуемая гибель. Одна надежда имъ оставалась—на покровительство Царицы Небесной; они стали усердно просить Пресвятую Богородицу избавить ихъ отъ безбожныхъ враговъ и злыхъ мучителей. Царица Небесная, непобѣдимая помощница всѣмъ призывающимъ ее съ вѣрою, не допустила, чтобы сей городъ достался врагамъ, передовое полчище которыхъ было уже недалеко отъ Смоленска и остановилось въ такъ называемомъ Долгомостьѣ.

Въ сіе время въ Смоленскѣ проживалъ святый Меркурій. Родился онъ на Западѣ отъ благородныхъ родителей, державшихъ Православную Вѣру. Еще въ юныхъ лѣтахъ онъ переселился въ Смоленскъ и поступилъ на службу къ мѣстному князю. Будучи

воиномъ, Меркурій отличался своей силой и высокимъ ростомъ. Не менѣе онъ былъ великъ и духовной силой; съ ранняго возраста онъ обращалъ на себя вниманіе своей благочестивой жизнью: подвизался въ постѣ и цѣломудріи, каждую ночь онъ втайнѣ отъ всѣхъ воспѣвалъ благодарственныя хваленія Господу. Услышавъ о приближеніи злыхъ враговъ, о разореніи Божіихъ храмовъ, святый Меркурій скорбѣлъ и болѣлъ душею; съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе возгорался Божественной ревностью, онъ желалъ пострадать и положить душу свою за вѣру Христову. И молитва его была услышана.



Ст҃ый мч҃нкъ Меркꙋрій

Ночью въ соборномъ храмѣ предъ иконой Пресвятой Богородицы молился нѣкій пономарь, служившій въ семъ храмѣ. Со слезами просилъ онъ Пречистую Богоматерь объ избавленіи города отъ враговъ. Вдругъ онъ услышалъ Гласъ, раздававшійся отъ иконы:

— Иди къ рабу моему Меркурію на Подолье.

При семъ Пресвятая Богоматерь указала ему дверь, гдѣ жилъ святый Меркурій.

— Итакъ, ступай къ нему на дворъ указаннаго дома и тихо скажи ему: Меркурій! Тебя зоветъ Владычица. Ступай въ военныхъ доспѣхахъ на враговъ.

Удивился пономарь сему Гласу отъ иконы. Тотчасъ же онъ отправился изъ собора и пришелъ къ тому дому, который ему указала сама Пресвятая Богородица.

Онъ засталъ святаго Меркурія на дворѣ; святый подвижникъ молился и воздѣвалъ свои руки къ Небу. Онъ былъ въ своемъ воинскомъ вооруженіи, ибо въ тотъ самый часъ, когда пономарь услышалъ Гласъ отъ иконы Пречистой, то и святый Меркурій былъ предувѣдомленъ чудеснымъ образомъ о пришествіи къ нему пономаря.

Между тѣмъ пономарь подошелъ къ святому и сказалъ ему:

— Меркурій, ступай немедленно, ибо тебя зоветъ Владычица.

Святый Меркурій вмѣстѣ съ пономаремъ отправился въ церковь Пресвятой Богородицы. Въ храмѣ они нашли свѣчу, которая горѣла предъ иконой Богородицы. Святый Меркурій, упавъ предъ иконой, съ слезами сталъ молиться, прося Пресвятую Госпожу о помощи и заступленіи. Тогда вдругъ раздался Гласъ отъ иконы:

— Рабъ мой Меркурій, я посылаю тебя, чтобы ты отразилъ враговъ отъ града сего и защитилъ храмъ сей. Для сего я призвала тебя сюда изъ страны Римской. Враги втайнѣ задумали въ сію ночь напасть на градъ и разорить его. Но не оставлю я града сего: по молитвамъ моимъ онъ не будетъ преданъ въ руки враговъ. Немедленно ступай, рабъ мой, навстрѣчу врагамъ, ступай на мѣсто, извѣстное подъ названіемъ Долгомостье. Тамъ стоитъ вооруженная рать злыхъ варваровъ. Не бойся: ты побѣдишь воеводу вражескаго. Я не оставлю тебя. Въ сей битвѣ ты побѣдишь враговъ и самъ получишь отъ Господа вѣнецъ побѣды и вѣчнаго блаженства.

Услышавъ сей Гласъ, святый Меркурій преисполнился великой радости. Сама Царица Небесная обѣщала ему то, къ чему онъ давно уже стремился всей душой, ибо всегда былъ объятъ желаніемъ пострадать за своихъ братьевъ и за вѣру Христову. Возблагодаривъ Пресвятую Богородицу, онъ вышелъ изъ храма и, горя Божественной ревностью, немедленно отправился на указанное мѣсто.

Была глубокая ночь. Не ожидая такъ скоро нападенія враговъ, граждане были объяты крѣпкимъ сномъ. Тихо и незамѣтно прошелъ святый Меркурій мимо стражи у городскихъ воротъ. Придя на Долгомостье, онъ обнажилъ мечъ свой и со словами: «Пресвятая Богородица, помоги мнѣ» устремился на татарское полчище. Гордый исполинъ, надменный своей силой, палъ первымъ отъ руки святаго Меркурія: сила, которой онъ такъ превозносился, оставила его, лишь только предъ нимъ предсталъ Христовъ воинъ. Много и другихъ враговъ изъ передоваго полка погибло отъ меча святаго Меркурія: оставшіеся въ живыхъ враги были объяты ужасомъ и побѣжали. Святый Меркурій, отойдя въ сторону, сталъ молиться и благодарить Пресвятую Владычицу за Ея дивное и славное заступленіе.

— Пречистая, Преславная и Преблагословенная Владычица! Ты Своимъ ходатайствомъ спасла градъ сей и не допустила людямъ Твоимъ впасть въ руки злыхъ враговъ христіанскихъ. Нынѣ же молю Тебя, Пресвятая Богородице, не отрини и меня грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего: я знаю, что мнѣ надлежитъ вѣнчаться славнымъ вѣнцемъ мученичества и пролить кровь за святую вѣру. Не страшитъ меня сіе, ибо я уже давно имѣю желаніе разрѣшитися и со хр҃то́мъ быти. Помолись обо мнѣ, славная Заступнице нашего града, къ Сыну Твоему и Богу нашему: да причтетъ Онъ меня къ избранному Своему стаду и сподобитъ вѣчно восхвалять Его святое Имя.

Тогда раздался Гласъ:

— Да будетъ тебѣ по прошенію твоему.

Между тѣмъ враги, получивъ подкрѣпленіе, снова устремились на святаго Меркурія. Но воинъ Христовъ, призывая Имя Господне, опять поразилъ ихъ; враги отступили снова со срамомъ.

— Горе намъ,—вопили они,—нельзя намъ устоять противъ сего воина, ибо вмѣстѣ съ нимъ насъ поражаютъ нѣкіе молніеносные мужи. А надъ ними видимъ мы лучезарную Жену.

Въ сіе время сынъ убитаго исполина, желая отомстить за смерть своего отца, коварно напалъ на святаго Меркурія и усѣкъ ему мечомъ честну́ю его главу. На всѣхъ враговъ напалъ великій ужасъ: побросавъ оружіе, гонимые какой-то невѣдомой силой, они бѣжали отъ города, подъ которымъ погибло такъ много изъ лучшихъ бойцовъ, и удалились изъ предѣловъ Смоленскихъ.

На разсвѣтѣ граждане увидѣли чудное заступленіе Пресвятой Богородицы: предъ ними было покрытое трупами поле. Съ благодарностью они взяли тѣло славнаго заступника города—святаго Меркурія и съ честію погребли его въ соборѣ Пресвятой Богородицы у лѣваго клироса.

Вскорѣ послѣ своей кончины святый Меркурій явился въ сонномъ видѣніи вышеназванному пономарю и сказалъ:

— Повѣдай гражданамъ сего города: пусть они повѣсятъ мое оружіе надъ гробомъ моимъ—на воспоминаніе о славномъ заступникѣ и помощи Пресвятой Богоматери.

При семъ святый обѣщалъ свою помощь всѣмъ, призывающимъ его на помощь. Граждане тогда же повѣсили оружіе святаго надъ его гробницей.

При взятіи Смоленска Поляками въ 1611 году, когда соборный храмъ былъ разрушенъ и на мѣстѣ его построенъ католическій костелъ, осталось неизвѣстнымъ, куда скрыты гробъ съ останками св. Меркурія и его воинскіе доспѣхи. Въ настоящее время только желѣзный шишакъ и желѣзные башмаки, принадлежавшіе св. Меркурію, хранятся въ Успенскомъ соборѣ, въ особомъ ящикѣ.

Конда́къ мч҃нка, гла́съ д҃:

Ави́сѧ во бране́хъ непобѣди́мь во́инъ, ѿ ри́млѧнъ ро́домъ, сыновство̀ и҆мѣ̀ гра́да смоле́нска: ꙗ҆́кѡ бо си́хъ ра́ди нарече́сѧ, ꙗ҆́кѡ ѿ бц҃ы стра́жъ крѣ́покъ посла́сѧ гра́дꙋ, пѣ́сньми меркꙋ́рїѧ ᲂу҆бл҃жи́мъ, пра́зднꙋюще ве́селѡ па́мѧть є҆гѡ̀, ꙗ҆́кѡ да и҆зба́витъ гра́дъ на́шъ ѿ бѣды̀ ра̑тникъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

СИМОНА СОЙГИНСКАГО

Преподобный Симонъ происходилъ изъ города Сольвычегодска. Съ юнаго возраста благодать Божія почивала на немъ. Онъ уклонялся отъ мірской суеты. Въ молодыхъ годахъ онъ оставилъ домъ своихъ родителей и прибылъ въ монастырь къ преподобному Корнилію Комельскому. Узрѣвъ преподобнаго, святый Симонъ палъ на колѣни предъ нимъ и со слезами просилъ блаженнаго постричь его въ иноки. Отъ прозорливыхъ очей преподобнаго Корнилія не утаилось, что предъ нимъ стоитъ будущій подвижникъ Божій. Уступая его просьбамъ, онъ принялъ Симона и далъ ему въ руководители одного опытнаго старца. Подражая святому Корнилію, святый Симонъ подвизался въ постѣ и молитвахъ. Онъ безропотно исполнялъ всѣ послушанія, какія на него налагались, и отличался своимъ необычайнымъ смиреніемъ. Такъ, въ теченіе многихъ лѣтъ онъ неисходно подвизался въ Корниліевомъ монастырѣ. Въ 1537 году, по преставленіи своего великаго наставника, святый Симонъ вмѣстѣ со старцемъ Логгиномъ, отличавшимся своей благочестивой жизнью, направился къ своей родинѣ Сольвычегодску. Оба подвижника искали уединенія. Въ верстахъ 15 отъ города, при устьѣ рѣки Коряжемы, они оста-

новились. Здѣсь преподобный Логгинъ рѣшился поселиться среди глухаго лѣса. Святый Симонъ рѣшился помочь Логгину, уже изнуренному иноческими подвигами и бывшему въ преклонномъ возрастѣ. Оба они построили здѣсь келлію и часовню. Нѣкоторое время преподобный Симонъ подвизался въ сей мѣстности вмѣстѣ съ Логгиномъ. Но затѣмъ, вознамѣрившись искать себѣ болѣе уединеннаго мѣста, онъ разстался съ святымъ Логгиномъ и направился вверхъ по Вычегдѣ.

Въ 60 верстахъ отъ Коряжемы, на возвышенномъ берегу Вычегды, при устьѣ рѣки Сойги, среди дикаго лѣса, святый срубилъ себѣ келлію, а потомъ построилъ и храмъ во имя честнáго и славнаго Преображенія Господа нашего Іисуса Христа[1]). Сей храмъ былъ освященъ 17 мая 1541 года. Въ сей дикой и глухой мѣстности и сталъ подвизаться преподобный Симонъ. Воздержаніе и молитвенныя бдѣнія его были поистинѣ изумительны.

Къ нему стали собираться люди, желавшіе подвизаться въ пустынѣ подъ руководствомъ святаго мужа, отличавшагося своимъ благочестіемъ. И блаженный всѣхъ наставлялъ и поучалъ. Какъ истинный пастырь онъ своимъ примѣромъ указывалъ всѣмъ путь, ведущій къ спасенію и вѣчному блаженству. Такъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ подвизался святый въ своей пýстыни. Незадолго до своей кончины преподобный былъ обрадованъ извѣстіемъ, что его духовный другъ и наставникъ святый Логгинъ прославленъ чудесами. Послѣ такой подвижнической жизни онъ съ міромъ предалъ Господу свою честнýю душу 24 ноября 1562 года, оплакиваемый своими осиротѣлыми учениками. Святыя мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ основанной преподобнымъ, нынѣ упраздненной, обители въ храмѣ во имя святой Великомученицы Екатерины.

---

1) *Спасо-Преображенская-Сойгинская,* или *Соежская, пýстынь,* нынѣ погостъ Сойгинскій-Преображенскій, находится въ Вологодской губерніи Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ 82 верстахъ отъ Сольвычегодска, на правомъ берегу рѣки Сойги, при впаденіи ея въ рѣку Вычегду. Эта пустынь въ 1791 году была совершенно упразднена и обращена въ приходскій храмъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ

МАСТРИДІИ

Въ городѣ Александріи[1]) Египетской проживала одна святая дѣва, по имени Мастридія, которая, заботясь о своей душѣ, пребывала ради Христа въ безмолвіи, въ постѣ, въ постоянномъ бодрствованіи, въ молитвахъ, раздавая при этомъ много милостыни. Но діаволъ, всегда препятствующій людямъ въ подвигахъ Богоугодной жизни, не могъ вынести таковыхъ добродѣтелей святой дѣвы и началъ съ нею бороться такимъ образомъ. Онъ вложилъ одному юношѣ нечистое желаніе къ этой дѣвѣ. Юноша приходилъ въ домъ ея самъ или присылалъ кого-либо къ ней, склоняя ее къ этой страсти, однако не получалъ никакого отвѣта. Когда Мастридія выходила изъ дому и направлялась въ церковь помолиться Богу, и въ это время юноша не отставалъ отъ нея, чѣмъ причинялъ святой дѣвѣ великую скорбь. Онъ говорилъ ей такія слова, которыя любятъ слушать только грѣхолюбивыя, что побудило святую Мастридію не выходить никуда изъ своего дома, даже и въ церковь.

Въ одинъ день Мастридія послала къ юношѣ свою рабыню съ такими словами:

— Приходи, тебя зоветъ моя госпожа.

Юноша съ радостію пришелъ къ ней, думая, что она согласится на его нечестивое желаніе. Мастридія, когда вошелъ къ ней юноша, занималась тканіемъ полотна и спросила его:

— Зачѣмъ ты, братъ, доставляешь мнѣ столько огорченія и печали, что не даешь мнѣ даже сходить въ церковь?

— Поистинѣ, — отвѣтилъ юноша, — я очень люблю тебя, и, когда тебя вижу, я весь бываю, какъ бы огненный.

— Что же ты видишь во мнѣ? — спросила юношу Мастридія.

— Я вижу очи твои настолько прекрасными, — сказалъ юноша, — что они прельщаютъ меня.

---

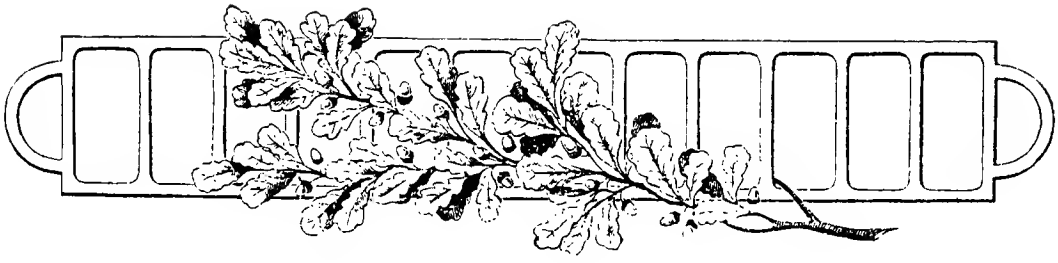
[1]) Объ *Александріи* см. прим. 2, на стр. 659.

Святая дѣва, услышавъ, что ея глаза прельщаютъ людей, челнокомъ, которымъ ткала полотно, тотчасъ же проколола себѣ глаза.

Юноша, увидавъ сіе, ужаснулся. Когда же онъ уразумѣлъ, что святая дѣва совершила сіе по ревности ко Христу и ради спасенія ближняго своего отъ соблазна[1]), на него нашелъ страхъ Божій и онъ раскаялся. Отправившись въ скитъ, юноша облекся въ черныя одежды и сдѣлался строгимъ инокомъ, подражая въ молитвенныхъ подвигахъ и воздержаніи святымъ отцамъ.

Мастридія же окончила свое житіе, работая Господу, къ Которому и предстала.

[1]) Христосъ Спаситель, научая Своихъ послѣдователей побѣждать дурныя страсти, сказалъ: а҆́ще о҆́ко твоѐ соблажня́етъ тѧ̀, и҆сткиѝ є҆̀: до́брѣе тѝ є҆́сть со є҆ди́нѣмъ о҆́комъ вни́ти въ цр҃твїе бж҃їе, не́же двѣ̀ о҆́цѣ и҆мꙋ́щꙋ вве́рженꙋ бы́ти въ гее́ннꙋ о҆́гненнꙋю (Еванг. отъ Марк., гл. 9, 47 ст.). Святая же Мастридія лишила себя глазъ, по ревности ко Христу, чтобы, удаливъ причину соблазна для юноши, тѣмъ самымъ и его подвигнуть ко спасенію.



День двадцать пятый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

КЛИМЕНТА,

папы Римскаго

Въ славномъ и великомъ древнемъ городѣ Римѣ жилъ одинъ человѣкъ знатнаго происхожденія, по имени Фавстъ, происходившій изъ рода древнихъ римскихъ царей. У него была жена, по имени Матѳидія, также царскаго происхожденія и бывшая въ родствѣ съ римскими императорами Августомъ и Тиверіемъ[1]). Мужъ и жена были ревностными язычниками и поклонялись идоламъ. У нихъ родились сначала два сына-близнецы, изъ которыхъ одного назвали Фавстиномъ, а другого — Фавстиніаномъ; затѣмъ родился третій сынъ, которому дали имя Климента.

У Фавста былъ братъ, злой и безнравственный человѣкъ. Видя красоту Матѳидіи, онъ прельстился ею и сталъ соблазнять ее на грѣхъ; но она, будучи весьма цѣломудренной, не пожелала нарушить вѣрность мужу и оскверненіемъ ложа обезчестить достоинство своего знатнаго рода; посему всѣми силами старалась от-

---

[1]) *Октавіанъ Августъ* — 1-й Римскій императоръ послѣ уничтоженія въ Римѣ республики, царствовалъ съ 30 года до Р. Хр. по 14-й по Р. Хр. *Тиверій,* пасынокъ его, царствовалъ съ 14-го по 37-й г.; въ царствованіе его пострадалъ и пріялъ крестную смерть Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Сщенномчнкъ Климентъ

странить отъ себя соблазнителя. Не желая явно обличать его, она не говорила объ этомъ никому, даже своему мужу, боясь, чтобы о нихъ не распространилась дурная молва и не обезславился бы домъ ихъ. Но братъ Фавста долгое время просьбами и угрозами принуждалъ ее къ тому, чтобы она покорилась его нечистому желанію. Матѳидія, видя, что она не въ состояніи избавиться отъ его преслѣдованій, если не удалится отъ встрѣчъ съ нимъ, рѣшилась на слѣдующее.

Однажды утромъ она обратилась къ своему мужу съ слѣдующею рѣчью:

— Дивный сонъ видѣла я сегодня ночью, господинъ мой: видѣла я почтеннаго и стараго мужа, какъ бы одного изъ боговъ, который говорилъ мнѣ: если ты и два твои близнецы-сыновья не уйдете изъ Рима на десять лѣтъ, то вмѣстѣ съ ними умрешь мучительною и внезапною смертію.

Услышавъ сіи слова, Фавстъ удивился, много размышлялъ объ этомъ и рѣшился отпустить ее и двухъ сыновей изъ Рима на десять лѣтъ, разсуждая: «Лучше, если любимая моя супруга съ дѣтьми жива будетъ въ чужой странѣ, нежели здѣсь умретъ внезапною смертію». Снарядивъ корабль и запасшись всѣмъ нужнымъ для продовольствія, онъ отпустилъ ее съ двумя сыновьями—Фавстиномъ и Фавстиніаномъ въ страну греческую, въ Аѳины. Съ ними отправилъ множество рабовъ и рабынь и снабдилъ ихъ большимъ имуществомъ, повелѣвъ Матѳидіи, чтобы она въ Аѳинахъ отдала сыновей обучаться греческой мудрости.

Такъ разстались они другъ съ другомъ съ невыразимымъ сожалѣніемъ и слезами. Матѳидія съ двумя сыновьями въ кораблѣ отплыла, а Фавстъ съ младшимъ сыномъ Климентомъ остался въ Римѣ.

Когда Матѳидія плыла по морю, на морѣ разразилась сильная буря и поднялось большое волненіе; корабль былъ отнесенъ волнами и вѣтромъ въ невѣдомую страну, въ полночь былъ разбитъ, и всѣ потонули. Матѳидія же, носимая бурными волнами, была выброшена на камень одного острова, недалеко отъ Асійской страны[1]). И неутѣшно плакала она объ утонувшихъ дѣтяхъ своихъ, отъ горькой печали хотѣла даже броситься въ море, но жители той страны, увидавъ ее нагую, сильно кричащую и стенавшую, сжалились надъ ней, взяли ее въ свой городъ и одѣли ее.

Нѣкоторыя страннолюбивыя женщины, пришедши къ ней, стали утѣшать ее въ горѣ; каждая изъ нихъ стала разсказывать ей все, что̀ случилось и въ ихъ жизни прискорбнаго, и своимъ сочувствіемъ нѣсколько облегчили ея печаль. Одна изъ нихъ сказала при этомъ:

— Мужъ мой былъ корабельщикомъ; еще очень молодымъ онъ потонулъ въ морѣ, и я осталась молодою вдовой; многіе желали на мнѣ жениться, но я, любя мужа и будучи не въ силахъ забыть его и по его смерти, рѣшила остаться вдовой. Если хочешъ, то оставайся въ дому моемъ жить со мною, я и ты будемъ кормиться своими трудами.

Матѳидія послѣдовала ея совѣту и, поселившись въ ея домѣ, своими трудами добывала себѣ пищу и двадцать четыре года пробыла въ такомъ положеніи.

Дѣти ея—Фавстинъ и Фавстиніанъ—послѣ кораблекрушенія по изволенію Божіему тоже остались живыми; выброшенные на берегъ, они были увидѣны находившимися тамъ морскими разбойниками, которые взяли ихъ въ свою лодку, привезли въ Кесарію Стратонійскую[2]) и продали здѣсь одной женщинѣ, по имени Іустѣ, которая воспитала ихъ вмѣсто дѣтей и отдала ихъ въ обученіе. Такимъ образомъ они научились различнымъ языческимъ наукамъ, но потомъ, услышавъ Евангельскую проповѣдь о Христѣ, приняли Святое Крещеніе и послѣдовали за Апостоломъ Петромъ.

---

[1]) *Асіей* называлась у Римлянъ провинція, расположенная въ теперешней Малой Азіи (Анатолійскій полуостровъ), по берегу Средиземнаго моря: въ составъ ея входило нѣсколько городовъ съ ихъ областями; столицей же ея считался Пергамъ.

[2]) Городовъ съ именемъ Кесарія, или Цезарія, въ древнее время было много. Подъ именемъ *Кесаріи Стратонійской* нужно разумѣть палестинскій городъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря, извѣстный болѣе подъ именемъ *Кесаріи Палестинской*. Городъ этотъ построенъ Іудейскимъ царемъ Иродомъ на мѣстѣ древняго города Стратонъ и названъ Кесаріей въ честь Кесаря Августа (Римскаго императора Октавія Августа). Въ настоящее время на мѣстѣ его однѣ только развалины, покрытыя дикими растеніями.

Фавстъ же, отецъ ихъ, живя въ Римѣ съ Климентомъ и ничего не зная о бѣдствіяхъ, постигшихъ жену и дѣтей, послалъ по истеченіи года нѣкоторыхъ рабовъ въ Аѳины узнать, какъ живутъ его жена и дѣти, и послалъ съ ними много различныхъ вещей; но рабы его не возвратились. На третій годъ Фавстъ, не получая никакого извѣстія о женѣ и дѣтяхъ своихъ, очень опечалился и послалъ другихъ рабовъ со всѣмъ необходимымъ въ Аѳины. Прибывъ туда, они никого не нашли и на четвертый годъ возвратились къ Фавсту и сообщили ему, что совсѣмъ не могли отыскать въ Аѳинахъ госпожи своей, ибо никто о ней тамъ даже не слыхалъ, и они не могли напасть на слѣдъ ея, такъ какъ никого изъ своихъ не могли найти. Услышавъ все это, Фавстъ еще больше опечалился и сталъ горько плакать. Онъ обошелъ всѣ приморскіе города и пристани въ Римской странѣ, разспрашивалъ корабельщиковъ о своей женѣ и дѣтяхъ, но ни отъ кого не узналъ ничего. Потомъ, соорудивъ корабль и взявъ съ собой нѣсколько рабовъ и немного имущества, отправился самъ отыскивать подругу свою и любезныхъ дѣтей, а младшаго сына Климента оставилъ съ вѣрными рабами дома учиться наукамъ. Чуть не всю вселенную онъ обошелъ и посуху, и по морю, многіе годы отыскивая своихъ родныхъ и не находя ихъ. Наконецъ, уже отчаявшись даже видѣть ихъ, предался глубокой скорби, такъ что не хотѣлъ даже возвращаться домой, считая тяжелымъ бременемъ наслаждаться благами міра сего безъ возлюбленной супруги своей, къ которой питалъ великую любовь за ея цѣломудріе. Отвергнувъ всѣ почести и славу міра сего, онъ скитался по чужимъ странамъ, какъ нищій, не открывая о себѣ никому, кто—онъ.

Между тѣмъ, отрокъ Климентъ пришелъ въ совершеннолѣтній возрастъ и хорошо изучилъ всѣ философскія ученія. При всемъ томъ, не имѣя ни отца, ни матери, онъ всегда находился въ печали. Между тѣмъ, ему пошелъ уже двадцать четвертый годъ отъ рожденія съ тѣхъ поръ, какъ мать вышла изъ дому, и двадцать лѣтъ, какъ исчезъ его отецъ.

Потерявъ надежду на то, что они живы, Климентъ скорбѣлъ о нихъ, какъ о мертвыхъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ памятовалъ и о своей смерти, такъ какъ хорошо зналъ, что всякій можетъ умереть; но, не зная, гдѣ онъ будетъ находиться послѣ смерти и есть ли другая какая жизнь послѣ сей кратковременной жизни или нѣтъ, всегда плакалъ и не хотѣлъ утѣшиться никакими наслаж-

деніями и радостями мірскими. Въ это время Климентъ, услыхавъ о пришествіи Христовомъ въ міръ, сталъ стремиться узнать о томъ достовѣрно. Случилось ему бесѣдовать съ однимъ благоразумнымъ человѣкомъ, который и разсказалъ ему, какъ пришелъ въ Іудею Сынъ Божій, даруя всѣмъ, кто будетъ исполнять волю Пославшаго Его Отца, жизнь вѣчную. Услыхавъ о семъ, Климентъ возгорѣлся необычайнымъ желаніемъ узнать подробнѣе о Христѣ и о Его ученіи. Для этого онъ рѣшилъ идти въ Іудею, въ которой распространялось благовѣстіе Христово. Оставивъ домъ свой и большое имѣніе, онъ взялъ съ собою вѣрныхъ рабовъ и достаточное количество золота, сѣлъ на корабль и отплылъ въ Іудейскую страну. Вслѣдствіе разразившейся на морѣ бури онъ занесенъ былъ вѣтромъ въ Александрію и тамъ нашелъ апостола Варнаву[1]), ученіе котораго о Христѣ слушалъ съ наслажденіемъ. Потомъ онъ отплылъ въ Кесарію Стратонійскую и нашелъ святаго Апостола Петра. Принявъ отъ него Святое Крещеніе, онъ послѣдовалъ за нимъ съ прочими учениками, между которыми были и два брата его, близнецы Фавстинъ и Фавстиніанъ. Но Климентъ не узналъ ихъ, равно какъ и братья его не узнали, потому что они были очень малы, когда разлучились, и не помнили другъ друга. Петръ, отправляясь въ Сирію, послалъ впередъ себя Фавстина и Фавстиніана, а Климента оставилъ при себѣ и вмѣстѣ съ нимъ сѣлъ въ корабль и поплылъ по морю.

Когда они плыли, Апостолъ спросилъ Климента о его происхожденіи. Тогда Климентъ подробно разсказалъ ему: какого онъ происхожденія и какъ мать его, подъ вліяніемъ сновидѣнія, ушла въ Аѳины съ двумя малолѣтними сыновьями,—какъ отецъ, по прошествіи четырехъ лѣтъ, ушелъ разыскивать ихъ и не возвратился; къ этому онъ присоединилъ и то, что прошло уже двадцать лѣтъ, какъ онъ ничего не знаетъ о своихъ родныхъ, почему онъ думаетъ, что родители его и братья умерли. Петръ, выслушавъ разсказъ его, умилился.

Между тѣмъ, по усмотрѣнію Божію, корабль присталъ къ тому острову, гдѣ находилась Климентова мать—Матѳидія. Когда нѣкоторые вышли изъ корабля, чтобы купить въ городѣ необходимое для житейскихъ потребностей, то и Петръ вышелъ, а Климентъ остался на кораблѣ. Направляясь къ городу, Петръ

---

[1]) *Апостолъ Варнава* —одинъ изъ семидесяти. Память его празднуется 11-го іюня.

увидалъ старицу, сидящую при вратахъ и просящую милостыню; то была Матѳидія, которая не могла уже питаться своими трудами отъ слабости рукъ и потому просила милостыню, чтобы питать себя и другую старицу, принявшую ее въ свой домъ, которая также была разслабленной и лежала больною въ домѣ. Апостолъ, увидавъ сидящую Матѳидію, уразумѣлъ духомъ, что эта женщина чужестранка, и спросилъ объ отечествѣ ея. Тяжко вздохнувъ, Матѳидія прослезилась и сказала:

— О горе мнѣ, странницѣ! Потому что нѣтъ въ мірѣ бѣднѣе и несчастнѣе меня.

Апостолъ Петръ, при видѣ ея тяжкой скорби и сердечныхъ слезъ, началъ внимательно разспрашивать ее, кто она и откуда?

Изъ разговора съ нею онъ понялъ, что она — мать Климента, и сталъ утѣшать ее, говоря:

— Я знаю младшаго сына твоего Климента: онъ находится въ этой странѣ.

Матѳидія, услыхавъ о своемъ сынѣ, сдѣлалась, отъ ужаса и страха, какъ мертвая; но Петръ взялъ ее за руку и повелѣлъ ей идти за собою къ кораблю:

— Не печалься, старица,—говорилъ ей Апостолъ дорогою,— потому что сейчасъ узнаешь все о сынѣ твоемъ.

Когда они шли къ кораблю, то къ нимъ навстрѣчу вышелъ Климентъ и, увидѣвъ женщину, шедшую за Петромъ, удивился. Она же, всмотрѣвшись въ Климента, тотчасъ же узнала его, по сходству съ отцомъ, и спросила Петра:

— Не это ли Климентъ, сынъ мой?

Петръ сказалъ:

— Онъ и есть.

И упала Матѳидія на шею Климента, и заплакала. Климентъ же, не зная, кто эта женщина и почему она плачетъ, сталъ ее отстранять отъ себя. Тогда Петръ сказалъ ему:

— Не отталкивай, чадо, родившую тебя.

Климентъ, услышавъ сіе, прослезился и упалъ къ ногамъ ея, цѣлуя ее и плача. И была у нихъ великая радость, ибо они нашли и узнали другъ друга. Петръ помолился о ней Богу и исцѣлилъ руки ея. Она же стала просить Апостола объ исцѣленіи старицы, у которой поселилась. Апостолъ Петръ вошелъ въ домъ ея и исцѣлилъ послѣднюю; Климентъ же далъ ей 1000 драхмъ[1]) —

[1]) *Драхма*—древне-греческій вѣсъ и серебряная монета цѣнностію въ 24 коп.

въ награду за пропитаніе матери своей. Потомъ, взявъ мать вмѣстѣ съ исцѣлившеюся старицею, ввелъ ихъ на корабль, и они отплыли.

Дорогою Матѳидія спросила сына о мужѣ своемъ Фавстѣ и, узнавъ, что онъ отправился отыскивать ее и что двадцать лѣтъ нѣтъ объ немъ никакого извѣстія, плакала по немъ горько, какъ по умершемъ, не надѣясь видѣть его живымъ. Доплывъ до Антандроса[1]), они оставили корабль и продолжали путь свой по сушѣ. Достигнувъ Лаодикіи[2]), они встрѣчены были Фавстиномъ и Фавстиніаномъ, которые прибыли туда прежде ихъ. Они спросили Климента:

— Кто эта чужая женщина, которая находится при васъ съ другою старицею?

Климентъ отвѣчалъ:

— Мать моя, которую я отыскалъ въ чужой странѣ.

И началъ имъ по порядку разсказывать, сколько времени съ матерію не видался и какъ ушла она изъ дому съ двумя близнецами.

Услыхавъ это, они поняли, что Климентъ—братъ ихъ и та женщина—мать ихъ, и заплакали отъ большой радости, воскликнувъ:

— Значитъ, это—мать наша Матѳидія, ты же—братъ нашъ Климентъ, ибо мы и есть близнецы Фавстинъ и Фавстиніанъ, вышедшіе съ матерью изъ Рима.

Сказавъ это, они бросились другъ другу на шею, плакали много и любезно цѣловались. Видя, какъ мать радуется о дѣтяхъ, которыхъ неожиданно нашла здравыми, и разсказывая другъ другу, какими Божіими судьбами были спасены отъ потопленія, они прославили Бога; только объ одномъ скорбѣли они, что никто ничего не зналъ объ отцѣ ихъ. Потомъ они стали просить Апостола Петра, чтобы онъ крестилъ мать ихъ. Рано утромъ они пришли къ морю, святый Апостолъ Петръ въ отдѣльномъ помѣщеніи совершилъ Крещеніе надъ Матѳидіей и сопровождавшей ее старицей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и, отославъ ее съ сыновьями впередъ себя въ жилище, самъ пошелъ другой дорогой.

---

1) *Антандросъ*—городъ при Адрамитскомъ заливѣ въ Мизіи, сѣверо-западной области Малой Азіи. Развалины этого древняго города существуютъ и понынѣ.

2) *Лаодикія*—главный городъ древней Фригіи на западѣ Малой Азіи. Лаодикійская Церковь принадлежала къ числу семи знаменитыхъ Малоазійскихъ Церквей, упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ. Нынѣ однѣ только развалины на одномъ невысокомъ холмѣ, при опустошенномъ селеніи Эски—Гиссара, служатъ памятникомъ древняго города. Въ церковной исторіи Лаодикія извѣстна по бывшему тамъ въ 365-мъ году Собору, оставившему подробныя правила касательно порядка Богослуженія, нравственнаго поведенія клира и мірянъ и различныхъ пороковъ и заблужденій того времени.

И вотъ, на дорогѣ встрѣтился ему благообразный мужъ—съ сѣдою бородою, бѣдно одѣтый,—ожидавшій Апостола Петра, котораго онъ почтительно привѣтствовалъ:

— Вижу, что ты человѣкъ чужестранный и не простой; самое лицо твое показываетъ, что ты человѣкъ разумный: посему желаю немного побесѣдовать съ тобой.

Петръ на это сказалъ:

— Говори, господинъ, если хочешь.

— Я видѣлъ тебя,—сказалъ тотъ,—нынче въ сокровенномъ мѣстѣ на берегу молящимся; незамѣтно посмотрѣвъ, я отошелъ и немного подождалъ тебя здѣсь, желая сказать, что вы напрасно утруждаете себя молитвой Богу, потому что нѣтъ никакого Бога ни на Небѣ, ни на землѣ, и нѣтъ никакого Божія Промысла о насъ, но все въ мірѣ семъ случайно. Посему не увлекайтесь и не трудитесь молиться Богу, ибо Его не существуетъ.

Святый Петръ, услышавъ эти разсужденія, сказалъ ему:

— Почему ты думаешь, что все не по Божіему устройству и Промыслу, но случайно бываетъ, и чѣмъ ты докажешь, что нѣтъ Бога? Если нѣтъ Бога, то кто сотворилъ небо и украсилъ его звѣздами? Кто сотворилъ землю и одѣлъ ее цвѣтами?

Человѣкъ тотъ, воздохнувъ изъ глубины сердца, промолвилъ:

— Знаю я, господинъ, отчасти астрономію, а богамъ такъ усердно служилъ, какъ никто другой; и позналъ я, что всѣ надежды на Бога суетны, и нѣтъ никакого Бога; если бы былъ на небѣ какой-нибудь Богъ, то услышалъ бы вздохи плачущихъ, внялъ бы молитвамъ молящихся, призрѣлъ бы на горесть сердца, изнемогающаго отъ печали. Но такъ какъ нѣтъ того, кто бы подавалъ утѣшеніе въ скорбяхъ, то отсюда заключаю, что нѣтъ Бога. Если бы былъ Богъ, то услышалъ бы меня въ горѣ молящагося и рыдающаго, ибо, господинъ мой, двадцать лѣтъ и даже больше я нахожусь въ великой печали, и какъ много я молился всѣмъ богамъ, какъ много я жертвъ принесъ имъ, какъ много пролилъ слезъ и рыданій! И ни одинъ изъ боговъ не услышалъ меня, и весь трудъ мой былъ напрасенъ.

Послѣ этого Петръ сказалъ:

— Потому ты и не услышанъ былъ столько времени, что молился многимъ богамъ — суетнымъ и ложнымъ, а не Единому, Истинному Богу, въ Котораго мы вѣруемъ и Которому молимся.

Такъ бесѣдуя съ тѣмъ человѣкомъ и разсуждая о Богѣ, Петръ уразумѣлъ, что говоритъ съ Фавстомъ, мужемъ Матѳидіи, отцомъ Климента и братьевъ его, и сказалъ ему:

— Если ты желаешь вѣровать въ Единаго, Истиннаго Бога, сотворившаго Небо и землю, то сейчасъ увидишь невредимыми и здоровыми и жену, и дѣтей своихъ.

Онъ на это отвѣтилъ:

— Неужели жена моя съ дѣтьми восстанетъ изъ мертвыхъ? Я по звѣздамъ самъ узналъ, и отъ премудраго астролога Аннувіона мнѣ извѣстно, что и жена моя, и двое дѣтей моихъ утонули въ морѣ.

Тогда Петръ ввелъ Фавста въ жилище свое; когда тотъ взошелъ туда и увидѣлъ Матѳидію, то ужаснулся и, пристально съ удивленіемъ смотря на нее, молчалъ. Потомъ сказалъ:

— Въ силу какого чуда совершилось это? Кого теперь вижу?— И подошедши поближе, воскликнулъ: — Воистину моя возлюбленная супруга здѣсь!

Тотчасъ отъ внезапной радости оба обезсилели, такъ что и говорить другъ съ другомъ не могли, ибо и Матѳидія узнала своего мужа. Когда же послѣдняя немного пришла въ себя, то такъ сказала:

— О любезный мой Фавстъ! Какъ ты нашелся живымъ, когда мы слышали, что ты умеръ?

Тогда была неописуемая радость для всѣхъ, и отъ радости великій плачъ, потому что и супруги узнали другъ друга, и дѣти узнали своихъ родителей; и, обнявшись, плакали, и веселились, и благодарили Бога. И всѣ тамъ бывшіе, видя неожиданную ихъ общую встрѣчу послѣ долгой разлуки, прослезились и благодарили Бога. Фавстъ же припалъ къ Апостолу, прося Крещенія, потому что искренно увѣровалъ во Единаго Бога, и, будучи крещенъ, возсылалъ со слезами благодарственныя молитвы Богу. Потомъ всѣ удалились оттуда въ Антіохію.

Когда они учили тамъ вѣрѣ во Христа, то игемонъ Антіохійскій узналъ все о Фавстѣ, его женѣ и дѣтяхъ, о ихъ высокомъ происхожденіи, а также о приключеніяхъ ихъ, и тотчасъ послалъ вѣстниковъ въ Римъ, чтобы извѣстить обо всемъ царя. Государь повелѣлъ игемону, чтобы онъ поскорѣе доставилъ въ Римъ Фавста и его семейство съ большою честію. Когда это было исполнено, императоръ радовался ихъ возвращенію, а когда узналъ все,

случившееся съ ними, долго плакалъ. Въ тотъ же день онъ устроилъ въ честь ихъ пиръ, на другой день далъ имъ много денегъ, а также рабовъ и рабынь. И были они въ большомъ почетѣ у всѣхъ.

Проводя жизнь въ глубокомъ благочестіи, творя милостыню бѣднымъ и въ преклонной старости раздавъ все нуждающимся, Фавстъ и Матѳидія отошли ко Господу.

Дѣти же ихъ, когда Петръ пришелъ въ Римъ, подвизались въ апостольскомъ ученіи, а блаженный Климентъ былъ даже неразлучнымъ ученикомъ Петра во всѣхъ его путешествіяхъ, трудахъ и былъ ревностнымъ проповѣдникомъ ученія Христова. За это Петръ поставилъ его епископомъ прежде своего распятія, которое претерпѣлъ отъ Нерона[1]). Послѣ смерти Апостола Петра, а за нимъ епископа Лина[2]), и епископа Анаклета[3]), Климентъ, во времена волненій и усобицъ въ Римѣ, управлялъ мудро кораблемъ Церкви Христовой[4]), которая была тогда возмущаема отъ мучителей, и пасъ стадо Христово съ большимъ трудомъ и терпѣніемъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, подобно рыкающимъ львамъ и хищнымъ волкамъ, лютыми гонителями, которые старались поглотить и уничтожить Христову вѣру. Находясь въ такомъ бѣдствіи, онъ не переставалъ заботиться съ великимъ стараніемъ и о спасеніи душъ человѣческихъ, такъ что обратилъ ко Христу много невѣрныхъ не только изъ простого народа, но даже изъ царскаго двора — благородныхъ и сановитыхъ, въ числѣ которыхъ былъ нѣкто сановникъ Сисиній и немало изъ рода царя Нервы[5]). Своею проповѣдію святый Климентъ въ одно время на Пасхѣ обратилъ ко Христу четыреста двадцать четыре человѣка знатнаго рода и всѣхъ крестилъ; Домициллу же, племянницу свою, которая была обручена Авреліану, сыну первѣйшаго Римскаго сановника, посвятилъ на сохраненіе дѣвства. Сверхъ того, онъ раздѣлилъ Римъ между семью писцами, чтобы они описывали страданія мучениковъ, которыхъ тогда убивали за Христа.

Когда же его ученіемъ и трудами, чудными дѣлами и добродѣтельною жизнію стала Церковь Христова умножаться, тогда гонитель

---

1) 29-го іюня 67-го года.

2) Память *святаго епископа Римскаго Лина* (67—69 г.), единаго изъ лика 70 апостоловъ, совершается 5-го ноября и 4-го января.

3) *Святый Анаклетъ* — епископъ Римскій съ 79 по 91 г.

4) *Святый апостолъ Климентъ* управлялъ Римскою церковію съ 91 по 100 г.

5) *Нерва*—Римскій императоръ, царствовавшій съ 96 по 98 г. по Р. Хр.

вѣры христіанской комитъ Торкутіанъ[1]), увидѣвъ безчисленное множество увѣровавшихъ во Христа, наученныхъ Климентомъ, возмутилъ нѣкоторыхъ изъ народа возстать противъ Климента и противъ христіанъ. Произошло волненіе въ народѣ, и мятежники пришли къ епарху города, Мамертину, и стали кричать, до какихъ поръ Климентъ будетъ унижать нашихъ боговъ; другіе же напротивъ, защищая Климента, говорили:

— Какое зло сдѣлалъ сей человѣкъ или какого добраго дѣла онъ не сдѣлалъ? Кто бы изъ недужныхъ ни приходилъ къ нему, онъ всякаго исцѣлялъ; каждый, съ печалію пришедшій къ нему, получалъ утѣшеніе; никому никогда онъ не сдѣлалъ зла, но всѣмъ— много сдѣлалъ благодѣяній.

Однако, всѣ прочіе, исполненные духа непріязни, кричали:

— Волшебствомъ все это онъ дѣлаетъ, а службу нашимъ богамъ искореняетъ. Зевса не называетъ богомъ, Геркулеса, нашего покровителя, называетъ нечистымъ духомъ, честну́ю Афродиту называетъ не иначе, какъ блудницей, о великой Вестѣ говоритъ, что ее нужно сжечь; такъ же и Аѳину, Артемиду, Гермеса; Хроноса же и Арея хулитъ и безчеститъ; всѣхъ нашихъ боговъ и храмы ихъ постоянно безчеститъ и осуждаетъ. Поэтому пусть онъ или принесетъ жертву богамъ, или будетъ наказанъ.

Тогда епархъ Мамертинъ, подъ вліяніемъ шума и волненія толпы, приказалъ привести къ себѣ святаго Климента и началъ говорить ему:

— Ты произошелъ изъ благороднаго рода, какъ говорятъ всѣ римскіе граждане, но соблазнился, и посему не могутъ терпѣть тебя и молчать; неизвѣстно, какого ты Бога почитаешь: какого-то новаго, называемаго Христомъ, противнаго нашимъ богамъ. Тебѣ слѣдуетъ оставить всякое заблужденіе и увлеченіе и поклониться богамъ, которымъ мы кланяемся.

Святый Климентъ отвѣтилъ:

— Молю твое благоразуміе, послушай меня, а не безумныхъ словъ грубой черни, напрасно возстающей на меня, ибо хотя и многія собаки лаютъ на насъ, но онѣ не могутъ отнять отъ насъ того, что принадлежитъ намъ; ибо мы—люди здравые и разумные, они же—собаки безъ разума, лающія безсмысленно на доброе

---

[1]) *Комитами* (лат. слово) назывались у Римлянъ сотрудники и свита правителей провинціи.

дѣло; волненія и мятежи всегда появлялись отъ неразумной и несмысленной толпы. Посему прикажи сначала имъ замолчать, чтобы, когда наступитъ тишина, могъ говорить человѣкъ разумный о важномъ дѣлѣ спасенія, чтобы можно было обратиться къ поискамъ Истиннаго Бога, Которому съ вѣрою дòлжно кланяться.

Это и многое другое говорилъ святый, и епархъ въ немъ не нашелъ никакой вины, потому и послалъ къ царю Траяну[1]) извѣстіе, что на Климента возсталъ народъ изъ-за боговъ, хотя достаточнаго свидѣтельства для обвиненія его не имѣется. Траянъ отвѣтилъ епарху, что Климентъ долженъ или принесть жертву богамъ, или быть заточеннымъ въ пустынное мѣсто Понта близъ Херсонеса[2]). Получивъ такой отвѣтъ отъ царя, епархъ Мамертинъ сожалѣлъ о Климентѣ и умолялъ его не избирать себѣ самовольнаго изгнанія, но принесть жертву богамъ,—и тогда быть свободнымъ отъ ссылки. Святый возвѣстилъ епарху, что изгнанія онъ не боится, напротивъ, еще сильнѣе желаетъ его. Такая была сила благодати въ словахъ Климента, которую далъ ему Богъ, что даже епархъ умилился душею, заплакалъ и сказалъ:

— Богъ, Которому ты служишь всѣмъ сердцемъ, да поможетъ тебѣ въ твоемъ изгнаніи, на которое ты осужденъ.

И приготовивъ корабль и все необходимое, онъ отпустилъ его.

Вмѣстѣ со святымъ Климентомъ отправились въ изгнаніе также многіе изъ христіанъ, рѣшившись лучше жить вмѣстѣ съ пастыремъ въ изгнаніи, чѣмъ остаться безъ него на свободѣ.

Прибывъ на мѣсто заточенія, святый Климентъ нашелъ тамъ болѣе двухъ тысячъ христіанъ, осужденныхъ на тесаніе камней въ горахъ. Къ такому же дѣлу былъ приставленъ и Климентъ. Христіане, увидѣвши святаго Климента, со слезами и скорбію приступили къ нему, говоря:

— Помолись о насъ, святитель, чтобы намъ сдѣлаться достойными обѣтованій Христа.

Святый сказалъ:

— Я недостоинъ такой благодати Господа, сподобившаго меня быть только участникомъ вашего вѣнца!

---

1) *Траянъ*—Римскій императоръ съ 98 по 117 г.

2) *Херсонесъ*—городъ въ Тавридѣ, полуостровѣ Чернаго моря (нынѣ Крымъ); находился близъ теперешняго Севастополя. Въ немъ принялъ христіанскую вѣру русскій князь, равноапостольный Владиміръ.

И работая съ ними, святый Климентъ утѣшалъ ихъ и наставлялъ полезными совѣтами. Узнавъ, что у нихъ имѣется большой недостатокъ въ водѣ, такъ какъ имъ приходится за шесть *поприщъ*[1]) приносить себѣ воду на плечахъ, святый Климентъ сказалъ:

— Помолимся Господу нашему Іисусу Христу, чтобы Онъ Своимъ послѣдователямъ открылъ источникъ живой воды, подобно тому какъ открылъ жаждущему Израилю въ пустынѣ, когда разбилъ камень и потекла вода; и получивъ таковую благодать его,— возвеселимся.

И начали всѣ молиться. По окончаніи молитвы святый Климентъ увидалъ агнца, стоявшаго на одномъ мѣстѣ и поднимавшаго одну ногу, какъ бы показывая мѣсто. Климентъ понялъ, что это явившійся Господь, Котораго никто не видитъ, кромѣ его одного, и пошелъ на то мѣсто, сказавъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, копайте на этомъ мѣстѣ.

И всѣ, ставъ кругомъ, начали копать лопатами, но пока ничего не было, такъ какъ не могли напасть на то мѣсто, гдѣ стоялъ Агнецъ.

Послѣ этого святый Климентъ взялъ маленькую лопату и началъ копать на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла нога Агнца, и тотчасъ явился источникъ вкусной чистой воды; и образовалась изъ источника цѣлая рѣка. Тогда всѣ возрадовались, а святый Климентъ сказалъ:

— Рѣчные потоки веселятъ городъ Божій[2]).

Слухъ объ этомъ чудѣ распространился по всей окрестности; и стали стекаться люди въ большомъ количествѣ, чтобы видѣть рѣку, неожиданно и чудесно образовавшуюся по молитвамъ святаго, а также и послушать его ученія. Многіе увѣровали во Христа и крещены были въ водѣ отъ святаго Климента. Столько народу приходило къ святому и столько обращалось ко Христу, что всякій день крестилось по пятисотъ человѣкъ и болѣе. Въ одно лѣто настолько увеличилось число вѣрующихъ, что даже было построено семьдесятъ пять церквей и разбиты были всѣ идолы, а капища— во всей странѣ разрушены, такъ какъ всѣ жители приняли христіанскую вѣру.

---

[1]) *Поприще*—первоначально—*ристалище,* мѣсто для состязаній; затѣмъ это слово стало означать то же, что стадія,—т. е., мѣра длины въ 125 шаговъ.

[2]) Псаломъ 45, ст. 5.

Царь Траянъ, узнавъ, что въ Херсонесѣ безчисленное множество людей увѣровало во Христа, тотчасъ послалъ туда одного сановника, по имени Авфидіана, который по прибытіи подвергъ многихъ христіанъ пыткамъ и многихъ умертвилъ. Увидавъ же, что всѣ съ радостію идутъ на мученіе за Христа, посланный сановникъ не пожелалъ болѣе мучить народъ и только одного Климента всѣми силами старался принудить къ принесенію жертвы. Но найдя его непоколебимымъ въ вѣрѣ и крѣпко вѣрующимъ во Христа, повелѣлъ посадить его въ лодку, отвезти на средину моря и тамъ, привязавъ якорь на шею, повергнуть въ самое глубокое мѣсто моря и утопить, дабы христіане не нашли его тѣла. Когда все сіе произошло, вѣрующіе стояли на берегу и сильно плакали. Потомъ два вѣрнѣйшихъ ученика его, Корнилій и Фивъ, сказали всѣмъ христіанамъ:

— Помолимся всѣ, чтобы Господь открылъ намъ тѣло мученика.

Когда молился народъ, то море отступило отъ берега на разстояніе трехъ поприщъ и люди, подобно израильтянамъ въ Чермномъ морѣ, перешли посуху и нашли мраморную пещеру на подобіе церкви Божіей, въ которой покоилось тѣло мученика, а также нашли близъ него и якорь, съ которымъ былъ потопленъ мученикъ Климентъ. Когда вѣрные хотѣли взять оттуда честное тѣло мученика, то было откровеніе вышеупомянутымъ ученикамъ, чтобы тѣло его здѣсь оставили, ибо каждый годъ море въ память его будетъ отступать такъ въ теченіе семи дней, давая возможность приходить желающимъ поклониться. И такъ было много лѣтъ, начиная съ царствованія Траяна до царствованія Никифора, царя Греческаго [1]). Много и другихъ совершилось тамъ чудесъ по молитвѣ святаго, котораго прославилъ Господь.

Однажды море въ обычное время открыло доступъ къ пещерѣ, и много народу пришло для поклоненія мощамъ святаго мученика. Случайно былъ оставленъ въ пещерѣ ребенокъ, забытый родителями при уходѣ ихъ. Когда море стало опять возвращаться на прежнее мѣсто и уже покрывало пещеру, то всѣ, бывшіе въ ней, поспѣшили уйдти, боясь, чтобы и ихъ не покрыло море, и родители оставленнаго ребенка также поспѣшили выйдти, думая, что ребенокъ раньше вышелъ съ народомъ. Осмотрѣвшись и ища его вездѣ среди народа, они не находили его, а возвратиться снова въ пещеру

1) *Византійскій императоръ Никифоръ* царствовалъ съ 802 по 811 г.

не было уже возможности, такъ какъ море покрыло пещеру; неутѣшно плакали родители и пошли къ себѣ домой съ великимъ плачемъ и скорбію. На слѣдующій годъ море снова отступило, и родители ребенка пришли опять для поклоненія святому. Взойдя въ пещеру, они нашли ребенка живымъ и здоровымъ, сидящимъ у гробницы святаго. Взявъ его, родители съ неописанною радостію спрашивали его, какъ онъ остался живъ.

Ребенокъ, показывая пальцемъ на гробницу мученика, сказалъ:

— Сей святый меня сохранилъ живымъ, питалъ меня и всѣ морскіе ужасы отгонялъ отъ меня.

Тогда великая радость была у родителей и у народа, пришедшаго на праздникъ, и всѣ прославляли Бога и угодника Его.

Въ царствованіе Никифора, царя Греческаго, въ день памяти святаго Климента море не отступило, какъ бывало въ прежніе годы, и было такъ лѣтъ пятьдесятъ и болѣе. Когда же въ Херсонесѣ епископомъ сдѣлался Георгій Блаженный, то онъ сильно скорбѣлъ о томъ, что море не отступаетъ и мощи столь великаго угодника Божія находятся какъ бы подъ спудомъ, покрытыя водою.

Во время его управленія епархіею пришли въ Херсонъ два христіанскихъ учителя—Меѳодій и Константинъ философъ, нареченный впослѣдствіи Кирилломъ[1]); они направлялись на проповѣдь къ хозарамъ[2]) и по дорогѣ разспрашивали о мощахъ святаго Климента; узнавъ же, что они находятся въ морѣ, сіи два учителя церковные стали побуждать епископа Георгія къ открытію духовнаго сокровища—мощей священномученика.

Епископъ Георгій, побуждаемый учителями, отправился въ Константинополь и повѣдалъ обо всемъ царствовавшему тогда императору Михаилу III[3]), а также Святѣйшему Патріарху Игнатію[4]). Царь и Патріархъ послали съ нимъ избранныхъ мужей и весь клиръ святой Софіи[5]). Прибывъ въ Херсонесъ, епископъ собралъ весь народъ, и со Псалмами и пѣніемъ всѣ отправились къ морскому берегу въ надеждѣ получить желаемое, но вода не разступилась. Когда зашло солнце, и сѣли въ корабль, вдругъ, среди

1) Святые *Меѳодій* и *Кириллъ* —извѣстные просвѣтители славянъ.

2) *Хозары* —народъ туркменскаго происхожденія, обитавшій около Каспійскаго моря въ низовьяхъ Волги и въ Предкавказьи. Они были частію язычниками, частію магометанами, частію же исповѣдывали еврейскую вѣру.

3) *Византійскій императоръ Михаилъ III* царствовалъ въ 855—867 гг.

4) *Святый Игнатій* управлялъ Константинопольскою Церковію въ 847—857 г.; потомъ послѣ Фотія — въ 867—877 г.

5) *Святая Софія* —соборный храмъ Константинополя.

полуночнаго мрака, море озарилось свѣтомъ: сначала явилась голова, а затѣмъ всѣ мощи святаго Климента вышли изъ воды. Святители, благоговѣйно взявъ ихъ, положили въ корабль и, торжественно внесши въ городъ, поставили ихъ въ церковь. Когда началась Святая Литургія, то много совершилось чудесъ: слѣпые прозирали, хромые и всякіе больные получали исцѣленіе, и бѣсноватые освобождались отъ демоновъ, по молитвамъ святаго Климента, благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава во вѣки. Аминь[1]).

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ПЕТРА,

архіепископа Александрійскаго

Святый Петръ, архіепископъ Александрійскій, въ младенчествѣ былъ воспитанъ блаженнымъ Ѳеоною, архіепископомъ того же города Александріи, и послѣ него на святительскую каѳедру былъ поставленъ въ то время, когда нечестивыми Римскими царями Діоклетіаномъ и Максиміаномъ были воздвигнуты сильныя гоненія на христіанъ. Христовыми мучениками были переполнены тогда всѣ темницы, и кровь ихъ обливала всѣ улицы, города и окрестныя поля; въ это страшное и скорбное отъ бѣдъ и несчастій время Божіею Церковію управлялъ святый Петръ въ терпѣніи и большихъ трудахъ. Своимъ ученіемъ и непреодолимою твердостію духа онъ поддерживалъ малодушныхъ и боязливыхъ, многихъ удержалъ отъ отступленія и паденія и большое количество вѣрую-

[1]) Извѣстно, что *святые Кириллъ* и *Меѳодій* часть мощей святаго Климента взяли съ собою и отправили въ Римъ при папѣ Адріанѣ II (867 г.); все же тѣло святаго вмѣстѣ съ честною главою оставалось въ Херсонесѣ до того времени, когда этотъ городъ былъ взятъ Кіевскимъ Великимъ княземъ, *святымъ Владиміромъ*. Послѣдній, принявъ въ Херсонесѣ Святое Крещеніе, взялъ съ собою и мощи святаго Климента «на благословеніе себѣ и на освященіе всѣмъ людямъ» и положилъ ихъ въ Кіевской Десятинной Церкви Пресвятой Богородицы. Здѣсь мощи священномученика находились до нашествія татаръ. Куда дѣвались эти мощи во время татарскаго нашествія, сокрыты ли вѣрующими, или перенесены въ другое мѣсто,— не извѣстно. Нынѣ можно встрѣтить только частицы этихъ мощей, напр., въ одномъ напрестольномъ крестѣ Александро-Невской Лавры, въ Петербургѣ.— (В Свято-Успенской Киево-Печерской Лавре находится глава святаго Климента, которая по временам мироточит — *Ред.*)

щихъ привелъ къ мученическому вѣнцу. Изгнанный за Христа и находясь въ Тирѣ, Финикіи и Палестинѣ, святый поддерживалъ своихъ овецъ Посланіями и укрѣплялъ ихъ силою Святаго Духа; боясь же, чтобы кто-нибудь, устрашившись мукъ, не отпалъ отъ Христа, день и ночь молился за нихъ къ Богу. Возвратившись снова въ Александрію, Петръ помогалъ заключеннымъ въ темницѣ, которыхъ было шестьсотъ пятьдесятъ, причемъ между ними много было пресвитеровъ и клириковъ; всѣ они были умерщвлены послѣ различныхъ мученій. Петръ же, видя ихъ страданіе и терпѣніе, радовался духомъ. Во время добраго правленія его паствой возсталъ въ Александріи хищный волкъ въ овечьей одеждѣ—Арій еретикъ, который среди пшеницы началъ сѣять плевелы проклятаго бѣсовскаго ученія, хулилъ Божество Іисуса Христа и такою хулою вредилъ Церкви Божіей. Добрый пастырь часто этому волку заграждалъ уста и пріостанавливалъ его, наказывая и запрещая, чтобы онъ не нарушалъ добраго исповѣданія Святой Троицы, непорочно переданнаго Церкви Христовой. Но когда Арій оставался такимъ же неисправимымъ, и его злоба не хотѣла покориться правдѣ, тогда святый Петръ проклялъ хулителя и отлучилъ отъ Церкви, какъ негодный членъ. И мстительный Арій, будучи изгнанъ изъ стада Христова, скрывался, какъ тьма отъ свѣта, ибо всякій дѣлающій зло, какъ сказано, ненавидитъ свѣтъ и не приходитъ къ свѣту, чтобы не открылись лукавыя дѣла его[1]); и не осмѣливается беззаконникъ придти къ этому бдительному пастырю, котораго никакою лестію и хитросплетенными словами не могъ прельстить.

Число же вѣрующихъ во Христа въ Александріи все болѣе и болѣе возрастало и увеличивалось, несмотря на жестокое время; ибо никакія пытки не могли воспрепятствовать и загородить путь ко Христу тѣмъ, которые желали спасенія; многіе не только своихъ имѣній, но даже жизни не щадили и спѣшили къ святому Петру, чтобы получить Крещеніе, оставивъ идольское служеніе.

Нечестивый царь Максиміанъ, владѣющій восточными странами и пребывающій въ Никомидіи, узнавъ о томъ, что многіе чрезъ наставленія святаго Петра стали обращаться отъ идолопоклонства ко Христу, послалъ трибуна съ воинами взять святаго и связаннаго

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 3, ст. 20.

привести къ нему[1]). Посланные, придя въ Александрію, нашли святаго Петра въ храмѣ совершающимъ память всѣмъ святымъ со множествомъ вѣрныхъ, взяли его и заковали въ тяжелыя оковы. Тогда произошло большое волненіе среди народа, многіе плакали о святомъ Петрѣ, другіе восклицали: «Зачѣмъ берете пастыря отъ насъ?» И собралась вся Александрія, желавшая душу свою положить за своего учителя, и кричалъ весь народъ на царя и его посланныхъ. Трибунъ, видя сильное волненіе и возмущеніе народа, приказалъ беречь святаго въ темницѣ, бывшей близъ храма, и написалъ царю обо всемъ случившемся. Царь, прочитавъ написанное, сильно разгнѣвался и письменно повелѣлъ отсѣчь учителю христіанскому Петру голову и всѣхъ сопротивляющихся казнить мечомъ. Трибунъ, получивъ посланіе царя, постарался исполнить приказаніе его и пытался привести Петра на усѣченіе, но толпа народа, которая день и ночь находилась у темницы, не позволяла вывести на смерть своего отца. Тутъ было безчисленное множество мужей, женъ, старыхъ и юныхъ, иноковъ и инокинь, которые, будучи привязаны любовію къ архіерею Божіему, не отходили отъ темницы. Когда они увидали вооруженныхъ воиновъ, идущихъ къ темницѣ, чтобы вывести Петра, всѣ единодушно воскликнули:

Сщенномчнкъ Петръ

— Сначала насъ всѣхъ избейте, если имѣете приказаніе отъ вашего царя, а потомъ ужъ возьмете и отца нашего; не

---

1) Населеніе Рима съ древнѣйшихъ временъ дѣлилось на нѣсколько частей, которыя назывались трибами. Начальникамъ, или старѣйшинамъ, трибъ и усвоено было названіе *трибуновъ*. Со временемъ это названіе стало прилагаться ко многимъ государственнымъ должностнымъ лицамъ, преимущественно же—къ воинскимъ начальникамъ, въ родѣ нашихъ полковниковъ. Въ настоящемъ мѣстѣ разумѣется одинъ изъ такихъ начальниковъ.

отступимъ отъ нашего пастыря и не допустимъ, чтобы пострадалъ учитель и врачъ душъ нашихъ.

Трибунъ, услышавъ сіе и видя множество народа, не желалъ учинить большаго кровопролитія, но, чтобы исполнить приказаніе царя, старался тайно обезглавить Петра.

Когда все это происходило, Арій, узнавъ, что архіепископъ, отлучившій его отъ Святой Соборной Апостольской церкви, сидитъ въ оковахъ въ темницѣ и долженъ быть убитымъ за Христа, явился къ нему со льстивымъ и лицемѣрнымъ покаяніемъ, надѣясь послѣ него взойти на каѳедру и быть Александрійскимъ архіепископомъ. Онъ пришелъ, какъ бы прося прощенія и каясь въ своемъ грѣхѣ еретичества, и умолилъ нѣкоторыхъ пресвитеровъ, а больше всѣхъ Ахиллу и Александра, просить за него Петра, чтобы онъ простилъ ему согрѣшенія и принялъ бы въ церковное общеніе. Богъ, знающій всѣ человѣческіе сердечные помыслы, вѣдалъ и лукавое сердце Арія; и вотъ, явившись ночью блаженному Петру, открылъ ему все лукавство проклятаго еретика и повелѣлъ не принимать его въ Церковь. Утромъ много благовѣрныхъ, честныхъ гражданъ, во главѣ съ пресвитерами Ахиллой и Александромъ, явившись въ темницу, слали просить святаго архіепископа, припавъ къ его ногамъ, чтобы онъ простилъ Арія и разрѣшилъ бы его отъ клятвы. Блаженный Петръ, плача и вздыхая, отвѣтилъ имъ:

— Возлюбленные, не знаете, о комъ прòсите,—прòсите о томъ, кто терзаетъ Церковь Христову. Вы знаете, что я люблю своихъ овецъ, и не желалъ бы, чтобы какая-нибудь изъ нихъ погибла. Больше всего я молю Бога, чтобы Онъ всѣмъ подалъ прощеніе грѣховъ и спасеніе; только Арія я отвергаю, ибо онъ самимъ Богомъ отверженъ, и отъ святой Церкви отлученъ не столько моимъ судомъ, сколько Божіимъ, такъ какъ онъ не предъ человѣкомъ, но предъ Богомъ согрѣшилъ, хуля тайну Святой Троицы, на Которую Херувимы и Серафимы не могутъ смотрѣть и только непрестанно воспѣваютъ: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, Силы же Небесныя глаголютъ: исполнь Небо и земля славы Твоея [1]). Безстыдный еретикъ своею хулою осмѣливается дѣлать раздѣленіе между Отцомъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ; какъ можно ему простить, когда на него все созданное гнѣвается за своего Созда-

---

[1]) Здѣсь заключается указаніе на видѣніе Пророка Исаіи; смотри Кн. Прор. Исаіи, гл. 6, ст. 3 и др.

теля? Итакъ, да будетъ проклятъ Арій и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и будущемъ.

Когда блаженный Петръ сказалъ это, всѣ просившіе за Арія пали къ ногамъ его и уже не осмѣливались болѣе безпокоить его. Онъ же, отведя въ сторону пресвитеровъ Ахиллу и Александра, сказалъ имъ:

— Я—человѣкъ грѣшный, но знаю, что Господь Богъ призываетъ меня къ мученическому вѣнцу, и прежде чѣмъ умру, объявлю вамъ, столпамъ Церкви, тайну Божію, которую открылъ мнѣ Господь въ сію ночь. Ты, честный Ахилла, послѣ меня на архіепископскій престолъ взойдешь, а послѣ тебя—достойный пресвитеръ Александръ. Что же касается до Арія, то не думайте, что я несправедливъ къ нему и жестокъ по отношенію къ согрѣшающимъ, ибо грѣхъ, содѣланный по немощи, хотя былъ бы и наибольшимъ, меньше злобы Арія. Согрѣшающимъ по немощи можно простить; того же проклятаго, о которомъ вы просите, какъ я могу простить, когда душа его переполнена обманомъ и хулою? Ибо отъ сердца его течетъ рѣка хуленія на Всемогущаго Сына Божія; онъ называетъ созданіемъ Того, Кто Самъ Создатель всего видимаго и невидимаго и Котораго Пророки, Апостолы и Евангелисты проповѣдывали. Какъ вы можете заставить меня снизойти къ вашей просьбѣ и простить Арія, когда онъ моего наказанія и вразумленія не послушалъ? А если я и проклялъ его, то не самъ, а по соизволенію Христа Бога моего, Который явился мнѣ въ сію ночь. Когда я обычно молился, вдругъ великій свѣтъ озарилъ темницу, и я увидѣлъ Господа моего Іисуса Христа—во образѣ двѣнадцатилѣтняго юноши, имѣющаго лице ярче солнца, такъ что я не могъ смотрѣть на неописанную славу лица Его. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый хитонъ, разодранный сверху донизу; придерживая его на груди обѣими руками, Онъ закрывалъ Свою наготу. Когда все сіе я увидалъ, то меня объялъ ужасъ и трепетъ, и я съ боязнію молился Ему, говоря: «Кто Тебѣ, Создатель, разодралъ хитонъ?» Господь же отвѣчалъ: «Арій безумный разодралъ Мнѣ, такъ какъ онъ отдѣлилъ отъ Меня людей, которыхъ Я стяжалъ Своею Кровію. Остерегайся и не принимай его въ церковное общеніе: онъ замышляетъ лукавое и враждебное противъ Меня и народа Моего. Вотъ, хотятъ просить тебя о немъ, чтобы ты простилъ его; но ты не слушай ихъ и не принимай волка въ стадо, какъ овцу. Заповѣдай Ахиллѣ и Александру, которые будутъ послѣ тебя епископами, чтобы они

не принимали его, но предъ всѣми бы прокляли его». Вотъ, я вамъ возвѣстилъ, что мнѣ велѣно было; если же вы не послушаете и не исполните заповѣданнаго вамъ, то я буду въ томъ неповиненъ.

Сказавъ сіе, онъ преклонилъ колѣна и молился, и всѣ съ нимъ молились. Окончивъ молитву, онъ сказалъ: «Помолитесь за меня, братіе». Присутствующіе, помолившись, отвѣтили: «аминь». Ахилла же и Александръ, цѣлуя его руки, плакали, ибо онъ сказалъ имъ, что они больше не увидятъ его. И возвѣстили пресвитеры людямъ всѣ слова, сказанныя блаженнымъ Петромъ объ Аріи, и то, что онъ заповѣдалъ имъ, чтобы не принимать Арія въ церковное общеніе—какъ волка и врага Сына Божія.

Потомъ святый Петръ, видя, что христіанскій народъ, пылая ревностію, не пускаетъ царскаго посланнаго вывести его на смерть изъ темницы, и боясь, чтобы не произошло большого кровопролитія вслѣдствіе столкновенія народа съ посланными царя, къ тому же желая самъ скорѣе разлучиться съ тѣломъ и отойти ко Господу, восхотѣлъ тайно отдать себя мучителямъ, чтобы сохранить людей безъ вреда и скорѣе отойти къ желаемому концу. Онъ тайно отъ народа послалъ къ трибуну одного, приставленнаго къ нему, надежнаго раба со словами:

— Если желаешь сдѣлать угодное царю Максиміану, то тайно приходи ночью къ темницѣ и, пробивъ стѣну, возьмешь меня и исполнишь повелѣніе царя.

Такъ и произошло: наступила ночь, народъ во множествѣ толпился у дверей темницы, гдѣ находился святый пастырь стада Христова, не пропуская къ нему никого. Трибунъ явился съ воинами и пробилъ стѣну сзади, насколько можно пройдти одному человѣку. Ночь была зимняя и вѣтреная, и никто изъ христіанъ не слышалъ звуковъ пробиваемой стѣны. Святый Петръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ:

— Лучше одному человѣку умереть, нежели всѣмъ людямъ погибнуть, — и вышелъ изъ темницы пробитою стѣною, такъ что никто изъ вѣрныхъ не зналъ этого.

Трибунъ съ воинами удивлялись мужеству святаго, шедшаго на смерть, и взявъ его, привели на то мѣсто, гдѣ святый Апостолъ Маркъ принялъ мученическую кончину, и тамъ отсѣкли ему честную главу.

Близъ гроба святаго Марка находилась одна дѣвица, затворница; когда она молилась Богу въ ту ночь, въ которую святый

Петръ былъ усѣченъ, то услышала голосъ съ Неба, говорящій: «Петръ—начало Апостоловъ, Петръ—конецъ Александрійскихъ мучениковъ»[1]).

Съ наступленіемъ утра всѣ люди, узнавъ, что пастырь ихъ тайно выведенъ изъ темницы и усѣченъ при гробѣ Марка, съ плачемъ поспѣшили къ святому тѣлу его и, взявъ его, внесли во храмъ. Здѣсь, приложивъ честну́ю главу къ туловищу, посадили его на престолѣ, т. е. на го́рнемъ мѣстѣ, по слѣдующему основанію: сей святый архіерей, при жизни, во все время своего пастырскаго служенія никогда не садился на го́рнемъ мѣстѣ, но когда приходило время, садился только при подножіи и никогда не восходилъ на самыя ступени мѣста; этимъ всѣ люди и клиръ его часто возмущались и просили сѣсть на го́рнее мѣсто, но онъ никогда не соглашался. Однажды послѣ Божественной Литургіи, созвавши весь клиръ, онъ сказалъ:

— Знаете ли вы, почему я не сажусь на моемъ го́рнемъ мѣстѣ и не восхожу на ступени его? Потому что, когда приближаюсь къ Престолу, вижу на немъ небесный свѣтъ и какъ бы нѣкоторую Божественную Силу, на немъ пребывающую. Ужасъ обнимаетъ меня, и я не дерзаю сидѣть тамъ, считая себя недостойнымъ этого, но сажусь при подножіи, и то со страхомъ. Говорю вамъ для того, чтобы вы болѣе не принуждали меня.

На основаніи этого послѣ кончины его люди мертвымъ посадили его на го́рнемъ мѣстѣ, и всѣ восклицали:

— Моли о насъ, святый угодникъ Божій!

Потомъ честно погребли его, прославляя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога, Ему же и отъ насъ честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

1) Это было въ 311-мъ году.—Извѣстный церковный историкъ Евсевій, епископъ Кесарійскій, современникъ св. Петра Александрійскаго, называетъ послѣдняго «священнымъ украшеніемъ епископовъ и по святости, и по упражненію въ священныхъ глаголахъ». По его увѣщанію цѣлые сонмы вѣрующихъ александрійцевъ увѣнчались вѣнцомъ мученическимъ. Слабость нѣкоторыхъ, не выносившихъ жестокости мученій, побудила его въ 306 г. разослать правила покаянія, которыя съ древнихъ временъ приняты въ составъ правилъ Вселенской Церкви и дышатъ христіанскою любовію и утверждаются на изреченіяхъ Св. Писанія. При этомъ онъ всего болѣе старался о томъ, чтобы возвратить падшихъ въ нѣдра Церкви, раздѣляя падшихъ на роды, обращая вниманіе на обстоятельства паденія, призывая всѣхъ къ покаянію и объявляя одно только преступленіе непростительнымъ—нераскаянность. Кромѣ того, извѣстно его сочиненіе о Пасхѣ и въ извлеченіяхъ: книга «О Божествѣ», прекрасныя мѣста изъ которой, относящіяся до воплощенія Сына Божія, были читаны на III (Ефесскомъ) и IV (Халкидонскомъ) Вселенскихъ Соборахъ, сочиненіе: «О пришествіи Спасителя» и нѣкоторыя другія философско-богословскаго характера.

Тропа́рь О҆́бщїй ст҃и́телемъ, гла́съ д҃:

Бже̑ О҆те́цъ на́шихъ, творѧ́й при́снѡ съ на́ми по твое́й кро́тости, не ѿста́ви мл҃ть твою̀ ѿ на́съ: но мл҃твами и҆́хъ въ ми́рѣ ᲂу҆пра́ви живо́тъ на́шъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Цр҃кве недви́жимїи и҆ бж҃е́ственнїи пу́ргове[1]), бл҃гоче́стїѧ бж҃е́ственнїи столпѝ вои́стиннꙋ кр҃ѣ́пцыи, кли́менте съ петро́мъ всехва́льнїи, ва́шими мл҃твами соблюди́те всѧ̑.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПЕТРА МОЛЧАЛЬНИКА

Святый отецъ нашъ Петръ родился въ Понтѣ отъ благочестивыхъ родителей, съ которыми прожилъ только семь лѣтъ. Остальное время своей жизни въ любомудріи онъ провелъ прежде всего въ Галатіи, потомъ, ради усовершенствованія, отправился въ Палестину, гдѣ предался молитвѣ, и затѣмъ поселился въ Антіохіи. Затворившись въ одномъ сараѣ, онъ, заботясь о своей душѣ, проводилъ время въ непрестанныхъ молитвахъ. Ничего, кромѣ хлѣба, онъ не вкушалъ и, кромѣ воды, не пилъ, да и то въ маломъ количествѣ чрезъ два или три дня. Онъ имѣлъ власть надъ бѣсами. Такъ, одного человѣка, по имени Даніила, святый Петръ освободилъ отъ бѣса; исцѣленный, по наставленіи и наученіи его святымъ Петромъ, сдѣлался подражателемъ его жизни. Святый Петръ отверзалъ очи слѣпымъ и исцѣлялъ различные недуги. Наставленія онъ преподавалъ или письменно, или словесно. Своею святою жизнію онъ прославился по всей Антіохіи и ея предѣлахъ. Проживъ девяносто лѣтъ, украшенный многими добродѣтелями и подвигами безмолвія, святый мирно отошелъ ко Господу, около 429 года[2]).

---

1) *Пиргове*—пирги, стѣны съ башнями, вообще укрѣпленія; въ переносномъ смыслѣ: крѣпость, твердыня, защита, оплотъ.

2) Память святаго *Петра Молчальника* совершается еще 1 Февраля.

День двадцать шестой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АЛИПІЯ СТОЛПНИКА

Рабъ Христовъ Алипій былъ родомъ изъ пафлагонскаго города Адріанополя[1]). Господь избралъ его на служеніе Себѣ еще до его рожденія. Однажды ночью, незадолго до рожденія сына, мать его имѣла слѣдующее видѣніе. Ей показалось, что она держитъ на рукахъ агнца, весьма красиваго, съ двумя горящими свѣчами на его рогахъ. Когда же наступило время рожденія Алипія, то комната наполнилась Божественнымъ сіяніемъ: это было предзнаменованіемъ сіянія будущей праведной жизни Алипія, такъ какъ ему было назначено стать свѣтильникомъ міра. Послѣ рожденія Алипія мать его заснула, и во снѣ ей снова было слѣдующее видѣніе: всѣ жители города стекались въ ея комнату и окружали младенца, воспѣвая Псалмы и священныя пѣснопѣнія. Эти видѣнія мать запомнила, слагая ихъ въ сердцѣ своемъ и размышляя о будущей судьбѣ сына своего.

Черезъ нѣкоторое время скончался мужъ ея, и, не пожелавъ вторично выйдти замужъ, она стала проводить время своего вдовства въ постѣ и молитвѣ, угождая Богу чистотой своей жизни и,

---

1) *Пафлагонія* —провинція Римской имперіи на югѣ Малой Азіи съ главнымъ городомъ Гангрой.

вмѣстѣ съ сыномъ, возлагая все свое упованіе на истиннаго Отца сиротъ и вдовицъ.

Вскормивъ своего сына и обрекши его на служеніе Богу, она, какъ древле Анна, мать Самуила[1]), отвела его въ храмъ Божій и вручила Адріанопольскому епископу, блаженному Θеодору. Духомъ уразумѣвъ благодать Божію, почившую на отрокѣ, епископъ сильно полюбилъ его и началъ обучать Божественному Писанію. Придя въ возрастъ, Алипій превзошелъ своихъ сверстниковъ мудростію и разумомъ; добрымъ же поведеніемъ и добродѣтелями стяжалъ себѣ любовь у Бога и людей. Душа его была полна страха Божія, смиренія и кротости; по мудрости же своей онъ показывалъ какъ бы мудрость сѣдины и имѣлъ «во́зрастъ ста́рости, житіѐ нескве́рное»[2]). Ради этихъ добродѣтелей онъ былъ назначенъ церковнымъ экономомъ, а затѣмъ рукоположенъ въ санъ діакона и въ этомъ санѣ совершалъ свое непорочное служеніе Богу.

Спустя нѣкоторое время Алипій возжелалъ уединенной жизни, чтобы въ безмолвіи одному усерднѣе служить Богу и наслаждаться непрестаннымъ Богомысліемъ. Это желаніе сердца своего онъ открылъ своей праведной матери, которая, подобно Аннѣ пророчицѣ[3]), не отходила отъ церкви и въ постѣ и молитвѣ день и ночь совершала свое служеніе Богу; она уже давно роздала свое имущество нищимъ и, обрученная Христу, была поставлена въ діакониссы. Этой-то богоугодной рабѣ Господней, своей же матери, святый Алипій повѣдалъ о своемъ намѣреніи:

— Я хочу пойти на Востокъ,—сказалъ онъ ей,—потому что я слышалъ, что тамъ, въ пустыняхъ, живетъ въ безмолвіи много святыхъ отцовъ; я поселюсь съ ними и, взирая на ихъ Богоугодное житіе, постараюсь, съ Божіей помощью, подражать ихъ добродѣтельной жизни. Ты же, мать моя, молись обо мнѣ, чтобы Господь, по Своей святой волѣ, направилъ мой путь и чтобы Ему было угодно мое начинаніе.

Нисколько не огорчаясь разлукой съ сыномъ, мать подняла къ небу свои руки и, послѣ усердной молитвы къ Богу, благословила его, и отпустила съ миромъ. Не сказавшись никому, кромѣ матери, святый Алипій покинулъ родной Адріанополь и, горя божественнымъ желаніемъ, устремился въ путь, какъ стремится олень къ

---

1) 1 Кн. Царствъ, гл. 1, ст. 24—28.

2) Кн. Прем. Сол., гл. 4, ст. 9.

3) Память *святой Анны пророчицы* празднуется 3-го февраля.

источнику водному. Извѣстіе объ его уходѣ сильно опечалило епископа Ѳеодора, клиръ и мірянъ, лишившихся въ немъ добраго согражданина, который украшалъ Церковь Божію примѣромъ своей добродѣтельной, ангельской жизни и приносилъ многимъ изъ вѣрныхъ чадъ ея большую пользу. Епископъ тотчасъ же разослалъ повсюду на поиски святаго своихъ слугъ, которые, спустя немного времени, нашли его въ Евхаитѣ[1]) въ день празднованія памяти святаго мученика Ѳеодора. Только съ большимъ трудомъ, прибѣгая то къ мольбамъ, то къ угрозамъ, удалось вернуть его обратно въ отечество; ибо Богу не было угодно, чтобы Пафлагонія лишилась такого свѣтильника, которымъ многіе должны были быть призваны изъ грѣховной тьмы къ свѣту Богоугодной жизни.

Прп҃бный
а҆лѵ́пі҃й сто́лпникъ

Возвратившись въ свой домъ, святый Алипій сильно скорбѣлъ о неудавшемся путешествіи и неисполненномъ желаніи. Но Богъ всякаго утѣшенія утѣшилъ и его печаль божественнымъ явленіемъ. Нѣкій дивный мужъ, лучше сказать—Ангелъ Божій явился ему въ видѣніи и сказалъ:

— Не скорби, Алипій, о возвращеніи съ желаннаго пути, но твердо знай, что свято всякое мѣсто, которое избираетъ любящій Бога человѣкъ для благочестивой и богоугодной жизни.

Утѣшенный этимъ видѣніемъ, Алипій пересталъ скорбѣть и продолжалъ свою иноческую жизнь, прилежно подвизаясь и служа Богу. Однако его не оставляло желаніе уединиться въ какомъ-нибудь пустынномъ мѣстѣ. Поэтому онъ много разъ выходилъ изъ дому и обходилъ окрестныя горы, поля и лѣса, ища мѣста, удобнаго для Богомыслія. Поднявшись однажды на гору, расположенную

[1]) *Евхаитъ*—городъ на сѣверѣ Малой Азіи, нынѣ *Мерсиванъ*.

къ югу отъ города, онъ нашелъ на ней высокое и живописное мѣсто, удаленное отъ городскаго шума и суеты. Оно понравилось ему, и, принеся орудія для копанія, онъ вырылъ себѣ тутъ колодецъ. При этомъ онъ, не столько работая заступомъ, сколько прилежно молясь Богу, извелъ изъ земли воду. Окончивъ этотъ трудъ, святый Алипій пошелъ къ епископу, прося разрѣшить ему поселиться тамъ и построить церковь. Епископъ, хотя и не возбранялъ ему исполнить это желаніе, однако тайно послалъ слугъ завалить источникъ большими камнями и засыпать его землей: ему не хотѣлось, чтобы блаженный поселился на этомъ мѣстѣ, такъ какъ гора была очень высока и почти неприступна для всякаго, кто бы пожелалъ посѣтить святаго, и притомъ находилась далеко отъ города; епископъ желалъ, чтобы Алипій поселился ближе къ городу и въ болѣе удобномъ мѣстѣ. Найдя свой источникъ засыпаннымъ, блаженный покинулъ эту гору и сталъ искать себѣ другое мѣсто въ окрестностяхъ города.

Предъ самымъ городомъ была расположена пустыня, въ которой въ древнія времена язычники-эллины хоронили своихъ покойниковъ. Пустыня была населена легіонами нечистыхъ духовъ; вслѣдствіе этого всѣ боялись того мѣста, и никто не могъ пройти черезъ него по причинѣ ужасовъ, наводимыхъ бѣсами. Замѣтивъ, что всѣ избѣгаютъ этой пустыни, блаженный Алипій поселился тамъ въ одномъ изъ гробовъ[1]); надъ гробомъ стоялъ каменный столпъ, а на столпѣ — идолъ. Сокрушивъ идола, какъ глиняный сосудъ, преподобный воздвигъ на его мѣстѣ Честный Крестъ. Такимъ образомъ, нисколько не боясь ужасовъ бѣсовскихъ и нападеній, онъ началъ тамъ жить, далеко прогоняя отъ себя бѣсовскіе полки оружіемъ Креста и стрѣлами своихъ молитвъ. Однажды во время сна святому Алипію предстали въ видѣніи два честныхъ мужа, облеченныхъ въ священническія ризы, и сказали ему:

— Зачѣмъ ты такъ долго заставилъ насъ ждать тебя здѣсь, человѣкъ Божій? Если ты тотъ Алипій, которому предназначено отъ Бога освятить это мѣсто и умножить на немъ славословіе Божіе, то приступи немедля къ тому дѣлу, которое тебѣ подобаетъ совершить.

---

[1]) *Гробами* обыкновенно были тогда пещеры въ горахъ — иногда природныя, иногда вырытыя или высѣченныя искусственно, — въ которыхъ и полагали тѣла умершихъ, завернутыя въ особыя пелены или простыни.

Проснувшись, преподобный удивился словамъ мужей, недоумѣвая, кто они такіе и что ему надлежитъ совершить на этомъ мѣстѣ, чтобы умножить славословіе Богу. Вскорѣ послѣ этого епископу Адріанопольскому Ѳеодору понадобилось для чего-то съѣздить къ царю, и святый Алипій долженъ былъ сопровождать его въ качествѣ клирика. Противъ своего желанія и подчиняясь лишь волѣ епископа, онъ отправился въ путь и проводилъ его до Халкидона[1]), гдѣ епископъ намѣревался сѣсть на корабль, чтобы отплыть въ Царьградъ.

Тѣмъ временемъ Алипій вошелъ въ одну церковь, находившуюся на берегу моря и, помолившись въ ней, задремалъ. И вотъ, предстала ему въ видѣніи дѣва прекрасная, какъ солнце, и сказала:

— Встань скорѣе, Алипій!

Изумленный ея красотой, Алипій спросилъ ее:

— Кто ты, госпожа, и почему велишь мнѣ скорѣе встать?

— Я—Евфимія[2]), раба Христова и мученица,—отвѣтила она.—Встань и, если хочешь, пойдемъ въ твое отечество! По волѣ Божіей я буду твоей спутницей и помощницей.

Когда святая мученица произнесла эти слова, Алипій проснулся и не увидалъ никого передъ собой, но сердце его было полно духовной радости. Онъ понялъ, что Богъ хочетъ его возвращенія къ безмолвію. Поэтому, оставивъ епископа, онъ вернулся въ отечество, сопровождаемый невидимой помощью и молитвами святой великомученицы Евфиміи, чудный образъ которой и сладкую бесѣду онъ все время хранилъ въ сердцѣ своемъ и радовался духомъ.

Придя въ Адріанополь, въ свою безмолвную пустыню, онъ задумалъ построить на этомъ мѣстѣ церковь во имя святой Евфиміи. Потребныхъ средствъ для сего онъ не имѣлъ, ибо, раздавъ все свое имѣніе и послѣдовавъ за обнищавшимъ насъ ради Господомъ, онъ, какъ нищій, не имѣлъ ни золота, ни серебра, ни даже мѣди при поясѣ. Тогда онъ умолялъ знакомыхъ ему гражданъ и сосѣдей помочь ему. Узнавъ о его желаніи, они съ усердіемъ приносили ему все нужное, и въ скоромъ времени между языческими гробами была создана церковь во имя святой мученицы Евфиміи. Когда основаніе было вырыто, святому Алипію

---

1) О *Халкидонѣ* смотри на стр. 67 примѣч. 1.

2) *Святая великомученица Евфимія* (память ея — 11-го іюля и 16 сент.) была родомъ изъ Халкидона, гдѣ и почивали ея мощи до 620 г., когда они были перенесены въ Константинополь.

снова явились во снѣ два вышеупомянутыхъ мужа въ іерейскихъ облаченіяхъ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ кадильницу и кадилъ основаніе, знаменуя этимъ, какая великая здѣсь имѣетъ быть церковь, другой же пѣлъ:

— Осанна мѣсту сему!

Не извѣстно, кто были эти мужи,—но нѣкоторое время спустя тамъ были обрѣтены нетлѣнныя и благоуханныя мощи тѣхъ двухъ мужей, которые дважды являлись въ видѣніи святому Алипію. По его повелѣнію эти святыя мощи были положены въ выстроенной имъ церкви.

Еще до освященія церкви легіоны бѣсовскіе, видя, что, по старанію святаго Алипія, среди ихъ жилища воздвигается селеніе святыхъ и тамъ, гдѣ они наводили на всѣхъ страхъ и ужасъ, начинаетъ являться Божія Благодать, съ великимъ крикомъ и воплемъ устремились на новозданную церковь и келлію святаго, желая разрушить зданіе до самаго основанія и, устрашивъ святаго мужа, изгнать его оттуда. Въ своей ярости бѣсы вопили разными голосами—какъ раздраженные звѣри или разгнѣванные ратники; но воинъ Христовъ сталъ на молитву, вооружился ею, какъ непобѣдимымъ оружіемъ, и тотчасъ побѣдилъ призрачную силу бѣсовскую, такъ что бѣсы бѣжали съ позоромъ, какъ пыль, возметаемая вѣтромъ.

Когда церковь была освящена, то изъ города началъ стекаться къ ней народъ, чтобы славословить Бога и послушать душеполезныхъ поученій святаго. Тогда Алипій, вооружаясь еще сильнѣе противъ врага, поднялся на столпъ, подобно святому Симеону[1]), первому столпнику, и сталъ какъ бы стражъ, издалека усматривая наступающія ополченія бѣсовскія и мужественно борясь съ ними день и ночь. Бѣсы же, хотя всегда бывали побѣждаемы имъ, однако не прекращали своихъ безстыдныхъ нападеній на святаго.

Однажды ночью злые духи начали бросать въ Алипія камнями, причиняя ему сильныя пораненія. Перенося удары камней, святый сказалъ бѣсамъ:

— Что вамъ надо отъ меня, человѣконенавистные и гибельные бѣсы? Напрасно возмущаетесь вы и злобно возстаете противъ рабовъ Божіихъ. Эти камни, которые вы мечете въ меня, будутъ свидѣтельствовать передъ Христомъ въ день Втораго Пришествія о вашей безстыдной дерзости и злобѣ. Знайте, что я ни во что

[1]) Память *преп. Симеона Столпника* праздпуется 1-го сентября.

вмѣняю ваше метаніе камней и считаю его какъ бы дѣтской игрой. Вотъ, я снимаю легкія доски, служившія покровомъ надъ моей головой, чтобы съ бо́льшимъ удобствомъ принимать удары и претерпѣть ради Господа моего то, что претерпѣлъ святый первомученикъ Стефанъ[1]). Вы убили его руками Іудеевъ, съ которыми и унаслѣдуете геенну огненную.

Слыша эти слова и понимая, что непобѣдимый страдалецъ готовъ все претерпѣть для Бога, бѣсы разбѣжались во всѣ стороны отъ того мѣста. Это слышали въ ту ночь нѣкоторые прохожіе, видѣвшіе также и бѣсовъ, бѣжавшихъ оттуда подъ разными видами, громко рыдавшихъ и вопившихъ:

— Алипій изгналъ насъ изъ нашего жилища! Куда намъ идти? Намъ нигдѣ нѣтъ мѣста!

Преподобный же снялъ со столпа легкій навѣсъ, бывшій надъ его головой, и стоялъ, имѣя небо своимъ единственнымъ покровомъ, мужественно перенося стужу и зной, дождь и градъ, снѣгъ и морозъ. И былъ онъ такимъ добровольнымъ мученикомъ не краткое время, но 53 года, страдая на своемъ столпѣ, какъ бы пригвожденный ко кресту. И стекалось къ нему въ это время множество народа — мужей и женъ, юношей и старцевъ, чтобы послушать его полезныхъ поученій и получить исцѣленіе недуговъ. Въ виду того, что многіе изъ нихъ поселились тутъ же при немъ, святый повелѣлъ устроить два монастыря, мужской и женскій: одинъ — по одну сторону столпа, другой — по другую. Самъ же стоялъ на столпѣ посерединѣ, просвѣщая оба монастыря своимъ ученіемъ и примѣромъ своей ангельской жизни и защищая ихъ своими молитвами. Алипій далъ имъ законы и уставы иноческаго житія, повелѣвъ тщательно блюсти себя отъ козней бѣсовскихъ, притомъ женщинамъ онъ особенно заповѣдалъ никогда не показываться на глаза мужчинъ.

Въ женскомъ монастырѣ жила мать блаженнаго Алипія со своей дочерью, а его сестрой Маріей, и другія знатныя жены адріанопольскія, и между ними — нѣкія Евфимія и Еввула, оставившія все свое имѣніе, дѣтей, родныхъ и друзей и всю суету и сладость міра сего, чтобы облечься въ ангельскій образъ, жизнію же своею уподобиться Ангеламъ.

---

[1]) Память святаго первомученика *архидіакона Стефана* — 27-го декабря. Іудеи побили его камнями за обличеніе ихъ невѣрія и исповѣдываніе Христовой вѣры. Смотри Кн. Дѣяній Ап., гл. 8.

Мать преподобнаго была въ санѣ діакониссы и, хотя жила по-иночески, однако не хотѣла постригаться.

— Одно и то же—быть діакониссой или инокиней,—говорила она.

Сынъ неоднократно молилъ ее облечься въ иноческое одѣяніе, но она не слушала его, пока не получила указанія на это въ ночномъ видѣніи. Тогда она уже сама стала просить сына о постриженіи ея въ иночество. Ей представились въ видѣніи богатыя палаты, внутри которыхъ слышалось сладкогласное пѣніе, славящее Бога. Когда она захотѣла войти туда, то нѣкій славный и свѣтоносный мужъ, стоявшій у входа въ палаты, заградилъ ей входъ и сказалъ:

— Ты не войдешь сюда, потому что здѣсь ликуютъ рабыни Господни, послужившія Ему въ иноческомъ санѣ. На тебѣ же нѣтъ одѣянія иноческаго, потому ты и не можешь войти сюда и принять участіе въ ихъ радости.

Слова эти сильно пристыдили мать святаго Алипія, и, проснувшись, она стала просить сына, чтобы ее постригли въ иноческій санъ. Послѣ постриженія она удвоила подвиги, прилагая къ прежнимъ своимъ трудамъ новые труды.

Проживъ еще много лѣтъ въ монашествѣ, она отошла ко Господу, благоугодивъ Ему на земли. Сынъ же ея, преподобный отецъ нашъ Алипій, былъ такъ угоденъ Богу, что еще при жизни своей былъ осіяваемъ небеснымъ свѣтомъ: нѣсколько разъ надъ головой его являлся огненный столпъ, достигавшій до облаковъ и озарявшій все мѣсто окрестъ его. Явленіе это происходило часто, иногда днемъ, иногда ночью, бо́льшею же частью ночью, и, когда случались громъ и молнія, то этотъ небесный свѣтъ надъ святымъ являлся выше того каменнаго столпа, на которомъ онъ стоялъ.

Многіе изъ вѣрующихъ свято живущихъ сподоблялись видѣть это: другіе, кому случалось наблюдать свѣтъ издалека, думали, что столпъ святаго горитъ настоящимъ вещественнымъ огнемъ. Достойные же ясно могли глядѣть на это несказанное знаменіе Небесной славы: такъ прославлялъ Богъ Своего угодника.

И много чудесъ сотворилъ святый благодатію Христовой: исцѣлялъ больныхъ, изгонялъ бѣсовъ изъ людей, прорекалъ будущее. За четырнадцать лѣтъ до кончины ноги его были поражены лютой болѣзнію, такъ что все это время онъ не могъ стоять и

до самаго своего преставленія лежалъ на одномъ боку. Когда ученики святаго хотѣли перевернуть его на другую сторону, онъ не позволялъ имъ, но терпѣлъ все, какъ второй Іовъ, благодаря Бога, къ Которому и отошелъ съ радостію[1]). И по преставленіи его много исцѣленій подавалось больнымъ отъ его святыхъ мощей во славу Христа, Бога нашего, прославляемаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Терпѣ́нїѧ сто́лпъ бы́лъ є҆сѝ, ревнова́вый пра́отцемъ прп҃бне, і҆ѡ́вꙋ во страсте́хъ, і҆ѡ́сифꙋ во и҆скꙋше́нїихъ, и҆ безпло́тныхъ жи́тельствꙋ, сы́й въ тѣ́лесѝ, а҆лꙋ́пїе ѻ҆́тче на́шъ, молѝ хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ добродѣ́телей винꙋ̀, и҆ по́стникѡвъ ᲂу҆добре́нїе, цр҃ковь сла́витъ тѧ̀ дне́сь, и҆ воспѣва́етъ а҆лꙋ́пїе: мл҃твами твои́ми пода́ждь чтꙋ́щымъ любо́вїю до́блести твоѧ̀ и҆ боре́нїѧ, лю́тыхъ прегрѣше́нїй и҆збавле́нїе, ꙗ҆́кѡ тезоименѝтый.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ІАКОВА ОТШЕЛЬНИКА

Преподобный отецъ нашъ Іаковъ подвизался на горѣ, не имѣя ни постели, ни келліи, ни покрывалъ, чтобы защищаться отъ непогоды. Сильная болѣзнь чрева постигла его, когда онъ удалился отъ всѣхъ. Когда же кто приходилъ къ нему, онъ, несмотря на сильную боль, выходилъ и поучалъ пришедшихъ благочестію. Онъ носилъ желѣзныя вериги и поверхъ ихъ власяницу. Пищей ему служила вареная чечевица, которую онъ вкушалъ вечеромъ.

Таковыми трудами и страданіями онъ получилъ такой даръ божественной благодати, что могъ воскрешать умершихъ. Однажды

---

1) *Преподобный Алипій* скончался при императорѣ Иракліи (610—641 гг.) близъ Адріанополя Пафлагонскаго. Честная глава его въ настоящее время находится на Аѳонѣ въ монастырѣ Кутлумушъ.

къ нему пришелъ отецъ одного умершаго отрока и, рыдая, сталъ говорить святому:

— Я знаю, рабъ Божій, что для тебя все возможно, если ты только пожелаешь помолиться.

Святый Іаковъ, увидавъ слезы отца, преклонилъ колѣна и, призвавъ Бога, воскресилъ отрока, котораго отдалъ отцу. Много и другихъ дивныхъ чудесъ совершилъ преподобный.

Святый Іаковъ много претерпѣлъ искушеній отъ бѣсовъ и только молитвою отгонялъ ихъ. Одинъ человѣкъ приносилъ святому воду издалека два раза въ седмицу. Діаволъ, думая жаждою уморить святаго, преобразился въ его образъ и сталъ встрѣчать человѣка съ водой на пути, бралъ у него воду, а самого заставлялъ возвращаться обратно. Однако этому человѣку удалось однажды тайно отъ зложелателя принести воды святому старцу. Святый, увидѣвъ его и принесенную воду, сказалъ:

— Почему, чадо, ты долго не приносилъ мнѣ воды, отчего пришлось много пострадать отъ жажды?

— Отче,—отвѣчалъ онъ,—я всегда въ назначенный день и часъ приносилъ воду. Но меня встрѣчалъ кто-то, когда я былъ въ пути, не допуская доходить до сего мѣста.

— Съ этихъ поръ,—сказалъ святый,—если кто тебя встрѣтитъ и будетъ возбранять тебѣ идти далѣе, ты не отдавай ему сосуда до тѣхъ поръ, пока не придешь сюда.

Такъ подвизаясь, онъ содѣлался великимъ чудотворцемъ и отошелъ съ радостію ко Господу[1]).

---

[1]) *Преп. Іаковъ Отшельникъ* подвизался близъ Кира въ Сиріи, въ V-мъ вѣкѣ. Кончина его относится къ 457 г.

ВОСПОМИНАНІЕ ОСВЯЩЕНІЯ ХРАМА ВЕЛИКОМУЧЕНИКА

ГЕОРГІЯ

въ Кіевѣ

Блаженный и приснопамятный князь земли Русской Ярославъ, сынъ равноапостольнаго князя Владиміра, захотѣлъ создать храмъ въ честь великомученика Георгія[1]), т. е. во имя своего Ангела, такъ какъ Ярославъ во Святомъ Крещеніи получилъ имя Георгія. Мѣсто для сего храма онъ выбралъ неподалеку отъ Софійскаго собора, именно на западъ отъ него, по направленію къ золотымъ воротамъ.

Когда начали строить этотъ храмъ, то немного было дѣлателей. Увидѣвъ это, Ярославъ призвалъ тіуна[2]) и спросилъ его:

— Почему мало трудящихся у храма Божія?

Тіунъ отвѣчалъ:

— Такъ какъ—дѣло властельское (т. е. сооружается храмъ на собственный счетъ князя), то люди боятся, чтобы за трудъ они не были лишены платы.

Тогда князь повелѣлъ возить подъ своды золотыхъ вратъ возами свои сокровища и объявить на торгу людямъ, что каждый можетъ получить отъ князя по ногатѣ[3]) въ день за работу. И явилось множество дѣлателей, работа пошла успѣшнѣй и храмъ вскорѣ былъ оконченъ.

Освященіе его совершено было 26 Ноября 1051 г. митрополитомъ Иларіономъ[4]). День освященія князь заповѣдалъ праздновать во всей Руси ежегодно въ честь святаго великомученика Георгія[5]).

---

1) Отъ Георгіевской церкви не уцѣлѣло до настоящаго времени никакихъ остатковъ.

2) *Тіунъ*—управитель отъ князя, низшій судья; а здѣсь—какъ надсмотрщикъ при княжеской стройкѣ.

3) *Ногата*—родъ древне-русской монеты, равнявшейся половинѣ четвертака, т. е. $12^1/_2$ коп.

4) *Иларіонъ*—первый митрополитъ на Руси изъ природныхъ русскихъ. Онъ избранъ былъ самимъ княземъ и Соборомъ епископовъ и почтенъ саномъ Митрополита за свою подвижническую жизнь и учительность; управлялъ Русскою Церковью въ 1051—1054 гг. Имъ написано «Слово о Законѣ и Благодати», «Исповѣданіе вѣры», а также сохранились и другія поучительныя посланія его и слова.

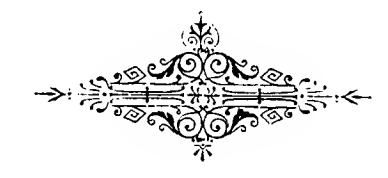
5) Этотъ же праздникъ святому Георгію 26 Ноября существовалъ, какъ и доселѣ существуетъ, и въ Греціи, также по случаю освященія въ честь сего святаго одной греческой церкви.

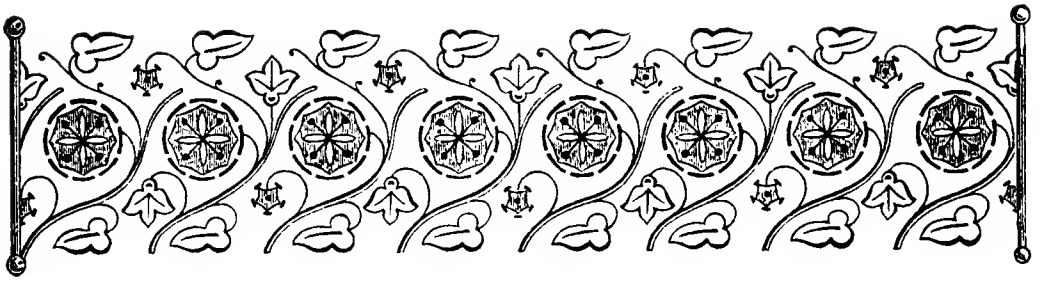
Тропа́рь, гла́съ д҃:

Дне́сь бл҃жа́тъ тѧ̀ мі́ра концы̀, бж҃е́ственныхъ чꙋде́съ и҆спо́льшесѧ, и҆ землѧ̀ ра́дꙋетсѧ, напи́вшесѧ кро́ве твоеѧ̀: хр҃тоимени́тїи же лю́дїе гра́да кі́ева, ѡ҆сщ҃е́нїемъ бж҃е́ственнагѡ хра́ма твоегѡ̀ ра́достїю возвесели́шасѧ, стр҃тоте́рпче геѡ́ргїе, сосꙋ́де и҆збра́нный ст҃а́гѡ дх҃а, ᲂу҆го́дниче хр҃то́въ: є҆гѡ́же молѝ съ вѣ́рою и҆ мольбо́ю приходѧ́щымъ во ст҃ы́й тво́й хра́мъ, да́ти ѡ҆чище́нїе грѣхѡ́въ, ᲂу҆мири́ти мі́ръ, и҆ сп҃стѝ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Бж҃е́ственнаго и҆ вѣнцено́снаго великомч҃нка хр҃то́ва геѡ́ргїа, на врагѝ побѣ́дꙋ взе́мшаго ѡ҆долѣ́нїѧ, соше́дшесѧ вѣ́рою во ѡ҆сщ҃е́нный хра́мъ, восхва́лимъ, є҆гѡ́же бл҃говолѝ бг҃ъ созда́ти во и҆́мѧ є҆гѡ̀, є҆ди́нъ во ст҃ы́хъ почива́ѧй.





День двадцать седьмой

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ІАКОВА ПЕРСЯНИНА

Святый мученикъ Іаковъ родился въ Персіи, отъ христіанскихъ родителей, которые воспитали его въ благочестіи. Женившись на христіанкѣ, онъ жилъ въ богатствѣ и почетѣ, такъ какъ пользовался любовью Персидскаго царя Издигерда и преемника его Варахрана[1]), который сдѣлалъ его управителемъ своего дворца. Облагодѣтельствованный Персидскими царями, онъ прельстился земными почестями, отпалъ отъ христіанской вѣры и, вмѣстѣ съ царемъ, принесъ идоламъ жертву и поклонился имъ. Узнавъ объ этомъ, мать и жена его послали ему письмо, въ которомъ обращались къ нему съ такими словами:

«Несчастный, зачѣмъ ты изъ-за человѣческой славы оставилъ Бога, Царя Небеснаго? Угождая царю временному, ты сдѣлался чуждъ жизни безсмертной. Служа тлѣнному, ты отвратился отъ нетлѣннаго. Истинѣ предпочелъ ложь, такъ какъ, оставивъ вѣру Христову, впалъ въ прелесть діавольскую. Повинуясь царю смертному, ты презрѣлъ Судію живыхъ и мертвыхъ и, добиваясь любви человѣческой, сдѣлался недостойнымъ любви Божіей и лишился

1) *Издигердъ I* царствовалъ съ 399 по 420 г.; сынъ его *Варахранъ* царствовалъ съ 420 по 438 г.

небесныхъ благъ. Мы плачемъ и рыдаемъ о тебѣ, такъ какъ, бывъ прежде сыномъ свѣта, ты сдѣлался теперь сыномъ тьмы и геенны. Знай же, если ты не отвратишься отъ діавольской прелести, то не будешь имѣть общенія съ нами, ибо мы не хотимъ и видѣть тебя идолопоклонникомъ. И мы молимъ тебя со слезами: обратись ко Христу, дабы избѣгнуть тебѣ Гнѣва Божія. Исполни же просьбу нашу скорѣе и не медли, иначе будетъ поздно. И когда Гнѣвъ Божій постигнетъ тебя вмѣстѣ съ царемъ и его друзьями, тогда не будетъ возврата, и ты восплачешься горько, видя себя въ геенне огненной».

Это письмо отъ матери и жены Іакова было подано ему въ то время, когда онъ находился вмѣстѣ съ царемъ за городомъ.

Прочитавъ письмо, Іаковъ умилился и подумалъ:

«Если даже моя мать и жена отрекаются отъ меня за то, что я отвергся Христа, и не хотятъ видѣть меня,—то что же станетъ со мною въ будущемъ вѣкѣ, когда Богъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его?»

И опять прочитавъ письмо со вниманіемъ, онъ горько заплакалъ и сталъ каяться въ грѣхѣ своемъ. Потомъ онъ сказалъ себѣ:

«Вотъ что я сдѣлаю, чтобы не погибнуть совсѣмъ. Буду неотступно стучать у дверей милосердія Божія, пока онѣ не отверзятся мнѣ. И я вѣрю, что онѣ отверзятся, потому что Богъ благоутробенъ и милостивъ: Онъ не хочетъ смерти грѣшника, но ѥ҆́же ѡ҆брати́тисѧ и҆ жи́вꙋ бы́ти є҆мꙋ»[1]).

Когда онъ съ горькимъ плачемъ говорилъ такія слова, нѣкоторые изъ язычниковъ, увидѣвъ, что онъ христіанинъ, пошли и возвѣстили о томъ царю Варахрану. Царь призвалъ Іакова и сказалъ ему:

— Говори намъ всю правду, ты — назарянинъ?

Іаковъ отвѣтилъ:

— Да, я—назарянинъ.

— Итакъ, ты волхвъ? — снова спросилъ царь.

— Нѣтъ, я не волхвъ,—сказалъ на это Іаковъ,—но христіанинъ.

Тогда царь сказалъ:

— Неблагодарный! Не получилъ ли ты отъ меня и отца моего многихъ даровъ и не пользовался ли почетомъ у насъ?

Іаковъ отвѣтилъ:

— Гдѣ теперь отецъ твой? Тѣломъ онъ въ гробѣ истлѣваетъ, а душа его ввержена во адъ.

[1]) Кн. Пр. Іезекіиля, гл. 33, ст. 11.

Услыхавъ такія слова, царь весьма разгнѣвался и сказалъ:

— Такую-то благодарность ты воздаешь мнѣ за любовь мою къ тебѣ, плодами которой ты наслаждался донынѣ? Мнѣ ты противишься, а отца моего злословишь. Знай же, что ты повиненъ за то смерти; но только я не казню тебя мечомъ, чтобы ты не умеръ скорою смертію, а долго и жестоко буду мучить тебя и предамъ горчайшей смерти.

— Что хочешь дѣлать,— отвѣчалъ Іаковъ,—дѣлай, царь, скорѣй, но знай, что не устрашатъ меня слова твои, которыя подобны вѣтру, дующему на каменную скалу. Я не боюсь смерти, памятуя, что временная смерть есть только сонъ, ибо всѣ люди возстанутъ изъ гробовъ своихъ во время страшнаго Втораго Пришествія Христа моего и Господа.

На это царь сказалъ:

— Пусть не прельщаютъ тебя назареи, называющіе смерть сномъ и учащіе не бояться смерти, которой боятся даже и цари.

Ст҃ый мч҃нкъ
І҆а́кѡвъ

— Для праведныхъ,—отвѣчалъ святый,—смерть—успокоеніе, а вамъ, невѣрнымъ и грѣшнымъ,—начало мукъ вѣчныхъ.

Тогда царь призвалъ совѣтниковъ и друзей своихъ и началъ совѣщаться съ ними о томъ, какимъ мукамъ предать Іакова. На устрашеніе другихъ Персовъ, чтобы и они, подобно Іакову, не отлучились отъ своей вѣры, онъ измыслилъ для святаго такую казнь: повелѣлъ, чтобы каждый членъ его тѣла былъ урѣзанъ и раздробленъ по отдѣльности. И вотъ палачи, по повелѣнію царя, схватили Іакова и повели его на мѣсто казни, чтобы раздробить его на части по числу членовъ тѣла его. Вслѣдъ за святымъ Іаковомъ отправились на мѣсто казни и многіе знавшіе его, среди которыхъ немало было воиновъ и сановниковъ; всѣ они пошли за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на мученія святаго.

Пришедши на мѣсто казни, святый упросилъ своихъ палачей помедлить немного и дать ему возможность помолиться. Затѣмъ, возведши очи къ Небу, онъ началъ такъ молиться:

«Господи Боже мой! Услыши меня, раба Твоего, призри съ высоты небесной и дай мнѣ крѣпость и силу въ часъ сей, чтобы мнѣ перенести предстоящія мученія и своею кровію искупить согрѣшеніе мое, ибо я отвергся отъ Тебя, Творца и Владыки моего. Нынѣ я скорблю о семъ и обращаюсь къ Тебѣ, Богу моему, исповѣдуя Имя Твое святое, и полагаю за Тебя душу мою. Ты же, Господи, пошли мнѣ помощь Свою въ страданіяхъ моихъ, чтобы видѣли силу Твою враги мои и постыдились, ꙗ҆́кѡ ты̀, гдⷭ҇и, помо́глъ мѝ и҆ ᲂу҆тѣ́шилъ мѧ̀ є҆сѝ» [1]).

Когда святый такъ молился, приступили къ нему палачи и, обнаживши его, растянули у него руки и ноги, говоря:

— Что ты будешь дѣлать теперь, Іаковъ? Нѣтъ тебѣ пощады,— твое тѣло велѣно разорвать на части: пальцы рукъ и ногъ твоихъ и все тѣло твое отъ шеи до пятокъ мы должны рѣзать, послѣ же всего отсѣчемъ мы и голову. Подумай, что для тебя лучше,—покориться царской волѣ и быть невредимымъ и здоровымъ, или умереть среди жестокихъ мукъ?

То же съ плачемъ говорили ему и нѣкоторые изъ его друзей:

— Зачѣмъ безцѣльно губишь свою душу? Пожалѣй себя и не губи своей юности, исполни волю царскую, поклонись богамъ нашимъ, чтобы остаться живымъ; своему же Богу, если хочешь, служи втайнѣ.

Слыша такія рѣчи, произносимыя со многимъ плачемъ, святый отверзъ уста свои и сказалъ:

— Не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ и дѣтяхъ вашихъ. Я въ вѣчный покой иду, вы же всѣ пойдете въ муку вѣчную. Раздробляя мнѣ члены, вы тѣмъ самымъ уготовляете мнѣ неизреченное блаженство на Небѣ, а себѣ—ужасныя мученія во адѣ, гдѣ будете горѣть въ неугасаемомъ огнѣ, вмѣстѣ съ бѣсами, которымъ теперь поклоняетесь.

При этихъ словахъ святаго одинъ изъ приставниковъ царскихъ началъ бить спекуляторовъ [2]), говоря:

---

[1]) Псаломъ 85, ст. 17.

[2]) *Спекуляторами* въ Римской имперіи назывался отборный отрядъ преторіанцевъ, обязанныхъ служить самому императору. Здѣсь подъ именемъ спекуляторовъ нужно разумѣть воиновъ, находившихся при Персидскомъ царѣ. Осудивъ святаго Іакова на усѣченіе всѣхъ членовъ, Варахранъ исполненіе этой казни естественно поручилъ находившимся при его особѣ воинамъ.

— Что стоите, глядя на него? Начинайте дѣлать, что вамъ приказано.

И тотчасъ же одинъ изъ палачей, взявшись за руку святаго, отрѣзалъ у него большой палецъ руки. Блаженный же, обративъ взоръ на Небо, произнесъ:

— Помощь и надежда моя, Господи Боже! Ты отгоняешь единымъ Божественнымъ перстомъ Своимъ бѣсовъ, прими же— какъ вѣтвь отъ древа, сей перстъ мой, урѣзанный силою бѣсовскою, и будь милостивъ ко мнѣ грѣшному; ибо и отъ виноградной лозы отрѣзываются вѣтви, чтобы лоза больше зеленѣла и росла, и приносила бы много плода.

Тогда приставникъ царскій, жалѣя святаго, сказалъ ему:

— Пощади себя, Іаковъ, и послушайся царскаго повелѣнія, поклонись нашимъ богамъ. Ты видишь, мы всѣ жалѣемъ тебя. А объ отрѣзанномъ пальцѣ не скорби: врачи тебя вылѣчатъ. Только не губи больше своего здоровья и красоты своей.

Блаженный отвѣчалъ ему:

— Развѣ ты не знаешь, что если обрѣжутъ вѣтви виноградной лозы, то она, когда солнце начнетъ грѣть ее, прозябаетъ въ урѣзанныхъ мѣстахъ и потомъ начинаетъ произрастать и приносить плоды? Такъ бываетъ и съ вѣрными сынами Божіими. Насажденные въ вертоградѣ (саду.— *Ред.*) Божіемъ и привитые къ истинной Лозѣ—Господу Іисусу, Который сказалъ: «А҆́зъ є҆́смь лозà, вы́ же ро́ждїе»[1],—они обрѣзываются чрезъ временную смерть и воскресаютъ въ грядущемъ вѣкѣ, гдѣ зеленѣютъ и украшаются нетлѣнною славою и получаютъ плоды вѣчнаго воздаянія.

Какъ только святый кончилъ свою рѣчь, палачъ опять подошелъ къ нему и отрѣзалъ ему второй палецъ. Но святый, терпѣливо перенося мученія, воскликнулъ:

— Прими, Господи, и вторую вѣтвь отъ Твоего сада, который насадила десница Твоя.

Лицо его было свѣтло и исполнено радости, какъ будто онъ испытывалъ не великія мученія, а высочайшее наслажденіе. Тогда ему отрѣзали и третій палецъ, но онъ продолжалъ воспѣвать Тріединаго Бога.

— Освобожденный отъ трехъ искушеній (т. е. похоти плотской, похоти очесъ и гордости житейской), я славословлю Отца, и

---

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 15, ст. 5.

Сына, и Святаго Духа и съ тремя, спасенными отъ огня отроками, исповѣдую Тебя, Господи, и вмѣстѣ съ ликомъ мучениковъ воспѣваю Имя Твое, Христе.

Когда отрѣзали ему четвертый палецъ, онъ воскликнулъ:

— Принявшій хваленіе отъ четырехъ животныхъ, прими въ жертву Себѣ и страданіе моего четвертаго пальца, урѣзаннаго за исповѣданіе Твоего Святаго Имени.

Послѣ того, какъ отрѣзали Іакову пятый палецъ, онъ громко возгласилъ:

— Наступаетъ веселіе для меня, какъ на бракѣ Божественнаго Жениха для пяти мудрыхъ дѣвъ[1]).

Тогда мучившіе его, прежде чѣмъ урѣзать ему пальцы лѣвой руки, начали увѣщавать его:

— Іаковъ, пощади теперь свою душу, не губи себя, но исполни царскую волю, и тогда ты будешь цѣлъ; не лучше ли тебѣ остаться невредимымъ и жить, нежели испытывать такія муки и умереть? О поврежденіи же руки не печалься, потому что многіе живутъ въ мірѣ съ одною только рукою и все же пользуются великими богатствами и почестями и наслаждаются благополучіемъ и всякими благами.

Святый отвѣтилъ на это:

— Когда пастухи стригутъ овецъ, то, остригши правую сторону, развѣ оставляютъ необрѣзанной лѣвую? Я—овца стада Христова, въ ваши руки предавшая себя ради моего Господа, чтобы вы отсѣкли члены мои, какъ обстригается шерсть,—и когда моя правая рука отсѣчена, неужели лѣвую я пощажу? Нѣтъ, не пощажу и всѣхъ моихъ членовъ и всего моего тлѣннаго тѣла для того, чтобы облечься въ нетлѣніе.

Потомъ, устремивъ свои очи къ Небу, святый воскликнулъ:

— Я малъ и худороденъ передъ Тобою, Господи! Ты, великій Богъ, умалилъ Себя, облекшись въ человѣческій образъ, и претерпѣлъ за насъ распятіе и заколеніе; и я, Владыка мой, не могу подражать Твоимъ страданіямъ, но, однако, я предаю себя на мученія и смерть, чтобы Ты, при всеобщемъ воскресеніи, возстановилъ меня къ жизни цѣлымъ и невредимымъ.

Когда святый окончилъ свою рѣчь, мучители опять приступили къ нему и отрѣзали ему первый палецъ лѣвой руки.

---

[1]) Разумѣется притча Христова о пяти мудрыхъ и пяти юродивыхъ дѣвахъ. Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 1—13.

Онъ же сказалъ:

— Прехвальный Господи! Благодарю Тебя, что Ты сподобилъ меня и шестой палецъ принести въ жертву Тебѣ, простершему на Крестѣ пречистыя руцѣ Свои въ шестый день и часъ[1]).

Затѣмъ отрѣзали святому седьмой палецъ, и тогда онъ воскликнулъ:

— Прежде, въ теченіе каждаго изъ семи дней недѣли, уста мои, вмѣстѣ съ Пророкомъ Давидомъ, восхваляли Тебя за Твои праведныя судьбы, сегодня же прославляю милосердіе Твое отрѣзанными, за исповѣданіе Тебя, семью пальцами.

И отрѣзали Іакову восьмой палецъ; онъ же воззвалъ къ Богу:

— Господи! Ты Самъ по закону принялъ обрѣзаніе въ восьмой день, я же переношу урѣзываніе восьми пальцевъ, чтобы, удалившись отъ беззаконныхъ людей, соединиться съ Тобой, Спасителемъ моимъ, и, совлекшись тѣла, увидѣть Твое Пречистое Лице, Которое желаетъ видѣть душа моя такъ же сильно, какъ сильно жаждущій олень стремится къ воднымъ источникамъ[2]).

Послѣ сего отрѣзали святому девятый палецъ; тогда святый воскликнулъ:

— Христосъ мой, Ты въ девятый часъ предалъ на Крестѣ въ руцѣ Отца Своего Духъ Твой, а я послѣ лишенія девятаго пальца, среди страданій, приношу Тебѣ благодареніе за то, что Ты удостоилъ меня быть распростертымъ для урѣзыванія членовъ моихъ за Имя Твое святое.

Когда отрѣзали Іакову десятый палецъ, то онъ, восхваляя Господа, громко возгласилъ:

— На десятиструнномъ псалтирѣ воспѣваю Тебя, Боже, и благодарю Тебя, помогшаго мнѣ претерпѣть за десять заповѣдей Твоего Завѣта, написаннаго на двухъ скрижаляхъ, урѣзываніе пальцевъ обѣихъ моихъ рукъ.

Тогда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ царскихъ вельможъ и друзей святаго, горько рыдая, начали увѣщавать его:

— Нашъ любезный другъ, умоляемъ тебя, послушай насъ и исполни царскую волю, чтобы не умереть тебѣ среди жестокихъ мученій. О пальцахъ же своихъ не печалься, потому что искусные врачи могутъ вылѣчить тебя, только ты самъ себя пощади, чтобы

---

1) Господь Іисусъ Христосъ былъ пригвожденъ ко древу въ шестой день недѣли, начиная счетъ съ воскресенья, и въ шестой часъ дня (по нашему 2-ой).

2) Ср. Псаломъ 41, ст. 2.

не лишиться благъ настоящаго міра, исполненнаго радостей и наслажденій: ты имѣешь богатое имущество, и потому можешь пользоваться покоемъ. Если бы ты былъ нищимъ, то могъ бы еще подумать: на что мнѣ надѣяться въ этой жизни, какихъ выгодъ ожидать себѣ, когда я не могу ничего дѣлать и, слѣдовательно, доставать себѣ пропитаніе? Но ты богатъ, имѣешь много золота, и если ты самъ только захочешь, то можешь превосходно жить, пользуясь всѣми утѣхами настоящаго міра и веселясь съ своей супругой, съ матерью и съ своими дорогими друзьями. Зачѣмъ ты хочешь напрасно губить душу свою? Итакъ, покоряясь царской волѣ, скажи только одно слово, и тотчасъ ты будешь освобожденъ отъ мученій.

Блаженный, взглянувъ на нихъ, отвѣчалъ:

— Никто́же мо́жетъ двѣма̀ господи́нома рабо́тати[1]); и никто́же возло́жь рꙋ́кꙋ свою̀ на ра́ло, и҆ зрѧ̀ вспѧ́ть, оу҆пра́вленъ є҆́сть въ ца́рствіи бж҃іи[2]); потому что Господь сказалъ: «и҆́же лю́битъ о҆тца̀, и҆ли̇̀ ма́терь па́че менѐ, нѣ́сть менѐ досто́инъ[3]), и҆ и҆́же не но́ситъ креста̀ своегѡ̀, и҆ въ слѣ́дъ менѐ гра́детъ, нѣ́сть менѐ досто́инъ»[4]). Поэтому я не послушаю вашего совѣта, такъ какъ ваши слова влекутъ меня къ погибели; а только умоляю васъ, не щадите меня, но поступайте такъ, какъ вамъ приказано.

Тогда мучившіе святаго распалились гнѣвомъ и, приступивъ къ нему, отрѣзали ему большой палецъ правой ноги. Святый же Іаковъ воскликнулъ:

— Прославляю Тебя, Христе мой, у Котораго пронзены были не только руки, но и ноги, и молю Тебя: удостой меня того, чтобы эта моя правая нога, перенесшая отрѣзаніе перваго пальца, стала впослѣдствіи по правую сторону Тебя.

И отрѣзали ему второй палецъ той же ноги. Святый же продолжалъ прославлять Бога:

— Въ сей день на мнѣ удвоилась Твоя благость и милость ко мнѣ, Господи, ибо я, перенесши урѣзываніе и этого второго пальца, пойду къ Тебѣ, Всесильному и Животворящему моему Богу, избавляющему меня отъ второй вѣчной смерти.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 24.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 62.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 37 и 38.
4) Еванг. отъ Луки, гл. 14, ст. 27.

Отрѣзали блаженному и третій палецъ, который бросили около него. Блаженный же, взглянувъ на него, воскликнулъ, радостно улыбаясь:

— Иди, во знаменованіе Святой Троицы, къ твоимъ собратьямъ и ты, третій палецъ; принявъ временную смерть за воскресшаго послѣ трехдневной смерти Христа, ты, подобно пшеничному зерну, брошенному въ землю, получишь вмѣстѣ съ другими членами тѣла моего бо́льшую награду въ день всеобщаго воскресенія.

Послѣ этого отрѣзали святому четвертый палецъ. Тогда блаженный громко возгласилъ:

— **Вскꙋ́ю прискорбна є҆сѝ дꙋшѐ моѧ̀, и҆ вскꙋ́ю смꙋща́еши мѧ̀; ᲂу҆пова́й на бг҃а**[1]), спасающаго силою четвероконечнаго креста, потому что я исповѣдую Святое Имя Его.

Отрѣзали Іакову и пятый палецъ, а святый все продолжалъ восхвалять Господа Бога, восклицая:

— Господи, теперь я стану благодарить Тебя, претерпѣвшаго на крестѣ пять язвъ[2]), буду прославлять Твою помощь, ибо Ты дѣлаешь меня достойнымъ участи Твоихъ вѣрныхъ рабовъ, пострадавшихъ за Тебя и умножившихъ данные имъ пять талантовъ[3]).

Послѣ этого мучившіе стали урѣзывать пальцы лѣвой ноги его. Когда урѣзали мизинецъ, святый Іаковъ воскликнулъ:

— Крѣпись и ты, малый палецъ ноги, шестой по счету изъ урѣзываемыхъ; ибо я надѣюсь на милостиво укрѣпляющаго меня великаго Бога, Который сотворилъ тебя въ шестой день вмѣстѣ съ большими и воскреситъ тебя малаго такъ же, какъ воскреситъ и большіе. Ибо, если не погибнетъ ни одного волоса на головѣ человѣка безъ воли Божіей, то тѣмъ болѣе ты, малый палецъ, не разлучишься съ другими пальцами, но одинаково съ ними прославишься, такъ какъ одинаково съ ними страдаешь.

И отрѣзали святому Іакову седьмой палецъ, а онъ громко возгласилъ:

— Разорите этотъ ветхій храмъ, въ которомъ укрывается седмиглавый змѣй[4]), ибо Создатель, почившій въ седьмой день отъ

---

1) Псаломъ **41**, ст. 6, ст. 14—23.

2) Когда Господа Іисуса Христа вознесли на Крестѣ, то Онъ былъ пригвожденъ четырьмя гвоздями, вбитыми въ двѣ кисти рукъ и въ двѣ ступни ногъ. Такъ образовалось у него четыре язвы, или раны; пятая нанесена была воиномъ послѣ Его крестной смерти, когда воинъ копіемъ пронзилъ Ему ребро.

3) Имѣется въ виду притча о талантахъ, подъ образомъ которыхъ разумѣются духовныя дарованія людей. Еванг. отъ Матѳ., гл. **25**, ст. 14—30.

4) Разумѣется діаволъ, растлившій грѣхомъ природу человѣческую.

дѣлъ Своихъ, готовитъ мнѣ на Небѣ другой храмъ, нерукотворенный и вѣчный.

Когда отрѣзали святому Іакову седьмой палецъ, онъ воскликнулъ:

— Спасшій восемь душъ отъ воды въ ковчегѣ Ноя[1]), спасетъ и меня, проливающаго кровь какъ воду. Вотъ, отрѣзали мнѣ восьмой палецъ, но я — какъ наковальня подъ ударами, которая не чувствуетъ боли, а только становится тверже и крѣпче: ибо я не чувствую страданій при урѣзываніи членовъ моихъ, такъ какъ благій Врачъ, Самъ Творецъ мой, укрѣпляетъ меня и облегчаетъ страданія мои: Онъ послѣ всѣхъ седмицъ земной моей жизни, когда наступитъ всеблаженный восьмой день вѣчности, всецѣло возстановитъ меня.

Тогда отрѣзали Іакову девятый палецъ; но святый мужественно молился:

— Молю Тебя, Боже, укрѣпи меня въ терпѣніи! Душа моя уповаетъ на Тебя, утвердившаго меня, по Твоей благодати, въ непорочности девяти ангельскихъ чиновъ. Итакъ, дозволь быть съ Тобою и мнѣ, претерпѣвшему отрѣзаніе этихъ девяти ножныхъ пальцевъ, подобно тому, какъ пребываютъ съ Тобою всѣ девять ангельскихъ чиновъ.

И отрѣзали ему десятый палецъ ноги; святый же громко возгласилъ:

— Іисусъ Христосъ, совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, вотъ, я приношу Тебѣ въ жертву двойной десятокъ моихъ пальцевъ; — и прибавилъ: — **сꙋди́ ми бж҃е, и҆ разсꙋди̇ прю̀ мою̀, ѿ ꙗ҆зы́ка непреподо́бна**[2]), потому что нечестивые не пощадили Твоего созданія, но, какъ злые волки, растерзали всѣ члены мои.

Множество стоявшихъ вокругъ мужей и женъ, старцевъ и юношей, взирая на мученія святаго, удивлялись его терпѣнію. Христовъ же страдалецъ, посмотрѣвъ на мучившихъ его, сказалъ имъ:

— Что стоите праздно, рубите дерево, у котораго уже отсѣкли вѣтви.

И мучители, подошедши къ нему, отрубили ему правую ногу; святый же воскликнулъ:

— Теперь я приношу въ даръ Небесному Царю орудіе моего стоянія предъ Нимъ и терплю эти мученія по любви къ Нему, чтобы моя отсѣченная правая нога стояла въ Царствѣ Его.

---

[1]) 1 Посл. Петра, гл. 3, ст. 20.

[2]) Псаломъ 42, ст. 1.

Такъ же отсѣкли ему и лѣвую ногу; а онъ, устремивъ свои взоры къ Небу, возгласилъ:

— Господи, Ты услышалъ меня, потому что велика Твоя милость: Ты, Богъ, творящій чудеса, избавилъ меня отъ стоянія на лѣвой ногѣ, давъ тѣмъ доброе предзнаменованіе, ибо лѣвая сторона знаменуетъ погибель вѣчную[1]).

Послѣ этого святому отсѣкли правую руку; онъ же воскликнулъ:

— Господи, буду вѣчно воспѣвать Твою милость, изъ рода въ родъ буду возвѣщать Истину Твою, потому что на мнѣ явно исполнились слѣдующія слова Твои: а҆́ще десна́ѧ твоѧ̀ рꙋка̀ соблажнѧ́етъ тѧ̀, оу҆сѣцы̀ ю҆̀, и҆ ве́рзи ѿ себѐ[2]).

Тогда у святаго Іакова отсѣкли лѣвую руку; онъ же началъ говорить:

— Господи, не мертвые восхвалятъ Тебя, равнымъ образомъ ни тѣ, которые низойдутъ во адъ и держатся на жизненномъ пути лѣвой стороны, т. е. неправедныхъ дѣлъ, но мы, живые, отвергающіе лѣвую сторону (т. е. неправду), вѣчно будемъ благословлять Тебя, Господи!

Послѣ этого святому отсѣкли правое плечо, и тогда онъ проговорилъ:

— Хвали̇̀, дꙋшѐ моѧ̀, гдⷭ҇а: восхвалю̀ гдⷭ҇а въ животѣ̀ мое́мъ, пою̀ бг҃ꙋ моемꙋ̀ до́ндеже є҆́смь[3]); ибо возложившій на Свое плечо найденную Имъ погибшую овцу и поставившій ее по правую сторону Себя[4]) вспомнитъ и мое правое плечо; и найдя его усѣченнымъ, поставитъ по правую сторону Себя.

И отсѣкли ему лѣвое плечо, а святый проговорилъ:

— Со всѣхъ сторонъ окружили меня враги. Но — Господь мой Помощникъ и моя Похвала, на рамѣ Котораго судьбы всѣхъ; Онъ мой спаситель: Онъ не попуститъ меня, перенесшаго отсѣченіе лѣваго плеча, уклониться влѣво во власть тьмы.

Затѣмъ начали рѣзать голени святаго Іакова до самыхъ колѣнъ. Святый, перенося тяжкія страданія, воскликнулъ:

— Господи Боже мой, оказывающій помощь боящимся Тебя и уповающимъ на Тебя, помоги и мнѣ, рабу Твоему, ибо меня мучаетъ смертельная болѣзнь.

---

1) Лѣвая сторона знаменуетъ погибель вѣчную потому, что Самъ Господь въ Своемъ изображеніи Страшнаго Суда говоритъ, что Сынъ Человѣческій поставитъ грѣшниковъ по лѣвую сторону Себя.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. **5**, ст. 30.

3) Псаломъ **145**, ст. 1—2.

4) Еванг. отъ Луки, гл. **15**, ст. 4—7. Еванг. отъ Матѳ., гл. **27**, ст. 23.

Слыша это, мучители сказали ему:

— Не говорили ли мы, что тебѣ придется испытать жестокія мученія и ужасныя боли? Ты не повѣрилъ намъ.

Но доблестный страдалецъ отвѣчалъ имъ:

— Знаете ли, для чего я страдалъ? Для того, чтобы ясно было, что я тѣлесенъ; до сихъ поръ, при помощи Божіей, я пренебрегалъ всѣми муками, какъ безплотный; теперь же, страдая, я являюсь тѣлеснымъ. Но скоро Господь облечетъ меня въ новое тѣло, которое уже нельзя будетъ мучить и истязать вашими орудіями.

Всѣ эти мученія продолжались отъ самаго утра до девятаго часа, и въ продолженіе всего этого времени отъ истязуемаго тѣла святаго Іакова исходило сильное благоуханіе. Когда, наконецъ, мучители перестали истязать святаго, воинъ Христовъ, побѣдившій своими страданіями діавола, взывалъ къ Богу:

— Святъ, святъ, святъ Ты, Богъ Вседержитель, Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, восхваляемый Херувимами и прославляемый Серафимами и славимый всѣмъ Небеснымъ Воинствомъ и всякою тварью, Богъ живыхъ и мертвыхъ. Помоги мнѣ, еле живому, потому что всѣ мои члены отрѣзаны и тѣло мое лежитъ, какъ мертвое, и только чуть-чуть теплится во мнѣ жизнь: я не имѣю ногъ, на которыхъ бы стоялъ предъ Тобой, Господи; не имѣю рукъ, которыя воздѣвалъ бы, молясь Тебѣ, Владыкѣ моему; не имѣю колѣнъ, на которыя могъ бы припасть, поклоняясь Тебѣ, моему Создателю: руки, ноги, плечи и голени отсѣчены у меня, и я поверженъ предъ Тобою, Владыка, какъ развалившійся храмъ или дерево безъ вѣтвей; посему умоляю Тебя, Человѣколюбче, не оставь меня до конца, но избавь изъ темницы душу мою.

Когда онъ молился такимъ образомъ, одинъ изъ присутствовавшихъ при казни святаго, взявъ ножъ, отсѣкъ его честну́ю главу, и святый, окончивъ, такимъ образомъ, свои мученическіе подвиги, предалъ святую душу свою въ руцѣ Божіи. Честно́е же тѣло его, раздробленное на части, лежало на землѣ до ночи. Ночью вѣрующіе, собравъ всѣ члены, погребли ихъ вмѣстѣ съ тѣломъ, прославляя Отца, и Сына, и Святаго Духа[1]). Аминь.

---

[1]) Кончина св. Іакова мученика послѣдовала въ 421 г. Когда впослѣдствіи изданъ былъ указъ въ Персіи сожигать св. мощи мучениковъ, христіане отправили мощи Іакова въ Іерусалимъ, откуда при императорѣ Маркіанѣ (въ половинѣ V в.) онѣ перенесены были Едесскимъ епископомъ Петромъ въ Тавенну, что въ Египтѣ. По другому сказанію, онѣ перенесены были изъ Персіи въ Италію, гдѣ глава святаго мученика хранится донынѣ въ Ватиканской базиликѣ. Есть мощи его и въ Брагѣ, въ Португаліи, гдѣ перенесеніе ихъ празднуется 22-го мая.

Тропа́рь мч҃нкꙋ, гла́съ д҃:

Мꙋче́нїи странноꙋжа́сными, и҆ до́блестїю терпѣ́нїѧ всѣ́хъ преꙋдиви́лъ є҆сѝ многострада́льне: над̾ ко́имждо соста́вомъ ᲂу҆десѝ рѣ́занїѧ, благода́рны мольбы̀ преди́внѣ и҆зре́клъ є҆сѝ гдⷭ҇ꙋ. тѣ́мъ во страда́нїи твое́мъ вѣне́цъ прїе́мъ, къ прⷭ҇то́лꙋ возше́лъ є҆сѝ нбⷭ҇нагѡ цр҃ѧ̀ хрⷭ҇та̀ бг҃а, і҆а́кѡве: того̀ молѝ спⷭ҇тѝ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Ꙋвѣ́рився до́брою сопрꙋ́жницею терпѣливодꙋ́шне, и҆ стра́шнаго сꙋди́ща ᲂу҆боѧ́всѧ, пе́рсское повелѣ́нїе и҆ стра́хъ, і҆а́кѡве, поплева́лъ є҆сѝ, и҆ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ мꙋ́ченикъ честны́й, тѣ́ломъ ꙗ҆́кѡ розга̀ рѣ́жемь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

РОМАНА

Блаженный Романъ родился въ городѣ Росѣ[1]), близъ Антіохіи; достигши зрѣлаго возраста, онъ поселился въ Антіохіи. Здѣсь онъ затворился внѣ города въ малой келліи, гдѣ пробылъ до старости, не имѣя при этомъ огня. Пищей ему служили хлѣбъ, соль, да вода, и притомъ въ такомъ маломъ количествѣ, чтобы только можно было поддержать свою жизнь. Онъ носилъ власяницу и подъ ней тяжелыя желѣзныя оковы. За все сіе святый Романъ сподобился такой божественной благодати, что исцѣлялъ различные недуги, и, по молитвѣ его, многія жены, не имущія дѣтей, были разрѣшены отъ безплодія. Многихъ заблуждшихъ святый Романъ своимъ увѣщаніемъ возвратилъ на правый путь къ Царству Божію. Такъ поживъ, онъ достигнулъ маститой старости и мирно отошелъ ко Господу[2]).

1) *Росъ* —городъ въ Сиріи, недалеко отъ Антіохіи.

2) Время жизни и подвиговъ *препод. Романа* относится къ V-му вѣку.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ІАКОВА,

епископа Ростовскаго[1])

Святый Іаковъ былъ родомъ изъ Ростовской области, въ раннемъ возрастѣ принялъ иночество и за свою благочестивую жизнь удостоился поставленія въ епископы Ростовскіе при митрополитѣ Пименѣ и великомъ князѣ Димитріи Іоанновичѣ Донскомъ[2]). Но епископомъ Ростовскимъ онъ былъ недолго и оставилъ каѳедру по слѣдующему случаю.

Одна женщина обличена была въ беззаконіяхъ и Ростовскимъ княземъ и боярами ростовскими осуждена была на смертную казнь. Въ своемъ несчастіи она прибѣгла къ ногамъ ростовскаго святителя Іакова и молила избавить ее отъ смерти. Святый Іаковъ сжалился надъ нею и, подражая Христу, Который не осудилъ приведенную къ Нему блудницу,—не выдалъ на казнь осужденную женщину, а назначилъ ей особое мѣсто для покаянія до конца ея жизни. За таковой поступокъ князь Ростовскій и граждане разгнѣвались на святаго Іакова и изгнали своего добраго пастыря съ престола.

Удаляясь изъ города, святый Іаковъ подошелъ къ берегу ростовскаго озера и, снявъ съ себя свою святительскую мантію, положилъ ее на воду и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, всталъ на нее и поплылъ по озеру; проплывъ версты полторы за городъ, онъ снова вышелъ на берегъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Яковлевскій монастырь.

---

[1]) Древняго житія св. Іакова не сохранилось. Въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ еще въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія имѣлось старинное житіе, изъ котораго и заимствованы подробности жизни святителя въ книгѣ: «Описаніе ростовскаго Спасо-Яковлевскаго-Димитріева монастыря», Спб. 1849; эти подробности повторяются и здѣсь. Служба святому Іакову встрѣчается въ древнихъ, не позже XVI столѣтія, рукописяхъ и находится въ печатныхъ служебныхъ Минеяхъ подъ 28 октября. Содержаніе службы святому Іакову и изображенія съ подписями на древнихъ иконахъ согласны со сказаніями стариннаго житія.

[2]) Это было въ 1386 г.; святый Іаковъ поставленъ былъ въ Ростовскіе епископы послѣ епископа Матѳея, грека.

Сіе необычайное чудо изумило князя и народъ. Всѣ поняли, что несправедливо и жестоко поступили со своимъ святителемъ, просили о прощеніи грѣховъ и со слезами умоляли его возвратиться на свой святительскій престолъ. Святитель по своему незлобію и кротости простилъ имъ тяжкій грѣхъ ихъ; онъ никогда и ни на кого не могъ гнѣваться, но возвратиться на престолъ рѣшительно отказался.

Ст҃ый
Іаковъ

На томъ самомъ мѣстѣ, въ полутора верстахъ отъ города, гдѣ святый Іаковъ вышелъ на берегъ[1]), онъ построилъ себѣ одинокую хижину и сталъ въ ней жить.

У святителя было много почитателей, и многіе изъ нихъ стали приходить къ нему для жительства. Тогда онъ соорудилъ келліи для братіи, а затѣмъ и церковь во имя Зачатія святой Анны. Въ семъ монастырѣ святый Іаковъ окончилъ и дни свои[2]).

Во время святительства Іакова въ Ростовѣ появился еретикъ, именемъ Маркіанъ, который училъ не поклоняться святымъ иконамъ, называя ихъ идолами, и разсѣевалъ иныя нечестивыя мысли. Своимъ краснорѣчіемъ и книжною ученостью онъ привлекъ къ себѣ вниманіе Ростовскаго князя, бояръ и народа. Но святитель Ростовскій Іаковъ, въ присутствіи князя и народа, учинилъ съ еретикомъ преніе и обличилъ его лжеученіе, такъ что еретикъ со срамомъ удалился изъ Ростова.

Мощи святаго Іакова почиваютъ въ основанномъ имъ монастырѣ, именуемомъ Яковлевскимъ, въ честь его основателя.

---

1) Сюда же за триста слишкомъ лѣтъ удалился изъ города Ростова святый Леонтій, изгнанный язычниками. Основанная святымъ Леонтіемъ церковь Архистратига Михаила находится теперь въ 30 саженяхъ отъ ограды Яковлевскаго монастыря.

2) Св. Іаковъ скончался въ 1392 г.

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ д҃:

Избра́нъ ѿ ю҆ности бг҃ови бы́въ, ст҃и́телю і҆а́кѡве, сегѡ̀ ра́ди а҆рхїере́йства са́номъ почте́нъ, оу҆па́слъ є҆сѝ лю́ди, ꙗ҆̀же тебѣ̀ бг҃омъ вручє́иныѧ. тѣ́мже и҆ по преставле́нїи чꙋде́съ дарова̑нїѧ ѿ бг҃а прїѧ́лъ є҆сѝ, и҆сцѣлѧ́ти разли́чныѧ недꙋ́ги: молѝ ѡ҆ на́съ соверша́ющихъ честнꙋ́ю па́мѧть твою̀, да тебѐ непреста́нно велича́емъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ а҆рхїере́євъ сопрестѡ́льникъ, и҆ ст҃и́телемъ и҆зрѧ́дный побо́рникъ бы́лъ є҆сѝ ст҃и́телю і҆а́кѡве, непреста́нно сохранѧ́й ѻ҆те́чество твоѐ, гра́дъ же и҆ лю́ди тебѐ вѣ́рою почита́ющыѧ, и҆ честны́мъ моще́мъ твои́мъ покланѧ́ющыѧсѧ, да велегла́сно тебѣ̀ вопїе́мъ: ра́дꙋйсѧ, і҆а́кѡве бг҃омꙋ́дре.

День двадцать восьмой

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА
СТЕФАНА НОВАГО

Родиною преподобнаго Стефана была столица Греческаго царства—Константинополь. Родители его отличались благочестіемъ и нищелюбіемъ. Имѣя двухъ дочерей, они скорбѣли о томъ, что Богъ не давалъ имъ сына,—такъ какъ они желали имѣть наслѣдника мужескаго пола. Стараясь привлечь на себя милость Божію, они благотворили нищимъ и усердно молились Господу, испрашивая у Него рожденіе мальчика. Особенно же ревностно изливала сердце свое въ слезныхъ молитвахъ предъ Богомъ мать преподобнаго Стефана, по имени Анна, подражая въ сей ревности соименной ей матери пророка Самуила[1]).

Въ одну изъ пятницъ, стоя на молитвѣ во Влахернскомъ храмѣ[2]), она обратила взоръ свой на икону Пречистой Владычицы

---

[1]) Мать пророка Самуила долго была безплодной. Неплодіе считалось у Евреевъ знакомъ немилости Божіей и было позорнымъ. Поэтому Анна со слезами молила Бога даровать ей дѣтище, причемъ дала обѣтъ,—если у нея родится дитя,—посвятить его на служеніе Богу. Молитва ея была услышана; у нея родился младенецъ мужескаго пола, который, какъ даръ Божіей милости, былъ посвященъ родителями Богу и воспитывался при храмѣ Іерусалимскомъ.

[2]) Знаменитый *Влахернскій храмъ* находился во Влахернахъ, мѣстности Константинополя, почти на самомъ берегу Мраморнаго моря. Здѣсь была чудотворная икона Пресв. Богородицы и риза Ея, хранимая въ особомъ ковчежцѣ, которая была привезена въ Византію въ V вѣкѣ.

и со слезами молила Ее даровать ей сына; при этомъ она дала обѣтъ Матери Божіей—если молитва ея исполнится—принести дитя въ даръ Единородному Сыну и Слову Божію, отъ Пречистой воплощенному. Утомленная долгой молитвой и слезами, она забылась сномъ въ храмѣ и во время сна увидѣла Владычицу нашу, Пресвятую Богородицу, сіяющую неизреченною красотою. Царица Небесная обратилась къ ней съ такими словами:

— Иди съ миромъ, женщина, ибо ты имѣешь во чревѣ сына, по прошенію твоему.

Сказавъ это, Владычица сдѣлалась невидимою. Анна же, сначала воспрянувъ какъ бы отъ ужаса, потомъ пришла въ великую радость и, возвратившись домой, дѣйствительно почувствовала, что зачала во чревѣ своемъ.

Въ это время, при благочестивомъ царѣ греческомъ Анастасіи (не томъ, который вступилъ па престолъ послѣ Зенона и былъ еретикомъ [1]), а другомъ, вступившемъ на царство позднѣе [2])), былъ избранъ и возведенъ на патріаршество въ Царьградѣ святый Германъ [3]). Въ день поставленія новаго Патріарха толпы народа стекались въ храмъ святой Софіи взглянуть на новоизбраннаго святителя. Среди народа находилась и Анна съ своимъ мужемъ, уже непраздная (беременная.— *Ред.*). Въ то время, какъ она стояла въ церкви, случилось Патріарху проходить мимо нея. Анна воскликнула, обращаясь къ святителю:

— Благослови, отче, зачатое во чревѣ моемъ!

Взглянувъ на нее и внутренними очами провидя будущее, Патріархъ сказалъ:

— Да благословитъ то (зачатое) Господь молитвами святаго первомученика!

Этими словами онъ предсказалъ, что отъ Анны имѣетъ родиться дитя мужескаго пола, которое будетъ названо Стефаномъ, въ честь первомученика Стефана. Пророчество святаго Патріарха сопровождалось и какъ бы подтверждалось чудеснымъ знаменіемъ: изъ устъ его, во время произнесенія пророчества, исходилъ вмѣстѣ съ словами огненный пламень, что ясно видѣла Анна (какъ она потомъ говорила, подтверждая свои слова клятвою).

---

1) *Императоръ Византійскій Зенонъ* царствовалъ въ 474—491 гг. Послѣ него вступилъ на престолъ *Анастасій I,* царствовавшій въ 491—518 гг.

2) Здѣсь разумѣется императоръ Анастасій II (713—715 гг.)

3) *Патріархъ Германъ I* управлялъ Византійскою Церковію въ 715—730 гг.

Когда прошло опредѣленное число дней, Анна родила младенца мужескаго пола; и наречено было имя ему Стефанъ, согласно пророчеству святаго Патріарха Германа[1]). Въ вечеръ Великой Субботы новорожденный младенецъ и былъ крещенъ самимъ же Патріархомъ.

Прп҃бномч҃нкъ Стефа́нъ

Въ день очищенія своего счастливая мать, взявъ младенца, принесла его въ церковь Пресвятой Богородицы, что во Влахернахъ, и, держа его на рукахъ, стала предъ честно́ю иконою Царицы Небесной, предъ которою молилась прежде о дарованіи ей сына. Взирая на икону, она сказала:

— Пріими, Пречистая, сего возлюбленнаго сына моего, котораго Ты даровала мнѣ; пріими того, кого я еще до зачатія обѣщала посвятить Тебѣ и Твоему Единородному Сыну. Тебѣ, послѣ Бога, я вручаю его. Ты ему будь и Матерью, и Питательницей, и Промыслительницей о немъ.

Это и многое другое сказавши и помолившись предъ святою иконою, она возвратилась въ домъ свой и со всѣмъ усердіемъ питала своего сына.

Между тѣмъ, послѣ Анастасія на престолъ царскій вступилъ Ѳеодосій[2]), послѣ же Ѳеодосія—Левъ Исаврянинъ[3]). Во все это время блаженный отрокъ Стефанъ росъ тѣломъ и укрѣплялся духомъ, изучая божественныя писанія. При помощи Благодати Господней онъ преуспѣвалъ въ разумѣ и премудрости Божіей, ибо проявлялъ большую ревность къ чтенію святыхъ книгъ, по-

---

1) Это было въ 715 г.

2) Разумѣется *Ѳеодосій III Адрамитенъ*, царствовавшій съ 715 по 716 г.

3) *Императоръ Левъ III Исаврянинъ* царствовалъ съ 716 по 741 г. *Исаврянином*ъ онъ назывался потому, что былъ родомъ изъ Исавріи — провинціи, расположенной на югѣ Малой Азіи.

учаясь въ Законѣ Божіемъ день и ночь; особенно онъ любилъ читать творенія святаго Іоанна Златоустаго.

Наступили великія смуты въ Церкви Божіей изъ-за иконоборской ереси, самымъ ревностнымъ послѣдователемъ которой былъ самъ царь, Левъ Исаврянинъ. Послѣдній сдѣлался иконоборцемъ подъ вліяніемъ еврейскихъ волхвовъ, о чемъ существуетъ такое сказаніе.

За нѣсколько лѣтъ до царствованія Льва Исаврянина нѣкоторые евреи, вышедшіе изъ Лаодикіи Финикійской[1]), пришли къ Изифу, одному изъ князей аравійскихъ[2]). Ложно пророчествуя и совершая волхвованія, они обѣщали ему сорокъ лѣтъ жизни и господства надъ Аравитянами, если онъ повелитъ во всей своей области повыбрасывать изъ церквей святыя иконы и уничтожить ихъ. Изиѳъ повѣрилъ имъ и издалъ приказъ, чтобы повсюду честныя иконы выкидывались изъ церквей и предавались бы огню. Но бг҃ъ ѿмще́ній гдⷭ҇ь поразилъ его такъ, что онъ умеръ, не проживъ и одного года. Сынъ его, вступивъ на княжество вмѣсто отца, хотѣлъ предать тѣхъ евреевъ лютой казни, какъ ложныхъ пророковъ и волхвовъ; но они, спасаясь отъ гнѣва княжескаго, покинули Аравію и бѣжали въ Исаврію.

Однажды они отдыхали тамъ около одного источника. И вотъ идетъ мимо юноша—исаврянинъ, именемъ Левъ, человѣкъ большого роста и весьма красивый. Онъ захотѣлъ отдохнуть у того же источника, у котораго сидѣли еврейскіе волхвы, и, сойдя съ пути, сѣлъ вмѣстѣ съ ними. Взглянувъ на юношу, волхвы начали предсказывать ему, что онъ будетъ царемъ въ Греціи. Будучи незнатнаго происхожденія и къ тому же бѣднымъ, едва добывающимъ себѣ пропитаніе посредствомъ одного незатѣйливаго рукодѣлія, Левъ не повѣрилъ евреямъ. Но тѣ настойчиво повторяли свое пророчество, говоря, что онъ непремѣнно будетъ царемъ, если поклянется имъ: когда воспріиметъ царство, сдѣлать то, чего они попросятъ тогда у него. И онъ поклялся имъ

---

1) *Лаодикія Финикійская* была расположена на самомъ берегу Средиземнаго моря, нѣсколько южнѣе Антіохіи Сирійской.

2) *Аравія*—довольно большой полуостровъ на югѣ Азіи, между Краснымъ, или Чермнымъ, моремъ и Персидскимъ заливомъ. Населеніе Аравіи—семитическаго происхожденія и ведетъ преимущественно кочевой образъ жизни. При этомъ Аравія дѣлится на множество мелкихъ княжествъ, во главѣ которыхъ стоятъ шейхи. Христіанство въ Аравію проникло очень рано (какъ можно заключать изъ Кн. Дѣян. Ап., гл. 2, ст. 11; Посл. къ Галат., гл. 1, ст. 17), и преданіе говоритъ, что тамъ проповѣдывали христіанство Апостолы Варѳоломей, Ѳаддей, Андрей, Ѳома и даже Іоаннъ.

въ находившейся недалеко отъ того мѣста церкви святаго Ѳеодора исполнить ихъ просьбу; послѣ сей клятвы они разошлись.

Вскорѣ послѣ того юноша тотъ былъ зачисленъ патриціемъ Сесиніемъ[1]) въ войско и здѣсь быстро возвысился и сталъ спаѳаріемъ[2]). Потомъ императоръ Анастасій II далъ ему титулъ патриція и назначилъ областеначальникомъ въ Малой Азіи. По смерти Анастасія царемъ былъ провозглашенъ Ѳеодосій, но Левъ не призналъ его и поднялъ возстаніе. По попущенію Божію, ему удалось свергнуть Ѳеодосія и самому завладѣть царскимъ престоломъ. Сначала онъ былъ благочестивымъ и православнымъ царемъ, но потомъ совратился въ нечестіе, ибо скоро пришли къ нему тѣ евреи, которые посредствомъ волхвованій предсказали ему царство. Они напомнили Льву объ его обѣщаніи, подкрѣпленномъ клятвою, и говорили, что теперь настало время исполнить то, чего они попросятъ у него. Царь спросилъ ихъ:

— Чего же вы хотите отъ меня?

Они же, будучи врагами Христа и христіанской вѣры, не просили у него ни золота, ни серебра, ни иныхъ какихъ-либо сокровищъ, но потребовали, чтобы онъ выбросилъ изъ церквей Божіихъ святыя иконы.

— Царь!—говорили они:—Если ты сдѣлаешь это, то Богъ на многіе годы сохранитъ твое царствованіе; если же не сдѣлаешь, то скоро лишишься и царства, и жизни.

Помня, что первое пророчество тѣхъ волхвовъ о полученіи имъ царства исполнилось, Левъ боялся, что исполнится и это пророчество—о потере имъ царства вмѣстѣ съ жизнію, если онъ не послушаетъ ихъ. Посему онъ издалъ указъ, повелѣвая выкидывать святыя иконы изъ церквей и домовъ и попирать ихъ ногами; при этомъ нечестивый царь называлъ иконы идолами, а поклоняющихся имъ—идолопоклонниками.

И была великая смута въ церкви Христовой, такъ какъ одни повиновались царскому повелѣнію, выбрасывали честныя иконы

---

[1]) Титулъ *патриціевъ* принадлежалъ первоначально лишь дѣтямъ сенаторовъ, которые назывались по-латыни patres. Потомъ это названіе стало прилагаться ко всѣмъ лицамъ благороднаго римскаго происхожденія. Но императоръ Константинъ сдѣлалъ титулъ патриція личнымъ достоинствомъ, которое даровывалось высшимъ чиновникамъ, но не переходило по наслѣдству.

[2]) *Спаѳарій*—оруженосецъ, тѣлохранитель царскій. Впослѣдствіи наименованіе спаѳарій сдѣлалось однимъ лишь почетнымъ титуломъ, даваемымъ лицамъ военнымъ,—съ которымъ не соединялись обязанности охраненія царя.

и топтали ихъ, другіе же сопротивлялись царю и претерпѣвали за иконопочитаніе многія муки. Святый Германъ, Патріархъ Константинопольскій, тоже не пріобщился царскому зловѣрію и сильно сопротивлялся нечестивому повелѣнію Льва. За это царь съ безчестіемъ изгналъ святаго съ патріаршества, а на его мѣсто поставилъ единомышленника своего, нѣкоего Анастасія еретика[1]). И многіе епископы и клирики претерпѣвали тогда различныя мученія за то, что поклонялись святымъ иконамъ.

Въ Царьградѣ, при церкви святой Софіи, находился одинъ громадный домъ, называемый вертоградомъ любознательности. Въ немъ съ древнихъ временъ было собрано великое множество книгъ, числомъ до трехсотъ съ лишкомъ тысячъ. Ради этихъ книгъ въ домѣ пребывало немало ученѣйшихъ и премудрѣйшихъ мужей, которыхъ царь неоднократно пытался совратить въ свою нечестивую ересь, но всякій разъ безуспѣшно. Тогда онъ повелѣлъ обложить этотъ домъ хворостомъ и поджечь, и такимъ образомъ сжегъ его вмѣстѣ съ книгами и находившимися тамъ учеными людьми. Новопоставленный же Патріархъ Анастасій, угождая царю, повелѣлъ снять и сбросить на землю образъ Спасителя, который находился при упомянутомъ домѣ, на мѣдныхъ воротахъ.

Исполняя патріаршее повелѣніе, одинъ воинъ подставилъ лѣстницу и сталъ подниматься по ней къ образу съ намѣреніемъ сбросить его. Но случившіяся тамъ благочестивыя жены, распалившись ревностію по благочестію, выдернули изъ-подъ него лѣстницу и низвергли ее на землю; воинъ упалъ, разбился и умеръ. А жены поспѣшно скрылись въ церковь, гдѣ въ то время находился Патріархъ, который стоялъ на святомъ мѣстѣ, какъ мерзость запустѣнія[2]), замѣстившая святѣйшаго Германа. Увидѣвъ Патріарха, жены стали громко называть его разорителемъ святыхъ догматовъ, наемникомъ и волкомъ, расхитившимъ овцы, а не истиннымъ пастыремъ стада Христова; затѣмъ начали кидать въ него камнями. Патріархъ, испугавшись, немедленно направился къ царю и возвѣстилъ ему, какое безчестіе нанесли ему (Патріарху) жены. Разгнѣванный царь послалъ воиновъ съ обнаженными мечами, чтобы наказать женщинъ, нанесшихъ Патріарху безчестіе,—

---

[1]) Константинопольскій Патріархъ Анастасій управлялъ Церковію съ 730 по 753 г.

[2]) Выраженіе *мерзость запустѣнія* взято изъ книги Пр. Даніила (гл. 9, ст. 27; ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 15); къ Анастасію оно приложено для указанія его недостоинства быть замѣстителемъ святителя Германа.

и тѣ святыя жены всѣ были изсѣчены мечами за проявленную ими ревность по благочестіи. Наступила тогда великая печаль для православныхъ. Многіе изъ нихъ были заключены въ темницу и содержались въ узахъ; другіе подверглись безпощаднымъ мученіямъ и были убиваемы, а нѣкоторые оставляли свои дома, села и имѣнія и, скрываясь отъ рукъ мучителей, убѣгали въ пустыню.

Родители Стефана, блаженнаго отъ нѣдръ матери своей, тоже хотѣли избѣжать жестокаго гоненія на православныхъ, чтобы соблюсти непорочнымъ свое благочестіе. Они ждали только, когда подрастетъ сынъ ихъ, чтобы посвятить его на служеніе Богу въ чинѣ иноческомъ, какъ было обѣщано ими Матери Божіей. Но при этомъ они не хотѣли отдавать Стефана ни въ одинъ изъ Византійскихъ монастырей, которые были переполнены бѣжавшими сюда отъ гонителей. Они предпочли посвятить сына Богу на Авксентіевой горѣ, находившейся въ Виѳиніи[1]) и получившей свое наименованіе отъ преподобнаго отца Авксентія, который первый поселился тамъ, ища безмолвія. Мѣсто сіе было уединено и отдалено отъ всякихъ мірскихъ волненій. Послѣ Авксентія здѣсь подвизался Сергій, ученикъ Авксентія и подражатель его святаго житія, послѣ Сергія—искусившійся въ добродѣтеляхъ Вендіанъ, затѣмъ—блаженный Григорій, а послѣ него—преподобный Іоаннъ. Къ нему-то и привели родители Стефана своего 16-тилѣтняго сына и, вручивъ отрока святому старцу, умоляли его облечь ихъ сына въ ангельскій образъ и научить служенію Богу. Взглянувъ на Стефана и прозорливыми очами провидя въ немъ Благодать Божію, старецъ сказалъ:

— Воистину Духъ Божій почиваетъ на семъ отрокѣ.

И онъ съ любовію принялъ блаженнаго отрока, постригъ его въ иноческій чинъ и сталъ наставлять его въ подвигахъ безмолвнаго жительства.

Принявъ ангельскій образъ, блаженный отрокъ Стефанъ и жизнь проводилъ ангельскую, являясь совершеннымъ инокомъ. Онъ не ослабѣвалъ въ постѣ и молитвѣ, имѣлъ кроткій нравъ, смиренное сердце, духъ умиленный, постоянно пребывалъ въ молчаніи, соблюдалъ чистоту тѣла и непорочность дѣвства, являлъ въ своей жизни образецъ истинной нищеты и пустынническаго нестяжанія. Безропотно несъ онъ подвигъ иноческаго послушанія

1) О *Виѳиніи* см. на стр. 54 пр. 1. *Авксентіева гора* находилась противъ Константинополя, у Никомидійскаго залива.

и тщательно исполнялъ все, что ни возлагали на него, проявляя во всемъ усердіе и отличаясь трудолюбіемъ. Между прочимъ, потребная для питія вода добывалась въ мѣстѣ весьма отдаленномъ отъ пещеры, гдѣ подвизался Стефанъ. Но святый каждый день приносилъ необходимое количество ея, совершая для того значительный переходъ и съ трудомъ взбираясь потомъ на гору съ водою. И не только воду, но и все потребное приносилъ онъ съ отдаленныхъ мѣстъ, изнуряя себя непосильнымъ трудомъ. При этомъ блаженный Стефанъ никогда не жаловался на тяжесть подвиговъ, ни разу не ропталъ и, наряду съ повиновеніемъ, проявлялъ къ преподобному наставнику своему нелестную и нелицемѣрную любовь. О другихъ же его добродѣтеляхъ, подвигахъ и трудахъ, въ которыхъ онъ упражнялся отъ юности, кто можетъ разсказать?

Наставникъ блаженнаго Стефана, преподобный Іоаннъ, видя усердіе своего ученика въ подвигахъ иноческой жизни, радовался духомъ и, подобно вѣтру, раздувающему пламень въ тлѣющемъ углѣ, своими богодухновенными рѣчами и наставленіями разжигалъ въ сердцѣ блаженнаго желаніе еще большихъ подвиговъ во славу Господа, еще болѣе теплую любовь къ Нему и страхъ Божій. При этомъ онъ и самъ являлся мужемъ совершеннымъ въ добродѣтеляхъ, исполненъ былъ Благодати Божіей и награжденъ отъ Бога даромъ пророческаго предвидѣнія.

Однажды блаженный Стефанъ, совершивъ нѣкое послушаніе и возвратившись къ своему наставнику, увидѣлъ, что тотъ, положивъ голову на оконцѣ пещеры, горько плачетъ. Стефанъ остановился у оконца и сталъ ожидать, когда святый старецъ преподастъ ему обычное благословеніе. И долго стоялъ онъ въ молчаніи, удивляясь горькому рыданію старца и не смѣя спросить его о причинѣ его плача. Но старецъ самъ сказалъ ему:

— Возлюбленный сынъ, виновникъ печали моей — ты, о тебѣ я такъ горько плачу; ибо Господь открылъ мнѣ, что мѣсто сіе отъ тебя процвѣтетъ и прославится, но иконоборцы разорятъ и опустошатъ его.

Услышавъ сіе отъ своего учителя, блаженный Стефанъ тяжко вздохнулъ и произнесъ:

— Скажи, святый отецъ, все, что открылъ тебѣ Господь относительно меня: что случится со мною? И не погибну ли я, будучи развращенъ еретическимъ ученіемъ иконоборцевъ?

Старецъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, чадо мое, никогда не будетъ съ тобою этого; но только предупреждаю тебя словами Апостола: **блюди̑, ка́кѡ ѻ҆па́снѡ хо́диши**[1]); ибо писано: **претерпѣ́вый до конца̀ сп҃се́тсѧ**[2]).

Это и многое другое высказалъ онъ Стефану и повѣдалъ ему обо всемъ, что должно случиться съ нимъ въ будущемъ.

Тѣмъ временемъ умеръ отецъ преподобнаго Стефана. Узнавъ о семъ, преподобный, взявъ благословеніе у своего отца духовнаго, отправился въ Византію и тамъ почтилъ подобающимъ погребеніемъ плотскаго родителя своего; затѣмъ онъ продалъ все оставшееся послѣ него имѣніе и деньги роздалъ нищимъ. Устроивъ эти дѣла, онъ взялъ съ собою мать свою и одну изъ сестеръ (другая сестра святаго уже постриглась въ иночество въ одномъ изъ Византійскихъ дѣвичьихъ монастырей) и помѣстилъ ихъ въ женскомъ монастырѣ, созданномъ и освященномъ вышеупомянутымъ преподобнымъ Авксентіемъ, который назвалъ его: «Трихинарія», т. е. власяной. Такое названіе дано было монастырю частію вслѣдствіе трудности и неудобства пути, ведущаго къ нему, частію вслѣдствіе тягостей иноческой жизни въ немъ, ибо монастырь отличался строгостію устава, и монахини, населявшія его, должны были ходить во власяныхъ одеждахъ. Въ этомъ монастырѣ святый Стефанъ и постригъ въ иночество мать и сестру свою; самъ же возвратился къ преподобному наставнику своему и, живя съ нимъ, упражнялся въ обычныхъ иноческихъ подвигахъ и трудахъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, духовный отецъ и учитель блаженнаго Стефана, преподобный Іоаннъ, съ миромъ отошелъ ко Господу; поплакавъ надъ нимъ, святый пошелъ возвѣстить о его смерти близъ находившихся пустынниковъ, и всѣ, собравшись, съ плачемъ и рыданіемъ и съ подобающимъ пѣніемъ предали погребенію честно́е тѣло преподобнаго Іоанна. Блаженный же Стефанъ послѣ того сталъ одинъ подвизаться въ пещерѣ, имѣя отъ роду немногимъ болѣе 30-ти лѣтъ.

Наслѣдовавъ пещеру преставившагося ко Господу святаго учителя своего и другихъ, жившихъ въ ней раньше, преподобныхъ отцовъ, блаженный Стефанъ былъ наслѣдникомъ и ихъ совершеннаго, преисполненнаго добродѣтелей, житія. Посему къ нему стали приходить изъ окрестныхъ мѣстъ пустынники, желая жить вмѣстѣ

1) Послан. къ Ефес., гл. **5**, ст. 15.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. **24**, ст. 13.

съ нимъ и имѣть въ немъ наставника и учителя себѣ. Къ числу таковыхъ принадлежали: Маринъ, мужъ добрый и благонравный, Іоаннъ и Христофоръ, Захарія, мужъ благочестивый, и, наконецъ, два злобныхъ человѣка — Сергій и Стефанъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Пришли къ преподобному Стефану и еще шесть другихъ мужей, имена которыхъ записаны въ книгѣ работающихъ Христу Господу. Такимъ образомъ образовался монастырь, братія котораго неусыпно предавалась иноческимъ подвигамъ, имѣя у себя игуменомъ святаго Стефана. Пищу добывали всѣ въ потѣ лица своего, трудами своихъ рукъ; преподобный же Стефанъ владѣлъ искусствомъ хорошо списывать книги; переписывая и продавая ихъ, онъ, такимъ способомъ, питалъ себя и прочихъ. И Богъ, питавшій Израиля въ пустынѣ, послалъ все потребное и симъ рабамъ Своимъ, такъ что исполнились на нихъ слова Евангельскія: «и҆щи́те пре́жде цр҃твїѧ бж҃їѧ и҆ пра́вды є҆гѡ̀, и҆ сїѧ̑ всѧ̑ приложа́тсѧ ва́мъ» [1]).

Съ умноженіемъ учениковъ блаженнаго Стефана увидѣлъ онъ, что его безмолвіе, къ которому онъ такъ стремился, нарушено. Тогда святый призвалъ къ себѣ вышеупомянутаго Марина и вручилъ ему начальство надъ монастыремъ и заботу о немъ. Самъ же удалился на другое мѣсто той горы и построилъ себѣ небольшую келлію, въ которой и затворился, имѣя отъ рожденія своего 42 года [2]). Келлія эта совершенно не имѣла крыши. Пребывая въ ней нѣкоторое время въ совершенномъ уединеніи и безмолвіи, святый непрестанно бесѣдовалъ съ Богомъ, предаваясь молитвѣ. Но и на новомъ мѣстѣ своего подвижничества блаженный Стефанъ не могъ избѣжать желающихъ получить отъ него пользу для души своей. Какъ не можетъ оставаться незамѣтнымъ градъ, который стоитъ на верху горы, и какъ не можетъ утаиться человѣкъ, носящій съ собою ароматы,—подобно сему и добродѣтельный человѣкъ, на высоту совершенства, какъ на нѣкоторую гору, восшедшій и добрыми дѣлами, какъ ароматами, благоухающій, не можетъ укрыться и утаиться отъ людей. Это и было съ блаженнымъ Стефаномъ. Слава о его подвижнической жизни распространялась далеко, и подобно тому, какъ пчелы слетаются на медъ, такъ и къ преподобному стекались отовсюду ищущіе спасенія, желая получить назиданіе для себя отъ его

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 33.

2) Это было въ 756 г. отъ Р. Хр.

учительныхъ рѣчей и отъ самаго житія его. Среди стекавшихся къ преподобному были не одни благочестивые мужи, но и жены. Изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія одна благородная вдова, именемъ Анна. Оставшись, по смерти мужа своего, весьма юною и не имѣя дѣтей, она продала всѣ имѣнія свои и роздала нищимъ; затѣмъ, пришедши къ преподобному Стефану, она была пострижена имъ въ иноческій образъ и отослана въ дѣвическій монастырь—Трихинарія.

Въ это время умеръ царь Левъ Исаврянинъ. На его мѣсто вступилъ сынъ его Константинъ Копронимъ[1]), который еще сильнѣе своего отца возсталъ на Церковь Божію, выбрасывая святыя иконы изъ храмовъ и сожигая огнемъ. Обличителями его нечестія явились многіе славнѣйшіе и премудрые мужи изъ чина иноческаго, которые доказали ему неправоту его и обличили въ ереси. Тогда Копронимъ воспылалъ неукротимою злобою противъ иноковъ, подвергая ихъ жестокимъ гоненіямъ и всячески хуля ихъ. Образъ иноческій онъ называлъ одеждою тьмы, самихъ же иноковъ именовалъ идолопоклонниками за то, что они съ великимъ усердіемъ стояли за поклоненіе святымъ иконамъ. Вмѣстѣ съ симъ беззаконный царь собралъ великое множество неразумныхъ людей, слушавшихъ его велѣнія, и приказалъ имъ присягнуть съ клятвою, что они не будутъ поклоняться святымъ иконамъ, но станутъ называть ихъ идолами, не будутъ имѣть и общенія съ иноками, ни принимать отъ рукъ ихъ Пречистыхъ Таинъ,—и всякій, кому случится встрѣтить инока, будетъ бросать въ него камни, называя его помраченнымъ, сыномъ тьмы и идолопоклонникомъ.

Когда все сіе происходило, умеръ злочестивый Патріархъ Константинопольскій Анастасій, котораго Левъ Исаврянинъ возвелъ на патріаршество послѣ святаго Германа. На мѣсто Анастасія Копронимъ возвелъ на патріаршество одного соименнаго ему инока Константина, который былъ единомышленникомъ ему[2]). При этомъ, нечестивый царь возвелъ его на патріаршій престолъ одною своею властію, безъ соборнаго избранія: самъ и на амвонъ его возвелъ, самъ и омофоръ возложилъ на него, возглашая, что онъ достоинъ патріаршаго сана. Послѣ сего оба—и царь, и новый Патріархъ,—

---

1) *Императоръ Константинъ V Копронимъ* царствовалъ съ 741 по 775 г.

2) Разумѣется *Константинопольскій Патріархъ Константинъ II*, который управлялъ Византійскою Церковію съ 754 по 766 г.

посовѣтовавшись между собою, послали во всѣ города грамоты, призывая всѣхъ епископовъ въ царствующій градъ на Соборъ для осужденія и уничтоженія иконопочитанія. И творились тогда въ Константинополѣ великія беззаконія. Даже священные сосуды, въ которыхъ совершались Божественныя Тайны, попирались ногами, такъ какъ на нихъ находились священныя изображенія. Святыя же иконы ввергались—однѣ въ болото, другія—въ море, третьи—въ огонь, а иныя были разсѣкаемы и раздробляемы сѣкирами. А тѣ иконы, которыя находились на церковныхъ стѣнахъ,—однѣ сострагивались желѣзомъ, другія замазываемы были краскою. Беззаконники не пощадили и благолѣпнѣйшую церковь во имя Пресвятыя Богородицы, что во Влахернахъ, которая была роскошно украшена изображеніемъ всѣхъ событій земной жизни Господа Іисуса Христа, начиная отъ воплощенія Его и кончая распятіемъ и воскресеніемъ Его. Въ сей церкви беззаконный царь Копронимъ повелѣлъ уничтожить всѣ иконописныя украшенія ея, блещущія золотомъ и драгоцѣнными камнями, и какъ бы обнажилъ ее, лишивъ, какъ царицу, порфиры; взамѣнъ всего этого онъ приказалъ расписать стѣны ея изображеніемъ деревьевъ, звѣрей и птицъ. И исполнились въ то время слова Давида: **бж҃е, прїидо́ша ꙗ҆зы́цы въ достоѧ́нїе твоѐ, ѡ҆скверни́ша хра́мъ ст҃ы́й тво́й, положи́ша і҆ерⷭ҇ли́мъ ꙗ҆́кѡ ѻ҆во́щное храни́лище: положи́ша трꙋ́пїѧ ра́бъ твои́хъ бра́шно пти́цамъ нб҃нымъ, плѡ́ти прпⷣбныхъ твои́хъ ѕвѣре́мъ земны́мъ**[1]). Ибо тогда и мощи святыхъ выбрасывали иконоборцы изъ церквей и ввергали ихъ или въ огонь, или въ море, или же влачили за городъ и сбрасывали съ горъ въ пропасти и болота. Тѣхъ же, кто дерзновенно стоялъ за честь святыхъ иконъ и мощей, злочестивые еретики немилосердно мучили и предавали горькой смерти, проливая кровь ихъ какъ воду, при этомъ тѣла мучимыхъ за иконы они оставляли безъ погребенія и бросали на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ. Тогда наступила для всѣхъ православныхъ **ско́рбь ве́лїѧ**, какой не было отъ самаго начала міра.

Спасаясь отъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ на православныхъ, многіе иноки оставили Константинополь и притекли къ преподобному Стефану, надѣясь найти у него благой совѣтъ и душеполезное наставленіе. Святый долго утѣшалъ ихъ своими богомудрыми

---

[1]) Псаломъ 78, ст. 1 и 2.

рѣчами и училъ твердо стоять въ благочестіи, не боясь пролить за святыя иконы даже кровь свою; тѣмъ же, которые не имѣли достаточно мужества и боялись мученій, онъ совѣтовалъ бѣжать въ другія страны, гдѣ не было гоненій отъ иконоборцевъ. Тогда опустѣли всѣ Византійскіе монастыри, и уже нельзя было видѣть никого изъ иноковъ въ царствующемъ градѣ. Ибо одни изъ иноковъ, твердо стоя за Православіе, положили души свои, будучи убитыми, другіе же, желая вмѣстѣ съ правой вѣрой спасти и жизнь свою, бѣжали въ другія страны и разсѣялись по лицу всей земли.

Въ 754 году по Рождествѣ Христовомъ созванъ былъ иконоборческій Соборъ въ Константинополѣ, на которомъ присутствовало 338 восточныхъ епископовъ, но не было ни одного Патріарха, кромѣ одного только Константинопольскаго лжепатріарха Константина, еретика и единомышленника царскаго. Мѣстомъ для Собора назначена была Влахернская церковь Пресвятыя Богородицы, которая (церковь), лишившись своихъ иконописныхъ украшеній, представляла собою какъ бы пустыню и вертепъ разбойниковъ. Въ этой церкви и собрались всѣ прибывшіе епископы вмѣстѣ съ беззаконнымъ царемъ и лжепатріархомъ. И послѣ долгихъ разсужденій и препирательствъ царь убѣдилъ всѣхъ епископовъ согласиться съ нимъ и присоединиться къ его безбожному злохуленію. При этомъ, многіе изъ епископовъ ясно видѣли заблужденіе царя и патріарха, но, боясь гнѣва царскаго и патріаршаго, боясь, какъ бы для православныхъ не наступили новыя бѣдствія, они не смѣли сказать ничего вопреки царю и присоединились къ нечестивому зловѣрію. Впослѣдствіи на истинномъ VII Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ царствованіе Константина Младшаго и матери его Ирины[1]), они отреклись отъ иконоборческой ереси и съ покаяніемъ обратились къ благовѣрію; но теперь они пошли вслѣдъ за нечестивымъ царемъ и Патріархомъ, согласившись съ ихъ еретическими мудрованіями. И были составлены тамъ такіе злочестивые и богомерзкіе лжедогматы:

1) Святыя иконы повелѣвалось почитать за идоловъ.

2) Всѣ поклоняющіеся святымъ иконамъ—преданы были анаѳемѣ, причемъ анаѳема провозглашена была на святаго Германа,

---

1) Разумѣется *Константинъ VI Порфирородный,* царствовавшій въ 780—797 г. *Царица Ирина,* мать его и подруга Льва VI, ревностная защитница иконопочитанія, въ продолженіе 10 лѣтъ управляла государствомъ вмѣсто сына и послѣ него царствовала по 802 г.

бывшаго Константинопольскимъ Патріархомъ раньше еретика Анастасія (беззаконные еретики, сами будучи прокляты, прокляли святаго и праведнаго человѣка, но Богъ благословилъ его, такъ что сбылось писаніе: проклену́тъ ті́и, ты́ же бл҃гослови́ши[1]).

3) Повелѣвалось исповѣдывать, что не только святые, по смерти своей, не могутъ помочь намъ своимъ ходатайствомъ, но и Сама Матерь Божія.

4) Запрещалось нарицать святыми Апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, преподобныхъ и всѣхъ угодившихъ Богу.

5) Сей нечестивый Соборъ, сдѣлавшій такія опредѣленія, причислялся къ первымъ шести Вселенскимъ Соборамъ и повелѣвалось называть его Седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ. Всякій же, не признающій того Собора, подвергался анаѳемѣ, подобно Арію, Несторію, Евтихію и Діоскору[2]).

На Соборѣ этомъ важнѣйшими епископами послѣ Патріарха были: Ѳеодосій, епископъ Ефесскій, Константинъ—Никомидійскій, Наколій—Наколійскій, а также Сисиній и Василій.

Совершивъ беззаконное дѣло, епископы подписали составленныя опредѣленія, такъ что исполнились на нихъ слова Писанія: и҆зы́де беззако́нїе ѿ сщ҃е́нникѡвъ вавѵ҆лѡ́нскихъ, ѿ ста́рцевъ и҆ сꙋде́й[3]); и еще: па́стырїе мно́зи растли́ша вїногра́дъ мо́й, ѡ҆скверни́ша ча́сть мою̀, да́ша ча́сть жела́емꙋю мою̀ въ пꙋсты́ню непрохо́днꙋю[4]). По окончаніи соборныхъ совѣщаній епископы, участвовавшіе на Соборѣ, научили народъ съ веселіемъ торжественно возглашать: «дне́сь сп҃се́нїе мі́рꙋ, такъ какъ твоими заботами, царь, мы отъ идоловъ избавились».

Между тѣмъ беззаконный царь, Константинъ Копронимъ, услыхалъ о преподобномъ Стефанѣ, подвизавшемся на Авксентіевой горѣ. Царю сдѣлались извѣстными и его благочестіе, и добродѣтельная жизнь, и то, что онъ премудръ въ Священномъ Писаніи,

---

1) Псаломъ 108, ст. 28.

2) *Арій, Несторій, Евтихій* и *Діоскоръ* —были ересіархами. *Арій* училъ о томъ, что Сынъ Божій есть тварное существо, не одинаковаго достоинства съ Богомъ-Отцомъ. *Несторій* училъ о томъ, что Іисусъ Христосъ не есть Истинный Богъ, но человѣкъ, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божіей. *Евтихій* и *Діоскоръ* были представителями монофизитской ереси, учившей объ одной природѣ божеской въ Іисусѣ Христѣ, которая поглотила въ немъ человѣческое естество. Первый эту мысль высказалъ *Евтихій*—архимандритъ одного изъ Константинопольскихъ монастырей. *Діоскоръ* же (бывшій Александрійскимъ Патріархомъ въ 444—451гг.), явился ревностнымъ защитникомъ этой мысли.

3) Кн. Прор. Даніила, гл. 13, ст. 5.

4) Кн. Прор. Іереміи, гл. 12, ст. 10.

и то, что слава о немъ распространилась далеко, такъ что всѣ ставятъ его на ряду съ древними святыми Отцами,—наконецъ, и то, что онъ ревностный иконопочитатель, поучающій и другихъ поклоняться святымъ иконамъ. Узнавъ все это, Копронимъ задумалъ прельстить блаженнаго Стефана и привести къ единомыслію съ собою, надѣясь, что если онъ привлечетъ его на свою сторону, то этимъ придастъ особенную твердость и силу своему зловѣрію. И вотъ онъ призываетъ одного изъ своихъ приближенныхъ патриціевъ, именемъ Каллиста, который былъ первымъ лицомъ въ государственномъ совѣтѣ. Каллистъ былъ искуснымъ и краснорѣчивымъ ораторомъ, и нечестивый царь понадѣялся на силу его искусства. Онъ повелѣлъ ему отправиться къ преподобному Стефану и возвѣстить ему царскій приказъ о томъ, чтобы преподобный отвергся отъ иконопочитанія и подписался бы подъ опредѣленіями, составленными на беззаконномъ иконоборческомъ Соборѣ. При этомъ царь послалъ преподобному чрезъ Каллиста и различные дары,—однако не золото и не серебро (ибо зналъ, что преподобный въ этомъ не нуждается), а различные овощи, которыми преподобный обычно питался: финики, мигдалы и смоквы[1]).

Придя къ преподобному Стефану[2]), Каллистъ предложилъ ему дары и затѣмъ обратился къ нему съ искусно составленною рѣчью, въ которой долго убѣждалъ преподобнаго повиноваться царю и подписаться подъ опредѣленіями иконоборческаго Собора. Свои слова Каллистъ старался подкрѣпить изреченіями отъ святыхъ книгъ, перетолковывая по-своему нѣкоторыя мѣста писанія. Но святый на всѣ слова Каллиста находилъ мудрыя возраженія и, наконецъ, съ дерзновеніемъ сказалъ ему:

— Я опредѣленій Собора вашего, исполненнаго лжи и неправды, не подпишу, ибо не хочу наречь **горькое сладкимъ, нижѐ тьмы свѣтомъ**, чтобы не навлечь на главу свою пророческаго проклятія[3]);

---

1) *Финики*—плоды пальмовыхъ деревьевъ, имѣющіе ягодообразный видъ; величина ихъ разнообразна: у однѣхъ пальмъ плоды бываютъ въ горошину, у другихъ—больше человѣческой головы. Когда плоды пальмовыхъ деревьевъ созрѣваютъ, то ихъ или срываютъ рукою или же трясутъ дерево, такъ что плоды падаютъ на разостланныя циновки. Употребляются въ пищу финики одинаково и въ свѣжемъ видѣ и въ сухомъ. *Смоквы*—плоды смоковницы, дерева хорошо извѣстнаго изъ книгъ Священнаго Писанія. Въ естественномъ видѣ эти плоды походятъ на группу. *Мигдалы*—миндальные орѣхи, плоды миндальнаго дерева (по-славянски «амигдалъ»).

2) Въ 763 году.

3) Здѣсь имѣются въ виду слѣдующія слова пророка Исаіи: **горе глаголющымъ лукавое доброе, и доброе лукавое: полагающымъ тьму свѣтъ, и свѣтъ тьму, полагающымъ горькое сладкое, и сладкое горькое** (гл. 5, ст. 20).

царскихъ же угрозъ не боюсь и готовъ за святыя иконы принять даже смерть.

Затѣмъ онъ простеръ руку и, сложивъ пальцы въ горсть, сказалъ:

— Если бы даже было во мнѣ крови только съ эту горсть, то и тогда я не побоялся бы пролить ее за изображеніе Христа моего. Дары же, которые ты принесъ мнѣ отъ царя твоего, отнеси обратно; ибо я хочу поступить согласно съ святымъ Писаніемъ, которое говоритъ: **є҆ле́й грѣ́шнагѡ да не нама́ститъ главы̀ моеѧ̀, и҆ є҆ретíческаѧ пи́ща да не насладитъ горта́ни моегѡ̀**[1]).

Ничего не добившись, Каллистъ возвратился обратно и разсказалъ царю обо всемъ, что слышалъ отъ Стефана. Царь, выслушавъ это, пришелъ въ сильную ярость и тотчасъ же послалъ того же Каллиста, вмѣстѣ съ воинами, на Авксентіеву гору съ повелѣніемъ схватить преподобнаго, отвести въ находившійся подъ горою монастырь Трихинарія и заключить тамъ въ темницѣ. Каллистъ и посланные съ нимъ воины такъ и сдѣлали: напали на келлію святаго, отбили дверь ногами и, извлекши преподобнаго безъ всякаго милосердія, отвели въ монастырь Трихинарія, гдѣ заключили его въ темницу. Вмѣстѣ со святымъ Стефаномъ были схвачены и отведены въ ту же темницу и всѣ ученики его. Воины стали у дверей темницы и стерегли всѣхъ заключенныхъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій царя.

Находясь въ заключеніи, блаженный Стефанъ и всѣ ученики его дерзновенно воспѣвали:

— «**Пречⷭ҇томꙋ твоемꙋ̀ ѡ҆́бразꙋ покланѧ́емсѧ бл҃гíй**»[2]).

И они пребывали въ темницѣ шесть дней, во все это время совершенно не вкушая пищи. На седьмой день пришло отъ царя повелѣніе возвратить Стефана обратно въ келлію его; ибо тогда царь получилъ извѣстіе о нападеніи скиѳовъ на его царство[3]). Намѣреваясь отразить нашествіе скиѳовъ, царь на время отложилъ преслѣдованіе преподобнаго.

Но Каллистъ, имѣя противъ него одинаковую съ царемъ злобу, тайно призвалъ къ себѣ одного изъ учениковъ блаженнаго, именно—Сергія, о которомъ мы хотѣли разсказать. Призвавъ, Кал-

---

1) Псаломъ **140**, ст. 5.

2) Стихира на праздникъ перенесенія Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя.

3) *Скиѳы* — дикій народъ, обитавшій на сѣверѣ отъ Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней Южной Россіи (т.е. Украины.—*Ред.*) и въ низовьяхъ Дуная.

листъ прельстилъ его льстивыми словами, большимъ количествомъ золота и серебра, склонивъ его изобрѣсть различныя клеветы на преподобнаго. Поступая такъ, Каллистъ надѣялся, что клеветамъ, измышленнымъ ученикомъ преподобнаго, скорѣе повѣрятъ, ибо подумаютъ, что свидѣтельствуетъ о Стефанѣ человѣкъ, знающій жизнь его. Сергій же, какъ второй Іуда, возлюбивъ серебро и золото, предалъ своего учителя и началъ всячески измышлять, какъ бы сплести сѣть ложныхъ клеветъ на святаго и ни въ чемъ не повиннаго отца. Но во всей непорочной жизни его онъ не могъ найти, какъ въ солнцѣ, ни одного пятна; поэтому, выйдя изъ монастыря святаго Стефана, подобно заблудшей овцѣ, оставившей стадо, онъ свелъ дружбу съ однимъ сановникомъ царскимъ, по имени Авликаламомъ, который собиралъ въ Никомидіи подати для царя: его-то онъ и сдѣлалъ пособникомъ своей злобы, и оба искали ложныхъ обвиненій противъ святаго. Согласившись другъ съ другомъ, они составили пространную запись, въ которой говорили, будто бы Стефанъ хулитъ царя и гнушается имъ, какъ еретикомъ, и будто бы онъ смущаетъ народъ и всѣхъ, приходящихъ къ нему, возбуждаетъ къ возстанію противъ царя. Много и иныхъ клеветъ они составили противъ преподобнаго, упоминать о которыхъ мы не будемъ, чтобы избѣжать многословія и не оскорбить слуха читателей (ибо нечестивые клеветники наговорили много непотребнаго). Написали беззаконные и о блаженной Аннѣ, которая, оставивъ суетный міръ, была пострижена рукою преподобнаго Стефана въ ангельскій образъ и проводила иноческую жизнь въ монастырѣ Трихинарійскомъ. Клеветники налгали на нее, будто бы она ночью сходилась со Стефаномъ, предаваясь вмѣстѣ съ нимъ нечистому грѣху. Къ участію въ сей клеветѣ они привлекли одну рабыню блаженной Анны, уговоривъ ее свидѣтельствовать о томъ же; въ награду за это они не только обѣщали ей свободу и большое количество золота, но и говорили, что они отдадутъ ее въ супружество одному сановитому мужу, служащему при царскомъ дворѣ. Составивъ такую, исполненную клеветъ на преподобнаго, запись и приложивъ къ ней лжесвидѣтельство рабыни Анны, Сергій и Авликаламъ послали все это вмѣстѣ съ однимъ воиномъ къ царю, въ то время находившемуся въ Скиѳской странѣ.

Когда царь прочелъ присланныя къ нему записи, то сильно обрадовался и тотчасъ же послалъ къ своему намѣстнику въ

Царьградѣ, Анѳиту, письмо съ повелѣніемъ идти въ женскій монастырь, стоящій при Авксентіевой горѣ, и, извлекши оттуда инокиню Анну, послать къ нему. Получивъ сіе царское повелѣніе, намѣстникъ немедленно отправился къ Трихинарійскому монастырю, взявъ съ собою, какъ на войну, множество вооруженныхъ воиновъ. Пришедши къ монастырю, они напали на него съ обнаженными мечами. Въ это время всѣ инокини собрались въ церкви и пѣли третій часъ; увидѣвъ нападавшихъ на монастырь воиновъ, они пришли въ великій ужасъ, и однѣ изъ нихъ скрылись въ алтарѣ подъ Божественнымъ Престоломъ, другія же пытались убѣжать въ горы; но воины всѣхъ ихъ поймали. Тогда престарѣлая игуменья монастыря, выйдя къ воинамъ, дерзновенно сказала имъ:

— Что вы дѣлаете, называясь христіанами? Зачѣмъ напали на посвященныхъ Богу невѣстъ Христовыхъ, которыя не сдѣлали вамъ никакого зла?

Тѣ отвѣчали:

— Отдай намъ Анну, блудницу Стефанову; ее требуетъ отъ васъ царь.

Тогда игуменія, призвавъ Анну вмѣстѣ съ другою инокинею, Ѳеофаніею, стала наставлять ихъ, чтобы онѣ соблюдали себя отъ вражескаго искушенія и безбоязненно стояли за невинность святаго и преподобнаго отца и учителя своего, Стефана. Потомъ, вручивъ ихъ Божіему заступленію, она отпустила ихъ съ воинами.

Воины, взявъ инокинь подъ стражу, немедленно отвели ихъ къ царю, а тотъ повелѣлъ ихъ разлучить и стеречь каждую особо. Потомъ, призвавъ къ себѣ Анну, царь началъ такъ говорить ей:

— Безъ всякихъ сомнѣній вѣрю тому, что говорили мнѣ о тебѣ. Поэтому я призвалъ тебя, чтобы ты сама безъ утайки добровольно разсказала, чѣмъ прельстилъ тебя тотъ волхвъ и беззаконный человѣкъ, побудивъ тебя оставить свои имѣнія, ни во что вмѣнить благородный родъ свой и облечься въ черническую одежду? Все это онъ сдѣлалъ, какъ я слышалъ, для того, чтобы ты была его блудницею. И что хорошаго ты нашла въ немъ, прельстившись имъ и беззаконно любодѣйствуя съ нечестивцемъ?

Услышавъ отъ царя такія скверныя слова, блаженная и цѣломудренная Анна сказала:

— Нѣтъ, царь! Не для того я оставила наслѣдство, перешедшее мнѣ отъ родителей, оставила и своихъ родныхъ и всѣ прелести

міра сего, чтобы поработить душу свою плотскимъ страстямъ и любодѣйству. Тѣ же, которые оклеветали меня въ этомъ, по слову Давидову, ѝзѡстрѝша ѧ҆зы́къ сво́й ꙗ҆́кѡ змі́инъ: ꙗ҆́дъ а҆спі́довъ под̾ ѹ҆стна́ми и҆́хъ[1]). Предъ тобою мое тѣло, и какимъ бы мученіямъ ты ни подвергъ его, я не измѣню истинѣ. Пока духъ мой будетъ въ тѣлѣ, ты ничего иного не услышишь отъ меня, какъ только то, что Стефанъ есть мужъ святый и праведный и виновникъ моего спасенія.

Когда царь услышалъ эти слова, онъ сильно удивился и молчалъ въ продолженіе цѣлаго часа. Потомъ повелѣлъ отвести Анну подъ стражу, а Ѳеофанію отослать обратно въ монастырь. Возвратившись, та повѣдала игуменіи и преподобному Стефану о всемъ бывшемъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, Копронимъ возвратился съ войны въ Константинополь. Здѣсь онъ повелѣлъ заключить инокиню Анну въ одну мрачную и страшную темницу, а потомъ послалъ къ ней кувикуларія своего[2]). Тотъ, пришедши къ Аннѣ, началъ говорить ей:

— Сжалься надъ собою, женщина, и, сложивъ съ себя черныя ризы, избери честную жизнь; тогда будешь жить съ царицею во дворцѣ, если только исповѣдуешь завтра предъ всѣми на допросѣ истину о себѣ и о Стефанѣ. Тутъ есть одна рабыня, которая все знаетъ и готова въ лицо говорить тебѣ о дѣлахъ вашихъ. И если ты захочешь что-нибудь скрыть, та изобличитъ тебя. Тогда я, какъ судія и защитникъ правды, раздроблю на части тѣло твое и сдѣлаю такъ, что ты узнаешь, что можетъ сдѣлать царь и что Стефанъ, обольстившій тебя. Если же послушаешь моего добраго совѣта и откроешь Стефановы блудныя дѣла, то удостоишься отъ насъ большихъ почестей.

Услышавъ такія слова, святая Анна, тяжко вздохнувъ, прослезилась, и потомъ отвѣчала:

— Что хочетъ царь, то пусть и творитъ. Я же не хочу говорить неправды на святаго и преподобнаго отца. Пусть исполнится воля Господня!

На другой день, утромъ, царь вышелъ изъ дворца своего и, ставъ на возвышеніи предъ всѣмъ собравшимся народомъ, пове-

---

[1]) Псаломъ 139, ст. 3.

[2]) *Кувикуларій* —царскій постельничій, по большей части одно изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ царю.

лѣлъ вывести изъ темницы цѣломудренную Анну и обнажить ее на позоръ всѣмъ. На виду у святой положили цѣлую связку палокъ и поставили предъ ней лжесвидѣтельницу, рабу ея. Невинная жена стояла предъ всѣми нагой, огражденная отъ нечестивыхъ только стыдомъ, который имѣла вмѣсто одежды. Когда спросили ее о томъ, въ чемъ ее оклеветали, она молчала, подражая Господу своему, Который неправымъ судьямъ Своимъ не даде ѿвѣта[1]). Между тѣмъ, безстыдная рабыня лжесвидѣтельствовала на нее, подтверждая ложь и выдавая ее за истину. Тогда снова начали принуждать блаженную Анну, чтобы она сказала, будто бы Стефанъ вступилъ въ грѣховную связь съ нею, но святая, ꙗ҆́кѡ а҆́гница прѧ́мѡ стрегꙋ́щемꙋ ю҆̀ безгласна[2]), не отверзала устъ своихъ.

Разгнѣвался тогда мучитель и пришелъ въ сильную ярость. Назвавъ Анну блудницею, онъ повелѣлъ простереть ее на землѣ и бить палками. И Анна была простерта на землѣ четырьмя сильными воинами и долго была бита по спинѣ и по чреву. Перенося такія истязанія, блаженная ничего не говорила, кромѣ слѣдующихъ словъ:

— Не познала я человѣка, какъ говорите вы,—нѣтъ! Не познала, — и затѣмъ прибавила: —Господи, помилуй!

Между тѣмъ мучители такъ сильно били ее, что она едва не испустила духъ свой. Тогда царь, видя, что она едва дышитъ, но все-таки не говоритъ ничего противъ Стефана, всталъ съ престола и поспѣшно ушелъ въ дворецъ, исполненный стыда. Потомъ онъ повелѣлъ отвести Анну въ одинъ изъ городскихъ монастырей, который былъ пустъ, и заключить ее тамъ. Здѣсь чрезъ нѣсколько времени святая Анна и преставилась ко Господу.

Тѣмъ временемъ царь долго думалъ, какъ бы ему обвинить въ чемъ-либо Стефана, чтобы имѣть возможность наказать его какъ преступника. Наконецъ онъ задумалъ такое дѣло.

Призвавъ одного любимаго имъ юношу, именемъ Георгія, кототый вѣрно служилъ у него во дворцѣ, Копронимъ спросилъ его:

— Георгій! Какъ велика любовь твоя ко мнѣ?

— Она безмѣрна, — отвѣчалъ тотъ.

---

1) Еванг. отъ Іоанна, гл. 19, ст. 9; ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 63; гл. 27, ст. 12—14. Еванг. отъ Марка, гл. 14, ст. 61; гл. 15, ст. 5; Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 9.

2) Выраженіе взято изъ книги Пророка Исаіи, гдѣ оно приложено къ Мессіи-Избавителю (гл. 53, ст. 7).

— Но въ состояніи ли ты, изъ-за любви ко мнѣ, пойти на смерть за меня?

— Съ усердіемъ готовъ умереть за тебя, — отвѣчалъ юноша.

Тогда царь, радостно и ласково облобызавъ его, произнесъ:

— Вотъ новый Исаакъ.

Потомъ сказалъ Георгію:

— Но я не посылаю тебя умереть за меня и не хочу даже, чтобы ты пострадалъ меня ради. Я прошу тебя только объ одномъ. Пойди въ Авксентіеву гору, къ недостойному даже упоминанія Стефану, и упроси его постричь тебя въ иноческій чинъ и принять въ число своихъ учениковъ. Когда же онъ это сдѣлаетъ, тотчасъ возвращайся къ намъ.

Юноша обѣщался въ точности исполнить все, о чемъ просилъ его царь. Тогда Копронимъ сталъ наставлять его, какъ ему удобнѣе исполнить возложенное на него порученіе; и послѣ сихъ наставленій юноша отправился на Авксентіеву гору.

Ночью онъ подошелъ къ монастырю блаженнаго Стефана и громко началъ вопить:

— Помилуйте меня, христіане, живущіе здѣсь, помилуйте! Заблудился я въ пути и не знаю, куда мнѣ идти, чтобы не впасть въ какую-нибудь пропасть или не попасть въ зубы звѣрю.

Услышалъ сіи вопли блаженный Стефанъ и, по своему человѣколюбію, сжалился надъ заблудившимся. Призвавъ инока Марина, онъ послалъ его найти заблудившагося человѣка и привести его въ монастырь. Когда Маринъ привелъ Георгія, тотъ припалъ къ ногамъ преподобнаго и сталъ просить у него благословенія. Преподобный понялъ, что предъ нимъ стоитъ не простой человѣкъ, и началъ вопрошать Георгія:

— Кто ты и откуда?

Георгій не скрылъ, что онъ находился при царскомъ дворцѣ, и говорилъ, будто онъ изъ-за того оставилъ службу при царѣ, что царь совратился съ праваго пути и увлекаетъ за собою всѣхъ въ погибель.

— Вотъ я,—сказалъ юноша,—и поспѣшилъ къ тебѣ, чтобы ты облекъ меня въ ангельскій чинъ, къ которому я сильно стремлюсь. Умоляю тебя, честный отче, не отринь меня какъ недостойнаго.

Боясь, какъ бы не было какой-либо непріятности со стороны царя, блаженный Стефанъ сначала не соглашался принять юношу въ число иноковъ. Но тотъ успокаивалъ его, говоря, что царь не

придетъ изъ-за него въ гнѣвъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно молилъ святаго причислить его къ лику учениковъ своихъ и постричь въ иночество.

— Ты дашь отвѣтъ Богу за мою душу, если теперь не пострижешь меня.

Преподобный отъ такихъ словъ умилился и, не уразумѣвъ коварства діавольскаго, сказалъ Георгію:

— Такъ какъ я вижу, что ты пришелъ сюда влекомый ревностію ко спасенію, то не хочу идти противъ заповѣди Господней и не изжену вонъ тебя, пришедшаго къ намъ.

Сказавъ это, онъ тотчасъ же сталъ наставлять его богомудрыми и душеполезными рѣчами и затѣмъ, снявъ съ него мірскую одежду, облекъ въ новоначаліе, повелѣвъ ему готовиться къ принятію совершеннаго иноческаго образа[1]). По истеченіи трехъ дней, преподобный облекъ Георгія и въ сей образъ. Тотчасъ же, послѣ принятія ангельскаго чина, этотъ коварный человѣкъ поспѣшилъ къ царю въ Константинополь.

Увидѣвъ на Георгіи иноческую одежду, царь обрадовался — не потому, что любилъ иночество, но потому, что нашелъ поводъ къ обвиненію Стефана въ томъ, будто бы онъ отвлекаетъ у него слугъ.

Вышедши утромъ слѣдующаго дня на площадь, царь вывелъ новопостриженнаго инока и началъ предъ собравшимся народомъ жаловаться на всѣхъ иноковъ, преимущественно же на Стефана, обвиняя его въ томъ, что онъ ученіемъ своимъ прельщаетъ людей, какъ онъ сдѣлалъ, напримеръ, съ симъ любимымъ слугою царя. Народъ сталъ кричать:

— Смерть мерзкому обольстителю!

Тогда царь повелѣлъ совлечь съ Георгія иноческую одежду и бросить ее на землю. Какъ только сдѣлали это, народъ началъ ногами попирать то ангельское одѣяніе, осыпая иноковъ оскорбленіями и хуля иночество. Послѣ этого царь повелѣлъ принести воду и омыть Георгія, какъ бы смывая съ него иноческій чинъ; наконецъ, облекъ его въ воинское одѣяніе, возложилъ на голову его шлемъ и далъ ему санъ иппокома[2]). Послѣ всего онъ послалъ воиновъ на Авксентіеву гору съ повелѣніемъ разорить монастырь Стефана.

---

[1]) *Новоначаліе* — подготовительный искусъ, безъ котораго не постригаютъ въ иночество; лица, находящіяся въ этомъ положеніи, извѣстны подъ названіемъ послушниковъ.

[2]) *Иппокомъ* — царскій конюшенный; одна изъ придворныхъ должностей.

Воины напали на монастырь, какъ волки на стадо. Разогнавъ всѣхъ иноковъ, они подожгли монастырскую церковь, самого же преподобнаго Стефана разбойнически извлекли изъ келліи и съ безчестіемъ потащили въ Халкидонскій пригородъ Константинополя. На пути они причиняли ему немало оскорбленій и немилосердно истязали его: одни съ жестокостью влекли его по землѣ, другіе плевали ему въ очи, третьи творили иныя неописуемыя оскорбленія. Когда они достигли морского берега, воины посадили святаго въ ладью и отвезли его въ Филиппиковъ монастырь, находившійся въ Хризополѣ[1]), недалеко отъ Византіи. Тутъ святаго продержали подъ стражею въ оковахъ и въ веригахъ желѣзныхъ въ теченіе 70-ти дней, и онъ все это время не вкушалъ пищи. И хотя царь присылалъ ему множество снѣдей, святый не принималъ ничего и все отсылалъ обратно.

По истеченіи 70-ти дней царь и Патріархъ прислали къ святому наиболѣе вліятельныхъ еретиковъ—именно: Ѳеодосія, епископа Ефесскаго, Константина Никомидійскаго, Наколія, Сисинія и Василія вмѣстѣ съ Каллистомъ и другими искуснѣйшими ораторами, чтобы они состязались со Стефаномъ о вѣрѣ и склонили его къ иконоборчеству. Послѣдніе, прибывъ въ Филиппиковъ монастырь, повелѣли привести къ нимъ блаженнаго Стефана. Онъ предсталъ предъ ними, окованный желѣзными цѣпями, отъ тяжести не имѣя возможности стоять и двигаться безъ посторонней помощи: онъ шелъ между двухъ мужей, на которыхъ и опирался.

Прежде всѣхъ началъ говорить Ѳеодосій, епископъ Ефесскій. Обратившись къ блаженному Стефану, онъ сказалъ:

— На какомъ основаніи, человѣкъ Божій, ты почитаешь насъ еретиками и ставишь себя выше царей, патріарховъ, епископовъ и всѣхъ другихъ христіанъ? Неужели всѣ мы заблуждаемся и стремимся къ погибели?

На это святый кротко отвѣтилъ:

— Послушайте, что говорится въ Божественномъ Писаніи о Пророкѣ Иліи. Онъ говорилъ однажды царю Ахаву: не развращáю а҆́зъ і҆и҃лѧ, но рáзвѣ ты̀, и҆ дóмъ ѻ҆тцà твоегѡ̀[2]). Такъ и теперь: не я возмущаю Церковь Божію, но тѣ, которые, нарушивъ преданія древнихъ святыхъ Отцовъ, вводятъ въ Церковь новые дог-

---

[1]) *Хризополь*—предмѣстье Константинополя, на противоположномъ берегу Босфора, въ Виѳиніи; нынѣ Скутари.

[2]) 3 Кн. Царствъ, гл. 18, ст. 18.

маты. Ибо Василій Великій говорилъ: «Все, что издревле предано отъ святыхъ Отцовъ, достойно почитанія: все же новополагаемое неумѣстно и не можетъ имѣть значенія»; таковы суть и ваши опредѣленія противъ почитанія святыхъ иконъ, опредѣленія, составленныя не сынами Каѳолической Церкви, но нечестивыми прелюбодѣями. Посему своевременно приходитъ мнѣ на умъ пророческое изреченіе: кнѧ́зи лю́дстїи собра́шасѧ вкꙋ́пѣ съ лжепастырями и наемниками на хр҃та̀ и на честну́ю икону Его[1]).

Услышавъ такія слова, Константинъ, епископъ Никомидійскій, быстро вскочивъ съ своего сѣдалища, подошелъ къ преподобному, который сидѣлъ на землѣ, и ударилъ его ногою въ лице. Точно такъ же одинъ изъ оруженосцевъ, присутствовавшій при этомъ, ударилъ святаго въ чрево; блаженный палъ на землю, а оруженосецъ сталъ попирать грудь его.

Каллистъ вознегодовалъ на такое безстыдное и беззаконное дѣло и повелѣлъ всѣмъ молчать. Потомъ онъ обратился къ Стефану съ слѣдующими словами:

— Тебѣ предстоятъ два исхода: или подписать опредѣленія недавно бывшаго Собора, или умереть какъ отвергающему постановленія отцовъ, Богомъ наученныхъ. Избери себѣ скорѣе что-нибудь одно.

Боговдохновенный Стефанъ возгласилъ на это:

— Внемли словамъ моимъ, господинъ патрицій! Сіе съ великимъ Апостоломъ Павломъ я возглашаю: мнѣ є҆́же жи́ти, хр҃то́съ: и҆ є҆́же ᲂу҆мре́ти за честну́ю Его икону, прїѡбрѣ́тенїе є҆́сть[2]). Я уже сказалъ тебѣ однажды и снова скажу: если бы я имѣлъ крови въ одну только горсть, то и тогда не пожалѣлъ бы пролить ее за святыя иконы Христовы. Впрочемъ, повели прочесть опредѣленія вашего Собора, чтобы я зналъ, по какой причинѣ вы отвергаете поклоненіе Божественнымъ иконамъ.

И тотчасъ же Константинъ Никомидійскій взялъ книгу и началъ ее читать. Книга имѣла такое заглавіе: «Преданіе святаго Вселенскаго Седьмаго Собора». Лишь только это заглавіе было прочтено, святый сдѣлалъ знакъ рукою, приглашая къ молчанію, и потомъ громко возгласилъ:

— На некрѣпкомъ же основаніи вы построили свое зыбкое зданіе. Почему вы называете свой Соборъ святымъ? Вѣдь вы на-

[1]) Псаломъ 2, ст. 2.

[2]) Посл. къ Филип., гл. 1, ст. 22.

именованіе «святый»—отняли отъ всѣхъ святыхъ и повелѣваете не называть такъ ни Апостоловъ, ни мучениковъ, ни Пророковъ, ни другихъ мужей, благоугодившихъ Богу. Какъ можетъ Соборъ вашъ быть святымъ, разъ онъ попираетъ и оскверняетъ все святое? Вы называете Соборъ вашъ вселенскимъ; но какъ онъ можетъ быть вселенскимъ, если на немъ не было ни одного изъ патріарховъ, ни уполномоченныхъ отъ нихъ, ни даже посланій, въ которыхъ бы они заявили о своемъ соизволеніи на созваніе Собора. Не можетъ Соборъ вашъ называться вселенскимъ, ибо онъ ложный. Еще вы называете его седьмымъ. Но какимъ образомъ онъ седьмый, если онъ расходится съ первыми шестью Соборами? Если бы онъ былъ седьмой, то ему надлежало бы во всемъ послѣдовать шестому, пятому и другимъ, бывшимъ раньше, Соборамъ. Ибо безъ перваго, второго, третьяго, четвертаго, пятаго и шестаго не можетъ быть седьмаго. Такимъ образомъ, Соборъ вашъ вовсе не седьмой, такъ какъ онъ отвергъ преданія прежде бывшихъ шести Соборовъ.

На эти слова епископы возразили:

— Что же, отъ шести Соборовъ преданное, мы отвергаемъ? Нѣтъ, мы не отвергаемъ прежнихъ Соборовъ и преданнаго отъ нихъ, но принимаемъ все это.

Тогда святый отвѣтилъ:

— Не въ святыхъ ли церквахъ происходили прежніе Соборы, т. е. я говорю про тѣ церкви, которыя были украшены иконами. Первый Соборъ происходилъ въ Никеѣ, въ обширной церкви этого города. Вторый—въ Константинополѣ, въ церкви святой Ирины. Третій—въ Ефесѣ, въ церкви святаго Іоанна Богослова. Четвертый—въ Халкидонѣ, въ митрополичьей соборной церкви. Пятый и Шестой—опять въ Константинополѣ, причемъ первый происходилъ въ храмѣ святой Софіи, второй же—въ дворцовомъ храмѣ, называемомъ Трулломъ. Всѣ тѣ церкви не были ль украшены честными иконами? И ни одинъ изъ прежнихъ Соборовъ не отвергалъ ихъ, какъ отвергаетъ вашъ Соборъ. Что вы скажете мнѣ на это?

Тѣ удивлялись премудрости святаго Стефана и молчали, не имѣя ничего, что могли бы возразить ему. Только одинъ изъ сидящихъ съ ними промолвилъ:

— Воистину, справедливо то, что говорилъ Стефанъ!

Преподобный же возвелъ очи на Небо; потомъ, воздѣвъ руки

свои и испустивъ вздохъ изъ глубины сердечной, громко воскликнулъ:

— Если кто не чтитъ Господа Іисуса Христа, изображеннаго на иконахъ по человѣческому естеству, да будетъ анаѳема и да имѣетъ часть вмѣстѣ съ возглашавшими: **возмѝ, возмѝ, распнѝ ѐго**[1]).

Тогда нечестивые еретики, видя, что имъ не одолѣть святаго въ спорѣ, повелѣли отвести его въ темницу, а сами, исполненные стыда, возвратились къ пославшимъ ихъ.

Когда они пришли къ царю, то царь спросилъ:

— Что вы успѣли сдѣлать?

Епископы хотѣли было скрыть посрамленіе свое, но Каллистъ предупредилъ ихъ, разсказавъ царю всю истину.

— О царь!—говорилъ онъ.—Мы побѣждены въ спорѣ Стефаномъ. Мудрый онъ мужъ, и въ словахъ его заключается невыразимая сила. Къ тому же онъ мужественъ и безбоязненъ, и не только запрещеній, но даже самой смерти не боится.

Тогда разгнѣванный царь повелѣлъ послать преподобнаго Стефана на заточеніе въ Геллеспонтскія страны, на островъ Проконнисъ[2]).

Прежде, чѣмъ отправиться туда, святый оказалъ помощь игумену Филиппикова монастыря, который былъ боленъ и уже находился при смерти. Помолившись надъ нимъ и прикоснувшись къ нему рукою, блаженный исцѣлилъ его и поднялъ съ одра болѣзни. Затѣмъ, вошедши на приготовленный для него корабль, онъ поплылъ на мѣсто своего изгнанія. Достигнувъ острова Проконниса, онъ сначала началъ обходить всѣ пустынныя мѣста на немъ и, наконецъ, нашелъ одну прекрасную пещеру, называемую жителями той страны Киссуда. Въ ней находилась небольшая церковь во имя святой Анны, прародительницы Господа по плоти, матери Пресвятыя Богородицы. Святый сильно обрадовался и поставилъ около пещеры келлію. Здѣсь, живя во славу Божію, онъ питался кореньями мѣстныхъ растеній.

Между тѣмъ ученики преподобнаго Стефана, изгнанные изъ монастыря его, находившагося на Авксентіевой горѣ, разсѣялись по разнымъ странамъ, какъ овцы, не имѣющіе пастыря. Но, про-

---

1) Это было въ то время, когда Господь стоялъ на судѣ Пилата (Еванг. отъ Іоанна, гл. 19, ст. 15).

2) *Проконнисъ*—островъ на Мраморномъ морѣ, нынѣ Марматра. Геллеспонтскія страны—земли, расположенныя посрединѣ Мраморнаго моря, которое въ древности называлось Геллеспонтомъ.

слышавъ, что учитель ихъ пребываетъ въ заточеніи на островѣ Проконнисѣ, они всѣ собрались къ нему, кромѣ двоихъ, отпавшихъ отъ святаго пастыря, какъ Іуда отъ Христа или Димасъ съ Ермогеномъ отъ Павла[1]). То были Сергій, составившій запись клеветническихъ обвиненій противъ преподобнаго, и Стефанъ, который сначала былъ мірскимъ священникомъ, а потомъ принялъ постриженіе отъ руки святаго въ иноческій чинъ.

Снова отвергнувъ иноческій чинъ, а съ нимъ Бога, и облекшись въ мірскія одежды, онъ пришелъ къ царю и сказалъ ему:

— Благочестивый царь! Твоими заботами я избавился отъ сатанинскихъ узъ и, скинувъ темныя одежды, облачился теперь въ свѣтлыя.

Царь сильно обрадовался и возлюбилъ его, потомъ сдѣлалъ завѣдующимъ Софійской палаты, куда онъ часто самъ приходилъ. При этомъ Копронимъ называлъ его отцомъ веселія, хотя этотъ сынъ погибели могъ возбуждать только плачъ о себѣ. Итакъ, тѣ оба: Сергій и Стефанъ отдѣлялись отъ лика учениковъ преподобнаго; остальные же всѣ собрались, какъ сказано, къ преподобному Стефану и устроили монастырь. Пришла къ блаженному и матерь его съ своею дочерью, а его сестрою, Ѳеодотіею, и близъ пещеры его устроили себѣ обитель, въ которой и жили добродѣтельно, наслаждаясь по временамъ медоточивыми словами наставника своего, преподобнаго Стефана. Преподобный же устроилъ для себя столпъ, а въ немъ тѣсную хижину. Взойдя на столпъ, онъ затворился въ той хижинѣ; въ то время ему было 49 лѣтъ отъ роду. За великіе подвиги святаго Богъ прославилъ его и далъ ему даръ чудотворенія. Такъ, блаженный Стефанъ отверзъ очи слѣпому, освободилъ отъ лукаваго духа бѣсноватаго юношу, исцѣлилъ кровоточивую, помолившись надъ нею, не разъ утишалъ волненіе морское и спасалъ отъ потопленія множество кораблей; сверхъ того, корабельщики неоднократно видѣли его ходящимъ по водамъ, или управляющимъ кораблемъ, или же распускающимъ паруса.

Въ то время, какъ святый прославился на островѣ Проконнисѣ своими чудотвореніями, умерла мать его. Это было во второй годъ заточенія преподобнаго. Когда она отходила ко Господу, дочь ея Ѳеодотія горько плакала о ней. Мать же Стефана, блаженная Анна, сказала ей:

---

[1]) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 1, ст. 15; гл. 4, ст. 10.

— Ты не имѣешь достаточной причины для плача, ибо и ты пойдешь со мною ко Владыкѣ Христу.

Такъ и произошло: въ седьмой день по смерти блаженной Анны, матери преподобнаго Стефана, Θеодотія скончалась.

Въ это время на островѣ Проконнисѣ находился одинъ воинъ, соименный преподобному (такъ какъ назывался Стефаномъ). Онъ былъ родомъ армянинъ и шелъ изъ европейскихъ странъ. На дорогѣ онъ заболѣлъ ужасною болѣзнію, такъ что цѣлая половина тѣла его изсохла. Услышавъ, что преподобный Стефанъ исцѣляетъ всевозможныя болѣзни, онъ черезъ силу пришелъ къ нему, палъ предъ нимъ на землю и со слезами молилъ у него исцѣленія. Преподобный повелѣлъ ему поклониться иконамъ Христа и Пресвятой Богородицы, и когда тотъ съ усердіемъ сдѣлалъ это, тотчасъ же совершенно исцѣлѣлъ. Когда воинъ сей возвратился къ своимъ друзьямъ, тѣ начали разспрашивать его: какимъ образомъ онъ выздоровѣлъ? Воинъ, нисколько не скрывая явленной надъ нимъ милости Божіей, разсказалъ:

— Когда я поклонился иконамъ Христа и Пресвятой Богородицы, что повелѣлъ мнѣ сдѣлать инокъ Стефанъ, находящійся въ Проконнисѣ,—тогда и получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни.

Воины возвѣстили объ этомъ начальнику своему, который управлялъ Θракіею[1]). Начальникъ призвалъ къ себѣ исцѣлѣвшаго воина и, разспросивъ его, какъ онъ выздоровѣлъ, немедленно отослалъ къ царю. Царь также началъ разспрашивать воина о выздоровленіи его и, когда узналъ, что тотъ получилъ исцѣленіе, поклонившись святымъ иконамъ, сталъ называть его идолопоклонникомъ, съ яростію укоряя его, какъ будто бы онъ совершилъ безбожное дѣло. Тогда исцѣленный, стыдясь царя, раскаялся въ томъ, что поклонился иконамъ, и всенародно отвергся отъ почитанія ихъ, давъ обѣтъ больше уже никогда не кланяться имъ. За это беззаконный царь возлюбилъ его и почтилъ саномъ сотника[2]). Но когда тотъ нечестивый воинъ, вышедши изъ царскаго дворца, хотѣлъ сѣсть на коня своего, то конь внезапно взбѣсился и, свергнувъ его съ себя, началъ топтать несчастнаго ногами, и до тѣхъ поръ топталъ его, пока тотъ не испустилъ духъ свой. Такую казнь принялъ этотъ неблагодарный отступникъ.

---

1) О *Θракіи* см. стр. 56, примѣч. 2.

2) *Сотникъ* —начальникъ военнаго отряда изъ 100 человѣкъ.

Сіе чудо, вмѣстѣ съ другими, творимыми блаженнымъ Стефаномъ чудесами, привело царя въ сильный гнѣвъ и ярость; ибо царь зналъ, что преподобный, живя въ Проконнисѣ, прославляется чудотвореніями и учитъ всѣхъ поклоняться святымъ иконамъ. Поэтому онъ задумалъ лишить святаго жизни, для чего повелѣлъ привести его изъ заточенія. Когда святый былъ приведенъ къ Копрониму, то беззаконный царь повелѣлъ прежде всего оковать его желѣзными цѣпями, забить ноги его въ колодку и заключить въ мрачную темницу, извѣстную подъ названіемъ Фіальской[1]). По истеченіи же нѣсколькихъ дней Копронимъ, находясь вмѣстѣ съ двумя главнѣйшими сановниками своими въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, приказалъ привести къ себѣ блаженнаго Стефана.

Ведомый къ царю, преподобный на пути выпросилъ у одного боголюбца монету, имѣвшую на себѣ царское изображеніе, и тайно вложилъ ее въ клобукъ себѣ.

Лишь только царь увидѣлъ святаго, тотчасъ же началъ громко кричать:

— О бѣда, бѣда! И что я только терплю? Сей человѣкъ порочитъ мою власть, безчеститъ и ни во что вмѣняетъ меня!

И говорилъ много укоризненныхъ и оскорбительныхъ для святаго словъ. Но блаженный стоялъ молча, опустивъ голову внизъ. Тогда царь сказалъ:

— Что же ты ничего не говоришь мнѣ, нечестивецъ?

Блаженный Стефанъ въ отвѣтъ на это сталъ громко говорить:

— Если ты, царь, задумалъ убить меня, то убивай теперь же. А если призвалъ меня для того, чтобы разспросить о чемъ-либо, то тебѣ слѣдуетъ укротить гнѣвъ свой и бесѣдовать со мной спокойно.

Слыша такія слова, царь спросилъ святаго:

— Скажи мнѣ, за что ты называешь насъ еретиками? Какое изъ церковныхъ преданій мы нарушаемъ?

Преподобный отвѣтилъ:

— Вы отвергаете почитаніе святыхъ иконъ, что предано намъ издревле отъ богоносныхъ Отцевъ.

Мучитель возразилъ на это:

— Не называй сіе святыми иконами: не иконы святыя то, но изображенія идоловъ; а какое общеніе у святыхъ съ идолами?

---

[1]) Темница эта находилась въ самомъ городѣ.

На это святый мужъ отвѣтилъ:

— Тотъ, кто поклоняется иконѣ, воздаетъ поклоненіе не самому веществу; ибо поклоненіе, воздаваемое образу, переходитъ на Первообразнаго, какъ говоритъ святый Василій Великій.

Мучитель сказалъ святому:

— Развѣ можно изображать вещественными красками то, изъ чего многое темно и непостижимо для ума? И справедливо ли подъ чувственнымъ образомъ поклоняться тѣмъ, естество которыхъ никому не извѣстно?

Преподобный отвѣтилъ:

— Кто изъ имѣющихъ разумъ скажетъ, что вещественными красками можно изображать невещественное Божіе естество? Существа Божія даже умъ описать не можетъ; тѣмъ болѣе нельзя изобразить Его красками. Но когда мы изображаемъ на иконѣ Христа, то изображаемъ не Божеское Его естество, но человѣческій видъ Его, подобный нашему, Который Апостолы видѣли и осязали, какъ святый Іоаннъ Богословъ сказалъ: є҆́же ви́дѣхомъ ѻ҆чи́ма на́шима, є҆́же оу҆зрѣ́хомъ, и҆ рꙋ́ки на́шѧ ѡ҆сѧза́ша[1]). И если ты мнѣ укажешь на слова Моисея: ни сотворѝ себѣ̀ кꙋмі́ра, и҆ всѧ́кагѡ подо́бїѧ, є҆ли̑ка на нб҃сѝ горѣ̀, и҆ є҆ли̑ка на землѝ ни́зꙋ[2]),— то я скажу тебѣ, что самъ Моисей сдѣлалъ изображенія двухъ златыхъ Херувимовъ, о чемъ Божественный Апостолъ повѣствуетъ такъ: херꙋві́ми сла́вы, ѡ҆сѣнѧ́ющїѧ ѻ҆лта́рь[3]). Но и самый олтарь, и скинія, и Святая Святыхъ изображали собою подобіе небесное, какъ говоритъ тотъ же Апостолъ: ѡ҆́бразꙋ и҆ стѣ́ни слꙋ́жатъ небе́сныхъ[4]). Что же мы творимъ беззаконнаго, когда, видимый людьми, человѣческій образъ Христа пишемъ на иконѣ и поклоняемся Ему? Или когда мы поклоняемся Кресту, сдѣланному изъ какого-либо вещества, то развѣ мы веществу поклоняемся? Точно такъ же, когда мы почитаемъ священныя сосуды, то на нашей совѣсти не можетъ лежать никакого грѣха, такъ какъ мы знаемъ, что сосуды освящаются призываніемъ Христова Имени. Зачѣмъ же вы возстаете противъ всего этого? Послѣ этого вы пожелаете отринуть и святыя Тѣло и Кровь Христовы, таинственно предлагаемыя подъ видомъ хлѣба и вина, кои изображаютъ то Тѣло Христово,

---

1) 1 Посл. Іоанна, гл. 1, ст. 1.
2) Книга Исходъ, гл. 20, ст. 4.
3) Посл. къ Евр., гл. 9, ст. 5.
4) Посл. къ Евр., гл. 8, ст. 5.

Которое страдало на Крестѣ, а теперь пребываетъ на Небѣ,—и коимъ мы поклоняемся и, причащаясь ихъ, получаемъ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Вы же, не полагая никакого различія между святымъ и несвятымъ, почитаете идолами Христову икону наравнѣ съ изображеніемъ Аполлона и икону Богородицы наряду съ изваяніемъ Артемиды[1]), попираете ихъ ногами и сожигаете въ огнѣ.

На это царь отвѣтилъ:

— Неужели ты, неразумный нечестивецъ, думаешь, что мы, попирая сіи иконы, Христа попираемъ?

Тогда богомудрый Стефанъ, желая, по обычаю искусныхъ борцовъ, побѣдить врага его же оружіемъ, извлекъ изъ клобука монету, которая имѣла изображеніе нечестиваго царя Копронима и которую онъ выпросилъ, идя на допросъ, у одного благочестиваго человѣка. Показавъ эту монету, преподобный спросилъ царя въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ Христосъ вопрошалъ нѣкогда фарисеевъ:

— Чі́й ѡ҆́бразъ се́й и҆ написа́нїе?[2])

Царь отвѣтилъ, полный удивленія:

— Не иной чей, какъ царскій.

Святый снова спросилъ:

— Что было бы, если бы кто изображеніе царя повергъ на землю и сталъ топтать его ногами? Не понесъ ли бы онъ наказаніе за это?

Присутствующіе при состязаніи отвѣтили:

— Да! Великое наказаніе потерпѣлъ бы такой человѣка, такъ какъ онъ обезчестилъ бы царскій образъ.

Тогда преподобный, тяжко вздохнувъ, сказалъ:

— Сколь сильна у васъ слѣпота и сколь велико безуміе! Если за безчестіе образа царя земнаго и смертнаго вы караете ужасною казнію, то какому наказанію подвергаетесь вы, попирая образъ Сына Божія и Матери Его и предавая ихъ огню?

Сказавъ это, святый плюнулъ на монету, и бросивъ ее на землю, началъ топтать ногами. Видя это, присутствовавшіе съ яростію устремились на святаго, намѣреваясь сбросить его изъ палаты въ море, ибо палата, гдѣ происходила бесѣда съ преподобнымъ, возвышалась надъ моремъ. Но царь, притворившись

---

[1]) Объ *Аполлонѣ* см. стр. 669, пр. 4; объ *Артемидѣ* см. стр. 675, пр. 1.

[2]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 22, ст. 20.

кроткимъ, хотя внутри у него закипѣлъ страшный гнѣвъ, запретилъ имъ дѣлать это, но повелѣлъ отвести святаго въ народную темницу и тамъ заключить.

Входя въ эту темницу, святый сказалъ:

— Сія темница будетъ пристанищемъ во время настоящей жизни моей; здѣсь надлежитъ мнѣ пребывать до послѣдняго издыханія, и я стану смотрѣть на сіе мѣсто обитанія моего какъ на награду за вѣрность честнымъ иконамъ.

Будучи заключенъ въ самомъ отдаленномъ помѣщеніи темницы, святый нашелъ сидящими въ ней триста сорокъ два инока, которые подвизались въ различныхъ странахъ и монастыряхъ и были ввержены въ темницу за почитаніе святыхъ иконъ. У однихъ изъ нихъ были отрѣзаны носы, у другихъ отсѣчены уши, у третьихъ—руки: послѣдняя жестокость была употреблена по отношенію къ тѣмъ, которые составляли книги въ защиту иконопочитанія. Нѣкоторые носили на тѣлѣ язвы отъ ранъ, еще не успѣвшихъ совершенно исцѣлѣть; кое-кто имѣли лица опаленныя и намазанныя смолою; у иныхъ головы были острижены для посмѣянія. Видя указанныя муки всѣхъ претерпѣвшихъ, преподобный прославилъ терпѣніе и подвиги ихъ и сталъ сильно скорбѣть, что не сподобился самъ понести такихъ мукъ за святыя иконы. Святые же отцы тѣ съ любовію приняли къ себѣ блаженнаго Стефана и избрали его начальникомъ и учителемъ себѣ. И стала темница сія какъ бы монастыремъ, и въ ней совершались обычныя пѣнія и молитвы по чину и уставу монастырскому.

Пребывая въ темницѣ, преподобный получалъ пищу отъ нѣкоей боголюбивой женщины, которая была супругой одного изъ стражниковъ. Каждую субботу и воскресенье она приносила въ темницу немного хлѣба и воды и тайно подавала святому. Сначала блаженный не хотѣлъ принимать изъ ея рукъ приносимой пищи, такъ какъ не зналъ, благочестива ли она и поклоняется ли иконамъ; ибо онъ гнушался еретиковъ и ничего не желалъ брать изъ ихъ рукъ. Но женщина та, въ удостовѣреніе своего благочестія, принесла ему тайно хранимыя у нея иконы Пречистой Богородицы и святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Поклонившись предъ лицемъ преподобнаго симъ святымъ иконамъ, она облобызала ихъ, а потомъ отдала ему, чтобы блаженный Стефанъ, храня у себя тѣ честныя иконы, поминалъ ее въ святыхъ молитвахъ своихъ.

Въ одинъ день святый Стефанъ бесѣдовалъ съ прочими преподобными отцами о многихъ и разнообразныхъ мученіяхъ, причиняемыхъ благочестивымъ со стороны царскихъ намѣстниковъ, анѳипатовъ и игемоновъ[1]). Между прочимъ, одинъ изъ заключенныхъ, Антоній кипрянинъ, вспомнилъ о мученической кончинѣ кипрскаго монаха Павла. Епархъ Крита Ѳеофанъ, прозываемый Лардоритомъ, положилъ на землѣ предъ нимъ съ одной стороны образъ Распятія Христова, съ другой же—орудія пытки и сказалъ ему:

— Избери себѣ, Павелъ, одно изъ двухъ: или согласись попрать ногами икону Христа, чтобы быть тебѣ живому, или же ты подвергнешься лютой смерти, истязуемый лежащими предъ тобою орудіями,—если только не захочешь исполнить повелѣнное тебѣ.

Но мужественный Павелъ громко возгласилъ:

— Не пойду я, Господи, Іисусе Христе, Единородный Сыне Божій, на то, чтобы попирать ногами святую икону Твою.

Сказавъ это, Павелъ преклонилъ колѣна и благоговѣйно лобызалъ святую икону, показывая этимъ, что онъ не боится угрозъ мучителя и готовъ умереть за Христову икону. Тогда мучитель пришелъ въ сильный гнѣвъ и распалился яростью. Прежде всего, онъ повелѣлъ двумя желѣзными досками крѣпко-накрѣпко стягивать тѣло исповѣдника, потомъ, повѣсивъ Павла внизъ головою, терзать тѣло его желѣзкой и, наконецъ, разложить подъ нимъ костеръ и зажечь его. Въ семъ страданіи Павелъ и скончался, сожженный огнемъ, содѣлавшись благовонной жертвой Господу.

Когда Антоній разсказывалъ это, всѣ отцы проливали теплыя слезы. Послѣ того началъ говорить другой узникъ, именемъ Ѳеостириктъ, мужъ старый и почтенный пресвитерскимъ саномъ, у котораго за вѣрность иконопочитанію былъ отрѣзанъ носъ, а все лицо опалено кипящею смолою.

— Однажды въ монастырѣ нашемъ, называемомъ Пеликита,—говорилъ онъ,—совершалось во Святый и Великій Четвергъ Страстной седмицы безкровное жертвоприношеніе. Вдругъ нападаетъ на монастырь мучитель Лаханодраконъ со множествомъ воиновъ. Дерзновенно войдя въ алтарь, онъ повелѣлъ прекратить пѣніе и ниспровергъ Святыя и Животворящія Христовы Таины на землю.

[1]) *Анѳипатъ*—начальникъ области, въ составъ которой входило нѣсколько провинцій; *игемонъ*—начальникъ провинціи.

Затѣмъ, схвативъ избранныхъ сорокъ двухъ иноковъ, оковалъ ихъ желѣзными цѣпями, изъ остальныхъ же нѣкоторымъ нанесъ жестокія раны, истерзавъ тѣло ихъ, другимъ опалилъ бороды и лица, предварительно обмазавъ ихъ смолою, у иныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, отрѣзалъ носы. Послѣ того онъ поджегъ церковь и спалилъ ее вмѣстѣ со всѣмъ монастыремъ. Тѣхъ же избранныхъ сорокъ двухъ иноковъ, которые были окованы узами, мучитель заточилъ въ Ефесской области, помѣстивъ ихъ всѣхъ въ одной ветхой банѣ, входъ въ которую былъ заколоченъ. Тамъ всѣ они и были уморены голодомъ.

Преподобный Стефанъ, слушая такія разсказы, убѣждалъ братію къ подобному же мужеству и терпѣнію. Потомъ и самъ припомнилъ о нѣкоемъ Петрѣ, жившемъ во Влахернахъ. Приведенный на допросъ къ царю, сей Петръ за вѣрность иконопочитанію безпощадно былъ битъ воловьими жилами, но проявилъ при этомъ такое терпѣніе, что совершенно не стоналъ и не кричалъ, какъ будто не испытывалъ никакой боли. Мало того,—онъ не побоялся поражать обличительными словами, какъ какимъ-либо остріемъ, самаго царя, называя его новымъ Юліаномъ Отступникомъ[1]). Припомнилъ блаженный Стефанъ и о нѣкоемъ Іоаннѣ, котораго царь не могъ принудить къ тому, чтобы онъ попралъ ногами иконы Христа и Пресвятой Богородицы. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ мучитель повелѣлъ зашить его въ мѣхъ и, привязавъ къ мѣху камень, бросить его въ море и потопить святаго.

Разсказывая другъ другу такія повѣсти, всѣ преблаженные отцы и узники за Христа распалялись ревностнымъ желаніемъ пострадать за святыя иконы и одинъ другаго укрѣпляли, говоря:

— Потерпите, братіе, ради Господа, и постраждите за Него до послѣдняго издыханія. **Аще бо съ нимъ страждемъ, съ нимъ и прославимся**[2]). Всѣ блага міра сего ничто предъ той славой, которая уготована намъ.

Блаженный Стефанъ пробылъ въ народной темницѣ одиннадцать мѣсяцевъ. Тутъ Богъ открылъ ему въ видѣніи время смерти его за сорокъ дней. Когда послѣ откровенія пришла къ

---

[1]) *Юліанъ Отступникъ*—Римскій императоръ, царствовавшій съ 361 по 368 г. Рожденный и воспитанный въ христіанствѣ, онъ отвергся Христа и сдѣлался ревностнымъ язычникомъ.

[2]) Посл. къ Рим., гл. 8, ст. 17.

нему жена стражника, приносившая преподобному пищу, онъ сказалъ ей:

— Да вознаградитъ тебя Господь за благодѣяніе твое, которое ты оказывала мнѣ. Ты достаточно послужила мнѣ. Теперь больше уже не приноси мнѣ той тлѣнной пищи и питія, какія приносила раньше.

Услышавъ такія слова, жена опечалилась, ибо думала, что святый гнушается ея приношеніями. Видя печаль ея, преподобный сказалъ ей:

— Приблизилось время кончины моей, ибо, по прошествіи сорока дней, я умру. И я желаю въ продолженіе этихъ дней пріумножить подвиги иноческіе и остаться совершенно безъ пищи и питія, чтобы приготовить себя къ смерти.

Затѣмъ, отославъ жену стражника, преподобный предался молитвеннымъ подвигамъ и пребывалъ въ молитвѣ день и ночь. Нѣкоторые изъ гражданъ, соблюдшихъ благовѣріе въ это время, приходили къ нему, чтобы получить отъ него благословеніе. Для сего они мѣняли одежды свои, облекались въ худыя рубища и, приходя къ святому, наслаждались его многополезными и богомудрыми рѣчами.

Когда положенные сорокъ дней подходили къ концу и уже наступилъ тридцать восьмой день, преподобный снова призвалъ названную выше жену и при всѣхъ святыхъ отцахъ, находившихся въ темницѣ, сказалъ ей:

— Да воздастъ тебѣ Богъ сторицею за тѣ милости, какія ты оказала мнѣ, и призритъ на тебя милосердымъ окомъ съ высоты Своей, ибо ты явила себя истинной ученицей Того, Который сказалъ: поне́же сотвори́сте є҆ди́номꙋ си́хъ бра́тїй мои́хъ ме́ньшихъ, мнѣ̀ сотвори́сте[1]), и еще: прїе́млѧй пра́ведника во и҆́мѧ пра́ведниче, мздꙋ̀ пра́ведничꙋ прїи́метъ[2]); и въ третьемъ мѣстѣ: и҆́же а҆́ще напои́тъ вы̀ ча́шею воды̀ во и҆́мѧ моѐ, не погꙋби́тъ мзды̀ своеѧ̀[3]). Все это ты исполнила, послуживъ мнѣ, и потому не лишишься награды своей.

Затѣмъ святый подалъ ей святыя иконы, которыя она раньше принесла ему, и сказалъ ей:

— Прими драгоцѣнное сокровище твое. Оно послужитъ для

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 40.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 41.
3) Еванг. отъ Марка, гл. 9, ст. 41.

тебя защитою отъ всякаго зла и будетъ свидѣтельствомъ твоего Православія въ нынѣшнемъ и грядущемъ вѣкѣ.

Произнеся эти слова, святый тяжко вздохнулъ и проговорилъ:

— Черезъ день я оставлю земную жизнь и переселюсь въ иной міръ, гдѣ предстану предъ Небеснымъ Царемъ.

При этихъ словахъ преподобнаго женщина та горько заплакала. Потомъ, взявъ иконы и принявъ отъ святаго Стефана благословеніе, обернула иконы полотенцемъ и пошла въ свой домъ, скорбя по поводу разлуки съ своимъ великимъ отцомъ и учителемъ. Преподобный же оставшееся время до дня смерти своей провелъ вмѣстѣ съ соузниками своими въ пѣніи священныхъ пѣснопѣній, прославляя Господа Бога.

Когда наступилъ тридцать девятый день, царь съ своею третьею женою, именемъ Евдоксіею, сталъ праздновать языческій праздникъ, называемый врумаліями[1]); ибо нечестивый еретикъ, при многихъ своихъ богоненавистныхъ злодѣяніяхъ, не оставлялъ и языческихъ празднованій. Во время сего праздника нѣкоторые изъ зловѣрныхъ еретиковъ обвиняли предъ царемъ блаженнаго Стефана въ томъ, что онъ превратилъ темницу въ монастырь и прельщаетъ своими рѣчами многихъ приходящихъ къ нему, увлекая ихъ въ идолопоклонство (такъ они называли иконопочитаніе). Царь, разгнѣвавшись, тотчасъ же послалъ спекулятора[2]), чтобы тотъ вывелъ Стефана за городъ и казнилъ бы его мечомъ. Но когда Стефанъ былъ веденъ связаннымъ на усѣченіе, царь сталъ жалѣть, что осудилъ блаженнаго на такую быструю казнь.

— Что можетъ быть вожделѣннѣе для Стефана, какъ не окончить поскорѣе жизнь свою посредствомъ усѣченія мечомъ? — говорилъ онъ и, желая умертвить преподобнаго болѣе лютою смертію, повелѣлъ снова возвратить въ темницу. Самъ же устроилъ у себя въ этотъ день большой пиръ для своихъ вельможъ и единомышленниковъ, и они ликовали и веселились при игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ и при громкомъ звукѣ трубъ. Среди пира царь вспомнилъ о блаженномъ Стефанѣ и сказалъ двумъ

---

1) *Врумаліи,* или *брумаліи,*—языческое празднество, которое происходило въ день зимняго солнцестоянія (по-латыни *брума*). Празднество это начиналось въ древнемъ Римѣ жертвоприношеніемъ предъ храмомъ Сатурна (римскаго бога земледѣлія и посѣвовъ), отчего называлось также *сатурналіями,* затѣмъ устраивалось пиршество, въ которомъ принимали участіе сенаторы и всѣ сановники.

2) О *спекуляторѣ* см. на стр. 738, прим. 2.

находившимся при немъ юношамъ, которые были красивы лицомъ, отличались храбростію и были ему единоутробными братьями.

— Идите въ народную темницу и скажите Стефану съ Авксентіевой горы слѣдующее. Такъ говоритъ царь: видишь ли, какую имѣетъ онъ заботу о тебѣ? Вотъ, онъ возвратилъ тебя отъ самыхъ вратъ смертныхъ и даровалъ тебѣ жизнь. Итакъ, доколѣ же ты не будешь повиноваться царской волѣ? Скажите ему все это. Я знаю, что онъ не покорится мнѣ, но еще больше начнетъ хулить меня,—и вы тогда схватите его и бейте какъ можно сильнѣе, пока не убьете до смерти.

Выслушавъ приказъ царя, юноши тѣ пошли въ темницу; но увидѣвъ лице Стефана, подобное ангельскому зраку, пришли въ смущеніе предъ его святостію и, павъ къ ногамъ блаженнаго, просили у него благословенія и молитвы. Потомъ, возвратившись къ царю, сказали ему:

— Мы нашли чернеца того непокорнымъ и за это били его безъ милости и оставили еле живымъ; не думаемъ, чтобы онъ могъ дожить до утра,—такъ сильно мы били его.

Услышавъ это, царь утѣшился и весело продолжалъ пировать съ своими единомышленниками.

Между тѣмъ, преподобный Стефанъ всю ночь простоялъ на молитвѣ, готовясь къ смерти. Когда же взошла утренняя звѣзда, онъ созвалъ всѣхъ преподобныхъ отцовъ, заключенныхъ вмѣстѣ съ нимъ, и обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— Послѣднее пожеланіе мира и послѣднее цѣлованіе даю я вамъ, отцы и братія: вотъ уже приблизился часъ моей кончины, и меня ожидаетъ мученическій вѣнецъ. Вы же до конца пребывайте въ Православіи и будьте тверды.

Услышавъ такія слова, преподобные отцы горько плакали, омывая лица свои теплыми слезами. Святый же Стефанъ сталъ совлекать съ себя одежды. Тогда другіе преподобные отцы сказали ему:

— Лучше будетъ, отче, если ты встрѣтишь смерть въ святомъ иноческомъ одѣяніи своемъ.

Но боговдохновенный Стефанъ отвѣтствовалъ:

— Борцу подобаетъ выдти на борьбу нагимъ. Къ тому же что хорошаго въ томъ, если иноческій чинъ будетъ попранъ ногами людей беззаконныхъ?

Сказавъ это, блаженный совлекъ съ себя всѣ одежды и, прикрывшись одною только кожаною мантіею, сѣлъ, вмѣстѣ со святыми отцами, въ ожиданіи своего смертнаго часа.

Въ ту же ночь, когда царь послѣ пира почивалъ на одрѣ своемъ, бѣсъ, находившійся всегда при немъ, возвѣстилъ ему, что посланные его не причинили Стефану никакого зла, но только поклонились ему и взяли у него благословеніе. Тогда царь, вставъ отъ сна, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца своего и, наподобіе рыкающаго льва, началъ восклицать:

— О бѣда, о великое уничиженіе, нѣтъ у меня помощника, нѣтъ вѣрнаго слуги. Всѣ меня ставятъ ни во что, и я не знаю, что мнѣ дѣлать съ людьми, недостойными и воспоминанія о нихъ (такъ онъ называлъ обыкновенно иноковъ).

Услыхавъ вопли царя, всѣ бывшіе въ царскомъ дворцѣ смутились, стали волноваться и поспѣшно подбѣгали къ нему. Взглянувъ на подбѣгающихъ, царь сказалъ:

— Куда идете и кого ищете?

Они же со смиреніемъ сказали:

— Мы пришли къ тебѣ, благому господину и царю нашему.

Тогда царь громкимъ голосомъ возгласилъ:

— Я не господинъ и не царь вашъ. Вы имѣете у себя иного царя, иного господина, къ ногамъ котораго припадаете, молитвъ и благословенія котораго просите. И нѣтъ никого, кто бы слушалъ меня и вѣрно служилъ бы мнѣ, чтобы я могъ истребить врага моего и чтобы утѣшился духъ мой.

Окружавшіе Копронима стали разспрашивать, кто сей врагъ его, котораго почитаютъ больше самого царя. Тогда Копронимъ отвѣтствовалъ:

— Не я царь, а Стефанъ съ Авксентіевой горы.

Едва онъ произнесъ такія слова, тотчасъ же всѣ съ сильнымъ крикомъ быстро устремились въ народную темницу и, обращаясь къ стражѣ, восклицали:

— Дайте намъ Стефана Авксентіанина!

Но преподобный Стефанъ самъ вышелъ къ нимъ изъ темницы съ лицомъ веселымъ, съ душою радостною.

— Я—тотъ, кого вы ищете, — говорилъ онъ прибѣжавшимъ.

Тогда они схватили святаго, какъ волки овцу, повергли его на землю и, разбивъ всѣ оковы на немъ, немилосердно повлекли его на площадь, попирая ногами и ударяя палками. Когда бла-

женный былъ извлеченъ за ворота темницы и былъ противъ церкви святаго великомученика Ѳеодора, то, опершись руками о землю, поднялъ, насколько могъ, свою голову и сотворилъ послѣднее поклоненіе святому мученику предъ его церковію, исполнивъ, такимъ образомъ, среди лютыхъ мукъ, благочестивое дѣло. Видя это, одинъ изъ кровопійцъ, влекущихъ святаго, именемъ Филомматій, схватилъ большой кусокъ дерева и, сильно ударивъ имъ по головѣ святаго, разбилъ ее. И тотчасъ же преподобный предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи. А на его убійцу на томъ же мѣстѣ внезапно напалъ бѣсъ, такъ что нечестивецъ, возопивъ страшнымъ голосомъ, палъ на землю и ужасно кричалъ, извиваясь всѣмъ тѣломъ и скрежеща зубами, причемъ изъ устъ его текла пѣна. И онъ, окаянный, до тѣхъ поръ былъ мучимъ бѣсомъ, доколѣ среди тяжкихъ мученій не извергъ душу свою.

Несмотря на это, сборище разъяренныхъ кровопійцъ, влекшихъ Стефана, не прекратило издѣвательства надъ его тѣломъ, и являло надъ мертвымъ свою звѣрскую лютость, влача тѣло преподобнаго по улицамъ и побивая его камнями. Отдѣльные члены преподобнаго по пути отрывались отъ святаго тѣла и оставались лежать на улицахъ: такъ было съ перстами преподобнаго, съ руками его, а также и со внутренностями. Между прочимъ, одинъ изъ беззаконниковъ поднялъ обѣими руками огромный камень и ударилъ имъ въ чрево преподобнаго, и тотчасъ чрево его распалось и внутренности его вывалились — такъ, что улицы города обагрились кровію святаго, которая лилась какъ вода. И не только мужи, но и жены, а также малыя дѣти, выходя изъ своихъ училищъ, метали камни на мертвое тѣло преподобнаго. Ибо отъ царя вышло такое повелѣніе: если кто не броситъ камень на Стефана Авксентіанина, тотъ—противникъ царю и подлежитъ казни. Потому-то вся толпа зловѣрныхъ еретиковъ, отъ мала до велика, побивала убіеннаго. Когда же тѣло святаго приволокли къ воловьему торгу, то одинъ содержатель корчмы, варившій въ это время рыбу, увидѣвъ влачимое тѣло и думая, что святый еще живъ, схватилъ горящую головню и ударилъ ею въ голову святаго, и изъ нея тотчасъ же истекъ мозгъ.

Слѣдомъ за мятежнымъ сборищемъ, творившимъ разныя издѣвательства надъ тѣломъ преподобнаго, шелъ одинъ православный

мужъ, по имени Θеодоръ, который хотѣлъ знать, гдѣ бросятъ тѣло святаго. Увидѣвъ истекшій изъ головы его мозгъ, онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто бы споткнулся, упалъ на землю и, тайно собравъ мозгъ преподобнаго въ чистый платокъ, скрылъ его въ своей одеждѣ и снова пошелъ вслѣдъ за издѣвающимися надъ тѣломъ святаго.

Въ это время еще жива была старшая сестра преподобнаго Стефана, которая постриглась въ иноческій чинъ въ одномъ изъ Византійскихъ дѣвичьихъ монастырей. Къ этому монастырю и повлекли тѣло святаго, чтобы и сестра преподобнаго, согласно царскому повелѣнію, бросила въ него камень. Но та, узнавъ о семъ, удалилась изъ своей келліи и скрылась въ одномъ гробѣ; ее всюду искали, но не могли найти. Тогда тѣло преподобнаго Стефана повлекли оттуда на мѣсто, называемое Пелагіинымъ кладбищемъ. Тамъ находилась прежде церковь святой мученицы Пелагіи, отъ ветхости распавшаяся; злочестивый царь повелѣлъ разбросать самое основаніе ея, а на мѣстѣ его выкопать глубокую яму, въ которую стали бросать трупы убиваемыхъ невѣрныхъ. Къ этой ямѣ и приволокли тѣло преподобнаго Стефана и ввергли его въ нее, вмѣнивши праведнаго со беззаконными.

Такъ окончилъ свое земное поприще преподобный отецъ нашъ Стефанъ, ноября мѣсяца въ 28 день, на 53-емъ году отъ своего рожденія[1]). День этотъ съ утра былъ весьма ясенъ, и солнце лило на землю яркій свѣтъ; въ третій же часъ этого дня съ восточной стороны, гдѣ находилась Авксентіева гора, показалось облако огненное, воздухъ надъ городомъ мгновенно помрачился, и день превратился въ ночь. Потомъ поднялась буря, сталъ падать сильный градъ, который поразилъ многихъ насмерть.

Но всѣ эти видимыя знаменія гнѣва Божія, обрушившіяся на Константинополь въ наказаніе нечестивымъ за причиненныя преподобному муки и ругательства надъ его честнымъ тѣломъ, не вразумили злочестиваго царя. Такъ, онъ повелѣлъ предать смертной казни, какъ ослушниковъ царской воли,—двоихъ своихъ братьевъ, которыхъ послалъ раньше убить преподобнаго Стефана. Потомъ онъ погубилъ насмерть и другихъ святыхъ отцовъ, которые пребывали въ темницѣ вмѣстѣ съ преподобнымъ Стефаномъ.

---

[1]) Это было въ 768 г. отъ Р. Хр.

Между тѣмъ Θеодоръ, который собралъ истекшій мозгъ преподобнаго Стефана, отправился въ монастырь святаго Дія[1]) и, тайно отдавъ игумену монастыря мозгъ блаженнаго, подробно повѣдалъ ему о всемъ, что зналъ о смерти Стефана. Игуменъ, выслушавъ со слезами разсказъ Θеодора, предалъ царя, какъ еретика и отступника, проклятію, мозгъ же святаго принялъ какъ многоцѣнное сокровище, вложилъ его въ чистый сосудъ и скрылъ въ церкви святаго первомученика Стефана. Но сіе не утаилось отъ злобнаго царя. Произошло это такимъ образомъ.

Когда игуменъ положилъ честный мозгъ святаго Стефана въ сосудъ и скрылъ его въ церкви, то при этомъ присутствовалъ одинъ юноша, жившій въ монастырѣ святаго Дія. По прошествіи нѣкотораго времени юноша сей сталъ молить игумена, чтобы тотъ сподобилъ его діаконскаго сана. Но игуменъ, не считая его достойнымъ сего сана, не исполнилъ его просьбы. Тогда юноша разгнѣвался на игумена и, отправившись къ царю, разсказалъ ему все, что зналъ о мозгѣ святаго Стефана. Царь тотчасъ же повелѣлъ принести сосудъ, въ который положили честный мозгъ преподобнаго, и открыть его предъ собою.

Когда сосудъ открыли, то онъ оказался совершенно пустымъ, ибо мозгъ Стефана божественнымъ смотрѣніемъ былъ невидимо взятъ и сокрытъ на мѣстѣ, никому не извѣстномъ и донынѣ. Царь разгнѣвался, и юноша тотъ, какъ клеветникъ, былъ отосланъ на изгнаніе.

Здѣсь необходимо припомнить и чудесную казнь Божію, постигшую ту дѣвицу, которая, будучи рабыней блаженной инокини Анны, солгала на нее и на блаженнаго Стефана, будто бы они, тайно сходясь по ночамъ, впадали въ беззаконный грѣхъ. Она была отдана въ замужество одному сановнику, собиравшему подати для царя въ Виθиніи, и родила двухъ близнецовъ. Однажды, когда она почивала ночью на одрѣ вмѣстѣ съ дѣтьми своими,— тѣ внезапно пришли въ волненіе и, получивъ нѣкую дивную силу, яростно схватили сосцы своей матери и начали сосать ихъ не какъ дѣти, но какъ львята или медвѣжата,—такъ что несчастная женщина не могла оторвать ихъ отъ своей груди. И такъ звѣрски терзая сосцы матери своей, они ее умертвили; затѣмъ и сами,

---

[1]) *Дій*—одинъ цареградскій подвижникъ, жившій въ V в. и основавшій въ окрестностяхъ Константинополя монастырь. Память его—19-го іюля.

какъ порожденія ехидны, умерли вмѣстѣ съ нею. Такая казнь постигла окаянную лжесвидѣтельницу. Блаженный же преподобномученикъ Стефанъ, какъ неповинный и чистый сердцемъ, зритъ Бога въ Троицѣ Единаго — Отца, и Сына, и Святаго Духа, Которому слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь прп҃бномч҃нка, гла́съ д҃:

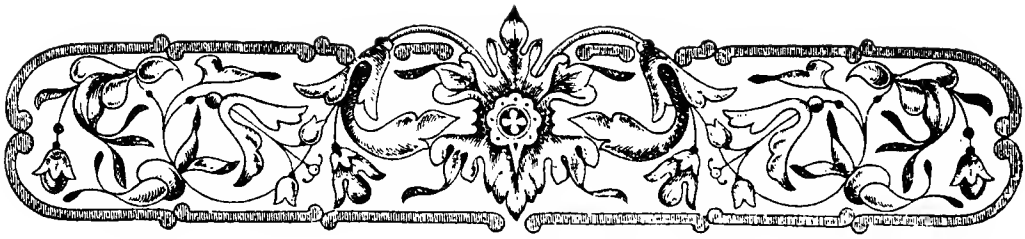
Пóстнически предподвиза́вся на горѣ̀, оу҆́мная врагѡ́въ ѡ҆полче́нїя всеорꙋжїемъ кр҃та̀ погꙋби́лъ є҆сѝ всебл҃же́нне, па́ки же ко страда́льчествꙋ мꙋжески воѡрꙋжи́лся є҆сѝ, оу҆би́въ копрѡнѵ́ма мече́мъ вѣ́ры: и҆ ѻ҆бои́хъ ра́ди вѣнча́лся є҆сѝ ѿ бг҃а, прп҃бномч҃нче стефа́не приснопа́мятне.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Тр҃цы рачи́теля, и҆ бж҃е́ственнаго стефа́на восхва́лимъ вѣ́рнѡ пѣ́сньми празднолю́бцы ѿ се́рдца, ꙗ҆́кѡ почествова́ша начерта́нїе кра́сное вл҃ки, и҆ мт҃ре є҆гѡ̀: и҆ согла́снѡ ны́нѣ ѿ любвѐ возопїи́мъ є҆мꙋ̀, ра́дꙋющеся: ра́дꙋйся, ѻ҆́тче приснoсла́вне.

Конда́къ, гла́съ г҃:

И҆з непло́дна прп҃бне ко́рене возрастѐ вѣ́твь: первострада́льцꙋ тезоимени́те, мона́хѡвъ наста́вникъ вели́къ ѻ҆́тче ꙗ҆ви́лся є҆сѝ, и҆ ꙗ҆́рости не оу҆боя́вся царя̀, не хотя́ща хр҃то́въ чествова́ти ѡ҆́бразъ. сегѡ̀ ра́ди сконча́вся, мч҃нческїй вѣне́цъ прїя́лъ є҆сѝ, стефа́не.



ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ѲЕОДОРА,

архіепископа Ростовскаго[1])

Святый Ѳеодоръ, первый архіепископъ Ростовскій, происходилъ изъ того знаменитаго своимъ благочестіемъ рода, къ которому принадлежалъ великій подвижникъ и молитвенникъ земли русской преподобный Сергій Радонежскій. Святитель Ростовскій Ѳеодоръ былъ родной племянникъ преподобнаго Сергія, сынъ его старшаго брата Стефана. Сей Стефанъ, выселившійся, какъ и преподобный Сергій, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, бояриномъ Кирилломъ, изъ Ростовской области въ подмосковную область Радонежскую, первую половину жизни своей провелъ на службѣ у Радонежскаго князя Андрея Ивановича, сына Московскаго князя Ивана Даниловича Калиты. Онъ былъ въ числѣ главныхъ вельможъ Радонежскаго князя, славился воинскими заслугами, но особенно отличался своимъ благочестіемъ. Онъ былъ женатъ и отъ супруги своей Анны имѣлъ двухъ дѣтей,

---

1) Житіе святителя Ѳеодора имѣлъ намѣреніе составить знаменитый Епифаній Премудрый, вписавшій житія преподобнаго Сергія Радонежскаго и святаго Стефана, епископа Пермскаго; но сіе намѣреніе Епифанія не было осуществлено. Древняго житія святаго Ѳеодора не отыскано. Существуетъ въ рукописи (Снн. Библ. № 580) пространное житіе Ѳеодора, составленное по разнообразнымъ источникамъ въ XVII столѣтіи (по указанной синодальной рукописи это житіе издано въ 1877 г. въ Ярославлѣ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора, архіепископа Ростовскаго, чудотворца и основателя Симонова монастыря»). Сіе житіе и положено въ основаніе настоящаго изложенія съ провѣркой по лѣтописямъ и документамъ.

Климента и Іоанна. Благочестивая жена Стефана вскорѣ скончалась, и Стефанъ тогда рѣшилъ отречься отъ міра и принять иночество. Онъ постригся въ монастырѣ Покрова Пресвятыя Богородицы въ Хотьковѣ и предался усердно иноческимъ подвигамъ, посту и молитвѣ. Оставивъ вскорѣ Хотьковскій монастырь, онъ ушелъ въ Москву, поселился въ монастырѣ святаго Богоявленія въ особой келліи и проводилъ строгій и суровый образъ жизни въ постѣ и молитвѣ, воздерживаясь отъ вина и пива и одѣваясь въ ветхія одежды. Въ то время находились въ томъ монастырѣ и другіе знаменитые подвижники—какъ святый Алексій, впослѣдствіи митрополитъ, старецъ Геронтій и другіе. Ихъ любилъ преосвященный Ѳеогностъ, тогдашній Митрополитъ всея Россіи[1]), часто къ себѣ призывалъ и оказывалъ имъ почетъ.

Узнавъ о благочестивой подвижнической жизни Стефана, Великій князь Симеонъ Ивановичъ[2]), сынъ Ивана Даниловича, повелѣлъ Митрополиту Ѳеогносту посвятить его въ священническій санъ, а потомъ поставить и въ игумены Богоявленскаго монастыря, и избралъ его въ духовники себѣ. Духовными дѣтьми Стефана пожелали стать и многіе бояре и вельможи. Великій князь Симеонъ любилъ Стефана, почиталъ и часто съ нимъ бесѣдовалъ.

Таковъ былъ отецъ святаго Ѳеодора, называвшагося въ міру Іоанномъ. По достиженіи семилѣтняго возраста Іоаннъ отданъ былъ благочестивыми родителями въ наученіе грамотѣ и вскорѣ изучилъ все, что было ему преподано.

По смерти матери юный Іоаннъ находился при своемъ отцѣ, принявшемъ иночество. Слыша о жизни своего дяди, великаго Радонежскаго подвижника Сергія, устроявшаго тогда свою новую обитель, въ которую отвсюду собирались разнаго чина и званія люди для духовныхъ подвиговъ, Іоаннъ горѣлъ желаніемъ видѣть Сергія и послѣдовать ему. По Божію смотрѣнію, отецъ Іоанна, Стефанъ, отправился изъ Москвы въ Радонежскую область въ монастырь Живоначальныя Троицы и привелъ съ собою и сына своего Іоанна. Онъ провелъ сына прямо въ церковь и, взявъ за правую руку, самъ предалъ его въ руки игумена Сергія, своего роднаго брата.

---

[1]) *Святый Ѳеогностъ* занималъ митрополію съ 1328 г. по 1353 г.

[2]) *Симеонъ Ивановичъ Гордый* княжилъ съ 1340 г. по 1353 г.

Несмотря на юные годы Іоанна, которому было всего двѣнадцать лѣтъ, преподобный Сергій, провидя въ немъ истиннаго подвижника, тогда же постригъ его въ иноческій чинъ, 20-го апрѣля, на память преподобнаго Ѳеодора Трихины, въ честь котораго Іоаннъ переименованъ былъ въ Ѳеодора: тогда былъ обычай давать при постриженіи имя того святаго, память котораго совершалась въ день постриженія.

Ст҃ый
Ѳеодоръ

Новопостриженный инокъ Ѳеодоръ и остался на иноческое жительство въ Троицкомъ монастырѣ подъ руководствомъ великаго его основателя. Онъ сталъ вести воздержную, цѣломудренную и чистую жизнь, усердно посѣщалъ церковныя службы, внимательно слушалъ Божественное Писаніе и самъ часто читалъ Божественныя книги. Наставника же своего, преподобнаго Сергія, во всемъ слушался со смиреніемъ, кротостію и молчаніемъ. Усердіе къ церковной и келейной молитвѣ, постъ и бдѣніе, усердное пѣніе Псалтири и слезы умиленія молодаго инока вызывали удивленіе у окружавшихъ. Особенно замѣчательно было то, что онъ ничего не скрывалъ отъ преподобнаго Сергія, и днемъ и ночью открывая ему всѣ свои помыслы.

По достиженіи надлежащаго возраста Ѳеодоръ былъ посвященъ въ іерейскій санъ и продолжалъ совершенствоваться въ иноческихъ подвигахъ и духовной жизни. Когда онъ служилъ Литургію вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ и своимъ отцомъ Стефаномъ, нѣкоторые иноки, удостоенные особой благодати Божіей, видѣли, какъ съ сими святыми служителями у Престола служилъ Ангелъ Божій.

Въ это время стала посѣщать Ѳеодора мысль объ основаніи новаго, своего монастыря, объ отысканіи удобнаго мѣста и учреж-

деніи иноческаго общежитія. Мысль эту онъ повѣдалъ своему учителю, преподобному Сергію, и повторялъ это не разъ. Преподобный, видя, что мысль эта рѣшительно овладѣла Ѳеодоромъ, усмотрѣлъ въ семъ дѣйствіе Промысла Божія.

Ѳеодоръ непрестанно предавался по обычаю ночной молитвѣ. И вотъ однажды, стоя на молитвѣ, онъ слышитъ Голосъ: «Ѳеодоръ, иди въ пустыню; ты устроишь обитель, соберешь въ ней многихъ подвижниковъ, мужей желаній духовныхъ, и получишь великую награду на Небесахъ». Принявъ сіи слова за откровеніе свыше, блаженный никому не открылъ о происшедшемъ. Но спустя значительное время великій прозорливецъ Сергій сказалъ своему племяннику:

— Я, чадо, надѣялся, что ты предашь кости мои гробу и станешь послѣ меня игуменомъ на семъ мѣстѣ; но если хочешь теперь начать задуманное тобою дѣло, то да поможетъ тебѣ Богъ и Пресвятая Богородица.

Благословивъ своего племянника и ученика, онъ отпустилъ его вмѣстѣ съ тѣми изъ братій, которые пожелали съ нимъ отправиться.

Преподобный Ѳеодоръ вышелъ со своими спутниками изъ монастыря и отправился искать нужнаго ему, удобнаго для обители, мѣста. И нашелъ онъ прекрасное для построенія монастыря мѣсто, называвшееся Симоново, недалеко отъ города Москвы, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки.

Получивъ извѣстіе, преподобный Сергій самъ пришелъ видѣть это мѣсто, нашелъ его удобнымъ для построенія монастыря и благословилъ Ѳеодора приступить къ исполненію задуманнаго предпріятія.

Получивъ надлежащее архіерейское разрѣшеніе, преподобный Ѳеодоръ создалъ на избранномъ мѣстѣ церковь во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнáго Ея Рождества, возвелъ нужныя для монастыря изрядныя строенія, собралъ отовсюду многочисленную монастырскую братію и составилъ монастырь по строгому чину монастырей общежительныхъ.

Самъ основатель монастыря подавалъ примѣръ строгой подвижнической жизни и сіялъ какъ внутренними добродѣтелями, такъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ и тѣлесной красотой, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ мудростью и разумомъ. Всѣ эти качества возбуждали у всѣхъ уваженіе и почтеніе къ нему, и слава его возрастала болѣе и болѣе, такъ что дядя его, преподобный Сергій,

опасался, чтобы племянникъ его не прельстился этой честью и славой, и непрестанно молился, чтобы Господь Богъ помогъ Ѳеодору совершить теченіе жизни безъ преткновенія.

Когда новооснованный монастырь сталъ привлекать многихъ приходящихъ, Ѳеодоръ, избѣгая шумной жизни, рѣшилъ найти для себя болѣе глухое и уединенное мѣсто. Таковое онъ усмотрѣлъ вблизи монастыря, на разстояніи двухъ выстрѣловъ изъ лука, въ густомъ лѣсу, близъ самой рѣки-Москвы, въ пяти верстахъ отъ Московскаго Кремля. Здѣсь онъ построилъ для себя уединенную келлію и сталъ подвизаться съ новымъ усердіемъ и въ новыхъ трудахъ.

Но и здѣсь стали собираться къ нему ученики, желавшіе подвизаться вмѣстѣ съ нимъ. И здѣсь посѣтилъ его преподобный Сергій и призналъ новое мѣсто удобнымъ для подвиговъ и для построенія монастыря. Митрополитъ Алексій[1]) далъ благословеніе на основаніе церкви въ новомъ Симоновѣ, а за церковью Рождества Пресвятой Богородицы осталось наименованіе: «На Старомъ Симоновѣ».

Основаніе великолѣпной и обширной каменной церкви во имя Успенія Пресвятой Богородицы преподобнымъ Ѳеодоромъ положено было въ 1379 году, а закончена постройка была только черезъ 26 лѣтъ, въ 1405 году, уже по смерти основателя; освященіе новопостроеннаго храма совершено было уже митрополитомъ Кипріаномъ.

Одновременно съ церковью воздвигнуты были и другія новыя обширныя монастырскія зданія, трапеза, келліи. Много нашлось благотворителей новооснованному монастырю: князья и бояре, и самъ Великій князь Димитрій Іоанновичъ[2]), а потомъ сынъ его и преемникъ, Великій князь Василій Димитріевичъ[3]), щедро давали казной и разными вкладами на монастырское строеніе.

Такъ устроился Новый Симоновъ монастырь, а Старый Симоновъ остался усыпальницею иноковъ.

Еще при митрополитѣ Алексіи Ѳеодоръ былъ поставленъ въ игумена Симонова монастыря; преподобный Сергій былъ противъ этого: онъ желалъ, чтобы Ѳеодоръ проводилъ уединенную жизнь, къ которой стремился; но онъ долженъ былъ уступить настоя-

---

1) *Святый Алексій* былъ митрополитомъ съ 1354 г. по 1378 г.

2) *Димитрій Іоанновичъ Донской* княжилъ съ 1363 г. по 1389 г.

3) *Василій Димитріевичъ* княжилъ съ 1389 г. по 1425 г.

ніямъ Великаго князя Димитрія Іоанновича и митрополита Алексія.

Великій князь Димитрій Іоанновичъ избралъ игумена Θеодора въ духовные отцы себѣ; духовными дѣтьми Θеодора пожелали стать и многіе бояре и вельможи.

Какъ духовникъ Великаго князя и многихъ бояръ, какъ племянникъ знаменитаго подвижника Сергія, хорошо извѣстный и властямъ духовнымъ, Симоновскій игуменъ Θеодоръ долженъ былъ принимать живое участіе въ дѣлахъ церковныхъ.

По смерти митрополита Алексія настали замѣшательства въ Русской митрополіи. Въ Кіевѣ находился Кипріанъ, поставленный въ Кіевскіе митрополиты еще при жизни святаго Алексія и стремившійся распространить свою власть и на Церковь Московскую, а въ Константинополѣ въ 1380 году, безъ вѣдома и согласія Московскаго великаго князя, былъ поставленъ въ митрополиты Кіевскіе и всея Россіи Пименъ. Великій князь пожелалъ имѣть митрополитомъ Кипріана и отправилъ звать его въ Москву духовника своего, Симоновскаго игумена Θеодора, который и выполнилъ данное порученіе съ успѣхомъ. Впослѣдствіи нѣсколько разъ Θеодоръ исполнялъ подобныя же порученія. Такъ, въ 1384 году онъ, по волѣ Великаго князя, вмѣстѣ съ Суздальскимъ архіепископомъ Діонисіемъ, путешествовалъ въ Константинополь по дѣламъ Русской митрополіи, такъ какъ смута еще продолжалась: въ Москвѣ занимали митрополичью каѳедру то Кипріанъ, то Пименъ.

Въ эту поѣздку свою въ Константинополь игуменъ Θеодоръ получилъ отъ Патріарха Нила[1]) санъ архимандрита, а Симоновъ монастырь сдѣланъ былъ патріаршимъ ставропигіальнымъ. Въ 1387 году архимандритъ Θеодоръ снова путешествовалъ въ Константинополь по дѣламъ митрополіи, когда туда же ѣздили и оба митрополита—Пименъ и Кипріанъ. Изъ этой поѣздки Θеодоръ возвратился въ санѣ архіепископа Ростовскаго вмѣстѣ съ митрополитомъ Пименомъ.

И послѣ своего назначенія на архіепископскую Ростовскую каѳедру, оставшуюся праздною (незанятой, свободной.—*Ред.*) послѣ удаленія святаго Іакова[2]), Θеодоръ продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Такъ, въ 1389 году онъ вмѣс-

---

[1]) Нилъ былъ Патріархомъ съ 1378 г. по 1388 г.

[2]) Память *святаго Іакова* празднуется 27 ноября.

тѣ съ другими епископами провожалъ изъ Москвы до Рязани Пимена въ третью, послѣднюю, поѣздку его въ Константинополь.

19-го мая 1389 года скончался Великій князь Димитрій Іоанновичъ. Сынъ и преемникъ его, Великій князь Василій Димитріевичъ, оказывалъ такое же уваженіе и вниманіе архіепископу Ѳеодору, какъ и его отецъ, и пользовался его услугами въ дѣлахъ церковныхъ.

Новымъ Патріархомъ Антоніемъ[1]) Пименъ былъ низложенъ окончательно и вскорѣ умеръ[2]). Великій князь Василій Димитріевичъ рѣшилъ принять въ Москву митрополита Кипріана, находившагося въ Константинополѣ, и для приглашенія его отправилъ, не разъ уже бывшаго тамъ, опытнаго Ростовскаго архіепископа Ѳеодора.

1-го октября 1389 года митрополитъ Кипріанъ, вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ за нимъ Ѳеодоромъ, отправился изъ Константинополя черезъ Кіевъ, гдѣ они оставались до февраля 1390 года, а на средокрестной недѣлѣ Великаго Поста этого года выѣхали въ Москву.

Такъ кончились замѣшательства въ Русской митрополіи, а вмѣстѣ съ ними и странствованія архіепископа Ѳеодора. Много трудовъ, опасностей на сушѣ и морѣ, огорченій и непріятностей пришлось ему перенести за это время, но онъ съ юныхъ лѣтъ пріучилъ себя къ трудамъ и подвигамъ и не думалъ о покоѣ. Господь Богъ укрѣплялъ духъ его и тѣло.

Будучи игуменомъ и архимандритомъ Симонова монастыря, Ѳеодоръ, хотя и былъ отвлекаемъ общецерковными дѣлами, однако постоянно и неослабно руководилъ монастырскою жизнью и въ своихъ ученикахъ воспиталъ многихъ великихъ и славныхъ подвижниковъ. Къ нему приведенъ былъ блаженнымъ Стефаномъ Махрищскимъ[3]) благороднаго происхожденія юноша, по имени Косма, воспитывавшійся въ Москвѣ въ домѣ боярина Вельяминова, и былъ постриженъ въ Симоновомъ монастырѣ подъ именемъ Кирилла. Это былъ знаменитый впослѣдствіи основатель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Первыми подвигами монашескаго послушанія онъ обратилъ на себя общее вниманіе въ Симоновомъ мо-

---

1) Антоній патріаршествовалъ съ 1388 г. по 1395.

2) Митрополитъ Пименъ скончался 11 сентября 1389 года въ Малоазійскомъ городѣ Халкидонѣ, лежащемъ почти противъ Константинополя, и тамъ погребенъ.

3) Память его празднуется 14 іюля.

настырѣ, трудясь въ пекарнѣ, поварнѣ и другихъ послушаніяхъ. Здѣсь замѣтилъ его нерѣдко посѣщавшій обитель преподобный Сергій и любилъ съ нимъ бесѣдовать. Когда архимандритъ Ѳеодоръ былъ возведенъ въ санъ архіепископа Ростовскаго, братія Симонова монастыря избрала Кирилла настоятелемъ. Но, жаждавшій уединенныхъ подвиговъ, Кириллъ тяготился этимъ положеніемъ, отказался отъ настоятельства и затворился въ своей келліи. Однако слава его подвиговъ и сюда привлекла почитателей и посѣтителей, и онъ рѣшилъ удалиться на Сѣверъ, гдѣ и основалъ свой, славный впослѣдствіи, монастырь[1]).

Здѣсь же, въ Симоновомъ монастырѣ, при архимандритѣ Ѳеодорѣ принялъ постриженіе молодой волоколамскій дворянинъ Ѳеодоръ Поскочинъ, названный въ иночествѣ Ѳерапонтомъ. Подобно Кириллу, онъ прославился своимъ подвижничествомъ и былъ извѣстенъ Сергію Радонежскому. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Кирилломъ онъ удалился въ Бѣлозерскій край и основалъ тамъ монастырь, который сталъ извѣстенъ подъ именемъ Ѳерапонтова. Призванный княземъ Андреемъ Димитріевичемъ Можайскимъ, которому принадлежало и Бѣлоозеро, Ѳерапонтъ основалъ въ Можайскѣ новый монастырь Лужецкій, въ которомъ и скончался архимандритомъ своей обители[2]).

Много и другихъ лицъ подвизалось въ Симоновомъ монастырѣ подъ руководствомъ архимандрита Ѳеодора. Строгое общежитіе, установленное въ Симоновомъ монастырѣ, служило образцомъ для другихъ общежительныхъ монастырей, основатели которыхъ прежде жили въ монастырѣ или посѣщали его.

По окончаніи трудовъ по дѣламъ русской митрополіи архіепископъ Ѳеодоръ прибылъ въ Ростовъ и, поклонившись иконѣ Богоматери и мощамъ святителя Леонтія, занялся усердно новымъ пастырскимъ служеніемъ. Въ мирѣ и любви пребывалъ онъ съ ростовскимъ княжескимъ семействомъ и руководилъ его по пути благочестія. У сына тогдашняго Ростовскаго князя Александра Константиновича Іоанна заболѣли глаза, и онъ потерялъ зрѣніе. Отецъ обратился къ святителю Ѳеодору и просилъ помолиться за больного. Ѳеодоръ направилъ князей къ мощамъ святаго Леонтія въ ростовскую соборную церковь, и, по совершеніи молебствія,

---

1) См. житіе преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго іюня 9.

2) *Преподобный Ѳерапонтъ* скончался въ глубокой старости въ 1426 г. мая 27; подъ симъ числомъ см. его житіе.

больной князь исцѣлился и прозрѣлъ. Впослѣдствіи, уже послѣ кончины святителя Θеодора, наученный симъ пастыремъ, князь Іоаннъ, когда снова впалъ въ очную болѣзнь, опять обратился съ горячею молитвою къ чудотворцу Леонтію и опять получилъ исцѣленіе[1]).

Архіепископъ Θеодоръ оставилъ также по себѣ память основаніемъ въ Ростовѣ Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, существующаго и въ настоящее время.

О святителѣ Θеодорѣ извѣстно также, что онъ, будучи настоятелемъ Симонова монастыря, занимался иконописью и украсилъ иконами своего письма различныя московскія церкви[2]).

Изъ всѣхъ Ростовскихъ святителей Θеодоръ первый поставленъ былъ въ санъ архіепископа, каковой санъ на Руси дотолѣ принадлежалъ только владыкѣ древняго Новгорода Великаго. Недолго святитель Θеодоръ управлялъ Ростовскою паствою. Блаженная кончина его послѣдовала 28 ноября 1395 года. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ въ юго-западномъ углу. Надъ нимъ устроена богато украшенная гробница подъ золотою сѣнію[3]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ИРИНАРХА

Святый Иринархъ происходилъ изъ города Севастіи[4]). Въ юномъ возрастѣ онъ былъ палачомъ при мученіяхъ святыхъ мучениковъ. Во время истязанія правителемъ Максиміаномъ, при Діоклетіанѣ, святыхъ семи женъ Иринархъ былъ просвѣщенъ благодатію Божіею: видя женъ, мучимыхъ ради Христа и посрамляющихъ мучителя, онъ дерзновенно исповѣдалъ Христа и назвалъ себя христіаниномъ. Тогда, по повелѣнію правителя, онъ былъ вверженъ въ болото, откуда вышелъ невредимымъ, и затѣмъ въ огненную печь, но и она не причинила ему никакого вреда. Послѣ этого его усѣкли мечомъ, въ 303 году.

---

1) О семъ повѣствуется въ житіи святаго Леонтія, Ростовскаго Чудотворца.

2) О занятіяхъ святаго Θеодора иконописаніемъ говорится въ «Сказаніи о святыхъ иконописцахъ» (*Буслаевъ*. Истор. Очерки II, 379).

3) Въ ликѣ святыхъ Θеодоръ встрѣчается въ агіографическихъ памятникахъ съ XV столѣтія. Въ рукописяхъ встрѣчаются написанные въ честь его тропарь и кондакъ.

4) Здѣсь разумѣется Севастія въ Арменіи, называемая *Севастіей Армянской*, —въ отличіе отъ Севастіи Каппадокійской.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ,

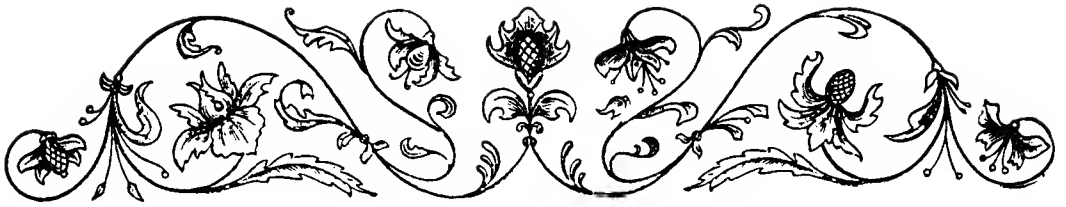
со святымъ Стефаномъ Новымъ за святыя иконы пострадавшихъ

При Константинѣ Копронимѣ[1]) многіе православные воины, оставивъ воинское званіе, приняли монашество. Многихъ изъ нихъ беззаконный царь послѣ мученій приказалъ лишить жизни. Одного, по имени Василія, онъ сначала ослѣпилъ. Когда же святый Василій и послѣ ослѣпленія сталъ воздавать поклоненіе святымъ иконамъ, мучитель вонзилъ мечъ въ чрево Василія, такъ что обнаружились всѣ его внутренности. Въ это же время пріялъ мученическій вѣнецъ за святыя иконы и святый Стефанъ въ Константинополѣ. Кромѣ этихъ, были сосланы въ заточеніе два Григорія съ нѣкоторыми другими, гдѣ и скончались. Наконецъ святый Іоаннъ былъ изгнанъ въ Дафну[2]), гдѣ, по приказанію царя, его часто подвергали біенію, отъ чего онъ и скончался.

---

[1]) *Константинъ Копронимъ* царствовалъ съ 741 по 775 г. Это былъ одинъ изъ жестокихъ императоровъ иконоборцевъ. Такъ какъ во время гоненій на святыя иконы главными защитниками ихъ являлись иноки, то Константинъ Копронимъ приказывалъ жечь монастыри, а православнымъ инокамъ разбивать головы тѣми самыми иконами, на защиту коихъ они выступали, или же предавалъ ихъ инымъ жестокимъ казнямъ. Воины, исполнявшіе волю нечестиваго царя, видя твердость православныхъ и многія знаменія отъ поругаемыхъ иконъ, часто изъ гонителей обращались въ православныхъ и становились ревностными чтителями святыхъ иконъ. За это ярость мучителя обращалась на нихъ, и имъ приходилось претерпѣвать жестокія казни, мученія и самую смерть.

[2]) *Дафна*—предмѣстье въ Константинополѣ.



День двадцать девятый

ПАМЯТЬ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АКАКІЯ СИНАЙСКАГО

Блаженный Іоаннъ Лѣствичникъ [1]) пишетъ въ книгѣ своей о преподобномъ Акакіи такъ: «Великій Іоаннъ Савваитъ [2]) разсказалъ мнѣ происшествіе истинное и повѣствованіе достойное.

Былъ одинъ старецъ, очень лѣнивый и по характеру злой; говорю, не осуждая его, но съ цѣлью показать терпѣніе святаго, и вотъ что разскажу вамъ. Тотъ старецъ имѣлъ молодого ученика, по имени Акакія, простого нравомъ и цѣломудреннаго умомъ, который такъ много зла терпѣлъ отъ того старца, что многимъ даже покажется это невѣроятнымъ, ибо старецъ не только укорами и безчестіемъ досаждалъ ему, но и

Прп҃бный
А҃ка҃кій

1) *Іоаннъ Лѣствичникъ* — происхожденія неизвѣстнаго, 20-ти лѣтъ принялъ иночество, послѣдніе четыре года своей жизни былъ игуменомъ Синайской обители; скончался 80-ти лѣтнимъ старцемъ въ концѣ VI вѣка; память его—30 марта.

2) *Св. Іоаннъ Савваитъ* (*Молчальникъ*) родился въ половинѣ V столѣтія. Занималъ епископскую каѳедру въ одной изъ армянскихъ церквей съ 482 по 491 г., послѣднюю часть жизни провелъ въ пещерѣ. Память его—3 декабря и 30 марта.

всякій день мучилъ его тѣлесными истязаніями. Однако терпѣніе его было не напрасно, потому что Акакій своей безропотной выносливостью и незлобивымъ страданіемъ снискалъ себѣ благодать Божію, освобождающую его отъ вѣчнаго мученія. Я же (говоритъ Іоаннъ Савваитъ къ Іоанну Лѣствичнику), видя каждый день его такимъ, какъ будто онъ купленный рабъ или плѣнникъ и терпитъ крайнюю бѣду, нарочно встрѣчалъ его и спрашивалъ:

— Что ты, братъ Акакій? Какъ проводишь нынѣшній день?

Онъ же отвѣчалъ:

— Какъ передъ Господомъ Богомъ,—такъ мнѣ хорошо.—И показывалъ мнѣ иногда посинѣвшіе глаза, иногда шею, а то голову въ ранахъ. Зная, что онъ поступаетъ добродѣтельно, я говорилъ ему:

— Хорошо, хорошо, терпи, братъ, чтобы достигнуть спасенія тебѣ.

Въ такомъ положеніи блаженный Акакій оставался у того строгаго старца девять лѣтъ и, проболѣвъ немного предъ кончиной, отошелъ ко Господу[1]). Когда онъ былъ погребенъ въ семейномъ склепѣ, то, спустя пять дней, старецъ отправился къ одному жившему тамъ великому отцу и сказалъ ему:

— Отче, братъ Акакій, ученикъ мой, умеръ.

Отецъ, услышавъ это, сказалъ:

— Не вѣрю тебѣ, старче, потому что Акакій не умеръ.

Старецъ сказалъ:

— Отче, если не вѣришь мнѣ, то пойди самъ и осмотри гробъ его.

Тогда преподобный отецъ поспѣшно всталъ, пошелъ со старцемъ въ гробницу блаженнаго страдальца и громко воскликнулъ надъ гробомъ Акакія, обращаясь къ нему какъ къ живому:

— Братъ Акакій, умеръ ли ты?

Благоразумный послушникъ, обнаруживая послушаніе и по смерти, отвѣтилъ:

— Не умеръ, отче, ибо тому, кто обязался творить послушаніе, невозможно умереть.

Когда старецъ, у коего жилъ Акакій, услыхалъ это, то испугался и упалъ со слезами на землю; потомъ попросилъ у игумена келлію возлѣ его гроба и, затворившись въ ней, прожилъ еще благочестиво, заботясь о спасеніи души, и, послѣ многихъ подвиговъ, отошелъ ко Господу Богу, Которому слава во вѣки. Аминь.

[1]) Скончался въ первой половинѣ VI вѣка.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПАРАМОНА

Ст҃ый мч҃нкъ
Парамѡ́нъ

Въ царствованіе нечестиваго царя Декія[1]) былъ на Востокѣ князь Аквилинъ, сильно преслѣдовавшій христіанъ. Однажды собралъ онъ въ темницу христіанъ, числомъ триста семьдесятъ, и, отправляясь на Валсайтійскія теплыя воды[2]), приказалъ вести съ собою и мучениковъ; намѣреваясь проходить мимо идольскаго храма Посейдона[3]), онъ хотѣлъ принудить ихъ къ принесенію идольской жертвы. Достигнувъ капища, онъ долго принуждалъ святыхъ принести жертву идолу лживаго бога Посейдона, но не могъ склонить ихъ ни лаской, ни угрозами. Въ это время случилось проходить мимо одному благочестивому мужу, по имени Парамону, по вѣрѣ христіанину. Увидавъ такое множество святыхъ мучениковъ, осужденныхъ на смерть, онъ сталъ передъ капищемъ идола и громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— О, какъ много праведниковъ нечестивый князь убиваетъ невинно за то, что они не кланяются бездушнымъ и нѣмымъ идоламъ!

Сказавъ это во всеуслышаніе, онъ пошелъ своей дорогой. Князь же, услыхавъ тѣ слова Парамона, возгорѣлся яростію и приказалъ своимъ слугамъ тотчасъ же догнать его и убить. Нечестивые слуги нечестивѣйшаго князя догнали блаженнаго Пара-

---

1) *Декій*—Римскій императоръ съ 249 по 251 г.

2) Валсайтійскія воды, при устьѣ рѣки Тимбра, находятся въ Виѳинской области.

3) *Посейдонъ*, у Римлянъ *Нептунъ*,—языческій богъ морей и водныхъ источниковъ.

мона, который не зналъ этого распоряженія и шелъ своей дорогой, и взяли его. Сначала они извлекли изо рта его языкъ, который обличилъ и укорилъ мучителя, и искололи его; затѣмъ изранили всѣ члены его и, наконецъ, пронзили тѣло копьями. Такъ святый мученикъ Парамонъ предалъ свою благочестивую душу въ руцѣ Божіи.

Въ тотъ же часъ и святые вышеуказанные мученики, числомъ триста семьдесятъ, были убиты мечами предъ капищемъ Посейдона за вѣру Христову.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ФИЛУМЕНА

Святый мученикъ Филуменъ жилъ въ царствованіе царя Авреліана [1]), въ Ликаоніи [2]), занимаясь продажей жита въ Галатіи, въ городѣ Анкирѣ [3]). Святый Филуменъ былъ оклеветанъ предъ правителемъ области Феликсомъ, предъ которымъ онъ исповѣдалъ себя христіаниномъ, за что былъ повѣшенъ, строганъ и затѣмъ вверженъ въ огонь, откуда благодатію Божіею вышелъ невредимымъ. Послѣ этого ему вбили въ голову, руки и ноги гвозди и влекли его 30 поприщъ [4]), отъ чего святой, изнемогши, предалъ духъ свой Богу [5]).

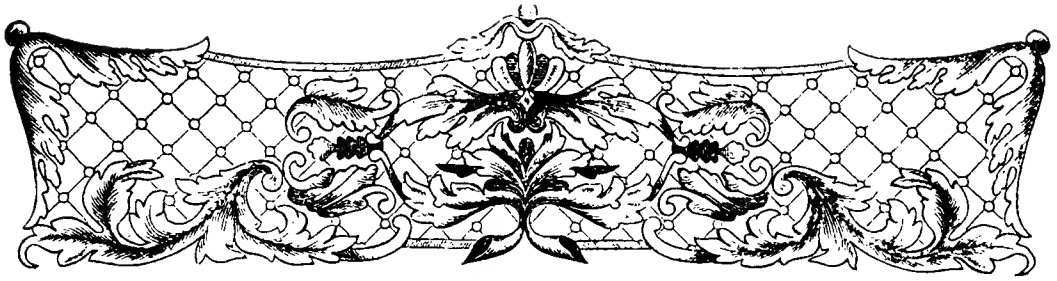
[1]) *Авреліанъ Домицій* царствовалъ съ 270 по 275.

[2]) *Ликаонія* — древняя страна Малой Азіи. Съ 25 г. до Р. Хр. страна эта вошла въ составъ римской провинціи Галатіи. Столицею ея былъ первоначально фригійскій городъ Иконіонъ (нын. Конія).

[3]) *Анкира* — одинъ изъ городовъ Галатійской провинціи.

[4]) *Поприще* — мѣра разстояній на ристалищѣ, гдѣ состязались въ бѣгѣ. Одно поприще равнялось нашимъ 690 саженямъ. Слѣдовательно, 30 поприщъ — болѣе 40 верстъ.

[5]) Кончина *св. муч. Филумена* послѣдовала около 274 г.



День тридцатый

ПОДВИГИ и СТРАДАНІЯ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННАГО

Святый Андрей, Первозванный Апостолъ Христовъ, сынъ одного еврея по имени Іона, братъ святаго верховнаго Апостола Петра, былъ родомъ изъ города Виѳсаиды[1]). Презирая суету сего міра и предпочитая дѣвство супружеству, онъ не пожелалъ вступать въ бракъ, но, услыша, что святый Предтеча Іоаннъ проповѣдуетъ на Іорданѣ[2]) покаяніе, оставилъ все, пошелъ къ нему и сдѣлался его ученикомъ. Когда святый Предтеча, указывая на проходившаго мимо Іисуса Христа, произнесъ: «сѐ а҃гнецъ бж҃їй»[3]), святый Андрей вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ Предтечи, котораго считаютъ за Евангелиста Іоанна, оставилъ Крестителя и послѣдовалъ за Христомъ. Онъ нашелъ брата своего Симона (Петра) и сказалъ ему: «Мы нашли Мессію, именуемаго Христа», и

---

1) *Виѳсаида*—городъ на сѣв.-западномъ берегу Тиверіадскаго озера, родина святыхъ Апостоловъ: Петра, Андрея и Филиппа; его нужно отличать отъ Виѳсаиды Юліи, на сѣв.-вост. берегу, близъ которой было совершено чудо насыщенія 5 тысячъ 5-ю хлѣбами (Еваиг. отъ Лук., гл. 9, ст. 10).

2) *Іорданъ*—главная рѣка въ Св. Землѣ, протекающая вдоль ея, съ сѣвера на югъ; она беретъ свое начало въ отрогахъ Ливанскихъ и Антиливанскихъ горъ и впадаетъ въ Мертвое море.

3) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 36. Наименованіе Іисуса Христа Агнцемъ Божіимъ указывало на то, что Онъ воплотился для принесенія Себя въ жертву за родъ человѣческій.

привелъ его къ Іисусу[1]). Послѣ сего, когда онъ ловилъ вмѣстѣ съ Петромъ рыбу на берегу Галилейскаго моря[2]) и Іисусъ воззвалъ къ нимъ, говоря: «идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ»[3]),—тогда Андрей, тотчасъ оставивъ, по зову Господню, сѣти, пошелъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Петромъ за Христомъ[4]). Андрей былъ названъ Первозваннымъ, потому что прежде всѣхъ Апостоловъ сдѣлался послѣдователемъ и ученикомъ Іисуса Христа. Когда же, послѣ вольныхъ страданій Господа, по воскресеніи Его, святый Андрей принялъ, какъ и прочіе Апостолы, Духа Святаго, сшедшаго на него въ видѣ огненнаго языка[5]), и когда были раздѣляемы страны, ему достались по жребію страны Виѳинійскія[6]) и Пропонтидскія[7]), съ Халкидономъ[8]) и Византіею[9]), Ѳракіею[10]) и Македоніей[11]), простирающіяся до самаго Чернаго моря[12]) и Дуная[13]), а также—Ѳессалія[14]), Еллада[15]), Ахаія[16]), Аминтинъ[17]),

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 41—42.

2) *Галилейское море,* или *озеро,* называлось иначе *Геннисаретскимъ,* или *Тиверіадскимъ;* оно находится въ сѣверной части Палестины (въ Галилеѣ), имѣетъ въ длину около 30 в., въ ширину около 8 в., чрезъ него протекаетъ р. Іорданъ.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 19.

4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 20.

5) Кн. Дѣян. Ап., гл. 2, ст. 3.

6) *Виѳинія*—страна, лежавшая по берегамъ Чернаго моря, Босфора и Константинопольскаго пролива. Съ 75 г. до Р. Хр. она вошла въ составъ Римской имперіи и раздѣлилась на двѣ провинціи съ главными городами: Бруссой (въ древ. Прузіада) и Никомидіей.

7) Т. е.—страны, лежавшія по берегамъ Мраморнаго моря.

8) *Халкидонъ*—городъ на азіатскомъ берегу Константинопольскаго пролива, ближе къ Мраморному морю.

9) *Византія*—близъ входа въ Константинопольскій проливъ, на Европейскомъ берегу. Съ 330 г. императоръ святый Константинъ Великій сдѣлалъ этотъ городъ столицей своего царства и далъ ему свое имя (Константинополь). Нынѣ—столица Турціи.

10) *Ѳракіей* называлась часть Балканскаго полуострова къ сѣверу отъ Македоніи, Эгейскаго моря (Архипелагъ) и Мраморнаго, гдѣ нынѣ слѣдующія земли: восточная часть Венгріи, Трансильванія, Бессарабія, Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія и восточныя части Румеліи.

11) Страна къ юго-западу отъ Ѳракіи, по сѣверо-западному берегу Эгейскаго моря.

12) Часть Средиземнаго моря—между Балканскимъ полуостровомъ и Кавказскимъ перешейкомъ, южнымъ краемъ Россіи и сѣвернымъ берегомъ Малоазійскаго полуострова.

13) Одна изъ величайшихъ рѣкъ въ Европѣ, беретъ начало въ Средней части Европы, затѣмъ протекаетъ чрезъ Австрію и по сѣверной границѣ Балканскаго полуострова, съ запада на востокъ, и впадаетъ въ Черное море.

14) *Ѳессалія*—страна на западномъ берегу Эгейскаго моря, отдѣлявшаяся на сѣверѣ отъ Македоніи цѣпью Олимпійскихъ горъ.

15) *Еллада* находилась въ южной части Балканскаго полуострова, соединяющейся съ нимъ Коринѳскимъ перешейкомъ (нынѣ—Морея); на западѣ граничила съ Іоническимъ моремъ, на востокѣ—съ Ахаіей и Аркадіей.

16) *Ахаія*—страна по южному берегу Коринѳскаго залива.

17) Имѣя въ виду мѣстоположеніе называемыхъ далѣе городовъ, нужно думать, что здѣсь разумѣется *Аминсъ,* или *Амисъ,* на южномъ берегу Чернаго моря, въ провинціи Понтъ, между устьями рѣкъ Галиса и Ириса; нынѣ онъ называется Самсуиъ.

Трапезунтъ[1]), Ираклія[2]) и Амастрида[3]). Святый Андрей прошелъ эти города и страны, проповѣдуя Христову вѣру, и въ каждомъ городѣ принялъ много скорбей и страданій; подкрѣпляемый всесильной помощію Божіей, онъ терпѣлъ всѣ бѣдствія за Христа съ услажденіемъ. Болѣе всего онъ претерпѣлъ мученій въ городѣ, называемомъ Синопъ[4]): здѣсь его бросали на землю и, взявъ за руки и ноги, таскали, били полѣньями, бросали въ него камнями, вырывали у него пальцы и зубы; но онъ, благодатію своего Спасителя и Учителя, снова оказался здоровымъ и цѣлымъ отъ ранъ. Отправившись оттуда, онъ проходилъ иныя страны: Неокесарію[5]), Самосаты[6]), Аланы[7]), страны Абасковъ[8]), Зиговъ[9]), Босфориновъ[10]). Потомъ онъ

Ст҃ы́й а҆п҃лъ
а҆ндре́й первозва́нный

---

1) Городъ въ провинціи Понтъ, лежавшей по южному берегу Чернаго моря, между Пафлагоніей и Арменіей. *Трапезунтъ* находился при морѣ, значительно восточнѣе Амиса.

2) Было нѣсколько городовъ съ этимъ именемъ въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь нужно разумѣть *Ираклію* на южномъ берегу Чернаго моря, нѣсколько западнѣе упоминаемой далѣе Амастриды.

3) Городъ въ Пафлагоніи, лежавшей по южному берегу Чернаго моря, между Понтомъ и Виѳиніей, *Амастрида*—иначе *Амастрисъ*.

4) Городъ, входившій первоначально въ составъ Пафлагоніи, потомъ Понта; онъ лежалъ на южномъ берегу Чернаго моря, на узкомъ перешейкѣ, который соединяетъ съ берегомъ образуемый здѣсь моремъ небольшой полуостровъ.

5) Городъ въ Понтѣ, гдѣ родился и около 240 г. былъ первымъ епископомъ св. Григорій Чудотворецъ.

6) *Самосаты*, иначе: *Семисатъ*, *Симасатъ*,—сирійскій городъ при р. Евфратѣ, въ верхней части ея.

7) *Аланы*—страна, населенная сарматскимъ народомъ того же имени, находившаяся въ нынѣшнемъ сѣверномъ Кавказѣ, между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, ближе къ послѣднему.

8) *Абаски*—племя, жившее на западъ отъ алановъ, ближе къ Черному морю, и сообщившее названіе нынѣшней Абхазіи.

9) *Зиги* жили по берегу Чернаго моря, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ абасками, къ сѣверу отъ нихъ.

10) Здѣсь нужно разумѣть *Босфорское царство*, на нынѣшнемъ Таврическомъ полуостровѣ, близъ Босфора Кимерійскаго (нынѣ Керченскій проливъ).

отплылъ во Ѳракійскій городъ Византію[1]), гдѣ онъ первый проповѣдалъ Христа и, научивъ многихъ, поставилъ пресвитеровъ Церкви; во епископа Византіи онъ рукоположилъ Стахія, о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ Посланіи къ Римлянамъ[2]). Самъ же онъ, подъемля въ благовѣствованіи Христовомъ апостольскіе болѣзни и труды, обходилъ Понтъ[3]), побережье Чернаго моря, Скиѳію[4]) и Херсонитовъ[5]). По промышленію Божію, онъ дошелъ до рѣки Днѣпра[6]), въ Русской странѣ[7]), и, приставъ къ Кіевскимъ горамъ[8]), остановился на ночлегъ. Вставъ поутру отъ сна, онъ сказалъ бывшимъ при немъ ученикамъ:

— Вѣрьте мнѣ, что на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія; великій городъ будетъ здѣсь, и Господь воздвигнетъ тамъ много церквей и просвѣтитъ Святымъ Крещеніемъ всю Русскую землю.

Взойдя на горы, святый благословилъ ихъ и водрузилъ Крестъ, предвозвѣщая принятіе народомъ, обитавшимъ здѣсь, вѣры отъ своей Апостольской каѳедры, основанной въ Византіи[9]). Пройдя и выше лежавшіе русскіе города, — гдѣ расположенъ нынѣ великій Новгородъ[10]),—посѣтивъ еще и Римъ[11]), онъ возвратился въ греческую страну Эпиръ[12]) и снова пришелъ во Ѳракію, утверждая христіанъ и поставляя имъ епископовъ и наставниковъ. Пройдя многія страны, онъ достигъ Пелопоннеса[13]) и, войдя въ Ахайскій

---

1) Т. е.—переплылъ чрезъ Черное море къ Ѳракійскому Босфору, гдѣ находилась Византія (см. стр. 808, прим. 9-е).

2) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 9.

3) См. прим. 1-е на стр. 809. При Неронѣ (въ I в.) Понтъ былъ обращенъ въ римскую провинцію и раздѣленъ на три части: Галатійскій, Полемонійскій и Каппадокійскій.

4) *Скиѳіей* назывались земли, лежавшія частію на Югѣ теперешней Россіи, частію вокругъ Каспійскаго моря. Точныя границы Скиѳіи на сѣверѣ и востокѣ были неизвѣстны древнимъ.

5) Наименованіе *Херсонесъ* прилагалось въ древности ко многимъ мѣстамъ. Здѣсь нужно разумѣть народы, населявшіе *Таврическій Херсонесъ* (нынѣшній Крымъ).

6) Протекаетъ по Югу теперешней Россіи (Украине.—*Ред.*) и впадаетъ въ Черное море.

7) Это наименованіе, происшедшее отъ славянскаго племени *Русь*.

8) Т. е.—поднялся вверхъ по Днѣпру до нѣкотораго гористаго мѣста, на которомъ потомъ возникъ городъ Кіевъ.

9) Пророчество это исполнилось: Русскіе приняли Крещеніе отъ Грековъ и просвѣщены были церковными учителями, присланными изъ Константинополя.

10) Одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, на р. Волховѣ. Указывается предѣлъ движенія Апостола на сѣверъ отъ Кіева.

11) Столица древняго Римскаго царства и нынѣшняго Итальянскаго королевства, при р. Тибрѣ.

12) *Эпиръ* —греческая область по берегу Іоническаго моря, простиравшаяся на востокъ отъ горной цѣпи Пинда.

13) Нынѣшняя *Морея*, соединяющаяся съ Балканскимъ полуостровомъ Коринескимъ перешейкомъ.

городъ, по имени Патры[1]), остановился у одного почетнаго мужа, по имени Сосія; онъ возставилъ его съ одра болѣзни и послѣ того обратилъ ко Христу весь этотъ городъ Патры. Въ то же время увѣровала во Христа и жена мѣстнаго правителя Егеата Антипата, по имени Максимилла, освободившись отъ тяжелыхъ оковъ недуга и получивъ скорое исцѣленіе. И мудрый Стратоклій, братъ Антипатовъ, и многіе иные, одержимые различными недугами, выздоровѣли чрезъ возложеніе рукъ Апостола. Тогда Егеатъ Антипатъ пришелъ въ бѣшенство и, схвативъ святаго Апостола, пригвоздилъ его ко кресту, о чемъ пресвитеры и діаконы Ахайской страны написали такъ:

«Мы, всѣ пресвитеры и діаконы церквей Ахаіи, пишемъ о страданіи святаго Апостола Андрея, которое видѣли своими очами, всѣмъ Церквамъ,—которыя находятся на Востокѣ и на Западѣ, на Югѣ и на Сѣверѣ. Миръ вамъ и всѣмъ вѣрующимъ во Единаго Бога, въ Троицѣ совершеннаго, Истиннаго Отца Нерожденнаго, Истиннаго Сына Рожденнаго, Истиннаго Духа Святаго, исходящаго отъ Отца и почившаго на Сынѣ; этой вѣрѣ мы научились отъ святаго Андрея, Апостола Іисуса Христа, страданіе котораго, непосредственно нами видѣнное, мы и описываемъ.

Егеатъ Антипатъ, придя въ городъ Патры, началъ принуждать вѣрующихъ во Христа приносить жертвы идоламъ. Святый Андрей, зайдя ему на пути впередъ, сказалъ:

— Тебѣ, судьѣ людей, слѣдовало бы познать своего Судію, сущаго на Небесахъ, и, познавъ, поклониться Ему, поклонившись же Истинному Богу, слѣдовало бы отвращаться отъ ложныхъ боговъ.

Егеатъ сказалъ ему:

— Ты ли тотъ самый Андрей, который разрушаетъ храмы боговъ и склоняетъ людей къ той, появившейся недавно волшебной вѣрѣ, которую римскіе цари повелѣли истребить?

Святый Апостолъ Андрей отвѣчалъ:

— Римскіе цари не познали того, что Сынъ Божій, снизойдя на землю ради спасенія рода человѣческаго, съ ясностію показалъ, что эти идолы не только не боги, но—нечистые бѣсы, враждебные человѣческому роду, которые научаютъ людей прогнѣвлять Бога и отвращать Его отъ себя, чтобы Онъ не слышалъ ихъ. Когда же Богъ, прогнѣвавшись, отвратится отъ людей, тогда бѣсы плѣ-

---

1) Иначе *Патрасъ* —городъ при входѣ въ Коринѳскій заливъ.

няютъ ихъ въ порабощеніе себѣ и до тѣхъ поръ обольщаютъ ихъ, пока души ихъ не выйдутъ изъ тѣла обнаженными[1]), не имѣя съ собою ничего другого, кромѣ грѣховъ своихъ.

Егеатъ сказалъ:

— Когда вашъ Іисусъ проповѣдывалъ эти бабьи и пустыя слова, Іудеи пригвоздили Его ко кресту.

Андрей отвѣчалъ:

— О, если бы ты захотѣлъ познать Таинство Креста: какъ Создатель человѣческаго рода, по Своей любви къ намъ, добровольно претерпѣлъ страданія на Крестѣ, потому что Онъ и о времени Своихъ страданій зналъ, и о тридневномъ Своемъ воскресеніи пророчествовалъ, и, сидя съ нами на послѣдней вечери, возвѣстилъ о Своемъ предателѣ, говоря о будущемъ, какъ о прошедшемъ, и добровольно пошелъ на то мѣсто, на которомъ имѣлъ быть преданъ въ руки Іудеевъ.

— Удивляюсь тебѣ,—возразилъ Егеатъ,—что ты, будучи человѣкомъ мудрымъ, слѣдуешь за Тѣмъ, Кого исповѣдуешь распятымъ на крестѣ—все равно какимъ образомъ: добровольно или невольно[2]).

Апостолъ отвѣчалъ:

— Велико Таинство Креста,—и если ты хочешь слышать, я скажу тебѣ.

— Это—не таинство, но казнь злодѣевъ, — возразилъ Егеатъ.

Святый Андрей отвѣчалъ:

— Эта казнь—тайна человѣческаго обновленія, только благоволи терпѣливо выслушать меня.

— Выслушаю тебя терпѣливо,—сказалъ судья,—но если ты не сдѣлаешь того, что я приказываю, то понесешь на себѣ ту же Тайну Креста[3]).

Апостолъ на это отвѣчалъ:

— Если бы я боялся крестной казни, то никогда не славилъ бы Креста.

Егеатъ сказалъ:

— Какъ ты хвалишь Крестъ по безумію своему, такъ не боишься смерти—по дерзости.

---

1) Т. е.—неимѣющими за собой добрыхъ дѣлъ.

2) Казнь чрезъ распятіе считалась самою позорною; ей подвергались только рабы и вообще самые презрѣнные и преступные люди.

3) Т. е.—будешь распятъ.

Апостолъ отвѣчалъ:

— Не боюсь смерти не по дерзости, но по вѣрѣ, ибо честна смерть преподобныхъ[1]), для грѣшниковъ же смерть люта. Я хочу, чтобы ты выслушалъ, что я скажу о Таинствѣ Креста, и, познавъ истину, увѣровалъ; увѣровавъ же, обрѣлъ свою душу[2]).

Егеатъ сказалъ:

— Обрѣтаютъ[3]) то, что погибло[4]). Неужели моя душа погибла, что ты велишь обрѣсти ее вѣрою, не знаю—какою?

Святый Андрей отвѣчалъ:

— Это—то, чему ты могъ бы научиться отъ меня; я покажу тебѣ, въ чемъ погибель человѣческихъ душъ, чтобы ты могъ познать спасеніе ихъ, совершившееся чрезъ Крестъ. Первый человѣкъ ввелъ смерть чрезъ древо преступленія[5]), и нужно было для человѣческаго рода, чтобы смерть была уничтожена чрезъ древо страданія[6]). И какъ первый человѣкъ, введшій чрезъ древо преступленія смерть, былъ созданъ изъ чистой земли, такъ надлежало, чтобы отъ чистой Дѣвы родился Христосъ, совершенный человѣкъ, Который есть вмѣстѣ и Сынъ Божій, создавшій перваго человѣка,—дабы Онъ возвратилъ вновь вѣчную жизнь, потерянную всѣми людьми: и какъ первый человѣкъ согрѣшилъ, простерши къ древу познанія добра и зла руки, такъ для спасенія людей надлежало, чтобы Сынъ Божій простеръ на Крестѣ Свои руки за невоздержаніе человѣческихъ рукъ и за сладкую пищу отъ запрещеннаго древа вкусилъ горькой желчи[7]).

Егеатъ сказалъ на это:

— Говори эти рѣчи тѣмъ, которые станутъ слушать тебя. Если же ты не послушаешься моего повелѣнія и если не захочешь принести жертвы богамъ, то, избивъ палками, я распну тебя на Крестѣ, который ты прославляешь.

---

1) Т. е.—людей праведныхъ, угодившихъ Богу.

2) Т. е.—спасеніе душевное. Образъ рѣчи заимствованъ изъ Еванг. отъ Мате., гл. **16**, ст. 25—26.

3) Иначе: находятъ.

4) Иначе: потеряно, пропало.

5) Разумѣется древо познанія добра и зла (Кн. Быт., гл. **2**, ст. 16—17); называется оно такъ потому, что, вкусивъ отъ запрещенныхъ Богомъ плодовъ этого дерева, человѣкъ совершилъ преступленіе.

6) Разумѣется древо крестное, на которомъ Христосъ пострадалъ и умеръ, *смертію* (Своею) *смерть поправъ*.

7) Сокъ одного растенія, чрезвычайно горькій на вкусъ и производящій одуряющее дѣйствіе. Желчь, смѣшанную съ уксусомъ, во исполненіе пророчества (Пс. **68**, ст. 22), давали пить распятому на Крестѣ Господу (Еванг. отъ Мате., гл. **27**, ст. 34—48).

Андрей отвѣчалъ:

— Я каждый день приношу Единому, Истинному и Всесильному Богу не дымъ кадила, не мясо воловъ, не кровь козловъ, но непорочнаго Агнца, принесеннаго въ жертву на алтарѣ крестномъ[1]). Всѣ вѣрующіе люди причащаются Его Пречистаго Тѣла и вкушаютъ Кровь Его, однако Сей Агнецъ пребываетъ цѣлымъ и живымъ, хотя и истинно закалается; истинно вкушаютъ всѣ Его Плоть и пьютъ Его Кровь,—однако, какъ говорю, Онъ всегда пребываетъ цѣлымъ, непорочнымъ и живымъ.

Егеатъ сказалъ:

— Какъ это можетъ быть?

Андрей отвѣчалъ:

— Если хочешь узнать, будь ученикомъ,—чтобы научиться тому, о чемъ спрашиваешь.

Егеатъ сказалъ:

— Я выпытаю у тебя это ученіе муками.

Апостолъ отвѣчалъ:

— Удивляюсь я тому, что ты, будучи человѣкомъ мудрымъ, говоришь—какъ безсмысленный, ибо можешь ли узнать отъ меня тайны Божіи, испытывая чрезъ мученія? Ты слышалъ о Таинствѣ Креста, слышалъ и о Таинствѣ Жертвы. Если увѣруешь, что Христосъ, Сынъ Божій, распятый Іудеями, есть Истинный Богъ, то я раскрою тебѣ, какъ Онъ, будучи умерщвленъ, живетъ и, какъ будучи принесенъ въ жертву и вкушаемъ, пребываетъ цѣлымъ во Царствіи Своемъ.

Егеатъ сказалъ:

— Если Онъ умерщвленъ и, какъ ты говоришь, употребленъ людьми въ пищу, то—какъ же Онъ можетъ быть живымъ и цѣлымъ?

— Если будешь вѣровать всѣмъ своимъ сердцемъ,—отвѣчалъ Апостолъ,—то можешь уразумѣть сію тайну; если же не увѣруешь, то никогда не постигнешь сей тайны.

Тогда Егеатъ, разгнѣвавшись, повелѣлъ бросить Апостола въ темницу.

Когда святый былъ ввергнутъ въ темницу, къ нему собралось изъ всей той страны много народу, который хотѣлъ убить Егеата,

---

1) Т. е.—на *Жертвенникѣ*, основанномъ по силѣ искупительныхъ крестныхъ страданій Господа.

Андрея же освободить изъ темницы. Но святый Апостолъ удержалъ ихъ, вразумляя и говоря:

— Не превращайте мира Господа нашего Іисуса Христа въ діавольскій мятежъ; ибо Господь нашъ, будучи преданъ на смерть, показалъ всякое терпѣніе, не прекословилъ, не вопіялъ, и не было слышно на улицахъ гласа Его; посему и вы молчите и будьте спокойны. Не только не дѣлайте препятствій моему мученичеству, но сами, какъ добрые подвижники и воины Христовы, приготовляйтесь къ тому, чтобы терпѣливо понести на своемъ тѣлѣ всевозможныя истязанія и раны. Если и нужно бояться мукъ, то—только такихъ, которыя не имѣютъ конца[1]), устрашенія же и угрозы человѣческія — подобны дыму: явившись, они внезапно исчезаютъ. И если бояться страданій, то надлежитъ бояться—тѣхъ, которыя начинаются съ тѣмъ, чтобы никогда не имѣть конца[2]). Временныя же страданія, если они незначительны, переносятся легко; если же они велики, то скоро, удаливъ изъ тѣла душу, сами окончатся. Но люты тѣ страданія, которыя вѣчны. Посему будьте готовы къ тому, чтобы чрезъ временныя скорби перейти къ вѣчной радости, гдѣ будете веселиться, всегда процвѣтать и всегда царствовать со Христомъ.

Поучая такъ людей, святый Андрей провелъ всю ночь. Поутру Егеатъ Антипатъ сѣлъ на судилищѣ; пославъ, онъ призвалъ къ себѣ святаго Андрея и сказалъ ему:

— Рѣшился ли ты оставить безуміе и не проповѣдывать Христа, чтобы могъ веселиться съ нами въ сей жизни, ибо великое безуміе въ томъ, чтобы добровольно идти на мученія и огонь?

Святый отвѣчалъ:

— Веселиться съ тобой я буду въ состояніи, когда ты увѣруешь во Христа и отвергнешь идоловъ, ибо Христосъ послалъ меня въ эту страну, въ которой я немало пріобрѣлъ Ему людей.

Егеатъ сказалъ:

— Я принуждаю тебя къ жертвамъ для того, чтобы обольщенные тобою оставили суету твоего ученія и принесли угодныя богамъ жертвы, ибо нѣтъ города въ Ахаіи, въ которомъ бы не опустѣли храмы боговъ; посему теперь нужно, чтобы чрезъ тебя

---

1) Т. е.—осужденія на Страшномъ Судѣ.

2) Т. е.—вѣчныхъ осужденій грѣшниковъ въ аду.

честь ихъ была возстановлена,—чтобы тѣ, которые тобою прогнѣваны, тобою же были умолены, чтобы и самому тебѣ пребыть съ нами въ дружеской любви. Если же—нѣтъ, то за безчестіе ихъ ты примешь различныя мученія и будешь повѣшенъ на Крестѣ, который ты прославляешь.

Святый Андрей отвѣчалъ на это:

— Слушай, сынъ смерти, обреченный на вѣчныя муки, послушай меня, слугу Господня и Апостола Іисуса Христа! До сихъ поръ я бесѣдовалъ съ тобой кротко, желая научить тебя святой вѣрѣ, чтобы ты, какъ имѣющій разумъ, позналъ истину и, отвергши идоловъ, поклонился живущему на Небесахъ Богу. Но такъ какъ ты пребываешь въ своемъ безстыдствѣ и думаешь, что я боюсь твоихъ мученій, то изобрѣти противъ меня мученія самыя тяжкія, какія знаешь, ибо тѣмъ угоднѣе я буду Царю моему, чѣмъ болѣе тяжкія претерплю за Него мученія.

Тогда Егеатъ повелѣлъ растянуть его и бить. И когда бьющіе его смѣнились, по трое, семь разъ, святый былъ поднятъ и приведенъ къ судьѣ.

Судья сказалъ ему:

— Послушай меня, Андрей, и не проливай понапрасну своей крови, ибо, если не послушаешь меня, то распну тебя на крестѣ.

Святый Андрей отвѣчалъ:

— Я—рабъ Креста Христова и желаю крестной смерти. Ты же можешь избѣжать вѣчнаго мученія, если, испытавъ мое терпѣніе, увѣруешь во Христа, ибо я печалюсь о твоей погибели болѣе, чѣмъ о своихъ страданіяхъ: страданія мои окончатся въ одинъ, много—въ два дня, твои же мученія и послѣ тысячи лѣтъ не будутъ имѣть конца; посему, не пріумножай себѣ мученій и не распаляй для себя вѣчнаго огня.

Разгнѣванный Егеатъ повелѣлъ распять святаго Андрея на Крестѣ, привязавъ ему руки и ноги: ибо онъ не хотѣлъ прибить его гвоздями, чтобы онъ не умеръ въ скоромъ времени и, вися привязаннымъ, принялъ больше мученій.

Когда слуги мучителя вели его на распятіе, собрался народъ, восклицая:

— Въ чемъ согрѣшилъ человѣкъ праведный и другъ Божій, за что его ведутъ на распятіе?

Андрей же умолялъ народъ, чтобы онъ не дѣлалъ препятствій страданію его, и шелъ на мученія съ веселіемъ, не переставая

учить. Когда онъ пришелъ на мѣсто, гдѣ имѣлъ быть распятымъ, то, издалека увидѣвъ приготовленный для него крестъ, воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Радуйся, Крестъ, освященный Христовою плотію и украшенный членами Его, какъ маргаритами[1])! Пока не былъ распятъ на тебѣ Господь, страшенъ ты былъ для людей, теперь же тебя любятъ и съ желаніемъ принимаютъ, ибо вѣрующіе знаютъ, какое ты заключаешь въ себѣ веселіе и какое уготовано за тебя воздаяніе. Съ дерзновеніемъ и радостію я иду къ тебѣ, ты же прими меня съ веселіемъ, ибо я—ученикъ Того, Который былъ повѣшенъ на тебѣ. Прими меня, такъ какъ я всегда любилъ и желалъ обнять тебя, о Честный Крестъ, получившій отъ членовъ Господнихъ красоту и славное украшеніе, издавна желанный, горячо любимый, котораго я непрестанно искалъ. Возьми меня изъ среды людей и отдай меня моему Учителю, чтобы чрезъ тебя принялъ меня Тотъ, Который искупилъ меня тобою.

Говоря это, онъ снималъ съ себя одежды и отдавалъ ихъ мучителямъ. Они подняли его на крестъ, привязавъ руки и ноги веревками, распяли и повѣсили. Вокругъ него стояло множество народа, около двадцати тысячъ; между ними былъ и братъ Егеата, по имени Стратоклій, который восклицалъ вмѣстѣ съ народомъ:

— Несправедливо страдаетъ такъ святый мужъ!

Святый же Андрей укрѣплялъ вѣровавшихъ во Христа и убѣждалъ ихъ терпѣть временныя мученія, уча, что никакое мученіе ничего не стоитъ въ сравненіи съ имѣющимъ быть за него воздаяніемъ.

Потомъ весь народъ пошелъ къ дому Егеата, восклицая и говоря:

— Не дòлжно такъ страдать человѣку святому, честному, учителю доброму, благонравному, кроткому и премудрому, но дòлжно снять его со Креста, ибо онъ, вися второй день на Крестѣ, не перестаетъ учить правдѣ.

Тогда Егеатъ, убоявшись народа, тотчасъ пошелъ съ ними, чтобы снять Андрея со Креста. Андрей, увидѣвъ Егеата, сказалъ:

— Зачѣмъ пришелъ ты, Егеатъ? Если хочешь увѣровать во Христа, то откроется тебѣ, какъ я обѣщалъ, дверь благодати. Если же ты пришелъ только для того, чтобы снять меня со Креста,

---

[1]) Смыслъ сравненія въ томъ, что маргариты—очень красивые цвѣты.

то я не желаю, пока живъ, быть снятымъ со Креста, ибо я уже вижу моего Царя, уже поклоняюсь Ему, уже стою передъ Нимъ, но страдаю за тебя, потому что тебя ожидаетъ уготованная тебѣ вѣчная погибель. Позаботься о себѣ, пока можешь,—чтобы не захотѣлось тебѣ начинать[1]) тогда, когда будешь уже не въ силахъ.

Когда слуги хотѣли отвязать его отъ Креста, то не могли прикоснуться къ нему; множество и другихъ людей, одни за другими, старались отвязать его, однако не могли, потому что руки ихъ приходили въ омертвеніе. Послѣ сего святый Андрей воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Господи Іисусе Христе! Не попусти мнѣ быть снятымъ со Креста, на которомъ я повѣшенъ за Имя Твое, но пріими меня, Учитель мой, Котораго я возлюбилъ, Котораго я позналъ, Котораго исповѣдую, Котораго желаю видѣть, чрезъ Котораго я сталъ тѣмъ, что есмь! Господи Іисусе Христе, пріими духъ мой съ миромъ, ибо время уже мнѣ придти къ Тебѣ и зрѣть Тебя, такъ сильно желаемаго мною! Пріими меня, Учитель Благій, и не ранѣе повели мнѣ быть сняту со Креста, какъ пріимешь духъ мой!

Когда онъ говорилъ это, его осіялъ свѣтъ съ неба, какъ молнія, на виду у всѣхъ, и блисталъ вокругъ его,—такъ что для тлѣннаго человѣческаго ока невозможно было смотрѣть на него. Этотъ небесный свѣтъ сіялъ вокругъ него съ полчаса, и когда свѣтъ отступилъ, святый Апостолъ испустилъ духъ и отошелъ въ блистаніяхъ свѣта, чтобы предстать Господу. Вѣровавшая во Христа Максимилла, женщина знатнаго происхожденія, цѣломудренной и святой жизни, узнавъ, что святый Андрей отошелъ къ Господу, сняла съ великою честію тѣло его и, помазавъ драгоцѣнными ароматами, положила его въ своемъ гробѣ, въ которомъ имѣла быть похоронена сама. Егеатъ, разгнѣвавшись на народъ, замышлялъ отмстить ему и открыто казнить возставшихъ на него, Максимиллу же онъ хотѣлъ оклеветать предъ царемъ. Когда онъ помышлялъ объ этомъ, внезапно напалъ на него бѣсъ, и, мучимый имъ, Егеатъ умеръ посреди города. Когда сообщили объ этомъ его брату Стратоклію, вѣровавшему во Христа, тотъ повелѣлъ

---

[1]) Т. е.—обращеніе ко Христу; когда будешь не въ силахъ—предъ самою смертію, при наступленіи смерти.

предать его погребенію, самъ же не искалъ ничего изъ имѣній его, говоря:

— Не дай мнѣ, Господи мой Іисусе Христе, чтобы я прикоснулся къ чему-либо изъ сокровищъ моего брата, чтобы не оскверниться грѣхомъ его, ибо онъ, любя суетное имущество, осмѣлился умертвить Апостола Господня.

Это было въ послѣдній день ноября, въ Ахаіи, въ городѣ Патры,—гдѣ до сихъ поръ, по молитвамъ Апостола, подаются людямъ многія благодѣянія. Страхъ былъ на всѣхъ, и не было никого, кто не вѣровалъ бы въ Спасителя нашего Бога, хотящаго всѣхъ спасти и привести въ познаніе Истины[1]), Которому слава во вѣки вѣковъ, аминь.»

По прошествіи многихъ лѣтъ мощи сего святаго Апостола Андрея были принесены мученикомъ Артеміемъ въ Константинополь, по повелѣнію великаго царя Константина[2]), и положены вмѣстѣ со святымъ Евангелистомъ Лукою и со святымъ Тимоѳеемъ, ученикомъ святаго Апостола Павла, въ пресвѣтломъ апостольскомъ храмѣ, внутри Священнаго Жертвенника.

Молитвами Апостола Твоего, Христе Боже, вѣрныхъ Своихъ въ Православіи утверди, и спаси насъ. Аминь.

Похвальное слово святому апостолу Андрею Первозванному

святаго Іоанна Златоустаго

Крѣпка сѣть апостольскаго ловленія[3]), дивна память Андрея и дивно воспоминаніе сѣти, которую онъ употребилъ для ловленія и для привлеченія народовъ ко Христовой вѣрѣ. Ибо неводъ, какимъ пользовались сіи безсмертные мертвецы, никогда не можетъ быть прорванъ забвеніемъ. Не придутъ со временемъ въ ветхость тѣ орудія ловли, которыя содѣланы не человѣческимъ искусствомъ, но Божіею благодатію. Хотя сами рыбари и ушли отъ насъ, однако орудія, какими они пользовались, или неводъ, которымъ

---

1) Выраженіе заимствовано изъ 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 2, ст. 4.

2) Разумѣется св. *Константинъ Великій* (324—357 гг.), впервые сдѣлавшій христіанство господствующей вѣрой въ Римской имперіи.

3) Подъ *ловленіемъ* разумѣется привлеченіе свв. Апостолами людей къ вѣрѣ во Христа.

охватили самый міръ, никогда не приходили въ ветхость. Когда они забрасываютъ и вытаскиваютъ сѣть, то бываютъ невидимыми, однако сѣти ихъ оказываются полны. Не трость они взяли[1]), которая тлѣетъ отъ времени, не льняныя нитки, сгнивающія отъ ветхости, погрузили они въ воду. Не крючокъ сдѣлали они, который съѣдаетъ ржавчина, не пищу[2]) они положили на крючокъ, которою могли бы уловлять рыбъ. Не на камнѣ они сидѣли[3]), къ которому прикасаются воды, не въ лодкѣ, которую разбиваетъ волненіе, они плыли. Не рыбъ, естество неразумное, они уловили; но какъ дивно то искусство, которое они употребили, такъ и орудія ихъ были новы и необыкновенны. Ибо вмѣсто трости они употребляютъ проповѣдь, вмѣсто лесы—память, вмѣсто крючка—силу[4]), вмѣсто приманки—чудеса, вмѣсто камня—Небеса, съ которыхъ они производятъ такую ловлю; вмѣсто лодки у нихъ—алтарь, вмѣсто рыбъ они уловляютъ и самихъ царей, вмѣсто невода распространяютъ Евангеліе; вмѣсто искусства они прилагаютъ Божественную благодать; вмѣсто моря они управляютъ человѣческой жизнію; вмѣсто сѣти они привыкли пользоваться Крестомъ, какъ какимъ-либо неводомъ.

И кто видѣлъ когда-либо, чтобы мертвые рыбари уловляли живыхъ людей, какъ рыбъ? О великая сила Распятаго! О высочайшая красота Божественнаго достоинства! Ничего не можетъ быть въ жизни такого, какъ высота апостольской благодати. Человѣческая жизнь видѣла много поистинѣ дивнаго и превышающаго разумъ; ибо видѣла пролитую кровь вопіющую, и убійство, говорящее безъ языка, и естество, раздѣлившееся, по зависти, съ собою[5]), видѣла брата, причиняющаго смерть единоутробному брату, и дверь смерти, открытую чрезъ язву зависти. Видѣла этотъ ковчегъ Ноя непогруженнымъ во время потопа міра и погибель человѣческаго рода. Видѣла старца, вооружившагося, по вѣрѣ, противъ своей утробы, т. е. сына, и того, который не былъ

---

1) Подъ *тростію* здѣсь нужно разумѣть удилище.

2) *Пища* —приманка, надѣваемая на крючокъ при уженіи рыбы (червь, насѣкомое, кусочекъ хлѣба и т. п.).

3) Рыболовъ съ удочкой садится обыкновенно на какомъ-нибудь камнѣ, на берегу рѣки, близъ воды.

4) Т. е.—благодатную.

5) Т. е.—возставшее противъ самого себя (образъ рѣчи заимствованъ изъ Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 25—26). Здѣсь разумѣется убіеніе Каиномъ брата своего Авеля по зависти (Кн. Быт., гл. 4); въ братоубійствѣ человѣческая природа совершила преступленіе противъ самой себя.

умерщвленъ,—приносимаго какъ бы въ жертву[1]). Видѣла благословеніе, полученное чрезъ кражу[2]), и борьбу Создателя Бога съ рабомъ[3]). Видѣла зависть, возникшую между братьями[4]), и рабство, исходатайствовавшее царство[5]). Видѣла приготовленный чрезъ сновидѣнія престолъ[6]) и предателей брата, привлеченныхъ голодомъ[7]). Видѣла жезлъ, творящій чудеса[8]), и купину, покрытую огнемъ, какъ росой[9]). Видѣла законодателя Моисея, повелѣвающаго стихіями[10]). Видѣла воды, сдѣланныя твердыми подобно камню, глубокое море—обнаженнымъ, путь—внезапно приготовленнымъ[11]) и столпъ облачный днемъ, огненный ночью, дарованный въ вожди для множества людей[12]). Видѣла жезлъ, прозябшій безъ земли[13]). Видѣла манну, вмѣсто хлѣба ниспосылаемую съ Неба[14]). Видѣла солнце, остановленное человѣческою молитвою, какъ бы нѣкоторою уздою[15]), и зачатіе пророка, испрошенное молитвами неплодной[16]). Видѣла горсть муки, которая была больше житницъ, и кувшинъ елея, который былъ обильнѣе источниковъ[17]).

---

1) Разумѣется подвигъ вѣры Авраама—принесеніе имъ, по слову Божію, въ жертву своего сына Исаака (Кн. Быт., гл. 22).

2) Разумѣется благословеніе первенства, принадлежавшее по рожденію Исаву, но полученное, при посредствѣ обмана, Іаковомъ (Кн. Быт., гл. 27).

3) Разумѣется явленіе Бога патріарху Іакову въ видѣ Таинственнаго Борца, для ободренія его въ виду предстоящей встрѣчи съ братомъ Исавомъ (Кн. Быт., гл. 32, ст. 24—32).

4) Разумѣется зависть къ Іосифу старшихъ братьевъ его изъ-за преимущественной любви къ нему отца (Кн. Быт., гл. 37, ст. 4 и дал.).

5) Разумѣется пребываніе Іосифа въ Египетскомъ рабствѣ, въ концѣ котораго онъ возвысился до званія высшаго царедворца—перваго, послѣ фараона, лица въ царствѣ (Кн. Быт., гл. 39—41).

6) Іосифъ возвысился въ Египтѣ чрезъ истолкованіе, по особому откровенію Божію, сновъ фараона (Кн. Быт., гл. 41).

7) Братья Іосифа приходили въ Египетъ изъ земли Ханаанской для покупки хлѣба (Кн. Быт., гл. 42 и 43).

8) Жезлъ Моисея, который, особою силою Божіею, то обращался въ змія, то возвращался къ прежнему виду (Кн. Исх., гл. 4, ст. 1—5).

9) *Купина*—терновый кустъ.

10) Разумѣются казни Египетскія (Кн. Исх., гл. 7—12).

11) Разумѣется чудесный переходъ Евреевъ чрезъ Чермное море (Кн. Исх., гл. 14).

12) Столпъ огненный и облачный, шедшій впереди Евреевъ во время ихъ странствованія, указывалъ имъ путь (Кн. Исх., гл. 13, ст. 21—22).

13) Жезлъ Аарона, чудесно прозябшій въ скиніи въ одну ночь, въ знакъ Богоучрежденности священства Аарона (Кн. Числ., гл. 17).

14) Кн. Исх., гл. 16.

15) Молитвою Іисуса Навина, желавшаго удлинить день для окончательнаго пораженія Хананеевъ (Кн. Іис. Нав., гл. 10).

16) Зачатіе прор. Самуила (Самуилъ означ. «испрошенный у Бога») по молитвамъ безплодной ранѣе его матери Анны (1 Кн. Царствъ, гл. 1).

17) У Сарептской вдовицы, по слову прор. Иліи (3 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 10—16).

Видѣла колесницу, носимую на воздухѣ, и пророка, восхищаемаго (на ней)[1]. Видѣла потомъ, что кости мертваго были врачевствомъ для жизни[2].—Жизнь человѣческая видѣла много такого великаго и удивительнаго; но то миновало, какъ трава, и угасло, какъ свѣтильникъ при восходѣ солнца. Никогда не было ничего такого, каковы были Апостолы. Они, будучи служителями Божія Слова[3], имѣли общеніе съ воплощеннымъ Тѣмъ, Кто какъ Богъ не имѣетъ образа[4]. Они послѣдовали за ходящимъ Тѣмъ, Кто вездѣсущъ[5]. Возлежали вмѣстѣ съ Тѣмъ, Кто не вмѣщается никакимъ мѣстомъ. Слышали голосъ Того, Кто сотворилъ Словомъ все[6]. Они обняли языкомъ, какъ бы нѣкоторымъ неводомъ, самый міръ. Они обошли во время своихъ путешествій концы земнаго круга. Они искоренили заблужденія — какъ куколь[7], порубили капища[8]—какъ какое-нибудь терніе, истребили идоловъ — какъ дикихъ звѣрей, прогнали демоновъ — какъ волковъ. Они соединили Церковь—какъ нѣкоторое стадо, собрали православныхъ — какъ пшеницу. Они исторгли ереси — какъ плевелы, изсушили жидовство — какъ траву, греческія изваянія пожгли огнемъ—какъ какія-либо растенія. Они воздѣлали человѣческую природу Крестомъ—какъ плугомъ, и посѣяли Слово Божіе—какъ нѣкоторое сѣмя. Наконецъ, всѣ ихъ дѣйствія просіяли какъ нѣкоторыя звѣзды. Посему Господь ясно сказалъ имъ: вы̀ є҆стѐ свѣ́тъ мі́рꙋ[9]. Ибо востокъ для человѣка христіанина — Тотъ, Кто родился отъ Дѣвы. Утро для него—Тотъ, Кто положилъ начало Крещенію. Сіяніе—благодать распятаго Христа. Лучи—сіи

---

1) Разумѣется взятіе прор. Иліи въ огненной колесницѣ живымъ на Небо (4 Кн. Царствъ, гл. 2).

2) Разумѣется воскресеніе мертвеца чрезъ прикосновеніе къ костямъ умершаго ранѣе прор. Елисея (4 Кн. Царствъ, гл. 13, ст. 20—21).

3) Такъ называется въ Св. Писаніи Іисусъ Христосъ (Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 1—14; Апок., гл. 19, ст. 13. Еванг. отъ Іоан., гл. 5, ст. 7). Основаніе такого наименованія главнымъ образомъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ сказалъ людямъ волю Божію (Еванг. отъ Іоан., гл. 15, ст. 15).

4) Т. е.—съ Іисусомъ Христомъ, Божественная природа Котораго непостижима и неизобразима.

5) По Божеству.

6) См. Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 3. Псал. 32, ст. 6.

7) Сорная трава, встрѣчающаяся на окраинахъ полей и между хлѣбными растеніями (Кн. Іов., гл. 31, ст. 40).

8) *Капищами* назывались собственно языческіе храмы, гдѣ стояли идолы. Но такъ какъ язычники любили строить ихъ въ тѣнистыхъ рощахъ и лѣсахъ, то здѣсь ближайшимъ образомъ разумѣются эти священныя рощи.

9) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

предивные языки[1]). День—сей будущій вѣкъ. Полуденное время—то, въ которое Господь былъ на самомъ Крестѣ. Западъ—пребываніе во гробѣ. Вечеръ—сія кратковременная смерть. Сіяніе солнца—Воскресеніе изъ мертвыхъ. Вы ѐстѐ, сказалъ, свѣтъ міру. Смотри на сіи звѣзды и ужаснись сіянію ихъ. Посему воспоминаемый нынѣ Андрей, когда нашелъ Господа всѣхъ какъ нѣкоторое сокровище свѣта, восклицалъ, обращаясь къ своему брату Петру:

— Мы нашли Мессію.

О превосходство братней любви! О противообращеніе порядка!—Андрей послѣ Петра родился въ жизнь и первый привелъ Петра къ Евангелію, и—какъ уловилъ его: «мы нашли, сказалъ, Мессію». Отъ радости это было сказано, это было соединенное съ веселіемъ благовѣстіе о найденномъ предметѣ. «Мы нашли, сказалъ, сіе сокровище: избѣгай, Петръ, нищеты обрѣзанія[2]), освободись отъ раздранныхъ рубищъ Закона[3]), свергни съ себя иго письмени[4]), сочти это за нѣчто незначительное, пренебреги настоящимъ—какъ сновидѣніемъ и возгнушайся Виѳсаиды—какъ нѣкотораго дурнаго и отверженнаго мѣста. Оставь сѣть—какъ орудіе нищеты, лодку—какъ обиталище во время потопа, рыбную ловлю—какъ ремесло, подлежащее морскому волненію, рыбъ—какъ товаръ для чревоугодія, народъ іудейскій—какъ превозношеніе предъ Богомъ, Каіафу—какъ отца лукаваго сборища. Мы нашли Мессію, Котораго предвозвѣстили Пророки, Котораго Законъ провозгласилъ намъ своимъ ученіемъ, какъ нѣкоторою трубою. Мы нашли сокровище Закона. Избѣгай, Петръ, глада письменъ: мы нашли Мессію, Котораго изъ древности предъизобразили знаменія[5]), Котораго Михей видѣлъ на Престолѣ

---

1) Т. е.—возсіявшіе надъ Апостолами въ день св. Пятидесятницы (Кн. Дѣян. св. Апост., гл. 2).

2) Т. е.—помни, что ветхозавѣтное обрѣзаніе само по себѣ не можетъ дать спасенія человѣку.

3) *Рубища Закона* —ветхозавѣтный Законъ, изветшавшій съ пришествіемъ Христа, т. е. утратившій прежнее значеніе.

4) *Иго письмени* —т. е. постановленія и предписанія Закона Моисеева, представлявшія изъ себя тяжелое иго для человѣка, въ особенности—потому, что Законъ не давалъ ему никакихъ благодатныхъ силъ для исполненія ихъ, подобно тому какъ, напр., такія силы подаются въ христіанствѣ (2 Посл. Петр., гл. 1, ст. 3), называемомъ, посему, игомъ благимъ и бременемъ легкимъ (Еванг. отъ Мате., гл. 11, ст. 40). При такой тяжести ига писаннаго Закона онъ, однако, не давалъ человѣку радостнаго сознанія спасенія чрезъ него, не удовлетворялъ духовнаго глада человѣка (почему далѣе и говорится *о гладѣ письмени*).

5) Разумѣются ветхозавѣтные прообразы, съ большею или меньшею ясностію указывавшіе на Христа, наприм., принесеніе Авраамомъ Исаака въ жертву, явленіе Моисею Неопа-

Славы[1]), Котораго Исаія зрѣлъ на Серафимахъ[2]), Котораго Іезекіиль видѣлъ на Херувимахъ[3]), Котораго Даніилъ зрѣлъ на облакахъ[4]), Котораго Навуходоносоръ видѣлъ въ той печи[5]), Котораго Авраамъ принялъ въ шатеръ[6]), Котораго Іаковъ не отпустилъ, прежде чѣмъ не получилъ отъ Него благословенія[7]), Задняя Котораго Моисей видѣлъ на камнѣ[8])—Сего мы нашли, безначально рожденнаго и явившагося въ послѣдніе дни»[9]). О великое сокровище, полнота котораго не можетъ быть исчерпана! Это — богатства, не подлежащія законамъ вещества, существо которыхъ не знаетъ начала и самое нахожденіе которыхъ—ново. «Мы нашли Мессію, что значитъ: Христосъ». Много христовъ[10]), но всѣ они—смертные. Авраамъ былъ христосъ, но истлѣлъ во гробѣ; Исаакъ былъ также христосъ, но кости его лежатъ во гробѣ. Іаковъ былъ христосъ, но—смертный. И Моисей былъ христосъ, но былъ погребенъ,—въ какомъ мѣстѣ, не знаемъ. Подобно этому и Давидъ былъ христосъ, но всѣ они были добычею смерти, всѣ—плѣнниками смерти. Одинъ Христосъ—истинно по природѣ Богъ, но Который, по Своему милосердію къ людямъ, запечатлѣлъ Своимъ исхожденіемъ дѣвическое чрево, какъ нѣкоторою печатію, и сихъ рыбарей источниками Своихъ исцѣленій. Его есть держава, царство, слава и поклоненіе, съ непорочнымъ и единосущнымъ, того же существа, Отцемъ, и Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ, аминь.

лимой Купины, пасхальный Агнецъ, столпъ облачный и огненный, манна, прозябшій жезлъ Аарона, мѣдный змій, трехдневное пребываніе прор. Іоны во чревѣ китовомъ и т. п.

1) Кн. Прор. Мих., гл. 4, ст. 1—3.

2) Кн. Прор. Исаіи, гл. 6, ст. 1—3.

3) Кн. Прор. Іезек., гл. 1.

4) Кн. Прор. Дан., гл. 7, ст. 13—14.

5) Кн. Прор. Дан., гл. 3, ст. 92.

6) Кн. Быт., гл. 18.

7) Кн. Быт., гл. 32, ст. 24—32.

8) Моисей пожелалъ видѣть славу Божію. Но Господь сказалъ ему, что онъ не можетъ видѣть Лица Божія; затѣмъ поставилъ его въ разсѣлинѣ скалы, покрывъ Пророка десницей Своею, и, когда прошелъ мимо, отнялъ ее; и Моисей увидѣлъ *задняя Божія*, т. е.—увидѣлъ Бога подъ какимъ-либо внѣшнимъ образомъ или символомъ (Кн. Исх., гл. 33, ст. 18—23 и дал.).

9) Обычное въ Ветхомъ Завѣтѣ обозначеніе времени пришествія Іисуса Христа (Кн. Числ., гл. 24, ст. 14; Кн. Исх., гл. 2, ст. 2; Кн. Прор. Мих., гл. 4, ст. 1 и мн. др.).

10) Слово *христосъ* употреблено здѣсь въ общемъ смыслѣ лица *помазаннаго*, т. е. призваннаго Богомъ къ особому служенію.

Тропа́рь а҆п҃ла, гла́съ д҃:

Ꙗ҆кѡ а҆п҃лѡвъ первозва́нный, и҆ верхо́внагѡ сꙋ́щїй бра́тъ, вл҃цѣ всѣ́хъ, а҆ндре́е, моли́сѧ, ми́ръ вселе́ннѣй дарова́ти, и҆ дꙋша́мъ на́шымъ ве́лїю мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Мꙋ́жества тезоимени́таго бг҃оглаго́льника, и҆ цр҃кве возслѣ́дователѧ верхо́внаго, петро́ва сро́дника восхва́лимъ, занѐ ꙗ҆́коже дре́вле семꙋ̀ и҆ ны́нѣ на́мъ воззва̀: прїиди́те: ѡ҆брѣто́хомъ жела́емаго.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ФРУМЕНТІЯ,

архіепископа Индійскаго

Въ концѣ царствованія Константина Великаго одинъ любознательный тирскій купецъ—христіанинъ, по имени Меропій, отправился путешествовать въ Индію[1]) и другія страны по берегамъ Чермнаго моря. У Меропія были два племянника: Фрументій и Едессій, которыхъ онъ взялъ съ собою, желая познакомить и сихъ юношей съ неизвѣстными имъ странами, иной природой, нравами и обычаями другихъ народовъ.

Когда они плыли по морю, то неблагопріятнымъ вѣтромъ и сильнымъ волненіемъ корабль ихъ прибило къ Еѳіопіи, населенной дикими варварами, которые и захватили въ плѣнъ путешественниковъ. Однихъ они убили, другихъ потопили въ морѣ. Самъ Меропій былъ убитъ, а его племянники Фрументій и Едессій оставлены были въ живыхъ и отправлены въ городъ Авксумъ, въ даръ царю

1) Подъ *Индіей* здѣсь разумѣются вообще страны, лежащія по берегамъ Чермнаго моря и Индійскаго океана. Подъ этимъ общимъ названіемъ разумѣлись: Еѳіопская, Арабская и Браминская Индія. Поэтому въ Прологѣ святый Фрументій названъ архіепископомъ Индійскимъ, будучи просвѣтителемъ Индіи собственно Еѳіопской, расположенной на югъ отъ Египта. Точнѣе это теперь *Нубія* и *Абиссинія*.

Еѳіопскому. Царю понравились оба юноши, и онъ пожелалъ оставить ихъ при дворѣ своемъ. По приказанію царскому для обученія юношей были приставлены особые надзиратели и учители съ тѣмъ, чтобы, послѣ обученія, юношамъ можно было дать должности при дворѣ.

Будучи съ дѣтскихъ лѣтъ просвѣщены Христовой вѣрой, Фрументій и Едессій быстро возвысились по уму и образованію предъ всѣми, окружавшими царя, и вскорѣ сдѣлались лицами сильными и вліятельными при дворѣ его.

Еще большей чести они удостоились по смерти царя, когда на престолъ Еѳіопіи вступилъ его малолѣтній сынъ Айзанъ. Въ воспитатели Айзана былъ избранъ Фрументій. Тогда Фрументій вмѣстѣ съ братомъ Едессіемъ, имѣя большое вліяніе на всю страну, могли свободно исповѣдывать свою вѣру. Въ то время завязали торговыя сношенія съ Еѳіопіей нѣкоторые римскіе и греческіе купцы, по большей части—христіане. Едессій и Фрументій знакомились съ пріѣзжавшими по торговымъ дѣламъ купцами и устраивали съ ними Богослужебныя собранія, для которыхъ они построили небольшую церковь. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Еѳіопляне мало-помалу знакомились отъ Фрументія и Едессія съ христіанскою вѣрою и усвояли понемногу истины христіанской вѣры и нравственности.

Между тѣмъ Айзанъ выросъ. Тогда Едессій и Фрументій стали просить царя отпустить ихъ на родину. Айзанъ, послѣ нѣкотораго колебанія, позволилъ имъ оставить Еѳіопію. Получивъ позволеніе, Фрументій и Едессій съ первымъ же кораблемъ отплыли въ Грецію. Едессій, прибывъ въ Грецію, отправился къ себѣ на родину, въ Тиръ, разыскивая своихъ родителей, чтобы съ ними уже болѣе не разлучаться до конца дней. Но не съ тѣмъ же намѣреніемъ оставлялъ Еѳіопію Фрументій. Онъ успѣлъ привязаться къ этой странѣ, которая, по устроенію Божію, стала его второю родиною. Онъ желалъ пламенно, чтобы страна эта сдѣлалась родственною ему и по вѣрѣ. Поэтому Фрументій предпочелъ радостямъ родственнаго свиданія высшую духовную радость, уневѣстивъ Христу новую Церковь Абиссинскую.

Вдохновляемый такими святыми мыслями, Фрументій направился вмѣсто Тира въ Александрію, гдѣ тогда былъ епископомъ святый Аѳанасій Великій, ревностный поборникъ Церкви Христовой. Придя къ святому Аѳанасію, Фрументій подробно разсказалъ ему

все, что пришлось испытать ему съ Едессіемъ въ Абиссинской странѣ, начиная съ чудеснаго Промышленія о нихъ въ плѣну у варваровъ, жестоко истребившихъ Меропія и остальныхъ съ ними христіанъ. Онъ объяснилъ великому святителю, что эти варвары послѣ уже не чуждались христіанъ и даже вникали въ ихъ жизнь и ученіе, и теперь легко могли бы быть просвѣщены свѣтомъ Христовой Истины. Для сего почва уже подготовлена и страна сія жаждетъ, чтобы явился сѣятель. Поэтому Фрументій горячо просилъ святителя теперь же послать въ Еѳіопію епископа и клиръ.

Ст҃ы́й
Фрꙋже́нтїй

Выслушавъ это повѣствованіе Фрументія, святый Аѳанасій уразумѣлъ въ судьбѣ сихъ братьевъ дивное Промышленіе Божіе ради обращенія ко Христу Еѳіоплянъ. При этомъ его озарила мысль, что лучше всего поставить епископомъ въ Еѳіопію самого Фрументія, успѣвшаго близко изучить нравы, обычаи и языкъ жителей той страны и заслужившаго тамъ почтеніе и любовь.

Тогда блаженный Аѳанасій сказалъ Фрументію:

— Кто же среди насъ лучше тебя можетъ разгнать мглу язычества и принести туда зарю божественнаго благовѣстія?

Послѣ этого Фрументій былъ рукоположенъ святымъ Аѳанасіемъ во епископа и съ апостольскою ревностію отправился вновь въ Еѳіопію просвѣщать язычниковъ. Прежде всего онъ сталъ убѣждать самого царя Айзана принять Святое Крещеніе. Молодой царь, привыкшій пользоваться совѣтами Фрументія и въ глубинѣ души склонный принять вѣру своего учителя, съ сердечной вѣрой внималъ проповѣди его о Воскресшемъ и крестился во Имя Христово. За нимъ крестились и многіе изъ приближенныхъ царя. Господь удостоилъ сего равноапостольнаго угодника Своего дара чудотворенія; святый Фрументій силою Имени Христова

исцѣлялъ бѣсноватыхъ и одержимыхъ различными недугами. А тѣхъ, которые своими мудрованіями отрицали Христово ученіе и не хотѣли вѣрить благовѣстію святаго Фрументія, онъ предавалъ власти сатаны, да дꙋхъ спасе́тсѧ, по Апостолу[1]), иныхъ же изъ упорствующихъ поражалъ сухотою всего тѣла, а на другихъ наводилъ ослѣпленіе очей. При такихъ внезапныхъ грозныхъ знаменіяхъ, происходившихъ по слову угодника Божія, даже упорные изъ язычниковъ преклонялись предъ нимъ и, исповѣдуя Христа Сына Божія, получали отъ Фрументія исцѣленіе и были крещены.

Народъ удивлялся силѣ благовѣстія проповѣдника, и самъ царь невольно воскликнулъ:

— Сколько лѣтъ ты съ нами жилъ, и мы не видали отъ тебя никакого чуда! Откуда же теперь дана такая благодать и притомъ въ короткое время!?

Блаженный же Фрументій отвѣчалъ на это царю и всѣмъ окружавшимъ и близко знавшимъ его:

— Не мой это даръ, честные други Христовы, но даръ священства отъ Самого Господа Христа. Уже давно я видѣлъ ваше доброе намѣреніе и расположеніе къ принятію Христа. Поэтому, оставивъ свое отечество и пренебрегая родствомъ, я, повинуясь Гласу Господню, отправился въ Александрію и повѣдалъ о вашей жаждѣ духовной самому Великому Аѳанасію, священноначальнику Церкви Александрійской. Онъ удостоилъ меня святаго рукоположенія и, просвѣтивъ апостольскою благодатію, съ молитвою и благословеніемъ послалъ къ вамъ. Сей-то священный даръ Божій, чрезъ меня, совершаетъ среди васъ, принявшихъ съ вѣрою Слово благовѣстія, тѣ знаменія, кои вы видите.

Положивъ, такимъ образомъ, начало Церкви Христовой въ Еѳіопіи, святый Фрументій сталъ ревностно заботиться о внѣшнемъ и внутреннемъ ея благоустройствѣ. Онъ созидалъ по всей странѣ храмы для новообращенныхъ и повсюду устроялъ Богослуженіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ озаботился переводомъ Священнаго Писанія на языкъ еѳіопскій.

Послѣ этого проповѣдь Евангелія распространялась въ Еѳіопіи еще успѣшнѣе.

---

[1]) Т. е. церковному отлученію (1 Посл. къ Коринѳ., гл. 5, ст. 5).

И такъ немалые годы пожилъ богоугодно святый Фрументій, утверждая вѣрующихъ своимъ примѣромъ и словомъ въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ, послѣ чего мирно отошелъ ко Господу, около 360 года, оставивъ церковь Еѳіопскую прочно устроенною[1]). Отъ честныхъ мощей святителя неоскудѣваемо подавались различныя исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою и мольбою прибѣгавшимъ къ нему, во славу Истиннаго Христа Бога нашего. Аминь.

1) Нынѣшняя *Абиссинія*, составляя часть древней *Еѳіопіи* является такимъ образомъ преемницей вѣры Христіанской, принесенной туда святымъ Фрументіемъ. Абиссинская Церковь находилась въ тѣсной связи съ Церковію Александрійскою, Патріарху которой подчиненъ былъ Абиссинскій епископъ. Поэтому во время аріанскихъ смутъ и споровъ она, вѣрная преданіямъ святаго Аѳанасія Великаго, оставалась Православною, несмотря на то, что, приверженный къ аріанскому ученію, императоръ Констанцій употреблялъ различныя средства для распространенія аріанства среди абиссинцевъ. Но вслѣдствіе той же связи съ Церковію Александрійскою Абиссинская Церковь, въ V вѣкѣ, вмѣстѣ съ нею уклонилась въ монофизитскую ересь, во всемъ остальномъ вѣроученіи и Богослуженіи оставаясь вѣрною православному ученію.

АЛФАВИТЪ СВЯТЫХЪ,

коихъ житія и памяти помѣщены въ сей книгѣ

Имена святыхъ	дни	стр.
Авдій* пророкъ	19	493
Авениръ* царь	19	497
Авивъ* мученикъ	15	412
Авктъ мученикъ	7	143
Агавва преподобный	22	619
Агапій мученикъ	3	53
Аза мученикъ	19	551
Аиоалъ* мученикъ	3	32
Акакій* преподобный	29	803
Акепсимъ преподобный	3	52
Акепсимъ* мученикъ	3	32
Акиндинъ* мученикъ	2	15
Александръ мученикъ	9	189
Александръ Невскій	23	658
Алипій* Столпникъ	26	723
Алфей мученикъ	18	492
Амфилохій* Иконійскій	23	620
Апатолій* мученикъ	20	568
Андрей* Апостолъ	30	807
Анемподистъ* мученикъ	2	15
Антонинъ мученикъ	7	142
Антонинъ мученикъ	13	371
Антоній мученикъ	9	189
Апфія* святая	22	610
Архиппъ* апостолъ	22	610
Аттикъ мученикъ	3	53
Афоній* мученикъ	2	15
Ахія пророкъ	12	307
Валеріанъ* мученикъ	22	599
Варлаамъ* мученикъ	19	533
Варлаамъ Печерскій	19	546
Варлаамъ* преподобный	19	497
Варлаамъ* Хутынскій	6	122
Варулъ* мученикъ	18	488
Викентій* мученикъ	11	222
Викторъ* мученикъ	11	217
Гаій* апостолъ	5	108
Галактіонъ* преподобномученикъ	5	81
Германъ* Казанскій	6	125
Германъ мученикъ	13	371
Григорій* Акрагантійскій	23	626
Григорій* Александрійскій	5	112
Григорій* Декаполитъ	20	554
Григорій* Неокесарійскій	17	444
Григорій* Палама	14	386
Гурій* мученикъ	15	412
Даміанъ* безсребренникъ	1	5
Дасій мученикъ	1	10
Дасій мученикъ	20	579
Димитрій мученикъ	15	434
Евдоксій мученикъ	3	53
Евстаѳій* мученикъ	20	568
Евстолія преподобная	9	187
Евстохій мученикъ	15	433
Екатерина* великомученица	24	659
Елпидифоръ* мученикъ	2	15
Елпидій мученикъ	15	433
Епистима* преподобномученица	5	81
Ерастъ апостолъ	10	200
Ермей мученикъ	4	76
Ерминингельдъ мученикъ	1	11
Ермъ* апостолъ	5	108
Закхей мученикъ	18	492
Иліодоръ мученикъ	19	552
Ипатій священномученикъ	20	581
Иринархъ мученикъ	28	801
Исаакій священномученикъ	20	581
Истукарій мученикъ	3	53
Іаковъ отшельникъ	26	731
Іаковъ* Персянинъ	27	735
Іаковъ* Ростовскій	27	748
Іаковъ священномученикъ	1	14
Іеронъ* мученикъ	7	135
Іоанникій* Великій	4	54
Іоаннъ* Златоустый	13	310
Іоаннъ Коловъ	9	181
Іоаннъ* Милостивый	12	281
Іоаннъ Ростовскій	12	308
Іоаннъ священномученикъ	1	14
Іоаннъ священномученикъ	20	581
Іоасафъ* преподобный	19	497
Іона* архіеписк. Новгородскій	5	95
Іосифъ* мученикъ	3	32
Іосифъ священномученикъ	20	580
Іуліанія мученица	1	13
Касинія мученица	7	142
Катерій мученикъ	3	53
Кесарій мученикъ	1	10
Кикилія* мученица	22	599

*) Звѣздочка, поставленная около имени святаго, означаетъ, что въ книгѣ помѣщено его изображеніе.

Имена святыхъ	дни	стр.
Киріена мученица	1	13
Климентъ * Римскій	25	700
Косма * безсребренникъ	1	5
Куартъ * апостолъ	10	200
Лазарь преподобный	7	144
Лазарь прп. писецъ	17	478
Линъ * апостолъ	5	108
Лука преподобный	6	133
Максимъ * мученикъ	22	599
Максимъ * юродивый	11	279
Манеоа мученица	13	371
Маркеллъ мученикъ	15	433
Маркіанъ преподобный	2	30
Мастридія преподобная	24	698
Матрона * преподобная	9	156
Матѳей * Евангелистъ	16	435
Меласипъ	7	142
Менигнъ мученикъ	22	617
Меркурій * великомученикъ	24	681
Меркурій * Смоленскій	24	692
Милій священномученикъ	10	197
Мина * великомученикъ	11	205
Митрофанъ Воронежскій	23	658
Михаилъ воинъ	22	613
Михаилъ кн. Тверской	22	619
Никандръ мученикъ	4	76
Никифоръ мученикъ	13	371
Никонъ * Радонежскій	17	464
Никтополіонъ мученикъ	3	53
Нилъ * постникъ	12	304
Нирса священномученикъ	20	580
Олимпъ * апостолъ	10	200
Онисифоръ мученикъ	9	187
Орестъ * мученикъ	10	191
Павелъ исповѣдникъ	6	113
Пактовій мученикъ	3	53
Парамонъ * мученикъ	29	805
Патровъ * апостолъ	5	108
Петръ * Александрійскій	25	715
Петръ молчальникъ	25	722
Пигасій * мученикъ	2	15
Платонъ * мученикъ	18	480
Порфирій мученикъ	9	187
Проклъ * патріархъ	20	563
Прокопій мученикъ	22	616
Родіонъ * апостолъ	10	200
Романъ * мученикъ	18	488
Романъ преподобный	27	747
Саверій священномученикъ	20	581
Самонъ * мученикъ	15	412
Симонъ Сойгинскій	24	696
Симонъ Юрьевецкій	4	77
Сисиній мученикъ	23	657
Снандулія * преподобная	3	32
Сосипатра преподобная	9	187
Сосипатръ * апостолъ	10	200
Стефанида * мученица	11	217
Стефанъ Дечанскій	11	261
Стефанъ * Новый	28	751
Тавріонъ мученикъ	7	143
Тивуртій мученикъ	22	593
Филимонъ * апостолъ	22	610
Филиппъ * апостолъ	14	372
Филиппъ Ирапскій	14	401
Филологъ * апостолъ	5	108
Филуменъ мученикъ	29	806
Фрументій * Индійскій	30	825
Юстиніанъ царь	14	409
Ѳеодора царица	14	409
Ѳеодоръ мученикъ	23	657
Ѳеодоръ * Ростовскій	28	793
Ѳеодоръ * Студитъ	11	229
Ѳеоктиста * преподобная	9	174
Ѳеспесій * мученикъ	20	551
Ѳессалоникія мученица	7	143

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ:

Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы *	21	585
Освященіе храма влмч. Георгія въ Кіевѣ	26	733
Освященіе храма влмч. Георгія въ Лиддѣ	3	51
Память святыхъ мучениковъ за иконы пострадавшихъ	28	802
Слово похвальное Ап. Андрею	30	819
Соборъ Архистратига Михаила и прочихъ Небесныхъ Силъ *	8	146

Редактирование, корректура
и составление дополнений
к новому изданию "Житій святыхъ" —
В. Осьмак

Подп. в печ. 22.05.02. Формат 70 x 108 1/16. Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 58,8. Усл. кр.-отт. 58,8. Уч.-изд. л. 39,2.
Тираж 5000 экз. Изд. № 22-111.
Издательство УАННП «Феникс». 03067, Киев-67, ул. Шутова, 13-б. Тел. 235-50-55.
Свидетельство ДК № 271 от 07.12.2000 г.